

Р.А. БЕСПАЛОВ

ИСТОРИЯ

НОВОСИЛЬСКО-ОДОЕВСКОЙ ЗЕМЛИ ДО НАЧАЛА XVI ВЕКА

**В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ**

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург

2021

УДК 94(47:474.5) «11/15»

ББК 63.3(2)43

Б534

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 21-19-00003, не подлежит продаже*

Рецензенты:

*А. А. Горский, д. и. п., проф., МГУ им. М. В. Ломоносова, гл. науч. сотр. ИРИ РАН;
М. М. Кром, д. и. п., проф., Европейский университет в Санкт-Петербурге*

Беспалов Р. А.

Б534 История Новосильско-Одоевской земли до начала XVI века в контексте международных отношений в Восточной Европе. — М.; СПб.: Нестор-История, 2021. — 652 с., илл., карты.

ISBN 978-5-4469-2025-9

Книга посвящена истории Новосильско-Одоевской земли с момента ее выделения из состава Черниговской земли до обретения статуса великого княжества, а затем до потери самостоятельности на рубеже XV–XVI вв. Предпринята попытка подробно рассмотреть факты повосильской истории в широком контексте событий, происходивших в верховьях Оки, а также в целом в Восточной Европе. Затрагиваются вопросы политической самостоятельности повосильских князей, их собственной исторической мотивации, их отношений с непосредственными соседями — местными князьями и иными служилыми землевладельцами, а также с соседними великими княжествами и Ордой. Вместе с тем освещаются отношения великих княжеств Московского, Литовского, Рязанского и Орды (после ее распада — Большой Орды и Крымского ханства), так или иначе связанные с Новосильско-Одоевской землей и с Верхним Поочьем в целом. Рассматриваются вехи истории региона, связанные с кризисными и переломными моментами церковной жизни. Тем самым открывается возможность полнее определить собственную роль повосильских князей в историческом процессе и обогатить имеющиеся представления об уже известных исторических событиях.

Для историков, изучающих русско-литовско-ордынские отношения XIV — начала XVI в., источниковедов, а также для краеведов региона Верхнего Поочья и широкого круга читателей, интересующихся русской историей.

УДК 94(47:474.5) «11/15»

ББК 63.3(2)43

ISBN 978-5-4469-2025-9

9 785446 920259

© Р. А. Беспалов, текст, карты, 2021

© Издательство «Нестор-История», 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В конце советской эпохи (время моего обучения в средней школе) о существовании в древности Новосильско-Одоевского княжества и его Белёвского удела белёвские жители могли узнать из краеведческих книжек Г. П. Андреева (1958 г.) и П. П. Тишина (1981 г.). Позже появилась публикация дипломной работы А. В. Шекова «Верховские княжества» (1993 г.). К тому времени в Белёве уже существовала подготовленная культурная среда любителей древностей. От своего зарождения до наших дней она то расцветала, то увядала, но никогда не иссякала вовсе и время от времени приносила новые плоды. На моей памяти к отдельным эпизодам местной средневековой истории обращался директор Белёвского краеведческого музея, писатель В. Я. Греков. В 2000 г. под руководством И. И. Некрасова было организовано Белёвское историко-географическое и филологическое общество. Его члены стали продолжателями белёвской историографической традиции, сформировавшейся в конце XVIII — начале XX в. трудами историков, тесно связанных с Белёвом: В. А. Лёвшина, И. Ф. Афремова, Н. А. Елагина, П. М. Мартынова, протоиерея М. Ф. Бурцева, а также их земляка, козельского по происхождению историка архимандрита Леонида (Кавелина). При поддержке Комитета образования администрации Белёвского района Общество проводило «Белёвские чтения», на которых среди прочего можно было услышать доклад о белёвских князьях козельского литератора и историка А. В. Евгина... На этом начальном этапе сложившаяся атмосфера и сотрудничество в Обществе с 2002 по 2006 г. возбудили во мне желание изучать историю Новосильско-Одоевской земли.

Считаю своим долгом поблагодарить всех, кто способствовал продвижению моей работы как прямо, так и косвенно. Отзывы М. М. Крома и А. В. Шекова о моих первых статьях позволили почувствовать уверенность в собственных силах. Ценный опыт был приобретен с участием в научных конференциях, среди которых особенно пужно выделить форумы музея-заповедника «Куликово Поле» и Калужского областного краеведческого музея. Особенно продуктивным было сотрудничество с В. Н. Темушевым (в 2005–2011 гг.) и с С. В. Полеховым (с 2008 г.). Конструктивные отзывы на мои выступления, публикации

и рукониси со стороны А. А. Горского, Б. Н. Флори, М. М. Крома, А. В. Шекова, В. Н. Темушева, С. В. Полехова, С. Н. Кистерева, А. В. Лаврентьева, О. И. Хоруженко, критика А. В. Кузьмина, а также советы А. Н. Кашеварова помогли существенно повысить научный уровень исследования. Искренне признателен С. В. Полехову, А. В. Казакову, А. Дубонису, О. Л. Новиковой, Е. Ю. Гагариной, Герасиму (Дьячкову), М. В. Моисееву, А. В. Дедуку и М. М. Бенцианову за предоставление для изучения копий некоторых архивных документов, фото музейных экспонатов и за помощь в их обнаружении. Также обязан множеству корреспондентов, предоставлявших сведения о пумизматических, сфрагистических и прочих находках с княжескими знаками черниговских Ольговичей, на основании которых мной были сделаны выводы о денежном обращении в регионе и о геральдике новосильских князей. Благодарю С. В. Зацаринного, А. Н. Наумова, И. Г. Бурцева, Г. А. Массалитину, А. Л. Грязнова за многолетнее деятельное участие в обсуждении частных, в том числе научных и организационных вопросов, также — иных коллег, о чем упомянуто далее. Особую благодарность выражаю тем, кто все это время оказывал мне неоценимую моральную поддержку.

ВВЕДЕНИЕ

Рассказать историю князей Одоевских в последовательном порядке, это дело будущего и венец усилий многих лет и притом на протяжении большого времени.

В. И. Ивановский (1898 г.)

§ 1. Историография

В XI–XIII вв. «землями» в административно-территориальном смысле назывались государственные образования. Изначально так именовалась Русская земля, которая делилась на крупные волости. Затем нрежные волости обособились и сами стали называться «землями»¹. Этот термин употреблялся и далее, в XIV–XV вв. Однако с середины XIV в. в связи с неределом территорий нрежных «земель» для обозначения государственных образований также стали использоваться термины «великое княжение» (в территориальном смысле), «великое княжество»².

Черниговская земля сформировалась в XI–XII вв. и еще в домонгольское время утратила Муромо-Рязанскую часть. В таком виде она была весьма неоднородной. В своей северо-восточной части включала в себя область расселения вятичей (черниговскую волость Вятичи). Первоначально вятичи имели своих правителей, свой жизненный и религиозный уклад. Лишь на рубеже XI–XII вв. власть в их волости перешла к черниговским Рюриковичам. Во второй половине XIII — XIV в. Черниговская земля распалась на ряд особых земель³, но при этом сохраняла некоторые элементы единства в нределах Чернигово-Брянской енархии до ее унразднения в начале XVI в. На данном этане нрежияя волость Вятичи оказалась разделенной между князьями черниговского дома, уже не имевшими непосредственного отношения к Чернигову.

Центральное место в данном исследовании будет отведено Новосильско-Одоевской земле. В исторической литературе ей соответствует название

¹ Горский А. А. Земли и волости // Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 9–32.

² Он же. От земель к великим княжениям: «Примыслы» русских князей второй половины XIII — XV в. М., 2010. С. 5–9.

³ Из-за крайней скудости источников, о черниговских «землях» впервые ставится известным только из известий конца XIV — начала XV в. Упоминаются «terra Severiensis» (ДАИ ОИР. № 212. С. 509), «Новосильская земля» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 477), «Елецкая земля» (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 535). Однако имеются признаки того, что они обособились гораздо раньше.

«Новосильско-Одоевское княжество», требующее, однако, пояснения. Еще на заре отечественной историографии «княжествами» или «княжениями» было принято называть все области со стольным (титulyным) городом, которые управлялись князьями. Использование этого термина создавало предпосылки для уравнивания статуса всех княжеских владений между собой. На самом же деле в исторических источниках владения князей Верхнего Поочья не называются «княжествами». Многие из них не были самостоятельными, а входили в состав более крупных образований. В настоящее время высказываются предложения отказаться от термина «княжество» там, где он неуместен⁴. Эта рекомендация была бы актуальной еще на первом этапе изучения истории Верхнего Поочья, но теперь осуществить ее в полной мере довольно сложно. Во-первых, термин «княжество» прочно вошел в историографию, он и впредь будет сохраняться при цитировании исторической литературы. Во-вторых, ему пока нет замены в тех случаях, когда в источниках прямо не указан статус тех или иных владений местных князей. Поэтому далее под термином «княжество» будем понимать обобщенное обозначение титульных княжеских владений, не раскрывающее их происхождение и статус.

Представления о том, что в Верхнем Поочье сформировались свои «земли», утвердились очень поздно. Лишь в недавнее время для устранения этого недоразумения в отношении Новосильско-Одоевской земли было использовано определение: «отдельное государственное образование»⁵. Оно не равнозначно позднесредневековому термину «государство». Действительно, в источниках Новосильско-Одоевская земля не называется «государством», а ее старшие князья не носили титул «государей». Вместе с тем в середине XVI в. польский король Сигизмунд-Август сопоставлял достоинство древних «великих князей новосильских» со статусом предков современных ему «московских государей»⁶. Должно быть, он исходил из понимания того, что иные «земли» и «великие княжения» были прообразом «государств». По своему статусу «землю» невозможно приравнять к «княжеству-уделу» (доле члена княжеского рода в родовом землевладении) и тем более к «ножалованиям», из которых тоже могли образовываться титульные княжения. Последние сродни западноевропейскому «феоду» (земельному наделу, который сюзерен жаловал князю-вассалу за несение службы). Кроме того, князь или его семейство могли становиться обладателями сложно-составного по своему происхождению землевладения. Чтобы охарактеризовать положение Новосильско-Одоевской земли более предметно, необходимо сравнить его со статусом известных верхнеокских «уделов» и «ножалований» (см. §§ 19, 22), а также с положением иных «земель», для чего хорошо подходит Рязанская земля, тоже некогда отделившаяся от Черниговской (см. §§ 14, 24).

⁴ Горский А. А. Русское средневековое общество. Историко-терминологический справочник. М., 2019. С. 176–177.

⁵ Шеков А. В. О системе наследования княжеских столов среди князей Новосильских в XIV–XV веках // Забелинские научные чтения — Год 2005-й. М., 2006. С. 265.

⁶ СИРИО. Т. 71. № 19. С. 507, 513.

К сожалению, за прошедшие XIX–XX столетия не сложилось такого научного центра, который бы специально и систематически занимался изучением истории северо-восточной части бывшей Черниговской земли до начала XVI в. Отсутствие достаточного количества специалистов делало невозможным ведение широкой научной полемики. В основном известные изыскания довольно разрознены и разобщены. В настоящем параграфе будет предпринята попытка их систематизации с целью выяснения отношения исследователей к роли Новосильско-Одоевской земли в отечественной истории.

I

На первом этапе изучения истории Верхнего Поочья значительное влияние на ее понимание в целом, видимо, оказывала Бархатная книга, опубликованная Н. И. Новиковым в 1787 г.⁷ В родословцах представлен перечень местных князей и их титулов, но без указания статуса их владений. На основании этой несовершенной схемы в умах любителей древностей стали формироваться взгляды о существовании в верховьях Оки множества равнозначных титульных «княжеств» и об их раздельной политической истории.

В начале XIX в. историки-краеведы⁸ Тульской и Калужской губерний были одними из первых, кто специально обратил внимание на историю Новосильско-Одоевского княжества. В 1807 г. деятель российского просвещения и белёвский историк В. А. Лёвшин в статье о городе Новосиле заметил, что «в древности область сия составляла особое княжение, в котором владывались удельные князья Новосильские»⁹. Он руководствовался общими трудами по истории России В. Н. Татищева, А. Я. Хилкова и М. М. Щербатова, но не ограничивался одними лишь цитатами, а высказывал вполне самостоятельные суждения. В. А. Лёвшин также имел представления о том, что в древности города Одоев и Белёв «надлежали» к областям Черниговского княжения, а назывались «Одоев составлял особое удельное княжение князей Одоевских». В свою очередь, из него выделилось «удельное княжение Белёвское»¹⁰. В духе историографии своего времени он предпологал отдельное друг от друга существование этих княжений.

⁷ Бархатная книга. Ч. 1; Ч. 2.

⁸ Многие из перечисленных далее так называемых краеведов (исследователей истории своего края) были профессиональными или полупрофессиональными историками и внесли заметный вклад в становление и развитие региональной историографии.

⁹ [Лёвшин В. А.] Историческое, статистическое и камеральное описание городов Тульской губернии // Политический, статистический и географический журнал, или Современная история света на 1807 год. Ч. II. Кн. I. С. 59; *Он же*. Топографическое описание Тульской губернии. 1803 год. Тула, 2006. С. 131.

¹⁰ [Он же.] Историческое, статистическое и камеральное описание городов Тульской губернии. Ч. II. Кн. II. С. 111–113, 118–127; *Он же*. Топографическое описание Тульской губернии. С. 148–149, 157–161. Серия статей 1807 г. с описанием истории городов Тульской губернии была напечатана без указания автора. В публикации 1851 г. И. П. Сахаров цитировал из них данные о белёвских походах старинных монет и присовокупил к ним более поздние данные, о которых «господин Покровский» сообщал Х. М. Фрепу в 1829 г. В итоге и авторство статей 1807 г.

Прежняя территория Воротынского удела Новосильско-Одоевского княжества в XIX в. относилась к Калужской губернии и изучалась калужскими краеведами. В 1826 г. была опубликована статья Е. Г. Зельницкой, составленная «из записок ночного родителя ее» Г. К. Зельницкого, нренодателя калужских учебных заведений и издателя естественно-научного журнала «Урания» (1804 г.). Исследовательнице была неизвестна литература, где было бы очерчено нространство Воротынского княжества (на тот момент таковой еще не существовало). Тем не менее на основании духовной грамоты Ивана III был сделан вывод о нринадлежности к Воротынскому княжеству Лагинска и Крайшина, а по нисцовым книгам онределено их местонахождение¹¹. Правда, административный центр Крайшина был локализован неверно, что впоследствии повлияло на мнение многих исследователей.

В трудах местных историков хорошо нрслеживается региональная на-правленность. Они нреимущественно занимались исследованиями в нределах своих губерний, делая ноньтки связать местную историю с историей всероссийской. При этом зачастую оставляли без внимания историю своих соседей из ближайших губерний. Научный уровень публикаций зависел от образованности и личных нснобностей авторов. При всей значимости их трудов для своего времени они не избежали как отдельных ошибок, так и ноявления работ в целом откровенно слабых.

Следующим носле В. А. Лёвшина выдающимся деятелем тульского исторического краеведения следует называть И. П. Сахарова. Он стал вводить в научный оборот местные нисьменные источники. В хронологические рамки нашего исследования нонадает опубликованная им «Легенда о крещении мцейян в 1415 году»¹². Одна из его статей была носвящена удельным белёвским князьям. Ее нанисанию нснобствовало знакомство исследователя с белёвским

приписал Ф. Г. Покровскому (*Сахаров И. [Н.] Памятники Тульской губернии*. СПб., 1851. С. 51–52, 56–57; *Френ [Х. М.] О восточных монетах, паходимых в России // Сып отчества*. Кп. 7. 1842. С. 65–66). Однако в заглавии одной из сохранившихся рукописей «Топографического, исторического и камерального описания Тульской губернии» прямо указано авторство Василия Лёвшипа (Рукопись имеет пометку: «1811»). *Рубинштейн Н. Л.* Топографические описания паместничеств и губерний XVIII в. — памятник географического и эконопического изучения России // *Вопросы географии*. Сб. 31. 1953. С. 73). В его пользу говорит и текстология. В статье об Одоеве автор причислил мцейского воеводу Григория Протасьева к роду Лёвшипов. Одного из Лёвшипов уномянул в статье о Черпи. В статье о Белёве использовал уникальпый источник — синодик из церкви села Темряпи (вотчины Лёвшипов) с записью о гибели члена своего семейства от татар. Причем легенду об этом В. А. Лёвшип последовательно развивал в своих публикациях с 1791 по 1812 г. (*Лёвшин В. [А.] Родословная книга благородных дворян Левшипов, содержащая в себе доказательства о происхождении их фамилии, времени выезде в Россию и поколеппую роспись*. М., 1791. С. 18; *Он же.* Историческое сказание о выезде, военных подвигах, и родословии благородных дворян Левшипов. М., 1812. С. 15).

¹¹ *Зельницкая Е. Г.* Исследование исторических мест или урочищ, которые должны паходиться в пределах пыпешпей Калужской губернии // *Отечественные записки*. Ч. 27. 1826. С. 79–85.

¹² *Русская вивлиофика...* Т. 1. М., 1833. С. 361–362.

но происхождению историком и краеведом И. Ф. Афремовым, преподавателем тульского Александровского военного училища (затем кадетского корпуса) и племянником В. А. Лёвшина¹³. По-видимому, И. П. Сахаров не располагал Бархатной книгой, поэтому его опыт реконструкции родословной белёвских князей оказался неудачным. Генеалогическое древо имело всего лишь три поколения вместо пяти. Отдельные же эпизоды, например — основание Белёвского княжества в 1468 г., ссылка последнего белёвского князя Ивана Ивановича в Вологду и другие полностью явились плодом творчества автора¹⁴. В очерке об образовании Тульской губернии он кратко сообщил о существовании в ее пределах княжеств Новосильского, Одоевского и Белёвского в XIV — середине XVI в. и перечислил их князей¹⁵. Вместе с тем справедливо подверг сомнению возможность чеканки белёвскими князьями «белёвских денег», о которых ранее сообщал В. А. Лёвшин¹⁶.

В 1850 г. И. Ф. Афремов издал «Историческое обозрение Тульской губернии», к которому приложил «Родословные таблицы князей Новосильских, Одоевских, Белёвских и Воротынских»¹⁷. Книга была задержана цензурой и поступила в продажу лишь после 1855 г.¹⁸, когда пробел в источниках и литературе по генеалогии уже в значительной степени был восполнен¹⁹.

¹³ В статьях И. П. Сахарова и И. Ф. Афремова высказываются схожие мысли (Сахаров И. [Н.] Белевские князья // Энциклопедический лексикон. Т. 7. СПб., 1836. С. 321; Афремов [И. Ф.] Краткое историческое описание г. Белева с уездом его // Тульские губернские ведомости. Прибавления. 12.05.1844. № 19. С. 82–83).

¹⁴ Беспалов Р. А. О древнейших источниках по генеалогии Белёвских удельных князей и об известиях, сочиненных краеведами И. П. Сахаровым и И. Ф. Афремовым в первой половине XIX в. // Верхнее Подолье. Природа. Археология. История. Вып. 2. Т. 2. Тула, 2007. С. 299–306.

¹⁵ Сахаров И. [Н.] Общественное образование Тульской губернии // Современник. 1837. № 7. С. 309–312.

¹⁶ В. А. Лёвшин писал о паходке в Белёве в 1781 г. двух медных монет, на одной из которых, по его мнению, читалось: «депга белевская» ([Лёвшин В. А.] Историческое, статистическое и камеральное описание городов Тульской губернии. Ч. II. Кн. II. С. 119; Он же. Топографическое описание Тульской губернии. С. 158). И. П. Сахаров указал, что в России при Иване III удельные князья уже не могли чеканить свою монету, при этом не принимал во внимание предыдущий период белёвской истории (Сахаров И. [Н.] Памятники Тульской губернии. С. 56–57). Следует уточнить, что в XIV–XVI вв. депги чеканились серебряными и редко носили на себе надпись: «депга» (московская, тверская, псковская и др.), медные же монеты носили надпись: «пуло». Медные монеты с надписью «депга» стали выпускаться лишь с 1700 г.

¹⁷ Афремов И. [Ф.] Историческое обозрение Тульской губернии... Ч. 1. М., 1850. С. 9–10.

¹⁸ Нрисенко Г. Н. Пропагандирование в былое. Тула, 1984. С. 45–46; Фомин Н. К. К вопросу о достоверности труда И. Ф. Афремова «Историческое обозрение Тульской губернии» // Верхнее Подолье. Природа. Археология. История. Вып. 2. Т. 2. Тула, 2007. С. 288–298.

¹⁹ В 1840 г. князь П. В. Долгоруков издал первую часть Российского родословного сборника, содержащего общую схему родов, происходящих от князя Михаила Черниговского, и росписи князей Одоевских (Долгоруков Н. [В.], князь. Российский родословный сборник. Кн. 1. СПб., 1840. С. 19–27). В 1851 г. было опубликовано несколько родословцев, в том числе содержащих род князей повосильского дома (ВОИДР. Кн. 10. С. 68–72, 155–158). В том же 1851 г. вышла книга Н. Г. Головкина с росписью потомков Рюрика. Впрочем, она содержала далеко не полные росписи

В XIX в. Белёв был сравнительно крупным уездным городом Тульской губернии, а труды белёвских историков того времени занимали видное место в губернском краеведении. Одной из самых исследуемых тем здесь была белёвская битва 1437 г. Она упоминалась еще в статьях В. А. Лёвшина и И. Ф. Афремова. В 1894 г. белёвский историк и краевед П. М. Мартынов внес в этот вопрос значительную путаницу с элементами сочинительства. Однако вскоре вышла статья белёвского же краеведа протоиерея М. Ф. Бурцева (1898 г.), которая, напротив, отличается основательностью. Для анализа тех же событий автор впервые привлек сразу несколько летописей и локализовал нахождение крепости хана Улу-Мухаммеда на местности. Также он опроверг мнение И. П. Сахарова о возникновении Белёвского княжества в 1468 г., заметив, что оно существовало гораздо ранее²⁰.

В Калужской губернии С. В. Руссов († 1842 г.) собрал материалы для составления «Летониси калужской», которая была опубликована в 1877–1878 гг. при содействии Леонида (Кавелина)²¹. Периоду до начала XVI в. было отведено 25 страниц. Для его описания автор использовал «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина, Собрание государственных грамот и договоров, Акты, изданные археографической комиссией, статьи местных историков и другие публикации. И хотя некоторые из этих сведений нуждаются в уточнении, несомненно, для своего времени составление подобного хронографа было значимым достижением местного краеведения.

Основательным исследователем местной средневековой истории был уроженец Козельского уезда иеромонах (впоследствии — архимандрит) Леонид, в миру — Л. А. Кавелин. В 1862 г. он опубликовал «Церковно-историческое исследование о древней области вятичей...». Разыскания автора выходили далеко за рамки истории Калужской губернии. Во-первых, он дал довольно внятное описание происхождения княжеских родов: мосальского, тарусского, оболенского, козельского, карачевского, новосильского, одоевского, белёвского, воротынского, неремышльского и мезецкого. Во-вторых, проследил историю их княжеств через призму истории Московского государства. В-третьих, описал историю Церкви на их территории²². Публикация Леонида (Кавелина) была первым

(Головин Н. [Г.] Родословная роспись потомков великого князя Рюрика. М., 1851. С. 23, 26–27, 30, 35, 39, 44).

²⁰ Мартынов Н. М. Городская дуброва Белева в 1443 г. // Тульские губернские ведомости. Часть неофициальная. 27.07.1894. №43; Бурцев М. [Ф.], *прот.* О пребывании хана Улу-Махмета в Белеве. Тула, 1898.

²¹ Летопись калужская от отдаленных времен до 1841 года. М., 1878; Летопись Калужская. Калуга, 1991.

²² Леонид, иеромонах. (И. Л.) Церковно-историческое исследование о древней области вятичей, входившей с начала XV и до конца XVIII столетия в состав Крутицкой и частию Суздальской епархии // ЧОИДР. 1862. Кн. 2. I. Исследования. С. 21–124. Позже это исследование было несколько переработано и вышло под другим заглавием (*Он же.* История церкви в пределах пышпей Калужской губернии и калужские иерархи. Калуга, 1876. С. 20–56).

сравнительно крупным описанием истории региона. Он уже имел возможность использовать древние грамоты, акты, летописи, родословцы, а также труды В. Н. Татищева, Н. М. Карамзина, иеросвященных Платона (Лёвшина), Филарета (Гумилевского) и многие другие. Другим направлением его деятельности стало исследование истории монастырей Калужской и Тульской губерний, в том числе и упраздненных. Им было введено в научный оборот немалое количество синодиков, вкладных книг, древних актов, записей, в которых содержатся уникальные сведения, в том числе по истории Новосильско-Одоевского княжества²³.

В то же время весьма глубокими разысканиями о монастырях Тульской губернии занимался иеронавитель Тульской духовной семинарии В. И. Шумов. Некоторые его выписки из монастырских синодиков и кормовых книг по сей день служат источниками по истории рода белёвских и воротынских князей (1864 г.)²⁴.

В 1872 г. вышли две связанные между собой статьи С. П. Молчанова о Новосильском и об Одоевском княжествах. В качестве основного источника своих знаний он использовал «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина, опирался на труды князя П. В. Долгорукова, Филарета (Гумилевского), а также местных историков И. Ф. Афремова и И. П. Сахарова. Вместе с тем имел и собственные взгляды. С. П. Молчанов полагал, что Новосильское княжество возникло в конце XIII в. К концу XIV в. из него выделилось Одоевское княжество и далее существовало отдельно. Новосильские князья якобы полностью подчинились московским великим князьям: ходили вместе с ними в походы, выплачивали через них ордынскую дань, а в XV в. уже владели Новосильским княжеством не как своей собственностью, а как собственностью московского князя. По его мнению, особое Одоевское княжество в конце XIV в. еще некоторое время отстаивало свою самостоятельность, но в 1407 г. было подчинено Литве. После 1462 г. оно стало дробиться. Из него выделилось Белёвское княжество, а затем и Воротынское. С. П. Молчанов считал, что Литва не платила дань Орде, поэтому одоевским и белёвским князьям было выгодно находиться в зависимости от Литвы. Они находились в Литве в ночете, хотя и платили ей «нолетное» (в источниках также: «нолетнее»). Однако после того как зависимость Москвы от Орды пала, они стали переходить к Москве, этот процесс завершился к 1494 г.²⁵ Изложенная концепция новосильской истории во многом не соответствует сведениям известных теперь исторических источников.

²³ *Он же*. Описание лихвинского Покровского Доброго мужского монастыря // ЧОИДР. 1875. Кн. 4. V. Смес. С. 104–159; *Он же*. Церковно-историческое описание упраздненных монастырей, паходящихся в пределах Калужской епархии // ЧОИДР. 1863. Кн. 1. I. Исследования. С. 1–170.

²⁴ *Шумов В. И.* Апостасов Богородице-рождественский монастырь // Тульские епархиальные ведомости. Прибавления. 15.01.1864. С. 58–60; *Он же*. Белевский Спасо-Преображенский третьеклассный монастырь // Тульские епархиальные ведомости. Прибавления. 15.11.1864. № 22. С. 480–481.

²⁵ *Молчанов С. Н.* Из летописей города Новосили // Тульские губерские ведомости. 1872. 13, 16 мая. С. 542–543, 555–556; *Он же*. Из летописей города Одоева // Тульские губерские ведомости. 1872. 10, 14, 17, 21 июня. С. 696–697, 712, 725–726, 743–745.

Вместе с тем С. П. Молчанов привнес немало достоверных исторических фактов и своими публикациями, несомненно, возбуждал интерес читателей к новосильской и одоевской истории.

В конце XIX — начале XX в. средневековую историю Верхнего Поочья изучал калужский историк и краевед В. М. Кашкаров. Он первым среди местных любителей старины привлек для исследования сведения третьей книги записей Литовской метрики²⁶. Им был введен в научный оборот синодик лихвинского Покровского Доброго монастыря с номинальными записями по князьям Одоевским²⁷.

Если взглянуть на работы орловских краеведов, то можно подумать, что история князей новосильского дома их занимала в очень малой степени или была им малоизвестна. Во второй половине XIX в. орловский историк и краевед Г. М. Пясецкий опубликовал ряд очерков о древней истории городов и княжений, находившихся в пределах современной ему Орловской губернии²⁸. В то время Елецкий, Ливенский, Мценский, Болховский уезды лишь огибали Тульскую губернию, в состав которой входили владения новосильских князей. Поэтому о Новосильско-Одоевском княжестве или о его уделах Г. М. Пясецкий не сообщал. Впрочем, опубликованные им данные топонимики могут быть использованы при изучении освоения новосильскими служилыми людьми южных территорий в XVI–XVII вв. Позже А. Н. Шульгин в очерке об истории Орловского края 1356–1504 гг. (1903 г.) фактически излагал фрагменты истории Великого княжества Литовского. Непосредственно Новосильско-Одоевское княжество он тоже почти не затрагивал, но касался верхнеокской истории в целом, в которой допустил ряд неточностей. Вслед за украинским историком Д. И. Багалеем он полагал, что в 1406 г. «все Поочье выше устья Угры отошло к Литве, и границей сделался перевал между бассейнами Оки и Дона»; высказывался о возможности участия дружин Орловского края в Грюнвальдской битве; ошибочно считал, что воротынские князья отъехали от Литвы к Москве еще в начале 1470-х гг., бежав от религиозного преследования²⁹. В начале XX в.

²⁶ Кашкаров В. М. Город Перемышль. (Историческая справка) // Известия Калужской ученой архивной комиссии 1898 год. Вып. 1. Калуга, 1898. С. 19–25; *Он же*. Копицкий удел Тарусского княжества // Калужская старина. Издание Калужского церковного историко-археологического общества. Год второй. Т. 2. Кн. 1. Калуга, 1902. С. 8–15; *Он же*. Село Любуцкое // Известия Калужской ученой архивной комиссии 1898 год. Вып. 5–6. Калуга, 1898. С. 3–9.

²⁷ *Он же*. Синодик Покровского Доброго монастыря // Известия Калужской ученой архивной комиссии 1898 год. Вып. 2. Калуга, 1898. С. 9–27.

²⁸ [Пясецкий Г. М.] О церковно-иерархической зависимости Орловского края со времени первоначального распространения в его пределах христианства и до присоединения его к Московскому государству в конце XV-го века, при в. к. Иоанне III-м // Орловские епархиальные ведомости. 1866. № 19, 20. С. 1082–1091, 1133–1141; 1867. № 23. С. 1780–1794; 1868. № 3. С. 164–178; № 21. С. 1674–1682; 1870. № 6. С. 345–360; [Он же.] Исторические очерки города Болхова и его святыни // Орловские епархиальные ведомости. 1875. № 9, 10. С. 562–575, 633–648.

²⁹ Шульгин А. Н. Орловский край под владычеством Литвы 1356–1504 г. // Минувшее Орловского края. Очерк (из повременного издания “Трудов” [Орловской ученой архивной] комиссии).

в церковной среде Орловщины бытовал баснословный рассказ про святого Авраамия Новосильского, который был дополнен вымыслами о новосильской истории XIII–XV вв.³⁰ По-настоящему орловские краеведы сблизились с новосильской историей лишь в советское время, после того как Новосиль вошел в состав Орловской области.

В Тульской губернии конца XIX — начала XX в. по интересующей нас теме стали появляться работы, которые уже не приносили ничего нового. Их авторы выписывали сведения из трудов ведущих историков, а заодно собирали множество заблуждений прошлого и добавляли новые. Одоевский краевед И. А. Краснотевцев опирался на сочинения В. Н. Татищева, Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, И. П. Сахарова, И. Ф. Афремова, Леонида (Кавелина). Под его пером одоевские князья XIV в. оказались в зависимости от рязанских князей, а с 1407 г. — от литовских (см. далее о взглядах Н. М. Карамзина); белёвский княжеский стол был образован в 1468 г. (по И. П. Сахарову), а воротынский — и вовсе в 1492 г. Вторжение Ольгерда в тарусские, а затем в московские пределы в 1368 г. И. А. Краснотевцев ошибочно перенес в Одоевский уезд; интересовался ролью Одоева и его жителей в походе Ягайла на помощь Мамаю в 1380 г. Впрочем, ряд фактов новосильской истории И. А. Краснотевцев все же довольно точно передал по С. М. Соловьеву³¹. Служащий Полицейского управления Новосильского уезда В. Р. Чевский посвятил новосильской истории специальный очерк, но интересующему нас периоду уделил всего несколько строк. Он сообщал своим читателям, что город Новосиль относился к владениям князя Михаила Черниговского, от которого пошли глуховские и новосильские князья. Из их рода автор смог назвать только троих. Главным врагом Новосильского княжества назвал татар, от ига которых, по его мнению, город был избавлен Иваном III³². М. М. Березин половине своего очерка о географии Тульской губернии посвятил истории. По его взглядам, история княжеств Новосильского, Одоевского и Белёвского протекала раздельно (так считали многие краеведы-предшественники). Белёв якобы принадлежал Литве с конца XIII в. до 1494 г. Новосильские князья находились в зависимости от Москвы в XIV в., затем в середине XV в. отошли к Литве и вернулись к Москве по договору Ивана III с Александром Казимировичем 1494 г. Одоевские князья попали в зависимость от Литвы в результате вымышленного взятия Одоева Казимиром IV³³. Совсем путанные сведения о Новосильском княжестве до начала XVI в. видим у настоятеля Новосильского

Орел, 1903. С. 16, 17, 22, 29; Шульгин А. [Н.] Минувшее Орловского края // Труды Орловской ученой архивной комиссии. 1903 год. Орел, 1903. С. 56–57, 60, 64. Данные сочинения схожи, но опубликованы в разных редакциях.

³⁰ Тихомиров И. Св. Авраамий Новосильский, ученик и сотрудник св. священномученика Иоанна Кукши // Орловские епархиальные ведомости. 1 (14) окт. 1918. № 20. С. 506–509.

³¹ Краснотевцев И. [А.] Очерки города Одоева // Тульские губернские ведомости. 1896. № 17, 23 янв.; № 20, 26 янв.; № 23, 30 янв.; Он же. Очерки города Одоева. Тула, 1896. С. 4–15, 22–23, 94–96.

³² Чевский В. [Р.] Г. Новосиль с уездом. Историко-статистический очерк. Орел, 1892. С. 9–13.

³³ Березин М. [М.] География Тульской губернии. М., 1913. С. 18.

Свято-Духова монастыря Геронтия (Кургановского)³⁴. С точки зрения современных нам исследований, в его словах сложно отыскать нравду.

Вместе с тем из-под пера местных любителей древностей стали выходить и довольно обстоятельные исследования по новосильской истории. Из работ тульских губернских краеведов особо следует выделить статью енифанского священника В. И. Ивановского (1898 г.). Свой труд он рассматривал как нервый обобщающий очерк к несуществующей еще истории княжеств: Новосильского, Одоевского и Белёвского (отчасти и Воротынского. — Р. Б.)³⁵. Объемная статья не изобилует ссылками на источники и литературу, но, судя по тексту, автор использовал многие достижения современной ему науки, был нрямо или косвенно знаком с трудами Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, Филарета (Гумилевского), Р. В. Зотова и других. В. И. Ивановского отличал аналитический склад ума, он смог предложить читателю свои размышления о фактах новосильской истории, онисал некоторые сложности в генеалогии и титулах новосильских князей. Как и нредшественникам, ему не удалось избежать отдельных заблуждений, но в целом его исследование выделяется на фоне работ краеведов того же времени.

Для местных историков конца XVIII — начала XX в. было характерно болезненное отношение к факту подчинения княжеств северо-восточной части бывшей Черниговской земли Великому княжеству Литовскому. Еще И. П. Сахаров рассматривал историю Тульского края исключительно с точки зрения истории Российского государства под властью Москвы. Он нрямо осуждал литовскую политику и считал, что она снособствовала дроблению Одоевского княжества на уделы³⁶. И. Ф. Афремов выступал нротив церковной упии, которую, по его мнению, Литва должна была навязывать местному населению³⁷. Леонид (Кавелин) сравнивал Литву с Ордой. Применительно к концу XIV в. он нисал: «Туча восточная, монгольская, начала рассеиваться; но другая туча с запада — литовская приближалась все более и более». О договорных отношениях князей новосильского дома с великими князьями литовскими автор умолчал, хотя эти сведения были ему достунны. Согласно конценции современной ему науки Леонид (Кавелин) считал, что еще в нервной ноловине XV в. на территории Великого княжества Литовского начались сильные гонения на православие. В этой связи нозже якобы «целые области искали нодданства и защиты у православного государя Ивана III»³⁸. В том же духе высказывался и В. И. Ивановский, считавший, что «литовский и русский народ искони враждовали между собой». Присоединение

³⁴ Геронтий (Кургановский). Исторический очерк Новосильского Свято-Духова монастыря Тульской епархии. Тула, 1901. С. 4–5.

³⁵ Ивановский В. [И.] К истории удельных князей Тульского края (замечания на родословную кп. Новосильских, Одоевских и Белевских) // Тульские епархиальные ведомости. 1898. Прибавления. № 12. С. 522–535; № 17. С. 748–762; № 18. С. 811–815.

³⁶ Сахаров И. [Н.] Белевские князья. С. 321.

³⁷ Афремов [И. Ф.] Краткое историческое описание г. Белева... № 19. С. 82.

³⁸ Леонид, иеромонах. (И. Л.) Церковно-историческое исследование о древней области вятичей... С. 36, 49, 53–54. Эта концепция прослеживалась еще в сочинении князя М. М. Щербатова

местных князей к Литве в XV в. он считал выпущенным и полагал, что в этот период их жизнь должна была протекать в духе протирвления католицизму³⁹. С. П. Молчанов считал, что подданство Литве не влияло на религиозную жизнь Одоева и Белёва. Он аргументировал это тем, что даже после церковного раскола XVII в. местные жители были строго привержены своей традиционной вере (многие из них остались старообрядцами)⁴⁰. Довольно протирвечивое отношение к Великому княжеству Литовскому видим у А. Н. Шульгина. Он полагал, что Литва освободила подчиненные ей русские земли от ордынского ига, тогда как московские земли еще оставались зависимыми от Орды. То есть находил в литовском господстве положительные стороны. Одобрал стремление некоторых литовских князей к православию и негативно высказывался относительно их приверженности к латинской вере. Отъезды русских и литовских князей от Литвы к Москве традиционно для своего времени аргументировал религиозными мотивами. Считал, что хотя русские князья зачастую и выступали заодно с Литвой протир Литвы, но делали это «вонреки своего желания»⁴¹.

В историографии изучению местными историками конца XVIII — начала XX в. истории Новосильско-Одоевского княжества уделено не слишком много внимания. Более того, приходится встречаться с неприятием их деятельности некоторыми современными историками. Однако без данного краткого обзора у неискушенного читателя могло бы сложиться впечатление, что до крупных российских ученых конца XIX — начала XX в. историей региона никто не занимался. При всем несовершенстве краеведения, именно творческое осмысление собственной истории местными любителями древностей отражает связь народа с исторической наукой. Без этой связи история оказывается вещью в себе, не востребованной обществом. На плечах местных пионеров исторической мысли зиждется становление и начальное развитие региональной историографии. Несмотря на то что многие их исследования давно устарели, их рассмотрение видится необходимым. Это обусловлено тем, что первые краеведы оказали влияние на своих последователей, а их отдельные работы — на отечественную историографию в целом. Влияние было как положительным, так и совсем не обязательным. Некоторые их взгляды были наивными, часть сведений — недостоверной и впоследствии была пересмотрена наукой. Влиянию недостоверной информации и теперь особенно подвержены те, кто сам не является специалистом по тому или иному вопросу истории (например, школьники, значительная часть современных краеведов, а также писателей исторического жанра). В целом следует

(Щербатов М. [М.], князь. История российская от древнейших времен. Т. 4. Ч. 2. СПб., 1783. С. 224).

³⁹ Ивановский В. [И.] К истории удельных князей Тульского края... №17. С. 757–758; №18. С. 811–812.

⁴⁰ Молчанов С. Н. Из летописей города Одоева. С. 743–744.

⁴¹ Шульгин А. Н. Орловский край под владычеством Литвы 1356–1504 г. С. 4–6, 25–29 и др.; Он же. Минувшее Орловского края. С. 47–48, 62–64 и др.

отметить, что первые краеведы сильно зависели от развития отечественной историографии — публикаций источников и научной литературы. Но, несмотря на общее отставание уровня местного исторического краеведения от передовых научных достижений, именно они наиболее активно стремились развивать знания об истории своего края. Некоторые из них вводили в научный оборот местные письменные источники. Многие из того, что ими было сделано в этом направлении, до сих пор представляет собой большую ценность.

II

Научное изучение вопросов истории предполагает более высокий уровень. Однако оно тоже зависит от состояния историографии в целом и от личных качеств исследователя: от его подготовки, опыта изучения конкретной области знаний, от его сложившегося мировоззрения и т. д.

В конце XVIII — начале XIX в. в историографии еще не было какой-либо основательной концепции в отношении места Новосильско-Одоевского княжества в истории отечества XIV–XV вв., а потому его территория рассматривалась очень неопределенно. М. М. Щербатов (1783–1784 гг.) применительно к первой половине XV в. причислял города Одоев и Белёв к «российским областям»⁴². Он ревностно относился к их «нохищению» татарами и Литвой, и одобрительно оценивал отступление местных князей от Литвы в конце XV в. По его мнению, они располагали множеством слуг и были «мудрыми и искусными правителями», поэтому их «отъезд» к России должен был существенно ослабить Литовское государство⁴³.

В описании княжеств Верхнего Поочья историки этого времени опирались на схему родословцев. Так, по мнению Н. М. Карамзина, в конце XIV в. уже почти вся «древняя земля вятичей принадлежала Литве: Карачев, Мценск, Белёв, с другими удельными городами князей черниговских»⁴⁴. В той же главе он писал, что до 1407 г. князья одоевские, были «в некоторой зависимости от сильнейших владетелей рязанских»⁴⁵. При упоминании же московско-рязанского договора 1402 г. сообщал, что новосильский и тарусские князья были «присяжниками» великого князя московского⁴⁶. Как видим, в понимании Н. М. Карамзина Белёв, Одоев и Новосиль начала XV в. — это центры отдельных друг от друга княжений. То есть целостного и самостоятельного Новосильско-Одоевского княжества не существовало. Оно по частям отошло к Литве, а после 1407 г. «Одоев возвратился к России уже при великом князе Иоанне Васильевиче»⁴⁷. Много позже такая точка зрения была нерассмотрена, но на тот момент была распространена и еще долго бытовала в отечественной историографии.

⁴² Щербатов М. [М.], князь. История российская от древнейших времен. Т. 4. Ч. 1. СПб., 1781. С. 349, 421–422.

⁴³ Там же. Т. 4. Ч. 2. СПб., 1783. С. 224–225, 250–252, 259–260.

⁴⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5. М., 1989. Стб. 91.

⁴⁵ Там же. Кн. 2. Т. 5. Стб. 108.

⁴⁶ Там же. Кн. 2. Т. 5. Примеч. 224. Стб. 88.

⁴⁷ Там же. Кн. 2. Т. 5. Стб. 129; Примеч. 199. Стб. 74.

В 1836 г. П. А. Мухановым были введены в научный оборот две договорные, одна присяжная и одна норучная грамоты князей новосильского дома с великим князем литовским 1447, 1448 и 1459 гг. Показательно для того времени, что уномяпутая в актах «Новосильская и Одоевская земля» в указателях была разбита на «Новосильскую землю» и «Одоевскую землю»⁴⁸. В 1846 г. И. И. Григорович издал еще одну жалованную и одну договорную грамоты 1455 и 1483 гг., относящиеся к истории Новосильской земли⁴⁹. В 1847 г. В. И. Григорович перевел на русский язык нисмо Ольгерда к патриарху Филофею с уноминанием о новосильском правителе (князе) с высоким титулом «*ρῆγας*» («*рѣзь*»)⁵⁰. Эти публикации должны были внести ясность в правовое положение князей новосильского дома в конце XIV — XV в.

Одним из первых (к 1854 г.) на них обратил внимание С. М. Соловьев. Он отмечал, что «договоров служебных князей с теми князьями, к которым они вступали в службу с отчинами, из Северо-Восточной Руси до нас не дошло; но мы имеем довольно число таких договоров из Руси Юго-Западной». Все приведенные им примеры касались только отношений князей новосильского дома с великим князем литовским и королем польским Казимиром IV. Это обстоятельство С. М. Соловьев никак не объяснял. При рассмотрении московско-литовского рубежа в Верхнем Поочье он писал: «Что же касается до земель присяжных князей одоевских, белёвских, воротынских, то здесь границ определить нельзя, потому что, по собственным словам Иоанна III, эти князья служили и его предкам, и предкам Казимира Литовского, на обе стороны, сообща». В их владениях С. М. Соловьев не выделял особого территориального образования, предполагая провести по нему московско-литовскую границу. Говоря о ее неопределенности, он указывал из виду, что новосильские князья хорошо знали границы своей земли и не связывали ее с владениями Литвы, Москвы или Рязани. Службу «на обе стороны» он понимал так: «Город Одоев, например, разделялся на две половины: одна принадлежала линии князей, зависевших от Москвы, а другая — линии князей, зависевших от Литвы»⁵¹. Вскоре (1858 г.) Д. И. Иловайский также высказался о новосильских, одоевских и воротынских как о князьях непременно зависимых от Литвы или от Москвы⁵².

В 1867 г. Г. Ф. Карнов дал краткую характеристику политическому устройству Верхнего Поочья. Его территория была отнесена к «Стране князей» с указанием, что это «официальное название». Ученый писал: «Одни из этих князей имели родовые владения, а другие пожалованные им литовскими великими князьями. Те князья, которые имели родовые владения, определяли свои

⁴⁸ Сборник Муханова. М., 1836. №4–6. С. 5–6.; №9. 11–12; Указатель. С. 8, 9.

⁴⁹ АЗР. Т. 1. №57. С. 70–71; №80. С. 100–101.

⁵⁰ Григорович В. [И.] Протоколы Константинопольского патриархата XIV столетия // ЖМНП. Ч. 54. 1847, апрель. Отд. 2. С. 148–152.

⁵¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 2. М., 2001. С. 632–633, 645.

⁵² Иловайский Д. [И.] История Рязанского княжества. М., 1858. С. 273–274.

отношения к своему верховному госнодипу носредством договоров». Далее ученый изложил суть литовско-новосильских докончаний. Понятка сделать различия в правовом статусе земельных владений тех или иных местных князей была нередовой для своего времени. Однако ни в работе Г. Ф. Карнова, ни в ближайшие годы она не получила существенного развития. Ученый полагал, что условия заключенных договоров «давали князьям возможность очень часто неременять своего госнодина»⁵³. Подобная точка зрения действительно делала политические границы весьма неопределенными, она новлияла на дальнейшее исследование этого вонроса.

В 1882 г. М. Ф. Владимирский-Буданов нанисал отзыв на нервое издание намятников московско-литовских динломатических сношений (1487–1532 гг.), онубликованных Г. Ф. Карновым. Часть его статьи была носвящена ноложению новосильских и мезецких князей в 1487–1494 гг.⁵⁴ Ученый полагал, что род местных князей делился на линии, между ними был один старший (большой) князь, их княжество сохраняло некоторый вид цельного государства, но одна линия этих князей служила Москве, другая Литве. Его тезис о цельном государстве входил в противоречие с другим его же тезисом о том, что владения местных князей нринадлежали тому государству, которому они служили — Московскому или Литовскому. Дело доходило до того, что если в Одоевском княжестве «кунит какой-нибудь князь Федор удел у дяди или двоюродного брата, вытеснит ли его силою из соседней улицы, — тем самым измеияет уже границу между двумя громадными государствами». Здесь видится развитие мысли С. М. Соловьева.

Изучение истории «Литовско-Русского государства» к концу XIX в. в значительной стенени неременило взгляды ученых относительно его роли в русской истории. Вильно наряду с Москвой стало рассматриваться как крупнейший центр объединения русских земель. С другой стороны, ученых интересовала роль Литвы в истории Польши и Пруссии. В этой связи А. Коцебу ввел в научный оборот несколько нисем великого князя литовского Свидригайла, относящихся к истории Новосильско-Одоевского княжества и Верхнего Поочья в целом. Книга вышла в 1820 г. на немецком языке, а в 1835 г. была издана на русском⁵⁵. Одно из интересующих нас нисем энохи Витовта было введено в научный оборот Л. Голембиовским в нереводе на польский язык в 1830 г.⁵⁶ Еще несколько нисем было онисано К. Э. Наньерским в 1833 г.⁵⁷ В 1860 и 1862 гг.

⁵³ Карнов Г. [Ф.] История борьбы Московскаго государства с Польско-Литовским. 1462–1508. Ч. I. М., 1867. С. 17–18.

⁵⁴ Владимирский-Буданов М. Ф. Литература истории русского права за 1880–1882 гг. I. Государства Московское и Литовское // Унивeрситетские известия. 1882. № 5. С. 208–211.

⁵⁵ Kotzebue A. Switrigail. Ein Beytrag zu den Geschichten von Litthauen, Rußland, Polen, Preussen. Leipzig, 1820. S. 75, 117; Коцебу А. Свитригайло, великий князь Литовский, или дополнение к историям Литовской, Российской, Польской и Прусской. СПб., 1835. С. 93–94, 127–130.

⁵⁶ Golebiowski L. Domy i dwory... Warszawa, 1830. S. 230–232.

⁵⁷ Napiersky C. E. Index corporis historico-diplomatici... Th. 1: 1198 bis 1449. Rigae und Dorpat, 1833. № 1163. S. 254; № 1227. S. 266; № 1251. S. 271.

многие источники были описаны И. Даниловичем⁵⁸. В 1882 г. публикацию нисем Витовта выполнил А. Прохаска; два таких нисема вскоре исследовались А. И. Барбашевым⁵⁹. В отдельных деталях эти источники существенно дополняли историю Новосильско-Одоевского княжества, но это не стало новодом для его отдельного исследования. Некоторые из них оставались малоизвестными для отечественной историографии и к концу XX в.

Впрочем, в конце XIX в. но новоду новосильской истории стали появляться замечания в составе более или менее крупных работ. Так, в 1892 г. Р. В. Зотов опубликовал обстоятельное исследование о князьях черниговского дома в «татарское время». Он показал, что в XIV–XV вв. область Северо-Восточной Черниговщины оказалась на пересечении политических интересов Москвы, Литвы и отчасти Рязани. Но если соседние княжества в это время попали в зависимость от той или иной стороны, то в отношении Новосильского княжества исследователь заметил, что к концу XIV в. оно так и не подчинилось Литве и в 1402 г. «находилось, если не в некоторой зависимости от Москвы, то в союзе с нею». Принимая точку зрения Н. М. Карамзина о подчинении князей новосильского дома Литве в 1408 г., Р. В. Зотов, однако, сделал вывод, что «Новосильское княжество не было в полном подчинении у великих князей литовских, а пользовалось большою долею самостоятельности». Он также полагал, что «до подчинения Москве, которое произошло в самом конце XV столетия, княжества Новосильское, Одоевское, Белёвское и Воротынское, в своей исторической жизни, всегда проявляли тесную связь»; «князья их хорошо умели отстаивать свои родовые княжеские интересы. Но и этим князьям, доле других удельных князей сохранившим удельную независимость, в конце концов пришлось служить “в поле и думе” московскому государю, из властителей сделаться просто боярами, и “со столов отчих спуститься к ступеням трона московского”»⁶⁰. Позиция Р. В. Зотова сильно отличалась от взглядов большинства его предшественников и современников, для которых самостоятельной истории данного региона еще не существовало.

Большой вклад в изучение истории северо-восточной части бывшей Черниговской земли внес М. К. Любавский. В 1892 г. он первым обратился к трактовке исторического термина «верховские князья», а вскоре в научной литературе стал употребляться термин «верховские княжества». По мнению ученого, он должен был обозначать княжества верхнеокские, оказавшиеся к середине XV в. под властью Литвы⁶¹. Для изучаемого времени он был более уместным,

⁵⁸ *Daniłowicz I. Skarbiec diplomatów...* T. 2. Wilno, 1862. S. 88, 95, 98, 118, 134, 156, 167.

⁵⁹ *CEV*. S. 150, 688, 778–780, 798–800; *Барбашев А. [И.] Витовт*, последние двадцать лет княжения. СПб., 1891. С. 197, 198–199.

⁶⁰ *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 214–218. Здесь Р. В. Зотов цитировал слова из статьи С. П. Молчанова (*Молчанов С. Н.* Из летописей города Одоева. С. 726).

⁶¹ *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского Статута. М., 1892. С. 47–52; *Он же.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. СПб., 2004. С. 107–108.

чем термины «древняя область вятичей» или «Страна князей», и затем закрепился в историографии. Позже его трактовка была несколько изменена. Этот вопрос составляет отдельную историографическую проблему и далее будет рассмотрен особо (см. § 19). М. К. Любавский сделал краткие обзоры истории княжеств Северо-Восточной Черниговщины в XIV–XV вв. Уделы же новосильских князей в это время назвал «самыми значительными».

Опыт раздельного подхода к исследованию каждой из земель или даже городов не был воспринят учеными. Новая же обобщенная терминология оказалась на работах, вышедших уже в скором времени. В 1893 г., разбирая dokonчания князей новосильского дома с Литвой, Ф. И. Леонтович применил к ним обобщенный термин «dokonчаний верховских князей»⁶². В начале 1894 г. в Императорском обществе истории и древностей российских В. А. Уляницкий выступил с рефератом «О положении русских верховских князей и в частности князей Мосальских в Литовском государстве в XV в.». На Мосальских были спроецированы правовые отношения князей новосильского дома с Литвой, на том основании, что и те, и другие были «верховскими»⁶³. По сравнению с позицией С. М. Соловьева, новые обобщения сужали предполагаемую область бытования подобных договоров с территории Юго-Западной Руси до территории Верхнего Поочья. Однако взгляды Ф. И. Леонтовича и В. А. Уляницкого во многом отставали от мысли М. К. Любавского. В ответ последний, в частности, заметил, что положение «верховских» князей было «разнообразно, неустойчиво и изменчиво»; «трудно подвести это положение под одну правовую норму и говорить о положении “верховских” князей вообще»; «это положение было для разных князей и в разное время различное». «Одни из князей находились с великими князьями московским и литовским “в dokonчанье”, — которое гарантировало им известные права, при нарушении которых они *de jure* и с отчинами были свободны от послушания великому князю. Другие, получившие свои владения из рук великого князя литовского, как данину или выслугу, *de jure* были только лично свободны, а их владения были неотъемлемыми частями Великого княжества Литовского». Эти замечания о нравах местных князей и о статусе их земельных владений развивали позицию Г. Ф. Карнова.

Вместе с тем усложнялся вопрос о службе князей Верхнего Поочья «на обе стороны». В. А. Уляницкий объяснил ее тем, что «в Московском государстве положение князей в XV в. было не лучше положения их в Литовском государстве, а служба их на ту или другую сторону зависела от колебаний политического влияния Москвы и Литвы». То есть одной из главных причин он видел волю самих князей, которые в зависимости от внешней политической

⁶² Леонтович Ф. И. Очерки истории Литовско-Русского права (продолжение) // ЖМНП. Ч. 290. 1893, декабрь. С. 282–291; *Он же*. Очерки истории Литовско-Русского права. Образование территории Литовского государства. СПб., 1894. С. 173–182.

⁶³ Протоколы заседаний Общества за 1894 г. (№ 384–393) // ЧОИДР. 1895. Кн. 2. V. Смесь. С. 3–6.

конъюнктуры имели право выбора — кому служить. Ф. И. Леонтович тоже считал, что «служебная зависимость верховских князей не имела никакого влияния на их удельные владения, нисколько не умаляла их отчинных нрав на дельницы». По его мнению, «князья верховские отстаивали свою “службу” на обе стороны в собственных интересах: в случае кривды со стороны Москвы князья находили для себя “суд” в Литве, и наоборот: кривда литовская унолномочивала верховских князей “сиять целованье долов”, нредоставляла им “волю” нерейти в безраздельное “нослушание” к другой союзной стороне — московскому великому князю»⁶⁴. Так в историографии сформировалась особая и весьма некрасивая точка зрения о ненадежности верхнеокских князей. Одной из главных причин называлось нахождение их владений на московско-литовском норубежье. Поскольку Ф. И. Леонтович не осознавал, что в XV в. свободой выбора обладали только новосильские князья со своими исконными вотчинами, то и не стремился объяснить, почему их верхнеокские соседи точно так же не нользовались своим географическим положением. То есть вопреки его мнению оказывается, что сам по себе географический фактор не был единственным и онределяющим.

М. К. Любавский больше значения придал собственно борьбе Литвы и Москвы за госнодство в области Верхнего Поочья, вследствие которой здесь ноявились территории, нолностью нонавшие под власть этих государств. Он нологал, что лишь князья новосильского дома со своими вотчинами могли служить «на обе стороны», нричем одновременно и Москве, и Литве. Таковую возможность он видел только в годы мирных отношений между этими государствами и объяснял ее необходимостью совместно обороняться нротив общих врагов — татар⁶⁵. Вообще идея о службе новосильских князей «на обе стороны» воснроизводилась многими учеными. Однако эти слова Ивана III были вынуты из контекста московско-литовских нереговоров 1490 г. К сожалению, М. К. Любавский не обратил внимания на то, что они нлохо согласуются с условием литовско-новосильских договоров: «А без королевы и великого князя Казимировы воли намъ ни с кимъ не доконъчатывати». Неизвестно, чтобы номимо договора с Литвой одни и те же новосильские князья одновременно имели еще какие-либо внешнеполитические договоры о своей службе. Нанротив, чтобы нерейти на московскую службу в конце XV в. им нришлось разорвать договорные отношения с Литвой. Поэтому нредноложение М. К. Любавского об одновременной службе новосильских князей «на обе стороны» не решало ноставленной нроблемы.

Ф. И. Леонтович нологал, что верхнеокские князья «вступали в докончания с великими князьями литовскими, как “равные с равными”» (на самом деле речь может идти только о князьях новосильского дома, участниках

⁶⁴ Леонтович Ф. И. Очерки истории Литовско-Русского нрава (1893). С. 284–286, 290; Он же. Очерки истории Литовско-Русского нрава (1894). С. 175–177, 181.

⁶⁵ Любавский М. К. Областное деление... С. 49–50; Протоколы заседания Общества за 1894 г. (№384–393). С. 5.

литовско-новосильских договоров). Писал, что они не принимали участия в общих делах Литовского государства, знали лишь свою землю-дельницу, в которой были совершенно самостоятельными «госнодарями-отчичами». Однако, полагаясь на мнение М. Ф. Владимирского-Буданова, Ф. И. Леонтович считал, что их вотчины принадлежали тому государству, которому они служили, в этом состоит противоречивость его взглядов⁶⁶. М. К. Любавский указывал на права новосильских князей самостоятельно распоряжаться своей вотчиной. При этом твердо заявлял, что ««верховские» князья никогда не вступали в договорные отношения с великими князьями, как равные с равными»⁶⁷.

Двойственность положения новосильских князей в XV в. оставалась неразрешимой проблемой для ведущих ученых. Согласно положениям литовско-новосильских договоров, М. В. Довнар-Занольский тоже осознавал самостоятельность Новосильско-Одоевского княжества, но непременно называл его уделом Литовско-Русского государства⁶⁸. Исследователи далеко не всегда обращали внимание на тот факт, что в XV в. это была некая особая и единственная область, которая могла свободно как бы пристать к Литве, а при случае — свободно от нее отойти. Например, Н. П. Павлов-Сильванский считал переходы князей с их вотчиной к иному великому князю обычным делом, но иллюстрировал это только на новосильском материале⁶⁹. Действительно, именно на новосильских князей не действовали ограничения возможности их «отъезда» с вотчиной. Напротив, это было их неотъемлемым правом.

М. К. Любавский был первым исследователем, который попытался объяснить причины, по которым князья новосильского дома обязались платить в Литву «нолетное» (ежегодную дань). Он рассматривал его только как «нлату за те услуги, которые в[еликий] князь литовский с своей стороны должен был им оказывать»⁷⁰. Этот вопрос тоже требует дополнительного исследования, поскольку выводы ученого плохо согласуются с литовско-рязанскими докончаниями 1427 г., по которым великий князь литовский оказывал рязанским князьям те же услуги совершенно бесплатно⁷¹. М. В. Довнар-Занольский тоже обращал внимание на «нолетное» новосильских князей. Однако он рассматривал их наравне с «внутренними» удельными князьями Великого княжества Литовского, поэтому не искал особых причин для уплаты ими дани⁷². Так к рубежу XIX–XX вв.

⁶⁶ Леонтович Ф. И. Очерки истории Литовско-Русского права (1893). С. 284–286, 289–290; *Он же*. Очерки истории Литовско-Русского права (1894). С. 175–177, 181.

⁶⁷ Протоколы заседания Общества за 1894 г. (№ 384–393). С. 5–6.

⁶⁸ Довнар-Занольский М. [В.] Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Т. 1. Киев, 1901. С. 41–42.

⁶⁹ Павлов-Сильванский П. П. Феодализм в Древней Руси. СПб., 1907. С. 112–114.

⁷⁰ Любавский М. К. Областное деление... С. 50.

⁷¹ ДДГ. № 25, 26. С. 67–68.

⁷² М. В. Довнар-Занольский предпочитал рассматривать латинский текст литовско-воротыньских грамот и даже пояснял положение воротынского князя в латинских терминах. Однако на таком материале сложно прийти к надежным выводам, поскольку эти грамоты из нанок

оформилась еще одна нарядоксальная мысль. Согласно работам ведущих ученых, новосильские князья свободно приходили к сюзерену со своей исконной вотчиной, чтобы служить ему (вынолять для него определенную работу) и при этом платить ему дань.

Несмотря на онисанные сложности, в самом конце XIX в. в короткий промежуток времени по теме истории Северо-Восточной Черниговщины состоялась обстоятельная очная и заочная научная полемика здравствующих онноентов — случай, пожалуй, уникальный.

К началу XX в. существенные уснехи были достигнуты в генеалогии. Ученые прошли нуть от простого собирания и цитирования источников до их анализа и выявления в них противоречивых и недостоверных сведений. В вопросе происхождения новосильских князей и отдельных ветвей новосильского дома тоже оказалось немало сложностей. Они будут подробно рассмотрены в настоящей работе. Пока же из всей массы литературы выделим нубликации Филарета (Гумилевского), Н. Д. Квашнина-Самарина и Р. В. Зотова, связанные с изучением Любецкого синодика (1863–1892 гг.); работу польского ученого Ю. Вольфа «*Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku*» (1895 г.); крупный труд по генеалогии Г. А. Власьева «*Потомство Рюрика*» (1906 г.); и особый взгляд Н. А. Баумгартена на историю родов князей черниговского дома (1927 г.)⁷³. В числе прочего генеалогия снособствовала выявлению источников для истории того или иного семейства. Для новосильских князей сохранились сведения о ряде династических браков. На этом основании ученые делали выводы об их политической ориентации⁷⁴. Вместе с тем браки могут иллюстрировать положение князей в княжеской иерархии. Особенно это важно в тех случаях, когда положение других княжеских родов, встунавших в родственные отношения с новосильским княжеским домом, хорошо известно.

Отметим зарождение еще одной некрасивой тенденции, которая в нолной мере раскрылась в XX в. В 1882 г. вышло исследование Д. И. Багалея об истории Северной земли до середины XIV в. В донолнение к своему труду ученый представил княжества Северо-Восточной Черниговщины хотя и в нолном

А. С. Нарушевича являются переводами варшавских коний русских грамот на латынь XVIII в. (*Довнар-Запольский М. [В.] Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Т. 1. С. 706–709; см. примеч. к приложению №3*).

⁷³ *Филарет, архиепископ. Историко-статистическое онисание Черниговской снархии. Кн. 5. Чернигов, 1874. С. 34–45; Квашнин-Самарин П. [Д.] По новоду Любецкого синодика // ЧОИДР. 1873. Кн. 4. V. Смесь. С. 213–226; Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику...; Wolff J. Kniazowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895; Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. 1. Князья Черниговские. Ч. 1. СПб., 1906; Baumgarten N. [А.] Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X-e au XIII-e siècle // Orientalia Christiana. Vol. IX–1. Roma, 1927. №35. Р. 54–56, 86–94.*

⁷⁴ *Грушевський М. [С.] Історія України-Руси. Т. 4. Київ, 1907. С. 69; Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 2. Вын. 1: Занадная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939. С. 70.*

соответствии с родословцами, но весьма схематично и без привязки к хронологии. Получилось, что уже в первой половине XIV в. местные князья нереживали крайнюю раздробленность и политическую несостоятельность⁷⁵. Эти взгляды восходили к временам Н. М. Карамзина и первых краеведов, представления которых основывались на схеме родословных книг и сводились к тому, что сколько в верховьях Оки было титулов князей, столько было и отдельных княжеств. Тем же смыслом «Страны князей» позже пронитался термин «Верховские княжества»⁷⁶.

Тема «верхівських» княжеств как составной части Черниговщины интересовала М. С. Грушевского (1907 г.). Рассматривая «верхівські землі» (здесь «земли» — синоним мелких княжеств) как особую территорию, ученый отметил, что еще во второй половине XIV — начале XV в. она сохранялась «в руках мелких княжеских родов». «Эти мелкие княжества в последних десятилетиях XIV в. оставались в довольно сложной ситуации. Давний властитель Орда ослабла совсем, а вместо того с разных сторон протягивали к ним руку соседние княжества, соревнуясь в политическом превосходстве» (см. мысль Леонида Кавелина). Отмечая борьбу за влияние в регионе Московского, Литовского и Рязанского княжеств (последнего только до начала XV в.), М. С. Грушевский традиционно рассматривал северо-восточную часть бывшей Черниговской земли только с внешней стороны. Собственная роль «верхівських» князей в истории им почти не отмечалась. Династические браки их представителей с дочерьми великих князей литовских и рязанского автор расценивал как нонадание «верхівських» князей в вассальную зависимость от Литвы или Рязани. Никаких различий в их статусе и статусе их владений он не делал, хотя такой опыт в историографии уже имелся⁷⁷.

Обобщение политической ситуации в регионе второй половины XIV в. с ситуацией конца XV в. можно усмотреть и в лекциях А. Е. Преснякова. Так, он знал о браке дочери великого князя литовского Ольгерда с князем Иваном Новосильским, однако называл последнего «мелким князем Рюриковичем». То же определение бытовало в его лекциях и для конца XV в.: «мелкие князья восточной Черниговщины, Рюриковичи “верховские” — Новосильские, Белёвские, Одоевские, Воротынские и т. н.»⁷⁸. А. Е. Пресняков распространял на всех «верховских» князей литовско-новосильские договорные отношения, и писал, что все они «стояли вне государственных

⁷⁵ Багалей Д. [И.] История Северной земли до половины XIV ст. Киев, 1882. С. 305–307.

⁷⁶ Редкий в литературе образ «Страны князей» особенно нравился белёвскому писателю В. Я. Грекову, который не раз использовал его и прямо приравнивал к термину «Верховские княжества» (Греков В. Я. Белев: очерки по истории и современности кафедрального города. Тула, 2007. С. 50–63).

⁷⁷ Грушевський М. [С.] Історія України-Руси. Т. 4. С. 69–73, 276–277.

⁷⁸ Здесь А. Е. Пресняков не только приравнивал князей новосильских к остальным «верховским», но и выражался так, как будто это отдельная княжеская ветвь наравне с белёвскими, одоевскими и воротынскими.

связей Литовско-Русского государства»⁷⁹. Здесь видны заимствования из работ Ф. И. Леонтовича и М. С. Грушевского. Позиция М. К. Любавского, который называл уделы новосильских князей «самыми значительными» в регионе, А. Е. Пресняковым не учитывалась.

Весомый вклад в изучение истории Верхнего Поочья внесли некоторые польские ученые. Так, Я. Натансон-Леский (1922 г.) хотя и рассматривал новосильских князей вместе с «верховскими» вообще, но, изучив dokonчание князя Федора Львовича Новосильского и Одоевского с Казимиром IV, заметил, что тот «имел в Поочье исключительное положение и сам владел бóльшей частью края»; «служил Литве, гарантировав нерушимость своего княжества», а «в случае невыполнения условий договора со стороны Литвы» — «имел нраво отказаться от службы». На этом основании ученый предлагал очертить здесь литовскую границу двояко. В первом случае рассматривая ее вместе с владениями всех вассалов, а во втором случае исключая из территории Великого княжества Литовского владения «вассалов новосильских», поскольку, в отличие от других территорий Северо-Восточной Черниговщины, их «земли и воды» Литве не принадлежали⁸⁰. Приведем другой пример. К 1936 г. польский исследователь С. М. Кучинский обратил внимание на титулование представителей новосильского дома «великими князьями». Целый раздел его книги, названный «Książęta Nowosilscy do połowy XV w.», был посвящен анализу источников и генеалогии новосильских князей. Фактический материал автор изложил наиболее полно и обстоятельно, чем все его предшественники. Именно С. М. Кучинским белёвская битва 1437 г. впервые была упомянута в контексте истории Новосильско-Одоевского княжества, чего в работах отечественных ученых никогда ранее не случалось⁸¹.

В то же время отечественная наука понесла большой урон в годы репрессий. В 1930 г. М. К. Любавский был арестован по сфабрикованному «делу историков» (умер в ссылке в 1936 г., реабилитирован в 1967 г.), а многие его работы на долгое время были преданы забвению. В этот процесс была включена почти вся верхушка русской исторической науки. Больше повезло трудам А. Е. Преснякова, но его в 1929 г. постигла безвременная кончина⁸². В этой связи вопросы изучения истории Северо-Восточной Черниговщины середины XIII — начала XVI в. в отечественной историографии были отброшены далеко назад.

Еще в конце XIX в. В. И. Ивановский писал, что «рассказать историю кн. Одоевских в последовательном порядке, это дело будущего и венец усилий

⁷⁹ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 2. Вып. 1. С. 70, 151.

⁸⁰ Natanson-Leski J. Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Cz. I. Lwów; Warszawa, 1922. S. 31, 38–39, 47.

⁸¹ Kuczyński S. M. Ziemie Czernihowsko-Siewerskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936. S. 123–137.

⁸² Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства... С. 11–12; Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. М., 1998. С. 5–6.

многих лет и притом на протяжении большого времени»⁸³. К тому времени был издан ряд монографий, посвященных великим княжествам и их уделам⁸⁴. Но, несмотря на ряд публикаций крупных ученых и местных историков-краеведов, отдельные области северо-восточной части бывшей Черниговской земли по-прежнему не имели столь же основательных исследований. Думал ли В. И. Ивановский, что их придется ждать не только годы, но и десятилетия?

III

Недостаточная изученность истории интересующего нас региона nonacalu сказалась на науке советского времени самым неблагоприятным образом. Крайне скудные сведения о княжествах верховьев Оки содержатся в «Очерках истории СССР» (1953 г.)⁸⁵. К 1960 г. Г. А. Федоров-Давыдов испытывал затруднения даже с определением области «Верховских княжеств» и включал в нее не только Верхнее Поочье, но и верхнее течение рек Дона, Сейма и Северского Донца⁸⁶. В 1962 г. М. Н. Тихомиров отмечал, что «в целом заоцкие и брянские места можно изучать как особый Заоцко-Брянский край». В его работе отчетливо звучали ноты недооценки состоятельности региона, которые были отголоском лишь некоторых мнений конца XIX — начала XX в. В частности, он писал, что князья Одоевские, Воротынские, Мосальские, Мезецкие и другие «держали в своих руках мелкие, ничтожные владения». С другой стороны, замечал, что «городища Заоцкого края отличаются исключительно большими размерами», и вновь хорошо укрепленный Серенск (ошибочно отождествляя его с Сернейском) называл городом «ничтожным». Впрочем, ученый признавал, что «гордые и беснокойные» представители верхнеокских родов еще долгое время в XVI в. могли сохранять в своем регионе удельную систему⁸⁷, что не слишком согласуется с их заявленной «ничтожностью».

В 1974 г. Б. А. Рыбаков опубликовал исследование о так называемых картах княжеств Русского государства, которые восходят к евронейской картографии XVI в. и не раз публиковались в Западной Европе до начала XVIII в. Больше всего его поразило присутствие на них, по его мнению, «малоизвестного и незначительного по своей исторической роли удельного княжества Воротынского», но при этом неимоверно большого. Оставляя за скобками рассуждения о выводах автора⁸⁸, отметим, что его отношение к княжествам Верхнего Поочья

⁸³ Ивановский В. [И.] К истории удельных князей Тульского края... № 17. С. 748.

⁸⁴ См., например: Иловайский Д. [И.] История Рязанского княжества; Борзаковский В. С. История Тверского княжества. М., 2006; Симсон П. [Ф.] История Сернухова в связи с Сернуховским княжеством и вообще с отечественною историею. М., 1880.

⁸⁵ Очерки истории СССР. Период феодализма XI–XV вв. Ч. 2. М., 1953. С. 133, 141, 522, 556.

⁸⁶ Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эниграфика. Т. I. М., 1960. С. 107, 109, 125–127.

⁸⁷ Тихомиров М. П. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 46–48, 370–372, 376.

⁸⁸ Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV — начала XVI века. М., 1974. С. 85–111. Б. А. Рыбаков уличил князя И. М. Воротынского († 1535 г.) в составлении протографа этих карт,

как к заведомо мелким внолне соответствует взглядам целого ряда ученых советской эпохи. Примером подобных взглядов может служить именование местных князей «княжатами», что прослеживается еще в работах А. Е. Преснякова. С. Б. Веселовский распространял это определение вообще на всех князей, вотчины которых измельчали. Слово «княжата» в русском языке имеет уменьшительный и даже уничижительный смысл. М. Н. Тихомиров и Б. А. Рыбаков по отношению к верхнеокским князьям применяли даже слово «князьки»⁸⁹. Термин «княжата» действительно встречается в литовско-русских источниках XV–XVI вв., но происходит от полонизма «książęta» и не переводится на современный русский язык как «князья», не имея уничижительного подтекста⁹⁰. В этом смысле непонятно выражение С. М. Кучиньского «wielkie książęta»⁹¹, но в современном русском языке выражения «великие княжата» нет.

Впрочем, уже в советский период наметился и несомненный прогресс в изучении отдельных аспектов средневековой истории Верхнего Поочья. В 1940 г. впервые в историографии В. Е. Сыроечковский рассмотрел порядок взимания одоевской дани в Крымскую Орду (ханство) в конце XV — первой трети XVI в.⁹² В 1947 г. С. Б. Веселовский опубликовал две жалованные

а также в удельных амбициях, якобы восходящих к середине XIII в. Однако ученому не удалось отыскать карту, которая датировалась бы ранее второй половины XVII в. и имела бы изображение Воротынского княжества с границами. В XVI в. ни С. Герберштейн (1549 г.), ни Г. Меркатор (1595 г.) не описывали границ «Vourotin principatus» или «Vogotin» (*Герберштейн С. Записки о Московии*. М., 1988. С. 140; *Mercator G. Atlas sive Cosmographicae Meditationes de Fabrica Mundi et Fabricati Figura*. Duisburg, 1595. Map. XXVI). На карте Г. Делиля (1706 г.) «Principaute du Vorotinsk» охватывает верховья Оки (*Рыбаков Б. А. Русские карты Московии...* С. 94–95). На картах же Г. Сансона (1674 г.) и А. Ю. Жайо (1695 г.) «Duche de Worotin», кроме верховьев Оки, охватывает все Посемье: Курск, Рыльск, Путивль. В бассейне р. Сосны ими помещена «Осраина» (*Рыбаков Б. А. Русские карты Московии...* С. 90; *Jaillot P. La Russie Blanche ou Moscovie divisee suivant l'Estendue des Royaumes, Duches, Principautes...* Paris, 1695). Попытка Б. А. Рыбакова связать Посемье с князьями Воротынскими через домонгольскую эпоху, когда Воротынского княжества еще не существовало, видится неудачной — они никогда не владели Посемьем. Исследователю стоило бы ограничиться замечаниями о землевладении князей Воротынских в верховьях Оки в XVI в., о деятельности князя М. И. Воротынского († 1573 г.), связанной с организацией пограничной (сторожевой) службы на «украине» и в Посемье, а также о плохой осведомленности европейских картографов. Впрочем, заслуживает внимания указание Б. А. Рыбакова на службу князя Ивана Алексеевича Воротынского († 1679 г.) в носольском приказе, на его отношение к картам Московского государства и на его связи с иноземными нослами. Не исключено, что именно он мог оказать влияние на представления европейцев о Воротынском княжестве.

⁸⁹ Тихомиров М. П. Россия в XVI столетии. С. 48; Рыбаков Б. А. Русские карты Московии... С. 100.

⁹⁰ ЛМ. Кн. 5. 1993. Р. 86; АЗР. Т. 1. № 58. С. 72–77; ПСРЛ. Т. 32. С. 32, 34, 37; Курбский А. М. История о Великом князе Московском. СПб., 1913. Стб. 128, 130.

⁹¹ Kuczyński S. M. Ziemia Czernihowsko-Siewierskie... S. 126.

⁹² Сыроечковский В. Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки Московского орден Ленина Государственного университета им. М. В. Ломоносова. Вып. 61. История. Т. 2. 1940. С. 46–47.

грамоты князя А. И. Воротынского, данные Успенской Шаровкиной нустыни в Перемышле в 1547 и 1561 гг.⁹³ Ученый заметил, что «при некоторых архаизмах, вполне естественных в грамотах удельных князей, грамоты Александра Воротынского по форме и содержанию очень близки к жалованным грамотам московских великих и удельных князей». Эта публикация подчеркивала факт свободного распоряжения одним из князей новосильского дома своей исконной вотчиной до середины XVI в.⁹⁴ Рассматривая последние уделы эпохи Ивана IV, С. Б. Веселовский делал различия в их происхождении и статусе их владельцев. Того же подхода нозже (1975 г.) придерживался А. А. Зимин при рассмотрении ноложения служилых князей в Русском государстве в конце XV — первой половине XVI в. Он делал различия в ноложении грунн князей: во-первых, Василия Шемячича, Семена и Василия Стародубских (Можайских) — князей московского дома, нолучивших владения в Литве и сохранивших их после присоединения к Москве; во-вторых, Бельских, Глинских и Мстиславских — приехавших в Московскую Русь без вотчин и нолучивших здесь города и волости в «жалованье»; в-третьих, Трубецких, сохранявших свои литовские уделы под властью Москвы; в-четвертых, новосильских, сохранявших за собой исконные вотчины на службе Литве, а нотом на службе Москве⁹⁵. Позже подход А. А. Зимина в значительной степени повлиял на позицию по этому вопросу М. Е. Бычковой (1986 г.)⁹⁶. Для интересующей нас темы целый ряд работ А. А. Зимина и М. Е. Бычковой представляется очень важным⁹⁷. Отдельных аспектов землевладения князей Воротынских и Одоевских в XVI в. касались Р. Г. Скрынников (1965 г.) и В. Б. Кобрин (1969 г.)⁹⁸. Также выделим статью В. Д. Назарова (1969 г.) о челобитной князя И. М. Воротынского⁹⁹. Процесс нерехода князей новосильского дома и других на службу Москве в конце XV в. описали К. В. Базилевич (1952 г.) и А. А. Зимин (1982 г.), а также американский

⁹³ На первую из них обратил внимание еще Леонид (Кавелин), ссылаясь на «опись монастырских актов» (*Леонид, иеромонах. Церковно-историческое описание упраздненных монастырей...* С. 3).

⁹⁴ *Веселовский С. Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Исторические записки. Т. 22. 1947. С. 116–117, 127–131.*

⁹⁵ *Зимин А. А. Служилые князья в Русском государстве конца XV — первой трети XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975. С. 28–56.*

⁹⁶ *Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 48–51.*

⁹⁷ См.: *Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 129–136; Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975; РИИР. Вып. 2. С. 41–43, 111–118.*

⁹⁸ *Скрынников Р. Г. Причины и последние удельные княжения на Руси // Исторические записки. Т. 76. 1965. С. 162–167; Кобрин В. Б. О формах светского феодального землевладения в Русском государстве конца XV — XVI в. // Ученые записки Московского Государственного Педагогического института им. В. И. Ленина. № 309. 1969. С. 5–9.*

⁹⁹ *Пазаров В. Д. Тайна челобитной Ивана Воротынского // Вопросы истории. 1969. № 1. С. 210–218.*

исследователь О. П. Бакус (1957 г.)¹⁰⁰. Однако к существенному переосмыслению роли Новосильско-Одоевского княжества в истории за период до конца XV в. эти публикации не привели.

После «дела историков» и связанного с ним «дела краеведов» 1929–1931 гг. историческое краеведение оказалось в ущемленном положении. В познании истории ортодоксальные последователи марксистско-ленинской теории стремились подчеркнуть классовый антагонизм и не способствовали распространению знаний о княжествах Верхнего Поочья на местах. Так, А. Ф. Кострица в учебном пособии по истории Орловского края для школьников (1974 г.) удревил образование Карачевского и Новосильского княжеств до XII в., с тем чтобы объявить князей и феодалов угнетателями «трудовой части вятичей», которая якобы до конца XII в. боролась за свою свободу нутем ненависти чуждой христианской религии. С начала XIII в. вятичи перестают упоминаются в источниках. Поскольку исчезает объект угнетения, автор больше не говорит и о мнимых угнетателях¹⁰¹. У краеведов все еще сохранялся интерес к средневековой истории родного края, но в таких условиях их знания и подходы к исследованию не развивались. Ситуация осложнялась крайне ограниченными возможностями публикаций их изысканий. Например, новосильский краевед Г. Ф. Соловьев оставил после себя неопубликованную местечковую хроничку «К истории Новосильского края»¹⁰². Воротынский по происхождению краевед А. М. Баталин увлекался историей исключительно воротынских князей отдельно от истории Новосильско-Одоевского княжества. Его труд был опубликован в 1995 г. — через 30 лет после его смерти¹⁰³. В схожем положении оказался краеведческий очерк одоевского журналиста В. А. Лисаева, опубликованный в 2002 г. — спустя 14 лет после кончины автора¹⁰⁴. По своей форме он близок к произведению

¹⁰⁰ *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV века). М., 1952. С. 282–330; *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 93–103; *Backus O. P.* Motives of West Russian Nobles in Deserting Lithuania for Moscow, 1377–1514. Lawrence, 1957. P. 99–102.

¹⁰¹ *Кострица А. Ф.* Край наш Орловский. Ч. 1. Тула, 1974. С. 12–19. В 2005–2007 гг. в ходе посещения библиотеки Калужского объединенного краеведческого музея мной обнаружено, что там из богатой подборки журналов «Императорского общества истории и древностей Российских» отсутствовали тома, содержащие разрядные и родословные книги, а также работы М. К. Любавского. Вопрос о возможной связи этого исчезновения с цензурой советского периода остался для меня нерешенным.

¹⁰² *Корнева В. И.* Град на острожной горе. Орёл, 2008. С. 563–565, 581–587.

¹⁰³ По интересующему нас периоду А. М. Баталин в основном сосредоточился на цитировании литовско-воротынских грамот по изданию И. И. Григоровича. Он не стал выписывать договор 1447 г., видимо, потому, что в нем у князя Федора Львовича Новосильского и Одоевского нет титула «воротынского». Вместо этого он процитировал формуляр литовско-новосильских договоров по С. М. Соловьеву и, вслед за знаменитым историком, полагал, что такие договоры с великим князем литовским заключали все присяжные князья (*Баталин А. М.* Город Воротынский и князья Воротынские в истории России. Калуга, 1995. С. 22–28, 66–67).

¹⁰⁴ *Лисаев В. А.* Одоев. Историко-краеведческий очерк. Тула, 2002. С. 12–20.

литературы и посвящен исключительно Одоеву. В советскую эпоху пример литературного творчества, связанный с историей региона, был реализован в эмигрантской среде выходцев из Верхнего Поочья. В 1958 г. в Буэнос-Айресе М. Д. Каратеев издал свой первый исторический роман, посвященный карачевским князьям, в котором также затронул историю Новосильского княжества¹⁰⁵. Вместе с тем отдельные ростки краеведческих знаний о местных княжествах все же пробивали себе дорогу и в Советском Союзе. Особенно в Тульской области было сложно обойти стороной труды отцов-основателей региональной историографии, даже несмотря на их «буржуазное» происхождение. Зависимость от них прослеживается в очерке тульского историка и архивиста Г. П. Андреева (1958 г.), который содержит сведения по истории белёвских князей¹⁰⁶. Другие исследователи в большей степени ориентировались на труды крупных отечественных историков. В 1981 г. вышла книжечка П. П. Тишина, который кратко изложил историю образования Новосильско-Одоевского княжества и выделения в его составе Белёвского удела¹⁰⁷. В отличие от Н. М. Карамзина и краеведов XIX в. он уже осознавал единство Новосильско-Одоевского княжества, равно как и то, что белёвские, воротынские и одоевские князья сохраняли общее прозвище князей новосильских. Его труд был подготовлен к печати белёвским литератором, впоследствии по долгу службы и по зову сердца смодвижником местного краеведения В. Я. Грековым¹⁰⁸. П. П. Тишин работал в московских библиотеках, использовал летописи, тексты литовско-новосильских договоров, разрядные книги, был знаком с документами московско-литовских дипломатических сношений, трудами М. К. Любавского(!), Л. В. Череннина и других историков, в том числе краеведов Тульской губернии. И хотя эта часть его работы не имела большой научной новизны, она была важна для местных любителей древностей.

¹⁰⁵ *Каратеев М. Д.* Ярлык великого хана: Исторический роман. М., 1991. М. Д. Каратеев был рожден в Германии в 1904 г., однако его семья принадлежала к дворянскому сословию Орловской губернии и имела прямое отношение к белёвскому культурному гнезду XIX в. По материнской линии он являлся потомком В. А. Жуковского, а по отцовской — родственником братьев И. В. и П. В. Киреевских. Семья М. Д. Каратеева добивалась признания себя ветвью карачевских князей, однако ее притязания представляются весьма сомнительными.

¹⁰⁶ *Андреев Г. П.* Белев. Историко-экономический очерк. Тула, 1958. С. 8–11. Связь работы автора с трудами предшественников хорошо видна по наличию в ней некоторых старых заблуждений, которые имелись у прежних историков-краеведов.

¹⁰⁷ *Тишин П. П.* Белев. Очерк истории города и района. Тула, 1981. С. 11–25.

¹⁰⁸ Редакторская роль В. Я. Грекова в книжке не была отмечена. К сожалению, сам он не обладал навыками научного исторического исследования и пренебрегал ссылками на источники своих исторических знаний. В основном сведения по истории становились основой для его литературного творчества. Тем не менее нужно отметить, что, став редактором «Белёвской правды» в 1985 г., он поддерживал публикации местных краеведов в районной газете. Затем в 1995–2008 гг. работал директором Белёвского краеведческого музея. Его представления о белёвской истории были изложены в литературном жанре (*Греков В. Я.* Белев: очерки по истории и современности... С. 50–71).

Возвращаясь к трудам советских ученых, стоит отметить, что их наблюдения относительно истории Верхнего Поочья носили энзодический характер и в основном освещали период конца XV — XVI в. Знания об истории региона более раннего времени «застыли» в начале советского периода, а по сути основывались на наработках конца XIX — начала XX в. Наконченные в то время противоречия не освещались и не получали всесторонней оценки. Такое состояние дел можно проиллюстрировать и выдержкой из книги А. Ю. Дворниченко (1993 г.), также отраженной в его докторской диссертации. Ученый предпочел не обращаться к фактической стороне дела, а положиться на ту часть дореволюционной историографии, в которой князья Верхнего Поочья были измельчены и уравнены в нравах по отношению к литовскому центру¹⁰⁹. Им воспроизводилась позиция Ф. И. Леонтовича, которую критиковал еще М. К. Любавский. Тем не менее с окончанием советского периода данная тема привлекла к себе внимание многих ученых, которые в полной мере раскрыли актуальность проведения новых исследований.

IV

В 1993 г. была напечатана дипломная работа тульского историка А. В. Шекова «Верховские княжества». По словам ее рецензента А. К. Зайцева, она должна была наметить основные задачи и пути исследования истории региона¹¹⁰. Автор кратко рассмотрел вопросы образования княжеств в северо-восточной части Черниговщины, их политическую историю и историю их ликвидации. Весь регион рассматривался как совокупность «Верховских княжеств». Следуя мнению М. Н. Тихомирова, литовско-новосильские dokonчания назывались типичными для вассальных отношений XV в. По мнению А. В. Шекова, существование этих княжеств вообще было возможно только в условиях их вассалитета, т. е. подчинения другим, более крупным княжествам¹¹¹. Однако «Новосильско-Одоевско-Воротынское» княжество было выделено уже тем, что, находясь (по мнению автора) в составе Великого княжества Литовского, оно сохраняло «местную самостоятельность и самобытность, как относительно крупная территориальная единица». Несколько позже применительно к середине XV в. ученый назвал Новосильско-Одоевское княжество «отдельным государственным образованием (единой территориально-политической корпорацией)» (по этому новоду см. далее мнение Е. И. Колычевой)¹¹². Внешнюю политику верхнеокских княжеств он характеризовал поиском местными князьями блока с антиордынскими силами. Их подданство в зависимость от Литвы и Москвы объяснил борьбой крупных государств за господство в регионе (так

¹⁰⁹ Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). СПб., 1993. С. 93–94.

¹¹⁰ Шеков А. В. Верховские княжества. (Краткий очерк политической истории. XIII — середина XVI в.). Тула, 1993. С. 5.

¹¹¹ Он же. [Рец. на кн.:] Тронин Н. А. Елецкая земля в XII–XV вв. Елец: ЕГПИ // Вестник Елецкого государственного университета. Вып. 1. Сер. История, право. Елец, 2002. С. 228.

¹¹² Он же. О системе наследования... С. 265.

это видел еще М. К. Любавский). Проблема же службы «на обе стороны» привела его к мысли о том, что местные князья стремились сохранить свою самостоятельность нутем «лавирования» между Москвой и Литвой. Когда же с московскими завоеваниями на рубеже XV–XVI вв. этот «источник политической силы» иссяк, то ликвидация верхнеокских уделов была предрешена¹¹³. Для широкого круга читателей материалы кандидатской диссертации А. В. Шекова (1998 г.) стали доступны с публикацией его книги 2012 г., расширенный вариант которой вышел в 2018 г.¹¹⁴ В них очерк политической истории «верховских княжеств» дополнен разделами, которые также известны по отдельным публикациям. Значительное внимание уделено Волконскому уделу Тарусского княжества, исторической географии региона и археологии.

В 1992 г. вышло несколько статей, посвященных вводимым в научный оборот документам о землевладении князей новосильского дома в XVI–XVII вв. Их авторами стали А. Л. Юрганов, В. Ю. Беликов и Е. И. Колычева¹¹⁵. В 1994 г. Е. И. Колычева выступила с докладом о Новосильско-Одоевском княжестве¹¹⁶. Анализ источников позволил ей заявить, что «в конце XIV — начале XV в. Новосильско-Одоевская территориальная корпорация являлась великим княжеством, одним из наиболее могущественных в бассейне верховья Оки». Она сделала вывод о суверенитете Новосильского княжества; указала на отличия в правовом статусе исконных вотчин новосильских князей и полученных ими литовских пожалований; обратила внимание на их взаимоотношения внутри рода, предположив, что в 1440-х гг. новосильская княжеская корпорация распалась. Разумеется, в условиях подчинения русских «земель» Орде сложно говорить об их полной независимости (суверенитете). Речь здесь идет о нравах новосильских князей на территории Новосильской и Одоевской земли, об их способности уберечь ее от подчинения русским и литовским соседям. Впрочем, заявленный статус новосильских князей не был подкреплён сравнительным анализом с положением других «верховых князей»¹¹⁷, поэтому в нем еще оставалось много неопределённостей. Этот пробел во многом был восполнен следующим ученым.

¹¹³ Шеков А. В. Верховские княжества. (Краткий очерк политической истории. XIII — середина XVI в.). С. 26–50.

¹¹⁴ Он же. Верховские княжества (вторая половина XIII — середина XVI в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; Он же. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. М., 2012; Он же. Политическая история и география Верховских княжеств. Середина XIII — середина XVI в. М., 2018.

¹¹⁵ Юрганов А. Л. О стародубском «уделе» М. И. Воротынского и стародубских вотчинах в завещании Ивана Грозного // Архив русской истории. Вып. 2. М., 1992. С. 34–70; Беликов В. Ю., Колычева Е. И. Документы о землевладении князей Воротынских во второй половине XVI — начале XVII в. // Архив русской истории. Вып. 2. М., 1992. С. 93–121.

¹¹⁶ Колычева Е. И. Новосильско-Одоевская корпорация и судьбы ее представителей в XV в. // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в. Ч. I. М., 1994. С. 200–212.

¹¹⁷ Несколько измененный термин «верховые» (а не «верховские») княжества принадлежит М. Н. Тихомирову.

В 1995 г. было опубликовано исследование М.М. Крома (по материалам его кандидатской диссертации) о западнорусских землях в системе русско-литовских отношений¹¹⁸. И хотя выбранная им тема была ограничена хронологическими рамками конца XV — первой трети XVI в., предварительно был сделан глубокий экскурс в историю XV в. В том числе рассматривалось положение князей новосильского дома, а также Мезецких и Мосальских. М.М. Кром внес существенное уточнение в работы многих предшественников, отметив, что литовско-новосильские dokonчания, которые ранее в историографии распространялись на всех князей Юго-Западной Руси или более узко — на верхнеокских князей, относятся только к новосильским князьям (на это указывал еще М.К. Любавский). Более того, на основании нахождения этих dokonчаний в составе нятой книги записей Литовской метрики среди договоров Литвы с независимыми от нее территориями ученый установил, что отношения между великими князьями литовскими и князьями новосильского дома «рассматривались как бы на межгосударственном уровне». Их обязательства «носили взаимный характер», а в случае их несоблюдения могли быть расторгнуты в одностороннем порядке. К концу XV в. новосильские уделы «Вильно так и не смогло инкорпорировать в состав великого княжества (Литовского. — *Р.Б.*)». Литовские государи старались удержать новосильских князей при себе посредством укрепления родственных отношений с ними и наделения их богатыми земельными пожалованиями. Князья этого рода «не превратились в обычных вотчинников и сохраняли княжеские нравы», они «имели собственных бояр и слуг», а также располагали «внушительными отрядами». Отношения же с Литвой князей Мезецких, Мосальских и других верхнеокских «не носили договорного характера», в XV в. они княжили на землях, принадлежащих Литве¹¹⁹. М.М. Кром, как и его предшественники, использовал обобщенный термин «верховские князья», но его вывод уже не подразумевал наличия в верховьях Оки прежней совокупности равнозначных титульных княжеств. Он выявил большую разницу в положении этих князей, что являлось следствием различия в статусе их земельных владений. Также он подробно исследовал процесс перехода князей Верхнего Почья от Литвы на службу Москве. Эти вопросы могут быть дополнены и уточнены лишь в деталях. Такую возможность, в частности, предоставляет изучение истории Новосильско-Одоевской земли. Ученым был сделан еще ряд важных обобщений, на которых остановимся в ходе настоящего исследования.

В 1997 г. орловский историк С.В. Ковылов¹²⁰ защитил кандидатскую диссертацию по теме «Новосильское княжество и новосильские князья

¹¹⁸ Признателен калужскому археологу О.Л. Прошкину, который впервые познакомил меня с первым изданием книги М.М. Крома (1995 г.) и поддержал на начальном этапе исследования. В 2010 и 2019 гг. вышли второе и третье издания книги М.М. Крома.

¹¹⁹ Кром М.М. *Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой половины XVI в.* М., 1995. С. 35–53.

¹²⁰ С.В. Ковылов проживал в Новосиле с 7 лет и провел в нем детство и юность. Поэтому его можно назвать новосильским по происхождению (*Корнева В.И.* Град на острожной горе. С. 566–567).

в XIV–XV вв.». В целом ученый нереял у А. В. Шекова конценцию о «лавировании» новосильских князей. Однако у С. В. Ковылова имеются и оригинальные наблюдения. По его мнению, термин «Верховские княжества» «в значительной мере обесцвечивает политическое своеобразие верхнеокского региона»; его доминирование в историографии «нивелирует особенности политического развития» новосильских князей. Ученый предложил отказаться от применения к князьям белёвским, одоевским и ворытынским термина «верховские князья», поскольку в источниках для них есть конкретное название — «князья новосильские»¹²¹. Решительного шага в этом направлении еще не было сделано. Напротив, в историографии к местным князьям уже прочно приклеился внешний эпитет «верховских» и использовался в их отношении даже в тех случаях, когда в этом не было большой необходимости.

В 1996 г. елецкий археолог Н. А. Тронин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Елецкая земля в XII–XV вв.». Елецким же древностям было посвящено исследование воронежского ученого В. В. Лантёнова (1998 г.). Исследователи выразили особую точку зрения о вхождении бассейна р. Сосны в состав Новосильского княжества вплоть до 1370-х гг.¹²² Эта спорная гипотеза была конкретизирована в докторской диссертации Н. А. Трониной (2007 г.)¹²³. В целом же появление подобных изысканий наравне с другими работами современников можно признать знаковыми событиями 1990-х гг., когда усилиями преимущественно местных ученых возрождалась тема, почти забытая в отечественной историографии.

Тем самым современное изучение истории северо-восточной части бывшей Черниговской земли не ограничивается. Е. В. Русина (1998 г.) внесла существенное уточнение в используемую исследователями терминологию. Она

¹²¹ Ковылов С. В. Новосильское княжество и новосильские князья в XIV–XV вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Орёл, 1997. С. 11, 16, 75–76, 136–137; *Он же*. Новосильское княжество и новосильские князья в XIV–XV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орёл, 1997. С. 14, 19.

¹²² Тронин П. А. Елецкая земля в XII–XV вв. Елец, 1999. С. 111–112; Лантёнов В. В. Елецкие древности. Воронеж, 1998. С. 36–37.

¹²³ Ученый указал, что Лавский археологический комплекс (вблизи Ельца) следует рассматривать в качестве административной волости Новосильского княжества. Его гибель гипотетически была связана с разорением Новосиля в 1375 г., после чего, по мнению автора, существовавшая здесь волость потеряла связь со столицей, которая была перенесена из Новосиля в Одоев (Тронин П. А. Южные территории Чернигово-Рязанского норубужья в XII–XV вв.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2007. С. 30). Однако тезис о полном занушении Новосиля именно в 1375 г. остается в области гипотез. Сравнительно недавно под Новосилем были обнаружены нумизматические комплексы с младшими монетами первой четверти XV в. (Беспалов Р. А., Казаров А. А. Клады и денежные комплексы первой трети XV века, обнаруженные в верховьях Оки, Дона и Десны в 2008–2011 годах (по результатам предварительного исследования) // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история. Тула, 2013. С. 75–76). На Лавском комплексе известен клад монет начала XV в., что тоже ставит под сомнение его полное занушение в 1375 г. (Тронин П. А. Елецкая земля в XII–XV вв. С. 133–137). Согласно письменным источникам, в конце XIV — начале XV в. Елец с его округой был под властью елецких князей козельского княжеского дома (см. § 3).

справедливо заметила, что Верхнее Поочье не относилось к Северской земле, как считалось в историографии с XIX в.¹²⁴ Замечания А. Л. Хорошкевич (2001 г.) касались формуляра литовско-одоевского договора 1459 г. и «даражских нош-лин» с «одоевских городов» в пользу Крыма¹²⁵. Очередная работа Е. И. Колычевой (2000 г.) коснулась судебных воротынских князей в XVI в.¹²⁶ В 2009–2010 гг. А. В. Казаков обнаружил и опубликовал литовско-одоевский договор 1481 г.¹²⁷ В 2011 г. специалистами Лаборатории пластической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН был восстановлен облик шести князей из рода Воротынских из захоронений Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв.¹²⁸ Статьи А. В. Антонова (2001 г.) и П. В. Седова (2006 г.) были посвящены документам о земельных владениях князей новосильского дома в XVI–XVII вв.¹²⁹ О. А. Шватченко (1996, 2008 гг.) выяснил, что, успешно пережив годы ордынского террора и репрессий, далее в конце XVI — XVII в. князья Воротынские и Одоевские сохранили свой высокий статус и оказались крупнейшими землевладельцами Московского государства, настоящими земельными магнатами¹³⁰. Приведенная исследователем статистика заставляет задуматься и об их стартовых позициях при переходе на московскую службу. Значительный вклад в изучение исторической географии Верхнего Поочья внес В. Н. Темушев (2005–2011 гг.)¹³¹. Также интерес представляют исследования, касающиеся истории

¹²⁴ Русина О. [В.] Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998. С. 47–49.

¹²⁵ Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. М., 2001. С. 234–238, 287–295.

¹²⁶ Колычева Е. И. Судьба княжеского рода Воротынских в XVI в. // Человек в XVI столетия. М., 2000. С. 117–127.

¹²⁷ Казаков А. У. Невядомає даканчанне караля польскага і вялікага князя літоўскага Казіміра і князя Навасільскага і Адоеўскага Міхаіла Іванавіча 1481 г. // SNEO. Вып. 3. 2010. С. 291–300.

¹²⁸ Балуева Т. С., Веселовская Е. В., Григорьева О. М., Рассказова А. В., Пчелов Е. В. Восстановление облика князей Воротынских в Лаборатории пластической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития. М., 2015. С. 123–124. Ожидается развернутая публикация: Веселовская Е. В., Григорьева О. М., Рассказова А. В. Восстановление облика князей Воротынских // Город средневековья и раннего нового времени VII: археология, история.

¹²⁹ Антонов А. В. К истории удела князей Одоевских // Русский дипломатарий. Вып. 7. М., 2001. С. 84–96; Седов П. В. Челобитная князей Одоевских о своих родовых землях накануне отмены местничества // Исследования по истории средневековой Руси. М.; СПб., 2006. С. 338–344.

¹³⁰ Шватченко О. А. Вотчинное землевладение в России в конце XVI века. М., 2008. С. 45–46, 49; Он же. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века. М., 1996. С. 87–88, 99–100, 119–120, 261, 273.

¹³¹ Темушев В. П. Река Угра — вековой страж московско-литовской границы // Новая локальная история: пограничные реки и культура берегов. Ставрополь, 2004. С. 305–317; Он же. Занадная граница Великого княжества Московского к 1380 г. // Куликовская битва в истории России. Тула, 2006. С. 82–109; Он же. Представления о территории Верхнеокских княжеств в работах исследователей // Верхнее Подонье. Природа. Археология. История. Вып. 2. Т. 2. Тула, 2007. С. 257–277; Он же. Пограничные города Великого княжества Литовского: Дмитровец в XV в. // SNEO. Вып. 2. 2009. С. 44–120; Он же. Поугорье и Верхняя Ока в системе обороны восточной границы Великого княжества Литовского // Позднесредневековый город III: археология и история. Тула, 2011.

региона в целом, — А. В. Шекова (с 1993 г.), Л. А. Беляева (1995 г.), В. А. Волкова (2003 г.), А. А. Горского (с 2004 г.), А. В. Кузьмина (2012 г.)¹³², который также выступил редактором книг А. В. Шекова 2012, 2018 гг. Некоторый интерес к связям Глухова и Новосила имеется в среде глуховских историков и краеведов¹³³. Постепенно список работ по истории новосильских князей пополняется новыми публикациями¹³⁴.

Вместе с тем не все новые работы по истории Верхнего Поочья можно назвать удачными. В 1997 г. Д. Н. Александров защитил докторскую диссертацию. Один из ее разделов был посвящен теме: «Верховские княжества в XIII–XIV вв.». За обозначенный период в поле зрения исследователя попало слишком мало исторических фактов, причем некоторые из них были изложены неточно. По его мнению, эти образования не играли значительной роли в политической жизни Руси, они находились на отшибе и замкнулись на своей внутренней политической жизни; в историографии же их роль якобы была преувеличена А. В. Шековым. Исследования многих других ученых автор вовсе проигнорировал¹³⁵. Некоторые иные диссертационные работы тоже получили нелегитим-

С. 66–83; *Цемушаў В. М.* «Вайна над час міру». Першая намежная вайна ВКЛ з Масквою (1486–1494) // *Беларускі гістарычны агляд*. Т. 15. 2008. Сп. 1–2 (28–29). С. 5–48; *Темушев В. П.* Первая московско-литовская пограничная война: 1486–1494. М., 2013; *Он же*. На восточной границе Великого княжества Литовского. Середина XIV — первая половина XVI в. Тула, 2016.

¹³² *Шеков А. В.* О времени упоминания средневековых верхнеокских городов в обзоре «А се имена всем градом руским, далним и ближним» // *Верхнее Подонье: Природа. Археология. История*. Т. 2. Тула, 2004. С. 117–140; *Он же*. О номинатике черниговских князей в составе Любецкого синодика // *Забеллинские научные чтения — Год 2006-й*. М., 2007. С. 281–300; *Он же*. О системе наследования... С. 258–268; *Он же*. Об исторической географии Новосильско-Одоевского княжества в последней четверти XIV — начале XV в. // *Куликовская битва в истории России*. Вып. 2. Тула, 2012. С. 112–128; *Он же*. Верховские князья и их владения во времена походов хана Ахмата на Русь // *Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты*. Калуга, 2017. С. 381–404; *Беляев Л. А.* Спасский «на усть-Угры» монастырь в XVI веке (археология, история, архитектура) // *Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования*. Вып. 2. М., 1995. С. 55–72; *Волков В. [А.]* Хитрая война. Московско-литовское противостояние 1492–1494 годов // *Родина*. 2003. № 11. С. 60–63; *Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII — XV в. вне Северо-Восточной Руси // *Средневековая Русь*. Вып. 5. М., 2004. С. 147–153; *Кузьмин А. В.* Генезис черниговских князей по данным Румянцевского П списка первого извода Патриаршей редакции родословных книг (РГБ. Ф. 256. № 349) // *ОФР*. Вып. 15. М.; СПб., 2012. С. 173–192.

¹³³ *Белашов В. І.* Глухівське князівство і його уділи (біля 1247 р. — на початку XV ст.) // *Збереження історико-культурних надбань Сіверщини*. Глухів, 2005. С. 51–56; *Коваленко Ю. О.* Джучидські монети та їх сіверські наслідування з літонисного Глухова та його округи // *Ніжинська старовина: Збірник регіональної історії та пам'яткознавства*. Київ, 2012. Вип. 14 (17). С. 129–130.

¹³⁴ См., например: *Усачев А. С.* О книгах князей Воротынских в XVI в. // *Вестник архивиста*. 2012. № 3. С. 17–28; *Он же*. Еще раз о книгах князей Воротынских в XVI в. // «По любви, в правду, безо всякие хитрости». М., 2012. С. 331–340.

¹³⁵ *Александров Д. П.* Русские княжества XIII–XIV вв. М., 1997; *Он же*. Феодалная раздробленность Руси. М., 2001. С. 222–239; *Он же*. Южнорусские земли (Киевское и Черниговское княжества) во второй половине XIII — начале XIV в. // *Проблемы политической истории и историографии*. М., 1994. С. 108.

ятные оценки коллег, что заставляет сомневаться в их самобытной ценности¹³⁶. Наконченные знания еще не стали надежной опорой и для тех ученых, которые сами не являются специалистами по истории данного региона, что порой приводит к досадным недоразумениям в их работах¹³⁷.

Видимо, еще не раз придется обращать внимание общества даже на самые основные моменты новосильской истории. Например, еще и в 2000 г. Е. И. Колычева отмечала, что многим историкам неизвестен факт существования великокняжеского стола в Новосиле!¹³⁸

С окончанием советского периода резко выросло число публикаций по генеалогии. Однако особенно на первом этапе среди них имелось немало посредственных заметок, в которых отсутствовали ссылки на источники, а сложности в родословной новосильских князей не учитывались¹³⁹. Книги украинского исследователя Л. В. Войтовича, напротив, выгодно отличаются наличием научного аппарата¹⁴⁰. Однако его отдельные суждения по генеалогии

¹³⁶ См. оценку В. Н. Темушева кандидатской диссертации украинского историка А. А. Казакова (1998 г.) (*Темушев В. П.* Первая московско-литовская пограничная война: 1486–1494. С. 24–26; *Он же.* На восточной границе Великого княжества Литовского. С. 121–122; *Казаков О. О.* Московско-литовська боротьба за українські землі в кінці XV — на початку XVI ст.: Дис. ... канд. іст. наук. Київ, 1998). В предложенной к защите кандидатской диссертации Н. В. Логачёвой (май 2015 г.) и в ряде ее статей на интересующую нас тему ссылки на источники и литературу зачастую оказываются неточными, а некоторые построения и выводы предшественников переданы без ссылок на их работы, от лица самой Н. В. Логачёвой (*Логачёва П. В.* Особенности становления и эволюции княжеской власти в Юго-Восточной Руси в XI–XV вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 111–128; *Она же.* Великие княжества Карачевское и Тарусское: вторая половина XIII — XV в. (центростремительные процессы) // Вестник РУДН. Сер. История России. 2010. № 5. С. 111–117; *Она же.* Верховские княжества как зона влияния Черниговского Великого княжества // Диалог цивилизаций: Восток — Запад: Глобализация и мультикультурализм в посткризисном мире. М., 2013. С. 185–195; *Она же.* Летонские и родословные книги о раснаде Верховских княжеств (некоторые аспекты) // 1150 лет Российской государственности. М., 2013. С. 64–73).

¹³⁷ Например, называются неизвестные из источников княжества: Мценское и Серпейское (Очерки истории СССР. Период феодализма XI–XV вв. Ч. 2. С. 522; *Кизилов Ю. А.* Земли и народы России в XIII–XV вв. М., 1984. С. 121; *Гудавичус Э.* История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М., 2005. С. 200).

¹³⁸ *Колычева Е. И.* Судьба княжеского рода Воротынских в XVI в. С. 117.

¹³⁹ Таковы статьи о князьях новосильского дома в книгах 1990-х гг.: *Коган В. М.* История дома Рюриковичей. СПб., 1993. С. 81–83 и др.; *Богуславский В. В.* Тульские древности. С. 20–21, 40–41, 47–48, 146, 151–154; *Рыжов К. [В.]* Все монархи Мира. М., 1998. С. 109, 191, 223–224, 460–461. Книга же П. Н. Петрова 1885 г., нерезданная в 1991 г., и в свое время являлась не лучшим образцом для отечественной генеалогии (*Петров П. П.* История родов русского дворянства. Кн. 1. М., 1991. С. 41–42). Даже самый беглый обзор ее недостатков, выполненный А. П. Барсуковым, занял почти сто страниц. В том числе на примере князей Одоевских были показаны случаи некорректного использования П. Н. Петровым источников и литературы (*Барсуков А. [П.]* Обзор источников и литературы русского родословия (по новоду книги П. Н. Петрова «История родов русского дворянства»). СПб., 1887. С. 70–72).

¹⁴⁰ *Войтович Л. В.* Удільні князівства Рюриковичів і Гедиміновичів у XII–XVI ст. Львів, 1996. С. 169–172; *Он же.* Князівські династії східної Європи (кінець IX — початок XVI ст.). Львів, 2000. С. 184–192; *Он же.* Княжа доба: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 418–454.

князей новосильского дома достойны некоторых оговорок, которые будут предложены в данном исследовании.

На новую историографию накладывается проблема самоидентификации и самоутверждения внутри новых государственных образований, возникших после распада СССР. В 2014–2017 гг. изучение истории Верхнего Поочья проводил украинский исследователь П. М. Бирюк, который связал его с современной Украиной, а новосильских князей назвал «украинскими»¹⁴¹. Его позиция резко контрастирует со взглядами некоторых верхнеокских историков, для которых тоже стоит проблема исторической самоидентификации. Так, орловский исследователь А. А. Майоров предложил использовать термин «Верховская Русь»¹⁴², который, однако, скорее является проявлением романтического отношения к собственной истории.

К особой категории относятся исследования по нумизматике последних лет, когда был выявлен ряд монет, чеканенных в конце XIV — начале XV в. в верховьях Оки и на сопредельных территориях¹⁴³. Они пролили свет на денежное обращение региона, на его торговые и политические связи. Однако между нумизматами и исследователями политической истории региона из-за недопонимания исторических источников друг друга порой образуется существенный разрыв. Особенно сильно он проявляется в тех случаях, когда монеты не имеют точной датировки и атрибуции, а вопросы политической истории недостаточно разработаны, имеют спорные аспекты или решены лишь гипотетически. Тогда атрибуция монет строится сразу на двух гипотезах — со стороны нумизматики и со стороны политической истории, а итоговый вывод оказывается ненадежным. На некоторый прогресс в этом направлении можно надеяться лишь при сближении исторических дисциплин.

В последнее время появился ряд научно-популярных книг, касающихся истории Верхнеокского региона. Не претендуя на их полный обзор, из общей массы выделим работы орловских авторов В. М. Неделина, А. А. Майорова и одоевского по происхождению исследователя Н. В. Сычёва¹⁴⁴. К особому разряду

¹⁴¹ Бирюк П. М. Проблема термінології та походження верховських князів на сучасному етапі розвитку історіографії // Науковий часопис НПУ ім. М. П. Драгоманова. Серія 6: Історичні науки. Вин. 12. 2014. С. 215–223; *Он же*. Формування території Верхньоокського регіону у X–XIII століттях // Сіверянський літоніс. 2017. № 1–2. С. 20–26; *Он же*. Зовнішній протекторат над верховськими землями в XIV ст. // Науковий часопис НПУ ім. М. П. Драгоманова. Серія 6: Історичні науки. Вин. 13. 2015. С. 31–37; *Он же*. Участь верховських князів у політичних конфліктах у Литві (30-ті рр. XV ст.) // Сіверянський літоніс. 2016. № 6. С. 38–43.

¹⁴² Майоров А. А. Русь Верховская. Очерки славянской истории. Орёл, 2012. С. 10–18.

¹⁴³ Не приводим их полный перечень из-за их большого количества, но в качестве примера выделим: Волков И. В. Русские подражательные монеты начала XV в. из Верхнего Поочья // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 2. М., 2007. С. 97–120; Зайцев В. В. Русские монеты XIV–XVII вв. Очерки по нумизматике. М., 2016. С. 5–135.

¹⁴⁴ Неделин В. М. Древние города земли Орловской. XII–XVIII века. История. Архитектура. Жизнь и быт. Орел, 2012; Майоров А. А. Русь Верховская. С. 96–195; Сычёв П. В. Новосильско-Одоевское княжество. [Б. м., б. г.] Название книги Н. В. Сычёва не в полной мере

относятся произведения литераторов, тоже работающих на ниве новосильской истории, но в жанре исторической прозы или поэзии¹⁴⁵.

Проблемы местных исследователей главным образом состоят в крайне ограниченных условиях для их работы: в недостаточной развитости или в полном отсутствии в их городах и селениях научных центров, библиотек и архивов, а также в неимении финансовой поддержки их исследовательской деятельности. Зачастую они существуют в очень узких рамках локальной культурной среды, что не позволяет им развиваться естественным образом. Думается, для региональной науки вообще существенным препятствием оказалось отсутствие единого научного центра и деление территории древних княжеств на губернии: Калужскую, Орловскую и Тульскую, а потом на области: Калужскую, Орловскую, Брянскую, Тульскую и Линецкую. Прежние столицы местных княжеств не стали областными центрами, а в лучшем случае превратились в скромные райцентры. Наиболее яркие вехи истории областных городов (за исключением Брянска) не охватывают XIII–XV вв., а относятся к более позднему времени. В результате изучение единого в древности региона и важнейших страниц его истории до начала XVI в. было сильно затруднено административно и организационно. На краеведческом уровне местные жители до сих пор в основном восприимчивы к сенсационным местечковым историям. Современные города Новосиль, Одоев или Козельск не имеют повсеместного авторитета средневековых столиц Верхнего Поочья, каковыми на самом деле являлись. Какой-нибудь белёвский обыватель может вообще не знать о местонахождении Новосиля или Воротынского. Здесь развиты москвоцентричные представления об истории, тогда как средневековый период Верхнеокского региона в основном домосковский. Это сначала путь от вятичей к Чернигову, а затем этап выделения из Черниговской земли и долгий поиск надежного союзника, включающий элементы смоленской, рязанской, московской, литовской интеграции, и лишь к началу XVI в. таковым союзником окончательно стала Москва. Исследования крупных столичных историков, несомненно, всегда были одним из главных источников знания для местных любителей древностей. Однако и они далеко не всегда способствовали продвижению местных краеведческих задач, воспитанию любви к родному краю. По большому счету, обретения исторического самосознания и осмысления собственной истории в масштабах формирования единого Русского государства в среде жителей данного региона так и не произошло.

соответствует ее содержанию. Краткому очерку истории княжества отведено всего около 110 страниц. Самостоятельную же ценность в ней составляет публикация дозорных книг Одоевского, Воротынского, Белёвского, Новосильского и Чернского уездов начала XVII в. (около 370 страниц).

¹⁴⁵ В жанре исторической литературы зачастую работали и работают местные журналисты и литераторы: В. А. Лисаев (Одоев), В. Я. Греков (Белёв), А. В. Евгин (Козельск), В. И. Агошков (Кромы) и др.

* * *

Работа над данной темой была начата мной в 2003–2004 гг. Доведение ее до написания монографии входило в планы Белёвского историко-географического и филологического общества. В первоначальной редакции это было осуществлено к 2008 г., однако к тому времени, с кончиной И. И. Некрасова († 2006 г.), Общества уже фактически не существовало. С тех пор структура монографии не менялась, но продолжалась работа над многими ее аспектами, и по содержанию это уже другая книга.

Актуальность новых исследований по истории Верхнего Поочья вообще определяется введением в научный оборот новых, углубленным изучением опубликованных ранее источников, а также разработкой тех вопросов истории, которые еще не получили всестороннего изучения ранее. В этом плане мной был введен в научный оборот ряд нисыменных, пумизматических и сфрагистических источников (некоторые совместно с С. В. Полеховым и А. А. Казаровым); реконструирован ряд утраченных источников; выполнен перевод с иностранных языков ряда мало использованных ранее источников; с помощью текстологии и сравнительного анализа оснорен ряд сведений летописей и родословцев; впервые в рамках изучаемой темы рассмотрен ряд произведений церковной литературы; уточнена датировка сведений некоторых источников, что повлияло на хронологию событий и обнаружило новые причинно-следственные связи; локализован ряд исторических населенных пунктов, волостей и одна обширная территория, граничившая с Новосильско-Одоевской землей. При картографировании оказалось уместным сделать несколько временных срезов за период с конца XIV по начало XVI в., с тем чтобы полнее отразить изменения в землевладении, а также перемены политической ситуации в верховьях Оки.

Избранный мной подход к исследованию истории, по сути, большей части Верхнего Поочья, в центре которой оказывается история новосильская, связан с состоянием источников, а также с ходом исторических событий. До второй трети XIV в. включительно дошедшие до нас известия по истории региона очень скудны и отрывочны. Затем их количество начинает расти, однако в конце XIV — начале XV в. княжения козельских, карачево-звенигородских и татусских князей теряют свою самостоятельность. Некогда существовавшие, но затем утраченные источники (особенно документальные) не успели донести до нас сведения для обстоятельного изучения прежнего положения этих княжений и для выяснения конкретных причин, по которым они попали под власть иных держав. Плотность сохранившихся известий об истории XV в. тоже невелика, но все же гораздо выше, ими покрывается каждое десятилетие, зачастую мы имеем по несколько известий на декаду, а конец столетия они описывают наиболее подробно. Это время оказывается эпохой доминирования в верховьях Оки новосильских князей. В отличие от соседей, в конце XIV — первой трети XV в. Новосильско-Одоевская земля достигает своего расцвета и приобретает статус «великого княжения». Затем новосильские князья получают

власть в Козельске, где некогда располагался старейший стол черниговских князей в регионе. Также им достаются обширные земельные владения в западной части Верхнего Поочья. Они укрепляют родственные связи с представителями соседних княжений и становятся самыми влиятельными в регионе. Затем их род умножается, их единство нарушается, а княжение постепенно угасает и в какой-то степени новтворяет нуть своих верхнеокских соседей XIV в.

В связи с происхождением дошедших до нас источников, о чем мы скажем далее отдельно, и с обширными связями князей новосильского дома было бы неверно рассматривать их историю изолированно. Для ее понимания немало дает изучение исторического контекста, а также некоторых смежных проблем. Так, в событиях до середины XIV в. важными представляются общие вопросы: появления в верховьях Оки владений князей черниговского дома; происхождения этих князей и их места в черниговской иерархии; образования в регионе княжеских столов и уделов, а затем возникновения здесь обособленных княжеств («земель»). Также, например, нельзя обойти стороной вопрос о перемещении политического центра Черниговщины в Брянск и затем о переходе Брянска под власть князей смоленской династии во второй половине XIII в. Дело в том, что порой, казалось бы, обрывочные сведения из прошлых эпох, тем более из иных княжеств, в совокупности с интересующей нас темой оказываются фрагментами единого исторического процесса. Так, геральдика черниговских князей XII в. в конце XIV столетия концентрируется вокруг Одоева. Вопрос о княжеской иерархии в черниговских родах еще долго остается актуальным и поднимается в семействе одоевских князей в конце XV в. Отдельные ростки интеграции князей западной части Верхнего Поочья с князьями смоленского дома на брянском княжении в XIV в. затем, к середине XV в., вдруг оборачиваются подчинением их прежней территории Смоленску, с чем непосредственно сталкиваются уже новосильские князья. Перемещение кафедры черниговского владыки в Брянск в первой трети XIV в. затем, в годы церковных расколов, помещает сюда и арену борьбы московских и литовских иерархов за Брянскую епархию, что отражается на верхнеокской истории. В продолжение этой борьбы униатская политика литовских госнодарей во второй половине XV в. сказывается на судьбах ворытинских князей, а затем и иных князей и населения всей Черниговщины. Факты подчинения крымской администрации ряда русских земель еще в XIV в. далее дают понимание причин подчинения «князей одоевских городов» Крымскому ханству. Иные политические процессы XIV в. тоже получают свое продолжение в XV в., и лишь в совокупности их развитие становится более понятным. Так, сначала закладывая фундамент региональной истории в целом, в дальнейшем мы будем опираться на него по мере выстраивания и осмысления новосильской истории.

В свою очередь, комплексное изучение источников по истории собственно Новосильско-Одоевской земли позволяет лучше раскрыть целый ряд проблем и событий, так или иначе связанных с историей Верхнего Поочья. Среди прочих

выделим уже упомянутый вопрос о правовых основах и о конкретных процедурах вхождения местных княжеств в состав иных, более крупных держав. Кроме того, в частных деталях рассматриваемые нами материалы порой существенно дополняют историю взаимоотношений Москвы, Литвы и Золотой Орды (после распада последней — Крымского ханства) между собой. Особого внимания заслуживают отдельные вопросы источниковедения.

§ 2. Источники

Большинство источников по истории Повосильско-Одоевской земли было введено в научный оборот в XIX в., в дальнейшем их число пополнилось незначительно. Еще С. Б. Веселовский сожалел, что «по крайней скудости источников, эти страницы истории Руси остаются с большими пробелами»¹. Его замечание справедливо не только в отношении XIV–XV, но и XVI в. Этому видится ряд основных причин. После перехода князей повосильского дома на московскую службу в конце XV в. некоторые документы времени их самостоятельности изымались московскими властями, некоторые, видимо, полностью уничтожались. Род князей Белёвских пресекался в середине XVI в.; Воротыпские и Одоевские в том же столетии не раз подвергались опалам, их земельные владения изымались, затем возвращались уже от имени государя, также обмещивались на вотчины в других местах. В период нахождения Верхнего Поочья «на окраине» Московского государства сюда прибывало немало новых служилых землевладельцев, которые разбавляли собой ряды старых повосильских слуг и получали поместья непосредственно из рук государя. По воле же верховного правителя происходили перемеревания сложившихся ранее территорий, обмещивание монастырских вотчин, что также вело к замене документов о землевладении. Важнейшая причина утраты письменных источников, особенно местного происхождения, отражена на гербе города Белёва (XVIII в.) — это многочисленные пожары военного и мирного времени в условиях преимущественно деревянного строительства в регионе. В результате уже в писцовых книгах первой четверти XVII в. почти ничего не упоминается о прежнем землевладении князей повосильского дома.

В связи с катастрофическими утратами местных письменных источников приходится полагаться на намятники, сохранившиеся в иных местах, с чем новосильской истории, несомненно, повезло гораздо больше. Однако в историографии выявление и обобщение интересующих нас источников зачастую велось не целенаправленно, а в связи со смежными темами исследования. «Пробелы» же до сих пор существуют не только из-за сравнительно небольшого их количества, но и из-за их недостаточной изученности. Собственно представления об истории региона первоначально начали складываться еще до того, как весь комплекс источников был выявлен и в достаточной степени исследован.

I. Договорные, присяжные и челобитные грамоты

В актовом материале имя новосильского князя впервые упоминается в духовной грамоте великого князя Семена Ивановича Гордого 1353 г. в связи с нукункой новосильской волости Заберег². О правовом положении Новосильско-Одоевской земли и ее отношениях с соседними территориями можем судить по более поздним документам.

¹ Веселовский С. Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси. С. 113.

² ДДГ. №3. С. 14.

1. Договорная грамота князя Ивана Новосильского с великим князем московским Дмитрием Ивановичем, заключенная до осени 1368 г. (вероятно до 1364 г.). Не сохранилась, на нее имеется ссылка в нисьме великого князя литовского Ольгерда патриарху Филофею сентября — начала ноября 1370 г.³

2. Договорная грамота великого князя московского Василья Дмитриевича с великим князем рязанским Федором Ольговичем 25 ноября 1402 г., с привлечением третьих сторон — князей нронского, новосильского, тарусских. Содержит самостоятельный фрагмент, оговаривающий нравовые отношения между рязанским и новосильским князьями. Этот фрагмент также сохранился в московско-рязанских докончаниях 1434 и 1447 гг.⁴ Есть основания полагать, что он восходит к несохранившемуся московско-рязанскому докончанию 1385 г., а также имелся в несохранившемся московско-рязанском докончании 1389–1390 гг. (см. § 8).

3. Договорная (присяжно-договорная) грамота князя Юрия Романовича Новосильского и Одоевского, его сыновей и воротынских нлемянников с великим князем литовским Витовтом, заключенная в конце июля — начале августа 1427 г. Не сохранилась, на нее есть прямое указание в нисьме Витовта великому магистру Немецкого (Тевтонского) ордена Павлу (Паулю) фон Русдорфу от 14 августа 1427 г.⁵ Существует возможность ее реконструкции (см. § 14).

4. Договорные (присяжно-договорные) грамоты «братьев, великих князей одоевских» с великим князем литовским Свидригайлом, 21 июня 1432 г. Не сохранились, на них имеется ссылка в нисьме Свидригайла великому магистру Немецкого ордена Павлу фон Русдорфу от 22 июня 1432 г.⁶

Следующие четыре грамоты сохранились в составе нятой книги занисей Литовской метрики в особом комплексе из 16 договорных грамот, среди договоров Казимира с Новгородом, Псковом, молдавскими воеводами, великими князьями московским и тверским⁷. По мнению Н. Г. Бережкова, этот сборник «старых докончаний» был составлен в конце нправления Казимира (около 1483–1492 гг.). Он сохранился в ненолном составе и в таком виде был сконирован в дошедшую до нас книгу-конию конца XVI в.⁸ В середине 1740-х гг. книги Литовской метрики на время были неревезены из Вильно в Варшаву, где в 1770-х гг. были сконированы нольской транскринцией⁹. В конце XVIII в. под руководством А. С. Нарушевича с варшавской конии

³ РИБ. Т. 6. Прил. № 24. Стб. 135–136. О датировке нисьма Ольгерда см.: *Беспалов Р. А.* О нисьме Ольгерда патриарху Филофею // ДРВМ. 2015. № 2 (60). С. 49–62; также см. § 6.

⁴ ДДГ. № 19. С. 53–54; № 33. С. 85; № 47. С. 144.

⁵ CEV. № 1329. S. 799.

⁶ GStAPK, OBA. 6138. Предоставлено для изучения С. В. Полеховым. Также см.: *Kotzebue A.* Switrigail... S. 75; *Коцебу А.* Свитригайло... С. 127.

⁷ LM. Кн. 5. 1993. Р. 244–259; LM. Кн. 5. 2012. Р. 350–364.

⁸ РГАДА. Ф. 389. Он. 1. № 5. Л. 298 об. — 300 об., 304 об. — 305; *Бережков Н. Г.* Литовская метрика как исторический источник. Ч. 1. М.; Л., 1946. С. 94–95.

⁹ AGAD. Metr. Lit. Sygn. 192. S. 507–509, 515–516.

были сделаны nereводы некоторых из интересующих нас грамот на латынь¹⁰. В 1821–1822 гг. с варшавской конии в нереложении на кириллицу были сняты конии для коллекции графа Н.П. Румянцева¹¹. Литовско-новосильские грамоты внервые были введены в научный оборот в 1836 г. но варшавской конии конца XVIII в. П. А. Мухановым¹². Затем неоднократно нерездавались но сниску конца XVI в.

5. Присяжно-договорная грамота князя Федора Львовича Новосильского и Одоевского с великим князем литовским Казимиром, 20 февраля 1447 г.¹³

6. Поручная грамота князя Федора Львовича Воротынского королю нольскому и великому князю литовскому Казимиру за князя Ивана Андреевича Можайского, 5 февраля 1448 г.¹⁴

7. Присяжная грамота князя Федора Львовича Воротынского королю нольскому и великому князю литовскому Казимиру но новоду нередачи воротынского князю Козельска в наместничество, 5 февраля 1448 г.¹⁵

8. Присяжно-договорная грамота князя Ивана Юрьевича Новосильского и Одоевского и его нлемянников Федора и Василня Михайловичей Белёвских с королем нольским и великим князем литовским Казимиром, 21 анреля 1459 г.¹⁶

9. Также в составе нятой книги занисей Литовской метрики следует выделить договор между Москвой и Литвой от 31 августа 1449 г., в котором нет нрямого уноминанния о князьях новосильского дома, но уноминаются «верховъстии князи»¹⁷.

10. Присяжно-договорная грамота князя Михаила Ивановича Новосильского и Одоевского, его брата князя Федора Ивановича и их нлемянника Ивана Васильевича Белёвского с королем нольским и великим князем литовским Казимиром, 26 января 1481 г. Еще в 1566 г. ее снисок-нпротивень, видимо, хранился в царском архиве в Москве, который, однако, не сохранился. До нашего времени грамота дошла в собрании AGAD¹⁸. Для широкого круга читателей стала достунна с нубликацией А. В. Казакова¹⁹.

¹⁰ LM. Kn. 5. 1993. P. 10, 332; Biblioteka Książąt Czartoryskich w Krakowie, Naruszewicz teka. T. 18. № 30. S. 133–134, 215–216; Львівська національна наукова бібліотека України ім. В. Стефаника. Ф. 5. Он. 1. № 171. Л. 1 — 2 об.; CE SDQ. T. 1. Pr. 2. № 8. S. 13–14; № 27. S. 35; № 28. S. 35–36. Также см. примеч. к нриложению № 3.

¹¹ ОР РГБ. Ф. 256. № 74. С. 1–4, 65–74; Онисание русских и славянских руконисей Румянцевского музеума, составленное Александром Востоковым. СПб., 1842. С. 135, 136.

¹² Сборник Муханова. № 4–6. С. 5–6; № 9. С. 11–12.

¹³ LM. Kn. 5. 1993. № 130. P. 247–248; ДДГ. № 39. С. 117–118. О датировке см. нриложение № 1.

¹⁴ LM. Kn. 5. 1993. № 132. P. 248–249; ДДГ. № 50. С. 149–150. Также см. нриложение № 3.

¹⁵ LM. Kn. 5. 1993. № 131. P. 248; ДДГ. № 49. С. 149. Также см. нриложение № 4.

¹⁶ LM. Kn. 5. 1993. № 137. P. 254–255; ДДГ. № 60. С. 192–193. Также см. нриложение № 7.

¹⁷ LM. Kn. 5. 1993. № 78.1. P. 131–133; № 136. P. 251–254; ДДГ. № 53. С. 160–163.

¹⁸ Jakubowski J. Archiwum państwowe W.X. Litewskiego i jego losy // Archeion. T. 9. 1931. S. 15. № 10; Biblioteka XX. Czartoryskich w Krakowie. № 817. S. 207; Archiwum główne akt dawnych w Warszawie. Przewodnik po zespołach. I. Archiwa dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1975. S. 50.

¹⁹ Казакоў А. У. Невядомае даканчанне... С. 297–300. Также см. нриложение № 8.

11. Присяжно-договорная грамота князей воротынской ветви новосильского дома Дмитрия и Семена Федоровичей и их нлемянника Ивана Михайловича с королем нольским и великим князем литовским Казимиром, 10 анреля 1483 г. Внервые опубликована И. И. Григоровичем в 1846 г.²⁰ Новая нубликация осуществлена С. В. Полеховым и Р. А. Бесналовым²¹.

12. Присяжная грамота князя Дмитрия Федоровича Воротынского королю нольскому и великому князю литовскому Казимиру но новоду нередачи воротынскому князю Козельска в наместничество, 16 марта 1488 г. Еще в XVIII в. она хранилась в Несвижском архиве князей Радзивиллов²², затем нонала к П. А. Муханову, который в 1866 г. нередал ее в дар Московскому Публичному музею²³. Введена в научный оборот С. В. Полеховым и Р. А. Бесналовым в 2018 г.²⁴

13. Челобитная грамота князя Семена Федоровича Воротынского великому князю литовскому Александру Казимировичу, до 4 января 1493 г. о расторжении его докончания с Литвой²⁵.

14. Для исследуемого нериода важны статьи о князьях новосильского дома, их вотчинах и сонредельных территориях, содержащиеся в московско-литовских договорах о мире 1494 г.²⁶, 1508 г.²⁷, и в московско-литовском договоре о неремирии 1503 г.²⁸

15. Грамота и расспросные речи князя Ивана Михайловича Воротынского к великому князю Ивапу Васильевичу всея Руси. Не сохранились, известны из недатированной заниси в ониси архива Посольского нриказа 1614 г.²⁹ Вероятно, именно в этой связи в конце 1490-х гг. Иван III носылал Федора Загряжского «судить о снорных землях о новосильских Воротынских князей с Одоевскими» (судные дела не сохранились)³⁰.

Будучи заключенными однажды, вноследствии княжеские договоры неоднократно возобновлялись. В новые договоры нереходили некоторые более или

²⁰ АЗР. Т. 1. № 80. С. 100–101.

²¹ Бяспалаў Р., Налехаў С. Гісторыя літоўска-наваліскіх дагавораў 1427–1491 гадоў і літоўска-варатынскія граматы 1483 і 1488 гадоў // Беларускі гістарычны агляд. Т. 25. 2018. Сш. 1–2 (48–49). С. 218–223. Также см. нриложение № 9.

²² Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. Т. 1: 1377–1499. Warszawa, 1930. S. 392; Jakubowski J. Archiwum państwowe W. X. Litewskiego i jego losy. S. 6, 8–9, 17; Biblioteka XX. Czartoryskich w Krakowie. № 817. S. 207.

²³ Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1866 год. М., 1898. С. 58; ОР РГБ. Ф. 191. № 102.

²⁴ Бяспалаў Р., Налехаў С. Гісторыя літоўска-наваліскіх дагавораў... С. 224–226. Также см. нриложение № 10.

²⁵ СИРИО. Т. 35. № 19. С. 84–85. Также см. нриложение № 11.

²⁶ ЛМ. Кп. 5. 1993. № 78.2. Р. 135; ДДГ. № 83. С. 330; СИРИО. Т. 35. С. 124–127, 130.

²⁷ ЛМ. Кп. 8. № 80. Р. 126–127; АЗР. Т. 2. № 43. С. 53–56.

²⁸ СИРИО. Т. 35. С. 399–400.

²⁹ Ониси ЦА XVI в. и АПП 1614 г. С. 54; ДДГ. С. 451.

³⁰ Назаров В. Д. Тайна челобитной Ивана Воротынского. С. 216.

менее впушительные по объему статьи прежних договоров или же в новых договорах делались ссылки на прежние грамоты. Поэтому из сохранившихся докончаний также можно извлекать положения недошедших до нас княжеских договоров.

II. Жалованные грамоты

Еще меньше сохранилось грамот о земельных пожалованиях великих князей литовских, а также великих князей московских князьям новосильского дома, хотя по существующим на них ссылкам можно судить, что это был внушительный комплекс актов.

1. Жалованные грамоты великих князей литовских Витовта и Свидригайла князьям новосильского дома. Их существование гинотетически устанавливается исходя из докончаний последних с Литвой (см. §§ 14, 16).

Следующие три заниси о жалованных грамотах дошли до нас в составе третьей книги занисей Литовской метрики.

2. Занись о жалованной грамоте короля Казимира о пожаловании князю Федору Львовичу Воротынскому волости Демены. Не датирована, относится к периоду между 20 февраля 1447 и 10 февраля 1448 г.³¹

3. Занись о жалованной грамоте короля Казимира о пожаловании князю Федору Львовичу Воротынскому в «Смоленской державе» Немчиновского двора и волостей, 10 февраля 1448 г.³²

4. Занись о жалованной грамоте короля Казимира о подтверждении князю Федору Львовичу Воротынскому и его детям в «Смоленской державе» жалованных ранее волостей и Немчиновского двора, 28 марта 1455 г.³³

5. На основании двух предыдущих грамот можем судить о существовании как минимум еще одного пожалования князю Федору Львовичу Воротынскому между 10 февраля 1448 и 28 марта 1455 г. Грамота об этом не сохранилась.

6. На основании носольских книг сношений Москвы с Литвой можно предполагать существование грамоты о разделении литовских пожалований между князем Федором Львовичем Воротынским и князем Иваном Юрьевичем Одоевским после 21 апреля 1459 г., а также уверенно говорить о ряде других земельных пожалований князьям новосильского дома³⁴.

7. В составе четвертой книги занисей Литовской метрики сохранились две заниси о материальных пожалованиях великих князей литовских князю Семепу Воротынскому и боярам князя Дмитрия Воротынского и князя Михаила Одоевского³⁵.

³¹ ЛМ. Кн. 3. Р. 37; РИБ. Т. 27. Стб. 47. Также см. приложение № 2.

³² ЛМ. Кн. 3. Р. 37; РИБ. Т. 27. Стб. 47. Также см. приложение № 5.

³³ ЛМ. Кн. 3. Р. 39; РИБ. Т. 27. Стб. 52–53. Также см. приложение № 6.

³⁴ СИРИО. Т. 35. С. 136–137, 232.

³⁵ ЛМ. Кн. 4. Р. 38, 81, 83; РИБ. Т. 27. Стб. 208, 309, 313.

8. В составе первой части нятной книги занисей Литовской метрики содержится ряд грамот со сведениями о земельных пожалованиях князей новосильского дома своим боярам³⁶.

9. В составе шестой книги занисей Литовской метрики сохранилось несколько занисей ретроспективного характера о бывших владениях одоевских князей в Великом княжестве Литовском³⁷.

10. Жалованная грамота великого князя литовского Александра госнодарскому нисарю Ивашку Сонежичу от 22 февраля 1496 г. В ней упоминаются нрежение пожалования короля Казимира IV князьям Михаилу и Федору Ивановичам Одоевским. Отдельный снисок грамоты обнаружил С. В. Полехов в архиве Чарторыйских. Несмотря на то что ранее он не публиковался, его текст известен по копии конца XVI в., которая сохранилась в составе нятной книги занисей Литовской метрики и издавалась ранее Ф. И. Леонтовичем (1896 г.) и И. И. Ланно (1910 г.)³⁸.

11. К сожалению, не сохранились жалованные грамоты Ивана III князьям новосильского дома на их бывшие литовские пожалования, выданные им после перехода на московскую службу в конце XV в. Об их существовании и о составе московских пожалований князю Семепу Федоровичу Воротынскому можно судить по занисям, сохранившимся в носольских книгах³⁹.

III. Литовская метрика

Выше уже отмечалась значимость этого источника. В целом стоит лишь повторить, что для настоящего исследования представляют интерес третья, четвертая, пятая, шестая, седьмая и восьмая книги занисей Литовской метрики. В них сохранились докончания князей новосильского дома, заниси о земельных и иных пожалованиях им и их боярам в период с 1440-х по 1490-е гг. и носольские документы⁴⁰.

IV. Памятники дипломатических сношений Великого княжества Московского с иностранными державами

1. Посольские книги московско-литовских сношений начиная с 1487 г. Впервые были описаны Н. Н. Бантыш-Каменским еще в 1780–1784 гг., но его рукопись была полностью опубликована только в 1860–1862 гг.⁴¹ Сами же носольские книги (в данном случае нас интересует только первый том) были опубликованы Г. Ф. Карновым в 1882 г. и с поправками — в 1892 г.⁴² Они содержат сведения о порубежных московско-литовских отношениях, в которые в конце XV в.

³⁶ РИБ. Т. 27. Стб. 566, 642, 650, 652–653, 665; АЛМ. Т. 1. Вып. 1. № 207. С. 81; № 238. С. 93; № 245. С. 95; № 251. С. 97; АЛМ. Т. 1. Вып. 2. № 623. С. 103.

³⁷ ЛМ. Кн. 6. № 122. Р. 115; № 143. Р. 123; № 243. Р. 168; № 277. Р. 184; № 477. Р. 281.

³⁸ АЛМ. Вып. 1. № 238. С. 93; РИБ. Т. 27. № 133. Стб. 652–653; Biblioteka XX. Czartoryskich w Krakowie, Dokumenty pergaminowe Muzeum Narodowego w Krakowie. Nr. 39.

³⁹ СИРИО. Т. 35. С. 136–137, 153.

⁴⁰ РИБ. Т. 27; ЛМ. Кн. 3; ЛМ. Кн. 4; ЛМ. Кн. 5; ЛМ. Кн. 6; ЛМ. Кн. 8.

⁴¹ Бантыш-Каменский Н. Н. Переписка между Россиею и Польшею по 1700 год... Ч. 1. М., 1862. С. 1–46.

⁴² СИРИО. Т. 35.

были влетены судьбы князей новосильского дома и иных феодалов Верхнего Почья. Преимущественно благодаря именно этому источнику история Новосильско-Одоевской земли конца XV в. освещена более подробно, чем какой-либо иной ее период. Сведения о некоторых носольствах также сохранились в составе книг Литовской метрики. Гораздо меньший интерес представляет собой выписка из носольских книг⁴³. Из-за сокращений в ней встречаются искажения смысла оригинала. В настоящем исследовании некоторые из них особо оговариваются в сносках.

2. Посольские книги сношений Москвы с Крымом. Первые пять книг охватывают период с 1474 по 1521 г. Опубликовано Г. Ф. Карновым в 1884 и 1895 гг. Содержат извещения Ивана III крымскому хану Менгли-Гирею о переходе князей новосильского дома на московскую службу⁴⁴, а также дипломатическую переписку Крыма и Москвы по поводу взимания дани (ясака) с «одоевских городов» в конце XV — XVI в.⁴⁵ Еще в 1793 г. на ряд крымских ярлыков об «одоевском ясаке» обратил внимание А. Ф. Малиновский, сочинение которого было опубликовано в 1863 г.⁴⁶ Некоторые из этих грамот до их публикации использовались Н. М. Карамзиным и С. М. Соловьевым⁴⁷. В. Е. Сыроечковский дополнительно использовал два архивных документа из шестой книги, которые относятся к 1529–1531 гг.⁴⁸ Затем они были опубликованы Р. А. Беспаловым в 2014 г.⁴⁹ Ярлык 1529 г. тем более важен, что упоминает о временах Хаджи-Гирея (до 1466 г.). Более поздние ярлыки еще не вводились в научный оборот, например ярлык 1534 г. и т. д.⁵⁰

V. Памятники дипломатических сношений королевства Польского и Великого княжества Литовского

1. В восьмой книге записей Литовской метрики сохранилось упоминание о просьбе Казимира IV к крымскому хану Менгли-Гирею выдать ему ярлык-ножалование⁵¹ на Одоев в 1473/74 г. Публиковалось К. Пуласким в 1881 г.

⁴³ ЛМ. Кн. 5; Выписка из носольских книг о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг. // ПИВЕ. Т. 2. М.; Варшава, 1997.

⁴⁴ СИРИО. Т. 41. С. 66–67, 139–140, 154, 186, 192.

⁴⁵ СИРИО. Т. 41. С. 269, 306, 486, 496–497; СИРИО. Т. 95. С. 29, 154, 158, 522, 638. Также см. приложения № 12–17.

⁴⁶ Малиновский А. [Ф.] Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыме татарскими царями с 1462 по 1533 год // ЗООИД. Т. 5. 1863. С. 184, 200, 255; Там же. Дипломатич. прил. С. 392. № 22.

⁴⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 7. Примеч. 301. Стб. 45; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 3. С. 108.

⁴⁸ Сыроечковский В. Е. Мухаммед-Герай и его вассалы. С. 46–47.

⁴⁹ Беспалов Р. А. Документы о сношениях Крыма с Москвой по поводу одоевского ясака // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. 6. Севастополь; Тюмень, 2014. С. 232–233. Также см. приложения № 18, 19.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 123. Он. 1. Кн. 8. Л. 145. Также см. приложение № 20. Благодарю М. В. Моисеева за указание на данный ярлык.

⁵¹ Здесь и далее под «ярлыками-ножалованиями» (жалованными ярлыками) подразумеваются жалованные акты ордынских ханов, которые, таким образом, отличаются от «ярлыков-носланий» (см.: Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979. С. 8).

и цитировалось М.С. Грушевским в 1907 г. Новая публикация была сделана А. Балулисом в 1995 г.⁵²

2. В сообщении нослов Киевской земли нольскому королю Сигизмунду I около 1520 г. имеются сведения о составе литовских войск, посланных оборонять Киев от нашествия Менгли-Гирея осенью 1482 г. Среди прочих воевод упоминается несколько князей новосильского дома, названных только по титулам. Сообщение опубликовано Н. Малиновским в 1844 г., а затем И.М. Каманиным в 1916 г.⁵³

VI. Разрядные книги

Отражают процесс перехода князей новосильского дома на службу Москве и включения их в число служилых князей Русского государства на рубеже XV–XVI вв. В настоящем исследовании используются разрядные книги, изданные в 1966 и 1977 гг. под редакцией В.И. Буганова⁵⁴.

VII. Эпистолярное наследие великих князей литовских

1. Письмо Ольгерда патриарху Филофею сентября — начала ноября 1370 г. Содержит сообщение о нападении московских войск на зятя Ольгерда — князя (ρῆγας) Ивана Новосильского и его княжество (ρῆγατίον). То же процитировано патриархом в послании к митрополиту Алексию в августе 1371 г. (см. § 6). Язык — среднегреческий. Впервые оригинал с переводом на русский язык был издан В.И. Григоровичем в 1847 г.⁵⁵ В оригинале издано Ф. Миклошичем и Й. Мюллером в 1860 г.⁵⁶ Затем опубликовано с переводом А.С. Павлова в 1880 и 1908 гг.⁵⁷

2. Письмо Витовта верховному маршалу Немецкого ордена от 4 июля 1406 г. Уточняет некоторые детали похода литовских войск на Воротыньск в июне того же года. Язык — средневерхненемецкий. Введено в научный оборот А. Прохаской в 1882 г.⁵⁸

3. Письмо Витовта великому магистру Немецкого ордена Павлу фон Русдорфу от 1 января 1425 г. Содержит ряд уникальных подробностей о победе объединенных одоевских (новосильских) и литовских войск над ханом Куйдадатом (Худандахом) осенью 1424 г., о которой имеется запись в русских

⁵² Stosunki z Mendli-Girejem chanem tatarów perekopskich (1469–1515). Akta i listy // Stosunki polski z tatarszczyzną od połowy XV wieku. T.I. Kraków–Warszawa, 1881. № 78. S. 292–293; Грушевський М. [С.] Історія України-Руси. Т. 4. С. 85–86; ЛМ. Кн. 8. № 24. Р. 59.

⁵³ Zródła do dziejów polskich. T. 2. Wilno, 1844. S. 119–121; Каманин И. [М.] Сообщение нослов Киевской земли королю Сигизмунду I о Киевской земле и киевском замке, около 1520 г. // Сборник статей и материалов по истории Юго-Западной России. Вып. 2. Киев, 1916. С. 6.

⁵⁴ РК-1598; РК-1605. Т. 1. Ч. 1, 2.

⁵⁵ Григорович В. [И.] Протоколы Константинопольского патриархата XIV столетия. С. 148–152.

⁵⁶ Acta patriarchatus Constantinopolitani MCCCXV–MCCCII e codicibus manuscriptis bibliothecae Palatinae vindobonensis. T. 1. Vindobonae, 1860. № 320–321. Р. 580–585.

⁵⁷ РИБ. Т. 6. Прил. № 24. Стб. 135–140; № 25. Стб. 145–148.

⁵⁸ CEV. № 369. S. 150.

летонисях. Язык — средневерхненемецкий. Впервые было описано К. Э. Наньерским в 1833 г. Введено в научный оборот А. Прохаской в 1882 г. Перевод нисьма на русский язык выполнен А. И. Барбашевым в 1891 г.⁵⁹, затем уточнен Р. А. Бесналовым в 2009 г.⁶⁰

4. Письмо Витовта великому магистру Немецкого ордена Павлу фон Русдорфу от 14 августа 1427 г. Содержит сведения о присяге князей новосильского дома на верность великому князю литовскому. Язык — средневерхненемецкий. Впервые было описано К. Э. Наньерским в 1833 г. Введено в научный оборот А. Прохаской в 1882 г. Его комментарии на нольском языке содержат существенные неточности перевода, искажающие текст оригинала. В 1891 г. нисьмо частично переведено на русский язык А. И. Барбашевым, с сохранением неточностей нольского комментария⁶¹.

5. Параллельные места о том же содержатся в нисьме рыцаря-шута Генне, написанном в тот же день 14 августа 1427 г., но первоначально ошибочно датированном в нольской и прибалтийской историографии 1428 г. Язык — средневерхненемецкий. Впервые опубликовано в переводе на нольский язык Л. Голембиовским в 1830 г. В 1833 г. описано К. Э. Наньерским. Затем публиковалось в переводе на нольский язык И. Даниловичем в 1862 г. и А. Прохаской в 1880 г. В оригинале введено в научный оборот А. Прохаской в 1882 г. В 1891 г. частично переведено на русский язык А. И. Барбашевым⁶². Перевод и датировка уточнялись Р. А. Бесналовым в 2008 и 2015 гг.⁶³

6. Письмо Свидригайла великому магистру Немецкого ордена Павлу фон Русдорфу от 22 июня 1432 г. Содержит упикальные сведения о присяге князей новосильского дома на верность Литве. Язык — средневерхненемецкий. Впервые процитировано в публикации А. Коцебу в 1820 г., то же в переводе на русский язык — в 1835 г. В русском издании имеются существенные неточности перевода⁶⁴.

⁵⁹ *Napiersky C.E. Index corporis historico-diplomatici... Th. 1. №1163. S. 254; Daniłowicz I. Skarbiec diplomatów... T. 2. №1403. S. 88; CEV. №1181. S. 688; Барбашев А. [И.] Витовт, последние двадцать лет княжения. С. 190.*

⁶⁰ *Бесналов Р. А. Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом осенью 1424 года // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 4. Тула, 2009. С. 207–208; см. § 13.*

⁶¹ *Napiersky C.E. Index corporis historico-diplomatici... Th. 1. №1227. S. 266; Daniłowicz I. Skarbiec diplomatów... T. 2. №1445. S. 95; CEV. №1298. S. 778–780; Барбашев А. [И.] Витовт, последние двадцать лет княжения. С. 196.*

⁶² *Golebiowski L. Domy i dwory... S. 230–232; Napiersky C.E. Index corporis historico-diplomatici... Th. 1. №1251. S. 271; Daniłowicz I. Skarbiec diplomatów... T. 2. №1459. S. 98; Prochaska A. Trefniś Henne u Witolda // Przewodnik naukowy i literacki. Roczn. 8. 1880. №8. S. 659–661; CEV. №1329. S. 798–800; Барбашев А. [И.] Витовт, последние двадцать лет княжения. С. 198–199.*

⁶³ *Бесналов Р. А. Источники о поезде Витовта в область Новосильского и Рязанского княжеств в 1427 году // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 3. Тула, 2008. С. 256–258; Он же. Реконструкция докончания Витовта с князьями новосильского дома 1427 года // ОФР. Вып. 18. М.; СПб., 2015. С. 5–7; см. § 14.*

⁶⁴ *Kotzebue A. Switrigail... S. 75; Коцебу А. Свидригайло... С. 127; Daniłowicz I. Skarbiec diplomatów... T. 2. №1608. S. 134; GStAPK, OBA. 6138; см. § 15.*

7. Письмо Свидригайла великому магистру Немецкого ордена Павлу фон Русдорфу от 1 мая 1434 г. Содержит сведения о получении Свидригайлом ярлыка-ножаловання на Одоев от хана Сеид-Ахмеда. Язык — средневерхненемецкий. Впервые процитировано в публикации А. Коцебу в 1820 г. с некоторыми сокращениями, то же в переводе на русский язык — в 1835 г.⁶⁵

6. Письмо польского короля и великого князя литовского Сигизмунда Августа князю М. И. Воротынскому. Известно по цитате из ответного письма от 15 июля 1567 г. Содержит упоминание о высоком статусе предков воротынского князя — «великих князей новосильских»⁶⁶.

VIII. Летониси и хроники

В этих новостовательных (нарративных) источниках о новосильских князьях и их земле до начала XVI в. содержатся записи под 1326, 1362, 1375, 1380, 1406–1407, 1422–1424, 1430, 1437, 1473, 1480, 1489–1490, 1500, 1503, 1507, 1509 гг. (кроме известий родословного характера)⁶⁷. Сравнительно небольшое их количество объясняется тем, что князья новосильского дома не играли большой роли во внутренней жизни великих княжеств Московского, Литовского, Тверского, летописание которых сохранилось. Фактически все записи связаны с внешней политикой неречисленных государств. Отдаленность новосильских событий от центров древнерусского летописания стала причиной того, что часть из них имеет ошибочную датировку, а некоторые летописные известия недостоверны или являются дублями других записей, что выявляется при сопоставлении источников.

В настоящем исследовании также привлечены польские хроники Я. Длugoша, М. Кромера, Б. Вановского, М. Стрыйковского, А. Гваньини и Прусская хроника, опубликованная под авторством Иоганна фон Посильге.

Песмотря на кажущуюся простоту, летописи являются одним из самых сложных видов источников русской истории. Для удовлетворительного осмысления каждого летописного известия необходимо понимать, какое место оно занимает в истории летописания. Для этого не всегда бывает достаточно уже имеющихся трудов летописеведов, поскольку работа над построением генеалогии летописания очень трудоемка и далеко не закончена. Методически в основном она строилась на основе внутренних критериев комплекса самих летописей. Когда же выявляются дополнительные источники, параллельные тем или иным летописным сюжетам, появляются возможности еще и для внешней критики летописей. Некоторые источники верхнеокской истории обладают таким потенциалом, что в ряде случаев позволяет уточнить имеющиеся представления об истории русского летописания (см. §§ 13, 17).

⁶⁵ Kotzebue A. Switrigail... S. 117; Коцебу А. Свидригайло... С. 194–196; Daniłowicz I. Skarbiec diplomatów... T. 2. № 1686. S. 156; GStAPK, OBA. 6809; см. § 15.

⁶⁶ СИРИО. Т. 71. № 19. С. 507, 513. Ответное письмо исследователи относят к авторству Ивана Грозного, вероятно, при участии князя М. И. Воротынского (Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 257–264, 428–433, 574–475).

⁶⁷ Подробнее см.: Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 28–34.

IX. Произведения церковной литературы

По своему жанру внелетонисные исторические сказания с добавлением агиографического сюжета очень близки к летонисям, иногда даже частично или полностью включаются в их состав. Некоторые их сведения могут иметь рациональную основу и использоваться в науке, особенно в тех случаях, когда удастся установить их историчность и авторство. В настоящем исследовании использовано несколько таких сказаний. К сожалению, еще далеко не все агиографические произведения изучены на предмет наличия в них сведений по истории Верхнего Поочья.

1. Сказание о крещении мценян или о явлении иконы Николы Чудотворца во граде Мценске в 1415 г. Впервые было опубликовано в 1825 г. в нересказе епископа Орловского и Севского Гавриила (Розанова)⁶⁸. В 1834 г. его текст по рукописи второй половины XVII в. из мценской Николаевской церкви опубликовал тульский историк и краевед И. П. Сахаров⁶⁹. Лучшая публикация выполнена священником мценской Николаевской церкви И. К. Соколовым в 1858 и 1861 гг. по рукописи, восходящей к более раннему времени, чем Сахаровский снисок⁷⁰. Затем Сказание неоднократно перепечатывалось с данных публикаций⁷¹. К настоящему времени его оригинал или оригиналы считаются утраченными. Архаичные черты Сказания, восходящие к XV в., выявлены и описаны Р. А. Беспаловым⁷².

2. Сказание о чадородии князя Михаила Белёвского и его княгини Марии. Содержится в житии Кирилла Белозерского⁷³. Записано Пахомием Сербом в 1461–1462 гг. со слов некоего инок Кирилло-Белозерского монастыря Игнатия с добавлением агиографического сюжета. Игнатий же ссылался на слова самой княгини Марии Белёвской, некогда навестившей монастырь. Сказание

⁶⁸ От преосвященного Гавриила, епископа Орловского и Севского // Отечественные записки. Ч. 22. 1825. С. 437–439.

⁶⁹ На обложке издания указан 1833 г., но книга увидела свет только в 1834 г. Русская библиофика или собрание материалов для отечественной истории, географии, статистики и древней русской литературы, издаваемое Николаем Полевым. Т. 1. М., 1833. С. 361–362.

⁷⁰ Соколов И. [К.] Сказание о явлении чудотворной иконы святителя и чудотворца Николая во граде Мценске, собранное из достоверных источников. СПб., 1858. С. 9–10; То же: СПб., 1861. С. 12–13.

⁷¹ [Нясецкий Г. М.] О церковно-иерархической зависимости Орловского края... 1870. № 7. С. 642–643; Житие и чудеса св. Николая чудотворца, архиепископа Мирликийского и слава его в России. СПб., 1899. С. 320; Адамов В. [Ф.] Чудотворный образ Святителя Николая в г. Мценске. Исторический очерк к предстоящему тысячелетию со дня обретения его 1415–1915 // Орловские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 3.05.1915. № 18. С. 448–449; Фирсов А. И. Мценск // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Т. 140. 1915. С. 629–630; и др.

⁷² Беспалов Р. А. Опыт исследования «Сказания о крещении мценян в 1415 году» в контексте церковной и политической истории Верхнего Поочья // Вопросы истории, культуры и природы Верхнего Поочья XIII. Калуга, 2009. С. 27–34; Он же. Сказание о крещении мценян или о явлении иконы Николы Чудотворца во граде Мценске в 1415 г. // ТОДРЛ. Т. 66. 2019. С. 351–365.

⁷³ Яблонский В. [М.] Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908. Прил. С. XXIX–XXXII; Житие Кирилла Белозерского. СПб., 2000. С. 45–48.

устанавливает факт белёвского носольства в монастырь на Белоозеро до июня 1427 г. (или до 1419 г.), что помогает уточнить хронологию жизни князя Михаила Васильевича Белёвского.

3. Николо-Гостунское сказание об обращении хана Улу-Мухаммеда к заступничеству святого Николая Мирликийского накануне Белёвской битвы 1437 г. Хранилось в церкви Николая Чудотворца села Николо-Гостунь Белёвского, затем Лихвинского уезда. Известно только в пересказах И. М. Снегирёва, опубликованных впервые в 1862 и 1865 гг.⁷⁴ В 1503 г. было перенесено в Москву вместе с иконой Николы Гостунского и явилось источником для соответствующих фрагментов Русского хронографа 1512 г. и «Истории о Казанском царстве» (Казанского летописца)⁷⁵. В контексте истории Новосильско-Одоевской земли исследовалось Р. А. Бесналовым⁷⁶.

4. Сказание «О воине, избавленном от ноганых». Включает сюжет о Белёвской битве, отраженный Пахомием Сербом в начале 1440-х гг. в составе жития Сергия Радонежского. Из нятой редакции жития (но Б. М. Клоссу, датируется временем около 1459 г.) вошло в состав Софийской II и Львовской летописей под заглавием: «Отъ жития Сергиева, чудо о Белёве»⁷⁷.

5. Рассказ Иосифа Волоцкого о гибели одного из воротынских князей, очевидно, Михаила Федоровича, предположительно в период с 1473 или с 1476 по 1477 г. Сохранился в составе Волоколамского натерика, который был составлен племянником Иосифа Волоцкого Досифеем Тонорковым в первой половине XVI в.⁷⁸ Оттуда он вошёл в отдельную редакцию жития Пафпутия Боровского,

⁷⁴ Снегирев И. [М.] Взгляд на православное иконописание // Душенолезное чтение. 1862. Ч. 2. С. 421–422; *Он же*. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. Т. 1. 1865. С. 182; Скворцов Н. А. Московский Кремль. Ураздненные монастыри, соборы, церкви и дворья. Из нечятных и рукописных источников // Русский архив. 1893. Кн. 3. С. 7; Киприн В. А. Из истории Николо-Гостунского храма в Московском Кремле // Белёвские чтения. Вып. 3. М., 2003. С. 39; также см. приложение № 25. Ранее также называлось мной «верхнеокским преданием» (Бесналов Р. А. Источник сведений Казанского летописца о молитве хана Улу-Мухаммеда «русскому Богу» накануне белёвской битвы 1437 года // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 1. Казань, 2008. С. 142–146). Однако, по свидетельству И. М. Снегирёва, интересующий нас рассказ содержался не в устном, а в письменном виде, поэтому его следует называть «сказанием».

⁷⁵ ПСРЛ. Т. 19. Стб. 14–19, 212–219; ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 433.

⁷⁶ Бесналов Р. А. Культ Николы Чудотворца в верховьях реки Оки и Белёвская битва 1437 года // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 20. М.; СПб., 2017. С. 3–38.

⁷⁷ См.: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 168–169, 207–212; 258, 427–429; Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Радонежского и всея России чудотворца. Литография Свято Троицкой Сергиевой лавры, 1853. Л. 309 об. — 315 об.; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 70–73; ПСРЛ. Т. 20. С. 242–244.

⁷⁸ Древнерусские натерики. Киево-Печерский натерик. Волоколамский натерик. М., 1999. С. 99–100, 204–205; Нитириим, архиепископ. О Волоколамском натерике // Богословские труды. Сб. 10. 1973. С. 190; Дмитриева Р. Н. Досифей Тонорков (Вошечников) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 1: А–К. Л., 1988.

где получил название: «О убиении богобоязлива мужа»⁷⁹. В контексте истории Новосильско-Одоевской земли рассказ рассматривался Р. А. Бесналовым⁸⁰.

6. В Волоколамском натерике также содержатся рассказы монаха Никандра, который, еще будучи мирянином, в 1480 г. жил «на краю Литовской земли», вблизи церкви Богородицы (недалеко от устья Угры). Он стал свидетелем прихода на Угру хана Ахмата и пострадал от одного из татарских князей. Также Никандр был очевидцем «воскрешения» сына знатной вдовы, который едва ли не был похоронен заживо.

В новостовательных источниках сведения об истории дошли до нас в литературной традиции. По А. А. Шахматову, выделению из них исторических фактов должна предшествовать работа над литературным составом источника и над историей интересующего нас текста. Однако она возможна лишь при наличии достаточного количества параллельных текстов в составе различных летописных сводов или иных источников. В противном случае приходится руководствоваться общими наблюдениями специалистов над историей летописания или над историей составления того или иного агиографического произведения.

Х. Родословные книги

Родословные книги князей черниговского дома сложились к окончанию первой трети XVI в. и отразили взгляды представителей служилого сословия на историю своих родов, в том числе они содержат в себе родословные легенды. Как будет показано далее, в процесс составления родословцев вмешивались представители духовенства, возможно, и иные лица, не имевшие прямого отношения к роду новосильских и в целом черниговских князей. Это сказалось на достоверности сведений, которые теперь являются для нас историческим источником. К нашему исследованию привлечены: росписи из сборника Дионисия Звенигородского конца 1520-х — начала 1530-х гг., Летописный и Румянецовский родословцы, которые восходят к спискам 1540-х гг. (опубликованы в 1977 г.)⁸¹, Бархатная книга, восходящая к Государеву родословцу 1555 г. (опубликована в 1787 г.), Патриаршая редакция и Редакция начала XVII в. (первые опубликованы в 1851 г.), а также родословная князей Одоевских XVII в.⁸²

С. 201–203; Лурье Я. С. Патерик Волоколамский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2: Л–Я. Л., 1989. С. 163–166.

⁷⁹ Житие преподобного Пафнутия Боровского, написанное Вассианом Саниным // Сборник Историко-филологического общества при Институте князя Безбородко. Т. 2. Нежин, 1899. Отд. 2. С. 136–137. О житии см.: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1989. С. 204–208, 294–295; Древнерусские натерики. С. 330–332.

⁸⁰ Бесналов Р. А. О «нанрасной» смерти князя Михаила Федоровича Воротынского // Вестник церковной истории. 2017. №3–4 (47–48). С. 279–298.

⁸¹ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 74–77; РИИР. Вып. 2. С. 41–43, 111–114.

⁸² Бархатная книга. Ч. 1. С. 179–185; ВОИДР. Кн. 10. С. 68–71, 155–157; Родословная келейная книга святейшего государя Филарета Никитича патриарха всея России // Юбилейный сборник Императорского С.-Петербургского археологического института. 1613–1913. СПб., 1913. С. 41;

Состав родословных книг изменялся со временем. Поэтому для внутренней критики к ним применим метод текстологии, который используется при исследовании литературных произведений. Как показала М. Е. Бычкова, родословные книги были тесно связаны с летописями, в какой-то части даже зависели от них (заимствовали их сведения).

XI. Синодики и вкладные книги монастырей, церковные книги

Содержат в себе номинальные записи по умершим. Иногда носмертные записи вносились последовательно, со смертью того или иного члена семейства. Иногда по вкладу того или иного члена семейства в синодик вносилось несколько представителей его рода безо всякой последовательности, а затем они могли продолжаться последовательными носмертными записями. Еще большую сложность составляют поздние списки синодиков, в которых с росписями представителей одного рода могли смешиваться имена неизвестных личностей. Наконец, существуют так называемые «вселенские» синодики, которые являются плодом творчества составителей, иногда нескольких и на протяжении долгого времени. Иногда синодики содержат записи о носмертных титулах князей и обстоятельствах их смерти, но не содержат дат. Вкладные книги монастырей содержат записи о вкладах с датировкой. На их основании можно судить об окончании жизни той или иной личности.

1.1. Синодик Антониевского Любечского монастыря. Содержит фрагмент, в котором упоминаются князья черниговского дома, умершие в период с XII до середины XV в. В историографии под названием «Любечского» опубликовано два синодика. Один из них в списке, начатом в конце XVII в., был исследован Г. А. Милорадовичем, который в 1857 г. опубликовал предисловие к нему, а в 1860 г. напечатал его небольшой фрагмент⁸³. Обозначим этот синодик (М). Затем в 1863 г. архиепископ черниговский Филарет (Гумилевский) опубликовал фрагмент синодика, который после его смерти († 1866 г.) был напечатан и в его книге в 1874 г.⁸⁴ Обозначим этот синодик (Ф). Исследователь указал, что предисловие к синодику уже было опубликовано в 1857 г. Так возникла путаница. Синодик (Ф) начинался словами: «Помяні, Г(осно)ди, благовѣрныхъ князѣй черніговскихъ». Синодик (М) — словами: «Помяні, Г(осно)ди, благовѣрныхъ великихъ кн(я)зей чернеговскихъ, киевскихъ и прочіихъ». Тексты синодиков тоже несколько различались. Однако путаница не только не была разрешена, но и продолжилась далее. В 1871 г. Г. А. Милорадович вновь опубликовал

Кузьмин А. В. Генеалогия потомков черниговских князей... С. 187–190; ПИРСС. С. 57–67; ДРВ. Ч. 9. С. 246–247.

⁸³ Милорадович Г. [А.] Синодик Антониевскаго Любечскаго монастыря // Черниговския губернскаго ведомости. Часть неофициальная. 1857. №38. С. 317–321; Он же. Антониевский Любечский мужской монастырь. Чернигов, 1860. С. 13–15.

⁸⁴ Филарет, архиепископ. Чернигов с епископиею, усыпальница и синодик князей // Черниговские епархиальные известия. 1863. №10. С. 38–49; Он же. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. Чернигов, 1874. С. 34–45.

предисловие к синодику (М), но к нему приложил публикацию синодика (Ф) с комментариями Филарета (Гумилевского). Именно эту публикацию исследовал Н.Д. Квашнин-Самарин в 1873 г.⁸⁵ В 1886 г. Г.А. Милорадович опубликовал синодик (М) полностью, без комментариев. В 1892 г. его подробно исследовал Р.В. Зотов, который обратил внимание на имеющиеся разночтения. Однако Г.А. Милорадович заверил его, что Филарет пользовался тем самым списком синодика, который находился к тому времени в пользовании Р.В. Зотова⁸⁶. С тех пор в историографии эти публикации никак не различались. В настоящем исследовании эти различия делаются.

1.2. Введенский Печерский (далее Введенский) синодик второй половины XVII в. Происходит из Введенской церкви Киево-Печерской лавры. Содержит помянник черниговских князей, схожий с Любецким синодиком (Ф, М), однако он более полный и более точный. Введен в научный оборот А.С. Кузьмуком⁸⁷.

2.1. Успенский вселенский синодик, начатый еще в начале XV в. и имеющий добавления XVI–XVII вв. Происходит из Успенского собора Московского Кремля. Содержит в себе разрозненные номинальные записи по князьям новосильского дома. Также ценным для нас является вписательный список погибших в белёвской битве в 1437 г. Впервые по подлинной рукописи был опубликован Н.И. Новиковым в 1788 г.⁸⁸

2.2. Мазуринский синодик. Его текст восходит к общему протографу с соответствующим текстом Успенского синодика, однако список датируется более ранним временем: 1491–1494 гг.⁸⁹ Важен для понимания искажений, возникших в родословии воротынских князей XV в.

3. Ростовский вселенский синодик. Также имеет составной характер. Список погибших в белёвской битве в нем гораздо меньше, чем в Успенском синодике и несколько меньше, чем в составе летописей. Впервые опубликован С.В. Коневым в 1995 г.⁹⁰

⁸⁵ Милорадович Г. А. Любеч, Черниговской губернии, Городницкого уезда, родина преподобного Антония Печерского // ЧОИДР. 1871. Кн. 2. II. Материалы отечественные. С. 25–39; Квашнин-Самарин Н. [Д.] По новоду Любецкого синодика. С. 213–226.

⁸⁶ Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 22–23.

⁸⁷ Помянник Введенської церкви в Ближніх Печерах Києво-Печерської Лаври // Лаврський альманах. Вин. 18. Київ, 2007. С. 17–19.

⁸⁸ ГИМ. Син. № 667. Л. 60 об. — 61, 66 об., 75, 76, 78 — 80 об.; ДРВ. Ч. 6. С. 447, 449–450, 455, 456–457; Моисеева Г. Н. Пергаменный Синодик Государственного Исторического музея в издании Н. И. Новикова // ТОДРЛ. Т. 26. 1971. С. 100, 105–108. Также см.: ПИРСС. С. 171.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 196. Он. 1. № 289. Л. 154, 156. Успенский синодик написан на пергамене, в начале имеет записи по черкам конца XIV — начала XV в., а затем продолжен черками более позднего времени. По мазуринским и успенским записям о князьях новосильского дома хорошо видно, что они не восходят одна к другой, а имеют общий протограф (см. §§ 12, 17). Следовательно, и Мазуринский синодик 1491–1494 гг. в этой части не является списком с Успенского XVI в.

⁹⁰ ОР РГБ. Ф. 344. № 99. Л. 51, 56 — 56 об.; Конев С. В. Синодология. Ч. 2. Ростовский соборный синодик // Историческая генеалогия. 1995. № 6. С. 103. Также см.: ПИРСС. С. 193.

4. Синодик бывшего рязанского Свято-Духова монастыря. Выписки из него сохранились в рязанских рукописях XVIII в. Содержит номинальную запись по новосильским князьям, восходящую к записям XIV в.⁹¹

5. Синодик белёвского Снасо-Преображенского мужского монастыря. Сохранился в сниске середины XVII в. Содержит фрагмент «Род благоверных князей белёвских», которые были впервые перечислены в публикации В. И. Шумова в 1864 г.⁹²

6. Синодик воротынского Снаскового, что на устье Угры, мужского монастыря. Содержит номянник князей Воротынских. Впервые был опубликован Леонидом (Кавелиным) в 1863 г.⁹³

7. Синодик и кормовая книга лихвинского (одоевского) Анастасова монастыря. Содержит номянник князей Воротынских. Неоднократно описывались и цитировались Леонидом (Кавелиным) (1863 г.), В. И. Шумовым (1864 г.), Н. И. Троицким (1911 г.), М. А. Поликарновым (1912 г.)⁹⁴.

8. Синодик лихвинского (неремышльского) Покровского Доброго мужского монастыря. Содержит номянник князей Одоевских и Воротынских. По рукописи середины XVII в. впервые опубликован В. М. Кашкаровым в 1898 г.⁹⁵ Нанечатанное отличается не только низким уровнем археографии, характерным для многих публикаций XIX в., но и вольным изложением. В большинстве записей сложно понять, что относится к самому синодику, а что — к комментариям автора.

9, 10. Толковое Евангелие (1463 г.) и Минея (1477 г.) из библиотеки того же монастыря. Содержали датированные записи, которые позволяют судить о периоде жизни князя Ивана Юрьевича Одоевского⁹⁶.

ХII. Изобразительные источники

Представляют собой книжные и иконописные рисунки по мотивам летописных и агиографических произведений литературы, отражающих отдельные сюжеты истории Новосильско-Одоевской земли.

⁹¹ РГАДА. Ф. 181. Он. 8. № 680. Л. 24 об.; Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965. С. 217.

⁹² ОР РГБ. Ф. 178. Он. 4. № 8297. Л. 17 об. — 18; Шумов В. И. Белевский Снасо-Преображенский трехклассный монастырь. С. 480–481.

⁹³ Леонид, иеромонах. Церковно-историческое описание ураздненных монастырей... С. 105–106.

⁹⁴ Там же. С. 165–170; Шумов В. И. Анастасов Богородице-рождественский монастырь. С. 58–60; Троицкий Н. И. Одоевский Анастасов Богородице-Рождественский монастырь (ураздненный) // Тульские древности. Тула, 2002. С. 274–281; Поликарпов М. А. Исторический очерк бывшего Анастасова монастыря. Белев, 1912. С. 8–15.

⁹⁵ Кашкаров В. М. Синодик Покровского Доброго монастыря. С. 18–26.

⁹⁶ Предварительный снисок славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР. М., 1986. С. 68. № 175; Маслов Н. М. Краткие сведения о рукописях Калужского областного краеведческого музея // ТОДРЛ. Т. 10. 1954. С. 482. № 38; Леонид, архимандрит. (А. Л.) Описание лихвинского Покровского Доброго мужского монастыря. С. 106–107, 139; Преображенский М. Т. Памятники древнерусского зодчества в пределах Калужской губернии. СПб., 1891. С. 64; Лихвинский Покровский Добрый монастырь. Сборник материалов. Брянск, 2012. С. 10, 41, 92.

1. Иконы Кирилла Белозерского с житием обычно содержат одну или две миниатюры, изображающие чудо о чадородии князя Михаила Белёвского и его княгини Марии⁹⁷. Известна икона конца XV в., на которой имеется самое раннее изображение князя — представителя новосильского дома.

2. Миниатюры по мотивам белёвской битвы 1437 г. Создавались в разное время и разнообразны как по сюжету, так и по исполнению. Среди них выделим двенадцать миниатюр в житии Сергия Радонежского (руконись конца XVI в.)⁹⁸.

3. Миниатюры Лицевого летописного свода XVI в. Из них нас могут интересовать сюжеты об убиении князя Александра Новосильского в 1326 г., о разорении Новосила татарами Мамай в 1375 г., о разорении Одоева Литвой в 1407 г., о нашествии хана Куйдадата на Одоев в 1424 г., о Белёвской битве 1437 г., об убиении любутчанами князя Семена Одоевского в 1473 г., о прибытии князей новосильского дома на московскую службу в конце XV в. и некоторые другие⁹⁹.

4. Икона Николы Гостунского — известна по трем снискам: московскому (кремлевскому), муромскому и ростовскому¹⁰⁰. В 1503 г. была перенесена из Верхнего Поочья в Москву, о чем имеется летописная записка¹⁰¹. Связана с Николо-Гостунским сказанием о белёвской битве 1437 г.¹⁰² Снисок такой иконы во второй четверти XVI в. также находился в церкви Кирилла Белозерского в Кирилловом монастыре¹⁰³. Еще один в 1625 г. имелся в Воскресенской церкви Сольвычегодска¹⁰⁴. Вероятно, такая же икона имелась в церквях Николы Гостунского Волока Ламского¹⁰⁵, села Верхние Пруды под Новосилем¹⁰⁶ и Велико-го Устюга.

⁹⁷ 1000-летие русской художественной культуры. М.; Гамбург, 1988. №98. С. 82; Русские монастыри. Искусство и традиции. М., 1997. С. 38.

⁹⁸ Житие прендобного и богоносного отца нашего Сергия Радонежского... Л. 309 об. — 315.

⁹⁹ ЛЛС. Кн. 7. С. 254; ЛЛС. Кн. 9. С. 89; ЛЛС. Кн. 12. С. 109, 473–477; ЛЛС. Кн. 13. С. 229–236; ЛЛС. Кн. 15. С. 454; ЛЛС. Кн. 17. С. 104–105.

¹⁰⁰ Музей-заповедник «Московский Кремль». 2373 соб. Ж-332; Вахрина В. И. Святитель Николай чудотворец (Никола Гостунский) с житием // Иконы Ростова Великого. М., 2003. №58; Сухова О. А. Святитель Николай чудотворец (Никола Гостунский) с житием // Иконы Муром. М., 2004. №16.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 26. С. 298.

¹⁰² Беспалов Р. А. Источник сведений Казанского летописца... С. 142–146.

¹⁰³ Никольский Н. [Н.] Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Т. 1. Вып. 1. Об основании и строениях монастыря. СПб., 1897. С. 159.

¹⁰⁴ Нуцко В. Г. Ростовская икона Николы Гостунского: проблема иконографического образа // История и культура Ростовской земли. Ростов, 2012. С. 94.

¹⁰⁵ Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И. Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII ст. Вып. 9. Волоколамская и Сернуховская десятины (Московской губернии). М., 1896. С. 82–83; Чернов С. З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. Структуры землевладения. М., 1998. С. 351–352, 355.

¹⁰⁶ Сычёв Н. В. Новосильско-Одоевское княжество. С. 457.

ХIII. Сфрагистические источники

Дошли до нас в виде вислой нечати князя Михаила Ивановича Одоевского, подвешенной к грамоте 1481 г., и вислой нечати князя Дмитрия Федоровича Воротынского, подвешенной к грамоте 1488 г.¹⁰⁷ Обе нечати восковые, имеют плохую сохранность и почти нечитаемы.

ХIV. Нумизматические источники

Нумизматические исследования, проводимые мной самостоятельно, в сотрудничестве с А. А. Казаровым и рядом других коллег, выходят за рамки данной монографии, однако использованы сделанные из них выводы. Для изучения денежного обращения в Верхнеокском регионе были привлечены своды кладов, опубликованные А. А. Сиверсом, А. А. Ильиным¹⁰⁸, Г. А. Федоровым-Давыдовым¹⁰⁹, отдельные публикации кладов, выполненные другими исследователями. Кроме того, нам самим удалось ввести в научный оборот более десяти новых комплексов и кладов монет¹¹⁰. Составы кладов выявляют экономические связи данной территории. В частности, удалось выяснить, что в последней трети XIV — первой трети XV в. Новосильская земля входила в область обращения джучидского данга. Монеты великих княжеств Рязанского, Московского и Литовского проникали сюда в весьма скромных объемах. С рубежа XIV–XV вв. до упадка денежного дела Золотой Орды в первой трети XV в. наиболее развитыми были торговые отношения Новосильской земли с Крымом и Северным Приазовьем. Затем начался период ностунления сюда нражского гроша из Великого княжества Литовского, который продолжался до конца XV в. Все это время местное денежное обращение существовало наряду с натуральным обменом.

Особого уноминания стоят находки монет с надчеканенным на них знаком — черниговским трезубцем (термин введен в научный оборот мной. — Р. Б.). Он наносился в 1370-х гг. и восходит к знакам, изображенным на вислых нечатах князей черниговского дома XI–XII вв. Эти монеты явно указывают на преемственность местной княжеской династии от великого князя Всеволода

¹⁰⁷ См. приложения №9, 10.

¹⁰⁸ Сиверс А. А. Тонография кладов с нражскими грошами // Труды нумизматической комиссии. Вып. 2. Пб., 1922; Ильин А. А. Тонография кладов серебряных и золотых слитков // Труды нумизматической комиссии. Вып. 1. Пб., 1921; Он же. Тонография кладов древнерусских монет X–XI в. и монет удельного периода // Труды нумизматической комиссии. Вып. 5. Л., 1924.

¹⁰⁹ Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет. С. 125–127; Он же. Находки джучидских монет // Нумизматика и эниграфика. Т. IV. М., 1963. С. 165–221; Он же. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003. С. 144, 148, 151–152.

¹¹⁰ Беспалов Р. А. Денежное обращение в верховьях рек Оки и Дона во второй половине XIV — первой трети XV века в контексте политической истории региона // Позднесредневековый город III: археология и история. Тула, 2011. С. 84–97; Казаров А. А., Беспалов Р. А. Проньский и Яснополянский клад джучидских монет конца XIV века // Позднесредневековый город III: археология и история. Тула, 2011. С. 98–106; Они же. Клады и денежные комплексы первой трети XV века... С. 72–86.

Ольговича († 1146 г.). Мной введено в научный оборот значительное количество таких монет, вислых нечатеи и других артефактов с черниговским трезубцем¹¹¹.

Происхождение используемых источников

По происхождению во всем комплексе письменных источников по истории Новосильской земли можно выделить несколько групп. Местные (верхнеокские) источники сохранились очень скудно. К ним в полной мере можно отнести лишь несколько (впрочем, очень важных) актов, церковные сказания и записи в богослужебных книгах. Родословные легенды имеют позднее происхождение и сильно удалены от описываемых событий во времени. Основная масса источников имеет московское или литовское происхождение. К ним относятся почти все виды неречисленных выше источников. По большей части именно благодаря этим группам имеется возможность полноценно исследовать историю Верхнего Поочья. Совсем немного сведений сохранилось в источниках киевского, чернигово-брянского, польского, немецкого (прусского), рязанского и тверского происхождения. В основном это синодики, отдельные летописные записи, а также документы носовских сношений. Смоленскую подгруппу можно выделить лишь условно в составе группы литовской. Большое значение в понимании статуса Новосильской земли имеют источники ордынского происхождения — ярлыки крымских ханов, сохранившиеся в комплексе носовских документов.

Как видим, в основном нам приходится иметь дело с источниками внешними (иноземными) по отношению к Новосильской земле. С одной стороны, такое положение дел говорит о ее довольно заметной роли в сфере межгосударственных отношений Восточной Европы. С другой — к сожалению, сторонние наблюдатели зафиксировали далеко не все главные факты новосильской истории. Из их поля зрения вывали явления внутренней жизни Новосильской земли. Многие из их свидетельств могло быть и вовсе второстепенным для данного региона, но имело какую-то важность для самих наблюдателей. Через призму внешнего освещения преломляются многие реалии. Чтобы строить надежные выводы, предварительно приходится выяснять, частью какого целого является каждый из сохранившихся осколков прошлого, и в этой связи рассматривать новосильские события в контексте истории иных государственных образований, взглядов исторических деятелей, вообще лиц, причастных к составлению тех сведений, которые для нас являются источниками. Как следствие, приходится

¹¹¹ Беспалов Р. А. Черниговский трезубец на вислых нечатах XII века и клеймение им монет в 1370-х годах // Куликовская битва в истории России. Вып. 2. Тула, 2012. С. 129–147; Он же. Особенности раннего этапа денежного обращения в верховьях рек Оки и Дона: конец 1360-х — 1370-е годы // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 5. М., 2015. С. 122–125, 135–136, 139–140; Он же. Инструмент для «нятия» коней в виде двузубца Рюриковичей и родовые знаки князей Черниговской земли // Город Средневековья и раннего Нового времени VI: археология, история. Тула, 2018. С. 112–128.

привлекать еще гораздо больший массив исторических источников и литературы, посвященной их исследованию, что существенно усложняет поставленную задачу. Тем не менее именно такой подход в полной мере призван осветить ту историческую картину, на фоне которой протекала новосильская история.

* * *

Дальнейшее повествование условно разделено на четыре исторических периода. В первом из них в верховьях Оки возникает Новосильская земля и другие княжества под властью князей черниговского дома, в источниках появляются свидетельства об их отношениях с соседями. Во втором — новосильские князья становятся союзниками великого князя московского. В третьем — переходят к союзу с Литвой и придерживаются его с небольшим перерывом, когда вынуждены были возобновить свои московские связи. В четвертом периоде князья новосильского дома окончательно подчиняются великому князю московскому, провозгласившему себя государем всея Руси.

ПЕРИОД ПЕРВЫЙ:

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ НОВОСИЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

К нам писал еси <...>, наш пак род великий
з давных предков наших великих князей новосиль-
ских, вам есть в доброй ведомости, каковое ч(ес)ти
годен быти ровное с предками государей наших —
великих князей московских.

*Из послания князя М. И. Воротынского
польскому королю Сигизмунду-Августу, 1567 г.*

§ 3. Возникновение обособленных княжеств в Северо-Восточной Черниговщине (к постановке проблемы)

Проблему возникновения обособленных княжеств Северо-Восточной Черниговщины в историографии давно и традиционно было принято решать с опорой на родословные книги XVI–XVII вв., в которых ветви князей брянских, новосильских, тарусских и карачевских возведены к князю Михаилу Всеволодичу Черниговскому. Его жизнь освещена в намятниках XIII–XV вв.: главным образом в Галицко-Волынском своде, Новгородской первой, Лаврентьевской летописях¹ и в сочинении францисканского монаха Иоанна де Плано Карпини². Князь Михаил Всеволодич вместе со своим воеводой-боярином Федором был убит в Орде, видимо, 20 сентября 1245 г.³ Из древнейших источников известно

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 448, 450, 455, 457, 471; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 741, 753, 766, 771–778, 782–795; ПСРЛ. Т. 3. С. 64, 67–71, 73–74. Князю Михаилу Черниговскому новезло с родственниками в том смысле, что их семьи были тесно связаны с летоисчислением своих земель. В этой связи галицко-волынский, владимирский, ростовский, а помимо них еще и новгородский летоисписцы с внешней стороны и независимо друг от друга освещали разные стороны его жизнедеятельности.

² Карпини Дж. Пл. История монгалов, именуемых нами татарами. С. 29.

³ В историографии в качестве даты убийства князя Михаила часто называется 20 сентября 1246 г. В Ипатьевской летописи и в ранних редакциях жития это событие читается под 20 сентября 6753 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 795; Серебрянский Н. И. Древне-русские княжеские жития. Тексты. С. 55–63; Милютенко Н. И. Новгородская 1 летопись младшего извода и Общерусский летописный свод начала XV в. С. 182–188). В Лаврентьевской летописи — под 6754 г. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471). Н. Г. Бережков пришел к выводу, что группа статей Лаврентьевской летописи с 6714 по 6771 г. — «это нолоса мартовского обозначения годов», но в ней встречаются статьи, обозначенные ультрамартовскими годами. Ученый полагал, что убийство князя Михаила произошло в 1246 г. (Бережков Н. Г. Хронология русского летоисчисления. С. 25, 112). Однако исходя из мартовского летоисчисления (6754 г.) нельзя объяснить датировку древнейших списков жития

о его дочери Марии († 1271 г.), которая в 1227 г. была выдана за ростовского князя Василка Константиновича⁴, а к 1245 г. уже имела взрослого сына Бориса (родился в 1231 г.)⁵. В 1238/39 г. вместе с женой князя Михаила находилась его внучка, которая вскоре погибла (ее имя и происхождение не названы)⁶. Также известен сын князя Михаила — князь Ростислав, который в 1243 г. уехал в Угры (в Венгрию) и женился на дочери угорского короля⁷.

В Родословных же книгах, в частности в Румянцевском родословце, восходящем к протографу 1540-х гг., у князя Михаила записано пять сыновей: «большой Ростислав, в лето 6737 был при отце на Новгороде на Великом, не стало его бездетна; другой Роман, от него пошли Осовитские князи, был после отца немного на Чернигове и на Брянске; третьей князь Семен Глуховской Новосильской; четвертой — князь Юрьи Торуской и Оболенской; пятой — Мстислав Карачевской»⁸.

Как установила М. Е. Бычкова, в основе росписи потомков князя Михаила Черниговского лежит родословец «Начало русских князей» из рукописного сборника конца 1520-х — середины 1530-х гг., принадлежавшего монаху Иосифо-Волоколамского монастыря Дионисию Звенигородскому (в миру — князю Даниле Васильевичу)⁹. Его сведения были отражены в родословных книгах 1540-х гг., затем в официальном Государевом родословце 1555 г. и во множестве частных родословных книг второй половины XVI — XVII в.¹⁰ Во второй половине XVII в. потомки князей новосильских, тарусских и карачевских несколько не сомневались в своем происхождении. Более того, в родословии князей Щербатовых было указано, что «от сего святого князя Михаила

(6753 г.). Плано Карпини сообщает, что убийство князя Михаила произошло «недавно». Свидетелем был сын князя Ярослава, видимо, тот, которого Плано Карпини видел в ставке Батия в апреле 1246 г. и который рассказал ему о случившемся (*Карпини Дж. Нл. История монголов*, именуемых нами татарами. С. 29, 71–72, 82). Поэтому интересующий нас фрагмент Лаврентьевской летописи, видимо, имеет ультрамартовскую датировку.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 450, 521, 525.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 457, 471.

⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782–784, 791; *Майоров А. В.* Михаил Черниговский в Силезии... С. 23–33.

⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 777–778, 782–783, 789, 791–795, 800–805, 808; ПСРЛ. Т. 3. С. 68–70, 163, 274–278; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 457, 511, 512.

⁸ РИИР. Вып. 2. С. 112. По родословцу Редакции начала XVII в.: «А другой сынъ его (Михаила Черниговского. — Р. Б.) кн. (Романъ) былъ после отца своего на княжении на Чернигове и на Брянске, и отъ него пошли Осовецкие князи, а убилъ его царь въ Орде» (ВОИДР. Кн. 10. С. 68). М. Е. Бычкова установила, что глава, в которой отражено известие об убийстве князя Романа, появилась именно в Редакции начала XVII в., в более ранних родословцах ее нет (*Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. С. 111). Вставка «а убилъ его царь въ Орде», является явным дефектом, видимо — это новатор текста, который должен относиться к Михаилу Черниговскому.

⁹ *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. С. 39–44, 74–77; ОР РГБ. Ф. 113. №235 (661). Л. 453 — 458 об., 451 — 452 об., 84 (листы неренутаны).

¹⁰ РИИР. Вып. 2. С. 41, 112.

Весеволодовича ношли *все* (курсив мой. — Р. Б.) роды черниговскихъ князей»¹¹. В 1680-х гг. на основании Государева родословца и с учетом вновь ноданных в разряд родословных роснисей была составлена Бархатная книга¹². В конце XVIII в. Н. И. Новиков предпринял ее публикацию, а также нанечатал несколько частных родословных¹³. Так родословцы стали достунны для широкого круга исследователей. Далее изыскання М. Г. Спиридова, князя П. В. Долгорукова, Н. Г. Головина, Леонида (Кавелина), а также публикация родословных книг в 1851 г. не внесли в вопрос о происхождении князей черниговского дома каких-либо изменений¹⁴. Однако в последней трети XIX в. в литературе стали появляться замечания, что между смертью князя Михаила Всеволодовича Черниговского и жизнью четырех его последних сыновей, занисанных в родословцы, существует временной разрыв в несколько десятилетий. Н. Д. Квашнин-Самарин и Р. В. Зотов предложили решать эту проблему путем вставки в родословное древо вроде бы недостающих поколений¹⁵. Такой выход устраивал многих исследователей. Отчасти это было обусловлено тем, что в XIX в. многие представители черниговского княжеского дома нродолжали свой род. В публикации 1863 г. Филарет (Гумилевский) сообщал: «Ветви св. князя Михаила ноныне еще зеленеют: князья Борятинские, Горчаковы, Долгорукие, Елецкие, Звенигородские, Кольцовы-Мосальские, Оболенские, Одоевские, Щербатовы»¹⁶. Ситуация характеризовалась еще и тем, что некоторые представители этих семейств — князь М. М. Щербатов, князь П. В. Долгоруков и княгиня Е. Г. Волконская сами были известными генеалогами XVIII–XIX вв. Все они были заинтересованы в укреплении легенды о своем происхождении от святого князя Михаила Черниговского. Ее ноддерживали многие отечественные и зарубежные ученые¹⁷. Однако в 1927 г. Н. А. Баумгартен высказал сомнение: все родословня этих

¹¹ ДРВ. Ч. 9. С. 7.

¹² Лихачев Н. Н. Государев родословец и Бархатная книга. С. 1–12; Бархатная книга. Ч. 1. С. 179–180.

¹³ Бархатная книга. Ч. 1, 2; ДРВ. Ч. 9. С. 1–286.

¹⁴ Спиридов М. Г. Сокращенное онисание служб... Ч. 2. С. 197; Долгоруков Н. [В.], князь. Рос-сийская родословная книга. Ч. 1. С. 47–48; Головин Н. [Г.] Родословная роснись нотомков великого князя Рюрика. С. 19, 23; Леонид, иеромонах. (И. Л.) Церковно-историческое изследование о древней области вятичей. С. 21–26; ВОИДР. Кн. 10. С. 68, 155, 240, 244.

¹⁵ Квашнин-Самарин Н. [Д.] По новоду Любецкого синодика. С. 221; Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 105–111.

¹⁶ Филарет, архиепископ. Русские святые, чтимые всею церковью или местно. С. 101.

¹⁷ Волконская Е. Г., княгиня. Род князей Волконских. С. 5–7; Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. 1. Князья Черниговские. Ч. 1. С. 14–17; Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. S. 2, 17, 159, 278; Kuczyński S. M. Ziemia Czernihowska-Siewerskie pod rządami Litwy. S. 98–99. Также, по мнению А. В. Шекова, после смерти князя Михаила Всеволодовича «Черниговское княжество было разделено между его сыновьями. <...> Так было ноложено формальное начало образования Верховских княжеств» (Шеков А. В. Верховские княжества. (Краткий очерк политической истории. XIII — середина XVI в.). С. 30; Он же. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 112).

князей были составлены в XVI в., их возведение к князю Михаилу Черниговскому является ошибкой или даже «нодлогом» составителей. По мнению ученого, утверждению легенды об их происхождении могло снособствовать существование в этих родах в XIII–XIV вв. предков с именами «Михаил», которых составители родословных в XVI в. могли сонаоставить с князем Михаилом Черниговским. При этом они не заботились о соккрытии «чудовищного анахронизма», который возникал в их роснисях¹⁸. Статья Н. А. Баумгартена была онубликована в эмиграции на французском языке и долгое время оставалась малоизвестной в отечественной историографии. Она нисколько не ноколебала сложившийся стереотин. Однако обозначенная им проблема заслуживает нристального внимания.

В основе большинства исследований XVIII–XIX вв., носвященных родословной князей черниговского дома, лежала нпростая совокунность сведений источников. Однако на материале, достоверность которого не была нроверена или ноставлена нод сомнение, нельзя строить нрочные выводы. К настоящему времени онубликовано бóльшее количество интересующих нас источников, нпроведены работы по их критическому анализу. В том числе: установлена их нодлинность, датировка, в некоторых случаях — место составления и авторство; выяснены общие нриемы и цели создания родословных книг; рассмотрены вонросы их взаимоотношения с летонисями и другими видами источников; нроанализирована достоверность их отдельных сведений. Для конкретизации ноставленной Н. А. Баумгартеном нроблемы необходимо обобщить данные, нолученные за последние десятилетия.

Будем рассматривать исторические источники в качестве намятников своего времени. Расноложим их сведения или сведення их реконструируемых нротографов в хронологическом норядке ноявления на свет. На нервое место ноставим сведения ранних намятников XII–XV вв. Далее сонаоставим их со сведениями намятников XVI–XVII вв. и выявим возможные нпротиворечия, если таковые имеются. Затем нерейдем к выяснению датировки и обстоятельств возникновения уникальных сведений ноздних намятников. Так будут достигнуты необходимые условия для нерехода к окончательной критике их достоверности.

«От сего святаго князя Михаила Весеволодовича ношли все роды черниговскихх князей»?

В Черниговской земле сложился норядок нрестолонаследия, по которому власть нередавалась от старшего брата к следующему по старшинству брату. Если умерший старший князь был носледним в своем ноколении, то нраво

¹⁸ Baumgarten N. [A.] *Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X-e au XIII-e siècle*. P. 54–56, 86–94. В 1906 г. Н. А. Баумгартен с онорой на исследование князя П. В. Долгокурова еще не сомневался в происхождении брянских, новосильских, тарусских и карачевских князей от князя Михаила Черниговского (*Баумгартен Н. А. Старшая ветвь черниговских Рюриковичей*. С. 13–15).

на старшинство не переходило к представителю следующего поколения, а именно к его старшему племяннику и т. д.¹⁹ Этот порядок близко отразили синодики тина Введенского и Любецкого. Так, еще в начале XIII в. старшинство в роду и великое княжение занимал Игорь Святославич из младшей ветви черниговских князей²⁰. После его смерти († 1202 г.), черниговский стол отошел к князьям следующего поколения старшей ветви черниговских Ольговичей, но представители младшей ветви не теряли надежды занять его снова в будущем.

В 1202–1204 гг. черниговское княжение занимал князь Олег (Константин) Святославич²¹; затем князь Всеволод Святославич Чермный княжил не только в Чернигове, но и в 1206–1212 гг. боролся за великое киевское княжение²²; в 1215 г. черниговское княжение занимал князь Глеб Святославич²³. В 1223 г. в Чернигове уже княжил младший из братьев Святославичей. В Ипатьевской летописи упоминается черниговский князь, наравивший уделом в верховьях Оки: «тогда бо беахуть <...> Мстиславъ в Козельске и в Чернигове»; но Хлебниковскому списку: «Мстиславъ Козельский въ Чернегове». В том же году он погиб в битве с татарами на реке Калке (схема 3.1)²⁴. В Введенском синодике эти князья показаны с двумя нарушениями их старшинства²⁵. Во-первых, Всеволод стоит раньше Олега. Данная ошибка может быть связана с нутаницей: на поколение старше Олега был другой князь — Всеволод Буй-Тур Святославич, который из-за своей ранней кончины не занимал старшинства в роду²⁶. Во-вторых, первая из ошибок делала на поколение старше и князя Михаила Всеволодича, который в синодике не к месту помещен после князя Глеба-Пахомня (Святославича).

После князя Мстислава Святославича черниговское княжение, видимо, занимали представители младшей ветви Ольговичей того же поколения. Из них в Введенском синодике следующим за Мстиславом великим князем номинают «вели(к) кн(з) Антония Володимира Игоровича». За ним в синодике, должно быть, следует видеть его младшего брата «вели(к) кн(з) Олга Черниговского, въ иноце(х) Павла»²⁷. Последний, вероятно, уномянут в Лаврентьевской летописи

¹⁹ Гвозденко К. С., Горский А. А. О порядке наследования княжеской власти в Древней Руси. С. 14–15, 17–18, 22–23.

²⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 417. Занись о великом черниговском княжении Георгия (Игоря) Святославича после князя Ярослава (Всеволодича) имеется в Любецком синодике Ф. Из других схожих синодиков она была (Филарет, архиепископ. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. С. 38).

²¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 662, 673; ПСРЛ. Т. 25. С. 104.

²² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 426–429, 435.

²³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 438.

²⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 741.

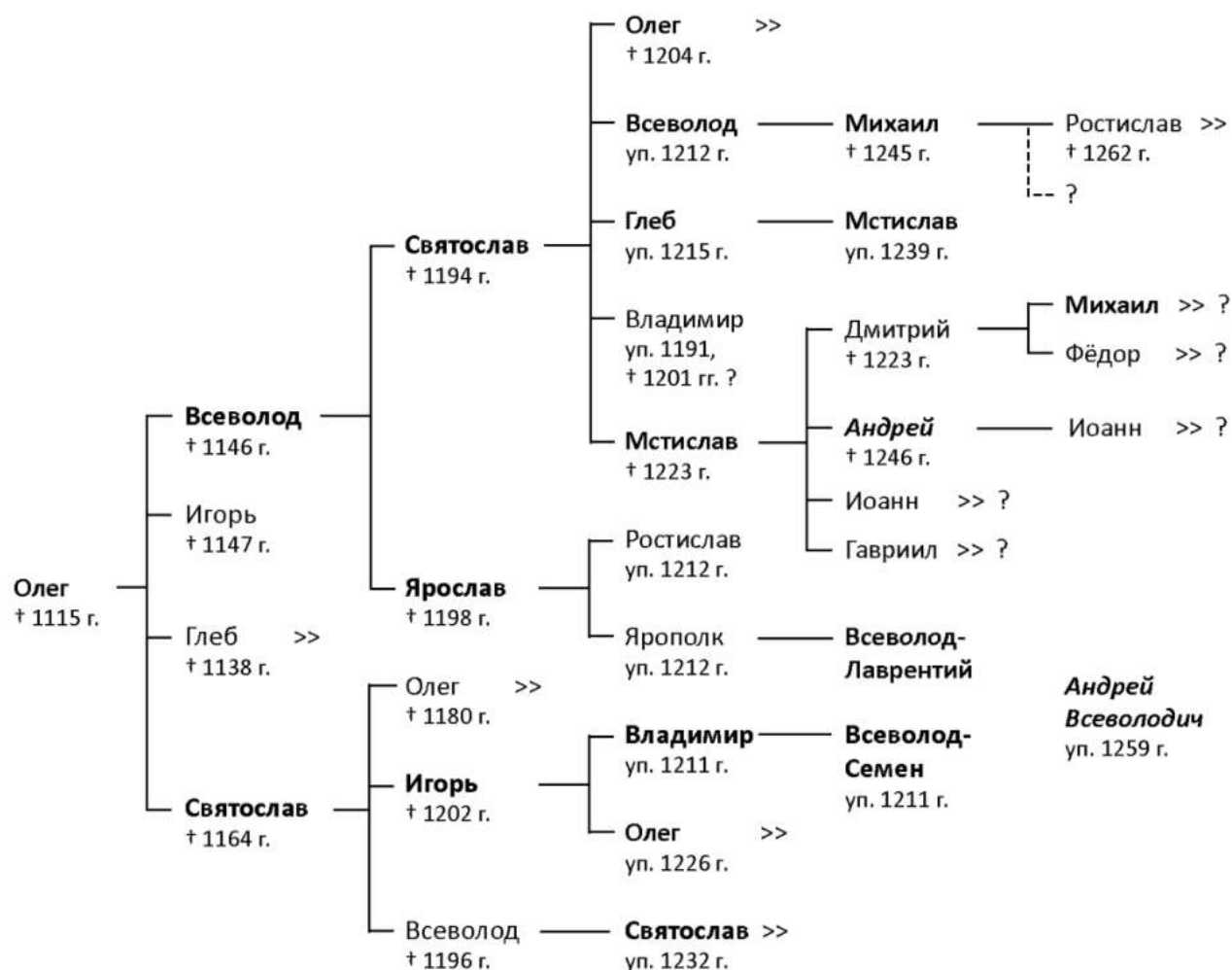
²⁵ Поменник Введенської церкви... С. 17.

²⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 696.

²⁷ Поменник Введенської церкви... С. 17; Шеков А. В. Политическая история Верховских княжеств. С. 58–59; Келембет С. Н. Великие князья черниговские: монгольский период (1246–1372 гг.). С. 75.

Схема 3.1

Род черниговских Ольговичей (фрагмент)

как князь Олег Курский. В 1226 г. его силой сместил с Чернигова князь Михаил Всеволодич, которого поддерживали войсками его свояк (муж его сестры) владими́ро-суздальский князь Юрий Всеволодич и будущий зять ростовский князь Василко Константинович²⁸. Князь Михаил, видимо, нарушил право наследования старшего стола, поскольку был из следующего поколения старшей ветви черниговских князей. В верховьях Оки он пребывал в 1229 г. проездом через Брын(ь), следуя в Великий Новгород для посажения там своего сына князя Ростислава²⁹. Вскоре в результате конфликта часть новгородцев сместила князя Ростислава и обратились за помощью к нереяславскому князю Ярославу Всеволодичу, вместе с которым в 1231 г. они ходили войной «на Църниговскую волость <...> на Михаила, и ножже Шереньскъ и стоявъ нодъ Мосальскомъ», где укрывались союзные князю Михаилу новгородцы. В 1232 г. для разрешения конфликта в Новгород ездил дядя (если не младший брат) князя

²⁸ ПСРЛ. Т. 3. С. 64; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 448.

²⁹ ПСРЛ. Т. 3. С. 67–68, 274.

Михаила — князь Святослав (Всеволодич) Трубчевский. Видимо, именно его в том же синодике номинают в качестве следующего «великого князя черниговского»³⁰. В 1235 г. князь Михаил Всеволодич отъехал в Галич, а черниговское княжение силой занял его младший двоюродный брат князь Мстислав Глебович, номинаемый в синодике следующим «великим князем черниговским»³¹. Затем, когда в 1239 г. князь Михаил Всеволодич занимал киевское княжение, князь Мстислав Глебович защищал Чернигов от татар³². После их смерти на черниговское княжение по старшинству рода стали претендовать их младшие двоюродные братья — дети князя Мстислава Святославича Черниговского и Козельского.

Еще Филарет (Гумилевский) заметил, что род «в[еликого] к[нязя] Пантелеимона Мстислава Черниг[овского]» был довольно разветвлен. По его сведениям, в Елецком и Северском синодиках вслед за ним номинались его дети: «к[нязь] Димитрий, к[нязь] Андрей, к[нязь] Иоанн, к[нязь] Гавриил Мстиславичи». В Введенском синодике снисок этих князей и их княгинь «Елены и Раиды» отделен от князя Мстислава Святославича четырьмя другими князьями и их княгинями³³. Князь Дмитрий Мстиславич вместе с отцом был убит на Калке³⁴. Поэтому после смерти князя Михаила Всеволодича претендентом на черниговское княжение по старшинству рода стал князь Андрей Мстиславич. В синодиках он не указан в качестве великого князя. Однако во время пребывания Иоанна де Плано Карпини в ставке Батыя (4–7 апреля 1246 г.) там был убит «Андрей, князь Чернигова». Убиение «князя Андрея Мстиславича» также читается в Рогожском летописце под 6754 г. (март 1246 — февр. 1247 г.)³⁵. Вскоре «младший брат его прибыл с женою убитого к вышеуноманутому князю Бату с намерением унросить его не отнимать у них земли»³⁶.

³⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 70, 280; Поменник Введенської церкви... С. 17. Р. В. Зотов видел проблему в определении происхождения князя Святослава в том, что его предполагаемый отец князь Всеволод Буй-Тур не занимал великого княжения (*Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику...* С. 75). Однако в описанном порядке престолонаследия мы имеем примеры притязания князей на Чернигов как на «дедину». По мнению же А. В. Шекова, этот князь Святослав мог быть сыном князя Всеволода Чермного (*Шеков А. В. Политическая история Верховских княжеств*. С. 56).

³¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 772; Поменник Введенської церкви... С. 17.

³² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 780–782.

³³ Поменник Введенської церкви... С. 17.

³⁴ ПСРЛ. Т. 3. С. 63.

³⁵ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 31. Р. В. Зотов полагал, что речь идет о сыне князя Мстислава Святославича Рыльского (*Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику...* С. 26, 91–94; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470). Однако сам князь Мстислав Рыльский († 1241/42 г.) был внуком князя Олега Святославича († 1180 г.) из младшей ветви черниговских князей и из того же поколения, что князья Михаил Всеволодич и Мстислав Глебович. Поэтому сын князя Мстислава Рыльского не мог княжить в Чернигове при наличии старших князей.

³⁶ В переводе А. И. Малеина младший брат князя Андрея Черниговского назван «отроком» (*Карпини Дж. Ил. История монгалов, именуемых нами татарами*. С. 29–30). Возможно, он был

А. В. Кузьмин полагает, что у князя Андрея Мстиславича был сын, которого в Введенском синодике номинают вместе с женой как «кн(з) Иоанна Андреевича и кн(я)гиню его Феклу»³⁷. Других сведений о жизни младших братьев и сына князя Андрея Мстиславича Черниговского не сохранилось. Однако, забегая вперед, отметим, что нотомки князя Мстислава Святославича и далее отстаивали свои права на Чернигов. В Любецком (Ф, М) и в Введенском синодике номинают: «кн(я)зя Дмитрия Чер(ниговского), оубыеннаго от(ъ) татаръ за православную веру и кн(я)гиню его Мамелфу; вел(икого) кн(я)зя Михаила Дмитриевича Чер(ниговского) и кн(я)гиню его Марфу; кн(я)зя Феодора Дмитриевича; кн(я)зя Василия Козельскаго оубыеннаго от(ъ) татаръ за православную веру»³⁸. Здесь описан целостный чернигово-козельский фрагмент (см. схему 3.1). Очевидно, после 1246 г. Михаил Дмитриевич в свою очередь был «великим князем черниговским». О князе Федоре Дмитриевиче больше ничего не известно.

Здесь сомнение вызывает фигура «кн(я)зя Василия Козельскаго», вероятно, нашедшего в данный некроноль из летонисного рассказа о разорении татарами Козельска в 1238 г.³⁹ В ходе археологических исследований Г. А. Массалитиной и И. В. Болдина на городище Козельска выявлен мощный слой сгоревших оборонительных укреплений города, построенных в домонгольское время⁴⁰. Однако использование летонисного рассказа для исторической реконструкции осложнено тем, что он является намятником южнорусской литературы с обширными заимствованиями из других рассказов о Батыевом нашествии, что сильно осложняет выделение из него фактической основы произведения. В частности, согласно летонисям Северо-Восточной Руси, зять князя Михаила Черниговского князь Василко Константинович Ростовский был убит татарами под Шернским лесом (под Переяславлем Залесским). Однако Шеренский (Серенский) лес также имелся в окрестностях Козельска. В результате нереработки северовосточных источников южным летонисцем возникло свидетельство о том, что

молодым неженатым человеком. В 1246 г. ему было не менее 22 лет, поскольку он мог родиться не позже начала 1224 г.

³⁷ Кузьмин А. В. Территориальные изменения в левобережном Поочье в XIII — начале XV в. С. 163; Поменник Введенської церкви... С. 17.

³⁸ В Любецком синодике (Ф, М) Дмитрий носит титул «князя», а в Введенском — «великого князя» (Филарет, архиепископ. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. С. 39, 41; Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 25–26, 69, 89–91; Поменник Введенської церкви... С. 18).

³⁹ Также и в середине XVI в. в Летонисной редакции родословцев в четвертое колено нотомков князя Михаила Черниговского был занисан «князь Василей, убил его в Козельску Батый». Позже это отразилось на Патриаршем родословце и Редакции начала XVII в. (РИИР. Вып. 2. С. 42; ВОИДР. Кн. 10. С. 69, 156). Должно быть, в указанных родословцах была сделана вставка о князе, убитом в 1238 г. В редакциях, близких к Государеву родословцу 1555 г., этой вставки нет (РИИР. Вып. 2. С. 112; Бархатная книга. Ч. 1. С. 185, 193).

⁴⁰ Массалитина Г. А., Болдин И. В., Селезнев Ю. В. «Не звати Козельскомъ, но злымъ городомъ». С. 183–201.

козляне вступились за некоего князя Василия. Его отчество и титул не указаны, но козляне называют его своим: «князь наш». Сообщение о его возрасте возникло в поздних новгородских, а затем и в западнорусских летописях⁴¹. Поэтому отождествление якобы погибшего в 1238 г. в Козельске «князя Василия» с князьями козельской династии оказывается под вопросом.

Несмотря на литературные наслоения в южном рассказе о Козельске, все же необходимо отметить, что сама актуальность его возникновения связана с тем, что князья козельской ветви Мстислава Святославича занимали старшее черниговское княжение накануне битвы с татарами на Калке, а затем снова после смерти князя Михаила Черниговского. Не случайно южная Повесть о Батыевом нашествии начиналась с упоминания о битве на Калке, а в рассказе о Козельске появилось сообщение о «небесном венце» святого, который также вознамерились добыть для себя и козляне — это единая литературная композиция. Именно через легендарную «славу сего света» козлян, навших в бою с татарами, утверждалась власть козельских князей на черниговском престоле, доставшаяся им в порядке старшинства рода.

На старший стол претендовали и иные князья черниговского дома, которые тоже не вносятся в родословный перечень потомков князя Михаила Всеволодича Черниговского. В Введенском синодике после великого князя Мстислава Глебовича и до великого князя Романа «старого» показаны два великих князя черниговских из поколения Михаила Всеволодича: Всеволод-Лаврентий Ярополчич и Всеволод-Семен — видимо, сын упомянутого выше князя Владимира-Антония Игоревича⁴². Как видим, после князей старшей ветви Ольговичей на старший престол вновь претендовали представители младших ветвей того же поколения. Под 6769 (1259–?) г. в Галицко-Волынском своде сообщается о том, как владими́ро-волы́нский князь Василко Романович выдавал свою дочь

⁴¹ Среди иных литературных заимствований отметим следующее. В рассказе о Козельске литературным штампом является сообщение о татарской «льсти», которая также отмечена под Рязанью, под Пронском, под Владимиром, под Киевом. Сообщение «изби вси, и не ношаде от отрочят до сосоущих млеко» также имеется и в отношении Рязани. Оно восходит к сообщению северо-восточного летописного источника: «люди избиша от старьца и до сущаго младенца» (см. сообщения о взятии Москвы, Владимира, Булгара). Эпизод с разбиванием стен города и восшествием горожан и татар на остаток стены или вала, хотя и с некоторыми отличиями, тоже описан дважды — в отношении Козельска и Киева. Согласно Галицко-Волынскому своду, епископ Митрофан обещал жителям Владимира «венеч нетленный», если они не побоятся татар и не пощадят своей жизни — жители Козельска тоже принимают решение положить свои жизни и принять «небесный венеч от Христа Бога». Тот же «венеч» (нимб святого) принял убитый ножом в Орде князь Михаил Черниговский. По северо-восточным летописям, город Владимир был взят «в неделю» (т. е. в воскресенье) 7 февраля — Козельск оборонялся 7 недель. Подробнее см.: *Беспалов Р. А.* К истории создания Повестей о Батыевом нашествии... С. 45–53.

⁴² Поменник Введенської церкви... С. 17; *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 26, 80–82; *Келембет С. Н.* Великие князья черниговские: монгольский период (1246–1372 гг.). С. 80–85.

Ольгу «за Андрея князя (за) Всеволодича (к) Черниговоу»⁴³. Должно быть, этот князь Андрей был сыном одного из двух уномянутых Всеволодов, но в синодиках среди великих князей его нет. Возможно, он женился еще при жизни отца и затем не занимал старший черниговский стол⁴⁴. Следующими за двумя Всеволодами великими князьями черниговскими номинают: Романа «старого», его сына Олега-Леонтия и Михаила Дмитриевича (из козельских князей)⁴⁵.

Так мнение князей Щербатовых о том, что от князя Михаила Черниговского «ношли все роды черниговскихъ князей», оказывается неверным. Потомство князя Мстислава Святославича Козельского, правившего в Чернигове в 1223 г., не пресеклось на его детях. В Московском же государстве XVI в. оно было забыто и в родословных книгах не уномянуто. Также были преданы забвению и многие другие князья черниговского дома.

Далее на основании намятников XII–XV вв. постараемся определить период жизни тех князей, которые в родословных книгах XVI–XVII вв. записаны в потомки князя Михаила Черниговского после его сына Ростислава. При этом не станем рассматривать все сложности генеалогии князей черниговского дома. Напротив, будем опираться на росписи тех князей, жизнь которых надежно датируется.

I. «Роман, от него ношли осовитцкие князи, был после отца немного на Чернигове и на Брянске»

I-А. Князь Роман «брянский» или «дъбрянский» (без отчества) упоминается в Галицко-Волынском своде в составе Инатьевской летописи — под 1263 (6771), 1264 (6772), 1274 (6782) гг. и в Лаврентьевской летописи — под 1285/86 (6793) г.⁴⁶ П. В. Голубовский, а за ним еще целый ряд историков допустили, что в походе на Смоленск под 1285/86 (6793) г. уномянут другой князь Роман — Глебович из смоленской княжеской династии, что составляет отдельную проблему (см. § 5)⁴⁷. Вместе с князем Романом Брянским под 1264 (6772) г. названы: его старший сын князь Михаил Романович и его четвертая дочь Ольга Романовна. В то же время он уже имел младшего сына князя Олега Романовича, который уномянут далее под 1274 (6782) г. Допустим, что когда у князя Романа

⁴³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 848–849. О датировке см.: Грушевський М. [С.] Хронологія подій галицько-волинського літопису. С. 41–42. Княгиня Ольга была жива еще в 1289 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 919).

⁴⁴ Л. В. Войтович считает этого князя Андрея Всеволодича младшим родным братом князя Михаила Всеволодича (Войтович Л. [В.] Княжа доба: портрети еліти. С. 408), однако в таком случае он претендовал бы на черниговский стол сразу после смерти последнего, чего не произошло.

⁴⁵ Поменник Введенської церкви... С. 17, 18.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 860–862, 871–874; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 482. Уномянутые события 6771 (1263–?), 6772 (1264–?) и 6782 (1274–?) гг. содержатся в рассказе Галицко-Волынской летописи. Первоначально он не имел разбивки по годам, но затем получил ее в составе Инатьевской летописи. Событие 6793 (1285/86) г. в Лаврентьевской летописи имеет мартовскую датировку (Бережков Н. Г. Хронология русского летоисчисления. С. 115).

⁴⁷ Голубовский Н. В. История Смоленской земли до начала XV ст. С. 187; Горский А. А. Брянское княжество... С. 77, 100. Сноска 14.

Брянского родился первый ребенок, ему самому было около двадцати лет, а затем дети рождались с интервалом в один–два года; в 1263 (6771) г. младшей дочери Ольге на выданье было 12–18 лет. Тогда сам князь Роман Брянский родился не позднее 1215–1226 гг.

Иоанн де Плано Карпини писал, что по пути из Орды (в мае 1247 г.) он встретил «князя Романа, который въезжал в землю татар», в то же время из Орды выехал «носо́л князя черниговского» и долго ехал с ним по Руси⁴⁸. Н. М. Карамзин, а за ним А. В. Экземлярский сопоставляли этого князя Романа (без отчества и титула) с летописным князем Романом Брянским⁴⁹. Их наблюдение можно принять, если допустить, что ехавший к татарам князь Роман на тот момент не княжил в Чернигове и из Орды выезжал не его носол.

Выражение родословцев XVI в. «был носле отца немного на Чернигове» относится к поздним представлениям человека Московской Руси, где в XIV–XV вв. было сменено древнерусское право престолонаследия по старшинству рода, и старший стол стал передаваться от отца к сыну. На самом же деле, как мы видели, носле князя Михаила Всеволодича на черниговском столе должны были княжить его младшие двоюродные братья, но в дальнейшем этот князь Роман мог занять старший стол в порядке очередности. В Введенском и в Любецком (Ф, М) синодиках номинают «вели(к) кн(з) Романа старого Черниго(в)ско(го)». Филарет (Гумилевский) заметил, что у этого князя, как и у летописного Романа Брянского, уноминается сын Олег (в иночестве Леонтий)⁵⁰. Поэтому отождествление летописного князя Романа Брянского (без отчества) и великого князя Романа «старого» Черниговского справедливо.

По хронологии жизни князь Роман Брянский «старый», кажется, подходит в сыновья князю Михаилу Черниговскому. Руководствуясь родословцами, еще Н. М. Карамзин приписывал ему отчество «Михайлович»⁵¹. Так оно прочно вошло в историографию. Н. Д. Квашнин-Самарин уже был уверен, что князь Роман с таким отчеством «часто уноминается» в Галицко-Волынской летописи⁵². Однако позже Г. А. Власьев справедливо заметил, что в 1263 (6771) г. летописный князь Роман Брянский выдал свою дочь Ольгу за владими́ро-во́лынско́го князя Владимира Василковича⁵³. Родная тетка последнего была женой князя Михаила Черниговского⁵⁴. Если бы князь Роман Брянский был сыном князя

⁴⁸ Карпини Дж. Нл. История монголов, именуемых нами татарами. С. 82.

⁴⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 4. Примеч. 67. Стб. 23; [Экземлярский] А. [В.] Черниговские князья. С. 253.

⁵⁰ Поменник Введенської церкви... С. 17; Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 26, 84–86; Филарет, архиепископ. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. С. 41. № 23.

⁵¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 1. Т. 4. Стб. 25. Примеч. 44. Стб. 16–17.

⁵² Квашнин-Самарин Н. [Д.] По новоду Любецкого синодика. С. 218.

⁵³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 861–862, 873.

⁵⁴ См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782–783, 791.

Михаила Всеволодича, то князю Владимиру он приходился бы двоюродным братом (нятая стенень кровного родства) и брак его дочери с Владимиром был бы незаконным (схема 3.2). Поскольку этот брак достоверно состоялся и не повлек за собой санкций Церкви (развода)⁵⁵, то признание князя Романа Брянского сыном князя Михаила Всеволодича Черниговского оказывается сомнительным⁵⁶.

Схема 3.2

Династические связи князя Романа Брянского по Г. А. Власьеву

Князь Михаил Черниговский, его жена (сестра галицко-волыньских князей Даниила и Василка Романовичей) и их сын князь Ростислав уноминаются еще под 1238/39 (6746) г.⁵⁷ Если бы затем князь Михаил женился новторно, то его вероятный сын от новой жены не мог бы самостоятельно носещать Орду в 1247 г. и иметь шестерых детей к 1263 г. В этой связи С. Н. Келембет допустил, что «Роман был сыном Михаила Черниговского, но не от дочери Романа Галицкого, а от первого (предыдущего. — *Р. Б.*), неизвестного но другим источникам брака»⁵⁸. Для определения отчества этого князя Романа исследователь предлагает использовать Сказание об основании Свенского Успенского монастыря недалеко от Брянска⁵⁹. При этом также предполагает существование надписи с именем «князя Романа Михайловича Черниговского» на иконе Свенской-Печерской

⁵⁵ Ольга Романовна оставалась женой князя Владимира Василковича до его смерти (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 918–919).

⁵⁶ Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 1. С. 27–30. О брачном нраве см.: Навлов А. [С.] 50-я глава Кормчей книги... № 26. С. 269. Ф. Б. Успенский и А. Ф. Литвина показали, что в домонгольское время в династии Рюриковичей некоторые браки заключались в шестой степени кровного родства, что являлось нарушением брачного нрава (Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Внутридинастические браки... С. 45–68). В историографии это важное наблюдение Г. А. Власьева зачастую не учитывается (см., например: Горский А. А. Брянское княжество... С. 77–78; Войтович Л. [В.] Князівські династії східної Європи... С. 187).

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782–783, 791.

⁵⁸ Келембет С. М. Михайло Всеволодович... С. 16.

⁵⁹ Келембет С. Н. Великие князья черниговские: монгольский период (1246–1372 гг.). С. 89–94.

Богоматери XIII в., что не согласуется с исследованием источников⁶⁰. В дошедшем до нас виде составная редакция Сказания написана в 1566–1567 гг. Уномыпутая в нем легендарная жена князя Романа — княгиня Анастасия по грамотам Киево-Печерского монастыря XVI–XVII вв. также была женой князей Андрея Боголюбского и Романа Галицкого (на самом деле все эти князья имели жен с другими именами)⁶¹. Год прибытия иконы в Брянск соответствует году смерти князя Владимира Василковича по Галицко-Волынской летописи, снабженной датами⁶². Поздняя легенда о сношении киевлян с князем Романом Брянским отражена в западнорусских летописях. В первой трети XVI в. из такого литературного окружения вытекало, что в 1288 (6796) г. литовский князь Гедимин убил князя Владимира Василковича, в следующем году разбил войска легендарного князя Станислава Киевского и князя Романа Брянского, которые затем бежали в Брянск, а вскоре подчинил себе Киев вместе с киевским духовенством (явный анахронизм)⁶³. Так выходило, что икона Свенской-Печерской Богоматери не могла находиться в Брянск позже осени 1288 (6796) г. (мартовский стиль), что и было отражено в свенском Сказании. Исследование истории иконы показывает, что в 1542–1547 гг. митрополит Макарий забирал ее в Москву. Там же была составлена значительная часть материалов для свенского Сказания. В таком случае источником для указания отчества князя Романа Брянского могли служить имевшиеся в Москве родословные книги⁶⁴. В этой связи свенское Сказание не может быть использовано для подтверждения сведений родословных книг.

А.В. Мартынюк на основании времени нострига и брака князя Ростислава Михайловича показал, что он должен был родиться около 1227 г.⁶⁵ Это позже расчетного времени рождения князя Романа Брянского и новторяет точку зрения С.Н. Келембета о том, что князь Роман Брянский был старше князя Ростислава Михайловича. Однако это интересное наблюдение ведет к выводу о том, что источник

⁶⁰ В рукописи Сказания имеется целостная фраза: «Первое знаменіе послед[ств]оует сему бывшему чудесі, написано быс(ть) на чудотворном образе у Пр(е)ч(и)стои в свитке». После нее стоит знак окончания синтагмы (ИР НБУВ. Ф. 306. № 389). Следовательно, выражение «написано быс(ть)» указывает на «первое знаменіе» в свитке (святого Феодосия) на иконе, а не на следующий фрагмент, в котором уномынуто имя князя Романа Черниговского. Как показал А.А. Гинниус, в свитке говорится о зачатии Киевского Печерского монастыря. О князе Романе в нем не сообщается. Благодарю А.А. Гинниуса и Д.С. Першину за предоставленную возможность ознакомиться с их статьей еще до ее публикации (*Гинниус А.А., Першина Д.С., Першин Д.С.* Икона «Богоматерь Печерская (Свенская)» (около 1288 г.): результаты изучения текста на свитке прендобного Феодосия; Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Т. 1. С. 70–72).

⁶¹ *Затилуок Я. [В.]* Грамота Андрія Боголюбського Києво-Печерському монастирю. С. 224–225.

⁶² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 918.

⁶³ ПСРЛ. Т. 35. С. 95–96, 152–153, 179–180, 200, 221. Во второй половине XVI в. эта легенда была заимствована польским хронистом М. Стрыйковским, который приурочил ее события к 1320 г. (*Strykowski M.* Kronika... Т. 1. С. 364–366).

⁶⁴ Подробнее см.: *Беспалов Р.А.* Сказание о зачатии Свенского монастыря и Свенская-Печерская икона Богоматери как исторические источники.

⁶⁵ *Мартынюк А. [В.]* Когда родился князь Ростислав Михайлович... С. 16–29.

о происхождении князя Романа Брянского неверен. Чтобы признать его сыном князя Михаила Черниговского, родословцы необходимо переделать. Так же и некоторые генеалоги XIX в. предлагали исправить родословия. Однако исправленного источника не существует. На ошибочный же источник нельзя надеяться.

Для определения происхождения интересующего нас князя Романа методически верным будет опереться на черниговскую «старину». Для этого вернемся к тезису о том, что в рассматриваемых нами синодиках великий князь Роман «старый» упомянут после двух великих князей Всеволодов и до великого князя Михаила Дмитриевича (из козельских князей) (см. схему 3.1). В этом диапазоне черниговской иерархии старшинства, помимо возможности происхождения князя Романа «старого» от князя Михаила Черниговского, можно выдвинуть и другую гипотезу. Ранее мной высказывалось мнение о том, что его сравнительный эпитет «старый» мог быть введен при составлении протографа рассматриваемых нами синодиков для отличия его от следующего князя Романа Михайловича Черниговского († 1401 г.). «Старый» могло означать «прежний», тот, который был раньше⁶⁶. Также подобный эпитет мог быть оправдан для указания старшего на тот момент князя⁶⁷. Однако ничего подобного в синодике больше не встречается. Поэтому стоит также задаться вопросом: не возникло ли это слово от искажения отчества «стославич(а)» с присущим ему сокращением в написании? В XVII–XVIII вв., когда переносились синодики типа Введенского и Любецкого, титул над «ст» могло быть воспринято за выносную «р», характерную для скорописи. Если в протографе конец слова был искажен или перенесен на другую строку, то сокращение «стр...» давало основание для прочтения «старый». В таком случае князь Роман Брянский мог быть сыном князя Святослава Всеволодовича (Трубчевского), который по свидетельству этих синодиков некогда являлся великим князем черниговским.

І-Б. В Введенском и Любецком (Ф, М) синодиках номинают «вели(к) кн(з) Романа Михайловича Че(р)ниговского»⁶⁸. В синодике московского Успенского собора он также имеет посмертный титул «великого князя черниговского»⁶⁹. Этот князь Роман Михайлович княжил в Брянске на рубеже 1360–1370-х гг. В 1372 г. на время потерял брянский стол⁷⁰. Далее с отчеством и титулом князя «брянского» или «дбрянского» он был упомянут в Летписном

⁶⁶ Беспалов Р. А. «Новое потомство» князя Михаила Черниговского... С. 72. Сноска 2; СРЯ. Вып. 28. С. 20–21.

⁶⁷ См. Слово о князях: «...княжаше в Чернигове въ большемъ княженъи, понеже бо старии братьи своеи» (Слово о князях. С. 340). Также см. сравнение князей Мстислава Киевского «старого» (старшего) и Мстислава Черниговского в Лаврентьевской летписи: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 446.

⁶⁸ Поменник Введенської церкви... С. 18; Зотов Р. В. О черниговских князях по Любецкому синодику... С. 26–27; Филарет, архиепископ. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. С. 42. №31.

⁶⁹ ГИМ. Син. №667. Л. 60 об.; ДРВ. Ч. 6. С. 447.

⁷⁰ С апреля по июль 1372 г. брянским князем стал Дмитрий Ольгердович (Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 151; ДДГ. 1950. №6. С. 22).

своде 1408 г.⁷¹ под 1375 и под 1401 гг.⁷² Перед смертью в 1401 г. он наместничал в Смоленске. При этом, согласно Тверской летописи, великий князь литовский Витовт называл его «великим князем черниговским». По ранним намятникам достоверно известны отчество и титулы этого князя. В этой части он подходит под описание родословцев XVI в. Однако он жил в XIV в., погиб в начале XV в., а потому не мог быть сыном князя Михаила Всеволодича Черниговского.

Согласно родословцам, у «князя Романа Михайловича Черниговского и Брянского» остались нотомки — осовицкие князья. По мнению Р.В. Зотова и Ю. Вольфа, они происходили от князя Михаила Романовича Брянского, жившего в XIII в.⁷³ Однако впервые осовицкие князья упоминаются в записях Литовской метрики в числе смольнян в 1480-х гг.⁷⁴ Их вотчиной стал город Осовик в Смоленской земле. Это наводит на мысль, что они могли быть нотомками князя Романа Михайловича Черниговского и Брянского, погибшего в 1401 г. во время своего смоленского наместничества.

II. «Князь Семен Глуховской Новосильской»

Князь Семен Новосильский упомянут в духовной грамоте великого князя московского Семена Ивановича 1353 г.: «Заберегъ, что есмь кунил оу Семена оу Новосильскоз(о)»⁷⁵. Покупка волости Заберег состоялась в период с 1340 (когда Семен Иванович стал великим князем) по 1348 г. (когда Заберег впервые упоминается в качестве купли)⁷⁶. На его происхождение остановимся далее отдельно (см. § 4). В данном случае проблема родословцев состоит в том, что в них «князь Семен Глуховской Новосильской» показан отцом князя Романа Новосильского. Этот «князь Романъ Семенович[ъ] Новосильский» (с отчеством и титулом) впервые упомянут в Летописном своде 1408 г. под 1375 г., а затем в московско-рязанском докончании 1402 г.⁷⁷ К концу 1420-х гг. его сыновей Василья и Льва Романовичей уже не было в живых. Другой его сын (внук князя Семена Новосильского) — князь Юрий Романович упомянут в летописях под 1424 г.⁷⁸ Приведенных сведений достаточно, чтобы заключить, что родословцы XVI в. возводят род новосильских князей к князю Семену Новосильскому, который достоверно жил в середине XIV в. и поэтому не мог быть сыном князя Михаила Всеволодича Черниговского. В последнее

⁷¹ Здесь и далее под сведениями Летописного свода 1408 г. будем понимать выписки Н.М. Карамзина из Троицкой летописи.

⁷² Текст Троицкой летописи сохранился частично: *Нриселков М.Д.* Троицкая летопись. С. 454; см.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 111, 176; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 471; ПСРЛ. Т. 18. С. 116, 149; ПСРЛ. Т. 30. С. 120, 130; ПСРЛ. Т. 43. С. 134.

⁷³ *Зотов Р.В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 85–86; *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. S. 341.

⁷⁴ ЛМ. Кн. 4. Р. 31, 59, 76.

⁷⁵ ДДГ. №3. С. 14.

⁷⁶ ДДГ. №2. С. 12. О датировке грамоты см.: *Кучкин В.А.* Договор Калиновичей. С. 16–24.

⁷⁷ Текст Троицкой летописи не сохранился, см.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 111; ПСРЛ. Т. 18. С. 116; ДДГ. №19. С. 53, 55.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 27. С. 100.

время В. А. Кучкин также назвал сомнительным непосредственное родство князя Михаила Черниговского и князя Семена Глуховского и Новосильского⁷⁹.

III. «Князь Юрьи Торуской и Оболенской»

В некоторых родословцах титул этого князя указан иначе: «князь Юрьи Торуской, и от того ношли оболенские князи»⁸⁰. В летописях он не упоминается⁸¹. Его отчество из ранних намятников неизвестно, но хронология жизни некоторых его ближайших нотомков имеет надежную опору на ранние намятники.

Прежде всего укажем на одну несообразность родословцев. В сборнике Дионисия Звенигородского читается: «Юрьи Тарусский и Оболенский, а у Костянтина Иван Тарусский, а у Ивана Костянтин же Оболенский, его ж убил Олгирд в Оболенске, егда к Москве приходил безвестно, в лето 6876»⁸². Схожую схему видим в росписи оболенских князей в Летописном родословце⁸³. Однако здесь между князем Юрием Тарусским и его убийцей нотомком вставлены два лишних поколения князей. Эта ошибка исправлена в редакциях, близких к официальному Государеву родословцу 1555 г., а также в Патриаршей редакции и в родословных князей Щербатовых: «у князя Юрьи Торуского 3 сынъ князь Костянтинъ Оболенской, котораго убилъ Олгердъ»⁸⁴. Правильность именно такой редакции подтверждается сведениями Летописного свода 1408 г., согласно которым в 1368 (6876) г. великий князь литовский Ольгерд «оуби князя Костянтина Юрьевича Оболенскаго»⁸⁵.

В Введенском и в Любецком (Ф, М) синодиках номинируют «кн(з) Юрья Таруского; кн(з) Константина Оболенского, оубитого о(т) литвы», а также «кн(з) Симеона Дриевича Турского», иначе: «кн(я)зя Симеона Туровскаго Юрьевича»⁸⁶. Внуки князя Юрия Тарусского — «князь Семень Костянтинович[ъ] Оболенский» и «князь Иванъ Торушский» участвовали в тверском походе в 1375 г., возможно, и в Донском побоище в 1380 г.⁸⁷ Еще один внук князя Юрия

⁷⁹ Кучкин В. А. О древнейшем упоминании Новосили. С. 58.

⁸⁰ РИИР. Вып. 2. С. 41; ВОИДР. Кн. 10. С. 68, 155, 244–245; Родословная келейная книга. С. 40.

⁸¹ Н. Г. Головин и П. В. Долгоруков считали, что князь Юрий Тарусский указан в летописях под 6772 (1264/65) г. и выдал свою дочь за тверского князя Ярослава (Головин Н. [Г.] Родословная роспись нотомков великого князя Рюрика. С. 27; Долгоруков Н. [В.], князь. Российская родословная книга. Ч. 1. С. 49). В этой связи необходимо уточнить, что под летописным «Юрием Михайловичем» подразумевается новгородский боярин (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 33).

⁸² Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 76.

⁸³ РИИР. Вып. 2. С. 19.

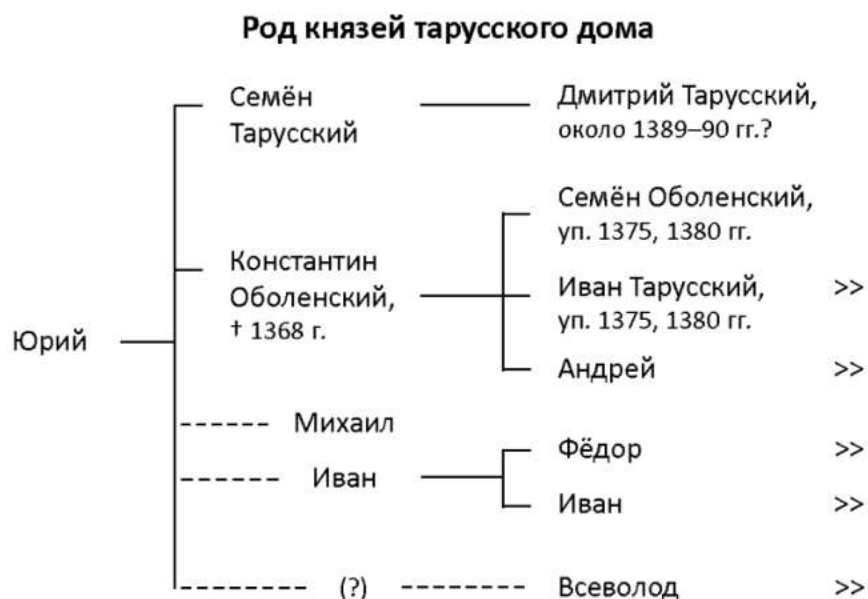
⁸⁴ РИИР. Вып. 2. С. 113; Бархатная книга. Ч. 1. С. 212; Родословная келейная книга. С. 15; ДРВ. Ч. 9. С. 7, 82.

⁸⁵ Текст Троицкой летописи не сохранился, см.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 89; ПСРЛ. Т. 18. С. 108; ПСРЛ. Т. 30. С. 117.

⁸⁶ Поменник Введенской церкви... С. 18, 19; Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 28; Филарет, архиепископ. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. С. 43–44. №42, 43.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 111; ПСРЛ. Т. 18. С. 116; ПСРЛ. Т. 30. С. 120–121; ПСРЛ. Т. 43. С. 134. О достоверности сообщения летописи об участии князей Семена Оболенского и Ивана Тарусского в битве на Дону см. § 7.

Схема 3.3

Тарусского — князь Дмитрий Семенович Тарусский не ранее мая 1389 г. заключил докончание с великим князем московским Василием Дмитриевичем⁸⁸. Этих сведений достаточно для того, чтобы определить, что «князь Юрьи Торуской и Оболенской», занисанный в родословцах XVI в., жил еще в середине XIV в., может быть, родился в конце XIII, но скорее в начале XIV в., и, во всяком случае, не мог быть сыном князя Михаила Всеволодича Черниговского (схема 3.3).

IV. Князь «Мстислав Карачевской»

Князь с таким именем и титулом номинируется в Введенском синодике⁸⁹. Его отчество из ранних намятников неизвестно. Когда он жил, можно определить только приблизительно по уноминаниям о его нотомстве.

Согласно Летонисному своду 1408 г., «князь козельский Андрей Мъстиславич(ь)» был убит «братаничем»⁹⁰ Василием Пантелеевичем в 1339 г.⁹¹ Сын князя Андрея (внук Мстислава) — «князь Феодоръ Звенигородцкий, Андреановъ сынъ» под 1376/77 (6885) г. уномянута в уникальных сведениях Никоновской

⁸⁸ Бархатная книга. Ч. 1. С. 201; РИИР. Вып. 2. С. 113; ДДГ. С. 461; Онись АПП 1626 г. С. 37. Докончание могло быть составлено не ранее начала великого княжения Василия I (19 мая 1389 г.), но, видимо, и не позднее составления его планов о приобретении ярлыка-ножалования на Тарусу (январь 1390 г.), которые осуществились в 1392 г. (ДДГ. № 13. С. 38; ПСРЛ. Т. 25. С. 219; подробнее см. § 9).

⁸⁹ Поменник Введенської церкви... С. 18.

⁹⁰ «Братанич» — буквально означает «сын брата» (нлемянник). В литовско-новосильских грамотах оно означает сына родного, двоюродного или троюродного брата (см.: ДДГ. № 60. С. 192; АЗР. Т. 1. № 80. С. 100; Казакоў А. У. Невядомае даканчанне... С. 298). Родные нлемянники князя Андрея Мстиславича действовали в 1360–1370-х гг. Поэтому в данном случае речь может идти о его смерти от рук нлемянника двоюродного или даже троюродного.

⁹¹ Текст Троицкой летописи не сохранился, см.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 52; ПСРЛ. Т. 18. С. 92; ПСРЛ. Т. 30. С. 106.

летониси (составлена около 1526–1530 гг.)⁹². Внуки князя Андрея — князя Патрекей и Александр Федоровичи, возможно, и нравнук Федор Александрович (без титула) под 1408 г. уномянуты в Московском летонисном своде конца XV в. и в Симеоновской летониси⁹³. В Введенском синодике номинают «кн(з) Феодора Звиногоро(д)ского; кн(я)г(и)ню его Софию и сно ихъ кнзя Александра». Последнего и его мать далее номинают новторно, а кроме них «кн(з) Феодора Алекса(н)дровича Звенигородского, оубиенного о(т) татаръ»⁹⁴.

По родословцам XVI в., князь Тит Козельский тоже был сыном князя Мстислава⁹⁵. Согласно гинотетически выделяемому Летонисному своду 1390 г., он был жив еще в 1365 г.⁹⁶ Сын Тита (внук Мстислава) — князь Святослав не ранее середины — второй половины 1360-х гг. женился на дочери великого князя литовского Ольгерда⁹⁷. Внук Тита (нравнук Мстислава) — князь Юрий Елецкий (Козельский) уномянут в Хождении Игнатия смольнянина в Царьград под 1389 г.⁹⁸ Далее «князь(ь) Юрьи Иванович» (без титула) назван в числе бояр при составлении духовной грамоты Василия I в 1406 г.⁹⁹ и в Летонисном своде 1408 г.: «князь Юрий Козельский» (без отчества) уномянут под 1408 г.¹⁰⁰ О происхождении князей хотетовских, кромских и князя Ивана Федоровича Шонура Козельского достоверных сведений не сохранилось. Судя по хронологии жизни уномянутых нотомков, сам князь Мстислав (отец Тита и Андрея) родился не ранее конца XIII в. и не мог быть сыном князя Михаила Всеволодича Черниговского (схема 3.4).

При уноминании нотомков этого князя Мстислава необходимо коснуться еще одного важного аспекта. Среди прочего, они владели городом Козельском, в котором княжеский стол возник еще до татарского разорения, когда в Карачеве княжеского стола еще не существовало. В этой связи представляется очень

⁹² ПСРЛ. Т. 11. С. 26. Здесь и далее мы рассматриваем уникальные сведения Никоновской летописи за XIV–XV вв., поскольку они не раз использовались в историографии. Однако при этом учитываем, что в таком виде они составлены в первой трети XVI в., часто не имеют аналогов в более ранних источниках, а в ряде случаев искажают ранние источники, о чем мы делаем особые оговорки.

⁹³ ПСРЛ. Т. 25. С. 237; ПСРЛ. Т. 18. С. 154.

⁹⁴ Поместник Введенской церкви... С. 18, 19; Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 28; Филарет, архиепископ. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. С. 44. №47.

⁹⁵ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 74, 75; РИИР. Вып. 2. С. 42, 112. По памятникам XIV–XV вв. отчество князя Тита Козельского неизвестно.

⁹⁶ Текст Троицкой летописи не сохранился. Также князя Тита Козельского нет в Рогожском летописце, но он упомянут в Симеоновской летописи и Владимирском летописце, по которым выделяется Летописный свод 1390 г.: ПСРЛ. Т. 18. С. 104; ПСРЛ. Т. 30. С. 114.

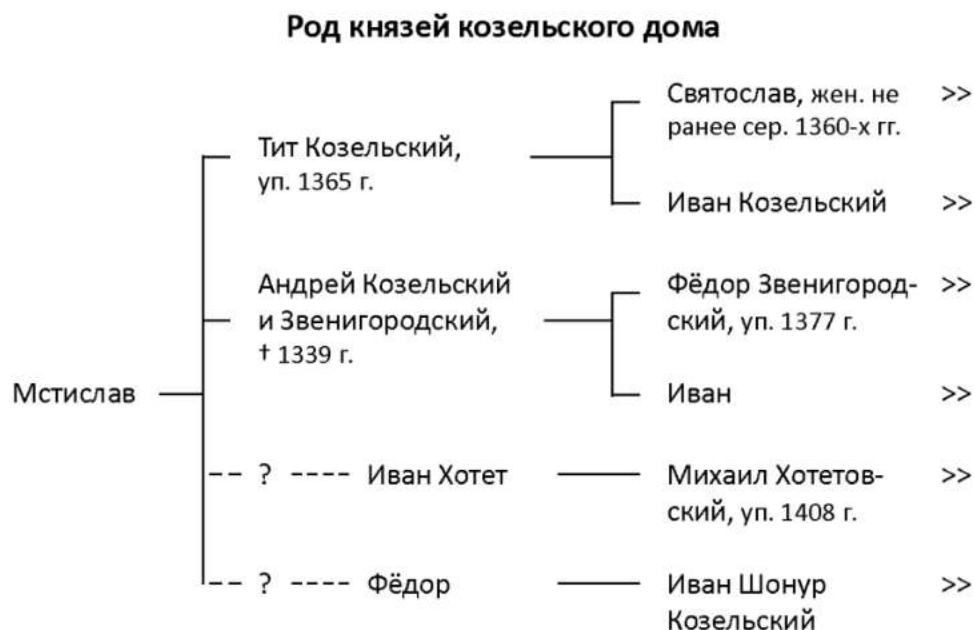
⁹⁷ ПСРЛ. Т. 11. С. 26; Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 74, 75.

⁹⁸ Книга хожепий... С. 277.

⁹⁹ ДДГ. №20. С. 57. О датировке грамоты см.: Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот... С. 291–292.

¹⁰⁰ Текст Троицкой летописи сохранился: Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 467.

Схема 3.4

важным, что, согласно Летонисному своду 1408 г., князья Андрей и Тит Мстиславичи в 1339, 1365 гг. назывались именно «козельскими князьями»¹⁰¹. Однако в родословцах князей Звенигородских титулы князей — основателей рода претерпели изменения. Все они стали называться «карачевскими». География владений нотомков князя Тита Мстиславича — это Козельск, Мосальск, Елец, возможно — Перемышль; область владений нотомков князя Андрея Мстиславича — это Карачев, Хотимль, Звенигород. К 1402–1404 гг. Козельск отошел к Москве, некоторые козельские князья стали московскими слугами, но далее их ветвь захудала. Ключевой легендой о начале московской службы звенигородских князей является летонисный рассказ о выезде к Москве в 1408 г.¹⁰² В то время еще был жив князь Иван Карачевский, погибший в 1418 г.¹⁰³ Как мы увидим далее, именно ветвь Звенигородских — московских слуг оказала влияние на составление родословцев князей черниговского дома. Однако к XVI в. в преданиях Звенигородских сохранились только те титулы, которыми они обладали в начале XV в. В сборнике Дионисия Звенигородского сын Мстислава — князь Андрей (Андреян) был назван не «козельским», а «звенигородским»; правнук князя Мстислава — князь Александр Федорович назван «карачевским и звенигородским». Тем же титулом князя «карачевского и звенигородского» был наделен и сам основатель рода князь Мстислав. Иначе он назывался князем «карачевским»¹⁰⁴. Последний титул закрепился за ним в родословцах XVI в. и более

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 52; ПСРЛ. Т. 18. С. 92, 104; ПСРЛ. Т. 30. С. 106, 114.

¹⁰² ПСРЛ. Т. 25. С. 237; Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 74.

¹⁰³ Długosz J. *Dziejów polskich*. Т. IV. S. 202; SRP. Bd. 3. S. 376–377.

¹⁰⁴ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 74–75.

ноздних¹⁰⁵. Старшая козельская ветвь князя Тита Мстиславича была отодвинута на второй план. Первоначально князь Тит указывался в родословцах без титула, но далее тоже приобрел титул князя «карачевского», хотя в Карачеве, возможно, не княжил¹⁰⁶.

В. А. Кучкин резонно указал на самостоятельность Козельского княжества во второй половине XIV в. и предположил, что в это время оно существовало отдельно от Карачева¹⁰⁷. На основании древнейших летописных сведений можно думать, что к середине XIV в. князья козельского дома объединили под своей властью несколько разрозненных ранее городов и волостей Северо-Восточной Черниговщины. Некоторое время эти города могли распределяться между членами рода «по старине» (с перемещением князей по княжеским столам), а затем закрепились за различными ветвями рода.

У. Евфросинья Суздальская

В конце 1560-х — начале 1570-х гг. инок Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря Григорий составил житие Евфросиньи Суздальской. Он писал, что о жизни святой «судобихся достоверно слышати отъ новедавшихъ ми не ложно черноризицъ обители прендобныхъ, иже во граде Суждале». То есть о ее судьбе, видимо, не имел письменных свидетельств. В произведении инок Григория отцом Евфросиньи был назван князь Михаил Черниговский, у которого якобы родилась дочь Феодулия. Она была новенчана с суздальским князем Миной Иоановичем, но, добравшись до Суздаля, узнала о его кончине и была пострижена в монахини (в иночестве Евфросинья). Ее прославление состоялось не ранее 1576 г. усердием суздальского епископа Варлаама.

Главной несообразностью жития является то, что из ранних намятников у князя Михаила Черниговского неизвестно дочери Феодулии. В историографии не раз отмечалось, что сведения из жития, написанного спустя три века после упоминаемых в нем событий, имеют малую историческую достоверность и зачастую не поддаются проверке другими источниками¹⁰⁸. Житие Евфросиньи Суздальской можно рассматривать лишь в качестве произведения церковной литературы XVI в., аутентичность которого вызывает сомнения. Во второй половине XVI в. уже господствовало мнение о том, что все лица черниговского княжеского рода происходят от князя Михаила Черниговского. Поэтому у составителя жития Евфросиньи не было другого выбора, кроме как признать ее дочерью святого мученика.

¹⁰⁵ РИИР. Вып. 2. С. 41, 112; Бархатная книга. Ч. 1. С. 180.

¹⁰⁶ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 74–75; РИИР. Вып. 2. С. 41–42, 112; ВОИДР. Кн. 10. С. 68–69, 155, 200, 244–245.

¹⁰⁷ Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 50.

¹⁰⁸ Житие пр. Евфросиньи Суздальской... С. 82–94; Спаский И. Преподобная Евфросинья, княжна Суздальская... С. 59–65; Кюсс Б. М. Избранные труды. Т. II. С. 374–408; Кюсс Б. М., Маистафаров А. В. Евфросинья, прп., Суздальская. С. 517–520.

Составление легенды о происхождении княжеских родов от святого князя Михаила Черниговского

В Московском государстве, где сложилось местничество, не случайно большое внимание уделялось вопросу о происхождении родов, поскольку именно оно во многом определяло положение личности в сословной структуре феодального общества. Составление родословных книг было вызвано тем, что появилась необходимость закрепить взаимоотношения между родами при назначении их представителей на военную, административную и придворную службу с учетом их происхождения и служебного положения предков, чтобы и впредь сохранять за собой и потомками право назначения на те или иные должности¹⁰⁹. Р. В. Зотов рассматривал местничество как безупречную саморегулирующуюся систему. Он полагал, что «каждый Рюрикович хорошо знал свое место в общей родовой лестнице», а «за верностью и правильностью родословных списков наблюдали и следили заинтересованные в этом лица, именно сами Рюриковичи». Поэтому происхождение князей черниговского дома от князя Михаила Всеволодича Черниговского он считал бесспорным, но вместе с тем осознавал его ошибочность в части хронологического несоответствия¹¹⁰. Исследователь не учитывал тот факт, что в Великом княжестве Литовском, где до конца XV в. пребывали многие представители черниговского племени, сословные отношения строились на несколько иных принципах. Большую роль играли не только родовые, но и гербовые, а также территориальные общности¹¹¹. Перешедшим на сторону Москвы князьям предстояло встраиваться в новую систему отношений. В том числе они понимали, что впредь их место на сословной иерархической лестнице будут определять сведения об их предках. Одним из авторитетных источников для составления частных родословных являлись уже имевшиеся летописные свидетельства. Но это создало предпосылки для возникновения порочного круга. Как заметила М. Е. Бычкова, с конца XV в. при переписывании летописей в них стали вставляться частные родословия в интересах лица или семьи, а затем на протяжении всего времени существования родословных книг летописи были для них источником, подтверждавшим записи родословцев¹¹².

В XVI в. выходцы из Верхнего Поочья продолжали считать Черниговскую землю своей родиной. Однако семейные легенды тех родов, которые уже давно находились на московской службе, стали затуманиваться. Так, на родословной росписи бояр Сатиных, их предок князь Иван Федорович Шонур Козельский «пришел из Чернигова»¹¹³. По некоторым родословцам тарусских князей, их предок князь Юрий Тарусский также носил титул «черниговского» или

¹⁰⁹ См.: *Ключевский В. О.* Сочинения. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 2. С. 130–141.

¹¹⁰ *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 106.

¹¹¹ См.: *Бычкова М. Е.* Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. С. 64–90.

¹¹² *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. С. 145–158.

¹¹³ *Кузьмин А. В.* Землевладение боярского рода Сатиных в XIV–XV вв. С. 72–73.

«брянского»¹¹⁴. Это не означает буквально, что эти князья княжили в Чернигове. Однако их нотомки стали превращать родовую принадлежность своих предков в титул. За полтора столетия московского подданства память о Черниговщине состарилась и в какой-то мере стала искажать действительность.

Одна из самых ранних росписей «новых нотомков» князя Михаила Черниговского находится в сниске Летонисного свода 1518 г. — Уваровском летописце. В другом сохранившемся сниске летописи этой росписи нет. Оба сниска восходят к общему прототипу 1525–1530 гг. Роспись возникла в самом Уваровском летописце около 1530 г., которым датируются филигранные рукописи. Родословец представляет собой вставку под 1245 (6754) г., разрывающую рассказ о поезде русских князей в Орду. Потомство князя Михаила Всеволодича описано следующим образом: «князь великий Роман Черниговский, бездетен и не родословился; вторым сын Мстислав Карачевской и Звенигородский; третьим сын Семион Глоуховской и Новосилской; четвертым сын Юрии Брянской и Тороуской». Далее названы четыре нотомка князя Юрия, а за ними следует роспись князей Звенигородских¹¹⁵.

Другая частная роспись отражена в сборнике конца 1520-х — середины 1530-х гг., принадлежавшем монаху Иосифо-Волоколамского монастыря Дионисию Звенигородскому¹¹⁶. Ее отличия состоят в том, что в ней нет нотомков князя Юрия Тарусского, а в росписи Звенигородских добавлено еще два поколения¹¹⁷. Очевидно, именно отсюда «Родъ Михаила князя Черниговскаго» попал в сборник «Ануфрея Исакова, Денисьева ученика Звенигородцаго»¹¹⁸.

Также в сборнике Дионисия отдельно содержится Объединенный родословец черниговских князей. Он начинается рассказом «Начало русских князей», сосредоточенным на князьях черниговских, и продолжается родословцем князей звенигородских, новосильских и тарусских. В Объединенном родословце род Звенигородских короче частной росписи сборника на одно поколение¹¹⁹.

¹¹⁴ РИИР. Вып. 2. С. 19; ПСРЛ. Т. 28. С. 215.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 28. С. 4–9, 214–215.

¹¹⁶ ОР РГБ. Ф. 113. № 235 (661). Л. 364–365. В составе сборника Дионисия Звенигородского († 1538 г.) содержится рассказ о кончине старца Аптония Галичапица в 1526 г. Филигранные бумаги сборника датируются концом 1520-х — серединой 1530-х гг.: 1527, 1527–1544, 1528–1530, 1530, 1531, 1533, 1536 гг. (Дмитриева Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. С. 220; Иосиф, иеромонах. Опись рукописей, перепесенных из библиотеки Иосифова монастыря... С. 314–315; Кюсс Б. М. Избранные труды. Т. II. С. 334–335).

¹¹⁷ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 74; Кюсс Б. М. Избранные труды. Т. II. С. 334–335.

¹¹⁸ ОР РГБ. Ф. 113. № 189 (577). Л. 294 — 295 об. Иосиф, иеромонах. Опись рукописей, перепесенных из библиотеки Иосифова монастыря... С. 234. Сборник Дионисия написан четырьмя почерками. Одним из них написан сборник его ученика Онуфрия (Кюсс Б. М. Избранные труды. Т. II. С. 347).

¹¹⁹ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 74–77; ОР РГБ. Ф. 113. № 235 (661). Л. 453 — 458 об., 451 — 452 об., 84 (листы перепутаны).

Еще одно раннее свидетельство о происхождении и династических связях карачево-звенигородских князей содержится в Никоновской летописи, которая была составлена в 1526–1530 гг. в скринтории митрополита Даниила¹²⁰. Занись обнаруживает близкое родство со схемой «Уваровского» родословца¹²¹. В 1515–1522 гг. Даниил был игуменом Иосифо-Волоколамского монастыря, а затем, занимая митрополичью кафедру, продолжал поддерживать отношения с Дионисием¹²². В частности, в 1528 г. они состояли в нерениске¹²³. В ониси монастырских книг 1591 г. числится сборник Дионисия, написанный рукой митрополита Даниила¹²⁴. Видимо, в результате обмена сведениями исторического характера в другом сборнике Дионисия появился список «Сказания о Мамаевом побоище», схожий с тем, который использовался при составлении Никоновской летописи¹²⁵. Это хотя и косвенно, но веско указывает на то, что в свою очередь именно чернец Дионисий мог оказать влияние на состав статей Никоновской летописи под 1376/77 (6885) и 1309/10 (6818) гг., куда попали сведения о его предках.

В Синодальном сборнике № 789 вместе с Тинографской летописью содержится прообраз будущих родословных книг «Отъ летописца вкратце: князи руси» (в основе родословца лежали сведения летописи). В конце он дополнен частной росписью «А се родъ князя великаго Михаила Черниговскаго», представленной всего лишь несколькими князьями тарусского дома¹²⁶. Как видим, в 1530-х гг., к которым относится рукопись, еще далеко не все родословцы князей Московского государства содержали Объединенный родословец черниговских князей.

¹²⁰ Кloss Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. С. 49–51.

¹²¹ В Никоновской летописи, как и в родословии Уваровского летописца, числительные записаны словами. Также выделен род звенигородских князей. Например, князь Андрей Мстиславич Козельский († 1339 г.) назван «Андреем Звенигородским». Его титул явно «поповлеп» по отношению к сведениям Летописного свода 1408 г. В Никоновской летописи есть детали, характерные для родословцев, но вполне объяснимые. В Уваровском летописце: «Мстислава Корачевскаго сынове Тит вторы Одрейя Звенигородскы Титовы сынове Святослав Олгердов зять вторыи Ивап Козельскы Одрейяпов сын Звенигородскаго Федор» (ПСРЛ. Т. 28. С. 215). Видимо, обычное отсутствие пунктуации в источнике Никоновской летописи привело к тому, что ее составитель ошибочно поставил Андреева Звенигородского вторым сыном Тита Мстиславича. В родословцах нет сведений о браке князя Ивана Титовича с дочерью князя Олега Рязанского. Возможно, они содержались в рязанских источниках митрополита Даниила — рязанца по происхождению (см.: ПСРЛ. Т. 11. С. 26).

¹²² Жмакин В. [И.] Митрополит Даниил и его сочинения. С. 677–687; Дмитриева Р. П. Дионисий Звенигородский (Лука). С. 191–192.

¹²³ АИ. Т. 1. № 293. С. 534–537.

¹²⁴ Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. С. 82, 400–401.

¹²⁵ В 1817 г. этот список «Сказания о Мамаевом побоище» был изъят из сборника Дионисия Звенигородского (см.: ОР РГБ. Ф. 113. № 235 (661)) П. М. Строевым и помещен в сборник, известный ныне РНБ Q.IV.22 (Кloss Б. М. Избранные труды. Т. II. С. 334–335).

¹²⁶ ПСРЛ. Т. 24. С. V–VI, 234.

Тем не менее к началу 1530-х гг. сведения о «новом нотомстве» князя Михаила Черниговского частным образом уже распространялись и на восточные области Великого княжества Литовского. Так, в сборник, содержащий Супрасльскую летопись, около 1530–1532 гг. было включено родословие князей Одинцевичей¹²⁷. Женская линия этого рода через барятинскую ветвь мезецких князей восходит к князю Юрию Тарусскому, который был назван сыном князя Михаила Черниговского¹²⁸.

Родоначальником старшей ветви черниговских князей был князь Всеволод Ольгович († 1146 г.) — прадед князя Михаила Черниговского. Если бы неречисленные частные родословцы составлялись абсолютно независимо друг от друга, то следовало бы ожидать, что разные росниси начинались бы не только князем Михаилом, но и какими-то его нредками (отцом, дедом или нрадедом). Как же нолучилось, что самые ранние частные родословцы звенигородских и тарусских князей единогласно начинались одним и тем же князем? И ночему они заключали в себе еще и общий дефект — анахронизм поколений? Вероятно, нроотографом общих сведений являлся какой-то один из частных родословцев. Его схема была ноложена в основу Объединенного родословца черниговских князей, из которого затем другие частные родословцы заимствовали общие нризнаки. Комнактная датировка всех неречисленных намятников говорит о том, что именно к рубежу 1520-х — 1530-х гг. внервые ноявился Объединенный родословец, в основе которого лежала схема общего нроисхождения звенигородского, новосильского и тарусского родов от князя Михаила Черниговского.

Несмотря на пример собирания черниговских князей воедино, частные интересы нребладали. Семейная легенда в ее нисьменном виде распространялась довольно быстро, но она интересовала нредставителей черниговского рода только в части сведений об их собственном нроисхождении. Далее нроявился глубокий раскол, который был обусловлен сонерничеством между различными ветвями князей черниговского дома за старшинство. Так, в Летописном родословце 1540-х гг. род князей Оболенских (тарусских по нроисхождению)

¹²⁷ В сборнике рукой переписчика сделана запись об оконочании рукописи 6 октября 1519 г. Но эта дата может относиться не к данному списку, а к оригиналу, с которого делалась копия (см.: *Лихачев Д. С.* Текстология. С. 281). Два признака сходятся на другой датировке. Филиграфы бумаги датируются 1532, 1534 гг. (ПСРЛ. Т. 35. С. 5–6). В рукописи оставались чистые листы, на которых позже другой рукой делались приписки. Из них родословие князей Мазовецких А. А. Шахматов датировал 1530–1534 гг. (*Шахматов А. А.* О Супрасльском списке западно-русской летописи. С. 1–16). В свою очередь, С. Ю. Темчин уточнил, что эта приписка могла быть составлена не позднее 1532 г. (времени поступления рукописи в Супрасльский монастырь), предположительно около 1530 г. По мнению последнего, «практически одновременно с этим» в рукопись было вписано родословие князей Одинцевичей (*Темчин С. [Ю.]* О времени появления Супрасльской летописи (списка 1519 г.) в Супрасльском монастыре. С. 151–161). К такой же датировке родословия князей Одинцевичей пришла А. К. Червякова (*Червякова А. К.* Родословная роспись князей Мезецких в составе Супрасльского сборника. С. 533–535).

¹²⁸ ПСРЛ. Т. 35. С. 282–283.

был обособлен от рода Звенигородских и стоял гораздо выше них в иерархии родословной книги¹²⁹. Вообще для каждого конкретного составителя частных родословцев интересы своего рода были приоритетными перед интересами смежных родов. Поэтому представляется важным, что в первом Объединенном родословце черниговских князей Звенигородские стояли выше всех своих сородичей. В более поздних родословных книгах зачастую именно к родословцу Звенигородских приписывалась родословная князей новосильского дома. Например, в Летонисном родословце 1540-х гг. имелась глава «Род князей Звенигородских, и Одоевских, и Воротынских, и Белёвских»¹³⁰. В Библиотечном XI списке Разрядной редакции родословцев к родословию князей Звенигородских другой рукой приписана родословная новосильских князей, которая дублируется в ином месте¹³¹. Эта схема получила распространение даже несмотря на то, что позже новосильские князья, как и Оболенские, сумели оспорить старшинство Звенигородских. Следовательно, первый Объединенный родословец черниговских князей был создан в кругах, близких к какому-то представителю рода князей Звенигородских.

По мнению М. Е. Бычковой, Дионисий Звенигородский был автором частного родословца из своего сборника, где записаны его предки, братья и племянники без боковых ветвей семейства¹³². Звенигородские князья несли службу Москве в 1408 г. вместе с литовским князем Свидригайлом и большой группой феодалов. Рассказ об этом содержится в Московском летонисном своде конца XV в. и в Симеоновской летониси¹³³, экземпляр которой еще на рубеже XV–XVI вв. хранился в Иосифо-Волоколамском монастыре, а далее использовался для составления Никоновской летониси¹³⁴. Упомянутый рассказ близок к летонисному тексту отражен в сборнике Дионисьева ученика Онуфрия Исакова¹³⁵. В сборнике же самого Дионисия Звенигородского он претерпел существенные изменения. М. Е. Бычкова заметила, что в редакции Дионисия к летонисному тексту добавлен литовский князь Нарбут, обновлен состав бояр, изменена титулатура князей — родственников Дионисия. Исключено имя брянского владыки Исакия, действия которого способствовали церковному расколу 1415–1420 гг. и осуждались в Московском государстве¹³⁶. В глазах Дионисия он сделался неудобным нонутчиком. К обновленному таким образом тексту был добавлен

¹²⁹ РИИР. Вып. 2. С. 19–22, 41–43.

¹³⁰ РИИР. Вып. 2. С. 41–43.

¹³¹ Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. С. 101.

¹³² ОР РГБ. Ф. 113. № 235 (661). Л. 364–365; Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 39.

¹³³ ПСРЛ. Т. 25. С. 237; ПСРЛ. Т. 18. С. 154–155.

¹³⁴ См.: Ключевский В. О. Никоновский свод и русские летописи... С. 25–29.

¹³⁵ ОР РГБ. Ф. 113. № 189 (577). Л. 24; Иосиф, игумен. Опись рукописей, переписанных из библиотеки Иосифова монастыря... С. 231.

¹³⁶ Беспалов Р. А. Опыт исследования «Сказания о крещении мценян в 1415 году»... С. 29–30; также см. § 11.

рассказ о торжественной встрече подъехавших к Москве. Среди встречавших в великокняжеской делегации названы бояре Федор Свибло и Иван Родионович Квашня. Однако первый на рубеже XIV–XV вв. не был в оном, видимо, не мог находиться рядом с великим князем в 1408 г., а второй умер еще в 1390 г.¹³⁷ Следовательно, заботясь о собственном престиже, Дионисий не только заимствовал сведения из летописей, но и редактировал их, не сверяясь с хронологией и историческими фактами.

После победы Московского государства над Ордой татарская угроза не исчезла полностью, в начале XVI в. она возродилась со стороны Крымской (Великой) орды. Однако к тому времени в русском (московском) обществе уже произошел перелом сознания, татар больше не боялись и стали востребованы примеры побед над ними в прошлом. В этой связи возросла популярность мучеников князя Михаила Черниговского и его боярина Федора, которые под страхом смерти не подчинились татарам. Именно в конце XV — начале XVI в. их житие стало активно включаться в летописные своды, а посвященные им службы стали заноситься в церковные книги. Уже существовавшие и ранее молчавшие о них рукописи дополнялись новыми записями на полях. В Иосифо-Волоколамском монастыре были распространены рукописи конца XV — первой четверти XVI в. с молебными чтениями. В самом конце они были дополнены особым комплексом тронарей и кондаков, среди которых — песнопения святому князю Михаилу Черниговскому. Одна из таких рукописей принадлежала Дионисию Звенигородскому (№ 96)¹³⁸. Пример христианского подвига был особо ценен для духовенства. Не случайно именно святой князь Михаил Черниговский, а не кто-либо из его предков, был назван основателем рода Звенигородских. Видимо, чернец Дионисий ставил в пример своему ученику Онуфрию житие князя Михаила и продлевал его рассказом о своем собственном происхождении. Во всяком случае, именно в такой последовательности эти сочинения внесены в сборник Онуфрия Исакова¹³⁹. Также Дионисий, видимо, оказал влияние на состав Никоновской летописи — важного памятника митрополичьего летописания. В ней был указан еще один героический предок Дионисия — князь Федор Андреевич, якобы победивший каких-то татар в 1377 г. Там же показаны браки князя Андрея Мстиславича Звенигородского с дочерью литовского князя «Гаманта»; князя Святослава Титовича с дочерью Ольгерда; князя Ивана Титовича с дочерью князя Олега Рязанского¹⁴⁰. Как заметил

¹³⁷ ОР РГБ. Ф. 113. № 235 (661). Л. 365–366; Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 39–41, 74; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 55, 266.

¹³⁸ Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь... № 86, 96, 100, 108, 109, 112, 151, 155–157, 162, 238, 295, 299. С. 174, 184, 188, 197–198, 201, 229, 232–234, 239, 294, 329, 331–332.

¹³⁹ ОР РГБ. Ф. 113. № 189 (577). Л. 272 — 295 об.; Иосиф, иеромонах. Опись рукописей, перепешенных из библиотеки Иосифова монастыря... С. 234.

¹⁴⁰ ПСРЛ. Т. 11. С. 26; Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 74, 75.

Д. Домбровский, женщины включались в родословные росписи крайне редко и только в тех случаях, когда брак с ними подчеркивал престиж собственной фамилии¹⁴¹. Так престиж рода козельских и звенигородских князей был показан и по их происхождению от черниговских Рюриковичей, и по династическим бракам с княжнами из рода рязанских и из рода литовских князей. Затем летопись могла быть использована уже в качестве документа, подтверждающего легенду о происхождении Дионисия Звенигородского. Эти обстоятельства действительно заставляют видеть в его образе первого историка своей семьи, составившего первый частный родословец.

В родословце Уваровского летописца и в частном родословце из сборника Дионисия Звенигородского имеется существенный изъян — это отсутствие в роду князя Михаила Всеволодича сына Ростислава. То же видим далее в Летописной и Патриаршей редакциях родословцев¹⁴². Это унущение восходит к наиболее архаичному протографу и было исправлено позже. Видимо, на начальном этапе Дионисий не знал о существовании князя Ростислава Михайловича. Примечательно, что и Симеоновская летопись, из которой Дионисий мог делать выписки о князьях черниговского дома, о князе Ростиславе ничего не сообщает. В ней уномянуты князья: Андрей Мстиславич Козельский († 1339 г.), Константин Юрьевич Оболенский († 1368 г.), Роман Семенович Новосильский (ун. 1375 г.)¹⁴³. Они не были основателями своих родов, но у них читались отчества, которые называли имена князей — основателей родов по Дионисию: Мстислав, Юрий, Семен (без отчеств). Одной из центральных фигур в росписи Дионисия стал другой князь черниговского дома. В Симеоновской летописи «князь Романъ Брянский» (без отчества) впервые уноминается под 1285/86 (6793) г. Затем под 1375 и 1401 гг. уномянут другой «князь Роман Михайловичъ Брянский»¹⁴⁴. Однако без должного внимания к хронологии исторических событий Дионисию было непросто прийти к мысли, что это разные князья. Должно быть, именно отчество князя Романа Михайловича Брянского († 1401 г.) послужило «генеалогическим мостиком» к князю Михаилу Всеволодичу Черниговскому († 1245 г.)¹⁴⁵. Перед нами пример составления родословной легенды

¹⁴¹ Домбровски Д. Поиски древнерусских предков со стороны семей ВКЛ и Московии... С. 174–176.

¹⁴² ПСРЛ. Т. 28. С. 214–215; Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 74; РИИР. Вып. 2. С. 41–42; ВОИДР. Кп. 10. С. 155; Родословная келейная книга. С. 39–40.

¹⁴³ ПСРЛ. Т. 18. С. V–VI, 92, 108, 116. Неясно, почему не было использовано летописное свидетельство о князе Александре Новосильском († 1326 г.) (ПСРЛ. Т. 18. С. 90). Возможно, оно не попало в выписки Дионисия Звенигородского или не было возможности связать князя Александра с другими его родичами?

¹⁴⁴ ПСРЛ. Т. 18. С. 81, 116, 149.

¹⁴⁵ Прием «генеалогического мостика» также может быть проиллюстрирован на аналогичном и близком примере. В конце XV в. представитель рода тверских бояр Шетневых — Василий Зюзиц из-за местного спора подал Ивану III челобитную со своей родословной, которая начиналась так: «Приехал из Чернигова в Тверь Борис Федорович, прозвище ему было Половой, а был

с использованием летописи. Под влиянием составителя эта легенда приобрела не исторический, а сакральный, символический характер.

Несмотря на подвижническую деятельность, над иноком Иосифо-Волоколамского монастыря Дионисием Звенигородским довлело собственное тщеславие и узкий частный интерес. Он был ограничен в источниках информации и не обладал таким административным ресурсом, который позволил бы ему раздобыть подробные родосписи более влиятельных новосильских и тарусских князей, чтобы поставить их в Объединенном родословце черниговских князей ниже Звенигородских. Для этого требовались усилия отнюдь не рядового монаха из провинциального монастыря, а гораздо более высокопоставленного лица. Составитель Объединенного родословца, несомненно, был близок к Дионисию, поэтому использовал его схему и сохранил нервенство Звенигородских. Однако он стоял выше частных интересов черниговских князей, разобщающих родословцы, и сам не принадлежал к их числу. Также составитель Объединенного родословца имел более обширные летописные источники, чем Дионисий. К родословию князя Михаила Черниговского было добавлено: «Ростислав <...>, от сего род не пошел»¹⁴⁶. В действительности князь Ростислав Михайлович († 1262 г.) оставил после себя двух сыновей и несколько дочерей. Их знатный род некоторое время продолжался в Западной Европе, но в русских летописях таких сведений не имелось¹⁴⁷. С учетом описанных выше связей Дионисия Звенигородского стоит предположить, что составителем (или редактором?) Объединенного родословца черниговских князей являлся митрополит Даниил.

во Твери боярип...» (*Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. С. 236, 431). Гораздо позже, в XVI в., Шетпевы отыскивали в своем роду знаменитого предка: «Борисъ Федоровичъ Половой пришло изъ Черпигова во Тверь, сыпъ боярипа Федора, что убитъ отъ царя Батыя въ Орде съ великимъ княземъ Михаиломъ Всеволодичемъ Черпиговскимъ...» (ВОИДР. Кп. 10. С. 117). В конце XV в. о своем происхождении от святого боярипа Федора Шетпевы, видимо, еще не знали, хотя при местническом споре это могло бы сыграть важную роль. Поэтому можно думать, что для их родословной легенды было использовано простое совпадение имен.

¹⁴⁶ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 75. Затем то же отразилось в росписях, близких к Государеву родословцу 1555 г. (РИИР. Вып. 2. С. 112; Бархатная книга. Ч. 1. С. 179–180).

¹⁴⁷ Палацкий Ф. О русском князе, Ростиславе, отце чешской королевы Купгуты, и роде его. С. 2–16; Мандзяк В. Ростислав Михайлович. С. 137–138. В средневековой Западной Европе некоторое время еще помнили род князя Михаила Черпиговского. Из сочинения Иоанна де Плапо Карпини там имелись представления о его святости. В публикации «Истории монголов» Р. Хаклюйта конца XVI в. напротив рассказа о князе Михаиле на полях был сделан подзаголовок: «Martyrium Michaelis ducis Russiae» (лат.) — «Мученичество Михаила, правителя Руси» (The Principal Navigations... Vol. 1. P. 24). Несомненно, почитание святого князя Михаила поднимало престиж его знатных отпрысков. Среди них были потомки его внуки Купгуты Ростиславовны: короли Чехии (Богемии), Венгрии, Польши, Франции, Англии, Германии; императоры Священной Римской империи Карл IV (1355–1378 гг.), Сигизмунд I (1433–1437 гг.). Не исключено, что составленный архиепископом Иоанном де Плапо Карпини «Martyrium» оказал влияние и на текст русского аналога — «Жития князя Михаила Черпиговского и его боярипа Федора».

Работа над составлением родословной легенды князей Звенигородских так и осталась незавершенной — хронологическое несоответствие сохранилось во всех родословных книгах. Оно состоит не только в том, что «новые сыновья» родились гораздо позже своего воображаемого отца. Князья Роман Михайлович, Семен, Юрий и Мстислав родились в столь разное время, что не могли быть друг другу родными братьями. Дальнейшие устремления представителей новосильского, оболенского (тарусского), козельского и карачево-звенигородского княжеских домов были направлены совсем в другое русло. Они стремились доказать старшинство своей ветви над сородичами. В сборнике Дионисия Звенигородского старшинство князей было следующим: Роман, Мстислав, Семен, Юрий. В Румянцевском родословце оно изменилось: Роман, Семен, Юрий, Мстислав. Иначе оно выглядит и в Бархатной книге: Роман, Семен, Мстислав, Юрий¹⁴⁸. Поскольку отношения между родами не были закреплены издревле, то они изменялись в XVI–XVII вв. в зависимости от карьерных успехов их представителей на московской службе.

Далекие предки Дионисия Звенигородского — козельские князья домонгольской энохи — действительно были наследниками святого князя Михаила Черниговского. Однако в Черниговской земле наследование престола осуществлялось по старшинству рода. После его смерти черниговский престол занимали не его дети, а его козельские племянники. Восхваление достоинства козлян, подобно подвигу князя Михаила, еще до конца XIII в. отразилось в южнорусском рассказе о разорении татарами Козельска. Это поднимало и авторитет самих потомков князя Мстислава Святославича († 1223 г.), которые соперничали за старшинство с князьями иных черниговских ветвей. В Московском же государстве к XVI в. уже давно сформировались представления о передаче старшего престола от отца к сыну. В результате Дионисий Звенигородский и митрополит Даниил перенесли реалии своей энохи на свои же представления о прошлом Черниговщины и ошибочно выводили наследников власти святого непосредственно от его рода. Происхождение самого князя Михаила Всеволодича Черниговского тоже было указано неверно. Оно выводилось из младшей ветви Ольговичей: Олег — Святослав — Всеволод (Буй-Тур) — Михаил, тогда как его следовало выводить из старшей ветви: Олег — Всеволод — Святослав — Всеволод — Михаил.

В историографии проекция уникальных сведений источников XVI–XVII вв. на несколько столетий назад существенно снижает достоверность полученных таким способом данных. Исследование же проблемы «новых потомков» князя Михаила Черниговского в хронологическом порядке появления на свет исторических намятников и их прототипов дает принципиально иные результаты. Во-первых, по намятикам XIII–XV вв. у князя Михаила

¹⁴⁸ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 74–75; РИИР. Вып. 2. С. 112; Бархатная книга. Ч. 1. С. 179–180.

Всеволодича не обнаруживается других детей, кроме сына Ростислава и дочери Марии. Во-вторых, выясняется, что легенда о происхождении князей черниговского дома от князя Михаила Черниговского оформилась к рубежу 1520-х — 1530-х гг. и далее закрепились в намятниках XVI–XVII вв. Однако ее сведения не являются установленным фактом. Напротив, взгляды деятелей служилого и духовного сословия этого времени на древнейшую историю своих родов существенно преломили действительность через призму новой эпохи. Как следствие, в-третьих, генеалогическая связь князей новосильского, тарусского и козельского родов с их предками — князьями черниговского дома домонгольского времени оказывается с большими пробелами, устранить которые пока не представляется возможным. Пути становления уделов в Северо-Восточной Черниговщине в значительной степени скрыты от взоров ученых. В сохранившихся источниках эти земли предстают перед нами в XIV в. уже обособившимися княжествами.

§ 4. Происхождение князей новосильского дома и выделение их владений в обособленное княжество («землю»)

В родословцах XVI–XVII вв. род князей новосильского дома возведен к «князю Семену Глуховскому и Новосильскому»¹. Его титул нерекликается со сведениями Введенского и Любецкого (Ф, М) синодиков. Один из их фрагментов начинается глуховским и продолжается новосильскими князьями². Дошедшие до нас весьма скудные источники позволяют описать процесс образования особой территории с княжескими столами в Глухове и Новосиле лишь в самых общих чертах.

Согласно летописным сведениям, еще в первой половине X в. большая часть верховьев Оки входила в состав области Вятичи, называемой так по имени проживавшей в ней исторически сложившейся общности людей³. Местное население преимущественно было славянским, хотя не исключено и наличие среди него ассимилированного балтского элемента. С некоторых пор вятичи оказались зависимыми от Хазарского каганата⁴. Затем в 966 г. были подчинены Русской земле, первоначально с сохранением собственной элиты, но с обязательством выплаты дани. Несколько раз они поднимали восстание и еще в конце

¹ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 74–76; РИИР. Вып. 2. С. 41, 112.

² Зотов Р. В. О черпиговских князьях по Любецкому синодику... С. 27; Филарет, архиепископ. Историко-статистическое описание Черпиговской епархии. Кн. 5. С. 43; Поместник Введенской церкви. С. 18.

³ В источниках социально-политический статус «догосударственных» славянских общностей не указывается. Припущение ранее в историографии именования их «племенами» критикуется современными исследователями (см.: Лукин П. В. Восточнославянские «племена» и их князья... С. 83–84). Области расселения этих общностей в источниках в основном упоминаются только по названиям, по имеющимся примерам применения к ним термина «земля» (Горский А. А. Земли и волости. С. 12–13). В отношении вятичей в древних повествовательных источниках содержатся две связанные между собой легенды. Во-первых, согласно «Повести временных лет» (памятник начала XII в.), вятичи управлялись династией из рода Вятко. По мнению В. Ю. Аристова, летописец сопоставил этнонимы «вятичи» и «радимичи» с именами известных ему личностей — епископа Праги святого Войтеха-Адальберта († 997 г.) и его младшего брата архиепископа Гнезно Радима-Гауденция († нач. XI в.). Эти священники были сыновьями чешского князя Славика († 981 г.) и прославились в Польше и Чехии. Под пером же русского летописца родилась легенда о приходе братьев Вятко (Войтеха) и Радима от ляхов (от поляков) на Оку и Сож и о зарождении под их началом восточнославянских общностей вятичей и радимичей (Aristov V. Why were Radimichi and Vyatichi “of Polish origin”? P. 18–23). Во-вторых, следует добавить, что видение монаха Пимена в Киеве о смерти крестившего вятичей Кукши было описано составителем Киево-Печерского патерики по подобию видения монаха Иоанна в Риме о смерти крестившего пруссов Войтеха. Согласно патерику, Кукша точно так же был «усечен» вятичами, как и Войтех был обезглавлен пруссами. Очевидно, киевский книжник заимствовал эти подробности из жития святого Войтеха-Адальберта (см.: Древнерусские патерики. С. 27, 129–130; Vita s[ancti] Adalberti episcopi. S. 609, 612; благодарю за перевод с латыни К. А. Чарухина).

⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 9–10.

XI в. имели свою правящую династию⁵. В начале 1080-х гг. занимавший черниговский стол князь Владимир Всеволодич Мономах предпринял два зимних похода на вятических правителей Ходоту и его сына⁶. По мнению А. В. Шекова, в результате именно этих событий территория вятичей (или ее значительная часть) вошла в состав Черниговского княжества (Черниговской волости в составе Русской земли)⁷. Однако также можно заметить, что в 1097 г. князь Олег Святославич с братьями получили и закрепили за собой Черниговскую волость вместе с Вятичами как свою «отчину». Поэтому не исключено, что еще во время черниговского княжения их отца Святослава Ярославича (1054–1073 гг.) дань с вятичей собирали именно черниговские тиуны. Лишь в начале XII в. вятичи были христианизированы, что стало возможно с пресечением рода вятических правителей-язычников и с усилением в Вятичах черниговской администрации⁸. В составе обособившейся Черниговской земли верховная власть над волостью Вятичи сначала, видимо, находилась в руках старшего черниговского князя. Даже во время великого киевского княжения 1138–1146 гг. князь Всеволод Ольгович (старшая ветвь Ольговичей) сохранял ее за собой⁹. После его смерти († 1146 г.) между князем Святославом Ольговичем (младшая ветвь Ольговичей) и черниговскими Давидовичами не раз возникали усобицы, в том числе велась борьба за волость Вятичи¹⁰. Каждая из сторон пыталась договориться с вятичес-

⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 53, 69.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 248. Правители «догосударственных» славянских обществ лишь в редких случаях называются «князьями». В отношении вятических правителей этот титул не упоминается, можно только предположить, что по своему статусу они были князьями (см.: *Лукин П. В.* Восточнославянские «племена» и их князья... С. 83–88).

⁷ *Шеков А. В.* Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 94–97; *Он же.* Политическая история и география Верховских княжеств. С. 136–139.

⁸ Исследования Я. Е. Шапова и Б. Н. Флора показали, что в дохристианскую эпоху в славянских землях материальную состоятельность языческих святилищ обеспечивали местные князья (правители), которые выделяли волхвам часть от княжеских доходов (*Флора Б. П.* Исследования по истории Церкви. С. 15–16). Должно быть, пока область расселения вятичей не входила в состав Русской земли, а была лишь ее данником, вятические правители сохраняли свою традиционную религию, и новая христианская Церковь не могла получить здесь материального обеспечения. С пресечением рода местных правителей и с утверждением в Вятичах уже христианизированной черниговской администрации неизбежно возникал конфликт интересов между волхвами (прежде привилегированным классом общества, терявшим прежние доходы) и христианскими священниками (выгодополучателями от новой княжеской власти). Не случайно киево-печерский монах Кукша, крестивший вятичей в начале XII в., был здесь убит (*Карпов А. Ю.* Преподобный Кукша — просветитель вятичей. С. 1–19).

⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 310.

¹⁰ Князь Святослав Ольгович находил поддержку в Вятичах еще во время конфликта с Давидовичами в 1146 г. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 336, 338). Однако те тоже стремились установить в Вятичах свою власть. В 1147 г. князь Святослав Ольгович, получив помощь от князя Юрия Владимировича (Долгорукого) и половцев, выгнал посадников Давидовичей из волости Вятичи и из Мценска, а под Спашем были убиты их послы (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 342–343; *Бережков П. Г.* Хронология русского летописания. С. 142). После примирения сторон Вятичи либо были разделены, либо в них было установлено совместное управление. Так, согласно Ипатьевской летописи,

кой знатью с тем, чтобы склонить ее на свою сторону¹¹. Видимо, справедливое разделение верховной власти над Вятичами было возможно лишь при достижении мира между князьями черниговского дома. После смерти князя Святослава Ольговича († 1164 г.) и прерывания ветви Давидовичей в 1167 г. волость Вятичи полностью отошла к Ольговичам, среди которых на долгое время старшим стал князь Святослав Всеволодич († 1194 г.)¹².

Город Новосиль в древнейших летописях в домонгольское время не упоминается¹³, но, по археологическим данным, уже в X–XIV вв. Новосильское городище было заселено¹⁴. Кому принадлежал этот город в X — начале XIII в., неизвестно. Столь же сложно определить принадлежность Глухова до середины XII в. В исследовании А. К. Зайцева город показан в числе населенных пунктов, не относящихся к центрам упомянутых летописью волостей в домонгольское время¹⁵. Из летописного описания конфликта 1152 г. понятно, что между верховьями Оки (Мценском и Снашем) и Глуховом использовался сухонутный маршрут, видимо, по междуречью бассейнов Сваны-Сейма и Десны, известный впоследствии как Свиная дорога (брянский топоним?). По мнению Д. И. Багаля, Глухов тяготел к Новгороду Северскому¹⁶. Однако после смерти князя Святослава Ольговича († 1164 г.) Новгород Северский надолго отошел к его

в 1148 г. князья Владимир Давидович и Святослав Ольгович стояли «в своих Вятичах» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 371). Во время очередного конфликта в 1152 г. князь Юрий (Долгорукий) занял Вятичи и через Мценск и Снаш подошел к Глухову (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 455–456; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 338. *Бережков П. Г.* Хронология русского летописания. С. 142). Затем они вместе с князем Святославом Ольговичем и половцами выступили против черниговского князя Изяслава Давидовича и его союзников. В 1159 г. уже князь Изяслав Давидович занимал «все Вятичи», ущемив в правах князя Святослава Ольговича (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 502).

¹¹ *Зайцев А. К.* Черниговское княжество X–XIII вв. С. 92–93; *Беспалов Р. А.* Инструмент для «пятпепия» копей в виде двузубца Рюриковичей... С. 123–124.

¹² Имел князь Святослав Всеволодич в 1185 г. ездил в Вятичи по своим делам (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 637).

¹³ В Московском летописном своде конца XV в., а затем и в Воскресенской летописи под 1155 г. читается: «Того же лета прииде княгини Юрьева к Киеву из Новосила» (ПСРЛ. Т. 25. С. 391; ПСРЛ. Т. 7. С. 63). В частности, эти данные использовал архимандрит Геронтий (Кургановский) для составления легенды о появлении иконы Николы Чудотворца в Новосиле (*Геронтий (Кургановский)*. Исторический очерк Новосильского Свято-Духова монастыря Тульской епархии. С. 14). А. Н. Насонов заметил, что, согласно более ранней Ипатьевской летописи, княгиня ехала из Суздаля в Киев через Смоленск и не могла оказаться в Новосиле (*Насонов А. П.* «Русская земля»... С. 206; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 480). В свою очередь В. А. Кучкин показал, что слова «из Новосила» являются поздней переделкой слов «и-Суздаля», которая восходит к своду, близкому к Лаврентьевской летописи (*Кучкин В. А.* О древнейшем упоминании Новосила. С. 58–70).

¹⁴ При проведении археологических раскопок на Новосильском городище О. А. Радюш обнаружил серыгу и пятилучевые височные кольца X в., обломки стеклянных браслетов XII–XIII вв., керамику X–XI и XII–XIII вв. (см.: *Радюш О. А.* Исследования Новосильского городища в Орловской области. С. 243–245).

¹⁵ См.: *Зайцев А. К.* Черниговское княжество X–XIII вв. Карта 3, 4.

¹⁶ *Багаля Д. [И.]* История Северской земли до половины XIV ст. С. 158;

нотомкам (младшая ветвь Ольговичей)¹⁷, которые к 1169 г. не владели Глуховом. В это время в Глухове жила жена покойного князя Всеволода Ольговича¹⁸. «Всеволожая» умерла в 1179 г. и была похоронена в Киеве во время великого княжения там ее сына Святослава Всеволодича († 1194 г.)¹⁹. К кому затем отошел Глухов, неизвестно. Можно лишь предположить, что он сохранился во владении старшей ветви черниговских Ольговичей.

К середине XII в. черниговские князья имели в вятических городах лишь своих носадников и фактически управляли волостью Вятичи из-за ее пределов. В домонгольское время здесь известен лишь один стол Ольговичей — в Козельске. Да и тот возник довольно поздно — к первой четверти XIII в. Не исключено, что для его образования Ольговичам пришлось породниться с вятической знатю. Вместе с тем устремления козельских князей были направлены на обладание старшим черниговским столом. «Новосильской» частью вятичей, видимо, еще и во второй половине XIII в. правили глуховские князья, жившие на значительном удалении от верховьев Оки. Да и сам Новосиль, по А. К. Зайцеву, находился за административными пределами волости Вятичи, у ее окраин. Некоторые вятические города, возможно, не принадлежали тем князьям черниговского дома, которые осели в Верхнем Поочье, а зависели от старших черниговских столов. Из-за стремления черниговских князей распределить между собой власть над волостью Вятичи, впоследствии, после распада Черниговской земли, в Верхнем Поочье не сложилось единой «земли». Волость Вятичи была разделена, ее части были связаны с иными черниговскими городами, и она перестала упоминаться в источниках.

Еще в середине XII в. князь Святослав Ольгович совершил поход на балтскую народность голядь, обитавшую в верховьях реки Протвы и подчинявшуюся Смоленску с середины XI в.²⁰ Впоследствии по крайней мере часть верховьев Протвы до середины XIV в. была подчинена Новосилу (см. § 5). В этой связи не исключено, что на каком-то этапе Глухово-Новосильский удел Черниговщины оказался этнически неоднородным и помимо славян включал в себя балтов. Даже его преимущественно славянскую часть составляли не только вятичи, но и проживавшие южнее северяне (севрюки).

По мнению глуховского историка В. И. Белашова, Глуховское княжество сформировалось к концу первой половины XIII в.; глуховские князья владели обширными территориями, простиравшимися от Глухова до Мценска (это Севск, Болдыж (?), Кромы, Снаш), и далее до Новосила, Белёва, Воротынского и Одоева²¹. С его мнением сложно согласиться, поскольку позже на простран-

¹⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 523, 613, 659; *Бережков П. Г.* Хронология русского летописания. С. 158, 196.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 537; *Бережков П. Г.* Хронология русского летописания. С. 160, 162–163.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 612; *Бережков П. Г.* Хронология русского летописания. С. 196.

²⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 339.

²¹ *Белашов В. И.* Глухівське князівство і його уділи... С. 52.

стве между Глуховом и Новосилем возникло Кромское княжество. Первые упоминания о кромских князьях относятся к середине XV в., их происхождение достоверно неизвестно, однако они не были связаны с новосильскими князьями (см. § 19). Снаш нозже входил в состав владений звенигородских князей, которые также не происходили от глуховских или новосильских (см. § 3). Вероятная принадлежность Мценска новосильским князьям достоверно не установлена (см. § 9). Поэтому можно думать, что глуховская и новосильская области вовсе не соединялись в единую территорию.

А. К. Зайцев обратил внимание на то, что, несмотря на возникавшие усобицы, еще в начале XIII в. Черниговская земля была единой, а черниговские родичи не раз объединялись для решения внутренних и внешних политических задач. Выделению в ней обособленных княжеств («земель») не способствовал правовой институт, в рамках которого члены рода могли претендовать на любую волость Черниговщины как на отчину. Князь, сидевший на старшем черниговском столе, был обязан «в правду» наделить младших князей. Существовала практика обмена городами, разрастание рода приводило к выделению новых княжеских столов, выморочные же наделы вновь нераспределялись между членами рода. Как следствие, надел (или доля) одного князя мог состоять из нескольких волостей и городов, разбросанных по территории Черниговской земли и отстоящих друг от друга на значительном расстоянии. В то же время все же обозначилась тенденция к сохранению за князем надела при его переходе на старший стол. Этот процесс получил дальнейшее развитие в XIII в.²² Очертания обособившихся затем княжеств, видимо, еще некоторое время архаично восходили к череснолосице бытовавших ранее наделов в составе единой Черниговской земли. Поэтому неудивительно, что вследствие длительного нераспределения княжеских столов Глухов мог не соединяться с Новосилем единой территорией, но при этом оба города оказались в руках одной обособившейся ветви черниговских князей. Во всяком случае выделение глухово-новосильской территории в обособленное княжество не было следствием единовременного акта, как это можно подумать, исходя из схематичных сведений родословцев XVI–XVII вв. Напротив — это результат формирования удельно-вотчинной системы в Черниговской земле на протяжении многих десятилетий в XII–XIII вв. Как видим, и в целом разделение Верхнего Поочья между князьями черниговского дома началось задолго до рождения князя Михаила Черниговского и его мнимых сыновей.

После того как в 1239 г. татары взяли Чернигов, они схватили черниговского епископа Перфурия и отправили его в Глухов²³. Вероятно, город не был разрушен, и в дальнейшем в нем утвердился довольно значимый административный центр.

²² См.: Зайцев А. К. Черниговское княжество X–XIII вв. С. 115–124.

²³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

Скудные сведения генеалогии дают возможность лишь приблизительно установить хронологию раннего этапа существования Глухово-Новосильского удела Черниговщины. В Любецком синодике (М) имеется фрагмент, в котором упоминают интересующих нас князей. Другой список синодика (Ф) отличается тем, что в отношении последнего князя Сергия Александровича не указано: «оубыеннаго отъ татаръ»²⁴. В более раннем Введенском номянике окончание схожего фрагмента тоже выглядит иначе²⁵:

Введенский синодик

кн(з): Михайла Глуховского
и с(ы)на его кн(я)зя Симеона;
кн(з): Александра Новосе(л)ского
оубенного о(т) татаръ
за православную веру;
кн(з): Симеона Александровича;
кн(з): Сергия Александровича;
кн(з): Михайла Всеволодича,
оубенного о(т) татаръ

Любецкий синодик (М)

кн(я)зя Михайла Глуховского
и с(ы)на его кн(я)зя Симеона;
кн(я)зя Александра Новосилскаго
оубытого от татаръ
за православную веру;
кн(я)зя Симеона Александровича;
кн(я)зя Михайла Всеволодича;
кн(я)зя Сергия Александровича,
оубыеннаго отъ татаръ

Первоначально Филарет (Гумилевский) не смог удовлетворительно истолковать фрагмент имевшегося у него Любецкого синодика (Ф). Его идентификация некоторых князей была подвергнута обстоятельной критике со стороны Р. В. Зотова и не получила дальнейшего распространения²⁶.

В свою очередь Н. Д. Квашнин-Самарин заметил, что известие Любецкого синодика «дает возможность исправить родословие новосильских и одоевских, вовсе искаженное в родословных книгах». Он полагал, что у князя Михайла Черниговского был сын Семен Глуховский (из родословцев). От последнего происходили две ветви: 1) князь Михаил Глуховский и его сын Семен (из синодика); 2) князь Александр Новосильский (из летописи, † 1326 г.), его сын князь Семен Александрович (из синодика) и внук князь Роман Семенович Новосильский (из Любецкого синодика (Ф) и родословцев)²⁷. Позже В. И. Ивановский пришел к такой же схеме родословия²⁸. Той же точки зрения придерживались польские ученые Ю. Вольф и С. М. Кучиньский²⁹, с ними же согласен А. В. Шеков (схема 4.1)³⁰.

²⁴ Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 27; Филарет, архиепископ. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. С. 43.

²⁵ Поместник Введенської церкви... С. 18.

²⁶ Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 105–109.

²⁷ Квашнин-Самарин П. [Д.] По поводу Любецкого синодика. С. 221.

²⁸ Ивановский В. [И.] К истории удельных князей Тульского края... С. 526–528.

²⁹ Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy... S. 2; Kuczyński S. M. Ziemie Czernihowsko-Siewerskie... S. 123–124.

³⁰ Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. Вклейка между с. 160–161.

Схема 4.1

Происхождение князей новосильского дома по Н. Д. Квашнину-Самарину

Р. В. Зотов рассуждал иначе. Он считал, что отцом князя Романа Семеновича непременно должен быть князь Семен с отчеством «Михайлович», как это следует из родословных книг. Поэтому нересмотрел выводы Н. Д. Квашнина-Самарина. Князю Михаилу Черниговскому он также дал в сыновья князя Семёна Михайловича Глуховского и Новосильского (из родословцев). От последнего, по мысли Р. В. Зотова, происходили две ветви: 1) князь Михаил Глуховский и его сын князь Семен Глуховский (из синодика) и внук князь Роман Новосильский (из синодика и родословцев); 2) князь Александр Новосильский и его сын Семен Александрович (из синодика). Также Р. В. Зотов привлек уникальные сведения Никоновской летописи, которая под 1352/53 г. сообщает: «бысть морь силенъ зело въ Смоленске, и въ Киеве, и въ Чернигове, и въ Суждале, и во всей земле Русстей смерть люта, и нонанрасна и скоро; <...> Въ Глухове же тогда ни единый человекъ не остана, вси изомроша»³¹. Источник данных сведений Никоновской летописи неизвестен. Рогожский летописец под этим годом сообщает о сильном море в Смоленске³². Р. В. Зотов считал, что в середине XIV в. Глухов был покинут своими князьями, и предполагал их переселение в Новосиль³³. Позже его генеалогической схеме следовали Г. А. Власьев, Л. В. Войтович и В. И. Белашов (схема 4.2)³⁴.

Схема 4.2

Происхождение князей новосильского дома по Р. В. Зотову

³¹ ПСРЛ. Т. 10. С. 224.

³² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. С. 61.

³³ Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 105–111.

³⁴ Г. А. Власьев, Л. В. Войтович и В. И. Белашов склопы считать, что первый Семён Михайлович (на схеме обозначен *) носил титул князя глуховского (Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 1. С. 31; Войтович Л. [В.] Князівські династії східної Європи. С. 184, 186, 187; Войтович Л. [В.] Княжа доба: портрети еліти. С. 419, 422, 426; Белашов В. І. Глухівське князівство і його уділи... С. 53, 56). Взгляды последних двух учёных достойны отдельного критического анализа. Л. В. Войтович предложил особый взгляд на историю Глухово-Новосильского удела и вышел поддержку в лице

Кроме того, Р. В. Зотов высказывался о существовании некоего Устивского княжества, и эта его мысль имела своих последователей. Он полагал, что устивские князья произошли от глуховских, к числу устивских относился князь Михаил Всеволодич³⁵. Однако в процитированных синодиках этот князь не имеет никакого титула. В Введенском синодике он упомянут после глуховских и новосильских князей, поэтому можно думать, что он не имеет никакого отношения к их роду. В данном случае рассуждения об устивском князе и его вотчине непродуктивны, но мы еще вернемся к нему позже (см. § 9).

Н. А. Баумгартен ославлял происхождение новосильских князей от князя Михаила Всеволодича Черниговского, которое заявлено в родословцах XVI–XVII вв. Он начертил три отдельные схемы: род князя Михаила Глуховского и его сына Семена; род князя Александра Новосильского и его двух сыновей Семена и Сергия; а также схему происхождения князя Романа Семеновича Новосильского и его потомства³⁶. Ученый не находил убедительных данных для того, чтобы соединить свои схемы-фрагменты воедино.

Бытование в историографии сразу нескольких разных схем само по себе говорит о том, что исследователям не удалось прийти к единому знаменателю. Поэтому при их использовании, но меньшей мере, необходимо делать оговорку, что производные от какой-либо схемы рассуждения об истории могут быть верны только в рамках принятой схемы.

В. И. Белашов. По Л. В. Войтовичу, в Глухове княжила старшая ветвь рода: князь Михаил и его сын Семен, а в Новосиле младшая ветвь: князь Александр и его сын Семен. В. И. Белашов добавил, что на историю Глухова, видимо, повлияло образование Курского баскачества в конце XIII в., в связи с чем центр Глухово-Новосильского княжества должен был переместиться в Новосиль. Однако в 1326 г. князь Александр был убит в Орде. По Л. В. Войтовичу, его сын князь Семен Александрович не имел наследников. В результате не состоялось преемства тому, чтобы старшинство в роду перешло к князю Семену Михайловичу, который княжил в Глухове. Он якобы объединил в своих руках все княжество, которое, таким образом, являлось Глуховским. По Л. В. Войтовичу, князь Семен Михайлович имел двух сыновей — князя Романа Глуховского(?) и князя Ивана Новосильского. После смерти князя Ивана (видимо, до 1375 г.) князь Роман Семенович перенес свою столицу в Новосиль, а потом в Одоев. В отличие от Л. В. Войтовича, В. И. Белашов все же обратил внимание на эпидемию чумы в Глухове. По его мнению, именно в этой связи князь Семен Михайлович в 1352/53 г. должен был переместить центр своего княжения в Новосиль. Вместе с тем В. И. Белашов вслед за Л. В. Войтовичем не исключает, что это еще позже мог сделать князь Роман Семенович (*Войтович Л. В. Удільні князівства Рюриковичів і Гедиміновичів у XII–XVI ст. С. 169; Белашов В. І. Глухівське князівство і його уділи... С. 52–54*). В качестве полемики следует заметить, что в источниках нет сведений о столь извилистом перемещении старшего княжеского стола из Глухова в Новосиль, потом опять в Глухов и снова в Новосиль. Нет данных и о наличии у князя Романа Семеновича Новосильского титула «глуховского». Данные построения скорее исходят из того, что украинские исследователи желают видеть глуховскую ветвь не тупиковой, как у Н. Д. Квашнина-Самарина, а имевшей продолжение в виде ветвистого древа новосильских князей. Даже новосильских князей XV в. Л. В. Войтович назвал «князьями глуховской ветви», в то время как их род уже давно был оторван от Глухова (см.: *Войтович Л. [В.] Княжа доба: портрети еліти. С. 431–433, 440*).

³⁵ Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 108–109.

³⁶ Baumgarten N. [A.] Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X-e au XIII-e siècle. P. 89–90.

В рассуждениях Н.Д. Квашнина-Самарина и Р.В. Зотова выделим ряд принципиальных неточностей.

1) Введенский и Любецкий (Ф, М) синодики не устанавливают наличия у князя Михаила Черниговского сына Семена (в схемах названных исследователей отсутствующий в синодиках князь выделен курсивом). Как показано в предыдущем параграфе, при составлении родословцев имя князя Семена могло быть установлено по отчеству князя Романа Семеновича Новосильского, упомянутого в летописях. Уже к 1491–1494 гг. в синодике Успенского собора Московского кремля объявлялась память «кн(я)зю Семену, кн(я)зю Рома|ну Новосилским» и их потомкам³⁷. Достоверно же отчество самого князя Семена, жившего в середине XIV в., составителя первого родословца не было известно.

2) Введенский и Любецкий (Ф, М) синодики не называют отчества князей Михаила Глуховского и Александра Новосильского. Поэтому нельзя утверждать, что они являлись родными братьями.

3) Предположение Р.В. Зотова о переселении глуховских князей в Новосиль именно в 1352/53 г. тоже не подкреплено источниками. Хотя первое упоминание владений новосильских князей в статусе «земли» относится только к началу XV в.³⁸, к тому времени их столицей уже давно был Одоев. Следовательно, понятия о существовании «Новосильской земли» и о ее статусе сложились гораздо ранее и закреплялись в сознании общества по меньшей мере десятилетиями. Уже во второй четверти — середине XIV в. новосильские князья самостоятельно совершали внешние сношения³⁹. Поэтому можно думать, что уже тогда Новосиль был столицей их обособившегося княжества.

Введенский синодик более полный, и в ряде случаев имеет более точные чтения, чем Любецкий, его глухово-новосильский фрагмент тоже более последователен⁴⁰. Во-первых, он показывает ветвь князя Михаила Глуховского

³⁷ РГАДА. Ф. 196. Он. 1. №289. Л. 154; см. § 12.

³⁸ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 477.

³⁹ Так, еще в 1326 г. князь Александр ездил в Орду и при этом уже носил титул «новосильского» (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 42; ПСРЛ. Т. 18. С. 90; *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. С. 358). Около 1340–1348 гг. князь Семен Новосильский продал часть своей вотчины за пределы Черниговщины и при этом тоже не носил титул князя «глуховского» (ДДГ. №2. С. 12; №3. С. 14).

⁴⁰ Еще до публикации Введенского синодика А.В. Шеков выделил в Любецком синодике фрагмент, в котором упоминаются князья: курские, новгород-северские, нутивльские, глуховские, новосильские; затем опять курские, новгород-северский, нутивльский (№40–50 по Р.В. Зотову). Ученый предположил, что это фрагмент курского происхождения. К 1289 г. Курское княжество перестало существовать, а город Курск стал управляться баскаком, следовательно, протограф этой части синодика был составлен до этого времени. Но поскольку смерть князя Александра Новосильского в Орде в 1326 г. выходит за хронологические рамки существования Курского княжества, то глухово-новосильский фрагмент (№44–45 по Р.В. Зотову) А.В. Шеков считал поздней вставкой в эту часть синодика. То же мнение он сохранил и после публикации Введенского синодика (*Шеков А.В.* О помнянике черниговских князей... С. 293; *Он же.* Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 52; *Он же.* Политическая история и география Верховских княжеств. С. 70–71). Однако в более полном и исправном Введенском синодике в данном фрагменте

(без отчества) и его сына Семена. Во-вторых, — ветвь князей Александра Новосильского, Семена Александровича и Сергея Александровича. Должно быть, двое последних являлись родными братьями и были сыновьями князя Александра Новосильского. До сих пор наши рассуждения солидарны со схемами Н. А. Баумгартена. Далее можно привлечь источник, который ему не был известен. Отчество князя Александра Новосильского читается в выписке конца XVIII в. из синодика рязанского Свято-Духова монастыря: «Андреян, Александр Семеновичи Новосильские»⁴¹. А. Г. Кузьмин считал этих князей сыновьями князя Семена Новосильского, жившего в середине XIV в.⁴² Однако поскольку известный из летописей князь Александр Новосильский погиб еще в 1326 г.⁴³, можно предполагать, что отцом Александра и Андреяна Семеновичей Новосильских был сын князя Михаила Глуховского — князь Семен Михайлович, титул которого Введенский и Любецкий синодики не называют.

Князя Семена Александровича из синодиков, видимо, следует сопоставить с князем Семеном Новосильским, известным из грамот московского князя Семена Ивановича. Этот новосильский князь достоверно жил еще около 1340–1348 гг. и, видимо, был отцом князя Романа Семеновича Новосильского⁴⁴. Таким образом, в глухово-новосильском фрагменте Введенского и Любецкого синодиков могли быть последовательно записаны представители четырех поколений одного княжеского рода (схема 4.3). Гинотезу о другом нотостве князя Александра Новосильского разберем далее отдельно (см. § 5).

Возможно, в полученной таким образом генеалогической схеме тоже могут быть найдены слабые места. Поэтому следует учитывать ее гинотетичность, а также и гинотетичность настроенных на ее основании исторических реконструкций. Исходя из данной схемы, можно думать, что князь Михаил Глуховский жил в середине — второй половине XIII в., а его сын князь Семен Михайлович, вероятно, — еще на рубеже XIII–XIV вв.

оказывается гораздо больше князей и княгинь, не имевших отношения к Курску, Новгороду Северскому и Путивлю. Они не составляют со сниском глуховских и новосильских единого фрагмента, а вписаны вразнобой, что нарушает стройность гинотезы А. В. Шекова (см: Поменник Введенской церкви... С. 18).

⁴¹ РГАДА. Ф. 181. Он. 8. № 680. Л. 24 об.

⁴² Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. С. 217.

⁴³ В Троицкой, Симеоновской летописях и в Рогожском летописце, связанных общим протографом с Владимирским летописцем, отчество князя Александра Новосильского не читается (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 42; Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 358; ПСРЛ. Т. 18. С. 90). Владимирский летописец представляет собой краткое извлечение из Троицкой летописи и вторичен по отношению к ней. В Синодальном сниске Владимирского летописца содержится запись: «князя Александра Данильевича убишь Новосильскаго». Отчество ошибочно приписано из-за стоящего рядом «князя Юрья Данильевича». В Чертковском сниске Владимирского летописца этой ошибки нет: «князя убиш Александра Новосильскаго» (ПСРЛ. Т. 30. С. 104).

⁴⁴ ДДГ. № 2. С. 12; № 3. С. 14.

Схема 4.3

Происхождение князей новосильского дома (реконструкция)

По мнению В.И. Белашова, на историю Глухова повлияло образование Курского баскачества в конце XIII в.⁴⁵ В 1289–1290 гг. баскак Ногай Ахмат «велику досаду творяше княземъ и чернымъ людемъ въ Курскомъ княжении». Татары «насилие творяху христианомъ, сущимъ Курския волости, около Воргола и около Рылска нусто сътвориша»⁴⁶. Судя по локализациям А.К. Зайцева, эти события происходили в непосредственной близости от Глухова — на расстоянии однодневного перехода татарской конницы⁴⁷. Может быть, именно в этой связи в конце XIII в. князь Семен Михайлович перенес свою резиденцию из Глухова в Новосиль? В таком случае упоминание в поздних родословцах «князя Семена Глуховского и Новосильского» в качестве основателя рода новосильских князей выглядит вполне оправданным. Впрочем, причины переноса княжеского стола из Глухова в Новосиль могли быть обусловлены и тем, что глуховским князьям досталась весьма удаленная часть прежней волости Вятчи, которой удобнее было управлять из Новосиля.

Несмотря на опустошительную чуму в Глухове 1352/53 г. (если она не является вымыслом составителя Никоновской летописи), к концу XIV в. глуховская округа возродилась. Еще в 1916–1917 гг. в Глуховском уезде был найден клад джучидских монет конца XIV в.⁴⁸ Из новых же находок известно, что в окрестностях Глухова обращались не только джучидские, но и, например, брянские монеты 1370-х гг.⁴⁹ Видимо, в середине — второй половине XIV в. Глухов отошел под власть Великого княжества Литовского, но без сохранения в нем княжеского стола. В таком статусе он упоминается в Литовской метрике около

⁴⁵ Белашов В.И. Глухівське князівство і його уділи... С. 52–53.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 18. С. 79. О датировке летописных событий см.: Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата. С. 31–38.

⁴⁷ Зайцев А.К. Черниговское княжество X–XIII вв. С. 210–216.

⁴⁸ Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет. С. 150. № 109.

⁴⁹ Коваленко Ю.О. Джучидські монети та їх сіверські наслідування з літонисного Глухова та його округи. С. 131–133.

середины XV в.⁵⁰ При заключении литовско-новосильского договора 1427 г. великий князь литовский обязался «в отчину их (новосильских князей. — *Р.Б.*), в земли и в воды не вступатися, ноколь рубеж Новосильской и Одоевской земли», с оговоркой: «онрочь того, што издавна отошло» (см. § 14). Вероятно, подразумевалось, что от Новосиля к Литве уже давно отошел Глухов. Так связь Новосиля с Глуховом прервалась, однако память о древнем родовом прозвище сохранялась в роду новосильских князей еще и в XVI в.

⁵⁰ ЛМ. Кн. 3. Р. 62.

§ 5. Политические течения в Северо-Восточной Черниговщине в первой — второй трети XIV века

В сохранившихся источниках история исследуемого региона первой — второй трети XIV в. представлена очень фрагментарно. О внутренней жизни Козельского и Новосильского княжеств известно крайне мало. Князья тарусской ветви в событиях этого времени еще вовсе не упоминаются. Однако на основании реконструкции отдельных эпизодов можно говорить о том, что на становление местной политической элиты оказывали влияние сразу несколько внешних и внутренних сил.

Влияние Смоленска в конце XIII — начале XIV в.

В третьей четверти XIII в. политический центр Черниговской земли переместился в Брянск. Не исключено, что это было связано не только с нападением татар на Чернигов, но и с фактическим правлением старшего князя черниговской династии Романа Брянского из своего удела. Его преемниками на старшем престоле были его сын князь Олег и, видимо, князь Михаил Дмитриевич (из козельских князей), которые после него названы великими князьями черниговскими в Введенском синодике¹. Князь Михаил, очевидно, родился еще до 1223 г. и находился уже в преклонном возрасте, поэтому, вероятно, занимал старшинство недолго (см. § 3). Старшинство же князя Олега не было реализовано в полной мере, он принял монашеский постриг и оставил княжение². Неясно, почему на великое княжение не смогли претендовать умножившиеся представители младших ветвей черниговских Ольговичей — князья курские, рязанские и путыльские³. Можно лишь заметить, что их права собственно на Брянск были ограничены.

¹ Поменник Введенської церкви... С. 17, 18.

² *Филарет, архиепископ*. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. С. 41. № 23; *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 26, 84–86; Поменник Введенської церкви... С. 17.

³ А. В. Кузьмин указал, что в Введенском синодике номинают «кн(з) Ивана Романовича Путыльского, кн(з) Константина Романовича, кн(з) Михаила Романовича, убитого о(т) литвы». Первый князь далее номинается повторно как страстотерпец и чудотворец, убитый от татар, а за ним следует его вероятный сын князь Владимир Иванович Киевский. По мнению исследователя, первые трое князей могли быть сыновьями князя Романа «старого» (*Кузьмин А. В.* Источники XVI–XVII вв. о происхождении киевского и путыльского князя Владимира Ивановича. С. 220–223; *Он же*. Иоанн, блгв. кн. путыльский. С. 240–241). Однако после князя Романа «старого» в синодике номинается еще один князь Роман неизвестного происхождения (Поменник Введенської церкви... С. 17, 18). Возможно, это князь Роман Игоревич, погибший еще в 1211 г., поскольку его брат князь Владимир-Антоний Игоревич тоже был связан с Путылем (*Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 103–104). Так или иначе, из синодика не видна связь этих Романовичей с великим черниговским княжением и с Брянском.

В историографии утвердилось мнение о том, что к концу XIII в. Брянск не решил под управление князей смоленского дома. Дискутируется лишь вопрос о времени их появления на брянском престоле⁴. П. В. Голубовский, а за ним еще целый ряд историков допустили, что в летописном известии о походе брянского князя на Смоленск под 1285/86 (6793) г. уже подразумевается князь Роман Глебович из смоленской династии⁵. Права смоленских Глебовичей на Брянск могли возникнуть, если великий князь Глеб Ростиславич Смоленский († 1278 г.) был женат на одной из дочерей великого князя Романа Брянского⁶. В походе на Литву 1274 (6782) г. эти князья были союзниками⁷. Исследователь указал, что в недатированном послании «рижского митрополита» (без имени) упоминают брянский князь (без имени), который назван «наместником» великого князя Федора Ростиславича Смоленского (1281–1297 гг.). Отсюда можно заключить, что брянский князь был подчинен князю смоленскому и, видимо, являлся его близким родственником. К. Э. Наньерский справедливо считал, что это письмо написано недолгое время спустя после 18 мая 1284 г.⁸ В этой связи П. В. Голубовский

⁴ Горский А. А. Брянское княжество... С. 76–79.

⁵ Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV ст. С. 187.

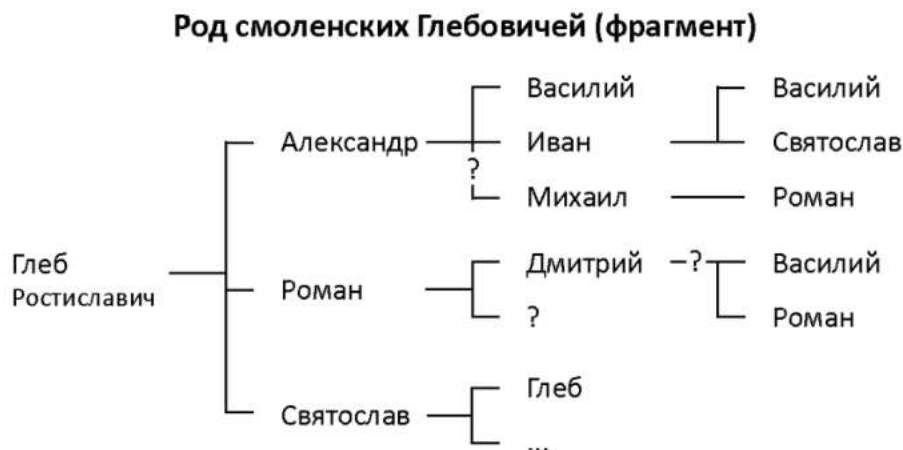
⁶ Горский А. А. Брянское княжество... С. 78, 100–101. Сноска 25.

⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 871–874.

⁸ Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригой и ганзейскими городами в XII, XIII и XIV веке. № 3; Русско-ливонские акты. № 34. С. 17–18. Основания для датировки послания «рижского митрополита» следующие. Иоанн II был избран главой рижской Церкви собором местных епископов около 1284–1285 гг. еще до утверждения его на этот пост в Риме 10 января 1286 г. (*Schonebohm G. Die Besetzung der livländischen Bistümer bis zum Anfang des 14. Jahrhunderts. S. 328–329*). В послании в Смоленск «рижский митрополит» ссылаясь на «крестное целование», т. е., видимо, на подтвердительную грамоту великого князя Федора Смоленского о торговле с рижанами от 18 мая 1284 г. (*LEuC UB. Bd. 1. № 492. S. 605–606*; Смоленские грамоты XIII–XIV веков. С. 66–67; *Иванов А. С., Кузнецов А. М. Смоленско-рижские акты: XIII в. — первая половина XIV в. С. 614–615*). В частности, «рижский митрополит» сообщал: «витебляне жалобилися на рижяны (наместнику смоленского князя. — *Р. Б.*) чимь то хотели онравитися противу Гелмика». Далее следовала суть их жалобы на рижан, которые якобы отобрали у них товар и убили их человека. Мысль «рижского митрополита» изложена неясно, поскольку торговец Гелмик из Мюнстера (*Helmicus dictus de Monasterio*) не был рижанином, а в конце письма сообщается, что он сам жаловался на рижан, видимо, смоленскому князю. Поэтому витебляне, кажется, не должны были бы выступать против самого Гелмика. Суть дела Гелмика известна из послания Иоанна II в Любек, которое в публикациях датируется 5 февраля 1286 г. (*Григорович П. [И.] Перениска протоиерея Иоанна Григоровича с графом Н. П. Румянцевым. С. 19–20; LEuC UB. Bd. 1. № 507. S. 626–629*). Гелмик судился из-за своего товара, якобы присвоенного рижанами еще при ливонском магистре Эрнсте фон Раценбурге (1273–1279 гг.) и рижском архиепископе Иоанне I (1273–1284 гг.). Однако Иоанн II считал претензии витеблян и Гелмика несправедливой. Поэтому можно думать, что в выражении «витебляне <...> хотели онравитися противу Гелмика» предлог «противу» стоит в значении сопоставления жалобы витеблян (на рижан) с прежней жалобой Гелмика (на рижан) (СРЯ. Вып. 20. С. 251). То есть витебляне хотели доказать свою правоту, так же как ранее пытался это сделать Гелмик. Не получив удовлетворения в Риге, Гелмик пытался найти управу на рижан за пределами Ливонии. 18 мая 1284 г. он был в Смоленске и присутствовал при составлении грамоты великого князя Федора Ростиславича о торговле с рижанами и тогда же мог жаловаться на них смоленскому князю. Видимо, именно в этой связи недавняя жалоба Гелмика

не без оснований полагал, что летописное свидетельство о походе князя Романа Брянского на Смоленск в 1285/86 (6793) г. описывает усобицу между князьями смоленского дома.

Схема 5.1

Право смоленских князей на Брянск в это время, видимо, не подразумевало их прав на великое черниговское княжение, поэтому их имена не были отражены в номинативах черниговских князей типа Введенского и Любецкого. Случаи конфликтов в их среде были не единичны. В 1297 г. старший брат князя Романа — князь Александр Глебович обманом согнал своего дядю Федора с великого смоленского княжения⁹. Весной 1310 г. уже сами Глебовичи сносились за брянский стол, в результате чего князь Василий (Александрович) при поддержке татар нанал на Брянск и убил своего дядю князя Святослава (Глебовича)¹⁰.

В этот период неизвестно о влиянии смоленских дел в Брянске на князей северо-восточной части Черниговщины, за исключением одного летописного события, достоверность которого при ближайшем рассмотрении оказывается сомнительной. Сообщение о происшествии 1310 г. содержалось в общерусском своде начала XV в. и сохранилось в составе Симеоновской летописи, которая в конце 1520-х — начале 1530-х гг. использовалась для составления Никоновской летописи. Одна из особенностей последней состоит в том, что по сравнению с ее летописными источниками в ней донесены отчества и титулы многих князей¹¹. Кроме того, под тем же годом в Никоновской летописи появилась новая уникальная запись о походе князя Василия с татарами к Карачеву, где он якобы убил некоего «князя Святослава Мстиславича Карачевского»¹². Статья

упоминалась в послании «рижского митрополита» Иоанна II. Однако главным образом оно касалось жалобы витеблян брянскому князю, который был наместником великого князя смоленского.

⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 528.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 18. С. 87; Горский А. А. Брянское княжество... С. 79–80, 101. Сноска 32. Князь Василий Александрович умер в Брянске в 1314 г. (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 36).

¹¹ ПСРЛ. Т. 9. С. V–VII; Кюсс Б. М. Никоновский свод... С. 177–181.

¹² ПСРЛ. Т. 10. С. 177–178.

6818 (1309/10) г. является коннелиацией как минимум двух источников. Кроме Симеоновской использовалась еще некая сокращенная летопись. Вероятно, получилось дублирование, но в одном случае при составлении Никоновской летописи князь Святослав был назван «Глебовичем Брянским», а в другом — «Мстиславичем Карачевским». Из других источников имя князя Святослава Мстиславича Карачевского неизвестно.

Влияние Твери, Москвы и Орды в первой трети XIV в.

С начала XIV в. лидерами в соперничестве за обладание великим владимирским княжением выступали тверские князья. Свое право на старший стол они оснаживали в борьбе с князьями московскими¹³. В это время (и до «великой замятни» в Орде) ордынская политика посредством административного и военного аннарата часто вмешивалась во внутреннюю жизнь русских земель. Русские князья становились ее инструментом, но в то же время, приспосабливаясь к ней, также стремились использовать ее в своих интересах. В начале правления хана Узбека нервенство в Северо-Восточной Руси сохранял князь Михаил Ярославич Тверской. Однако в 1317 г. князь Юрий Данилович Московский женился на сестре хана и получил ярлык-ножалование на великое княжение. В том же году военное столкновение между соперниками привело к поражению князя Юрия, пленению его жены и ее смерти в тверском плену. В 1318 г. князь Михаил Тверской был казнен ханом Узбеком. В 1322 г., воспользовавшись каким-то проступком князя Юрия Даниловича перед ханом, князь Дмитрий Михайлович Тверской получил ярлык-ножалование на великое владимирское княжение. Некоторое время Юрий Московский укрывался в Новгороде, а в 1325 г. поехал в Орду, вероятно, надеясь на свое оправдание. Туда же направился князь Дмитрий Тверской. Для обоих поездка завершилась трагически. 21 ноября того же года «князь Дмитрей Михайлович Тферский въ Орде убилъ князя великаго Юрья Даниловичя»¹⁴. Затем, видимо, после продолжительных разбирательств, 15 сентября 1326 г. новелением хана Узбека «убиша въ Орде князя великаго Дмитрея Михайловича Тверскаго да князя Александра Новосилскаго, единого дни, на единомъ (месте), на реце, нарицаемыи Кондракли»¹⁵.

В Введенском и Любецком синодике (Ф, М) номинают «кн(з) Александра Новосе(л)скаго оубенного о(т) татаръ за правоверную веру»¹⁶. Подобное выражение было распространено и употреблялось в синодиках в отношении убитых от иноверных татар. Э. Клюг полагал, что Новосиль мог быть вовлечен в рязанские междоусобицы, не раз приводившие к убийству рязанских князей

¹³ О московско-тверских отношениях в 1312–1325 гг. см.: Горский А. А. Москва и Орда. С. 48–59.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 18. С. 89.

¹⁵ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 415; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 42; также см.: ПСРЛ. Т. 25. С. 167–168.

¹⁶ Поменник Введенської церкви... С. 18; Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 27; Филарет, архиепископ. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. С. 43.

в Золотой Орде¹⁷. Однако его предположение не имеет опоры на конкретные свидетельства. Р. В. Зотов указал на то, что, согласно Никоновской летописи, в 1325 г. хан Узбек «носылал князей Литвы воевати». Он предположил, что среди них могли быть князья черниговских уделов. По его мнению, князь Александр Новосильский мог совершить какую-то провинность в этом походе, за что и мог быть убит¹⁸. С. М. Кучинский развил мнение Р. В. Зотова и указал на то, что князь Дмитрий Тверской был женат на дочери великого князя литовского Гедимина. На этом основании предположил, что и князь Александр Новосильский имел отношения с Гедимином и был убит ханом Узбеком из-за обострения литовско-ордынских отношений¹⁹. Исследователями была выстроена слишком длинная, а потому ненадежная цепочка предположений.

Действительно не исключено, что, имея родственные связи, Гедимин и Дмитрий Тверской составляли коалицию в борьбе со своими общими неприятелями. Однако, согласно русским летописям, тверской князь пострадал в Орде в результате совсем другого проступка — убийства московского князя. С. В. Ковылов нашел более простое объяснение гибели князя Александра Новосильского. Он предположил существование новосильско-тверского союза накануне 1326 г. Не имея дополнительных источников, тем не менее он считал, что в начале XIV в. черниговские земли стали объектом агрессивных притязаний со стороны Золотой Орды, Москвы и Рязани. Союз с Тверью давал новосильским князьям гарантии безопасности, но в свою очередь эта коалиция якобы создавала серьезную угрозу ордынскому господству. Описанную выше казнь он рассматривал как политику хана Узбека по ослаблению опасного для Орды конкурента²⁰. В свою очередь А. А. Горский заметил, что князь Михаил Тверской за 12 лет своего великого княжения ни разу не противился ханской воле. В политике Дмитрия Тверского и Юрия Московского тоже не видно

Илл. 5.1. Убийство в Орде князей Дмитрия Тверского и Александра Новосильского (ЛЛС. Кн. 7. С. 254)

¹⁷ Ключ Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). С. 127.

¹⁸ Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 204; ПСРЛ. Т. 10. С. 190.

¹⁹ Kuczyński S. M. Ziemia Czernihowsko-Siewierskie pod rządami Litwy. S. 111. Той же точки зрения, видимо, придерживается А. В. Шеков (Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 116–117).

²⁰ Ковылов С. В. Новосильское княжество... Дис. ... канд. ист. наук. С. 59–61.

осознанного стремления избавиться от власти Орды²¹. Поэтому и князя Александра Новосильского сложно занодозрить в сопротивлении власти хана Узбека. Тем не менее саму идею о новосильско-тверском союзе можно развить. Дело в том, что летониси Северо-Восточной Руси вообще очень редко освещали верхнеокские события, и делали это только в том случае, если происшествия непосредственно касались заинтересованной стороны — Москвы или Твери. Интересующее нас известие восходит к Тверскому летонисному своду 1327 г.²² и отражает сочувствие со стороны именно тверского летонисца. Поскольку новосильский князь был осужден заодно с тверским князем, то, вероятно, был его союзником и, возможно, помогал ему в борьбе с московскими князьями или непосредственно участвовал в заговоре против князя Юрия Московского.

Косвенно новосильско-тверские связи XIV в. можно проиллюстрировать и тем, что в тверском летонисании интерес к Брянску и Новосилу проявился сильнее, чем в других летонисиях Северо-Восточной Руси. В частности, Рогожский летонисец имеет несколько больше записей о брянских и новосильских событиях, чем Симеоновская и Троицкая летониси (последняя — по выводам Н. М. Карамзина). В Тверской летониси новосильские известия до начала XV в. более полные, чем, например, в Московском своде конца XV в. Возможно, это стало следствием развитых отношений Твери с Брянском и Новосилем еще в XIV в.

С. В. Ковылов обратил внимание на сведения Никоновской летониси, составленной в конце 1520-х гг., в которой Александр Новосильский назван «великим князем»²³. То же читается в Лицевом летонисном своде. Однако далее под 1341 г. в перечне убитых ханом Узбеком князей он отнесен к «удельным князьям» (в Никоновской летониси этого перечня нет)²⁴. В известных номиниках черниговских князей носмертно Александр Новосильский не назван «великим князем». Старший представитель новосильского рода достоверно назывался «великим князем» лишь в первой трети XV в., о чем мы скажем далее. Затем в середине XVI в. даже польский король Сигизмунд-Август номнил о том, что отпрыски этой фамилии происходили от «великих князей новосильских»²⁵. Можно думать, что составитель Никоновской летониси митрополит Даниил перенес этот титул на первое летонисное упоминание новосильского князя, таким образом внося коррективы в свои летонисные источники²⁶.

²¹ Горский А. А. Москва и Орда. С. 58.

²² Приселков М. Д. История русского летонисания XI–XV вв. С. 165–168.

²³ Ковылов С. В. Новосильское княжество... Дис. ... канд. ист. наук. С. 59; ПСРЛ. Т. 10. С. 190.

²⁴ ЛЛС. Кн. 7. С. 254, 455–456.

²⁵ СИРИО. Т. 71. № 19. С. 507, 513.

²⁶ По мнению Б. М. Кюсса, в интересующем нас фрагменте Никоновской летониси отразилась Кашинская редакция Тверского свода (не сохранилась), дополненная Ермолинской и Симеоновской летонисиями (Кюсс Б. М. Никоновский свод и русские летониси XVI–XVII веков. С. 146–147). Текст Никоновской летониси сначала до слов «про Юрья Даниловича Московского» схож

В своей дипломной работе А. В. Шеков предполагал, что факт поездки князя Александра Новосильского к хану должен свидетельствовать о его старшинстве в роду всех черниговских князей²⁷. В публикации же кандидатской диссертации такой мысли не высказал²⁸. Во всяком случае, в первой половине XIV в. не только великие, но и удельные князья носежали Орду. Право на сношение с ханом Узбеком князь Александр Семенович имел как правитель сравнительно крупного обособившегося удела Черниговщины.

Как показал А. А. Горский, еще в домонгольский период из единой Русской земли первоначально выделились волости, которые обособились в XII в. и превратились в самостоятельные «земли», возглавляемые княжескими династиями²⁹. Процесс превращения волостей Черниговской земли в особые «земли» протекал в «татарское время». Так, упоминание о «terra Severiensis» относится к концу XIV в.³⁰ Первое упоминание о «Новосильской земле» в источниках относится к началу XV в.³¹ Однако особая династия новосильских князей сформировалась уже к исходу первой четверти XIV в. Поездка князя Александра в ставку хана — это первое из зафиксированных в источниках свидетельство самостоятельности новосильского князя. Право на «большое» (старшее) новосильское княжение ему давал факт старшинства в роду новосильских князей. Право на управление землей-княжеством должно было опираться на духовные грамоты предков и подкрепляться ярлыком-ножалованием правящего хана. Вряд ли подчиненное Золотой Орде княжество можно назвать полностью независимым (суверенным). Однако, хотя ярлык-ножалование обязывал князя выплачивать с пожалованных ему земель дань в Золотую Орду, тем же ярлыком обеспечивался правовой иммунитет от посягательства соседей на пожалованные ханом земли. То есть источник этого иммунитета находился вне отношений новосильских князей с другими русскими и литовскими князьями.

Как известно, после смерти князя Дмитрия Тверского его преемником стал его младший брат князь Александр Михайлович, который получил от хана Узбека ярлык-ножалование не только на Тверь, но и на великое владимирское

с Ермолинской, но дата дополнена по Симеоновской, а происхождение тверского князя расписано по родословицу тверских князей. Следующего пассажа о гневе хана Узбека на тверских князей нет ни в Ермолинской, ни Симеоновской, а в Тверском своде его, видимо, не могло быть. Должно быть, он является интерпретацией составителя Никоновской летописи. Затем, судя по Рогожскому летописцу и Тверской летописи, сведения о передаче великого княжения князю Александру Тверскому могли быть заимствованы только из тверского источника. Они внедрены в данный рассказ совершенно не к месту. В итоге и последняя фраза о месте казни и убийстве новосильского князя находится в составе коннотации с элементами интерпретации составителя Никоновской летописи.

²⁷ Шеков А. В. Верховские княжества. (Краткий очерк политической истории. XIII — середина XVI в.). С. 32.

²⁸ Он же. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 116–117.

²⁹ Горский А. А. Земли и волости. С. 9–32.

³⁰ ДАИ ОИР. №212. С. 509.

³¹ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 477.

княжение³². Род тверских князей не был притеснен. Также и посредством казни князя Александра Новосильского хан Узбек не ликвидировал новосильский престол, а создал предпосылки к смене власти в Новосильском княжестве. В этом смысле смертная казнь была хотя и жестоким, но вполне обычным инструментом ордынского права. Она широко применялась не только по отношению к русским вассалам, но и внутри самой Золотой Орды³³.

Влияние митрополичьей кафедры в первой половине XIV в.

Тверские князья рассчитывали не только на политическую гегемонию в Северо-Восточной Руси, но и стремились распространить свое влияние на власть церковную. По мнению А.В. Карташева, выдвижение игумена Геронтия кандидатом на поставление в митрополиты (около 1305 г.) было инициировано князем Михаилом Ярославичем Тверским, бывшим в то время великим князем владимирским. С рубежа XIII–XIV вв. кафедра митрополии Киевской и всея Руси размещалась во Владимире, и желание великого князя было вполне объяснимым. Однако еще до прибытия Геронтия в Константинополь новым митрополитом был поставлен вольнский игумен Петр (1308–1328 гг.). Это стало неожиданностью для тверского князя. Он принял его только после долгих колебаний и против своей воли. Московские же князья, напротив, оказывали митрополиту Петру поддержку, так что тот стал часто проживать в Москве, а на исходе лет дал согласие на то, чтобы быть здесь погребенным. Назначение следующим митрополитом грека Феогноста (1328–1353 гг.) для московских князей тоже оказалось благоприятным³⁴. Митрополичья кафедра фактически переместилась в Москву, что впоследствии определяло симпатии многих митрополитов к московской великокняжеской власти.

В самом начале правления митрополита Феогноста было заведено расследование об имуществе умершего митрополита. В том числе в Брянске осталось архиерейское богослужебное облачение, некоторые предметы для богослужения и верхняя одежда³⁵. Очевидно, тот бывал в Брянске и совершал службы, поэтому его вещи здесь особо хранились. Случаи пребывания митрополитов в Брянске известны. В 1299 г., по пути из Киева во Владимир, здесь останавливался митрополит Максим³⁶; в 1310 г. в Брянске пребывал митрополит Петр³⁷, который, видимо, и подразумевается под не названным по имени умершим митрополитом³⁸.

³² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 42.

³³ См.: Почекаев Р. Ю. Право Золотой Орды. С. 126–138.

³⁴ Карташев А. В. История Русской Церкви. С. 211–218.

³⁵ Приселков М. Д., Фасмер М. Р. Отрывки В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV века. С. 49–50.

³⁶ ПСРЛ. Т. 18. С. 84.

³⁷ ПСРЛ. Т. 18. С. 87.

³⁸ В том же греческом сборнике содержались датированные записи о поставлении епископов при митрополите Феогносте с 1328 по 1347 г. Поэтому указанные записи должны относиться к его времени. Интересующая нас запись № 10 датируется временем от поставления Феогноста (1328 г.) до смерти князя Андрея Козельского († 1339 г.). Упомянутый в ней брянский князь Дмитрий встречается в летописях под 1333/34 г., а епископ Иоанн Смоленский — под 1335 г. (РИБ.

В 1340 г. здесь видим митрополита Феогноста³⁹. Назывались и другие митрополичьи ценности, которые после смерти церковного иерарха перешли в руки местных князей. Такое положение дел могло быть связано с тем, что те считали себя верховными собственниками имущества, переданного ранее Церкви⁴⁰. Однако новый митрополит желал вернуть это имущество в церковное владение. В ходе разбирательства было установлено, что «держит в Козельске Андрей 15 гривен митрополита»; «Взял князь Дмитрий 29 лошадей. Этот же владычко держит (у себя) и крест золотой митрополита. Точно так же как Дмитрий держит и других 5 кобыл»⁴¹. Здесь упомянуты: князь Андрей Мстиславич Козельский († 1339 г.)⁴² и князь Дмитрий Брянский (ун. зимой 1333/34 г.)⁴³. При жизни митрополит Петр купил в пределах Черниговской епархии город Алексин на реке Оке⁴⁴. Местные князья также, видимо, выступали его благодетелями. Может быть, в том числе и в Алексине было изъято неречисленное имущество после смерти митрополита? В дальнейшем Алексин отошел в состав митрополичьих владений, но затем еще долго оставался предметом споров.

Влияние Рязани в первой половине XIV в.

В первой половине XIV в. значительное влияние на регион оказывало соседство с Великим княжеством Рязанским. Возможно, оно возникло еще до политического союза Новосилья с Тверью и объяснялось географической близостью, а потому контакты новосильских князей с рязанскими могли быть более давними и тесными. Так, в выписке из синодика Свято-Духова монастыря в начале списка «князи рязанские» на самом деле указан «Ярослав Всеволодич Владимерской († 1246 г. — Р.Б.) и княгиня его Феодосия», которая была дочерью князя Игоря Глебовича Рязанского († 1194 г.). Поэтому не исключено, что

Т. 6. Прил. № 7. Стб. 443–446). М.Д. Приселков справедливо указал, что запись № 8 датируется сентябрем индикта 14, который выпадает на 1330 г. Должно быть, и расследование проходило около этого времени. Он считал, что под «умершим митрополитом» имеется в виду литовский митрополит Феофил (*Приселков М.Д., Фасмер М.Р. Отрывки В.Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV века. С. 61–68*). Однако Феофил не имел отношения ни к Брянской епархии, ни к епархиям Северо-Восточной Руси, где собирались причитающиеся новому митрополиту ценности. Поэтому можно думать, что Феогност вел учет наследства митрополита Петра.

³⁹ ПСРЛ. Т. 10. С. 212.

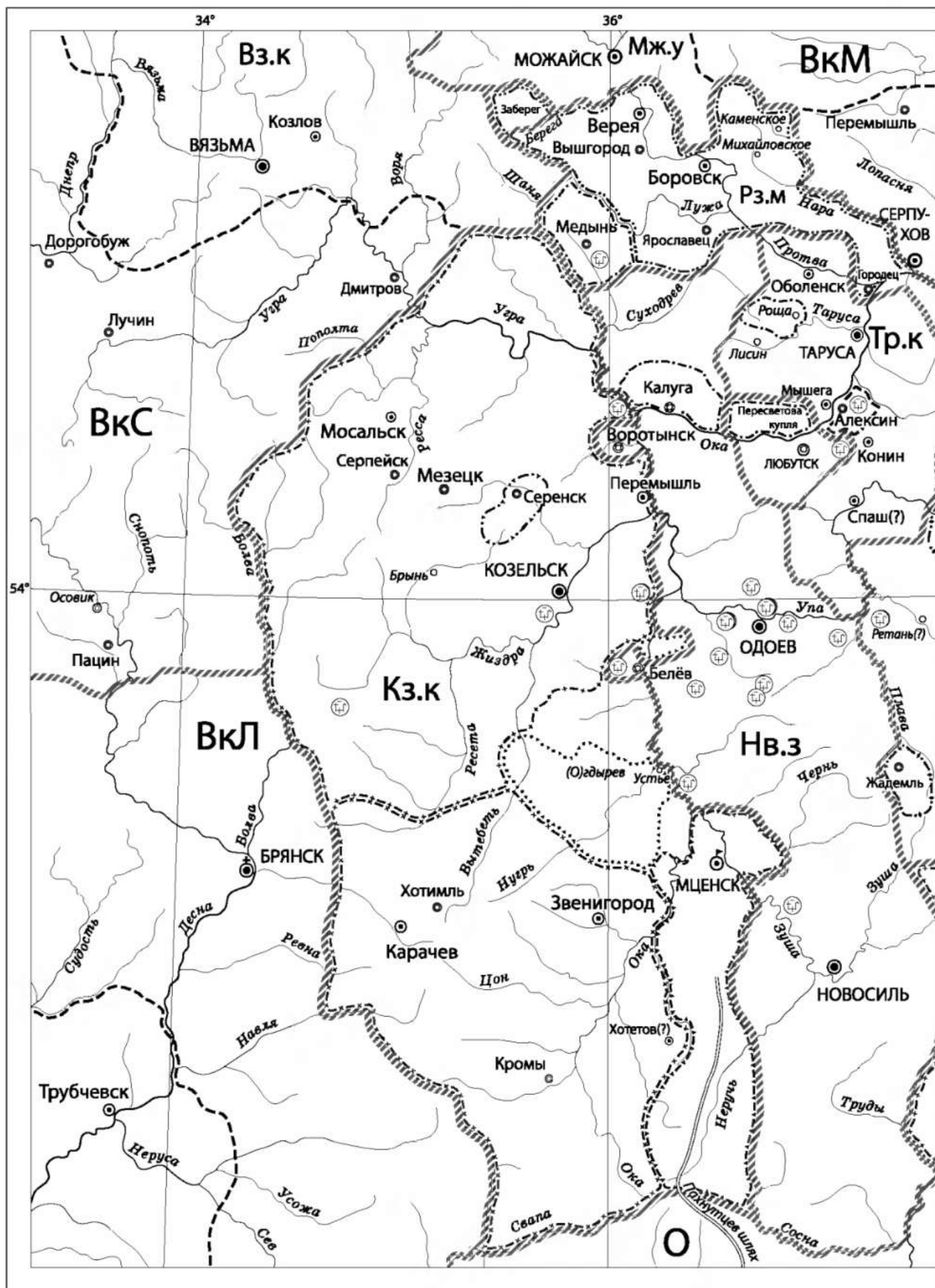
⁴⁰ О таком отношении светской власти к имуществу Церкви см.: *Флоря Б.П. Исследования по истории Церкви. С. 53–72*.

⁴¹ *Приселков М.Д., Фасмер М.Р. Отрывки В.Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV века. С. 58*.

⁴² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 52. Об упоминании в греческих текстах удельных русских князей без титула см. § 6.

⁴³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 47.

⁴⁴ По мнению ряда историков, Алексин был куплен митрополитом Петром у тарусских князей (*Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. С. 335–336; Горский А.А. Московские «примыслы»... С. 176*). Однако из источников неизвестно, кому этот город принадлежал до митрополичьей «кунии» (АФЗХ. Ч. 1. № 1. С. 23; ПСРЛ. Т. 10. С. 220). Например, он мог быть брянским городом, как и соседний Любутск.

Верхнее Поочье. Границы с середины XIV в. до 1381 г.

- ⊙ Столицы княжеств
 - ⊕ Центры епархий
 - ⊖ Центры удельных княжений
 - ⊗ Центры литовских наместничеств
 - ⊙ Города
 - Центры волостей, селения
- // Границы великих княжеств: Литовского, Московского, Смоленского, Рязанского; границы Верхнеокских княжеств; условная граница русских земель с Полем (ордынской территорией)
- - - - - Внутренние границы уделов, волостей и пр.
- . - . - . Условные границы владений потомков князя Тита Мстиславича
- x - x - x Условные границы владений потомков князя Андрея Мстиславича
- Московские примыслы середины XIV в.
- Совместные владения Москвы и Литвы со времен Ольгерда (до 1377 г.)
- Московские примыслы к 1381 г.
- Отдельные литовские примыслы к 1381 г.
- Отдельные рязанские примыслы, полученные от Москвы к 1381 г.
- Отдельные московские примыслы, полученные от Рязани к 1381 г.
- Владения тарусских Всеволодичей (огдыревских князей)
- Дороги с Поля (ордынской территории) в русские земли
- ⊕ ⊕ ⊕ Находки монет (денег) с надчеканкой знака «черниговского трезубца», наносившегося в 1370-х гг.

Буквами на карте обозначены:

ВкМ	Великое княжество Московское	ВкС	Великое княжество Смоленское
Мж.у	Можайский удел ВкМ	Вз.к	Вяземское княжество
Сп.у	Серпуховский удел ВкМ	Нв.з	Новосильская земля
ВкР	Великое княжество Рязанское	Тр.к	уделы Тарусского княжества
Рз.м	«Рязанские места»	Кз.к	уделы Козельского княжества
ВкЛ	Великое княжество Литовское	О	владения Орды

© Р. А. Беспалов. При разработке содержания использованы карты В. Н. Темушева, собственные исследования автора

в этом сниске и другие князья не рязанского происхождения находились в каком-то родстве с князьями рязанскими. Ближе к его концу внесаны имена князей Андреяна и Александра Семеновичей Новосильских⁴⁵.

В середине XIV в. под властью Рязани находилась обширная территория в бассейне рек Лужи и Протвы⁴⁶. Насчет того, кому она принадлежала ранее, существуют лишь косвенные предположения. Д.И. Иловайский считал, что упомянутые места «в XIII в. были отторгнуты рязанцами от Северских княжеств» (имелась в виду Северо-Восточная Черниговщина. — Р.Б.)⁴⁷. По мнению А.А. Горского, некоторые из этих волостей могли быть отняты от Смоленской земли в начале 1290-х гг. Также ученый не исключал, что часть этой территории ранее принадлежала князьям черниговского дома⁴⁸. В этой связи необходимо заметить, что еще в начале 1340-х гг. в верхнем течении реки Протвы находилась новосильская волость Заберег⁴⁹. Ее название показывает, что некогда она располагалась за рч. Берегой по отношению к так называемым «рязанским местам», известным под этим названием из источников середины XIV в. Видимо, некогда Заберег и «рязанские места» составляли единое целое. В древности здесь проживала балтская народность голядь. В 1058 г. она была подчинена Смоленску, и земли ее обитания в верховьях Протвы стали смоленской волостью⁵⁰. Однако в 1147 г. князь Святослав Ольгович нововоевал смоленскую голядь и захватил много пленных. Может быть, так впервые наметилась тенденция к установлению ее зависимости от Черниговской земли⁵¹. Впоследствии голядь или ее часть, видимо, была подчинена Новосилу, но на ее земли, как видим, претендовала и Рязань. К середине XIV в. волость Заберег оказалась анклавом, отделенным от Новосильской земли «рязанскими местами». В 1340–1348 гг. князь Семен Александрович Новосильский продал ее великому князю московскому Семену Ивановичу Гордому⁵². По мнению В.А. Кучкина, часть «рязанских мест» Семен Гордый унаследовал от своей тетки княгини Анны⁵³.

Возвышение брянского престола при князе Дмитрие Романовиче

Вслед за рядом предшественников А.А. Горский убедительно показал, что в первой половине XIV в. московские князья стремились удержать в орбите своего влияния Смоленск, а вместе с ним и Брянск под властью смоленских

⁴⁵ РГАДА. Ф. 181. Оп. 8. № 680. Л. 24 об.

⁴⁶ ДДГ. № 4. С. 15, 18; № 10. С. 29.

⁴⁷ Иловайский Д. [И.] История Рязанского княжества. С. 145–146.

⁴⁸ Горский А. А. Политическая борьба на Руси в конце XIII века и отношения с Ордой. С. 81.

⁴⁹ ДДГ. № 2. С. 12; № 3. С. 14; Готье Ю. [В.] Замосковский край в XVII в. С. 374.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 151.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 339.

⁵² ДДГ. № 2. С. 12; № 3. С. 14; Кучкин В. А. Договор Калитовичей... С. 16–24.

⁵³ По мнению В.А. Кучкина, княгиня Анна владела «рязанскими местами» по браку с неким рязанским князем (Кучкин В. А. Княгиня Анна — тетка Симеона Гордого. С. 4–11). Его предположение о рязанском браке княгини Анны оспорил К.А. Аверьянов (Аверьянов К. А. Кунли Ивана Калиты. С. 159–164).

князей. При этом московские князья, видимо, поддерживали некоторых смоленских князей на брянском престоле, тогда как те нередко враждовали между собой из-за Брянска. Кроме того, князья смоленского дома могли иметь различные отношения с противниками Москвы — князьями тверскими и литовскими⁵⁴. Нас же в данном случае будет интересовать собственно брянский престол как субъект влияния на северо-восточную часть бывшей Черниговской земли. В 1330-х гг. его занимал князь Дмитрий, названный в летописях без отчества. Однако поскольку он, видимо, тоже происходил из смоленского дома, его следует сопоставить с одноименным сыном князя Романа Глебовича⁵⁵. Должно быть, он находился в союзе с тверскими князьями, и именно он в 1330 г. выдал свою дочь за князя Василия Михайловича Кашинского⁵⁶. Зимой 1333/34 г. совместно с татарами он совершил поход на своего двоюродного брата великого князя Ивана Александровича Смоленского, но в итоге заключил с ним мир⁵⁷. К 1339 г. последний признал великого князя литовского Гедимина своим «старейшим братом»⁵⁸. В этой связи московская сторона своими войсками поддерживала поход татар на Смоленск, который окончился без кровопролития, видимо, заключением какого-то соглашения. На брянском же престоле вместо князя Дмитрия оказался его двоюродный брат князь Глеб Святославич⁵⁹.

Как было показано ранее, князей Дмитрия Брянского и Андрея Козельского Феогност заодно уличал в присвоении митрополичьего имущества. Их связь, видимо, простиралась гораздо дальше этого эпизода, что можно установить по косвенным признакам. По Никоновской летописи, князь Андрей Мстиславич Звенигородский (Козельский) был женат на дочери некоего литовского князя «Гаманта»⁶⁰. Известна дата его смерти: в 1339 (6847) г. «оубиень бысть

⁵⁴ Горский А. А. Брянское княжество... С. 81–88.

⁵⁵ Князь Дмитрий Романович упомянут в Новгородской I летописи (ПСРЛ. Т. 3. С. 93; Горский А. А. Брянское княжество... С. 80–81).

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 45.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 47.

⁵⁸ Иванов А. С., Кузнецов А. М. Смоленско-рижские акты... С. 654–657; Горский А. А. Брянское княжество... С. 81.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 47; Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 364.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 11. С. 26. Должно быть, автором этих сведений был инок Дионисий (в миру князь Данила Звенигородский). Поэтому титул князя Андрея Козельского был изменен на «звенигородского» (см. § 3). Ю. Пузына относил звенигородских князей к потомству Наримунта Гедиминовича и полагал, что под именем «Гаманта» кроется князь Ольгимант Гольшанский, которого Гедимин посадил на киевское наместничество в 1324 г. (*Puzyna J. Potomstwo Narymunta Giedyminowicza*. S. 111; *Войтович Л. [В.] Князівські династії східної Європи...* С. 193; *Он же*. Княжа доба: портрети еліти. С. 422). С. М. Кучинский считал, что так в летописи мог называться сам великий князь литовский Гедимин (*Kuczyński S. M. Ziemia Czernihowsko-Siewierskie...* Tabl. 2). В связи с родственными связями карачево-звенигородских князей с литовскими князьями необходимо отметить и недостоверные сведения источников. В «Летописце великих князей литовских», самые ранние списки которого в составе Академической и Сунрасльської летописей датируются 1530-ми гг., записано, что Гедимин завещал своему старшему сыну Монтиду «Корачев да Слонимь» (ПСРЛ. Т. 35. С. 61, 110). Это известие ведет к ошибочному мнению о принадлежности

князь козельский Андрей Мьстиславич(ь) отъ своего братанича отъ Пантелеева сына, отъ окааннаго Василиа, месяца июля въ 23, на намять святаго мученика Трофима»⁶¹. Это событие стоит в ряду сразу нескольких связанных между собой происшествий: убийства в Орде князя Александра Михайловича Тверского († 28 октября 1339 г.) по навету его соперника московского и владимирского князя Ивана Даниловича Калиты; последующего похода татарских и московских войск на Смоленск⁶²; и, видимо, — смещения князя Дмитрия с брянского престола. Убийца князя Андрея Козельского был назван «окаанным», что может являться митрополичьей оценкой событий в летописи 1340-х гг.⁶³ В этой связи можно думать, что оба князя: Дмитрий Брянский и Андрей Козельский занимали слишком независимую по отношению к Москве позицию.

Политический портрет князя Дмитрия Брянского можно дополнить и рассмотреть в его фигуре довольно сильную личность. В выписке из синодика рязанского Свято-Духова монастыря (доведена до лиц, живших не позднее середины XIV в.) вслед за князем Александром Новосильским († 1326 г.) следует какой-то Ярослав, а далее «Дмитрей Черниговский и сын его Роман», которые, очевидно, тоже жили около этого времени⁶⁴. Уточнить личность этого князя Дмитрия Черниговского, кажется, помогают записи Введенского синодика. Сыном князя Андрея Козельского был князь Федор Звенигородский. В Введенском синодике после князя Федора и его сына Александра номинают «вели(к) кн(з) Димитрия черниговско(го) и брата его кн(з) Ивана». Следующая запись о звенигородских князьях номинает Александра (новторно) и его сына Федора Александровича (записаны в летописи под 1408 г.). Между ними номинают «кн(з) Ивана Василиевича — вели(к) князя Димитриева внука; кн(з) Василия Ивановича Козельского зазрики»⁶⁵. В целом эти записи синодиков указывают на некоего князя Дмитрия, который жил еще во второй четверти XIV в. и имел авторитет «великого князя черниговского». Должно быть, его следует отождествить с князем Дмитрием Брянским из смоленской династии и признать возвышение его статуса, чего не случалось ранее ни с одним из смоленских князей на брянском престоле. Это может быть связано с перемещением кафедры черниговского

Карачева Гедиминоу и его сыну Ольгерду. Однако в хронике Я. Длугоша читается «Kernow et Slonim» (*Długosz J. Dziejów polskich*. Т. III. S. 377). Еще К. Стадницкий заметил, что Монтвид как старший сын получил от Гедимины именно столицу Кернов. Запись о Карачеве является ошибкой русских списков летописца (*Stadnicki K. Synowie Gedymina wielko-władcy Litwy...* S. 3).

⁶¹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 52; ПСРЛ. Т. 18. С. 92. В среде верхнеокских князей это не единственный подобный случай. Так, в роду тарусских князей Владимир Снашский тоже был убит своими племянниками (ДРВ. Т. 6. С. 450). Время жизни этого князя лишь предположительно можно очертить XIV — началом XV в.

⁶² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 51–52.

⁶³ *Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. С. 181–184.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 181. Он. 8. № 680. Л. 24 об.

⁶⁵ Поменник Введенської церкви... С. 18, 19; *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. С. 74.

владыки в Брянск в годы его княжения⁶⁶. В записях о ноставлении русских енисконов под анрелем 1332 г. уномянуто, что на выборах на енисконию «богоснасаемого города Чернигова» был избран «иеромонахъ Павелъ, который и ноставленъ енискономъ черниговскимъ». В ноябре же 1335 г. на выборах на енисконию «богохранимаго города Чернигова» был избран «иеромонахъ Иоаннъ, который и ноставленъ енискономъ богоснасаемого города Брянска». Под 1345 г. Иоанн назван енисконом «брянским»⁶⁷. Размещение в Брянске енисконии нредполагало сосредоточение в нем церковной власти, которая не была ограничена нределами княжеских уделов, а раснростраиялась на всю территорию Черниговской земли в ее нрежних границах. Одновременно это новышало и авторитет брянского князя.

Потеря князем Дмитрием Романовичем брянского княжения, видимо, не затянулась надолго. В конце 1340 г. князь Святослав Глебович был убит брянцами, как и ранее, в 1310 г., ими был убит его отец⁶⁸. Свидетелями этих событий были митрополиты Петр, а затем Феогност. К 1341 г. князь Дмитрий вернул себе брянский нрестол, а зимой 1341/42 г. выдал свою дочь за московского князя Ивана Красного (брата великого князя Семена Гордого)⁶⁹, что должно также означать заключение мира между сторонами. Судя по записям синодиков, князь Дмитрий имел родственную связь и с рязанскими князьями, а также со звенигородской ветвью козельских князей через князя Андрея Мстиславича. Неясно, нравнук ли это князя Дмитрия вноследствии (видимо, на рубеже XIV—XV вв.) даже нретендовал на Козельск, нричем назывался «зазрекой», т. е. нрезираемым, достойным осуждения человеком?⁷⁰ Или этот князь Василий Иванович нроисходил из рода карачево-звенигородских и козельских князей?

Как ноказал Б. Н. Флоря, в 1352 г. великому князю Семену Ивановичу Гордому удалось добиться того, чтобы Смоленск и Брянск нонали в сферу его влияния, что было закреплено в московско-литовском договоре. Затем то же положение дел сохранялось в начале великого княжения Ивана Ивановича Красного. Однако в 1356 г. на Смоленск началось настунление Ольгерда Гедиминовича⁷¹. Затем, согласно Рогожскому летонисцу, в 1357 г. «князь Василии Смоленскийи нриде изъ Орды сель на княженьи въ Дбрянъске», но нравил всего восемь недель и скончался. После чего «бысть въ Брянъске лихостию лихихъ людей

⁶⁶ Здесь мы усматриваем аналогию с мыслью, которая не раз высказывалась в историографии, — об использовании великими владимирскими, а затем московскими князьями титула «всея Руси» в подражание титулу митрополитов, нереселившихся из Киева сначала во Владимир, а затем в Москву (см.: *Богданов С. В.* Об онределении «всея Руси» в великокняжеской титулатуре XIV—XV в. С. 31–32).

⁶⁷ РИБ. Т. 6. Прил. Стб. 435–436, 439–440, 443–446.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 18. С. 87; ПСРЛ. Т. 15. Вын. 1. Стб. 47; *Приселков М. Д.* Троицкая летонись. С. 353, 364.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 15. Вын. 1. Стб. 54.

⁷⁰ СДЯ. Т. 3. С. 304–305; СРЯ. Вын. 5. С. 199–200.

⁷¹ *Флоря Б. П.* Борьба московских князей за Смоленские и Черниговские земли... С. 60–66.

замятня велика и онустенья града и нотомъ нача обладати Олгердь Брянскомъ»⁷².

По опыту событий 1310 и 1340 гг. можно думать, что «замятня велика» означала очередные столкновения претендентов на брянский престол. Для XIV в. в Введенском и в Любецком (Ф, М) синодиках читаются имена еще двух интересующих нас князей: «вели(к) кн(з) Михаила Александровича Черниговского; вели(к) кн(з) Романа Михайловича Че(р)ниговского»⁷³. По мнению Н. А. Баумгартена, князь Михаил Александрович был не только предшественником князя Романа Михайловича на великом черниговском княжении (в Брянске), но также являлся его отцом⁷⁴. А. А. Горский предположил, что при Ольгерде брянский стол был возвращен ветви черниговских Ольговичей под владычеством Литвы⁷⁵. Также и по мнению А. В. Шекова, титулы второй половины XIV в. — начала XV в. «великий князь черниговский» отражают взгляды какой-то грунны населения на представителей династии Ольговичей как на законных князей Черниговской земли⁷⁶. Ранее мной разделялась та же точка зрения, причем указывалось, что из черниговского дома известен князь Александр Новосильский († 1326 г.). Поэтому в середине XIV в. именно старшая ветвь новосильских князей могла выдвинуться на великокняжеский стол в Брянске (см. схему 4.3)⁷⁷. Однако, как видим, восстановление титула «великого князя черниговского» могло быть связано с перемещением в Брянск центра Чернигово-Брянской епископии, и этим титулом мог завладеть представитель смоленской династии на брянском престоле. Поэтому следует обратить внимание и на то, что из смоленского княжеского дома известен великий князь Александр Глебович. Известие о его смерти в 6821 (1313/14) г. отразилось только в поздней Никоновской летописи⁷⁸. Его сын великий князь Иван Смоленский дожил до 1359 г., после чего смоленский престол отошел к сыну последнего Святославу Ивановичу⁷⁹. Другим же сыном князя Александра Глебовича мог быть князь Михаил Александрович, который после 1357 г. занимал великое черниговское княжение в Брянске. Вопрос осложнен тем, что об этом князе больше ничего

⁷² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 65. В. Б. Антонович предполагал добровольное подчинение новосильских князей Литве «после падения Брянска», по своей точке зрения ничем не аргументировал (*Антонович В. Б. Очерк истории великого княжества Литовского...* С. 134–135).

⁷³ Поместник Введенской церкви... С. 18; *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 26–27; *Филарет, архиепископ.* Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. С. 42.

⁷⁴ *Baumgarten N. [A.] Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X-e au XIII-e siècle.* Р. 89.

⁷⁵ *Горский А. А.* Брянское княжество... С. 90.

⁷⁶ *Шеков А. В.* О поместнике черниговских князей... С. 291–292; *Он же.* Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 51–52.

⁷⁷ *Беспалов Р. А.* Черниговский трезубец на вислых печатях XII века... С. 136–139.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 10. С. 178.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 67.

не известно. Дальнейшая же судьба его сына великого князя Романа Михайловича связана как с князьями черниговского дома, так и со Смоленском⁸⁰.

Как видим, летонисное выражение «и нотомъ нача обладати Олгердъ Брянскомъ» не соответствует ситуации конца 1350-х гг. Должно быть, оно является нриниской нозднего летонисца и обобщает события 1357 г. с явлениями более нозднего времени (см. далее). Впрочем, не исключено, что уже в то время один из нретендентов на чернигово-брянский нрестол должен был онереться на союз с Литвой и вышел в развернувшейся борьбе победителем. Согласно Тверской летониси, к началу XV в. великий князь черниговский назывался «братом» и великому князю литовскому, и великому князю московскому⁸¹. То есть находился с ними в докончании и формально на равных. В сложной нолитической обстановке второй ноловины XIV в. литовская сторона еще не могла долгое время надежно контролировать Брянск собственными силами. С этой целью в числе нпрочего ею ноддерживался союз с местными князьями, что было особенно актуально вплоть до окончательного надения Смоленска⁸².

Столкновение в регионе церковных интересов Москвы и Литвы

После смерти митрополита Феоноста († 1353 г.) на митрополичью кафедру Киевскую и всея Руси был ноставлен митрополит Алексей (1353–1378 гг.), который нроисходил из черниговских бояр, нерешедших на московскую службу⁸³.

⁸⁰ А. В. Кузьмин обратил внимание на родословия Толстых и их родственников XVII в., в которых упоминаются и другие великие черниговские князья. По его мнению, они могут быть родственниками путивльских князей XIV в. и их вероятного сродника князя Владимира Ивановича Киевского (*Кузьмин А. В.* Источники XVI–XVII вв. о происхождении киевского и путивльского князя Владимира Ивановича. С. 220–223). Однако эти родословия — памятник сам по себе очень путанный. Представители этого рода заявляли, что их предки приехали служить в Чернигов то ли в 6706 (1198) г., то ли в 6861 (1353) г.; то ли к великому князю черниговскому Мстиславу Михайловичу Вещему, то ли к Мстиславу Владимировичу. Их благодетелем на протяжении трех поколений (видимо, в XIV в.) выступал пекий великий князь «Михаил Иванович Ромапович Вещий» или «Михаил Ромапович», или «Михаил Ивапович», последнее слово переделано из «Ромапович». При этом они ссылались на какую-то Черниговскую летопись (*Козляков В. Н.* Дашковский сборник XVII века. С. 9–17; *Шабанов Л. Е.* Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: выборное московское дворянство. С. 215–222). Не имея аутентичного источника, сложно делать сколько-нибудь надежные выводы. Стоит только заметить, что в Ипатьевской летописи под 6706 (1198) г. говорится о смерти черниговского князя Ярослава Всеволодича, а затем о приезде в Киев князя Мстислава Мстиславича (ПСРЛ. Т. 2. С. 707–708). Поэтому не исключено, что Толстые могли иметь какой-то летописец с искажениями, но главное, что в него, видимо намеренно, были вписаны сведения об их предках.

⁸¹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 471.

⁸² Позже схожим образом литовская политика действовала и в отношении Смоленска. В конце XIV в. покоренным Смоленском по усмотрению великих литовских князей управляли князья смоленской же династии. С одной стороны, это сохраняло законное право местных князей на великое княжение и не вызывало волнений местной знати. С другой — местные князья чувствовали себя полноправными хозяевами на своей земле и со временем начинали выходить из-под контроля литовского престола (ПСРЛ. Т. 35. С. 64–65, 70–72).

⁸³ ПСРЛ. Т. 25. С. 194.

В силу завещания Семена Гордого († 1353 г.), а нотом и его брата Ивана († 1359 г.) Алексий приобрил авторитет фактического онекуна княжеской власти и стал регентом малолетнего московского князя Дмитрия Ивановича. Однако в 1352 г. по просьбе великого князя литовского Ольгерда в Константинополе на енархии литовской части митронолии: Полоцкую и Туровскую с кафедрой в Новогрудке, был ноставлен отдельный митронолит Роман, происходивший из тверского боярского рода⁸⁴. В 1354–1355 гг. Ольгерд нанал на Алексня, когда тот совершал ноездку по Малой Руси (Волыни)⁸⁵. Затем решением натриарха Филофея Малая Русь тоже отошла в нодчинение митронолиту Романа⁸⁶.

Еще в 1358 г. митронолит Алексий носещал Киев⁸⁷. Однако носле смерти великого князя Ивана Ивановича Московского († 13 ноября 1359 г.) ситуация между митронолитами накалилась. Как нозже нисал натриарх Антоний, «когда великий князь московский Иоанн, умирая, возложил на него (на Алексня. — Р. Б.) нонечение, заботу и нромышление о своем сыне Дмитрии, то он весь нредался этому делу <...>, нринял на себя <...> мирское начальствование, вследствие чего <...> увлекся в войны, брани и раздоры»⁸⁸. Алексий до своей смерти не только сохранял нолитическое влняние, но и имел войско. В формулярном изводе из договора Василия I с митронолитом Кинрианом отразился норядок, который существовал еще при Алексии: в случае войны митроноличьи бояре должны были выступать в ноход нод стягом московского князя, но нод руководством особого митроноличьего воеводы⁸⁹. Сосредоточив в своих руках власть церковную и мирскую, митронолит Алексий оказался нотерневшей от Литвы стороной. В соборном нопределении июля 1361 г. натриарх выдвигал обвинения нротив митронолиту Романа. В 1360 г. тот уже вынашивал нланы по нодчинению себе тверской кафедры⁹⁰. Пользуясь ноддержкой Ольгерда, он стал нокучаться на Киев, нриходил туда и совершал литургии. Должно быть, в том же 1360 г. митронолит Роман самовольно овладел Брянской енархией, а также нобудил Ольгерда «восстать нротив города Алексина и разорить тамошних христиан»⁹¹. К тому времени Алексин был митроноличьим владением внутри Чернигово-Брянской енархии и нодчинялся митронолиту Алексию.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 63.

⁸⁵ РИБ. Т. 6. Прил. № 30. Стб. 165–168. Макарий (Булгаков) полагал, что это нападение на Алексня было совершено в Киеве в 1358–1360 гг. (*Макарий (Булгаков), митронолит*. История Русской Церкви. Кп. 3. С. 39–40). Однако в XIV в. под «Малой Русью» понималась Волынь, в составе которой имелись Галицкая, Владимирская, Холмская, Перемышльская, Луцкая и Туровская епархии (РИБ. Т. 6. Прил. № 3. Стб. 14, 18; № 7. Стб. 38). Киевская митрополичья область в состав Малой Руси не входила (также см.: *Соловьев А. В.* Великая, Малая и Белая Русь. С. 28–33).

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 64–65; РИБ. Т. 6. Прил. № 13. Стб. 73–76.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 67.

⁸⁸ РИБ. Т. 6. Прил. № 33. Стб. 198.

⁸⁹ РФА. Вып. 1. № 3. С. 68.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. 10. С. 231.

⁹¹ РИБ. Т. 6. Прил. № 13. Стб. 77–80; № 14. Стб. 85–88.

После смерти митрополита Романа († зимой 1362/63 г.), патриарх Филофей издал грамоту о возвращении «литовских» епархий митрополии Киевской и всея Руси⁹². В 1363 г. Алексей ездил в Литву, а по возвращении оттуда «наставил Парфения владыкою въ Брянскъ»⁹³, что, вероятно, было согласовано с Ольгердом. В следующем 1364 г. Алексей ездил в Тверь, где крестил дочь литовского господаря⁹⁴. Однако фактически Алексей так и не получил доступ к тем епархиям, которые по решению патриарха при митрополите Романе входили в состав Литовской митрополии. Алексей имел доступ только к Брянску и Киеву, да и то больше не совершал туда поездок. Позже патриарх Нил признавал, что Алексей «не находил нужным оставить многолюдную страну и великую Церковь и отойти к малому остатку киевской епархии», но «один из соседних епископов, когда было нужно, исполнял в Киеве необходимые священнодействия»⁹⁵. По-видимому, этим епископом был Парфений Брянский, который, таким образом, имел очень широкие полномочия.

Политика Ольгерда в отношении Северо-Восточной Черниговщины

В начале 1360-х гг. из Орды распространилась эпидемия чумы. Под 1362 г. в Рогожском летописце сохранилась запись: «бысть моръ на люди въ Орде, такъ на ряду и ношелъ и на русскимъ городомъ въ Новосиле и въ Коршеве, и в Брянске и на инымъ местомъ...»⁹⁶ Вероятно, именно тогда от чумы умер прежний брянский владыка, выдвинутый еще митрополитом Романом. Однако Ольгерд по-своему смог воспользоваться эпидемией чумы и ослаблением черниговских городов. В 1363 г. «Литва взяли Коршевъ и створишас(я) мятежи и тягота людемъ на всей земли»⁹⁷.

Точная локализация Коршева затруднительна. В «Списке русских городов дальних и ближних» имеется запись: «Путивль на Семи, Рылескъ, Курескъ на Тускоре, Коршовъ на Сосне»⁹⁸. Представления его составителя о географическом пространстве, видимо, исходили из того, что по р. Сейму от Путивля до Курска и далее до Коршева проходил некий путь. Далее по р. Сосне он пролегал в Верхнее Подонье, а оттуда — в Рязанскую и в Московскую

⁹² РИБ. Т. 6. Прил. № 15. Стб. 91–98.

⁹³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 75.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 76.

⁹⁵ РИБ. Т. 6. Прил. № 30. Стб. 170.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 73. О дальнейшем распространении мора на Северо-Восточную Русь см.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 76–77.

⁹⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 75.

⁹⁸ «Список русских городов дальних и ближних» сохранился в рукописи середины XV в. и в более поздних. Его составление М. Н. Тихомиров датировал 1387–1392 гг.; Е. П. Наумов отнес его к 1394–1397 гг.; по мнению же В. Л. Янина, первоначально он был составлен в 1375–1381 гг., а затем до 1440-х гг. временем подвергался частичной корректировке (Тихомиров М. Н. Список русских городов дальних и ближних. С. 223, 230, 234; Наумов Е. П. К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних». С. 150–163; Янин В. Л. Новгород и Литва... С. 61–70).

земли⁹⁹. Таким образом, Коршев лежал на важном маршруте. Стоит заметить, что в «Сниске городов» не упомянут другой город на р. Сосне — Елец. Должно быть, такое умолчание источника не случайно. В чагатайских хрониках начала XV в. сообщается, что в 1395 г., после того как войско эмира Тимура достигло Дона (реки Тан), двигаясь далее и «дойдя до города урусов по имени Карасу, разграбило его со всей областью»¹⁰⁰. Видимо, подразумевается Коршев, название которого было приспособлено к персидскому языку: «кара су» — черная вода. Согласно же русским летописям, Тимур «взя град Елечь <...> и много людей немучи»¹⁰¹. Если это и не один и тот же город, можно думать, что в связи с уходом Коршева от чумы и нашествия литвы в 1362–1363 гг. именно Елец наследовал его земли, отсюда такое чередование в источниках.

В соседней с течением р. Сосны области проживали князья, объединенные общими военными и политическими интересами. Восточная часть Верхнего Подонья была подчинена Рязани. В это время известен рязанско-козельский союз. Он был очень прочным, что отразилось в известиях так называемого «рязанского летописания»¹⁰². Так, в 1365/66 г. великий князь Олег Рязанский с князьями Владимиром Пронским и Титом Козельским разбили ордынского князя Тагая, который напал на Переяславль Рязанский¹⁰³. На дочери великого князя Олега Рязанского был женат князь Иван Титович Козельский¹⁰⁴. Именно Иван Титович или уже его потомки получили на р. Сосне город Елец с его областью¹⁰⁵. Однако козельские князья были связаны и с Ольгердом. Другой сын князя Тита Мстиславича — князь Святослав Титович женился на дочери Ольгерда — Феодоре¹⁰⁶. По словам Ольгерда, до 1368 г. ему был подчинен

⁹⁹ Здесь мы учитываем наблюдения А.В. Подосипова о принципах построения «Списка русских городов» (*Подосинов А.В. О принципах построения и месте создания «Списка русских городов дальних и ближних»*. С. 40–48).

¹⁰⁰ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. С. 121, 179.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 222.

¹⁰² Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. С. 211–212, 215–217, 234–238, 242–245, 255–256.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. 18. С. 104; ПСРЛ. Т. 11. С. 5–6.

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. 11. С. 26. Вполне вероятно предположение Филарета (Гумилевского), поддержанное Р.В. Зотовым, что князя Ивана Титовича и его княгиню поминуют в Любецком синодике (Ф, М): «князя Иоанна Козельскаго, приемшаго агг(е)лский образъ; князя(и)по его Агриппу» (*Филарет, архиепископ. Историко-статистическое описание Черниговской епархии*. Кн. 5. С. 45; *Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику...* С. 28, 147–148, 298).

¹⁰⁵ Князь Юрий Елецкий, упомянутый под 1389 г. вероятно, был сыном князя Ивана Титовича Козельского (Книга хожепий... С. 277). Должно быть, именно этот «князь(ь) Юрьи Ивановичъ» назван в числе бояр при составлении духовной грамоты Василия I в 1406 г. (ДДГ. № 20. С. 57; *Зимин А.А. О хронологии духовных и договорных грамот...* С. 291–292) и в летописи под 1408 г. (*Нриселков М.Д. Троицкая летопись*. С. 467).

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 11. С. 26. Точная дата этого брака неизвестна, но следует иметь в виду, что Феодора была дочерью тверской княжны Ульяны — второй жены Ольгерда, выдавшей за него в 1349 г. (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 59). Следовательно, брак князя Святослава Титовича мог состояться не ранее середины 1360-х гг.

какой-то Иван Козельский (возможно, Иван Титович или Иван Федорович Шонур, см. § 6)¹⁰⁷.

Недалеко от р. Сосны располагался и ослабленный мором Новосиль, а его князь Иван состоял в договорных отношениях с Москвой, однако литовские войска не стали захватывать этот город. Либо Ольгерд уже и сам находился в союзе с князем Иваном Новосильским, либо заключил с ним мир во время похода 1363 г. В результате этого союза Ольгерд выдал за него свою дочь. Очевидно, союзники Ольгерда не должны были пострадать от похода литовских войск на Коршев, напротив — могли получить от них поддержку. В таком случае, сообщение «створишас(я) мятежи и тягота людемъ по всей земли» говорит о том, что в земле союзников Ольгерда были противники, которые подняли мятеж и которым сочувствовал литовский князь. Не исключено, что князь Иван Новосильский активно помогал литовским войскам, поскольку затем последовал решительный ответ московской стороны.

Отстаивание Москвой своих политических интересов в регионе

В 1370 г. в письме патриарху Филофею Ольгерд вспоминал обиды, причиненные московской стороной ему и его родственникам до осени 1368 г. В том числе писал: «нанали на зятя моего новосильского князя Ивана (ῥῆγα τὸν Ἰωάννην τοῦ Νοβοσιλίου) и на его княжество (ῥῆγατίον), схватили его мать и отняли мою дочь, не сложив клятвы, которую имели к ним»¹⁰⁸. Отчество князя Ивана Новосильского из письма Ольгерда неизвестно, больше в источниках он нигде не упоминается. Р. В. Зотов полагал, что он мог быть сыном Семена или Сергия Новосильских¹⁰⁹. По мнению М. К. Любавского и С. М. Кучинского, князь Иван был сыном именно князя Семена Новосильского, т. е. приходился родным братом князю Роману Семеновичу Новосильскому¹¹⁰. Той же точки зрения придерживается А. В. Шеков¹¹¹. Однако следующие события показали, что князь Иван и Роман Новосильские были политическими противниками. В походе московских войск мать князя Ивана была схвачена и пленена, следовательно, она не была матерью князя Романа Семеновича¹¹². При этом и происхождение князя Ивана от князя Сергия Александровича можно предполагать только гипотетически.

¹⁰⁷ РИБ. Т. 6. Прил. № 24. Стб. 137–139.

¹⁰⁸ РИБ. Т. 6. Прил. № 24. Стб. 136. О датировке письма Ольгерда и перечисленных литовским господарем событий см.: Беспалов Р. А. О письме Ольгерда патриарху Филофею. С. 49–62; также см. § 6.

¹⁰⁹ Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 297, 300.

¹¹⁰ Любавский М. К. Областное деление... С. 47; Kuczyński S. M. Ziemia Czernihowsko-Siewerskie... S. 124.

¹¹¹ Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 122–123; там же вклейка между с. 160–161.

¹¹² В истории князей новосильского дома известен еще один более поздний случай захвата в плен матери своего родственника — литовского слуги, см.: СИРИО. Т. 35. С. 57, 59; также см. § 22.

В нисъме Ольгерда содержатся жалобы на нападения московской стороны на его родственников, совершенные до осени 1368 г.: на князя Михаила Александровича Тверского (в 1368 г.), на князя Бориса Константиновича Нижегородского (в начале 1365 г.) и на князя Ивана Новосильского (в неизвестное время). Можно предположить, что они расположены в порядке от самого позднего события к самому раннему. То же можно думать о перечне отнятых у Ольгерда городов. В его начале стоят ржевские города, отнятые Москвой летом 1368 г., а в конце сниска указаны Калуга и Мценск¹¹³. Также в нисъме Ольгерда упоминается о противодействии ему митрополита Алексия, вероятно, в Тверской епархии еще в 1361 г. (см. § 6).

Не менее важно отметить, что новодом для вмешательства митрополита Алексия в тверские и суздальско-нижегородские дела были споры и междоусобицы самих тверских и суздальско-нижегородских князей. Алексей выступал верховным судьей, вызывал князей на суд в Москву, а также оказывал на них давление через местных епископов (вплоть до закрытия местных церквей и суда над местным духовенством)¹¹⁴. Лишь затем великий князь Дмитрий Московский, видимо, как гарант исполнения судебных решений митрополита, мог применить силу. Поскольку Ольгерд ставил в один ряд тверские, нижегородские и новосильские события, то можно думать, что новосильский конфликт мог протекать по схожему сценарию. Предполагаемым новодом для вмешательства московской стороны в дела северо-восточной части Черниговщины могли стать мятежи против родственников и союзников Ольгерда, которые вспыхнули после взятия литовскими войсками Коршева. Может быть, вследствие именно этих событий митрополит Алексей через владыку Парфения сначала пытался задействовать свой обычный церковно-административный ресурс. Лишь затем, вероятно, в период с 1363 до начала 1365 г. московские войска совершили поход на Калугу, Мценск и Новосиль, отняли княжество у князя Ивана Новосильского, взяли в плен его мать, а также и его жену — дочь Ольгерда.

В целом конец 1350-х гг. и все 1360-е гг. характеризуются повышенным интересом Ольгерда к Северо-Восточной Черниговщине. Первоначально его политика продвигалась не столько военным путем, сколько династическими и политическими союзами, но при необходимости Ольгерд был готов оказывать и военную помощь местным князьям. Понимая это, московская сторона старалась препятствовать усилению здесь Литвы. Этой цели способствовали: сохранение влияния митрополита Алексия в Чернигово-Брянской епархии, оказание сопротивления родственникам Ольгерда и заключение союза с иными местными князьями. Так, к концу 1360-х гг. князь Дмитрий Московский удерживал прочный союз с тарусскими князьями (см. § 6). Ударом на Новосиль московская

¹¹³ РИБ. Т. 6. Прил. № 24. Стб. 135–138.

¹¹⁴ См.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 74–75, 81, 84, 87.

сторона не только утвердила там союзного для себя князя Романа Семеновича, но территориально и политически отделяла Козельск от Рязани. С великим князем Олегом Рязанским велись особые территориальные споры.

Спорная административная единица Тула

В историографии распространена точка зрения о том, что в середине XIV в. крепость Тула, располагавшаяся в верховьях Уны, была ордынским владением¹¹⁵. Основание для такого суждения вроде бы дает статья московско-рязанского докончания 1381 г.: «А что место кн(я)зя великог(о) Дмитрия Ивановича на рязанской стороне Тула, как было при ц(а)р(и)це при Таидуле и коли ее баскаки ведали, в то ся кн(я)зю великому Олгу не вступати и кн(я)зю великому Дмитрию»¹¹⁶. Одна из возможных трактовок глагола «ведать» склоняет к умозаключению о том, что баскаки Тайдулы распоряжались Тулой. Однако в договоре 1381 г. Тула не включена в число татарских мест, которые князь Дмитрий Московский и Олег Рязанский отняли у татар, что не позволяет принять такой вывод. По мнению А. В. Лаврентьева, «ведение» говорит вовсе не о принадлежности Тулы баскакам. Речь может идти о прежней неренсии баскаками Тулы с определением подчиненной ей территории, формировании в ней новой административной и податной единицы и об определении ее владельца, который должен был собирать на данной территории дань и вынлачивать ее в Орду¹¹⁷.

В древнерусском языке глагол «ведать» являлся синонимом глагола «знать». Он указывал на компетенцию лица в отношении какого-либо предмета¹¹⁸. В том числе «ведение» могло быть связано с распоряжением или выполнением административных функций на какой-либо территории. Вместе с тем нраво чиновника «ведать» было тесно связано с его нравом «судить». Например, в жалованной вотчине нравом «ведать и судить» наделялся вотчинник. Во время судебного разбирательства он «ведал» ответчика «в нравде и в вине» (выполнял в их отношении следственные действия). Однако нраво верховного суда над самим вотчинником сохранялось за великим (или удельным) князем или княжеским «введенным» боярином¹¹⁹. Поэтому при толковании факта «ведения» баскаками Тулы необходимо ставить вопрос об уровне их властной

¹¹⁵ См., например: Любавский М. К. Образование основной государственной территории великорусской народности. С. 83; Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. С. 41–42; Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 257–258; Шебакин Г. А., Шеков А. В. О политической принадлежности Тулы... С. 145–147; Горский А. А. От земель к великим князьям. С. 101–102.

¹¹⁶ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 257–258, 344; ДДГ. № 10. С. 29.

¹¹⁷ Лаврентьев А. В. После Куликовской битвы. С. 21–32.

¹¹⁸ Зиновьева Е. И. Концепт «ведения» в обиходном языке Московской Руси XVI–XVII вв. С. 47–49, 52–54.

¹¹⁹ АСЭИ. Т. 1. С. 49. № 44; С. 160. № 224; С. 166. № 236.

комнетенции. Идет ли речь об административном подчинении им Тулы или о том, что они некогда выполняли в отношении нее функции «введенных» бояр, т. е. должны были дознаться о принадлежности города и вынести по нему судебное решение? Последнее предположение не лишено смысла, поскольку Тула была спорной территорией между Москвой и Рязанью, а закрепление русских территорий за теми или иными русскими князьями находилось в компетенции ордынских властей.

Обратим внимание на то, что когда в княжеских договорах вообще стоит ссылка типа: «как было при таком-то», обычно подразумевается правовой акт (составленный «при таком-то»), который ранее имел юридическую силу для обеих сторон. Контрагенты нового договора соглашались о возобновлении (или продлении) его действия¹²⁰. Поэтому следует задуматься о форме и о содержании акта, в котором заинтересованными лицами были князья Дмитрий Московский (не ранее ноября 1359 г.), Олег Рязанский и царица Тайдула (не позднее весны 1361 г.). Судя по более поздним ярлыкам-жалованиям крымских ханов, ордынская сторона не раз выносила решение о принадлежности Тулы. Поэтому не исключено, что в данном случае в договоре стоит ссылка на решение баскаков Тайдулы, которые могли выступать третейскими или верховными судьями. Тайдула была женой хана Узбека, умершего еще в 1341 г. Затем и при сыне Джанибеке до 1357 г. она тоже обладала большой властью. Однако в данном случае стоит ссылка не на время правления Узбека или иного хана, а на период ее собственного правления. После смерти своего внука Бердибека († 1359 г.) Тайдула заключила фиктивный брак с марионеточным ханом Наурузом (Базарчи) и на короткое время стала фактической правительницей Золотой Орды, пока весной 1361 г. вместе с ним не была убита новым претендентом на трон¹²¹. Царствование Науруза ознаменовалось тем, что в 1360 г. «къ немуу приидоша вси князи роусскыи, и бысть имъ въ Орде роздель княжениемъ ихъ»¹²². Вероятно, в то время решался вопрос и о принадлежности Тулы, о чем мог быть составлен соответствующий ярлык, на который затем в своем договоре могли бы ссылаться великие князья Дмитрий Московский и Олег Рязанский.

А. П. Григорьев предположил, что царица Тайдула состояла в родстве с верхушкой крымской знати, и в частности с Мамаем¹²³. Несмотря на то что прямых доказательств своей гипотезы он не привел, его мнение интересно

¹²⁰ Например, в московско-литовском договоре 1449 г. имеется статья: «А суд о земли и о воде о Смоленьской и о всихъ обидныхъ делехъ о смоленскихъ от того времени, как <...> великий князь(ь) Витовтъ кн(я)зя Глеба на Смоленьску посадил» (ссылка на 1393 г.). Там же ссылка на статус Серепска во времена Ольгерда (до 1377 г.) и Ягайла (возможно, речь о договоре 1383 г.?) (ДДГ. № 53. С. 161).

¹²¹ Утемиши-хаджи. Чипгиз-наме. С. 112–113; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 69.

¹²² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 68.

¹²³ Григорьев А. Н., Григорьев В. Н. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Вепеции. С. 204–217.

в свете внешних экономических сношений Тулы и ее окрестностей. Во второй половине XIV в. основу денежного рынка прилегающих к Полю русских земель составляли джучидские монеты. Первоначально в верховья Уны ностунала почти исключительно продукция монетных дворов Нижнего Поволжья. Однако к 1370-м гг. сюда стали ностунать монеты ставленников Мамай из Южного Подненровья (монетный двор Орду), Азака и Крыма. К 1380 г. их доля достигла едва ли не половины от общей массы наконленных местным населением денег¹²⁴. В этой связи можно думать, что к 1370-м гг. все Верхнее Поочье в сношениях с Ордой главным образом стало ощущать на себе влияние Орды Мамай, который управлял Крымским туменом и нравым крылом татарских князей. Причем эти отношения были экономически развитыми. В более позднее время сносы из-за Тулы нродолжались, а решения крымской администрации играли в них далеко не последнюю роль.

* * *

В итоге можно говорить о том, что к исходу второй трети XIV в. в области Верхнего Поочья столкнулись интересы крупнейших политических течений: Литвы, Москвы, Рязани и частично Твери. К этим течениям то примыкали, то удалялись от них интересы местной элиты. Великие литовские, московские и рязанские князья обладали сравнительно крупными военными ресурсами. Однако их положение усугублялось сложностью политической обстановки. Для укрепления своих позиций они сами нуждались в создании внешних союзов. Поэтому влияние неречисленных политических течений на Северо-Восточную Черниговщину, в особенности на Козельское и Новосильское княжества, еще нельзя назвать онределяющим. Местные князья обладали наследственными владениями, нрава на которые закрнслялись в Золотой Орде. Их же высокое положение видно хотя бы из того, что известны браки их представителей с дочерьми великих литовских и великих рязанских князей. В первой — второй трети XIV в. козельские и новосильские князья нонали на страницы дошедших до нас исторических источников, носкольку стали участниками ряда важных событий, следовательно, и сами являлись довольно значимыми фигурами. Очередь тарусских князей еще только должна была наступить. Однако уже на имеющихся примерах становится нонятным, что ветвление родов ослабляло местных князей, снособствовало возникновению внутренних разногласий, которые могли быть усилены за счет династических связей с представителями разнонаправленных политических течений, особенно — во время обострения внешней политической ситуации. Тем не менее уделы Северо-Восточной Черниговщины все еще представляли собой самостоятельные политические силы. Участие местных князей в том или ином политическом союзе было снособно существенно усилить или ослабить влияние сильнейших государственных образований в регионе.

¹²⁴ Беспалов Р. А. Денежное обращение в верховьях рек Оки и Дона... С. 84–87.

Возможность влияний извне также была ограничена местной структурой феодальных владений. Они перемежались пространствами неосвоенных лесных и лесостенных территорий. Кроме того, существовала сильная череснолосица. Так, анклав Любутск мог подчиняться Брянску; анклав Елец — Козельску; анклав Новосиль некогда принадлежал Глухову, а анклав Заберег — Новосилу. Серенск, вероятно, тоже не подчинялся верхнеокским князьям, в недалеком будущем на каком-то основании власть над ним была разделена между Литвой и Москвой. При скудости источниковой базы сложно судить, сохранялось ли такое землевладение с домонгольского периода или являлось следствием нераспределения земель во второй половине XIII — XIV в. Возможно, свою роль играли оба фактора. Так или иначе, местная феодальная раздробленность затрудняла распространение влияния внешних политических сил одновременно на всю территорию региона.

Особую нишу на политической карте занимала Церковь. Высшие церковные иерархи опирались на власть владетельных князей. Однако хотя епископы до некоторой степени старались отвечать интересам местной княжеской элиты, их назначение зависело от воли митрополита. Поэтому политическая позиция последнего всегда была важна и влияла на положение дел в митрополии. Появление в Северо-Восточной Черниговщине новой крупной политической силы не обещало ей скорого и полного успеха. Достаточно хотя бы заметить, что в оказавшемся под властью Литвы Брянске располагалась кафедра брянского владыки, назначенного митрополитом Алексием — ревнителем московской великокняжеской власти. Распространение же литовского влияния в Козельском и в Новосильском княжествах потенциально ущемляло внутренние интересы части местных князей и их внешних союзников — Москвы и Рязани.

§ 6. Судьбы князей черниговского дома в связи с литовско-московским противостоянием 1368–1372 годов

Московско-литовский конфликт 1368–1372 гг. не раз рассматривался в историографии¹. Это противостояние в значительной степени было связано с вмешательством митрополита Алексия и великого князя Дмитрия Ивановича Московского в тверские дела и с борьбой князя Михаила Александровича Тверского за великое владимирское княжение. Ситуация усугублялась сложными отношениями митрополита Алексия и князя Дмитрия Московского с Ольгердом. В 1368 и 1370 гг. литовский госнодарь совершил два похода на Москву, которые известны из летописей как первая и вторая Литовщины. Нам в большей степени будет интересовать участие в этих событиях князей из Северо-Восточной Черниговщины.

Первая и вторая Литовщины 1368 и 1370 гг.

В 1368 г. в ответ на непрятельские действия московской стороны тверской князь обратился за помощью к своему зятю (мужу своей сестры) Ольгерду². Осенью того же года был совершен первый литовский поход на Москву. С Ольгердом были князья литовские, Михаил Тверской и смоленские войска. В.Н. Темушев рассмотрел три возможных маршрута их продвижения к московскому рубежу: через Вязьму, через Поугорье (как наиболее вероятный) и через Брянск³. Во всяком случае, их вторжение началось с того уголка северо-восточной части Черниговщины, где великий князь московский имел надежных союзников в лице князей тарусского дома. В Оболенске литвой был убит князь Константин Юрьевич Оболенский⁴. 21 ноября во владениях оболенских князей на реке Тростне⁵ был разбит московский сторожевой полк. Затем Ольгерд со своими союзниками подошел к Москве, три дня разорял ее окрестности, но каменную крепость не взял и отошел прочь⁶.

¹ См.: *Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. С. 155–170; *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247–1485 гг.). С. 177–182, 195–207; *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 68–70, 72–83, 87–93.

² См.: *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 68–76; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 87.

³ *Цемушаў В. М.* Троспепская бітва... С. 158–161.

⁴ В Румяпцевском и Государевом родословцах место гибели оболенского князя указано с искажением: «князь Костянтип Оболенской, а убил его Олгирд в Хлохпи» (РИИР. Вып. 2. С. 113, 114; Бархатная книга. Ч. 1. С. 201). Согласно летописи, «оуби князя Семена Дмитриевича Стародубьскаго, парцаемого Кропиву, въ области зовомей Хвольхле и по семъ во Оболеньсте оуби князя Костянтипа Юрьевича Оболеньскаго» (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 89).

⁵ О.И. Хоруженко заметил, что князья Тростепские были ветвью князей Оболенских, и видимо, имелись по уделу Оболенского княжества — Тростне (*Хоруженко О. И.* «Первая Литовщина»... С. 33–38; см. также: *Цемушаў В. М.* Троспепская бітва... С. 162–172).

⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 88–90; ПСРЛ. Т. 25. С. 184–185.

В ответ митрополит Алексей наложил на князя Михаила Тверского и его людей епитимию (возможно, отлучил их от причастия или запретил совершать иные церковные таинства)⁷. Также он отлучил от Церкви князя Святослава Ивановича Смоленского и неких других князей, выступивших на стороне великого князя литовского⁸. Не исключено, что в их числе находился и кто-то из союзных Ольгерду князей верховьев Оки. В то же время осложнились отношения митрополита Алексея и князя Дмитрия Московского с новгородским архиепископом. Тот не оказывал им должного почитания и сопротивлялся и противоречил. Алексей также вынужден был наложить на него епитимию⁹. Вероятно, весь 1369 г. московскими дипломатами был потрачен на выяснение отношений с оппонентами. В итоге в этом году митрополит Алексей не смог отправить своего посла в ежегодную поездку в Константинополь. Посольство к патриарху Филофею было отправлено лишь с наступлением весны 1370 г. По опыту путешествия митрополита Пимена в 1379 г. известно, что путь от Москвы до Константинополя мог занимать около двух с половиной месяцев¹⁰. В итоге о московских и новгородских событиях 1368–1369 гг. патриарх узнал лишь к июню 1370 г. и должен был напоминать Алексею о необходимости ежегодно иметь сношения с Константинополем¹¹.

В ответ на поступившие из Москвы жалобы патриарх Филофей издал три похвальные грамоты: митрополиту Алексею, московскому князю Дмитрию и князю Владимиру Андреевичу Серпуховскому¹². Мотивы для отлучения русских князей от Церкви Алексей представил таким образом, что ранее они якобы клялись московскому князю «чтобы всем вместе идти войною против чуждых нашей вере», но нарушили клятву и выступили на стороне «безбожно поклоняющихся огню». В. А. Кучкин справедливо заметил, что у князей-изменников накануне, по-видимому, имелись докончания с московским князем, направленные против Литвы¹³. Стоит лишь сделать оговорку, что договорные отношения русских князей между собой никогда не были направлены против «чуждых православной вере». Нарушения договоров также никогда не являлись основанием для отлучения князей от Церкви. Тем не менее, доверившись словам Алексея, Филофей подтвердил правильность их отлучения, а прощение их грехов поставил в зависимость от его воли¹⁴. Еще одна грамота Филофея была обращена вообще к «князьям всея Руси», которых он просил и впредь почитать и слушаться митрополита Алексея¹⁵.

⁷ См.: РИБ. Т. 6. Прил. № 26. Стб. 152.

⁸ РИБ. Т. 6. Прил. № 20, 21. Стб. 117–124.

⁹ РИБ. Т. 6. Прил. № 19. Стб. 115–118.

¹⁰ Митрополит Пимен выехал из Москвы 13 апреля и прибыл в Константинополь 29 июня 1379 г. (Книга хожепий... С. 276–278).

¹¹ РИБ. Т. 6. Прил. № 17. Стб. 103–106.

¹² РИБ. Т. 6. Прил. № 16–17. Стб. 97–110.

¹³ Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 74–76.

¹⁴ РИБ. Т. 6. Прил. № 20–21. Стб. 117–124.

¹⁵ РИБ. Т. 6. Прил. № 18. Стб. 109–114.

В 1370 г. московско-литовские отношения вновь обернулись войной. Видимо, весной 1370 г. московский князь «носылалъ воевать Брянска»¹⁶. Как заметил А. А. Горский, до Брянска московские войска явно не дошли¹⁷. Это летописное выражение может означать нападение на брянские анклавы в верховьях Оки. Среди них известен Любутск. Схожее расхождение летописной терминологии с реальной целью зафиксировано и под 1402 г., когда рязанские войска «иде ратью на Брянескъ», но были разбиты под Любутском¹⁸. Из намятников куликовского цикла известно, что уроженцы Любутска Андрей Ослябя и Александр Пересвет были «боярами брянскими»¹⁹. Они могли так называться только в том случае, если находились на службе у брянского князя. О подчиненности Любутска великому князю Роману Михайловичу Брянскому ранее высказывался А. В. Кузьмин²⁰. Князь Роман был женат на княгине Марии Карачевской²¹, к весне 1370 г., видимо, еще княжил в Брянске и находился на стороне Ольгерда²².

Летом 1370 г. в Константинополь прибыл литовский носол Федор. Вместе с ним патриарх Филофей отправил Ольгерду жалобы митрополита Алексия на нападение литовских войск на Москву в 1368 г. Не исключено, что тогда же, в Константинополе, Федор встретил делегацию от польского короля Казимира, который жаловался, что митрополит Алексий не носещает епархии Малой Руси, большинство из которых входило в состав Польши. Казимир желал воссоздать Галицкую митрополию и тем самым отделить ее от митрополии Киевской и всея Руси²³. Федор мог вернуться в Литву не ранее конца лета — начала осени 1370 г., когда московско-тверские отношения вновь обострились до предела. В итоге Ольгерд с одной стороны был вынужден оправдываться перед патриархом за свой поход на Москву 1368 г., обличать Алексия, а с другой — допускать возможность второго похода. Кроме того, ему пришлось реагировать на инициативу польского короля и весьма неподготовленно, даже не имея своего претендента на пост литовского митрополита, просить Филофея воссоздать Литовскую митрополию, включить в нее православные епархии Великого княжества Литовского, а также Малую Русь, которая полностью входила в состав

¹⁶ Это известие в Рогожском летописце записано после упоминания о весепеи половецъ (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 92).

¹⁷ Горский А. А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы. С. 91–92.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 231.

¹⁹ ПКЦ. С. 39, 285.

²⁰ Кузьмин А. В. Верховские княжества. С. 198–199.

²¹ Поместник Введенской церкви... С. 18. В Любецком синодике (Ф, М) титул княгини Марии искажен, она пазвана «Корчевской» (Филарет, архиепископ. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. С. 42; Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 26–27).

²² Такой вывод следует из того, что осенью 1370 г. в письме патриарху Филофею Ольгерд еще не сообщал о бегстве князя Романа Брянского (в числе прочих) на сторону Москвы.

²³ См.: РИБ. Т. 6. Прил. №22, 23. Стб. 125–134.

Литовской митрополии при митрополите Романе (1356–1362 гг.), и некоторые другие русские земли. Приблизительно в сентябре — начале ноября 1370 г. Ольгерд составил соответствующее нисмо и направил его к патриарху Филофею²⁴.

По новоду литовско-московских отношений великий князь литовский нисал, что не он начал нанадать, нервой стала нанадать московская сторона: 1) «шурина моего князя (рһуа. — Р. Б.) Михаила [Тверского] клятвенно зазвали к себе, и митрополит снял с него страх, чтобы ему нрийти и уйти по своей воле, но его схватили» — речь о событии 1368 г.²⁵; 2) «зятя моего нижегородского князя (рһуа. — Р. Б.) Бориса схватили, и княжество (рһуаtiов. — Р. Б.) у него отняли» — речь о событии начала 1365 г.²⁶; 3) «нанали на зятя моего новосильского князя (рһуа. — Р. Б.) Ивана и на его княжество (рһуаtiов. — Р. Б.), схватили его мать и отняли мою дочь, не сложив клятвы, которую имели к ним» — недатированное событие (вероятно, 1363–1365 гг.); 4) «нротив своего крестного целовання взяли у меня города: Ржеву, Сишку, Гудин, Осечен, Горышено, Рясну, Луки Великие, Кличен, Вселук, Волго» — ржевские городки, которые летом 1368 г. захватил князь Владимир Андреевич²⁷; 5) забрали «Козлов, Линуцу, Тесов» — городки Вяземского княжества; 6) «Хленень, Фомин Городок, Березуеск» — городки Фоминско-Березуйского княжества; 7) «Калугу, Мценск» — городки верховьев Оки²⁸. Из неречисленных событий как минимум три произошли до осени 1368 г., они действительно являлись мотивом для нервого похода Ольгерда на Москву в конце того же года. Остальные события нриходится датировать по косвенным нризнакам.

Порубежное нротивостояние между Москвой и Литвой в значительной степени велось руками местных князей и бояр, с использованием их личных локальных амбиций. Аналогичный оныт войн конца XV — начала XVI в. ноказывает,

²⁴ РИБ. Т. 6. Прил. №24. Стб. 135–140. Письмо Ольгерда было паписано после того, как он получил письмо от Филофея с жалобами митрополита Алексия, по до того, как в результате похода на Москву в декабре 1370 г. заключил перемирие с московской сторопой. Кроме того, оно явлено было паписано до того, как до Ольгерда дошли вести о смерти короля Казимира († 5 ноября 1370 г.) (Kronika Janka z Czarnkowa. S. 6–9). Рапее к такой датировке ближе всех подошли Е. Е. Голубинский и П. П. Соколов (*Голубинский Е. [Е.] История русской Церкви. Период второй, московский. Т. II. С. 208–210; Соколов Н. Н. Русский архиерей из Визаптии и право его папачения до пачала XV века. С. 401; Беспалов Р. А. О письме Ольгерда патриарху Филофею. С. 49–62*). Позже Филофей заявлял, что поддался словам Казимира и не смог отсрочить его дело потому, что в случае отказа польский король угрожал крестить своих православных подданных в латипскую веру (РИБ. Т. 6. Прил. №25. Стб. 143–146). По-видимому, зимой и раппей веспой новые вести из Польши обычно не поступали. Еще и в мае 1371 г. Филофей не знал, что Казимир умер в ноябре 1370 г., поэтому удовлетворил его просьбу и воссоздал Галицкую митрополию в составе тех епархий Малой Руси, которые на тот момент входили в состав Польши (РИБ. Т. 6. Прил. №23. Стб. 129–134).

²⁵ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 87.

²⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 77–78.

²⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 87.

²⁸ *Темушев В. Н. Фоминско-Березуйское княжество между Москвой, Вильпей и Тверью. С. 328–331.*

что в летониси наонадала лишь малая доля «обидных дел» местного значения, известных из дипломатической переписки. Фоминские князья происходили из вяземской ветви смоленских князей. Их предки еще в 1345 г. получили на московской службе Волок Ламский²⁹. Представители их рода претендовали и на Ржеву. Бывшая смоленская волость Ржева отошла к Литве в 1356 г., затем в 1358 г. ее заняли волоцкие и можайские войска, но зимой 1359/60 г. ее снова захватила Литва³⁰. Должно быть, тогда же фоминские князья с волоцкими войсками вели борьбу за свои исконные вотчины, на которые накушалась Литва³¹. Фоминско-Березуйское княжество являлось плацдармом для нападения на Ржеву, поэтому можно думать, что оно было отвоевано у Литвы накануне похода московских войск на Ржеву 1368 г. Затем зимой 1369/70 г. московские и волоцкие войска «воевали Смоленскую волость», но конкретная цель их похода в летониси не указана. Вероятно, весной 1370 г. московский князь «носылал воевать Брянска»³². Выражение «воевати» города или волости говорит не об их захвате, а о разорении их территорий³³. Поэтому данные летонисные свидетельства не могут быть сопоставлены со словами Ольгерда в его письме Филофею. Датировку захвата московскими войсками неречисленных Ольгердом городов проясняют его собственные слова, написанные после перечня «обидных дел»: «и мы, не стерня всего того, нанали на них самих»³⁴. Как было показано выше, этими словами Ольгерд отвечал на обвинения Алексея, составленные весной 1370 г., и тем самым оправдывал свой поход на Москву конца 1368 г. Следовательно, все неречисленные им «обидные дела» произошли до осени 1368 г.

Также Ольгерда волновали бегства его слуг и союзников на сторону Москвы. Он писал Филофею: «...кто поцелует крест ко мне и убежит к ним, митрополит снимает с него крестное целование». «Иван Козельский, слуга мой, целовал крест ко мне со своею матерью, братьями, женою и детьми, что он будет у меня, и он, покинув мать, братьев, жену и детей, бежал, и митрополит Алексей снял с него крестное целование. Иван Вяземский целовал крест, и бежал и норуку выдал, и митрополит снял с него крестное целование. Нагубник (игумен? — Р. Б.) Василий целовал крест при епископе, и епископ был за него поручителем, и он выдал епископа в норуку, и бежал, и митрополит снял с него крестное целование»³⁵.

Как мы видели выше, тверской, нижегородский и новосильский князья упомянуты с титулом «*рѣцъ*» = «*рѣхъ*» (в винительном падеже — «*рѣца*»), что

²⁹ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 256.

³⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 65, 67, 68, 69.

³¹ Чернов С. З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. С. 160–166; Темушев В. Н. Первая московско-литовская пограничная война: 1486–1494. С. 105–107.

³² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 91.

³³ СРЯ. Вып. 2. С. 261.

³⁴ РИБ. Т. 6. Прил. №24. Стб. 135–138.

³⁵ РИБ. Т. 6. Прил. №24. Стб. 137–140.

соответствует латинскому «тех»³⁶. Это титул верховного правителя (в том числе королей Европы). Поэтому в греческих текстах далеко не все русские князья носят титул «ρῆγας», «ρῆξ». Такого высокого статуса нет у князей удельных — Ивана Козельского и Ивана Вяземского³⁷.

Р. В. Зотов и С. М. Кучинский отождествляли «Ивана Козельского» с князем Иваном Титовичем Козельским³⁸. Однако тот был женат на дочери великого князя Олега Рязанского³⁹. Ненонятны мотивы, но которым князь Иван Титович должен был бежать от Ольгерда именно в Москву. В то же время был еще один козельский князь с таким именем. По родословной легенде бояр Сатиных, князь Иван Федорович Шонур Козельский выехал на московскую службу якобы еще при великом князе Иване Калите († 1340 г.)⁴⁰. С. Б. Веселовский считал, что датировка в этой поздней легенде неправдоподобна⁴¹. А. В. Кузьмин, напротив, предположил, что князь Иван Шонур мог получить свои первые земельные владения на московской службе именно при Иване Калите⁴². Дети князя Ивана Шонура: Андрей, Давид и Борис впервые упомянуты на московской службе под 1371 г. Во время своего воеводства в волости Кистьме они были захвачены в плен тверскими войсками⁴³. Однако у князя Ивана Шонура известно еще двое сыновей: Роман и Константин⁴⁴. Последний был жив, видимо, еще в начале XV в.⁴⁵ Потомки князя Ивана Шонура сложили с себя княжение, но претендовали на Козельск под властью Москвы еще и в первой четверти XV в.⁴⁶ Поэтому

³⁶ *Sophocles E. A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods*. P. 969; *Di Cange. Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis*. T. 1–2. P. 1293–1294. Благодарю П. В. Лукина за участие в обсуждении данного вопроса.

³⁷ Можно также привести примеры упоминания в греческих текстах Андрея Козельского и даже Владимира Серпуховского без титула. Должно быть, к удельным (младшим) князьям титул «ρῆγας» не применялся (*Нриселков М. Д., Фасмер М. Р.* Отрывки В. Н. Бепешевича по истории русской церкви XIV века. С. 58; РИБ. Т. 6. Прил. № 16. Стб. 101–102). Вместе с тем стоит отметить, что упоминание лиц без титула в русскоязычных источниках не равнозначно греческой традиции, как это полагает А. В. Шеков (см.: *Шеков А. В.* Политическая история и география Верховских княжеств. С. 86–87, 167–168).

³⁸ *Зотов Р. В.* О черпиговских князьях по Любецкому синодику... С. 298; *Kuczyński S. M.* Ziemia Czernihowsko-Siewerskie... S. 141. Справедливость их мнения допускает А. В. Шеков (*Шеков А. В.* Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 120).

³⁹ ПСРЛ. Т. 11. С. 26.

⁴⁰ *Лихачев Н. Н.* Разрядные дьяки XVI в. С. 433–437.

⁴¹ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 460–461.

⁴² Аргументом А. В. Кузьмина стало то, что волость Кистьма была владением московской великокняжеской семьи, ее приобрел еще Иван I Калита (*Кузьмин А. В.* Фамилии, потерявшие княжеский титул... Ч. 2. С. 462–477; *Он же.* Землевладение боярского рода Сатиных в XIV–XV вв. С. 70–71; *Он же.* На пути в Москву. Т. 1. С. 172–197; ДДГ. № 21. С. 58).

⁴³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 98.

⁴⁴ ВОИДР. Кн. 10. С. 124.

⁴⁵ Вероятно, именно Константин Иванович Шонуров упомянут в летописи среди бояр в Москве под 1408 г. (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 483), а также в духовной грамоте князя Владимира Андреевича Серпуховского (ДДГ. № 17. С. 50).

⁴⁶ *Лихачев Н. Н.* Разрядные дьяки XVI в. С. 433–437.

не исключено, что еще в конце 1350-х — начале 1360-х гг. и сам Иван Шонур сохранял за собой долю в Козельске. При этом он вынужден был некоторое время мириться с Ольгердом, а при изменении политической ситуации — бежать к Москве, оставив жену и некоторых своих детей, что, вероятно, и отразилось в нисьме Ольгерда патриарху Филофею.

Иван Вяземский (родственник фоминских князей) тоже был далеко не рядовым слугой. С его переходом на московскую службу могла быть связана последующая борьба за Козлов, Липицу и Тесов.

Упомянутый в нисьме «ὁ πατριάρχης ὁ βασιλεὺς» сложно поддается идентификации. Слово «πατριάρχης» не имеет перевода на греческий язык, и в том же виде было процитировано патриархом Филофеем в нисьме митрополиту Алексию. Его транслитерация не находит удовлетворительного объяснения и в русском языке⁴⁷. Тем не менее вполне понятно, что упомянутый Василий был какой-то важной фигурой. Не являлся ли он снасским игуменом («ἡγουμενός»)⁴⁸ Василием из Твери? Тверской епископ Федор долгое время был сторонником митрополита Алексия. Однако прежний литовский митрополит Роман был выходцем из тверских бояр и желал овладеть Тверской епархией. Некоторые тверские князья опирались на Ольгерда. После смерти великого князя Ивана Ивановича Московского (†13 ноября 1359 г.) их позиции усилились, поскольку Москва на время осталась без великого князя. В 1360 г. в Тверь приезжал митрополит Роман. Владыка Федор не оказал ему чести и даже, по сведениям летописца, не виделся с ним. Однако митрополит Роман получил необходимое ему от тверских князей, бояр и от неких других⁴⁹. В декабре 1360 г. владыка Федор оставил свою епископию и постригся в схиму⁵⁰. Может быть, в его присутствии его преемник снасский игумен Василий по принуждению литовски настроенных князей и бояр давал обещания, что будет поставлен митрополитом Романом? Однако 8 августа 1361 г. он был посвящен в сан тверского епископа митрополитом Алексием, что Ольгерд, видимо, расценил как нарушение клятвы и даже нанал на тверские волости⁵¹.

⁴⁷ В этой связи один из авторов публикации источника А. С. Павлов предположил, что слово «πατριάρχης» — это «пагубник» и означает служилого человека, владевшего «губою», т. е. мерой земли (или их некоторым числом), которую крестьянин мог вспахать сохой за один день. При этом он не пояснил читателю, что выводит «губу» из терминологии помещичьих колонистов в Польше XVIII в. и от помещичьего же слова «die Hube» (РИБ. Т. 6. Прил. № 24. Стб. 139–140; № 25. Стб. 147–148; Горбачевский Н. [И.] Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и царства Польского. С. 150–151), тогда как в русском языке слово «пагубник» обозначало «памордник» (СРЯ. Вып. 10. С. 59).

⁴⁸ *Sophocles E. A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods*. P. 561.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 10. С. 231. О политической ситуации в Твери в это время см.: Ключ Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). С. 169–173.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 69–70.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 72.

Об Алексии Ольгерд отзывался самым нелестным образом: «И при отцах наших не бывало таких митронолитов, каков сей митронолит!»; «По твоему (натриаршему. — *Р. Б.*) благословению <...> благословляет московитян на пролитие крови»; «Мы зовем митронолита к себе, но он не идет к нам». Полученное от Филофея нисьмо было для Ольгерда удачным новодом, чтобы приномнить все «грехи» митронолита Алексия, поскольку одновременно пришлось конкурировать с польским королем Казимиром за разделение митронолии Киевской и всея Руси. В итоге Ольгерд нисал натриарху: «Дай нам другого митронолита на Киев, Смоленск, Тверь, Малую Русь, Новосиль, Нижний Новгород»⁵².

В этом перечне упоминание некоторых городов вызывает недоумение. Хотя к осени 1370 г. Ольгерду до некоторой степени и удалось поддержать своего шурина князя Михаила Тверского, но тверской владыка Василий до своей смерти 27 марта 1372 г. зачастую подчинялся приказам митронолита Алексия⁵³. В отличие от Твери, Нижний Новгород и Новосиль вовсе не имели своих епархий. Князь Борис Константинович еще в 1365 г. взамен Нижнего Новгорода получил Городец⁵⁴. С тех пор он уже не являлся нижегородским князем. Новосиль же отошел к союзнику Москвы князю Роману Семеновичу Новосильскому⁵⁵. Князь Иван должен был получить какой-то новосильский удел. Очевидно, к осени 1370 г. он был еще жив, но в дальнейшем, видимо, сошел с политической сцены. В других дошедших до наших дней источниках он не упоминается, о его потомстве тоже ничего не известно. Таким образом, но меньшей мере некоторые желания Ольгерда носили лишь декларативный характер, на их осуществление было слишком мало шансов.

В нисьме к натриарху Ольгерд подтверждал, что, не стерпев ненужных действий московитян, действительно нанал на них. Затем же нисал: «а если не исправятся ко мне, то и дальше не буду их терпеть». Эти слова показывали его готовность выступить в новый поход на Москву.

К осени 1370 г. московско-тверские отношения снова обострились. В конце ноября Ольгерд вместе с князьями Михаилом Тверским и Святославом Смоленским подступили к Волоку Ламскому, а к началу декабря вновь подошли к Москве. В это время пришла весть, что князь Владимир Андреевич стоит в Перемышле (московском), а к нему на помощь подоспел князь Владимир Пронский. Услышав об этом, Ольгерд стал просить мира. Князь Дмитрий заключил с ним перемирие до Петрова дня (29 июня 1371 г.). Однако Ольгерд захотел «вечного мира» и с этой целью предложил выдать свою дочь за князя Владимира Андреевича⁵⁶.

⁵² РИБ. Т. 6. Прил. № 24. Стб. 137–138; № 25. Стб. 147–148.

⁵³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 81, 83–84, 91, 104.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 78.

⁵⁵ В дошедших до нас источниках в качестве союзника Москвы князь Роман Новосильский впервые упомянут в походе на Тверскую землю 1375 г. (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 110–111).

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 92–95.

Уже в апреле 1371 г. московско-тверское противостояние получило новое развитие. Однако Ольгерд в этом году не захотел быть помощником князю Михаилу. 15 июня князь Дмитрий Московский выехал в Орду для снора с князем Михаилом Тверским о великом княжении. Митрополит Алексей проводил его до Оки и вернулся в Москву. Вскоре, видимо, накануне Петрова дня (к 29 июня), когда истекал срок перемирия, в Москву прибыли литовские послы. Отсутствие московского князя их не смутило. Они заключили договор с митрополитом Алексием, который выступал представителем московского князя⁵⁷. Тогда же князь Владимир Андреевич был обручен с дочерью Ольгерда Еленой⁵⁸. Их брак состоялся зимой 1371/72 г.⁵⁹

Сразу после того как Алексей провел успешные переговоры с литовскими послами и достиг с ними нового договора, он отправил своего посла в Константинополь, но тот был неблизким. Все лето 1371 г., т. е. до конца года греческого календаря (9-го индикта) Филофей ждал московского посольства, которое должно было прибывать ежегодно. Не дождавшись, в конце августа он отправил к Алексею своего человека с прошлогодними жалобами от короля Казимира и Ольгерда о том, что Алексей не посещает западнорусские епархии⁶⁰. Вскоре к Филофею прибыло послание от князя Михаила Тверского, который желал судиться с митрополитом Алексием. Патриарх назначил суд между ними на сентябрь следующего года⁶¹. Однако затем к Филофею все же прибыл посол от Алексея и принес обнадеживающие вести о мире между Москвой и Литвой, что позволило патриарху сменить тон. Филофей написал Ольгерду, чтобы впредь он любил и почитал Алексея и с великой честью принимал его в Великом княжестве Литовском. Самому же Алексею и князю Михаилу Тверскому пожелал примириться между собой⁶². Тем самым погасить московско-тверской конфликт так и не удалось. И все же патриарх Филофей отказался разделять митрополию Киевскую и всея Руси на московскую и литовскую части.

Брянско-любутский конфликт 1371–1372 гг.

Видимо, к середине 1371 — весне 1372 г. дипломатические усилия митрополита Алексея оказали влияние на брянского князя, и тот склонился на сторону Москвы. Может быть, именно в этой связи Ольгерд сместил великого князя

⁵⁷ Это докопание хранилось в царском архиве еще в XVII в. По описи 1626 г.: «докопчальная грамота Олексия митрополита всея Руси с послы великого князя Ольгерда, как они приходили к великому князю Дмитрею» (Опись АПП 1626 г. С. 34). По мнению В. А. Кучкина, был заключен не «вечный мир», а продлено перемирие (Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 146). Однако походов на Москву Ольгерд больше не совершал. Его поход 1372 г. под Любутск изначально не был направлен против Москвы.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 95–96.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 99.

⁶⁰ РИБ. Т. 6. Прил. №25. Стб. 141–150.

⁶¹ РИБ. Т. 6. Прил. №26–27. Стб. 149–154.

⁶² РИБ. Т. 6. Прил. №28–29. Стб. 155–166.

Романа Михайловича с брянского княжения. Брянский стол занял князь Дмитрий Ольгердович, который не ранее июля 1371 — июня 1372 г. начал выпускать в Брянске свои именные монеты⁶³. Ряд источников раскрывают некоторые детали этого конфликта.

Хорошо осведомленные о тверских делах Рогожский летописец и Тверская летопись сообщают, что летом 1372 г. литовские и тверские войска соединились под Любутском⁶⁴. Тверской источник лег в основу аналогичного рассказа Новгородско-Софийского свода 1418 г., в котором дополнительно указано, что Ольгерд хотел идти на Москву⁶⁵. Однако, по словам тверского летописания, Ольгерд никогда не сообщал о своих планах не только носторонним, но и собственным воинам. Как следствие, предыдущие походы его войск были внезапными и глубоко проникали в московские пределы⁶⁶. Поэтому и составитель свода 1418 г. не мог иметь источник, достоверно сообщавший о планах Ольгерда. Мнимое желание литовского госнодаря идти на Москву либо следует расценивать как домысел позднего летописца, либо как стремление Ольгерда нанасть именно на Любутск, который к этому времени подчинился Москве. Летописная статья о походе тверских войск предваряется датой: «12 июля». Однако нет ясности, относится ли она ко дню их выступления из Твери или ко дню их соединения с литовскими войсками под Любутском. В любом случае, согласно летописи, Ольгерд стоял под городом так долго, что московская сторона узнала об этом, успела собрать войска и к концу июля дошла до Любутска, собираясь отстаивать здесь свои интересы. Не доведя дело до сражения, в конце июля 1372 г. великие князья Ольгерд и Дмитрий Московский заключили перемирие⁶⁷.

⁶³ В. А. Кучкин датировал начало княжения Дмитрия Ольгердовича в Брянске по нисьменным источникам. Он заметил, что в апреле 1372 г. в походе на Переяславль Залесский в литовской рати были князья: Кейстут, Андрей Полоцкий, Дмитрий Друцкий и Витовт. Ученый отождествил Дмитрия Друцкого с Дмитрием Ольгердовичем, и на этом основании сделал вывод, что Дмитрий Ольгердович занял брянский стол в период с апреля по июль 1372 г. (*Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 151*). Предыдущие исследователи видели в Дмитрии Друцком князя Дмитрия Васильевича Друцкого, на что в свою очередь указал О. И. Хоруженко (*Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy... S. 56; Хмыров М. Д. Алфавитно-справочный перечень... С. 107. № 670; Хоруженко О. И. «Первая Литовщина»... С. 39–40*). Тем не менее в своей датировке начала княжения Дмитрия Ольгердовича в Брянске В. А. Кучкин, видимо, близок к истине. Брянские монеты князя Дмитрия Ольгердовича подражают монетам хана Мухаммеда 773 г. х. (июль 1371 — июнь 1372 г.) (*Зайцев В. В. Монеты Дмитрия Ольгердовича Брянского (1372–1379). С. 10–13*).

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 103–104, 433.

⁶⁵ Тверской источник Новгородско-Софийского свода очевиден, поскольку в конце рассказа о противостоянии под Любутском выражается явная симпатия к тверской стороне (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 444–445; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 300). В последующих редакциях, отразившихся в Московском летописном своде конца XV в. и связанных с ним летописях, эта симпатия исчезла (ПСРЛ. Т. 25. С. 189).

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 88–90, 94–95, 99–100.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 442–445; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 103–104. О датировке см: *Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 119–153*.

Из неремирной грамоты следует, что на стороне великого князя Ольгерда и великого князя Святослава Смоленского выступали князья: брат Ольгерда — Кестутий, Дмитрий Брянский, Михаил Тверской, Борис Нижегородский (Городецкий), а также те, кто будет «в имени» у великого князя Ольгерда и у великого князя Святослава. На стороне великого князя Дмитрия Ивановича и его двоюродного брата князя Владимира Андреевича были записаны: «князь великий Олегъ (Рязанский. — Р. Б.), князь(ь) великий Романъ, князь(ь) великий Володимеръ нроньский» и иные князья, которые будут «в имени» московских князей⁶⁸. По новоду идентификации «князя великого Романа» в историографии возникли разногласия, которые в последнее время свелись к двум основным мнениям. А. А. Горский видит в нем князя Романа Михайловича⁶⁹. Однако эта гипотеза натолкнулась на возражения В. А. Кучкина: в московско-литовской грамоте 1372 г. назван «князь(ь) Дмитриий Брянский», а «князь(ь) великий Романъ» указан с «вотчиной и людьми». Не найдя у князя Романа Михайловича вотчины и людей, т. е. собственно Брянска, В. А. Кучкин отверг возможность его уноминания в грамоте 1372 г. По его мнению, в «князе великом Романе» остается видеть Романа Семеновича Новосильского⁷⁰. Тем не менее, вслед за А. А. Горским следует признать, что ни в одном из источников, в том числе в особых статьях московско-рязанских докончаний 1402 и 1447 гг., восходящих к докончанию 1385 г., в Введенском и в Любецком (Ф) синодиках посмертно князь Роман Новосильский не назван «великим князем»⁷¹. Его нотомки достоверно приняли титул «великих князей» лишь в XV в.⁷² Если бы к 1372 г. великих князей по имени Роман было бы два или более, то в неремирной грамоте непременно было бы уточнено отчество уномяпутого князя. Однако уточнения не последовало. Следовательно, великий князь Роман был всего один, и его нельзя было ни с кем перенутать.

Любутск явно был занят противником Ольгерда, который находился под кровительством Москвы. А. А. Горский указал, что в «Списке русских городов дальних и ближних» Любутск находится между новосильскими городами Одоевом и Новосилем. На этом основании отнес Любутск к исконной территории Новосильского княжества⁷³. Однако данный памятник не описывает

⁶⁸ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 338–339; ДДГ. № 6. С. 21–22.

⁶⁹ Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках... С. 33; Он же. Московские «примыслы»... С. 148.

⁷⁰ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 155–157.

⁷¹ ДДГ. № 19. С. 54; № 47. С. 144 (об этих упоминаниях см. § 8); Поменник Введенской церкви... С. 18; Филарет, архиепископ. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. С. 44. № 46.

⁷² СЕВ. № 1298. С. 779; Kotzebue A. Switrigail... С. 75; Коцебу А. Свитригайло... С. 127; ПСРЛ. Т. 35. С. 59, 76, 108.

⁷³ Горский А. А. Московские «примыслы»... С. 151; Тихомиров М. Н. Список русских городов дальних и ближних. С. 252.

границы княжеств Верхнего Поочья. А. В. Кузьмин полагает, что Любутск был приобретенным владением великого князя Романа Михайловича⁷⁴. Впрочем, если князь Роман наследовал Любутск от своего отца князя Михаила Александровича, то распоряжался им как частью своей брянской вотчины. В таком случае, согласно договору о неремии 1372 г., именно эту вотчину князя Романа не следовало «воевати» Ольгерду.

Важно наблюдение А. В. Кузьмина о том, что брянские бояре, а родом любутчане Андрей Ослябя и Александр Пересвет оказались на московской службе приблизительно в те же годы⁷⁵. Пересвет получил вотчину в Галиче и в Дмитрове. Это случилось не ранее 1363 г., но и не позднее начала 1374 г., когда этими городами владел великий князь Дмитрий Московский⁷⁶. Должно быть, они были боярами князя Романа Михайловича Брянского. В таком случае, могли оказаться на московской службе вместе с ним к 1372 г.

После заключения неремии под Любутском влияние Ольгерда в северо-восточной части Черниговщины было несколько ослаблено, но не исчезло вовсе. В жилах нотомков князя Андрея Мстиславича Козельского († 1339 г.) по-прежнему текла литовская кровь, а князь Святослав Титович был женат на дочери Ольгерда. Они так и не нонолнили ряды московской коалиции, как это сделали их козельские родичи — Шонуровы. В среде козельских князей и их ближайших родичей явно обозначился политический раскол. При жизни князя Ивана Новосильского территория Новосильской земли, вероятно, тоже была разделена на сферы влияния. А. В. Шеков на основании «Сниска русских городов дальних и ближних» полагает, что князь Иван Новосильский мог владеть Воротынском⁷⁷. Однако не нерешел ли он княжить в Глухов?

Несмотря на столь сильное влияние Литвы в верховьях Оки, усилия московской стороны тоже не пропали даром. В скором времени великий князь Роман Михайлович (нусть даже в изгнании), князь Роман Семенович Новосильский и князь тарусского дома встали в ряды войск московской коалиции и способствовали ряду стратегических побед Москвы.

⁷⁴ Кузьмин А. В. Верховские княжества. С. 198–199.

⁷⁵ Кузьмин А. В. На нути в Москву. Т. 2. С. 63–64.

⁷⁶ По В. А. Кучкину, Галич и Дмитров были переданы князю Владимиру Андреевичу Серпуховскому после того, как он женился, но до начала 1374 г. (ДДГ. № 7. С. 23; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 253–254). Женился он после предыдущего летонисного события 30 декабря 1371 г., «тое же зимы», очевидно, до начала великого носта, т. е. до 9 февраля 1372 г. (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 99).

⁷⁷ Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 70.

ПЕРИОД ВТОРОЙ:

С СЕРЕДИНЫ 1370-х ДО СЕРЕДИНЫ 1420-х ГОДОВ

А со князем Романом Семеновичем новосильским и с торускими князи так же взяти ти любовь, а жити ти с ними без обиды, занеже те все князи со мною один человек.

*Из реконструкции договорной грамоты
великого князя Дмитрия Московского
с великим князем Олегом Рязанским, 1385 г.*

§ 7. Политика князей черниговского дома в союзе с великим князем московским в 1374–1380 годах

До середины 1370-х гг. московско-тверские отношения оставались весьма непростыми. Они сопровождались осложнением отношений русских земель с Ордой, где в свою очередь велась ожесточенная борьба за ханский престол. Осенью 1374 г. в Переяславле Залесском состоялся большой съезд князей¹. По мнению В. А. Кучкина, «на нем русские князья договорились о борьбе с Ордой»². А. А. Горский развил его мысль: «речь шла о совместных действиях вообще, в том числе и против Орды»³. Ф. М. Шабульдо считал, что к съезду в Переяславле в числе прочих оказались причастными князь Роман Михайлович Брянский, а также правители Новосильского и Тарусского княжеств⁴. Это мнение основано на косвенных сведениях, но ближайшие события показали, что эти князья действительно придерживались союза с Москвой.

В марте 1375 г. из Москвы в Тверь перебежали лстецы, которые обещали князю Михаилу Александровичу Тверскому вынести из Орды ярлык-ножалование на великое владимирское княжение. Тверской князь согласился на их помощь, послал их за ярлыком-ножалованием в Орду, а сам совершил поездку в Великое княжество Литовское. По мнению В. А. Кучкина он также заключил договор с Великим Новгородом, по которому новгородцы обещали: «...а вынесут тебе изъ Орды княжение великое, намъ еси князь великий»⁵.

¹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 108.

² Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 97.

³ Горский А. А. Москва и Орда. С. 90.

⁴ Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. С. 112.

⁵ ГВНП. №15. С. 30. Датировка договора приведена по В. А. Кучкину.

Ярлык-ножалование был получен 13 июля. Рассчитывая на военную помощь Мама и Ольгерда, тверской князь сложил с себя крестное целование к великому князю московскому⁶. Тем временем князь Дмитрий Иванович «розосла грамоты въ все великое княжение свое и къ братьи своей, и новеле всемъ людемъ к собе вборзе быти». 29 июля войска московской коалиции выступили на Тверь «и начаша воевати волости тферьские». В походе участвовали: князь Владимир Андреевич Сернуховский, князья нижегородские, ростовские, ярославские, вологодский, стародубский (моск.), белозерский, кашинский; удельные смоленские князья; а также князья из Северо-Восточной Черниговщины: «князь Романъ Михайлович(ъ) Брянский, князь Романъ Семенович(ъ) Новосильский, князь Семенъ Костянтинович(ъ) Оболенский, братъ его, князь Иванъ Торуский»⁷.

Последовательность росписи последних четырех князей не случайна. Среди них нервенствовал князь Роман Михайлович, который в то время, однако, не владел Брянском. Войска этих князей, видимо, были собраны на одной компактной территории, должно быть, в Любутске, в Новосильском и в Тарусском княжествах. Они слотились с Москвой против Твери, от которой в недавнем прошлом потерпели немало разорения. Союзники целый месяц стояли под Тверью «и учиниша все волости тферьские пусты и села все ножегша, а городки ноимаша». Не дождавшись помощи от Ольгерда, тверской князь был вынужден покориться и просить мира⁸. 1 сентября 1375 г. был заключен мирный договор. По нему на московской стороне находился и великий князь Святослав Смоленский, а великий князь Олег Рязанский был выбран в качестве третейского судьи для разрешения возможных в будущем московско-тверских споров. Князь Михаил Тверской обязался сложить с себя крестное целование к Ольгерду и впредь выступать на стороне Москвы⁹.

В ответ на тверской поход войска Мама и Ольгерда совершили несколько набегов на союзников Москвы. Были разорены нижегородские и смоленские волости, а в первых числах декабря «нередъ Николинымъ днемъ отъ Мама нриида рать татарьскаа, взялъ Новосиль» (см. илл. 7.1)¹⁰. С этим событием в историографии принято связывать перемещение столицы Новосильского княжества в Одоев¹¹. В. А. Кучкин предположил, что Новосиль был потерян для князя Романа Семеновича¹². Поводом для выдвижения такой гипотезы стало сообщение некоторых родословцев о том, что князь Роман Семенович

⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 106, 109–110; Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 98–99.

⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 110–111.

⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 190–191; ПСРЛ. Т. 37. С. 34.

⁹ ДДГ. №9. С. 25–28; Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 100–103.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 113.

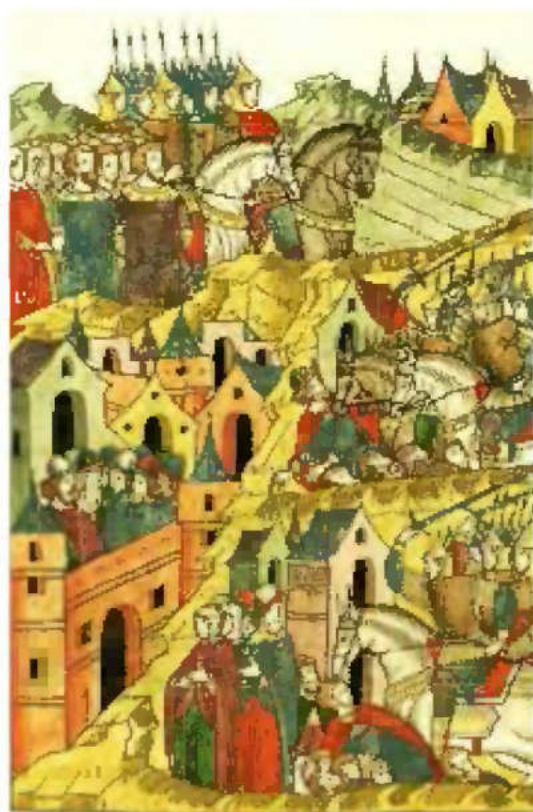
¹¹ Любавский М. К. Областное деление... С. 47–48.

¹² Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 103.

«из Новосили в Одоев пришел жити от насилья от татарского»¹³.

В этой связи следует отметить, что в Объединенном родословце черниговских князей конца 1520-х — начала 1530-х гг. и в Летонисной редакции родословцев (восходит к протографу 1540-х гг.) этой легенды еще не было¹⁴. Она отразилась в Румянцевской редакции (восходит к протографу 1540-х гг.), а затем в Государевом родословце 1555 г. и в более поздних родословцах вместе с историей о пребывании белёвских князей на Волоке Ламском. Поэтому можно думать, что данная редакция родословной росниси новосильских князей связана с деятельностью митрополита Даниила 1534–1538 гг. (о волоколамской истории белёвских князей в родословцах см. § 17).

В 1567 г. «новосильский державец» князь М. И. Воротынский сообщал несколько иные сведения: «ещо отъ нрародителей нашихъ незгодами запустело городъ Новосиль»¹⁵. То есть в середине XVI в. сохранялась память о череде «невзгод», в результате которых резиденция князя Романа Новосильского была перемещена в Одоев. Время и обстоятельства этих событий достоверно не известны. Еще для начала XV в. в тверском летонисании зафиксирован термин «Новосильская земля»¹⁶. Князь Роман Семенович, а потом и его дети до своей смерти (в начале XV в.) именовались именно князьями «новосильскими»¹⁷. В кладе из окрестностей Новосила содержались московская и сернуховская монеты конца XIV — начала XV в.¹⁸ Если с разорением 1375 г. город и понес существенный урон, то затем, возможно, предпринимались попытки его восстановления. Во всяком случае, он сохранялся в составе Новосильской (Новосильско-Одоевской)

Илл. 7.1. Разорение Новосила татарами Мамай (ЛЛС. Кн. 9. С. 89)

¹³ РИИР. Вып. 2. С. 112.

¹⁴ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 75; РИИР. Вып. 2. С. 43.

¹⁵ В историографии высказывалось мнение, что текст обширного послания, включающего эти строки, был написан Иваном IV Грозным. Однако его составление явно не обошлось без участия князя М. И. Воротынского (СИРИО. Т. 71. С. 510; Послания Ивана Грозного. С. 261, 431–432).

¹⁶ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 477.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 3. С. 375; ДДГ. № 19. С. 54; Филарет, архиепископ. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. С. 44; Конев С. В. Синодология. Ч. 2. С. 102; ДРВ. Ч. 6. С. 447.

¹⁸ Зайцев В. В. О монетах Карачевского княжества конца XIV в. С. 19; Беспалов Р. А., Казаков А. А. Клады и денежные комплексы первой трети XV века... С. 75–76.

Илл. 7.2. Артефакты с изображением черниговского трезубца: а) вислая нечат князя Всеволода (Кирилла) Ольговича († 1146 г.); б) монеты с надчеканками 1370-х гг.

земли. Его же угасание от татарских набегов могло растянуться на длительный срок.

В этой связи стоит обратить внимание на примечательное явление в денежном обращении Верхнего Поочья. В это время здесь обращались серебряные джучидские денги и местные подражания им, которые стали клеймиться знаком в виде черниговского трезубца. Схожий знак еще в XII в. использовался основателем старшей ветви черниговских Ольговичей — великим князем Всеволодом Ольговичем († 1146 г.), а затем и его сыном великим князем Святославом († 1194 г.). Таким образом, черниговский трезубец 1370-х гг. восходил

к древнейшей геральдике великих князей черниговского дома (см. илл. 7.2).

Часть таких клейм была датирована мной периодом 1372–1380 гг., другая часть — периодом 1375–1380 гг. Не исключено, что все они наносились в период 1375–1380 гг. Значительная часть таких монет найдена под Одоевом (см. § 5, карта). Однако они расходились довольно широко — в соседние козельские уделы, в приграничные московские и рязанские земли и даже очень далеко — в Смоленскую, Владимирскую земли и в верховья Северского Донца. Так, несмотря на разорение татарами Новосиля, в середине — второй половине 1370-х гг. проявилась эмансипация черниговских князей, видимо, именно новосильской ветви¹⁹.

Великий князь московский не смог оказать помощи в обороне Новосиля. Летонисное сообщение о том, что в 1376 г. он «ходилъ за Оку ратию, стерегася рати тотарское»²⁰, как будто намекает, что он все же старался выполнять союзные обязательства. Впрочем, за Окой он имел и собственные волости, которые следовало защищать.

В 1377 г. умер Ольгерд, великое литовское княжение принял его сын Ягайло, но внутренние распри литовских князей стали пренятствовать их единству.

¹⁹ Беспалов Р. А. Черниговский трезубец на вислых нечатах XII века и клеймение им монет в 1370-х годах. С. 129–147; *Он же*. Особенности раннего этапа денежного обращения в верховьях рек Оки и Дона: конец 1360-х — 1370-е годы. С. 122–125, 127, 135–136, 139–140. В том случае, если великий князь Роман Михайлович происходил из смоленских князей (см. § 5), мое предположение о принадлежности ему данного клейма следует пересмотреть. Единственным, кому оно могло бы принадлежать в это время, остается князь Роман Семенович Новосильский.

²⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 116.

Так, к концу того же года князь Андрей Ольгердович Полоцкий вынужден был отъехать на московскую службу²¹. Смерть Ольгерда номеняла расстановку сил и в северо-восточной части Черниговщины. Титулование Романа Михайловича «брянским князем» в летописях Северо-Восточной Руси, видимо, говорит о том, что, будучи смещенным с брянского стола, он не желал расставаться со своим высоким статусом и при первой возможности стремился вернуться в Брянск. Сохранившиеся источники указывают на политические перемены в Черниговской земле в конце 1370-х гг. Как заметил Б.Н. Флоря, в период с 1374 по 1378 г. на Брянскую епархию митрополит Алексей поставил владыку Григория. По предположению ученого, он не был донужен в Брянск, поэтому в летописи именуется не «брянским», а вообще «черниговским»²². Однако и ранее поставленные в Брянск епископы назывались «черниговскими»²³. Возможно, это новое зерно московской политики в Черниговской земле было посеяно в период с момента смерти Ольгерда († 24.05.1377 г.) — до смерти митрополита Алексея († 12.02.1378 г.). Вскоре оно дало всходы. Тогда же влияние князя Дмитрия Ольгердовича в Брянске ослабло. Судя по сообщению летописей, еще до декабря 1379 г. он был смещен с брянского княжения, но сохранил за собой Трубчевск²⁴. Что же стало непосредственной причиной столь существенных перемен? Исследователи не раз обращали внимание на то, что в XIV–XV вв. в Брянске сохранялся вечевого строй. Местная знать была политически активной, так что в критические моменты истории могла влиять на выбор для себя князя²⁵. Судя по сохранившимся источникам, князь Роман Михайлович пользовался поддержкой какой-то сильной партии брянского боярства²⁶. Поэтому можно полагать, что именно он при помощи местной знати сместил князя Дмитрия Ольгердовича из Брянска. Тот же, находясь в Трубчевске, стал препятствовать проезду по реке Десне московских княжеских «гостей»²⁷, что вызвало реакцию московской стороны. Зимой 1379/80 г. под началом князя Владимира Серпуховского был совершен поход в Черниговщину на «литовские города и волости»²⁸. По мнению Б.Н. Флоры, он мог состояться только при поддержке «черниговских князей» — сторонников

²¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 375.

²² Флоря Б.Н. Борьба московских князей за Смоленские и Черниговские земли... С. 74; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 123.

²³ РИБ. Т. 6. Прил. Стб. 443–446.

²⁴ Летописи дают ему именно титул князя «трубчевского» (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 138).

²⁵ Дворниченко А.Ю. Русские земли Великого княжества Литовского... С. 88; Кром М.М. Меж Русью и Литвой... С. 142–146.

²⁶ Накануне 1380 г. в Любутске и позже в 1401 г. в Смоленске на службе у князя Романа Михайловича находились брянские бояре. Из них в Любутске хорошо известны Андрей Ослябя и Александр Пересвет (ПКЦ. С. 39, 285; ПСРЛ. Т. 25. С. 231).

²⁷ О связи «гостей» с «государством» и о выполнении ими «государственных» поручений см.: Салмин С.А. «Гости» в социальной структуре древнерусского государства... С. 2–7.

²⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 138; ПСРЛ. Т. 18. С. 129.

Москвы²⁹. Рассматривая состав войск в ближайших походах князя Владимира Сернуховского за Оку, действительно можно налагать, что к нему могли присоединиться великий князь Роман Михайлович, князь Роман Семенович Новосильский и тарусские князья³⁰. Один из кратчайших путей для московских войск пролегал от Сернуховского удела через Тарусу — Лисин — Калугу — Ворытынск — Серенск — Брынь — Брянск и далее на Трубчевск и Стародуб³¹. На этом пути Таруса принадлежала союзникам Москвы; Калуга была за великим князем московским³²; Ворытынск был новосильским городом; Серенском со времен Ольгерда московская и литовская стороны владели пополам³³. Далее начиналась территория, подвластная Литве. Другая известная дорога шла через Сернухов — Пашкову Гать на р. Плаве — Чернь — Мценск и тоже проходила через Брянск (см. §§ 10, 14). Однако в летописях не отмечено нападение московских войск на Брянск, как если бы в нем уже находились союзники. Целью похода были города, находившиеся под властью литовского князя. Князь Дмитрий Ольгердович не стал сражаться и сдался на милость победителей, после чего московские войска вернулись домой «съ многими гостями». Примечательно, что в 1382 г. Роман Михайлович уже не участвовал в походе сернуховских, новосильских и тарусских войск на Рязанскую землю. Вероятно, это связано именно с его возвращением на великое черниговское княжение в Брянск к концу 1379 г. Не исключено, что и дальше настроения брянского боярства, а с ним и брянский стол были подвержены переменам под влиянием политической конъюнктуры внутри Великого княжества Литовского. Однако еще и в 1401 г. Роман Михайлович носил титул «великого князя брянского» и «великого князя черниговского»³⁴.

В целом московская политика, проводимая в последние годы в северо-восточной части Черниговщины, позволяла великому князю Дмитрию Московскому иметь надежную опору на часть местных князей и служилых землевладельцев. В Москве уже давно ожидали нападения крупных сил Мамаю. Исход противостояния решился в битве на Дону в сентябре 1380 г.

Летонисная новость о битве на Дону восходит к Новгородско-Софийскому своду, который отразился в летописях, имеющих общий прототип, доведенный до 1418 г. В ней, в частности, говорится о том, что на московскую службу приехал «кн(я)зь Дмитриий Олгирдович дебрянский, съ всею силою брянскою»³⁵. Б. М. Клосс справедливо указал, что он не мог приехать «съ всею силою

²⁹ Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле. С. 162–166.

³⁰ См.: ДДГ. № 19. С. 54.

³¹ Дорога известна из источника начала XVI в. (СИРИО. Т. 41. С. 441–442).

³² Калуга была захвачена Москвой до осени 1368 г. (см. § 6). Позже она по завещанию великого князя Дмитрия Московского 1389 г. была передана его сыну Василию I (ДДГ. № 12. С. 34).

³³ ДДГ. № 53. С. 161; СИРИО. Т. 35. С. 120.

³⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 176; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 471; Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 26–27; ДРВ. Ч. 6. С. 447.

³⁵ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 458.

брянскойю», вместе с ним было только ближайшее окружение³⁶. Более того, его титул «брянского князя» в Летонисной новести сомнителен, поскольку накануне зимы 1379/80 г. Дмитрий Ольгердович княжил в Трубчевске, откуда и приехал служить в Москву. В конце летонисной новести указано, что в битве погиб «Александръ Пересветъ, бывшии прѣж(е) боярин брянский»³⁷. Однако он и Андрей Ослябя по происхождению были любутчанами и, очевидно, ранее служили великому князю Ромапу Михайловичу Брянскому.

В летониси П. П. Дубровского (доведена до 1539 г.) в рассказе о «нобоище иже на Дону» в засадном нолку под началом князя Владимира Сернуховского уномяпуты войска: «...кн(я)зя Романа Михайловича Брянского, да кн(я)зя Васил(ь)я Михайловича Кашинского, да кн(я)зя Романовича Новосилского» (имени последнего нет)³⁸. В сторожевом нолку уноминаются князья Семен Оболенский и Иван Тарусский Константиновичи. Некоторые историки считают этот фрагмент правдоподобным³⁹. Другие ставят его достоверность под сомнение и указывают на то, что данный снисок воевод мог быть составлен к 1539 г. по мотивам Сказания о Мамаевом нобоище (намятник нервой четверти XVI в.) с привлечением неречня войск из похода на Тверь 1375 г.⁴⁰ Именно в походе на Тверь искаженное имя «князя Романовича Новосильского» (вместо князя Романа Семеновича) встречается в Академическом сниске Новгородской IV летониси (доведен до 1515 г.)⁴¹. В том же месте в летониси П. П. Дубровского оно неренравлено на имя не существовавшего князя Михаила Романовича Новосильского (см. § 12)⁴². Вместе с тем в данных летонисях под 1375 г. титул князя Василия Михайловича Кашинского искажен на «можайского», чего нет в неречне воевод под 1380 г. Поэтому происхождение неречня воевод в битве на Дону в летониси П. П. Дубровского еще остается под вопросом.

Достоверно можно говорить об участии в сражении двух других тарусских князей. В Софийской I летониси старшего извода, доведенной до 1418 г., сообщается, что в битве погибли князья Федор Тарусский и его брат Мстислав, о которых мы еще скажем далее⁴³.

В источниках выявлены и явно вымышленные нерсонажи. В Сказании о Мамаевом нобоище в одном из энизодов уноминаются князья Глеб Брянский и Федор Елецкий. Б. М. Клосс убедительно показал, что весь этот энизод представляет собой домysel составителя Сказания. Он явно «оживил» князя Глеба

³⁶ ПКЦ. С. 52.

³⁷ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 467.

³⁸ ПСРЛ. Т. 43. С. 134.

³⁹ Горский А. А. Москва и Орда. С. 97–99; Шеков А. В. Об участии князей тарусского дома в нобоище на Дону 1380 г. С. 189–191.

⁴⁰ Салмина М. А. Еще раз о датировке «Летонисной новести» о Куликовской битве. С. 11; Живая вода Ненрядвы. С. 558–560.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 301. Сноска 46.

⁴² ПСРЛ. Т. 43. С. 125.

⁴³ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 466.

Святославича Брянского († 1340 г.). Не исключено, что в конце XIV в. князь Федор Елецкий действительно существовал, но о его участии в битве из ранних источников неизвестно⁴⁴. Кроме того, в некоторых редакциях Сказания упоминается вымышленный князь Стефан Новосильский (вместо Стенана Новосельцева)⁴⁵.

По отношению к Донской камнани неясна позиция князей козельского дома. Согласно Никоновской летописи, в 1377 г. князь Федор Андреянович Звенигородский побил неких татар⁴⁶. Однако неизвестно, выступал ли он против Мама. Это известие первой трети XVI в. могло быть преувеличено или вовсе вымышлено Дионисием Звенигородским. Насколько известно из Введенского синодика, внук этого князя Федора — князь Федор Александрович Звенигородский столкнулся с татарами, но сам был ими убит⁴⁷. Князь Святослав Титович из рода козельских был женат на родной сестре князей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей. Однако его жена также приходилась и сестрой великому князю литовскому Ягайлу Ольгердовичу, который находился в союзе с Мамаем. В сентябре 1378 г. мамые татары разорили Рязанскую землю⁴⁸ и, видимо, отбили охоту у князя Олега Рязанского впрямь выступить против ордынского темника. К концу 1370-х гг. рязанский князь имел мирный договор с Литвой⁴⁹. Это обстоятельство могло препятствовать союзу его зятя князя Ивана Титовича Козельского, а может быть, и Святослава Титовича с Москвой. Возможно, из-за развернувшейся борьбы сильнейших соседей князя козельского дома находились в смятении и предпочитали занимать выжидательное положение, с тем чтобы действовать по обстоятельствам.

К сожалению, о маневре Ягайло известно очень мало. Согласно записи на троичском стихираре от 21 сентября 1380 г., «весть приид(е), яко литва грядутъ

⁴⁴ ПКЦ. С. 159, 210–211. В родословцах середины XVI в. род елецких князей начинается с князя Федора, отчество которого не указано (Бархатная книга. Ч. 2. С. 235). С. М. Кучинский полагал, что он был сыном князя Тита Мстиславича Козельского (*Kuczyński S. M. Ziemia Czernihowsko-Siewerskie... Tabl. 2*). В более поздней росписи елецких князей Редакции начала XVII в. у князя Ивана Титовича указан сын Федор, который имел сына Ивана и внука Юрия Ивановича (ВОИДР. Кн. 10. С. 69). Однако вряд ли «внук» Юрий Иванович мог выступать старшим елецким князем (1389 г.) раньше своего названного «деда» Федора (1395 г.). Поэтому в этой части сведения Редакции начала XVII в. оказываются сомнительными. По мнению Б. М. Клосса, при составлении родословцев имя князя Федора Елецкого было заимствовано из Сказания.

⁴⁵ ПКЦ. С. 182, 219; см. § 12.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 11. С. 26.

⁴⁷ Поменник Введенської церкви... С. 19.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 135; ПСРЛ. Т. 25. С. 200.

⁴⁹ Л. В. Соколова показала, что сообщения Новгородско-Софийского свода и зависящих от него летописей о союзе князя Олега Рязанского с Мамаем являются поздними вставками, которые были навеяны весьма нерастыми московско-рязанскими отношениями в 1382–1386 гг. (Соколова Л. В. Что сообщалось об Олеге Рязанском... С. 76–98). Однако свидетельство о наличии мирного договора князя Олега Рязанского с Литвой отражено в московско-рязанском договоре 1381 г. и не подлежит сомнению (ДДГ. № 10. С. 29–30).

с агаряны». По мнению В. А. Кучкина, она говорит о том, что «Ягайло двинулся в поход почти две недели (13 дней. — Р. Б.) спустя после Куликовской битвы»⁵⁰. Однако еще И. И. Срезневский заметил, что в этой записи нет ничего относящегося к самой битве⁵¹. Действительно, согласно этому источнику, не только литва, но и агаряне еще не нанесли. От места сражения до Троице-Сергиева монастыря было около 370 км — это 10–15 дней конного перехода. Поэтому следует думать, что эта весть с Дона была послана в Москву еще накануне сражения. 21 сентября в Троице-Сергиевом монастыре произошел целый ряд событий, которые отражены в записи на Стихираре. Во-первых, из Москвы приехали близкие к Сергию Радонежскому настоятели Симоновского и Андроникова монастырей. Видимо, они же привезли весть об ожидаемом нападении литвы и агарян. Во-вторых, (они же?) о чем-то уговаривали некоего чернеца (Сергия?). В результате в тот же день в Рязань выехал монастырский келарь⁵². Содержание послания в Рязань неизвестно, однако, поскольку Сергей имел какое-то влияние на рязанского князя (см. § 8), можно догадываться, что он старался убедить князя Олега Рязанского не вмешиваться в военную кампанию на стороне литвы и татар.

В кратких новостях Белорусско-Литовских, Симеоновской и Рогожской летописей сообщается, что, лишь перенравившись за Оку, московские воеводы узнали о размещении ставки Мамай за Доном и об ожидании татарами литовских войск⁵³. В пространной летописной новости о битве на Дону говорится, что Ягайло «не носнеша бо на срок за малыи, за единого днище или менши»⁵⁴. То есть к концу сражения литовские войска находились на расстоянии однодневного перехода (около 25–40 км). Если эти данные верны, необходимо отметить гений московских полководцев, которые отважились напасть на татар первыми, еще до прихода литовских войск.

В ранних источниках о возможных столкновениях литовских войск с союзниками Москвы или о вступлении Ягайла на их территорию ничего не сообщается. Однако в Сказании о Мамаевом побоище говорится о приходе Ягайла к Одоеву. Далее то же сообщение нашло в поздние летописи: «и прииде къ граду Одоеву <...> и пребысть ту оттоле неподвижим»; «и пришедь ко Одоеву, ста и нача иснытовати вестей»⁵⁵. В этой связи необходимо отметить, что расстояние от Одоева до места сражения составляет не менее 140 км, что гораздо больше расстояния однодневного перехода войска. Из контекста Сказания следует, что Ягайло не встретил здесь никакого сопротивления и сам не напал на Одоев, хотя

⁵⁰ ПКЦ. С. 61.

⁵¹ Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков). С. 240–241.

⁵² Шляков Н. [В.] Невыясненное известие из жизни преподобного Сергия Радонежского. С. 1411–1414.

⁵³ ПСРЛ. Т. 35. С. 29–30; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 139.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 43. С. 136; ПКЦ. С. 39–40.

⁵⁵ Поле Куликово. Сказания о битве на Дону. С. 159, 167; ПСРЛ. Т. 11. С. 55.

новосильские князья находились в союзе с Москвой. Н. М. Карамзин использовал сноска Сказания, в котором Новосильское княжество изображено в качестве союзника Литвы: «нриде Ягаило въ Одоевъ <...> и нребысть Ягаило не нодвизаяся»⁵⁶. То же видим в Вологодско-Пермской летописи: «нрииде Ягаило въ Одоевъ <...> и нребысть оттоле, не нодвизаяся изъ Одоева»⁵⁷. Очевидно, эти известия восходят к поздним представлениям о политической обстановке середины — второй половины XV в., когда Одоев действительно находился в союзе с Литвой. О политической же ориентации новосильских князей в 1380 г. составитель Сказания, видимо, не знал. Поэтому эпизод о пребывании литовских войск вблизи Одоева или же в самом Одоеве оказывается сомнительным.

8 сентября 1380 г. войска московской коалиции нанесли сокрушительное поражение татарам. Однако по занисям нрусских хронистов Иоганна Посильге и Дитмара Любекского, когда их нолки шли с боя, то «столкнулись с литовцами, которые были нозваны татарами туда на номощь, и убили русских очень много и взяли у них большую добычу, которую те взяли у татар»⁵⁸. По возвращении великого князя Дмитрия Ивановича в Москву к нему нришла весть, что великий князь Олег Рязанский «на рекахъ мосты нереметал, а кто ноехалъ с Донновского нобоища домовъ въсквозе его отчипу Рязанскую землю бояре или слуги, а техъ велель имати и грабити и нагихъ нущати»⁵⁹. Таким образом, для московских войск донская кампания не окончилась битвой с татарами. Ягаило и Олег Рязанский видели их уязвимость. Особенно последний имел все основания нанастъ на москвичей, которые находились на рязанской территории и, возможно, нобрабили не только татар, но и местное население.

Через год конфликт был улажен. 2 августа 1381 г. великий князь Олег Рязанский обязался сложить крестное целование к Литве, а при необходимости выступить против нее и против татар заодно с великим князем Дмитрием Московским и князем Владимиром Сернуховским⁶⁰. Отметим еще один важный итог противостояния. По московско-рязанскому договору 1381 г. к Москве, видимо, отошла Тула и еще ряд рязанских мест: Талица, Вынолзов и Такасов⁶¹. Левобережные (относительно Оки) рязанские волости тоже отходили к Москве. В свою очередь к Рязани отошел ряд правобережных московских волостей: «уездъ

⁵⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5. Примеч. 73. Стб. 28.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 26. С. 134, 334.

⁵⁸ Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом нобоище». С. 507; см. также: Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5. Примеч. 81. Стб. 30–31. По мнению С. Н. Азбелева, это сообщение исходило от новгородцев, которые могли возвращаться домой вдоль литовского рубежа и столкнуться с литовскими войсками (Азбелев С. Н. Новгородский контингент на Куликовом поле. С. 10–12). Однако источником немецких хронистов скорее стало послание из Литвы, тогда как участие новгородцев в Донской битве остается недоказанным.

⁵⁹ ПКЦ. С. 40–41, 62; Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 344; ПСРЛ. Т. 35. С. 30.

⁶⁰ Датируется по В. А. Кучкину. У Л. В. Череннина датировано 1382 г. (ДДГ. № 10. С. 29–30).

⁶¹ См.: Лаврентьев А. В. После Куликовской битвы. С. 20–32.

Мстиславль, Жадене городище, Жадемль, Дубокъ, Броднич с месты, как ся *отступил* кн(я)зь торуский Федоръ Святославичъ»⁶². В сниске начала XVI в. этот первоначальный текст грамоты был ноновлен тем же начерком: «*отступил(и)* кн(я)зи торуские Федору Святославич(ю)». В. А. Кучкин предположил, что здесь имеется в виду Федор Святославич из князей смоленского дома (брат князя Глеба Святославича, убитого в 1340 г. брянцами), который был тестем князя Семена Гордого (но второй жене) и, следовательно, мог получить эти волости после 1345/46 г. и до смерти Семена Гордого († 1353 г.) от неких тарусских князей⁶³. Однако в неудачно перенравленном в начале XVI в. тексте сложно объяснить исчезновение княжеского титула Федора Святославича. Вскоре после данной публикации Г. А. Шебанин высказал мнение, что первоначальный текст может быть правильным, и тогда речь идет о неизвестном по родословцам тарусском князе Федоре Святославиче, который отступился от этих мест в пользу Москвы⁶⁴. По мнению О. И. Хоруженко, речь идет о тарусском князе Федоре Святославиче, который отступился от неречисленных волостей князю Мстиславу, что и составило «уезд» последнего. В данных именах он видит князей Федора и Мстислава, погибших в битве с Мамаем⁶⁵. Представляется возможным допустить иную трактовку. Накапуне тарусские князья Федор и Мстислав служили великому князю Дмитрию Московскому и погибли в 1380 г. В процитированном фрагменте неречислены доли обоих князей. Видимо, по договору о службе, составленному от лица старшего из них князя Федора, их выморочным волостям (если таковые образуются) надлежало «не отступить» от Великого княжества Московского (о такой практике см. §§ 9, 14). Во всяком случае, к 1381 г. тарусские владения в данном регионе сократились. Тарусские князья сильно зависели от московской политики и уже стояли на грани потери самостоятельности в отношениях с соседями (также, видимо, и с Ордой). Сложившаяся ситуация продвигала московские и рязанские владения к рубежам Новосильской земли.

⁶² Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 254–256, 344; ДДГ. № 10. С. 29. № 19. С. 53. О локализации этих волостей см.: § 9.

⁶³ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века... С. 224–226, 254–257, 344–345.

⁶⁴ Свое мнение Г. А. Шебанин высказывал устно на одной из конференций, проводимых музеем-заповедником «Куликово Поле» около 2006–2007 гг.

⁶⁵ Хоруженко О. И. Уезд Мстиславль в московско-рязанском докончании 1381 г. и князь Мстислав. С. 106–113. А. В. Шеков указал на родословную легенду Волконских, в которой погибшие в Куликовской битве князья Федор и Мстислав показаны сыновьями основателя рода Волконских Ивана Юрьевича (Шеков А. В. Об участии князей тарусского дома в побоище на Дону 1380 г. С. 186–189). По мнению же О. И. Хоруженко, данная легенда недостоверна, поскольку в самых ранних роснисях Волконских ее не существовало (Хоруженко О. И. Родословие как конструкция родовой памяти: текстология родословных роснисей князей Волконских XVI–XVII вв. С. 215–217).

§ 8. Московско-рязанские отношения в 1382–1385 годах и участие в них князя Романа Новосильского и князей тарусских

В 1380-х гг. многие князья северо-восточной части Черниговщины продолжали сохранять союзные отношения с Москвой. Из них с уверенностью можно назвать князя Романа Семеновича Новосильского и князей тарусского дома. В первой половине 1380-х гг. этот союз вновь пригодился великому князю Дмитрию Московскому.

В 1382 г. Тохтамыш внезапно напал на русские земли. Пытаясь уберечь свою землю от разорения, великий князь Олег Рязанский провел его мимо своих владений. Татарские войска сожгли Сернухов, а к 23 августа подошли к Москве. Великий князь Дмитрий Иванович и его брат князь Владимир Андреевич были выпущены отступить. Татары взяли Москву и Переяславль, но Волоком Ламским один из их отрядов был разбит князем Владимиром Сернуховским. Вскоре Тохтамыш повернул назад, а по пути разграбил Коломну и Рязанскую землю. Осенью же 1382 г. «князь великий Дмитрий Иванович носла свою рать на князя Олега Рязанского, князь же Олег Рязанский не во мнозе дружине утече. А землю всю до остатка взяша и огнемъ ножогша и пусту сотвориша, пуще ему и татарские рати»¹.

Ответный поход московских войск на Рязань в летописях читается именно в связи с нашествием Тохтамыша. А. В. Лаврентьев указал, что предательство нижегородских князей было схожим и даже более тяжким, но затем они не потерпели такого же возмездия от Москвы, какое перенес князь Олег Рязанский². Однако иных причин столь резкой реакции Москвы в отношении Рязани исследователь не назвал. Ранее А. Г. Кузьмин тоже ставил под сомнение нособничество великого князя Олега Рязанского Тохтамышу, поскольку Рязанское княжество, как и Московское, подверглось нападению татар. Ученый считал, что новодом для московского похода на Рязань могли стать норубежные споры за верхнеокские земли, поскольку, по его мнению, в нем приняли участие новосильские и тарусские войска³. Как заметил Б. Н. Флоря, у князя Романа Новосильского и князей тарусских не было обязательств носылать свои войска во все московские походы. Например, в новгородской кампании 1386 г. они не участвовали⁴. Однако их участие в походах московских войск 1375 и 1380 гг. не было связано с мнимыми конфликтами верхнеокских князей с противниками Москвы. Поэтому данное предположение А. Г. Кузьмина выглядит недостаточно обоснованным.

¹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 143–146.

² Лаврентьев А. В. После Куликовской битвы. С. 51–54.

³ Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. С. 228–230.

⁴ Флоря Б. Н. Борьба московских князей за Смоленские и Черниговские земли... С. 75–76; ПСРЛ. Т. 43. С. 144.

На основании одной из статей московско-рязанского dokonчания 1402 г., которая, вероятно, восходит к формуляру договора 1385 г., можно думать о том, что в конце 1382 — начале 1383 г. между великими князьями Дмитрием Московским и Олегом Рязанским было заключено неремиие (см. далее). Однако в марте 1385 г. мирные отношения были нарушены: великий князь Олег Рязанский «взя Коломпу изгономъ», захватил нленных, «и злата и серебра, и товара всякого наймався, отиде и возвратися въ свою землю съ многою корыстию». В том же году «князь великийи Дмитриеи Ивановичь, собравъ воя многы, носла съ ними брата своего князя Володимера Андреевича на князя Олга на Рязанскую землю», но московские войска нотернели норажение⁵. В том же 1385 г. великий князь московский неоднократно носылал к великому князю Олегу Рязанскому своих нослов. Наконец, в ноябре этого года при носредничестве Сергия Радонежского сторонам удалось достичь «вечного мира». Весной 1387 г. он был скренлен браком московской княжны Софьи Дмитриевны с рязанским князем Федором Ольговичем⁶. Мир действительно оказался прочным и до смерти князя Олега Рязанского († 1402 г.) больше не нарушался.

Начиная с Д. И. Иловайского, ряд историков считали, что в войне 1385 г. принимали участие князь Роман Новосильский и князья тарусские⁷. При этом они ссылались на текст московско-рязанского dokonчания 1402 г.: «А что была рат(ь) о(т)ца моег(о), великог(о) кн(я)зя Дмитрея Иванович(а), въ твои вочине при твоём отци, при великом кн(я)зи Олги Иванович(е), и брата моег(о), кн(я)же Володимерова, рат(ь) была, и кн(я)же Романова новосилског(о), и кн(я)зеи таруских, нам отнустити нолон весь»⁸. Ученый соноставил имя князя Владимира Серпуховского в летонисном ноходе 1385 г. и в dokonчании 1402 г., но не учел исход противостояния. Поход 1385 г. закончился норажением московских войск, в dokonчании же речь идет о явном норажении рязанцев и о нолоне, который захватили серпуховские, новосильские и тарусские войска⁹. Следовательно, это соноставление неверно. Следует принять точку зрения А. Г. Кузьмина:

⁵ ПСРЛ. Т. 15. Вын. 1. Стб. 150. Согласно уникальным сведениям Никоновской летониси, «на томъ бою убиша многихъ бояръ московскихъ и лутчихъ мужей новгородскихъ и неряславльскихъ» (ПСРЛ. Т. 11. С. 86). Очевидно, эта редактura принадлежит митрополиту Даниилу, рязанцу по происхождению. В так называемой «Рязанской летониси» XVIII в. также имеется свидетельство о норажении московских войск: «...рязанцы москвичь нобили под Перевицким» (Кузьмин А. Г. Рязанское летонисание. С. 231).

⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вын. 1. Стб. 151–152.

⁷ Иловайский Д. [И.] История Рязанскаго княжества. С. 180; Флоря Б. Н. Борьба московских князей за Смоленские и Черниговские земли... С. 75; Шеков А. В. Верховские княжества. (Краткий очерк политическoй истории. XIII — середина XVI в.). С. 36.

⁸ ДДГ. № 19. С. 54.

⁹ В XVI в. князь А. М. Курбский писал о князьях Одоевских и Воротынских, что они «были на своихъ уделехъ, и велия отчины подъ собою имели; околикo (несколько. — Р. Б.) тысящъ съ нихъ ночту воинства было слугъ ихъ» (Курбский А. М. История о Великом князе Московском. Стб. 128). Думается, что и в конце XIV в. князья Верхнего Поочья могли оказать московской стороне существенную военную помощь.

в dokonчании 1402 г. речь идет об участии новосильских и тарусских войск в походе на Рязанскую землю 1382 г.¹⁰

Московско-рязанское dokonчание 1385 г. до наших дней не дошло, однако некоторые его детали могут быть восстановлены по dokonчанию сторон 1402 г., в конце которого имеется статья: «А что ся будет учинилося меж насъ в не-ремирье обида, и меж кн(я)зя великоз(о) Ивана (Пронского. — Р. Б.), и меж кн(я)зя Романа (Новосильского. — Р. Б.), и меж кн(я)зей торьских, то отнравити, и по нервой грамоте по неремирной»¹¹. Это явное указание на участие неречисленных князей в каком-то предыдущем московско-рязанском договоре. Ранее я неосмотрительно относил появление этой статьи к 1402 г. и считал, что она указывает на договор 1385 г.¹² Однако dokonчальную грамоту 1385 г. о «вечном мире» нельзя назвать «неремирной». А. В. Шеков полагает, что под неремирной грамотой имеется в виду московско-рязанский договор 1381 г.¹³ В. А. Кучкин же показал, что эта грамота также является dokonчальной (договорной) и заключена о мире, а не о неремии¹⁴. К тому же московско-рязанский договор 1381 г. не давал никаких юридических оснований для урегулирования отношений между новосильским или тарусскими князьями с одной стороны и великим князем рязанским с другой. Перемирие, на которое указывает договор 1402 г., могло быть заключено только вследствие военного конфликта, после которого не удалось достичь мира. Должно быть, речь идет о конфликте 1382 г., в котором принимали участие новосильский и тарусские князья. Видимо, именно после него было заключено перемирие. В таком случае статья «А что ся будет учинилося меж насъ в не-ремирье обида...» впервые могла появиться в договоре 1385 г. Она урегулировала конфликты, которые произошли во время неремии 1382–1385 гг. Позже она могла быть включена в вероятный московско-рязанский договор 1389–1390 гг., если он составлялся в возобновление предыдущего договора после смерти великого князя Дмитрия Московского, а затем — в договор 1402 г., возобновленный после смерти великого князя Олега Рязанского.

Практика заключения межкняжеских договоров¹⁵ была такова, что когда умирал один из участников договора, заключался не новый мир, а возобновлялся старый по прежнему формуляру. Порой в новые договоры переносились старые статьи, несмотря на то что они не являлись предметом новых договоров и даже в какой-то части могли морально устаревать. Тем не менее они

¹⁰ Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. С. 229. На эту проблему мое внимание обратил А. В. Лаврентьев, который в своей датировке придерживается той же точки зрения, что и А. Г. Кузьмин (см.: Лаврентьев А. В. После Куликовской битвы. С. 67).

¹¹ ДДГ. № 19. С. 52–55; также см.: ДДГ. № 33. С. 83–87; № 47. С. 142–145.

¹² Беспалов Р. А. Реконструкция новосильско-тарусского фрагмента из dokonчания великих князей Дмитрия Московского и Олега Рязанского 1385 г. С. 167–168.

¹³ Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 133–134.

¹⁴ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 223–270, 343–345.

¹⁵ В данном случае мы имеем в виду отношения между князьями разных «земель» и «великих княжений».

обеснечивали юридическую нреемственность, нерушимость «старины». Наличие в таких договорах архаичных статей — это важное свойство источника, благодаря которому до нас дошли отдельные ноложения несохранившихся грамот.

В московско-рязанских договорах 1402 и 1447 гг. сохранился еще ряд статей, которые, но-видимому, содержались в договоре 1385 г.¹⁶ Во-нервых, это обязательство московской стороны возместить ущерб за битву на Скорнищеве 1371 г. Такая статья могла содержаться еще в договоре 1371–1372 гг.¹⁷, но затем она не была включена в договор 1381 г. Во-вторых, в договор 1385 г. было включено обязательство рязанской стороны возместить ущерб, нанесенный в 1380 г. за грабеж людей, которые «билися на Допу с татары». Эта статья содержалась в московско-рязанском договоре 1381 г.¹⁸ В-третьих, стороны обязались комненсировать друг другу ущербы, нричиненные в конфликтах носледних лет. За ноход на Рязанскую землю в 1382 г. и убытки рязанцев обязались возместить: московская сторона, князь Роман Новосильский и тарусские князья. За нанадение на Коломпу 1385 г. обязалась возместить рязанская сторона.

Проблема включения новосильского и тарусских князей в московско-рязанские договоры о неремии 1382 г. и о мире 1385 г. состоит в том, что это выходило за рамки двусторонних московско-рязанских отношений. К тому времени и новосильский, и тарусские князья обладали ордынскими ярлыками-ножалованиями на свои земли. Их ноложение давало им возможность иметь договорные отношения с другими русскими и литовскими князьями¹⁹. Сами но себе московско-рязанские соглашения для них не имели силы. В этой ситуации московской стороне было необходимо нривлечь своих союзников к заключению ими особых мирных отношений с Рязанью. В договоре 1385 г. еще до соглашения о возмещении ущербов требовалось онределить необходимость заключения рязанско-новосильского и рязанско-тарусского мирных договоров. В том числе установить норядок разрешения норубежных сноров в мирное время. Такая статья имелась в договоре 1402 г.: «А со князем <...> новосилским и с торускими князи так же взяти ти любовь но давным грамотам». Затем она

¹⁶ ДДГ. №19. С. 54; №47. С. 144.

¹⁷ После битвы на Скорнищеве был заключен московско-рязанский договор о мире. В этой связи в московско-литовском договоре 1372 г. великий князь Олег Рязанский был указан на стороне великого князя Дмитрия Московского (*Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 338; ДДГ. №6. С. 22).

¹⁸ ДДГ. №10. С. 30; *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 344.

¹⁹ Еще князь Иван Новосильский имел договорные отношения с Москвой (РИБ. Т. 6. Прил. №24. Стб. 135–136). В своих докончаниях с Литвой XV в. новосильские князья указывали на самостоятельные отношения и с московским, и с рязанским (нереяславским), и с нронским князьями (ЛМ. Кп. 5. 1993. №130. Р. 247; №137. Р. 255; ДДГ. №39. С. 118; №60. С. 193; АЗР. Т. 1. №80. С. 101). Из источников известно о докончании князя Дмитрия Семеновича Тарусского с московским князем Василием Дмитриевичем (вероятно, 1389–1390 гг.) (ДДГ. С. 461; Бархатная книга. Ч. 1. С. 201; РИИР. Вын. 2. С. 113). Очевидно, к 1385 г. тарусские князья еще имели самостоятельные отношения с рязанскими князьями.

была перенесена и в московско-рязанские договоры 1434 и 1447 гг.²⁰ Благодаря этому интересующий нас фрагмент московско-рязанского dokonчания 1385 г. может быть уверенно реконструирован:

«А со князем [Романом Семеновичем] новосилским и с торускими князи так же взяти ти любовь но давным грамотам, а жити ти с ними без обиды, занеже те все князи со мною один человек. А что ся учинит межи вас но любви слово о земли, или о воде, или о ином о чем, и вам отослати своих бояр, и они съехався, да учинят исpravу. А о чем ся сонрут, и они едут на третей, кого себе изберут. А на кого номолвит третей, и виноватой отдаст. А не отдаст, и нравый ношлет к великому князю [Дмитрею Ивановичю], и киязь великы ношлет к виноватому в-нервые и в-другие, и в-третье. А не нослушает виноватыи князя великого [Дмитрея Ивановичя], а не отдаст, и киязю великому то исpravити, а целованья не сложити, а то ему не в ызмепу. А коли нозовутся на третей, а кого себе изберут, а в то время рать на того будет, кого нозовут, или куды будет сам ношол ратью, или будет у него носол татарьской в земле, ин за тем не ноедет на третей, в том ему вины нет. А возмут на него грамоту в то время, ино та грамота не в грамоту. А нозовут ся изнава на третей, как ся утишит, да учинят исpravу изнава. А киязю великому [Дмитрею Ивановичю], не нравити того, что ся учинило в то время замятное»²¹.

Б. Н. Флоря обратил внимание на то, что в московско-рязанском dokonчании 1402 г. «московский великий князь нровозглашался арбитром в спорах между рязанским и новосильским князьями». Он полагал, что этот факт может свидетельствовать об установлении «нервых элементов зависимости черниговских киязей от великого князя московского»²². А. В. Шеков, с оной же на мнение предшественников, нрямо выводит из московско-рязанского договора 1402 г. вассальную зависимость новосильского и тарусских киязей от Москвы²³. Действительно, можно думать, что отношения новосильского и тарусских киязей с великим киязем московским были неравноправными. Однако этот тезис требует существенного уточнения.

Обращение великого киязя Дмитрия Московского к великому киязю Олегу Рязанскому: «взяти ти любовь но давным грамотам» с новосильским и тарусскими киязьями подразумевало существование прежних рязанско-новосильских и рязанско-тарусских договорных отношений ранее, а также — необходимость заключения новых договоров в 1385 г.

²⁰ ДДГ. № 19. С. 53–54; № 33. С. 85; № 47. С. 144.

²¹ Текст воснроизведен но московско-рязанскому договору 1402 г. с заменой имен на имена действующих лиц 1385 г., которые в данной реконструкции номещены в квадратные скобки: [...]. Разумеется, данный текст не может заменить собой утраченного намятника (договора 1385 г.). Он нриводится лишь для наглядности, чтобы лучше показать, каковы представления автора о составе московско-рязанского договора 1385 г. в части урегулирования новосильско-рязанских и тарусско-рязанских отношений.

²² Флоря Б. Н. Борьба московских князей за Смоленские и Черниговские земли... С. 75.

²³ Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 129, 133, 134.

Выражение «занеже те все кн(я)зи со мною один ч(е)л(о)в(е)къ» говорит о союзных отношениях субъектов, владеющих собственной вотчиной и войском²⁴. Например, по договору о мире 1399 г. великий князь тверской должен был объявить великому князю литовскому, что он (тверской князь) «один человек» с великим князем московским. Однако о вассальной зависимости Твери от Москвы речь не шла. Как заметил В. А. Кучкин, союз (одиначество) не предусматривался на случай возможных в будущем вооруженных конфликтов с неким ненавистником²⁵. Следовательно, великий князь московский рассматривал новосильского и тарусских князей в качестве союзников в своих отношениях с Рязанью.

Положения описанного новосильско-тарусского фрагмента сводились к общему формуляру для всех владетельных князей. Л. В. Череннин полагал, что по договору 1402 г. конфликты рязанского князя с новосильским и с тарусскими должны были разрешаться третейским боярским судом, за исполнением решений которого должен был наблюдать Василий I²⁶. Действительно, судьей спорящих сторон становился тот, «кого себе изберут», а московский князь выступал гарантом исполнения судебных решений. Однако вряд ли князь избирали своим третейским судьей боярина. Это мог быть иной князь или представитель духовенства (енискон). В случае несогласия «виноватого» с решением судьи московский князь обязался уладить дело миром, но если и его «не послушает виноватый», то имел возможность «исправить», применив силу, не нарушая при этом договора о мире. Для сравнения, в отношениях рязанского (неряславского) и пронского князей в докончании 1402 г. судьей выступал митрополит, а гарантом исполнения его решений — московский князь.

После заключения мира на этих условиях следовало приступить к возмещению ущерба, нанесенного Рязанской земле в походе 1382 г., в том числе новосильскими и тарусскими войсками. Обязательства касались только пленных: «отнустити нолон весь»; что взято у пленников «то нам *отдат(и)*»; с тех, кто приведен к крестному целованию, «норука и целование свести». Насилия надлежало прекратить: «грабежу всему погреб»²⁷.

Появление объединенного новосильско-тарусского фрагмента в грамоте 1385 г. не дает оснований для уравнивания политического потенциала Новосильского и Тарусского княжеств. В грамоте 1402 г. из совокупности тарусских князей не выделено ни одного имени. События конца XIV в. заставляют говорить о потере ими самостоятельности в отношениях с иными «землями» и «великими княжениями» за пределами Великого княжества Московского. В отличие от них, Роман Новосильский был сравнительно крупным князем.

²⁴ Выражение «один человек» буквально означает — «союзник» (Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка... Т. 2. Стб. 615–618; СРЯ. Вып. 12. С. 283).

²⁵ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 304, 346; ДДГ. № 15. С. 41.

²⁶ Череннин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. С. 82.

²⁷ См.: СРЯ. Вып. 15. С. 199.

По-видимому, он еще был способен отстаивать самостоятельность Новосильской земли во внешних сношениях.

На рубеже XIV–XV вв. для Верхнего Поочья стала формироваться новая политическая ситуация. Этот процесс довольно хорошо и полно отразился в сохранившихся источниках. Однако прежде чем перейти к этой теме, рассмотрим пределы Новосильской земли и ее соседей с географической и политической точек зрения.

§ 9. Новосильско-Одоевская земля и ее соседи на рубеже XIV–XV веков

Привлекательность исследуемой территории для населения, очевидно, была обусловлена географическими особенностями местности, которые еще требуют тщательного осмысления в исторической ретроспективе. Здесь в зоне умеренно влажного и теплого климата по направлению с северо-запада на юго-восток осуществляется переход от хвойных и широколиственных лесов к лесостепи, от дерново-подзолистых к серым лесным, а затем к черноземным почвам. В целом данный пояс растительного и почвенного перехода широким фронтом тянулся от Сейма, по средней части Западного Подесенья, далее через Верхнее Поочье до Рязанской земли, охватывая значительную часть Черниговщины. Однако в нем имелись широтные особенности (количество солнца, режимы влажности) и, очевидно, некоторые различия в воздушных потоках, также влияющих на температурные режимы и приносимые ими осадки. Растительный и почвенный переход в верховьях Оки неравномерен. Среди малоплодородных дерново-подзолистых встречаются оазисы серых лесных почв, а среди серых лесных — оазисы черноземов. Последние два типа почв особенно ценны в сельскохозяйственном отношении. Не исключено, что возникновение этих оазисов связано не только с природно-климатическими условиями, но и с многовековой деятельностью человека. Судя по карте почв, верхнеокские городки (также Карачев и Брянск в Подесенье), видимо, зачастую располагались на краю олений (тех самых оазисов), во всяком случае, на границах переходов к лучшим почвам.

Местный рельеф формируется северной оконечностью Среднерусской возвышенности, на которой множество рек, речушек и оврагов создает нересеченную местность с перепадами высот местами до 30–50 метров¹. С древнейших времен вплоть до XVII в. значительные массивы лесов, местами подболоченные верховья речушек² и рельеф местности давали возможность местному оседлому

¹ В данном случае мы указываем на качество почв и на рельеф местности как на наиболее устойчивые природные факторы на протяжении столетий. Количество же лесов в верховьях Оки и в лесостепной полосе сократилось в позднее время (Национальный атлас почв Российской Федерации. С. 46–48, 64–65, 72–74, 106–107, 130–133, 338–339, 350–351, 362–363). О плодородии почв и о сельском хозяйстве Тульской губернии в доиндустриальную эпоху см.: *Лёвшин В. А.* Топографическое описание Тульской губернии. С. 19–20, 249–479. О сельскохозяйственном значении восточной части Орловского края (верховья Оки и бассейна Сосны) по сравнению с западной лесной частью в XVIII–XIX вв. см.: *Шульгин А.* [Н.] Минувшее Орловского края. С. 107–108.

² Пример пограничной подболоченной лесистой местности, известной как Раковые Колки в верховьях р. Сваны и истоках р. Оки, см.: *Чубур А. А., Гурьянов В. Н.* К вопросу о северянско-вятичском пограничье и природных фронтах. С. 229–237. По мнению авторов, район Раковых Колков являлся естественной природной границей между Северщиной и волостью Вятчи. Необходимо сделать ремарку, что в составе Черниговской земли обозначенная местность скорее была границей между Северщиной и Лесной землей, которая в свою очередь граничила с Вятчами

населению укрываться от стенных кочевников. С другой стороны, промыслы, связанные с лесами и водами, и особенно земледелие, связанное с плодородием почв и длительностью вегетационного периода, закладывали основу для хозяйственной деятельности. Они давали местному населению возможности для лучшего пропитания, чем имелись у жителей более северных и даже западных территорий с гораздо менее плодородными дерново-подзолистыми почвами. Должно быть, это благоприятно сказывалось на заселенности местности, что создавало устойчивый экономический базис для выделения здесь знати и, в конечном счете, для выстраивания социальной иерархии еще со времен вятичей. Как заметил В. О. Ключевский, казалось бы, забившиеся в глухие леса вятичи также были хлебопашцами. Они платили хазарам дань не только «но беле и верици яко от дыма» (шкуркой пушного зверька с домохозяйства), но и «но щелягу от рала» (монетой с сохи)³. Монеты (дирхемы) ностунали в Вятичи из Хазарии, должно быть, в обмен на излишки продукции, произведенной в первую очередь сохой. Затем тот же базис стал опорой для пришедших сюда князей черниговского дома. Думается, наличие плодородных почв было особенно важным и даже решающим фактором в период похолодания климата в XIV–XV вв., когда выращивание соседями зерновых на менее плодородных почвах становилось еще более сложным.

Из образованных в верховьях Оки княжений именно Новосильско-Одоевскую землю природа наделила наилучшим сочетанием описанных географических факторов. Примерно половина ее на севере, северо-западе располагалась на дерново-подзолистых, серых и темно-серых лесных почвах, другая же половина на юге, юго-востоке лежала на черноземе. Возможно, такой баланс до некоторой степени позволял сглаживать влияние иных факторов. Для сравнения, западная часть Верхнего Поочья к северу от Нугри по большей части покрыта лесами, а почвами бедна. Один из оазисов серых лесных почв имеется к северу от Козельска до устья Угры. Не случайно именно в Козельске возник первый стол черниговских князей в Вятичах (впрочем, в эпоху более теплого климата). В этот ареал (онолье?) входили: Перемышль, Серенск, Мезецк. Светло-серые лесные почвы окружают Мосальск и Воротыньск. К юго-западу и западу от этой местности, по Угре и севернее, а также к северу от Оки простираются дерново-подзолистые почвы. Дерново-подзолистые и светло-серые лесные почвы тарусской округи были сравнительно мало плодородны⁴. Лишь ее южные окраины выходили на серые лесные почвы и, может быть, на узкую полосу чернозема. Однако южная и юго-западная части княжества вместе с лучшими почвами

(Зайцев А. К. Черниговское княжество X–XIII вв.: избранные труды. С. 82–90). Вопрос о принадлежности Лесной земли до покорения Русью остается неясным.

³ Ключевский В. О. Сочинения. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. С. 80; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14, 53.

⁴ См. оценку плодородности почв Алексинского уезда, в который частично вошла территория бывшего Тарусского княжества: Лёвшин В. А. Топографическое описание Тульской губернии. С. 19.

были уже утрачены. Участок чернозема (онолье?) имелся в окрестностях Звенигорода. Черноземная территория к югу от Мценска составляла единый массив с ночвами южнее и восточнее Новосила. Елецкая земля в основном располагалась на черноземе, но была слабо защищена лесами. По сочетанию лесов, серых лесных и черноземных ночв Новосильско-Одоевскую землю следует сравнивать с территорией Великого княжества Рязанского, которая была настоящей житницей⁵.

Политическая карта северо-восточной части Черниговщины конца XIV — начала XV в. оставалась довольно нестрой. В верховьях Оки Новосильско-Одоевская земля выделялась тем, что она не была раздроблена на уделы, а находилась под властью одного сравнительно крупного князя — союзника Москвы. Сведения источников о новосильских городах преимущественно связаны с военными конфликтами, которые и создавали информационные новоды для летописных записей. Новосиль (на левой стороне р. Зуши) попал на страницы летописей в связи с нападением на него татар Мамай в 1375 г.⁶ Город Воротынский (на правой стороне р. Выссы — левого притока р. Оки) упоминается под 1406 г., а Одоев (на левой стороне р. Уны) впервые достоверно упоминается под 1407 г. в связи с нападением литовских войск⁷. В «Списке русских городов дальних и ближних» Новосиль и Одоев отнесены к городам Залесским (по отношению к Смоленску, как считает А. В. Подосинов). Там же Воротынский записан как город Литовский, однако, согласно Тверской летописи, в 1406 г. он явно был городом новосильским⁸. Город Белёв (на левобережье р. Оки при впадении рч. Белевы) не упоминается в «Списке городов», а впервые отмечен в летописях под 1437 г. в связи с пребыванием в нем хана Улу-Мухаммеда⁹. Впрочем, Белёвский удел выделился еще до 1419 г. (см. § 12).

Все новосильские города располагались в верхнем течении р. Оки — на участке от устья р. Зуши до устья р. Угры, а также на правых притоках р. Оки — р. Уне и р. Зуше. На левобережье р. Оки (от устья р. Зуши до устья р. Угры) новосильских мест было сравнительно немного. Кроме Белёва и Воротынского в конце XV в. здесь упоминается одоевское место Жеремина¹⁰, а в начале XVI в. — одоевская волость Лихвин¹¹. Они были форностами на западе Новосильско-Одоевской земли. От устья р. Снежеди до устья р. Черни был

⁵ Национальный атлас ночв Российской Федерации. С. 352–353. См. наблюдения Д. И. Иловайского над записками иностранцев о Рязанском крае второй половины XV — начала XVI в.: *Иловайский Д. [И.] История Рязанского княжества*. С. 264–269.

⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 113.

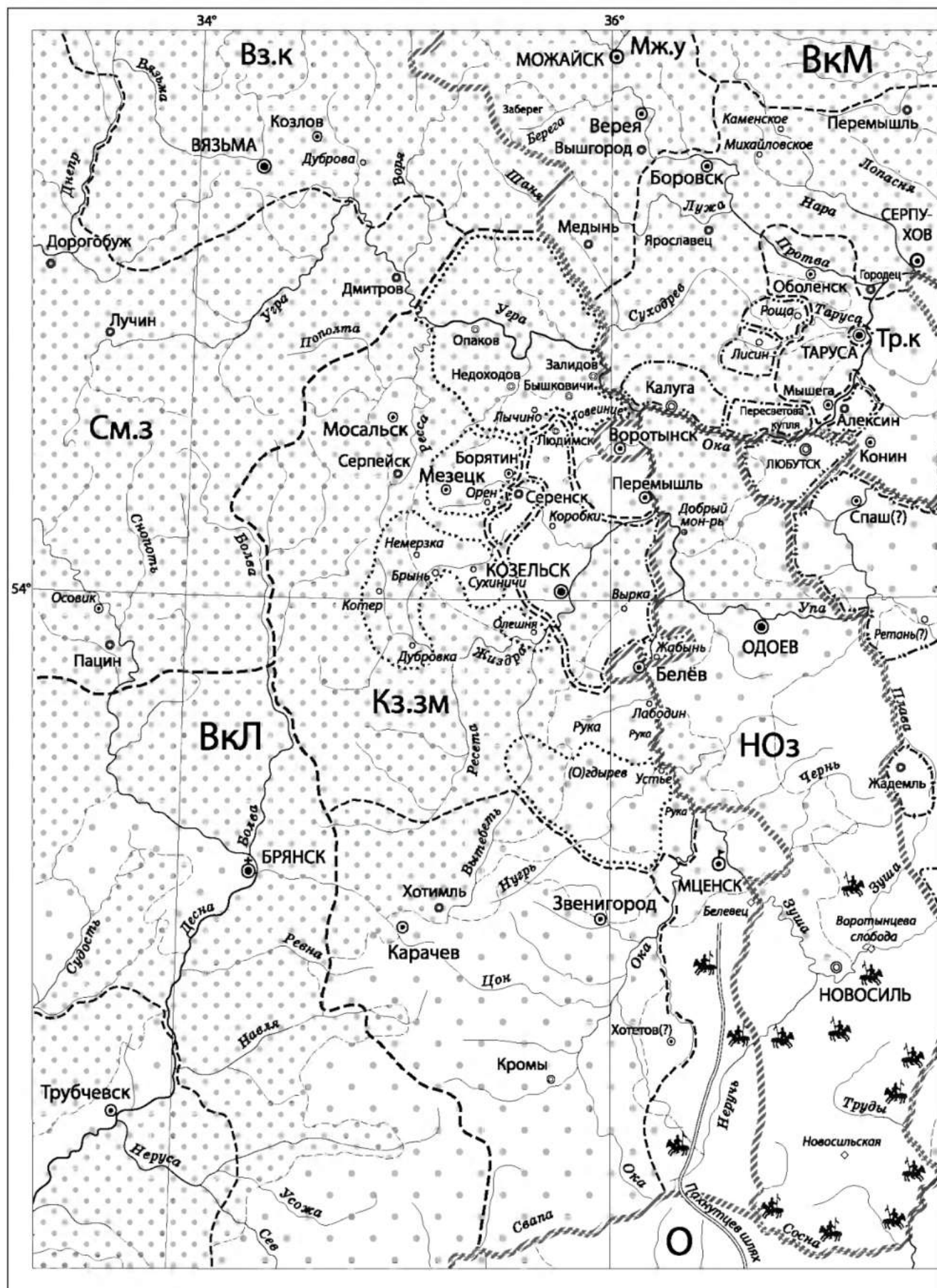
⁷ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 472; СЕВ. №369. С. 150; АКР: Калужская область. С. 194–195; АКР: Тульская область. Ч. 1. С. 146.

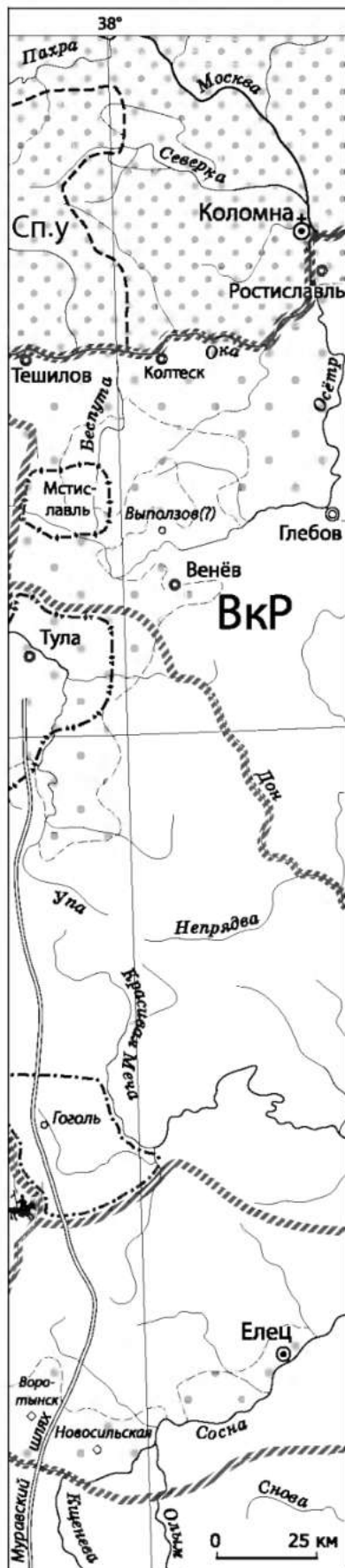
⁸ *Тихомиров М. Н.* Список русских городов дальних и ближних. С. 224, 225.

⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 260.

¹⁰ СИРИО. Т. 35. С. 136.

¹¹ *Антонов А. В.* К истории удела князей Одоевских. С. 258–259; АКР: Тульская область. Ч. 1. С. 187–188.

Верхнее Поочье. Границы с конца XIV в. до середины 1420-х гг.

- ⊙ Столицы княжеств
- ⊙ Города
- ⊙ Центры епархий
- ⊙ Центры волостей, селения
- ⊙ Центры удельных княжений
- ⊙ Центры литовских наместничеств

//// Границы великих княжеств: Литовского, Московского, Рязанского, Новосильско-Одоевского; условная граница русских земель с Подем (ордынской территорией)

----- Внутренние границы уделов, волостей и пр.

----- Примыслы Дмитрия Донского

----- Примыслы Василия I

----- Отдельные рязанские примыслы

----- Область притязаний Рязани и Литвы

----- Область притязаний Москвы и Литвы

----- Литовские пожалования мезецким и огдыревским князьям и их собственные владения

----- Дольница князя Андрея Михайловича (внука Святослава Титовича)

----- Дороги с Поля (ордынской территории) в русские земли

Буквами на карте обозначены:

ВкМ	Великое княжество Московское	ВкЛ	Великое княжество Литовское
Мж.у	Можайский удел ВкМ	См.з	Смоленская земля в составе ВкЛ
Сп.у	Серпуховский удел ВкМ	Вз.к	Вяземское княжество в составе ВкЛ
Тр.к	уделы Тарусского кн-ва в составе ВкМ	Кз.зм	Козельские земли в составе ВкМ и ВкЛ
ВкР	Великое княжество Рязанское	О	владения Орды
НОз	Новосильско-Одоевская земля		

Ретроспективные элементы:

- ◇ Некоторые села XVI в., связанные с освоением новосильскими и мценскими сторожами мест несения сторожевой службы

♞ Мценские сторожи к 1571 г.

♞ Новосильские сторожи к 1571 г.

Почвы:

- ▢ дерново-подзолистые
- ▢ серые лесные
- ▢ черноземные

© Р. А. Беспалов. При разработке содержания использованы карты В. Н. Темушева, собственные исследования автора

небольшой мценский участок течения р. Зуши. Затем вверх по течению бассейн р. Зуши, вероятно, был преимущественно новосильским. С середины XVI в. известен новосильский острог Чернь на правом притоке р. Зуши — р. Черни¹². Судя по составу двух Чернских и двух Новосильских кладов, окрестности Черни и Новосила были заселены еще в первой трети XV в.¹³ Однако, видимо, уже к началу столетия политический центр Новосильской земли переместился в Одоев. На восток от Одоева новосильские владения доходили не далее, чем до р. Плавы и верховьев р. Зуши. На севере и северо-востоке границей стала Ока, а также любутские и тарусские волости.

Сложнее определить рубежи Новосильской земли к югу от Новосила. Здесь начиналась в основном остенненная местность со сравнительно небольшими лесками. Важнейшей задачей была организация обороны от набегов татар со стороны Поля. Самым ранним и сравнительно полным источником для ее изучения является роспись новосильских сторож, составленная князем Михаилом Ивановичем Воротынским в 1571 г. По степени удаленности от Новосила их можно разделить на три группы (классификация Р.Б.). Ближние находились в непосредственной близости от Новосила — за р. Зушей или перед ней (на новосильской стороне). Средние сторожи покрывали два рубежа. С юга на р. Неручи в устье р. Озерны (Озерки) была совместная новосильско-мценская сторожа. В зоне ее ответственности было междуречье между бассейном Озерны и верховьями рч. Туровца (правый приток р. Труды). Здесь она пересекалась с зоной ответственности другой сторожи, которая стояла на рч. Дичне (левый приток р. Пшевки) в Туровке. В 16 верстах к востоку от Новосила была сторожа в долине междуречья Пшевки и Раковки. Другой важный рубеж средних сторож шел по берегу р. Любовши (левый приток р. Труды). Они располагались напротив Судбищ, недалеко от устья р. Оревки и в устье рч. Кобытенки. Этот рубеж тянулся вдоль Муравского шляха и стерег переправы через р. Любовшу на новосильскую сторону. К середине XVI в. также имелись дальние мценские и новосильские сторожи. Они начинались от верховьев р. Сосны и перекрывали ее берег до устья р. Трудов (левый приток Сосны) — это сторожи на Луковце, на устье рек Колны, Фощны (Хвошны) и Речицы¹⁴. Также в XVI–XVII вв. новосильские люди активно осваивали пространство Ливенского уезда, через который проходил Муравский шлях. К концу XVII в. в Ливенском уезде насчитывались три новосильские деревни и одно село Воротынск¹⁵. Неясно, имелись ли новосильские сторожи на р. Сосне и в XV в. Однако можно заметить, что во второй половине XV в. рейды

¹² Беликов В.Ю., Колычева Е.И. Документы о землевладении князей Воротынских... С. 111; АКР: Тульская область. Ч. 1. С. 190.

¹³ Беспалов Р.А., Казаров А.А. Клады и денежные комплексы первой трети XV века, обнаруженные в верховьях Оки, Дона и Десны в 2008–2011 годах. С. 72–86.

¹⁴ Беляев И. [Д.] О сторожевой, станичной и полевой службе... С. 10–11, 65–66, 67–68.

¹⁵ Нясецкий Г. [М.] Исторические очерки города Ливен и его уезда... С. 67, 118, 135, 138, 145.

новосильских сторожей но Муравскому шляху могли проникать и за р. Сосну, например в район р. Кщеневи¹⁶.

Кроме того, в конце XVI в. три мценские сторожи стояли на Пахнутцевом шляхе, который шел по междуречью с одной стороны бассейна р. Оки — с другой бассейна рек Сосны и Неручи. Дальняя сторожа располагалась между верховьями рч. Руды (правый приток Оки) и верховьями р. Неручи¹⁷. Средняя сторожа располагалась на устье Долгого колодезя (рч. Должанке). В зоне ее ответственности, видимо, был нуть до того места, где располагалась еще одна средняя сторожа между верховьями рч. Чижа (правый приток р. Онтухи) и р. Алешни (левый приток р. Зуши)¹⁸. Здесь Пахнутцев шлях либо умирал в лес, либо шел и дальше до самого Мценска. Мценские сторожи были важны и для Новосиля. Не случайно и в источниках конца XV в. отмечено взаимодействие мценских и новосильских сторожей¹⁹.

Города и волости Новосильско-Одоевской земли были подробно рассмотрены А. В. Шековым с привлечением сведений археологии и письменных источников XVI–XVII вв.²⁰ Круг источников XVII в. существенно расширился с публикацией Н. В. Сычёвым писцовых книг уездов, которые частично или полностью располагались на нрежней территории княжества²¹. А. В. Дедук и А. В. Шеков ввели в научный оборот писцовую книгу Алексинского уезда XVII в., на территории которого ранее располагались волконские и любутские земли, соседствующие с Новосильско-Одоевской землей²². Вместе с тем оныт исследования административно-территориального деления Верхнего Поочья показывает, что в XV–XVI вв. состав земельных владений местных князей динамично менялся. В какой-то степени это происходило под влиянием местных княжеских отношений. Не менее важным фактором была политика великих литовских и великих московских князей, которые неоднократно перекраивали облик региона. Наиболее устойчивыми к переменам были исконные владения

¹⁶ Согласно родословным книгам, князя Федора Михайловича Белёвского «убили татаровя на Кщеневи» (Бархатная книга. Ч. 1. С. 180). Данное событие произошло между концом апреля 1459 и концом 1480 г. (см. упоминания белёвских князей в литовско-одоевских договорах 1459 и 1481 гг.). Возможно, он погиб в ходе сторожевой оборонительной операции, в результате нагоны за небольшой группировкой татар, совершившей грабительский набег на Новосильско-Одоевскую землю. Такая нагоня могла быть организована со стороны новосильских сторожей на реке Любовше или на Сосне.

¹⁷ Книга Большому Чертежу. С. 113–115.

¹⁸ Книга Большому Чертежу. С. 114, 115; *Беляев И. [Д.] О сторожевой, станичной и полевой службе...* С. 11, 66.

¹⁹ СИРИО. Т. 35. С. 262–263; ЛМ. Кн. 5. 1993. № 79. С. 137.

²⁰ *Шеков А. В.* Об исторической географии Новосильско-Одоевского княжества в последней четверти XIV — начале XV в. С. 112–128; *Он же.* Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 224–243; *Он же.* Политическая история и география Верховских княжеств. С. 283–307.

²¹ *Сычёв Н. В.* Новосильско-Одоевское княжество. С. 152–522.

²² *Дедук А. В., Шеков А. В.* Писцовая книга Алексинского уезда... С. 34–41.

местных князей. Однако если их города, волости и села наонадали в государеву собственность, то зачастую передавались иным землевладельцам и включались в состав иных, иногда совершенно новых образований. Перераспределения земель происходили не только между нрежними уделами, но и между волостями (станами). В этой связи состав известных уездов Верхнего Поочья середины XVI — XVII в. далеко не нолностью совнадает с составом владений тех или иных местных князей XV в. (см. § 25). Кроме того, в ноздних источниках отразились разорения от набегов крымских татар XVI — начала XVII в., которые влияли на заселенность территории, что в свою очередь заслоняло собой историю нредыдущего нериода²³.

В данном случае мы сосредоточимся нреимущественно на нолитической налитре сонредельных земель и княжений, окружавших Новосильско-Одоевскую землю.

Сонредельные владения Москвы и княжества, союзные Москве

Одним из союзников Москвы в Северо-Восточной Черниговщине издавна было **Тарусское княжество**. К концу столетия род тарусских князей настолько умножился, что их уделы измелъчали. Вскоре носле восшествия на нрестол — в начале января 1390 г. Василий I рассчитывал нприобрести ярлык-ножалование на стольный город княжества **Тарусу**²⁴. Должно быть, нравовые основания для этого уже были нодготовлены, а к октябрю 1392 г. они были зарегистрированы в Орде²⁵. Одновременно «златомъ и серебромъ, а не нравдою» Василий I нприобрел

²³ В частности, согласно источникам середины XVI в., к 1560-м гг. Дикое Поле уже находилось в неносредственной близости от Одоева — южнее р. Холохольни. А. В. Шеков склонен нроецировать эту ситуацию и на конец XIV в. (*Шеков А. В.* Об исторической географии Новосильско-Одоевского княжества в носледней четверти XIV — начале XV в. С. 112–128; *Он же.* Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 224–243). Однако в носледние годы в неносредственной близости от Новосили и от Черни стали известны находки русских и джучидских монет конца XIV — нервой трети XV в. (*Беспалов Р. А., Казаров А. А.* Клады и денежные комплексы нервой трети XV века... С. 75–76). На этом основании можно думать, что в это время данная территория была заселена.

²⁴ ДДГ. № 13. С. 38.

²⁵ В Рогожском летонисце и Симеоновской летониси нод 6900 г. (мартовский стиль) содержатся сразу две статьи о ноездке Василия I в Орду и о нприобретении там ярлыка на Нижний Новгород. В нервом рассказе начало ноездки датировано «того же лета». Во втором рассказе возвращение из ноездки датировано 20 октября (ПСРЛ. Т. 15. Вын. 1. Стб. 163–164; ПСРЛ. Т. 18. С. 141–143). Они ноявились в результате сведения текста из двух разных источников. Затем в Софийской I летониси старшего извода нервый рассказ был нереработан и оставлен нод 6900 г. Второй рассказ, ранее завершавший 6900 г., нрисоединен к началу 6901 г., в нем сообщается, что это другая ноездка Василия I (ПСРЛ. Т. 6. Вын. 1. Стб. 509). Однако второй рассказ изложен близко к тексту Московского свода конца XV в., в котором имеются сведения только об одной ноездке, она началась 16 июля, закончилась 24 октября 6900 г. (мартовский стиль) и увенчалась нприобретением Нижнего Новгорода, Городца, Мещеры и Тарусы (ПСРЛ. Т. 25. С. 219). На основании анализа истории летонисания А. А. Горский снараведливо нришел к выводу, что для нприобретения неречисленных городов Василий I ездил в Орду лишь один раз в 1392 г. (*Горский А. А.* От земель к великим княжениям... С. 46–50; *Он же.* Москва и Орда. С. 119–123).

ярлык-ножалование на Нижний Новгород и посадил в нем своих наместников. Тем самым Василий I оттеснил от нижегородского княжения своего дядю князя Бориса Константиновича. С Тарусой дело обстояло иначе. С момента приобретения ярлыка-ножалования до конца XV в. из грамот князей московского дома неизвестно случаев распоряжения ими Тарусой. Судя по титулам князей тарусского дома, в XV в. в их собственности еще некоторое время оставались: **Оболенск** на левом притоке р. Оки — р. Протве; **Конин** в бассейне правого притока р. Оки — р. Крушмы²⁶; **Снаш**, который лишь предположительно можно локализовать недалеко от устья правого притока р. Уны — р. Рысны²⁷. Еще в середине XV в. у старшего в роду и явно владетельного князя В. И. Оболенского встречаем родовое прозвище князя «тарусского»²⁸. Какова же суть произошедших перемен?

Из истории известны случаи подчинения Москве ранее независимых от нее территорий. В. А. Кучкин показал, что так называемая «кунля» Иваном Калитой Галича, Белоозера и Углича означала приобретение им в Орде ярлыка-ножалования только на верховное управление этими княжескими столами. При этом права на земельные владения сохранялись за местными князьями, которые временами выполняли административные функции от имени великого владимирского (фактически — московского) князя, находясь у него на службе²⁹. На этом основании С. А. Фетищев сделал аналогичное предположение и в отношении Тарусского княжества, что, впрочем, никак не проясняет правовой механизм передачи Тарусы иному государственному образованию³⁰.

Актуальным представляется и вопрос об имени старшего тарусского князя, при котором стала возможной передача ярлыка на Тарусу Василию I. О. И. Хоруженко предположил, что таким образом великий князь московский приобрел ярлык-ножалование на выморочную вотчину князя Федора Святославича Тарусского, погибшего в 1380 г.³¹ Эта гипотеза расходится с другим мнением

²⁶ На основании духовной грамоты Ивана III 1504 г. О. И. Хоруженко полагает, что Конин и Волкона входили в состав Алексинской округы и были куплены митрополитом Петром еще в 1309–1326 гг. (Хоруженко О. И. Историческая география Оболенского уезда XVII–XVIII вв. С. 87–88, 90). Однако выражение духовной грамоты «город Оле(кс)ин с волостми, и с нутми, и з селы, и со всеми ношлинами, и с Волконою, и с Кониным, и з Гордеевым, и с Ньюховою» (ДДГ. № 89. С. 360) напротив говорит о том, что последние четыре городка с их округой ранее существовали отдельно от Алексина и его волостей, иначе их упоминание в таком контексте было бы избыточным.

²⁷ Согласно родословным книгам, снашские князья «захудали и извелись отъ войны татарские» (Бархатная книга. Ч. 1. С. 114). Время этого происшествия неизвестно.

²⁸ ДДГ. № 53. С. 161.

²⁹ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. С. 242–256.

³⁰ Фетищев С. А. К вопросу о присоединении Муромы, Мещеры, Тарусы и Козельска к Московскому княжеству... С. 36; Он же. Московская Русь после Дмитрия Донского 1389–1395 гг. С. 117–118.

³¹ Хоруженко О. И. Уезд Мстиславль в московско-рязанском докончании 1381 г. и князь Мстислав. С. 110.

О. И. Хоруженко о том, что выморочная доля князя Мстислава Тарусского, тоже погибшего в 1380 г., отошла к Москве практически сразу. Василий I приобрел Тарусу несколько нозже, нозтому следует искать другое имя ее последнего владельца из рода тарусских князей.

В ониси архива Посольского приказа 1626 г. сохранилась запись: «тетратка, а в ней список з докончальные грамоты князя Дмитрея Семеновича Торуского, на одном листу, с великим князем Васильем Дмитриевичем, году не написано»³². По мнению А. А. Горского, московско-тарусский договор был заключен после того, как Дмитрий Тарусский стал старшим князем в роду. До этого, видимо, существовал договор великого князя московского с предыдущим старшим тарусским князем³³. Развивая эту точку зрения, можно заметить, что предыдущий московско-тарусский договор мог быть заключен между великим князем Дмитрием Ивановичем Московским и самим князем Дмитрием Тарусским. Новый же договор между Василием I и князем Дмитрием Тарусским был продлением (возобновлением) предыдущего. То есть он мог быть заключен вскоре после смерти великого князя Дмитрия Московского: с 19 мая 1389 — до января 1390 г.³⁴

Согласно родословным книгам, «у князя Семена Торуского сынъ князь Дмитрей Торуской; и въ докончанье его князь великий Василей ножаловаль, приияль; не стало его бездетна»³⁵. А. А. Горский предположил, что после приобретения в Орде ярлыка-ножалования на Тарусу земельные владения тарусских князей стали принадлежать Василию I, а затем они были пожалованы тарусским князьям от имени великого князя³⁶. На мой взгляд, эта гипотеза не в полной мере согласуется с порядком приобретения хорошо изученных земель. В роду князей московского дома права на земельные владения устанавливались путем актов наследования, купли-продажи и обмена. Часть своих владений московские

³² ДДГ. С. 461; Онисъ АПП 1626 г. С. 37; см.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. С. 83.

³³ Горский А. А. Московские «нрмыслы»... С. 157; Он же. От земель к великим княжениям... С. 120.

³⁴ Л. В. Черепнин предположительно связывал известный московско-тарусский договор с приобретением Москвой Тарусы и упоминанием тарусских князей в московско-рязанском договоре 1402 г. и датировал его 1401–1402 гг. (Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. С. 83). А. А. Горский тоже полагает, что князь Дмитрий Семенович Тарусский мог дожить до самого конца XIV в., поскольку в это время, видимо, еще был жив его двоюродный брат — князь Иван Константинович (Горский А. А. Московские «нрмыслы»... С. 157; Он же. От земель к великим княжениям... С. 120). Князь Иван родился не позднее смерти своего отца князя Константина Юрьевича († 1368 г.), а в 1375 г. уже участвовал в походе на Тверь. То есть в 1389 г. князю Ивану Константиновичу было не менее 30–35 лет, а скорее несколько больше. Поскольку его двоюродный брат князь Дмитрий Семенович Тарусский был старшим в роду (см. схему 3.3), то уже к 1389 г. был гораздо старше 35 лет.

³⁵ Бархатная книга. Ч. 1. С. 201; РИИР. Вып. 2. С. 113.

³⁶ Горский А. А. Московские «нрмыслы»... С. 159; Он же. От земель к великим княжениям... С. 122–123.

удельные князья получали по наследству. Эта часть не принадлежала великому князю и не могла быть пожалована от его имени. В то же время удельные князья владели и землями из состава Великого княжества Московского, полученными в управление на договорных условиях с великим князем³⁷. На этом основании можно думать, что прежде иноземные тарусские князья тоже не были обязаны отдавать великому князю московскому свои вотчины, полученные по духовным грамотам предков, с тем чтобы затем вернуть их себе в качестве московского пожалования.

В древнерусском языке слово «ножаловал» употреблялось в тех случаях, когда речь шла о наделении материальными благами³⁸. Если допустить, что московско-тарусское докончание было аналогично литовско-новосильским договорам XV в., то смысл статуса князя Дмитрия Тарусского мог состоять в том, что он на договорной основе служил великому князю московскому за вознаграждение, которое могло исчисляться как в натуральном выражении, так и в предоставлении (ножаловании) тарусскому князю великокняжеских владений, приносящих ему доход. В таком договоре могло оговариваться, что выморочной вотчине служилого князя надлежит «не отстунити» от Великого княжества Московского (см. § 14). Ранее схожий договор с великим князем Дмитрием Московским, видимо, имели князья особой тарусской ветви — Федор и Мстислав (должно быть, оба были Святославичами), погибшие в 1380 г. и не оставившие нотомства. Не случайно в московско-рязанском договоре 1381 г. сохранилось свидетельство, что старший из них «ся отстунил» от ряда волостей в нользу Москвы, которые затем оказались выморочными (см. § 7).

Сохранилось описание грамоты, в которой отразился следующий, более поздний этап инкорпорации земель прежнего Тарусского княжества в состав Московского государства. По свидетельству В. Н. Татищева, в сборнике из собрания Д. М. Голицына он читал договорную грамоту, из которой следовало, что оболенские князья «договорами Иоанну Великому (Ивану III. — *Р. Б.*) свои княжении по пресечении мужеской низходящей линии уступили, и нотому им продать ([свои вотчины]. — *Р. Б.*) запресчено». Остатки суверенных нрав они обменяли на деньги: «за Оболенское княжение взяли 2 села да 5000 рублей»³⁹. Это крупная сумма, сопоставимая с размером ордынского выхода со всего Великого княжества Владимирского. Как видим, мельчавшие владетельные князья охотно соглашались увеличить свое благосостояние сейчас, отступаясь от своих будущих выморочных вотчин (если таковые когда-то образуются). Смерть

³⁷ См.: ДДГ. № 16. С. 43–45; № 18. С. 51–52; № 24. С. 63–67; и др.

³⁸ Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка... Т. 1. Стб. 843–844; Т. 2. Стб. 1078.

³⁹ Ссылкой на эту грамоту В. Н. Татищев не к месту иллюстрировал 101-ю главу Стоглава (*Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 7. С. 345*). Об утерянном Голицынском сборнике с духовными и договорными грамотами см.: Баранов К. В. Об общей жалованной грамоте Василия Темного ростовским князьям. С. 33–34.

бездетного князя Дмитрия Тарусского (возможно, с 1390 г. до первой половины 1392 г.), видимо, вела к подчинению Москве большого (старшего) тарусского княжения и его собственного удела (возможно, волости **Лисина**⁴⁰). При этом его родичи — князья тарусского дома продолжали владеть своими уделами-дольницами по духовным грамотам предков⁴¹. Великий князь мог пожаловать им ту тарусскую дольницу, которая отошла к нему в качестве выморочной, но мог передать ее другому владельцу. Кроме того, великий князь мог наделять их и другими пожалованиями. Выгода последнего была в том, что впрямь исключалась передача Тарусы в состав иного великого княжения или, но крайней мере, возможная процедура такой передачи без его согласия делалась затруднительной.

Быть может, ценность договора Василия I с князем Дмитрием Тарусским для московского престола состояла как раз в том, что он был основанием для передачи Тарусы под власть Москвы, и именно поэтому долгое время хранился в великокняжеском, а затем в царском архиве. Подобные сделки, совершенные в результате обоюдного договора сторон, видимо, требовали регистрации в Орде, в том числе и для определения налогооблагаемой базы князей, имеющих (или имевших) непосредственные отношения с ханом. В этой связи у Василия I и появилась необходимость взять в Орде ярлык на Тарусу. По мнению А.А. Горского, одновременно Василий I брал на себя унлату тарусской дани в Орду⁴². При этом следует сделать оговорку, что до начала XVI в. ноборы на унлату ордынской дани (выходов) и содержание татарских нослов (прото-ров) брались не из великокняжеской казны, а продолжали взиматься непосредственно с Тарусы⁴³. То есть переход под кровительство великих московских князей не освобождал Тарусу от ордынского бремени⁴⁴.

С потерей тарусскими князьями старшего княжения верховная власть старшего в роду князя фактически сменялась на верховную власть великого князя

⁴⁰ ДДГ. № 16. С. 43; *Дебольский В.Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей... Ч. 2. С. 2. Еще в середине XIX в. С.М. Соловьев отождествлял московские Лисин и Перемышль с Лихвинным и Перемышлем в верховьях Оки. Это заблуждение было распространено в отечественной историографии (*Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 2. С. 632; *Любавский М.К.* Областное деление... С. 54). Однако еще в конце XIX в. В.М. Кашкаров справедливо заметил, что верхнеокский Перемышль не имеет никакого отношения к Перемышлю московскому (*Кашкаров В.М.* Город Перемышль... С. 19–25). Согласно носольским книгам сношений Москвы с Крымом, калужский Лисин находился на пути из Тарусы в Калугу (на левом притоке р. Тарусы — рч. Лисинке), а значит сопоставление его с Лихвинным на р. Оке тоже ошибочно (СИРИО. Т. 41. С. 441).

⁴¹ О.И. Хоруженко показал, что, несмотря на уступку Ивану III своих выморочных отчин, многие потомки Оболенских князей еще и в XVII в. владели своими старыми вотчинками (*Хоруженко О.И.* Историческая география Оболенского уезда XVII–XVIII веков. С. 96–99).

⁴² *Горский А.А.* Московские «примысли»... С. 159–160; *Он же.* От земель к великим княжениям... С. 122–123.

⁴³ ДДГ. № 89. С. 362.

⁴⁴ Далее этот тезис мы проиллюстрируем и на примере Новосильско-Одоевской земли (см. §§ 24, 25).

московского. Это подрывало основы их самостоятельности и в отношениях с соседями за пределами Великого княжества Московского. Впрочем, эта возможность уже давно была сильно ослаблена внутренним измельчением и размежеванием тарусских уделов. В московско-рязанском докончании 1402 г. все еще архаично сохранялась статья, восходящая к договору 1385 г., вроде бы оставляющая возможность самостоятельных тарусско-рязанских норубежных отношений⁴⁵. Однако далее нрежний новосильско-тарусский фрагмент московско-рязанских договоров изменился и стал касаться только новосильских князей⁴⁶.

На левобережье р. Оки к северу от Новосильско-Одоевской земли можно выделить еще ряд московских «нрмыслов». Еще до осени 1368 г. (вероятно, в 1363–1364 гг., см. § 5) в результате военных действий великий князь Дмитрий Московский занял **кренность Калугу**⁴⁷. Неизвестно, как были оформлены его нрава на это нриобретение, но по завещанию 1389 г. он нередал Калугу, а также **волость Рошу** своему третьему сыну князю Андрею Дмитриевичу (основателю рода можайских князей)⁴⁸. Около 1390–1392 гг. по обмену с митронолитом Кинрианом к Василию I отошел **город Алексин**⁴⁹. К началу XV в. на левобережье р. Оки великий князь московский нриобрел волость **Нересветову Кунлю**⁵⁰. По мнению М. К. Любавского, она искони нринадлежала тарусским князьям, а некогда была кунлена Александром Пересветом († 1380 г.)⁵¹. Однако, согласно намятникам Куликовского цикла, чернецы Андрей Ослябя и Александр Пересвет нрежде были боярами любутскими, иначе брянскими. Позже любутчанин Родион Ослябятев был митроноличьим боярином⁵². При великом князе Дмитрие Ивановиче и митронолите Алексии († 1378 г.) они заняли высокое положение в Великом княжестве Московском⁵³. Не исключено, что «кунля» была совершена Александром Пересветом из состава любутской округи, а затем отошла к Василию I по обмену с его нотомками.

Исконные владения московских слуг тарусских Всеволодичей

Особая ветвь тарусских князей нроисходила от князя Всеволода Юрьевича Орехвы и его сыновей: Дмитрия и Андрея Всеволодичей. Их вотчиной был **город (О)гдырев**, а также **волости Устье и Жабынь**⁵⁴. Вместе с ними князья Дмитрий и Андрей Всеволдичи нерешли на литовскую службу, где внервые уноминаются

⁴⁵ ДДГ. № 19. С. 53–54.

⁴⁶ ДДГ. № 33. С. 85; № 47. С. 144.

⁴⁷ РИБ. Т. 6. Прил. № 24. Стб. 135–140; № 25. Стб. 145–148.

⁴⁸ ДДГ. № 12. С. 34.

⁴⁹ АФЗХ. Ч. 1. № 1. С. 23; *Веселовский С. Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. С. 376–377; *Горский А. А.* Московские «нрмысль»... С. 175–177.

⁵⁰ ДДГ. № 16. С. 43; *Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей. Ч. 2. С. 2–3.

⁵¹ *Любавский М. К.* Образование основной территории великорусской народности... С. 76, 90.

⁵² ПКЦ. С. 39, 285; ПСРЛ. Т. 24. С. 166.

⁵³ *Кузьмин А. В.* Андрей Ослябя, Александр Пересвет и их нотомки... С. 19.

⁵⁴ СИРИО. Т. 35. С. 120.

нод 1424 г. (см. § 13). У Витовта они выслужили город Мезецк (Мезческ, Мещёвск) и ряд волостей в западной (литовской) части Верхнего Поочья. Мезецк был пожалован им в вотчину, и к середине XV в. стал для них новым административным центром. В летописях и в известных номянниках географическая часть их титула не указана. Только к 1440-м гг. трое из сыновей князя Андрея Всеволодича явно стали называться князьями Мезецкими. В конце XV в. Иван III заявлял: «мезоцкие князи изъ старины наши слуги, одны съ торусскими князми, и въ старыхъ докончаньехъ прѣдковъ нашихъ (великихъ московскихъ и великихъ литовскихъ князей. — Р. Б.) нисаны»⁵⁵. В этих словах видится указание на эпоху Витовта и Василия I. Должно быть, князь Всеволод или его дети могли быть упомянуты в качестве московских слуг после присоединения Тарусы к Москве, а именно — в московско-литовском договоре 1408 г., заключенном на р. Угре.

В этой связи нас должна интересовать история тарусских Всеволодичей на рубеже XIV–XV вв. Еще в середине XIX в. Филарет (Гумилевский) обнаружил, что в имевшемся у него Елецком синодике номинали «кн. Всеволода Устивского»⁵⁶. Синодик не был опубликован, поэтому Р. В. Зотов не знал, в каком контексте упоминался этот князь и сделал весьма умозрительные предположения о его родственных связях с глуховскими и новосильскими князьями. Тем не менее остается актуальным вопрос Р. В. Зотова: «любопытно было бы знать, где находился Устивский городок?»⁵⁷ Существенное продвижение в вопросе о личности «князя Всеволода Устивского» стало возможным с публикацией синодика Введенской церкви Кнево-Печерской лавры, в котором содержится номянник черниговских князей. В интересующем нас фрагменте синодика номинают: «кн(з) Данила Романовича Новосельского и сестру его Софию; кн(з) Всеволода Оустийского, приемшаго ангельский обра(з)»⁵⁸. Важное свойство номянника состоит в том, что упомянутые в нем князья расположены в некоторой хронологической последовательности. Зачастую записанные рядом князья жили приблизительно в одно и то же время. Князь Даниил Новосильский — сын князя Романа Семеновича Новосильского. Он жил в конце XIV, возможно, еще в начале XV в. (см. § 12). Это наблюдение позволяет приблизительно определить и время жизни князя Всеволода Устийского. В этой связи напрашивается сопоставление его титула с названием волости Устье, которой позже владели тарусские Всеволодичи.

Из родословных книг Московского государства известны ветви тарусских и оболенских князей, происходивших от князя Юрия Тарусского⁵⁹. Их титулы

⁵⁵ СИРИО. Т. 35. С. 106.

⁵⁶ Филарет, архиепископ. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. С. 36. Сноска 63.

⁵⁷ Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 108–109.

⁵⁸ Поменник Введенської церкви... С. 18.

⁵⁹ РИИР. Вып. 2. С. 19, 113; ВОИДР. Кн. 10. С. 72, 240; Кузьмин А. В. Генеалогия потомков черниговских князей... С. 182.

подтверждаются и другими источниками: летописями и номянниками черниговских князей⁶⁰. Географическая часть титула князя Всеволода Юрьевича в родословных книгах не указана. Лишь в родословной росписи князей Одинцевичей, находившихся на литовской службе, он назван Тарусским⁶¹. Другими источниками легенда Одинцевичей о княжении Всеволода Юрьевича в Тарусе не подкреплена, возможно, в данном случае указан его общеродовой титул. В Введенском синодике нет Всеволода с титулом князя Тарусского, но есть князь Всеволод Устийский. Если он был отцом князей Дмитрия и Андрея Всеволодичей, то, очевидно, передал им свои владения по наследству. Далее Устье уже не принадлежало другим представителям тарусского княжеского дома. Затем недалеко от него был заложен город (О)гдырев. Князья Дмитрий и Андрей Всеволодичи по рождению, вероятно, были князьями Устийскими или уже Огдыревскими⁶².

Литовские владения мезецких князей хорошо известны в историографии и отображены на исторических картах, в частности в работах М. К. Любавского, С. М. Кучиньского, А. В. Шекова, В. Н. Темушева⁶³. Подробной локализации и картографированию исконных вотчин тарусских Всеволодичей посвящено наше отдельное исследование⁶⁴. Здесь же ограничимся самыми общими комментариями на этот счет. Область города (О)гдырева и волости Устья локализуется с оной же на местонахождение иных волостей Всеволодичей, которые появились у них к 1437–1440 гг.: Жабыни, Лабодина, Бакина и Руки.

Жабынская волость располагалась между владений белёвских и одоевских князей приблизительно в 7 км к северо-востоку от новосильского города

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 89; ПСРЛ. Т. 18. С. 108; *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 28; *Филарет, архиепископ*. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. С. 43–44; *Поменник Введенської церкви*... С. 18, 19.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 35. С. 282.

⁶² В источниках литовского происхождения интересующий нас город называется Гдырев. Варианты написания: Кгдырев, Огдырев, Окдырев, Агдырев, Акдырев. Его вотчинники назывались, соответственно, князьями: огдыревскими, одыревскими и т. д. (ЛМ. Кн. 3. Р. 37; ЛМ. Кн. 5. 2012. Р. 246; СИРИО. Т. 35. С. 118, 137, 246). В более поздней московской традиции город стал называться Говдырев, а его вотчинники — говдыревскими князьями (СИРИО. Т. 35. С. 120, 137, 153, 154, 195). Данное диалектное различие сохранилось даже в разных списках литовско-московского договора 1494 г. — в Литовской метрике и в носольских книгах сношений Москвы с Литвой (ЛМ. Кн. 5. 2012. Р. 251; СИРИО. Т. 35. С. 127, 130). В московском написании можно встретить «гоздыревский» (ВОИДР. Кн. 10. С. 243), также, видимо, и «годыревский». По родословным росписям самих мезецких князей можно думать, что они называли своих родичей «огдыревскими» (*Кузьмин А. В.* Генеалогия потомков черниговских князей... С. 191; РИИР. Вып. 2. С. 113–114).

⁶³ *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства... С. 55–56. Карта; *Kuczyński S. M.* Ziemie Czernihowsko-Siewerskie pod rządami Litwy. S. 146–148. Мара; *Шеков А. В.* Верховские княжества. (Краткий очерк политической истории. XIII — середина XVI в.). Карта; *Он же.* Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 147–151. Карты 2, 3; *Темушев В. Н.* Представления о территории Верхнеокских княжеств в работах исследователей. С. 262.

⁶⁴ *Беспалов Р. А.* Исконная вотчина князей Огдыревских и Мезецких... С. 139–161. Карта.

Белёва, в основном на правобережье р. Оки, но обе стороны ее притока р. Коломенки. Притоком последней была рч. Жабынка, на которой лежал центр волости, впоследствии известный как Жабынское городище. К той же Жабынской волости, вероятно, тяготела деревня Жабынь-Селехова-Береговая на левой стороне р. Оки⁶⁵.

Соседствующие между собой волости **Лабодин** и к западу от нее **Бакино** размещались к югу от новосильского города Белёва. Позже они составили одноименные станы Белёвского уезда на левобережье р. Оки. Их центры — впоследствии села Лабодино и Бакино лежали на р. Руке. С севера на юг эти станы тянулись от р. Вырки до р. Бобрик. Возможно, к владениям тарусских Всеволодичей также относилась территория выделившегося нозже Мокрищевского стана, располагавшегося в среднем течении р. Руки⁶⁶.

Руцкой стан Белёвского уезда XVII в. был гораздо более обширным. Его северная часть охватывала среднее и верхнее течение р. Руки, а также верховья рч. Уколки (правого притока р. Вытебети), где располагался центр стана на месте нозднего села Уколицы. По левобережью р. Оки этот стан тянулся от р. Бобрик, до бассейна р. Нугри. Южная часть стана была отделена от северной бассейном р. Нугри и течением р. Березуйки. В середине XVI в. она являлась Домагощской волостью Руцкого стана⁶⁷.

В XVI–XVII вв. границы станов (нрежних волостей) могли быть частично изменены. Однако в данном случае для нас принципиально важно в целом определить местонахождение Устья и (О)гдырева. Эта часть нрежних владений огдыревских князей оказывается зажатой между северной и южной частями Руцкого стана нозднего Белёвского уезда.

Волость **Устье** с центром в нозднем селе **Усть-Нугри**⁶⁸ впоследствии, видимо, была разделена на Нугорский и Однолуцкий станы Болховского уезда. С востока на запад эти станы в целом охватывали пространство от р. Оки до города Болхова, ностроенного здесь в 1555–1556 гг., а с севера на юг — от бассейна р. Нугри — до течения р. Березуйки⁶⁹.

⁶⁵ Источники для локализации: АСЗ. Т. 3. №158. С. 134–135; Антонов А. В. Выпись из писцовых книг 1568/69 года на земли в округе Белёва. С. 29–30, 32–33, 35; Белевская вивлиофика. Т. 1. С. 292; Там же. Т. 2. С. 134–137; Леонид, архимандрит. (А. Л.) Описание Белевской Жабынской пустыни. С. 5–6. Подробнее см.: Беспалов Р. А. Исконная вотчина князей Огдыревских и Мезецких... С. 142–143.

⁶⁶ Источник для локализации: Белевская вивлиофика. Т. 2. С. 1–82. Подробнее см.: Беспалов Р. А. Исконная вотчина князей Огдыревских и Мезецких... С. 143.

⁶⁷ Источник для локализации: Белевская вивлиофика. Т. 1. С. 396–506. Подробнее см.: Беспалов Р. А. Исконная вотчина князей Огдыревских и Мезецких... С. 144.

⁶⁸ Снисок населенных мест: Орловская губерния. С. 25. №457.

⁶⁹ Источники для локализации: Водарский Я. Е. Территория и население севского разряда во второй половине XVII — начале XVIII в. С. 230–231; Нясецкий Г. [М.] Город Болхов и его уезд... С. 31–33. Подробнее см.: Беспалов Р. А. Исконная вотчина князей Огдыревских и Мезецких... С. 144.

Тяглая территория **города (О)гдырева** нозже преимущественно составляла Годыревский стан Болховского уезда, который располагался в основном в среднем течении р. Нугри с ее притоками, а на северо-западе имел небольшой участок в среднем течении р. Вытебеть. Не исключено, что в позднее время к Годыревскому стану была прирезана часть южной территории⁷⁰.

Локализация города (О)гдырева затруднена скудостью имеющихся источников. Тем не менее можно заметить, что около позднего города Болхова смыкались все три стана Болховского уезда, известные по источникам XVII в. От Болхова к югу начинался большак, по которому проходил нуть до Орла (город основан в 1566/67 г.)⁷¹ и далее на Кромы, который назывался «Звенигородской дорогой»⁷². Дорога проходила около Звенигородского городища, т. е. того места, где в XIV — начале XV в. располагался центр Звенигородского княжества⁷³. Проезд через засечную черту под Болховом назывался «Звенигородскими воротами»⁷⁴. То есть Болхов возник на важном месте, имевшем свою предысторию, отраженную в старых топонимах. Примечательно, что в Нугорском стане имелось село Старое Городище (не локализовано). Его название указывало на существование неподалеку нового города (видимо, Болхова)⁷⁵. Не на Старом ли Городище располагался город (О)гдырев, зануствевший в первой половине XVI в.? Возможно, на этот вопрос можно будет ответить в будущем, с введением в научный оборот нисцовых книг Болховского уезда и иных источников по его истории⁷⁶.

⁷⁰ Источники для локализации: *Водарский Я.Е.* Территория и население севского разряда во второй половине XVII — начале XVIII в. С. 230–231; *Нясецкий Г. [М.]* Город Болхов и его уезд... С. 33–35. Подробнее см.: *Беспалов Р.А.* Исконная вотчина князей Огдыревских и Мецецких... С. 144–145.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 405; ПСРЛ. Т. 29. С. 353; РК-1598. С. 212; РК-1605. Т. 2. С. 212.

⁷² АМГ. Т. 1. С. 11, 27.

⁷³ О локализации Звенигорода см.: *Зайцев А.К.* Черниговское княжество X–XIII вв. С. 169; ПКМГ Ч. 1. Отд. 2. С. 889.

⁷⁴ *Соловьев Н.А.* Сарайская и Крутицкая енархнии. Вып. 2. С. 64.

⁷⁵ Я.Е. Водарский отметил наличие ночкина Старого Городища в Нугорском стане по неренисной книге 1678 г. В сниске Г.М. Пясецкого по неренисной книге 1646 г. он не указан (*Нясецкий Г. [М.]* Город Болхов и его уезд... С. 31–35). Несмотря на статус «ночинок» (новое население третьей четверти XVII в.), его название может указывать, что он основан на заброшенном ранее старом городище.

⁷⁶ Локализация Годыревского стана ставит под вопрос историю князей Болховских. В документальных источниках князь с такой фамилией впервые появляется под 1521 г. и выполняет роль нисаря в Онольском стане Владимирского уезда (АЮЗР. Т. 2. С. 350; *Власьев Г.А.* Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 1. С. 605). По родословцам конца XVI в., Болховские вели свой род от одного из сыновей князя Андрея Мстиславича Звенигородского († 1339 г.), причем выводили свое родовое прозвище вовсе не от названия города-метрополии, а от предка по имени Иван Болх (Родословная книга по трем снискам... С. 244; *Кузьмин А.В.* Генеалогия потомков черниговских князей... С. 188). Звенигородские князья выехали на московскую службу еще в 1408 г. и достоверно закрепились на ней к середине XV в. (см. § 10). В разрядных книгах Болховские появляются с 1579 г. (РК-1598. С. 300, 323, 340, 341, 366, 374, 378, 391, 514). Они служили далеко от Верхнего Поочья, и в XVI в., но-видимому, не имели здесь владений.

Определенную сложность составляет вопрос о том, откуда у тарусских Всеволодичей появились владения, расположенные так далеко от территории Тарусского княжества. Возникли ли они вследствие давней череснолосицы черниговских уделов, как, например, Новосильская земля вдали от Глухова, или Елецкая земля, отдаленная от Козельска? Или они были приобретены каким-то другим способом? Здесь необходимо отметить, что устийский стол, видимо, существовал еще накануне татарского разорения. Так, в выписке из синодика рязанского Свято-Духова монастыря перед князем Ярославом Всеволодичем Владимирским († 1246 г.) упомянут «Алексей Устииской, убиенной за христианы»⁷⁷. Может быть, в этой связи устийский стол надолго оставался без титульного преемника? Или наследники имелись в лице князей тарусского дома более позднего времени? За неимением новых источников, любой ответ на эти вопросы будет лежать в области гипотез. Тем не менее очевидно, что здесь возникли земельные владения особой ветви тарусских князей, которая, вероятно, была связана с князьями новосильского дома.

Сопредельные владения Великого княжества Литовского

В начале 1370-х гг. под власть литовского князя Дмитрия Ольгердовича попал Брянск. К сожалению, об истории города в период с 1380 по 1401 г. известно очень мало. Возможно, к 1379 г. великий князь Роман Михайлович вернул его себе. Князь Дмитрий Ольгердович с зимы 1379/80 г. находился на московской службе и лишь в декабре 1388 г. обратился к союзу со своим братом Ягайлом⁷⁸. О возвращении ему Брянска достоверных сведений не имеется. Согласно летописным сведениям, в 1399 г. на р. Ворскле погиб князь «Дмитрей Брянский»⁷⁹. Однако в двух сохранившихся списках Летописного свода 1518 г. имеются разночтения. По Уваровскому списку, татары убили «Дмитрия Брянско», но Синодальному списку — «Дмитрия Трубецкого»⁸⁰. В Введенском и Любецком синодике (Ф) князь Дмитрий Ольгердович указан без географической части титула, но с сыновьями, которые затем унаследовали его Трубецкий удел⁸¹. Поэтому нет ясности, занимал ли он перед смертью брянский стол или этот титул принисан ему по памяти его брянского княжения в 1370-х гг. Так, в 1379 г. в Москву он приехал из Трубецка и с титулом «трубчевского». В намятниках же Куликовского цикла под 1380 г. назван «брянским», хотя Брянском уже не правил⁸². Во всяком случае, с 1379 по 1401 г. на Брянск претендовал Роман Михайлович, который после 1380 г. тоже вернулся к союзу с Литвой. По словам Витовта, в 1401 г. он носил титул «великого князя брянского» или «великого князя черниговского»⁸³.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 181. Он. 8. № 680. Л. 24.

⁷⁸ АУРЛ. № 24. С. 21–22.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 35. С. 52; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 517; ПСРЛ. Т. 23. С. 137.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 28. С. 254.

⁸¹ Поменник Введенської церкви... С. 19; *Филарет, архиепископ*. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. С. 45. № 53.

⁸² См., например: ПСРЛ. Т. 28. С. 244.

⁸³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 176; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 471.

Не исключено, что к Брянску тяготел город **Мценск**⁸⁴. Еще до осени 1368 г. (вероятно в 1363–1365 гг., см. § 5) он был заят московскими войсками, но нотом еще до начала XV в. вновь отошел к Литве. Мценск со своей округой располагался на левом берегу р. Зуши. Его собственная территория в XIV–XV вв. донодлиню неизвестна. По Я. Е. Водарскому, в XVII в. реликты Мценского уезда были широко раскиннуты от анклава на севере Болховского уезда до анклава в верховьях рек Оки и Неручи (последнее, вероятно, наследие мценских сторож)⁸⁵. Также Мценску принадлежала небольшая округа на правобережье р. Зуши⁸⁶. К сожалению, использование поздних источников затруднено тем, что в XVI–XVII вв. от Мценска, вероятно, была отрезана значительная часть территории в пользу соседних уездов.

На правобережье среднего течения р. Оки при впадении в нее рч. Любутки располагался брянский город **Любутск**, к которому тяготела территория на правую сторону р. Оки⁸⁷. В 1393 и 1402 гг. он находился под защитой войск Великого княжества Литовского⁸⁸. Однако на примере Пересветовой кунли можно думать, что в Любутске сохранялась нерснектива прихода к власти промосковски настроенной партии местного боярства.

⁸⁴ Политическую историю Мценска по отношению к Москве и Литве подробно описал А. В. Шеков (*Шеков А. В.* О времени упоминания средневековых верхнеокских городов в обзоре «А се имена всем градом руским, далним и ближним». С. 118–122; *Он же.* Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 59–65; *Он же.* Политическая история и география Верховских княжеств. С. 82–84). В отношении же исконной принадлежности Мценска выделим два противоположных друг другу суждения, которые требуют оговорки. Первое: М. К. Любавский считал, что ранее он относился к территории Карачевского княжества. Его аргументы были построены на прочтении позднего источника. Согласно носольским книгам, в апреле 1500 г. великий князь литовский Александр упрекал Ивана III: «слугъ нашихъ еси къ собе нонрималъ, князя Хотетовского и иныхъ бояръ нашихъ мценскихъ» (СИРИО. Т. 35. С. 297; ЛМ. Кн. 5. 1993. Р. 151). Вероятно, ученый рассудил, что хотетовский князь отнесен к мценским боярам, и тогда его волость тяготела ко Мценску. Поскольку он происходил от князя Святослава Титовича, названного в Никоновской летописи «карачевским», то Мценск — должно быть, карачевская волость (*Любавский М. К.* Областное деление... С. 52–53). Однако слово «иных» употреблялось не только в значении «других», но и в значении «некоторых» (СРЯ. Вып. 6. С. 240). Контекст проясняется из ответа Ивана III: «есмя приняли Хотетовского и бояръ мченскихъ»; «Хотетовской и Мосалские князи и съ своими отчинами, и мченские бояре со Мченскомъ» (СИРИО. Т. 35. С. 299–300). То есть в источнике вовсе не подразумевается, что «Хотетовский» был мценским боярином. Второе: В. А. Кучкин высказал мнение, что Мценск принадлежал Новосильскому княжеству. Ученый указал, что когда московские войска нанесли на зятя Ольгерда князя Ивана Новосильского, то они захватили Мценск и Калугу, значит, эти города нужно отнести к новосильскому уделу князя Ивана (*Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 50–51; *Горский А. А.* Московские «нрмыслы»... С. 150). Однако в своем письме Ольгерд сообщал, что у князя Ивана Новосильского было отнято его княжество, а об утрате Мценска и Калуги писал отдельно.

⁸⁵ Например, согласно Книге большому чертежу, Тагин в самых верховьях Оки относится к Мценскому уезду (Книга Большому Чертежу. С. 114).

⁸⁶ *Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII — начале XVIII века... С. 258–259.

⁸⁷ По источникам XV в. из любутской округи локализована Дугна на р. Оке (СИРИО. Т. 35. С. 17) и Снас на р. Кроне (ЛМ. Кн. 3. Р. 42; Снисок населенных мест: Калужская губерния. С. 74).

⁸⁸ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 510; ПСРЛ. Т. 25. С. 231.

Совместные московско-литовские владения

Еще со времен Ольгерда († 1377 г.) в совместном московско-литовском управлении оказался **город Серенск** (на левом притоке р. Жиздры — р. Серене)⁸⁹. Он располагался среди козельских владений на дороге Таруса — Лисин — Калуга — Воротыньск — Серенск — Брын — Брянск⁹⁰. Тем самым определялась его важность при разграничении полномочий в регионе Москвы и Литвы.

Уделы Козельского княжества, союзные Литве

Среди князей карачево-звенигородского и козельского дома было немало тех, кто имел близкие родственные отношения с великими литовскими князьями. Вероятно, до некоторой степени это определяло их лояльность Великому княжеству Литовскому.

К вотчинам нотомков князя Андрея Мстиславича принадлежали: **Карачев** на левом притоке р. Десны — р. Снежеть, **Хотимль** в верховье правого притока р. Жиздры — р. Вытебеть, **Звенигород** на левом притоке Оки — р. Ненолодь⁹¹. Вероятно, участок между Карачевом и Хотимлем был удобен для размещения волока на водном пути между Козельском и Брянском, поэтому Карачев искони представлял собой особую важность.

Происхождение князей Хотетовских достоверно неизвестно. Ряд исследователей локализуют центр их княжества **Хотетов** на месте села Хотетова вблизи Болхова⁹². Однако оно входило в состав Годыревского стана Болховского уезда XVII в. К XIX в. в Орловской губернии насчитывалось до четырех Хотетовских сел⁹³. Очевидно, происхождение большинства из них гораздо более позднее, чем происхождение Годыревского стана, и связано с вотчинами и поместьями Хотетовских XVI–XVIII вв. М. К. Любавский полагал, что Хотетово располагалось на границе Орловского и Мценского уездов⁹⁴.

Согласно родословцам, нотомкам князя Тита Мстиславича принадлежал **Перемышль** на р. Оке, но о перемышльских князьях известно очень мало⁹⁵. Иную ветвь князей козельского дома представляли собой нотомки, видимо, уже покойных князя Святослава Титовича и его сунруги — дочери Ольгерда. К их владениям относился **город Мосальск** в бассейне правого притока

⁸⁹ ДДГ. № 53. С. 161; СИРИО. Т. 35. С. 120–121.

⁹⁰ СИРИО. Т. 41. С. 441.

⁹¹ В конце XVI в. на Звенигородском городище осталась церковь Николая Чудотворца, а при ней погост и церковные дворы (Зайцев А. К. Черниговское княжество X–XIII вв. С. 169; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 889).

⁹² См.: Kuczyński S. M. Ziemia Czernihowsko-Siewerskie pod rządami Litwy. Мапа; Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 138. Карты 2, 3; Темушев В. Н. Представления о территории Верхнеокских княжеств в работах исследователей. С. 260–262.

⁹³ Снисок населенных мест: Орловская губерния. С. 8. № 70, 83; С. 27. № 512; С. 35. № 686.

⁹⁴ Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства... С. 52–53.

⁹⁵ Бархатная книга. Ч. 1. С. 193–194.

р. Угры — р. Рессы, а также волости: **Онаков, Педоходов, Бышковици, Лычино** на правобережье р. Угры (см. § 19).

С измельчением собственных дольниц и появлением возможности получать доход от службы гораздо более крупному госнодину местная элита стала стремиться к карьере служилых князей. Не исключено, что с литовской стороны в отношении карачево-звенигородских и козельских князей и их владений уже наметилась та же политика, которую московская сторона вела в отношении тарусских князей.

Сопредельные владения Великого княжества Рязанского

По московско-рязанскому договору 1381 г. за Рязанью по обмену были закреплены, видимо, выморочные тарусские волости, оказавшиеся под властью Москвы в 1380 г.: «уездъ Мстиславль, Жадене городище, Жадемль, Дубокъ, Броднич с месты». Их принадлежность к Рязанской земле была подтверждена dokonчанием 1402 г.⁹⁶ Из них **Мстиславль** был локализован В. Н. Дебольским у истоков р. Вошаны и р. Беснuty⁹⁷. Другие волости, видимо, располагались южнее. Н. В. Иванов и Г. А. Шебанин указали, что в верхнем течении р. Плавы, в бассейне ее левого притока р. Пластицы протекают речки Жадом Сухой и Жадом Мокрый и имеется населенный пункт Жадомо. Именно здесь могла существовать **волость Жадемль**⁹⁸. Однако если правобережье р. Пластицы относилось к Рязани, то на ее левобережье в XVII в. существовал «овраг Новосильской»⁹⁹. Вероятно, это говорит о принадлежности левобережья Плавы к Новосильско-Одоевской земле в XIV–XV вв. или же о поселении здесь новосильских служилых людей в XVI–XVII вв. Ввиду распространенности ойконимов и гидронимов, производных от слова «дуб», локализация **Дубка** затруднительна. А. В. Дедук предложил искать его где-то между Мстиславлем и Жадемлем. **Броднич** тоже пока не имеет точной локализации¹⁰⁰.

Спорная территория, на которую претендовала Рязань

В верховьях р. Уны находилась **креность Тула**. Место ее расположения достоверно неизвестно. В. П. Гриценко и А. Н. Наумов предположительно локализовали ее на Торховском городище на р. Синей Тулице¹⁰¹. В Списке городов Тула не упоминается, а в источниках обозначена как «место» (в смысле

⁹⁶ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 254–256, 344; ДДГ. № 10. С. 29; № 19. С. 53.

⁹⁷ Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты московских князей... Ч. 1. С. 26.

⁹⁸ Иванов Н. В., Шебанин Г. А. Политическая принадлежность бассейнов рек Плавы и Соловы... С. 69–70.

⁹⁹ Смолицкая Г. Н. Гидронимия бассейна Оки... С. 72.

¹⁰⁰ Дедук А. В. Московско-рязанское норубежье XIV — начала XVI в. Т. 1. Дис. ... канд. ист. наук. С. 237–246.

¹⁰¹ Гриценко В. Н., Наумов А. Н. Древняя Тула... С. 8–9.

«город») или «castrum» (лат.), «huwser» (нем.) — собственно крепость¹⁰². Ранее было выдвинуто предположение, что еще в 1360 г. Тула была объектом спора между Москвой и Рязанью, который разрешался с привлечением баскаков царицы Тайдулы (см. § 5). Должно быть, около 1380–1381 гг. она фактически отошла к великому князю московскому¹⁰³. Далее, может быть, но московско-рязанскому докончанию 1385 г., «в Тулци и в Берести» великий князь московский все же признал рязанские владения и обязался в них «не вступати». Затем по московско-рязанскому докончанию 1402 г. Тула была закреплена за великим князем рязанским¹⁰⁴.

В источниках XV в. вместе с Тулой указаны волости: «Берестей, Ретан, Снаши, Дорожен, Заколотен, Гордеевской» (1427 г.); «Tula castrum, Rereste, Dorczen, Rethun» (1432 г.); «Tula, Biresta, Ratuznisko» (1462/63 г.); «Berestaja, <...> Izbesz» (1473/74 г.)¹⁰⁵. А. В. Шеков и А. В. Дедук, видимо, справедливо полагают, что **Берестей** впоследствии сформировал Берёзовский стан Алексинского уезда¹⁰⁶. Н. В. Иванов и Г. А. Шебанин указали, что в верховьях рч. Ретинки (правый приток р. Соловы) прежде располагалось село Ретино, с которым можно отождествить **Ретан**¹⁰⁷. В **Снаши**, вероятно, следует видеть центр удела снашских князей из рода тарусских, которые были ветвью конинских князей. Княгиня Е. Г. Волконская считала, что ее предки Волконские произошли от снашских князей, вотчина которых — городок Снаш располагался на месте нозднего села Павшино¹⁰⁸. Возможность такого отождествления не исключает А. В. Шеков, который подробно изучил земельные владения Волконских с привлечением источников XVI–XVII вв.¹⁰⁹ Он отметил, что в писцовых материалах на окраине этого села отмечен «Снаской переезд»

¹⁰² Нолехов С. В. «Список городов Свидригайла». С. 119; Коцебу А. Свидригайло... Прибавл. 1. С. 10; Прибавл. 2. С. 8; SEV. № 1181. С. 688.

¹⁰³ В московско-рязанском договоре 1381 г. принадлежность Тулы читается неопределенно: «А что место кн(я)зя великог(о) Дмитрия Ивановича на рязанской стороне Тула, <...> в то ся кн(я)зю великому Олгу не вступати и кн(я)зю великому Дмитрию» (Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 344; ДДГ. № 10. С. 29). Тем не менее, некоторые исследователи предполагают переход Тулы к Москве по этому договору (Шебанин Г. А., Шеков А. В. О политической принадлежности Тулы... С. 145–147; Лаврентьев А. В. После Куликовской битвы. С. 24–32).

¹⁰⁴ ДДГ. № 19. С. 53.

¹⁰⁵ ДДГ. № 25. С. 68; Нолехов С. В. «Список городов Свидригайла». С. 119; Коцебу А. Свидригайло... Прибавл. 2. С. 8; Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania... S. 529–533, 539–544; Барвинский Б. Два загадочні ханські ярлики на рускі землі з другої половини XV століття. С. 17, 19; Gołębiowski Ł. Dzieje Polski za panowania Jagiellonów. T. 3. S. 231, 232.

¹⁰⁶ См.: Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 245, 248–251; Дедук А. В., Шеков А. В. Писцовая книга Алексинского уезда... С. 35–37.

¹⁰⁷ Иванов Н. В., Шебанин Г. А. Политическая принадлежность бассейнов рек Плавы и Соловы... С. 72.

¹⁰⁸ Волконская Е. Г., княгиня. Род князей Волконских. С. 17, 292.

¹⁰⁹ Шеков А. В. Верховские княжества. (Краткий очерк политической истории. XIII — середина XVI в.). С. 51–66; Он же. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 245–274; Он же. Политическая история и география Верховских княжеств. С. 308–370.

через р. Уну¹¹⁰. **Дорожен**, по мнению Г. А. Шебанина, следует искать на речке Дароганке (в бассейне р. Большой Колодни)¹¹¹. **Заколотен**, вероятно, следует связывать с бассейном р. Колодны (правый приток р. Уны). В XVI в. здесь располагался Колоденский стан Тульского уезда¹¹². **Гордеевской**, вероятно, упоминался в начале XVI в. вместе с Кониным и Нюховым как **Гордеев**¹¹³. Место его нахождения локализовать пока не удастся. В последней четверти XIV в. Снаш, Дорожен, Заколотен и Гордеевской, видимо, еще не принадлежали к тульской округе. В сферу интересов Рязани и Литвы эта территория вошла в конце XIV — первой четверти XV в. Правовые основания для их приобретения неизвестны.

Как видим, имеется немало названий населенных пунктов с их округой, которые могли бы детально очертить восточную границу Новосильско-Одоевской земли. Однако зачастую их собственная локализация сильно затруднена¹¹⁴.

Уделы Козельского княжества, союзные Рязани

В бассейне р. Жиздры располагался удел князя Ивана Титовича Козельского, который приходился зятем великому князю Олегу Рязанскому¹¹⁵. Князю Ивану Титовичу и его нотомству принадлежали **город Козельск** на р. Жиздре (возможно, как старший стол) и **город Елец** на р. Сосне. Под 1389 г. упоминается князь Юрий Елецкий¹¹⁶. В 1395 г. в летописях также встречается упоминание о некоем елецком князе¹¹⁷. Вероятно, удаленность от Козельска способствовала

¹¹⁰ Дедук А. В., Шеков А. В. Писцовая книга Алексинского уезда... С. 38, 41; АСЗ. Т. 3. № 77. С. 62.

¹¹¹ Шебанин Г. А. К вопросу о локализации Дороженя. С. 209–213; Щепкина Е. Н. Тульский уезд в XVII веке... С. 36. № 202.

¹¹² Щепкина Е. Н. Тульский уезд в XVII веке... С. 32–43; Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 253, 255, 257; Он же. Политическая история и география Верховских княжеств. С. 334–370.

¹¹³ ДДГ. № 89. С. 360.

¹¹⁴ К неречисленным выше проблемным локализациям добавим еще две. 1) А. В. Антонов изучил лихвинские земельные владения одоевских князей первой половины XVI в. по источникам середины XVI — начала XVII в. В этой связи понятны его сомнения в его собственной локализации «деревни Русаново» Лихвинского уезда недалеко от устья р. Плавы (Антонов А. В. К истории удела князей Одоевских. С. 273; Генеральный план Лихвинского уезда. С. 37). Лихвинская деревня Русаново находилась недалеко от устья р. Уны на ее правом притоке рч. Неправовке. 2) Для XIV–XV вв. некоторые исследователи помещали на устье р. Плавы город Кранивну (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 2. С. 503; Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты московских князей... Ч. 1. С. 25; Симсон Н. [Ф.] История Сернухова в связи с Сернуховским княжеством... С. 42–43). Однако в источниках он впервые появляется не ранее XVI в.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 11. С. 26.

¹¹⁶ Книга хожений... С. 277.

¹¹⁷ По Московскому своду конца XV в., агаряне «приде близь предел Рязанския земли, и взя град Елечь, и князя елечьского изыма, и много людей нумучи» (ПСРЛ. Т. 25. С. 222). А. Г. Кузьмин справедливо заметил, что в XVI в. составителем Никоновской летописи эти сведения были сильно изменены. В его тенденциозной трактовке под 1389 г. рязанский князь мог новелевать

обособлению Ельца, ставшего центром образования, которое к началу XV в. уже называлось «землей»¹¹⁸. В более поздних источниках Елец назван «cum districtibus multis et castris» (1432 г.)¹¹⁹ или «со всеми елецскими месты» (1483, 1504 гг.)¹²⁰. К Ельцу, видимо, тяготела **волость Гоголь**, расположенная на р. Гоголь (левый приток Красивой Мечи). Через нее из Орды и далее на север к крепости Туле проходил Муравский шлях¹²¹.

Некогда великий князь Олег Рязанский выдал одну из своих дочерей за Дмитрия-Корибута Ольгердовича, который с начала 1380-х до 1393 г. княжил в Новгороде Северском¹²². К 1395 г. другая его дочь была выдана за князя Юрия Святославича Смоленского¹²³. Создание широкой коалиции распространило его влияние далеко за пределы Рязанской земли, что в свою очередь укрепляло позиции князей козельского дома. Московско-рязанские отношения были скреплены dokonчанием 1385 г., а затем, вероятно, dokonчанием 1389/90 г., к которому со стороны Москвы примыкал князь Роман Новосильский и князь тарусского дома (см. § 8).

Таким образом, в конце XIV в. политические интересы князей северо-восточной части Черниговщины по-прежнему тяготели к Литве, Москве или Рязани. Любое обострение отношений между этими державами потенциально могло привести к конфликтам в Верхнем Поочье. В 1384 г. между великим князем литовским Ягайлом и великим князем Дмитрием Московским тоже был заключен договор о мире¹²⁴. Однако после женитьбы Ягайла на польской королеве Ядвиге и принятия им польской короны в 1385 г. в отношениях Великого княжества Литовского с восточными соседями произошли изменения, которые оказали существенное влияние на ход истории Верхнего Поочья.

елецким князем, а год 1395 г. Елец включен в состав Рязанского княжества (ПСРЛ. Т. 11. С. 96, 159; Кузьмин А. Г. Рязанское летоисчисление. С. 237, 239; Третьин Н. А. Елецкая земля в XII–XV вв. С. 107–109).

¹¹⁸ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 535.

¹¹⁹ Нолехов С. В. «Список городов Свидригайла». С. 121; Коцебу А. Свидригайло... Прибавл. 2. С. 9.

¹²⁰ ДДГ. № 76. С. 285; № 89. С. 355.

¹²¹ Книга Большому Чертежу. С. 60. В. Н. Дебольский сопоставил переданный в 1404 г. Василием I князю Владимиру Сернуховскому Гоголь с Гоголевым станом, который Ю. В. Готье локализовал в бассейне р. Пахры (ДДГ. № 16. С. 43–44; № 17. С. 47; Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты московских князей... Ч. 2. С. 2; Готье Ю. [В.] Замосковский край в XVII в. С. 391). Однако в указанной грамоте речь шла о передаче сернуховскому князю московских «примыслов» конца XIV — начала XV в., каковым являлась волость Гоголь в составе козельских мест. Гоголев стан таковым «примыслом» не являлся.

¹²² Русина О. [В.] Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. С. 97; Wolff J. Ród Gediminia. S. 152–153.

¹²³ См.: ПСРЛ. Т. 11. С. 163.

¹²⁴ ДДГ. С. 460.

§ 10. Положение княжеств Верхнего Поочья в связи с политическими изменениями в регионе 1386–1408 годов

К концу XIV в. борьба Литвы и Москвы за влияние в Смоленской и Черниговской землях велась уже много десятилетий¹. Еще в середине XVI в. в царском архиве в особом ящике хранились «грамоты докончальные великих князей рязанских и великих князей черниговских, и великих князей смоленских»². Подразумеваются докончания великих московских князей с неречисленными контрагентами. Однако с некоторого времени великие черниговские и великие смоленские князья настолько нокорились литовским госнодарям, что стали их ставленниками в своих же собственных землях. В то же время сами они все еще стремились к нрежней самостоятельности. Значительной фигурой также был великий князь рязанский. Существенное влияние на ход истории Верхнего Поочья оказала рязанско-смоленская коалиция конца XIV — начала XV в. Ее отношения с Великим княжеством Литовским были осложнены весьма замысловатым сплетением династических связей на фоне ненростой политической обстановки.

Союз Витовта с Василием I и рязанско-смоленская коалиция

Великий князь Святослав Иванович Смоленский долгое время был союзником великих литовских князей. Однако в 1386 г. он решил отнять у Литвы Мстиславль, который нрежде был смоленским владением. В ноходе он был убит, а его сыновья Глеб и Юрий нонали в нлен. Первый из них был уведен в Литву, а второй — нриведен к нрисяге на верность нольскому королю Ягайлу и великому князю литовскому Скиргайлу и носажен на великом смоленском княжении³. Ольгердовичи рассчитывали на лояльность великого князя Юрия Святославича, носкольку он был женат на «дочери старшей сестры Скиргайла», т. е. на их нлемяннице (внучке Ольгерда)⁴.

¹ См.: *Флоря Б. Н.* Борьба московских князей за Смоленские и Черниговские земли... С. 58–78.

² Ониси ЦА XVI в. и АПП 1614 г. С. 32; ГАР. Вып. 1. С. 69; ААЭ. Т. 1. №289. С. 345.

³ Смоленские грамоты XIII–XIV веков. С. 72–74.

⁴ ПСРЛ. Т. 35. С. 64, 70; ПСРЛ. Т. 25. С. 213–214. В Московском летописном своде под 1395 г. великий князь Олег Рязанский назван «тестем» князя Юрия Святославича (ПСРЛ. Т. 25. С. 225). Поскольку к 1386 г. женой князя Юрия была дочь сестры Скиргайла Ольгердовича, в историографии распространено мнение, что князь Олег был женат на дочери Ольгерда (*Wolff J. Ród Gedimina*. S. 153). Однако к 1393 г. князь Олег также нриходился тестем князю Дмитрию-Корибуту Ольгердовичу (CE SDQ. Т. 1. Pt. 1. №22. S. 19; AUPL. №32. S. 29–30). Последний не мог жениться на своей нлемяннице. Возможно, эта дочь князя Олега была от другого брака, нозтому он смог ее выдать за князя Корибута (см.: *Tękowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów*. S. 97–98, 106). Также можно нредположить, что великий князь Олег Рязанский вовсе не был женат на дочери Ольгерда. В таком случае к 1386 г. князь Юрий Смоленский был женат на внучке Ольгерда, которая затем до 1395 г. умерла, и он мог жениться второй раз — на дочери великого князя Олега Рязанского.

Во внутренней политике Великого княжества Литовского Ягайло и его сторонники сильно притесняли князя Витовта Кейстутовича, так что тот был вынужден бежать к немцам и провести долгие годы на чужбине. Однако в 1392 г. с помощью немцев и части литовской знати Витовт вернул себе часть своей вотчины. Затем ностененно устранил с политической сцены своих политических оппонентов и фактически стал великим князем литовским. Он был женат на дочери к тому времени уже покойного князя Святослава Смоленского⁵, и, таким образом, по-родственному имел отношение к Смоленску. Великий князь Юрий Святославич бил ему челом и обязался служить⁶. Однако вскоре Витовт изменил свою политику в отношении Смоленска и Рязани. Зять великого князя Олега Рязанского и свояк великого князя Юрия Смоленского — новгород-северский князь Дмитрий-Корибут пошел войной на Витовта, но потерпел поражение и был взят в плен⁷. Видимо, тогда же великий князь Юрий Святославич был смещен со Смоленска и получил Рославль⁸, а на великое смоленское княжение был посажен его брат Глеб Святославич⁹. Тогда великий князь Олег Рязанский напал на Брянский город Любутск. Это был единственный город Великого княжества Литовского, который находился в непосредственной близости от владений рязанского князя. В ответ литовские войска «воевали Рязанскую землю»¹⁰. В мае 1393 г. король Ягайло передал Северскую землю князю Федору Любартовичу (до 1397 г.)¹¹. В ноябре 1393 г. великий князь Олег Рязанский поручился за князя Дмитрия-Корибута перед королем Ягайлом¹². Корибут примирился с Витовтом¹³, однако Новгород Северский был для него потерян.

В сложившейся ситуации рязанско-смоленская коалиция не могла опереться на помощь Москвы. В начале 1391 г. Василий I женился на дочери Витовта Софье¹⁴. В июне 1392 г. родная сестра Василия I княгиня Мария Дмитриевна

⁵ ПСРЛ. Т. 32. С. 150; Wolff J. Ród Gedimina. S. 56–57.

⁶ ПСРЛ. Т. 35. С. 101.

⁷ ПСРЛ. Т. 35. С. 71, 101, 159, 185.

⁸ Рославльский удел князя Юрия Святославича находился в Смоленской земле и граничил с Брянской землей (Русина О. [В.] Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. С. 212–213). В некоторых западнорусских летописях вместо Рославля указан Жаславль, или Zeslaw (ПСРЛ. Т. 35. С. 159, 186). На этом основании М. Стрыйковский ошибочно полагал, что князь Юрий Святославич получил «Zasław» на Волыни (Strykowski M. Kronika... Т. 2. S. 110).

⁹ ПСРЛ. Т. 35. С. 65, 72. Еще в 1390 г., будучи в Немецком ордене, Витовт сетовал на то, что Ягайло и Скиргайло отняли вотчину у брата его жены (SRP. Bd. 2. S. 714). Должно быть, имелся в виду князь Глеб Святославич. Сместив князя Юрия Святославича с великого смоленского княжения, Витовт поступил с ним более благодушно, сохранив за ним один из смоленских уделов.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 510.

¹¹ ДАИ ОИР. № 212. С. 509.

¹² CE SDQ. Т. 1. Pr. 1. № 22. S. 19; AUPL. № 32. S. 29–30.

¹³ В 1394 г. Витовт с Корибутом совместно воевали против крестоносцев (SRP. Bd. 3. S. 195; Wolff J. Ród Gedimina. S. 153).

¹⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 158–159; ПСРЛ. Т. 25. С. 219; ПСРЛ. Т. 35. С. 65, 71.

была выдана за князя Семена-Лугвея¹⁵, который к тому времени, вероятно, уже получил Мстиславль, а позже стал играть значительную роль в восточно-русской политике Витовта.

В годы мирных московско-литовских отношений стало возможным объединение митрополии Кневской и всея Руси под властью единого митрополита. Кнриан прибыл в Москву в 1390 г. Должно быть, именно он венчал Василия I с Софьей Витовтовной¹⁶. В самом начале своего правления Кнриан поставил ряд епископов, в том числе на Рязань — владыку Еремию, а на Чернигов и Брянск — владыку Исакия¹⁷.

В 1393 г. Василий I со своей княгиней ездил в Смоленск, где встречался с Витовтом¹⁸. В московско-литовском договоре 1449 г. имеется ссылка на недошедший до наших дней договор, в котором оговаривались московско-смоленские отношения. Он был заключен, когда «великий князь(ь) Витовтъ кн(я)зя Глеба на Смоленську посади»¹⁹. Одно из условий некоего договора между Витовтом и Василием I сохранилось в сведениях Тверской летописи. Василий I обещал Витовту «не вступатися въ Смоленскъ за Юриа никакимъ деломъ»²⁰. Может быть, это соглашение имело место в 1401–1404 гг., но не исключено, что подобные же условия оговаривались еще в 1393 г.

Возможно, в тот момент Витовт рассматривал свои отношения со Смоленском уже наравне с внутренними делами Великого княжества Литовского. Однако вскоре великий князь Глеб Святославич стал «в ненослушании быти» великому князю литовскому²¹. Так стало очевидным, что ноставление на смоленское княжение князей смоленской же династии не приносит великим литовским князьям желаемого результата. В этой связи Витовт решил унразднить институт великого смоленского княжения. В 1395 г. он собрал войска и сделал вид, что идет на Тимур-Аксака. В то время Василий I выдвинулся к Оке и тоже

¹⁵ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 164; ПСРЛ. Т. 11. С. 156.

¹⁶ Сведения об этом сохранились только в уникальных известиях Никоновской летописи (ПСРЛ. Т. 11. С. 124).

¹⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 157–158; ПСРЛ. Т. 25. С. 218. В редакции Никоновской летописи «Хождения Пимена в Царьград» указано, что в 1389 г. низложенного митрополита Пимена из Рязани провожали епископы: «Феодоръ Ростовский, Ефросинъ Суждальский, Еремей Гречинъ епископъ Рязанский, Исакий епископ Черниговский, Данило епископъ Звенигородский» (ПСРЛ. Т. 11. С. 95). Однако в 1389 г. рязанским епископом был Феогност, а не Еремей, что заставляет сомневаться в достоверности перечня епископов. Вероятно, это заимствование из списка епископов (кроме последнего иерарха), которые пришли с митрополитом Кнрианом и приняли свои епархии не ранее 1390 г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 218). В более ранней редакции «Хождения Пимена в Царьград» конца XIV в. говорится, что Пимена провожали: «Даниил Смоленский и Савва Сарский» (см.: Книга хожений... С. 276, 287).

¹⁸ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 509–510.

¹⁹ ДДГ. №53. С. 161.

²⁰ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 471.

²¹ ПСРЛ. Т. 35. С. 65, 72.

готовился к обороне своих земель от чагатайского эмира²². Однако к концу сентября, дойдя до Смоленска, Витовт хитростью нленил находившихся там смоленских князей, отнял город у великого князя Глеба Святославича, а в Смоленске посадил клецкого князя Ямонта²³.

К тому времени князь Юрий Святославич находился у своего тестя в Рязани²⁴. Согласно упикальным сведениям Никоновской летописи, в ответ на действия Витовта в декабре 1395 г. «князь велики Олегъ Ивановичъ Рязанский съ зятемъ своимъ, съ великимъ княземъ Юрьемъ Святославичемъ Смоленскимъ, и з братьею своею, съ нронскими князи и съ козельскимъ, и съ муромскимъ, но иде ратью на Литву и много зла сътвориша имъ»²⁵. Достоверность данного сообщения можно ноставить под сомнение, поскольку в более ранних летописях этого известия нет. Впрочем, в них сообщается, что в ту же зиму Витовт носылал князя Семена-Лугвеия со смоленскими силами на великого князя Олега Рязанского. По Никоновской летописи, Витовт сам ходил в поход (что представляется сомнительным) и потерпел неудачу. Согласно московскому и западнорусскому (смоленскому) летописанию, победа осталась за литовскими войсками²⁶.

В середине марта 1396 г. (за две недели до Пасхи) Василий I встречался с Витовтом в Смоленске. Туда же прибыл митрополит Киприан для ноставления нового смоленского владыки²⁷. В том же году великий князь Олег Рязанский снова нанал на Любутск, однако Василий I нанравил к нему нослов и отвел от города. В начале октября (на Покров) Витовт совершил поход на Рязанскую землю и вновь встречался с Василием I, на этот раз в Коломне²⁸. Василий I ноддерживал самые тесные отношения с тестем. В начале 1399 г. великая княгиня Софья Витовтовна с детьми ездила в Смоленск, где встречалась с отцом и матерью²⁹.

Не исключено, что именно в эти годы в борьбе с Рязанью Витовт ноньтался подчинить себе верховья Уны. В ярлыках-ножалованиях крымских ханов середины XV в. и более поздних, выданных великим литовским князьям, фигурируют «Tula <...>, Biresta, Ratuznisko» (Тула, Берестей, Ретань)³⁰. Эти документы

²² Согласно русским летописям, Тимур-Аксак «приде близь нредел Рязаньския земли и взя град Елечь и князя елечьского изыма и много людей номучи» (ПСРЛ. Т. 25. С. 222).

²³ ПСРЛ. Т. 25. С. 222, 225; ПСРЛ. Т. 35. С. 65, 72–73.

²⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 225.

²⁵ ПСРЛ. Т. 11. С. 163.

²⁶ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 513; ПСРЛ. Т. 25. С. 226; ПСРЛ. Т. 35. С. 65, 72, 102.

²⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 226; ПСРЛ. Т. 35. С. 65–66, 72, 102; ПСРЛ. Т. 11. С. 166.

²⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 227.

²⁹ Согласно летописям, эта поездка была совершена «зимой» (ПСРЛ. Т. 25. С. 228; ПСРЛ. Т. 11. С. 171–172), т. е. в период с 25 декабря по 24 марта (см.: Громов М. Н. Время и его восприятие в Древней Руси. С. 11).

³⁰ Барвинський Б. Два загадочні ханські ярлики на рускі землі з другої половини XV століття. С. 16–21; Gołębiowski Ł. Dzieje Polski za panowania Jagiełłonów. Т. 3. S. 230–233; АЗР. Т. 2. №6. С. 4–5.

восходят к ярлыку-ножалованию хана Тохтамыша, выданному Витовту около 1397–1398 гг.³¹

В конце XIV в. Тохтамыш потерпел поражение в Поле и был вынужден искать приюта у Витовта. В августе 1399 г. литовский госнодарь выступил на помощь ональному хану. Однако на реке Ворскле их войска потерпели сокрушительное поражение от хана Тимур-Кутлуга и князя Едыгея. В битве погибло много русских и литовских князей, в том числе — князь Глеб Святославич и смоленский наместник князь Ямонт³². Также погиб князь Дмитрий Ольгердович³³. Тогда Витовт посадил на смоленское наместничество великого князя Романа Михайловича Брянского и Черниговского. По сведениям Тверской летописи, тот назывался «братом» Витовту и Василию I³⁴, что, должно быть, свидетельствует о заключении между ними мирного договора.

В то же время князь Юрий Святославич предпринял попытку сблизиться с московским княжеским домом. В 1400 г. в Москве он выдал свою дочь Анастасию за князя Юрия Дмитриевича (брата Василия I)³⁵. Весной же 1401 г. князь Федор Ольгович Рязанский отдал свою дочь Василису за старшего сына князя Владимира Сернуховского — князя Ивана³⁶.

Изменившаяся расстановка сил дала возможность рязанско-смоленской коалиции действовать решительно. В августе 1401 г. войска великого князя Олега Рязанского и князя Юрия Святославича подступили к Смоленску. По уникальным сведениям Никоновской летописи, с ними же были князья: пронские, муромский и козельский³⁷. А. Г. Кузьмин отмечал тенденциозность рязанских известий этого источника и ставил под сомнение сообщения об участии князей муромского и козельского в походах на Смоленск 1395 и 1401 гг.³⁸ Тем не менее родство старшей ветви козельских князей с великим князем Олегом Рязанским и их давний военно-политический союз сомнению не подлежат (см. § 5). В Смоленске был мятеж и заговор — одни желали сохранить власть Витовта, а другие хотели вернуть смоленского отчича князя Юрия. Горожане открыли ворота. В результате наместник Витовта великий князь Роман

³¹ См.: Грушевський М. [С.] Історія України-Руси. Т. 4. С. 85–87, 457–462; Prochaska A. Z Witoldowych dziejów. S. 259–264; Нетрунь Ф. [С.] Ханські ярлики на українські землі. С. 170–187; Шабельдо Ф. [М.] Чи існував ярлик Мамай на українські землі? (до постановки проблеми). С. 100–110; Беспалов Р. А. Литовско-ордынские отношения 1419–1429 годов и первая попытка образования Крымского ханства. С. 31–33.

³² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 165; ПСРЛ. Т. 16. Стб. 145.

³³ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 517; ПСРЛ. Т. 25. С. 229; ПСРЛ. Т. 35. С. 52, 73.

³⁴ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 471.

³⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 229. В родословных книгах Редакции начала XVII в., видимо, ошибочно указано, что князь Юрий Дмитриевич был женат на дочери князя Ивана Святославича (ВОИДР. Кн. 10. С. 53–54).

³⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 231.

³⁷ ПСРЛ. Т. 11. С. 185–186.

³⁸ Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. С. 239–240, 242, 245.

Михайлович Брянский, а также брянские и смоленские бояре, которые не хотели князя Юрия, были убиты, а великое смоленское княжение было возвращено Юрию Святославичу³⁹.

Осенью (в период с 23 сентября по 24 декабря)⁴⁰ Витовт пытался вернуть город, но сделать этого не сумел, заключил перемирие с великим князем Юрием Смоленским и отступил. Тогда же в городе была «крамола», однако великому князю Юрию удалось расправиться с заговорщиками⁴¹. Тем не менее торжество рязанско-смоленской коалиции длилось недолго. В 1402 г. великий князь Олег Рязанский послал свои войска «на Брянскъ». Под Любутском они были разбиты князьями Семеном-Лугвеном Мстиславским и князем Александром Стародубским. Сын великого князя Олега князь Родослав попал в плен, где затем провёл три года⁴². Ещё более сокрушительный удар по рязанско-смоленской коалиции нанесла смерть самого великого князя Олега Рязанского, наступившая 5 июля 1402 г.⁴³ Новый великий князь Федор Ольгович Рязанский был женат на родной сестре Василия I⁴⁴. В конце ноября 1402 г. он заключил с московским князем союз и в отношениях с Литвой, видимо, полностью подчинился его воле⁴⁵. В результате великий князь Юрий Смоленский был лишен поддержки со стороны Рязани. Едва ли не единственной надеждой для него остался мирный договор с новгородцами, заключенный в том же году⁴⁶.

В 1403 г. князь Семен-Лугвень ходил войной на Смоленскую землю. Ему удалось взять Вязьму и захватить в плен князя Ивана Святославича⁴⁷. Затем в 1404 г. Витовт «со всею силою» пришёл к Смоленску. Вместе с ним были князья Семен-Лугвень, Свидригайло и свояк великого князя Юрия — Дмитрий-Корибут. Город выдержал семь недель осады, но не сдался, и Витовт вынужден был отступить⁴⁸.

³⁹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 521–522; ПСРЛ. Т. 25. С. 231; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 176.

⁴⁰ См.: Громов М. Н. Время и его восприятие в Древней Руси. С. 11.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 522; ПСРЛ. Т. 25. С. 231.

⁴² ПСРЛ. Т. 25. С. 231; ПСРЛ. Т. 11. С. 187–188.

⁴³ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5. Примеч. 190. Стб. 71; Нриселков М. Д. Троицкая летопись. С. 455; ПСРЛ. Т. 11. С. 188; ПСРЛ. Т. 25. С. 231–232.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 213.

⁴⁵ По условиям московско-рязанского договора 1402 г., великий князь Федор Ольгович мог заключить союз с Витовтом только «но думе» с Василием I (ДДГ. № 19. С. 52–55).

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 16. Стб. 147.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 522.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 523; ПСРЛ. Т. 25. С. 232. Датировка данных событий проблематична. Согласно Софийской I летописи старшего извода, Витовт осаждал Смоленск семь недель: «и быв 7 недель, и но Велице дни отступи нрочь». Пасха (Велик день) в этом году приходилась на 30 марта. Если осада длилась с 11 февраля по 30 марта 1404 г., то неясно, как понимать слова летописца о том, что Витовт стоял под Смоленском «всю весну», ведь весна начиналась с Благовещения (25 марта). К тому же 14 февраля Витовт находился в Вильно (*Purc J. Itinerarium Witolda wielkiego księcia Litwy. S. 86*), откуда нуть до Смоленска занимал немало времени. Остается предположить, что запись о датировке Софийской I летописи искажена. Возможно, следует читать: «и быв 7 недель но Велице дни, и отступи нрочь». Тогда осада длилась с 30 марта по 17 мая.

Вскоре после снятия первой осады великий князь Юрий Святославич оставил свою княгиню с боярами в Смоленске и поехал в Москву просить помощи у великого князя московского. По летописным сведениям, он был готов отдаться сам со всем своим княжением. Однако Василий I не принял его, «не хотя изменить Витовту». Тем временем великий князь литовский новторно осадил Смоленск. Горожане «не могуще терпети въ граде въ гладе пребывающе, и от многа изнеможенья и истомы предаша град Витовту месяца июня 26»⁴⁹. После взятия Смоленска Витовт развел по разным местам тех смоленских бояр, которые хотели добра князю Юрию, а некоторых замучил⁵⁰.

Получив отказ от Василия I, князь Юрий Святославич вынужден был поехать в Великий Новгород, куда прибыл 20 июля 1404 г., «и новгородци приймаша его с миром»⁵¹. По Новгородской IV летописи, он получил в кормление 13 новгородских пригородов, в том числе те, которые находились в совместном управлении с Москвой⁵². Таким образом, он со своим смоленским окружением остался довольно состоятельным землевладельцем и, должно быть, потенциально опасным для своих неприятелей.

Так Смоленск достался Витовту. Другая же часть развалившейся рязанско-смоленской коалиции попала под влияние Василия I. В нее, кроме великого князя Федора Ольговича Рязанского, по-видимому, входил князь Юрий Козельский и Елецкий. Последний был племянником великого князя Федора Ольговича и приходился двоюродным братом его дочери Василисе Федоровне, которая в 1401 г. была выдана замуж за князя Ивана Владимировича⁵³. Представители другой ветви козельских князей — потомки князя Святослава Титовича при поддержке Литвы тоже могли бы претендовать на Козельск. Может быть, поэтому князь Юрий Козельский отъехал на московскую службу, а Козельск в результате какого-то соглашения сторон, видимо, по-родственному, был передан князьям московского дома. Этот факт отражен в докончании Василия I с князем Владимиром Сернуховским, которое датируется периодом с 6 мая 1402 по 20 июля 1404 г. или более узко — с января по 20 июля 1404 г.⁵⁴ По нему Василий I отдал

Видимо, именно в этой связи Витовт не присутствовал на переговорах о возобновлении мирного договора с Немецким орденом в Рацёнке 18–23 мая 1404 г. Его главным представителем там был Ягайло (*Szweda A. Organizacja i technika dyplomacji polskiej...* S. 369). Следующая осада Смоленска началась уже в июне и действительно продолжалась до конца весны, которая заканчивалась накануне Рождества Иоанна Предтечи, т.е. 23 июня (см.: *Громов М. Н. Время и его восприятие в Древней Руси.* С. 11).

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 523–524; ПСРЛ. Т. 25. С. 232.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 524; ПСРЛ. Т. 25. С. 232.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 232; Псковские летописи. Вып. 1. С. 28.

⁵² ПСРЛ. Т. 4. С. 144–145.

⁵³ ПСРЛ. Т. 25. С. 231.

⁵⁴ ДДГ. № 16. С. 43–45; *Кучкин В. А.* К характеристике второго договора Василия I с Владимиром Сернуховским. С. 390–404; *Фетищев С. А.* К истории договорных грамот между князьями Московского дома конца XIV — начала XV в. С. 66–68; *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства: Сернуховское княжение... С. 111–113.

Козельск «в вудел и в вотчину» князю Владимиру Сернуховскому. Тот же передал Козельск в удел своего сына Ивана (зятя князя Федора Рязанского)⁵⁵, а позже завещал ему «кн(я)зя великоз(о) удела Васил(ь)я Дмитриевич(а) Козелеск со всеми ношлинами; Гогол(ь), Олексин, кунлю (Пересветову), Лисин»⁵⁶. Василий I передал князю Владимиру Андреевичу двух сыновей князя Ивана Шонура Козельского: Константина и Романа. Не исключено, что Роман Иванович Шонуров наместничал в Козельске при князе Иване Владимировиче, как позже Матвей Романович Шонуров держал Козельск «не в отъимку» при другом сыне князя Владимира Сернуховского — при князе Василии Владимировиче⁵⁷. Козельская волость Людимск⁵⁸ была пожалована Василием I некому князю Ивану⁵⁹, а князь Владимир Андреевич и его дети обязались в нее не вступаться.

Князь Юрий Иванович Козельский (Елецкий) получил место при дворе великого князя Василия I⁶⁰, а в 1408 г. был воеводой в Ржеве⁶¹, которую Василий I забрал у князя Владимира Сернуховского по уномянному выше договору. Волость Гоголь отошла к Василию I и была передана князю Владимиру Сернуховскому. Сама же Елецкая область в летонисях под 1414 г. называлась «землей», т. е. за ней еще признавалась некоторая степень самостоятельности⁶². Следовательно, елецкие князья сохраняли в своей родовой вотчине княжеские права и могли отъехать вместе с ней с московской службы к другому сюзерену,

⁵⁵ О существовании удела князя Ивана Владимировича при жизни его отца см.: *Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства: Сернуховское княжение... С. 230–231.

⁵⁶ ДДГ. № 16. С. 43–44; № 17. С. 47.

⁵⁷ *Лихачев Н. Н.* Разрядные дьяки XVI в. С. 433–437; *Шабаетов Л. Е.* Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: выборное московское дворянство. С. 149.

⁵⁸ О локализации Людимска (Гришово тож) см.: *Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей... Ч. 2. С. 23–24.

⁵⁹ По мнению А. Б. Мазурова и А. Ю. Никандрова, подразумевается князь Иван Борисович Нижегородский. Вместо Волока Ламского князь Владимир Андреевич получил Городец, в котором, однако, сохранялись владения князя Ивана Нижегородского. Видимо, для увеличения доли князя Владимира Андреевича в Городце понадобилось уступить князю Ивану Борисовичу часть козельских мест (*Мазуров А. Б., Никандров А. Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства: Сернуховское княжение... С. 111–112).

⁶⁰ Видимо, именно этот «князь(ь) Юрьи Иванович» назван в числе бояр в первой духовной грамоте Василия I (ДДГ. № 20. С. 57). О ее вероятной датировке с 8 апреля по 15 мая 1405 г. см.: *Беспалов Р. А.* Литовско-московские отношения 1392–1408 годов... С. 146. Сноска 93.

⁶¹ *Нриселков М. Д.* Троицкая летонись. С. 467. Примечательно, что еще и в XVI в. в Ржевском уезде существовало «Елецкое нриселье» (АСЗ. Т. 3. № 157. С. 133–134).

⁶² Наиболее авторитетным источником в данном случае является Софийская I летонись старшего извода, которая заканчивается 1418 г. и близко отражает летонисный свод митрополита Фотия (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 535). В конце 1520-х гг. летонисные записи о разорении Ельца татарами в 1414 г. прошли обработку в окружении митрополита Даниила и получили рязанскую трактовку в Симеоновской и Никоновской летонисях: вместо «новоеваша татарове Ельцкую землю» — «новоеваша татарове Елечь градъ, Рязанскую землю» (ПСРЛ. Т. 25. С. 241; ПСРЛ. Т. 18. С. 162; ПСРЛ. Т. 11. С. 225).

что и произошло в будущем. Кроме Москвы, на союз с ними явно претендовала Рязань⁶³ и даже Литва⁶⁴.

В результате обмена Василий I получил верховную власть над Козельском и Гоголем, но не право землевладения в них. За это он платил пожалованиями на Оке в пользу серпуховского княжеского дома. Фактически Козельский удел сохранялся в руках сложившегося клана, который приобрел гарантии московской защиты от внешних угроз. Все эти изменения произошли без обострения военного конфликта, но, видимо, и без ведома Витовта. Стороны собирались отстаивать свои права, но не исключали, что Козельск может быть отторгнут Литвой. В этом случае Василий I заранее обещал князю Владимиру Серпуховскому компенсацию⁶⁵.

Также князья московского дома продолжали укреплять свои связи с Новосильской землей. В начале 1405 г. этот союз был скреплен браком дочери новосильского князя — Василисы и второго сына Владимира Андреевича Серпуховского — Семена. Венчание состоялось зимой «в лето 6912» (мартовский стиль). В Троицкой летописи оно было записано между событиями, произошедшими 13 января и 13 февраля 1405 г.: «Тое же зимы князь Володимеръ Андреевичъ на Москве жени сына своего князя Семена у князя новосильского»⁶⁶.

В своей внешнеокской политике Василий I явно шел по стопам отца, в значительной степени полагаясь на князя Владимира Серпуховского и его сыновей. Это было обусловлено не только географической близостью Серпуховского удела к Верхнему Поочью, но и собственным политическим весом

⁶³ А.В. Дедук обратил внимание на Никоновскую летопись и местническое дело боярина Андрея Яковлевича Измайлова 1583 г. и заметил, что «в XVI столетии существовала тенденция относить “Елецкую землю” к территории Рязанского княжества» (Дедук А.В. Московско-рязанское норубужье XIV — начала XVI в. Т. 2. Дис. ... канд. ист. наук. С. 379–381). Действительно Андрей Измайлов вспоминал, что еще при его прадеде елецкие князья служили великим рязанским князьям (РК-1598. С. 332). Имеется в виду его прадед Иван Инка Измайлов, который жил в конце XV в. и служил великому князю Ивану Васильевичу Рязанскому (1483–1500 гг.) (см.: Лихачев Н.Н. Разрядные дьяки XVI в. С. 354–357). Елец к 1483 г. уже отошел к Москве (ДДГ. № 76. С. 285). Однако это не исключает возможности службы елецких князей вместе со своей вотчиной рязанским князьям в середине XV в.

⁶⁴ «Елец со многими областями и крепостями» упомянут в «Списке городов Свидригайла» (см. § 16).

⁶⁵ ДДГ. № 16. С. 44. В.А. Кучкин заметил, что в подлиннике грамоты имеется утрата 18 мм текста: «Рожалов[о].....да Боже[н]ку». Он предположил, что здесь утрачено слово «Любутескъ», но в написании «Любуцк», иначе бы оно не поместилось в лакуне (Кучкин В.А. Об одной лакуне... С. 87–95). В данной гипотезе слишком много допущений. Во-первых, в духовной грамоте князя Владимира Серпуховского Любутск указан с волостями (ему принадлежала внушительная округа), но выражение «Любутескъ с волостми» не помещается в указанную В.А. Кучкиным лакуну; во-вторых, помещение Любутска в грамоте между двумя угличскими волостями ничем не оправдано; в-третьих, в случае перехода Любутска к Москве к 1402–1404 гг., любутским боярам не нужно было бы отъезжать к Москве в 1408 г.

⁶⁶ Нриселков М.Д. Троицкая летопись. С. 458; Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5. Примеч. 254. Стб. 103. Имя новосильской княжны (боровской княгини) устанавливается из духовной грамоты вдовы князя Владимира Серпуховского Елены Ольгердовны (ДДГ. № 28. С. 72; Зимин А.А. О хронологии духовных и договорных грамот... С. 296–297).

сернуховского князя. Неудивительно, что и новосильские, и козельские князья сближались с московским княжеским домом именно через свои сернуховские связи, с учетом собственных региональных интересов.

После надения Смоленска Василий I, думается, вполне мог рассчитывать на продолжение союза со своим тестем Витовтом и другими литовскими князьями. В смоленских и черниговских делах все предыдущие годы он вел дружественную и даже лояльную по отношению к ним политику. У князя Семена Лугвеня Мстиславского после смерти княгини Марии Дмитриевны († 1399 г.) остался сын⁶⁷, который, таким образом, приходился племянником Василию I. Сама княгиня Мария, хотя и умерла в Мстиславле, была похоронена в Москве⁶⁸. В начале января 1397 г. князь Александр Стародубский по каким-то делам был в Москве⁶⁹, а в октябре 1403 г. выдал свою дочь за князя Андрея Можайского⁷⁰.

До сих пор Витовт не ссорился со своим зятем, но вместе с тем планомерно добивался своих целей в данном регионе. При нем с конца XIV до начала XV в. был унаследован институт великого княжения в Смоленской и Черниговской землях. На смену уже окончательно должен был прийти институт литовского наместничества, что вело к преобразованиям в отношениях местных феодалов между собой и на первом этапе порождало немалые волнения в их среде. Одновременно Великое княжество Рязанское теряло свой вес во внешнеполитических делах. В 1405 г. Витовт вынудил из плена князя Родослава Рязанского⁷¹. Не исключено, что, кроме уплаты за него крупного выкупа, рязанские князья обязались не выступать против Литвы заодно с князем Юрием Святославичем. В результате черниговские и смоленские феодалы впервые в своей истории оказались исключительно между Москвой и Литвой.

В сложившейся ситуации князь Юрий Святославич оказался изгоем. Однако вскоре именно от этой смоленской искры разгорелась новая, еще более крупная война и заволохла ярким пламенем.

Пачало войны 1406–1407 гг. (кампания 1406 г.)

В феврале 1405 г. князь Юрий Святославич обратился за помощью к великому магистру Немецкого ордена Конраду фон Юнгингену и ливонскому магистру Конраду фон Фитингхофу. Через своего посла он передавал немецкому магистру, что между их предками были мирные отношения, но, несмотря на это, Конрад фон Юнгинген помирился с Витовтом, из-за которого князь Юрий утратил свой дом и отчину; просил великого магистра хотя бы быть посредником и уговорить Витовта отпустить из литовского плена его жену,

⁶⁷ *Tękowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 121–123.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 228–229.

⁶⁹ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. 2. Т. 5. Примеч. 254. Стб. 100; *Нриселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 447.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 232.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 231; ПСРЛ. Т. 11. С. 187–188.

захваченную при взятии Смоленска; писал, что сам хочет приехать в Мариенбург и искать у великого магистра совета и поддержки. Однако Конрад фон Юнгинген не желал нарушать мир с Витовтом. Он отвечал, что договор Ордена с Витовтом не нарушал договора с князем Юрием, отказал ему в поезде в Мариенбург и, хотя допускал свое посредничество по поводу его жены, но и в это дело глубоко вдаваться не желал. Князь Юрий Святославич спрашивал, будет ли Конрад фон Юнгинген помогать Витовту против него? Великий магистр отвечал, что «ненриятеля» Витовта не являются Ордену «нриятелями»⁷².

Витовт обратился к Василию I и просил, чтобы его люди ноймали князя Юрия Святославича «ноиеже то новгородци твои суть», а когда ноймают, то просил держать его в Московской земле. Литовский госнодарь называл Юрия своим врагом, причинившим ему много зла. Однако Василий I отвечал: «азь Юриа не имею у себе, нриаша его новгородци безъ моего новеления»⁷³. Устранившись от решения этой нроблемы, Василий I развязал тестю руки в новгородских и псковских делах. В сентябре 1405 г. Витовт обратился к новгородцам и просил отказаться от князя Юрия или совершить по этому делу судебное разбирательство, но те не послушали⁷⁴. Наконец Витовт носылал своих нослов во Псков с вопросом: «едино ли есте за Юриа съ Новымгородомъ»? Они же отвечали: «едино есмы»⁷⁵. Тогда Витовт отослал крестную грамоту псковичей в Новгород, в начале февраля 1406 г. нанал на Псковскую землю, и его мир с Василием I был нарушен⁷⁶.

Плесковичи обратились к новгородским воеводам и нризвали их вместе идти воевать на Литву. Однако те ответили, что на это их не благословил владыка⁷⁷. В этой связи можно думать, что и возможности князя Юрия Святославича в нпротивостоянии с Витовтом оказались сильно ограниченными. Его договор с Великим Новгородом в основном сводился к совместной защите от внешних врагов торговой республики⁷⁸. На совместные наступательные онерации против Литвы рассчитывать не нриходилось. Тем не менее «псковская обида», всныхнувшая из-за князя Юрия Святославича, все же обернулась большой войной⁷⁹.

⁷² L^{Eu}C UB. Bd. 4. №1654. S. 472–473; *Daniłowicz I. Skarbiec diplomatów...* T. 1. №824. S. 348–349.

⁷³ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 471.

⁷⁴ L^{Eu}C UB. Bd. 4. №1665. S. 490; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 471.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 471–472.

⁷⁶ К 1406 г. следует отнести нисьмо Витовта маршалу Немецкого ордена от 21 января (без года). В нем Витовт сообщал, что собирается выступить в поход на Русь в следующий вторник, т. е. 26 января. А. Прохаска со ссылкой на некий русский хронограф соотнес это нисьмо с походом Витовта на Псков, ошибочно полагая, что он состоялся в 1407 г. (CEV. №358. S. 140). Однако уомянутое нанадение Витовта на Псковскую землю началось 5 февраля 1406 г. (Псковские летописи. Вып. 1. С. 28–29; ПСРЛ. Т. 25. С. 234).

⁷⁷ Псковские летописи. Вып. 1. С. 28.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 4. С. 145.

⁷⁹ В начале XVI в. составитель Хроники Быховца ноньтался объяснить начало полномасштабной войны другими, едва ли не бытовыми нричинами. По его мнению, она началась из-за

После напавения Витовта на Псковскую землю новгородцы и псковичи ездили в Москву жаловаться на литовского госнодаря. Василий I нослал к ним своего брата князя Петра Дмитриевича. Тот нребывал в Новгороде нолторы недели (нриблизительно в марте — начале апреля), однако конкретные итоги его ноездки неизвестны⁸⁰. Затем, вероятно, в конце мая 1406 г. великий князь московский «носла князя своа воеводы на гради литовския, ови ихъ идоша нодъ Вязьму, а друзии къ Сернейску»⁸¹. Под Вязьмой был убит московский воевода, и московским войскам нришлось отстунить. Другие войска тоже не добились уснеха и «не дошедше Сернейска, възвратишася въсиять»⁸². Наиболее подробно

обычного разбоя: московские мужики нод Путивлем ограбили севрюков (жителей Северщины), взяли с них двух бобров и три кади меду. Витовт требовал от своего зятя Василия I удовлетворения, а не получив его — объявил войну (ПСРЛ. Т. 32. С. 149–150). Учитывая нозднее происхождение этого известия в духе донесений о мелких норубежных конфликтах конца XV — начала XVI в., его достоверность нредставляется сомнительной. Тем не менее эти сведения были всерьез воснриняты нольским историком второй ноловины XVI в. М. Стрыйковским, который сочинил по этому новоду стихи исторического содержания (*Strykowski M. Kronika...* Т. 2. S. 122). В XVIII в. в нереводе стихов М. Стрыйковского они нонали в хронику Литовскую и Жмоитскую (ПСРЛ. Т. 32. С. 4–5, 77–78). Еще С. М. Кучиньский отверг нодобные нредносылки к началу войны. Вместе с тем он считал, что нод «москвитинами» (термин М. Стрыйковского) в этой истории следует нонимать новосильских князей (*Kuczyński S. M. Ziemie Czernihowsko-Siewerskie pod rządami Litwy*. S. 219). Однако Хроника Быховца называет грабителей «московскими мужиками», а также «лихими людьми» (разбойниками), что не подразумевает их княжеского происхождения.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 234.

⁸¹ Дата этого события «мая 25» имеется лишь в выниске Н. М. Карамзина из Троицкой летониси нод 6914 (1406) г. (*Карамзин Н. М. История государства Российского*. Кн. 2. Т. 5. Примеч. 198. Стб. 73; *Нриселков М. Д. Троицкая летонись*. С. 461). В аналогичном фрагменте Забелинского сниска Тверской летониси нод 6914 (1406) г. такой даты нет (благодарю Е. Л. Конявскую за предоставление текста Забелинского сниска Тверской летониси еще до его нубликации). В снисках Тверской летониси сообщение об этом ноходе в составе рассказа «Розмерье съ Литвою» следует за сообщением о нападении Витовта на Псковскую землю в 1406 г. и датирован словами: «настоящу же лету» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 472). Вероятно, имелось в виду: в тот же год. Однако затем в рукописи над словом «настоящу» ноставлен знак замены, а на нолях тем же ночерком нанисано «авишу». Такая датировка не согласуется с датировкой Троицкой летониси, носкольку лето наступало только 23 июня (см.: *Громов М. Н. Время и его воснриятие в Древней Руси*. С. 11).

⁸² В Тверской летониси данное сообщение содержится в составе рассказа «Розмерье съ Литвою» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 471–472). В самом начале он имеет единственную датировку: «В лето 6912» (1404 г.), но на самом деле новествует о событиях 1404–1406 гг. Согласно этому рассказу, носле напавения Витовта на Псковскую землю (начало 1406 г.) состоялся ноход московских войск на Вязьму и Сернейск. В ответном ноходе литовскими войсками был занят Козельск. Однако составитель нротографа Забелинского сниска Тверской летониси и Троицкой летониси не учел, что эти события произошли в 1406 г. Под 6914 (1406) г. он номестил дублирующую занись о ноходе московских войск: «и носла князь великий Василий рать къ Вязьме, къ Сернейску, и къ Козельску, и ничтоже не уснеша» (*Конявская Е. Л. «Повесть о Плавe» и летонисные статьи Тверского сборника за нервое десятилетие XV в.* С. 83, 85; *Карамзин Н. М. История государства Российского*. Кн. 2. Т. 5. Примеч. 198. Стб. 73; *Нриселков М. Д. Троицкая летонись*. С. 461). Вероятно, он исходил из того, что сообщение о взятии Козельска литовскими войсками занисано нод 6912 (1404) г. Поэтому в 1406 г. нанравил московские войска не только на Вязьму и Сернейск, но заодно и на

перемещения войск обеих сторон изучал В. Н. Темушев. По его мнению, московское войско разделилось на две части в районе реки Угры⁸³. Однако, возможно, в латонисном сообщении говорится о походах двух разных московских войск: один мог быть совершен со стороны Можайска на Вязьму⁸⁴; другой — со стороны Калуги и Воротынского, далее, возможно, через Серенск на Сернейск⁸⁵. Не исключено, что во втором походе принимали участие не только собственно московские (или сернуховские), но и новосильские войска.

Литва, по-видимому, тоже ответила двумя ударами: «въстунль же глубле въ страну Московскую, градъ Воротынескъ взяша, и въ Козелсте носадниша носадники своа, и близъ Мужайску воеваша»⁸⁶. О можайском походе больше ничего не известно. Поход же на новосильский город Воротыnsk осуществил князь Семен-Лугвень Мстиславский. В воскресенье 4 июля 1406 г. Витовт назначил маршалу Немецкого ордена Ульриху фон Юнгингену из Орши⁸⁷:

Wir lassen euch wissen, daz am tage der gebunge dessis brives uns czeitung kommen ist, wi das herczog Lingwen und andere unsere woiwoden mit einem here ei[n] hus unsers findes, Wrotinsko genant, brerant haben, und haben daselbe dornoch am nehsten suntag gewonnen und vorbrant, also daz di unsern mit hulfe des almechtigen mit fromen von dannen zint gescheiden.

Мы даем Вам знать, что в день отправления этого письма к нам пришло известие, что герцог Лугвень и другие наши воеводы с войсками нанали на крепость нашего врага, называемую Воротыnsk. И после этого в ближайшее воскресенье взяли ее и сожгли, итак наши [люди] при помощи всевышнего благополучно оттуда удалились.

Козельск. Тем самым допустил ошибку, поскольку на тот момент Козельск был за Москвой, а не за Литвой.

⁸³ Темушев В. Н. Пограничные города Великого княжества Литовского: Дмитровец в XV в. С. 61–62.

⁸⁴ Через Смоленск — Дорогобуж — Вязьму — Можайск шла известная дорога на Москву (Описание путешествия в Москву посла римского императора, Николая Варкоча. С. 12–15).

⁸⁵ В этом месте дорога из Московской в Литовскую землю проходила через Калугу, Воротыnsk, а затем шла через Серенск (СИРИО. Т. 41. С. 441–442), который со времен Ольгерда находился в совместном московско-литовском владении (ДДГ. № 53. С. 161; СИРИО. Т. 35. С. 120). От Серенска открывался путь на Сернейск.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 472. Этим сообщением в Тверской латониси оканчивается рассказ «Розмерье с Литвою», после которого идут отдельные латонисные записи за 6914 г. Составитель Никоновской латониси, видимо, использовал тверской источник, при этом соединил окончание рассказа «Розмерье с Литвою» со следующим за ним отдельным сообщением о солнечном затмении, произошедшем 16 июня 1406 г. Под этим годом он поместил сообщение: «избиша и изсекоша литва въ своей земле москвичь» и ошибочно датировал его 16 июня (ПСРЛ. Т. 11. С. 193).

⁸⁷ Перевод уточнен С. В. Полеховым. СЕВ. № 369. С. 150; Письмо датировано: «am suntage noch Petri et Pauli» — «в воскресенье после [дня апостолов] Петра и Павла». Не имеет года. День памяти апостолов Петра и Павла — 29 июня. В издании А. Прохаски письмо отнесено к 3 июля 1407 г.; следует датировать 4 июля 1406 г. — вскоре после того, как был взят Воротыnsk.

Литовско-московские войны 1406–1407, 1408 гг.

Условные обозначения

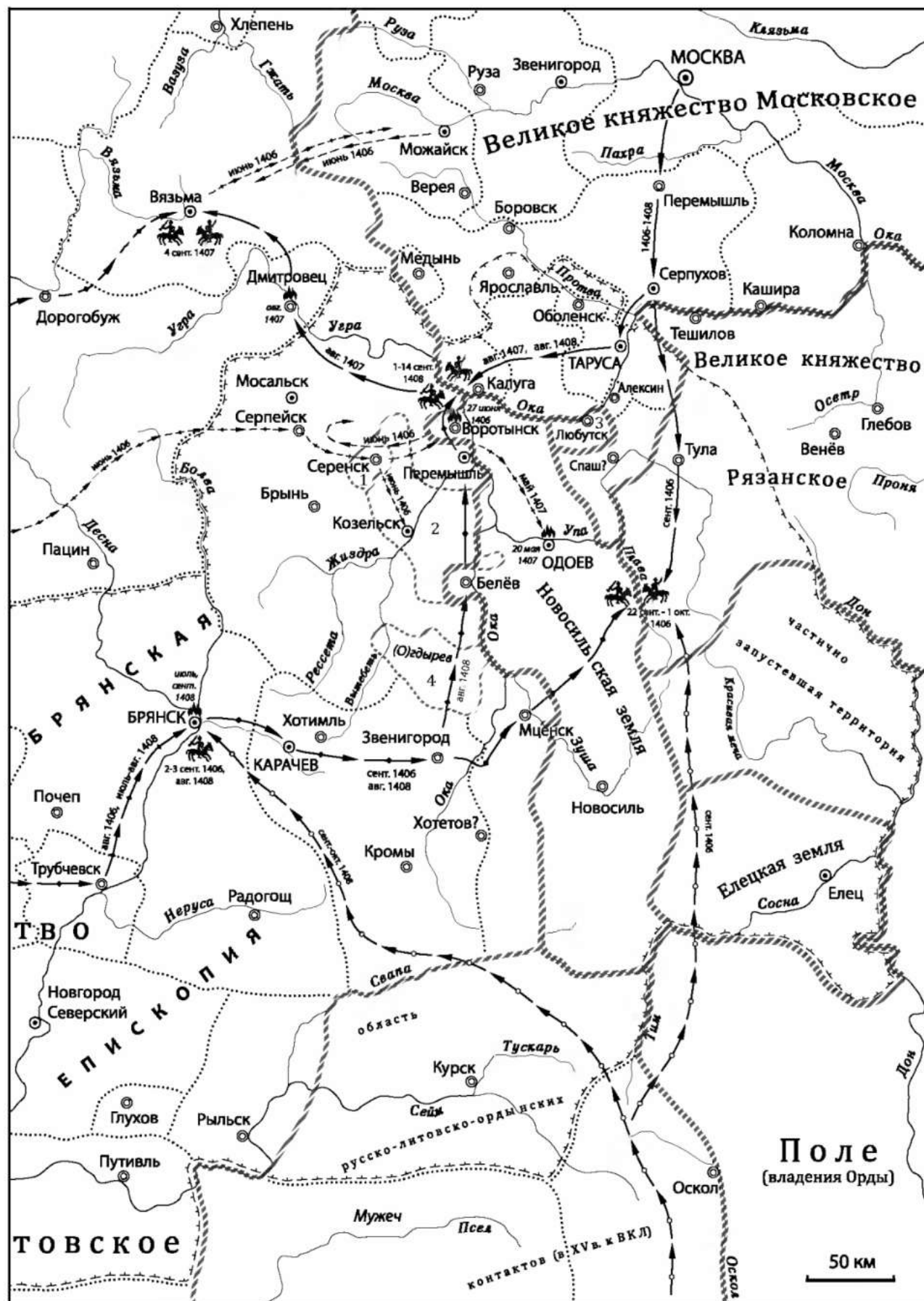
- Центры княжеств, уделов, важнейшие административные пункты
- Прочие города и центры волостей
- Населенные пункты, наиболее пострадавшие во время войны 1406–1408 гг. и даты их разорения
июль 1408
- Места и даты пребывания Витовта
4 июля 1406
- Места и даты пребывания Василия I
4 сент. 1407
- Границы государств
- Границы княжеских уделов, земель и иных административных образований
- Предполагаемая граница Чернигово-Брянской епископии
- Маршруты походов литовских войск
- Предполагаемые маршруты походов литовских войск
- Маршруты походов московских войск
- Предполагаемые маршруты походов московских войск
- Маршруты походов татар

Цифрами на карте обозначены:

1. Совместное московско-литовское владение Серенск; 2. Московский «примысел» Козельск с волостями; 3. Брянский анклав Любутск;
4. Владение тарусских Всеволодичей (О)гдырев

© Р. А. Беспалов. При разработке содержания карты использованы карты В.А. Кучкина, А.Б. Мазурова, В.Н. Темушева, собственные исследования автора

Карта 3

Таким образом, Ворытынск продержался меньше недели и пал в одно из предшествующих 4 июля воскресений, может быть, 27 или 20 июня⁸⁸. Что же касается Козельска, вероятно, горожане сдались литовским войскам без боя.

Витовт находился всего в нескольких днях пути от арены боевых действий. Однако тут оказалось, что он больше не может рассчитывать на поддержку некоторых литовских князей. В Московском летописном своде (равно как и в Симеоновской летописи) вслед за известием о нападении Василия I на литовские земли сообщается о выезде на московскую службу князя Александра Ивановича Гольшанского по прозвищу Нелюб⁸⁹. По выписке Н. М. Карамзина из Троицкой летописи, это произошло «весной»⁹⁰, т. е., видимо, в период с конца мая по 23 июня⁹¹. Отец князя Александра Нелюба — князь Иван Ольгимонтович долгие годы был верным соратником Витовта и приходился ему свояком по браку с дочерью великого князя Святослава Смоленского. Братья князя Александра не изменяли Витовту, да и владения Гольшанских находились в западной части Великого княжества Литовского⁹². Однако сам князь Александр Нелюб явно оказался где-то между Витовтом и Василием I. Поэтому стоит заметить, что это семейство было связано и с Черниговщиной. Сестра (или племянница?) князя Александра Нелюба княгиня Ульяна была замужем за князем Иваном Карачевским⁹³. Заключение династических браков княжескими семьями из соседних регионов было распространено. Поэтому уместно задаться вопросом: не был ли князь Александр Нелюб наместником Витовта в одном из черниговских городов? Может быть, после смерти великого князя Романа Михайловича он наместничал в Брянске? Витовт вполне мог доверить сыну князя Ивана Ольгимонтовича такой ответственный пост⁹⁴. Войско князя Александра Нелюба состояло из литовцев и поляков⁹⁵. В Москве он получил достойную компенсацию — город Переяславль, что характеризует его как довольно значимую фигуру. Вместе с тем не лишним будет заметить, что он был племянником князя Юрия Святославича.

⁸⁸ От Ворытынска до Орши гонец, вероятно, мог бы доскакать меньше, чем за неделю (с 27 июня по 4 июля).

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 234.

⁹⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5. Примеч. 199. Стб. 74; *Нриселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 461.

⁹¹ См.: Громов М. Н. Время и его восприятие в Древней Руси. С. 11.

⁹² Wolff J. *Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku*. S. 95–96.

⁹³ Długosz J. *Dziejów polskich*. T. IV. S. 202.

⁹⁴ Дети князя Ивана Ольгимонтовича занимали высокие посты. К началу 1420-х гг. князь Михаил Иванович был киевским наместником, а князь Семен Иванович был наместником Витовта в Великом Новгороде. Княгиня Ульяна после смерти первого мужа, в 1418 г. вышла замуж за Витовта (Wolff J. *Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku*. S. 95–97). По мнению Я. Тенговского, она могла быть дочерью не князя Ивана Ольгимонтовича, а князя Михаила Ивановича (Tęgowski J. *Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów*. S. 209–210).

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 234.

Кроме того, от войны уклонился стародубский князь⁹⁶. 4 июля 1406 г. из Орши Витовт сообщал маршалу Немецкого ордена, что «герцог Александр Стародубский, божьей милостью, здоров»⁹⁷. Однако князь Александр Патрикеевич, видимо, не желал идти войной против своего зятя князя Андрея Можайского и вскоре был обвинен в том, что хотел изменить Витовту⁹⁸. С. М. Кучинский вслед за рядом других исследователей с оспором на сведения М. Стрыйковского полагал, что именно князь Александр Стародубский в 1401–1406 гг. одновременно был и брянским наместником⁹⁹. Е. В. Русина справедливо указала, что оспор на сочинение М. Стрыйковского сомнительна, поскольку в его Хронике много сведений, которые нельзя проверить по другим, более надежным источникам¹⁰⁰. Так или иначе, из всех князей, составлявших костяк воинских сил на востоке Великого княжества Литовского, у Витовта остался один только князь Семен-Лугвень.

Потери Витовта были довольно существенными. С началом вооруженного конфликта от него отпала огромная территория. Теперь войска нужно было вести вовсе не на Москву, а на Стародуб и на Брянск. Более того, в Орше и в соседних землях у Витовта не имелось таких сил, которые позволили бы ему восстановить свою власть на Северщине и продолжить борьбу с Василием I. Литовскому господарю пришлось спешно выехать в литовские замки для срочной мобилизации собственно литовских войск. Еще в июне он также носылал в Немецкий орден и в Польшу с просьбой о помощи.

На сбор войск ушло довольно много времени. Согласно Прусской хронике, лишь 25 июля 1406 г. (в день святого Якова) Витовт выступил в поход против «короля Москвы»¹⁰¹. По хронике Я. Длугоша, его войско состояло из поляков, литовцев и русских¹⁰². Немецкие источники тоже называют поляков, но еще и волохов (молдаван). Причем поляками командовал князь Свидригайло Ольгердович¹⁰³. В Львове вынаты для «похода на Москву» осуществлялись еще 1 августа¹⁰⁴. Немцы столкнулись с существенными организационными проблемами. В частности, жмудь не хотела идти на войну, ссылаясь на то, что никогда

⁹⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 231.

⁹⁷ CEV. № 369. S. 150. Неясно, с чем связан такой насаж Витовта. Может быть, накануне верховный маршал сам интересовался здоровьем князя Александра Патрикеевича? Ранее еще его отец князь Патрикей Давыдович имел тесные отношения с Орденом (*Лицкевич О. В.* Поручительство литовско-русской знати за нобиля Братошу Койлутовича (1387–1394 гг.)... С. 35–37). О происхождении князя Александра Стародубского также см.: *Келембет С. [М.]* Князі стародубські та рильські: середина XIV — початок XV століть. С. 12–18.

⁹⁸ CEV. № 352. S. 136–137.

⁹⁹ *Kuczyński S. M.* Ziemia Czernihowsko-Siewerskie pod rządami Litwy. S. 176.

¹⁰⁰ *Русина О. [В.]* Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. С. 107.

¹⁰¹ SRP. Bd. 3. S. 282–283.

¹⁰² *Długosz J.* Dziejów polskich. T. III. S. 532.

¹⁰³ CEV. № 352. S. 136.

¹⁰⁴ *Pominki dziejowe Lwowa z archiwum miasta.* T. 2. S. 24. № 105.

не участвовала в таких далеких походах. Об этом жмудский староста Михал Кюхмайстер фон Штернберг сообщал великому магистру Немецкого ордена еще 29 и 30 июня¹⁰⁵. В итоге комтур Рагнита Фридерик фон Цоллерн и жмудский староста Михал Кюхмайстер отправились в поход только 7 августа — на 12 дней позже Витовта¹⁰⁶. С ними также были герольды герцога Голландии и герцога Бургундии¹⁰⁷. Известная дорога из Вильно на Северщину проходила через Минск — Могилёв — Кричев и доходила до Стародуба¹⁰⁸. В результате похода литовских войск князь Александр Стародубский был схвачен и заключен в тюрьму¹⁰⁹. Из Стародуба дорога шла через Трубчевск на Брянск¹¹⁰. Повидимому, до Брянска Витовт добрался к концу августа и ожидал там подкрепления.

Немцы и жмудь снустья 27 дней нути 2 сентября 1406 г. прибыли в Брянск¹¹¹. 3 сентября в своем нисьме великий князь литовский благодарил верховного

¹⁰⁵ CEV. № 343, 344. S. 129.

¹⁰⁶ Дата выступления немцев в поход рассчитана исходя из того, что, по словам комтура Рагнита, к 2 сентября они находились в нути 27 дней (CEV. № 347. S. 131). По сообщению Т. Нарбута, в записках Лидского прихода имелась запись о том, что 5 августа 1406 г. князь Юрий Святославич с бандой разбойников совершил безуспешное нападение на Лиду, где якобы содержалась в неволе его жена, а затем — на виленский францисканский монастырь Девы Марии. Вместе с тем историк сделал оговорку, что А. Грыбовский относит нападение на францисканский монастырь к 7 августа 1403 г., и в датировке имеется проблема (*Narbutt T. Dzieje starożytne narodu litewskiego*. T. 5. Dodatek 1. S. 2–3). А. Прохаска со ссылкой на Т. Нарбута писал, что данное нападение было совершено на Ошмяны (*Prochaska A. Dzieje Witolda Wielkiego Księcia Litwy*. S. 110). Сведения о нападении на Лиду или Ошмяны князя Юрия Святославича 5 августа 1406 г. представляются сомнительными. Во-первых, хотя удар и состоялся бы в отсутствие войск Витовта, которые к тому времени уже могли миновать Минск, но был бы нанесен накануне прохождения через эти места поляков и немцев, что было рискованно. Во-вторых, данные Т. Нарбута не согласуются с тем, что о местонахождении князя Юрия Святославича месяц спустя писал сам Витовт.

¹⁰⁷ В книге казначея Немецкого ордена содержатся записи о выплатах. В том числе: «двум герольдам: герцога Голландии и герцога Бургундии, когда они вместе с Витовтом прибыли из Русского похода (us der Russchen reise)»; «добровольцам, которые ездили в Русский поход»; «двум возничим, каждый с тремя лошадьми 15 недель пребывали в Русском походе»; «комтуру Рагнита, которого госнодин направил в Русский поход со старостой Жемайтии»; «двум возничим с двумя каретами и шестью лошадьми и двумя слугами, которые 15 недель пребывали в Русском походе» (CEV. S. 970; *Das Marienburger Tresslerbuch der Jahre 1399–1409*. S. 407, 409).

¹⁰⁸ Дорогу войск Витовта можно предположительно реконструировать по маршруту его поезда 1427 г. (см. § 14).

¹⁰⁹ CEV. № 352. S. 136–137.

¹¹⁰ Дорога из Стародуба через Трубчевск на Брянск известна по источникам конца XV — первой трети XVI в. (СИРИО. Т. 41. С. 442; ПИВЕ. Т. 6. № 18. С. 71), но она действовала еще и в конце XIV в. (см.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 138). Комтур Рагнита Фридерик фон Цоллерн писал, что его дорога от Дненра (Tuperrre) до Брянска составила 56 миль (около 420 км) (CEV. № 347. S. 131). А. Прохаска ошибочно интерпретировал слово «Tuperrre» как Таненберг и указал, что Брянск находится в 56 милях от Таненберга. Слова комтура Рагнита соответствуют описанной нами дороге Могилёв (на Дненре) — Кричев — Стародуб — Трубчевск — Брянск.

¹¹¹ CEV. № 347. S. 131. Письмо датировано: «am dunnerstage noch Egidii» — «в четверг после [дня] Эгидия». Года нет. День Эгидия иконодника — 1 сентября.

маршала Немецкого ордена за войска крестоносцев и жмуди, более тысячи человек, посланных ему на помощь¹¹². В «Суммариуме Ягайла и Витовта» (немецкий источник, восходящий к сочинению 1412–1413 гг.) говорится о 14 сотнях всадников, прибывших к литовскому госнодарю из Немецкого ордена¹¹³. В итоге армия Витовта стала представлять собой довольно нестрый интернационал.

В благодарность за подаренного жеребца Витовт направил маршалу Немецкого ордена двух соколов. Через месяц тот получил нисьма от Фридерика фон Цолерна и Витовта, написанные в Брянске 2 и 3 сентября. 13 октября 1406 г. маршал писал великому магистру, что от великого князя литовского к нему приехали двое сокольничих, которые поведали о походе своего госнодина. По их словам, Витовт требовал от Василия I выдать ему князей Александра Нелюба и Юрия Смоленского. Сокольничие выражали надежду, что на этих условиях мир между Витовтом и «Москвитином» скоро наступит¹¹⁴.

Князь Александр Нелюб действительно находился в Великом княжестве Московском. Что же касается князя Юрия Святославича, то, судя по Новгородской I летописи, он все еще пребывал в Великом Новгороде¹¹⁵. Видимо, Витовт по-прежнему настаивал на том, что новгородцы подчиняются Василию I¹¹⁶, поэтому требование о выдаче князя Юрия Святославича было адресовано именно московскому князю.

Сообщение сокольничих явно указывает на то, что задолго до встречи с войсками Василия I Витовт не желал вступить в сражение со своим зятем, а выдвигал перед ним конкретные политические требования. Следовательно, одной из основных целей похода Витовта было восстановление порядка в Стародубской и Брянской землях, тогда как об урегулировании норубежных конфликтов и о политических разногласиях с Москвой можно было договориться.

Не ранее 3 сентября войска Витовта выступили из Брянска. Они двигались по направлению Карачев — Звенигород — Мценск — Чернь, дошли до реки Плавы и расположились на Пашковой гати¹¹⁷. Московские войска выдвинулись

¹¹² CEV. №348. S. 132; *Danilowicz I. Skarbiec diplomatów...* Т. 1. №843. S. 352. Письмо датировано: «am freitag noch sint Egidii confessoris» — «в пятницу после [дня] Эгидия исповедника». Год не указан.

¹¹³ SRP. Bd. 5. S. 226.

¹¹⁴ CEV. №352. S. 136–137; *Danilowicz I. Skarbiec diplomatów...* Т. 1. №850. S. 354. Письмо датировано: «an der mitwochen noch Dyonisii» — «в среду после [дня святого] Дионисия» (9 октября). Не имеет года. В известных публикациях датировано 13 октября 1406 г. (среда).

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 3. С. 399.

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 471.

¹¹⁷ По этой дороге Витовт совершал поездку еще и в 1427 г. (см. § 14). Спустя много десятилетий Я. Длугош писал, что после заключения перемирия на Плаве Витовт раздал многим полякам в награду рыцарские гербы. Причем произошло это почему-то на реке Угре (*Dlugosz J. Dziejów polskich*. Т. III. S. 532). Данный сюжет был использован В.Н. Темушевым в качестве аргумента для предположения, что на Плаву войска Витовта могли идти со стороны Угры (*Темушев В.Н. Пограничные города Великого княжества Литовского: Дмитровец в XV в. С. 63–64*). К сожалению, ученый не использовал документы Немецкого ордена, описывающие путь немецких войск

из Москвы 7 сентября и неренравились через Оку в районе Сернухова¹¹⁸. Они шли на Плаву через верховья Уны, возможно, их нуть нролегал через Тулу. На номощь к Василию I нришли нолки великого князя Ивана Михайловича Тверского и татары хана Шадибека. Московские войска затратили на свой нуть от Москвы до Плавы 15 дней (с 7 до 22 сентября)¹¹⁹. Приблизительно столько же или чуть больше времени было у войск Витовта на нуть от Брянска до Плавы. Заметим, что и кратчайшее расстояние от Брянска до Плавы нриблизительно равно кратчайшему расстоянию от Москвы до Плавы.

Согласно Прусской хронике, войска Витовта «нребывали в земле московского короля 14 дней; и тот не решался нанасть на них, хотя он созвал на номощь много татар и всех русских герцогов»¹²⁰. Энизод нпротивостояния на Плаве также известен со слов луцкого старосты Олехно в нересказе Ягайла. По его оценке, численность московских войск вдвое нревосходила размер войска Витовта и его сторонников. Обе стороны были готовы к битве. Один из московских нолков якобы хотел устроить засаду в болотистом лесу, который, однако, оказался ненодходящим местом для сражения. Когда же москвичи решили выйти из него иным нутем, то нонали на отряд литовских сторожей, выставленный для охраны литовских войск, и многие были неребиты. Затем московский князь стал нросить мира, и Витовт согласился на это из сочувствия к своей дочери (Софье). После установления неремия Василий I обещал разрешить все разногласия с Витовтом до следующей Пятидесятницы (15 мая 1407 г.) и заключить с ним мир¹²¹.

и Витовта. Известия Я. Длугоша следует ноставить под сомнение. Во-нервых, в отличие от русских летонисей и Прусской хроники, рассказ Я. Длугоша очень несодержательный. Хронисту вообще были нлохо известны детали нхода на Плаву. В частности, он не уноминает об участии в нем немцев и жмуди. Во-вторых, в 1406 г. ноляки Свидригайла не могли принести в Польшу таких вестей, нсколько остались вместе с ним в Брянске. На Угру ходили другие нольские отряды под командованием маршала Польского королевства Збигнева, однако это было в 1408 г. (*Długosz J. Dziejów polskich*. Т. III. S. 536–538). Возможно, два схожих по своему содержанию нхода Витовта нпротив Василия I и нривели к вероятной ошибке Я. Длугоша.

¹¹⁸ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 475; ПСРЛ. Т. 25. С. 234.

¹¹⁹ Дата 22 сентября рассчитана от 1 октября, когда было заключено неремие, за вычетом 9 дней, которые стороны нростояли на Плаве. Е.Л. Коняевская нредположила, что 7 сентября московские войска нодошли к Плаве, а 16 сентября (через 9 дней) уже заключили неремие с Литвой (*Коняевская Е.Л. «Повесть о Плаве» и летонисные статьи Тверского сборника за первое десятилетие XV в. С. 89*). Однако такая трактовка летониси нприводит к хронологическому несоответствию. Во-нервых, 3 сентября Витовт был еще в Брянске. До Плавы ему нредстояло нпреодолеть не менее 230 км, что невозможно было бы сделать за 4 дня, нсколько расчетная скорость 57,5 км в день нревышает возможности конного войска с обозом. До этого около 1000 км немецкие рыцари нредвигались со средней скоростью 37 км в день. К тому же неред встречей с войсками нпротивника значительное время должно отводиться на разведку, н поэтому средняя скорость нредвижения основных войск существенно надает. Во-вторых, сложно нредположить, что стороны заключили неремие 16 сентября, с тем условием, что оно настунит только с 1 октября.

¹²⁰ SRP. Bd. 3. S. 283. Здесь и далее цитаты из Прусской хроники нриведены с учетом уточнений В.Л. Шульзингера, которого я благодарю за оказанную номощь.

¹²¹ *Elementa ad fontium editiones*. Т. 2. №64. Р. 40.

По Тверской летописи, простояв на Плаве 9 дней, стороны заключили перемирие с 1 октября «до Съшествия Святаго Духа» (15 мая 1407 г.)¹²².

Согласно Прусской хронике и книге вынлат казначея Немецкого ордена, немецкие крестоносцы находились вдали от родины 15 недель¹²³. По-видимому, они вернулись из «русского похода» вместе с остальными войсками Витовта и прибыли домой около 19 ноября 1406 г.¹²⁴

Для Витовта восточная кампания в целом оказалась успешной. Еще в июне 1406 г. все нападения московских войск были отбиты, нанесен урон норубежным московским местам, а также новосильским союзникам Василия I. В ходе второго похода в августе — сентябре удалось избавиться от северских изменников, а Брянск и Стародуб были переданы в наместничество князю Свидригайлу. По словам Ягайла, Василий I обещал вынолнить все, что потребовал Витовт¹²⁵. Из русских источников тоже следует, что Василию I пришлось идти на уступки. В перемирную грамоту без ведома тверских князей и воевод было внесено имя великого князя Ивана Тверского. Во-первых, Василий I не оказал ему чести и внесал его после своей «братии», что было ниже достоинства тверского князя. Во-вторых, видимо, значительную роль сыграло то обстоятельство, что великий князь Иван был женат на сестре Витовта, умершей совсем недавно, в 1404 г.¹²⁶ В итоге великий князь тверской был занисан «во вся страны» или «въ многыя земля». Должно быть, Витовт добился его нейтралитета, за что нозже тверичи нонрекали московскую сторону: «сами не восхотесте, брате, номощи нашеа». По этой причине тверская сторона впредь отказалась помогать Москве¹²⁷.

Сторонам, вероятно, удалось достичь компромисса по новоду князя Юрия Святославича. Несмотря на то что в начале сентября Витовт надеялся на его выдачу, ранее все же допуская, что Василий I сведет его с Великого Новгорода и будет

¹²² ПСРЛ. Т. 15. Стб. 474–475. В Погодинском списке Тверской летописи имеется еще одна запись о стоянии на Плаве. Она начинается словами «О Плаве новестъ» и датой «В лето 6914. На страстной недели, въ нятокъ великий» (9 апреля 1406 г.). Далее следует краткое упоминание о перемирии на Пашковой гати (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 472). Е. Л. Конявская показала, что данная композиция находится не на своем месте. В Забелинском списке Тверской летописи дата «на страстной неделе, въ нятокъ великий» относится к 6913 г. (17 апреля 1405 г.) и предвещает совсем другое событие, что согласуется с другими летописями (Конявская Е. Л. «Повесть о Плаве» и летописные статьи Тверского сборника за первое десятилетие XV в. С. 85).

¹²³ SRP. Bd. 3. S. 283; CEV. S. 970; Das Marienburger Tresslerbuch der Jahre 1399–1409. S. 409.

¹²⁴ Дата рассчитана исходя из того, что, по словам комтура Рагнита, к 2 сентября немцы находились в пути 27 дней (CEV. №347. S. 131), следовательно, выступили в поход 7 августа (см. выше).

¹²⁵ Elementa ad fontium editiones. Т. 2. №44. Р. 25; №64. Р. 40; Полехов С. В. Литовско-русские отношения в начале XV в. в свете малоизвестных документов. С. 105. Благодарю за помощь в переводе С. В. Полехова.

¹²⁶ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 435; ПСРЛ. Т. 25. С. 233.

¹²⁷ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 476–477.

держатъ в своей земле¹²⁸. 14 ноября 1406 г. (в Филинново заговение) князь Юрий Святославич приехал к Василию I и получил от него Торжок¹²⁹, который находился в совместном московско-новгородском управлении и который князь Юрий имел в кормлении еще в Великом Новгороде¹³⁰. Так были учтены интересы брата Василия I — князя Юрия Дмитриевича, который был зятем князя Юрия.

Кроме непосредственных отношений Витовта с Василием I, стоит отметить, что значительную утрату они понесли со смертью митрополита Кннриана, который ранее играл связующую роль между Москвой и Литвой. В конце августа он уже был болен, а 16 сентября 1406 г. скончался¹³¹. С его смертью на прострaнстве митрополии Киевской и всея Руси был утрачен влиятельный дипломатический и миротворческий ресурс.

Окончание войны 1406–1407 гг. (камнания 1407 г.)

Надежды на заключение мира при выполнении определенных условий имелись у Витовта еще до прихода на Плаву¹³². Целью перемирия было устранение разногласий и заключение мира. Однако, согласно Тверской летописи, «в перемирие миру не сътворишася»¹³³. Данные слова летописца буквально означают, что за время перемирия (до 15 мая 1407 г.) сторонам не удалось достичь желаемого согласия и прийти к заключению мирного договора (сотворить мир). В этой связи «пришедше Литва нововаша землю Новосилскую и градъ Одоевъ огнемъ ноналиша»¹³⁴. В Московском летописном своде взятие Одоева датируется 20 мая 1407 г.¹³⁵

По сведениям тверского летописания, в том же 1407 г. московские места тоже подверглись нападению: литовцы «глубле въстуниша воюючи въ земли Москве, и волости приимаша, и села пограбиша, и нолна много разведоша». Однако «москви(чи) же укреньшеся номощию божиею и шедше на нихъ, овехъ избиша, а иныхъ прогнаша, воеводу же ихъ Миромобочгу руками изнимаша»¹³⁶. 2 сентября 1407 г. великий магистр Немецкого ордена всноминал о двух последних посланиях Витовта. В одном из них рассказывалось, «как недавно в Московии была захвачена одна крепость, и в ней было взято в плен 700 человек челяди»¹³⁷. С учетом пути от места боевых действий до Витовта, а затем до

¹²⁸ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 471.

¹²⁹ ПСРЛ. Т. 11. С. 198; ПСРЛ. Т. 3. С. 399.

¹³⁰ ПСРЛ. Т. 4. С. 144.

¹³¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 234; ПСРЛ. Т. 11. С. 194.

¹³² СЕВ. № 352. С. 136–137.

¹³³ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 477.

¹³⁴ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 477.

¹³⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 236. В сложносочленном рассказе Тверской летописи имеется датировка этих событий: «лету же наставшу». Однако по Московскому своду была весна, а не лето.

¹³⁶ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 477–478.

¹³⁷ В публикации: «wie die euern dem von Moscow ein hus angewunnen und doruffe VII^c gesinde gefangen haben». В комментарии А. Прохаски указано другое число: «...pojmawszy na nim 600 ludzi w newole» (СЕВ. № 370. С. 151–152).

немецкого магистра следует налагать, что уномянутое событие произошло до начала августа 1407 г.

По-видимому, в норубежных столкновениях с литовской стороны были задействованы смоленские войска, в частности раснолагавшиеся в крениости Дмитровца, что в среднем течении Угры. В ответ 6 августа (на Снасов день)¹³⁸ Василий I ношел «къ Смолиньску» и взял Дмитровец¹³⁹. Затем московские нолки нанравились к Вязьме, где встретились с войсками Витовта. Там стороны, «ностоавше мало, и взяша нремирие». Согласно Тверской летониси — от августа, а но Московско-Академической летониси — от Рождества нресвятой Богородицы (8 сентября 1407 г.) до Петрова дня (29 июня 1408 г.)¹⁴⁰.

А.Л. Хорошкевич онубликовала обнаруженный ею договор, который был заключен между Витовтом и Василием I нод Вязьмой 4 сентября. Год в рукониси не указан. Исследовательница нредложила датировать его 1407 годом. Весьма существенным нреиятельством для этого как будто бы является расхождение летонисной формулировки с текстом договора. В летонисях речь идет о неремиирии, а в грамоте — о мире. Василий I «взял любовь» со своим тестем и обещал: «а быти намъ (Василию I. — Р.Б.) заодинъ нри его (Витовта. — Р.Б.) стороне и нособляти ми ему на всякого». Договор сохранился в очень ноздней конии. В тексте имеется ряд утрат. Они, видимо, имелись и в ветхом от времени оригинале, которым нользовался неренисчик. Тем не менее хорошо видно, что

Илл. 10.1. Разорение Одоева литвой в 1407 г. (ЛЛС. Кн. 12. С. 109)

¹³⁸ Снасов день — здесь нраздник Преображения Госнодня (Яблочный снас) — 6 августа. В.Н. Темушев нреднолагал, что может иметься в виду Хлебный снас — 16 августа (Темушев В.Н. Пограничные города Великого княжества Литовского: Дмитровец в XV в. С. 64). Однако на дорогу от Москвы до Дмитровца требовалось более двух недель (больше, чем на дорогу до Плавы). Предстояло взять Дмитровец, а нотом к началу сентября дойти до Вязьмы. Это внолне достижиимо, если московские войска вышли из Москвы 6 августа.

¹³⁹ В Тверской летониси в онисании данных событий содержится ошибка: «тогда же москвичи и дмитровцы взяша град литовский» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 478). В московском летонисании речь идет о взятии москвичами города Дмитровца (ПСРЛ. Т. 25. С. 237). В более ноздних литовских источниках город называется Дмитровом (СИРИО. Т. 35. С. 37, 118, 120 и др.). Вонрос о нринадлежности Дмитровца к Смоленской земле решается формулировкой Московско-Академической летониси: московские войска ношли «къ Смолиньску» и взяли [смоленский город] Дмитровец (ПСРЛ. Т. 1. Вын. 3. Стб. 538). По аналогии с тем, как в 1402 г. рязанские войска ношли «на Брянскъ» и были разбиты нод [брянским городом] Любутском (ПСРЛ. Т. 25. С. 231).

¹⁴⁰ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 478; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 538.

но форме договор близок к литовско-тверскому договору 1427 г.¹⁴¹, что выдает в нем явные черты архаичности. Мирный договор между тестем и зятем был заключен в 1393 г. (см. выше). Однако А. Л. Хорошкевич справедливо заметила, что в то время Витовт еще не носил титул «великого князя литовского и многих русских земель господаря» (курсив мой. — Р. Б.), который читается у него в договоре от 4 сентября. С 1393 до 1406 г. мир ни разу не нарушался, поэтому не было повода для заключения нового мирного договора. Для заключения же договора о мире в сентябре 1407 г. необходимо было устранить причину начала войны или твердо договориться об ее устранении. В этой связи примечательна судьба князя Юрия Святославича.

После переезда из Великого Новгорода в Торжок князь Юрий позарился на жену служившего ему князя Семена Вяземского. Она воспротивилась и ранила его ножом. В ярости князь Юрий убил князя Семена и его жену, после чего бежал в Орду «от своего несчастья и бесчестия». В летописях данное событие помещено под 6914 г. и случилось, видимо, со второй половины ноября 1406 г. до конца февраля 1407 г.¹⁴² Под 6915 г. в Тверской летописи (мартовский стиль) говорится, что он умер «в земле Татарской»¹⁴³. Однако в других летописях сообщается, что он умер в Рязанской земле в монастыре некоего игумена Петра¹⁴⁴. В Стененной книге добавлено, что это случилось в Венёве в монастыре чудотворца Николы¹⁴⁵. Особого внимания заслуживает сообщение о том, что князь Юрий несколько дней проболел и преставился 14 сентября (на Воздвижение честного креста) 1407 г. Его болезнь (может быть, от отравления?) последовала сразу же за переговорами Витовта и Василия I под Вязьмой.

В целом театр военных действий в 1407 г. был гораздо уже, чем в предыдущий год. Сторонами конфликта задействовалось меньше сил и средств, хотя отдельные эпизоды войны были не менее ожесточенными. В 1407 и в начале 1408 гг. уже предпринимались попытки устранить причины начала войны. Новгородско-литовские отношения стали налаживаться. Видимо, еще весной 1407 г. новгородцы просили Витовта дать им князя Семена-Лугвения. К концу июня 1407 г. он получил в кормление ряд новгородских городов, которые имел ранее в 1389–1392 гг. На некоторых из них в 1404–1406 гг. сидел князь Юрий Святославич¹⁴⁶. Согласно Прусской хронике, в конце 1407 г. Витовт готовился к походу на Русь¹⁴⁷. Так в данном источнике под тем же годом называлась

¹⁴¹ Хорошкевич А. Л. Документы начала XV в. о русско-литовских отношениях. С. 40–47, 51–52.

¹⁴² ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 530; ПСРЛ. Т. 25. С. 236.

¹⁴³ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 473.

¹⁴⁴ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 531; ПСРЛ. Т. 25. С. 237.

¹⁴⁵ ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. С. 445. Обзор летописных записей о смерти князя Юрия Святославича см.: Коняевская Е. Л. «Повесть о Плаве» и летописные статьи Тверского сборника... С. 86.

¹⁴⁶ ПСРЛ. Т. 3. С. 400; Псковские летописи. Вып. 1. С. 30; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 351; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 263–264.

¹⁴⁷ SRP. Bd. 3. S. 288.

Псковская земля (Pleskow)¹⁴⁸. Однако в начале 1408 г. у Витовта были московские нослы и хлонотали о том, чтобы тот заключил мир со Псковом¹⁴⁹. Может быть, в результате именно этих переговоров в марте 1408 г. князь Константин Дмитриевич отъехал из Пскова на новгородское наместничество¹⁵⁰. Как заметил А. Е. Пресняков, Константин и Семен-Лугвень были в Великом Новгороде одновременно¹⁵¹. Весной 1408 г. псковичи носылали к Витовту своих нослов, и тот хотел дать им своего наместника. Однако эта инициатива была осложнена войной Пскова с Немецким орденом, на стороне которого была Литва¹⁵². Мир между Литвой и Псковом был заключен только в 1409 г.¹⁵³ К сожалению, дальнейшая судьба князя Александра Ивановича Нелюба неизвестна, однако к лету 1408 г. его уже не было в Переяславле, и затем город был передан другому владельцу¹⁵⁴. Таким образом, имеются все признаки того, что после вяземской встречи Витовт и Василий I предпринимали попытки к установлению полноценного мира.

Война 1408 г.

В историографии московско-литовские конфликты 1406–1407 и 1408 гг. обычно рассматриваются как единое целое. Безусловно, события 1408 г. напрямую вытекали из событий предыдущих лет и имели схожую с ними основу. Вместе с тем у нового обострения ситуации была совсем иная причина. Катализатором войны 1406–1407 гг. был князь Юрий Святославич, уже давно стоявший на пути реформы Витовта по насаждению в Смоленске управляемой власти (института наместничества). У отдельно взятой северской камнани 1406 г. катализатором были литовские князья-изменники, сидевшие в черниговских землях и не желавшие воевать с Москвой. Их тоже предстояло заменить. Однако и после удаления князя Александра из Стародуба, подалеке от его московских родственников, в черниговских землях все еще оставалось много местных князей, бояр, а также духовенства, которые издавна имели свои отношения с соседями. Как ни старался Витовт перестроить местную власть на восточной окраине своего государства, при возникновении новой опасности в 1408 г. вновь оказалось, что здесь много тех, кто не воюет с Москвой.

Сложившимся положением дел воспользовался новый брянский и стародубский наместник Свидригайло. В предыдущие годы он не раз конфликтовал с Витовтом. В 1393 г. самовольно занял город своей покойной матери Витебск,

¹⁴⁸ SRP. Bd. 3. S. 286. Московия (Moskow) в данном источнике под 1406 и 1408 гг. не называлась Русью (SRP. Bd. 3. S. 282–283, 291).

¹⁴⁹ CEV. №374. P. 154.

¹⁵⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 400.

¹⁵¹ Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. С. 345–346.

¹⁵² Барбашев А. [И.] Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410 г.). С. 116; CEV. №377, 378. S. 156–158.

¹⁵³ ПСРЛ. Т. 25. С. 239.

¹⁵⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 237; Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. S. 96.

но вынужден был сдаться войскам Витовта и нотом содержался у Ягайла в Кракове. В 1397–1398 гг. тайно нытался добиться расноложения великого магистра Немецкого ордена, нросил у него номощи нротив Витовта, но нолучил отказ. Тогда Свидригайлу нришлоь нримириься с Витовтом. В 1399 г. он участвовал в ноходе нротив Тимур-Кутлуга, а но возвращении нолучил от Ягайла Занадное Подолье. В 1402 г. во время размирья Литвы с Немецким орденом Свидригайло бежал к немцам и заключил с великим магистром мирный договор на тот случай, если ему нодчинится Великое княжество Литовское. Однако в 1403 г. Конрад фон Юнгинген возобновил мирные отношения с Витовтом и нерестал ноддерживать Свидригайла. Тот снова вернулся в Польшу и даже сумел заслужить доверие Ягайла и Витовта. В 1404 г. участвовал в ноходе на Смоленск, а в 1406 г. вместе со своими нольскими войсками участвовал в северской камнании и дошел до Плавы. В результате Витовт норучил ему наместничество в Брянске и Стародубе¹⁵⁵.

Тем не менее Свидригайло но-нрежнему тайно искал ноддержку для борьбы с Витовтом. Он установил отношения с местными князьями, духовенством, также с Москвой, а особую надежду, видимо, возлагал на недавно возвратившегося из сибирского нохода князя Едыгея и нового хана Пулада. В этой связи в 1408 г. Витовту вновь нришлоь встунить в войну.

Польский хронист Я. Длугош, а за ним и его носледователи — нольские историки XVI в. нолагали, что ноход Витовта 1408 г. изначально был нанравлен нротив Москвы и лишь затем был нрерван изменой Свидригайла¹⁵⁶. Однако укоренившийся в историографии стереотин следует нересмотреть. В целом новествование Я. Длугоша схоже со сценарием рассказа Прусской хроники, но существенно донолнено нольскими источниками и собственными оценками Я. Длугоша. Рассказ Прусской хроники действительно начинается сообщением: «Этим летом литовский князь Витовт отнравился на короля Москвы с множеством людей, а с ним конница из Пруссии и из Польши». Однако за этой нреамбулой следует новый вступительный оборот: «И случилось так», и лишь затем раскрывается суть нроизошедшего.

По словам прусского хрониста, «князь Свидригайло имел небольшую землю и замки на границе со страной короля Москвы¹⁵⁷. Князь Витовт стал

¹⁵⁵ *Нолехов С. В.* «Русины онять нровозгласили его своим госнодином». №10. С. 82–83; *Stadnicki K.* Bracia Władysława-Jaęęły Olgierdowicza, króla polski, wielkiego xięcia Litwy. S. 306–316.

¹⁵⁶ *Długosz J.* *Dziejów polskich.* T. III. S. 536–537; *Bielski M.* *Kronika.* T. 1. S. 507; *Wapowski B.* *Dzieje korony Polskėj i wielkiego księstwa Litewskiego...* T. 1. S. 173–176; *Kromer M.* *Kronika.* S. 766–767.

¹⁵⁷ Основная часть Брянской земли не являлась маленькой и не граничила с Московской землей. Под «небольшой землей на границе со страной короля Москвы» можно было бы нодразумевать лишь брянский город Любутск с его волостями. Однако, если это отождествление верно, то неясно, ночему Прусская хроника заостряет свое внимание именно на Любутске. Не собирався ли Свидригайло нередать его Москве в обмен на номощь Василия I?

онасаться, что Свидригайло не переметнется от него к королю Москвы, послал за Свидригайлом, и хотел заковать его в оковы. Тогда Свидригайло ответил, что если он не доверяет ему, то пусть отдает замки и землю, кому захочет, и сам остается с ним. В ответ на эти слова Витовт послал к нему нескольких своих бояр, чтобы они забрали замки и земли. Когда они приехали к нему домой, он уже был нредунрежден, и их самих заковал в оковы, и сжег замки, и отвел захваченных им [бояр] в Москву к королю»¹⁵⁸. То есть, согласно Прусской хронике, нервой нричиной этого нохода Витовта был вовсе не Василий I, а Свидригайло.

Русские летониси согласны с Прусской хроникой в том, что вместе с литовским госнодарем в ноход отнравились литва, нольяки и немцы, но добавляють к ним еще и жмудь¹⁵⁹. По сведениям Я. Длугоша, нольский король Ягайло нослал Витовту в нодкренление «иять хоругвий, содержащих в себе но тысячи конейщиков, рыцарей нольских, иснытанных в бою. Воеводой же над ними ноставил Збигнева из Бжезя, маршала королевства Польского. Много нанов и шляхты нольской ношли на ту войну но собственному желанию; многие нослали свои вооруженные дружины. Прибыл от магистра нрусского Ульриха фон Юнгингена крестоносец Маркварт (комтур Бранденбурга. — *Р. Б.*) с одной хоругвью в номощь»¹⁶⁰. Согласно книге вынлат казначея Немецкого ордена, в очередном «русском ноходе» также участвовали: жмудский староста Михал Кюхмайстер и комтур Балги Иоганн фон Зайн. В «Суммариуме Ягайла и Витовта» названы Маркварт и жмудский староста. Всего говорится о 18 сотнях всадников, нрибывших на номощь к Витовту из Немецкого ордена¹⁶¹. Вынлата жмудскому старосте накануне нохода датирована 21 июня (в четверг перед днем Иоанна Крестителя)¹⁶². Вынлаты для войска нольского маршала были нроизведены 23 июня (в субботу перед днем Иоанна Крестителя)¹⁶³. По Я. Длугошу, из Вильно войска Витовта вышли в ноход 25 июня (на следующий день носле дня святого Иоанна Крестителя)¹⁶⁴.

Ситуация оказалась схожей с той, что сложилась перед северской камнанией 1406 г. От Витовта снова отнали феодалы черниговских земель, которые склонились на сторону Москвы. У литовского госнодаря вновь было недостаточно собственных сил, чтобы вести войну, нозтому он нривлек нольяков, немцев и жмудь. Для июньской камнании 1406 г. и для камнании 1407 г. таких сил не требовалось. В свою очередь, Василий I снова нривлек на свою сторону

¹⁵⁸ SRP. Bd. 3. S. 291.

¹⁵⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 238; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 482.

¹⁶⁰ *Długosz J. Dziejów polskich*. Т. III. S. 536.

¹⁶¹ SRP. Bd. 5. S. 226.

¹⁶² CEV. S. 972; *Das Marienburger Tresslerbuch der Jahre 1399–1409*. S. 488.

¹⁶³ *Najstarsze księgi i rachunki miasta Krakowa od r. 1300 do 1400*. S. 280; *Pominki dziejowe Lwowa z archiwum miasta*. Т. 2. S. 72. № 207. Расходы нольского короля, связанные с ноходом на Москву, были нреднриняты еще и 22 сентября, однако в это время нольские войска уже возвращались с Угры (*Najstarsze księgi i rachunki miasta Krakowa od r. 1300 do 1400*. S. 281).

¹⁶⁴ *Długosz J. Dziejów polskich*. Т. III. S. 536.

татар. Впрочем, и сам Свидригайло настолько тесно оказался связанным с новым ханом Пуладом, что несколько нозже в Орде вынашивались планы выдать за Свидригайла ханскую дочь¹⁶⁵.

Польский историк и поэт М. Стрыйковский номестил в своей хронике стихи исторического содержания, в которых утверждал, что Витовт настунал от Смоленска¹⁶⁶. Однако более ранние сведения Я. Длугоша в совокупности с другими источниками все же склоняют к мысли о том, что войска Витовта, как и в 1406 г., шли через Стародуб и Брянск.

25 июля 1408 г. комтур Бранденбурга Маркварт фон Зальцбах из некого места «Meynisken» доносил верховному маршалу Ордена, что слухи об отъезде Свидригайла из Литвы нодтвердились и он забрал с собой множество людей¹⁶⁷. Согласно вынкам Н. М. Карамзина из Троицкой летониси, Свидригайло выехал из Брянска 8 июля, а 26 июля уже нрибыл в Москву¹⁶⁸. По Я. Длугошу, он «бежал к князю Василию Московскому с дружиной благосклонных к себе нляков, литовцев и русских»¹⁶⁹. Согласно русским летонисям, с ним были «владыка дебряньскы Исакыи, да с ним же князь Патрекеи Звенигородскы, и князь Александръ Звенигородскы ис Путимля князь Феодор Александрович, князь Семень Перемышльскы, князь Михаило Хотетовъскы, князь Урустай Менъскыи, и бояря черниговъскыи и дебряньскыи и любутьскыи, и рославъскыи»¹⁷⁰. Впрочем, исходя из дальнейшего развития событий, можно думать, что в Москву бежали не все сразу, кто-то озаботился обороной, в частности на неренравах через реки.

Анализом состава князей-неребежчиков занимался целый ряд исследователей¹⁷¹. Однако многие работы вынолнялись еще до локализации верхнеокского города Звенигорода — вотчины карачево-звенигородских князей (см. § 9). Владения двух звенигородских, хотетовского и неремышльского князей находились к востоку и к северо-востоку от Брянска. Вотчиной князя Урустай Менского могло быть место «Meynisken», в котором крестоносцы нребывали

¹⁶⁵ ДАИ ОИР. № 112. С. 293. Письмо датировано «четвергом неред Тронцей». С. В. Полехов относит его к 23 мая 1409 г. (Полехов С. В. «Русины онять нровозгласили его своим госнодином». С. 83–84. Сноска 12).

¹⁶⁶ Strykowski M. Kronika... Т. 2. S. 124. Это свидетельство М. Стрыйковского было использовано В. Н. Темушевым (Темушев В. Н. Пограничные города Великого княжества Литовского: Дмитровец в XV в. С. 66).

¹⁶⁷ CEV. № 380. S. 159; Danilowicz I. Skarbiec diplomatów... Т. 1. № 876. S. 359. Письмо имеет полную датировку: «Gegebin czu Meynisken am tage sente Jacob des heiligen apostels XIII^c VIII°» — «в день святого Иакова святого аностола 1408».

¹⁶⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5. Примеч. 200. Стб. 74; Нриселков М. Д. Троицкая летонись. С. 467.

¹⁶⁹ Dlugosz J. Dziejów polskich. Т. III. S. 536–537.

¹⁷⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 237; ПСРЛ. Т. 18. С. 154–155.

¹⁷¹ Puzyna J. Potomstwo Narymunta Giedyminowicza. № 5. S. 109; Kuczyński S. M. Ziemia Czernihowsko-Siewerskie... S. 178–180, 220–223; Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 39–42; Русина О. [В.] Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. С. 100–106.

25 июля. По мнению Е. В. Русиной, имеется в виду нутивльская Мленская волость¹⁷². Впрочем, может быть, «Meunicken» следует искать на дороге Стародуб — Трубчевск — Брянск или на небольшом удалении от нее. По летописям, в которых отсутствовала нунктуация, неясно, кто прибыл в Москву «ис Путимля» — князь Александр Звенигородский, который, по мнению Дионисия Звенигородского, был нутивльским воеводой, или некий князь Феодор Александрович? Титул последнего в летописях не раскрыт. Дионисий считал его сыном князя Александра Звенигородского¹⁷³. Кроме того, выделим в этом списке рославльских бояр, вероятно, из удела покойного князя Юрия Святославича Смоленского¹⁷⁴.

Размеры московских пожалований, переданных Василием I прибывшим со Свидригайлом князьям и иным служилым людям, были весьма значительными: Владимир, Переяславль, Юрьев Польский, Волок Ламский, Ржева и половина Коломны¹⁷⁵. Это говорит о том, что и количество прибывших войск было внушительным, особенно по сравнению с количеством войск князя Александра Нелюба, получившего в 1406 г. один лишь Переяславль.

Нет ясности, почему два года назад местные князья и бояре столь массово не нанравились в Москву. Может быть, князь Александр Стародубский и не вынашивал планов схожего по глубине и масштабам мятежа? Планы же Свидригайла оказались гораздо более амбициозными и авантюрными. Немаловажным мотивом для отъезда к Москве примкнувших к нему местных князей, бояр и духовенства мог быть их нечальный опыт 1406 г., когда им довелось испытать на себе нашествие войск Витовта и крестоносцев.

Согласно Прусской хронике, Свидригайло сжег свои замки¹⁷⁶. Позже Я. Длугош добавил, что это были Стародуб и Брянск. Впрочем, исходя из развития дальнейших событий, сведения о сожжении Брянска можно поставить под сомнение. По Я. Длугошу, сторонники Свидригайла «и из засад днем и ночью нанадали на обозы Александра Витовта, терзая его разными бедами на пользу Москвитина. Когда же войско Александра хотело неренравиться за реку Оку, текущую через самый центр Московской земли, воснреиятствовали ему

¹⁷² Русина Е. В. Персональный состав северских князей во второй половине XV в. С. 14–18.

¹⁷³ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 74. Иначе здесь можно подразумевать сына князя Александра Стародубского. Имена «кн(з) Феодора Алекса(н)дровича Звенигородского, оубиенного о(т) татарь» и «кн(з) Феодора Александровича Староду(б)ско(го)» читаются в Введенском синодике (Поменник Введенської церкви... С. 18–19). Однако несколько Витовт пленил князя Александра Стародубского еще в 1406 г., то сложно ожидать, что вместе с тем он оставил его сына Федора княжить в Стародубе. Разве что сам Свидригайло мог привлечь князя Федора на свою сторону против Витовта?

¹⁷⁴ С рославльскими боярами Свидригайло мог сойтись в связи с браком с дочерью князя Юрия Святославича, которая к 1408–1409 гг., видимо, уже умерла. Об этом браке см.: Нолехов С. В. Браки князя Свидригайла Ольгердовича. С. 237–249.

¹⁷⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 237.

¹⁷⁶ SRP. Bd. 3. S. 291.

в таковой неренраве»¹⁷⁷. Неясно, в каком месте Оки местные воеводы заияли оборону. Если от Брянска Витовт шел по той же дороге, что и в 1406 г., то речь должна идти о неренраве недалеко от Звенигорода. Дальнейшее наступление Витовта могло развиваться по Звенигородской дороге на север через владения огдыревских князей (в Понугорье) и затем на Белёв — Перемышль — Воротыньск, с выходом на устье Угры. Либо оно должно было развернуться от Звенигорода на Брянск, а оттуда — идти на Брын — Серенск — Воротыньск, что менее вероятно¹⁷⁸. Во всяком случае, на Угре Витовт оказался вынужденно. Это был единственный нуть, который ему предоставили местные князья и их воеводы.

По рассказу Я. Длугоша, Витовт «вторгся в землю Московскую, и начал ее огнем и мечем онустошать»¹⁷⁹. Выражение «онустошать огнем и мечем» в сочинении польского хрониста является распространенным литературным штампом. Только в 10-й книге (1370–1410 гг.) оно употребляется девять раз, не считая других нохожих оборотов речи¹⁸⁰. После Звенигорода онустошать Витовт мог только нолосу земель по левобережью Оки, где располагались лишь небольшие владения некоторых князей, находившихся на московской службе (огдыревских, белёвского). Но это не была собственно Московская земля. Также под его удар попадали владения князей, переметнувшихся на сторону Москвы (звенигородских, хотетовского, перемышльского). На этом отрезке нуты Воротыньск был razoren еще в 1407 г., а другие места могли быть обескровлены самими отступавшими князьями-неребежчиками.

Путь войск Витовта от Вильно до встречи с московскими войсками на Угре занял почти десять недель (с 25 июня до 1 сентября). Это на две недели больше, чем в 1406 г. понадобилось на такой же по протяженности нуть до Плавы. Путь ноляков на обратную дорогу от Угры до Польши занял чуть более восьми недель (с 14 сентября до 11 ноября)¹⁸¹. Следовательно, наступление Витовта на лишние две недели увязло в черниговских землях.

Василий I звал на нолощь великого князя Ивана Тверского, однако тот в нолощи отказал¹⁸². Татары заназдывали, и московскому князю пришлось справляться своими силами и нолagаться на нолощь бежавших к нему черниговских князей и бояр.

1 сентября 1408 г. войска Витовта и Василия I встретились на Угре. Согласно русским летонисям, не доводя дело до сражения, 14 сентября стороны

¹⁷⁷ Długosz J. *Dziejów polskich*. T. III. S. 537.

¹⁷⁸ Эта дорога известна по источнику конца XV в. (СИРИО. Т. 41. С. 442).

¹⁷⁹ Długosz J. *Dziejów polskich*. T. III. S. 536.

¹⁸⁰ Długosz J. *Dziejów polskich*. T. III. S. 321, 331, 333, 335, 343, 349, 357, 476–477, 536.

¹⁸¹ Поляки вернулись домой в день святого Мартина (11 ноября) (Długosz J. *Dziejów polskich*. T. III. S. 537). Вынлаты немецким крестоносцам нроизводились в нонедельник носле дня аностола Андрея (3 декабря) (CEV. S. 972–973; Das Marienburger Tresslerbuch der Jahre 1399–1409. S. 488–489).

¹⁸² ПСРЛ. Т. 15. Стб. 474–477.

взяли «мир но давному»¹⁸³. Также, по словам Ягайла, в этот день стороны установили мир и покой, а на следующий день, в субботу 15 сентября, Василий I дал клятву об исполнении условий договора и целовал крест¹⁸⁴. По словам Прусской хроники, «стояли два войска друг против друга на одной реке, и не могли сойтись. Затем между ними был заключен мир, так что они разъехались друг от друга»¹⁸⁵.

Витовт вернулся домой гораздо раньше всех своих войск. Ягайло нисал об уснехе его нохода в нисьме, адресованном, видимо, великому магистру Немецкого ордена. Он сообщал, что войска Витовта и его союзников, «оставив всякий страх, с мужеством стремились сразиться с недругами. Недруги же, напротив, когда заметили, что они столь решительны в действиях и тверды духом, были норажены большим смятением и тотчас стали смиренными. Свернув боевые ряды, они были нринуждены стремиться к миру». Также польский король заявлял, что московский князь нолностью возвратил Витовту все земли, волости, замки, укрепления и прочее, из-за которых возникла вражда, и обязался нредоставлять ему номощь нпротив всех врагов¹⁸⁶.

Ягайло умолчал о трудностях нохода Витовта к Угре: о невозможности ненравиться через Оку, о нотере части обозов, о том, что у войск Витовта заканчивалось нродовольствие и он не мог слишком долго затягивать безнадежное стояние на Угре. Ягайло также еще не знал, чем обернется восточный вояж для «баронов, рыцарей и вассалов», которым только нредстояло вернуться из нохода. По словам Я. Длугоша, носле заключения мирного договора Витовт оставил польское войско и носнешил домой. На обратном нути оно иснытало большие бедствия. По-видимому, рыцари возвращались той же дорогой, которой шли на Угру. На нути нонадалось не так много населенных нупктов, которые к тому же уже были разорены ненриателем (Свидригайлом и его сторонниками), а также самими рыцарями на нути к Угре. Занасы нродовольствия иссякли, и в войсках начался свиреный голод. Дороги размыло затяжным дождем. От голода и тяжелой дороги люди и лошади стали надать замертво. Кроме того, на поляков, литовцев и крестоносцев нанали татары, которых нозвал на номощь Василий I¹⁸⁷. Рыцарям еле удалось от них отбиться. В этом ноходе они нотеряли оружие, коней и большие дружины. По возвращении домой они нотребовали от Ягайла донолнительной коменсации своих нотерь¹⁸⁸. Что же касается нанавших на них татар, то их нельзя отнести к безусловным союзникам Василия I

¹⁸³ ПСРЛ. Т. 25. С. 237–238; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 474.

¹⁸⁴ *Elementa ad fontium editiones*. Т. 2. №67. Р. 42–43; *Нолехов С. В.* Литовско-русские отношения в начале XV в... С. 105.

¹⁸⁵ SRP. Bd. 3. S. 291.

¹⁸⁶ *Elementa ad fontium editiones*. Т. 2. №67. Р. 42–43. Благодарю за номощь в нереводе С. В. Полехова.

¹⁸⁷ *Długosz J. Dziejów polskich*. Т. III. S. 537; SRP. Bd. 3. S. 291.

¹⁸⁸ *Długosz J. Dziejów polskich*. Т. III. S. 537–538.

и населения Северщины. Нанадением на нольские войска они не ограничились. По тверской летониси, «татарове взяша Брянскъ, иже которые номагалы князю великому (Василию I. — Р. Б.), видя нлошество рускыхъ князеи»¹⁸⁹. К тому времени Брянск уже и так пострадал от Свидригайла и от голодного рыцарства. Местные князья и служилые люди находились на чужбине, поэтому Брянск оказался беззащитным. В результате этих событий многие черниговские земли были разорены. Так закончилось литовско-московское противостояние 1408 г.

Итоги мира на Угре

Литовско-московский договор о мире 1408 г. до наших дней не дошел, однако некоторые его ноложения косвенно отразились в сохранившихся источниках. Видимо, он был не только двусторонним, но и оговаривал отношение Москвы и Литвы к их союзникам (третьим сторонам). На эту мысль наводят слова Витовта, обращенные к новгородцам через несколько лет: «съ Угры и со всеми нашими граничники мирны есме»¹⁹⁰. Под «граничниками», вероятно, Витовт имел в виду те земли, которые граничили с Великим княжеством Литовским и нринимали участие в конфликтах 1406–1408 гг. на стороне Москвы, в том числе Псков, Великий Новгород, Тверь, а также некоторые области Верхнего Поочья. Должно быть, по договору 1408 г. с ними следовало заключить мир.

В историографии оценки итогов литовско-московского конфликта 1406–1408 гг. сильно разнятся¹⁹¹. Особенно заметны расхождения по новоду территориальных нриобретений сторон в Верхнем Поочье. Так, по мнению Н. М. Карамзина, после взятия Литвой Одоева в 1407 г. тот «возвратился к России уже при великом князе Иоанне Васильевиче»¹⁹². М. К. Любавский считал, что несколько Верхнеокский край был ареной борьбы между Витовтом и Василием I, то он был и ее объектом. По его мнению, в результате этого противостояния Литвой были заняты: Карачев, Мценск, Мезецк, Мосальск, Перемышль, Белёв¹⁹³. В настоящее время такую точку зрения можно было бы подкрепить словами Ягайла о том, что «князь московский нолностью вернул князю Витовту все земли, волости, замки, укрепления и прочее, из-за которых возникла вражда»¹⁹⁴. Однако в этих словах нет конкретики (неречисления земель) и они не согласуются с течением противостояния, в ходе которого Витовт не нанес Василию I решающего поражения. Если же на Угре был достигнут компромисс, то Ягайло явно умолчал о том, чем ностунился сам Витовт. Ряд исследователей нологали, что

¹⁸⁹ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 474.

¹⁹⁰ ПСРЛ. Т. 3. С. 403.

¹⁹¹ См.: *Pletnia R.* Działalność wielkiego księcia Witolda na północno-wschodnich obrzeżach państwa Litewskiego w latach 1404–1408. S. 29–32.

¹⁹² Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5. Примеч. 199. Стб. 74.

¹⁹³ Любавский М. К. Областное деление и местное унравление Литовско-Русского государства... С. 49, 53–55; *Он же.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С. 63.

¹⁹⁴ *Elementa ad fontium editiones.* Т. 2. №67. Р. 62–63. Перевод С. В. Полихова.

к территориальным изменениям война 1406–1408 гг. не привела. Так, С. М. Кучинский аргументировал это тем, что, согласно летописям, на Угре Витовт и Василий I «взяша миръ межи себе но давному»¹⁹⁵. К той же точке зрения склоняется А. В. Шеков¹⁹⁶.

Дошедшие до наших дней источники в общих чертах позволяют реконструировать литовско-московскую границу. Одна из статей договора 1449 г. прямо отсылает нас к временам Витовта: «А суд о земли и о воде о Смоленской и о всихъ обидныхъ делехъ о Смоленскихъ от того времени, как <...> великий кияз(ь) Витовтъ кн(я)зя Глеба на Смоленську носадил»¹⁹⁷. Поскольку московско-смоленская граница, но-видимому, не претерпевала изменений с 1393 по 1449 г., то можно думать, что в таком виде она была зафиксирована и в договоре 1408 г., став границей между Москвой и Литвой.

Имеется еще один источник, рассказывающий о границе в это время. Согласно Хронике Быховца (намятник начала XVI в.), Витовт и Василий I «межу soboіu mirъ wczynili y hranicu zemlam swoim po Uhru reku položyli»¹⁹⁸. Однако эти сведения не в полной мере отражают действительность. Граница с формулировкой «но Угру» впервые возникла лишь в 1492 г. Она образовалась путем захвата московской стороной ряда волостей в Нижнем Поугорье (Онакова, Залидова и Бышковичей), располагавшихся по обе стороны Угры, и их раздела по реке между московскими слугами. По московско-литовскому договору 1494 г. южная часть этих волостей «но Угру» была возвращена Литве. После нового захвата Москвой литовской части этих волостей в 1500 г. Угра в своем нижнем течении вновь стала внутренней границей между административно-территориальными единицами Московского государства. Но еще в начале XVI в. возвращение к границе «но Угру» было актуальным для литовской стороны, что и отразилось в Хронике Быховца¹⁹⁹. Как заметил В. Н. Темушев, в начале XV в. некая граница по реке Угре могла проходить разве что на небольшом участке в устье реки²⁰⁰. В первой четверти XV в. Онаков, Залидов и Бышковичи принадлежали родственнику мосальских князей — князю Андрею Михайловичу, который по бабушке являлся правнуком Ольгерда и к 1420-м гг. оставался в союзе с Литвой (см. § 13).

В то же время к югу от Угры сохранялись и московские владения. По окончанию с князем Владимиром Сернуховским 1402–1404 гг., Василий I должен был отстаивать перед Витовтом свои права на Козельск²⁰¹. Точнее, права

¹⁹⁵ Kuczyński S. M. Ziemia Czernihowsko-Siewerskie pod rządami Litwy. S. 222–223; ПСРЛ. Т. 25. С. 238.

¹⁹⁶ Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 135–137.

¹⁹⁷ ДДГ. № 53. С. 161.

¹⁹⁸ ПСРЛ. Т. 32. С. 149–150.

¹⁹⁹ Беспалов Р. А. К вопросу о границе «по Угру» в XV веке. С. 81–86; см. § 25.

²⁰⁰ Темушев В. Н. Занадная граница Великого княжества Московского к 1380 г. С. 96–97.

²⁰¹ ДДГ. № 16. С. 44.

князя Ивана Владимировича. В конце XV в. сохранялись московско-литовские грамоты, но которым Козельск с козельскими местами принадлежал Москве²⁰². Все они были составлены до 1448 г. Вероятно, именно в 1408 г. на Угре вопрос о Козельске решился в пользу Василия I. В 1409–1410 гг. было составлено завещание князя Владимира Серпуховского. По нему город оставался у его сына князя Ивана Владимировича, признававшего в Козельске владение великого князя московского²⁰³.

Видимо, из грамоты 1402–1404 гг. в завещание князя Владимира Серпуховского перешла статья о компенсации на случай отпадения Козельска от Москвы. Теперь в качестве такой компенсации налагался «Любутск с волостями». Права великого князя московского на Любутск неясны. Вероятно, установление в нем московской власти стало возможным после перехода любутских бояр на сторону Василия I, но только до тех пор, пока они находились на московской службе, а потому перспективы отпадения Любурска от Москвы тоже не исключались.

Непосредственно к козельской территории примыкал Серпушск, который со времен Ольгерда находился в совместном московско-литовском управлении. Такое положение дел было зафиксировано и в договоре 1449 г.²⁰⁴ Поэтому можно думать, что оно имело силу и по договору 1408 г.

Война нанесла ощутимый урон Новосильско-Одоевской земле — в 1406 и 1407 гг. были разорены города Ворытск и Одоев. Тем не менее, после заключения московско-литовского мира на Угре, целостность княжества не была нарушена. Вопреки мнению Н. М. Карамзина, в первой четверти XV в. князь новосильского дома остался в союзе с Москвой.

По мнению М. К. Любавского, именно в результате войны 1406–1408 гг. на литовской службе оказались князья тарусского дома Андрей и Дмитрий Всеволодичи, которые получили от Витовта Мезецк²⁰⁵. Однако никаких конкретных аргументов в пользу такой датировки ученый не привел. Вотчина этих князей город (О)гдырев и волость Устье находились в бассейне реки Нугри (см. § 9). 1 июля 1493 г. на переговорах с литовскими посланцами московские бояре передали речи Ивана III: «...мезецкие князи изъ старины наши слуги, одны съ тарусскими князми, и въ старыхъ докончаньехъ (во множественном числе. — Р. Б.) предковъ нашихъ (великих московских и великих литовских князей. — Р. Б.) нисаны»²⁰⁶. В этих словах видится указание на эпоху Витовта и Василия I. Таруса перешла под верховную власть Василия I в 1392 г.²⁰⁷ Следовательно,

²⁰² СИРИО. Т. 35. С. 51.

²⁰³ ДДГ. № 17. С. 47. О датировке грамоты см.: Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение... С. 226–232.

²⁰⁴ ДДГ. № 53. С. 161; СИРИО. Т. 35. С. 120.

²⁰⁵ Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства... С. 54–55.

²⁰⁶ СИРИО. Т. 35. С. 106.

²⁰⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 219; Горский А. А. От земель к великим княжениям. С. 117, 122–123.

князя Андрей и Дмитрий Всеволодичи (а может быть, и их отец) могли быть уномянуты в качестве московских слуг после этого времени, а именно — в московско-литовских договорах 1393 и 1408 гг. К 1424 г. они уже находились на литовской службе (см. § 13).

Авантюра Свидригайла носила хотя и масштабный, но кратковременный характер. Василий I принял было его на службу, но при этом не стал ему помощником в борьбе с Витовтом. К концу этого года князь Едыгей совершил опустошительный набег на Великое княжество Московское, нанеся ему немалый вред²⁰⁸. При этом Свидригайло склонился на сторону татар и участвовал в разграблении Сернухова. Видимо, вместе с Едыгеем он бежал в Орду, а летом 1409 г. вернулся ко двору Витовта²⁰⁹. Однако там его не только не ценили, но и презирали²¹⁰. В октябре 1409 г. он получил от великого магистра Немецкого ордена Ульриха фон Юнгингена верительные грамоты и обещание помощи в борьбе против Витовта. Однако к концу ноября попал в тюремное заточение, в котором провел восемь с половиной лет²¹¹.

Власть Витовта на Северщине окрепла. Стародуб отошел к его родному брату князю Сигизмунду. Возможно, ему также подчинился и Брянск²¹². Брянский владыка Исакий вернулся к управлению своей кафедрой. Можно думать, что некоторые бежавшие ранее со Свидригайлом в Москву князья и служилые люди последовали примеру Исакия и вернулись домой²¹³, другие же остались на московской службе. Так, хотетовские князья были вотчинниками Хотетова еще и в конце XV в.²¹⁴ Князь Александр и его сын князь Федор Звенигородские номинаются в известных номанниках черниговских князей²¹⁵. Поэтому можно думать, что они не теряли связь с Черниговщиной. Последний был убит «от татар», не исключено, что в нашествие Едыгея. С другой стороны, князь Иван

²⁰⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 181–185; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 482–484; ПСРЛ. Т. 25. С. 238–239.

²⁰⁹ В русских летописях сообщается, что Свидригайло и его ляхи (ноляки) с татарами Едыгея не сражались, а «еще наших же людий грабаче и губяче», но лишь под 6918 (1409/10) г. говорится о бегстве Свидригайла из Великого княжества Московского в Литву (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 181–185; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 482–484). Согласно же сведениям энистолярного наследия Немецкого ордена, к маю — середине июня 1409 г. Свидригайло находился в Орде и именно оттуда прибыл к Витовту (ДАИ ОИР. № 112. С. 293; СЕУ. № 411. С. 184; № 414. С. 187; *Нолехов С. В.* «Русины онять провозгласили его своим госнодином»... С. 83; *Нолехов С. В.* Браки князя Свидригайла Ольгердовича. С. 250).

²¹⁰ *Danilowicz I.* Skarbiec diplomatów... Т. 1. № 903. С. 365; СЕУ. № 428. С. 202.

²¹¹ СЕУ. № 430, 431, 434. С. 202–204. О бегстве Свидригайла из тюремного заточения см.: ПСРЛ. Т. 25. С. 244; СЕУ. № 766–768. С. 404–407.

²¹² *Русина О. [В.]* Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. С. 112–113.

²¹³ Исакий был брянским владыкой еще и в 1414–1415 гг. (ПСРЛ. Т. 11. С. 223–225; ПСРЛ. Т. 25. С. 242).

²¹⁴ ЛМ. Кн. 4. № 52. Р. 105; СИРИО. Т. 35. С. 297, 299–300.

²¹⁵ *Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 28; Поменник Введенської церкви... С. 19.

Звенигородский к 1451 г. был воеводой Василия II и коломенским наместником²¹⁶. Как показал А. Б. Мазуров, некоторые коломенские наместники XIV — середины XV в. назначались из числа местных землевладельцев²¹⁷. Неизвестно, что стало с князем Семеном Перемышльским. Его измельчавшие нотомки, видимо, осели на московской службе²¹⁸. К середине XV в. Перемышль принадлежал Литве²¹⁹. Однако, как мы увидим далее, до середины XV в. не исключены и другие волны нерехода местных князей на московскую службу.

Во всяком случае, в 1406–1408 гг. верховья Оки не были основным объектом и причиной конфликта между Витовтом и Василием I, как это представлялось М. К. Любавскому. Исползование этого региона (наряду с Вязьмой и Можайском) в качестве арены боевых действий объясняется тем, что именно здесь территориально и политически соприкасались и даже местами нересекались сферы политического влияния Литвы и Москвы.

Как было показано выше, причиной конфликта не могла стать какая-либо старая закоренелая вражда между Витовтом и Василием I. Напротив, войне предшествовали более 14 лет дружественных отношений между тестем и зятем. Возникновению предпосылок к началу войны в значительной степени способствовал политический нуть Витовта. Прежде он и его сторонники были сильно притесняемы Ягайлом. Стремясь к власти, Витовт тоже желал разделаться со всеми своими оппонентами. В том числе, установив верховную власть над Смоленском, он не потерпел своеволия смоленских князей и нежелал окончательно упразднить великое смоленское княжение. Для этого он вел многолетнюю войну с князем Юрием Святославичем, с сочувствующими тому смоленскими боярами и с его тестем великим князем Олегом Рязанским. Заодно Витовт желал устранить из черниговских областей тех литовских князей, которые объединялись с местными феодалами и начинали вести самостоятельную политику по отношению к Москве, Смоленску, Рязани, а иногда даже и к Орде. В результате этого противостояния местные князья, бояре и духовенство стали искать защиты у Москвы или у ее союзников, Великого Новгорода и Пскова. Даже в этих условиях Василий I до некоторых пор стремился сохранить дружественные отношения с Витовтом, но все же сложившаяся ситуация привела к нолосу военных столкновений между ними в 1406–1408 гг. Борьба достигала высокого накала и требовала привлечения крупных воинских сил, в том числе и сил союзников. Вместе с тем нежелание сторон вступать в крупномасштабные сражения вело вовсе не к эпизодическим баталиям, а к дипломатическим переговорам и заключению перемирия на Плавне, перемирия или мира под Вязьмой, а затем и мира на Угре.

²¹⁶ ПСРЛ. Т. 23. С. 154.

²¹⁷ Мазуров А. Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI в. С. 116–132.

²¹⁸ Князья Горчаки считали себя нотомками неремышльских князей. В их родословной имеется князь Семен Владимирович Перемышльский, который, однако, отстоит от князя Ивана Титовича Козельского на четыре поколения (Бархатная книга. Ч. 1. С. 193–194).

²¹⁹ ЛМ. Кн. 3. Р. 39.

Правда, в конце XV в. московская сторона сочтет договор 1408 г. неблагоприятным для себя, поскольку по сравнению с московско-литовскими договорами середины XIV в. теперь из политической орбиты Москвы вынали Смоленск и Брянск²²⁰. Лишь северо-восточная часть Черниговщины была разделена. Василий I приобрел здесь Тарусу и Козельск, а также сохранил союз с Новосильской землей.

После смерти великого князя Олега Рязанского Василий I стал оказывать некоторое влияние на его сына великого князя Федора Ольговича. 11 июля 1411 г. ливонский магистр Конрад фон Фитингхоф сообщал великому магистру Немецкого ордена Генриху фон Плауэну о новостях из Литвы, которые принесли ливонские нослы. По его словам, Витовт совершил поездку в Смоленск, где в очередной раз встречался со своей дочерью (женой Василия I). Туда же прибыл «герцог Рязани». Упоминалось, что рязанский князь (должно быть, имеется в виду Федор Ольгович) долгое время был врагом Витовта, но теперь сам положился на его милость²²¹. Вероятно, между ними был заключен договор о мире. Примечательно, что по московско-рязанскому договору 1402 г. великий князь Федор Ольгович имел возможность заключить союз с Витовтом, но только «по думе» с Василием I²²². Поэтому заключение литовско-рязанского договора в присутствии московских представителей можно рассматривать как выполнение достигнутых ранее договоренностей между Москвой и Рязанью.

В результате перемен, произошедших в Смоленской и Черниговской землях в конце XIV — начале XV в., расширилась линия непосредственного соприкосновения Великого княжества Литовского с Великим княжеством Московским. Вместе с тем в верховьях Оки еще сохранялся ряд исконных вотчин местных князей. Как показывает исторический опыт, их политическая ориентация была переменчива и зависела как от прочности их личных династических связей, так и от внешней политической конъюнктуры.

Постепенная инкорпорация северо-восточной части Черниговщины в состав иных государственных образований шла десятилетиями путем взаимного проникновения политических, правовых, экономических и церковных институтов²²³. Внешние силы переносились как с местной элитой, так и между собой сначала политически, династически, а затем и территориально. В конце XIV — начале XV в., исключив из этого состязания Смоленск и Рязань, два других соседа, Москва и Литва, продолжали наращивать свое влияние. Помимо

²²⁰ СИРИО. Т. 35. С. 114–115; *Флоря Б. Н.* Борьба московских князей за Смоленские и Черниговские земли... С. 60–64.

²²¹ LЕuС UB. Bd. 4. № 1888. Sp. 780; CEV. № 482. S. 225.

²²² ДДГ. № 19. С. 55.

²²³ Проводя самую общую аналогию, здесь можно вспомнить еще более длительную инкорпорацию области расселения вятичей в состав Русской земли, а затем Черниговского княжества в середине X — XII в.

заклучения политическх союзов с местными князьями, великие литовские и великие московские князья стремились приобретать права на земельные владения в регионе. При этом стоит оговориться, что хотя Василий I и приобрел ряд земель в верховьях Оки, на данном этапе он еще не мог распоряжаться ими напрямую, а лишь делегировал управление в них своим родственникам. Зная литовский опыт в Черниговщине, можно говорить о том, что такая политика не всегда оправдывала себя и в будущем могла обернуться против великого князя.

§ 11. События в северо-восточной части Брянской епархии в связи с церковным расколом 1415–1420 годов

После смерти митрополита Кинриана († 1406 г.), еще во время распрей с Василием I, Витовт желал перенести митрополичью кафедру из Москвы в Киев и выдвинул кандидатом в митрополиты нолоцкого архиепископа Феодосия. Однако 1 сентября 1408 г. в Константинополе на митрополию Киевскую и всея Руси был поставлен грек Фотий, 22 апреля 1410 г. он прибыл в Москву. Первоначально Витовт не хотел его принять, но Фотий сумел примириться с литовским князем, обещав заботиться о западных епархиях¹.

Вместе с тем Витовт не терял надежды переместить церковную власть, и такая возможность вскоре представилась. Новый митрополит нашел свое хозяйство расхищенным и принялся ревностно наводить в нем порядок². Осенью 1414 г. деятельность Фотия настроила против него отдельных представителей духовенства. К ним примыкал племянник Кинриана Григорий Цамблак, находившийся в то время в Москве³. Фотий изгнал провинившихся церковных управителей, они бежали к ставленнику Кинриана брянскому владыке Исакию, а от него направились к Витовту⁴.

В свою очередь Витовт направил в Константинополь послание к императору и патриарху, в котором просил, чтобы для Киева и всей Литвы был поставлен особый митрополит. Его новым кандидатом стал Григорий Цамблак. Однако прошение было отклонено. В марте 1415 г. Фотий, видимо, еще собирал церковные дани в Смоленске, откуда поехал к Витовту в Городну, но тот не принял его. 25 или 26 марта митрополит отправился в обратный путь, а на Святой неделе (до 7 апреля) вернулся в Москву⁵. Вероятно, уже к этому времени Витовт повелел перенести все города, волости и села на территории литовской части митрополии, выгнать из них наместников Фотия⁶ и заместить их своими наместниками. Позже Витовт вспомнил, что в марте 1415 г. его послы отправились в Константинополь с новым прошением, в котором стоял ультиматум, что если оно не будет удовлетворено, то на церковном соборе местные епископы поставят Григория митрополитом независимо от воли патриарха. Ответ послы должны были привезти к Ильину дню (20 июля) или не позднее Уснения (15 августа). Затем срок был продлен до Филинова дня (14 ноября). Когда все сроки для

¹ Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 3. С. 61–62; АЗР. Т. 1. №25. С. 36; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 36, 56–57, 61; ПСРЛ. Т. 25. С. 240.

² АИ. Т. 1. №256. С. 485.

³ ПСРЛ. Т. 35. С. 33.

⁴ ПСРЛ. Т. 11. С. 223–224.

⁵ ПСРЛ. Т. 35. С. 33, 55.

⁶ ПСРЛ. Т. 11. С. 223–224. Имеются в виду наместники митрополита, управляющие владениями митрополичьей кафедры на территории Великого княжества Литовского. О них см.: Абеленцева О. А. Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви. С. 243–249.

ответа прошли, 15 ноября 1415 г. епископы поставили Григория митрополитом литовским. Соборный акт утвердили владыки семи епархий. В нем после первого имени полоцкого архиепископа Феодосия следовал епископ черниговский и брянский Исакий⁷. То же отражено в западнорусском летописании⁸. В летописании Северо-Восточной Руси Исакию отводится более значимая роль в расколе, и в списке епископов он обычно указывается первым⁹. Согласно летописям, Витовт угрожал епископам смертью. Однако некоторые из них, видимо, были согласны с литовским государем по своей воле. Должно быть, Исакий по-прежнему сохранял верность роду Цамблаков и был одним из инициаторов выдвижения нового литовского митрополита.

В связи с позицией Исакия в верховьях Оки назревал серьезный конфликт. Большая часть Брянской епархии находилась под властью Литвы, но часть ее подчинялась верховной власти Василия I и митрополита Фотия. При этом настроения владельцев разных областей вроде бы помосковской части епархии оказались политически неоднородными. В частности, Ярославль¹⁰ находился во владении князя Ярослава Владимировича Серпуховского. К 1414 г. между ним и Василием I возник территориальный спор, который князь Ярослав попытался разрешить в Орде. Не добившись своего, зимой 1414/15 г. он направился в Литву¹¹, видимо, рассчитывая на то, что в сложившейся ситуации Витовт не станет выдавать его Василию I. Многие земли верховьев Оки были лояльны Москве: это Тарусское княжество во владении местных князей; Калуга во владении князя Андрея Можайского; Козельск, Алексин, Пересветова куня и Лисин во владении князя Ивана Владимировича Серпуховского; новосильские князья хотя и пользовались известной самостоятельностью, но тоже состояли в союзе с Москвой. Однако все неречисленные области до недавнего времени сохраняли тесные связи с центром Брянской епархии. В отличие от недавно назначенного митрополита Фотия, владыка Исакий для местных феодалов был духовным наставником уже четверть века.

Происшествие этого времени описано в так называемом «Сказании о крещении мещан»¹². Его особая ценность для изучения упомянутых событий

⁷ ПСРЛ. Т. 11. С. 224–225; АЗР. Т. 1. № 23–25. С. 33–37; РИБ. Т. 6. № 37–38. Стб. 307–314.

⁸ ПСРЛ. Т. 35. С. 33, 55.

⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 242; ПСРЛ. Т. 11. С. 223.

¹⁰ Принадлежность Ярославца к Брянской епархии устанавливается на основании реконструкции. Когда в середине XV в. произошло окончательное разделение митрополии на две части, Литовскую и Московскую, брянский владыка Евфимий отъехал в Северо-Восточную Русь и получил Суздальскую епархию. Вместе с ним откололась часть Брянской епархии и вошла в состав епархии Суздальской. В составе образовавшегося анклава был и Ярославль (см. § 20).

¹¹ ПСРЛ. Т. 17. Стб. 55; ПСРЛ. Т. 25. С. 241; Кучкин В. А. Три завещания Василия I. С. 49.

¹² Примечательный архаизм Сказания — именование мценских жителей «мещянами» (созвучно речке Мцене, в устье которой расположен Мценск). Оно было распространено в XV–XVII вв. (СИРИО. Т. 35. С. 147–148, 155, 217, 242, 262; АМГ. Т. 1. С. 194. № 177; С. 200. № 185; С. 212–213. № 194; С. 370. № 368; С. 633. № 693; АМГ. Т. 2. С. 8. № 16; С. 251. № 398; С. 256. № 409; С. 678.

состоит в том, что Мценск, находясь под верховной административной властью Литвы и церковной властью брянского епископа Исакия, оказался на пограничье надвигавшегося церковного раскола¹³.

Текст Сказания приводится по лучшей публикации священника мценской Николаевской церкви И. К. Соколова (1858, 1861 гг.), в сносках даны разночтения по И. П. Сахарову (1834 г.), некоторые также по пересказу епископа орловского и севского Гавриила (Розанова):

«Въ лето 6923¹⁴ правящу скинетры великаго княжества Василя Димитриевича и брата его Андрея Димитриевича въ пределехъ и градехъ и во всехъ весехъ неверующихъ просвещаху во Христову веру. Во граде Мценске мнози¹⁵ неверующи во Христа Бога нашего. Тогда послани быша¹⁶ отъ князей великихъ вой, со многымъ воинствомъ, и отъ митрополита¹⁷ Фотия пресвитеръ. Живущи¹⁸ мещане устрашишася и ратоваша на нихъ, и одержими бяху¹⁹ пленотою. Ови же приходяху и увещаху и ко²⁰ святому крещению. Десятыя²¹ недели по Пасце, въ иятокъ приемъ святое крещение мещане: Ходаны, Юшинки и Зикии²², и прозреша. И обретоша крестъ Госнодень, яко камень изсеченъ, и образъ святителя Николая, яко воинъ, въ руце имущъ ковчегъ²³, въ немъ же²⁴ залогъ тела и крови Госнодня. Во граде вероваху, всякихъ²⁵ недугъ свободждавшеся; окрестъ страны живущи²⁶ приходяху, всякия болезни свободждахуся, и создаша²⁷ церковь десятиа недели иятка».

№1155; АЮБ. Т. 3. Стб. 415. №357). Гораздо реже встречалось название «мценяне», «мченяне» (СИРИО. Т. 35. С. 77, 209, 236, 262; АМГ. Т. 1. С. 500. №525; АМГ. Т. 2. С. 158–159. №249; С. 260. №414), но затем в XVIII–XX вв. оно потеснило «мещан». При этом в XIX в. местные жители в простонародье также называли себя «мчанами», «амчанами», «омчанами» (Словарь названий жителей СССР. С. 209).

¹³ И. К. Соколов указывал, что описанные в Сказании события произошли еще до раскола митрополии на московскую и литовскую части (Соколов И. [К.] Сказание о явлении чудотворной иконы святителя и чудотворца Николая во граде Мценске (1861). С. 13–19). Однако, как видим, в Брянской епархии, к которой принадлежал Мценск, раскол был поддержан еще в конце 1414 г.

¹⁴ В публикации И. П. Сахарова: «Въ лето отъ сотворения мира 6953, а отъ Рождества Христова 1445».

¹⁵ В публикации И. К. Соколова в скобках, видимо, по смыслу добавлено второе слово: «мнози (беша)». В публикации И. П. Сахарова его нет.

¹⁶ В публикации И. П. Сахарова: «бывше».

¹⁷ В публикации И. П. Сахарова: «отъ пресвященнаго».

¹⁸ В публикации И. П. Сахарова: «живущие».

¹⁹ В публикации И. П. Сахарова: «одержимы быша».

²⁰ В публикации И. П. Сахарова: «ихъ къ».

²¹ В публикации И. П. Сахарова: «десятой».

²² В публикации Гавриила (Розанова) и И. П. Сахарова имена перечислены в единственном числе: Ходан (Ходона), Юшинка, Зикия (Закий).

²³ В публикации И. П. Сахарова: «имуще литый ковчегъ».

²⁴ В публикации И. П. Сахарова: «въ коемъ имать».

²⁵ В публикации И. П. Сахарова: «и всякихъ».

²⁶ В публикации И. П. Сахарова: «живущие».

²⁷ В публикации И. П. Сахарова: «создавшие».

К настоящему времени рукописные оригиналы Сказания считаются утраченными, в этой связи встает вопрос об их подлинности, поэтому предварительно остановимся на их характеристике²⁸. По сохранившимся свидетельствам, в XIX в. Сказание могли видеть и читать носители Николаевской церкви во Мценске²⁹. Гавриил (Розанов) писал, что оно было изложено в «древних рукописях» (во множественном числе)³⁰. По словам И. П. Сахарова, опубликованная им легенда «списана со свитка, хранящегося в городе Мценске, в соборной Николаевской церкви»³¹. В свитках хранились узкие полоски бумаги, склеенные в столбцы. Эта форма документов была распространена в делопроизводстве XVI–XVII вв. Затем на рубеже XVII–XVIII вв. казенное делопроизводство было переведено со столбцов на тетради³². Вместе со Сказанием И. П. Сахаров опубликовал опись Мценска 1668 г., также хранившуюся во мценском Николаевском соборе в свитке, написанную «на столбцах, связною скорописью». Впоследствии этот акт по оригиналу был переиздан под редакцией Н. В. Калачова³³. Сахаровский список Сказания, видимо, тоже представлял собой рукопись второй половины XVII в., поскольку в нем наряду с датой от сотворения мира имелась и дата от рождения Христова³⁴. Датировка в Сахаровском списке искажена: «Въ лето отъ сотворения мира 6953, а отъ Рождества Христова 1445». В XVII в. даты записывались в буквенной форме. Вероятно, писарь-составитель этого списка вместо ЖСЦКГ (6923) исходного текста прочитал и записал ЖСЦНГ (6953), отсюда и ошибка на 30 лет в написанной им дате от рождения Христова: ЖАУМЕ (1445). Не исключено, что составление данной рукописи было связано с постройкой новой Николаевской церкви в 1670-х гг. и с приобретением для нее скульптуры Николы Чудотворца³⁵. Список И. К. Соколова восходит

²⁸ Подробнее см.: Беспалов Р. А. Сказание о крещении мещян или о явлении иконы Николы Чудотворца во граде Мценске в 1415 г. С. 351–365.

²⁹ См.: Афремов И. [Ф.] Историческое обозрение Тульской губернии... С. 42–43. Сноска 31.

³⁰ От преосвященнаго Гавриила, епископа Орловского и Севского. С. 438.

³¹ Русская библиофика... Т. 1. С. 361.

³² Черепнин Л. В. Русская палеография. С. 342–344, 469.

³³ Русская библиофика... Т. 1. С. 365–374; АЮБ. Т. 3. Стб. 415–422. № 357.

³⁴ Двойные датировки довольно редки, но характерны именно для периода от церковной реформы патриарха Никона и присоединения к Московскому государству левобережной Украины до календарной реформы Петра I, т. е. примерно для 1653–1699 гг. В царских актах этого времени в основном по-старому ставились датировки от сотворения мира. Двойные же датировки ставились иногда в грамотах, касавшихся земель, где были распространены датировки от рождения Христова (СГГД. Ч. 3. № 173. С. 520; СГГД. Ч. 4. № 55. С. 208; № 83. С. 283; № 179. С. 530; № 191. С. 585; № 219. С. 648). В церковной жизни Московского государства во второй половине XVII в. происходило сближение с разными аспектами жизни греческой Церкви. Поэтому, например, в Стенной книге середины XVI в. имелись только даты от сотворения мира, а в Латухинской Стенной книге 1676 г. они местами уже дополнялись датами от рождения Христова.

³⁵ См.: Неделин В. М. Древние города земли Орловской XII–XVIII века. С. 139, 181. Сохранившийся фрагмент мценской иконы-скульптуры Николы Чудотворца датируется второй половиной XVII в. (Козлова М. А. Историко-культурологическая экспертиза и источники возникновения русской деревянной скульптуры «Никола Мценский». С. 98).

к более раннему протографу, в котором еще не было ошибки датировки и даты от рождества Христова³⁶.

Следующий важный признак для датировки Сказания — это высокий титул Василия Дмитриевича и его брата Андрея Дмитриевича (Можайского). Великие московские князья не признавали представителей можайского дома равными себе и не титуловали их «великими князьями»³⁷. Тем не менее традиция титулования Андрея Дмитриевича «великим князем» бытовала внутри его белозерской вотчины, что, видимо, подчеркивало его превосходство над местными белозерскими князьями. В первой трети XIX в. этот факт был неизвестен широкой общественности. Правда, в 1781 г. была издана Устюжская летопись, которая затем перенечатывалась в 1819 г. В ней сообщалось, что в 1389 г. великий князь Дмитрий Московский завещал своему третьему сыну «на Беле озере два города, Карголоу да Каргонолу, а нрежь того было Белозерское великое княжение». Однако когда нрежье это княжение было «великим» — не говорилось, а сам Андрей Дмитриевич назван просто «князем»³⁸. Сведения о его высоком титуле можно ночерннуть из духовной грамоты Кирилла Белозерского († 1427 г.). Впервые она была нанечатана в 1812 г. по житию святого. Однако в житии грамота сокращена (Пахомием Сербом), и Андрей Дмитриевич назван просто «князем»³⁹. Публикация грамоты с оригинала состоялась только в 1841 г., к тому времени Сказание о крещении мецнян уже было онубликовано И. П. Сахаровым. В духовной грамоте Кирилла Белозерского Андрей Дмитриевич назван «великим князем», а его жена Аграфена — «великой княгиней»⁴⁰. Гораздо нозже были онубликованы другие интересующие нас источники. Согласно житию Александра Ошевенского (1427–1479 гг.), этот святой родился «от области же убо славна града Белаозера, въ страны северныя», «ни великом князе белозерскомъ Андрее Дмитриевиче»⁴¹. В своих жалованных грамотах Андрей Дмитриевич и его сыновья Иван и Михаил титуловались «князьями», но называли свою вотчину «великим княжением»⁴². Эта традиция нрекратилась, видимо, только в 1486 г. с кончиной князя Михаила Андреевича Верейского

³⁶ Соколов И. [К.] Сказание о явлении чудотворной иконы... С. 11–13. Дополнительным аргументом здесь может служить и то, что к концу XVII в. для обозначения ларца для хранения святых даров уже широко раснространился термин «дарохранительница». Однако ранее в онисях церковного имущества он не встречается, а унотребляется термин «ковчег», который мы видим и во мценском Сказании (см.: Маханько М. А. Дарохранительница. С. 202–205). Данный факт тоже должен говорить о том, что текст Сказания восходит ко времени не нозже первой половины — середины XVII в., а затем лишь перенисывался.

³⁷ ДДГ. № 18. С. 51–52; № 31–32. С. 80–83; № 41–44. С. 121–129; № 46. С. 140–142; № 48. С. 146–148; № 51. С. 150–155; № 55. С. 164–168; № 64–65. С. 207–214; № 67. С. 217–221; № 75. С. 277–283; № 78. С. 293–295.

³⁸ Летописец, содержащий в себе российскую историю... С. 93.

³⁹ Амвросий. История российской иерархии. Ч. IV. С. 418–419.

⁴⁰ АИ. Т. 1. № 32. С. 61–62; АСЭИ. Т. 2. № 314. С. 277–278.

⁴¹ Нигин А. В. Пространная редакция жития Александра Ошевенского. С. 222, 224.

⁴² АСЭИ. Т. 2. № 48, 50, 65–67, 74, 76, 80, 140, 153, 156, 164, 182, 218, 221, 222.

и Белозерского⁴³. Перечисленные источники не только подтверждают архаичность текста Сказания о крещении мещнян, но и свидетельствуют о том, что он восходит к XV в.

В Сказании вообще ярко выражена можайская направленность. Его начало в деталях схоже с началом Сказания о явлении иконы Колочской Богородицы вблизи Можайска в 1413 г., составление которого связано с Кирилло-Белозерским монастырем: «В лета 6921 нравящу тогда скинетры всеросийскаго державствия христолубивому великому князю Василию Дмитриевичу. Бысть во области брата его, киязя Андрея Димитреевича, в пределех града Можайска...»⁴⁴ Помимо имен действующих лиц, мценское и колочское Сказания нерекликаются выражением «нравящу скинетры», а также выражениями: «в пределех града Можайска» — «въ пределехъ и градахъ и во всехъ весехъ». Совпадения в формулярной части говорят о создании этих произведений в одной и той же книжной среде⁴⁵.

Поскольку в 1415 г. Андрей Дмитриевич был лишь одним из четырех здравствующих братьев Василия I, причем не самым старшим из них, то его упоминание во мценском Сказании весьма примечательно. Датирующие записи с именами правителей явно указывают на то, в чьей земле они составлялись. В данном случае, видимо, в белозерской вотчине можайского князя.

Еще один можайский след Сказания состоит в том, что в походе можайских и московских войск на Мценск уномянуто обретение резного образа святого Николая, подобного тому, который нозже в Российском государстве стал известен как «Никола Можайский»⁴⁶.

В русском фольклоре XIV–XVII вв. имелось поверье о том, что святой Никола может ослеплять и исцелять от слепоты⁴⁷. Однако в этой части ключевым

⁴³ В сообщении ранних летописей о завещании великого князя Дмитрия Московского своему сыну князю Андрею под 1389 г. про Белоозеро говорилось: «се же было неколи княжение Белоозерское». В сокращенных летописных сводах конца XV в. это место было отредактировано: «неколи бысть Белоозерское княжение великое» (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 500–501; ПСРЛ. Т. 27. С. 85, 257, 335). Затем сообщение о великом Белоозерском княжении отразилось и в тех летописях, которые использовали сокращенные летописные своды конца XV в. в качестве источника. Поэтому можно думать, что это известие соотносится скорее с эпохой Андрея Можайского и его сыновей. Именно в конце XV в. оно было наложено на летописный текст завещания великого князя Дмитрия Московского под 1389 г., где в таком случае является анахронизмом.

⁴⁴ Журова Л. И. Сказание о Колочской иконе. С. 240, 247, 250; ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. С. 446–448; Латухинская Стенная книга. С. 335–336.

⁴⁵ Л. И. Журова заметила, что нахождение отдельных деталей сюжета колочского Сказания в летописных сводах XV в. свидетельствует о существовании его оригинала в книгонисных центрах XV в. (Журова Л. И. Сказание о Колочской иконе. С. 55–82). Отрывок колочского Сказания вошел в Софийскую I летопись старшего извода, доведенную до 1418 г. Поэтому можно думать, что в своем первоначальном виде оно составлено лишь немногим нозже 1413 г. (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 535; ПСРЛ. Т. 25. С. 241).

⁴⁶ Житие и чудеса св. Николая чудотворца... С. 275–276; Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Т. 1. С. 197.

⁴⁷ Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей... С. 91–93.

архаизмом Сказания является не художественный образ ослепления мециян, а то, в какой день и при каких обстоятельствах это произошло. На десятой неделе после Пасхи, в иягницу (утром 7 июня 1415 г.) случилось не уномянутое в Сказании очень редкое в природе явление — полное солнечное затмение: «бысть знамение въ солнце, мракъ зеленъ, таже номале бысть мракъ аки кровь, и другъ друга человеку не видети, аки въ крови стояху вси»; «и звезды явишася, и заря явис(я) утренняя и вечерияя»; «и быс(ть) страх великъ на всех родех ч(е)л(ове)ч(ес)кихъ»⁴⁸. Именно в этот день мецияне «одержими бяху сленотою». Тьма продолжалась больше часа, после чего «Г(осно)д(ь) Б(ог)ъ дасть нросвещение всему миру»⁴⁹. По Сказанию же, в это время во Мценске Фотиев нресвитер «нросвещаху во Христову веру», от чего мецияне «нрозреша»⁵⁰.

По мнению М.А. Комовой, культ Никола Можайского нонал из Можайска в Москву в начале XVI в. и только нотом оттуда стал распространяться по городам-креностям Московского государства. На следующем этане после утраты нрежних функций защитника города Никола стал нприобретать функции хранителя даров Госнодних⁵¹, что, по ее мнению, и отражено в Сказании⁵².

Илл. 11.1. Никола Можайский
(Государственная
Третьяковская галерея. Каталог
собрания. Т. 1. С. 197)

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 11. С. 226; ПСРЛ. Т. 6. Вын. 2. Стб. 41; ОР РГБ. Ф. 304/1. № 765. Л. 319 об. По сведениям NASA, 7 июня 1415 г. в Смоленске, Можайске, Твери, Москве, Владимире наблюдалось полное солнечное затмение; в Калуге, Тарусе, Коломне в максимальной фазе диск солнца был закрыт на 99%; в Белёве, Одоеве, Туле, Рязани — на 97,5%; во Мценске затмение началось в 7:51 утра по местному астрономическому времени и продолжалось до 10:06 часов. В максимальной фазе в 8:56 диск солнца был закрыт на 96% (<http://eclipse.gsfc.nasa.gov/SEsearch/SEsearchmap.php?Ecl=14150607>).

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 6. Вын. 2. Стб. 41.

⁵⁰ В представлении древнерусских книжников функция «нросвещения» в основном находилась именно в руках Бога, который нросвещал землю солнечным светом, а также исцелял от сленоты; и в руках Церкви, которая давала знания о Боге, тем самым нриносила духовное нросвещение и крещение (СРЯ. Вын. 20. С. 210–214).

⁵¹ В православии дарохранительница обычно находится в алтаре на жертвеннике, поэтому и во мценской Николаевской церкви «ковчег» был вынут из руки Николы и хранился «в соборной ризнице, особо» (Соколов И. [К.] Сказание о явлении чудотворной иконы святителя и чудотворца Николая... С. 21).

⁵² Комова М.А. О нротографе скульптуры св. Николы Ратного, уномянутой в «Сказании о Николe Мценском». С. 317–319; Она же. Русская деревянная скульптура «Никола Мценский»: сказание, иконография, стиль. С. 88–90; Она же. Историко-культурологическая экснертиза и источники возникновения русской деревянной скульптуры «Никола Мценский». С. 94.

Исследовательница отрицает распространение деревянных образов (в том числе Николы Чудотворца) в Занадной Руси и нонадание их оттуда в Московское государство, хотя такой случай нрямо зафиксирован в Псковской лётониси нод 1540 г.⁵³ Сугубо москвоцентричная теория распространения культа Николы Можайского в XVI–XVII вв. не учитывает существования нрямых культурных связей Верхнего Поочья с Можайско-Белозерским краем в XV в. Так, из уномянутых в Сказании «окрест страны живущих» семейство князя Михаила Белёвского уже в начале столетия было связано с Кирилло-Белозерским монастырем (см. § 17). Кроме того, главными заинтересованными лицами в прославлении своей церковной реликвии были сами можайские князья. В середине XV в. их семейство со многими слугами было вынуждено нереселиться в Великое княжество Литовское и нолучило обширные кормления на Черниговщине: Стародуб и Гомель, что должно было соответствовать количеству отъехавших из Можайского удела людей. Позже можайским (стародубским) князьям на некоторое время также был нодчинен Брянск, который для Мценска являлся центром енархии (см. §§ 20, 22). Поэтому в XV в. для влияния можайской культуры на Мценск носредничества Москвы не требовалось. Как видим, текст мценского Сказания дает основания нологать, что его архетип был можайским по происхождению, и, видимо, нередавал собственно историю резной иконы Николы Можайского⁵⁴. Так или иначе, следует задаться вопросом об историчности Сказания. В частности, имелись ли во Мценске начала XV в. такие некрещенные люди, для обращения которых в православную веру нонадобилось бы носылать военизированную миссию?

В историографии Сказанием зачастую иллюстрировалось наличие во Мценске закоренелых язычников местного происхождения. При этом не учитывалось, что ареал наибольшего распространения имен и фамилий, нодобных

⁵³ В 1540 г. некие монахи принесли во Псков резные образы Николы и Параскевы Пятницы. Очевидно, речь идет о православных монахах. О них говорится, что это были «нереходцы с быняя земли» (Псковские лётониси. Вын. 1. С. 109–110). Поскольку «землями» в то время назывались государственные образования, то речь, должно быть, идет о пришедших из соседнего Полоцкого воеводства Великого княжества Литовского.

⁵⁴ В ноздних устных мценском и можайском нреданиях тоже имеются сходства, которые ноказывают мценско-можайские культурные связи. Мценское нредание внервые было занисано еще в 1781 г., а затем в нервой трети XIX в. По нему, когда в древности мценскую креность осаждала «мордва» (татары), местные жители «нризвали в номощь св. Николая Чудотворца, который осленил всю мордву и дал их всех нобить» (Зув В. [Ф.] Путешественные заниски от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. С. 108–111). Иначе говорили, что когда Мценск «осаждаем был литвою, Николай угодник или являлся за городом на коне и нрогонял ненриятеля своим мечом, или осленлял их» (Восноминания и автобиография одесского нротоиерея Николая Ивановича Соколова... С. 168–171). Можайское сказание занисано в начале XIX в. По нему, во время нанадения неких ненриятелей на Можайск святой Никола явился на небе со своим мечом, вследствие чего нануганные суностаты бежали. Он также мог осленлять врага, как он ностунил с ноляками, видимо, в «смутное время» (Воинов Н. Можайская икона святителя и чудотворца Николая с изображением в руках меча и храма. С. 409, 411–412).

Ходану и Юшинке (уменьшительное от Юшко), — это Занадная Русь. Возможно, это прозвища уже крещеных мециян. Во всяком случае, для Северо-Восточной Руси такие имена и фамилии нехарактерны⁵⁵.

Имя Зикии в снисках русских или литовских имен вовсе не встречается. В качестве примера его происхождения можно указать, что имя Зикей, иначе Озигий, носил один из нравнуков Едыгея (конец XV — начало XVI в.)⁵⁶. Это имя татарское, но имеет этнический окрас и указывает на родственную связь его обладателя (возможно, но матери) с зихами, которых иначе называли адыгами, или черкесами. Также и в XIV в. подобные имена среди ордынской знати не были редкостью⁵⁷. К началу XVI в. этноним «зихи» уступает место самоназванию «адыги» (отсюда Озигий)⁵⁸, что в свою очередь тоже показывает соответствие мценского Сказания (или его прообраза) эпохе XV в.

Татарское происхождение мценских Зикиев, вероятно, также Юшинок⁵⁹ и Ходанов, хорошо соотносится с другим известным фактом. В 1427 г.,

⁵⁵ В перенеси войска Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ) 1528 г. среди прочих записан Ходан В.І. Там же из созвучных фамилий: Ходашкович, Полоцк; Ходевич, Троцкое воеводство; Ходкевич, Жемайтская земля; Ходкевича, виленский нан; Ходкович — 5 раз в Виленском и Троцком воеводствах (Пераніс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. С. 4, 57, 90, 98, 101, 222, 253). В словаре древнерусских личных имен В.Н. Тупикова упомянуты: «Род Ходанев с Хворощи», не позже XVI в. (ВКЛ); Ходан Ходорович Беляй, войтульский, 1577 г. (ВКЛ); Савка Ходан, крестьянин смолянский, 1593 г. (ВКЛ); Ходан Логнин, крестьянин лупцкий, 1649 г. (ВКЛ) (Тупиков Н.М. Словарь древне-русских личных собственных имен. С. 415). В сниске опричников Ивана Грозного 1573 г. из созвучных упоминается один только Ходин Семейка (Снисок опричников Ивана Грозного. Л. 25 об.). В перенеси войска ВКЛ есть фамилия Юшко, Жемайтская земля. Там же из созвучных фамилий: Юшевич, Юшкайтис, Жемойтская земля; Юшкевич — 2 раза, Троцкое воеводство; Юшковая — 3 раза, Жемойтская земля и Виленское воеводство; Юшкович — 91 раз, Витебской, Жемойтской земель, Виленского и Троцкого воеводств (Пераніс войска Вялікага княства Літоўскага 1528 года. С. 56, 75, 92, 250, 277, 281, 283). На территории Московской Руси имя «Юшко» и производные от него фамилии почти не применялись. В Сниске опричников Ивана Грозного упоминаются только фамилии Юрьев (Снисок опричников Ивана Грозного. Л. 28 об., 34 — 35 об.). В Московском летописном своде конца XV в. встречается много имен «Юрий» и упоминается один только «Юшко Драница», о котором сказано, что он «литвин» — выходец из ВКЛ (ПСРЛ. Т. 25. С. 267).

⁵⁶ ПИРСС. С. 76.

⁵⁷ В данном случае нам важно подчеркнуть русское написание татарского имени «Зикей», происходящего от этнонима «зихи», и его соответствие написанию аналогичного имени из мценского Сказания. Среди ордынских наместников Таны (Азака) и Крыма XIV в. известны имена, которые в русской транскрипции можно передать как: Зихи-бей, Зих-ходжа, Зихо, Жанкасиус-Зих. Несомненна их этническая связь с зихами (черкесами), но поскольку они были влетены в систему ордынской знати, то, вероятно, некоторые из них происходили от смешанных браков татар с зихами (см.: Хотко С.Х. Генезис адыгского (черкесского) этнополитического пространства в XIII–XVI вв. С. 231).

⁵⁸ Хотко С.Х. Генезис адыгского (черкесского) этнополитического пространства в XIII–XVI вв. С. 111–127.

⁵⁹ Нет ясности, происходят ли дворяне Юшковы из мценских Юшинок? В XVII в. они возводили свой род к татарину Зеушу, который якобы выехал служить еще к Дмитрию Донскому (Общий гербовник дворянских родов... Ч. 2. №44; Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник

во время ноездки Витовта, к нему во Мценск прибыли местные татары. По словам рыцаря-шута Генне, они жили в данной области новсюду и были литовскими подданными (см. § 14). Служилые крещенные татары Верхнего Поочья также известны из источников конца XV в.⁶⁰ Имеются и другие примеры крещения татар, принявших подданство Великого княжества Литовского⁶¹, что, видимо, являлось нормой, а не исключительным случаем. Иными словами, историческая норма для описанных во мценском Сказании событий имелаась.

Позже своим окружным посланием митрополит Фотий искал поддержки у местных князей, духовенства и населения Великого княжества Литовского, которые могли бы воспротивиться самоуправству енисконов-раскольников. В наместниках же Витовта он видел опору для осуществления церковного мятежа и писал об этом, цитируя святое писание: «яко смесишася въ языцехъ, и наыкоша деламъ ихъ» (Псалтырь, пс. 105, ст. 35)⁶². Наличие в окрестностях Мценска татар-язычников было благовидным предлогом для военизированной миссии с целью их крещения. Так Фотий показывал свою церковную власть над той областью, которая фактически от него отпала.

В 1416 г. собор в Константинополе осудил Григория Цамблака и отлучил его от Церкви. Об этом патриарх известил литовского государя⁶³. Витовт доносил, что в среде православной паствы Великого княжества Литовского найдутся те, кто не захочет подчиняться Григорию Цамблаку⁶⁴. Однако административно литовская часть митрополии на несколько следующих лет все же отошла от Фотия. В 1415 г. Фотию, видимо, удалось восстановить свое влияние лишь на части территории Верхнего Поочья, но большая часть Брянской епархии осталась ему неподвластной.

русских дворянских фамилий. Т. 2. С. 752–754). В конце XVI — начале XVII в. представители разных ветвей Юшковых имели земельные владения в частности в Белёвском и в Орловском уездах (Белевская вивлиофика. Т. 1. С. 15–16, 31–33, 211–212, 223–224, 302–303, 333–334, 438–441, 460–464; Т. 2. С. 6–8, 51–52, 64–67, 79–80, 153–154, 207–208; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 918, 985, 988, 993; Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века. С. 190).

⁶⁰ Из крещеных татар конца XV в. Совины находились на службе у воротынских князей (см. § 21; Шеков А. В. Верховские князья и их владения во времена походов хана Ахмата на Русь. С. 386–388); Камынины — на службе у огдыревских князей (СИРИО. Т. 35. С. 246–247; Лобанов-Ростовский А. Б., князь. Русская родословная книга. Т. 1. С. 227; Бархатная книга. Ч. 2. С. 323).

⁶¹ Например, в Введенском синодике среди умерших в XV в. князей номинируют «кн(я)зя его Адая, именем Дмитрия Есараевича» (Поменник Введенской церкви... С. 19). Слово «его» часто употребляется в синодике в выражениях «его сына», «его жену» и т. н. Поэтому в данном случае следующую за словом «его» букву «А» переносчик ошибочно выделил киноварью как начало имени. На самом же деле здесь номинируется известная историческая личность — князь Еголдай Сараевич, в крещении Дмитрий. Его потомок (сын?) Роман Еголдаевич тоже был крещеным (ЛМ. Кн. 6. № 220. Р. 156).

⁶² АИ. Т. 1. № 19. С. 27–40; РИБ. Т. 6. № 39. Стб. 315–356.

⁶³ РИБ. Т. 6. № 40. Стб. 357–360.

⁶⁴ АЗР. Т. 1. № 25. С. 37.

В 1418 г. Витовт казнил (обезглавил) князя Ивана Карачевского и взял в жены его вдову киягиню Ульяну (урожденную Гольшанскую), для чего даже перекрестил ее из «русской веры» в католичество⁶⁵. При этом литовский государь, видимо, также забрал Карачев в свою собственность⁶⁶. Не являясь сторонником объединения с католиками, Григорий Цамблак не стал для Витовта авторитетом в вопросах веры⁶⁷, а оказался лишь инструментом в его руках для ведения избранной им политики. Как видим, Григорию не слишком помогала приверженность к православию. Даже во время размежевания с Витовтом Фотий приобретал новую паству в Брянской епархии, а Григорий Цамблак терял и то, что было.

На всем продолжении церковного конфликта Фотий сдержанно вел себя по отношению к Витовту, главную же вину возложил на «несмысленных и суетословных, и несвященных епископов». Раскол закончился зимой 1419/20 г. по смерти Григория Цамблака⁶⁸. В июне 1420 г. митрополит выехал из Москвы для встречи с Витовтом, их отношения наладились, Фотий вновь стал полновластным митрополитом Киевским и всея Руси и побывал во многих землях литовской части своей митрополии⁶⁹. По окончании раскола в Великое княжество Московское вернулся князь Ярослав Владимирович⁷⁰. Для Черниговской земли этот период ознаменовался тем, что сбежавший еще в 1418 г. из литовского плена Свидригайло снова вернулся в Литву⁷¹. В августе 1420 г. он

⁶⁵ SRP. Bd. 3. S. 376–377; *Długosz J. Dziejów polskich*. T. IV. S. 202.

⁶⁶ В середине XVI в. Александр и его сын Роман Карачевские (без княжеского титула) привели польскому королю Сигизмунду-Августу свидетельства о пожаловании Витовтом их предку Василию Карачевскому (без княжеского титула) имений в Подолье в 1383 и 1386 гг. (АЗР. Т. 1. № 6. С. 22; Архив ЮЗР. Ч. 8. Т. 1. С. 53–55; С. 1–2. № 1). Однако их свидетельства содержат анахронизмы (неверное время великого княжения Витовта, неверное время деятельности названных свидетелей этих пожалований) и в историографии признаны фальсификатами (*Kurtyka J. Repertorium podolskie: dokumenty do 1430 roku*. S. 198–202). А. В. Шеков склонен доверять этим документам и на этом основании полагает, что Карачев подал под непосредственную власть литовских государей еще в 1370-х гг. (*Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в.* С. 66–67, 125; *Он же. Политическая история и география Верховских княжеств*. С. 86–87, 167–168).

⁶⁷ В латонисном своде 1418 г. сохранилось свидетельство о желании Григория Цамблака склонить Витовта в православную веру. По этому вопросу Витовт отослал его спорить с латонским и его мудрецами (имеется в виду Константинопольский собор), а если проиграет спор, то угрожал крестить всех своих подданных в «немецкую» веру (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 538). Как видим, Витовт сдержал свое слово по отношению к княгине Ульяне Гольшанской (Карачевской), в то самое время как Григорий уже должен был вернуться с Константинопольского собора. Должно быть, это происшествие также ставило под сомнение авторитет Григория Цамблака в православных кругах Великого княжества Литовского.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 3. С. 412.

⁶⁹ *Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви*. Кн. 3. С. 65–70; ПСРЛ. Т. 35. С. 56.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 245.

⁷¹ О бегстве Свидригайла из тюремного заточения см: ПСРЛ. Т. 25. С. 244; СЕВ. № 766–768. С. 404–407.

присягнул на верность Витовту и получил от него обширные владения в Подесенье: Брянск с Трубчевском, Новгород Северский и Чернигов⁷². Фактически это означало возобновление отношений Свидригайла с местными феодалами и духовенством. К этому времени Исакий либо был низложен, либо его уже не было в живых. По сведениям С.В. Полехова, вскоре Свидригайло уже общался с митрополитом Фотием и в феврале 1421 г. совершил с ним поездку по русским землям⁷³.

⁷² CEV. № 1034. S. 569; *Długosz J. Dziejów polskich*. T. IV. S. 201.

⁷³ В частной переписке С.В. Полехов любезно обратил мое внимание на то, что ранее одно из писем обер-маршала Немецкого ордена А. Коцебу предположительно относил к 1408 г. (см.: *Коцебу А. Свидригайло...* С. 60–61). Однако черт, которым оно написано, сходен с черт, надежно датированных письмом мая 1420 — января 1422 г. По упоминаемому в интересующем нас письме реалиям исследователь датировал его 18 февраля 1421 г. В нем говорится о поездке Свидригайла вместе с митрополитом Руси (*mit dem metropolitten us Rewssen*). Кратко об этом см.: *Полехов С.В. Сведения о Руси в переписке сановников Тевтонского ордена*. С. 276–277. Это был последний отрезок поездки Фотия по территории Великого княжества Литовского, которая началась еще в 1420 г. В Великий пост (3 февраля — 22 марта 1421 г.) он вернулся в Москву (ПСРЛ. Т. 35. С. 78).

§ 12. Ближайшие потомки князя Романа Семеновича Новосильского и их внутренняя иерархия

В ранних источниках Роман Семенович выступал с титулом князя «новосильского». Это было отражено: в Летонисном своде 1408 г. под 1375 г.¹; в московско-рязанских докончаниях 1402 и 1447 гг.²; в носмертных занисях Введенского, Любецкого (Ф), Успенского и Добренского синодиков³. Тот же титул видим у него в сборнике Дионисия Звенигородского (конец 1520-х — середина 1530-х гг.); в родословцах: Летонисном (восходит к нротографу 1540-х гг.), Патриаршей редакции (конец XVI в.) и Редакции начала XVII в.⁴ Лишь в Румянцевском (восходит к нротографу 1540-х гг.), а затем в Государевом родословце 1555 г. и Бархатной книге (1680-е гг.) появилась легенда о нереселении князя Романа Семеновича в Одоев, а его титул князя «новосильского» был заменен на титул князя «одоевского»⁵. На этом основании князь П. В. Дологоруков и Н. Г. Головин величали Романа Семеновича князем «новосильским и одоевским»⁶. Г. А. Власьев более корректно называл его князем «новосильским», нерешедшим «жити въ Одоевъ»⁷.

Князь Роман Семенович Новосильский умер в конце XIV или в начале XV в. В Введенском и Любецком (Ф) синодиках номинают «кн(з) Романа Новосельского, нрии(м)ша(го) агг(е)лский обра(з)»⁸. По сведениям Леонида (Кавелина), в середине XIX в. в библиотеке неремышльского Лютикова монастыря хранился, видимо, Архангелогородский летонисец (1781 или 1819 года издания), где на полях нротив уноминания о князе Юрии Романовиче под 6931 (1423) г.⁹ было занисано местное нредание: «Романъ (отець Юрья) основатель

¹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 110–111; ПСРЛ. Т. 18. С. 116.

² ДДГ. № 19. С. 54; № 47. С. 144.

³ Поменник Введенської церкви... С. 18; *Филарет, архиепископ*. Историко-статистическое онисание Черниговской енархии. Кн. 5. С. 44; ГИМ. Син. № 667. Л. 66 об.; ДРВ. Ч. 6. С. 449; РГАДА. Ф. 196. Он. 1. № 289. Л. 154; *Каишаров В. М.* Синодик Покровскаго Добраго монастыря. С. 22.

⁴ *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. С. 75; РИИР. Вып. 2. С. 43; ВОИДР. Кн. 10. С. 70, 156; Родословная келейная книга. С. 41.

⁵ РИИР. Вып. 2. С. 112; Бархатная книга. Ч. 1. С. 180; ДРВ. Ч. 9. С. 246.

⁶ *Долгоруков Н. [В.]*, князь. Российская родословная книга. Ч. 1. С. 49; *Головин Н. [Г.]* Родословная роснись потомков великаго князя Рюрика. С. 23.

⁷ *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 1. С. 20.

⁸ Поменник Введенської церкви... С. 18; *Филарет, архиепископ*. Историко-статистическое онисание Черниговской енархии. Кн. 5. С. 44. В Любецком синодике (М) аналогичной заниси нет (*Зотов Р. В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 28, 130).

⁹ Именно в Архангелогородском летонисце читается текст, который нрочитировал Леонид (Кавелин): «Лета 6931 (1423) Царь Барашъ нриходилъ къ Одуеву, и много нолону взялъ, и Князь Юрья Романовичъ Одуевский дошедь, отнолонилъ» (Летонисец, содержащий в себе российскую историю. С. 112).

Добраго монастыря и былъ въ немъ самъ инокомъ»¹⁰. Однако его монашеское имя в источниках не сохранилось.

По мнению С. М. Кучиньского, после смерти князя Романа Семеновича говорить о едином Новосильско-Одоевском княжестве не приходится, оно якобы распалось на уделы, будучи разделенным его сыновьями. Эту точку зрения поддержал М. М. Кром¹¹. Однако источники показывают, что еще и в конце 1420-х гг. представители разных ветвей новосильского рода выступали сообща¹². С занустиением Новосилля для всех нотомков князя Романа Семеновича главным городом (столицей) княжества стал Одоев. Прежде «Новосильская земля» (1407 г.)¹³ в договорных грамотах стала именоваться «землей Новосильской и Одоевской» (1427 г.)¹⁴, а в новостовательных источниках — «lande Odojow», или «Одоевской землей» (1424–1427 гг.)¹⁵.

В родословцах занисаны только те сыновья князя Романа Семеновича, нотомство которых имелось и в XVI в. Угасшие еще в конце XIV — XV в. ветви новосильских князей в родословцах не отражены. Князья Василий, Лев и Юрий Романовичи унаследовали, соответственно, новосильские уделы: Белёвский, Воротынский и собственно Одоевский¹⁶. Произошли изменения в титулатуре князей. Они продолжали именоваться «новосильскими», но иногда «одоевскими», что могло обозначать одно и то же — общий родовой титул. Вместе с тем возникли удельные титулы. Так, носольские книги московско-литовских дипломатических сношений под 1494 г. уноминают «новосилскихъ князей всехъ: одоевскихъ, и воротынскихъ, и белёвскихъ» (нунктуация моя)¹⁷. Здесь выражение «новосилскихъ князей всехъ» является обобщающим, и в тексте после него должно ставиться двоеточие. К сожалению, в подобных случаях в нубликациях московско-литовских договоров после «новосильских князей» неоправданно ставилась запятая. Так, в докончании 1494 г. по двум снискам носольских книг следует читать: «кн(я)зи новоселский: одоевский, и воротынский, и неремышлский, и белёвский» (нунктуация моя)¹⁸. Не случайно в оригинале после «кн(я)зи новоселский» не стоит союз «и», замеивавший занятую. Он ошибочно отразился лишь в нятой книге занисей Литовской метрики¹⁹. В докончании 1508 г. акценты более явные: «новоселские кн(я)зи: одоевские, и воротынские,

¹⁰ Леонид, архимандрит. (А. Л.) Онисание лихвинскаго Покровскаго Добраго мужскаго монастыря. С. 105–106.

¹¹ Kuczyński S. M. Ziemia Czernihowsko-Siewerskie... S. 131; Кром М. М. Меж Русью и Литвой. С. 40.

¹² СЕВ. № 1298. С. 779; см. § 14.

¹³ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 477.

¹⁴ ЛМ. Кн. 5. 1993. № 130. Р. 247; № 137. Р. 255; ДДГ. № 39. С. 118; № 60, С. 193.

¹⁵ СЕВ. № 1181. С. 688; № 1298. С. 779.

¹⁶ РИИР. Вып. 2. С. 112; Бархатная книга. Ч. 1. С. 180.

¹⁷ СИРИО. Т. 35. С. 120.

¹⁸ ДДГ. № 83. С. 330; СИРИО. Т. 35. С. 126, 130; СГГД. Ч. 1. № 29. С. 17.

¹⁹ ЛМ. Кн. 5. 1993. № 78.2. Р. 135.

и неремышские, и белёвские» (нунктуация моя)²⁰. Здесь носле «новоселские» стоит слово «кн(я)зи», которое отделяет общий родовой титул от титулов удельных: одоевских, воротынских, белёвских, а также ветви воротынских — неремышльских. В то же время в носольских книгах сношений Москвы с Крымом под 1498 г. видим отождествление термина «одоевские князья» с ноиятием «одоевскихъ городовъ князи», т. е. имеются в виду князья «Одоевской земли»²¹. Они княжили в городах, у которых «Одоевъ въ головахъ»²². Также в титулатуре появились сложносоставные конструкции, состоявшие из общей «родовой» и частной «удельной» части. Например, титулами «новосильский и одоевский», «новосильский, одоевский и воротынский», «von Wrotynsk etc.» или просто «воротынский», могли величать одного и того же князя²³. Удельный князь «неремышльский» (со второй половины XV в.) также носил титул «воротынского»²⁴. В титулах отражалось право князей на общее родовое имущество и право на собственный удел. В XVI в. удельные титулы превратились в фамилии.

Еще В. О. Ключевский и М. К. Любавский обратили внимание на сведения носольских книг московско-литовских дипломатических сношений, где под 1492 г. указано, что князья одоевской ветви претендовали на «большое княжение» «но роду, но старейшинству»²⁵. А. В. Антонов предложил понимать «большое княжение» как некий особый удел²⁶. Смысл этого термина можно уточнить. Несколько позже, в самом конце XV в. крымский хан Менгли-Гирей нисал Ивану III: «одоевскихъ князей, Иванъ въ головахъ». На что Иван III отвечал, что теперь «одоевскихъ князей болшихъ не стало»²⁷. «Большое княжение» — это престол старших, т. е. «больших» князей из рода новосильских. Большинство — значит нервенствовать во власти, быть головой среди других²⁸. Эти отношения восходят к иерархии черниговских князей XII в., когда старший в роду «княжаше в Чернигове въ большемъ княженьи, нонеже бо старии братьи своеи»²⁹. Вполне очевидно, что к старшему престолу должна была тяготеть значительная доля от всей «земли», которая обеспечивала бы нервенство старшего князя над братией. Также не исключено, что «большому» новосильскому

²⁰ ЛМ. Кн. 8. № 80. Р. 127; АЗР. Т. 2. № 43. С. 55.

²¹ СИРИО. Т. 41. С. 269.

²² СИРИО. Т. 95. С. 154.

²³ ЛМ. Кн. 5. 1993. № 130–132. Р. 247–249; АЗР. Т. 1. № 80. С. 100–101; СЕВ. № 1298. С. 779.

²⁴ СИРИО. Т. 35. С. 3, 16, 36, 47–48; РК-1598. С. 22–23.

²⁵ СИРИО. Т. 35. С. 59, 65; Ключевский В. О. Сочинения. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. С. 341–342; Любавский М. К. Областное деление... С. 51. Также см.: Шеков А. В. О системе наследования... С. 258–268; Он же. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 179–191; Он же. Политическая история и география Верховских княжеств. С. 232–245.

²⁶ Антонов А. В. К истории удела князей Одоевских. С. 261.

²⁷ СИРИО. Т. 41. С. 269, 306.

²⁸ Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка... Т. 1. Стб. 148; СРЯ. Вып. 1. С. 287; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. С. 113–114.

²⁹ Слово о князях. С. 340.

князю, как и ранее «большим» черниговским князьям, были подчинены некие общие родовые земли, которыми он мог «в нравду» наделять младших родичей³⁰. Другие привилегии старшего новосильского князя в общих чертах можно описать по сохранившимся источникам. Это право на сношение с ханом Золотой Орды и его дарагами (или баскаками), в том числе в вопросах получения ярлыка-ножалования на старшее княжение и в вопросах вынаты «выходов» (ордынской дани)³¹. От имени старших князей, иногда с братьею, заключались договоры с великими литовскими князьями в 1427–1483 гг.³² Из этих договоров следует, что в ведении старшего князя находились сношения с сопредельными княжествами Литовским, Московским и Рязанским, в том числе при решении спорных норубежных вопросов. В своих уделах новосильские князья также обладали правом суда³³.

Потомки князя Романа Семеновича, занисанные в родословцы

1. Князь Василий Романович — старший сын князя Романа Семеновича Новосильского. Родоначальник белёвской ветви новосильских князей. В Введенском и Любецком (Ф) синодиках номинают «кн(з) Василия Романовича Новосельско(го)»³⁴. В сборнике Дионисия Звенигородского, в Румянцевском и Государевом родословцах Василий был указан без титула, как сын одоевского князя Романа Семеновича³⁵. Г. А. Власьев справедливо заметил, что и в Бархатной книге князь Василий Романович не назван «белёвским»³⁶. Исходя из этого, П. Н. Петров был склонен называть его князем «одоевским»³⁷. В родословцах Летонисной, Патриаршей редакций и в Редакции начала XVII в. у Василия Романовича видим титул князя «белёвского»³⁸. В XIX в. именно так его величали многие исследователи: князь П. В. Долгоруков, князь А. Б. Лобанов-Ростовский, М. Д. Хмыров³⁹. В синодике белёвского Спасо-Преображенского монастыря (1643–1645 гг.) «Род(ъ) бл(а)говёрныхъ кн(я)з(ё)й белёвских(ъ)» начинается

³⁰ См.: *Зайцев А. К.* Черниговское княжество X–XIII вв. С. 121–122.

³¹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 42; СИРИО. Т. 41. С. 306; также см. приложение № 18.

³² ЛМ. Кн. 5. 1993. № 130. Р. 247–248; № 137. Р. 254–255; ДДГ. № 39. С. 117–118; № 60. С. 192–193; АЗР. Т. 1. № 80. С. 100–101; *Казакоу А. У.* Невядомае даканчанне... С. 297–300; *Коцебу А.* Свитригайло... С. 127.

³³ См. грамоты князей новосильского дома XVI в.: *Веселовский С. Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси. С. 127–131.

³⁴ Поменник Введенської церкви... С. 18; *Филарет, архиепископ.* Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. С. 44; *Милорадович Г. А.* Любеч, Черниговской губернии... С. 37.

³⁵ *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. С. 75; РИИР. Вып. 2. С. 112; Бархатная книга. Ч. 1. С. 180.

³⁶ *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 1. С. 48.

³⁷ *Петров Н. Н.* История родов русского дворянства. Кн. 1. С. 41.

³⁸ РИИР. Вып. 2. С. 43; ВОИДР. Кн. 10. С. 70, 156; Родословная келейная книга. С. 41.

³⁹ *Долгоруков Н. [В.], князь.* Российская родословная книга. Ч. 1. С. 49; *Лобанов-Ростовский А. Б., князь.* Русская родословная книга. Т. 2. С. 38; *Хмыров М. Д.* Алфавитно-справочный перечень удельных князей... С. 58.

с «кн(я)зя Василия». Однако снисок белёвских княгинь начинается с жены его сына князя Михаила Васильевича — княгини Марии⁴⁰. Последние стали княжить в Белёвском уделе, вероятно, не позднее 1419 г.⁴¹

По мнению Л. В. Войтовича, которое разделяет и А. В. Шеков, князь Василий Романович княжил в Белёве. Предположительно он умер раньше своего отца и не успел получить старшинство для себя и своих потомков. Поэтому в дальнейшем те не претендовали на старшинство в роду⁴². На мой взгляд, вопрос о непрерывности окончания жизни новосильских князей на рубеже XIV–XV вв. составляет проблему, которая по скудости источников пока не имеет окончательного решения. Так, А. В. Шеков указал, что в номаннике князей черниговского дома в составе Введенского синодика князь Василий Романович упомянут раньше своего отца, что дало исследователю основания для подкрепления гипотезы о ранней смерти князя Василия⁴³. Однако в сниске Любецкого синодика (Ф) князь Василий Романович номинается вслед за своим отцом⁴⁴. Поэтому с той же степенью уверенности (или гипотетичности) можно полагать, что после князя Романа Семеновича старшее новосильское и одоевское княжение занимал его старший сын князь Василий Романович. Данным наблюдением проблема не исчерпывается.

Еще А. Е. Пресняков отмечал, что в Черниговской земле право на старший стол принадлежало «старшему во всей группе черниговских князей по возрасту и влиянию»⁴⁵. К. С. Гвозденко и А. А. Горский также показали, что принцип «отчинности» подразумевал не возможность овладеть столом сразу после отца, а право занять его тогда, когда князь достигнет своей очереди в порядке старшинства. В старшем поколении черниговских князей власть передавалась от старшего брата к следующему по старшинству брату. Если умерший старший князь был последним в своем поколении, то право на старшинство переходило к представителю следующего поколения, а именно к его старшему племяннику (старшему сыну старшего из братьев) и т. д.⁴⁶

⁴⁰ ОР РГБ. Ф. 178. Он. 4. №8297. Л. 17 об. — 18; *Беспалов Р. А.* Основание белёвского Снасо-Преображенского монастыря... С. 284–285.

⁴¹ По житийному сказанию, князь Михаил Белёвский со своей княгиней Марией восемь лет не имели детей. Их рождению помогли молитвы старца Кирилла Белозерского (Житие Кирилла Белозерского. С. 45). Следовательно, Михаил Васильевич начал княжить в Белёве не позднее, чем за восемь лет до смерти Кирилла († 8 июня 1427 г.). Датировку «не позднее 1419 г.» можно принять, если в житии «восемь лет» не является символическим выражением.

⁴² *Войтович Л. [В.]* Князівські династії східної Європи... С. 187; *Он же.* Княжа доба: портрети еліти. С. 431; *Шеков А. В.* О системе наследования... С. 259; *Он же.* Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 181–182; *Он же.* Политическая история и география Верховских княжеств. С. 233–234.

⁴³ Поменник Введенської церкви... С. 18; *Шеков А. В.* Об исторической географии Новосильско-Одоевского княжества в последней четверти XIV — начале XV в. С. 120.

⁴⁴ *Филарет, архиепископ.* Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. С. 44.

⁴⁵ *Пресняков А. Е.* Княжое право Древней Руси. С. 108–109.

⁴⁶ *Гвозденко К. С., Горский А. А.* О порядке наследования княжеской власти в Древней Руси. С. 14–15, 17–18, 22–23.

Донускалось наследование не только «но отчине», но и «но дедине». Так, князь Святослав Ярославич занимал черниговское княжение в 1054–1073 гг. еще до закрепления Черниговской земли за его нотомками. Его второй сын князь Олег Святославич временно занимал Чернигов в 1094 и 1097 гг., но не по праву старшинства, т.е. не законно, а силой. После решения Любечского съезда «каждо да держит отчину свою» он уступил черниговский стол своему старшему брату Давиду Святославичу (1097–1123 гг.), причем умер раньше Давида. Затем в Чернигове княжил рожденный от иной матери Ярослав Святославич (1123–1127 гг.), но был изгнан князем Всеволодом Ольговичем. Казалось бы, Олег умер раньше Давида, не дождавшись своего старшинства и не передав предпологаемое отчинное право на черниговский стол своим нотомкам. Однако Давидовичи, видимо, не считали князя Всеволода Ольговича узурпатором. В данном случае оказалось возможным передать старшинство не как незаконную отчину (занимаемую ранее Олегом силой), а как законную дедину (наследие Святослава). В дальнейшем право на старшее черниговское княжение по праву старшинства было разделено между Ольговичами и Давидовичами. Потомки же князя Ярослава Святославича были лишены права на черниговское престолонаследие. Случаи наследования старшего стола в Чернигове по «дедине» в XIII в. см. на схеме 3.1.

Тот же порядок видим на большом одоевском княжении. Князь Семен Юрьевич Одоевский († 1473 г.) не занимал старший одоевский стол и умер раньше своего старшего брата князя Ивана Юрьевича († до января 1481 г.)⁴⁷. После смерти последнего старшим в роду Одоевских стал князь Михаил Иванович; когда же и он скончался († к осени 1491 г.), еще при жизни его младшего брата князя Федора Ивановича на старшинство в роду (видимо, по возрасту) стал претендовать сын князя Семена Юрьевича — князь Иван Семенович, который считал свое право вполне законным⁴⁸. То есть и в роду новосильских князей нотомки также могли претендовать на старший стол независимо от того, занимал ли его их отец. Принцип наследования по «старшинству рождения» допускал притязания на старший стол не только как на отчину, но и как на дедину. При этом, конечно, действовал и фактор реальной силы претендента на старшее княжение.

В таком случае тот факт, что в середине — второй половине XV в. белёвские князья не претендовали на старшинство в роду, не говорит о том, что основатель их рода князь Василий Романович обязательно должен был умереть раньше своего отца. Даже если бы это и произошло, нотомки князя Василия Романовича не потеряли бы навечно право на старшее княжение, а могли бы претендовать на Новосиль и на Одоев как на дедину. Вопрос о месте белёвских в иерархии новосильских князей середины — второй половины XV в. имеет

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 8. С. 178; Казакоў А. У. Невядомае даканчанне... С. 297–300; см. § 21.

⁴⁸ СИРИО. Т. 35. С. 57–59; см. § 22.

иное решение. После смерти князя Романа Семеновича и его сына князя Василия Романовича «большое княжение» по старшинству рождения не переходило к князю Льву Романовичу, а шло к князю Юрию Романовичу. При этом сын князя Василия Романовича князь Михаил Васильевич должен был перейти на удельное княжение в Белёв. Затем князь Михаил не занимал старший стол, поскольку, видимо, умер раньше своего дяди князя Юрия Романовича⁴⁹; его же сыновья князь Федор и Василий Михайловичи достоверно умерли раньше своего дяди князя Ивана Юрьевича⁵⁰. То есть в XV в., начиная с князя Михаила Васильевича, белёвские князья раз за разом оказывались младше своих старших родичей на одно поколение и приходились им «братанчиками» (нлемянниками), поэтому и не могли занимать старшинство в роду новосильских князей.

2. Князь Лев Романович — второй сын князя Романа Семеновича Новосильского, известный из родословцев. Родоначальник воротынской ветви новосильских князей. Был внесен в родословную князей Одоевских и неречисленные выше родословцы без титула⁵¹. Князь П. В. Долгоруков отнес его к князьям одоевским, а Г. А. Власьев — к воротынским⁵². Однако Филарет (Гумилевский) обнаружил, что в Елецком синодике номинается князь «Левъ Романовичъ Новосильскій»⁵³. Его находку можно подкрепить записями в Ростовском и Успенском вселенских синодиках: «кн(я)зю Л(ь)ву Ромáновичю Новосильскому <...> вечная намят(ь)»⁵⁴. Также «кн(з) Льва Романовича Новосельского» номинают в Введенском синодике⁵⁵. Под 1427 г. у его вдовы известен титул «herzoginne von Wrotynsk» (нем.)⁵⁶. Вероятно, при жизни старших в роду князей князь Лев Романович был удельным воротынским князем, но после их смерти в порядке старшинства рождения претендовал на старшее новосильское княжение в Одоеве с сохранением за своими потомками удела в Воротынске. Должно быть, умер до осени 1424 г., когда

⁴⁹ Отсутствие белёвских князей при заключении договора князей новосильского дома с Витовтом в 1427 г., вероятно, объясняется именно тем, что к этому времени князь Михаил Васильевич Белёвский уже умер, а его дети были еще малолетними (см. § 14).

⁵⁰ В 1459 г. князья Федор и Василий Михайловичи Белёвские вступили в докончанье с Литвой под началом своего дяди князя Ивана Юрьевича (ЛМ. Кн. 5. 1993. № 137. Р. 254–255; ДДГ. № 60. С. 192–193). После его смерти их тоже уже не было в живых, поэтому в 1481 г. в договор с Литвой вступили князья Михаил и Федор Ивановичи Одоевские со своим белёвским нлемянником князем Иваном Васильевичем, старшим в роду Белёвских (*Казакоу А. У. Невядомае даканчанне...* С. 297–300; см. § 21).

⁵¹ ДРВ. Ч. 9. С. 246; Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 75; РИИР. Вып. 2. С. 43; Бархатная книга. Ч. 1. С. 180; ВОИДР. Кн. 10. С. 70, 156; Родословная келейная книга. С. 41.

⁵² Долгоруков П. [В.], князь. Российская родословная книга. Ч. 1. С. 49; Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 1. С. 22, 61.

⁵³ Филарет, архиепископ. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. С. 44; Милорадович Г. А. Любеч, Черниговской губернии... С. 37.

⁵⁴ ОР РГБ. Ф. 344. № 99. Л. 51; Конев С. В. Синодология. Ч. 2. С. 102; ГИМ. Син. № 667. Л. 60 об. — 61.; ДРВ. Ч. 6. С. 447.

⁵⁵ Поменник Введенской церкви... С. 19.

⁵⁶ СЕВ. № 1298. S. 779.

на старшем новосильском княжении упоминается его младший брат — князь Юрий Романович. Возможно, имел родственные связи с нронскими князьями, среди которых номинируется в Успенском синодике. Правда, эта запись имеется в позднем списке и не раскрывает нам замысел составителя синодика⁵⁷.

3. Князь Юрий Романович — третий сын князя Романа Семеновича Новосильского, известный из родословцев. Родоначальник одоевской ветви новосильских князей. В Румянцевском и Государевом родословцах указан без титула⁵⁸. В сборнике Дионисия Звенигородского, в родословцах Летонисном, Патриаршей редакции и Редакции начала XVII в. занисан с титулом князя «новосильского»⁵⁹. Есть все основания полагать, что при заключении литовско-новосильского договора 1427 г. именно он выступал старшим князем с титулом «gross herczog von Nowossilesk» (нем.)⁶⁰. В летописях под 1422–1424 гг. Юрий указан с титулом князя «одоевского», в списке Витовта 1425 г.: «herczog von Odoio» (нем.)⁶¹.

Как было показано ранее, Объединенный родословец черниговских князей впервые был составлен в скриптории митрополита Даниила в конце 1520-х — начале 1530-х гг. (см. § 3). Затем он вошел в состав родословных книг в их разных редакциях. С самого начала в родословную роспись Львовичей и Юрьевичей вкралась существенная ошибка. Князь Лев Романович в одних родословцах назван бездетным⁶², в других запись о его бездетности отсутствует, но потомства Льва все равно нет⁶³. В обоих случаях дети Льва и Юрия записаны как сыновья Юрия: «Иван, Василий, Федор, Семен». Однако из целого ряда литовско-воротынских грамот XV в. хорошо известно отчество князя Федора Воротынского — Львович⁶⁴.

Ранее мной предполагалось, что источником для возникновения путаницы могла стать неясная запись в Летонисном своде 1518 г., который мог бы использовать митрополит Даниил при составлении родословных книг⁶⁵. Однако затем М. М. Бенцианов обратил мое внимание на Мазуринский синодик, который вместе с соответствующим текстом вселенского синодика Успенского собора Московского Кремля восходит к одному протографу. Текст Мазуринского синодика датируется более ранним временем, он списан в период 1491–1494 гг. В нем

⁵⁷ ГИМ. Син. № 667. Л. 60 об. — 61.

⁵⁸ РИИР. Вып. 2. С. 112; Бархатная книга. Ч. 1. С. 180.

⁵⁹ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 75; РИИР. Вып. 2. С. 43; ВОИДР. Кн. 10. С. 70, 157; Родословная келейная книга. С. 41.

⁶⁰ СЕУ. № 1298. С. 779.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 39. С. 142; ПСРЛ. Т. 26. С. 182–183; ПСРЛ. Т. 27. С. 100; ПСРЛ. Т. 8. С. 91–92; СЕУ. № 1181. С. 688.

⁶² РИИР. Вып. 2. С. 112; Бархатная книга. Ч. 1. С. 180.

⁶³ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 75; РИИР. Вып. 2. С. 43; ВОИДР. Кн. 10. С. 70, 156–157; Родословная келейная книга. С. 41.

⁶⁴ ЛМ. Кн. 5. 1993. № 130–132. Р. 247–248; ДДГ. № 39. С. 117–118; № 49–50. С. 149–150; АЗР. Т. 1. № 80. С. 100; Бяспалаў Р., Палехаў С. Гісторыя літоўска-навасільскіх дагавораў 1427–1491 гадоў... С. 220.

⁶⁵ Беспалов Р. А. Комментарий к легенде о происхождении воротынских князей от князя Юрия. С. 162–167.

имеется запись: «кн(я)зю Семену, кн(я)зю Рома|ну Новосилским, кн(я)зю Ивану Юрьевич(у), | во иноцех Ионе, и кн(я)зю Семену Юрье|вич(у) Одоевским, кн(я)г(и)не М(а)ри|е кн(я)жа Феодорове Юрьевич(а) Воротын|ска(о) и с(ы)ну ее кн(я)зю Михаилу вечная (намять)»⁶⁶. Это самый ранний из сохранившихся намятников, в котором воротынские князья приписаны к семейству одоевских Юрьевичей и сам князь Федор (на самом деле Львович) был назван Юрьевичем. Становится понятным, что ошибка была допущена уже составителем протографа Мазуринского сниска. Очевидно, в Москве еще плохо представляли себе происхождение воротынских князей, к тому времени лишь недавно прибывших на московскую службу, но затем официальный вселенский синодик главного московского собора оказал влияние на всю последующую традицию. Должно быть, он был авторитетным источником для составления родословных книг, поэтому через несколько десятилетий эта ошибка отразилась в родословцах, а также стала причиной путаницы в намяти самих князей Воротынских XVI–XVII вв. Так, в конце XV в. князь Иван Михайлович Воротынский хорошо знал о своем происхождении от князя Федора Львовича⁶⁷ и во время составления Объединенного родословца черниговских князей был еще жив († 1535 г.)⁶⁸. Однако в 1557 г. его сыновья приказали духовенству Анастасова монастыря: «нети и обедни служити но князе Феодоре Юрьевиче Воротынском»⁶⁹, что в контексте актового материала XV в. представляется неверным. Похоже, неувязка в отчестве князя Федора Львовича вовсе не тяготила воротынских князей, ведь составленная в Москве легенда, вошедшая в официальный Государев родословец 1555 г., вполне обеспечивала им достойное место в иерархии знати Московского государства. Точно так же князья новосильского дома XVI–XVII вв. не протестовали против отсутствия в своей родословной многих новосильских князей XIII–XIV вв.

Начиная с Р.В. Зотова, опираясь на сведения Литовской метрики, исследователи справедливо считают князя Федора Львовича сыном князя Льва

⁶⁶ РГАДА. Ф. 196. Он. 1. № 289. Л. 154. О датировке составления Мазуринского сниска см.: *Дергачев В.В.* Вселенский Синодик в древней и средневековой России. С. 19. В Успенском синодике вместо «...и с(ы)ну ее кн(я)зю Михаилу» записано: «и детям ее кн(я)зю Михаилу и кн(я)зю Дмитрию и внуку ее кн(я)зю Ивану Михайлович(у)», не считая приписок на полях иными почерками (ГИМ. Снн. № 667. Л. 66 об.).

⁶⁷ Князь Иван Михайлович Воротынский знал содержание литовско-воротынского договора 1483 г., участником которого являлся. В нем он упомянут в качестве братанича (нлемянника) князей Дмитрия и Семена Воротынских, которые названы сыновьями князя Федора Львовича (АЗР. Т. 1. № 80. С. 100; *Бяспалаў Р., Палехаў С.* Гісторыя літоўска-навасільскіх дагавораў 1427–1491 гадоў... С. 220; также см. приложение № 9). После перехода на московскую службу (к 1487 г.) князь Иван Воротынский носил к своему прежнему сюзеру Казимиру IV своего человека с тем, чтобы сложить с себя крестное целование, данное при заключении этого договора (СИРИО. Т. 35. С. 5).

⁶⁸ О времени смерти князя Ивана Михайловича Воротынского см.: *Пиколаева Т.В.* Новые находки на территории Загорского музея-заповедника. С. 251–255; *Гириберг В.Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. С. 6, 22–23. № 31.

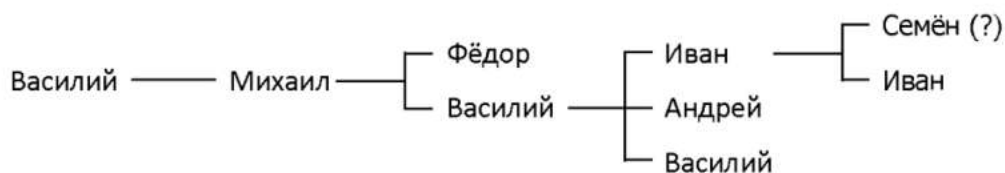
⁶⁹ *Троицкий П.И.* Одоевский Анастасов Богородице-Рождественский монастырь. С. 278.

Романовича⁷⁰. Последний имел еще одного сына. Филарет (Гумилевский) писал, что в Елецком синодике после князя Льва Романовича Новосильского следует «кн[язь] Василий Львовичъ» (без титула)⁷¹. В Введенском синодике тоже упоминают князей Василия и Федора Львовичей⁷². В Киево-Печерском номаннике, где записан род воротынского князя, упоминают: «князь(я) Феодора, князь(иню) М(а)рию, князь(я) Василиа»⁷³. То же встречаем в синодике бывшего Воротынского Снаасского, что на устье Угры монастыря: «князя Феодора, князя Василиа»⁷⁴. Поэтому князя Василия из родословцев следует признать родным братом князя Федора Львовича.

Отчество князя Ивана Юрьевича известно из его договорной грамоты и из записей в богослужебных книгах XV в.⁷⁵ Из контекста носольских книг сношений Москвы с Литвой в конце XV в. следует, что князь Семен Одоевский приходился родным братом князю Ивану Юрьевичу⁷⁶. Кроме того, в одном из писем Витовта сыновья новосильского князя (Юрия) и князя воротынского (сыновья Льва) упоминаются во множественном числе⁷⁷. Следовательно, и у Льва, и у Юрия было по меньшей мере по два сына. Таким образом, князь Лев Романович имел сыновей: Василия и Федора, а князь Юрий Романович имел сыновей: Ивана и Семена.

Схема 12.1

Ветвь князей новосильского дома от Василия Романовича — Белёвские

⁷⁰ ЛМ. Кн. 5. 1993. № 130–132. Р. 247–248; ДДГ. № 39. С. 117–118; № 49–50. С. 149–150; Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 130, 305, 309; Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. S. 278, 585–586; Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 1. С. 22, 50, 61–62; Kuczyński S. M. Ziemia Czernihowska-Siewerskie pod rządami Litwy. S. 132–136; Войтович Л. [В.] Княжа доба: портрети еліти. С. 432, 440; Кром М. М. Меж Русью и Литвой. С. 36–37; Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. Вклейка между с. 160–161; Он же. Политическая история и география Верховских княжеств. С. 504–505.

⁷¹ Филарет, архиепископ. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. С. 44; Милорадович Г. А. Любеч, Черниговской губернии... С. 37.

⁷² Поменник Введенської церкви... С. 18, 19, 26.

⁷³ Голубев С. Т. Древний номанник Киево-Печерской лавры... С. 31.

⁷⁴ Леонид, иеромонах. Церковно-историческое описание упраздненных монастырей... С. 105–106; Леонид (Кавелин) в толковании синодика согласно родословцам именвал князя Федора — «Юрьевичем».

⁷⁵ ЛМ. Кн. 5. 1993. № 137. Р. 254–255; ДДГ. № 60. С. 192–193; Леонид, архимандрит. (А. Л.) Описание лихвинского Покровского Доброго мужского монастыря. С. 106–107, 139.

⁷⁶ СИРИО. Т. 35. С. 5, 62; Кром М. М. Меж Русью и Литвой. С. 70–72.

⁷⁷ СЕВ. № 1298. С. 779.

Схема 12.2

Ветвь князей новосильского дома от Льва Романовича — Воротынские

Схема 12.3

Ветвь князей новосильского дома от Юрия Романовича — Одоевские

В сборнике Дионисия Звенигородского, Летонисной, Патриаршей и Разрядной редакциях родословцев князь Василий (Львович) был занисан неред князем Федором (Львовичем)⁷⁸. Из родословной князей Одоевских, Румянцевского родословца и Бархатной книги князь Василий (Львович) вынал⁷⁹. Ввиду того, что он умер довольно рано († 1432 г.), его старшинство над князем Федором Львовичем в значительной степени теряет свою актуальность. В роду Юрьевичей старшим был князь Иван.

Проблемы выявления других потомков князя Романа Семеновича в историографии

Обнаружение у князя Романа Новосильского, кроме Василия, Льва и Юрия, еще нескольких сыновей является нплодом деятельности ряда исследователей. Тенденция в этом вопросе направлена к увеличению его потомства, хотя в большинстве случаев достаточных оснований для этого не находится.

1.1. Князь Даниил Романович — из родословцев неизвестен. Филарет (Гумилевский) указал, что в Елецком синодике носле князей Романа и Василия Романовича Новосильских «номинаются еще кн[язь] Левъ Романовичъ новосильский, кн[язь] Василий Львовичъ, кн[язь] Данииль

⁷⁸ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 75; РИИР. Вып. 2. С. 43; ВОИДР. Кн. 10. С. 70, 157; Родословная келейная книга. С. 41.

⁷⁹ ДРВ. Ч. 9. С. 246; РИИР. Вып. 2. С. 112; Бархатная книга. Ч. 1. С. 181.

Романовичъ — Новосильский»⁸⁰. В той же публикации в родословной таблице черниговских князей вместо Даниила Романовича значится «Димитрий Романовичъ». Как заметил В. И. Ивановский, под «Даниилом» и «Димитрием» у Филарета (Гумилевского) имеется в виду один и тот же князь⁸¹. В Введенском синодике номинают «кн(з) Данила Романовича Новосельского и сестру его Софию»⁸². Этот князь Даниил, видимо, умер бездетным еще до осени 1424 г., когда старшим новосильским и одоевским князем выступал Юрий Романович⁸³.

1.2. Сестра князя Даниила Романовича — княжна София Романовна известна только из Введенского синодика.

2. Князь Даниил Романович — это отличный князь от того, что выявил Филарет (Гумилевский). Л. В. Войтович предложил устанавливать его номяннику Кнево-Печерской лавры⁸⁴. Этот источник содержит «Род(ъ) княз(я) Воротыньского» и является достаточно сложным для анализа. В нем номинают «княз(я) Феодора, княг(иню) М(а)рию, княз(я) Василиа». Первые два князя определенно являются внуками князя Романа Семеновича Новосильского, княгиня Мария (Корибутовна) — жена князя Федора Львовича. Далее следуют шестнадцать мужских и женских имен без титула, которые не вносятся в родословную воротынских князей. Это либо близкие к воротынскому князю люди, либо отдельный снисок, который «слился» с родом князей воротынских. Вслед за ними: «княз(я) Данила, княз(я) Феодора», и еще десять мужских и женских имен без титула⁸⁵. Неизвестно, кто такие князья Данил и Федор и почему они оказались приписанными к номяннику воротынских князей.

3. Князь Роман (Романович?) Новосильский. В Введенском синодике князя Романа Новосильского номинают дважды. В первом случае под именем «кн(з) Романа Новосельского, прии(м)ша(го) агг(е)лский обра(з)», должно быть, имеется в виду князь Роман Семенович (см. выше). Во втором случае синодик упоминает «кн(з) Романа Новосе(л)ского и братанича его князя Миха(и)ла Василиевича»⁸⁶.

Если допустить отождествление двух этих князей Романов, то придется допустить и существование у князя Романа Семеновича брата князя Василия (Семеновича?), а у последнего — сына князя Михаила Васильевича, который, таким образом, был бы братаничем (сыном брата, племянником) князя Романа Семеновича Новосильского. Однако это противоречило бы литовско-одоевским

⁸⁰ Филарет, архиепископ. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. С. 44; Милорадович Г. А. Любеч, Черниговской губернии... С. 37.

⁸¹ Ивановский В. [И.] К истории удельных князей Тульского края... № 17. С. 750–751.

⁸² Поменник Введенської церкви... С. 18.

⁸³ ПСРЛ. Т. 39. С. 142; ПСРЛ. Т. 26. С. 182–183; ПСРЛ. Т. 27. С. 100; ПСРЛ. Т. 8. С. 91–92.

⁸⁴ Войтович Л. [В.] Князівські династії східної Європи... С. 187; Он же. Княжа доба: портрети еліти. С. 433.

⁸⁵ Голубев С. Т. Древний номянник Кнево-Печерской лавры... С. 31.

⁸⁶ Поменник Введенської церкви... С. 18, 19.

договорам 1459 и 1481 гг., в которых установлена степень родства между одоевскими и белёвскими князьями.

Как мы видели ранее, у князя Романа Семеновича был сын князь Василий Романович, у которого в свою очередь был сын князь Михаил Васильевич (внук князя Романа Семеновича). Поэтому, если названные Романы Новосильские и тождественны, то во второй записи имеется ошибка. Либо неправильно указана степень родства: вместо «братанича» следовало бы читать «внука». Либо после князя Романа Новосильского пропущен кто-то из его сыновей, например князь Юрий (его нет в иных записях синодика). Тогда в данной записи номинали бы «кн(з) Романа Новосе(л)ского, [князя Юрия Романовича] и братанича его князя Миха(и)ла Василиевича». Также не исключено, что имя самого князя Романа здесь искажено и следует читать: «князя [Юрия] Роман[овича] Новоселского и братанича его князя Михаила Василиевича».

Можно выстроить рассуждения и с другой стороны. Если во второй записи синодика о князе Романе Новосильском нет ошибки, и у князя Михаила Васильевича (Белёвского) действительно был дядя князь Роман, то он (дядя) был бы сыном князя Романа Семеновича Новосильского и носил бы имя Роман Романович Новосильский.

4. Князь Семен Романович Новосильский — записан в тексте московско-рязанского dokonчания 1402 г., которое сохранилось в сниске начала XVI в.: «А со кн(я)з(е)мъ с Семеном с Романовичем с Новосилским и с торускими кн(я)зи так же взяти ти любов(ь) но давным грамотамъ...»⁸⁷ Помимо этой записи, в грамоте дважды упомянут князь Роман Новосильский. Р.В. Зотов, М.К. Любавский, Г.А. Власьев и ряд других исследователей считали, что князь Семен Романович Новосильский действительно существовал, с ними солидарен А.В. Шеков⁸⁸. Ю. Вольф в росписи белёвских князей писал, что в dokonчании упомянут князь Роман Семенович Новосильский. Правда, в поправках к этому месту в его книге указано, что здесь все же следует подразумевать его сына Семена Романовича. В другом месте того же исследования он писал, что «сыном Романа, наверное, был князь Семен Романович Новосильский, упомянутый в 1402 г.»⁸⁹. С.М. Кучинский выражал недоумение по поводу сомнений Ю. Вольфа и доверял выводам Р.В. Зотова⁹⁰. Некоторую путаницу в данный

⁸⁷ ДДГ. №19. С. 53. Водяной знак бумаги, на котором написано dokonчание, совпадает с водяным знаком датированной рукописи 1491 г. (ДДГ. С. 563). В.А. Кучкин датировал изготовление копий московско-рязанских договоров 1503 годом (Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 224–226).

⁸⁸ Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 305; Любавский М.К. Областное деление... С. 48; Власьев Г.А. Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 1. С. 22, 42–43; Шеков А.В. Об исторической географии Новосильско-Одоевского княжества... С. 120; Он же. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 133–134; Он же. Политическая история и география Верховских княжеств. С. 177–178.

⁸⁹ Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy... S. 2, 278, 688.

⁹⁰ Kuczyński S.M. Ziemia Czernihowsko-Siewerskie... S. 129–130.

вопрос может вносить неосмысленное использование сведений Ермолинской летописи, в которой под 6912 (1405) г. записано: «Тое же зимы князь Володимѣрь жени сына Семена Новосильского»⁹¹. Однако по другим летописям можно установить, что в этом месте из Ермолинской летописи вынал целый фрагмент. На самом же деле в этом году князь Владимир Андреевич Сернуховский «жени сына своего князя Семена у новосильского князя»⁹². Именно в этом неназванном по имени новосильском князе Р. В. Зотов и некоторые его последователи видели Семена Романовича.

В предыдущих публикациях мной указывалось на статью в конце московско-рязанского договора 1402 г.: «А что ся будет учинилося меж насъ в неремирье обида, и меж кн(я)зя великоз(о) Ивана (Пронского. — Р. Б.), и меж кн(я)зя Романа (Новосильского. — Р. Б.), и меж кн(я)зей торьских, то отнравити, и по первой грамоте по неремирной»⁹³. Предполагалось, что поскольку Роман Новосильский упомянут здесь в качестве здравствующего князя, то и упоминание в том же договоре имени князя Семена Романовича Новосильского ошибочно⁹⁴. Впоследствии было достигнуто понимание, что упомянутые фрагменты докончания 1402 г. восходят к формуляру договора 1385 г., который ссылался на неремирную грамоту 1382 г. (см. § 8). Возобновление московско-рязанского докончания 1385 г. в 1389–1390 и в 1402 гг. не требовало присутствия самого новосильского князя и неясно, насколько осмотрительно писари отнеслись к его имени. Стремилась ли они в 1389–1390 и 1402 гг. внести в свои новые договоры имя актуального тогда новосильского князя и какое из имен: «Семен Романович» или «Роман Семенович» было актуально в 1402 г.? В. А. Кучкин выявил несколько существенных ошибок кониистов начала XVI в. при конировании договора 1402 г.⁹⁵ Также стоит отметить, что известны случаи нерестановок имени и отчества князя в поздних списках договорных грамот⁹⁶. Так или иначе, в одном из фрагментов конии договора 1402 г. содержится ошибка, которая затрудняет установление имени старшего новосильского князя в 1402 г.

5. Князь Семен Романович — у Л. В. Войтовича записано два князя с таким именем и оба в сыновьях князя Романа Новосильского⁹⁷. В данном случае он

⁹¹ ПСРЛ. Т. 23. С. 139.

⁹² ПСРЛ. Т. 25. С. 233; Карамзин П. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5. Примеч. 254. Стб. 103; Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 458.

⁹³ ДДГ. № 19. С. 52–55; также см.: ДДГ. № 33. С. 83–87; № 47. С. 142–145.

⁹⁴ Беспалов Р. А. О сыновьях князя Романа Семеновича Новосильского. С. 126–127; Он же. Реконструкция новосильско-тарусского фрагмента из докончания великих князей Дмитрия Московского и Олега Рязанского 1385 г. С. 169.

⁹⁵ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 226–227.

⁹⁶ См., например, крестоцеловальную запись князя Федора Воротынского Казимиру IV за князя Ивана Андреевича Можайского, где последний дважды неверно назван Андреем и Андреем Ивановичем: ДДГ. № 50. С. 149; также см. приложение № 4.

⁹⁷ Войтович Л. [В.] Князівські династії східної Європи... С. 187; Он же. Княжа доба: портрети еліти. С. 431.

ссылается на Любецкий синодик (Ф, М), а именно на записи: «вел(икаго) кн(я)зя Романа Михайловича Чер(ниговскаго), оубыеннаго от кн(я)зя Юрня Смоленскаго, и с(ы)на его кн(я)зя Симеона Романовича»⁹⁸. Здесь однозначно читается, что этот князь Симеон Романович приходится сыном князю Роману Михайловичу Черниговскому (Брянскому), поэтому не может быть причислен к сыновьям князя Романа Новосильского.

6. Князь Стефан Новосильский — упоминается в тексте Сказания о Мамаевом побоище. После битвы он сообщает князю Владимиру Андреевичу Серпуховскому, что видел великого князя Дмитрия раненным. С таким именем и титулом «Стефан Новосильский» попал еще в труды В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина⁹⁹. С.М. Кучинский не находил ему места среди сыновей Романа и считал его сыном Сергия Александровича Новосильского¹⁰⁰. Л.В. Войтович, а за ним и В.И. Белашов записали князя Стефана именно в сыновья князя Романа Семеновича¹⁰¹. С.В. Ковылов предположил, что это был сын князя Юрия Романовича¹⁰². В одном из списков Распространенной редакции Сказания (IV по классификации С.К. Шамбинаго) указано отчество этого князя: «Стефан Василевич Новосилский»¹⁰³.

Однако еще М.Н. Тихомиров показал, что это имя сложилось в результате поздних искажений¹⁰⁴. В некоторых ранних редакциях у этого персонажа нет княжеского титула. Так, в Забелинском списке Основной редакции Сказания читается: «у князя Юрья некто есть именемъ Стенанъ Новосельцевъ»¹⁰⁵. В вариантах «О», «У» Основной редакции Сказания «Стефанъ Новоселский» тоже показан без титула¹⁰⁶. В Основной печатной и в Распространенной редакциях Сказания он получает княжеский титул: «Юрьевской же уноша князь, некто Стенанъ Новосилской» (так у Н.М. Карамзина)¹⁰⁷. В иных редакциях он тоже прочно становится «князем Стефаном Новосильским» (так у В.Н. Татищева)¹⁰⁸. Род Новосильцевых известен с 1374 г., когда великий князь Владимир Андреевич заложил город

⁹⁸ Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику... С. 26–27; Филарет, архиепископ. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. С. 42.

⁹⁹ Татищев В.П. Собрание сочинений. Т. 5. С. 147; Карамзин П.М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5. Примеч. 80. Стб. 30.

¹⁰⁰ Kuczyński S.M. Ziemia Czernihowsko-Siewerskie... S. 127.

¹⁰¹ Войтович Л. [В.] Князівські династії східної Європи... С. 187; Он же. Княжа доба: портрети еліти. С. 435; Белашов В.І. Глухівське князівство і його уділи... С. 53.

¹⁰² Ковылов С.В. Новосильское княжество... Дис. ... канд. ист. наук. С. 72–73.

¹⁰³ Шамбинаго С. [К.] Повести о Мамаевом побоище. Прил. С. 119.

¹⁰⁴ Тихомиров М.П. Древняя Москва в XIV–XV вв. С. 169.

¹⁰⁵ Повести о Куликовской битве. С. 198, 469.

¹⁰⁶ Повести о Куликовской битве. С. 72; ПКЦ. С. 182. То же см. в переделке IV редакции по С.К. Шамбинаго: Шамбинаго С. [К.] Повести о Мамаевом побоище. Прил. С. 161.

¹⁰⁷ Повести о Куликовской битве. С. 151; Сказания и новости о Куликовской битве. С. 100, 139; То же см. в редакции Синонсиса: ПКЦ. С. 333.

¹⁰⁸ Шамбинаго С. [К.] Повести о Мамаевом побоище. Прил. С. 69; Сказания и новости о Куликовской битве. С. 46, 66; ПКЦ. С. 247, 289.

Сернухов, а «наместничество же приказа въ граде том Якову Юрьевичу Новосилцу, околничему своему»¹⁰⁹. Можно думать, что в Сказании сернуховский князь обращается к одному из своих слуг Стефану Новосильцеву, который, таким образом, не имеет никакого отношения к роду новосильских князей¹¹⁰.

7. Князь Михаил Белёвский — причислен Ю. Вольфом в сыновья князю Роману Новосильскому из-за искажений в родословцах. Еще в сборнике Дионисия Звенигородского у князя Романа Новосильского появился такой сын: «А у князя Романа дети: князь Василей, да князь Лев, да князь Юрьи Новосилский, да князь Михайло Белёвский». Схожая запись содержится в Редакции начала XVII в.¹¹¹ На основании последнего источника Ю. Вольф занисал князя Михаила в сыновья князя Романа Семеновича, сообщив, что «о нем ничего не известно, умер бездетным». Позже С. М. Кучинский заметил, что Ю. Вольф «ошибочно номестил Михаила Васильевича Белёвского два раза, один раз как сына Романа, а другой — как сына Василья»¹¹². Некоторую ясность в этот фрагмент вносит Румянцевская редакция родословцев, в которой после князей Василия, Льва и Юрия занисано: «А княж Васильев сын Романовича Михайло»¹¹³. Здесь допустимая нерестановка слов, однако следует читать: «А княж Васильев Романовича сын Михайло». На каком-то этане из нодобной записи мог быть выделен князь Василий и мнимый князь Романович Михайло. Из-за этого князь Михаил (Васильевич) ошибочно занисан в сыновья князя Романа Семеновича.

8. Князь Михаил Романович Новосильский — тот же князь, но с другим титулом. В Академическом сниске Новгородской IV летониси (доведен до 1515 г.) в походе на Тверь 1375 г. имя князя Романа Семеновича Новосильского искажено и занисано как «князь Романовичь Новосильский»¹¹⁴. В летониси П. П. Дубровского (доведена до 1539 г.) в том же месте нереставлены имя и отчество князя Романа Михайловича Брянского, а следующему за ним «князю Романовичу Новосильскому» по аналогии добавлено имя Михаил¹¹⁵. Так возникло два несуществовавших князя с именем Михаил Романович, но с разными титулами — брянского и новосильского.

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 189; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России... С. 253, 276; ПКЦ. С. 219.

¹¹⁰ В поздних роснисях Новосильцевых Стефана Юрьевича нет. Неясно, имеет ли этот род отношение к Новосильскому княжеству, как это полагал С. В. Ковылов? А. В. Кузьмин предположил, что Новосильцевы могли происходить из можайских землевладельцев. Сами же представители этого семейства считали, что их предок прибыл на московскую службу из Литвы от Ольгерда (*Кузьмин А. В.* Из истории можайских землевладельцев в XIV — начале XVI в. С. 247–253; *Он же.* На пути в Москву. Т. 2. С. 158–165).

¹¹¹ *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. С. 75; *ВОИДР.* Кн. 10. С. 70.

¹¹² *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy... S. 2; *Kuczyński S. M.* Ziemia Czernihowsko-Siewerskie... S. 130.

¹¹³ РИИР. Вып. 2. С. 112–113.

¹¹⁴ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 301. Сноска 46.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 43. С. 125.

Возвращаясь к достоверно выявленному нотомству князя Романа Семеновича Новосильского, необходимо отметить, что в конце XIV — начале XV в. в Новосильско-Одоевской земле произошла смена поколений. По смерти князя Романа Семеновича между его нотомками установились отношения, которые соответствовали их традиционным представлениям о княжеской иерархии. Во внешней политике старший из рода новосильских князей вместе со своей братией придерживались линии одного из сильнейших соседей — Москвы. Вместе с тем Новосильско-Одоевская земля сохраняла самостоятельность в отношениях с соседями и Ордой и относительную свободу политического выбора.

§ 13. Повосильско-ордынские отношения и битва феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом осенью 1424 года

I

Говоря о свободе политического выбора старших князей новосильского дома, нельзя не коснуться их взаимоотношений с правителями Золотой Орды. Общую характеристику новосильско-ордынским отношениям, хотя и косвенно, впервые дал М. К. Любавский. Он указал, что князья новосильского дома в разное время служили великим московским и великим литовским князьям, «такая служба была вполне естественна, вследствие положения верхнеокских княжеств в соседстве с московскими владениями и на Украине, беспрестанно подвергавшейся нападениям татар, общего врага Московского и Литовского государств»¹. Позже это мнение было поддержано и развито А. В. Шековым, М. М. Кромом и С. В. Ковыловым².

Долгое время в историографии было принято считать, что от татар постоянно исходила безусловная угроза русским землям. Однако эта точка зрения требует существенного переосмысления. Как заметил А. А. Горский, правитель Золотой Орды, которому платился «выход», не стремился погубить собственную дань. Он мог напасть на вассала только тогда, когда требовалось привести его к покорности или наказать за своеволие. Вместе с тем в период смут в Поле над русскими землями нависала угроза набегов груннировок татар, не подчинявшихся центральной ордынской власти³.

Действительно, убийство князя Александра Новосильского ханом Узбеком в 1326 г. и разорение Новосилья татарами Мамай в 1375 г. явились следствием участия новосильских князей в борьбе тверских и московских князей за великое владимирское княжение⁴. То есть ущерб от центральной ордынской власти был обусловлен не татарской угрозой вообще, а конфликтами конкретных политических интересов. На примере козельско-ордынских столкновений можно заметить, что битва под Шишевским лесом в 1365/66 г. и разорение Ельца в 1395 г. случились во время ордынских усобиц и без участия официальной власти Золотой Орды⁵. Нападение татар на Елец в 1414 г. тоже произошло в период

¹ Любавский М. К. Областное деление... С. 49–50.

² Шеков А. В. Верховские княжества. (Краткий очерк политической истории. XIII — середина XVI в.). С. 34–39; Он же. Верховские княжества (вторая половина XIII — середина XVI в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. С. 11–12; Он же. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 120; Кром М. М. Меж Русью и Литвой. С. 67–68; Ковылов С. В. Новосильское княжество... Дис. ... канд. ист. наук. С. 58–61; Он же. Новосильское княжество... Автореф. дис. ... канд. ист. наук. С. 13.

³ Горский А. А. Москва и Орда. С. 147.

⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 42, 113.

⁵ ПСРЛ. Т. 18. С. 104; ПСРЛ. Т. 25. С. 222.

очередных ордынских смут⁶. Для отражения набегов со стороны Поля князя северо-восточной части Черниговщины объединялись в союзы со своими соседями, как это было, например, в 1365/66 и в 1380 гг. Однако в период сильной и устойчивой власти в Золотой Орде опасность от татар вряд ли превышала угрозу нападения других вероятных противников — русских и литовских князей, которые в конце XIV — начале XV в. стали носителями самостоятельности верхнеокских княжеств.

Посредством ханского ярлыка русские князья приобретали правовой иммунитет от носительства на их территорию со стороны соседей. В этой связи можно думать, что старший князь новосильского дома был заинтересован в стабильных отношениях с верховной ордынской властью.

Наглядным экономическим показателем этого тезиса является то, что в последней трети XIV в. регион верховьев Оки прочно вошел в область обращения джучидских монет. На рубеже XIV–XV вв. многие области северо-восточной части бывшей Черниговской земли (Таруса, Козельск и другие) стали утрачивать свою самостоятельность в отношениях с соседями (иными «землями» и «великими княжениями»). Прежде они, видимо, непосредственно были вассалами Золотой Орды, но затем теряли право на сношения с ханом и становились вассалами ордынских вассалов: Москвы и Рязани. На локальных денежных рынках этих областей еще некоторое время продолжали обращаться джучидские монеты, но постепенно они стали вытесняться новой монетой, принятой для обращения на территории их новых метрополий. Основным потребителем татарских дангов (денег) в регионе стала Новосильско-Одоевская земля⁷. Несмотря на то что в политическом отношении новосильские князья стали союзниками Москвы, московские монеты на территорию их «земли» почти не проникали. Находка под Новосилем двух московских монет конца XIV в. в составе комплекса джучидских дангов⁸ лишь подчеркивает их малую долю на местном денежном рынке. Несомненно, в экономическом отношении Новосильско-Одоевская земля ориентировалась на торговлю с Ордой. С рубежа XIV–XV вв. большое влияние на экономику региона стали оказывать ноступления монет из Крыма (которых ранее здесь вовсе не наблюдалось) и из Северного Приазовья. В общей денежной массе они стали составлять около двух третей всего местного денежного рынка⁹.

Судя по составу налоговых отчислений с ноугорских волостей конца XV в.¹⁰, можно думать, что и в первой трети XV в. экспортными товарами

⁶ ПСРЛ. Т. 18. С. 162; ПСРЛ. Т. 11. С. 225; см.: Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 190–192.

⁷ Беспалов Р. А. Денежное обращение в верховьях рек Оки и Дона... С. 92–95.

⁸ Зайцев В. В. О монетах Карачевского княжества конца XIV в. С. 19.

⁹ Беспалов Р. А. Денежное обращение в верховьях рек Оки и Дона... С. 91. Рис. 5; С. 94. Табл. 3; С. 95.

¹⁰ Темушев В. П. Пограничные города Великого княжества Литовского: Дмитровец в XV в. С. 95–96; ЛМ. Кн. 4. Р. 67; ЛМ. Кн. 6. Р. 121. № 137.

Верхнего Поочья являлись шкурки бобра, куницы и мед. Также следует учитывать плодородие почв центральной, южной и юго-восточной части Новосильско-Одоевской земли, благоприятное для выращивания хлеба (см. § 9). Должно быть, в первую очередь именно экспортные предметы местных промыслов и хозяйствования обменивались на ордынский импорт, такой как джучидские монеты, поливная керамика, чугунные котлы. Вероятно, в верховьях Оки шкурки бобра и куницы могли использоваться и в качестве меховых товаров-денег, которые заменяли денежное обращение в безмонетные периоды и восполняли его в то время, когда монетная масса не покрывала всех потребностей местного рынка. В целом оборот денег и товаров лежал в основе местного налогообложения, которое пополняло княжескую казну. По-видимому, его стимулирование являлось частью целенаправленной политики местных князей¹¹.

Таким образом, право старшего новосильского князя на сношение с Ордой, с одной стороны, являлось атрибутом вассальных обязательств перед ханом, но с другой — гарантом территориальной самостоятельности Новосильско-Одоевской земли от русских и литовских соседей. Обладание этой привилегией было выгодно как с политической, так и с экономической точек зрения (разумеется, за вычетом ордынской дани, которой были обложены все русские земли). Это наблюдение ведет к мысли о том, что князья новосильского дома вовсе не стремились к разрыву самостоятельных отношений с Ордой. Статус новосильско-ордынских отношений был особым, а может быть, и более высоким, чем статус отношений Новосилья, а затем Одоева с соседними русскими княжествами и Литвой.

Необходимо отметить и то обстоятельство, что население Золотой Орды представляло собой весьма неструктурированную, многоплеменную картину. Особенно во времена междоусобиц и разорительных войн в Поле некоторые выходцы из Орды были вынуждены спасаться от уготованной им незавидной участи и стали переселяться в русские земли. Там они зачастую принимали крещение, а некоторые из них впоследствии играли видную роль на новом месте службы у русских и литовских князей, в том числе являясь проводниками русско-ордынских и литовско-ордынских отношений. Проживание татар в области Мценска на литовской службе зафиксировано в первой трети XV в. (см. §§ 11, 14). Появление татар на службе у князей новосильского дома тоже отмечено источниками (см. § 21).

Разумеется, новосильские князья не могли предвидеть все изменения внешней политической конъюнктуры и самостоятельно гарантировать себе полную безопасность от губительных санкций со стороны ордынской власти. В этом смысле их положение не было уникальным. Не случайно в договорные грамоты русских князей конца XIV в. стала включаться статья о согласованной

¹¹ Беспалов Р. А., Казаров А. А. Клады и денежные комплексы первой трети XV века, обнаруженные в верховьях Оки, Дона и Десны в 2008–2011 годах. С. 81–83.

ордынской политике, а на случай «размирья» с татарами — статья о совместной обороне от их набегов¹². Поэтому и союзы новосильских князей с соседями, в том числе, были направлены на снижение угроз со стороны Поля.

II

В контексте выявленных экономических сношений Новосильско-Одоевской земли с Ордой и особенно с Крымом следует провести параллель с литовско-ордынскими отношениями. Для литовских госнодарей крымская администрация тоже имела особое значение. По мере своего расширения в XIV — начале XV в., Великое княжество Литовское включило в свой состав огромную территорию русских земель, ранее подчиненную Золотой Орде, которая, однако, так и не вышла из-под ордынского госнодства. В частности, когда Тохтамыш воссел на царство, он направил к Ягайлу своих нослов. Результатом ответного литовского носольства (около 1381 г.) стала выдача Ягайлу ярлыка-ножалования на русские земли Великого княжества Литовского. В 1386 г. Ягайло женился на польской королеве Ядвиге и принял польскую корону. По договору о брачном союзе он обещал присоединить к Польше литовские и русские земли¹³. Тохтамыш поддерживал установленные с ним отношения еще и в 1393 г. и предписывал вынлатить дань с известных Ягайлу земель, видимо, переданных ему предыдущим ярлыком-ножалованием¹⁴. Затем в 1397 г. Тохтамыш выдал аналогичный ярлык Витовту¹⁵. Более поздние ярлыки-ножалования крымских ханов великим литовским князьям ссылаются на ярлыки своих предшественников, начиная от хана Тохтамыша, и были составлены по их формуляру. В них описана основная суть литовско-ордынских отношений: ханы жаловали великим литовским князьям подчиненные Золотой Орде (позже Крымскому ханству) русские земли, с которых литовская сторона была обязана вынлачивать дань. В случае прекращения вынлат татары были вправе применить силу¹⁶. Важен еще один аспект этих отношений. Около 1381 г. нослами хана Тохтамыша в Литву выступали: наместник Крымского улуса, «дарага Солхата» Кутлу-Буга и сын бывшего крымского наместника

¹² ДДГ. №9. С. 26; №10. С. 30; №15. С. 41; №19. С. 53.

¹³ Барбашев А. [И.] Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410 г.). С. 32–33; Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1. S. 32–34.

¹⁴ В ярлыке-нослании 1393 г. Тохтамыш анонимал Ягайлу об установлении отношений с ним в самом начале своего правления (Оболенский М. А., князь. Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу. С. 21–22, 25–26, 51; Радлов В. [В.] Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга. С. 6; Султанов Т. И. Письма золотоордынских ханов. С. 235–237).

¹⁵ Грушевський М. [С.] Історія України-Руси. Т. 4. С. 85–87, 457–462; Prochaska A. Z Witoldowych dziejów. S. 259–264; Prochaska A. Dzieje Witolda Wielkiego Księcia Litwy. S. 78–81; Беспаков П. А. Литовско-ордынские отношения 1419–1429 годов и первая попытка образования Крымского ханства. С. 30–33.

¹⁶ Kolodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania... S. 529–533, 539–544; Барвіньский Б. Два загадочні ханські ярлики на рускі землі з другої половини XV століття. С. 16–21.

Зайнутдина Рамадана (1349–1357 гг.) Хасан¹⁷. Последний был нослом Тохтамыша к Ягайлу и в 1393 г. Следовательно, помимо нравителей Золотой Орды и Великого княжества Литовского, вопросы литовско-ордынских отношений находились в ведении крымского наместника хана, который заведовал получением дани с подчиненной Крыму территории.

Учитывая историческую принадлежность территории Новосильско-Одоевского княжества к некогда единой Черниговской земле, а также — его экономические сношения с Крымом и Северным Приазовьем, можно предположить, что при Тохтамыше новосильско-ордынские отношения тоже регулировались представителем крымской администрации.

С наделением власти Тохтамыша в Золотой Орде начались необратимые административные изменения. С рубежа XIV–XV вв. в занисях современников событий стали выделяться «государи Дешта», т. е. Поля, столицей которого был Сарай, и «государи Крыма». В тех же случаях, когда полнота власти не переходила к одному из нравителей, тот оказывался государем и Дешта, и Крыма, таким образом, одновременно занимая два трона¹⁸. Однако государи Дешта были еще довольно сильны, поэтому выделение Крыма в особое ханство произошло далеко не сразу.

Долгое время Витовт выступал против князя Едыгея и его ставленников, поддерживая детей Тохтамыша († 1407 г.)¹⁹. Впрочем, некоторые из потомков Тохтамыша занимали сарайский престол самостоятельно, и затем заключали с союз с Литвой, другие сражались между собой, а также восставали против Витовта²⁰. Иные получали пристанище у великого князя московского Василия I²¹. Так сложилась ситуация, при которой в борьбе за власть в Поле и в Крыму некоторые наследники ханского престола стали рассчитывать на поддержку русских и литовских князей. В 1419 г. Едыгей направил в Великое княжество Литовское посольство с предложением о мире, и литовский госнодарь заключил с ним «желанный союз»²².

С развитием нумизматики последних лет выяснилось, что в 822 г. х. (1419 г.) в Крыму чеканились монеты с именами хана Бека-Суфи и эмира Едыгея²³. В этой связи К. К. Хромов обратил внимание на сведения так называемой Белорусской I летониси. В ней сообщается, что к Витовту не раз приходили

¹⁷ См.: Григорьев А. П., Григорьев В. П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. С. 173–174; Григорьев А. П. Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация. С. 86–87; Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 15; Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 452.

¹⁸ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 531–534.

¹⁹ Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. С. 180–194.

²⁰ См.: Schiltberger P. Reisebuch. S. 42; Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке. С. 36; Dlugosz J. Dziejów polskich. T. IV. S. 203–204.

²¹ ПСРЛ. Т. 43. С. 167.

²² Dlugosz J. Dziejów polskich. T. IV. S. 220.

²³ Хромов К. К. Правление ханов в Крымском улусе... С. 371. Рис. 1, 2.

великие ордынские князья «нросяще у него царя на царьство». Некогда Витовт дал ордынским старейшинам царя «именемъ Салтана», а нозже дал им другого царя «именемъ Малого Солтана»²⁴. Исследователь показал, что, согласно польской и русской средневековой историографии, первым «султаном»-ставленником Витовта стал Джелал ад-Дин (Солтан, Султан Зеледин литовских и польских или Зелени-Салтан русских источников)²⁵. Как заметил А. Л. Пономарев, в начале 1411 г. он занял Крым и был нровозглашен там ханом, а вскоре занял и Сарай. При его дворе находился Бек-Суфи оглан (царевич), который остался в Крыму²⁶. По Я. Длугошу, после Джелал ад-Дина на Сарайский нрестол возшел Керим-Берди (около 1413–1414 гг.), который нарушил мир с литовским госнодарем. Тогда в Вильно был коронован некий «Бетсубул», который якобы «сгинул» в борьбе с Керим-Берди²⁷. Однако, вопреки сведениям Я. Длугоша, Бетсубул (Бек-Суфи) остался жив, и в 1419 г. вновь нришел к власти в Крыму. К. К. Хромов сонаоставил наднись на монетах Бека-Суфи «султан сын султана» с летонисным «малым Солтаном»²⁸. С учетом имен следующих ставленников Витовта, уномянутых далее в Белорусской I летониси, это отождествление следует нризнать снараведливым. Судя по массариям Каффы и по сведениям нумизматики, власть «имнератора Солхата» Бека-Суфи ограничивалась Крымом²⁹. Его же титул «султан сын султана» или «малый султан», видимо, указывает на подчиненное ноложение «Крымского султаната» в иерархии Золотой Орды³⁰. Вероятно, такой титул-нровище Бек-Суфи нолучил еще нри султани Джелал ад-Дине.

Монеты Бека-Суфи и его нреемника в Крыму Давлета-Берди нолучили широкое раснространение в русских землях Великого княжества Литовского, где стали надчеканиваться «колюмнами»³¹. При этом Бек-Суфи имел самые тесные отношения с Витовтом³². В контексте данного исследования важно обратить внимание на тот факт, что из Крыма новые монеты стали напрямую ноступать в область Верхнего Поочья. Находки денежных номиналов с именами

²⁴ ПСРЛ. Т. 35. С. 59, 76, 108–109.

²⁵ См.: ПСРЛ. Т. 11. С. 215, 218–219. Еще в 1409 г. в нисьме великому магистру Немецкого ордена Витовт упоминал о сыне Тохтамыша — Солтани (CEV. №343. S. 170).

²⁶ Пономарев А. Л. Первые ханы Крыма... С. 165–166.

²⁷ Dlugosz J. Dziejów polskich. T. IV. S. 203–204.

²⁸ Хромов К. К. Правление ханов в Крымском улусе... С. 367–368.

²⁹ Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 25–26.

³⁰ Как известно, энитеты «отец», «сын», «брат», «меньшой брат» широко нспользовались в русской динломатии для онределения старшинства в иерархических отношениях (СРЯ. Вын. 1. С. 319; СРЯ. Вын. 13. С. 236; СРЯ. Вын. 29. С. 134). У нравителей татарских улусов подобная нрактика существовала еще во времена Чингиз-хана (История татар с древнейших времен. Т. 3. С. 85).

³¹ Зайцев В. В. О находке трех кладов джучидских монет с литовскими надчеканками. С. 190–192; Бореиша Ю. [Л.], Казаров А. [А.] О надчеканках «колюмн» Витовта Кейстутовича и Свадригайлы Ольгердовича. С. 9–11, 19–20, 48–51.

³² Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 25–26.

Бека-Суфи и Давлета-Берди зафиксированы в окрестностях Новосиля, Черни, Любутска, Калуги и Торхово (севернее современной Тулы)³³.

Тем временем драматичные события развивались в низовьях Волги. В 1419 г. князь Едыгей погиб от рук представителей татарской знати, которые возвели на трон в Деште хана Мухаммеда, в дальнейшем также известного под именем Улу-Мухаммед (Великий Мухаммед)³⁴. Положение последнего было осложнено тем, что с востока на него выступил сын Едыгея Мансур, который в течение короткого времени выдвигал нескольких кандидатов на сарайский престол, пока его выбор не остановился на царевиче Бораке³⁵. Однако хан Улу-Мухаммед оказался удачливым нолководцем и гибким политиком. Он сумел не только навязать унорную борьбу ставленникам Мансура, но и стал стремиться к утверждению в Крыму удобной для себя власти. Известен факт расноряжения им некоторыми крымскими землями еще в апреле 1420 г.³⁶

Бек-Суфи умер к середине сентября 1421 г. С освобождением крымского трона местные татары вступили в спор о назначении нового имнератора с татарами великого хана, имнератора Орды³⁷. По Белорусской I летописи, после смерти «малого Салтана» ордынские князья в очередной раз послали к Витовту «и просия у него царя. Он же да имъ иного царя, именемъ Давлад-Бердия»³⁸. Тот был ханом в конце 1422 — середине 1423 г.³⁹, но затем в чем-то провинился перед Витовтом⁴⁰. Некоторое время Улу-Мухаммед был отвлечен

³³ Беспалов Р. А., Казаров А. А. Клады и денежные комплексы первой трети XV века, обнаруженные в верховьях Оки, Дона и Десны в 2008–2011 годах... С. 73, 75, 77; Ключков Ю. В. Материалы к тонографии находок двусторонних подражаний серебряным монетам Золотой Орды (2000–2006 гг.). С. 80.

³⁴ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... С. 234; Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. С. 78–79, 85; Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений. Т. 1. С. 233–234; Беспалов Р. А. Литовско-ордынские отношения 1419–1429 годов и первая попытка образования Крымского ханства. С. 37–40.

³⁵ Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. С. 209–210; Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. С. 85; Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений. Т. 1. С. 231–232; Валиди Тоган А-З. История башкир. С. 40.

³⁶ Березин И. [П.] Ярлыки крымских ханов Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея. Прибавл. С. 16–23; Григорьев А. П. Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация. С. 112–142; Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. С. 61–62.

³⁷ В массариях Каффы имнератор Солхата (Бек-Суфи) упоминается в живых еще 28 июня 1421 г. (Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 27). Прибывший в Крым бургулдский дипломат Жильбер де Ланнуа узнал о его смерти в середине сентября 1421 г. (Брун Ф. [К.] Voyages et ambassades de messire Guillebert de Lannoy, 1339–1450. С. 442; Пономарев А. Л. Хан Крыма Бек-Суфи, его законные данги и Лже-Едыгей. С. 77).

³⁸ ПСРЛ. Т. 35. С. 59, 108–109.

³⁹ В массариях Каффы под 12 декабря 1422 и 26 марта 1423 г. упомянут имнератор, имя которого не названо. Затем под 28 мая, 13 и 28 июня 1423 г. имнератором назван «Dolatberdi» (Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 28–31).

⁴⁰ CEV. № 1223. S. 720–721.

на борьбу с царевичем Бораком⁴¹, но расправился с ним к осени 1423 г., а в октябре — декабре того же года сместил Давлета-Берди с крымского престола⁴². По Белорусской I летописи, «Давлад-Бердию немного время nobывши». Когда Витовт находился в Киеве, иные ордынские старейшины пришли к литовскому госнодарю и тоже просили царя, «он же дал им царя именем Магмета»⁴³. В нисьме великому магистру Немецкого ордена от 22 июня 1424 г. Витовт сообщал: «татарский царь но имени Махмет, наш друг, тенерь, что внолне достоверно, нолную власть вместе со всем царством из нашей земли занял и овладел; и тенерь у нас пребывает его ночтенное носольство; и в течение короткого времени ношлет к нам своего единственного сына с некоторыми госнодами из царского рода и именитыми князьями, усердно благодаря нас за наше содействие и номощь, которую мы ему из нашей страны для [завоевания] царства осуществили и оказали»⁴⁴. Должно быть, нод «всем царством» Витовт нонимал нолноту власти великого хана Улу-Мухаммеда, которая была достигнута нодчинением ему Крыма. По сути, Крымское ханство (малый султанат) оказалось в нодчинении великого хана Улу-Мухаммеда, но особый статус Крыма сохранился.

В эти годы Витовт и его зять Василий I стали вести согласованную ордынскую нолитику и сообща признали Улу-Мухаммеда законным ханом. Это обстоятельство было немаловажным и для князей новосильского дома. Тем временем в Поле не утихали смуты. Второе нанадение Борака на «Орду Мухаммед-хана» осенью 1424 г. было более уснешным⁴⁵. Тогда же Давлет-Берди снова занял Крым⁴⁶, нозтому Улу-Мухаммед был вынужден укрыться у своего союзника Витовта. В этой связи для сторонников онального хана возникла угроза нанадения иных нолитических сил, властвующих в Поле.

III

Прежде чем нрояснить сложившуюся ситуацию, необходимо разобрать два сообщения русских летописей о нанадении на Одоев ордынских ханов. М. А. Шибаев нривел убедительные аргументы в нользу того, что Софийская I летопись младшего извода была доведена до 6931 (1423) г.⁴⁷ Также ученый

⁴¹ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... С. 234, 378.

⁴² Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 29, 31–33. Летопись середины XVI в. «Кара таварих» даже в нравление Давлета-Берди в Крыму признает верховенство над ним Улу-Мухаммеда (*Утемши-хаджи*. Кара таварих. С. 81).

⁴³ ПСРЛ. Т. 35. С. 59, 109. Подробнее см.: *Беспалов Р. А.* Литовско-ордынские отношения 1419–1429 годов и нервая нонытка образования Крымского ханства. С. 43–45.

⁴⁴ СЕУ. № 1159. S. 660. Перевод уточнен С. В. Полеховым.

⁴⁵ *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. С. 206–207; Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 196; *Утемши-хаджи*. Кара таварих. С. 76–79.

⁴⁶ Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 32–33.

⁴⁷ *Шибаев М. А.* Софийская I летопись Младшей редакции. С. 16–19.

заметил, что она наиболее близка с Московским сводом 1479 г. на протяжении до 6931 (1423) г.⁴⁸

В Московском своде под 6930 г. имеется комплекс статей с ошибочной датировкой, которые читались и в Софийской I летописи младшего извода. Известие Московского свода о голоде 6930 г. в Софийской I летописи находится под 6931 г. Затем в продолжение статьи 6930 г. в Московском своде отражены события о преставлении княгини Настасьи 11 июля и о пожаре в Москве 18 августа. М. А. Шибяев показал, что они относятся к 6926 (1418) г.⁴⁹ В этой связи 18 августа не должно быть основой для датировки следующей статьи, которая, тем не менее, начинается следующим образом: «Того же месяца 31 царь Баракъ ноби Куидодата, а на осень приходи къ Одоеву ратью...»⁵⁰ Затем идет статья о поезде великой княгини Софьи и митрополита Фотия в Литву (в Софийской I летописи ее нет). В оригинале, видимо, были буквы, похожие на «мц» под титулом. Но они должны быть не составной частью слова «м(е)с(я)ц(а)», а составной частью числительного «сц» и обозначать 6900. Перенисчику вместо «Того же месяца 31» следовало бы читать: «В лето 6931». Подтверждение данному наблюдению находим в том, что поездка Софьи и Фотия началась в марте 6931 (1423) г.⁵¹

Именно в Московском своде, а не в Софийской I летописи младшего извода отражена откровенная точка ошибки в рассказе о нападении татар на Одоев. Если рассматривать его изолированно от других летописей, то неочевидно: кто приходил к Одоеву — Борок или Куидадат? В Софийской I летописи младшего извода выбор сделан в пользу Борака, а текст рассказа сокращен⁵². В указанных летописях упоминается только об одном нападении на Одоев. Далее при сведении рассказов из разных летописей с разной датировкой возник дубль. В Архивском списке Софийской II и в Львовской летописи нападение хана Борака на Одоев читается под 6930 г., а нападение хана Куидадата — под 6931 г.⁵³ В летописи Лавровского нападение Борака — под 6930 г., а Куидадата — под 6932 г.⁵⁴ В Вологодско-Пермской, Никаноровской, Воскресенской летописях, Софийской I летописи по снisku И. Н. Царского нападение Борака — под 6931 г., а Куидадата — под 6932 г.⁵⁵ В Воскресенском списке Софийской II летописи нападение хана Борака читается дважды — под 6930 и 6932 гг., а хана Куидадата — под 6932 г.⁵⁶ Так из одной статьи возникло три статьи под разными годами.

⁴⁸ Шибяев М. А. Софийская 1 летопись и «Московско-Софийский свод». С. 129–145.

⁴⁹ Он же. Софийская 1 летопись Младшей редакции. С. 16; Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. С. 151.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 245–246. Также см.: ПСРЛ. Т. 18. С. 166–167; ПСРЛ. Т. 24. С. 181–182; ПСРЛ. Т. 28. С. 95–96, 261–262.

⁵¹ Горский А. А. Завещания Василия I Дмитриевича... С. 20–21.

⁵² ПСРЛ. Т. 5. (1851). С. 262.

⁵³ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 50–51; ПСРЛ. Т. 20. С. 232.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 46. С. 76.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. 26. С. 182–183; ПСРЛ. Т. 27. С. 100; ПСРЛ. Т. 8. С. 91–92; ПСРЛ. Т. 39. С. 142.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 50–51; Примеч. 67, 72, 77; Софийский времепник. Ч. 1. С. 455.

Сюжеты занисей о нанадениях ордынских ханов очень схожи: они брали плененных, но в итоге тернели норажение от одоевского князя, имевшего поддержку литовских войск. Вопрос о дублях разрешается с нривлечением нись-ма Витовта великому магистру Немецкого ордена от 1 января 1425 г. Великий князь литовский нисал о недавнем нанадении на «Одоевскую землю» хана Куйдадата. При этом сообщал, что его люди «в большом бою» никогда ранее татар не нобеждали⁵⁷. Становится очевидным, что до этого момента они не нобеждали и Борака, а тот вовсе не нанадал на Одоев. Куйдадат же нанал на Одоев осенью 1424 г.

В интересующем нас месте в Московском своде имеются мартовские датировки. Осень 1424 г. в мартовской системе датируется 6932 г., у нас же 6931 г., а с учетом норчи текста — 6930 г. Для нериода с сентября по декабрь летонисец мог нолучать рассказы, датированные в новой для летонисания сентябрьской датировке, и должен был отиять один год, чтобы согласовать со старыми летонисями. Однако если изначально имелась статья 6932 г. в мартовской датировке, то он нолучал ошибку в один год: 6931 г. Затем из-за норчи текста (в Софийской I летониси младшего извода?) возникла ошибка уже в два года: 6930 г. На следующем этане при составлении нового свода с нривлечением другого ниска летониси возник рассмотренный дубль⁵⁸. Таким образом, если Софийская I летонись младшего извода и была доведена до 6931 (1423) г., то в ней имелась статья о нанадении татар на Одоев в 6932 (1424) г., но с иснорченной датировкой: 6930 (1422) г.⁵⁹

Выяснив ошибочность летонисного известия о нанадении на Одоев хана Борака, нерейдем к реконструкции событий. Неясно, на какое царство ранее нретендовал хан Куйдадат, который нриходился двоюродным братом Улу-Мухаммеду и Давлету-Берди⁶⁰. С учетом восточных источников не исключено, что в Поле он был нритеснен Бораком и был вынужден заняться грабежом русских земель. Он не был союзником Улу-Мухаммеда и Витовта, а скорее был их нротивником.

Согласно русским летонисям, осенью 1424 г. «Царь Куидодать ноиде ратию ко Одоеву на князя Юрья Романовича. И слышев то князь великий Витофть, и носла на Москву к зятю своему къ великому князю Василью Дмитриевичю, чтобы нослал номочь на царя, а сам нослал князя Ондreja Михайловича, князя

⁵⁷ CEV. №1181. S. 688.

⁵⁸ В предыдущей публикации мной не учитывалось то обстоятельство, что датировка гипотетического свода 1448 г. (протографа Новгородско-Софийского свода) давно оспорена в историографии и теперь относится к гораздо более раннему времени (*Беспалов Р. А.* Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом осенью 1424 года. С. 205–206; *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. С. 128–160).

⁵⁹ Летописный шов в этом месте обнаруживается и другими исследователями. Например, Б. М. Клосс указал, что сходство Вологодско-Пермской и Никаноровской летописей с Московским сводом 1479 г. пачипается именно с 6933 (1425) г. (ПСРЛ. Т. 26. С. VI).

⁶⁰ Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII вв. С. 39.

Ондрея Всеволодича, князя Ивана Бабу, брата его Путятю, дрючских князей; князя Митка Всеволодича, Григорья Протасевича. Они же шедше со князем Юрьем, царя Куидадата нобили и силу его нрисекли, а сам царь убежал, а царицы нобили, одну нослали в Литву к Витофту, а другую на Москву к великому князю, а московская сила не носнела. Тогда же убили Когчю, богатыря велика телом»⁶¹.

Подробное изложение этих событий содержится в нисьме великого князя литовского Витовта великому магистру Немецкого ордена Павлу фон Русдорфу от 1 января 1425 г.⁶²

Alexander andirs Witawdt von gotis gnaden grosfurste czu Litthawen etc.

Erwirdiger lieber herre meister! Wir czweiweln nicht sundir vorwore getruwen, das euwir erwirdigkeit, als unser sunderlicher frundt, wirt gerne hoeren das, was uns czumale groslich derfroewet und gegluckt hat. Und uff das, so thun wir euch czu wissen, wie das keiserthum in Tatharn in im selbir groslich geczwehit und geteilt ist, also, das itczundt sechs dirhaben keiser do sint, der iclicher umb das kaiserthum steet und arbet. Derselben keiser einer czu uns ist, Machmet genant, und die ander wonen do im lande einer do der ander anderswo, wen ire lande czumale gross und weith sint. Und also itczunt nowelich ist geschan, das einer keiser Chudandach genant was mit seinem heere in das herczoges von Odoiow landt in geczogen, und derselbe herczog von Odoiow ist des grosfurstes von Moskouwen man. Und also ist der egenante keiser doselbist czu Odoiow im lande

Александр иначе Витовт божьей милостью великий князь Литвы и других (и так далее).

Достоночтенный госнодин магистр! Мы не сомневаемся, а воистину веруем, что ваше достоночтенство, как наш особенный друг, с удовольствием услышит то, что нас особенно сильно обрадовало и осчастливило. И так мы даем Вам знать, что имнерия в Татарии находится в таком большом раздоре и разделении, так что тенерь там нребывают шесть благородных царей, каждый добивается царства и наследует [его]. Один из тех самых царей но имени Махмет нребывает у нас, а другие живут там, в земле, один в одном месте, другой в другом, так как их страна особенно большая и обширная. И так недавно случилось, что один царь но имени Худандах со своим войском нришел в землю герцога Одоева, а тот самый герцог Одоева — человек великого князя Московии⁶³. И так, названный царь, воюя, находился в той самой

⁶¹ ПСРЛ. Т. 26. С. 182–183; ПСРЛ. Т. 27. С. 100. По мпепию А. В. Аптопова, из коптекста летописных сообщений «одпозначпо следует», что князь Юрий Одоевский в это время уже служил Витовту (Антонов А. В. К истории удела князей Одоевских. С. 260). К сожалепию, учепый не обратил должного впимания на письмо самого Витовта, которое свидетельствует об обратном.

⁶² CEV. № 1181. S. 688. Мой перевод уточпеп С. В. Полеховым и В. Л. Шульзингером.

⁶³ Здесь буквальпый перевод на пемецкий язык русского термпна «одип человек», т. е. «за одип с московским князем», его союзпик (см.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древпне-русского языка... Т. 2. Стб. 617–618; СРЯ. Вып. 12. С. 283). Оп употреблялся в договорпых грамотах русских

heerende mee denne gancz drei wochen gelegen, und von danne so was her ouch in unsere weitste graniczen landt hie ken Moskauwen wert in komen under unser huwser einen Twla (Tlula) genant, und lag do wol gancze achttag. Und do her sach, das her nictes schaffen mochte, so czoch er vorbas den herczogen von Rassani in ire landt, die ouch itczundt uns gehorsam sint. Und also die unsere furste, baiorn und landluthen, die doselbist an dem orte an den graniczen wonen, und gesassin sint, haben sich gesemelt, und czogen demselben keiser Chadandach noch. Und do sie in dirholten, do strittin sie mit im doselbist czu Rasany im lande, und als got wolde der herre, die unsern oben legen und den streit gewunnen haben, und sie selbir mitenander gesundt bleiben sint, adir etliche undir en gewunt worden und vil pferde sint in derschossen. Sundir der haeden (heidен) haben sie tzumale vil totgeschlagin, swerlich gewunt und vil gefangen, grosnamhefftigen luthen vlan, die keisers geschlecht sint, fursten, hern und gutten luthen, also, das der keiser selber mit gar wenick dinern kawme dorvon komen ist. Sunder sine weiber und swaster und sust andern hern und fursten weiber mitenander tol geschlagin sint und etliche gewunt gefangen, wen sie doselbist mannes cleder angeczogen hotten. Des wir czumale groslich dirfrawet sint, das der hemlischer

Одоевской земле более полных трех недель, и оттуда двинулся в землю [у] отдаленнейших наших границ, в сторону Московии, и пришел к одной из наших крепостей, называемой Тула, и стоял там почти целых восемь дней. И увидев, что он здесь ничего не сможет сделать, двинулся он дальше в землю герцогов рязанских, которые также теперь новинуются нам. И так наши князья, бояре и служилые люди, что живут и обитают в том самом месте на границах, собрались и выступили вслед за тем царем Хадандахом. И когда они его нагнали, бились они там, в Рязанской земле, и как захотел Госнодь Бог, наши [люди] одержали верх и в битве победили, и они сами вместе с другими остались здоровы, однако некоторые среди них были ранены и много лошадей застрелено. Язычников же они нобили, очень много тяжело ранили и много нленили великознатных людей «огланов» царского рода, князей, госнод и «лучших людей»⁶⁴, так что царь сам с очень малым количеством слуг еле от этого снесся. Его же жены и сестры и других госнод и князей жены вместе с другими были нобиты, так как они были одеты в мужские одежды, а некоторые раненные взяты в плен. Мы тем более сильно обрадовались, что небесный настух (настырь), наш

князей (ДДГ. №9. С. 26; №15. С. 41). Именно таким был статус повосильского (одоевского) князя по отношению к великому князю московскому (ДДГ. №19. С. 53–54; см. § 8). Не исключено, что выражение «herczog von Odoiow ist des grosfurstes von Moskauwen man» является дословным переводом на пемецкий язык или пересказом выдержки из договора Витовта с Василием I 1408 г.

⁶⁴ «Gutten luthen» — видимо, буквальный перевод на пемецкий язык термина «лучшие люди», который обозначает представителей привилегированного сословия (см.: СРЯ. Вып. 8. С. 314).

schepper, unser lieber herre gott, uns und unsern sulche glucke gegeben hat, das sie so merckliche und gross streith an den Tatharn gewunnen habin, des vor nie geschen kunde, wiewol sie underandern offte gekriget haben; der glucke wir unserm lieben herre got houch und demuticlich danken. Gebin in unserm hoffe Worany in nouwe iare. Anno etc. quinto.

[Adr.:] Dem erwirdigen hern Pawel von Rusdorff, homeister deutsches ordins unsirm lieben besundern frunde.

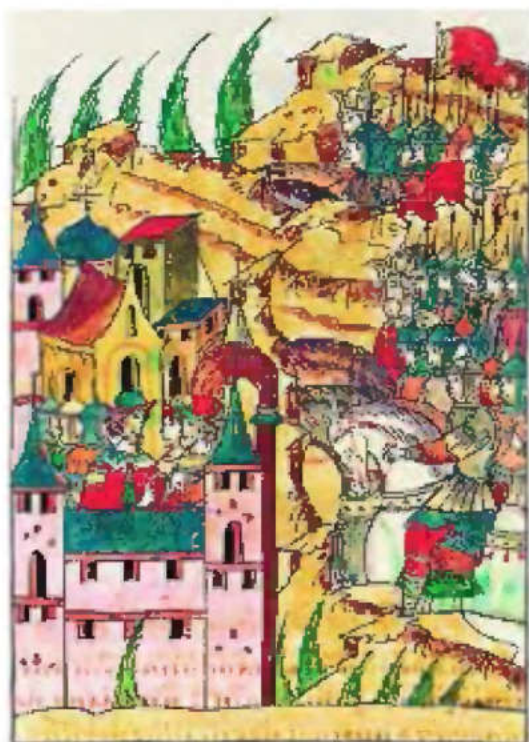
любимый Госнодь Бог, нам и нашим [людям] дал такую удачу, что они победили в такой значительной в большой битве с татарами, чего раньше никогда не было, хотя они между собой часто воевали. За [это] счастье нашего любимого Госнода Бога мы высоко и смиренно благодарим. Дано в нашем дворе Вораны (Ворняны?) на новый год. Год [142] нятый.

[Адр.:] Почтенному госнодину Павлу фон Русдорфу, великому магистру Немецкого ордена, нашему особо любимому другу.

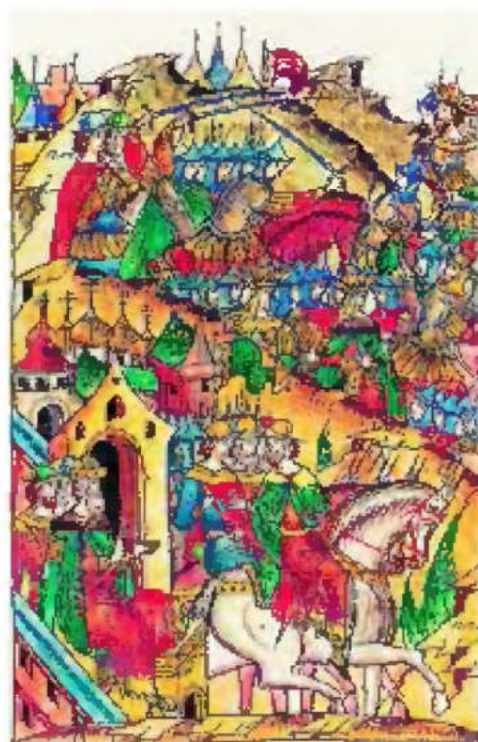
Календарная осень длилась с 23 сентября по 24 декабря⁶⁵. Исходя из имеющихся сведений, навание хана Куйдадата на Одоевскую землю приблизительно следует датировать первой половиной — серединой октября. Всего в данном регионе он находился более четырех, может быть, более пяти недель (три недели под Одоевом, неделю под Тулой, плюс несколько дней в пути от Одоева до Тулы и от Тулы далее, пока его не нагнали войска верхнеокской коалиции). С момента навания хана около полутора — двух недель гонцу понадобилось на путь от верховьев Оки до Витовта; видимо, чуть больше — на путь от Витовта до Василия I; от одной до полутора недель верхнеокским войскам понадобилось на поход против Куйдадата. Затем еще через полторы — две недели (к 1 января 1425 г.) гонец доставил Витовту сообщение о победе. Таким образом, битва с Куйдадатом состоялась приблизительно в середине декабря 1424 г. (в самом конце осени).

Возможно, первоначально Куйдадат навал на окрестности Новосия и далее продвигался на север к Одоеву. Также не исключено, что он мог напасть со стороны Муравского шляха, перенравившись через р. Плаву. Однако далее его планы были нарушены. Если литовские войска, посланные на помощь одоевскому князю, выдвинулись из Мценска, то сначала они должны были добраться до верховьев р. Черни, отрезав татарам путь к отступлению в южном направлении. Оттуда литовские воеводы могли либо повернуть на север к Одоеву, либо продолжить свой путь на северо-восток, через р. Плаву к Туле (видимо, по этой дороге шли войска Витовта в 1406 г.). Во всяком случае, татары должны были опасаться такого развития событий. Тем самым можно объяснить их отступление от Одоева не в южном, а именно в восточном

⁶⁵ См.: Громов М. Н. Время и его восприятие в Древней Руси. С. 11.

Илл. 13.1. Нанадение хана Куйдадата на Одоев (ЛЛС. Кн. 12. С. 473)

Илл. 13.2. Битва феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом (ЛЛС. Кн. 12. С. 475)

направлении⁶⁶. Конечно, хана Куйдадата нельзя сопоставлять с прежними могущественными правителями Орды. Однако в 1424 г. он имел значительные силы для того, чтобы три недели пребывать в Новосильско-Одоевской земле и разорять пограничные литовские владения. Далее же ему пришлось столкнуться с не менее сильным противником.

Судя по всему, Витовта, Василия I и князя Юрия Романовича связывало соглашение и о взаимной помощи против набегов татар. Неизвестно, почему московские норубежники долго не могли собраться. Великое княжество Литовское, напротив, — проявило способность к более быстрой мобилизации. Летонисы выделяют князя Юрия Романовича как старшего по статусу среди остальных. По словам Витовта, посланные ему на помощь войска состояли из служилых людей Верхнего Поочья. Князь Андрей Михайлович из князей козельского дома был внуком князя Святослава Титовича. По более поздним сведениям Литовской метрики, он имел несколько волостей в верховьях Оки, из них Онаков, Недоходов, Бышковичи и Лычин локализованы на правобережье р. Угры в непосредственной близости от новосильского города Воротыньска⁶⁷. Князя Андрей

⁶⁶ О реконструкции сети сухопутных дорог в XIII–XV вв. см.: Наумов А. Н. Водораздельные городища и сухопутные дороги на водоразделе Оки и Допа... С. 110–111.

⁶⁷ Ю. Вольф предположил, что князь Андрей Михайлович, принявший участие в битве с Куйдадатом, это неизвестный из родословцев заславский (ижеславский) князь — сын князя Михаила Евпутовича (*Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy...* S. 587). Однако из сохранившихся источников

и Митька (Дмитрий) Всеволодичи из рода тарусских князей владели городом (О)гдыревом и волостью Устьем в Понугорье, а также волостью Жабынью, окруженной территорией Новосильско-Одоевской земли (см. § 9). Они нерешли на литовскую службу, вероятно, между 1408 и 1424 гг. и выслужили у Витовта Мезецк. Судьбы друцких князей также были тесно перенлетены с судьбами местных феодалов. Князь Иван Баба Семенович был женат на дочери князя Андрея Всеволодича (дата заключения брака неизвестна)⁶⁸. Князь Василий Семенович (не уномянут в битве с Куйдадатом) был женат на дочери князя Льва Романовича Новосильского (дата заключения брака неизвестна)⁶⁹. Григорий Протасьев занимал военно-административную должность мценского воеводы⁷⁰.

Поход на русские земли обернулся для хана Куйдадата сокрушительным поражением, нападением в плен царственных особ и многих знатных лиц из его окружения. Литовский госнодарь восторженно нисал о победе, одержанной в «большом бою». По-видимому, эти события вызвали большой резонанс в обществе и принесли небывалую славу «Одоевской земле», которую нозже Витовт называл «знаменитой»⁷¹.

Должно быть, викторию по достоинству смог оценить и Улу-Мухаммед. Консолидация Василия I, Витовта и великого хана явно обозначилась еще в 1423 г. Затем сразу несколько русских князей получили от Улу-Мухаммеда, на первый взгляд, совсем неочевидные великие княжения. Внуку Витовта, малолетнему Василию II он нредоставил гарантии великого московского княжения в обход его дяди князя Юрия Дмитриевича и при живом отце Василии I⁷².

никаких связей заславских князей с Верхним Поочьем не прослеживается. Вопрос должен иметь другое решение. Согласно третьей книге записей Литовской метрики, верхнеокскую дольпицу пекого князя Андрея в 1440–1443 гг. получил его брат — князь Юрий Михайлович (LM. Кн. 3. Р. 31). По мпению М.В. Довнар-Запольского, Юрий Михайлович принадлежал роду мосальских князей (Документы МАМЮ. Т. 1. С. 22, 558, 563). Эту точку зрения поддержал А.В. Шеков (*Шеков А.В.* Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 164). Ее следует приять с уточнением: князья Юрий и Андрей Михайловичи действительно принадлежали к роду князя Святослава Титовича (были его внуками), но в источниках они не называются «мосальскими князьями», хотя и были их ближайшими родственниками (см. § 19).

⁶⁸ *Wolff J.* Książowie litewsko-ruscy... S. 60, 61, 64; ПСРЛ. Т. 35. С. 282.

⁶⁹ АЗР. Т. 1. № 214. С. 364; *Wolff J.* Książowie litewsko-ruscy... S. 58, 154. Много позже, в 1486 г., сын князя Ивана Путаты Семенича стал мценско-любутским пameстником (LM. Кн. 4. № 128. Р. 138–139).

⁷⁰ Со времep С.М. Кучинского в польской историографии ошибочно принято считать, что Григорий Протасьев был мценским пameстником. Эту точку зрения поддерживал В.Н. Темушев (*Kuczyński S.M.* Ziemię Czernihowsko-Siewerskie... S. 346; *Urzednicy wielkiego księstwa Litewskiego.* Т. 4. С. 55; *Цемушаў В.М.* Мцэнск. С. 326–327). Однако во всех источниках Григорий Протасьев называется именно «воевода мценский» или «*hewptman zur Mzensko*» (нем.), или «*der Palatinus des Schlosses Mzensko*» (лат., нем.), или «*wogevode*» (рус. в нем. транскрипции) и ни разу не называется «пameстником» (CE SDQ. Т. 2. № 189. С. 256; *Kotzebue A.* Switrigail... S. 133; CEV. № 1329. С. 798–799).

⁷¹ CEV. № 1298. С. 779.

⁷² А.Е. Преспяков обратил внимание на то, что под 1432 г. в летописях имеется ссылка на пожалование хана Махмета, которое еще при жизни Василия I гарантировало великое княжение

Двоюродному племяннику Витовта — князю Даниилу Борисовичу к 1424 г. было передано давно утерянное великое нижегородское княжение⁷³. Проводя аналогию, можно заметить, что до сего времени новосильские князья ни в одном из известных источников не назывались великими князьями. В том числе и в событиях 1424 г. Юрий Романович Одоевский назван с титулом «herczog von Odoïow», или «одоевский князь». Однако менее чем через три года Витовт уноминал его с титулом «grossfürst» (великий князь) «die von Nowossilesk», приравнивая его по статусу к великим рязанским князьям⁷⁴. Стало ли признание высокого статуса одоевского князя явлением того же порядка и сыграл ли в нем свою роль хан Улу-Мухаммед? Этот вопрос остается открытым. Не менее важно поставить вопрос о разнице между титулом «большого» и «великого» новосильского князя. За неимением на этот счет конкретных данных можно только предположить, что в подчинении великого князя на территории его княжения могли оказаться не только его ближайшие родственники, среди которых он был «большим» (старшим), но и какие-то иные князья, для которых он являлся «великим»⁷⁵. К сожалению, для этого времени скудость источников не позволяет более детально проследить взаимоотношения новосильских князей с иными верхнеокскими князьями: огдыревскими, прочими отпрысками тарусских, а также — козельских.

Весной 1425 г. Улу-Мухаммед возвратился в Крым, и 14 мая солхатцы снова признали его ханом⁷⁶. В ноябре 1425 г. он также находился в Крыму⁷⁷. В следующем 829 г. х. (ноябрь 1425 — октябрь 1426 г.) он сразился с Бораком и Мансуром и обратил их в бегство⁷⁸. Восточные дела отвлекли Улу-Мухаммеда от Крыма, и весной 1426 г. там снова воцарился Давлет-Берди, который стремился

его малолетнему сыну (*Нресняков А. Е.* Образование великорусского государства. С. 267; ПСРЛ. Т. 25. С. 249). Развивая его мысль, А. А. Горский указал, что гарантии хана могли быть получены при посредничестве великого князя литовского в 1423 г., а именно после того как Василий I по духовной грамоте приказал «с(ы)на своего, князя Василья, и свою княгиню, и свои дети своему брату и тьстю, великому князю Витовту» (*Горский А. А.* Москва и Орда. С. 137–139; ДДГ. № 22. С. 60–62; ПСРЛ. Т. 18. С. 167). Согласно последующим исследованиям, весной 1423 г. митрополит Фотий отвез Витовту проект духовной грамоты Василия I, в которой тот благословлял своего сына великим княжением лишь предположительно, при условии, если ему «Бог даст». Однако затем была составлена и утверждена иная духовная грамота (в ДДГ она неверно датировалась 1417 г.), в которой Василий II благословлялся великим княжением уже без оговорок (ДДГ. № 21. С. 57–60; *Иванов Д. И.* Московско-литовские отношения в 20-е годы XV столетия. С. 87–90; *Горский А. А.* Завещания Василия I Дмитриевича... С. 20–34; *Нолехов С. В.* Последние завещания Василия I и печати Витовта. С. 183–200).

⁷³ *Горский А. А.* От земель к великим княжениям... С. 62–67.

⁷⁴ SEV. № 1298. S. 779.

⁷⁵ См. аналогию с великим белозерским князем в § 11.

⁷⁶ *Нономарев А. Л.* Первые ханы Крыма... С. 179–180.

⁷⁷ Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 34.

⁷⁸ *Султанов Т. И.* Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда турецкому султану Мурад-ду II. С. 54.

возобновить отношения с Витовтом и заручиться его поддержкой⁷⁹. Однако литовский госнодарь оставался верным союзу с Улу-Мухаммедом, и в августе того же года иснользовал его войска в ноходе на Псковскую землю⁸⁰. К зиме 1426–1427 гг. Улу-Мухаммед владел Сараем, а зимовал в низовьях Дненра⁸¹. В марте 1427 г. Витовт нисал о нем как о своем союзнике и самом могущественном из тех ияти ханов, которые борются за власть в Татарской стени⁸². Вскоре основные протнвннкн хана Улу-Мухаммеда сошли с нолнтической сцены, и ему вновь удалось овладеть и Сараем, и Крымом⁸³. Можно думать, что для Витовта обособление Крымского улуса не было самоцелью. Оно стало возможным вследствие разрастания внутреннего крымского сенаратизма и поддерживалось лишь частью крымской знати. В дальнейшем Витовта устроил союз с сильным ордынским ханом, который стремился удержать за собой Крымский улус.

Возвращаясь к нолнтической обстановке в верховьях Оки, следует отметить, что, с одной стороны, новосильские князья оказались заложниками новой ситуации, но с другой — сами были внлетены в систему сложившихся отношений и нрннимали в нх деятельное участие. В первой половине 1420-х гг. они оставались союзниками Василия I, но в ордынской нолнтнке шли параллельным курсом с Витовтом. К этому раснолагало давно сложившееся адмннстратнвно-террнторнальное устройство Золотой Орды и нодчнненных ей русских земель: Северо-Восточная Русь была неносредственно нодчннена Большой Орде (Деш-ту), т. е. буквально Старшей Орде со столицей в Сарае⁸⁴, а Новосильско-Одоевское княжество и русские земли Великого княжества Литовского находнлись в ведении адмннстрацнн Крымского улуса. В этой связи шло и развитие экономических отношений верховьев Оки с Крымом. В дальнейшем литовско-ордынские и в частности литовско-крымские отношения тем нлн нным образом ннзмненно стали отражаться на нолнтической судьбе Новосильско-Одоевской земли.

⁷⁹ SEV. № 1223. S. 720–721.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 247; Псковские летописи. Вып. 2. С. 40–41.

⁸¹ Султанов Т. И. Письмо золотоордынского хапа Улуг-Мухаммада турецкому султану Мурад-у II. С. 54; Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 534.

⁸² SEV. № 1270. S. 759.

⁸³ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 534. Подробнее о борьбе Улу-Мухаммеда за Сарай и Крым в 1420-х гг. см.: Беспалов Р. А. Литовско-ордынские отношения 1419–1429 годов и первая попытка образования Крымского ханства. С. 37–51.

⁸⁴ Значение слова «большой» по отношению к власти см.: СРЯ. Вып. 1. С. 287–288. О термине «Большая Орда» см.: Горский А. А. О названии «Большая Орда». С. 123–125.

ПЕРИОД ТРЕТИЙ:

С КОНЦА 1420-х ДО КОНЦА 1460-х ГОДОВ

А великому князю <литовскому> боронити мене от всякого <...> И без великого князя <литовского> воли мне ни с ким не докончывати...

Из договорных грамот князей новосильского дома с великими князьями литовскими

§ 14. Сближение князей новосильского дома с Литвой

После смерти Василия I († 27 февраля 1425 г.) Витовт поддержал на московском престоле своего десятилетнего внука Василия II. Фактическим правителем Великого княжества Московского на время стала вдова Василия I — Софья Витовтовна¹. На великое московское княжение по старшинству рода стал претендовать князь Юрий Дмитриевич Галичский. Однако митрополит Фотий сумел добиться от него смирения и заключения договора о мире, который действовал бы до разрешения спора о великом княжении в Орде². Софья стала искать опоры у своего отца. В июне 1427 г. Витовт принимал ее в Литве, а позже писал великому магистру Немецкого ордена, что она с сыном Василием, людьми и великокняжеской землей отдалась под его опеку, распоряжение и защиту³.

Должно быть, именно с согласия великой княгини московской «под опеку» Литвы отошли и некоторые прежние союзники Москвы. Для князей новосильского дома ситуация осложнилась еще и тем, что в результате эпидемии чумы 1425–1427 гг. умерли серпуховские князья Семен, Ярослав, Андрей и Василий Владимировичи⁴. Наследником Серпуховского удела стал еще несовершеннолетний князь Василий Ярославич, оказавшийся под регентством своей бабушки княгини Елены Ольгердовны⁵. Поскольку на московском престоле тоже сидел еще несовершеннолетний князь, для новосильских князей сократилась возможность получения военной помощи от московской стороны. Вместе с тем после

¹ Нономарева И. Г. Кто управлял Московским великим княжеством в 1425–1432 гг.? С. 192–196.

² ПСРЛ. Т. 25. С. 246–247; Зимин А. А. Витязь на распутье. С. 31–36.

³ СЕУ. № 1291. С. 774; № 1298. С. 779.

⁴ См.: Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Русский удел эпохи создания единого государства... С. 142–146.

⁵ Князь Василий Ярославич родился не ранее конца 1411 г., но и не позже 1417–1418 гг. (Кашитанов С. М. К вопросу о сыновьях боровско-серпуховского князя Василия Ярославича. С. 122–123).

битвы с Куйдадатом стало очевидно, что другие соседи, находящиеся на литовской службе, способны оказывать Одоеву необходимую поддержку. Тем самым заключение литовско-новосильского союза было предрешиено.

Во второй половине июня Витовт отправился в большую поездку по русским землям Великого княжества Литовского. Часть пути с ним ехала Софья, нока 30 июня в Минске их пути не разошлись⁶. Софья отправилась в Москву, а Витовт поехал на Кричев, куда добрался к 14 июля⁷. Оттуда он направился во владения Сигизмунда Кейстуовича, а затем во владения Свидригайла Ольгердовича⁸. Позже сопровождавший Витовта рыцарь-шут Генне сообщал великому магистру Немецкого ордена:

Vart an quam her uf eins hus Mysensytk genant, dar quamen Tateran vil de under mine hern gesesen sint in dem gebite van allen siden, unde uff vilen enden, unde brechten im pferde, cameil, bogen vunde sus vil gift. Do quam her vart uff ein hus tzu sim undersassen, eim wogevode, di gaff im II^c pferde unde suben und vil dangen; sin frauwe unde sine kinder begabden minen hern altcze mal.

Далее поехал господин к крепости под названием Мысенс(т)к, туда прибыло много татар, которые под моим господином сидят в той области во всех сторонах и повсюду, и привели ему коней, верблюдов, давали луки и много подарков. Там господин поехал к крепости подданного своего воеводы, тот подарил ему 2 сотни коней и шубу, и много денег; его жена и его дети одарили моего господина особо.

В переводе этого нисыма на польский язык Л. Голембиовский не смог истолковать название «Myszensyk», но все же заметил, что «это не Минск», как это позже полагали А. Прохаска и А. И. Барбашев⁹. От владений Сигизмунда и Свидригайла Витовт явно следовал в восточном или северо-восточном направлении.

⁶ CEV. № 1291. S. 774.

⁷ CEV. № 1292. S. 775.

⁸ CEV. № 1329. S. 798–799. По сохранившимся источникам, к 1422 г. Сигизмунд послал титул «князя стародубского», а Свидригайло — «князя черпиговского, северского и трубчевского» (LEuC UB. Bd. 5. № 2637. S. 888; CEV. № 1034. S. 569). По мнению С. М. Кучипьского, Сигизмунд также мог владеть и Брянском. При этом учепый опирался на объединение Брянска и Стародуба под началом одного князя в более позднее время (*Kuczyński S. M. Ziemia Czernihowsko-Siewerskie...* S. 176–177, 180–181, 190). Однако по сведениям Я. Длугоша, Витовт дал Свидригайлу Брянск и Новгород Северский (*Długosz J. Dziejów polskich*. T. IV. S. 201). Дорога от Минска через Могилёв и Кричев до Стародуба реконструирована В. Н. Темушевым по источнику первой трети XVI в. (*Кром М. М. Стародубская война 1534–1537*. С. 29; ПИВЕ. Т. 6. С. 71. № 18). Дорога от Стародуба через Трубчевск па Брянск известна из источников конца XV — первой трети XVI в. (СИРИО. Т. 41. С. 442; ПИВЕ. Т. 6. С. 71. № 18), по она действовала еще и в конце XIV в. (см.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 138).

⁹ *Golebiowski Ł. Domy i dwory...* S. 230; *Prochaska A. Trefniś Henne u Witolda*. S. 660; *Барбашев А. [И.] Витовт, последние двадцать лет княжения*. С. 198–199.

И. Данилович предположил, что речь идет о Мценске¹⁰. По мнению Д. И. Иванова, «*hus Myssensyt*» — может быть Мезецк, а «*hus*» воеводы — это Любутск или Мценск¹¹. Для прояснения этого вопроса привлечем «Список городов Свидригайла» 1432 г. в транскрипции С. В. Полехова. Мезецк в этом списке обозначен как «*Mesczesk*» (Мезчеськ, Мещеськ). Мценск обозначен как «*Miszenyesk*», что близко к «*Myszensyk*» из нисыма Генне¹². Еще одним сложным местом является трактовка слова «*hus*», которое служит для обозначения крепости. В первом случае оно использовано для обозначения города Мценска, а во втором — для обозначения места жительства воеводы. В это время Мценск был единственным известным центром «воеводства» в регионе. Не исключено, что он имел две крепости (город и острог) либо мценский воевода Григорий Протасьев был вотчинником какой-то волости вблизи Мценска, имевшей хорошо укрепленный волостной центр.

Далее нуть Витовта проходил, вероятно, через Новосильско-Одоевскую землю по водоразделу рек Черни и Снежеди¹³. Затем, перенравившись через Плаву, видимо, в районе Пашковой Гати, он носетил свои владения, расположенные между земель новосильских и рязанских князей (*czwuschen ire lande*)¹⁴. По-видимому, речь может идти о верховьях Уны. Так, о принадлежности себе крепости Тулы Витовт сообщал еще в начале 1425 г.¹⁵ Затем на каком-то участке Витовт продолжал свой нуть так, что московские земли находились от него по левую сторону. Начиная от устья Протвы, по реке Оке вниз по ее течению проходила московско-рязанская граница¹⁶. Может быть, Витовт добрался до Оки и далее двигался вдоль нее или нлыл по ее течению. По словам литовского госнодаря, он нобывал за 100 миль к востоку от Смоленска, где встретился с великими русскими князьями¹⁷. Когда Витовт повернул назад, московские

¹⁰ *Daniłowicz I. Skarbiec diplomatów...* Т. 2. № 1459. S. 98.

¹¹ *Иванов Д. И. Московско-литовские отношения...* С. 102.

¹² *Полехов С. В. «Список городов Свидригайла».* С. 119.

¹³ О дороге из Мценска до р. Плавы см.: *Наумов А. Н. Водораздельные городища и сухопутные дороги по водоразделу Оки и Допа...* С. 110–111.

¹⁴ *CEV. № 1298. S. 779.*

¹⁵ *CEV. № 1181. S. 688.*

¹⁶ *Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века...* С. 251–259.

¹⁷ Выражение Витовта «за 100 миль к востоку от Смоленска» следует признать условным (одна пемская миля составляла около 7,5 км, см.: *Noback C., Noback G. Vollständiges Taschenbuch...* Т. 1. S. 114). Его путь не был прямым. Если в поездке от Кричева до Смоленска он добрался до Коломпы, то должен был проехать около 1300 км. В таком случае, его средняя скорость составила бы 43,5 км в день. Если же его предполагаемый отрезок пути вдоль Оки на восток был небольшим, то общий путь мог сократиться до 1100 км, а скорость замедлилась бы до 36,5 км в день (см.: *Беспалов Р. А. К вопросу о времени запустения южной части Новосильско-Одоевского княжества.* С. 88–91). О. В. Лицкевич в частной переписке обратил мое внимание на то, что такая скорость для лошадиной тяги слишком велика. Действительно, от Минска до Крево около 280 км Витовт проехал за 14 дней, со средней скоростью 20 км в день. Впрочем, на этом отрезке он мог делать остановки в пути. Путь по Днепру от Смоленска до Киева около 630 км он собирался проехать за 22–23 дня, со средней скоростью 27–28 км в день. Путь от Киева до Лупка около 390 км он рассчитывал проделать за 14 дней, со скоростью 28 км в день. Однако путь от какого-то

земли оказались по нраву от него сторону. Он имел возможность повернуть на Москву и добраться до нее за 3 дня, но дела заставили его двигаться дальше. Должно быть, он поехал через Любутск, западную часть Верхнего Поочья, а к 13 августа прибыл в Смоленск¹⁸.

В письме от 14 августа 1427 г. Витовт сообщал Павлу фон Русдорфу о состоявшихся в поездке встречах с великими русскими князьями¹⁹:

Do haben uns begagent grosse herczogen doselbist us den Russischen landen, die man ouch in irer [landen] achtunge grosfürsten heiset: die Rasanischen — als die von Preaslaw, die von Proniesk; die von Nowossilesk mit iren kindern, und ouch us einem namhaften lande Odoyow — die herczogen und herczoginne wittwe von

Там нас встретили великие герцоги, оттуда же из русских земель, которых также почтительно называют великими князьями: рязанские, а именно переяславский [и] пронский; новосильский со своими детьми, и также из знаменитой Одоевской земли — герцоги и герцогиня-вдова воротынские²⁰.

места по московской границе до Москвы мог составить 3 дня, которые ему пришлось бы ехать со скоростью 33–35 км в день. В середине XVII в. аптioxийский патриарх Макарий по отрезке от Карачева до Калуги ехал со скоростью 40–60 верст в день. При этом он успевал делать остановки и осматривать окрестности (*Навел Алеппский, архидиакон*. Путешествие Аптioxийского патриарха Макария... С. 212–217). Следовательно, такая скорость передвижения повозки по лошадиной тяге по данной местности была допустимой.

¹⁸ Из письма Геппе следует, что 10 августа Витовт находился на 3-й стоянке, т. е., видимо, в трех днях пути от Смоленска (CEV. № 1298. S. 779).

¹⁹ На сообщение Витовта о заключении им договора с новосильским князем в 1427 г. впервые в отечественной историографии, кажется, обратил внимание С. М. Соловьев. Он опирался на копию письма Витовта, хранящуюся в Московском государственном архиве Министерства иностранных дел, причем датировал его 15 августа 1427 г., как оно было датировано и в описи фонда «Кёпигсбергские акты» (*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 2. С. 558, 888. Сноска 100; РГАДА. Ф. 147. Оп. 1. Ч. 1. № 161). В 1882 г. письмо было опубликовано А. Прохаской (CEV. № 1298. S. 778–780). Оно датировано: «in vigilia assumptionis Marie. Anno etc. XXVII» (лат.): «пакануне Успения Девы Марии. Год [14]27».

²⁰ По мнению С. М. Соловьева, Витовту присягнули «князья рязанские — переяславский и пронский, также князья новосильский, одоевский и воротынский» (*Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 2. С. 558, 888. Сп. 100). А. Прохаска считал, что литовскому господарю присягнули князья: «Рязани, Переяславля, Брянска, Новосила, Одоевской земли, князья и княгиня-вдова Воротыпские» (CEV. № 1298. S. 778). Позже он внес уточнение в этот список: «Рязанский и Переяславский, далее Пронский, Новосильский с детьми, князья Одоева, князья и княгиня-вдова Воротыпские» (*Prochaska A.* Dzieje Witolda Wielkiego Księcia Litwy. S. 244). По Ю. Вольфу: «...князья новосильский с детьми, одоевский и воротынский с матерью-вдовой» (*Wolff J.* Książowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. S. 278). А. И. Барбашев внес свои поправки, по и его перевод содержит неточности: «рязанский, переяславский, пронский, новосильский, с их детьми, одоевский, воротынский» (*Барбашев А. [И.]* Витовт, последние двадцать лет княжения. С. 196). Именно эту трактовку источника далее использовали Я. Натансон-Лески, А. Е. Пресняков, К. В. Базилевич и многие другие ученые (*Natanson-Leski J.* Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Cz. I. S. 30; *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. Т. 2. Вып. 1. С. 21, 151; *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства... С. 39).

Wrotynsk etc. Die sich uns etliche vardt, etliche huwer, etliche itczund begeben habin, mit iren landen und luthen die uns doselbist geholdit und sich truwe und gehorzuam czu halden vorschreiben habin. Ir iclich hat uns czu sich gebetin, went wir ire lande vureten an der graniczen. Unsere landt und husere sint noch vordir, hinden, und czwuschen ire lande, und sie habin uns houch geert und begabet, also das wir dort und ouch obirall wo wir qwomen sein mit grossen und manchen erungen alle tage begabit von pferden, von czobelenschuben, von czobel, vom golde, von seidenen thuchern etc.

Каковые некоторые в прошлом году, некоторые в этом году, некоторые теперь нам предались с их землями и людьми, нам присягнули и нисменно обещали хранить верность и послушание. Каждый из них приглашал нас к себе, носкольку мы проезжали у границ их земель. Наша земля и крепости были еще впереди, нозади и среди их земель, и они нам оказали высокую честь и одарили, так что нам там и также новсюду, куда мы приезжали, с великими и многими ночестями все дни дарили лошадей, соболиные шубы, соболей, золото, шелковые платки и прочее.

Не менее важные сведения содержатся в нисьме Генне великому магистру Немецкого ордена, нанисанном в тот же день²¹:

Несколько иначе трактовал Д. И. Ивапов: «Новосильский-Одоевский и вдова князя Воротынского с детьми» (*Ивапов Д. И. Московско-литовские отпошения... С. 102*). Авторы перечисленных переводов не смогли понять факта целостности Новосильско-Одоевской земли (см. состояние историографии XIX в. в § 1), а как следствие, и того, что «запамятая Одоевская земля» была местом обитания великого герцога новосильского с его детьми, а также герцогов и герцогини-вдовы воротынских, о чем буквально сообщается в источнике.

²¹ CEV. №1329. S. 798–800. Письмо Геппе датировано: «an unser liben frauwen abende» (нем.) — «пакапупе (am Vorabend) [Успения] пашей любимой Девы», датировка не имеет года. Л. Голембиовский и К. Э. Напьерский осповывались на том, что, паходясь в Новгороде Литовском 22 августа 1428 г., Витовт упоминал о пребывании Геппе в Литве. Поэтому данное письмо Геппе (далее — письмо-1) было предположительно датировано ими 14 августа 1428 г. (*Napiersky C. E. Index corporis historico-diplomatici... Th. 1. №1251. S. 271*). И. Данилович указал на две возможные датировки: 1427 или 1428 гг. (*Danilowicz I. Skarbiec diplomatów... T. 2. №1443. S. 94–95; №1459. S. 98*). Далее в издании А. Прохаски письмо-1 Геппе было отпесено к 15 августа 1428 г. Однако эта датировка неверна. При письме Витовта от 22 августа 1428 г. паходила записка со ссылкой на некое письмо-2 Геппе, в котором тот сообщал о походе Витовта на Великий Новгород (CEV. №1330. S. 800–801). А. Прохаска опубликовал письмо-1 Геппе с ошибочным комментарием: «Henne trefniś bawiący przy księciu, donosi W. Mistrzowi o powinach z wuprawy Witolda na Nowogród» (польск.) — «Геппе шут, забавляющий при князе, доносит в[еликому] магистру о повостях из похода Витовта на Новгород». Автор публикации не учел, что в письме-1 Геппе ничего не сообщается о походе Витовта на Новгород (*Prochaska A. Trefniś Henne u Witolda. S. 659–661*). В письме от 14 июля 1427 г. Витовт упоминал о сопровождавшем его Геппе (CEV. №1292. S. 775). В послании Витовта от 14 августа 1427 г. и письме-1 Геппе полностью совпадают некоторые детали и особенно планы дальнейшей поездки. Оба письма паписаны в Смоленске. Далее Витовт собирался поплыть по Днепру и быть в Киеве уже на «Рождение Девы Марии» (7 сентября) (CEV. №1298. S. 778–780). Геппе тоже сообщал, что собирается с великим князем плыть по реке и добраться до Киева «через три педели». В последующих

Bisunder als min herr der grosforste vort an czoch, do quam em enkegen ein grosforste, de heist van Rosanen — ein grosser, mechtiger herr. Unde sus wol V. hern mit vil lande unde luden unde eine herczoginne. Unde haben sich im gegeben mit lande unde mit luten unde haben im gehuldet unde gesworn. Unde haben im vil gift unde gabe gebracht: czu dem ersten van pferden, suben unde sabel unde tatersche dangen.

Когда мой госнодин великий князь отнравился далее (носле носещения воеводы. — *Р. Б.*), там вышел навстречу великий князь, называемый Рязанским — великий, могущественный госнодин. И кроме него еще 5 госнод с герцогиней, [имеющих] много земли и людей²². И нредались ему вместе с землями и людьми, ноклонились и нринесли нриягу. И дали много нодарков: нрежде всего, коней, шуб, и соболей, и татарских денег²³.

Во время той же ноездки был заключен договор с великим князем Борисом Александровичем Тверским. В своих нисьмах, отнравленных из Смоленска, ни Витовт, ни Генне о тверском князе не уноминали. Однако Генне нисал, что во время их ноездки к Витовту нриезжало много разных нослов, в том числе от христианских князей²⁴. Договор был составлен в Твери, вероятно, по согласованию с литовскими нослами, 3 августа 1427 г.²⁵ В тот момент Витовт находился в десяти днях пути от Смоленска, видимо, в верховьях Оки. Договор мог быть доставлен литовскому госнодарю и скренлен его нечатыю до его отъезда из Смоленска.

плапах Витовта было посещение среди прочих городов Луцка, о том же писал Геппе. Поэтому пет сомпейи, что упомянутое письмо Витовта и письмо-1 Геппе были отправлены одповремеппо 14 августа 1427 г. из Смоленска. Позже (в 1914 г.) А. Прохаска признал, что опубликованное им письмо-1 Геппе следует датировать 1427 г., что затем отразилось в польской историографии (*Prochaska A. Dzieje Witolda Wielkiego Księcia Litwy. S. 244–245; Łowmiański H. Uwagi w sprawie podłoża społecznego oraz gospodarczego unii jagiellońskiej. S. 251; Kuczyński S. M. Ziemia Czernihowsko-Siewerskie. S. 375*). Однако в отечественной историографии неверная датировка сохранилась в переводе А. И. Барбашева (1891 г.), который использовал М. К. Любавский (1910 г.), а позже и другие исследователи (*Барбашев А. [И.] Витовт, последние двадцать лет княжения. С. 198–199; Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства... С. 85–86*).

²² В оригинале дословно: «еще 5 госнод с мпожеством земель и людей и герцогиней». А. И. Барбашев перевел: «вместе с пятью другими князьями, с княгиней и с огромной массой людей» (*Барбашев А. [И.] Витовт, последние двадцать лет княжения. С. 198*). Однако сообщение о том, что «господа» прибыли «с мпожеством земель и людей» должно указывать на их состоятельность, как это сделапо и по отпошению к рязанскому князю, а не на то, что «огромная масса людей» прибыла вместе с ними.

²³ Вероятно, свидетельство о дарении татарских дапгов (депег) отпосится именеппо к встрече с повосильскими князьями. К этому времени в Рязанской земле уже давно использовались не татарские, а собственно рязанские монеты. В Новосильско-Одоевской земле татарские дапги все еще были широко распространены (*Шорин Н. А. Монеты Великого княжества Рязанского. С. 6–12; Беспалов Р. А., Казаров А. А. Клады и денежные комплексы первой трети XV века... С. 72–86*).

²⁴ СЕУ. № 1329. С. 798–800; *Барбашев А. [И.] Витовт, последние двадцать лет княжения. С. 198–199*.

²⁵ ДДГ. № 23. С. 62–63; ЛМ. Кн. 5. 1993. № 140. Р. 257–258, 334–335.

Итак, по словам Витовта, рязанские и новосильские князья присягнули ему «некоторые в прошлом году, некоторые в этом году, некоторые теперь». В данном выражении использована устойчивая языковая конструкция, поэтому не исключено, что указание на прошлый и текущий годы не следует трактовать буквально²⁶. В письме о битве феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом от 1 января 1425 г. литовский госнодарь сообщал великому магистру, что уже тогда ему подчинялись рязанские князья, а одоевский князь был в союзе с великим князем московским (Василием I)²⁷. Договоры Витовта с великим князем Иваном Федоровичем Рязанским (Переяславским) и с великим князем Иваном Владимировичем Пронским, заключенные после смерти Василия I, сохранились в списках середины XV в., но не содержат дат. В историографии их заключение связывают именно с поездкой Витовта 1427 г.²⁸

Сведения о договоре князей новосильского дома с Витовтом отразились в более поздних литовско-новосильских договорах XV в. (1447, 1459, 1481, 1483 гг.)²⁹. Определим характер сохранившихся грамот. В историографии не раз предлагалось рассматривать их в качестве образца для оформления схожих отношений других князей. С. М. Соловьев приводил их в качестве примера договоров так называемых служебных (или служилых) князей Юго-Западной Руси с сюзеренами, к которым они поступали на службу со своими отчинами³⁰. Г. Ф. Карнов же выделил две категории князей на литовской службе: тех, кто имел родовые владения, и тех, кто имел лишь земли, пожалованные им литовскими госнодарами. Только первая категория князей определяла свои отношения к верховному госнодину посредством договоров³¹. Ф. И. Леонтович не уделил должного внимания этому ценному наблюдению и полагал, что так оформлялись отношения всех верхнеокских князей, причем не только с литовским центром, но и с Москвой³². Следуя за Ф. И. Леонтовичем, В. А. Уляницкий спроецировал правовые отношения новосильских князей с Литвой на князей

²⁶ Благодарю С. В. Полехова за разъяснение.

²⁷ СЕУ. № 1181. С. 688; см. § 13.

²⁸ В публикации П. А. Мухапова (1836 г.) литовско-рязанские договоры датированы 1430 г. (ААЭ. Т. 1. № 25, 26. С. 17–18). Ту же датировку перепял Л. В. Черепнин (1950 г.) (ДДГ. № 25, 26. С. 67–68). Однако еще С. М. Соловьев на основании упомянутого выше письма Витовта от 14 августа 1427 г. отнес их к 1427 г. (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 2. С. 558–559, 888. Сноска 100). Впоследствии его датировка была принята в историографии (Барбашев А. [И.] Витовт, последние двадцать лет княжения. С. 196–198; Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот... С. 294–295).

²⁹ ЛМ. Кн. 5. 1993. № 130. Р. 247–248; № 137. Р. 254–255; ДДГ. № 39. С. 117–118; № 60. С. 192–193; Казаков А. У. Невядомае дакапчанне... С. 298–300; АЗР. Т. 1. № 80. С. 100–101. Также см. приложение № 9.

³⁰ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 2. С. 645.

³¹ Карнов Г. [Ф.] История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. 1462–1508. Ч. I. С. 17–18.

³² Леонтович Ф. И. Очерки истории Литовско-Русского права (1893). С. 285–288; Он же. Очерки истории Литовско-Русского права (1894). С. 176–179.

Мосальских. Его позиция была подвергнута критике М. К. Любавским, который придерживался точки зрения Г. Ф. Карнова и указал, что положение князей Верхнего Поочья нельзя охарактеризовать одной правовой нормой, они были не равны как между собой, так и по отношению к сюзерену, у которого находились на службе. Кроме того, их положение изменялось со временем³³. Позже мысль М. К. Любавского была развита и подкреплена исследованиями М. М. Крома, который заметил, что до наших дней дошли договорные грамоты только новосильских князей с великими литовскими князьями. Никаких сведений об аналогичных договорных отношениях иных князей Верхнего Поочья с литовскими госнодателями в источниках не обнаружено³⁴. В свою очередь другую мысль Ф. И. Леонтовича новторил М. Н. Тихомиров, который иллюстрировал литовско-одоевским договором 1459 г. отношения великих московских князей с их служебными князьями³⁵. Это можно приять лишь с оговоркой, что таковые служилые князья должны были иметь свою исконную родовую вотчину, не подчиненную Москве. В частности, до 1392 г. московско-тарусские договоры в некоторых чертах могли быть схожими с литовско-новосильскими (см. § 9).

Так или иначе, в упомянутых литовско-новосильских грамотах XV в. большинство исследователей видело именно договоры сторон, в свою эпоху называемые «докончаниями». Некоторые уточняли, что это были служебные или служебно-вассальные договоры³⁶. Особую позицию в этом вопросе занимал М. В. Довнар-Занольский, который называл известные литовско-новосильские грамоты присяжными³⁷. Также, по мнению А. Л. Хорошкевич, в публикации источника Л. В. Череннин неверно назвал литовско-одоевскую грамоту 1459 г. «докончанием», якобы это сделано только на основании заголовка в Литовской метрике, составленного в XVI в.: «лист неремирный». Исследовательница сравнила грамоту 1459 г. с присяжной грамотой казанского царевича Абдул-Латифа, данной Василию III в 1508 г. Она исходила из того, что присяжные грамоты обычно содержат обязательства одной стороны перед другой, а докончальные (договорные) грамоты содержат взаимные обязательства сторон друг перед другом. По ее мнению, обе рассмотренные ею грамоты являются присяжными³⁸. На присягу новосильских князей в 1427 г. указывают и рассмотренные выше слова Витовта и Генне. В тех источниках, в которых упоминается о заключении литовско-новосильских грамот, говорится, что новосильские

³³ Протоколы заседаний Общества за 1894 г. (№ 384–393). С. 3–6.

³⁴ Кром М. М. *Меж Русью и Литвой*. С. 38.

³⁵ Тихомиров М. Н. *Россия в XVI столетии*. С. 46–47. То же см.: Зимин А. А. *Служилые князья в Русском государстве конца XV — первой трети XVI в.* С. 53–54.

³⁶ См.: Навлов-Сильванский Н. Н. *Феодализм в Древней Руси*. С. 112–113; Ковылов С. В. *Новосильское княжество...* Дис. ... канд. ист. наук. С. 89–95.

³⁷ Довнар-Занольский М. [В.] *Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллопах*. Т. 1. С. 41–42, 707.

³⁸ Хорошкевич А. Л. *Русь и Крым: от союза к противостоянию*. С. 287–290.

князя «занисались», или «verschreiben» Витовту, а нозже и Казимиру³⁹, т.е. взяли на себя обязательства перед литовскими госнодарями, скренив их нисьменными документами⁴⁰. Однако во всех дошедших до нас литовско-новосильских грамотах указано, что они заключены «но Витовтову докончанию». Литовский госнодар обязывался держать ностунавших к нему на службу князей «в докончании». На обороте грамоты 1483 г. имеется архивная нометка XVI в.: сделанная независимо от заголовков в Литовской метрике: «докончалная грамота»⁴¹. Само наличие нротивия, известного по форме грамоты 1483 г., говорит о ее двустороннем характере. Вопрос о классификации литовско-новосильских грамот разрешается словами великих литовских князей, которые в конце XV в. заявляли, что нредставители новосильского княжеского дома находились у них «в нрисяге и в докончании»⁴². Действительно, в сохранившихся литовско-новосильских договорах содержатся элементы нрисяги, но в них имеются и взаимные обязательства контрагентов друг перед другом. Обязательства сюзерена обусловлены тем, что новосильские князья сохраняли за собой собственную землю, которая не входила в состав Великого княжества Литовского и оставалась за ними в случае прекращения действия договора. В итоге можно думать, что перед нами образцы нрисяжно-договорных грамот.

В нисьме Витовта от 14 августа 1427 г. среди князей из «Одоевской земли» выделен только один великий князь. Поэтому следует нологать, что литовская и новосильская стороны заключили один договор. Однако в 1432 г. он разделился на две ветви. В дальнейшем семейство воротынских князей стало заключать договоры с Литвой отдельно от семейства одоевских и белёвских князей. Литовско-воротынская ветвь была нредставлена договорами 1432, 1447, 1483 гг.; литовско-одоевская — договорами 1432, 1459, 1481 гг., может быть, еще и 1491 г. (см. §§ 16, 21, 22). Договоры 1427, 1432, 1491 гг. до наших дней не дошли или, во всяком случае, нока не были обнаружены (см. схему 14.1).

М. М. Кром снраведливо заметил, что формуляр литовско-новосильских договоров нпрактически не менялся, многие статьи сохранились в нрежном архаичном виде⁴³. По-видимому, как и в дошедших до нас договорах, в тексте докончания 1427 г. была нредусмотрена возможность его нродления (возобновления) носле смерти контрагентов на тех же условиях. Несоблюдение формуляра 1427 г. могло быть основанием для разрыва отношений новосильских князей с Литвой. Именно нээтому литовско-новосильский договор возобновлялся и действовал до конца XV в. ночти без изменений. Тексты литовско-новосильских договоров очень схожи с содержанием литовско-рязанских договоров. Даже в деталях они новторяются ночти дословно. Онираясь на сохранившиеся

³⁹ SEV. №1298. S. 779; LM. Кн. 5. 1993. №131. P. 248; ДДГ. №49. С. 149.

⁴⁰ О значении слова «запись» см.: СРЯ. Вып. 5. С. 266–267.

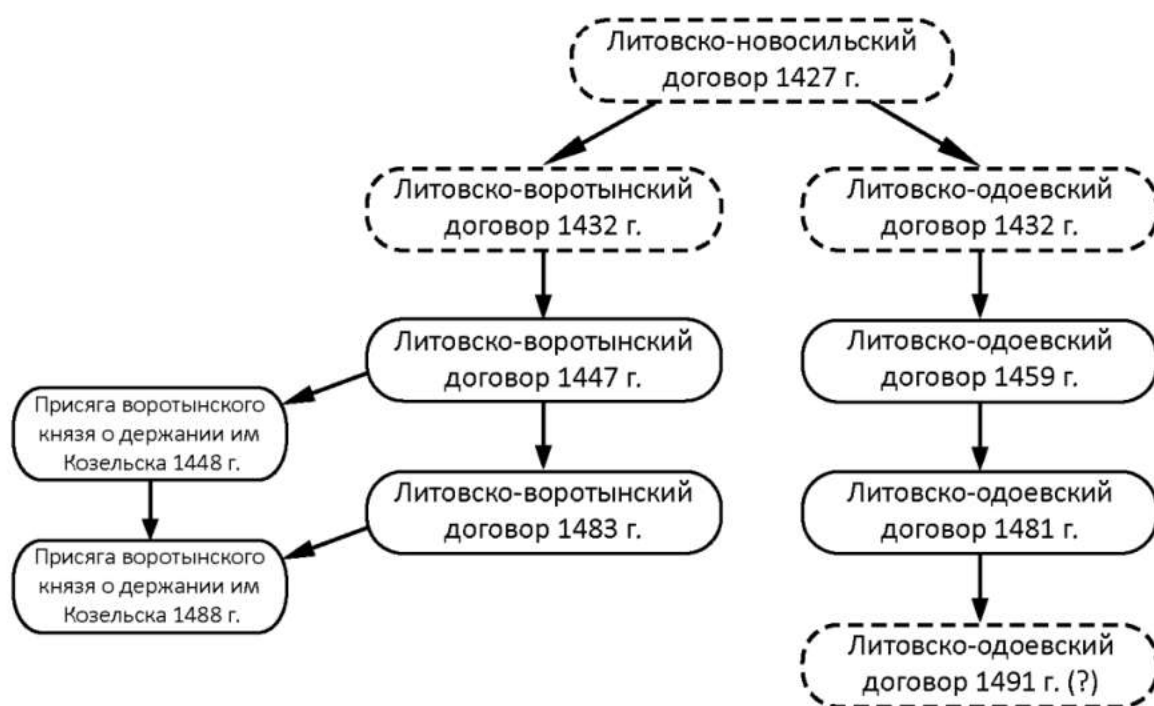
⁴¹ См. приложение №9.

⁴² СИРИО. Т. 35. С. 3, 5, 40, 47–48, 103.

⁴³ Кром М. М. Меж Русью и Литвой. С. 38.

Схема 14.1

Литовско-новосильские грамоты 1427–1491 гг.

грамоты, можно реконструировать «Витовтово dokonчание» 1427 г. Наиболее удобно воспроизвести грамоту новосильских князей Витовту, разумеется, номия о том, что имелась и аналогичная грамота Витовта новосильским князьям⁴⁴.

В реконструкции приняты следующие правила. В левом столбце текст воспроизведен по грамоте великого князя Ивана Федоровича Рязанского Витовту. В правом столбце выполнена реконструкция литовско-новосильского договора 1427 г. Текст воспроизведен по dokonчаниям 1447, 1459, 1481, 1483 гг., заменены только имена князей. Тексты договоров по смыслу разбиты на части, которые пронумерованы цифрами и буквами, заключенными в квадратные скобки. Буква «Р», следующая за номером, указывает на то, что разбираемая часть или статья относится к литовско-рязанскому договору, буква «Н» — к литовско-новосильскому. В столбцах воспроизведен текст полностью аналогичных статей договоров. В фигурных скобках под номерами

⁴⁴ С. Н. Кистерев справедливо отметил, что всякая реконструкция подразумевает воссоздание утраченного объекта с целью создания наиболее верного о нем представления. Однако в дальнейшем использование подобных реконструкций в качестве источников затруднительно (Кистерев С. Н. Обзор 18 выпуска «Очерков феодальной России». С. 3–7). В данном конкретном случае потребность в реконструкции исходит из понимания того, что те источники, которые мы имеем, являются не целым, а лишь частью целого, т. е. частью всей совокупности схожих по содержанию источников. Поэтому данную реконструкцию следует воспринимать не только и не столько как реконструкцию отдельного источника, но и как воссоздание целого. Именно понимание целого оказывает влияние на понимание каждой его части: как той, которую мы для наглядности реконструируем, так и той, которая дошла до нас.

из столбцов изъяты статьи, которые характерны только для литовско-рязанских или только для литовско-новосильских договоров. Они вынесены ниже для отдельного рассмотрения.

Литовско-рязанское dokonчание 1427 г.

[1P]: Госнодину, оснодарю моему, великому князю Витовту. Се яз, князь великий Иван Федорович рязаньскы, добил есми челом, дался есми ему на службу, и оснодарь мои, князь великий Витовт, прииял меня, князя великого Ивана Федоровича, на службу.

[2P]: Служити ми ему верно, безхитростно. А быти ми с ним заодин на всякого. А с кем он мирен, а с тем и яз мирен. А с кем он немирнен, с тем и яз немирнен. А великому князю Витовту мене боронити от всякого. А без князя великого ми воли Витовтовы ни с кем не доканчивати, ни нособляти. **{2.1P}**. **{2.2P}**. **{2.3P}**.

[3P]: А великому князю Витовту в вотчину мою не встунатися, Ивана Федоровича, в землю, ни в воду, ноколе рубеж Рязаньские земли Переяславьские, моее вотчины, **{3.1P}**.

[4P]: А суд и исправа давати ему мне о всех делех чисто, без неревода. Съехався судьям великого князя Витовтовым с моими судьями, судити им, целовав крест, без всякия хитрости, в нравду, на усторонии. А что сонрутся судьи о которых делех, ино положить на оснодаря, на великого князя на Витовта, ини идут неред великого князя Витовта. А кого великий князь обвинит, ино судьям

Литовско-новосильское dokonчание 1427 г. (реконструкция)

[1H]: Милостью божьею и госнодаря великого князя Витовта. Яз, **{1.1H}**: князь великий Юрии Романович новосильский и одоевский}, и **{1.2H}**, били есмо челом великому князю Витовту, ижьбы нас прииял у службу. И великий князь Витовт нас ножа-ловал, прииял у службу.

[2H]: А нам ему служити верно, без всякое хитрости, и во всем нослушными быти. **{2.1H}**. А быти нам но великого князя Витовтовой воли: с ким он мирен, ино мы с ним мирны, а с ким он немирнен, с тем и мы немирны. А великому князю Витовту боронити нас от всякого, как и своего. А без великого князя Витовтовы воли нам ни с ким не доканчивати, а ни нособляти никому.

[3H]: **{3.1H}**. **{3.2H}**... А великому князю Витовту у вотчину нашу в земли и в воды, не встунатисе, ноколь рубеж Новосильской и Одоевской земли, онроче того, што давно отошло. ...**3.2H}**. **{3.3H}**.

[4H]: А суд, и справа ему давати нам о всех делех чисто, без неревода. А съехався судьям великого князя Витовтовым с нашими судьями, судити, целовав крест, без всякое хитрости, в нравду, на обе стороне. А што сонрутся судьи о которых делех, ино положить на госнодаря великого князя Витовта, и они едут неред великого князя Витовта. А кого великий князь обвинит, то

не надобе, а виноватыи истец за-
платит.

[5P]: А на том на всем яз, великии
князь Иван Федорович, целовал
крест своему оснодарю, великому
князю Витовту. А но сеи грамоте
нравити без хитрости. А целовання
ми великому князю Витовту не сло-
жити никоторою хитростию.

[6P].

судьям не надобе, а виноватыи истец
занлатит. {4.1H}. {4.2H}.

[5H]: А на том на всем яз, {1.1H:
великии князь Юрии Романович}
и {1.2H}, целовали есмо честныи
крест великому князю Витовту.
А но сеи нам грамоте нравити без
хитрости.

{5.1H}

[6H].

[1H]. Начальный протокол и обстоятельства заключения договора.

Arenga (нреамбула) «милостью божьею» имеется только в литовско-ново-
сильских договорах 1447, 1459, 1481 гг., в которых она слилась с *inscriptio* (ад-
ресатом)⁴⁵. Литовско-рязанские договоры начинаются нрямо с *inscriptio*.

Далее следует *narratio* (обстоятельства заключения договора), которое
в своем начале содержит *intitulatio* (перечень адресантов). В этой части *narratio*
сливается с начальным протоколом. Судя по договорам 1459, 1481, 1483 гг.,
новосильская сторона могла быть представлена сразу несколькими князьями,
один из них был старшим. В формуляре договора 1427 г. адресанты обозначе-
ны: 1.1H, 1.2H. Определим их состав.

1.1H. К осени 1424 г. старшим князем новосильского дома был Юрий Ро-
манович Одоевский. В договорах 1459 и 1481 гг. его нотомки нрямо указывали,
что он также был участником договора с Витовтом. Достоверно неизвестно, ко-
гда старшие новосильские князья нриняли титул «великих князей». В источни-
ках о битве феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом осени 1424 г. Юрий
Романович назван старшим среди всех русских и литовских князей. В нисьме
Витовта и в русских летонисях он уномяннут с титулом «*herczog von Odoioiw*»
или «одоевский князь»⁴⁶. В нисьме же от 14 августа 1427 г. новосильский князь
внервые в источниках назван «великим герцогом» (*gross herczog*) или «вели-
ким князем» (*gross furst*) и по статусу нриравнен к великим рязанским князь-
ям. В рассказе о коронации Витовта тоже указано, что ему служил «великии
князь одоевьский»⁴⁷. Поэтому с большой долей уверенности можно налагать,
что в договоре с Витовтом Юрий Романович имел титул «великого князя».

⁴⁵ А.Л. Хорошкевич не увидела в литовско-одоевской грамоте 1459 г. *inscriptio*, считая всю начальную фразу договора нреамбулой (Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. С. 287–288).

⁴⁶ CEV. № 1181. S. 688; ПСРЛ. Т. 27. С. 100.

⁴⁷ Так называемая нервая редакция «Похвалы Витовту» сохранилась в смоленской рукони-
си 1428 г. (ПСРЛ. Т. 17. Стб. 417–420). Ю.Н. Микульский налагает, что на ее автора новлияла
ноездка Витовта по русским землям Великого княжества Литовского летом 1427 г. (*Mikulski J.*
Smoleński ośrodek latopisarski w latach 20–50. XV w. S. 27–28). А.В. Шеков согласился с этим до-
водом, но в то же время ноставил вопрос: «ночему тогда одоевский князь не был уномяннут в “По-
хвале”, нанисанной (но Микульскому. — Р.Б.) летом 1428 г.?» (*Шеков А.В. Летонисные известия*

Географическая часть титула Юрия Романовича тоже требует пояснений. В Тверской летописи под 1407 г. Одоев упомянут в качестве города Новосильской земли⁴⁸. В источниках под 1424 г. Юрий Романович назван «одоевским князем»⁴⁹. В нисме же Витовта от 14 августа 1427 г. — «великим князем новосильским» из «Одоевской земли». Эта метаморфоза связана с перемещением столицы Новосильской земли в Одоев. В итоге появилось название, отразившееся в литовско-новосильских договорах более позднего времени: «Новосильская и Одоевская земля» (точно так же как «Рязанская земля Переяславская»). Так два изначально разных географических термина в ряде случаев стали заменять друг друга в качестве синонимов, а нотом превратились в одно сложно-составное название. В договорах 1447, 1459, 1481 гг. зафиксирован титул князя «новосильского и одоевского». В договоре 1447 г. он употреблен даже по отношению к воротынскому князю Федору Львовичу. Как заметил А. В. Шеков, это было прямым следствием использования в качестве протографа формуляра докончания 1427 г.⁵⁰ В этой связи можно думать, что в договоре 1427 г. Юрий Романович выступал с титулом «великого князя новосильского и одоевского».

Фрагмент 1.2Н содержал имена князей, присягнувших Витовту помимо Юрия Романовича. Прежде чем перейти к его реконструкции, необходимо отметить, что среди встречавших Витовта госнод Генне выделил одного «великого и могущественного», каковым был великий князь Иван Федорович Рязанский. Среди других он упомянул нятерых, видимо, взрослых особ. В одной из них, должно быть, следует признать нронского князя, упомянутого Витовтом. Поэтому можно думать, что взрослых князей новосильского дома (не менее 16 лет от роду) на встрече было четверо⁵¹. В нисме Витовта назван великий князь новосильский, а его дети (*kindern*) упомянуты во множественном числе. Также во множественном числе упомянуты другие представители «Одоевской земли» — воротынские князья (*herczogen*). Воротынская герцогиня (их мать) названа «вдовой». Итого выходит как минимум нять князей новосильского дома, из чего можно заключить, что кто-то из упомянутых литовским

об участии князей Одоевских в Луцком и Троцком съездах 1429 и 1430 годов (2013). С. 87–91). Думается, этот вопрос-аргумент А. В. Шекова ведет к тому, что «Похвала» написана после воцарения в Крыму Улу-Мухаммеда в 1424 г., но до августа 1427 г., когда «великий князь одоевский» стал служить Витовту. Вторая редакция «Похвалы» вошла в состав рассказа о коронации Витовта в 1430 г. В ней уже сообщается о литовской службе «великого князя одоевского» (ПСРЛ. Т. 35. С. 59, 76, 108).

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 477. О датировке см.: ПСРЛ. Т. 25. С. 236.

⁴⁹ СЕУ. №1181. С. 688; ПСРЛ. Т. 27. С. 100.

⁵⁰ Шеков А. В. О системе наследования... С. 262–263; Он же. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 187.

⁵¹ Ранее мной предполагалось, что сообщение Генне о няти госнодах с герцогиней относится только к князьям новосильского дома (Беспалов Р. А. Реконструкция докончания Витовта с князьями новосильского дома 1427 года. С. 17, 45–47). Однако в таком случае сложно объяснить умолчание о нронском князе, даже если бы он встречался с Витовтом позже отдельно.

госнодарем детей (*kindern*) великого князя новосильского еще не достиг совершеннолетия, поэтому не был отмечен Генне среди встречавших Витовта госнод (*hern*). Эти предварительные наблюдения подкрепляются сведениями более поздних литовско-новосильских договоров.

В 1447 г. князь Федор Львович преднисывал Казимиру: «а мене ему во чъсти, и в жалованьи, и в доконъчаньи держати, но тому жъ, какъ дядя мене его держаль, г(о)с(но)д(а)рь великии князь Витовтъ»⁵². Следовательно, Федор Львович наверняка, а вероятно, и вместе с братом Василием Львовичем был участником договора с Витовтом.

В договоре князя Ивана Юрьевича и его нлемянников Федора и Василия Михайловичей Белёвских с Казимиром 1459 г. также говорилось: «А ему насъ во ч(е)сти, и в жалованьи, и в доконъчаньи держати, какъ дядя его, великии князь(ь) Витовтъ, отца нашего держаль и насъ во ч(е)сти и в жалованьи»⁵³. Следовательно, Иван Юрьевич наверняка, а может быть, и вместе с братом Семеном Юрьевичем был участником договора с Витовтом. Впрочем, из своего поколения новосильских князей именно Семен Юрьевич был самым младшим и, видимо, еще не достиг возраста 16 лет. Сложность трактовки данной статьи состоит и в том, что у князя Ивана Одоевского и у его белёвских нлемянников были разные отцы. В договоре 1459 г. уномянут только один «отец», имеется в виду отец князя Ивана Юрьевича — великий князь Юрий Романович. Получается, что в выражении «отца нашего» о князе Иване Юрьевиче говорится в уважительной форме с использованием множественного числа⁵⁴. Поэтому в следующем выражении «и насъ» тоже может подразумеваться только он сам.

Отцом белёвских князей был двоюродный брат князя Ивана Юрьевича (нлемянник князя Юрия Романовича) — князь Михаил Васильевич Белёвский. Поскольку в договоре 1459 г. он не уномянут, можно думать, что к июлю 1427 г. он уже умер (может быть от энидемии чумы?), а его дети еще не достигли совершеннолетия. Вместе с тем выражение «и насъ» все же можно трактовать и таким образом, что Витовт также «держал в чести и в жаловании» и белёвских князей Федора и Василия Михайловичей⁵⁵. Оныт заключения литовско-одоевского

⁵² ЛМ. Кн. 5. 1993. № 130. Р. 247; ДДГ. № 39. С. 118.

⁵³ ЛМ. Кн. 5. 1993. № 137. Р. 254; ДДГ. № 60. С. 192.

⁵⁴ В литовско-новосильских договорах уважительная форма применяется по отношению к великим литовским князьям, что не исключает ее энизодического применения и по отношению к князьям новосильского дома.

⁵⁵ Сложнее для осмысления аналогичная статья договора 1481 г. В ней говорится: «...как дядя его великии кн(я)зь Витовтъ деда нашего держал и отцевъ наших и нас» (*Казакоў А. У. Невядомае даканчанне...* С. 298). Имеется в виду дед одоевских князей — князь Юрий Романович. Далее под «отцами нашими» могли подразумеваться князь Иван Юрьевич Одоевский и князь Василий Михайлович Белёвский. Затем под «нами» в договоре 1481 г. вроде бы подразумеваются князья Михаил и Федор Ивановичи Олевские и Иван Васильевич Белёвский. Однако Михаил и Федор дожили до 1491 и 1494 гг., соответственно, а в договоре 1459 г. не указаны (возможно, были еще

договора 1481 г. показывает, что несовершеннолетние княжичи не вносились в такой договор, но затем под началом своих старших родичей все равно оказывались на литовской службе (см. §§ 21, 22).

Итак, *narratio* (обстоятельства заключения договора) начинается с перечня адресантов (*intitulatio*) и состоит в том, что новосильские князья били челом великому князю литовскому Витовту, чтобы он их принял на службу, и он их принял на службу. *Narratio* литовско-рязанских договоров схоже, но отличается тем, что накануне Витовт уже был госнодином для рязанских князей⁵⁶. Поэтому в литовско-рязанских грамотах 1427 г. употребляется выражение: «госнодарь мои, князь великий Витовт». Новосильские же князья ностунали к Витовту на службу впервые. Вероятно, они не называли его «своим госнодарем», а обращались к нему только по титулу. В литовско-воротынских грамотах 1447 и 1483 гг. именно такое обращение архаично сохранилось. В литовско-одоевских же грамотах 1459 и 1481 гг. появилась формулировка «нас, слуг своих, но жаловал, принял у службу», о чем мы скажем далее (см. § 20).

Начальный протокол грамоты литовского госнодаря новосильским князьям известен только по договору 1483 г. Грамота начинается с *intitulatio*, т.е. с объявления имени и титулов литовского госнодаря. Далее следует публичное объявление (*promulgatio*): «Чиним знаменито сим нашим листом, хто на него носмотрит, или чтучи его вслышит». Затем идет *narratio*, в котором заключено *inscriptio*: сообщается, что новосильские князья (следует их перечень с именами и титулами) били челом литовскому госнодарю, и он их принял «в службу».

В «Витовтовом докончании» 1427 г. только литовский контрагент носил титул «госнодаря великого князя». Однако, как заметил М. М. Кром, отношения между великими князьями литовскими и князьями новосильского дома «рассматривались как бы на межгосударственном уровне». Литовско-новосильские грамоты 1447 и 1459 гг. помещены в нятой книге занисей Литовской метрики в особом фрагменте среди договоров Казимира с независимыми от Литвы территориями: с Новгородом, Псковом, молдавскими воеводами, великими князьями московскими и тверскими (намятник конца XV в. в составе конии конца XVI в.)⁵⁷. Еще в 1487 г. литовско-новосильские договоры 1481 и 1483 гг. хранились в архиве Великого княжества Литовского наряду, например, с литовско-тверскими грамотами⁵⁸. В грамотах 1447, 1459, 1481, 1483 гг. зафиксировано отношение великих князей литовских к новосильским князьям как к иноземным.

несовершеннолетними). Их же племянник белёвский князь дожил до 1522 г. Поэтому можно думать, что к 1427 г. все эти князья еще не родились. То есть выражение «отцевъ наших и нас» в договоре 1481 г., видимо, заимствовано из формуляра предыдущих грамот и не в полной мере отражает действительность.

⁵⁶ CEV. №1181. S. 688.

⁵⁷ LM. Кн. 5. 1993. Р. 244–259; Кром М. М. Меж Русью и Литвой. С. 38–39.

⁵⁸ Rowell S. C. Išdavystė ar paprasti nesutarimai? Kazimieras Jogailaitis ir Lietuvos diduomenė 1440–1481 metais. P. 72.

Например, в них имелась статья: «а великому князю Казимиру боронити нас (новосильских князей. — *Р. Б.*) от всякого, как и своего». Схожая формулировка содержалась в литовско-нсковском и литовско-новгородском докончаниях 1440-х гг.: «а мне великому князю Казимиру, блюсти нсковитина (или, соответственно, новгородча. — *Р. Б.*), как и своего литвина»⁵⁹. То есть по договору новосильские князья не становились «литвинами» (выходцами из Великого княжества Литовского), но литовскому госнодарю следовало относиться к ним так же, как он относится «к своим».

Литовско-рязанские и литовско-новосильский договоры 1427 г. были неравноправными. Несмотря на высокий титул «великих князей», рязанские и новосильский князья заключали союз с литовским госнодарем в качестве его слуг. Рязанско-литовские отношения также отличались от рязанско-московских. В московско-рязанских докончаниях 1402, 1434, 1447 гг. рязанский князь по отношению к московскому назывался «младшим братом» или «братаничем», но никогда не назывался «слугой»⁶⁰. По московско-литовскому договору 1449 г. рязанский князь объявлялся с московским князем «в любви», но допускалось, что он может «служить» литовскому госнодарю⁶¹. Схожие наблюдения можно сделать и в отношении новосильских князей. Еще в московско-рязанском докончании 1402 г. новосильский князь объявлялся как «один человек», т. е. союзник московского князя⁶². Таковым его воспринимал и Витовт в начале 1425 г.: «человек великого князя Московии»⁶³. В 1427 г. новосильские князья становятся «слугами» литовского госнодаря. И лишь в более поздних источниках они приобретают такой же статус и по отношению к московскому князю⁶⁴. Несколько нерефразируя меткое замечание В. А. Кучкина, стоит отметить, что именно статусы заключавших соглашение князей, а не их титулы определяли характер межкняжеских отношений⁶⁵.

Далее остановимся на взаимных обязательствах сторон, описанных в *dispositio* реконструируемого литовско-новосильского договора 1427 г. Здесь выделяются три части, которые представляют собой как бы самостоятельные соглашения: [2Н] — об условиях несения службы; [3Н] — об отношении сюзерена к исконной родовой вотчине служилых князей и о нереконструкциях их службы после смерти контрагентов; [4Н] — о правовом разрешении споров.

⁵⁹ ГВНП. № 70. С. 115; № 335. С. 322. Схожую формулу см. в смоленско-рижском договоре XIV в.: «а местерю и ратманомъ блюсти моего смолянина как и своего немчина»: *Иванов А. С., Кузнецов А. М.* Смоленско-рижские акты... С. 655; Смоленские грамоты XIII–XIV веков. С. 70.

⁶⁰ ДДГ. № 19. С. 52; № 33. С. 84; № 47. С. 142.

⁶¹ ЛМ. Кн. 5. 1993. № 78.1. Р. 133; № 136. Р. 253; ДДГ. № 53. С. 162.

⁶² ДДГ. № 19. С. 53–54.

⁶³ В оригинале: «herzog von Odoiw ist des grosfurstes von Moskouwien man». Здесь, видимо, буквальный перевод на немецкий язык русского термина «один человек» (CEV. № 1181. S. 688; см. § 13).

⁶⁴ СИРИО. Т. 35. С. 3–5, 40, 47–48, 50–51, 57–60, 62, 65, 81 и др.

⁶⁵ *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV века... С. 194.

[2Н]. Соглашение об условиях несения службы.

Первым делом новосильские князья обещали служить литовскому госнодарю верно и быть во всем ему послушными.

Затем следовала статья 2.1Н: «А ему (князю великому Витовту. — Р. Б.) нас (новосильских князей. — Р. Б.) во чѣсти, и в жалованьи, и в докончаньи держати. А нолетное нам давати по старыне».

Ссылка на нее есть в носледующих литовско-новосильских докончаниях: «А ему (Казимиру. — Р. Б.) насъ во ч(е)сти, и в жалованьи, и в доконъчаньи держати, какъ дядя его, великии княз(ь) Витовтъ, отца нашего держалъ и насъ во ч(е)сти и в жалованьи. А нолетное намъ давати по старыне»⁶⁶.

Трактовка этой статьи в историографии вызвала затруднения. Выражение «но старине» в древнерусском языке имеет значение — издавна, искони⁶⁷; «нолетное» означает ежегодную дань⁶⁸. То есть речь идет о каком-то давно установленном ежегодном налоге. Но сам по себе термин «нолетное» не раскрывает оснований для его уплаты. Еще на рубеже XIX–XX вв. в историографии сформировались довольно нарадоксальные представления об этом явлении. Согласно работам ведущих ученых, новосильские князья свободно и добровольно приходили к сюзерену со своей исконной родовой вотчиной, чтобы служить и при этом платить ему дань.

М. В. Довнар-Занольский, с одной стороны, вполне осознавал некую самостоятельность Новосильско-Одоевской земли, но, с другой, рассматривал новосильских князей наравне с «внутренними» князьями Великого княжества Литовского, поэтому не искал особых причин для уплаты ими дани⁶⁹. Однако, как было показано выше, Новосильско-Одоевская земля находилась в неречье независимых от Литвы территорий. Поэтому поиск оснований для взимания с новосильских князей «нолетнего» видится актуальным.

По мнению А. Л. Хорошкевич, одоевские князья платили в Литву «ордынщину», которая затем выплачивалась литовским госнодарем в Крымское ханство⁷⁰. В этой связи следует задаться вопросом: не возникли ли между Вильно и Одоевом такие финансовые отношения, какие имелись между Вильно и русскими землями, вошедшими в состав Великого княжества Литовского? Поскольку договор 1427 г. реконструируется на основании аналогичных договоров 1447–1483 гг., то не лишним будет сравнить положение Новосильско-Одоевской земли с положением русских земель Великого княжества Литовского в середине XV в. В ярлыке-ножаловании крымского хана Хаджи-Гирея королю

⁶⁶ ЛМ. Кн. 5. 1993. № 130. Р. 247. № 137. Р. 254; ДДГ. № 39. С. 118, № 60. С. 192.

⁶⁷ Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка... Т. 3. Стб. 494–495; СРЯ. Вып. 27. С. 210–211.

⁶⁸ Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка... Т. 2. Стб. 1152–1153; СРЯ. Вып. 16. С. 213.

⁶⁹ Довнар-Занольский М. [В.] Государственное хозяйство Великого княжества Литовского... С. 41–42, 707.

⁷⁰ Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию... С. 289–290.

нольскому и великому князю литовскому Казимиру IV начала 1460-х гг. описаны основания для вынлаты литовской дани в Орду. Хан жаловал великому князю литовскому русские земли Великого княжества Литовского (приводился их перечень), с которых следовало вынлачивать дань, иначе хан был вправе применить силу⁷¹. Уномянутым ярлыком Хаджи-Гирей не жаловал Казимиру IV Одоев с его землями и не требовал платить с него дань. Из ярлыка-нослания Саадет-Гирея 1529 г. и ярлыка-нослания Менгли-Гирея 1498 г. следует, что еще при Хаджи-Гирее для вынлат ордынской «ношлины» или «ясака» новосильские князья сообщались с татарским «дарагой» без посредников⁷², т. е. минуя сюзерена, у которого находились на службе.

Отсюда следует важный вывод: в XV в. князья новосильского дома имели самостоятельные отношения с Ордой. Вынлата «нолетного», уномянутого в литовско-новосильском договоре 1427 г. и последующих аналогичных договорах, не подразумевала передачу Литве ордынской дани, собранной на территории Новосильско-Одоевской земли. Тем самым статус Новосильско-Одоевской земли отличался от статуса внутренних литовских (а также и внутренних московских) областей⁷³.

М. К. Любавский полагал, что «нолетное» было «результатом свободного соглашения и платой за те услуги, которые великий князь литовский со своей стороны должен был им (новосильским князьям. — Р. Б.) оказывать»⁷⁴. Какие же «услуги» имелись в виду? Единственной кажется: «А великому князю Витовту боронити нас от всякого». Ф. И. Леонтович считал, что «взаимная оборона и защита — главный и, можно сказать, единственный пункт, к которому собственно сводились все отношения» князей новосильских с великими князьями литовскими (он распространял это мнение вообще на всех верхнеокских князей)⁷⁵. Схо-

⁷¹ *Kolodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania...* Р. 529–530; *Барвіньский Б.* Два загадочні ханські ярлики на рускі землі з другої половини XV століття. С. 16–18.

⁷² О взимании крымскими татарами одоевской дани при Хаджи-Гирее, Нур-Давлате и Менгли-Гирее см. приложение № 18. О взимании крымскими татарами одоевской дани непосредственно с князей новосильского дома см.: СИРИО. Т. 41. С. 269, 306. Также см. приложения № 12, 13.

⁷³ Удельные князья московского дома обладали правом сбора дани со своих наследственных уделов, но поскольку они не имели права на самостоятельные сношения с Ордой, то ордынские «выходы» вынлачивали через посредничество великих князей московских (ДДГ. № 12. С. 35–36; № 27. С. 70–71). Что касается внутренних князей Великого княжества Литовского, то, например, в роду вяземских был старший князь, который обладал правом сбора «нолетного» с Вяземского удела, но нрав на сношение с Ордой не имел, поэтому вынлачивал ее в казну Смоленска (ЛМ. Кп. 3. Р. 47), который находился в руках великого князя литовского по ярлыку-ножалованию крымского хана (*Kolodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania...* S. 529, 540; *Барвіньский Б.* Два загадочні ханські ярлики на рускі землі з другої половини XV століття. С. 16–17, 19).

⁷⁴ *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства... С. 50.

⁷⁵ *Леонтович Ф. И.* Очерки истории Литовско-Русского права (1893). С. 287; *Он же.* Очерки истории Литовско-Русского права (1894). С. 178.

жего мнения придерживался Л. Коланковский⁷⁶. Исследователи не учитывали, что подобные выводы можно сделать и применительно к литовско-рязанским отношениям. Рязанских князей Витовт также принимал на службу, но они получали «услугу» по обороне их земель бесплатно. Взамен и рязанскими, и новосильскими князьями было дано обещание быть на его стороне, «с ким он мирен, ино мы с ним мирны. А с ким он немирн, с тым и мы немирны». Примечательно, что соглашение о вынлатах «нолетного» в Литву занисано еще до статьи об обороне Новосильской и Одоевской земли и вообще к ней не относится.

Статью 2.1Н получаем нутем вычленения из расширенного формуляра литовско-новосильского dokonчания — текста литовско-рязанского dokonчания 1427 г. Она является целостной и, видимо, связана с расширенными условиями литовско-новосильского dokonчания. В ней устанавливается связь между обязательством литовского госнодаря держать своих слуг «в чести» и в «жалованьи» и обязательством новосильских князей нлатить ему «нолетное» (ежегодную дань).

В договорах 1447–1483 гг. новосильские князья настаивали, чтобы сюзерен держал их «в чести», т. е. соблюдал протокольные процедуры во взаимных сношениях так, как Витовт держал «в чести» их предшественников. При Витовте же Юрий Романович был великим князем, что предполагало соответствующее отношение к нему. Поэтому, например, и новосильские нослы к литовским госнодарям имели высокий статус и заслуживали соответствующих почестей, а литовско-новосильские договоры 1447–1483 гг. продолжали рассматриваться наряду с договорами литовских госнодарей с независимыми от Литвы землями.

Мысль М. К. Любавского, безусловно, справедлива в том, что обязательство нлатить «нолетное» приобреталось новосильскими князьями вместе со свободным dokonчанием с Литвой, которое при случае могло быть расторгнуто. В дальнейшем на разных этапах истории далеко не все князья новосильского дома имели dokonчания с великим князем литовским, следовательно, не все обязались нлатить ему «нолетное». Опыт дальнейшей службы новосильских князей Литве раскрывает весомые основания для их налогообложения. Что же понимали новосильские князья под «жалованьем» госнодаря и за что обязались нлатить?

При описании литовско-воротынского договора 1483 г. Н. Н. Бантыш-Каменский указал: «Договор литовского великого князя Александра (следует подразумевать “Казимира”. — Р. Б.) с воротынскими князьями о вступлении их в его службу и о даче им в Литве маетностей во владение»⁷⁷. Ни о каких конкретных «маетностях» (земельных имениях) в грамоте не говорится. Тем не менее

⁷⁶ Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1. S. 388.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 79. Он. 3. Л. 2. Ошибка в имени великого князя литовского связана с ветхостью грамоты и утратой ее некоторых фрагментов. Имени литовского госнодаря в грамоте не сохранилось, а на обороте имеется номета «Докончалная грамота воротынских князей с королем с Олександром» (XVI в.?) (см. приложение №9).

архивист был близок к истине, поскольку «Витовтово dokonчание» являлось базовым документом, нозволяющим «жаловать» иноземным новосильским князьям литовские города и волости. Так, в связи с «ножалованием» города Козельска в наместничество князю Федору Воротынскому тот обещал Казимиру IV исполнять условия новой «заниси» по тому, как «неръво сего его м(ило)сти занисался и целоваль честным крестъ»⁷⁸. То есть он ссылался на свой базовый договор с Казимиром. Служба новосильских князей Литве шла именно с литовских земельных «ножалований» («феода»). В грамоте Казимира IV князю Федору Воротынскому 1455 г. о литовских «ножалованиях» было занисано: «ино дали есмо ему у вотчину и его детемъ, а узревши его верную службу к намъ, то учинили и его детемъ такожь, с того верно намъ служити»⁷⁹. Из челобитной князя Семена Федоровича Воротынского конца XV в. следует, что главным новодом для его службы Литве было получение им «ножалований», наделение его литовскими городами. Он унрекал великого князя литовского Александра, что тот боярина его «не жаловал, не читл», т.е. нарушил протокол литовско-новосильских договоров. Да и самого князя Семена «не жаловал, города не дал, и в dokonчан(ь) я не принял». Условия прежнего dokonчания воротынский князь нонимал так: «А не имут жаловат(ь), а не приимут в dokonчан(ь)е, ино со кн(я)зя Семена Федоровича целован(ь)е кр(е)стное долов, а ему воля»⁸⁰. То же определение слова «жалование» вытекает и из заявлений литовской стороны: «король (Казимир. — Р. Б.), его милость, подавалъ княземъ воротынскимъ, князю Дмитрею а князю Семену тыи волости смоленский въ жалованье»⁸¹.

В древнерусском языке слова «жалование», «ножалование» обозначали милость госнодина и наделение им своих вассалов материальными благами⁸². В качестве вознаграждения за службу Витовт наделял служилых князей и бояр литовскими городами, волостями и селами, хозяйствование на которых приносило им доход. Однако госнодарские земельные «ножалования» облагались налогом. Например, смоленские бояре не платили налоги со своих исконных вотчин, но с «данин» великих литовских князей налоги (носощина) платились⁸³. Также и князья новосильского дома, получая литовские земельные «ножалования», должны были вынлачивать с них в Литву установленные «но старине» ношлины. Как минимум этот налог должен был включать в себя ордынские «выходы». Например, поскольку в середине XV в. ярлык-ножалование крымского хана на Козельск был выдан великому князю литовскому⁸⁴, то собирае-

⁷⁸ ЛМ. Кн. 5. 1993. № 131. Р. 248; ДДГ. № 49. С. 149.

⁷⁹ ЛМ. Кн. 3. Р. 39.

⁸⁰ СИРИО. Т. 35. С. 84–85. Также см. приложение № 11.

⁸¹ СИРИО. Т. 35. С. 247.

⁸² Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка... Т. 1. Стб. 843–844; Т. 2. Стб. 1078; СРЯ. Вып. 5. С. 72–73; СРЯ. Вып. 16. С. 92–93.

⁸³ АЗР. Т. 1. № 55. С. 69.

⁸⁴ Kolodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania... S. 540; Барвіньский Б. Два загадочні ханські ярлики на рускі землі з другої половини XV століття. С. 19.

мую с Козельска ордынскую дань козельский наместник (воротынский князь) был обязан вынлачивать в литовскую казну. Наделение иноземных служилых князей земельными «ножалованьями» не должно было нарушать литовскую государственную нодатную систему.

Должно быть, именно возможность получения новосильскими князьями литовских земельных «ножалований» привела к необходимости включения в литовско-новосильский договор 1427 г. донолнительного условия, которое бы обеснечивало взимание с них обычной дани в литовскую казну. В таком случае статья **2.1Н** сводилась к формуле: ты нас «жалуешь» городом или волостью — мы тебе с того служим; при этом взимаем с земельных «ножалований» «нодати», которые идут на вознаграждение за нашу службу, а также на вынлату «нолетного» в качестве внутреннего литовского налога. Вопрос несколько осложнен тем, что не сохранилось ни одного свидетельства о конкретных литовских «ножалованиях» новосильским князьям до 1440-х гг. Тем не менее не исключено, что первые литовские наделы в кормление или в вотчину получил уже великий князь Юрий Романович в 1427 г.⁸⁵ Очевидные выгоды влекли за собой стремление новосильских князей иметь такие же условия «Витовтова докончания» в будущем. Отсюда их приверженность к формуляру 1427 г. и обязательства литовской стороны соблюдать его впрעדь.

Примечательно, что рязанских князей Витовт не обещал «жаловать» волостями и «нолетное» в Литву они нлатить не обязались. Тем не менее они точно так же становились его «слугами». В этой связи можно заметить, что, кроме земельных «ножалований», вознаграждение за службу могло вынлачиваться неносредственно. Так, за вынолнение отдельных норучений новосильские князья и их бояре получали от литовских госнодарей вознаграждение нражскими грошами, а также в натуральном выражении⁸⁶. Должно быть, вознаграждение за службу являлось главным и ненременным условием контракта сюзерена со всеми его служилыми людьми, вне зависимости от их происхождения и социального ноложения.

Итак, ностунление на службу Витовту было не нодневольным актом, а привилегией. Литовские земельные «ножалованья» служилым князьям комненсировали им лишения воинской службы и становились средством, снособным надолго удержать их в союзе с Литвой. Этот шаг Витовта навстречу новосильским

⁸⁵ Как заметил С.В. Веселовский, первоначально нонятием «вотчина» обозначалось любое имущество, доставшееся по наследству от отца. Но затем «вотчиной» стали называть и приобретенные владения, которые можно было нередать по наследству на вотчинном праве (*Веселовский С.В. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. С. 17–18*). В отношении владений новосильских князей литовская сторона лишь в конце XV в. ноставила вопрос о том, что статусы их исконных и приобретенных на литовской службе вотчин сильно отличаются (см. § 22).

⁸⁶ LM. Kn. 4. P. 38, 81, 83.

князьям был очень важен, поскольку они и сами были крупными землевладельцами, способными привлечь для военных нужд значительные людские ресурсы (см. нисъмо Генне). С этим особым положением новосильских князей на литовской службе следует связывать расширенный формат литовско-новосильского договора 1427 г. (наличие дополнительных статей) по отношению к литовско-рязанским договорам.

В фрагментах [2Н] и [2Р] обнаруживается еще одно существенное отличие новосильских князей от рязанских. В военных делах рязанские князья обязались быть «заодин» с Витовтом, т. е. быть его союзниками: «с ким он мирен, ино мы с ним мирны, а с ким он немирн, с тым и мы немирны»⁸⁷. Новосильские князья в схожей статье обязались быть «но воле» своего госнодина, т. е. быть в его подчинении. Если слуга или иной партнер помогает в войне исключительно своими силами, то он союзник. Но если он к тому же распоряжается госнодарской землей вместе с госнодарскими подданными, то должен быть подчинен своему госнодину.

Важные обязательства брал на себя и сюзерен: «великому князю Витовту боронити нас от всякого». В случае нападения на служилого князя внешних врагов ему гарантировалась помощь от подданных литовского госнодаря. Возможно, также предусматривалась помощь и в несении сторожевой службы на границе с Полем.

В контексте общей военной концепции вполне понятно обязательство служилых князей не вступать в договорные отношения с иными князьями и не оказывать им военную помощь без разрешения сюзерена: «без великого князя Витовтовы воли нам ни с ким не докончивати, а ни нособляти никому». Здесь особенно отметим ограничение «не доканчивати». В трактовке Александра Казимировича: «мимо» великого князя литовского «иншого оснодаря не искати»⁸⁸. Договор литовского слуги с иным (московским) госнодином вел к разрыву докончания с Литвой. Добиться воли литовского госнодаря на такой шаг было сложно (см. § 22). Вместе с тем вполне допускалось, что разрешение сюзерена на помощь третьей стороне могло быть получено (см. § 18).

В соглашении об условиях несения службы литовско-рязанские докончания содержали особый пункт **2.1Р**: «А будет ли которая налога (притеснение. — Р. Б.) великому князю Василию Васильевичу, внуку его, а ис которые стороны, а взвелит ми князь велики Витовт, и мне, князю великому Ивану Федоровичю (также и князю Ивану Владимировичу. — Р. Б.), но его велению нособляти ему на всякого». Появление данной статьи вызвано тем, что еще в 1423 г. Василий I распорядился в случае своей смерти оставить своего сына Василия и жену

⁸⁷ Точно так же в межкняжеских договорах тверские, рязанские, новосильские и удельные князья московского дома обещали быть «заодин» или «один человек» с великим князем московским (ДДГ. №9. С. 26; №15. С. 41; №19. С. 52–53).

⁸⁸ СИРИО. Т. 35. С. 103.

Софью на нонечительство Витовта⁸⁹. Сразу после смерти Василия I на великое княжение был посажен Василий II, однако против него выступил его дядя князь Юрий Дмитриевич. Лишь к июлю 1425 г. при помощи митрополита Фотия регентскому совету при Василии II удалось добиться согласия князя Юрия на заключение мирного договора, который действовал бы до разрешения спора о великом княжении в Орде. О предпринимаемых действиях был извещен и Витовт⁹⁰. Этот опыт требовал от литовского государя консолидации усилий, направленных на защиту и поддержку Василия II, если возникнет такая необходимость.

Кроме того, литовско-рязанские dokonчания содержали статью **2.3Р**: «А будет ли великому князю Витовту с великим князем Василием Васильевичем, со внуком своим, какое нелюбие, или с дядями его, или с братьею его, и мне, великому князю Ивану Федоровичю (Рязанскому также и князю Ивану Владимировичю Пронскому. — *Р.Б.*) нособляти великому князю Витовту, своему основдарю, на них без хитрости»⁹¹. Витовт действительно не исключал конфликта с Василием II и находившимися на его стороне дядями и братией. До поездки Софьи Витовтовны в Литву в 1427 г. московская сторона, видимо, не давала присяги Витовту и не заключала с ним договора о мире. Между тем, весной 1425 г. литовский государь готовился к походу на Псков, который, однако, так и не состоялся. Весной 1426 г. Витовт принял новое решение о походе на Псков и совершил его в августе того же года. В своей внешней политике, и особенно в отношениях с Литвой, москвичи налагались на Москву. Поэтому литовско-московская война потенциально могла породить «нелюбие» Василия II со своим дедом⁹².

Примечательно, что в литовско-тверском договоре 1427 г. в аналогичных статьях о военном взаимодействии подобной конкретики не было. Великий князь Борис Тверской обещал быть с Витовтом «заодинъ» и помогать ему вообще «на всякого, никого не вымая»⁹³. Также и в сохранившихся литовско-новосильских договорах о какой-то особой помощи новосильских князей литовскому государю не говорится. Вероятно, подобного пункта не было и в формуляре «Витовтова dokonчания» 1427 г. Его и не требовалось, поскольку во внешней политике новосильские князья обязались быть «но воле» своего господина. В будущем они не раз ходили в далекие походы на стороне великих литовских князей⁹⁴.

⁸⁹ Иванов Д. И. Московско-литовские отношения в 20-е годы XV столетия. С. 87–90; ДДГ. № 21. С. 57–60. О датировке грамоты также см.: Горский А. А. От земель к великим княжениям... С. 62–66.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 246–247.

⁹¹ ДДГ. № 25. С. 68.

⁹² См.: Иванов Д. И. Московско-литовские отношения в 20-е годы XV столетия. С. 95–100.

⁹³ ДДГ. № 23. С. 62.

⁹⁴ РИИР. Вып. 2. С. 43; Kotzebue A. Switrigail... S. 117; Каманин И. [М.] Сообщение нослов Киевской земли королю Сигизмунду I о Киевской земле и киевском замке, около 1520 г. С. 6.

[3Н]. Соглашение об отношении сюзерена к исконной родовой вотчине служилых князей и о нерасклевывании их службы после смерти контрагентов.

3.1Н: «А нешто некоторыми делы што Бог измыслит над великим князем Витовтом, ино нам и нашим детем служыти к Литовской земли, его наместнику, хто будет держати великое княжение Литовское. А што Бог вчинит над нами, ино по нашему животе детем нашим служыти великому князю Витовту к Литовской земли, а по его животе, его наместнику, хто будет госнодарем на великом литовском княжении»⁹⁵.

У Витовта не было сыновей. Его преемником на великом княжении должен был стать некий наследник. Например, великий князь литовский Казимир на случай вероятной смерти своих детей в докончании с новосильскими князьями предписывал: «А Боже того не даи, естли [будеть] стала бож(ь)я воля надъ нашими детми, не было бы наших детей, ино им (новосильским князьям. — Р. Б.) и детем [их] служити наместьку нашему, хто будет г(осу)д(а)р(е)мъ на Великом кн(я)зстве Литовском»⁹⁶.

Говоря о содержании фрагмента **3.2Н**, приходится учитывать возможные варианты его реконструкции. Дело в том, что нет полной ясности, когда появилась статья о выморочных новосильских уделах, которым надлежало «не отстунити от Великого князства Литовского».

Реконструкция фрагмента 3.2Н:

по договору 1447 г.

А великому князю Витовту и его наместнику, по нашему животе, у вотчину нашу в земли и в воды, не встунати, ноколь рубеж Новосилской и Одоевской земли, онроче того, што давно отошло.

по договорам 1459, 1481, 1483 гг.

А по коем делом божьим, однава (если. — Р. Б.) над нашими детьми Бог што вчинит, не будет отрода нашего, ино земли нашей не отстунити от Великого князства Литовского.

А хто ся останет по нашем животе дети наших, и великому князю Витовту со отчын наших их не рушыти. А в земли и в воды, у вотчину нашу, не встунати, нокуль рубеж Новосилской и Одоевской земли, онроч того, што зьдавна отошло. А и наместнику его, хто будет на Литовской земли госнодарем, наших детей не рушити.

⁹⁵ Здесь последняя статья реконструирована по договорам 1481 и 1483 гг. В договоре 1447 г. текст ожидаемой статьи изменен, а в сниске договора 1459 г. — иснорчен (внутри оригинального текста читается фрагмент статьи о суде и справе).

⁹⁶ АЗР. Т. 1. № 80. С. 100–101. Также см. приложение № 9.

В договоре 1447 г. статья о выморочных новосильских вотчинах отсутствует, а имеется только в договорах 1459, 1481, 1483 гг. Тем самым договор 1447 г. сближается с литовско-рязанскими договорами 1427 г. С одной стороны, высокий статус Новосильско-Одоевской земли в 1427 г. вроде бы позволял новосильским князьям разделять выморочный удел их родственника между собой, а не передавать его в собственность сюзерена. С другой стороны, в договоре 1447 г. фрагмент **3.2Н** не описывает всех юридических перспектив, связанных со смертью участников договора и их детей. В этом смысле в договорах 1459, 1481 и 1483 гг. фрагмент **3.2Н** более целостный и законченный. Договоры 1459 и 1481 гг. были независимы от договоров 1447 и 1483 гг., но восходили к общему с ними формуляру (см. схему 14.1). Поэтому можно думать, что к 1427 г. практика «условного завещания» выморочной вотчины служилого князя сюзерену уже существовала. В таком случае в литовско-воротынском договоре 1447 г. статья о выморочной вотчине была изъята (но недосмотру составителя?), а при возобновлении литовско-воротынского договора в 1483 г. была восстановлена на основании «Витовтова докончания» 1427 г. Другое дело, что до окончания действия известных литовско-новосильских договоров выморочные новосильские вотчины не появлялись (за исключением дольницы погибшего бездетного князя Федора Михайловича Белёвского, о которой ничего не известно). При наличии же потомков у князей новосильского дома великий князь литовский обязался «с отчын их не рушыти».

Возможность наличия такой статьи в подобных договорах помогает предположительно, но иногда с большой долей уверенности раскрыть правовой механизм перехода выморочных вотчин иных служилых князей черниговского дома в собственность их сюзеренов (см. § 9).

Предписание литовскому госнодарю «в земли и в воды, у вотчыну нашу (новосильских князей. — *Р. Б.*), не вступати, нокуль рубеж Новосилской и Одоевской земли» — надежно выполнялось. Как заметил М. М. Кром, уделы новосильских князей не считались пожалованиями сюзерена. Этими землями литовские госнодари не могли распорядиться — об этом нет ни одного свидетельства в Литовской метрике⁹⁷. Однако в данной статье имелась оговорка: «онроче того, што давно отошло». Новосильские князья явно отказывались от притязаний на какие-то территории, давно отошедшие к Литве. Например, это мог быть Глухов. Во всяком случае, в родословцах XVI в. князья новосильского дома вели свой род от князей глуховских и новосильских⁹⁸, но к середине XV в. Глуховом распорядился великий князь литовский⁹⁹.

⁹⁷ Кром М. М. *Меж Русью и Литвой*. С. 42, 46.

⁹⁸ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 74–76; РИИР. Вып. 2. С. 41, 112.

⁹⁹ В середине XV в. великий князь литовский Казимир пожаловал Глухов Борису Ясмановичу. Занись об этом находится между двумя другими занисями, которые датируются 1443 г. Борис Ясманович имел владения в Лупке (ЛМ. Кн. 3. Р. 62). Тогда же Грицко Ясманович держал имения в Подолье (ЛМ. Кн. 3. Р. 55). Однако еще в конце XIV в. Ясмановичи имели отношение

В договоре великого князя Ивана Федоровича Рязанского с Витовтом в этом месте читалась аналогичная статья **3.1Р**: «А великому княз(ю) Витовту в вотчину мою не вступатися <...>, вынемши Тулоу, Берестей, Ретан(ь), Снаши, Дорожен, Заколотен, Гордеевской». Должно быть, именно эти места, расположенные между земель рязанских и новосильских князей, Витовт носещал в ходе своей поездки и называл своими.

3.3Н: «А и нравду и занисы таке ж ему нам и нашим детем дати, как сая грамота, и держати их но тому ж. А толко хто не всхоchet нравды дати и грамоты своее таковы ж не всхоchet дати, а но тому же их не всхоchet держати, ино снять целованье долов, а нам воля».

В данном фрагменте закреплялось соглашение о том, что после смерти контрагентов литовский госнодарь может заключить с новосильскими князьями договор по тому «как сая грамота» (изначально — договор 1427 г.). На этом основании впредь следовало принимать новосильских князей на литовскую службу исключительно по «Витовтову докончанию».

Здесь же установлены *sanctio*, т. е. последствия, наступающие при отказе наследника сюзерена продлевать литовско-новосильский договор по «Витовтову докончанию» и соблюдать его условия. Санкции состояли в сложении с новосильских князей крестного целования и в расторжении договора об их службе Литве.

В литовско-рязанских договорах 1427 г. соглашения о таких санкциях нет, поскольку договоры заключались только на период жизни контрагентов. Все ограничивалось заключительной статьей: «А целования ми великому князю Витовту не сложити никоторою хитростию».

[4Н]. Соглашение о правовом разрешении споров.

Статьи о возможных норубежных спорах с Литвой в литовско-новосильских и литовско-рязанских грамотах полностью совпадают. Споры следовало разрешать судьям контрагентов честно, без промедлений: «чисто, без неревода». В случае невозможности норубежников самостоятельно разрешить литовско-рязанский или литовско-новосильский спор, третьей стороной (судьей) объявлялся не тот, «кого себе изберут», а сам Витовт. То же видим в литовско-тверском докончании 1427 г.¹⁰⁰ Примечательно, что в литовско-тверских договорах 1449, 1483 гг. и в московско-тверском договоре 1454–1456 гг. третья сторона не определена¹⁰¹. Вероятно, третьей стороной объявлялся тот, кто судьям будет люб¹⁰². По московско-рязанским договорам 1434, 1447, 1483 гг. третью сто-

к Северщине. В 1388 г. Семен Ясманович был трубчевским воеводой и находился в подчинении новгород-северского князя Дмитрия-Корибута (*Розов В. [О.] Українські грамоти. Т. 1. № 20. С. 38*).

¹⁰⁰ ДДГ. № 23. С. 63; ЛМ. Кн. 5. 1993. № 140. Р. 258.

¹⁰¹ ДДГ. № 54. С. 163–164; № 59. С. 188, 191; ЛМ. Кн. 5. 1993. № 141. Р. 258–259; № 135. Р. 250–251. О датировке московско-тверского договора 1454–1456 гг. см.: *Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот...* С. 314.

¹⁰² См.: ДДГ. № 53. С. 161.

рону мог выбирать ответчик из числа трех христианских князей, которых ему предложит истец¹⁰³. Следовательно, исключительная привилегия Витовта быть третьей стороной при разрешении норубежных споров русских князей связана с его стремлением занять главенствующее положение в период малолетства своего внука Василия II, и является отличительной чертой договоров Витовта с русскими князьями этого времени.

4.1Н: «А з великим князем московским, хто будет Московское княжение великое держати, з великим князем нереславским, хто будет Переславское княжение великое держати, и со князем великим нронским, хто будет княжение Пронское великое держати, нам суд свои имети по старине. И чого межы себе не унаравим, ино положыти на великого князя Витовтовы воли. И великому князю Витовту того досмотрети и внаравити, а коли тыи тры князи великии, верху нисаныи, з великим князем Витовтом будут в докончаныи».

Статья **4.1Н** о разрешении хозяйственных споров с иными соседями (помимо литовских) появилась именно в литовско-новосильской грамоте 1427 г. К 1434 г. нронский князь потерял статус «великого»¹⁰⁴. Но поскольку следующие литовско-новосильские грамоты заключались по «Витовтову докончанию», то в них до конца XV в. сохранялось упоминание о великом нронском князе.

В литовско-рязанских докончаниях 1427 г. имелась аналогичная статья **2.2Р:** «А соуд и исправы держати ми с великим князем Василием Васильевичем по старине». Она располагалась между фрагментами **2.1Р** и **2.3Р** и, таким образом, была включена в условия несения службы рязанских князей, связанные с ситуацией в Великом княжестве Московском, поэтому про новосильских князей в ней ничего не говорилось. Тем не менее о норубежных новосильско-рязанских отношениях известно, например, из статьи московско-рязанского докончания 1402 г.¹⁰⁵

Отношения князей новосильского дома к другим князьям Верхнего Поочья, которые давно стали внутренними служилыми князьями Великого княжества Московского и Великого княжества Литовского, в литовско-новосильских докончаниях 1427–1483 гг. не оговаривались.

4.2Н: «А о чем коли мы сами, князи новосилскии сунремся, и нам положыти на госнодара великого князя Витовта, и великому князю Витовту межы нас то унаравити».

Статья **4.2Н** могла относиться не только и не столько к внутренним спорам новосильских князей между собой, но и быть связанной с приобретением ими литовских «ножалований». Гарантом их справедливого распределения между

¹⁰³ ДДГ. №33. С. 86; №47. С. 145; №76. С. 283–286.

¹⁰⁴ В московско-рязанском докончании 1402 г. нронский князь тоже назывался «великим», но в докончаниях 1434 и 1447 гг. титул «великого князя» у него исчезает (ДДГ. №19. С. 53; №33. С. 85; №47. С. 143).

¹⁰⁵ ДДГ. №19. С. 53. На существование взаимных новосильско-рязанских отношений обращал внимание еще Д. И. Иловайский (*Иловайский Д. [И.] История Рязанского княжества. С. 273–274*).

князьями новосильского дома, видимо, должен был стать великий князь литовский (см. §§ 18, 20).

В литовско-рязанских грамотах 1427 г. такой статьи не было. Однако в московско-рязанских dokonчaniyakh возможность привлечения третьей стороны (судьи) для разрешения споров между нереяславским и нронским великими князьями тоже была закреплена нисьменно. Так, по московско-рязанскому договору 1402 г. в отношениях нереяславского и нронского князей судьей выступал митрополит, а гарантом исполнения его решений — великий князь московский¹⁰⁶.

[5Н]. Удостоверительная часть договора.

В corroboratio новосильские князья (приводился их неречень: **1.1Н, 1.2Н**) свидетельствовали, что на условиях договора (на том на всем) целовали честной крест Витовту и обещали исполнять его без хитрости. Судя по тексту договора 1483 г., в аналогичной грамоте Витовта новосильским князьям (нпротивне) было занисано, что в свою очередь он тоже целовал честной крест «на том на всем».

5.1Н. Далее в грамоте новосильских князей литовскому госнодарю мог приводиться неречень их бояр, которые нприсутствовали нри составлении договора, а в грамоте литовского госнодаря — неречень его нанов (см. договор 1483 г.). В некоторых случаях неречень нанов и бояр приводился носле указания даты и места составления договора (см. договоры 1459, 1481 гг.), но мог и не приводиться вовсе (см. договор 1447 г.). Поскольку дошедшие до нас договоры составлялись в Троках (1447, 1459 гг.) и в Вильне (1481, 1483 гг.), то они, вероятно, заключались нри носредничестве новосильских нослов. Договоры 1427 и 1432 гг. заключались неносредственно контрагентами, но и в них наны и бояре могли выступать в качестве высших сановников своих князей и свидетелей составления договора.

[6Н]. Datum. Во всех сохранившихся литовско-новосильских договорах указаны дата и место их составления. Дату заключения договора 1427 г. можно вычислить приблизительно, исходя из нередвижений Витовта. Судя по нисьму Генне, встреча Витовта с рязанскими и новосильскими князьями состоялась носле носещения великим князем Мценска и воеводы. Первым значительным населенным нунктом на нредполагаемом нами нути могла быть Чернь (в XVI в. — владение воротынских князей)¹⁰⁷. Думается, до встречи с новосильскими князьями Витовт нроделал чуть менее ноловины нути между Кричевом и Смоленском. То есть литовско-новосильский договор мог быть заключен в конце июля 1427 г. Неясно, заезжал ли Витовт в Одоев. Если он не отклонялся от дороги, известной ему еще по ноходу 1406 г. на Плаву, то местом заключения договора нредположительно могла быть Чернь или ноходный лагерь Витовта.

¹⁰⁶ ДДГ. № 19. С. 53.

¹⁰⁷ О заселенности окрестностей Черни в первой четверти XV в. говорят находки двух чернских кладов (Беспалов Р. А., Казаров А. А. Клады и денежные комплексы первой трети XV века... С. 76–79).

[6Р]. В литовско-рязанских договорах дата и место их составления не указаны. Текст нисьма Витовта от 14 августа 1427 г. допускает возможность того, что некие литовско-рязанские договоры могли быть заключены еще в 1426 г. Наиболее вероятным для этого временем видится весна — первая половина лета 1426 г., когда Витовт начал готовиться к походу на Псков. В тот момент он уже знал о явных притязаниях князя Юрия Дмитриевича на московский стол, но еще не получил желаемой присяги от Софьи Витовтовны и Василия II вместе с их людьми и всей их земель. Поэтому мог онастаться обострения отношений с ними, что и отразилось в литовско-рязанских договорах. Подготовка к войне не была секретом даже для самих нсковичей. Витовт вел переговоры с Польшей и Немецким орденом и получил от них дипломатическую поддержку¹⁰⁸. Вполне вероятно, что накануне войны Витовт контактировал и с рязанскими князьями, и в договоре с ними предусмотрел возможность своего «размирья» с Москвой. В итоге он собрал значительные военные силы, состоящие из литовцев, русских, поляков, наемных чехов и волохов. Особый вес его нсковской кампания придавал «двор» хана Улу-Мухаммеда¹⁰⁹, который в такой ситуации был надежной страховкой. Вряд ли московская сторона стала бы противиться действиям направляющего хана, от которого зависело сохранение великого княжения за Василием II. Обстановка стала урегулироваться зимой 1426/27 г., когда по просьбе нсковичей послы Василия II принимали участие в переговорах о мире между Литвой и Псковом. В пользу датировки 1426 г., кажется, говорит и то, что в известных нам литовско-рязанских договорах ничего не говорится о новом слуге-союзнике Витовта — великом князе новосильском. Вместе с тем не исключено, что дошедшие до нас литовско-рязанские договоры могли быть заключены после встречи Софьи со своим отцом Витовтом (состоявшейся в июне 1427 г.), при этом они наследовали опыту предыдущих отношений. Тогда данные докончания можно датировать так же, как и литовско-новосильский договор, — приблизительно концом июля 1427 г.

Несмотря на известную гипотетичность реконструкций вообще, думается, все же можно сделать ряд твердых выводов. Рассмотренные выше литовско-новосильские и литовско-рязанские договоры по форме являются присяжно-договорными грамотами князей, имевших исконную родовую вотчину со статусом «земли» или «великого княжения», сохранявших самостоятельные отношения с Ордой, но при этом нступавших на службу к сюзерену, который имел более высокий статус и титул «госнодаря великого князя». Несмотря на то что эти договоры были неравноправными, в 1427 г. литовско-новосильские отношения закладывались как бы на межгосударственном уровне, что обеспечило высокий статус нследующих литовско-новосильских (литовско-воротынских и литовско-одоевских) договоров, а также соответствующее отношение

¹⁰⁸ Иванов Д. И. Московско-литовские отношения в 20-е годы XV столетия. С. 96–98.

¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 247; Псковские летописи. Вып. 2. С. 40–41.

литовских госнодарей к достоинству старших новосильских князей. По сравнению с новосильскими и рязанскими князьями, внутренние служилые князья, утратившие верховную власть в своих родовых городах-метрополиях, а вместе с ней и право на самостоятельные отношения с Ордой, находились в ином положении. Положение служилых рязанских и служилых новосильских князей тоже существенно отличалось друг от друга. Дополнительные условия литовско-новосильских договоров по отношению к литовско-рязанским связаны с возможностью приобретения новосильскими князьями литовских земельных «ножалований» и административных должностей, которые бы обеспечивали им вознаграждение за службу Литве. Тем самым закладывалась перспектива более тесной интеграции Новосильско-Одоевской земли с Великим княжеством Литовским. С одной стороны, литовско-новосильские договоры предполагали увеличение земельных владений новосильских князей, но с другой — устанавливали правовые основания для включения выморочных новосильских долей в состав Великого княжества Литовского. В дальнейшем изменения в отношениях князей новосильского дома с Ордой, а также в составе их земельных владений вели к переменам и в их отношениях с сюзеренами.

§ 15. Политика Литвы и Москвы в верховьях Оки в конце 1420-х — первой половине 1430-х годов

На примере церковного конфликта, который в Брянской епархии начался осенью 1414 г. и формально окончился только в 1420 г., хорошо видно, что даже в годы мирных московско-литовских отношений политическая борьба за Верхнее Поочье не прекращалась. Кроме материальных стимулов, литовская и московская стороны искали дополнительные средства для укрепления союза с местными князьями. Как и прежде, одним из действенных инструментов продолжали оставаться династические связи.

Брак князя Федора Львовича Воротынского

Из источников хорошо известно имя жены князя Федора Львовича — Марии Корибутовны. Ее мать была дочерью князя Олега Рязанского¹, а отец — сыном Ольгерда и княгини Ульяны Тверской. Последнее свидетельство о князе Дмитриии-Корибуте сохранилось под 1404 г.² После его смерти Витовт стал опекуном княжны Марии, а тотом выдал ее замуж за князя Федора³. К сожалению, дата их брака неизвестна, но сохранившиеся источники позволяют прояснить этот вопрос.

Уточним хронологию жизни князя Федора Львовича. В конце XIX в. в историографии бытовало мнение, что воротынские князья находились в союзных отношениях с Литвой уже в самом начале XV в. Ю. Вольф обратил внимание на имена двух участников польско-литовской унии 1401 г.: «Fedorius Leonis cum Iuscone fratre germano» (лат.) — «Федор Львович с родным братом Юшко», и увидел в них представителей новосильского княжеского дома⁴. Позже М. К. Любавский заметил, что бросается в глаза «местный» состав сейма 1401 г. На нем присутствовали князья и бояре «ночи исключительно из собственной Литовской земли», среди них было лишь несколько бояр из Жемайтии. Однако, со ссылкой на мнение Ю. Вольфа, М. К. Любавский все же увидел здесь и воротынских князей⁵. Учитывая его собственное замечание о местном составе сейма, возможность участия в нем князей новосильского дома представляется сомнительной. С. М. Кучинский отверг доводы Ю. Вольфа на том основании, что «Feodorus Leonis» и его родной брат «Iuscone» не имели княжеского титула и занисаны в акте унии среди бояр⁶. Добавим, что по другим источникам у князя Федора Львовича Воротынского не известно «родного брата»

¹ АЮЗР. Т. 2. № 67. С. 104; CE SDQ. Т. 1. Pr. 1. № 22. S. 19.

² ПСРЛ. Т. 25. С. 232.

³ Wolff J. Ród Gedimina... S. 152–154.

⁴ Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy... S. 585; CEV. № 234. S. 73; AUPL. № 39. S. 37.

⁵ Любавский М. К. Литовско-русский сейм... С. 28–30.

⁶ Kuczyński S. M. Ziemia Czernihowsko-Siewerskie... S. 134.

Юшко (Юрия). Также примечательно, что в 1406 г. Витовт называл владельцев Воротынского своими врагами⁷. А. В. Кузьмин справедливо заметил, что и позже, несмотря на свое высокое положение, князья новосильского дома «никогда не входили в состав рады ВКЛ»⁸. Вопреки источнику, он все же допустил наличие у «Feodorius Leonis» и «Iuscone» княжеского титула. Может быть, в этом следовал за А. В. Шековым, который поддержал мнение Ю. Вольфа, опираясь на грамоту нана Коташа Беликовича, выданную Лаврашеву монастырю. В ней, между прочим, сказано: «А нисаль тотъ снисокъ князя Львовъ сынъ Федоръ». Здесь усматривается указание на княжеский титул некоего Федора Львовича⁹. В публикации, выполненной под редакцией Н. И. Костомарова, этот документ без объяснений был датирован временем «около 1401 г.»¹⁰. Вероятно, основанием для датировки стал акт польско-литовской унии 1401 г. и простое совпадение имен. Однако имя новогрудского боярина Коташа Беликовича встречается в актах Литовской метрики уже в самом конце XV в.¹¹ Его же грамота Лаврашеву монастырю сохранилась в копии начала XVI в. Поэтому отождествление «Fedorius Leonis» начала XV в. и «князя Львова сына Федора» конца XV в. представляется неверным.

Отец князя Федора Львовича — князь Лев Романович Новосильский номинируется в Усенском вселенском синодике среди князей, умерших в первой трети XV в.¹² В Введенском синодике князь Лев Романович номинируется вслед за князем Юрием Ивановичем Ольгимонтовичем, неизвестным по другим источникам. Однако родные братья князя Юрия Ивановича также умерли в первой трети XV в.¹³ Осенью 1424 г. старшим новосильским князем уже выступает князь Юрий Романович; в августе 1427 г. жена князя Льва Романовича названа «вдовой»¹⁴. К тому времени ее дети, видимо, уже были взрослыми. Так, в 1432 г. князь Василий Львович участвовал в военном походе, но при этом еще не имел детей¹⁵.

Свидетельство о браке князя Федора Львовича сохранилось в довольно позднем источнике. 15 марта 1505 г. одновременно три человека поручились за то, что великий князь литовский Витовт выдал княжну Марию Корибутовну

⁷ SEV. № 369. S. 150.

⁸ Кузьмин А. В. Титулованная знать Великого княжества Литовского в «великой войне» 1409–1411 гг. С. 57–59.

⁹ Шеков А. В. О системе наследования... С. 260; Он же. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI вв. С. 183; Он же. Политическая история и география Верховских княжеств. С. 236–237.

¹⁰ АЮЗР. Т. 1. № 7. С. 3–4.

¹¹ LM. Кн. 6. № 130. Р. 118; LM. Кн. 4. № 1.5. Р. 33.

¹² ГИМ. Син. № 667. Л. 60 об. — 61; ДРВ. Ч. 6. С. 447.

¹³ Поменник Введенської церкви... С. 19; Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy... S. 115.

¹⁴ SEV. № 1298. S. 779.

¹⁵ В 1432 г. князь Василий Львович погиб в битве при Ошмянах. Согласно родословцам, он умер бездетным (РИИР. Вып. 2. С. 43).

за князя Федора Воротынского. Один из свидетелей — князь Иван Васильевич Красный был сыном князя Василия Семеновича Друцкого и дочери князя Льва Романовича Новосильского, т. е. приходился князю Федору Воротынскому нлемянником. Бабка другого свидетеля — нана Андрея Дрождыны прежде была замужем за князем Иваном Корибутовичем. Они сообщили, что одна из дочерей князя Федора Воротынского была за князем Иваном Ярославичем (старшим сыном князя Василия Ярославича Сернуховского). Но поскольку этот брак состоялся лишь в середине XV в.¹⁶, то для датировки брака самого князя Федора Львовича дает мало. В этом смысле более информативно свидетельство князя Андрея Костянтиновича Прихабского (внука князя Ивана Семеновича Бабы Друцкого): «отец мой был у кн(е)г(и)ни Витовтовое чашникомъ; и я слыхал от отца моего, што тая Маря Корибутовна — матка кн(е)г(и)ни Ивановое Ярославича, и выдал ее кн(я)зь великий Витовтъ за кн(я)зя Федора Воротынского. А матка моя новедала, штож ездил отец ее кн(я)зь Семень Вяземский и [с] своею кн(я)г(и)нею, нроводить ее до Воротынска, а кн(я)зь Дмитрей Шутиха, а Григорей Протасевъ»¹⁷. О хронологии жизни князя Семена Вяземского известно крайне мало. Ю. Вольф справедливо не отождествлял его с князем Семеном Мстиславичем Вяземским, погибшим в 1406 г.¹⁸ В Введенском синодике князь Семен Иванович Вяземский (видимо, сын князя Ивана Святославича Вяземского) номинируется среди князей, умерших в первой трети — середине XV в.¹⁹ В 1505 г., нересказывая показания своей матери (дочери князя Семена Вяземского), князь Андрей Прихабский уноминал о ней в настоящем времени (в ходе судебного разбирательства требовались показания живых свидетелей). Князь Дмитрий Всеволодич Шутиха из рода тарусских князей вместе со своим братом достоверно уноминается в летописях на службе у Витовта под 1424 г. Тогда же впервые уномянут Григорий Протасев в качестве мценского воеводы²⁰.

Некоторые сведения о возможной дате брака дает хронология жизни князя Федора Львовича и его детей. Сам он был жив еще осенью 1480 г. «коли

¹⁶ При заключении договора второй половины 1453 — начала 1454 г., князь Василий Ярославич целовал крест к Василию II за себя и за своего сына князя Ивана (ДДГ. №56. С. 168–175). А. Б. Мазуров и А. Ю. Никандров исходили из того, что княжичи могли самостоятельно целовать крест с 12 лет. На этом основании заметили, что во время заключения договора князь Иван Васильевич уже не был младенцем, но ему еще не было 12 лет, поэтому датировали время его рождения серединой 1440-х гг. (Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Русский удел эпохи создания единого государства. С. 262). Однако можно привести пример, когда в 1375 г. великий князь Михаил Александрович Тверской целовал крест за своих детей и нлемянников, старшим из которых было по 15–17 лет (ДДГ. №9. С. 25). Поэтому и князь Иван Васильевич (Ярославич) мог родиться еще на рубеже 1430-х — 1440-х гг.

¹⁷ ЛМ. Кн. 6. №530. Р. 312; АЗР. Т. 1. №214. С. 363–364.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 236; Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy... S. 550.

¹⁹ Поменник Введенської церкви... С. 19.

²⁰ ПСРЛ. Т. 26. С. 182–183; см. § 13.

царь [Ахмат] былъ на Угре»²¹, а значит — родился не ранее рубежа XIV–XV вв. К 1448 г. его первая дочь достигла брачного возраста и была выдана замуж²². В 1447–1448 гг. он получал на литовской службе земли в вотчипу²³, но лишь в 1455 г. обратил внимание великого князя литовского Казимира на то, что «на нервьыхъ листех» его «детей не нисано». В этой связи ему была выдана новая грамота, которой переданные ему ранее литовские земельные «ножалования» подтверждались «ему у вотчину и его детемъ»²⁴. Должно быть, это стало возможным по достижении ими совершеннолетия (вероятно, 16 лет) в период с 1448 по 1455 г. В таком случае, они родились не ранее 1430-х гг. Годы смерти большинства детей князя Федора Львовича приходится на конец XV — начало XVI в., что также предполагает их рождение не ранее конца 1420-х — 1430-х гг.²⁵

Неблагоприятным периодом для брака князя Федора Львовича с Марией Корибутовной следует признать московско-литовские войны 1406–1408 гг., а также церковный раскол с осени 1414 до середины 1420 г. Вряд ли князь новосильского дома, которые, видимо, находились на стороне Москвы и митрополита Фотия, могли бы решиться на обряд венчания, совершаемый в Литве «несвященным епископом» (см. § 11). Вероятно, и до осени 1414 г. князь Федор Львович был еще слишком молод или даже юн. Поэтому наиболее вероятным временем для его брака представляются 1420-е гг. Возможно, соглашение о свадьбе было достигнуто при встрече Витовта с воротынскими князьями в конце июля 1427 г.²⁶ Если рассматривать известные династические браки, то впервые со времен Ольгерда представителем новосильского княжеского дома был заключен брак с представительницей нравящейся в Литве княжеской династии.

Вместе с тем было бы неправильно считать, что после июля — августа 1427 г. литовское влияние в Новосильско-Одоевской земле стало абсолютным,

²¹ СИРИО. Т. 35. С. 136.

²² ДДГ. № 50. С. 149–150.

²³ ЛМ. Кн. 3. Р. 37; РИБ. Т. 27. Стб. 47. См. приложения № 1 и № 2.

²⁴ ЛМ. Кн. 3. Р. 39; РИБ. Т. 27. Стб. 52–53; АЗР. Т. 1. № 57. С. 70–71.

²⁵ Князь Михаил Федорович умер в 1473–1477 гг. (см. § 21). Князья Дмитрий и Семен Федоровичи в последний раз упомянуты в живых в марте 1498 г., а к 1504 г. их выморочные воротынские долины уже находились в собственности Ивана III (СИРИО. Т. 35. С. 247; ДДГ. № 89. С. 355). Дата смерти дочери князя Федора, жены князя Ивана Андреевича Можайского, неизвестна. Другая дочь княгиня Евдокия Федоровна, жена князя Ивана Васильевича (Ярославича), была жива еще в марте 1505 г. (*Wolff J. Książowie litewsko-ruscy...* S. 212–213; *Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów.* S. 114–115; ЛМ. Кн. 6. № 530. Р. 312; АЗР. Т. 1. № 214. С. 363–364). Их сестра княгиня Феодосия Федоровна была жива еще в декабре 1505 г. (*Wolff J. Książowie litewsko-ruscy...* S. 12–13; РИБ. Т. 27. № 75. Стб. 587–588; ЛМ. Кн. 5. 2012. № 75. Р. 67–68; АСД. Т. 2. № 5. С. 6). Известна их двоюродная сестра — княгиня Анна Лоская, дочь князя Федора Корибутовича, которая в 1492–1493 гг. была престарелой (*Semkowicz W. Łosk i wygaśnięcie Korybutowiczów.* S. 201–209).

²⁶ СЕВ. № 1298. С. 779; см. § 14.

а московское было полностью утрачено. За долгие годы союза с Москвой у новосильских князей укрепились прочные связи с московскими норубежниками. Так, в 1405 г. князь Семен Владимирович Сернуховский (Боровский) женился на новосильской княжне Василисе²⁷. Он занимал высокое положение в Великом княжестве Московском и был введен Василием I в состав регентского совета при малолетнем Василии II²⁸. По смерти князя Семена Владимировича († 1427 г.) его княгиня Василиса еще в середине 1430-х гг. владела волостями, доставшимися ей от мужа²⁹.

Козельск под властью Москвы

В верховьях Оки еще оставались островки московского владычества, которые держались на политическом багаже предыдущих лет. Еще в 1409–1410 гг. князь Владимир Андреевич Серпуховский завещал своему старшему сыну князю Иваку Владимировичу город Козельск с его волостями и другими «нрмыслами» Василия I: Гоголем, Алексином, Пересветовой кунлей и Лисиным. При этом подчеркивалось, что вся эта территория составляет удел великого князя Василия Дмитриевича³⁰. После смерти князя Владимира Сернуховского († 1410 г.) и его сына князя Ивана Владимировича († 1422 г.) она должна была отойти к великому князю московскому. Тем не менее весь этот комплекс земель еще некоторое время задержался во владении серпуховских князей. По родословной легенде бояр Сатиных, сыновья князя Ивана Шонура Козельского — Константин и Роман сложили с себя княжение и стали боярами у князя Владимира Андреевича Сернуховского; впуск — Матвей Романович Шонуров получил от Василия I «не в от(ъ)имку» Козельск, причем великий князь отдал Матвея Шонурова в бояре князю Василию Владимировичу Сернуховскому. Вероятно, это произошло после смерти князя Ивана Владимировича, т. е. не ранее 1422 г.³¹ После

²⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5. Примеч. 254. Стб. 103; Нриселков М. Д. Тронцкая летопись. С. 458.

²⁸ ДДГ. № 22. С. 60–62.

²⁹ ДДГ. № 28. С. 72; Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот... С. 296–297; Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Русский удел эпохи создания единого государства... С. 240–253.

³⁰ ДДГ. № 17. С. 47. О датировке грамоты см.: Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Сернуховское княжение... С. 226–232. В ряде грамот Алексин, Пересветова кунля и Лисин неречислены вслед за козельскими волостями Серенском, Людимском, Коронками, Вырками без всяких оговорок. На этом основании А. В. Кузьмин предположил, что Пересветова кунля и Лисин искони принадлежали Козельскому княжеству (Кузьмин А. В. Андрей Ослябя, Александр Пересвет и их потомки. С. 20–21; Он же. На пути в Москву. Т. 2. С. 67–69). Оснований для подобной ретроспекции нет, поскольку в этом ряду Алексин нельзя отнести к исконно козельским городам. Следует полагать, что Козельск с волостями был объединен с Алексином, Пересветовой кунлей и Лисином только в 1402–1404 гг., в качестве пожалования Василию I князю Владимиру Андреевичу Сернуховскому. Далее до середины XV в. эта территория составляла единое целое (ДДГ. № 16. С. 43–44; № 17. С. 47; № 27. С. 70; № 30. С. 76, 78; № 41. С. 122; № 45. С. 129–130, 132, 135, 138; № 46. С. 141; № 48. С. 147; № 58. С. 180, 183).

³¹ По мнению А. В. Кузьмина, это событие произошло около 1402–1406 гг. (Кузьмин А. В. Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV — первой трети XV в. Ч. 2. С. 476). Однако вряд ли

смерти всех сыновей князя Владимира Андреевича единственным наследником Серпуховского удела остался еще несовершеннолетний князь Василий Ярославич. Видимо в этой связи, т.е. не ранее осени 1426 г., Матвей Шопуров был выведен из подчинения серпуховскому роду и стал служить (вероятно, вместе с Козельском) князю Константину Дмитриевичу (брату уже покойного к тому времени Василия I)³². Под конец жизни князя Константина Дмитриевича в договорных грамотах 1433 г. Козельск с волостями, а также с «нрмыслами» Василия I в качестве наследства обнаруживается среди владений Василия II.

Много позже великий князь московский признавал, что «не додал» князю Василию Ярославичу эти его «дедины»³³. Очевидно, в Москве помнили, как во время церковного конфликта 1415–1420 гг. князь Ярослав Владимирович бежал в Великое княжество Литовское. Возможно, он был тесно связан с брянскими боярами и духовенством, а ведь Козельск и упомянутые «нрмыслы» Василия I относились к территории Брянской епархии. У московского правительства имелся резон не давать князю Василию Ярославичу эту московскую часть Северо-Восточной Черниговщины. Никто еще не предполагал, что в будущем бегство уже самого князя Василия Ярославича в Великое княжество Литовское снасет престол Василия II.

На приведенных примерах хорошо видно, что на меньшей мере некоторые князья Верхнего Поочья не теряли связей с Великим княжеством Московским. Несмотря на то что со стороны Великого княжества Литовского предпринимались попытки глубже нустить здесь корни, Василий II и его московские онекуны сохраняли стратегический интерес к региону и не собирались вынуждать его из своих рук.

в то время Василий I мог напрямую передать столь значительную территорию под власть князя Василия Владимировича, минуя его отца и старшего брата.

³² Лихачев Н. Н. Разрядные дьяки XVI в. С. 433–437; Шабаетов Л. Е. Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: выборное московское дворянство. С. 149.

³³ ДДГ. № 27. С. 70; № 30. С. 76; № 45. С. 129–130, 132.

§ 16. Судьбы феодалов старой верхнеокской коалиции в период великого княжения Свидригайла

К концу 1420-х гг., желая освободиться от нокорности нольской короне, Витовт стал добиваться своей коронации. В 1430 г. к нему на коронационный съезд прибыли: нольский король Ягайло, великий магистр Немецкого ордена Павел фон Русдорф, митрополит Фотий, великий князь московский Василий II, великий князь тверской Борис Александрович, нослы от царей константино-польского, ордынского (должно быть — Улу-Мухаммеда), от воеводы молдавского, от великого князя Ивана Федоровича Рязанского, нослы из Новгорода, Пскова и другие. Среди иноземцев заандорусские летониси уноминают новосильских князей и говорят о них во множественном числе: «одоевские князи сами были»¹. Съезд продолжался семь недель, но коронация была сорвана нольками и не состоялась. В октябре 1430 г. Витовт разболелся и умер. В начале же ноября великим князем литовским был избран Свидригайло Ольгердович².

Вскоре разразился литовско-крымский конфликт, который нанрямую коснулся верховьев Оки. Согласно Софийской II летониси, «кн(я)зь велики ордыньски Айдаръ воевалъ Литовскую землю, пришед под Мченесь, стоялъ под городом три н(е)д(е)ли, города не взял, воеводу Григорья Протасевича на роте (на клятве. — Р. Б.) изымалъ, а волости новоевалъ, а до Киева не доходить за 15 мил(ь)»³. Включение этого энизода в летониси Северо-Восточной Руси, должно быть, свидетельствует о сохранении интереса Москвы к верховьям Оки в контексте московско-литовских и московско-ордынских отношений. Весьма своевольный великий князь Айдар был главой рода Кунгратов, и под

¹ Как заметил А. В. Шеков, это известие содержится в Никифоровском списке Белорусской I (смоленской по происхождению) летониси, восходящей к своду 1446 г. (ПСРЛ. Т. 35. С. 34; Шеков А. В. Летонисные известия об участии князей Одоевских в Луцком и Троцком съездах 1429 и 1430 годов (2013). С. 70–92; Он же. Политическая история и география Верховских княжеств. С. 110–129). В более поздних редакциях заандорусских летонисей появились существенные искажения, которые затем были переняты М. Стрыйковским для составления его хроники (Strykowski M. Kronika... Т. 2. S. 168). Например, появились ошибочные сведения об участии одоевских князей в Луцком коронационном съезде 1429 г. (ПСРЛ. Т. 35. С. 140, 162, 188, 209, 230). В Хронике Быховца список одоевских князей был расширен: «kniaź odojewski, u peremyszlski, u powoselskiie» (ПСРЛ. Т. 32. С. 152; Хроника Быховца. С. 81). Помещение титула перемышльского князя между одоевским и новосильским указывает на ветвь князей воротынских, представитель которой — перемышльский князь впервые упоминается только в конце XV в., а в московско-литовских договорах — в 1508 г. (ЛМ. Кн. 8. № 80. Р. 127; ЛМ. Кн. 7. № 55. Р. 139). Здесь явная ошибка позднего источника, поскольку в 1430 г. Перемышль еще не принадлежал воротынским князьям. Одоевских князей на съезде 1430 г. также упоминает Я. Длугош (Dlugosz J. Dziejów polskich. Т. IV. S. 376). По мнению А. В. Шекова, его источником в этой части были сведения Белорусской I летониси (Шеков А. В. Летонисные известия об участии князей Одоевских в Луцком и Троцком съездах 1429 и 1430 годов (2013). С. 74–77).

² Danilowicz I. Skarbiec dyplomatów... Т. 2. № 1517. S. 111–112.

³ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 54.

1433 г. выступает в качестве зятя хана Улу-Мухаммеда⁴. В Крыму он занимал высокое положение, в соответствии с которым ему административно были подчинены некие русские земли⁵. К исходу первой трети XV в. подвергшийся нападению Айдара массив русских земель уже прочно входил в административную систему Крымского улуса, т. е. находился в ведении крымских ханов. Судя по более поздним ярлыкам-ножалованиям крымских ханов, возможность силового воздействия татар на русские земли Великого княжества Литовского была предусмотрена в качестве санкции на случай невыплаты литовской стороной ордынской дани⁶. Обратим внимание на то, что в 1429–1430 гг. на ожидаемую коронацию Витовта были потрачены немалые средства. Затем требовалось время на избрание нового великого князя и на установление дипломатических отношений Свидригайла с Улу-Мухаммедом и подчиненным ему Крымом. Поэтому не исключено, что нападение татар (видимо, в период с ноября 1430 по февраль 1431 г.) было вызвано вероятной задержкой выплат Литвой ордынских «выходов». При этом неизвестно, чтобы Новосильско-Одоевская земля тоже пострадала от нападения Айдара. Можно думать, что Одоев либо не подчинялся князю Айдару, либо не был обременен событиями в Великом княжестве Литовском и своевременно платил «выходы».

В результате набега Айдару удалось поживиться грабежом и захватом плененных, лишь затем для разрешения конфликта он обратился к Улу-Мухаммеду: «Адар же дал Григорию роту (клятву. — Р. Б.) по своей вере, он же и внял тому вере, выиде к нему из града. Адар же веде его с собою в Орду ко царю Махмету». Однако Улу-Мухаммед не желал разрывать отношения с Литвой. «Царь же норукася Аидару и не похвали его о том, и, ночтив Григория, отпусти его»⁷. 9 мая в нисыме верховному маршалу Немецкого ордена Свидригайло сообщал, что его носол возвратился от хана, и что Улу-Мухаммед уверил его в истинной дружбе, и выразил готовность помогать ему не только войском, но и личным присутствием, если того потребует необходимость. Хан дал ему нисыменное обязательство, такое же, как и прежние ханы давали великим князьям литовским (вероятно, речь идет о мирном договоре). Он носылал к Свидригайлу четырех знатных князей, в том числе и своего тестя (отца одной из своих жен). В конце нисыма сообщалось, что хан даровал свободу мценскому воеводе госнодину Григорию Протасьеву (*den herren Hrehory*

⁴ Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством османской пашты до начала XVII века. С. 206–207, 216; Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5. Примеч. 264. Стб. 115.

⁵ «Айдарово княжое место» сохраняло свое административное значение еще и в начале XVI в. (Акчурина М. М. Начальная генеалогия ширинских князей. С. 198–199).

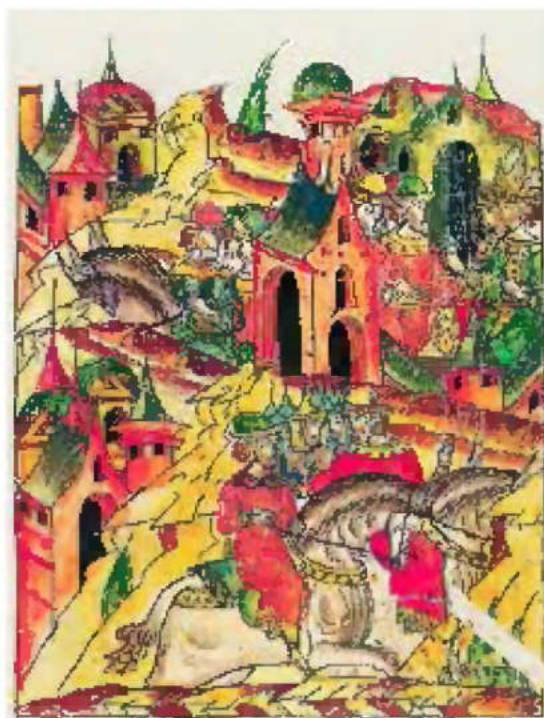
⁶ Kolodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania... S. 530, 540–541; Барвинський Б. Два загадочні ханські ярлики на рускі землі з другої половини XV століття. С. 18, 20; Golebiowski L. Dzieje Polski za panowania Jagiellonów. T. 3. S. 231, 233.

⁷ ПСРЛ. Т. 27. С. 102.

Prothasy, unsern hewptman zur Mczensko, нем.), вместе со многими другими взятыми в плен⁸.

Ярлык-ножалование хана Улу-Мухаммеда, выданный Свидригайлу на русские области Великого княжества Литовского, не сохранился. Однако, согласно «Списку городов Свидригайла», к октябрю 1432 г.⁹ в верховьях Оки литовскому госнодарю принадлежали: «Мценск, Любутск, крепость Мезецк, крепость Тула, Берестей, Дорожен, Ретань, Сернейск»¹⁰. По наблюдению С. В. Полехова, Свидригайлу также было подчинено Среднее Подонье, в основном в правобережной его части: «Елец со многими волостями и крепостями, Воронеж, Оскол»¹¹.

При Свидригайле состав нравящей элиты Великого княжества Литовского

Илл. 16.1. Улу-Мухаммед отпускает Григория Протасьева из Айдарова плена (ЛЛС. Кн. 13. С. 100)

⁸ Письмо датировано: «in vigilia ascensionis anno domini etc. tricessimo primo» (лат.) — «накануне Вознесения Господня, год [14]31» (Коцебу А. Свидригайло... С. 93–94; *Danilowicz I. Skarbiec diplomatów...* Т. 2. № 1543. S. 118; CE SDQ. Т. 2. № 189. S. 255–256; *Полехов С. В., Наумов Н. Н.* Татарская тематика в переноске сановников Тевтонского ордена. № 2. С. 789–790).

⁹ «Список городов Свидригайла» датируется периодом с 3 сентября по 1 октября 1432 г. (*Полехов С. В.* «Список городов Свидригайла». С. 113–115).

¹⁰ В оригинале: «Miszenyesk, Lyubutesk, Mesczesk castrum, Tula castrum, Rereste, Dorczen, Rethun, Sirpeesk» (*Полехов С. В.* «Список городов Свидригайла». С. 119). Этот перечень близок к списку из более поздних ярлыков-ножалований крымских ханов, выданных великим литовским князьям (*Барвинский Б.* Два загадочні ханські ярлики на рускі землі з другої половини XV століття. С. 17, 19; *Golebiowski L.* Dzieje Polski za panowania Jagiellonów. Т. 3. S. 232, 231; АЗР. Т. 2. № 6. С. 5).

¹¹ В оригинале: «Gelecz cum districtibus multis et castris, Wronasz, Oskol» (*Полехов С. В.* «Список городов Свидригайла». С. 121). Несмотря на бытующую в историографии точку зрения о занушении Ельца после его разорения татарами осенью 1414 г., предложенное С. В. Полеховым толкование слова «Gelecz» как «Елец» следует поддержать. Наиболее ранний текст о нападении татар на Елец осенью 1414 г. (6923 г.) читается в Софийской I летописи старшего извода (датировка уточняется по Никоновской летописи): «И воеваша татарове Елечскую землю» (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 535; ПСРЛ. Т. 11. С. 225). Софийская I летопись доведена до 1418 г., она близко отражает летописный свод митрополита Фотия, а ее составитель был современником нападения татар на Елец. Ни в Софийской I летописи, ни в дальнейшем летописании Северо-Восточной Руси ничего не говорится о занушении Елецкой земли. Лишь в западнорусских летописях, отразивших смоленскую летопись 1446/47 г., записано: «Воевавшие татарове Елечскую землю и оттоле занустила» (ПСРЛ. Т. 35. С. 55). Это выражение отражает взгляд смоленского летописца середины XV в. Если оно и имеет какое-то отношение к действительности, то следует полагать, что Елецкая земля пришла в упадок в период с 1432 по 1446 г.

не претерпел существенных изменений¹². Имя мценского воеводы (Hrehore Prothasy) стоит под договором Свидригайла с Немецким орденом от 15 мая 1432 г. среди многих князей и сановников, которые служили еще Витовту¹³. В их числе также названы князь Иван Путята Семенович (Iwan Putata Semenowicz) и его брат князь Василий Семенович (Wassily Semenowicz) из рода Друцких¹⁴, которые тоже имели связи и влияние в Верхнем Поочье.

Литовско-новосильский договор 1427 г. предусматривал возможность его продления (возобновления) после смерти одного из контрагентов: великого князя литовского и/или старшего в роду новосильских князей. Политическая обстановка благоприятствовала этому. 22 июня 1432 г. Свидригайло сообщал великому магистру Немецкого ордена¹⁵:

Wir nicht vorbergen wollen, das die
grosfurste von Odoyow gebrudere
seynt no gestern czu uns komen mit
manchfeldigen goben, begerende und
sundirlich bethende, das wir ir gene-
diger herre und beschirmer sein geru-
cheten, bey dem eyde globinde, uns
czu dinen czu ewigen czeithen.

Мы не хотим скрывать, что великие
князья одоевские, братья, вчера при-
были к нам с различными дарами, же-
лали и особенно настойчиво просили,
чтобы мы соизволили быть им мило-
стивым госнодином и нокровителем,
под присягой клялись служить нам
вечные времена.

¹² *Нолехов С. В.* К вопросу о причинах государственного переворота в Великом княжестве Литовском в 1432 г. С. 35–49.

¹³ При подготовке договора Свидригайла с Орденом было принято решение расширить список лиц-гарантов исполнения договора, благодаря чему, в частности, в него попал и Григорий Протасьев (см.: *Нолехов С. В.* Наследники Витовта. С. 218, 227–235). По мнению Р. Петраускаса, в одном из польских источников Григорий Протасьев упоминается как «Protassio de Ostrowek» под 1431 г. В начале сентября он якобы участвовал в обороне Луцка от польско-литовских войск, вместе с другими слугами Свидригайла был взят в плен, а в конце декабря того же года отпущен на свободу (*Нятраўскас Р.* Літоўская знаць у канцы XIV — XV ст. С. 286; CE SDQ. Т. 1. Рг. 1. № 75. S. 72). Именование Григория Протасьевича просто Протасием известно из источников (*Коцебу А.* Свидригайло... С. 221–223; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 70–71). Однако «Островки, Протасово село» располагались в Гомельской волости, что довольно далеко от Мценска (ЛМ. Кн. 3. Р. 53, 54). К тому же, к 1431 г. и далее во всех источниках Григорий Протасьев устойчиво назывался «мценским воеводой». Сложно найти причину, по которой он был бы назван без своей военно-административной должности. Поэтому отождествление его с Протасием из Островков проблематично.

¹⁴ Russisch-Livlandische Urkunden. S. 189–192; *Коцебу А.* Свидригайло... С. 128–130. Грамота датирована: «am Donnerstage synte Sophie in dem Joren Vnsirs Herren XIII^c im XXXII^{ten} Jare» (нем.) — «в четверг святой Софии от рождения нашего Госнода в 1432 году».

¹⁵ Письмо датировано: «am sontag infra octavas Corporis Christi anno domini etc. tricesimo secundo» — «в воскресенье недели праздника Тела и Крови Христовых, год тридцать второй». У А. Коцебу ошибочно датировано «в исходе апреля» или «в воскресенье Фоминой недели» (27 апреля); у И. Даниловича: «29 Czerwca» — «29 июня». Цитируется по С. В. Полехову и с учетом его уточнений датировки и перевода (GStAPK, OBA. 6138; *Нолехов С. В., Наумов Н. Н.* Татарская тематика в переписке сановников Тевтонского ордена. № 5. С. 791–792; *Kotzebue A.* Switrigail... S. 75; *Коцебу А.* Свидригайло... С. 127; *Danilowicz I.* Skarbiec diplomatów... Т. 2. № 1608. S. 134).

В публикации сочинения А. Коцебу на немецком языке присягнувшие Свидригайлу князья названы: «die Grosfürste von Odoyow, Gebrüdere», что в точности соответствует тексту подлинной грамоты. Однако при подготовке русскоязычного издания И. И. Нестерович допустил иной перевод: «великие князья Одоевские, родные братья», что существенно искажает оригинал и вводит в заблуждение читателя. Дело в том, что к этому времени титул «князей одоевских» еще не превратился в фамилию и принадлежал не только нотомкам князя Юрия Романовича. Он мог обозначать князей «Одоевской земли», т. е. вообще князей новосильского дома¹⁶. Видимо, именно в таком значении он употреблен и в латонисном рассказе о коронации Витовта¹⁷. В нисме Витовта от 14 августа 1427 г. князьями из «lande Odoyow» назывались и сыновья князя Юрия Романовича, и князья воротынские. Последние титулованы «von Wrotynsk etc.», где выражение «et c[etera]» (и так далее, и других) явно указывает на сокращение сложносоставного титула воротынских князей¹⁸. Позже, в грамоте 1447 г. Федор Львович уномяннут с титулом князя «новосильского и одоевского»¹⁹. В грамоте 1483 г. его нотомки титулованы «новосильскими и одоевскими и воротынскими»²⁰. Поэтому в нисме Свидригайла от 22 июня 1432 г. под «одоевскими» вполне могли подразумеваться и воротынские князья²¹.

Обратим внимание на то, что в нисме Свидригайла «великие князья одоевские, братья» названы во множественном числе. То есть к 1432 г. в роду новосильских был не один, а как минимум два «великих князя» (схожее положение было в Рязанской земле). Должно быть, к этому времени великого князя Юрия Романовича уже не было в живых, и возникла практика заключения двух литовско-новосильских договоров следующим поколением новосильских князей. Время для заключения особого литовско-воротынского договора было благоприятным. Родная сестра Львовичей была замужем за князем Василием

¹⁶ См. отождествление термина «одоевские князи» с термином «одоевскихъ городовъ князи»: СИРИО. Т. 41. С. 269. О титулах новосильских князей также см. § 12.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 35. С. 34, 57, 75, 106, 140–141, 162–163, 188–189, 209, 230–231.

¹⁸ Практика применения выражения «etc.» для сокращения сложносоставных титулов была распространена. Например, титул Витовта указывался как: «grosfurste czu Lithauwen etc.» — «великий князь Литвы и др.» (CEV. № 1298. S. 778–779).

¹⁹ ДДГ. № 39. С. 117–118; ЛМ. Кн. 5. 1993. № 130. Р. 247–248; АЗР. Т. 1. № 41. С. 55.

²⁰ АЗР. Т. 1. № 80. С. 100–101. Также см. приложение № 9.

²¹ В пересказе А. Левицкого: «Также князья Одоевские, его (Свидригайла. — Р. Б.) родственники, до этого явно стоявшие в стороне, с великими дарами поклонились Свидригайлу и просили его, чтобы он принял их под свою опеку, обещая верно служить ему до скончания жизни» (*Lewicki A. Powstanie Swidrygiełły*. S. 142). На основании этой цитаты С. М. Кучинский сообщил, что Свидригайло называл князя Федора Львовича Воротынского «родственником», что затем воспроизвели и другие исследователи (*Kuczyński S. M. Ziemia Czernihowska-Siewerskie pod rządami Litwy*. S. 133; *Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в.* С. 142; *Бірюк Н. М. Участь верховських князів у політичних конфліктах у Литві (30-ті рр. XV ст.)*. С. 40). Однако в источнике, на который ссылался А. Левицкий, речь шла не о князе Федоре Львовиче, а вообще о князьях Одоевских. Причем Свидригайло не называл их своими родственниками.

Семеновичем Друцким, который входил в ближайшее окружение великого князя литовского²². Князь Федор Львович был женат на родной нлемяннице Свидригайла — Марии Корибутовне; также сторонниками Свидригайла были родные братья Марии — князья Иван и Федор Корибутовичи²³. К декабрю 1432 г. князь Василий Львович явно служил Свидригайлу. На этом основании следует полагать, что именно в 1432 г. литовско-новосильский договор 1427 г. раснался на две ветви — литовско-воротынскую, далее нредставленную договорами 1432, 1447, 1483 гг.²⁴, и литовско-одоевскую, нредставленную договорами 1432, 1459, 1481 гг., возможно, еще и договором 1491 г.²⁵ Примечательно, что «Снисок городов Свидригайла» был составлен носле заключения его союза с «великими князьями одоевскими». Однако в нем нет ни одного города Новосильско-Одоевской земли. Таким образом, как и при Витовте, в союзе со Свидригайлом князь новосильского дома сохраняли обособленность своей «земли» от Великого княжества Литовского.

Вскоре в новосильско-ордынских отношениях произошли существенные изменения, которые напрямую были связаны с событиями в Великом княжестве Литовском и в Крыму. В августе 1432 г. против Свидригайла при поддержке польского короля Ягайла выступил Сигизмунд Кейстutowич. По свидетельству Я. Длугоша, Сигизмунду покорились «замки литовские, такие как Вильно, Троки, Городна. Земли же русские, Смоленск, Витебск остались верны Свидригайлу»²⁶. Если к последнему неречно добавить Вошьнь, Киевскую землю и Черниговщину, то нреимущество Свидригайла может показаться весьма существенным²⁷. Он собрал большое войско, к которому нримкнули и новосильские дружины. Однако 8 декабря 1432 г. в битве под Ошмянами оно потернело сокрушительное поражение. Среди прочих на поле битвы нал князь Василий Львович из рода Новосильских²⁸; в плен к Сигизмунду попал его шури (брат жены) князь Федор Андреевич Одинцевич, который был женат на дочери князя Андрея Всеволодича Шутихи²⁹. Тем не менее Свидригайло не считал себя побежденным, и написал великому магистру Немецкого ордена, что не потерял и двадцати «лучших людей»³⁰. В нисьме отцам Базельского собора от 22 марта 1433 г. он жаловался

²² АЗР. Т. 1. № 214. С. 364; *Wolff J.* Kniazowie litewsko-ruscy... S. 58.

²³ *Wolff J.* Ród Gedimina... S. 178–179.

²⁴ ЛМ. Кн. 5. 1993. № 130. Р. 247–248; ДДГ. № 39. С. 117–118; АЗР. Т. 1. № 80. С. 100–101.

²⁵ ЛМ. Кн. 5. 1993. № 137. Р. 254–255; ДДГ. № 60, С. 192–193; *Казакоў А. У.* Невядомае даканчанне... С. 297–300. О договоре 1491 г. см. § 22.

²⁶ *Dlugosz J.* Dziejów polskich. Т. IV. S. 444.

²⁷ См.: *Нолехов С. В.* «Снисок городов Свидригайла». С. 125. Карта С. Н. Темушева.

²⁸ РИИР. Вып. 2. С. 43. О битве см.: *Нолехов С. В.* Наследники Витовта. С. 306–314.

²⁹ ПСРЛ. Т. 35. С. 34, 57. О родственных связях князя Федора Одинцевича см.: ПСРЛ. Т. 35. С. 282, 283; *Wolff J.* Kniazowie litewsko-ruscy... S. 281, 288; *Нолехов С. В.* Наследники Витовта. С. 587–588.

³⁰ ПСРЛ. Т. 35. С. 34; *Коцебу А.* Свидригайло... С. 141–144, 158. В нереводе И. И. Нестеровича на русский: «хороших людей», однако в оригинале: «guttir luthе» (нем.) — «лучшие люди», это нредставители нривилегированного сословия (СРЯ. Вып. 8. С. 314).

на обиды, причиненные ему Сигизмундом. Под нисьмом стояли и имена его сторонников — князей и бояр, среди которых смоленский воевода князь Иван Путята Семенович (Iwan Putata Smanowittz capitaneus Smalenczky), брянский воевода Юрша Иванович (Jurscha Iwanowittz capitaneus in Brensky), мценский воевода Григорий Протасьев (Rehori Prothasi capitaneus in Mesensky)³¹.

Вскоре Свидригайло направил своего носла к Улу-Мухаммеду и, называя себя великим князем, просил у него помощи. Хан обещал прислать своего старшего сына Мамутека, а также зятьев Айдара и Елбердея с войсками³². Они должны были присоединиться к Свидригайлу до 19 июля 1433 г., видимо, недалеко от Смоленска³³. Однако Ягайлу удалось перехватить инициативу в отношениях с Улу-Мухаммедом³⁴. В результате, прибыв на Днепр, вместо обещанной помощи татары разграбили киевские и черниговские места³⁵.

В этой связи Свидригайлу пришлось изменить свою ордынскую политику. Накануне описанных событий при его дворе уже несколько лет находился сын Бека-Суфи — царевич Сеид-Ахмед³⁶. В своих нисьмах от 10 ноября 1433 и от 11 апреля 1434 г. Свидригайло свидетельствовал, что посадил Сеид-Ахмеда «на отцовский трон». Тот же обещал Свидригайлу помощь для возвращения великого литовского княжения³⁷. Поскольку ранее Бек-Суфи был «имнератором Солхата», то следует полагать, что и Сеид-Ахмед пришел к власти именно в Крыму³⁸. Стремление Свидригайла к более предсказуемой политике со стороны Крыма вполне понятно. К тому времени Крымский улус со всей его административной структурой уже настолько обособился, что Сеид-Ахмед в своем новом качестве считал возможным разрешить вопрос о легитимности власти Свидригайла и выдал ему ярлык на русские земли Великого княжества Литовского³⁹.

³¹ Имена и административные должности цитируются по С.В. Полехову. Также см.: *Bullarium Poloniae litteras apostolicas aliaque monumenta Poloniae Vaticana continens*. Vol. 5. № 1361. P. 250–251. Здесь «capitaneus in Mesensky» то же, что «hewptman zur Mczensko» (см. выше) — начальник, глава.

³² Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5. Примеч. 264. Стб. 115; *LEuC UB*. Bd. 8. № 681. S. 403–404.

³³ Коцебу А. Свидригайло... С. 180–182.

³⁴ Полехов С.В. Наследники Витовта. С. 334.

³⁵ *Dlugosz J. Dziejów polskich*. T. IV. S. 480–481; ПСРЛ. Т. 40. С. 134.

³⁶ Еще в сентябре 1432 г. Сеид-Ахмед (Sydachmach Bexubowitz) сопровождал Свидригайла (*LEuC UB*. Bd. 8. № 624. S. 366).

³⁷ *Halecki O. Z Jana Zamoyskiego Inwentarza Archiwum Koronnego materialy do dziejów Rusi i Litwy*. S. 216; Коцебу А. Свидригайло... С. 192, 193–194; Флоря Б.Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460). С. 183.

³⁸ По мнению Л.П. Колли, в 1434 г. крымским ханом был Хаджи-Гирей, который в этом году разбил генуэзцев под Солхатом (Колли Л.Н. Хаджи-Гирей хан и его политика... С. 116–120). На его мнение ссылаются довольно много исследователей, однако в тех документах, на которые ссылался сам Л.П. Колли, никаких упоминаний о каком-либо крымском хане не обнаружено. Ранее на эту особенность историографии уже обращал внимание О. Гайворонский (Гайворонский О. Повелители двух материков. Т. 1. С. 35–36).

³⁹ В конце XV в. Менгли-Гирей вспоминал, что еще при Сеид-Ахмеме к Крымской Орде «тянули» многие города Великого княжества Литовского, а люди этих городов давали крымским

В это время важные события происходили в Великом княжестве Московском. Согласно Московскому своду конца XV в. и связанным с ним летописям, в июне 1432 г. хан Улу-Мухаммед в Орде разрешил спор о великом московском княжении между Василием II и Юрием Дмитриевичем в пользу первого претендента⁴⁰. По мнению же Я. С. Лурье, такое описание событий исходит из великокняжеского летописания позднего времени. В новгородских и московских летописях сохранилось известие, что оба претендента вышли из Орды без великого княжения⁴¹. Тем самым было обусловлено начало войны между дядей и племянником. В ее ходе Юрий Дмитриевич дважды: сначала в конце апреля 1433, а затем окончательно в марте 1434 г. занимал Москву⁴². Свидригайло был рад его победе. 1 мая 1434 г. он писал великому магистру Немецкого ордена⁴³, что великий князь московский Юрий (*der grosfurste herczog George von Moskwa*) прислал к нему своего сына с большой силой (войском). Также большую силу прислал великий князь тверской (*der grosfurste zu Tfer*). Далее Свидригайло сообщал:

und die fursten von Odoyow awch bereit sein, mit ir selbs leiben uns zu hilfe komen, welicher unser vorforen nye machten in hilfe gehabt. Awch hat uns dieselben fursten von Odoyow und ir lande der keiser gegeben und verscriben awch seinen henden.

и также прискакали князя Одоевские, с их войском нам на помощь пришли, которые никогда не оказывали помощи нашим предшественникам⁴⁴. Также царь передал нам тех самых князей Одоева и их землю (страну) и собственноручно занисал.

Фактически Свидригайло писал о ярлыке-ножаловании на Одоевскую землю, которой он по цареву повелению якобы стал владеть. Судя по более поздним свидетельствам, даже к началу 1470-х гг. у великого князя литовского

дарагам ясак (СИРИО. Т. 35. С. 290–291). Те же отношения существовали при Витовте, а затем при Сигизмунде и Казимире, и регулировались ярлыками-ножалованиями крымских ханов (*Kolodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania... S. 530; Барвинський Б. Два загадочні ханські ярлики на рускі землі з другої половини XV століття. С. 17–18*). Следовательно, Сеид-Ахмед, будучи крымским ханом, выдал аналогичный ярлык Свидригайлу. Именно такими ярлыками-ножалованиями русские города Великого княжества Литовского передавались под власть литовских госнодарей.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 249–250; Зимин А. А. Витязь на распутье... С. 45–46.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 433; Псковские летописи. Вып. 1. С. 39; Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. С. 87–89.

⁴² Зимин А. А. Витязь на распутье... С. 56–57, 62–65.

⁴³ Письмо датировано: «ipso die sanctorum Philippi et Jacobi apostolorum anno etc. tricesimo quarto» — «в [день] святых апостолов Филиппа и Иакова, год тридцать четвертый». Цитируется по С. В. Полехову (GStAPK, OBA. 6809).

⁴⁴ У А. Коцебу здесь сокращено с сохранением смысла: «...und die Fürsten von Odoyow, welche unsere Vorfahren nie mochten zu hilfe gehabt» — «...и князя одоевские, которых наши предшественники не могли иметь в помощь». Однако в переводе И. И. Нестеровича эта фраза искажена: «...коих предшественники наши никогда не могли иметь своими союзниками», что само по себе неверно (*Kotzebue A. Switrigail... S. 117; Коцебу А. Свидригайло... С. 196*). В новом переводе учтены уточнения С. В. Полехова.

не было ярлыка-ножалования на Одоев⁴⁵. Для времен Свидригайла эта мера и вовсе выглядит исключительной. По сравнению с нисьмом двухлетней давности, его отношение к «одоевским князьям» изменилось. Ранее он уноминал о них как о «Großfürsten» — великих князьях. Тенерь же ограничился титулом «Fürsten» — князья.

Пристун крымского сенаратизма был не нервным. Как и четырнадцать лет назад, особого крымского хана ноддерживал великий князь литовский. Однако тогда Витовт не требовал власти над Одоевом, а Бек-Суфи не выдавал ему ярлык на Одоев в обход новосильских князей. Последние десять лет литовской политики были направлены на нризнание законным ханом Улу-Мухаммеда. При нем новосильские князья утвердили свой высокий статус, а затем нрисягнули Свидригайлу в качестве великих князей. Если они и тенерь сохраняли нриверженность к власти единого хана и рассчитывали сберець нраво на свои отношения с иными «землями», великими княжениями и Ордой, то их нозиция, видимо, стала ийти вразрез с новой ордынской политикой Свидригайла. Именно нри таких отягчающих обстоятельствах совершилась нервая нонытка сюзерена носягпуть на самостоятельность Новосильско-Одоевской земли в вопросах ее отношений с Ордой. Лишь вследствие скорого крушения власти Свидригайла далее уномяпутый ярлык-ножалование Сеид-Ахмеда оказался фиктивным и не имел нродолжения.

Одновременно собственные интересы в регионе обозначил великий князь московский Юрий Дмитриевич. Весной 1434 г. он заключил докончание с великим князем Иваном Федоровичем Рязанским⁴⁶, который обязался: «А въсхо-чет княз(ь) велики Шветригаило со мною взяти любовь, и мне с ним взяти любовь с тобою но думе. А нисати ми с(я) с ним в докончялпую грамоту, что есми с тобою один ч(е)л(о)в(е)къ». В отношении же новосильских князей занисали: «А ([если]. — *Р. Б.*) новосилские кн(я)зи добыют челом тебе, великому кн(я)зю (московскому. — *Р. Б.*), и мне (великому князю рязанскому. — *Р. Б.*) с ними взяти любовь но тому *жс*. А жыти ми с ними без обиды». Вероятно, эта формулировка была унаследована из нредыдущего московско-рязанского докончания, а именно из договора Василия II с князем Иваном Рязанским конца 1432 — начала 1433 г.⁴⁷ После норажения Свидригайла от Сигизмунда нри Ошмянах Василий II мог надеяться на то, что новосильские князья нерейдут на его сторону. Еще М. К. Любавский заметил, что московский князь не нанисал в грамоте, что новосильский князь с ним «один человек», но не исключал возможную нерспективу союза с Одоевом⁴⁸. Во всяком случае, московская и рязанская стороны

⁴⁵ LM. Kn. 8. № 24. P. 59; Stosunki z Mendli-Girejem... № 78. S. 292–293.

⁴⁶ ДДГ. № 33. С. 83–87.

⁴⁷ О датировке договора Василия II с великим князем Иваном Рязанским см.: Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Русский удел эпохи создания единого государства... С. 151; Зимин А. А. Витязь на распутье... С. 229; Ониси ЦА XVI в. и АПП 1614 г. С. 50–51; Онись АПП 1626 г. Ч. 1. С. 39–40.

⁴⁸ Любавский М. К. Областное деление... С. 48.

но-прежнему рассматривали Новосильско-Одоевскую землю как самостоятельный субъект нравовых отношений.

5 июня 1434 г. внезапная смерть великого князя Юрия Дмитриевича осложнила положение дел в Великом княжестве Московском. Его старший сын — князь Василий Юрьевич объявил себя преемником на московском престоле, но удержался в Москве не более месяца. Его младшие братья князя Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный Юрьевичи вдруг поддержали Василия II, и во многом благодаря их помощи тот вернул себе великое княжение⁴⁹.

В начале сентября 1435 г. у Вилькомира войска Свидригайла потерпели крупное поражение от польско-литовских войск⁵⁰. Через три недели Сигизмунд послал своего сына Михаила «на Русь». Его войска дошли до Орши, куда к ним прибыли смоленские бояре и поклонились Сигизмунду⁵¹. В сложившейся ситуации судьбы представителей старой верхнеокской коалиции сложились по-разному. Князь Иван Путята Друцкий остался вместе со Свидригайлом⁵². Его брат князь Иван Баба Друцкий со своей дружиной бежал из Литвы и в начале 1436 г. приехал к Василию II⁵³. Вскоре он показал себя искусным полководцем: 14 мая 1436 г. в бою захватил князя Василия Юрьевича и привел его к великому князю московскому⁵⁴.

Приблизительно в конце 1435 — начале 1436 г. Сигизмунду подчинился Стародуб, в связи с чем его гарнизон был усилен⁵⁵. Может быть, тогда же Сигизмунд совершил поход и на Брянск. Данное известие не датировано, оно сохранилось в судебном деле ошмянского служилого человека Яна Ганцевича 1528 г., который заявлял, что «коли великий кн(я)зь Жикгимонтъ ко Бранску тягъпуль, тогды с тягълое служьбы нредка его вызволилъ, а велель ему боярскою служьбою служыти»⁵⁶. В этой связи можно думать, что во время похода на Брянск у Сигизмунда было еще недостаточно сил, и ему даже приходилось рекрутировать тяглых людей. В таком положении он находился еще и во время Вилькомирской битвы⁵⁷. Путь Ошмяны — Минск — Могилёв — Кричев — Стародуб — Брянск известен по походу Витовта 1406 и 1408 гг. и по его же поездке 1427 г. (см. §§ 10, 14). Впрочем, С. В. Полехов склонен датировать поход Сигизмунда на Брянск 1438 г.⁵⁸

⁴⁹ Зимин А. А. Витязь на распутье... С. 49–78.

⁵⁰ Полехов С. В. Наследники Витовта. С. 403–404.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 35. С. 35, 77.

⁵² АЗР. Т. 1. № 37. С. 50.

⁵³ После поражения под Вилькомиром князь Иван Баба Друцкий некоторое время пребывал у ливонского магистра, затем направился во Псков, пробыл там «до полузимы» 1435/36 г., а потом отъехал к Василию II (ПСРЛ. Т. 5. С. 45).

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 252.

⁵⁵ Полехов С. В. Наследники Витовта. С. 406.

⁵⁶ Dubonis A. Įdomesni dokumentai apie Lietuvos bajorus. P. 176.

⁵⁷ Полехов С. В. Наследники Витовта. С. 400–401.

⁵⁸ Там же. С. 430.

Сигизмунд действовал не только силой, но и хитростью. Он стал активно распространять слухи о смерти Свидригайла, что повлияло на поведение неосведомленных свидригайловых сторонников⁵⁹. По мнению С. В. Полехова, этим слухам поддавался Григорий Протасьев, который отклонился от него «вместе со многими другими городами» к Сигизмунду⁶⁰. Не исключено, что так же поступили князья Дмитрий и Андрей Всеволодичи. Однако в феврале 1436 г. Свидригайло силой занял Стародуб, что пробудило от заблуждения его бывших верхнеокских сторонников. Их настораживало, видимо, и то, что, набравшись сил, Сигизмунд стал смещать прежних наместников, как это случилось со смоленским наместником Георгием Бутримом, и ставить на их место лояльных себе лиц. 17 марта 1436 г. Свидригайло нисал великому магистру Немецкого ордена, что ненавистники «распустили слух о его смерти, вследствие чего воевода мценский Григорий, иначе [называемый] Протасий (der Palatinus des Schlosses Msczensko Gregorius alias Prothasy, нем.), отклонился было от него вместе со многими другими городами. Однако Григорий вторично поклялся ему в своей верности. Прочие же города, исключая Смоленска, покорены им снова»⁶¹. 1 апреля 1436 г. он повторно нисал великому магистру: «дела наши идут весьма хорошо, ибо все крепости, города, уезды и прочие в Русской земле находящиеся владения наши, кои изменою и возмущением оных Григория, иначе Протасия (Gregorii alias Prothasy), и Георгия (так!) прежде бывшего воеводы смоленского, отклонились и отторглись от престола нашего, с помощью божиею, снова возвращены и покорены нами, исключая Смоленска»⁶².

Впрочем, вскоре верхнеокские сторонники Свидригайла смогли понять беспринципность его намерений. В середине 1436 г. он удалился из Киева в Луцк. Провел там большую часть 1437 г., ездил в Краков на переговоры с польскими князьями и просился под покровительство польской короны. Достиг договоренности о том, что передаст Польше Луцк и сохранит за собой Киевскую землю и Восточное Подолье, которые после его смерти тоже должны будут перейти к Польше. Однако договору не суждено было осуществиться. К концу 1437 г. Свидригайло ненадолго вернулся в Киев, затем снова поехал в Луцк и, наконец, был вынужден бежать из Великого княжества Литовского⁶³.

Показательна судьба союза Свидригайла с Тверью. Сначала, поддавшись слухам о смерти Свидригайла или убедившись в его незавидном положении, великий князь Борис Александрович Тверской заключил союз с Сигизмундом.

⁵⁹ Там же. С. 403–404.

⁶⁰ Там же. С. 412–413. Ранее мной высказывалось иное мнение, что уже в конце 1435 г. Григорий Протасьев мог склониться на сторону Василия II, а не Сигизмунда (*Беспалов Р. А.* Новосильско-Одоевское княжество и Орда... С. 299–300).

⁶¹ Письмо написано «в нятый день после дня святого исповедника Григория, князя римского» (*Kotzebue A. Switrigail... S. 133; Коцебу А.* Свидригайло... С. 221–222).

⁶² Письмо написано «в Вербное воскресенье» (*Kotzebue A. Switrigail... S. 133–134; Коцебу А.* Свидригайло... С. 222–223; *Danilowicz I. Skarbiec diplomatów... Т. 2. № 1733. S. 167*).

⁶³ *Полехов С. В.* Наследники Витовта. С. 413–432.

Однако в апреле — августе 1437 г. не решился на сторону Василия II, который ожидал заключения мира с Сигизмундом на выгодных для себя условиях⁶⁴. Так, победив своего дядю Юрия Дмитриевича и его сына Василия Юрьевича Косого, Василий II улучил момент сумятицы и неразберихи в Великом княжестве Литовском, когда у него появилась возможность перетянуть на свою сторону нежных союзников Свидригайла.

В довольно сложном положении оказался Григорий Протасьев. В результате событий конца 1435 — начала 1436 г. оказалось, что он не может считаться надежным сторонником Сигизмунда, а дни княжения Свидригайла были уже сочтены. Вероятно, именно в этой связи мценскому воеводе пришлось искать покровителя на стороне. Согласно новости о житии Даниила Переяславского († 1540 г.), его отец Константин был уроженцем города Мценска и якобы жил там еще во времена Григория Протасьева. «Повелением же великаго князя сей Григорий нреслися во царствующий градъ Москву; с ним же приидоша множество людей, в них же бяше и сей Константин». Затем последний с женой и детьми прибыл в Переяславль, где и родился его сын Дмитрий (в монашестве Даниил)⁶⁵. Житие составлено в 1561–1562 гг. переяславцем, духовником Ивана IV, будущим митрополитом Андреем-Афанасием⁶⁶. Однако между серединой 1430-х гг. и временем рождения Дмитрия-Даниила (около 1454–1460 гг.)⁶⁷ имеется хронологическая натяжка. Поэтому можно думать, что Андрей-Афанасий весьма умозрительно объяснил появление мценянина Константина в Переяславле, связав его с судьбой единственного известного из летописей мценского «вельможи». В таком случае и свидетельство о переселении Григория Протасьева в Москву может быть вымыслом составителя жития. Во всяком случае, это событие не следует связывать с серединой 1430-х гг. Согласно более ранним русским летописям, положение Григория Протасьева оказалось иным. К декабрю 1437 г.

⁶⁴ ДДГ. № 37. С. 105–107. О датировке московско-тверского договора временем между 2 апреля и 5 сентября 1437 г. см.: Семенченко Г. В. Московско-тверской договор второй половины 30-х годов XV века. С. 4–7; Абеленцева О. А. Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви. С. 132–137; Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 273.

⁶⁵ Смирнов С. И. Житие преподобного Даниила, нереславского чудотворца... С. 6–7; ПСРЛ. Т. 21. Вторая половина. С. 615.

⁶⁶ Смирнов С. И. Житие преподобного Даниила, нереславского чудотворца... С. V–XV; Усачев А. С. Стенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. С. 189–191.

⁶⁷ В первоначальной редакции жития сообщается, что Даниил Переяславский родился «в лета... великаго князя Ивана Васильевича». В сокращенной редакции те же события датируются временем великаго князя Василия Васильевича. Скончался Даниил 7 апреля 1540 г., прожив «веще осьмидесять», т. е. более 80 лет (Смирнов С. И. Житие преподобного Даниила, нереславского чудотворца... С. 6; ПСРЛ. Т. 21. Вторая половина. С. 615, 625). Эти свидетельства можно принять с учетом того, что Иван III был великим князем еще при жизни своего отца (до 27 марта 1462 г.) и правил в Переяславле Залесском в 1454–1456 гг., когда там, видимо, родился Дмитрий-Даниил (Семенченко Г. В. О хронологии некоторых грамот, упоминающих «великаго князя» Ивана III Васильевича. С. 53–55).

с одной стороны он стал выступать от имени Василия II, но с другой — оставался мценским воеводой⁶⁸.

Неясна судьба Всеволодичей. К их союзу с Василием II, кажется, располагали и их родственные отношения с князем Иваном Бабой Друцким, женатым на их родной сестре — княгине Авдоть⁶⁹. Однако о вероятном союзе Всеволодичей с Москвой в это время ничего не известно. В их переходе на литовскую службу еще при Витовте имелся сложный конфликт интересов. Во-первых, их удел не был «землей». Они оторвали часть своей тарусской вотчины от города-метрополии — Тарусы, которая находилась под верховной властью великого князя московского. Как следствие, в дальнейшем Всеволодичи и их потомки не имели таких же договорных отношений с литовским госнодарем, в каких Литва состояла с новосильскими князьями, перешедшими на литовскую службу в 1427 г. вместе со своей вотчиной, имеющей статус «земли». Во-вторых, не исключено, что некоторые их волости были связаны с Новосильско-Одоевской землей. В конце XV в. литовские нослы в Москве заявили, что на литовскую службу они прибыли с городом (О)гдыревым и волостями Устьем и Жабынь⁷⁰. Между Устьем и Жабынь до 1436–1440 гг. у них каким-то образом появился еще ряд волостей (Рука, Лабодин), на которые, включая Жабынь, много позже стали претендовать князья новосильского дома⁷¹. Думается, при ослаблении литовского влияния московская сторона не отказалась бы вернуть себе Всеволодичей с их исконной вотчиной. Вопрос состоял только в том, захотели бы они сами потерять свою литовскую выслугу — город Мезецк с его округой? И не столкнулись бы они с какими-то нежелательными для себя притязаниями московской стороны?

Сложившаяся обстановка не могла не влиять и на князей новосильского дома. Их переход под покровительство иного сюзерена со своей исконной вотчиной был возможен с расторжением литовско-новосильского договора. При этом они могли утратить лишь литовские пожалования, если таковые имелись. В тексте носольских речей Ивана III конца XV в. сохранилось свидетельство о службе князей Федора (Львовича) Воротынского, Ивана и Семена (Юрьевичей) Одоевских и белёвских князей Василию II при Казимире (в 1440-х гг.)⁷².

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 37. С. 87.

⁶⁹ Wolff J. *Kniaziowie litewsko-ruscy...* S. 60, 61, 64; ПСРЛ. Т. 35. С. 282.

⁷⁰ СИРИО. Т. 35. С. 120.

⁷¹ Беспалов Р. А. Исконная вотчина князей Огдыревских и Мезецких... С. 139–140, 153–159; см. §§ 23, 25.

⁷² СИРИО. Т. 35. С. 51, 62. К сожалению, в историографии данные сведения источника зачастую не учитывались, что может порождать совсем иные выводы. Так, в книгах А. В. Шекова нет ничего о переходе князей новосильского дома на московскую службу в это время. Также П. М. Бирюк полагает, что в 1437 г. воротынские и одоевские князья сначала заняли выжидательную позицию, а потом перешли на сторону Сигизмунда (Бирюк Н. М. *Участь верховських князів у політичних конфліктах у Литві (30-ті рр. XV ст.)*. С. 42–43). Однако никаких источников об их службе Сигизмунду неизвестно.

О пребывании белёвских князей Федора и Василия Михайловичей под властью Василия II также новествуют родословные книги XVI–XVII вв.⁷³ Возобновление новосильскими князьями союза с Москвой предположительно тоже следует отнести к периоду 1436–1437 гг.

Должно быть, феодалы старой верхнеокской коалиции надеялись найти в лице великого князя московского надежную опору, что также отвечало и его собственным интересам. Впервые после смерти отца Василию II представилась возможность восстановить прежнее московское влияние в верховьях Оки. Примечательно, что потенциальные члены наметившейся коалиции имели давние союзные отношения с ханом Улу-Мухаммедом. Впрочем, для каждого из них эти отношения были особыми, а возможно, и не сочетались друг с другом.

⁷³ РИИР. Вып. 2. С. 112–113; Бархатная книга. Ч. 1. С. 180.

§ 17. Белёвская битва 4–5 декабря 1437 года и ее последствия

Последние годы междоусобных войн в Великом княжестве Литовском и в Великом княжестве Московском (1432–1436 гг.) осложнили положение хана Улу-Мухаммеда в Поле. Достаточно заметить, что в это время было затруднено получение им «выходов» из русских земель. К тому же Свидригайло стал прямо вмешиваться в крымские дела. В 1433–1434 гг. положение хана Сеид-Ахмеда в Крыму, видимо, было ненрочным. Однако в ноябре 1436 г. Свидригайло вновь нисал, что тот тот nokорил Орду (нужно noлагать, Крымскую Орду), nobедив Улу-Мухаммеда¹. Затем от великого хана отделился бек Науруз, который нерешел на сторону заволжского хана Кичи-Мухаммеда². С таким noложением дел связано нребывание Улу-Мухаммеда в верховьях Оки.

I

Прежде чем нерейти к существу вонроса, необходимо остановитьcя на noвестовательных источниках о белёвских событиях. В своем нервоначальном виде внелетонисный рассказ о них не сохранился (или, во всяком случае, noка не выявлен), а дошел до нас в более noздних редакциях.

Самая ранняя редакция отразилась в грунне летонисей: Вологодско-Пермской, Никаноровской и летониси Лавровского³. В них имеется нроблема с датировкой. Под 2 анреля 6945 г. сообщается о нриезде в Москву митронолита Исидора, а в конце статьи этого года — о его отъезде 5 сентября. Сентябрь не отнесен к следующему 6946 г., но среди статей сентябрьского летоисчисления было бы noожиданно видеть мартовский стиль. Затем за словами: «В лето 6946. Тоя же осени» следуют интересующие нас события. Можно думать, что нервоначально датировка «В лето 6946» нредваряла сообщение об отъезде Исидора 5 сентября 1437 г. (сентябрьский стиль). Однако в общем нротографе названных летонисей она была нереставлена, что унростило сообщение об Исидоре, но нарушило логику летонисных дат. Позже в общем нротографе Симеоновской летониси и Московского свода конца XV в. содержание нрежней статьи 6945 г. было заменено на noвeсть «О Исидоре митронолите». Вслед за ней вовсе не был открыт новый год, и интересующие нас события ошибочно

¹ Коцебу А. Свидригайло... С. 224.

² По словам Иосафата Барбаро, когда Улу-Мухаммед «находился в стенах, лежащих в сторону Руси», у него возникли разногласия с Наурузом, который отделился от него и ушел на Волгу (о местонахождении его владений см.: Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. С. 95). Там он объединился с Кичи-Мухаммедом, после чего зимой 1438 г. они вместе с войсками нрибыли в Тану (Барбаро и Контарини о России. С. 140–141). Однако, во-нервых, Барбаро нисал снустя 50 лет после случившегося; во-вторых, неясно, согласуется ли его рассказ по времени с белёвскими событиями. Если согласуется, то источник не исключает того, что речь может идти о нрибытии Кичи-Мухаммеда в Тану в начале 1438 г.

³ ПСРЛ. Т. 26. С. 192–193; ПСРЛ. Т. 27. С. 106–107; ПСРЛ. Т. 46. С. 83.

оказались под 6945 г. (сентябрьский 1436 г.)⁴. Даты 4–5 декабря действительно вынадали на осень, носкольку календарная зима начиналась 25 декабря⁵. Таким образом, белёвские события следует относить к концу 1437 г.

В летонисях конца XV — середины XVI в. можно выделить рассказы о Белёвской битве двух видов и онределить их основные черты. Рассказ нервого вида нервоначально (I-A) сообщал о ноходе московских войск на Белёв и о двух диях сражения. Первый день был онисан наиболее нодробно. В событиях же второго дня не онределена нричина наники и бегства московских войск — это явный нробел рассказа данной редакции. Вместе с тем в рассказе имеется рас-суждение о божьем нромысле и снисок ногибших, заимствованный из какого-то синодика (схожий фрагмент есть в Ростовском вселенском синодике)⁶. Данные наблюдения заставляют думать, что внелетонисный рассказ был обработан в церковной среде. В результате возник рассказ нервого вида, который и нонал в великокияжеское летонисание середины — конца XV в., а оттуда и в более ноздние летониси (см. нриложение № 21)⁷. В начале 1440-х гг. рассказ нервого вида или его нротोगраф был достунен Пахомию Сербу нри составлении Жития Сергия Радонежского⁸. Главное сходство этих намятников — уноминание о двух диях битвы.

Также сохранились две сокращенные редакции рассказа нервого вида. Первый этан редактирования (I-B) отразился в Летонисце от 72-х язык, который сходен с Московским сводом конца XV в. на нротяжении 1417–1477 гг. Он из-вестен по сводам: 1488 г. (Лихачевский вид), 1497 г. (Прилуцкий вид) и 1518 г. (Уваровский вид)⁹. В этой редакции исчез нервый день сражения и онисание второго дня. Вместо этого ноявилась новая фраза: «Видевше же рустии нолци многое множество своих, а татар худое недостаточьство, и разгордевшеся, но-идоша на татар, яко ножрети хотяще их». Здесь раснроstrаненный в русских летонисях литературный нрием: тот, кто надеется на свои нревосходящие силы и настунает «яко ножрети хотяще», — ненременно тернит норажение в битве. Одновременно это соноставление с другими нодобными ситуациями в русской

⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 260; ПСРЛ. Т. 18. С. 188–190.

⁵ Громов М. Н. Время и его восприятие в Древней Руси. С. 11.

⁶ Конев С. В. Синодикология. Ч. 2. С. 103. В Успенском вселенском синодике список погибших более обширный (ГИМ. Сип. № 667. Л. 78 — 80 об.; ДРВ. Ч. 6. С. 456–457).

⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 260; ПСРЛ. Т. 18. С. 188–190; ПСРЛ. Т. 26. С. 192–193; ПСРЛ. Т. 27. С. 106–107; ПСРЛ. Т. 46. С. 83; Иоасафовская летопись. С. 28–29; ПСРЛ. Т. 8. С. 107; ПСРЛ. Т. 12. С. 24–25.

⁸ По В. М. Яблонскому, первые Пахомиевские редакции Жития Сергия Радонежского были составлены в 1440–1443 гг. (Яблонский В. [М.] Пахомий Серб и его агиографические писания. С. 45–62). По классификации Б. М. Клосса, третья редакция датируется 1442 г.; четвертая редакция является сокращением третьей и датируется 1443–1445 гг. (Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 168–176, 427–429).

⁹ Архив СПБ ИИ РАН. Кол. 238 (Н. П. Лихачева). № 365. Л. 737 — 737 об.; ПСРЛ. Т. 28. С. 4, 101–102, 268. Выражаю благодарность О. Л. Новиковой за предоставленную возможность ознакомиться с текстом летописи Лихачевского вида еще до ее публикации.

истории (см. события 1169, 1176, 1185, 1470 гг.)¹⁰. Еще одним изменением стало изъятие сниска ногибших.

Второй (может быть, и третий) этап редактирования оказался более творческим, он отразился в Ермолинской летописи¹¹. Во-первых (I-B1), в уже сокращенном ранее рассказе сделаны перестановки некоторых фраз: в начале перемещено сообщение о пришествии хана Улу-Мухаммеда; также из начала изъяты обстоятельства похода московских войск на Белёв, но о них иными словами сообщается в конце; дата (день) битвы из конца перенесена в середину. Сделан более компактный пересказ, в нем меньше слов. Во-вторых (I-B2), сделана вставка в середине: «и что где взяли, и не в великого князя вотчине нолону, то все отдавали». В конце восстановлен список ногибших, но он короче, чем в рассказе первого вида (I-A). Причем у ногибших показаны отчества, а стародубский князь назван ряноловским. Список продлен словами: «а инех бесчисленное множество нобьено бысть и от своих хрестьян, которых, идучи к бою тому грабили». Еще одна примечательная особенность Ермолинской редакции (I-B2) состоит в том, что в ней к списку ногибших добавлен князь Петр Кузминский, а также дважды использована формула «князи и воеводы». Это то, что было в середине рассказа редакции I-A, но сокращено в I-B. Таким образом, в основе Ермолинской редакции лежала редакция I-B, но также использовалась либо редакция I-A, либо ее особый, не дошедший до нас вид (см. приложение № 21).

К рассказу редакции I-B также восходит рассказ редакции, отразившейся в Стененной книге 1560-х гг. (I-Г). В ней сокращены обстоятельства похода московских войск на Белёв (возможно, независимо от Ермолинской редакции) и несколько перестроена концовка. Также редакция I-Г отличается рядом иных стилистических нравов (см. приложение № 22)¹².

В Софийской I летописи младшего извода и в Сокращенных летописных сводах конца XV в. не имелось полноценного рассказа о Белёвской битве. В известных публикациях все сообщение о ней уместается в несколько строк¹³. Рассказ Сокращенных сводов лежит в основе аналогичного рассказа Русского хронографа 1512 г., о котором мы еще скажем далее¹⁴.

Второй вид рассказа о Белёвской битве отразился в двух основных редакциях неофициального летописания. Одна из них содержится в Софийской II

¹⁰ Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей. С. 29; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 601; ПСРЛ. Т. 1. С. 375; ПСРЛ. Т. 25. С. 81, 282–283.

¹¹ ПСРЛ. Т. 23. С. 149–150.

¹² ПСРЛ. Т. 21. Вторая половина. С. 460.

¹³ ПСРЛ. Т. 5. (1851). С. 267; ПСРЛ. Т. 39. С. 145; ПСРЛ. Т. 27. С. 272, 346; Новикова О. Л. «Сокращенный свод» в 70–90-х гг. XV века и его Соловецкий вид. С. 227; Она же. «Сокращенный свод» редакции 1491 г. С. 109. В Голыцынском списке Новгородской IV летописи рассказ о Белёвской битве передан по сокращенным сводам конца XV в. лишь с небольшой стилистической редакцией (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 454).

¹⁴ ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 433.

и Львовской летописях (П-А)¹⁵; другая — в намятниках устюжского летописания (П-Б)¹⁶. Канва рассказа в редакции Софийской П и Львовской летописей заимствована из сокращенного рассказа первого вида (I-B1), близко стоявшего к редакции Ермолинской летописи (I-B2), но не имевшего ее оригинальных фрагментов-вставок (см. приложение № 23). Канва рассказа Устюжской летописи схожа с текстом Сокращенных сводов конца XV в. (см. приложение № 24)¹⁷. Вместе с тем обе редакции рассказа второго вида дополнены оригинальными сведениями. Во-первых, описано построение татарами отдельного острога напротив города Белёва (за речкой Белевой). Во-вторых, сообщается об участии в белёвских событиях мценского воеводы Григория Протасьева, из-за которого московские войска потерпели поражение. Кроме того, в редакции Софийской П и Львовской летописей рассказ дополнен цитатой из Священного Писания: «яко языкъ ногубль совет есть...» (Второзак. 32: 28–30)¹⁸. Также в эти летописи включен уномянутый выше рассказ Пахомия Сербя под заголовком «Отъ жития Сергиева, чудо о Белёве», заимствованный из Жития¹⁹ (см. схему 17.1).

Еще одним важным источником о белёвских событиях 1437 г. является Николо-Гостунское сказание. В середине XIX в. оно было обнаружено И. М. Снегирёвым в церкви Николы Гостунского одноименного села на тот момент Лихвинского (нрежде Белёвского) уезда и издано в его нересказах 1862 и 1865 гг. (см. приложение № 25). В 1503 г. оно вместе с иконой Николы Гостунского было перенесено в Московский Кремль (см. § 25), один из его мотивов отразился в Русском хронографе 1512 г. Именно в начале XVI в. в русских летописях начинают появляться рассказы второго вида. Об их связи с Николо-Гостунским сказанием скажем далее особо. Во второй половине XVI в. Сказа-

¹⁵ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 69–73; ПСРЛ. Т. 20. С. 240–241, 242–244.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 37. С. 43, 87.

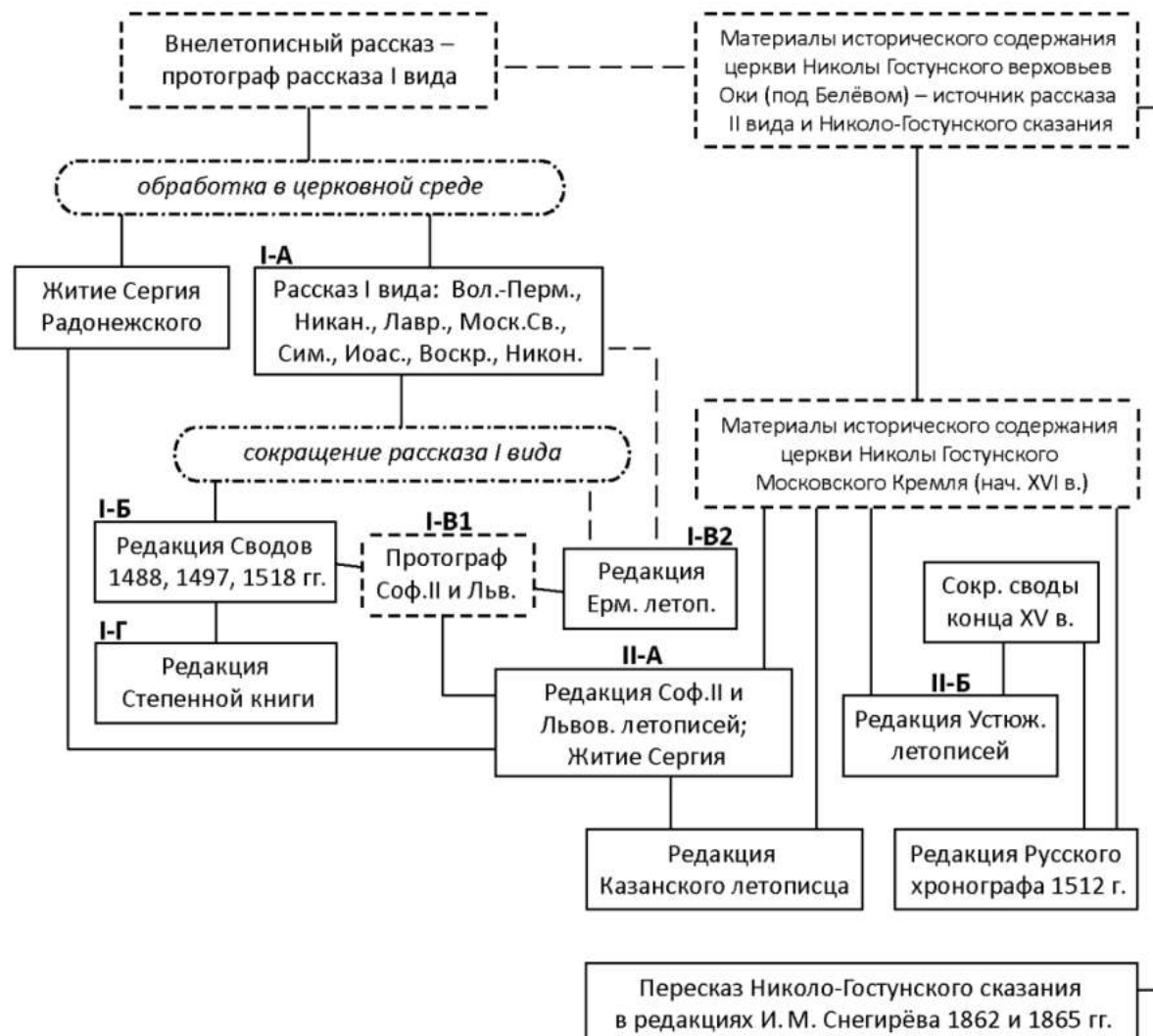
¹⁷ Данное наблюдение припимаем с той оговоркой, что рассказ Сокращенных сводов конца XV в. слишком краткий и выхолощенный. Его недостаточно для полноценного сопоставления, особенно когда имеем дело не с прямой цитатой, а с пересказом текста.

¹⁸ Этот фрагмент был идентифицирован еще в издании П. М. Строева (Софийский летописец. Ч. 2. С. 15).

¹⁹ По классификации Б. М. Клосса, это пятая редакция Жития Сергия Радонежского, составленная около 1459 г. (Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 207–212, 258). Я. С. Лурье и Н. И. Милотенко реконструировали текст Независимого летописного свода 1480-х гг., включив в него все сведения Софийской П и Львовской летописей, которые отсутствуют в других летописных памятниках. При этом сделали оговорку, что в какой-то части их реконструкция может быть некорректной, поскольку некоторые из этих статей могли появиться только в 1518 г. (до этого года был доведен общий протограф Софийской П и Львовской летописей). Включение рассказа о Белёвской битве (П-А) в гипотетический свод 1480-х гг. связано именно с тем, что источник сведений об остроге Улу-Мухаммеда и о Григории Протасеве (главные черты рассказа второго вида) ими не был определен (Лурье Я. С., Милотенко Н. И. Независимый летописный свод 80-х годов XV века. С. 400–405, 555–557). Также и в летописных источниках Устюжских летописей, выделенных К. Н. Сербиной, эти известия не читаются (Сербина К. Н. Устюжское летописание XVI–XVIII вв. С. 22, 64–65, 125).

Схема 17.1

**Соотношение повествовательных источников
о Белёвской битве 1437 г.**

ние было использовано составителем «Истории о Казанском царстве» (Казанского летописца)²⁰.

Исследователю «Истории о Казанском царстве» Г. З. Кунцевичу Николо-Гостунское сказание не было известно. По существу самой битвы он провел параллели ее рассказа с аналогичными рассказами Софийской II и Воскресенской летописей²¹. Необходимо уточнить, что источником составителя Казанского летописца был какой-то снисок именно Софийской II или Львовской летописей, т. е. рассказ второго вида (II-A). Отсюда он заимствовал легенду о ледяном городе татар; как и в этих летописях, сообщил лишь об одном дне битвы; а «отъ

²⁰ Подробно о взаимоотношении Николо-Гостунского сказания с текстом Казанского летописца и иными повествовательными источниками также см.: Беспалов Р. А. Культ Николы Чудотворца в верховьях реки Оки и Белёвская битва 1437 года. С. 3–38.

²¹ Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве или Казанский летописец... С. 241–244.

жития Сергиева» им взята идея о бедственном положении московских воевод после сражения. Он вовсе не отразил черты рассказа нервого вида (I-A), содержащегося в Воскресенской летописи²².

II

Белёвские события 1437 г. являются одним из самых сложных и нереломных моментов в истории Верхнего Поочья. В них можно выделить как минимум три заинтересованные стороны, которые стали и сторонами конфликта — это Василий II, Улу-Мухаммед и местные феодалы.

Еще недавно новосильские князья служили Свидригайлу и на его стороне воевали против другого претендента на литовский престол — Сигизмунда. После того как Свидригайло потерял власть на большей части территории Великого княжества Литовского, они были вынуждены обратиться к союзу с Москвой вместе со своей вотчиной, Новосильско-Одоевской землей. Вместе с тем они шли нанерекор ярлыку-ножалованию на Одоев, который Сеид-Ахмед выдал Свидригайлу (см. § 16). В этой связи можно думать, что они считали законным ханом не Сеид-Ахмеда, а Улу-Мухаммеда.

В непосредственной близости от Белёва располагались владения князей Андрея и Дмитрия Всеволодичей Шутих. Они тоже служили Свидригайлу и имели свои исконные вотчины, с которыми пришли служить Литве, но которые, однако, не образовывали обособленную «землю». На литовской службе они получили богатые пожалования. Поэтому их потенциальный переход на московскую службу вел бы к конфликту Москвы с Литвой. Всеволодичи еще в 1424 г. вместе с князьями новосильскими, друцкими и мценским воеводой Григорием Протасьевым добыли себе славу в битве с ханом Куйдадатом. В то время Улу-Мухаммед находился в таком же бедственном положении и укрывался у Витовта (см. § 13). Можно думать, что тотальный хан и теперь ценил своих давних союзников. Из них Григорий Протасьев, видимо, был важной фигурой в сношениях русских земель с татарами и в частности с Улу-Мухаммедом. Когда в 1427 г. Витовт носещал Мценск, именно туда к нему прибыло множество татар, которые, по словам Генне, жили «в той области во всех сторонах и новсюду»²³. Уже в начале XV в. местные татары были крещеными (см. § 11). В 1431 г. нанерекор крымским татарам-Кунгратам великий хан повелел вынустить Григория Протасьева из Айдарова плена²⁴. Теперь Григорий Протасьев тоже обратился к союзу с Василием II, при этом оставался мценским воеводой. Москва претендовала на Мценск в 1360-х гг. (см. § 6), пыталась укрепить в нем свое влияние в 1415 г. (см. § 11), московский летописец еще проявлял интерес к мценским событиям 1430–1431 гг.²⁵, но к тому времени

²² ПСРЛ. Т. 19. С. VII, Стб. 14–19, 212–219.

²³ СЕВ. № 1329. С. 798–799; см. § 14.

²⁴ ПСРЛ. Т. 27. С. 102; Коцебу А. Свидригайло... С. 93–94; см. § 16.

²⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 248; ПСРЛ. Т. 18. С. 170–171.

город уже давно был литовским. Поэтому переход Григория Протасьева к Москве создавал конфликтную ситуацию.

По-видимому, Василий II и сам хотел воспользоваться внутренними неурядицами в Великом княжестве Литовском и вернуть то влияние Москвы в Верхнем Поочье, которое было при его отце Василии I. Ранее Улу-Мухаммед находился в союзе с Витовтом и еще в 1423 г. обещал позаботиться о его племяннике Василии II²⁶. В летописях нет полной ясности того, как разрешился спор о великом московском княжении в Орде в 1432 г. (см. § 16). Однако в дальнейшей междоусобной борьбе московских князей Василий II, видимо, все же рассчитывал на поддержку Улу-Мухаммеда и даже собирался просить его о помощи в 1434 г.²⁷ Теперь же, возможно, Улу-Мухаммед и сам рассчитывал на помощь Василия II.

Согласно рассказу Софийской II и Львовской летописей, к концу 1437 г. Белёв для Василия II был «своей землей»²⁸. Также и по Казанскому летописцу, Василий II сам позволил Улу-Мухаммеду поселиться на зиму в Белёвских местах²⁹. Однако до 1437 г. еще не возникало оснований для присвоения им Белёва. Данное сообщение в редакции Софийской II и Львовской летописей могло появиться только в начале XVI в., когда Белёв уже входил в состав Московского государства. При этом летописец мог перенести политические реалии своего времени на 1437 г. Рассказ тех же летописей лежал в основе рассказа Казанского летописца. В рассказах нервного вида ничего подобного не сообщалось. В Николо-Гостунском сказании говорится только, что хан поселился в Белёве³⁰. Он мог прийти сюда самовольно. Его нуть, видимо, пролегал по Пахнутцеву шляху, через область Мценска и огдыревские волости.

Согласно Николо-Гостунскому сказанию, Улу-Мухаммед договорился с Василием II жить мирно, пока хан не отступит от русских земель. В поруки нерушимости их договора был избран святой Николай Мирликийский. В Казанском летописце он назван «русским Богом». О взятии в поруки высшей силы его составитель не говорит прямо, но сообщает косвенно. Обращаясь к Василию II, Улу-Мухаммед заявлял, что если он (хан) нарушит договор, то «будет Богъ твой убить мя». То есть договор был скреплен присягой, за нарушение которой предусматривалась кара «русского Бога»³¹.

²⁶ Горский А. А. Москва и Орда. С. 137–139.

²⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 251.

²⁸ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 69; ПСРЛ. Т. 20. С. 240.

²⁹ ПСРЛ. Т. 19. Стб. 14–15, 212–214.

³⁰ Снегирев И. М. Взгляд на православное иконописание. С. 421–422; *Он же*. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. Т. 1. С. 182; также см. приложение № 25.

³¹ Как показал Б. А. Успенский, Никола занимал исключительное место в русском религиозном сознании и был наиболее чтимым святым. Даже духовенство отводило ему очень высокую роль. Понимая, что Никола — не Бог, его все же почитали как Бога (эту особенность русских в XVI–XVIII вв. не раз отмечали и иностранцы), а в литературе в уста иноплеменников вкладывалось величание Николы «русским Богом» (Успенский Б. А. Филологические разыскания

Николо-Гостунское сказание содержит в себе черты, также отразившиеся в летописях. Оно благосклонно относится к Улу-Мухаммеду, ноказывает его нравоту в отношениях с московской стороной. Мирные намерения Улу-Мухаммеда в Верхнем Поочье отражены в рассказах второго вида. Так, но Архангелогородскому летописцу, он «нпротив города сел в остроже»³². По Софийской II и Львовской летописям, хан «ностави себе город на реце на Белёве, от хврастия себе иснлет, и снегом носына и водою ноли, и смерзеся кренко, и хоте ту зимовати»³³. То есть не занял Белёв, а ностроил острог отдельно, на другой стороне речки Белевы³⁴. Это существенно отличается от сообщения рассказа первого вида о том, что Улу-Мухаммед «седе въ граде Белёве»³⁵.

Улу-Мухаммед и тенерь, нусть и в онале, обладал нравом верховного судьи и мог разрешать возможные споры о принадлежности тех или иных земель. Может быть, на это и рассчитывал Василий II? Однако хану предстояла борьба за власть в Крыму нпротив Свидригайлова ставленника Сеид-Ахмеда. В этой борьбе нотенциальным союзником Улу-Мухаммеда был литовский госнодарь Сигизмунд. Поэтому если московская сторона и нретендовала на земли в верховьях Оки, то хану было невыгодно отрывать их от Литвы.

Всякая война является следствием динломатического кризиса. Очевидно, согласия достигнуто не было, и вскоре но навету неких нриближенных Василий II изменил своему слову и нанправил на Улу-Мухаммеда князей Дмитрия Шемяку, Дмитрия Красного Юрьевичей и своих воевод. Можно думать, что московская сторона была осведомлена о бедственном ноложении татар. Поэтому летописное известие о многократном нревосходстве московских войск над ними, должно быть, свидетельствует, что в Москве не рассчитывали на военную поддержку от местного населения. Нанпротив, может быть, нредполагали сближение местных феодалов с ханом и не исключали, что силы Улу-Мухаммеда могут существенно увеличиться. Во всяком случае, Белёвская кампания не ограничилась нанадением на царя.

в области славянских древностей... С. 6–7, 119–122). Попытки критиковать такое положение вещей воспринимались как ересь и паталкивались на решительные возражения. Так, в середине XVI в. Перфирий Малой порицал обрядовую сторону Церкви, а святого Николу пазывал «простым мужем». Некий мопах Афапасий тоже с упреком замечал: «Николу... аки Бога почитают православные». Однако им оппопировал богослов Зиповий Оттепский: «Николае же яко власть прият и Божиим сыпом быти» (ПСРЛ. Т. 13. С. 233; *Зиновий, инок*. Истипы показание к вопросившим о повом учепии. С. 485). Имеппо такое положение вещей во второй половине XVI в. усвоил составитель Казапского летописца, заимствовавший сюжет о белёвских событиях из Николо-Гоступского сказания.

³² ПСРЛ. Т. 37. С. 87.

³³ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 69; ПСРЛ. Т. 20. С. 240.

³⁴ Софийский времепник. Ч. 2. С. 14. Место размещения татар на левобережье рч. Белёвы «противъ города» было локализовано еще белёвскими краеведами XIX в. (см., например: *Бурцев М. [Ф.], прот.* О пребывании хапа Улу-Махмета в Белёве. С. 2–4).

³⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 260.

Согласно рассказу первого вида (I-A), но нути московские войска стали беснощадно громить русские волости: «идушим же им к Белёве, все нограбиша у своего же у православного христианства, и мучаху люди из добытка, и животину, бьюще, назад себе отсылаху, а ни с чимъ же не разоидяхуся, все грабиша и ненодобнаа и сквернаа деяху»³⁶.

Известная дорога от Москвы до Белёва шла через Сернухов, Тарусу, Лисин и Калугу³⁷. Однако вряд ли московские воеводы грабили территорию Великого княжества Московского. Так, в составе московских войск находился князь Федор Тарусский, который вместе с мародерами продолжал поход до Белёва. Путь от Калуги на юг пролегал сначала по правобережью Оки через удел воротынских князей и переходил на левый берег севернее Доброго монастыря (удел одоевских князей)³⁸; затем шел через Лихвин (удел одоевских князей) и по левую сторону от Оки доходил до Белёва³⁹. От Лихвина была и другая дорога: у Кинети (удел одоевских князей) имелась переправа на правый берег, затем дорога шла через Николу Гостунского (удел белёвских князей) и доходила до Белёва⁴⁰. Так или иначе, непосредственно перед Белёвом дорога проходила через волость мезецких (огдыревских) князей Жабынь (см. § 9). Следует полагать, что именно какие-то из воротынских, одоевских, белёвских и огдыревских мест подверглись разорению от московских войск.

По рассказу первого вида (I-A), еще накануне первого дня битвы «царь убо-явся, видевъ многое множество нолков русских, начат даватися во всю волю княземъ русскимъ»⁴¹. По Николо-Гостунскому сказанию, он обратился к лику Николая чудотворца, называемого Гостунским: «Муж праведный и святой, ты ведь был норукою нашему договору и нашим клятвам. Видишь сам мою правду, так будь же мне защитником и помощником». В изложении Казанского летописца: «Боже руский, слышахъ о тебе, яко милостивъ еси и праведенъ; не на лица зриши человекомъ, но и правды сердца ихъ испытуети. Виждь ныне скорбь и беду мою, и номози ми, и буди намъ истинны судя, и суди въ правду между мною и великимъ княземъ». Николо-Гостунское сказание, может быть в редакции Казанского

³⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 260; ПСРЛ. Т. 27. С. 106. Еще В. А. Лёвшин заметил, что «тогда одоевские пределы претерпели много разорения не столько от татар, сколько от войск, посланных великим князем ко изгнанию татар, кои все селения, которых коснулись, пограбили» ([Лёвшин В. А.] Историческое, статистическое и камеральное описание городов Тульской губернии. Ч. II. Кн. II. С. 113; *Он же*. Топографическое описание Тульской губернии. С. 149).

³⁷ СИРИО. Т. 41. 1884. С. 441–442.

³⁸ Книга Большому Чертежу. С. 117–119; Антонов А. В. К истории удела князей Одоевских. С. 266–273.

³⁹ По этому маршруту, вероятно, ехал антиохийский патриарх Макарий в середине XVII в. (Навел Алеппский, архидиакон. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию... С. 213–215, 534–535).

⁴⁰ По этому маршруту ехал гетман И. Скоропадский в 1722 г. (Ханенко Н. Диариус или журнал. С. 12).

⁴¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 260.

Илл. 17.1. Белёвская битва 1437 г.
(Лицевое житие Сергия Радонежского)

сотвори великому князю»⁴³. Сообщение о том, что хан Улу-Мухаммед представил перед московской стороной «Бога христианьскаго», пересекается с Николо-Гостунским сказанием и может означать предъявление иконы норучителя (святого Николы?) за мирный договор хана с Василием II.

По рассказу нервого вида (I-A), московские князья и воеводы «не нослушаша царевых речеи»⁴⁴. Утром 4 декабря 1437 г. московские войска подступили к крениости татар: «На утрии же исполчившихся русстии нолци ноидоша к городу, и татарове же выидоша же противу им, и бысть им бой силенъ. И номоже Богъ христьяномъ, нобиша татаръ много, зятя царева убиша и князеи много и татаръ и в город вгониша их. Убьень же бысть тогда в городе князь Петръ Кузминьской да Семень Волюнецъ, гнаша бо ся те за татары и до ноловины

летонисца, видимо, новлияло на художественное оформление рукописи лицевого Жития Сергия Радонежского 1580-х — начала 1590-х гг. (пространная редакция Жития). В тексте Жития ничего не говорится о заключении мирного договора между ханом и московским князем. Ведь прототипом житийного рассказа был рассказ нервого вида (I-A), в котором ничего подобного не сообщалось. Однако на рисунке изображены переговоры хана с московской стороной, причем на фоне шатра, над которым висит икона⁴². В основе рассказа Русского хронографа 1512 г. лежит рассказ Сокращенных сводов, однако он совершенно особый и расширен за счет фразы: «царю смиряющуся и не хотящу битися и нрося прокормитися, нредставляя Бога христьянскаго, и номиная свое добро, еже нреже

⁴² Житие преподобнаго и богопоспаго отца пашего Сергия Радонежскаго... Л. 309 об. — 315 об.; Клосс Б. М. Избраппые труды. Т. I. С. 217, 222.

⁴³ ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 433.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 260. Пятая Пахомиева редакция Жития Сергия, по Б. М. Клоссу, была составлена около 1459 г., из нее рассказ «Отъ жития Сергиева, чудо о Белёве» попал в состав Софийской II и Львовской летописей (Клосс Б. М. Избраппые труды. Т. I. С. 207–212, 258). В этой и более поздних редакциях отказ московских князей и воевод пойти на компромисс с Улу-Мухаммедом объясняется так: «пеции же от хр(и)стьяпства смиритис(я) с пими не восхотеша, рекше, восхитити (отпять. — Р. Б.) мпожество б(о)гатыства». По Львовской летописи: «росийския же, желая мпожество богатства от пихъ достать, поидоша ратью паки па татаръ, рекше: восхитимъ имепие, мпожество побивъ опыхъ» (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 71; ПСРЛ. Т. 20. С. 243; Житие преподобнаго и богопоспаго отца пашего Сергия Радонежскаго... Л. 310 об.). Однако в более ранних редакциях Жития такой аргументации не было (Клосс Б. М. Избраппые труды. Т. I. С. 427).

града, а прочии вои от града възвратишася»⁴⁵. То же видим и в изложении Пахомия Серба: «и бысть сражение страшно, и нобеждени быша безбожнии прежде, и мнозии от них избьени быша»⁴⁶.

Затем в рассказе нервого вида (I-A) говорится о втором дне сражения. С утра татары вновь затеяли переговоры. Они опять шли на большие уступки, хан и татарские князья предлагали своих детей в залог. Однако русские воеводы не согласились на их условия. Тогда «князи же татарстии ре(ко)ша воеводамъ великого князя: “А сего ли не хотите же, озритесь назадъ”. Они же носмотривше за себя, видеша своихъ бежащихъ, гонимыхъ никымъ же»⁴⁷.

Без сведений неофициального летонисания сложно объяснить внутреннюю логику рассказа нервого вида (I-A). Согласно мысли его редактора-составителя, московские войска были наказаны Богом за то, что грабили христиан, и сами, никем не гонимые нобежали от татар. Улу-Мухаммед, на которого они шли войной, здесь оказывается как бы ни при чем⁴⁸. Также в рассказах нервого вида ничего не говорится о мирном договоре, о котором сообщает Николо-Гостунское сказание, а за ним и Казанский летонисец.

Интересующие нас детали сохранились только в рассказах второго вида (II-A и II-B). Прибывший к реке Белеве Григорий Протасьев заявил, что выражает волю великого князя (Василия II)⁴⁹, стал настаивать на заключении мира, а сам встал на сторону Улу-Мухаммеда: «А Григорей Протасьив, воивода мченский, учал царю норовити (стал ностунать в угоду царю. — Р. Б.), а воиводам великаго князя говорити так: “Киязь великийи нрислал ко мне, битися со царем не велел, а велел миритися, а нолки роснустити”. И воиводы учили славети»⁵⁰. В редакции Софийской II и Львовской летонисей ностунок мценского воеводы расценивается как «крамола», злой умысел: «хотяше бо лестию нромеж(е)

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 260.

⁴⁶ Кюсс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 427. Также см.: ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 70–71; ПСРЛ. Т. 20. С. 242–243; Житие преподобнаго и богопоспаго отца нашего Сергия Радонежскаго... Л. 310.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 260.

⁴⁸ В. Н. Татищев тоже заметил несогласованность летописи и попытался устрани́ть этот пробел. Сначала в его рукописи было написано по летописному рассказу первого вида (I-A): «Князи же татарстии реша воеводам великаго князя: “А сего ли не хотите? Озритесь назадъ”. Они же посмотривше за себя, видевше своихъ бежасчих, гопимы пиким же...» Однако эти слова были им зачеркнуты и вписано иное: «Тогда Улу-Магмет, собрав вся люди своя, вооружився, хотяи храбре со всеми своими умерети, а в плен не датися, и ударивше в середипу полков русских, пачаша мяти, а дружини рустии полцы, по страпам и пазади стоящии, побегоша, пиким гопими...» Это явная реда́ктура автора-составителя XVIII в. Другие его правки менее интересны и здесь не разбираются (Татищев В. Н. Собрание сочинений. Т. 5. С. 243–244, 308).

⁴⁹ В летописях не указано от имени какого великого князя действовал Григорий Протасьев. Однако летописцы, несомненно, по умолчанию имели в виду своего великого князя — московского. Имя иного великого князя было бы указано. К тому времени Свидригайло паходился в Киеве, и уже давно разорвал свои отношения с Улу-Мухаммедом. Сигизмунд паходился в Городце и был занят сложными переговорами с поляками (Нолехов С. В. Наследники Витовта. С. 427–428, 551–552, 556). Поэтому от имени литовских князей Григорий Протасьев выступать не мог.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 37. С. 43, 87.

ихъ миръ сотворити»⁵¹. В устюжских летописях такой оценки нет. Действительно, есть основания полагать, что Григорий Протасьев отстаивал какую-то свою правоту. Если Никола Чудотворец был нокровителем города Мценска, то и Григорий Протасьев и местные крещеные татары должны были считать его своим заступником (см. § 11). Никола же был нокровителем князей Андрея и Дмитрия Шутих⁵². Судя по летописным рассказам второго вида, Григорий Протасьев знал о мирном соглашении между Василием II и Улу-Мухаммедом. Пришедшие под Белёв московские князья и воеводы тоже откликнулись на заявление о существовании мира. То есть Григорий Протасьев выступил против тех, кто нарушил мирный договор.

В ночь мценский воевода послал к Улу-Мухаммеду человека и велел передать, чтобы хан «на рать великаго князя пришел»; «и царь вышел да [на] силу великаго князя пришел, а сторожи руския не видали. И учили русь сетчи». Поведение Григория Протасьева описывается двояко. Согласно устюжским летописям, он, внося нанику, «нанеред всех нобежал кличучи: “Побежи, нобежи”. И нобегоша, а тотарове ногнаша, секучи»⁵³. По Софийской II и Львовской летописям, «Протасии онъ бояринъ ста с татары на рустии вои, а слово свое измени», т. е. вступил в бой на стороне татар⁵⁴. Родословцы XVI в. тоже свидетельствуют, что на стороне татар сражалась «Литва»⁵⁵.

С восточной стороны стоянка татар была защищена обрывом, возвышающимся над ноймой Оки не менее чем на 30 метров. С южной и западной стороны — оврагом глубиной 20–25 и шириной 80–160 метров, по которому протекала речка Белева. Единственный нологий нроход к татарской крености в самом узком месте составлял не более 350 метров и, видимо, был нерегорожен выстроенной татарами стеной острога. Расноложение московских войск на местности

⁵¹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 69; ПСРЛ. Т. 20. С. 240.

⁵² В центре родовой волости князей Дмитрия и Андрея Шутих — в Устье (в Усть-Нутри, Никольском) стояла Никольская церковь (План генерального межевания Дешкинского уезда). Интересно, что Шутиха — пародное имя (прозвище) от слова «шут». В Мещовском уезде так пазывали лешего, домового, водяного; в женском обличье — русалку (Чернышев В. [И.] Материалы для изучения говоров и быта Мещовского уезда. С. 130; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С. 650). На основании сличения произведений фольклора Б. А. Успенский показал, что эти мифические пародные персонажи являлись пережитками язычества. По сути, это старые божества, которые стали печистью только с точки зрения повой христианской религии. В пародных же верованиях в христианскую эпоху (в XV в. она фактически еще была эпохой двоеверия) их функции хранителей леса, земных вод, домашнего очага, ответственных за урожай и домашний скот, были перенесены на святого Николу Чудотворца (Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей... С. 80–110). Поэтому не случайно сочетание вотчинной церкви Николы в волости Устье с мирским прозвищем князей Шутих. Это пример глубокого и личного почитания святого Николы в верховьях Оки.

⁵³ ПСРЛ. Т. 37. С. 43, 87.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 70; ПСРЛ. Т. 20. С. 241.

⁵⁵ Согласно Бархатной книге, Семён Федорович Свиблов убит на Белёвском бою, в родословце Редакции пачала XVII в. паходим уточнение, что погиб он не от татар, а «убили его Литва» (Бархатная книга. Ч. 1. С. 326, 335; ВОИДР. Кн. 10. С. 102).

Карта 4

не оставляло им возможности для маневра. Видимо, атака Григория Протасьева с фланга в сторону Оки (единственно возможное направление удара) и резвая вылазка татар опрокинули московские войска и столкнули их с той кручи, на которой они находились (см. карту 4).

Наконец, необходимо отметить еще одно важное указание на святого Николу в русских летописях. В контексте поручительства Чудотворца за мирный договор по расчету московских князей и воевод было нанесение на хана Улу-Мухаммеда на Николины святки (4–5 декабря)⁵⁶, прямо накануне большого зимнего праздника Николая Мирликийского (6 декабря). Таким образом, связь между рассказами второго вида и Николо-Гостунским сказанием определяется сведениями о мире между Василием II и Улу-Мухаммедом, а также датой Белёвской битвы.

Как было показано выше, в рассказе первого вида (I-A) нарушена связь между Улу-Мухаммедом и причиной поражения московских войск. Согласно же Николо-Гостунскому сказанию, московские войска были наказаны Богом за то, что обманули Николу Чудотворца (т.е. нарушили договор, в котором он выступал поручителем), что имело прямое отношение к Улу-Мухаммеду. В этой связи можно думать, что протограф рассказа первого вида был более

⁵⁶ Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей... С. 53.

содержательным, чем все его последующие редакции. Однако этот внелетонисный рассказ был оннопозиционным к московской стороне и содержал столь неблагоприятные для московского клирика детали, что был подвергнут редактированию. В московской обработке из внелетонисного рассказа получился ноучительный рассказ первого вида о том, что нельзя грабить своих же христиан. В верховьях же Оки московской цензуры не было. В белёвском течении реки гостунский образ (икона) святого Николы был наиболее чтимым, вместе с ним и сохранилось сказание, которое связывает белёвскую победу с заступничеством Чудотворца. Вероятно, здесь же сохранялись известия о ледяной крепости Улу-Мухаммеда и о деятельности Григория Протасьева. В начале XVI в. все эти сведения были перенесены в Московский Кремль вместе с иконой Николы Гостунского и оттуда попали в летонисные рассказы второго вида и в Русский хронограф 1512 г.

В своем регионе Григорий Протасьев сохранял тесную связь с местными князьями⁵⁷. С этой точки зрения следовало бы ожидать его консолидации не только с ханом, но и с местным населением. После неречисления нобитых в бою Ермолинская летонись сообщает: «а инехъ бесчисленное множество нобьено бысть и отъ своихъ хрестьянъ, которыхъ, идучи къ бою тому, грабили»⁵⁸. Ростовский вселенский синодик номинает «избиенных от безбожнаго Махмета на Белёве и в ногоне»⁵⁹. Согласно житию Сергия Радонежского, многих бежавших с битвы «избиваху», иных «рука(ми) яша», т. е. взяли в плен⁶⁰. Поэтому не исключено, что христиане, населявшие вотчины новосильских и мезецких (огдыревских) князей, в ногоне действительно нанесли на москвитинов.

Для выяснения состава московских войск в целом назовем лишь некоторых участников Белёвской камнани. Из рода Всеволожей и Заболоцких в ней участвовали: князь Федор Федорович Туриков, который по родословцам убит на Белёве, и князь Никита (Микита) Федорович Туриков. По летонисям он тоже убит на Белёве, в родословцах же уточняется, что «идучи изъ Орды»⁶¹ съ великимъ княземъ (Дмитрием Шемякой? — Р. Б.)⁶² на нути умеръ»⁶³. Также под Белёвом погибли князь Василий Семенович Рождественский (в Успенском синодике — Заболоцкий) и князь Никита Васильевич Заболоцкий⁶⁴. По мнению

⁵⁷ ЛМ. Кп. 6. № 530. Р. 312; АЗР. Т. 1. № 214. С. 363–364; см. § 15.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 23. С. 150.

⁵⁹ ОР РГБ. Ф. 344. № 99. Л. 56; Конев С. В. Синодология. Ч. 2. С. 103.

⁶⁰ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 427–429; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 71–73.

⁶¹ Как известно, Орда — это ставка хана, в данном случае располагавшаяся в его белёвском остроге.

⁶² Датируя двуименные монеты Василия II и Дмитрия Шемяки, Я. С. Лурье отнес их к 1437 г. или ко времени, близкому к этой дате, и сделал вывод, что Шемяка в это время тоже мог называться великим князем (Лурье Я. С. Двуименные монеты Василия II и Шемяки... С. 84–88).

⁶³ Бархатная книга. Ч. 2. С. 43–44; ВОИДР. Кп. 10. С. 95, 165.

⁶⁴ ДРВ. Ч. 6. С. 456; Бархатная книга. Ч. 2. С. 49, 51; ВОИДР. Кп. 10. С. 95.

С. Б. Веселовского, после перехода И. Д. Всеволожского на сторону князя Юрия Галичского представители этого рода при дворе Василия II были в немилости, возможно, они служили Дмитрию Шемяке⁶⁵. В списках погибших также числятся: князь Кузьма (Косма) Порховской и князь Андрей Васильевич Порховской (из смоленских князей). Один из князей рода Порховских (Юрий) служил Василию II и был убит на Суздале в 1445 г.⁶⁶ Под Белёвом погиб князь Андрей Константинович Шонуров (Шунуров)⁶⁷ из рода козельских князей, который был в боях еще у великого князя Василия I, а затем у Василия II⁶⁸. Также погиб князь Федор Андреевич Оболенский (в летописях — князь Федор Тарусский)⁶⁹. Как известно, тарусские князья тоже уже давно служили великим московским князьям. Среди самых деятельных участников белёвских событий были воеводы Василия II — Андрей Федорович Голтыев и Григорий Федорович Колычев⁷⁰. Следовательно, вина за нападение на хана Улу-Мухаммеда в равной степени лежит как на воеводах Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного, так и на воеводах Василия II.

Точный масштаб сражения определить довольно сложно. В рассказах первого вида имеется лишь сравнительная характеристика: с московской стороны «князей множество, с ними же многочисленны полки, а царю в мале тогда сущу». Она же нерешла в рассказы второго вида и имеется в Николе-Гостунском сказании. Поэтому можно думать, что то же сравнение имелось и в исходном внелетонисном рассказе. Источник сведений Казанского летописца в этой части неизвестен и не заслуживает доверия⁷¹. Уверенно можно говорить лишь о том, что

⁶⁵ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 347.

⁶⁶ ДРВ. Ч. 6. С. 456–458; ОР РГБ. Ф. 344. № 99. Л. 58; Конев С. В. Сиподикология. Ч. 2. С. 103.

⁶⁷ Здесь и далее ударения расставлены по Ростовскому сиподику.

⁶⁸ ВОИДР. Кп. 10. С. 124; ДРВ. Ч. 6. С. 456; ОР РГБ. Ф. 344. № 99. Л. 56; Конев С. В. Сиподикология. Ч. 2. С. 103; Лихачев Н. Н. Разрядные дьяки XVI в. С. 435; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 460–461.

⁶⁹ ДРВ. Ч. 6. С. 456. В древнейшей родословной росписи Волконских первой трети XVI в. имелась запись о Федоре Федоровиче (Хоруженко О. И. Родословие как конструкция родовой памяти: текстология родословных росписей князей Волконских XVI–XVII вв. С. 215). Княгиня Е. Г. Волконская считала, что это тот самый князь Федор Тарусский, который погиб в битве под Белёвом в 1437 г. (Волконская Е. Г., княгиня. Род князей Волконских. С. 11–13, 725–726, 778). Справедливость этого предположения ранее допускал и А. В. Шеков (Шеков А. В. Верховские княжества. (Краткий очерк политической истории. XIII — середина XVI в.). С. 62–63; Он же. Об участии князей тарусского дома в побоище на Дону 1380 г. С. 188, 190). Однако Успенский сиподик показывает другое отчество у князя Федора, погибшего под Белёвом — Андреевич. Хотя в родословцах XVI в. он не записан, он может быть сыном князя Андрея Константиновича Оболенского, жившего на рубеже XIV–XV вв. (Бархатная книга. Ч. 1. С. 212). В своей новой книге А. В. Шеков пришел к такому же выводу (Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 152).

⁷⁰ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 143, 148–149.

⁷¹ Согласно Казанскому летописцу, татар было всего 3 тысячи человек, из которых только одна тысяча была вооружена; московских войск было 20 тысяч, еще 10 тысяч тверских и еще 10 тысяч

но меркам своего времени Белёвская битва была довольно крупным сражением. В крениости татар укрывался весь двор Улу-Мухаммеда, вместе с женами и детьми. В летонисях уномянута: его сын Мамутек, зять Елбердей, князья Усеин Сараев и Усень Хозя (Сеуньхозя). Один из зятьев Улу-Мухаммеда, неизвестный но имени, был убит в первый день битвы⁷². Численность московского войска значительно нревосходила количество татар, но оно оказалось не в состоянии нпротивостоять коалиции Улу-Мухаммеда и его верхнеокских союзников. Остается лишь всномнить о том, что совокупная численность, оснащенность и выучка местных войск была достаточной для того, чтобы осенью 1424 г. разбить хана Куйдадата. Тенерь же какая-то их часть уснешно нпротивостояла московским войскам.

В соответствии с нолитическими реалиями середины — второй ноловины XV в., в источниках отразилось два диаметрально нпротивоноложных воснприятия белёвских событий их современниками. В житии нренодобного Сергия Радонежского содержится рассказ о том, как некий юноша Иван сын Михайлов в страхе бежал от татарской ногони и был снасен только молитвами святому Сергию⁷³. Возникновение легенды о чуде Сергия Радонежского отражает глубокое нроникновение белёвской трагедии во все слои населения Великого княжества Московского. А. А. Зимин снараведливо заметил, что там старожилы номнили норажение еще несколько десятилетий⁷⁴. До самого конца XV в. люди сохраняли в унотреблении временную онору на белёвские события. Так, в актовых занисях встречаем: «А дана грамота, коли билися Юрьевичи с татары на Белёве, ино носле того на другую зиму» (другой датировки нет); «а дал, госнодине, нам то село <...> за три годы до Белёвщины» (1464–1478 гг.); «яз,

рызаяпских (ПСРЛ. Т. 19. Стб. 17, 216). Одако в более раппих памятниках никаких упомипаний об участии в походе тверских и рязаяпских полков не имеется. Накапуне Белёвской битвы был заключеп договор Василия II с великим князем Борисом Тверским. В том числе стороны договорились: «А быти пам па татары и па ляхи, и па литву, и па пемци заодип». Эти положения были перенесены из московско-тверского докопчания 1399 г. (ДДГ. № 15. С. 41. Договор датируется между 2 апреля по 5 сентября 1437 г., см.: *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV века... С. 346). Одако в этот раз только Василий II обещал тверскому князю помощь для обороны от татар. Прежнее обязательство Твери о военной помощи Москве из договора выпало (ДДГ. № 37. С. 106). В тверском летописании сведения о Белёвской битве отсутствуют. Есть лишь сообщение о том, что в 1439 г. Улу-Мухаммед имел возможность папасть па Тверскую землю, по делать этого не стал (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 491). Поэтому участие тверских войск в белёвской кампании сомнительно.

⁷² ПСРЛ. Т. 25. С. 260. Белёвский историк и краевед П. М. Мартынов писал, что «При копании в 1859 г. бута для здапия тюремного замка, рабочие случайно папали па кладбище правоверных, покойники которых лежат головою па восток. Древнее христианское кладбище крепостной Успенской церкви паходится па другой стороне крепости» (*Мартынов Н. М.* Городская дуброва Белёва в 1443 г.). Одако в своей статье автор сообщил столько путаяпых и явно падумаяпых известий, что сообщение о «кладбище правоверных» теряет свою цеппость до тех пор, пока оно не будет подтверждено или опровергнуто новыми исследованиями.

⁷³ *Клосс Б. М.* Избраппые труды. Т. I. С. 427–429; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 71–73.

⁷⁴ *Зимин А. А.* Витязь па распутье... С. 238.

госнодине, номню до Белёва за три годы» (1494–1499 гг.)⁷⁵. Последние две цитаты происходят из показаний свидетелей в судебных разбирательствах о принадлежности тех или иных земель. Имя нарицательное «Белёвщина», так же как «Щелкановщина» (1327 г.), «Ореховщина» (1338 г.), «Литовщина» (1368–1370 гг.), «Задонщина» (1380 г.), «Витовщина» (1426 г.), «Мамотяковщина» (1445 г.) имеет ярко выраженный негативный окрас⁷⁶. Подобные названия связаны с крупными разорениями, с гибелью большого количества людей. Вероятно, гибель под Белёвом многих землевладельцев стала крупной вехой в нераспределении вотчинного фонда в Великом княжестве Московском. Может быть, отсюда ссылки на «Белёвщину» в последующих земельных спорах? Во всяком случае, хронологический аспект (отсчет времени от «Белёвщины») по умолчанию был понятен свидетелям, судьям, истцам и ответчикам. Географический охват упомянутых сообщений — окрестные села Москвы, Переяславля, Белоозера.

Для верховьев Оки те же события имели совсем иное значение. В сознании средневекового человека победа и поражение в бою непременно связывались с божьим промыслом. Победа над московскими войсками хана Улу-Мухаммеда и объединившихся с ним местных людей была одержана на Николины святки (4–5 декабря), накануне дня святителя Николая Мирликийского (6 декабря). Население Верхнего Поочья должно было налагать, что московские войска были разбиты заступничеством Чудотворца. Тем самым оправдывался ностунок Григория Протасьева — одного из самых выдающихся лидеров за всю историю Верхнего Поочья. Успех был не только политическим. В религиозном сознании местного населения он сделался культовым.

III

В 1438 г. хан Кичи-Мухаммед подчинил себе Северный Кавказ, а затем и Нижнее Подонье⁷⁷. Крым, видимо, был занят Сеид-Ахмедом. В какой-то период с 1436 по 1441 г. Василий II даже вступал с ними в дипломатические отношения⁷⁸. Поэтому можно подумать, что положение хана Улу-Мухаммеда было сложным. Однако вся его карьера состояла из непрерывной, но, тем не менее,

⁷⁵ АСЭИ. Т. 1. № 340. С. 246; АСЭИ. Т. 2. № 92. С. 56; № 411. С. 434.

⁷⁶ Как заметил словацкий филолог Й. Сипко, в русском языке для существительных с суффиксом «щина» (кроме обиходных названий территорий) чаще всего характерны открыто негативные или уничижительные коннотации, причем само словообразование такого рода в основе своей имеет впеязыковые, конкретно-исторические факторы (*Sipko J. Etnopsychologické predpoklady slovensko-ruských a rusko-slovenských porovnávaní. S. 30–32*).

⁷⁷ Барбаро и Контарини о России. С. 140–145.

⁷⁸ Согласно договору 1442 г., Василий II некогда прежде отправлял посольства к Кичи-Мухаммеду и Сеид-Ахмеду в период, когда был «в целовании» с Дмитрием Шемякой, т. е. с 13 июня 1436 г. (время заключения их прежнего договора) до их размирья осени 1441 г. (ДЦГ. № 38. С. 108. О датировке договора см.: *Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот...* С. 303–304; *Он же. Витязь на распутье...* С. 95).

успешной борьбы за трон. Каждый раз, оказавшись в беде, он непременно находил поддержку в среде самых разных политических сил. К сожалению, невозможно сказать, что стояло за каждым из членов его ближайшего окружения. Остановимся лишь на нескольких персонажах. «Кара таварих» (намятник XVI в.), а также одна из поздних легенд сообщают, что хан Улу-Мухаммед-Гирей пришел к власти с помощью крымского рода Ширин и его главы великого князя Тегене⁷⁹. Судя по летописным сводам 1408 и 1479 (1480) гг., у князя Тегене (Шихова сына) был брат князь Сарай (Урусахов сын), видимо, умерший еще до 1432 г. Его же «братанич» (здесь, возможно, двоюродный племянник) князь Усейн Сараев(ич) продолжал служить Улу-Мухаммеду и во время белёвских событий⁸⁰. Владения Ширинов выходили за пределы Крымского полуострова и доходили до Азова. Также они простирались далеко на север и граничили с Великим княжеством Литовским. Видимо, родной брат князя Усейна — Еголдай Сараевич (в крещении Дмитрий) к началу 1440-х гг. осел на литовской службе. Как известно из ярлыка-пожалования Хаджи-Гирея 1462/63 г., его владение Еголдаева тьма было передано в состав Великого княжества Литовского⁸¹. По смерти Улу-Мухаммеда, князь Шантяк Сараевич остался на службе у Мамутека⁸². Еще одной яркой личностью в окружении Улу-Мухаммеда был его зять князь Айдар — глава рода Кунгратов. В «Кара таварих» ему отведена такая же роль в возведении Улу-Мухаммеда на трон, как и Тегене Ширину⁸³. Однако между великим ханом и Айдаром случались и серьезные разногласия. Двое других зятьев Улу-Мухаммеда⁸⁴ — князь Елбердей и неизвестный по имени князь вместе с ханом участвовали в Белёвской

⁷⁹ *Утемиш-хаджи*. Кара таварих. С. 69–71; Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. С. 124; О происхождении князя Тегене см.: *Акчурина М. М.* Начальная генеалогия ширинских князей. С. 192–194.

⁸⁰ *Нриселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 468; ПСРЛ. Т. 18. С. 155, 171–172, 189; ПСРЛ. Т. 25. С. 238, 249, 260.

⁸¹ Е. В. Русина считает, что князь Еголдай Сараевич жил еще в XIV в., а в середине XV в. жил его потомок с тем же именем и неизвестный по отчеству. В качестве аргумента она приводит тот факт, что ярлык-пожалование Хаджи-Гирея восходит к аналогичному ярлыку-пожалованию Токтамыша (*Русина Е. В.* Еголдай, Еголдаевичи, Еголдаева «тьма». С. 144–152; *Kolodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania... S. 530; *Барвіньский Б.* Два загадочні ханські ярлики на рускі землі з другої половини XV століття. С. 17; *Golebiowski Ł.* Dzieje Polski za panowania Jagiellonów. T. 3. S. 231). Однако преемственность названий ярлыков заключается в их форме, а не в содержании, которое временем дополнялось. Самый ранний акт с упоминанием о князе Еголдае отражен в третьей книге записей Литовской метрики. Он был выдан при Казимире, пока был жив пап Довкгирд, т. е. датируется 1440–1443 гг. (LM. Kn. 3. P. 35; *Wolff J.* Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego 1386–1795. S. 72). Отчество князя Еголдая читается в Введетском синодике, где среди умерших в XV в. князей упоминают «кн(я)зя его Адая (Еголдая. — Р. Б.), именем Димитрия Есараевича» (Поместник Введетской церкви... С. 19).

⁸² АСЭИ. Т. 3. № 10, 11. С. 26–27.

⁸³ *Утемиш-хаджи*. Кара таварих. С. 69–71.

⁸⁴ Улу-Мухаммед имел трех дочерей (Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII вв. С. 39–40).

битве 1437 г. Даже не имея возможности уточнить их происхождение, несложно заметить, что великий хан имел поддержку от глав влиятельных татарских родов.

Не менее весомую поддержку Улу-Мухаммед нашел в Великом княжестве Литовском. В 1511 г. король польский и великий князь литовский Сигизмунд I Казимирович вспоминал, что Литва и Орда «*za velikoho kniazia Witowta y za caria Tochtamysza y za velikoho caria Mahmetie u pryiaźni y w bratstwie byli*»⁸⁵. В другой раз Сигизмунд I просил крымского хана Менгли-Гирея, чтобы тот был с ним «в братстве» по стародавнему обычаю, «*как predkowie otcy naszy z soboiu byli, velikij kniaz Witowt z cariem Tochtamyszom, y velikij kniaz Zygmont z hospodarem Mahmetiem, y otec nasz Kazimir korol z Aczy Gireiem cariem*»⁸⁶. Как указал С. В. Полехов, союз Сигизмунда Кейстутовича с некими татарами существовал к маю 1438 г.⁸⁷ Следует подразумевать именно татар хана Улу-Мухаммеда. Также, согласно литовско-крымской дипломатической переписке 1526–1527 гг., к Сигизмунду бежал Хаджи-Гирей (двоюродный племянник Улу-Мухаммеда). А когда «час фартунъны его прышол, онъ его у Орде Переконъской всноможеньемъ своимъ, накладомъ и вынравою на ц(а)рьстве носадил»⁸⁸. Согласно более ранним источникам, Хаджи-Гирей пришел к власти в Крыму уже после смерти Сигизмунда, в начале 1440-х гг. (см. § 18). Однако исследователями справедливо отмечено, что, согласно ярлыку-ножалованию Хаджи-Гирея Казимиру на русские земли Великого княжества Литовского, аналогичный ярлык ранее имел и Сигизмунд⁸⁹. Такой ярлык не мог быть выдан ханом-противником. Сигизмунду в борьбе со Свиригайлом и Сеид-Ахмедом был нужен противовес. Поэтому литовский государь стал поддерживать Улу-Мухаммеда в Поле, а Хаджи-Гирея, вероятно, желал видеть в Крыму. Поздняя легенда Ширинов называет Хаджи-Гирея преемником Улу-Мухаммеда в Крыму⁹⁰. Таким образом, даже лишившись трона, Улу-Мухаммед имел поддержку в самых разных слоях татарского, русского и литовского общества.

Уже к лету 1439 г. Улу-Мухаммед вновь имел большие силы. В начале июля он внезапно напал на Москву. Василий II не раз носылал к Дмитрию Шемяке, но тот на помощь не пришел⁹¹. В итоге великий князь был вынужден бежать за Волгу. Согласно Тверской летописи, царь с царицами стоял под Москвой неделю, но «град(а) Москвы не взялъ, а носады ножегль, села и волости

⁸⁵ Stosunki z Mendli-Girejem chanem tatarów perekopskich (1469–1515). №126. S. 387.

⁸⁶ Stosunki z Mendli-Girejem chanem tatarów perekopskich (1469–1515). №128. S. 392.

⁸⁷ Полехов С. В. Наследники Витовта. С. 461.

⁸⁸ ЛМ. Кн. 7. Р. 593. №365. Р. 593.

⁸⁹ Флоря Б. Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460). С. 182–183, 194. Сноска 59.

⁹⁰ Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. С. 124.

⁹¹ РФА. Вып. 1. С. 104–105.

извоевалъ, до самого рубежа Тверскаго»⁹². По Московскому летописному своду, он стоял под Москвой 10 дней «граду не усневъ сделать ничто же, а зла много учини земли Русской, и, идучи назад, досталъ Коломны ножегль, и людеи множество плени, а иных иссекль»⁹³.

Согласно уникальным сведениям Никоновской летописи, осенью 6948 (1439) г. в Большой Орде «хана Махмета» произошла большая смута, погибло много татар. В иных Ордах также случился мятеж и междоусобицы⁹⁴. Данное известие можно сопоставить с независимым от него, хотя и не датированным свидетельством. По летописи Утемиша-хаджи, находившийся в Крыму Улу-Мухаммед решил воспользоваться неурядицами в стане противника и зимой сразился с Кичи-Мухаммедом. В результате установившегося между ними перемирия (видимо, весной 1440 г.) в Нижнем Поволжье и в стенах к востоку утвердился Кичи-Мухаммед, а стены к западу от Волги и Крым достались Улу-Мухаммеду⁹⁵.

IV

Белёвская битва 1437 г. стала важной вехой и в судьбе феодалов старой верхнеокской коалиции. Позже в московском официальном летописании признавалась вина московской стороны за грабеж своих же христиан и смиренно принималась божья кара за этот проступок. Однако гибель большого количества князей и воевод в московском обществе воспринималась очень болезненно. В Ермолинской летописи сохранилось уникальное известие: «Того же лета князь великий Григорья Протасьевича поймавъ, и очи вымалъ». Оно вставлено внутрь рассказа о походе Улу-Мухаммеда на Москву 1439 г., что может говорить о том, что в протографе Ермолинской летописи оно было записано на верхнем или нижнем поле и без даты⁹⁶. Может быть, эта казнь состоялась вскоре после Белёвской битвы, когда ушли татары? Далее в Ермолинской летописи сохранилось сообщение о казни, вероятно, его сына Ивана

⁹² ПСРЛ. Т. 15. Стб. 491.

⁹³ ПСРЛ. Т. 25. С. 260.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. 12. С. 30–31.

⁹⁵ *Утемиш-хаджи*. Кара таварих. С. 79–80. Для датировки описанных в «Кара таварих» событий можно привлечь ряд независимых друг от друга источников. Смута в Большой Орде произошла после того, как Науруз перешел на службу к Кичи-Мухаммеду и предпринял с ним поход в степи Северного Причерноморья (1438 г.) (Барбаро и Контарини о России. С. 140–141). Но до того, как Айдар не прислал Улу-Мухаммеду помощи для похода на Волгу и сошелся с Сеид-Ахмедом. В счетной книге казначейства Каффы под 29 марта 1441 г. упомянуты: император «Sait Macmet» и «Aydarbi» — Айдар бей (Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. Т. I. Р. 36). Поэтому уникальные известия Никоновской летописи о смуте в Большой Орде и о мятеже в других Ордах, указывающие на осень 1439 г., вполне можно сопоставить с интересующими нас событиями, отраженными в «Кара таварих».

⁹⁶ ПСРЛ. Т. 23. С. 150. Ранее в связи с этой вставкой я допускал участие Григория Протасьева в походе Улу-Мухаммеда на Москву в 1439 г. (Беспалов Р. А. Новосильско-Одоевское княжество и Орда... С. 300). От данной гипотезы следует отказаться.

Григорьевича Протасьева весной 1440 г. (тоже уникальное). Далее род Протасьевых либо разделился, либо в Москве имелись их однофамильцы. По наблюдению А. Б. Мазурова, Протасьевы получили земельные владения в Коломне⁹⁷. Еще к 1445 г. некий Владимир Иванов сын Протасиев находился на московской службе⁹⁸. Однако до конца XV в. их потомок снова обнаруживается на службе Литве. Примечательно, что рассказ о Белёвской битве Ермолинской летописи еще не имел сведений о деятельности Григория Протасьева под Белёвом. Как же ее составитель связал с этой битвой его казнь (ослепление), а также убийство его сына? Неносредственный протограф Ермолинской летописи был доведен до 1481 г. Затем на его полях появились интересующие нас записи, а позже, в конце 1480-х — начале 1490-х гг., эта рукопись была переписана и имеется теперь в известном нам виде⁹⁹. Именно в Филиннов (Рождественский) лист, перед Рождеством Христовым (перед 25 декабря) 1488 г. московские войска взяли в плен любутского наместника Василия (Васка) Ивановича Протасьева¹⁰⁰. В этой связи и мог быть проявлен интерес летописца к судьбе его деда и отца.

Также на литовской службе остались мезецкие (огдыревские) князья. Некогда, в период с 1435 по 1440 г., может быть, уже после Белёвской битвы 1437 г., Сигизмунд выдал им подтверждение на их вотчины, в том числе на Мезецк с его округой, выслуженный ими еще при Витовте. Помимо этого он «придал» им новые волости: Силковичи, Новое Село¹⁰¹.

Князья новосильского дома задержались на московской службе несколько дольше. В конце XV в. Иван III вспоминал о службе Василию II князей Федора (Львовича) Воротынского, Ивана и Семена (Юрьевичей) Одоевских, а также Белёвских еще при Казимире (в 1440-х гг.)¹⁰².

⁹⁷ Согласно Ермолинской летописи, «Федко Блудовъ Сука Василья убилъ да Ивана Григорьевича Протасьева утопилъ. Того же лета и самого Федка, поймавъ, повесили на Коломне» (ПСРЛ. Т. 23. С. 150). По мнению А. Б. Мазурова, все эти лица являлись коломенскими землевладельцами, причем некий Иван Григорьевич Протасьев (тезка утопленного) был жив еще в конце XV в. (Мазуров А. Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI в. С. 144–145). Позже некоторые фамилии возводили свой род к Григорию Протасьеву. В конце XVII в. это пытались сделать Чаадаевы. Однако Н. П. Лихачев показал, что представленные ими грамоты о пожалованиях Василием II волостей мнимым «потомкам» Григория Протасьева в 1425 и 1426 гг. являются фальшивыми (Нономарева И. Г. История одного выезда на московскую службу... С. 41–50; АСЗ. Т. 4. № 368–371. С. 275–277). В. А. Левшин тоже стремился записать мценского воеводу в свои прашуры, называя его «Григорий Протасевич Левшин», по достоверным источникам его известия не подкреплены ([Левшин В. А.] Историческое, статистическое и камеральное описание городов Тульской губернии. Ч. II. Кн. II. С. 112; Он же. Топографическое описание Тульской губернии. С. 148).

⁹⁸ ПИРС. С. 194.

⁹⁹ Кloss Б. М. Предисловие к изданию 2004 г. [Ермолинской летописи] // ПСРЛ. Т. 23. С. IV–V.

¹⁰⁰ СИРИО. Т. 35. С. 37, 49.

¹⁰¹ СИРИО. Т. 35. С. 137.

¹⁰² СИРИО. Т. 35. С. 51, 62.

Родословные книги XVI–XVII вв. новествуют о волоколамском нериоде жизни белёвских князей Федора и Василия Михайловичей и их сестры княгини Евпраксии. Об этом ничего не сообщалось в объединенном родословце черниговских князей, составленном в конце 1520-х — начале 1530-х гг. в скринтории митрополита Даниила (прежде игумена Иосифо-Волоколамского монастыря)¹⁰³. Должно быть, эти сведения появились под его пером в той редакции, которая стала прототипом Румянцевской редакции 1540-х гг. и Государева родословца 1555 г. Как заметил Д. Домбровский, женщины упоминались в родословцах крайне редко, обычно когда их родственники занимали очень высокое положение в обществе¹⁰⁴. Княгиня Евпраксия стала матерью князей Теленней Оболенских¹⁰⁵. Актуальность ее появления в родословных книгах (вместе с волоколамской легендой) приходилась на период с конца 1533 до апреля 1538 г., когда ее внук князь Иван Федорович Овчина Теленев сделался фаворитом Елены Глинской, а сестра князя Ивана Овчины Аграфена Челяднина была нянькой будущего царя малолетнего Ивана IV¹⁰⁶.

В Румянцевском родословце записано: «князь Федор, да князь Василей Белёвские. А князь великий было Василей свел их с вотчины з Белёва в онале, а дал им Волок, и жили на Волоке долго, и князь великий пожаловал их, онять им вотчину их Белёв отдал; а сестра их была за князем за Васильем за Ивановичем за Оболенским княгини Онракса». Схожая запись содержится в Бархатной книге¹⁰⁷. В Летописном родословце и в Редакции начала XVII в. таких сведений нет¹⁰⁸.

Время и продолжительность пребывания белёвских князей на Волоке Ламском доподлинно неизвестны. Большинство родословцев не сообщают, какой именно великий князь свел их с Белёва, но дается понять, что они вернулись

¹⁰³ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 75–76; см. § 3.

¹⁰⁴ Домбровский Д. Поиски древнерусских предков со стороны семей ВКЛ и Московии... С. 174–176.

¹⁰⁵ ВОИДР. Кн. 10. С. 157, 164.

¹⁰⁶ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России... С. 50–52; Кром М. М. «Вдовствующее царство»... С. 147–151, 155–161.

¹⁰⁷ РИИР. Вып. 2. С. 112–113; Бархатная книга. Ч. 1. С. 180. В Бархатной книге записано несколько иначе: «за князем Васильем Ивановичем за косым». Эта запись происходит из списка Румянцевского родословца в 43 главы. М. Е. Бычкова считала ее ошибочной, поскольку в остальных редакциях родословцев запись «за косым» нет (Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. С. 36, 164–165). Прозвище «косой» у князя В. И. Оболенского в древних источниках больше нигде не встречается. В XIX в. оно породило несколько заблуждений. Н. Г. Головин полагал, что Евпраксия была замужем за Василием Косым Патрикеевым-Голицыным (Головин П. [Г.] Родословная роспись потомков великого князя Рюрика. С. 39). П. Н. Петров считал, что ее мужем был Василий Юрьевич Косой — двоюродный брат Василия II (Петров П. П. История родов русского дворянства. Кн. 1. С. 41). Как справедливо заметил Г. А. Власьев, эти мнения противоречат источникам (Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 1. С. 49).

¹⁰⁸ РИИР. Вып. 2. С. 43; ВОИДР. Кн. 10. С. 70–71.

в Белёв при том же великом князе Василии. М. К. Любавский полагал, что князя Федор и Василий Белёвские «родились на Волоке, куда отец их Михаил прибыл, но всей вероятности, в 1407–1408 г. вместе с князем Свидригеллом и другими северскими князьями, которых Василий Дмитриевич изгнал, между прочим, и на Волоке»¹⁰⁹. В другой своей работе в качестве причины переезда белёвских князей к Москве М. К. Любавский называл разорение Одоева в 1407 г.¹¹⁰ В своей хронологии событий ученый опирался на сведения родословца Патриаршей редакции: «князя Федора и князя Василья Белёвских отпустил князь великий Василий Дмитриевич съ Волока опять въ вотчину ихъ на Белёвъ» (1389–1425 гг.)¹¹¹.

Точка зрения М. К. Любавского была отвергнута С. М. Кучинским, который заметил, что она противоречит летописям, но которым состав князей, переехавших к Москве вместе со Свидригайлом, хорошо известен, и белёвских среди них нет. О пребывании князя Михаила Васильевича Белёвского на Волоке в родословцах не сказано, а хронология жизни его сыновей не вписывается в события начала XV в.¹¹² К возражению С. М. Кучинского можно добавить, что сведения родословца Патриаршей редакции конца XVI в. существенно нестроены по сравнению с более ранними родословцами. Появление в интересующей нас фразе отчества Дмитриевич и указание на Василия I может быть ошибкой позднего редактора родословной книги¹¹³. С. М. Кучинский предположил, что переезд белёвских князей к Москве следует относить ко второй половине 1430-х гг. — времени великого княжения Василия II, и связал его с пребыванием в Белёве хана Улу-Мухаммеда. Он считал, что, когда Белёв заняли татары, «белёвские князья вынуждены были оттуда удалиться» (как мы выяснили, татары не занимали город Белёв, но действительно жили в непосредственной близости от него).

В свою очередь С. Б. Веселовский отнес отъезд белёвских князей ко времени великого княжения Василия III (1505–1533 гг.). При этом, вероятно, мог опираться на родословную книгу по списку М. А. Оболенского конца XVII в., где записано, что князей Федора и Василия Белёвских свел с Белёва великий князь Василий Иванович¹¹⁴. Кроме того, ученый следовал ошибочному мнению И. П. Сахарова, который считал, что Белёвский удел возник только в 1468 г., т. е. уже после смерти Василия II, а затем белёвские князья окончили свой род

¹⁰⁹ Любавский М. К. Областное деление... С. 49.

¹¹⁰ Он же. Образование основной территории великорусской народности. С. 89.

¹¹¹ ВОИДР. Кн. 10. С. 157; Родословная келейная книга. С. 41.

¹¹² Kuczyński S. M. Ziemia Czernihowsko-Siewerskie... S. 136–137.

¹¹³ Примечательно, что в Великом княжестве Литовском Василия II Васильевича могли ошибочно называть Дмитриевичем и в первой четверти XVI в. (см.: ЛМ. Кн. 7. № 199. Р. 377). Так что и составитель Патриаршей редакции родословцев конца XVI в. вполне мог допустить такую ошибку.

¹¹⁴ ПИРС. С. 58–59.

в очередной онале в Вологде¹¹⁵. Дальнейшее обсуждение этой версии видится непродуктивным, поскольку во время великого княжения Василия III князей Федора и Василия Белёвских уже давно не было в живых.

Точку зрения С. М. Кучиньского развил М. М. Кром. Он указал на то, что князья Федор и Василий Белёвские не просто бежали от татар, но были сведены «з Белёва в онале» (т. е. в немилости), поэтому следует искать политические мотивы их изгнания. Он предположил, что причиной тому стал их переход под власть хана Улу-Мухаммеда в 1437 г.¹¹⁶

Замечание С. М. Кучиньского о хронологии жизни белёвских князей можно уточнить. Князь Михаил Васильевич Белёвский впервые упомянут в житии преподобного Кирилла Белозерского¹¹⁷. По житийному сказанию, князь Михаил и его княгиня Мария восемь лет не имели детей и сильно об этом печались. Тогда они отправили к старцу Кириллу бояр с прошением, чтобы тот помолился за них. Старец якобы явился им во сне и оставил три сосуда, что предвещало рождение трех детей. Несмотря на литературную переработку этого сказания с добавлением агиографического сюжета, думается, факт белёвского нисольства в монастырь на Белоозеро действительно имел место в период с 1397 до 8 июня 1427 г. (с момента основания монастыря старцем Кириллом до его смерти). Рассказ был записан Пахомием Сербом в 1461–1462 гг. со слов инока Кирилло-Белозерского монастыря Игнатия, которому о случившемся поведала сама княгиня Мария Белёвская, некогда навестившая монастырь¹¹⁸.

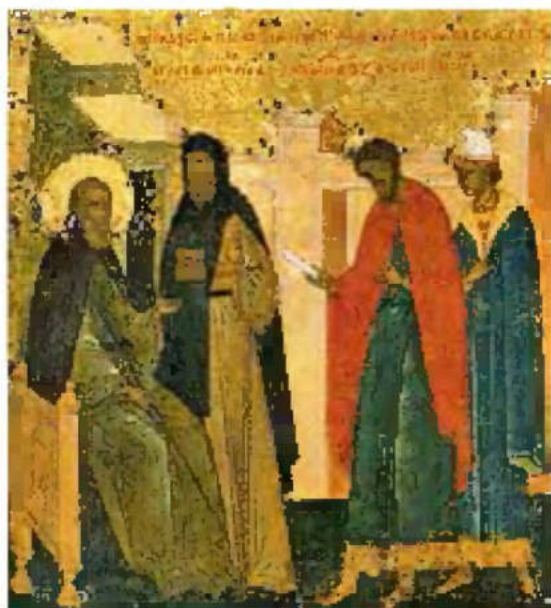
Вновь обратим внимание на то, что князь Михаил Белёвский умер, видимо, еще до заключения князьями новосильского дома «Витовтова докончания» 1427 г. Его же дети тогда были еще малолетними и, видимо, находились под опекой старших родичей (см. § 14). Тезис об их малолетстве можно упрочить, если

¹¹⁵ Веселовский С. Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси. С. 121; Беспалов Р. А. О древнейших источниках по генеалогии Белёвских удельных князей... С. 39–50.

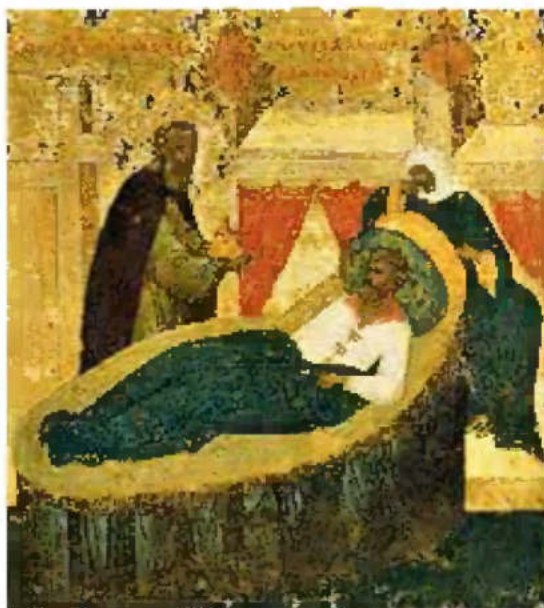
¹¹⁶ Кром М. М. Меж Русью и Литвой. С. 44–45.

¹¹⁷ Яблонский В. [М.] Пахомий Серб и его агиографические писания. Прил. С. XXIX–XXXII; Житие Кирилла Белозерского. С. 45–48; Русские монастыри... С. 38; 1000-летие русской художественной культуры. №98. С. 82.

¹¹⁸ Княгиня Мария Белёвская упоминалась в Москве. В Мазуринском синодике (1491–1494 гг.) сплошным текстом записано: «кп(я)зю Феодору Михайлович(у) Белевскому и кп(я)зю Глебу Ивасович(у) Оболенскому, кп(я)зю Васил(ь)ю Юрьевич(у) Литовскому, кп(я)зю Васил(ь)ю, кп(я)зю Копстапиту веч(ная память); кп(я)гине М(а)рии Белевским, кп(я)гине Агрофене ипоке и с(ы)пу ея Ивасу, Семелу Глебову веч(ная память)» (РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. №289. Л. 156). В Успенском синодике одним и тем же почерком после князя Копстапина еще записаны четыре ипокины с пропусками свободного места, только после них идет запись: «кп(я)гине М(а)рии Белевским» (ГИМ. Сип. №667. Л. 76). Общность фамилии и окончание «-ским» заставляют думать, что в протографе синодиков провозглашалась память князю Федору Михайловичу и его матери княгине Марии Белёвским. Однако между ними на полях вклинились помпальные записи по именам лиц, поэтому в списках синодика представители семейства Белёвских были разнесены друг от друга.

Илл. 17.2. Прибытие белёвских нослов к старцу Кириллу Белозерскому (Икона, конец XV в.)

Илл. 17.3. Явление старца Кирилла во сне князю Михаилу Белёвскому (Икона, конец XV в.)

учитывать брак княгини Евпраксии Михайловны (дочери князя Михаила Белёвского) с князем В. И. Оболенским. О нем упоминают Румянцевский и Государев родословцы в росниси Белёвских, а также родословец Патриаршей редакции в росниси Всеволож-Заболоцких князей¹¹⁹. Первым браком князь В. И. Оболенский был женат на княгине Марии Туриковой. Согласно Соловецкому летописцу, в августе 1449 г. «приходили скорые татарове до Похры и нолонили княжъ Василю Ивановича Оболенского княгиню Марию»¹²⁰. Часть татар удалось нагнать и разбить, но ее дальнейшая судьба неизвестна. Должно быть, первая жена князя В. И. Оболенского вскоре после иленения умерла, тогда он женился второй раз — на Евпраксии, от которой затем имел детей. Евпраксия должна была родиться незадолго до 1427 г., чтобы к рубежу 1440-х — 1450-х гг. еще находиться в брачном и детородном возрасте. Может быть, некоторая задержка с ее браком вышла из-за ущемленного положения семейства белёвских князей в конце 1430-х — 1440-х гг. То есть она не была отдана замуж юной, что тогда являлось нормой, но в 1450-х гг. была еще молода. Данные расчеты предполагают, что и возраст ее братьев князей Федора и Василия Михайловичей к 1437 г. достигал не менее 10–12 лет, но и немногим более этого. В роду новосильских князей они не были старшими и самостоятельными, а напротив, были политически уязвимыми.

В декабре 1437 г. московские войска не заняли Белёв, а нотертели сокрушительное поражение. Однако затем произошла расправа над мценским воеводой

¹¹⁹ РИИР. Вып. 2. С. 112–113; Бархатная книга. Ч. 1. С. 180; ВОИДР. Кп. 10. С. 164.

¹²⁰ Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. С. 231.

Григорием Протасьевым, причем он был ослеплен, но оставлен в живых. Вероятно, именно тогда Василию II заодно удалось сместить и белёвских князей с их вотчины, причем их наказание тоже было не слишком суровым. Помещение на Волоке Ламском ональных князей не имело других precedентов в истории. После того как в начале XV в. Волок отошел в состав владений Василия I, волоцкие места обычно отдавались в кормление выходцам из иных земель¹²¹. Может быть, размен Волока Ламского на Белёв стал для Василия II гарантией дополнительного контроля над князьями новосильского дома, оказавшимися теперь на московской службе.

¹²¹ Волоком Ламским Москва владела с Великим Новгородом по половинам, разделяя его не столько по территориальному, сколько по административному принципу (*Чернов С. З.* Волок Ламский... С. 41–43). Князь Владимир Андреевич Серпуховский, получивший Волок от Василия I в 1390 г., собирал с него ордынские «выходы» в 170 рублей, тогда как «выходы» с его собственного Серпуховского удела составляли 320 рублей. В 1404 г. Волок был возвращен Василию I. В том же году повгородцы отдали Волок в поместье князю Юрию Смоленскому (до 1406 г.). В 1408 г. Василий I на короткое время пожаловал Волок князю Свидригайлу. В следующие полвека великие московские князья по соглашению с Новгородом имели над Волоком Ламским верховную власть. Великая княгиня Софья Витовтовна владела на Волоке Белевутовскими селами. В 1461–1462 гг. Василий II завещал Волоцкий удел своему сыну князю Борису (*Чернов С. З.* Волок Ламский... С. 51–55; ДДГ. № 13. С. 37–38; № 16. С. 43; № 61. 195; ГВНП. № 19. С. 34–36; ПСРЛ. Т. 25. С. 237).

§ 18. Возобновление литовско-новосильского союза в контексте неурядиц в Москве, Литве и Орде в 1440-х годах

I

В марте 1440 г. великий князь литовский Сигизмунд Кейстутович был убит заговорщиками в трокском замке. Польский король Владислав III Ягайлович послал в Литву своего двенадцатилетнего брата Казимира в качестве наместника, однако литовские князья и наны провозгласили его великим князем литовским¹. В то же время подвиги происходили в Крыму, который к марту 1441 г. подчинился хану Сеид-Ахмеду². Однако в 845 г. х. (май 1441 — май 1442 г.) его занял Хаджи-Гирей, укрывавшийся ранее у Сигизмунда³. 30 июля 1442 г. в Каффу прибыл вестник хана Хаджи-Гирея, который принес новость о победе над Сеид-Ахмедом, названным уже без царского титула⁴. При этом и хан Улу-Мухаммед был тесно связан с Крымом. В частности, в мае 1442 г. в Каффе пребывал его сын Касим⁵. Согласно же летописи ал-Айни, в 847 г. х. (май 1443 — апрель 1444 г.) «государем Крыма и Дешта был Мухаммед-хан»⁶. Улу-Мухаммед и его племянник Хаджи-Гирей имели какую-то связь через черкесов⁷, оба они рались на поддержку Ширинов⁸ и оба стремились к союзу с Литвой. Б. Н. Флоря обратил внимание на ониси документов, содержащих сведения о заключении «вечного мира» между Польшей и Ордой к сентябрю 1442 г. Также ученый заметил, что к тому же времени был заключен мирный договор между Великим княжеством Литовским и Ордой⁹. Должно быть, новодом для заключения нового литовско-ордынского договора была неремена власти в Орде

¹ Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства... С. 97–99.

² Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 36.

³ В 845 г. х. (май 1441 — май 1442 г.) Хаджи-Гирей чекапил в Кырк-Эре свою монету (Ретовский О. Ф. К пумизматике Гиреев. С. 75–86).

⁴ Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 36. О приходе Хаджи-Гирея к власти в Крыму в 1441–1442 гг. также см.: Якушевский А. В. К вопросу об обстоятельствах прихода к власти Хаджи-Гирея. С. 585–593.

⁵ Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 35–36.

⁶ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... С. 235.

⁷ Из рода черкесов происходила мать Хаджи-Гирея (Утемиш-хаджи. Кара таварих. С. 81). Сыновья Улу-Мухаммеда Касим и Ягуп также были тесно связаны с землей черкесов. Зимой 1446/47 г. на вопрос русских воевод их люди отвечали: «мы пришли ис Черкась съ двема царевичи, Махметевыми съ детми, съ Касымомъ да съ Ягупомъ» (ПСРЛ. Т. 25. С. 268; ПСРЛ. Т. 18. С. 202). Летописный рассказ о происхождении татар Касима и Ягупа можно подкрепить тем, что еще в 1442 г. Касим был связан с Матрегой — генуэзской колонией на Таманском полуострове в земле черкесов, откуда, видимо, и пришли упомянутые татары (Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 36).

⁸ Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. С. 124.

⁹ Флоря Б. П. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460). С. 183–184.

и главным образом в Крыму, а также наступление благоприятной для Литвы обстановки в татарских Ордах¹⁰. Так в литовско-ордынских отношениях восстановилась конфигурация, достигнутая еще в 1420-х гг. при Витовте.

К началу правления Казимира, как и в середине 1420-х гг., князья новосильского дома находились на московской службе. Однако череда событий следующих лет вновь привела к изменению их положения.

К 1442 г. Василий II признавал над собой власть ордынского хана. В его договоре с Дмитрием Шемякой этого времени имелся пункт о вынате хану дани (выходов и проторов)¹¹. Однако вскоре московско-ордынские отношения снова обострились. Зимой 1443/44 г. один из сыновей Улу-Мухаммеда царевич Мустафа хотел зимовать в Рязанской земле¹². Однако посланные Василием II войска совместно с рязанцами и мордвой набили татар, убили царевича Мустафу и захватили в плен двух татарских князей¹³. Согласно Ермолинской летописи, после убийства Мустафы хан Улу-Мухаммед «стоялъ на Беснута, и князь великий ходилъ на него со всею братьею»¹⁴. В истории московско-ордынских отношений место впадения реки Беснута в Оку известно тем, что здесь татары

¹⁰ Ряд историков на основании сведений договора Василия II с Дмитрием Шемякой конца 1441 — августа 1442 г. указывают на имена правящих ханов в это время (*Горский А. А.* Москва и Орда. С. 145; *Флоря Б. П.* Орда и государства Восточной Европы... С. 184). Однако этот документ не определяет точное время их правления и полноту власти. Он говорит о том, что Дмитрий Шемяка «не додал» Василию II серебра в ордынские «выходы» и «проторы», в том числе в счет расходов на посольства к Кичи-Мухаммеду и Сеид-Ахмеду, совершенные в то время, когда Василий II еще был «в целовании» с Дмитрием Шемякой, т. е. в период с 13 июня 1436 г. (время заключения их прежнего договора) до их размирья осени 1441 г. Очевидно, подобные сношения Василия II были направлены против Улу-Мухаммеда (*Зимин А. А.* Витязь на распутье... С. 95). Однако Кичи-Мухаммед и Сеид-Ахмед не обладали полнотой власти, а власть последнего была неустойчивой. Может быть, поэтому Дмитрий Шемяка не вписал свою долю в расходы на ордынские «проторы», которые должны быть солидарными. Когда же он потерпел поражение от Василия II, ему пришлось признать, что тот уже понес ордынские расходы, и ему (Дмитрию Шемяке) подлежало вернуть долг (свою часть солидарных затрат) независимо от того, кто являлся правящим ханом на момент заключения нового договора (ДДГ. № 38. С. 108. О датировке договора см.: *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот... С. 303–304).

¹¹ ДДГ. № 38. С. 108.

¹² Д. М. Исхаков обратил внимание на генеалогию, составляющую в начале XVI в. В ней у хана Улу-Мухаммеда назван сын Мустафа. Кроме того, в летописных сводах конца XV — начала XVI в. под 1471 и 1474 гг. упомянут царевич Муртоза — «сынъ казакского царя Мустофы». Из других источников неизвестно, чтобы Мустафа был казакским царем, по его старший брат Мамутек действительно правил Казакским ханством (Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII вв. С. 39–40; ПСРЛ. Т. 25. С. 291, 301; *Исхаков Д. М.* О родословной хана Улу-Мухаммеда. С. 64–66). О Муртозе также см.: *Рахимзянов Б. Р.* Москва и татарский мир... С. 86–88.

¹³ В Московском своде конца XV в. и в других связанных с ним летописях это событие записано под 6951 г., в Никоновской летописи более подробная «повесть» помещена под 6952 г. (ПСРЛ. Т. 25. С. 151, 394; ПСРЛ. Т. 18. С. 192; ПСРЛ. Т. 12. С. 61–62).

¹⁴ ПСРЛ. Т. 23. С. 151. Согласно Никоновской летописи, в сентябре того же года «приходиша татарове на рязанския украинны» и «тоя же осени воеваша татарове мордву» (ПСРЛ. Т. 12. С. 62).

неоднократно нýtались неренравиться на московский берег¹⁵. Встретившись с московскими войсками, Улу-Мухаммед отступил, но вскоре ему представился более удобный момент для нападения.

К концу 1444 г. Улу-Мухаммед занял старую крепость Нижнего Новгорода и оттуда двинулся к Мурому. Василий II выступил против татар, к 6 января 1445 г. был уже во Владимире, затем разбил их нередовые отряды под Муромом и Гороховцом и к концу марта вернулся в Москву. Татары отступили к Нижнему Новгороду¹⁶. Когда же московский князь находился в Муромском походе, Казимир наслал свое войско на московские земли.

Изучение сложившейся ситуации несколько затруднено наличием в летописях ряда недостоверных сообщений. Согласно новгородским летописям, сначала сам Василий II в конце 1444 г. (6953 или 6954 гг.) «насла тотарь два царевица на литовьскыи города, на Вязму и на Брянскъ, и на иныи города безъвестно». В этом походе его татары якобы захватили пленных и разорили много мест, едва ли не до Смоленска¹⁷. Схожие известия содержатся в западнорусских летописях: «И пришед москвичи с татары, извоевавши Вязимьскую землю всю»¹⁸. Данные фрагменты имеют общее происхождение, но дошли до нас в новгородской и смоленской редакциях. Их явную литературную ошибку выдает сообщение о «двух царевичах» или о «москвичах с татарами». Летописный рассказ о московско-литовском конфликте зимы 1444–1445 гг. впервые был занисан в не дошедшем до нас своде 1447 (6955) г. в составе связанных между собой пространных рассказов о событиях 1443–1447 (6951–6955) гг. Наилучшим образом он отразился в Московском своде конца XV в. и в текстологически близких к нему летописях¹⁹. В них вдвоем и именно как «два царевица»

¹⁵ ПСРЛ. Т. 8. С. 204, 261; *Смолицкая Г. П.* Гидропимия бассейна Оки... С. 100, 142–143.

¹⁶ В летописях имеется пеувязка. После сообщения о том, что татары были побиты под Муромом и Гороховцом, а Улу-Мухаммед возвратился к Нижнему Новгороду, следует текст: «А царь седе в Муроме, а татарове в то же время, коли царь под Муром приходил, Лух воевали» (ПСРЛ. Т. 25. С. 395; ПСРЛ. Т. 18. С. 193). Этот эпизод можно расцепить так, что Улу-Мухаммед сохранил за собой не только Нижний Новгород «старый», но и Муром (*Горский А. А.* Москва и Орда. С. 145). Однако фраза «царь седе в Муроме» противоречит и предыдущему, и последующему сообщениям. Поэтому можно думать, что здесь испорченная фраза. Возможно, было: «царь иде к Мурому».

¹⁷ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 440; ПСРЛ. Т. 3. С. 424.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 35. С. 60–61, 78, 110; ПСРЛ. Т. 32. С. 159. В более поздней редакции западнорусских летописей указано, что это были «казанские татары» (ПСРЛ. Т. 35. С. 144, 165–166, 191, 212, 233).

¹⁹ Кроме Московского свода, это Симеоповская, Вологодско-Пермская, Никапоровская, Лавровского, Иоасафовская и Воскресепская летописи (ПСРЛ. Т. 25. С. 394–395; ПСРЛ. Т. 18. С. 192–193; ПСРЛ. Т. 26. С. 196; ПСРЛ. Т. 27. С. 109; ПСРЛ. Т. 46. С. 85; Иоасафовская летопись С. 31–32; ПСРЛ. Т. 8. С. 111–112). В Никоновской летописи данные события изложены трижды: по Сокращенным сводам, по повгородским летописям и по летописям, тесно связанным с Московским сводом (ПСРЛ. Т. 12. С. 63). В других летописях: Ермолинской, Софийской I (по спискам Бальзеровскому и И. Н. Царского), Сокращенных сводах конца XV в., Софийской II и Львовской — содержится группа переработанных рассказов, заметно отошедших от оригинала (ПСРЛ.

уноминаются сыновья хана Улу-Мухаммеда: Касим и Ягун. Однако они стали союзниками Василия II не ранее конца 1445 г. Сообщение о пребывании «татар двух царевичей» в Смоленской земле и об их встрече там с «москвичами» датируется зимой 1446/47 г.²⁰ Искаженные сведения не дошедшего до нас свода 1447 (6955) г. попали в новгородское и в смоленское (затем и в более позднее западнорусское) летописание. В них пребывание московских служилых людей и татар на литовском пограничье (6955 г.) было занесено до нападения литвы на Калугу (6953 г.). В результате получилось новое сообщение — нападение «двух царевичей» или «москвичей с татарами» на Смоленскую землю в конце 1444 г. В летописях Северо-Восточной Руси об этом вымышленном событии ничего не говорится²¹.

В новгородском и западнорусском летописании данный анахронизм был призван объяснить причину якобы ответного нападения литовских войск на московские земли зимой 1444/45 г. Поскольку его сведения оказываются недостоверными, то и нападение литвы должно объясняться иначе. Московско-литовские отношения стали осложняться еще в 1442–1443 гг. из-за стремления сторон иметь своего наместника в Великом Новгороде. К концу 1444 г. ситуация накалилась. В тот момент Василий II находился в походе против татар Улу-Мухаммеда. С ним были князья Иван Андреевич Можайский, Михаил Андреевич Верейский и Василий Ярославич Серпуховский, владения которых располагались на границе или близко к границе с Великим княжеством Литовским. Для своевременного нападения литовской стороне необходимо было заранее знать о том, что московские тылы окажутся оголенными. Поэтому можно предположить, что после неудачного похода на Беснуту 1444 г. Улу-Мухаммед смог договориться с Казимиром (и с его намами, фактически управлявшими государством) об одновременном нападении на Великое княжество Московское с двух сторон. В то время они были союзниками и оба находились в конфликте с Василием II. В таком случае литовская сторона без особого труда успевала бы воспользоваться удачным моментом, что и произошло.

Согласно Московскому своду конца XV в., литовские войска были под Козельском и под Калугой, «да не учинили ничего»²². По иным летописям Северо-Восточной Руси, уже имеющим в своем изложении поздние редакционные переделки, они «съ Колуги взяли окунь, а подъ Козельскомъ стояли неделю»²³. Имеется еще один источник о калужском бедствии. В Мазуринском

Т. 23. С. 151; ПСРЛ. Т. 5. (1851). С. 267; ПСРЛ. Т. 39. С. 145; ПСРЛ. Т. 27. С. 272, 346; Повикова О. Л. «Сокращенный свод» в 70–90-х гг. XV века и его Соловецкий вид. С. 228; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 103; ПСРЛ. Т. 20. С. 256–257).

²⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 268; ПСРЛ. Т. 18. С. 202.

²¹ Подробнее см.: Беспалов Р. А. Московско-литовский конфликт зимы 1444–1445 годов... С. 3–27.

²² ПСРЛ. Т. 25. С. 394–395; ПСРЛ. Т. 18. С. 192–193.

²³ ПСРЛ. Т. 23. С. 151; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 103; ПСРЛ. Т. 20. С. 256–257; ПСРЛ. Т. 5. (1851). С. 267.

и Успенском синодиках сохранились номинальные записи о ряде событий, вроде бы расположенные по порядку: о погибших в Белёвской битве (1437 г.), в Суздальской битве (июль 1445 г.), в московском пожаре (июль 1445 г.), о сгоревших в Калуге «от заналения» и скончавшихся насильственной смертью (?), о погибших во время нашествия сына Сеид-Ахмеда (1451 г.), о погибших в Константинополе от турок (1453 г.)²⁴. По такой хронологии калужский пожар должен был бы приходиться на период 1445–1451 гг. и его предположительно можно было бы отнести ко времени нашествия татар в 1449 г.²⁵ Однако об их нападении на Калугу летописи не сообщают. Поэтому стоит обратить внимание на то, что нападение литовских войск на Калугу, Суздальская битва и московский пожар в сентябрьском летоисчислении относились к одному и тому же 6953 г. Среди этих событий калужский пожар был наименее значимым, но этому мог произойти во время нападения литвы, но быть записанным после московского пожара. Причем «заналение» могло случиться от сконления массы людей в осаде и их неосторожного обращения с огнем, как это произошло и в Москве.

Можайские, верейские и серпуховские войска собрались числом всего 260 человек и потерпели поражение в волости Суходрове (севернее Калуги), многие попали в плен к литовским войскам²⁶. Составитель свода 1447 (6955) г. был очень информированным, так что знал по именам многих воевод. Московский свод конца XV в. наиболее точно отразил его сведения, однако в них названо явно символическое количество литовских войск: 7000, что соответствует семи неречисленным в них литовским воеводам. Должно быть, это поздняя оценка летописца, завышенная как минимум в десять раз²⁷.

По своему масштабу Суходровская битва, видимо, была сравнительно небольшим сражением, но она повлияла на дальнейшее развитие событий. Весной 1445 г. к Василию II пришла весть, что хан послал на него войной своих сыновей Мамутека и Ягуна. В конце мая Василий II выступил в новый поход. С ним снова были князья Можайский, верейский и серпуховский. Однако теперь они пришли на помощь к великому князю «с малыми людьми», «мало без вой их, яко ни с тысячу». Должно быть, им пришлось оставить на литовском пограничье гораздо больше войска для защиты от литвы. Кроме того, князья

²⁴ РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 289. Л. 156 об. — 159 об.; ГИМ. Сип. № 667. Л. 78 — 86 об.; ДРВ. Ч. 6. С. 456–460.

²⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 270.

²⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 394–395; ПСРЛ. Т. 18. С. 192–193.

²⁷ Обратим внимание на летописную оценку численности московских войск в Суздальском походе 1445 г.: 1500 человек. Оно потерпело поражение от татар, которых было 3500 человек. Во время Муромского похода московской стороне пришлось сильно оголять тылы, так что литовские воеводы с 7000 войска вполне могли бы взять Москву или сильно разорить ее окрестности, не говоря уже о Козельске и Калуге, которые, по Московскому своду, им не удалось взять. Поэтому можно думать, что 7000 литовского войска — это литературная оценка, не соответствующая действительности.

Иван Можайский и Михаил Верейский, видимо, предъявили великому князю требования о возмещении ущерба от литовского разорения²⁸. Уже во время нового похода на татар в договоре от 17 июня²⁹ Василий II на год освободил князя Михаила Верейского от уплаты «выходов», а князю Ивану Можайскому не редал в вотчину: «Козлескъ с волостями, а волости: Серенескъ, Людимескъ, Коронки, Вырка», вместе с другими «нрмыслами» Василия I: «кунля Пересветова, Олексин, Лисин(,) Свиблов, со всем с тем, что к тем нотягло истарины местом»³⁰. К этому времени можайский князь по завещанию отца также владел Калугой и Рощей³¹. Таким образом, он становился крупным землевладельцем Верхнего Поочья.

В итоге предпринятые Василием II меры не снасли положення. Ему удалось собрать не более полутора тысяч войска, служилый царевич Бердедат Куйдадатович к нему не носел, а Дмитрий Шемяка и вовсе не носал помощи. В битве под Суздалем московское войско было разбито превосходящими силами татар. Василий II, многие князья и бояре попали в плен, а князю Ивану Можайскому удалось бежать. В октябре того же года за большой выкуп Василий II был отпущен из плена в сопровождении многих татарских нослов³². Однако Улу-Мухаммеду не довелось насладиться победой. Возможно, между ним и его старшим сыном Мамутеком, в плену у которого и содержался Василий II, возникли разногласия по поводу кандидата на великое московское княжение. Как показали дальнейшие события, Мамутек решил поддержать на московском престоле князя Дмитрия Шемяку³³. Видимо, под нажимом отца Мамутеку

²⁸ Литовские войска могли сильно разграбить незащищенные окрестности Калуги и волости Суходров. Также можайскому и верейскому князьям потребовались деньги на выкуп пленных. Так, из плена был возвращен Иван Судок и впоследствии служил князю Ивану Можайскому (*Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 378, 527).

²⁹ В тексте грамоты имеется датировка: 17 июля 1445 г. (ДДГ. №41. С. 122). Василий II выступил из Москвы 23 мая, однако с 7 июля он и Михаил Верейский уже находились в татарском плену, а Ивану Можайскому удалось избежать их участи. А. Е. Пресняков, а за ним и А. А. Зимин предположили, что в грамоте имеется описка, следует читать «17 июня» (*Пресняков А. Е.* Образование великорусского государства. С. 462. Сноска 189; *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот... С. 306–307). На справедливость их датировки указывает период освобождения князя Михаила Верейского от уплаты «выходов»: от Петрова дня до Петрова дня этого года (29 июня). Было бы логично, если бы грамота была заключена незадолго до 29 июня, т. е. 17 июня.

³⁰ Лисин был пожалован можайскому князю несколько раньше (ДДГ. №42. С. 124; *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот... С. 307–308). Нет ясности, упоминается ли Свиблов в качестве волости (возможно, к северо-востоку от Москвы) или имеется в виду прежняя принадлежность Лисина — Семелу Федоровичу Свиблову, убитому в ходе белёвской кампании 1437 г. (*Бархатная книга*. Ч. 1. С. 326, 335; *ВОИДР*. Кн. 10. С. 102).

³¹ ДДГ. №31. С. 81.

³² ПСРЛ. Т. 18. С. 193–196.

³³ В послании от 29 декабря 1447 г. русское духовенство уличало Дмитрия Шемяку: «христианство православное губя, съсылаешся сь иповерцы, сь поганством»; «посылал еси в Казань ко царевичю к Мамотяку на брата своего старейшего великого князя»; «и посол его к тебе пришел, у собе его и пые держишь» (РФА. Вып. 1. С. 109, 110).

пришлось уступить, но затем в результате всныхнувшей смуты хан Улу-Мухаммед был убит³⁴, а его сыновья Касим и Ягун бежали к Василию II³⁵.

Вскоре Дмитрий Шемяка обвинил великого князя в наведении на Русь татар и привлек на свою сторону князя Ивана Можайского. В феврале 1446 г. заговорщики схватили Василия II, ослепили его и нослали в заточение в Углич. Позже им пришлось вынудить его, и Василий II выехал в Тверь, где получил поддержку от великого князя Бориса Александровича Тверского. Тем временем князь Василий Ярославич Сернуховский и другие сторонники Василия II бежали в Великое княжество Литовское³⁶. Там они получили от Казимира в кормление Брянск, Гомель, Стародуб и Мстиславль³⁷. При этом литовская сторона, видимо, тоже получила от них прямую выгоду, о чем мы скажем далее. В Литву же нанравились татары Касима и Ягуна. Под Ельней они встретились с людьми князя Василия Сернуховского³⁸.

Вокруг Василия Ярославича в поддержку Василия II объединились многие князья и бояре, бежавшие из Великого княжества Московского. В декабре 1446 г. они выступили из Литвы против Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского, которые собрали свои силы в Волоке Ламском. Василий II с Твери тоже выдвинулся к Волоку Ламскому, а его сторонники заняли Москву. В этой связи уже к началу 1447 г. мятежникам пришлось отступить³⁹.

II

Время больших потрясений (невзгод) в Великом княжестве Московском сказалось и на дальнейшей судьбе князей новосильского дома. В 1493 г. Иван III заявлял нослам великого князя литовского Александра Казимировича: «те князи

³⁴ ПСРЛ. Т. 19. Стб. 20, 221–222.

³⁵ Царевичи Касим и Ягун не упоминаются при возвращении Василия II из татарского плена, следовательно, прибыли к нему зимой 1445/46 г. Позже их татары вспоминали Василия II «за преднее его добро и за его хлебъ, много бо добра его до пасъ было» (ПСРЛ. Т. 25. С. 268; ПСРЛ. Т. 18. С. 202). Перед нами вовсе не падиратели за великим князем, а лишившиеся пропитания беглецы из Орды. Не исключено, что, в отличие от Мамутека, Касим и Ягун имели другую мать и принадлежали к иному татарскому клану. О многоженстве Улу-Мухаммеда см.: *Полехов С. В., Паумов П. П.* Татарская тематика в переписке саповпиков Тевтонского ордена. №2. С. 790; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 491.

³⁶ ПСРЛ. Т. 18. С. 195–200.

³⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 264–266; ПСРЛ. Т. 18. С. 196–199. Казимир вместе с троцким воеводой папом Мопивидом посещал Смоленск в 1446 г. (ЛМ. Кн. 3. Р. 44). Вероятно, в этой поездке он встречался с московскими эмигрантами. Сохранилась запись о его пожаловании князю Василию Ярославичу села Плесо под Гомелем (см.: *Темушев В. П.* На восточной границе Великого княжества Литовского. С. 176. Карта 18). Кроме того, Василий Ярославич приобрел в Великом княжестве Литовском некие две «купли», которые позже были переданы его жене (ЛМ. Кн. 3. Р. 37).

³⁸ В данном месте в летописях, текстологически близких к Московскому своду, читаются только Касим и Ягун (ПСРЛ. Т. 25. С. 268; ПСРЛ. Т. 18. С. 202), в Ермолинской летописи к ним был добавлен Бердедат, что является ошибкой и поздней переработкой известий, отразившихся в Московском своде (ПСРЛ. Т. 23. С. 153).

³⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 266–269; ПСРЛ. Т. 18. С. 199–203.

воротынские и белевские наши слуги старые, деды и отци ихъ, служили нашимъ нредкомъ великимъ княземъ, а не въ згуду отца нашего великого князя (Василия II. — *Р. Б.*) те князи были у его отца у короля (Казимира. — *Р. Б.*)»⁴⁰. В свою очередь, в 1567 г. князь Михаил Иванович Воротынский заявлял польскому королю Сигизмунду-Августу: «нредкове наши невзгодами своими [в] нредковъ вашихъ съ своими отчинами въ руки нришли»⁴¹. Каковы же были «невзгоды» князя Федора Львовича Воротынского? К середине 1440-х гг. он служил Василию II⁴², но при этом был тестем и союзником князя Ивана Можайского⁴³. Поражение князей Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского к началу 1447 г. привело к краху московской карьеры воротынского князя. Поэтому он обратился к союзу с Казимиром и 20 февраля 1447 г. заключил с ним докончание о своей службе Литве.

Договор был составлен по старому «Витовтову докончанию», а Федор Львович носил в нем титул князя «новосильского и одоевского»⁴⁴. С. М. Кучинский полагал, что он, как сильнейший и старший в роду, присвоил себе право на этот титул, нритеснив одоевских родичей⁴⁵. А. В. Шеков обратил внимание на другую сторону вопроса. По его мнению, применение титула князя «новосильского и одоевского» в сохранившихся литовско-новосильских договорах было нрямым следствием использования в качестве нротोगрафа формуляра докончания 1427 г.⁴⁶ Следует заметить, что в рассмотренном ранее нисьме Витовта от 14 августа 1427 г. титул воротынских князей читался как «von Wrotynsk etc.»⁴⁷. Следовательно, уже тогда он был сложносоставным. Воротынские князья, так же как и их одоевские родичи, по праву могли именоваться «новосильскими и одоевскими». В 1432 г. литовско-новосильский договор 1427 г. раснался на две ветви — литовско-воротынскую и литовско-одоевскую. Договоры 1432 г. были заключены новосильскими князьями параллельно и сообща. Очевидно, возможность заключения литовско-новосильских договоров в значительной степени зависела от инициативы самого великого князя литовского. В 1447 г., видимо, выбор нал лишь на князя Федора Львовича, который получил возможность пользоваться всеми его выгодами. Первоначально на литовской службе он получил волость Демену⁴⁸. Эта область водораздела между

⁴⁰ СИРИО. Т. 35. С. 105–106.

⁴¹ СИРИО. Т. 71. С. 510.

⁴² СИРИО. Т. 35. С. 51, 62.

⁴³ ДДГ. № 50. С. 149–150. Поскольку сам князь Федор Львович женился, видимо, не ранее 1427 г. (см. § 15), то дочь па выдапе мог иметь не ранее середины 1440-х гг.

⁴⁴ ЛМ. Кн. 5. 1993. № 130. Р. 247–248; ДДГ. № 39. С. 117–118. О датировке грамоты см. приложение № 1.

⁴⁵ Kuczyński S. M. Ziemie Czernihowsko-Siewerskie... S. 133.

⁴⁶ Шеков А. В. О системе наследования... С. 262–263; Он же. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 187.

⁴⁷ CEV. № 1298. S. 779.

⁴⁸ ЛМ. Кн. 3. Р. 37; РИБ. Т. 27. Стб. 47. Также см. приложения № 1, 2.

бассейном Десны (ее притоков Болвы и Сноноти) и верховьями Угры искони имела большое значение как для водного (через волоки), так и для сухонутного транзита и, видимо, была довольно доходной⁴⁹.

Поскольку договор внитал в себя архаичные черты формуляра «Витовтова dokonчания» 1427 г., то к 1447 г. некоторые его ноложения морально устарели. Нанример, в нем но-нрежнему уноминался «великий князь нронский», который к середине XV в. уже утратил статус «великого». Но гораздо важнее отметить, что тот удельный норядок, который сложился за последние десятилетия внутри Новосильско-Одоевской земли, тенерь не внолне вноси-вался в логику старого формуляра. Текст договора 1447 г. архаично был составлен как бы от всей «Новосильской и Одоевской земли», но князю Федору Львовичу не нринадлежали уделы его двоюродных братьев. Казалось бы, в единоличном договоре с Казимиром он мог отстаивать наследственные нрава своих детей только на свою вотчину, носкольку владел не всей Новосильско-Одоевской землей, а только ее частью — собственным уделом. Одоевских и белёвских родичей он даже не уноминал. По более ноздним источникам косвенно все же выявляются некоторые элементы нодчиненности ему одоевских и белёвских князей в середине XV в., но об этом мы скажем далее отдельно (см. § 20).

Князья Дмитрий Шемяка и Иван Можайский не могли точно так же отнасть со своими вотчинами к Великому княжеству Литовскому. 12 июня 1447 г. они целовали крест к князьям Михаилу Верейскому и Василию Ярославичу на том, что готовы нодчиниться Василию II. Они согласны были идти на большие уступки и обещали возврзатить нолученные от него ранее волости. В частности, можайский князь заявлял: «А что мне, кн(я)зю Ивану Андреевич(ю), дал княз(ь) великий Козлескъ с месты, да Олексин, да Лисинъ в вудел и в вотчину, и мне тог(о) оу великог(о) княз(я) не хотети (не требовать, не добиваться. — Р. Б.), ни нод его детми». Однако Василий II не должен был звать к себе князей Дмитрия Шемяку и Ивана Можайского, нока не избран новый митронолит⁵⁰. В сентябре того же года дьяк князя Ивана Можайского выехал в Коломну, где нодписал договор своего князя с Василием II. Так нрежнее соглашение было закрепно: «А что мя еси был, г(о)с(ноди)не, княз(ь) великий, ножаловал, дал ми еси в отчину Козлескъ с волостьми, а во(ло)сти Серенескъ, Людимескъ, Коробки, Вырка, Олексин, кунля Пересветова, и со всем тем, что к тем местом

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 502; Смоленские грамоты XIII–XIV веков. С. 77. Верховья Угры были ископпо смоленской территорией. На Болве же в середине XII в. располагался город Оболвь. В нем собиалась гостипная дапь, с которой шел доход смоленской епископии и смоленскому владыке. Сложность определения здесь прежней смоленско-черпиговской грапицы по источникам XV в. состоит в том, что в середине XV в. обширная область Северо-Восточпой Черпиговщины, исключая Новосильско-Одоевскую землю и подчипешую Москве территорию, отошла под административное управление Смоленска. Должно быть, паиболее архаичными оставались грапицы епархий.

⁵⁰ ДДГ. №46. С. 141; Зимин А. А. О хропологии духовных и договорных грамот... С. 310–311.

издавна нотягло, и те, г(осноди)не, места все вотчина твоя, великог(о) княз(я), и твоихъ детей. А мне, г(о)с(ноди)не, нод тобою, всег(о) тог(о), нод великим кн(я)зем, не хотети, ни нод твоими детьми, не встунатис(я), ни моим детям». За можайским князем должен был сохраниться лишь Лисин, к которому он получил несколько волостей далеко от Верхнего Поочья⁵¹. Подтверждалось право князя Ивана Можайского не ездить к Василию II до ноставления нового митрополита. По смыслу этого условия, видимо, и сам Василий II и его люди не должны были ехать в можайский удел, а ведь Козельск находился за калужской вотчиной князя Ивана Можайского.

Так или иначе, митрополита на Руси не было до декабря 1448 г., а Василий II так и не сумел взять нод свой контроль верхнеокские волости за р. Угрой. Преступления князя Ивана Андреевича были настолько тяжелы, что достигнутое перемирие не давало ему гарантий нолной безонасности. Поддержку пришлось искать на стороне. 5 февраля 1448 г. в Троках великий князь литовский Казимир, к тому времени уже получивший нольскую корону, нринимал носольство из верховьев Оки. Князь Федор Львович Воротынский норучился перед королем за своего зятя с тем, что если Казимир номожет можайскому князю сестъ на великом московском княжении, тот готов идти на значительные уступки Литве. В частности, князь Иван Андреевич обещал отдать города Ржеву и Медынь, а Козельск уступал без нредварительных условий. В текст грамоты было внисано условие, особенно выгодное князю Федору Львовичу: «А особно боронити ся маест княз(ь) Иван Анъдреевичъ на границах от татаръ зъ г(о)с(у)д(а)рем нашим, нервореченьнымъ королемъ Казимиромъ, заодно, обоюх земель ихъ». Грамота заключалась только на случай уснеха нреднрнятия: «А некоторыми делы тое ся не станеть, и г(о)с(у)д(а)рь мои, король, зятя моего, нервореченьного князя Ивана Анъдреевича, на великомъ княжен(ь)и не носадить, ино сая моя грамота не грамотою, а дело не деломъ».

В тот же день король Казимир IV передал Козельск в наместничество князю Федору Львовичу. Тот обязался: «А не нодати ми того нервореченьного города Козелска никому, толко г(о)с(у)д(а)ру своему, королю нолскому и великому кн(я)зю литовскому»⁵². 10 февраля 1448 г. князь Федор Львович за службу получил от Казимира «у Смоленской державе» щедрые ножаловання в вотчину: королевский двор Немчиновское в Смоленске; волости: Городечну с Колуговичами, Уженерет, Ковыльну; также в его владении была закреплена Демена со Снонотом⁵³.

По мнению Е. И. Колычевой, «именно в голове Федора Львовича родилась авантюрная мысль: воснользовавшись династической войной на Руси, носадить

⁵¹ ДДГ. № 48. С. 146–147.

⁵² ДДГ. № 50, 49. С. 149–150; ЛМ. Кн. 5. 1993. № 131, 132. Р. 248–249. О датировке см. приложения № 3, 4.

⁵³ ЛМ. Кн. 5. 1993. Р. 37; РИБ. Т. 27. Стб. 48. О принадлежности Снопота к Демепе см.: ЛМ. Кн. 3. Р. 45; РИБ. Т. 27. Стб. 68.

на московский престол с помощью Литвы своего можайского зятя»⁵⁴. Князь Иван Можайский, как и Василий II, был внуком Дмитрия Донского и вполне мог претендовать на великое княжение в Москве. А. А. Зимин, напротив, считал, что это «кн. Иван Андреевич через посредство кн. Ф. Воротынского добивался союза с великим князем литовским Казимиром и поддержки своих притязаний князя на московский престол»⁵⁵. Вероятно, ближе к истине находился А. А. Зимин. Территориальные уступки исходили именно от можайского князя. В случае провала заговора он заранее снимал с себя ответственность за переход Козельска под власть Литвы и сам при этом ничего не терял, поскольку формально Козельском уже владел Василий II.

Знал ли Казимир IV о нравах великого князя московского на Козельск? Так или иначе, король принял уступку можайского князя, козельские служилые землевладельцы и горожане (земляне, и местичи) стали его подданными, а князь Федор Львович от имени короля сделался козельским наместником. Передача Козельска иному владельцу вновь выглядит как внутрисемейная, словно даже без оглядки на фигуры верховных правителей. В дальнейшем в нем вовсе не сложился тот институт литовского наместничества, при котором наместники обычно меняются каждые несколько лет. Следующие пятьдесят лет Литва осуществляла над городом с его землями и водами лишь верховную власть. Не исключено, что князь Федор Львович начал управлять Козельском еще при своем можайском зяте и фактически забрал его с собой еще в начале 1447 г., что получило правовое оформление лишь через год (передача Ржевы тоже была оформлена уже по факту ее нахождения под властью Литвы, см. далее). На литовской же службе воротынские, а за ними и одоевские князья стали приобретать земли козельской округи себе в вотчину, и альтернатив воротынскому наместничеству в Козельске не осталось. Более двух столетий назад именно здесь размещался старший княжеский стол черниговских Ольговичей в волости Вятичи. Поэтому его приобретение воротынским князем означало соблюдение черниговской «старины» (так же как Шонуровы управляли Козельском под властью Василия II и сернуховских князей). При этом князь Федор Львович по своему положению оказался выше Мосальских и других измельчавших князей козельского дома, служивших Литве.

Сложен вопрос о принадлежности Любутска в эти годы. По наблюдению А. В. Кузьмина, в Суходровской и в Суздальской битве на стороне Москвы в числе прочих сражались и любутчане⁵⁶, что, впрочем, не гарантирует принадлежности Москве самого Любутска. К Москве он отошел от Брянска в 1408 г. вместе с мятежным князем Свидригайлом. По духовной грамоте князя Владимира Андреевича Сернуховского, если бы сернуховские князья утратили

⁵⁴ Колычева Е. И. Новосильско-Одоевская корпорация... С. 205–206.

⁵⁵ Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот... С. 311; *Он же*. Витязь на распутье... С. 129–130.

⁵⁶ А. В. Кузьмин неоднократно высказывал такую мысль в частных беседах.

Козельск (что и произошло в середине 1420-х гг., см. §§ 10, 15), то Василий I должен был уступить им Любутск⁵⁷. Однако Любутск был в «Списке городов Свидригайла» 1432 г.⁵⁸ и неясно, отошел ли он вновь к Москве во второй половине 1430-х гг.? Учитывая сложившуюся в то время политическую ситуацию в регионе, такая возможность не исключена (см. §§ 16, 17). Еще в 1447 г. князь Василий Ярославич вспоминал, что Василий II не додал ему его «дедины», в том числе и Козельск. За них он получил компенсацию, в которой к тому времени, однако, не было Любута⁵⁹. При этом можно заметить, что в Суздальской битве в составе московских войск был Никифор Пересветов, семья которого происходила из Любута⁶⁰. Впрочем, неясно, имел ли он сам отношение к Любутску в это время. В Суходровской битве воеводой князя Василия Ярославича был некто Жинев. О его нападении в литовский плен заодно с Можайским и верейским воеводами летопись не сообщает⁶¹. Видимо, это тот Васко Жинев, который к ноябрю 1450 г. уже служил Казимиру и получил от него пожалование в Брянске⁶². Можно лишь предполагать, что Василий Ярославич действительно владел Любутском к середине 1440-х гг. (именно ему служили любутчане), но затем в 1446 г. уступил его Казимиру в обмен на помощь в борьбе за престол Василия II. В августе 1449 г. Любутск уже явно принадлежал Литве⁶³.

Так или иначе, Козельск оказался не единственной потерей Москвы в это время. Ранее Василий II поместил белёвских князей Федора и Василия Михайловичей на Волоке Ламском (см. § 17). Однако после его ослепления в 1446 г. до начала 1447 г. Волок находился в руках его оппонентов — Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского⁶⁴. Последний по браку с дочерью князя Федора Львовича приходился родственником белёвским князьям, которых, должно быть, не устраивали притеснения со стороны великого князя московского. Вероятно, вскоре Василию II пришлось отступить от Белёва (или он просто фактически утратил над ним контроль?), и город с его округой вернулся к законным владельцам⁶⁵. Судя по московско-рязанскому докончанию от 20 июля 1447 г., к моменту его заключения князь новосильского дома уже не служил Москве⁶⁶.

⁵⁷ ДДГ. № 17. С. 47.

⁵⁸ Полехов С. В. «Список городов Свидригайла». С. 119.

⁵⁹ ДДГ. № 45. С. 129–130, 132; Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот... С. 309–310.

⁶⁰ Конев С. В. Сиподикология. Ч. 2. С. 104.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 395.

⁶² ЛМ. Кн. 3. Р. 38. Позже Жиневы служили в Брянске, а также в Мощине Смоленского повета, что в Поугорье (ЛМ. Кн. 6. № 189. Р. 142–143; № 287. Р. 190; № 608. Р. 348; ЛМ. Кн. 4. № 16.6. Р. 66; № 16.11. Р. 70; № 23.15. Р. 87; № 23.18. Р. 89; № 141.13. Р. 160). Представители семейства также получали пожалования в Любутске (ЛМ. Кн. 5. 2012. № 50. Р. 58; АЛМ. Т. 1. Вып. 1. С. 53–54, № 134).

⁶³ ДДГ. № 53. С. 160.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 268; ПСРЛ. Т. 18. С. 202.

⁶⁵ РИИР. Вып. 2. С. 112–113; Бархатная книга. Ч. 1. С. 180.

⁶⁶ ДДГ. № 47. С. 144.

Можно думать, что сложившаяся ситуация нозволяла князю Федору Львовичу рассчитывать на развитие политического уснеха и строить планы на переход московского престола к своему можайскому зятю. Однако стоит пристальнее взглянуть на причины заключения и условность договора князя Федора Воротынского с Казимиром IV от 5 февраля 1448 г. В это время для Великого княжества Литовского крайне осложнилась внутренняя и внешняя политическая обстановка. По смерти хана Улу-Мухаммеда зимой 1445/46 г. вновь стали набирать силу его нрежние сонерники. Его зять князь Айдар Кунграт, который сопровождал Василия II из татарского плена, снова нерешел на сторону Сеид-Ахмеда, и они вместе заняли Крым⁶⁷. При этом Хаджи-Гирей был вынужден бежать в Великое княжество Литовское⁶⁸. После нринятия Казимиром польской короны на великое литовское княжение стал претендовать Михаил Сигизмундович, который призвал Сеид-Ахмеда на номощь для борьбы с Казимиром⁶⁹. Положение усугублялось тем, что именно крымский хан был волен выдавать ярлык на русские земли Великого княжества Литовского, а Казимир не мог допустить, чтобы они юридически и фактически унлыли из его рук. Видимо, из-за возникших угроз король Казимир, кроме нрочих мер, был вынужден искать внешних союзников в Великом княжестве Московском. С Москвой он вел многоликую игру: ноддерживал то одних, то других, ожидая, кто из них возьмет верх. Вновь он нодавал надежду той стороне, которая тернела норажение, но еще рассчитывала на уснех. Находясь в бедственном ноложении, князь Иван Можайский был более стоворчивым, в будущем с ним можно было бы заключить союз на выгодных для себя условиях. Вместе с тем Казимир IV не отказывался и от возможности союза с Василием II и его окружением, когда те нуждались в номощи. Однако тенерь время ноджимало, цена ошибки во внешней политике могла бы стоить Казимиру великого литовского княжения. Вероятно, для выяснения обстановки в Москву был нослан литовский носол Семен Гедиголдович.

После Пасхи (24 марта) 1448 г. на Фоминой неделе Василий II вернулся в Москву из уснешного нохода на Галич, в результате которого князь Дмитрий Шемяка был вынужден нокориться великому князю и нросить мира. Семен

⁶⁷ С пачала 1430-х гг. князь Айдар Кунграт имел с Улу-Мухаммедом ряд размолвок. Одна из них произошла, видимо, в 1439 г., когда Улу-Мухаммед пошел войпой па Кичи-Мухаммеда. Согласно «Кара таварих», Айдар не пришел ему па нпомощь, а затем признал хапом Сеид-Ахмеда (*Утемиши-хаджи. Кара таварих. С. 80*). В массариях Каффы под 29 марта 1441 г. в Крыму упомянуты император «Sait Macmet» и пекто «Aydarbi» (*Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T. I. P. 36*). Однако вскоре Крым подчинился Хаджи-Гирею и Улу-Мухаммеду. По русским летописям, в 1445 г. Айдар снова был при Улу-Мухаммеде (ПСРЛ. Т. 18. С. 195). Видимо, после смерти Улу-Мухаммеда Айдар вернулся в Крым и возобновил союз с Сеид-Ахмедом, который сохранял до своей смерти.

⁶⁸ *Утемиши-хаджи. Кара таварих. С. 81–82; Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством оттоманской порты до пачала XVII века. С. 213–216.*

⁶⁹ *Флоря Б.П. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460). С. 183–188.*

Гедиголдович уже ожидал Василия II в Москве⁷⁰. Увиденное и услышанное должно было произвести на него большое впечатление. Налицо была победа Василия II над своими соперниками. В итоге Казимиру IV пришлось отказаться от поддержки можайско-воротынского заговора.

В этой связи показательно отношение князя Ивана Можайского к одному из своих недавних обещаний Казимиру IV. Еще во время своего пребывания в Твери в начале 1447 г. Василий II за тверскую помощь отдал Ржеву великому князю Борису Тверскому (между прочим, женатому на сестре князя Ивана Можайского). 28 января 1448 г. Ржева была взята литовскими войсками⁷¹. При составлении договора от 5 февраля 1448 г. Казимир IV обязал можайского князя уступить ее Литве и политически. Когда же стало ясно, что Казимир IV вступил в переговоры с Василием II, то до конца августа 1448 г. князь Иван Можайский и сам заключил с великим князем московским новый договор о мире⁷², а осенью того же года ходил на помощь великому князю Борису Тверскому против Литвы. В итоге Казимир IV был вынужден отступить от Ржевы в пользу Твери, а вскоре признал в ней владение Василия II⁷³.

Василий II дорого заплатил за возвращение себе великого княжения. Другое дело, что в сложившейся ситуации ему нужно было соглашаться на мир с Литвой. Ранее он признавал власть Сеид-Ахмеда в Крыму. Однако в Великом княжестве Московском имелись сомнения в полноте его власти⁷⁴. При сохранении потенциальной опасности, которая исходила от князей Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского, Василий II охотно принял предложение короля Казимира объединить усилия против общих внутренних и внешних врагов.

31 августа 1449 г. между Москвой и Литвой было подписано «вечное окончание»⁷⁵. Впрочем, сближение сторон было достигнуто несколько раньше. Так, в нисме великому магистру Немецкого ордена от 26 августа 1449 г.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 269–270.

⁷¹ В воскресенье (в педелю) мясного заговенья 6955 мартовского или 6956 сентябрьского года.

⁷² ДДГ. № 51. С. 150–155; Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот... С. 312.

⁷³ См.: Ключ Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). С. 303–310; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 493–494; Ипока Фомы слово похвальное. С. 126–127; ДДГ. № 54. С. 163; № 53. С. 160–161.

⁷⁴ Из послания русского духовенства конца 1447 г. следует, что недавно от Сеид-Ахмеда приходили послы к Василию II. Великий князь посылал к Дмитрию Шемяке за «выходами» в «татарские проторы» (издержки на содержание татарских послов). Однако тот «не дал ничего, а не зовучи царя Седи-Яхмата царем». Духовенство упрекало Дмитрия Шемяку: «не на том ли юрту отец твой, князь Юрий Дмитриевич, был у царя в Орде с великим князем вместе и на пошлупе стояли? Не те ли же паки царевичи и великие князи у сего царя Седи-Ахмата, которые тогда у того царя были да то же дело делали?» (РФА. Вып. 1. С. 111). Как известно, конец 1431 — начало 1432 г. князь Юрий Дмитриевич провел в Крыму (ПСРЛ. Т. 25. С. 249). Теперь Сеид-Ахмеду подчинялась та же крымская зпать, что ранее служила Улу-Мухаммеду. Однако подчинялся ли Сеид-Ахмеду Сарай? Был ли он полновластным ханом, которому следовало платить «проторы»? Василий II готов был пойти на затраты. Дмитрий Шемяка же не желал платить «проторы» тому хану, который не владеет Сараем, а следовательно, не имеет власти над Северо-Восточной Русью.

⁷⁵ ЛМ. Кн. 5. 1993. № 78.1. Р. 131–133; № 136. Р. 251–254; ДДГ. № 53. С. 160–163.

Казимир писал, что Василий II носылал ему на помощь войска во главе с царевичем Ягуном⁷⁶. В 1449 г. татары Сеид-Ахмеда нанали на тарусские места и едва не дошли до Москвы, продвинувшись до реки Пахры. Их набег отражал царевич Касим⁷⁷.

В итоге хан Сеид-Ахмед вновь недолго продержался у власти. Согласно сведениям турецких историков, как только князь Айдар Кунграт умер, князь Тегене Ширин восстал против Сеид-Ахмеда и нослал на ноиски Хаджи-Гирея⁷⁸. Вероятно, эти события следует сопоставить со сведениями нисьма от 26 августа 1449 г., в котором Казимир сообщал великому магистру Немецкого ордена, что некие татары изгнали Сеид-Ахмеда из Орды (нужно налагать, из Крымской Орды). Затем они прибыли в Кнев к союзному Казимиру «татарину», который и был нровозглашен царем⁷⁹. Л. Коланковский сопоставил с этим источником сведения Хроники Быховца, согласно которой, к Казимиру приехали «*kniazi u ułany, u wsi murzy Szygynowskie u Bahranywskie, u ot wseie ordy Perekopskoie*» и просили «*aby im cara dał na carstwo, Acz-Gireia*», и Казимир вынолнил их просьбу⁸⁰. Вскоре Сеид-Ахмед нотернел норажение от Хаджи-Гирея и бежал в Киев, где нонал в литовский плен⁸¹.

На внутренних фронтах новый литовско-московский союз тоже оказался уснешным. Снособ устранения Михаила Сигизмундовича и Дмитрия Шемяки был идентичным. Первый был отравлен в конце 1451 — начале 1452 г. в Великом княжестве Московском⁸², а второй — в 1453 г. в Великом Новгороде, но тоже стараниями московских властей⁸³.

Новое воцарение Хаджи-Гирея привело к окончательному отделению Крымского ханства от столичных сарайских областей некогда единой Золотой Орды. При Хаджи-Гирее «одоевские города» были подчинены Крыму⁸⁴. При наличии прочного крымско-литовского союза это раснолагало князей новосильского дома к союзу с Литвой. Окончательно оформилась нерснектива, при

⁷⁶ *Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1. S. 264; Флоря Б. П.* Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460). С. 187–189.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 270; *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец конца XVI в. С. 231.

⁷⁸ *Смирнов В. Д.* Крымское ханство под верховенством османской порты до пачала XVII века. С. 215–216.

⁷⁹ *Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1. S. 265; Флоря Б. П.* Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460). С. 188.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 32. С. 160. Данное сообщение сопоставимо с событиями 1420-х гг., когда крымские князья приезжали к Витовту и просили у него хапа. В Хронике Быховца оно имеет датировку «*Y toho z hodu*», но, видимо, хронологически не связано с соседними сообщениями. Известие о поставлении Хаджи-Гирея на царство в равной степени можно отнести к 1441–1442, 1449 гг., а возможно и к каким-то другим малоизвестным моментам крымской истории.

⁸¹ *Długosz J. Dziejów polskich. T. V. S. 110–111, 201; Флоря Б. П.* Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460). С. 188–191.

⁸² *Długosz J. Dziejów polskich. T. V. S. 97–98.*

⁸³ ПСРЛ. Т. 39. С. 147; ПСРЛ. Т. 37. С. 89; *Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 153–156.

⁸⁴ См. свидетельство крымского хапа Саадет-Гирея 1529 г. в приложении № 18.

которой великому князю московскому было бы сложно вернуть доверие своих прежних новосильских слуг. В 1440-х гг. литовские течения в Верхнем Поочье настолько окрепли, что также вытеснили московское присутствие из Козельска и его волостей за Угру, а из Любутска за Оку. Василий II мог рассчитывать лишь на оставшиеся «наследия» своего отца, которые искони не входили в состав Козельского княжества: Алексин и Пересветову куню. Чтобы полнее понять шансы Василия II в верховьях Оки, необходимо пристально рассмотреть местную политическую ситуацию времен заключения московско-литовского договора 1449 г.

§ 19. «Вечное dokonчание» между Москвой и Литвой 1449 года и его значение для Верхнего Поочья

В связи со сложной политической обстановкой внутри Московского и Литовского государств, а также в связи с внешней угрозой со стороны хана Сеид-Ахмеда, 31 августа 1449 г. великий князь Василий II и король Казимир IV заключили «вечное dokonчание»¹. При составлении договора московская и литовская стороны в числе прочего определили свое отношение к ряду территорий, которые в XIV — первой половине XV в. вошли в состав великих княжеств Московского и Литовского, а также к третьим сторонам, которые все еще территориально были независимы от Москвы и Литвы.

Казимир IV не должен был вступаться в Новгород и Псков. Великий князь Борис Александрович Тверской был «в стороне» Казимира IV, а с Василием II — «в любви и в dokonчании». Ржева с волостями оставалась за Москвой, но ржевскую волость Осугу следовало «ведать» тем литовским волостелям, что и при великом князе Кейстуте (1381–1382 гг.)². Смоленская земля принадлежала Литве, кроме отдельных давно оставших от нее мест — Фомина городка, Хленения и некоторых других, которые были закреплены за Москвой. Великий князь Иван Федорович Рязанский объявлялся с Василием II «в любви», но был волен «служить» королю. Мещера называлась вотчиной великого князя московского, а Казимир IV обязался в нее не вступаться.

В верховьях Оки Василий II обещал королю: «ни в Любутескь, ни во Мьценескь, ни во вси у твои вкраинные места, что издавна к тым городомъ нотягло, не вьстунатисе». Серенск со времен Ольгерда стороны «ведали» по половине³. В новом договоре было определено: «А Серенескь ведати по тому, какъ было при деде твоём, при Олгирьде, и при твоёмъ отцы, короли». Предусматривалась совместная защита московских и литовских украинских мест: «А нидуть, брате, татарове на наши вкраинные места, и кн(я)зем нашим и воеводам нашим, вкраинным людем, сослався, да боронитисе им обоим с одного». Этот пункт был важен для верховьев Оки.

На счет служилых вотчинных князей постановили: «А которые кн(я)зи служат тебе, Казимиру королю, из своих отчынъ, и мне, великому кн(я)зю Василью, и моеи братьи младшой их блюсти, а не обидити. А которые князи служат мне, великому кн(я)зю Васил(ь)ю, и моеи брат(ь)и младшой из своих отчынъ, и тебе, королю и великому князю, их блюсти, а не обидити. А которые имат обидити князеи служебных своего брата, и нам о том слати судей, и они тому вчинять исправу без перевода (без промедления. — Р. Б.)».

¹ ЛМ. Кн. 5. 1993. № 78.1. Р. 131–133; № 136. Р. 251–254; ДДГ. № 53. С. 162.

² Темушев В. Н. Ржевский участок литовско-московской границы в конце XIV — начале XVI в. С. 242–243, 246.

³ СИРИО. Т. 35. С. 120.

Еще с 1392 г. ярлык-ножалование на Тарусу принадлежал Москве⁴. Теперь же стороны договорились: «А княз(ь) Василеи Ивановичъ Торускии, и з братьею, и з братаничы служить мне, великому кн(я)зю Васил(ь)ю. А тебе, королю и великому князю Казимиру, в них не вступатисе».

После соглашения о великом князе рязанском было записано: «А верховъстии князи, што будутъ издавна давали в Литву, то имъ и нинечы давати, а большы того не нрымышляти». Упоминание о «верховстих князях» больше ни в одном из дошедших до нас источников не встречается (или, во всяком случае, не было выявлено). Трактовка этого термина в историографии довольно разнообразна, что составляет существенную проблему.

Использование термина «верховские князи» в историографии

Московско-литовское dokonчание 1449 г. сохранилось в двух основных снисках в составе нятой книги занисей Литовской метрики (не считая более поздних коний). В первом сниске на л. 208 об. (но новой нумерации) читается: «верховъстии князи»; во втором сниске на л. 304 читается: «верховъскийи князи», при этом в первом слове написанная первоначально буква «т» исправлена на букву «к». В первой публикации грамоты, изданной П. А. Мухановым в 1836 г., было напечатано слово: «Верховскийи», почти то же в повторном издании акта 1846 г., подготовленном И. И. Григоровичем: «Верховъскийи»⁵. Таковым оно и было воспринято исследователями. Однако далее в историографии интересующий нас термин употреблялся по-разному. Мы будем писать выражение «верховские князи» и производные от него в кавычках — как термины, используемые другими исследователями. В авторском же изложении будем отдавать предпочтение написанию прилагательного «верховские» в кавычках — как устаревшего слова русского языка, требующего пояснений. Связанное же с ним существительное будем оставлять без кавычек, как это тоже уже имело место в историографии.

В публикации 1892 г. М. К. Любавский впервые определил, что «так называемые “верховские” князья» — это «нотомки св. Михаила (Черниговского. — Р. Б.), владевшие городами и волостями в земле древних вятичей, по верхней Оке и ее притокам», которые «приведены были в зависимость от великого князя литовского»⁶. Логика его сопоставления, видимо, состоит в том, что под именем «верховских» следует подразумевать князей, которые не указаны в других статьях московско-литовского договора 1449 г., при этом их земельные владения должны были находиться на пересечении московско-литовских интересов, а именно на «верхнеокской уkraine». Первоначально терминам «верхнеокские князья» и «верхнеокские княжества» (со строчной буквы) М. К. Любавский отдавал предпочтение. На данном этапе он еще не вводил в научный оборот термин «Верховские княжества», но предопределил его появление в будущем.

⁴ ДДГ. № 13. С. 38; ПСРЛ. Т. 25. С. 219.

⁵ Сборник Муханова. № 7. С. 9; АЗР. Т. 1. № 50. С. 65.

⁶ Любавский М. К. Областное деление... С. 44–45, 49–52.

В 1893 г. Ф.И. Леонтович онустил оговорку М.К. Любавского «так называемые», что само по себе нреднолагало условность, и подошел к данному вопросу более нрямолинейно. Он считал, что интересующие нас князья черниговского дома, подчинившиеся Литве, носили имя князей «верховских». Среди них ученый выделил три групны. К владениям нервой грунны князей отнес города: Новосиль, Одоев, Белёв и Воротынск, расноложенные «в верховьях Оки и ее нритоков». Ко второй грунне он отнес князей: карачевских, кромских, козельских, мосальских, неремышльских, елецких и хотетовских, владения которых, по мысли автора, раснолагались «в области между верхней Окой, Десной и Угрой». К третьей грунне были отнесены князья мезецкие и огдыревские (из тарусского княжеского дома), владения которых, по его мнению, были расноложены «в бассейне р. Жиздры». Для обозначения княжеств верховьев Оки Ф.И. Леонтович также иснользовал термин «земля древних вятичей», или «древняя область вятичей», который бытовал в историографии XIX в. Но уже нереходил на термины «верховские города и волости», «верховские области Северщины» или «верхнеокская Северщина»⁷. В данном случае он доустил две нринципиальные неточности. Во-нервых, нозже было установлено, что Верхнее Поочье не входило в состав Северной земли⁸. Во-вторых, земельные владения указанных им князей раснолагались не только в бассейне Верхней Оки с ее нритоками, но и частично в бассейнах других крупных рек: Десны (Карачев) и Дона (Елец). В этом смысле термины «верховские» и «верхнеокские» оказываются неравнозначными.

Разбирая dokonчания князей новосильского дома с великими князьями литовскими, Ф.И. Леонтович неонравданно онределил их как «dokonчания верховских князей» вообще⁹. Вслед за ним, в начале 1894 г. в Имнераторском обществе истории и древностей российских В.А. Уляницкий выступил с рефератом «О положении русских верховских князей и в частности князей Мосальских в Литовском государстве в XV в.». Он спроецировал на Мосальских нравовые отношения князей новосильского дома с Литвой. Это было сделано на том основании, что и те, и другие были «верховскими». Его выступление было подвергнуто обстоятельной критике М.К. Любавского, который указал, что состав «верховских» князей не был однородным, их положение различалось и менялось с течением времени, а условный термин не дает нрава для подобных обобщений. Настоящие замечания в нервую очередь надо бы отнести на долю выводов Ф.И. Леонтовича¹⁰.

⁷ Леонтович Ф.И. Очерки истории Литовско-Русского нрава (1893). С. 282–283, 289–291.

⁸ См.: Русина О. [В.] Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. С. 47–49.

⁹ Леонтович Ф.И. Очерки истории Литовско-Русского нрава (1893). С. 282–291.

¹⁰ Протоколы заседания Общества за 1894 г. (№384–393). С. 3–6. Эти замечания донолняют рецензию М.К. Любавского (1894 г.) на сочинение Ф.И. Леонтовича «Очерки истории Литовско-Русского нрава», в которой рецензент отказался делать критический разбор абсолютно всех некорректных рассуждений и сообщений Ф.И. Леонтовича из-за их большого количества (Любавский М.К. К вопросу об удельных князьях и местном унравлении... С. 348–394).

Вскоре от исторического термина «верховские князи» возникла новая производная. Так, в 1901 г. она без особых объяснений была использована М. С. Грушевским: «“верхівські” князівства»¹¹. Первоначально это определение писалось со строчной буквы, а слово «верховские» зачастую бралось в кавычки. Со временем данные термины стали писаться без кавычек, как уже сами собой разумеющиеся, а термин «Верховские княжества» — с заглавной буквы, как имя собственное.

В публикации 1910 и 1915 гг. М. К. Любавский отнес к «верховским» «княжества на верхней Оке: Новосильское, Одоевское, Воротынское, Белёвское и др[угие]». Это были «исконные владения потомков св. Михаила, князя черниговского, которые со второй половины XIV и начала XV в. подчинились великому князю литовскому»¹². В дальнейшем сложившаяся таким образом терминология прочно вошла в научный оборот. Ее использовали многие ученые, в том числе в польской историографии¹³. Однако в одной из следующих публикаций, упоминая об итогах московско-литовского договора 1449 г., М. К. Любавский допустил следующую трактовку: «верховские князья, кроме Василия Ивановича Тарусского с братьями и племянниками, признавались вассалами короля»¹⁴. В источнике князь В. И. Тарусский (Оболенский) с братьями и племянниками названы отдельно от «верховских» князей, на службе у великого князя московского. Но теперь, вопреки своему первоначальному определению, М. К. Любавский отнес к «верховским» заодно и тех князей, которые Литве не подчинялись. Далее польский ученый С. М. Кучиньский также отнес к «wierchowskim» заодно всех тарусских князей и добавил к ним осовицких (потомков князя Романа Брянского), а соответствующую область назвал «Wierchowszczyzna» (Верховшчыжна)¹⁵. Обобщение произошло по принципу: потомки святого князя Михаила Черниговского. Расширенная трактовка термина тоже была перенята рядом ученых, например Б. Н. Флорей¹⁶, а также А. В. Шековым¹⁷. Помимо этого она отражена в современных энциклопедических статьях¹⁸.

¹¹ Грушевський М. [С.] Історія України-Руси. Т. 4. С. 68–69, 276–277.

¹² Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства... С. 107–108.

¹³ См.: Natanson-Leski J. Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. S. 31, 38–39, 47; Нресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 2. Вып. 1. С. 151; Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства... С. 284–285; Капитанов С. М. Верховские княжества. Стб. 389.

¹⁴ Любавский М. К. Образование основной территории великорусской народности... С. 104.

¹⁵ Kuczyński S. M. Ziemia Czernihowsko-Siewerskie... S. 37, 42, 123, 137–138, 146.

¹⁶ Флоря Б. Н. Борьба московских князей за Смоленские и Черниговские земли... С. 75–76.

¹⁷ Шеков А. В. Верховские княжества (вторая половина XIII — середина XVI в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. С. 11–12; Он же. Верховские княжества. (Краткий очерк политической истории. XIII — середина XVI в.). С. 30.

¹⁸ Кузьмин А. В. Верховские княжества. С. 197–199; Цемушаў В. М. Вярхоўскія княствы. С. 476–478.

Существование в историографии нервноначальной (без тарусских князей) и расширенной трактовки терминов «верховские князья» и «Верховские княжества» — это только самые общие контуры проблемы. Вариативность трактовки гораздо более широкая. Так, М. С. Грушевский среди других «верхівських» называл еще и трубецких князей (Гедиминовичей)¹⁹. То же можно видеть в работах А. А. Зимина и В. Б. Кобрин²⁰. Их мнение было основано только на том, что в 1488–1490 гг. один из трубецких князей был мценско-любутским наместником²¹. М. В. Довнар-Занольский считал, что «среди этих верховских князей были и князья Вяземские, Новосильские, Одоевские, Можайские, Мстиславские и др[угие]»²². Причины столь широкого обобщения ученый не раскрыл. В «Очерках истории СССР» княжества верховьев Оки назывались не только «верховскими», но и «приокскими»²³. Г. А. Федоров-Давыдов принял во внимание лишь абстрактный географический фактор и счел возможным отнести к территории «Верховских княжеств» не только область Верхнего Поочья, но и верховья рек Дона, Сейма и Северского Донца²⁴. Также украинский нумизмат К. К. Хромов номестил «Верховские княжества» на севере Сумской области Украины²⁵. Ф. М. Шабульдо под «верховскими городами» понимал те, которые расположены «в бассейне Оки и Верхнего Дона». Среди них называл Берестей, Ретань, Любутск, Мценск и даже Пронск, которые в обозримой истории никогда не были владениями князей Верхнего Поочья²⁶. Причиной тому был некорректный пересказ исследования Ф. Е. Петруня. Последний описывал массив городов верховьев Оки и Дона, упоминаемый в ярлыках крымских ханов, который назвал «верховсько-рязанські землі», но «верховинськими» явно называл только князей волконских, снашских, одоевских, а также город Козельск²⁷. Орловский историк А. А. Майоров без должного обоснования предложил использовать термин «Верховская Русь»²⁸.

М. П. Бирюк полагает, что «в современный период вопрос терминологии особой дискуссии не вызывает»; якобы «ученые пришли к выводу о целесообразности употребления термина “Верховские княжества”»²⁹. Однако

¹⁹ Грушевський М. [С.] Історія України-Руси. Т. 4. С. 276.

²⁰ Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 95; Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). С. 64.

²¹ СИРИО. Т. 35. С. 19, 49.

²² Довнар-Занольський М. [В.] Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Т. 1. С. 707.

²³ Очерки истории СССР. Период феодализма XI–XV вв. Ч. 2. С. 141, 522.

²⁴ Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет. С. 107, 109, 125–127.

²⁵ Хромов К. К. Новое в изучении Новгород-северских подражаний джучидским дирхемам... С. 158–159.

²⁶ Шабульдо Ф. М. «Семеновы люди»: их территория и роль в политических отношениях между Крымом и Литвой на исходе XV века. С. 67–68.

²⁷ Петрунь Ф. [С.] Ханські ярлики на українські землі. С. 173–175.

²⁸ Майоров А. А. Русь Верховская. Очерки славянской истории. С. 10–18.

²⁹ Бірюк Н. М. Проблема термінології та походження верховських князів... С. 221–222.

в действительности ситуация несколько иная: в целом большинство исследователей употребляли и употребляют термин «верховские князья» и производные от него совершенно не задумываясь, следуя той или иной историографической традиции. Лишь немногие делают попытки разобраться в терминологии, которую используют. Так, М. М. Кром, с одной стороны, подчеркнул, что в 1449 г. под определением «верховских» могли иметься в виду только лишь князья «новосильские, мезецкие и мосальские, служившие тогда в Литве». Однако с другой — относил к таковым и тарусских³⁰. В свою очередь В. Н. Темушев выдвинул мнение о том, что применительно к 1449 г. «обозначение верховских князей необходимо соотнести с представителями новосильского княжеского дома и, соответственно, при опоре на источник, следовало бы относить к числу верховских только само Новосильское княжество и его уделы». В то же время допускал, что «термины “верховские княжества — верхнеокский край (украина)” можно было бы разделить в зависимости от времени, к которому они применены»³¹. С. В. Ковылов, напротив, при рассмотрении совокупности князей белёвских, одоевских и воротынских предлагал отказаться от применения к ним термина «верховские князи», поскольку для них в источниках есть конкретное название «князья новосильские». Он справедливо отметил, что термин «верховские князи» единственный раз упомянут в источниках, но так широко распространился в историографии, что заслонил собой разнообразие нутей политического развития разных княжеств Верхнего Поочья³².

В итоге оказывается, что под термином «верховские князья» и его производным «Верховские княжества» разные исследователи понимали и понимают разный состав князей и княжеств. Далеко не каждому читателю само по себе известно, что, например, «верховские князья» В. Н. Темушева и «верховские князья» А. В. Шекова — это не одно и то же. Более того, у одного и того же исследователя отношение к данным терминам могло меняться со временем.

Обобщая вышесказанное, нужно заметить, что в определениях терминов «верховские князья» и «Верховские княжества» учеными учитывались факторы: генеалогический — по легенде родословцев, общее происхождение этих князей от князя Михаила Черниговского; географический — расположение владений этих князей преимущественно в бассейне Верхней Оки; политический — признание Москвой некоторой зависимости этих князей от Литвы к середине XV в.; правовой — статус земельных владений этих князей по отношению

³⁰ Кром М. М. Меж Русью и Литвой. С. 36–53, 66–67.

³¹ Темушев В. Н. Представления о территории Верхнеокских княжеств... С. 257–258; Он же. Литовско-московский договор 1449 года... С. 78. Ранее еще Л. Коланковский иллюстрировал статью о «верховских» князьях только лишь литовско-новосильскими докончаниями, но собственного определения термину «верховские князья» он не дал (*Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów*. Т. 1. S. 388).

³² Ковылов С. В. Новосильское княжество... Дис. ... канд. ист. наук. С. 11, 16, 75–76, 136–137; Он же. Новосильское княжество... Автореф. дис. ... канд. ист. наук. С. 14, 19.

к своему сюзерену. Подробное рассмотрение неречисленных факторов должно внести ясность в терминологию. Не менее важным аспектом является выявление правовых источников договора 1449 г. Через их призму можно было бы лучше понять содержащиеся в нем сведения.

Генеалогический и географический факторы

В какой-либо важности генеалогического фактора в определении термина «верховские князи» следует усомниться. Значительное количество историков и генеалогов безусловно доверяло и доверяет сведениям родословцев XVI–XVII вв. о происхождении родов князей новосильских, козельских (карачевских) и тарусских от князя Михаила Черниговского³³. Однако эта родословная легенда оформилась лишь к концу 1520-х — началу 1530-х гг. Во многих аспектах ее сведения не соответствуют или прямо противоречат более ранним источникам (см. § 3). Во всяком случае, в статье о «верховских» князьях в московско-литовском договоре 1449 г. нет намека на их происхождение. Далее мы увидим, что интересующий нас термин вовсе не генеалогический (не родовой), а географический.

Для раскрытия смысловой нагрузки прилагательного «верховские» и его аналогов (синонимов и антонимов) необходимо обратить внимание на практику их применения в русском языке XII–XVII вв. В Ипатьевской летописи под 1147 г. читается обращение великого князя Изяслава Мстиславича Киевского к своему брату князю Ростиславу Смоленскому: «тобе Б(ог)ъ дать верхнюю землю». В следующем году Ростислав преподнес Изяславу дары «от верхнихъ земель»³⁴. Далее под 1185 г. имеется запись о том, что великий князь Святослав Всеволодич Киевский «шелъ башеть в Корачевъ, и сбирашеть отъ верхнихъ земель вои»³⁵. Следовательно, термин «верхние земли» существовал еще в XII в. Им обозначались области, расположенные в верховьях Днепра и в верховьях Десны, по отношению к стольному городу Киеву. Другая аналогия: «низовская земля», «низ», «низовские князья», «низовцы» — широко применялась в договорах Великого Новгорода с великими князьями Северо-Восточной Руси³⁶, а также в новгородском летоисчислении XIII–XV вв. в отношении Ростово-Суздальской земли, а затем и Великого княжества Московского³⁷. Должно быть, эти термины издавна тоже были связаны с водными маршрутами. Новгородцы использовали из своей земли вниз по рекам Мологе и Шексне и далее вниз по Волге, где, по их представлениям, располагалась «низовская земля». Также можно указать

³³ См., например: Долгоруков Н. [В.], князь. Российская родословная книга. Ч. 1. С. 48; Леонид, иеромонах. (И. Л.) Церковно-историческое исследование о древней области вятичей... С. 21–26; Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 1. С. 14–24; Войтович Л. [В.] Князівські династії східної Європи... С. 184–209.

³⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 359, 369.

³⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 644–645.

³⁶ ГВНП. С. 13, 16, 20, 21–22, 28, 29–30, 36, 40, 47.

³⁷ ПСРЛ. Т. 3. С. 73, 80, 81, 99 и др.; ПСРЛ. Т. 25. С. 317–318 и др.

на маршрут из волостей Волока Ламского вниз по Рузе, где, по взглядам новгородцев, располагался «низовский» город Москва. Значение подобных терминов зависело и от того, где находилось употреблявшее их лицо. Во второй половине XVI в. проживавший в Москве составитель Казанского летописца определил место расположения «низовской земли» вниз по течению рек Москвы и Оки по отношению к городу Москве³⁸. В грамоте же казанского воеводы конца XVI в. использован термин «верховские города», которым обозначены города, расположенные вверх по течению Волги по отношению к Казани, из них явно указано на Белоозеро и Устюжну³⁹. В этой связи интересно, что, например, Нижний Новгород мог быть назван «низовским» городом по отношению к Москве, но «верховским» по отношению к Казани. Сама Москва с точки зрения новгородцев находилась в «низовской» земле, но на взгляд казанцев была «верховским» городом.

Отсюда следует несколько важных наблюдений. Во-первых, непременным свойством подобных терминов является их относительность. То есть «верховская» или «низовская» земли были таковыми не сами по себе, а относительно других конкретных территорий, служивших для них точкой отсчета. Подобные названия связаны с указанием направления судоходного пути против течения или по течению рек. Иногда они все же закреплялись за некоторыми территориями (относительно неких административных центров). Так, в XVII в. «верховские» станы имелись в Бежецком, Слободском, Старицком, Ярославском уездах, «верховские» волости — в Бельском, Галичском уездах⁴⁰. Разумеется, это совсем не те совокупности городов, станов и волостей, которые подчинялись «верховским» князьям из московско-литовского договора 1449 г. Во-вторых, по своему происхождению эти термины не собственные, а внешние. Вопреки мнению Ф.И. Леонтовича, «верховские» князья не сами носили такое имя, но так их называли извне⁴¹. Это не титул, а эпитет. В-третьих, в иссле-

³⁸ ПСРЛ. Т. 19. Стб. 44, 268.

³⁹ «Приговор» казанского воеводы князя Григория Андреевича Булгакова регулировал взимание пошлин с торговых людей, которые останавливались на землях казанского Зилантова монастыря. В грамоте упомянуты люди «верховских городов, и которые приезжают из Асторохани и ис Перми, и с Вятки». Последние не включены в состав «верховских» и как бы противопоставляются им, поскольку астраханцы прибывали в Казань с низовьев Волги, вятчане и меряки по Вятке (приток Камы) и по Каме (приток Волги ниже Казани). К «верховским» явно отнесены торговые суда из Белоозера и Устюжны, которые прибывали с рек Шексны и Мологи (притоки Волги). Однако подразумевались вообще «все верховские города», которые, видимо, располагались выше Казани по Волге и ее притокам (Кунцевич Г.З. Грамоты Казанского Зилантова монастыря. С. 276–277).

⁴⁰ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века. С. 234–236, 244, 246–250, 256.

⁴¹ То же справедливо для терминов «низовская земля», «низовские князья». Показателен пример 1477 г., когда новгородцы спрашивали Ивана III: какое государство он хочет утвердить в Новгороде? Тот заявил: «Мы, великие князи, хотим государства своего, как есмы на Москве, так хотим быти на отчине своей Великом Новгороде». В своем втором послании новгородцы указали

довании данного понятия также необходимо учитывать историко-географический аспект, т. е. изменение политических границ во времени. Очевидно, княжества Верхнего Поочья далеко не всегда были «верховскими» по отношению к Москве. Московские представления о них как о «верховских» могли появиться не ранее начала XIV в. и формировались по мере того, как московские земли расширялись на юг и дошли до Оки на пространстве от Коломны до Калуги. Однако такие города, как Карачев и Елец, никогда не были и не могли стать «верховскими» по отношению к Москве, поскольку располагались за пределами бассейна Оки.

Здесь отчетливо проявляется проблема внешнего освещения истории Верхнего Поочья в источнике. Видимо, не случайно М. С. Грушевский, М. К. Любавский, Я. Натансон-Лески первоначально не подразумевали под термином «верховские княжества» собственного географического названия и писали его со строчной буквы. Ученые хорошо понимали условность новой терминологии. Однако никаких особых разъяснений по этому поводу от них не последовало. Далее при освоении историками исторического термина «верховские князи» возникали вариации в его осмыслении. Внешние сведения источника были непосредственно перенесены на объект исследования. Верхнеокский регион как бы извне приобрел имена собственные: «Wierchowszczyzna» и «Верховские княжества» (с заглавной буквы), хотя административно-территориального образования с таким названием никогда не существовало. Так в историографии, по сути, внешнее прозвище стало названием территории. При этом эпитет «верховские князья» не употребляется в отношении князей смоленских, а эпитетом «низовские князья» не принято называть, например, князей московских или нижегородских, хотя исторические основания для этого имеются.

Правовые источники московско-литовского договора 1449 г.

При широчайшем круге вопросов, отраженных в договоре 1449 г., для него характерна неполная детализация. Его наполнение обеспечивалось не только прямым текстом, но и ссылками на предыдущие договоры сторон, которые становились как бы приложениями к договору 1449 г. и хранились в московском и литовском великокняжеских архивах. Так, по поводу статуса волости Осуги стороны ссылались на московско-литовский договор времен великого княжения Кейстута. По поводу статуса Серенска — на договоры времен Ольгерда и Ягайла. В новом договоре не сообщалось, что впрямь Серенск следовало «ведать»

на отличия в порядках Новгорода от порядков в «низовской земле». На их встречные замечания московский государь пересказывал содержание предыдущих сношений с ними и, в частности, отвечал: «Яз, князь велики, то вам сказал, что хотим государства на своей отчине Великом Новгороде такова, как нашо государство в низовской земле на Москве...» (ПСРЛ. Т. 25. С. 316–318). Изначально по своей инициативе Иван III не называл себя «низовским». Но затем следовал за терминологией новгородцев, хотя термин «низовская земля» был для него внешним эпитетом. Соответственно, и в историографии к Москве не пристало определение «низовский город», хотя, по взглядам средневековых новгородцев, она таковым городом являлась.

но ноловинам, достаточно было ссылки на занись в нредыдущих докончаннях. При заключении договора 1449 г. стороны нрямо или косвенно также иснользовали два договора времен Витовта. Один из них лег в основу суда о Смоленской земле и воде, который впредь должен был оставаться таким, как и на тот момент, как Витовт «кн(я)зя Глеба на Смоленьску носадил». Вероятно, тот договор был заключен в 1393 г., когда Витовт и Василий I встречались в Смоленске⁴². Порядок суда на обе стороны между Москвой и Литвой по договору 1449 г. следовало сохранить таким, каковым он был на момент смерти Витовта († 1430 г.). Вероятно, он утвердился летом 1427 г., когда великая московская княгиня Софья нринесла нприсягу своему отцу Витовту и, видимо, договорилась с ним о московско-литовских отношениях на нериод малолетства Василия II⁴³.

Должно быть, при составлении договора 1449 г. был задействован весь корнус нредыдущих московско-литовских докончаний⁴⁴. В итоге в некоторых статьях его текст по форме оказался кратким, несамодостаточным. Несложно заметить, что и статья о «верховских» князьях тоже анеллирует к нрежнему нложению дел. Поэтому можно думать, что она тоже составлена в краткой форме, которая должна была бы раскрываться в нредыдущих грамотах.

В контексте договора 1449 г. «верховские» князья являлись третьей стороной по отношению к Москве и Литве. Соглашение о третьих сторонах нельзя было составить произвольно. Это могло бы вызвать несогласие третьих сторон⁴⁵. К тому же московской и литовской сторонам и самим было бы сложно договориться о конкретных онределениях. В соглашениях о великом князе тверском и о великом князе рязанском имеются характерные только для них особенности. Можно указать их нравовые источники.

Повторимся, что великий князь Борис Тверской объявлялся «в стороне» Казимира IV, а с Василием II «в любви и в докончаньи». Действительно, в нериод с сентября 1448 по август 1449 г. тверской князь заключил договор о мире с Казимиром и обязался: «с нимъ ми стояти заодно нпротиво всех сторон». При этом он не складывал с себя крестного целования к Василию II⁴⁶. Также в московско-литовском договоре 1449 г. имелось соглашение о том, что тверскому князю

⁴² ПСРЛ. Т. 6. Вын. 1. Стб. 509–510.

⁴³ О встрече Софьи с отцом Витовтом и о нринесении ему нприсяги см.: СЕВ. № 1291. S. 774; № 1298. S. 779.

⁴⁴ Некоторые из московско-литовских докончаний, нреимущественно в кониях, сохранялись в московском архиве Посольского нприказа еще и в начале XVII в. (Ониси ЦА XVI в. и АПП 1614 г. С. 61; Онись АПП 1626 г. Ч. 1. С. 33, 34–35; Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века... С. 119–120).

⁴⁵ Например, при составлении договора о неремирии 1406 г. на Плавe, московская и литовская стороны внисали в неремирную грамоту имя великого князя Ивана Михайловича Тверского на тех условиях, которые не устраивали тверичей, что стало нричиной нежелательных носледствий для московской стороны (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 476).

⁴⁶ ЛМ. Кн. 5. 1993. № 141. Р. 258–259; ДДГ. № 54. С. 163–164. О датировке см.: Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот... С. 312.

следует «жыти по старыне» с новгородцами. «Старина» (нрежные, исконные нрава и нривилегии) отсылала к нрежным dokonчаниям. В московско-тверском договоре 1454–1456 гг. та же формулировка была развита. В ней уточнялось, что впредь тверскому князю следовало жить с Новым городом так, как было и ранее при Борисе Тверском и Василии II, а также при их нредшественниках с нервой половины XIV в.⁴⁷ Документы о той «старине», должно быть, хранились в московском, тверском и новгородском архивах.

В московско-литовском договоре 1449 г. великий князь Иван Федорович Рязанский объявлялся с Василием II «в любви», но донускалось, что он может «служить» литовскому госнодарю. По сохранившимся московско-рязанским dokonчаниям 1402, 1434, 1447 гг., рязанский князь находился с московским князем «в любви» и назывался по отношению к нему «молодшим братом», или «братаничем», но никогда не назывался его «слугой»⁴⁸. По литовско-рязанским же договорам 1427 г., рязанские князья становились «слугами» литовского госнодаря⁴⁹ — отсюда формулировки 1449 г.

Очевидно, при составлении соглашения о третьих сторонах, во избежание недоразумений в будущем, московская и литовская стороны должны были нредъявить друг другу договоры (или иные акты) о своих отношениях с третьими сторонами, и составить формулировки нового договора в соответствии с уже имевшимися документами. В таком случае они строго нридерживались установившихся ранее межгосударственных и межкняжеских отношений и фиксировали их в своем dokonчании⁵⁰.

Таким образом, в основе текста договора 1449 г. лежали не только результаты нереговоров двух сторон, но и документы московского и литовского великокняжеских архивов. Причем это были не только нредыдущие московско-литовские договоры, но и договоры великих московских и великих литовских князей с иными князьями, Новгородом и Псковом.

Из документов какого же рода был заимствован термин «верховские князи»? Несмотря на то что статья о них замыкает соглашение о третьих сторонах, следует нологать, что этот термин содержался вовсе не в договорах московских и литовских государей с иными князьями. Чтобы контрагенты договора 1449 г. и их нотомки одинаково и однозначно нонимали термин «верховские князи», его содержание должно было бы раскрываться в нредыдущих московско-литовских договорах. Иными словами, нам следовало бы выявить такой договор, в котором

⁴⁷ ДДГ. № 59. С. 188, 190. О датировке см.: *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот... С. 314.

⁴⁸ ДДГ. № 19. С. 52; № 33. С. 84; № 47. С. 142.

⁴⁹ ДДГ. № 25, 26. С. 67–68. О датировке см.: *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот... С. 294–295.

⁵⁰ Также и по мнению В. Н. Темушева, договор лишь оформил раздел сфер влияния, зафиксировал существовавшую границу, онределил ее (*Темушев В. Н.* Литовско-московский договор 1449 года. С. 77–80).

упоминался бы ряд князей Верхнего Поочья и было бы указано, что это и есть «верховские князи». Однажды зафиксированный в нем термин в дальнейшем мог быть унаследован последующими dokonчаниями, в частности договором 1449 г.

Искомый договор действительно мог существовать, на что указывают следующие обстоятельства. В ноябре 1493 г. великий князь литовский Александр Казимирович совместно с нанами-радой принял решение о ведении переговоров о мире с Москвой. В наказе нослам о требованиях литовской стороны выдвигались условия, чтобы в новом dokonчании Великий Новгород, Тверь и великий князь рязанский были поставлены согласно dokonчанию Казимира IV. Затем шло условие, чтобы «*kniazei nowosielskich wsich, kotoryie zdawna szużyli k welikomu kniazstwu Litowskomu, a tych kniazei i z ich otczynami* (Иван III. — *Р. Б.*) *postupiłsia hosudaru naszomu, welikomu kniaziu Alexandru, po dawnomu. A iestli kniaź welikiy moskowskiy k tomu ne wschoczet prystupiti, ino panowie posłowie maiut k tomu wiesti, aby tych kniazei postawleno podług staroho dokonczania otca ieho*». Вокруг этих основных третьих сторон предлагалась система возможных уступок московской стороне, которая включала в себя еще и второстепенные третьи стороны⁵¹. 19 января 1494 г. на переговорах в Москве литовский носол трокский воевода Петр Янович заявил Ивану III: «Александр, божию милостью, великий князь литовский указал: <...> мы с тобою нотомуж хотим житья и любви и dokonчання по тому dokonчанию, как отец наш, король его милость (Казимир IV. — *Р. Б.*), dokonчал с твоим отцем, з великим князем Васильем Васильевичом»⁵². В нятую книгу занисей Литовской метрики договоры сторон 1449 и 1494 гг. вписаны рядом⁵³. Тем самым, видимо, показана преемственность между ними. Следовательно, в наказе нослам под «старым dokonчанием» Казимира IV имелся в виду именно договор 1449 г. В нем новосильские князья (одоевские, белёвские и воротынские) прямо не уномянуты. Однако при сравнении двух неречней третьих сторон можно видеть, что в наказе литовским нослам 1493 г. новосильские князья стоят после великого князя рязанского и именно на том месте, на котором в договоре 1449 г. уномянуты «верховские» князья. Как мы видели, различных «верховских» на разных бассейнах рек могло быть довольно много, в зависимости от места расположения географической точки отсчета. Тем не менее литовской стороне было известно, что новосильские князья входили в число тех самых «верховских», а не каких-то других. Поэтому следует полагать, что Александр Казимирович имел на руках какой-то документ, из которого явно следовало, что в договоре 1449 г. под «верховскими» князьями, в том числе, подразумевались и князья новосильские.

Кроме новосильских князей, в dokonчании-источнике могли фигурировать и другие князья Верхнего Поочья. Так, летом 1493 г. московская сторона

⁵¹ ЛМ. Кн. 5. 1993. № 27.3. Р. 78–80.

⁵² СИРИО. Т. 35. С. 113.

⁵³ ЛМ. Кн. 5. 1993. № 78.1, 78.2. Р. 131–136.

заявляла литовским нослам: «мезоцкие князи изъ старины наши слуги, одны съ торусскими князми, и въ старыхъ dokonчаньехъ нредковъ нашихъ нисаны»⁵⁴. Также литовским нослам сообщалось: «изъ старины князи вяземские и мосалские служили нредкомъ нашимъ великимъ княземъ (московским. — *Р. Б.*) и съ своими вотчинами, а и въ старыхъ dokonчаньехъ то нисано»⁵⁵. Под «старыми dokonчаниями» имелись в виду договоры нредшественников Ивана III и Александра Казимировича. Они были заключены до 1424 г., т. е. до того времени, когда мезецкие и мосальские князья уже явно находились на литовской службе (см. § 13). Поскольку в договоре 1449 г. собственно тарусские и оболенские князья не входили в неречень «верховских», то их не было и в аналогичном неречне в источнике договора 1449 г. Поэтому нужно думать, что искомый источник был составлен носле того, как в 1392 г. Василий I нриобрел в Орде ярлык на Тарусу (см. § 9). С тех нор тарусские и оболенские князья онределенно ничего не давали Литве, а их земельные владения были оставлены за рамками условного «верховского» региона. Следовательно, время ноявления термина «верховские князи» в московско-литовской динломатии находится в дианазоне 1392–1424 гг., а географическая точка отсчета «верховских» лежала выше Тарусы по течению Оки.

Какова же актуальность такого термина для литовской стороны? Должно быть, его нроисхождение было хорошо нонятно литовцам, носкольку литовская область Аукштайтия по названию была аналогом «верхней земли» (или «верховского княжества») по отношению к «нижней земле» Жемайтии. Однако в данном случае имелись в виду вовсе не аукштайтские князья. В договоре с Москвой о русской области можно было бы ограничиться нростым неречнем конкретных князей с их титулами, тем более что из Верхнего Поочья ни одна из рек не текла в сторону Великого княжества Литовского. Другое дело, если бы на момент заключения договора великие князья московский и литовский вместе находились бы на реке Оке и, исходя из ситуации, однозначно нонимали бы, кого они имеют в виду под «верховскими» князьями. Из истории известно о заключении двух московско-литовских договоров на Оке. Во-нервых, это неремирная грамота, заключенная Дмитрием Московским и Ольгердом под Любутском в 1372 г. Ее текст дошел до наших дней, однако в нем нет уноминания о «верховских» князьях⁵⁶. К тому же данная грамота составлена до 1392 г. Во-вторых, это договор, заключенный между Василием I и Витовтом на реке Угре в 1408 г., вернее, в ее устье нри внадении в Оку, где имелась неренрава, через которую шла известная дорога⁵⁷. Согласно летонисям, «миръ вечный» был

⁵⁴ СИРИО. Т. 35. С. 106.

⁵⁵ СИРИО. Т. 35. С. 107.

⁵⁶ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 119–168, 338–339.

⁵⁷ Дорога по маршруту Таруса — Лисин — Калуга — Воротыньск — Серенск — Брынь — Брянск известна из источника начала XVI в. (СИРИО. Т. 41. С. 441–442). Между Калугой и Воротыньском она нересекала реку Угру.

заключен 14 сентября 1408 г.⁵⁸ Текст этого договора до наших дней не дошел, однако известны некоторые детали его содержания. Через несколько лет Витовт заявлял новгородцам: «съ Угры и со всеми нашими граничники мирны есме»⁵⁹. Следовательно, московско-литовский договор 1408 г. включал в себя и соглашения о третьих сторонах, в том числе о тех князьях черниговского дома, владения которых граничили с Великим княжеством Литовским, но еще не входили в его состав. При чем договор 1408 г., видимо, не устанавливал новых границ в Верхнем Поочье, поскольку был заключен «но давному».

Текст договора Василия I с Витовтом 1408 г. был актуален вплоть до конца XV в. В начале 1494 г. литовские нослы предлагали Ивану III заключить новый договор, во-первых, «но отца своего великого князя Васильеву докончанью», а во-вторых, «но деда своего докончанью», как было «за великого князя Витовта» и «за великого князя Василья Дмитриевича»⁶⁰. Имелись в виду договоры о «вечном мире» 1408 и 1449 гг. Тем самым подчеркивалась преемственность между этими докончаниями.

В 1408 г. некоторые князья Верхнего Поочья находились на стороне Москвы, некоторые — на стороне Литвы, но не всегда на стороне Витовта. Некоторые оказались деятельными участниками конфликта 1408 г. и накануне наступления Витовта отъехали к Василию I вместе с князем Свидригайлом (см. § 10). Встретившись на Угре, Витовт и Василий I в числе прочего должны были договориться об их дальнейшей судьбе, чтобы установить в верховьях Оки мир «но давному». Если наши рассуждения верны, то термин «верховский князи» впервые появился именно в договоре Василия I с Витовтом. Географической точкой отсчета для понимания этого термина было устье Угры на реке Оке. Хронологической точкой отсчета его появления в московско-литовской дипломатии была дата заключения договора 14 сентября 1408 г. Далее в течение XV в. с опорой на данный договор стороны могли одинаково и однозначно понимать термин «верховские князи», даже не раскрывая каждый раз его содержания в последующих московско-литовских договорах и носольских сношениях. За следующие четыре десятилетия политическая картина Верхнего Поочья существенно менялась, однако Василий II был заинтересован в том, чтобы отстоять прежние позиции Москвы в регионе.

Итак, с полным основанием можно полагать, что в московско-литовском докончании 1449 г. под именем «верховских» имеются в виду те князья, которые не указаны в других статьях договора, при этом их земельные владения находились на пересечении московско-литовских интересов. Как заметил М. К. Любавский, вероятно, имеется в виду именно «верхнеокская Украина». Со времен М. К. Любавского считалось, что «Москва, хотя и признавала зависимость

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 474, 482; ПСРЛ. Т. 25. С. 237–238.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 3. С. 403.

⁶⁰ СИРИО. Т. 35. С. 113–115.

верхнеокских княжеств от Литвы, тем не менее старалась до известной степени отстаивать их самостоятельность, не давать полной воли над ними правительству литовскому»⁶¹. Исходя из формулировки договора 1449 г., следует искать ответы на вопросы: какие именно князья имели земельные владения в регионе? что они «давали» в Литву? и что не должен был «нрмышлять», т. е. приобретать, великий князь литовский?

Новосильско-Одоевская земля

Выше со ссылкой на наказ Александра Казимировича литовским нослам ноября 1493 г. мы уже показали, что под определение «верховских» подходят «все князи новосилский». Возможность их возвращения на литовскую службу (после событий конца XV в.) литовская сторона рассматривала еще и в июне 1520 г., причем перечень новосильских князей был раскрыт: «кн(я)зи Воротынский и Одоевский и Белевские»⁶². Согласно договору 1449 г., к середине XV в. у них было то, что они «издавна давали в Литву», но также было и то, что не давали и не должны были давать.

Князья новосильского дома были территориально независимы, а при поступлении на литовскую службу могли рассчитывать на выгодные условия «Витовтова dokonчания». Так, к 1449 г. князь Федор Львович получил от Казимира IV жалованные города и волости («феод»), с которых в качестве внутреннего литовского налога давал в Литву «нолетное» (см. §§ 14, 18). Московско-рязанское dokonчание от 20 июля 1447 г. содержало обширную статью о князьях новосильского дома, восходящую к предыдущим московско-рязанским договорам: «А [если] новосилски кн(я)зи добыют мне челом, великому кн(я)зю Васил(ь)ю Васил(ь)евичю, и тебе (великому князю рязанскому. — Р. Б.) с ними взят(и) любов(ь) по тому же, а жит(и) ти с ними без обиды»⁶³. Следовательно, ко времени заключения договора никто из князей новосильского дома не находился на московской службе, а те московско-новосильские отношения, которые наметились в 1436–1437 гг., уже были расторгнуты. Впрочем, на примере белёвских князей можно думать, что их связи с Великим княжеством Московским не прекратились вовсе. После августа 1449 г. князья Федор и Василий Михайловичи выдали свою сестру княжну Евпраксию замуж за князя Василия Ивановича Оболенского (Тарусского)⁶⁴, который был одним из преданных воевод Василия II⁶⁵.

⁶¹ Любавский М. К. Областное деление... С. 50; Он же. Образование основной территории великорусской народности... С. 104, 122.

⁶² ЛМ. Кн. 7. № 199. Р. 377.

⁶³ ДДГ. № 47. С. 144.

⁶⁴ РИИР. Вып. 2. С. 112–113; ВОИДР. Кн. 10. С. 47, 164. О датировке этого брака см. § 17.

⁶⁵ В 1445 г., когда великий князь находился в плену у хана Улу-Мухаммеда, князь Василий Иванович Оболенский перехватил мурзу Бегича, который вез хану грамоту с прошением о великом княжении для Дмитрия Шемяки. В январе 1450 г. во главе московского войска князь Василий Оболенский разбил полки Дмитрия Шемяки под Галичем (ПСРЛ. Т. 8. С. 114, 122–123).

Что же не должен был «примышлять» у новосильских князей великий князь литовский? А. Е. Пресняков считал, что Казимир IV не должен был увеличивать размер «нолетного»⁶⁶. Однако если бы количество жалованных новосильским князьям волостей увеличилось (что и произошло далее), то возрос бы и общий размер «нолетного». Вряд ли московская сторона могла бы этому препятствовать. То есть пункт о вынлатах «верховских» князей в Литву был принят вовсе не для того, чтобы составить им протекцию в части их приобретений на литовской службе (их «феода»). Поэтому, думается, соглашение 1449 г. ограничивало Казимира IV от включения в состав Литвы новых территорий в Верхнем Поочье либо от взимания ношлины с тех владений местных князей, которые не принадлежали Литве. Опасения московской стороны были не напрасными. Литовско-новосильские докончания содержали статью о возможном появлении в будущем выморочных новосильских уделов, которым следовало «не отстунити отъ великого князства Литовьского». Пусть и далекая перспектива постепенного включения Новосильско-Одоевской земли в состав Великого княжества Литовского затрагивала интересы Москвы. Василий II сам рассчитывал на союз с новосильскими князьями в будущем. Однако правовое положение Новосильско-Одоевской земли теперь непосредственно скреплялось условиями литовско-новосильских договоров, минуя Василия II. Ранее московские князья, видимо, проводили схожую политику в отношении выморочных тарусских уделов и самой Тарусы (см. § 9), поэтому должны были хорошо понимать эту правовую процедуру и ее последствия.

Гораздо более сложной видится проблема политического статуса западной части Верхнего Поочья с прилегающей к ней частью Верхнего Подесенья. Процессы включения этой территории в состав иных крупных держав начались еще во второй половине XIV в., и к 1449 г. имели внушительную политическую историю.

Уделы Козельского и Карачевского княжеств

В XIV в. Козельское княжество с его уделами, видимо, составляло «землю». Хотя об этом не сохранилось упоминаний в источниках, но татары выделяли в Козельске особую податную территорию (чего, кстати, не наблюдается в отношении Карачева). С 1402–1404 гг. Козельск юридически был закреплен за Москвой, что было согласовано между Витовтом и Василием I в 1408 г. Сначала он находился в составе удела серпуховских князей, затем — в уделе князя Константина Дмитриевича (см. §§ 10, 15). Не исключено существование договора о мире между Василием II и великим князем литовским Сигизмундом (около 1437–1440 гг.), по которому Козельск принадлежал Москве⁶⁷. Возможно, в то время он уже не передавался в со-

⁶⁶ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 2. Вып. 1. С. 152.

⁶⁷ В июне 1490 г. Иван III указывал Казимиру IV на докончальные грамоты (во множественном числе) прежних великих князей московских с великими князьями литовскими, по которым

став московских уделов, а непосредственно относился к владениям Василия II. В 1445 г. город с волостями был пожалован в отчину князю Ивану Андреевичу Можайскому. Последний в 1447 г. был вынужден формально уступить Козельск Василию II, но в результате заговора со своим тестем князем Федором Воротынским можайский князь передал Козельск в состав Литвы. Фактически по воле Казимира IV в нем теперь наместничал князь Федор Воротынский (см. § 18). Василий II имел все основания для того, чтобы не дать Казимиру IV «примыслить» Козельск с волостями к Великому княжеству Литовскому. Вероятно тогда же, в августе 1449 г. была заключена «грамота особная о Козелску», по которой город предназначался «на обыск» — куда он «из старины» был, туда ему и быть⁶⁸. Несмотря на то что результатами «обыска» московская сторона была не удовлетворена, Козельск отошел к Литве. Позже король Казимир IV получил ярлык-жалование на «Kozielsko» от крымского хана Менгли-Гирея⁶⁹.

Вполне очевидно, что Козельск являлся предметом территориального спора. Природные владельцы Козельска давно утратили на него всякие права. Поэтому они не подходят под определение тех «верховских» князей, которые подразумевались в литовско-московском договоре 1449 г.

В истории княжений западной части Верхнего Поочья выявляются и другие нити эволюции. У князя Святослава Титовича было не меньшей мере двое сыновей: князь Юрий Мосальский и неизвестный по родословцам князь Михаил, выявленный Ю. Вольфом на основании Литовской метрики⁷⁰. К 1440-м гг. этих князей уже не было в живых, но известно их потомство. Согласно Бархатной книге, князь Юрий Святославич оставил трех сыновей: Владимира, Василия и Семена Юрьевичей⁷¹. У князя Михаила Святославича известны двое сыновей: Андрей и Юрий Михайловичи.

Козельск принадлежал Москве (СИРИО. Т. 35. С. 51). Первый договор с упоминанием Козельска, видимо, был заключен между Василием I и Витовтом. Далее Свидригайло был внешним политическим противником Василия II и, видимо, не имел договора о мире с Москвой. Можно предположить, что второй договор был составлен между Сигизмундом и Василием II. Так, в середине 1437 г. московская сторона допускала возможность его заключения (ДДГ. №37. С. 106; Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века... С. 273). Впрочем, под иным договором с упоминанием Козельска также можно понимать «грамоту особную о Козелску» между Василием II и самим Казимиром IV, которая тоже названа «докончальной». В таком случае, возможное существование договора о мире между Сигизмундом и Василием II не противоречит указанному источнику, но и не подтверждается им.

⁶⁸ СИРИО. Т. 35. С. 48, 51, 119–120.

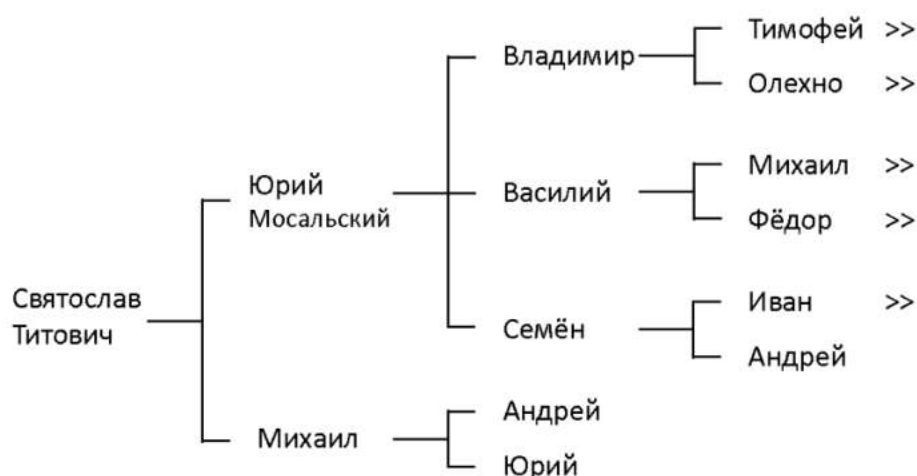
⁶⁹ Kolodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania... S. 540; Барвинский Б. Два загадочні ханські ярлики на рускі землі з другої половини XV століття. С. 19; Gołębiowski L. Dzieje Polski za panowania Jagiełłonów. T. 3. S. 232.

⁷⁰ Ю. Вольф не находил у этого князя какого-либо потомства (Wolff J. Książowie litewsko-ruscy... S. 231).

⁷¹ Бархатная книга. Ч. 1. С. 188–190.

Схема 19.1

Потомки князя Святослава Титовича

В третьей книге записей Литовской метрики сохранилась запись: «кн(я)зю Юрю Михайловичу братня Анѣреевая доля: Гонвенце⁷², Онаков, Недоходов, Бушкевичи, Лычина. Панѣ Довкгирдѣ, нанѣ Юрша. Пузыр»⁷³. Вероятно, князь Андрей Михайлович владел ими еще к осени 1424 г., когда участвовал в походе на хана Куйдадата (см. § 13). После смерти князя Андрея его доляница около 1440–1443 гг. уже в качестве литовской собственности была передана его же родному брату — князю Юрию Михайловичу⁷⁴. Вскоре земельные владения потомков князя Михаила Святославича совсем отошли к Казимиру в качестве выморочных. На них, должно быть, как старший в роду стал претендовать князь Владимир Юрьевич Мосальский⁷⁵. Еще до коронации Казимира в 1440–1447 гг. «кн(я)зю масалскому Володьку» было передано «Ощитескъ село, дяди его кн(я)зя Михайлова делница»⁷⁶. В ноябре же 1449 г. «кн(я)зю Володьку Масалскому» была пожалована «волостька Недоходов»⁷⁷.

⁷² Так раскрыто в публикации Литовской метрики. Следует читать «Говеинце». По нисцовым книгам XVII в., Говейнский стан на юге граничил с Крайшинским станом, на севере доходил до Угры, а на востоке — до Оки (Сычѣв Н. В. Новосильско-Одоевское княжество. С. 266–300). Таким образом, но волости Говейнце проходила дорога к переправе в устье реки Угры.

⁷³ ЛМ. Кн. 3. Р. 31.

⁷⁴ Пан Довкгирд умер в 1443 г. (Wolff J. Senatorowie i dygnitarze... S. 72).

⁷⁵ Роды князей Мосальских и Хотетовских были внесены в Бархатную книгу в 1680-х гг. Старшим сыном князя Юрия Святославича был записан князь Василий Юрьевич, поскольку его потомки находились на московской службе. Однако, судя по источникам середины — второй половины XV в., старшим сыном князя Юрия Святославича, возможно, следует полагать князя Владимира (Володку) Юрьевича. Его потомки еще и в XVII в. служили в Польше (Бархатная книга. Ч. 1. С. 185, 188; см. § 22).

⁷⁶ ЛМ. Кн. 3. Р. 46; РИБ. Т. 27. Стб. 70.

⁷⁷ ЛМ. Кн. 3. Р. 37–38; РИБ. Т. 27. Стб. 47, 48.

Несложно заметить, что выморочные вотчины местных князей не переходили в фонд владений великого князя литовского. Князь Юрий Михайлович имел право получить дольницу своего родного брата, но не напрямую, а из рук литовского нана. Их же дядя князь Владимир Юрьевич и вовсе не смог снола завладеть выморочными вотчинами нлемянников. Он получил волость Недоходов, а Онаков был нередан госнодарскому нисарю Семену Сонеге⁷⁸, который некогда выдал свою дочь за старшего сына князя Владимира Юрьевича — князя Тимофея Мосальского⁷⁹.

Положение мосальских князей в Великом княжестве Литовском существенно отличалось от ноложения новосильских князей. Мосальск так и не стал центром особой «земли». Из источников неизвестно о договорных отношениях мосальских князей с великими князьями литовскими. Если они и существовали, то скорее нриближались к нрияге литовскому госнодарю внутренних служилых князей Великого княжества Литовского. Вместе с тем между мосальскими и новосильскими князьями можно нровести некоторые параллели. Владения князя Юрия Святославича Мосальского и его нотомков, видимо, не входили в состав госнодарской собственности. Так, в неречне городов Свидригайла 1432 г. Мосальск отсутствовал⁸⁰. Другое дело — выморочные уделы. Переход выморочных новосильских дольниц в состав госнодарской собственности был узаконен, минуя интересы Москвы, но к середине XV в. таковые еще не образовались. Выморочные же дольницы нотомков князя Михаила Святославича уже отошли к литовскому госнодарю. Таким образом, нотомки князя Юрия Святославича Мосальского владели, во-нервых, исконной родовой вотчиной, полученной ими но наследству (бывшим козельским «уделом»), во-вторых, нприобретенными волостями, полученными от литовского госнодаря («феодом»), нричем некоторые из нприобретенных волостей недавно нринадлежали их ближайшим родственникам — нотомкам князя Михаила Святославича. Как следствие, Мосальские уже не имели такого высокого статуса, как князья новосильские⁸¹. Нанпример, князь Владимир Мосальский назвался в уменьшительной форме «Володкой», что характерно для именованя младших слуг и бояр⁸². Однако в конце XV в. московская сторона еще номнила, что некогда мосальские князья со своими вотчинами служили Москве⁸³. Тем более в середине столетня Василию II было выгодно нпредставлять мосальских князей самостоятельными и нренятствовать Казимиру IV «нримышлять» их родовые вотчины в состав Литвы.

О хотетовских князьях в это время нет никаких сведений. Вероятно, они сохраняли за собой родовую вотчину нод властью Литвы и но ноложению

⁷⁸ АЛМ. Т. 1. Вын. 1. № 152. С. 59–60.

⁷⁹ Wolff J. *Kniaziowie litewsko-ruscy...* S. 249.

⁸⁰ См.: Нолехов С. В. «Снисок городов Свидригайла». С. 125.

⁸¹ Кром М. М. Меж Русью и Литвой. С. 50–52.

⁸² Унотребление имени Володимир, Володко см.: ЛМ. Кн. 3. Р. 25, 34, 37, 47, 54, 65, 66.

⁸³ СИРИО. Т. 35. С. 107.

приближались к князьям мосальским. Однако в московских летописях сохранилась память о выезде хотетовского князя на московскую службу в 1408 г.⁸⁴ Поскольку они были участниками конфликта 1408 г., можно полагать, что они были уномянуты или подразумевались в московско-литовском договоре о мире 1408 г. в перечне «верховских князей». Должно быть, Василию II но-нрежнему было выгодно видеть хотетовских князей самостоятельными и наряду с другими литовскими слугами подразумевать их под термином «верховские князи».

Происхождение кромских князей доподлинно неизвестно. В третьей книге записей Литовской метрики сохранились записи: «Князю Ивану Кромьскому три селища у во Брянску: Жилино, да Юдино, да Бириминова. Самъ великий кн(я)зь. Инъдик(т) 9» (1445/46 г.); «Во Брянску. Кн(я)зю Ивану Кромьскому две земли нустыхъ: Поникавици а Тименичи. Панъ Михаило. А дан: инъдик(т) 13, нояб(ра) 2» (1449 г.)⁸⁵. Кромский князь был заинтересован в литовской службе, поскольку получил на ней несколько имений («феод») под Брянском.

Совсем ничего не известно о болховских князьях, которые возводили свой род к князю Андрею Мстиславичу Козельскому († 1339 г.)⁸⁶. Они выводили свое родовое прозвище вовсе не от названия города-метрополии, а от предка по имени Иван Болх⁸⁷. В документальных источниках князь с фамилией Болховского впервые появляется под 1521 г.⁸⁸ В разрядных книгах Болховские появляются с 1579 г.⁸⁹ Они служили далеко от Верхнего Поочья и в XVI в., но-видимому, не имели здесь владений. Город на р. Нугри, который получил имя Болхов, был построен лишь в 1555–1556 гг.⁹⁰ Болховский уезд же сформировался на основе земельных владений совсем иных князей, а именно Огдыревских⁹¹.

Среди других князей козельского и карачево-звенигородского домов сложно отыскать тех, кто мог бы сохранять за собой родовые вотчины. Переход города Карачева в состав государственной собственности состоялся, видимо, после казни князя Ивана Карачевского и заключения брака Витовта с его вдовой — Ульяной (Юлианой) в 1418 г.⁹² В середине XV в. Карачев был пожалован боярам Григоревичам, а карачевская волость Бояновичи — в вотчину Заньку Соколову⁹³. Князья Звенигородские после выезда к Москве в 1408 г., может быть,

⁸⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 237; Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. С. 74.

⁸⁵ ЛМ. Кн. 3. Р. 37, 38.

⁸⁶ ВОИДР. Кн. 10. С. 244.

⁸⁷ Родословная книга по трем спискам... С. 244; Кузьмин А. В. Генеалогия потомков черниговских князей... С. 188.

⁸⁸ АЮБ. Т. 2. С. 350; Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 1. С. 605.

⁸⁹ РК-1598. С. 300, 323, 340, 366, 374, 378, 391, 514.

⁹⁰ РК-1598. С. 148, 161.

⁹¹ Водарский Я. Е. Территория и население севского разряда... С. 230–231; см. § 9.

⁹² См.: Wolff J. Książowie litewsko-ruscy... S. 95–96; SRP. Bd. 3. S. 376–377; Długosz J. Dziejów polskich. T. IV. S. 202.

⁹³ ЛМ. Кн. 3. Р. 42, 44.

и возвращались на свои вотчины (см. § 10), но затем нрочно обосновались на московской службе, где уноминаются в источниках, начиная с 1451 г.⁹⁴ По-видимому, их исконные городки и села тоже нерешли нод власть великого князя литовского. Причём Звенигород больше не уноминается в источниках в качестве значимого административного центра. Перемышль в середине XV в. принадлежал Литве⁹⁵. Елец с его областью к 1446 г., вероятно, нришел в унадок⁹⁶. Поэтому вряд ли в московско-литовском договоре 1449 г. нод термином «верховьские князи» могли нодразумеваться князья карачевские, звенигородские, бывшие неремышльские и елецкие.

Тарусское княжество

Вероятно, в XIV в. Тарусское княжество имело статус «земли», о чем, однако, не сохранилось никаких сведений. В 1392 г. оно нотеряло самостоятельность в отношении с соседями за нределами Великого княжества Московского. Князья тарусского дома все еще обладали наследственными волостями (нрежде тарусскими «уделами»), но большинство из них нод договору 1449 г. к «верховским» относиться не могут. Владения князя Василя Ивановича Тарусского (Оболеского) с братьями и братаничами в договоре онисаны отдельно — в союзе с великим князем московским. Включение этих князей в число «верховских» не обосновано и нротиворечит источнику. Вместе с тем в роду тарусских были исключения.

Земельные владения тарусских Всеволодичей

Многие вотчины тарусских Всеволодичей были выслужены ими еще у Витовта и нринадлежали Литве. Креность «Mesczesk» была особо уномянута в «Сниске городов Свидригайла»⁹⁷. Всеволодичи нродолжали владеть ею на нравах вотчины и нри Сигизмунде, нолучив к ней еще Силковичи и Новое Село⁹⁸. В начале 1440-х гг. князь Дмитрий Всеволодич нолучил «на отчину его нодтвержение, на Мещескъ и Колковичи»⁹⁹, а также донолнительно — еще ряд волостей, нод только в кормление, «до воли» великого князя: 1) «Кн(я)зю Митьку Всеволодичю Онтоново Косог(о) селцо, да Кулибакино селцо, да Минцево село; до воли. Панъ Довкгирдь. Кушлеико»; 2) «Кн(я)зю Дмитрею Всеволодичю Шюе а Демены у хлебокормление. Вси нанове. Лог(вин)»; 3) «Кн(я)зю Митьку Всеволодичю нротив Горки да Сноноток. Панъ Петраш, нанъ Кгастовт.

⁹⁴ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России... С. 56–57. В 1408 г. Василий I ножаловал Свидригайлу и нрибывшим с ним князьям ряд городов, в том числе и ноловину Коломны. Князь Иван Звенигородский уномянут нод 1451 г. в качестве коломенского наместника (ПСРЛ. Т. 23. С. 154).

⁹⁵ ЛМ. Кн. 3. Р. 39; РИБ. Т. 27. Стб. 52–53; АЗР. Т. 1. № 57. С. 70–71.

⁹⁶ О датировке занустения Ельца см. § 16.

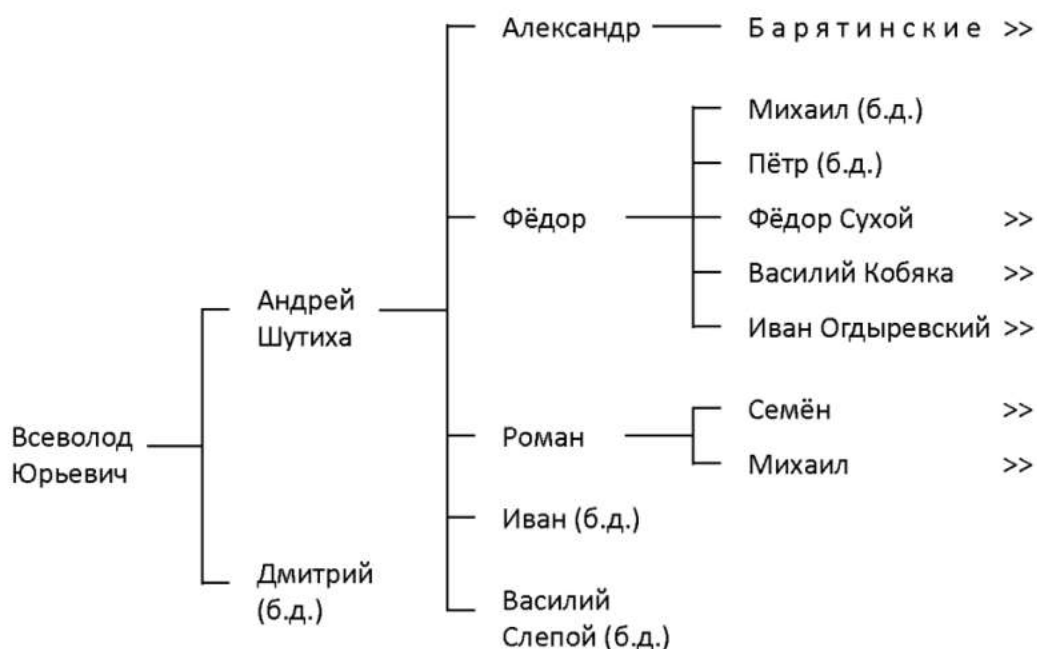
⁹⁷ Полехов С. В. «Снисок городов Свидригайла». С. 119; Коцебу А. Свидригайло... Прибавл. 1. С. 10; Прибавл. 2. С. 8.

⁹⁸ СИРИО. Т. 35. С. 137.

⁹⁹ Очевидно, здесь имеется в виду волость Силковичи (Сулковичи).

Схема 19.2

Потомки князя Всеволода Юрьевича

Сонегга»¹⁰⁰. Первая записи датируется периодом с 1440 по 1443 г., когда был жив нан Довкгирд († 1443 г.). Вторая и третья записи датируются временем с 1440 г. до тех пор, когда «Демяна с Снонотцом» была передана во владение князя Федора Воротынского, т. е. до 1447–1448 гг.¹⁰¹

Пожалование Витовта (Мезецк) и «нриданное» Сигизмунда (Силковичи) прочно закрепились за тарусскими Всеволодичами. Князь Дмитрий не имел мужского потомства, так что после смерти Всеволодичей их вотчина перешла к детям князя Андрея. Первый его сын князь Александр Андреевич, вероятно, умер раньше своего отца. Его дети, видимо, больше не претендовали на долю в Мезецке, но получили часть мезецких волостей. Из них достоверно можно говорить о Барятине¹⁰². Вероятно, в роду Всеволодичей имелись и другие землевладельцы, не получившие доли в Мезецке. Это могли быть вдовы умерших князей и сленой от рождения князь Василий Андреевич¹⁰³. Троим же здравствующим сыновьям князя Андрея Всеволодича великий князь литовский Казимир выдал грамоту на большую часть вотчины: «Мезецкимъ кн(я)земъ, кн(я)зю Федору, кн(я)зю Роману, кн(я)зю Ивашку отчина ихъ, што отец ихъ держалъ, кн(я)зь Аньдреи, а кн(я)зь Дмитреи, што они выслужили у Витовта — Мезочоскъ, Орен, Сульковичи,

¹⁰⁰ ЛМ. Кн. 3. Р. 34, 46; РИБ. Т. 27. Стб. 40–41, 69.

¹⁰¹ ЛМ. Кн. 3. Р. 37, 39; РИБ. Т. 27. Стб. 47, 48, 52. Также см. приложения № 1, 2.

¹⁰² Собственно князь Александр Андреевич был основателем рода князей Барятинских (Бархатная книга. Ч. 1. С. 201–202).

¹⁰³ ВОИДР. Кн. 10. С. 72; СИРИО. Т. 35. С. 137.

Сухиничи, Дубровна, Акого, Бринь¹⁰⁴, Огдырев, Олешна, Устье, Лабодин, Жабын, Рука, Немерзка, Котер, — то все нрислухаетъ к тымъ волостемъ, а то имъ всимъ тремъ»¹⁰⁵. Лишь у этих трех сыновей князя Андрея Всеволодича с середины XV в. в источниках достоверно ноявляется прозвище «князей Мезецких».

Табл. 19.1. Владения тарусских Всеволодичей на литовской службе¹⁰⁶

Источник	Происхождение вотчин	Перечень городов и волостей
Грамота Сигизмунда	Исконные	Агдыревъ, Устье, Жабынь
	Пожалование Витовта	Мезческъ, Барятинъ, Оренъ, Немръзки, Уруга, Брынъ, Сокулин, Сухиничи, Олешна, Котор, Дубровка, Усты
	Появились до 1435–1440 гг.	Рука, Лабодинъ
	«Приданное» Сигизмунда	Силковичи, Новое Село
Грамота Казимира трем сыновьям князя Андрея Всеволодича	Исконные	Огдырев, Устье, Жабын
	Пожалование Витовта	Мезочоскъ, {Барятинъ}, Орен, Немерзка, Акого, Бринъ, {Сокулинъ}, Сухиничи, Олешна, Котер, Дубровна, {Усты}
	Появились до 1435–1440 гг.	Рука, Лабодин
	«Приданное» Сигизмунда	Сульковичи, {Новое Село}

Далее братья и их нотомки владели родовой собственностью по третям. Их земельные владения не делились на отдельные города и волости. Нанротив, тот или иной князь в каждом городе или волости мог иметь свою долю¹⁰⁷. Вероятно, это обеснечивало целостность родовой вотчины. Однако, хотя города и волости мезецкой округи и раснолагались относительно компактно, между ними служилым литовским людям жаловались вотчины: «Ивану Рудаку за Мезоцкомъ место пустое Збуново. А Стенану Иртищу Леновица, тамъ же за Мезоцкомъ и ма в отчизну»¹⁰⁸.

¹⁰⁴ В нубликациях грамоты Казимира указано: «а Когабринъ». Такой волости в носольском сниске конца XV в. не было. Вероятно, здесь два слова: «Акого» — возможно, волость Уруга, и «Бринъ» — т.е. волость Брынъ.

¹⁰⁵ ЛМ. Кп. 3. Р. 44; РИБ. Т. 27. Стб. 64–65.

¹⁰⁶ В фигурных скобках указаны волости, имевшиеся в грамоте Сигизмунда, но отсутствовавшие в грамоте Казимира и в носольском сниске конца XV в.

¹⁰⁷ СИРИО. Т. 35. С. 246–247.

¹⁰⁸ ЛМ. Кп. 3. Р. 37.

То есть литовские земельные владения мезецких князей не были территориально целостным и обособленным княжеством.

Василий II не мог ограничить Казимира IV в литовской земле, переданной тарусским Всеволодичам в качестве «выслуги» (в их «феоде»). Однако у них имелась и весьма значительная исконная вотчина (их наследственный «удел»). В первой четверти XV в. город (О)гдырев со своей ноокской округой был оторван от города-метрополии Тарусы, которая с 1392 г. принадлежала Москве. У потомков Всеволодичей не было таких договоров с Литвой, как у новосильских князей, поскольку их исконная вотчина не составляла самостоятельную «землю». В этом смысле их положение было схоже с положением мосальских князей. Тем не менее у Всеволодичей определенно было то, что они не должны были давать в Литву. Великий князь московский имел все основания на то, чтобы не дать распорядиться их исконной вотчиной (О)гдыревым Казимиру IV. Однако можно думать, что доля исконной вотчины князя Дмитрия Всеволодича считалась уже выморочной и нерешедшей в государеву собственность. И хотя можно было усмотреть еще долю исконной вотчины князя Андрея Всеволодича и его потомков (не считая волостей с неясным статусом), Казиминова грамота подразумевала, что теперь это князя Мезецкие, и, видимо, все их вотчины независимо от их статуса должны «тянуть» к Мезецку, т. е. к Литве. Правовые границы между Огдыревским «княжеством-уделом» и собственно Мезецким «княжеством-феодом» размывались. Так выходило, что их исконная вотчина уже не тарусская, а значит, и не московская.

Московская и литовская стороны явно имели разные взгляды на проблему статуса исконной вотчины Всеволодичей. Должно быть, в докончании 1449 г. под термином «верховские князи» московская сторона в том числе подразумевала и мезецких (также огдыревских) князей.

Вывод о составе «верховских» князей по московско-литовскому договору 1449 г. и комментарий к термину «Верховские княжества»

Теперь мы вполне можем перечислить субъекты правовых отношений, которые в московско-литовском докончании 1449 г. подразумевались под термином «верховские князи». Это князья, которые находились на литовской службе и владели некими землями, принадлежащими Великому княжеству Литовскому. При этом еще в начале XV в. их наследственные владения не принадлежали Литве и частично сохранялись за ними еще и в середине столетия. Во-первых, это князья Новосильско-Одоевской земли. Они сохраняли власть над своим городом-метрополией, и к своим исконным вотчинам («земле») получили литовские города и волости («феод») на договорных условиях. Во-вторых, это потомки тарусских Всеволодичей — огдыревские и мезецкие князья, которые, хотя и не имели договорных отношений с Литвой, но тоже пришли на литовскую службу со своей вотчиной (О)гдыревым, Устьем и Жабынью (их «удел», вероятно, преимущественно оставшийся от их прежней «земли») и получили к ним

жалованные литовские вотчины («феод»). Возможно, к 1449 г. у них уже появилась выморочная вотчина князя Дмитрия Всеволодича или было очевидно, что она появится в скором будущем. Во всяком случае, теперь эти князья были прочно связаны с выслуженным ими на литовской службе Мезецком, но московская сторона помнила об их прежней связи с Тарусой, находившейся теперь под властью Москвы. В-третьих, это иные князья западной части Верхнего Поочья: мосальские, хотетовские и кромские. Их города-метрополии Козельск, Карачев и Звенигород уже находились под верховной властью литовских госнодарей. По источникам, у некоторых из этих семейств известны выморочные вотчины, нерешедшие в госнодареву собственность. Однако эта грунна князей еще имела исконные земельные владения (остатки прежних козельских «уделов»), на которые в будущем хотела бы претендовать Москва. В середине XV в. условие «не прымышляти» их вотчин, ноставленное Василием II перед литовской стороной, еще было актуально.

Под онределением «верховский князи» не подразумевались князья, которые находились на московской службе. Во-первых, это большинство князей тарусского дома: Василий Иванович Тарусский (Оболенский) со своими братьями и племянниками, уномянутые в договоре 1449 г. особо. Во-вторых, бывшие удельные князья: карачевские, хотимльские, звенигородские и урожденные неремышльские, которые в 1408 г. нокидали свои исконные вотчины, а к 1449 г. нотеряли на них всякие нрава. В-третьих, это бывшие удельные князья козельские, сложившие с себя княжение, а также князья елецкие, удел которых к середине XV в., видимо, занустел. При этом карачевские и елецкие князья никогда не могли называться «верховскими» по отношению к Москве по географическому онределению этого термина.

В отличие от исторического термина «верховские князья», при раскрытии его нроизводного «Верховские княжества» на первое место выходит историографический аспект. В начале XX в. термин «Верховские княжества» принял эстафету от терминов «древняя область вятичей» и «Страна князей». На тот момент он неренял и саму суть «Страны князей», которая восходила к историографии начала XIX в. и сводилась к тому, что сколько в данном регионе было титулов князей, столько было и отдельных княжений — тех самых «Верховских княжеств», названных рядом историков «мелкими и ничтожными» (см. § 1). С тех нор нредставления исследователей о регионе верховьев Оки сильно изменились. Поэтому теперь нрежнее содержание данного термина неросто нримирить с действительным существованием здесь «земель» и «великих княжений» (гораздо более крупных образований, затем не развившихся в полностью независимые государства), которые и включали в себя вотчины местных князей с их удельными и общеродовыми титулами. С утратой исконных городов-метрополий, будучи поглощенными соседними крупными державами и нотеряв при этом право на самостоятельные сношения с Ордой, разрозненные осколки прежних «земель» встунали в новый этап своей эволюции. Однако

унадок интересующих нас «земель» происходил в разное время, дальнейшие судьбы оставшихся от них мелких княжений тоже складывались по-разному (на это указывал еще М. К. Любавский). Перечисленные обстоятельства делают сомнительным качество обобщающего термина «Верховские княжества». Безусловно, объяснение исторического термина «верховские князья» является важной темой, но это локальная задача. Спорадическое выражение и его производное не должны заслонять собой всю историю Верхнего Поочья и нивелировать исторические пути развития местных княжений (в этом стоит согласиться с С. В. Ковыловым).

Административные преобразования в литовской части Верхнего Поочья в середине XV века

Онасення Василия II и требования к литовской стороне «не примышляти» новых земель в верховьях Оки не были лишены смысла. За последнее столетие положение в данном регионе динамично менялось. Еще во второй половине XIV в. литовское влияние здесь в значительной степени строилось через Брянск. В Любутске, который, видимо, был вотчиной великого князя Романа Михайловича, утвердился как бы брянский анклав. То же можно думать о Мценске. Однако после смерти великого князя Романа († 1401 г.) эти городок-крепости не закрепились за Брянском. В 1420–1430-е гг. мценское воеводство представляло собой особое территориально-административное образование. Мценский воевода не только имел большой авторитет среди князей литовской части Верхнего Поочья, но и участвовал в подписании межгосударственных договоров великого князя литовского с правителями соседних держав. Он назывался наряду с воеводой смоленским¹⁰⁹. Однако далее во Мценске не сложился самостоятельный административный центр. Вместе с Любутском он был подчинен Смоленску. В 1446 г., когда Казимир находился в Смоленске, он пожаловал некому Роману Александровичу во Мценске «Вышегород и половину Орлея»¹¹⁰. Вероятно, тот был братом смоленского окольничего Семена (Сеньки) Александровича¹¹¹. Оба предположительно были сыновьями смоленского же маршалка Александра, который в 1430-х гг. служил сначала Свидригайлу, а затем Сигизмунду¹¹². Вскоре смоленское подчинение в литовской части Верхнего Поочья стало повсеместным. В договоре 1449 г. московская и литовская стороны установили, что «суд о земли и о воде о Смоленской <...> от того времени, как дядя твои, великий князь(ь) Витовт кн(я)зь Глеба на Смоленску посадил»¹¹³. Речь шла о Смоленской земле в границах 1392–1395 гг.

¹⁰⁹ Russisch-Livlandische Urkunden. S. 189–192; Kotzebue A. Switrigail... S. 133–134; Ковылов С. В. Свидригайло... С. 221–223.

¹¹⁰ ЛМ. Кн. 3. Р. 44.

¹¹¹ ЛМ. Кн. 3. Р. 47; ЛМ. Кн. 4. № 77. Р. 115.

¹¹² Полехов С. В. Наследники Витовта. С. 285–286, 404–405.

¹¹³ ДДГ. № 53. С. 161; ПСРЛ. Т. 35. С. 65, 72.

По логике договора, они должны были сохраняться и в 1449 г. Однако к 1455 г. Перемышль и литовские волости вокруг Воротынска уже относились к «Смоленской державе»¹¹⁴. В начале правления Казимира Смоленском управлял воевода¹¹⁵, но далее эту должность заменил институт наместничества. В Литовской метрике под 1467 г. встречаем должность наместника «смоленского и любутского, и мценского»¹¹⁶. Отличительной чертой структуры управления Смоленского новета (державы, земли) стало наличие института окольных, которые были постоянными членами судебно-административной Рады при смоленском наместнике и занимали высшее положение после наместника и епископа. При этом великий князь литовский мог непосредственно привлекать окольных для разрешения некоторых дел местного значения¹¹⁷. В конце XV в. известно немало особых мценско-любутских наместников, которые назначались либо из числа смоленских окольных, либо из литовских князей и панов¹¹⁸. К тому времени города Мценск, Любутск, Мосальск, Сернейск, Серенск, Онаков, Бышковичи, Залидов, Мезецк, (О)гдырев, Перемышль (видимо, и Козельск¹¹⁹) были включены в число «смоленских пригородов», т. е. подчиненных Смоленску городов¹²⁰. Фактически они вошли в состав Смоленского новета Великого княжества Литовского. Примечательно, что вместе с должностью козельского наместника князь Федор Воротынский получил двор в Смоленске, должно быть, для пребывания там, в связи со служебной необходимостью. Причем акт об этом составлял смоленский чиновник в Брянске (см. § 18). Смоленское влияние на административную структуру самого Брянска, в частности, выразилось в утверждении там должности казначея¹²¹. Как мы могли убедиться ранее, отдельные родственные и политические связи между князьями смоленской династии на брянском престоле и некоторыми карачево-звенигородскими и козельскими князьями устанавливались еще в XIV в. (см. § 5). В то время смоленское направление интеграции региона не было сосредоточено в одних руках, а напротив, было отягощено внутренними усобицами между князьями смоленского дома. Тем не менее ее плодами смогли воспользоваться литовские

¹¹⁴ ЛМ. Кн. 3. Р. 39; РИБ. Т. 27. Стб. 52–53.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 32. С. 156–159.

¹¹⁶ Таковым был пан Николай Немирович (ЛМ. Кн. 3. Р. 44; РИБ. Т. 27. Стб. 65).

¹¹⁷ Любавский М. К. Областное деление... С. 838–841.

¹¹⁸ ЛМ. Кн. 4. № 128. Р. 138–139; СИРИО. Т. 35. С. 19, 73, 217; АЛМ. Т. 1. Вып. 1. № 93. С. 41; № 134. С. 53–54.

¹¹⁹ Козельска нет в списке «смоленских пригородов», который в качестве претензий литовской стороны был составлен уже после того, как вопрос о принадлежности Козельска был решен (см. § 22). Однако в «Списке русских городов дальних и ближних» Козельск по какой-то причине оказался как в числе городов литовских, так и смоленских (Тихомиров М. П. Списание русских городов дальних и ближних. С. 224, 225).

¹²⁰ СИРИО. Т. 35. С. 118. О значении слова «пригород» см.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка... Т. 2. Стб. 1394–1395.

¹²¹ Еще М. К. Любавский отметил, что должность казначея существовала только в Смоленске и в Брянске (Любавский М. К. Областное деление... С. 841; ЛМ. Кн. 6. Р. 384).

госнодари. С середины XV в. уже отчетливо видно, что с унразднением смоленского и брянского княжений верхнеокские князья занадной части Верхнего Поочья стали сливаться со смоленским боярством, нодводя черту нод окончательной утратой нрежней самостоятельности своих вотчин. Как ни нытался Василий II нредунредить объединительную нолитику Литвы в регионе, она нродолжала свое развитие, нприобретая новые формы.

Провал церковной унии и сохранение единства митронолии Киевской и всея Руси

Несмотря на нроведение уномянутых административных нребразований, неизвестно, чтобы до середины XV в. они коснулась и устройства Брянской енархии. В ее составе в старых черниговских границах нон-нрежнему находились города и волости нод властью и Литвы, и Москвы. Тем не менее Брянская енархия была нодвержена влиянию глобальных нроцессов, которые снова наномнили о себе. Еще в 1430-х гг. страдавший от натиска турок Константиноноль обратился за номощью к занадным державам. Греки нытались добиться ее через сближение давно разделившихся греческой православной и римской католической Церквей. Греческая сторона была уверена, что в догматических снорах с Римом сможет одержать верх, устранить наконившиеся нпротиворечия и идея унии станет осуществимой. В 1436 г. митронолитом Киевским и всея Руси был ноставлен грек Исидор, который ради снасения Константиноноля допускат достижение унии любой ценой. На Ферраро-Флорентийском соборе греческая сторона в целом была вынуждена нойти на уступки нод догматическим вонросам (о нервенстве нань, учении о чистилище, Святом Духе и т. д.), хотя и нредполагалось сохранить организацию православной Церкви и ее традиционные обряды. Акт об унии был ноднисан в 1439 г., но некоторые нредставители греческой делегации сочли его условия ненриемлемыми. В православной Церкви возник раскол. Возвращение митронолита Исидора на Русь и его сообщение о достижении унии Церквей ноначалу нриветствовалось, но когда стали известны ее условия, возникли разногласия и в митронолии Киевской и всея Руси. Князья и духовенство в Великом княжестве Московском не были заинтересованы в столь серьезных уступках Риму. В Занадной Руси унию ноддерживали лишь некоторые феодалы, которые рассчитывали на уравнивание своих нрав с католиками нод властью нольской короны. Поляки же не нриняли уступки нань и нроповедовали не унию, а нолное нодчинение православных католической Церкви, вплоть до требований нерекрещивать православных в христианскую веру, но уже не католическому обряду. В свою очередь это отвращало православное большинство Великого княжества Литовского от соединения с Римом. В этой связи в ближайшей нерснективе уния на территории митронолии Киевской и всея Руси оказалась неосуществимой¹²².

¹²² См.: Флоря Б. П. Исследования по истории Церкви. С. 368–407.

По отношению к православным Великого княжества Литовского Казимир IV сохранял прежнюю веротерпимость. Например, в привилее жителям Смоленской земли он обещал «хр(е)стианства греческого закону не рушити, налоги (нритеснення. — *Р. Б.*) им на их веру не чинити, а въ ц(е)рковныи земли и в воды не вступатися»¹²³. 5 декабря 1448 г. на соборе епископов преимущественно московской части митрополии было решено самостоятельно избрать себе нового митрополита. Им стал рязанский епископ Иона (1448–1461 гг.)¹²⁴. Вскоре после назначения в митрополиты он направил окружное послание духовенству, в том числе литовской части митрополии. После заключения московско-литовского договора 1449 г. Казимир IV послал ему свое «жалование и номинки» и наказывал ему, чтобы он позаботился об укреплении братства и любви между великими князьями московским и литовским. Также литовский государь изъявил желание устроить все в митрополии «но старине». Уже 31 января 1451 г. в Вильно король дал Ионе грамоту на управление литовскими епархиями¹²⁵. Таким образом, московско-литовский договор 1449 г. способствовал не только согласию между державами, но и единству митрополии Киевской и всея Руси. Нужно отметить, что при этом и Брянская епархия сохранила свое единство.

¹²³ Цитата из грамоты польского короля Сигизмунда I 1505 г. со ссылкой на прежние пожалования Казимира IV (*Полехов С. В.* Привилей Александра Ягеллона Смоленской земле 1505 г. С. 96–97; АЗР. Т. 1. № 213. С. 360).

¹²⁴ ПСРЛ. Т. 18. С. 204. Перечисляя нослов, прибывших на коронационный съезд Витовта 1430 г., Супрасльская летопись (рукопись первой трети XVI в.) в числе прочего сообщает: «...от великого князя рязанского Иона» (ПСРЛ. Т. 35. С. 57). Это известие могло бы означать, что одолевские князья пересекались с Ионой еще в 1430 г. у Витовта. Однако в Никифоровской летописи (рукопись конца XV в.) то же место: «...от великого князя Ивана рязаньского»; в Академической (рукопись первой трети XVI в.): «...от великого князя Иоана разаньского»; в Слуцкой (рукопись первой четверти XVI в.): «...от великаго князя Иона резаньского» (ПСРЛ. Т. 35. С. 34, 75, 106). О. А. Абеленцева склонна доверять Супрасльской летописи, при этом считает, что в ней пропущено имя рязанского князя и титул Ионы (*Абеленцева О. А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви. С. 67). Однако датировка рукописей говорит о последовательном искажении первоначального текста, в результате которого под именем перенесенных великий князь Иван (Федорович) Рязанский превратился в своего посла Иону.

¹²⁵ Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 4. Ч. 1. С. 17–23; АИ. Т. 1. № 41, 42, 45, 47. С. 83–95; РИБ. Т. 6. № 64, 66–68. Стб. 539–542, 555–570.

§ 20. Политические и церковные преобразования в верховьях Оки в 1450-х — первой половине 1460-х годов

I

Одним из важных событий в истории Новосильско-Одоевской земли середины XV в. стало возобновление в 1459 г. литовско-одоевского договора по «Витовтову докончанию». В тексте докончания 1459 г. определены две заинтересованные в нем стороны — это король польский и великий князь литовский Казимир IV и одоевский князь Иван Юрьевич со своими белёвскими нлемянниками. Очевидно, причины заключения договора должны скрываться за желанием сторон его поднсить. То есть следует искать ответ на вопрос: чем это обоюдное желание было обусловлено?

Как было показано ранее, литовско-новосильские договоры являлись базовым документом, нзволявшим жаловать иноземным новосильским князьям земли из состава Великого княжества Литовского. «Витовтово докончание» не только накладывало на них бремя обязательств, но и давало привилегии, что становилось мотивом и стимулом для несения службы. В 1447 г. Казимир IV возобновил лишь один литовско-новосильский (но сути литовско-воротынский) договор с князем Федором Львовичем, без уноминания его родственников. Тот выступал с титулом князя «новосильского и одоевского», но далее в сношениях с Литвой использовал титул князя «воротынского» и в большей степени проявлял заботу лишь о своем семействе. На литовской службе он получил от Казимира IV ряд «ножалований». В период с 1447 по 1448 г. приобрел волость Демену¹. Затем по грамоте от 5 февраля 1448 г. получил Козельск в наместничество². По грамоте от 10 февраля 1448 г. получил в вотчину: королевский двор Немчиновское в Смоленске; волости: Городечну с Колуговичами, Уженерет, Ковыльну; а также закрепил во владении Демену со Снонотом³. В период с 1448 по 1455 г. он получил в вотчину город Перемышль и волости: Озереск, Крайшино, Лагинск и Кцин⁴. По мнению С. М. Кучиньского, столь бурный рост

¹ ЛМ. Кн. 3. Р. 37; РИБ. Т. 27. Стб. 47. Также см. приложения № 1, 2.

² ЛМ. Кн. 5. 1993. № 131. Р. 248; ДДГ. № 39. С. 117–118.

³ ЛМ. Кн. 3. Р. 37; РИБ. Т. 27. Стб. 48. О принадлежности Снонота к Демене см.: ЛМ. Кн. 3. Р. 45; РИБ. Т. 27. Стб. 68.

⁴ ЛМ. Кн. 3. Р. 39; РИБ. Т. 27. Стб. 52; АЗР. Т. 1. № 57. С. 70–71. О ножалованиях Казимира IV князю Федору Львовичу также см.: *Шеков А. В.* Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 142–147, 157–158. К сожалению, локализация Е. Г. Зельницкой Крайшина в районе Снасского в устье Угры монастыря ввела в заблуждение многих исследователей (например, Л. А. Беляева, В. Н. Темушева, А. В. Шекова, также и меня). В писцовых книгах XVII в. отмечено, что село Снасское Крайшино тож находилось на реке Выссе (см.: *Сычѳв П. В.* Новосильско-Одоевское княжество. С. 246–247). После наших частных обсуждений оно было локализовано на местности Г. А. Массалитиной на месте деревни Снасской Бабынинского района Калужской области (Список населенных мест: Калужская губерния. С. 162. № 3833; Генеральный

земельных владений воротынского князя был связан с той помощью, которую он оказал Казимиру IV в борьбе с князем Михаилом Сигизмундовичем⁵. Однако о предпологаемой роли воротынского князя в этих событиях источники умалчивают.

По-видимому, Казимиру IV было выгодно иметь в верховьях Оки верного слугу, в руках которого были сосредоточены значительные материальные и людские ресурсы. В итоге доходы князя Федора Львовича существенно увеличились, и его материальное положение должно было выделиться на фоне состоятельности его родственников. Кроме того, воротынский князь заботился об укреплении связей с московскими норубежниками и до начала 1448 г. (скорее даже до начала 1447 г.) выдал свою дочь за князя Ивана Андреевича Можайского⁶. Воротынско-можайский союз был влиятельным и амбициозным. Судя по этим косвенным признакам, в 1440-х гг. и внутри Новосильско-Одоевской земли значительная часть власти была консолидирована в руках князя Федора Львовича. Должно быть, он оказался старшим в роду, и младшие родичи вынуждены были ему подчиняться. Во всяком случае, судя по тексту московско-рязанского докончания, к 20 июля 1447 г. никто из новосильских князей уже не находился на службе у Василия II⁷.

С окончанием в Великом княжестве Московском войны 1433–1453 гг. политическая ситуация в верховьях Оки изменилась. Вина за ослепление Василия II в 1446 г. лежала не только на его неверженном противнике князе Дмитрие Шемяке, но и на князе Иване Андреевиче Можайском⁸. В 1454 г. под угрозой расправы князь Иван Андреевич вместе с женою и детьми бежал в Литву, где получил в отчину Стародуб и Гомель⁹. Его же удел отошел к великому князю московскому¹⁰. С можайским князем бежали и его служилые люди, например калужанин Булгак, который тоже получил пожалование в Литве¹¹.

нлан Перемышльского уезда. С. 57. №265; АКР: Калужская область. С. 83). Лагинск находился в районе села Желухово, где еще в XIX в. сохранялись топонимы: Лагинская пустошь, Лагинцево озеро (см.: Генеральный нлан Перемышльского уезда. С. 19. №73).

⁵ Kuczyński S. M. Ziemie Czernihowsko-Siewerskie. S. 232.

⁶ См.: ДДГ. №50. С. 149–150.

⁷ В 1447 г., следуя формуляру предыдущих московско-рязанских договоров, великие князья московский и рязанский оговаривали свое отношение к новосильским князьям: в том случае, если в будущем новосильские князья «бьют челом» Василию II, Иван Федорович Рязанский обязался «взять с ними любовь по тому ж» (ДДГ. №47. С. 144).

⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 264–266.

⁹ Князь Иван Андреевич по материнской линии приходился внуком князю Александру Патрикевичу Стародубскому (ПСРЛ. Т. 25. С. 232).

¹⁰ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 127–128; ПСРЛ. Т. 8. С. 144; ДДГ. №61. С. 194. Поход Василия II на Можайск уномянут в летописях под 6962 г. (сентябрьский стиль) после преставления ростовского епископа Ефрема 29 марта. А. А. Зимин предложил его датировать периодом между поставлением нового ростовского епископа (23 июня) и окончанием календарного года 31 августа (Зимин А. А. Витязь на раснутье... С. 260).

¹¹ LM. Kn. 3. P. 42.

В том же году в Литву бежал князь Иван Дмитриевич Шемячич, где получил в отчину Новгород Северский¹². Нужно думать, что столь обширные земли выделялись не только для обеспечения самих князей-беглецов, но и для прокорма и размещения бежавших с ними весьма многочисленных слуг. В числе прочего, несомненно, они несли с собой элемент усвоенной ими ранее организации и даже культуры.

В июле 1456 г. в Москве был схвачен князь Василий Ярославич Сернуховский и сослан в заточение в Углич. Его старший сын князь Иван Васильевич от первой жены и вторая жена тоже бежали в Литву¹³. Бегство знати Великого княжества Московского в литовские земли фиксируется и Перемышльским кладом середины 1450-х гг. Владелец обнаруженного кошелька, в числе прочего, имел монеты времен пребывания Василия II в Твери зимой 1446/47 г., где, возможно, находился вместе с великим князем¹⁴. Тенерь же бежал во владения князя Федора Львовича Воротынского. В результате ликвидации Можайского и Сернуховского уделов к северу от Новосильско-Одоевской земли в руки Василия II перешли города Можайск, Медынь, Калуга, Боровск и их волости¹⁵.

Весной 1456 г. умер князь Иван Федорович Рязанский. Его восьмилетний сын князь Василий Иванович вместе со своей матерью перешли под опеку Василия II и поселились в Москве. В Переяславле Рязанском временно был назначен московский наместник¹⁶. Если не считать неудачного вмешательства Василия II в дела Белёвского удела, никогда ранее собственная власть великих московских князей не подбиралась так близко к границам Новосильско-Одоевской земли.

Несомненно, эти перемены наносили удар по региональной политике князя Федора Львовича Воротынского. Не исключено, что и внутри рода новосильских князей его позиции ослабли. Весной 1455 г. он принял меры к тому, чтобы закрепить за своими детьми литовские «ножалования». Казалось бы, он владел ими на вотчинном праве (с правом передачи по наследству), но этого ему показалось мало. Он обратился к великому князю литовскому и указал на то, что в прежних жалованных грамотах его «детей не нисано». В ответ Казимир IV подтвердил все свои «ножалования» князю Федору Львовичу и его детям¹⁷. Сле-

¹² ПСРЛ. Т. 16. Стб. 193; *Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 161.

¹³ ПСРЛ. Т. 25. С. 275; *Мазуров А. Б., Пикандров А. Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства... С. 168–172.

¹⁴ В кладе из Перемышльского района Калужской области 2011 г. содержалось 36 монет Великого княжества Московского (Василия II и московских уделов) и 16 монет Великого княжества Тверского. В том числе была монета Василия II тверской чеканки, вынужденная великим князем в изгнании зимой 1446/47 г. (*Волков И. В.* Русские клады XIV — первой трети XVI в. С. 14. №9). О пребывании Василия II в Твери см.: *Зимин А. А.* Витязь на распутье. С. 116–120.

¹⁵ ДДГ. №61. С. 194. В частности, Калугу Василий II пожаловал своему боярину конюшему Андрею Остафьевичу (*Козляков В. П.* Дашковский сборник XVII века. С. 16–17).

¹⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 275.

¹⁷ ЛМ. Кн. 3. Р. 39; РИБ. Т. 27. Стб. 52; АЗР. Т. 1. №57. С. 70–71.

дует ли полагать, что в семействе воротынских князей возникли онасення, что приобретенные ими на литовской службе земельные владения могут быть утрачены?

К концу 1450-х гг. князь Иван Юрьевич Одоевский уже явно претендовал на самостоятельные отношения с великим князем литовским. Это право он мог аргументировать договором 1427 г., участником которого являлся, а также прецедентом 1432 г., когда литовско-одоевский и литовско-воротынский договоры впервые стали существовать отдельно друг от друга. 21 апреля 1459 г. князь Иван Юрьевич вместе со своими белёвскими племянниками Федором и Василием Михайловичами бил челом Казимиру IV и был принят в докончание с Литвой¹⁸. Вслед за тем между князьями новосильского дома произошло некоторое нераспределение литовских «ножалований». В носольских книгах дипломатических сношений Москвы с Литвой сохранилось свидетельство о том, что некогда Казимир IV «нодавал» князю Ивану Юрьевичу Одоевскому, а по его смерти и его детям Михаилу и Федору Ивановичам «села Смоленского новету на имя Местилово, а Кцинь, а Хвостовичи»¹⁹. На переговорах же о заключении московско-литовского договора о мире 1494 г. выяснилось, что деменскую волость Снонот и городеченскую волость Чернятичи держал князь Федор Иванович Одоевский, несмотря на то что у князя Семена Федоровича Воротынского хранилась грамота Казимира IV о ножаловании Снонота и Городечны его отцу князю Федору Львовичу²⁰. Что же заставило Казимира IV передать князю Ивану Юрьевичу часть волостей, которые ранее были ножалованы в вотчину воротынскому князю?

Заключение литовско-одоевского докончания произошло при жизни князя Федора Львовича²¹. Вряд ли он добровольно отказался от волостей Кцина, Снонота и Чернятичей, которые еще недавно так ревностно отстаивал. По-видимому, какие-то права на них заявил сам князь Иван Юрьевич. Это становилось возможным именно с заключением литовско-одоевского договора 1459 г., который содержал традиционную для таких грамот статью: «И о чомъ коли сами промежы себе князи новосильскии сонремся, и нам ноложыти на своего г(о)с(у)д(а)ра, короля и великого князя Казимира, и королю и великому кн(я)зю Казимиру межы насъ то унравити». Формуляр литовско-новосильских договоров на протяжении XV в. был устойчивым, многие его статьи сохранились в прежнем, архаичном виде. Судя по литовско-воротынским договорам 1447 и 1483 гг., первоначально

¹⁸ ЛМ. Кн. 5. 1993. № 137. Р. 254–255; ДДГ. № 60. С. 192–193.

¹⁹ В указателях к СИРИО неверно указано, что эти волости были ножалованы князю Ивану Семеновичу — сыну князя Семена Юрьевича Одоевского (СИРИО. Т. 35. С. 232. Указатели. Стб. 44).

²⁰ СИРИО. Т. 35. С. 136.

²¹ Ранее М.М. Кром полагал, что между заключением известных литовско-новосильских договоров 1427, 1442 (на самом деле 1447 г.), 1459 и 1483 гг. сменялись поколения, т.е. князь Иван Юрьевич пришел на смену князю Федору Львовичу (Кром М.М. Меж Русью и Литвой. С. 40–41). Однако князь Федор Львович здравствовал еще в 1480 г. (СИРИО. Т. 35. С. 136).

обстоятельства заключения таких докончаний описывались следующим образом: «били есмо чолом великому князю литовскому <имя>, ижбы нас нрынял у службу. И великий князь литовский <имя> нас ножаловал, нрынял у службу»²². Это дань формуляру 1427 г. Однако в литовско-одоевских договорах начиная с 1459 г. произошло существенное изменение: «<...> нас, слуг своих, ножаловал, нрынял у службу»²³. Князь Иван Юрьевич со своими белёвскими нлемянниками называли себя «слугами» Казимира IV, подчеркивая, что еще накануне заключения договора 1459 г. служили Литве²⁴. Такая формулировка не могла содержаться в литовско-новосильском договоре 1427 г. Поэтому оказывается, что некоторое время их служба Казимиру IV протекла без «ножалования» но «Витовтову докончанию». Примечательно, что переданные одоевскому князю Снонот и Чернятичи в источниках названы не самостоятельными, а подчиненными волостям князя Федора Львовича. Поэтому не исключено, что в период с 1447 по 1459 г. в рамках единственного литовско-новосильского (но сути, литовско-воротынского) договора именно князь Федор Львович, как старший в роду, привлекал своих младших родичей к литовской службе. В таком случае в качестве вознаграждения он должен был давать им волости, с которых бы они служили Литве под его началом. Но как только князь Иван Юрьевич вступил в самостоятельные отношения с великим князем литовским, он стал претендовать на эту долю литовских земельных владений своего воротынского родича. Во всяком случае, литовско-одоевский договор 1459 г. обеснечил возможность дополнительного дохода семейству князя Ивана Юрьевича на литовской службе независимо от семейства князя Федора Львовича. К волостям Кцину, Сноноту и Чернятичам князь Иван Юрьевич получил от Казимира IV Местилово²⁵ и Хвостовичи. Позже территория литовских «ножалований» одоевским князьям значительно увеличилась²⁶. Белёвские князья тоже получили какие-то литовские волости²⁷.

²² См.: ЛМ. Кн. 5. 1993. № 130. Р. 247; ДДГ. № 39. С. 117–118; АЗР. Т. 1. № 80. С. 100.

²³ ЛМ. Кн. 5. 1993. № 137. Р. 254; ДДГ. № 60. С. 192.

²⁴ Аналогичный пример отразился в литовско-рязанских договорах 1427 г., в которых рязанские князья обращаются к Витовту: «госнодину, оснодарю моемоу, великому князю Витовтоу» (ДДГ. № 25, 26. С. 67–68). Они называли его «своим госнодарем», несколько подчинялись ему еще накануне (см.: СЕВ. № 1181. С. 688). Новосильские же князья ностунали на литовскую службу впервые, и во время заключения договора 1427 г. не могли называть Витовта «своим госнодарем», а себя — «его слугами».

²⁵ Центром Местиловской волости XVII в. было бортное село Плахино, Местилово тож, ныне село Ульяново — административный центр Ульяновского района Калужской области (см.: РГАДА. Ф. 1209. Он. 1. Д. 196. Л. 2; АМГ. Т. 2. № 135. С. 85; Яковлев А. [И.] Засечная черта Московского государства в XVII веке. С. 246, 248, 261; Рошефор П. И. Опись церковных намятников Калужской губернии. С. 23).

²⁶ Упоминания о других литовских «ножалованиях» потомкам князя Ивана Юрьевича см.: РИБ. Т. 27. № 131. Стб. 650–653; № 133. Стб. 665–666; АЛМ. Т. 1. Вып. 1. № 207. С. 81; № 238. С. 93; № 245. С. 95; № 251. С. 97; АЛМ. Т. 1. Вып. 2. № 623. С. 103; ЛМ. Кн. 6. № 122. Р. 115; № 143. Р. 123; № 243. Р. 166–168; № 277. Р. 184; № 477. Р. 281.

²⁷ СИРИО. Т. 35. С. 48.

Между тем вопрос о разделении Новосильско-Одоевской земли не стоял. На основании ноздних документов XVI в. учеными не раз обсуждался вопрос о «жребии» нотомков князя Федора Воротынского на городище в «старом Одоеве»²⁸. Нахождение его детей в родословной росниси князей Одоевских тоже как будто нодтверждает сохранение за ними этой дольницы на протяжении всего XV в.²⁹ Поэтому можно думать, что разделение «Витовтова докончания» 1427 г. на две ветви было обусловлено не столько нолитическим расколом в роду новосильских князей, сколько стремлением воротынских (в 1432 г.) и одоевских (в 1459 г.) князей нерсонифицировать литовские «ножаловання» и распределить их внутри своих кланов независимо друг от друга. При этом, находясь на литовской службе, они нродолжали выступать сообща³⁰.

Итак, стремление одоевских и белёвских князей ноступить на литовскую службу по «Витовтову докончанию» внолне объяснимо. Однако ранее Казимир IV довольствовался лишь одним литовско-новосильским (но сути, литовско-воротынским) договором и не отвечал ожиданиям князя Ивана Юрьевича и его белёвских нлемянников. Что же нобудило Казимира IV к заключению особого литовско-одоевского договора именно в анреле 1459 г.?

II

Несомненно, агрессивная нолитика Василня II в отношении удельных князей Великого княжества Московского нанесла удар по верхнеокской региональной коалиции. Однако окончание феодальной войны в Великом княжестве Московском было не единственным и, может быть, не главным фактором, способным нодтолкнуть великого князя литовского к укренлению своего авторитета среди новосильских князей. В это время нроисходили крунные неремены в жизни церковной, которые нанрямую касались Брянской енархии и, в частности, Верхнего Поочья.

В 1458 г. нана Каликст III с изгнанным константиноольским натриархом-униатом Григорием III Маммой и с согласия изгнанного митронолита Киевского и всея Руси Исидора инициировали разделение митронолии Киевской и всея Руси. По их замыслу, в состав митронолии Киевской, Литовской и всея Руси должны были войти восемь енархий, в том числе и Брянская (*Breanischicensi*), которая охватывала обширную территорию в верховьях Оки. На митроноличью кафедру был выдвинут Григорий (Болгарин). 3 сентября 1458 г. он нолучил ставленную грамоту³¹. 13 октября Исидор нередал новому претенденту свои

²⁸ Пазаров В. Д. Тайна челобитной Ивана Воротынского. С. 210–218; Антонов А. В. К истории удела князей Одоевских. С. 265.

²⁹ ДРВ. Ч. 9. С. 246.

³⁰ Так, в 1482 г., имея отдельные друг от друга договоры с Казимиром IV, воротынские и одоевские князья вместе ходили оборонять Киевскую землю от набега крымских татар (Каманин И. [М.] Сообщение нослов Киевской земли... С. 6). Не говоря уже о том, что они должны были сообща оборонять свои собственные рубежи от вторжения ненриятелей.

³¹ Prochaska A. Nieznane dokumenta do unji Florenckiej w Polsce. S. 66–69.

святительские обязанности и в отношении «московской» части митрополии³². 20 декабря 1458 г. Григорий (Болгарин), уже именуя себя архиепископом Киевским и всея Руси, просил покровительства Казимира³³.

В свою очередь, митрополит Иона обратился с окружным посланием к православной наставе Великого княжества Литовского, призывая не принимать единомышленников Исидора³⁴, а Василий II направил послов к Казимиру IV, предлагая ему не принимать митрополита из Рима³⁵. Однако по прибытии Григория (Болгарина) Казимир оказал ему полную поддержку и направил Василию II встречное послание с просьбой о его принятии вместо престарелого митрополита Ионы³⁶.

В начале 1459 г. неизбежность церковного конфликта стала очевидной. В перспективе это самым губительным образом могло отразиться на состоянии дел в Брянской епархии. С середины XIV в. Брянск находился под властью Великого княжества Литовского³⁷. Однако обширная Брянская епархия в своей северо-восточной части простиралась до Калуги и Тарусы и в верховьях Оки частично входила в сферу политического влияния Москвы. В годы предыдущих расколов митрополии Киевской и всея Руси это обстоятельство приводило не только к церковной борьбе за влияние в Брянской епархии, но и к вооруженным конфликтам в ее северо-восточной части. Так, до июля 1361 г. литовский митрополит Роман самовольно овладел брянской кафедрой и побудил великого князя литовского Ольгерда к нападению на митрополичье владение Алексин³⁸. Митрополит Алексей был опекуном московской великокняжеской власти. Видимо, еще в 1363–1365 гг. московские войска при его содействии захватили крепости Калугу, Мценск, отняли княжение у зятя Ольгерда — князя Ивана Новосильского³⁹. В те же годы Алексей освободил от литовской присяги князя Ивана Козельского. По его благословению весной 1370 г. московские войска ходили «воевать Брянска»⁴⁰. Не случайно осенью 1370 г. Ольгерд просил у патриарха нового разделения митрополии⁴¹. Во время войны 1408 г., в отсутствие митрополита Киевского и всея Руси, брянский владыка Исакий вместе с мятежным князем Свидригайлом вывели в Москву с территории Брянской епархии множество литовских подданных: бояр черниговских, брянских, нутивльских, стародубских, мценских, любутских, многих князей западной части Верхнего

³² РФА. Вып. 4. С. 896.

³³ Prochaska A. Nieznane dokumenta do unji Florenckiej w Polsce. S. 73–74.

³⁴ Абеленцева О. А. Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви. Прил. № 46. С. 417–422. О датировке грамоты см.: РФА. Вып. 4. С. 894–896.

³⁵ РИБ. Т. 6. № 100. Стб. 708–709.

³⁶ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 101–102.

³⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 65.

³⁸ РИБ. Т. 6. Прил. № 13. Стб. 75–80; № 14. Стб. 85–88.

³⁹ См.: Беспалов Р. А. О нисье Ольгерда патриарху Филофею. С. 55–56, 59–60; см. §§ 5, 6.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 92.

⁴¹ РИБ. Т. 6. Прил. № 24. Стб. 135–140; № 25. Стб. 145–148; см. § 6.

Поочья⁴². Затем Исакий вернулся в Брянск и с 1410 г. некоторое время подчинялся новому общерусскому митрополиту Фотию. Однако затем во время очередного раскола митрополии Киевской и всея Руси 1414–1420 гг. склонился на сторону Григория Цамблака, выдвинутого в литовские митрополиты⁴³. В ответ московская сторона при поддержке митрополита Фотия организовала поход на Мценск с целью крещения местных служилых татар⁴⁴. Имея такой исторический опыт, Казимир IV и его окружение должны были понимать, что новое разделение митрополии Киевской и всея Руси повлечет за собой разделение Брянской епархии. Вопрос состоял только в том, по какому рубежу оно пройдет.

Во второй половине 1459 г. митрополит Иона направил два схожих по содержанию письма своим ставленникам: брянскому епископу Евфимию и смоленскому епископу Мисаилу. Иона остерегал их от приобщения к митрополиту Григорию, и в частности писал: «а отъ кого, сыну, будетъ тебе о томъ какова нужда, и ты бы, по своему къ намъ исповеданию и обещанию, не приимая того пришедшаго отъ римския церкви, ни иного кого, поставленаго от латынства, и не приобщаяся ни въ чемъ, да не ехаль оттоле и былъ ко мне»⁴⁵. На письмо Ионы откликнулся Евфимий. Сохранился формулярный извод письма, автором которого ряд исследователей считают приемника Ионы — митрополита Феодосия, а адресантом — брянского владыку Евфимия⁴⁶. Если такая атрибуция верна, то, согласно этому источнику, в начале 1460-х гг. Евфимий противостоял митрополиту Григорию (Болгарину) и терпел от него притеснения. Одновременно через посредничество митрополита Феодосия Евфимий вынашивал у великого князя московского достойное место для своей дальнейшей службы. Незадолго до сентября 1464 г. он получил положительный ответ и предложение немедленно прибыть в Москву. С собой владыка Евфимий вывез какие-то «списки и грамоты владычныя»⁴⁷, которые, вероятно, составляли предмет его территориальных притязаний. Когда митрополит Феодосий оставил кафедру, то 13 ноября 1464 г. епископы избрали новым митрополитом суздальского владыку Филиппа⁴⁸. Евфимий же получил в управление Суздальскую епархию. Согласно Тинографской летописи, «преемже на Москву Еуфимей, епископъ брянскый и черниговскый, покиня свою епископию. И даша емоу Соуждаль

⁴² ПСРЛ. Т. 25. С. 237; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 28–29; Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. С. 74; см. § 10.

⁴³ ПСРЛ. Т. 18. С. 139–140; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 157–158.

⁴⁴ Беспалов Р. А. Опыт исследования «Сказания о крещении мценян в 1415 году»... С. 27–34; см. § 11.

⁴⁵ РИБ. Т. 6. № 88. Стб. 657–670. По мнению ряда ученых, письмо следует датировать периодом с июля — августа до 13 декабря 1459 г. (РФА. Вып. 5. С. 949–950; Абеленцева О. А. Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви. С. 262–263; Прил. № 48, 49. С. 423–430).

⁴⁶ РФА. Вып. 1. № 52. С. 189–190; РФА. Вып. 5. С. 1000–1001.

⁴⁷ СИРИО. Т. 35. С. 134.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 278–279.

и Колугу, и Торусоу»⁴⁹. В итоге часть расколовшейся Брянской епархии, которая находилась в подчинении великого князя московского (Калуга, Малый Ярославец, Таруса, Алексин), была присоединена к епархии Суздальской⁵⁰.

Ранее и смоленский владыка Мисаил тоже поддерживал тесные отношения с митрополитом Ионой. Так, в 1456 г. по его просьбе в Смоленск была возвращена икона Богородицы, которую накануне «взял в плен» и вывез в Москву литовский наместник Юрга⁵¹. Однако на уноманутое письмо Ионы Мисаил не откликнулся и остался на смоленской кафедре.

В дальнейшем непримиримая позиция сторон привела к разделению митрополии Киевской и всея Руси на литовскую (западнорусскую) и московскую (восточнорусскую) части⁵². Идея унии не нашла широкой поддержки в Литве.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 24. С. 185–186. Из-за скудости источников вопрос о епархиальной принадлежности территории Верхнего Поочья в историографии решался по-разному. В начале XIX в. Амвросий (Орнатский) сообщал, что некогда сарский епископ именовался также подонским и козельским(?). В 1454 г. центр Сарской епархии переместился в Москву, и епархия стала называться Крутицкой. В XVIII в. крутицкому владыке в числе прочего были подчинены города: Болхов, Новосиль, Мценск, Чернь, Одоев, Козельск, Белёв, Серпейск, Мещевск, Воротынский, Перемышль, Лихвин (*Амвросий*. История российской иерархии. Т. 1. Ч. 1. С. 16–17, 24–25). Однако это не означает, что они подчинились крутицкому владыке с середины XV в. или раньше. Недостаточно ясное изложение Амвросия (Орнатского) ввело в заблуждение многих его последователей. В первой половине XIX в. эти сведения уже в утвердительной форме использовал С. В. Руссов для составления «Летониса калужской», а потом Леонид (Кавелин). Впрочем, последний сделал оговорку, что не знает, откуда С. В. Руссов почерпнул свои известия (*Леонид, иеромонах (И. Л.)* Церковно-историческое исследование о древней области вятичей... С. 48–49; *Он же*. История Церкви в пределах нынешней Калужской губернии... С. 47, 55; Летонис калужская от отдаленных времен до 1841 года. С. 16). Существовали и другие точки зрения. Опираясь на мнение Н. М. Карамзина, белёвский историк и краевед И. Ф. Афремов считал, что новосильские князья были в подчинении князей рязанских. По аналогии он сделал вывод, что в конце XIII в. города Новосиль, Одоев, Белёв и Воротынский находились «в иерархической зависимости от Рязанской епархии». Далее он утверждал, что с 1350 г. территория от Дона до Смоленской епархии была отдана сарскому владыке (*Афремов И. [Ф.]* Историческое обозрение Тульской губернии... С. 43–44, 48–50). Все эти взгляды не подтверждаются источниками (см., например: *Покровский И. [М.]* Русская епархия в XVI–XIX вв. Т. 1. С. 187–211). Близкой к действительности следует считать верхнеокскую границу Брянской епархии, картографически отраженную в новом издании «Истории Русской Церкви» митрополита Макария (Булгакова), но и она требует уточнений в части церковного подчинения Калуги и Тарусы (*Макарий (Булгаков)*, митрополит. История Русской Церкви. Кн. 3. С. 72).

⁵⁰ Память о прежнем подчинении Евфимию Брянской епархии сохранялась в Суздале еще долгое время. Согласно Ермолинской летониси, в начале 1485 г. был «ноставленъ Суздалю епископъ Нифонтъ, архимандритъ Симановский, а брянской владыка сидеть в Суздале и скончася» (ПСРЛ. Т. 23. С. 184). Далее в подчинении суздальских владык до 1672 г. сохранялась сложившаяся таким образом территория епархии и титул: «епископ суздальский и тарусский». По свидетельству ключаря Суздальского кафедрального собора А. Федорова (1752 г.), «в Суздальской епархии много лет были грады: Торуса, Колуга, Оболенск, Алексин, Ярославек Малой, Тульская иринись и протчия» (*Федоров А.* Историческое собрание о богоснасаемом граде Суздале. С. 71, 111).

⁵¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 232, 273–274; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 495.

⁵² Подробнее о разделении митрополии Киевской и всея Руси см., например: *Флоря Б. П.* Исследования по истории Церкви. С. 415–420; *Абеленцева О. А.* Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви. С. 252–273.

К 1467 г. митрополит Григорий отказался от нее, признав над собой власть православного константинопольского патриарха⁵³. Однако далее разделившиеся митрополии существовали отдельно друг от друга и имели собственных иерархов.

Несмотря на очевидное стремление одоевских и белёвских князей получить новые источники дохода на литовской службе, для них маятник истории мог качнуться совсем в другую сторону. Так, с 1450-х гг. белёвская княжна Евпраксия Михайловна была замужем за князем Василием Ивановичем Оболенским — верным сподвижником Василия II⁵⁴. Ее мать княгиня Марья Белёвская некогда, еще до начала 1460-х гг. подавала большие милостыни Кириллову монастырю и иконоводоулась там⁵⁵. Поэтому для белёвских князей выбор в пользу Литвы был совсем не очевиден. Из источников неизвестно докончания Казимира IV с князем Семеном Юрьевичем Одоевским. К 1473 г. тот оказался на службе великому князю московскому⁵⁶. Очевидно, в начале 1459 г. в условиях надвигавшегося раскола митрополии Киевской и всея Руси ненадежность ноложения части князей новосильского дома на литовской службе составляла серьезную проблему. Судя по их сложносоставным титулам, в рамках единой Новосильско-Одоевской земли, помимо своих уделов, они имели совместные владения. Их физическое разделение без кровопролития не представлялось возможным. Поэтому следует полагать, что новая политика Казимира IV в отношении князей новосильского дома была не случайной. Должно быть, желая избежать новых политических и военных столкновений с Москвой в верховьях Оки, он решил гарантировать привилегии «Витовтова докончания» князю Ивану Юрьевичу Одоевскому и его белёвским нлемянникам, нриняв их на литовскую службу отдельно от князя Федора Львовича Воротынского. Этот шаг Казимира IV был заблаговременным и, видимо, хорошо продуманным. В начале 1460-х гг. Пахомий Серб уже называл вотчину белёвских князей «чужой страной»⁵⁷.

III

Итак, бо́льшая часть крупных феодалов, имевших отношение к верховьям Оки, оказались под политическим влиянием Литвы. Нужно полагать, что при этом они сохраняли старые корпоративные связи между собой. Можайские и сернуховские эмигранты приобрели гарантии безопасности, но не оставались

⁵³ Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 5. С. 37–40; также см.: Флора Б. П. Исследования по истории Церкви. С. 420–421.

⁵⁴ РИИР. Вып. 2. С. 112–113; см. § 17.

⁵⁵ Житие Кирилла Белозерского. С. 45–48. Датировка посещения Кирилло-Белозерского монастыря княгиней Марией Белёвской определяется тем, что известие об этом было занисано Пахомием Сербом в 1461–1462 гг. со слов одного из монастырских иноков. Должно быть, она навещала монастырь гораздо раньше, однако для нас в данном случае важна ее связь с одним из духовных центров Северо-Восточной Руси, которая была для нее актуальной с момента рождения ее детей.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 18. С. 247; СИРИО. Т. 35. С. 5, 8, 50.

⁵⁷ Житие Кирилла Белозерского. С. 45; ОР РГБ. Ф. 304/1. № 764. Л. 28 об.

насивными. Как и ранее, они обладали значительными силами, и под действием неблагоприятных для них факторов могли вести собственную политику непредсказуемо для центральной власти. Вскоре князей Ивана Можайского и Ивана Сернуховского объединила идея возмездия. Они обязались вместе идти «доставати свое отчины и дедины» и освободить из плена князя Василия Ярославича. У этого мероприятия имелась еще одна подоплека. Первый из заговорщиков уже давно был женат на дочери князя Федора Воротынского⁵⁸. Вторым же к началу 1460-х гг., вероятно, тоже успел породниться с князем Федором Львовичем, женившись на другой его дочери⁵⁹. Не исключено, что свояки рассчитывали на деятельную помощь воротынского князя, который еще в 1448 г. помогал своему можайскому зятю устроить заговор против Василия II⁶⁰. Политика Василия II наносила князю Федору Львовичу значительный ущерб не только на границах, но и внутри Новосильско-Одоевской земли. Можно думать, что это обстоятельство могло побудить воротынского князя к реваншу. Однако к началу марта 1462 г. новый заговор был раскрыт и потерпел неудачу⁶¹. Князья Иван Андреевич Можайский и Иван Васильевич Сернуховский вместе со своими боярами были вынуждены осесть в Литве.

Тем временем к северу и к востоку от Новосильско-Одоевской земли происходила смена землевладельцев. 27 марта 1462 г. умер Василий II. Великокняжеский стол занял его сын Иван III. В числе прочего он получил в наследство: «Боровескъ со всеми волостями, и с путми, и з селы, и со всеми ношлинами, как было за кн(я)зем за Васил(ь)ем (Ярославичем. — Р.Б.), и Суходол с-Ыстьею, и с-Ыстервою, и с Красным селом, да Колугу, и с Олексиным, и с волостми, и с путми, и з селы, и со всеми ношлинами, как было за кн(я)зем за Иваном за можаиским», а также «дворъ княж Ивановской можаиског(о) на Москве». Другой сын Василия II — князь Юрий Васильевич кроме прочего получил: «Можаескъ с волостями, и с путми, и с селы, и со всеми ношлинами, и с Медынью, и что к Медыни нотягло, да Сернуховъ», а также в Москве «дворъ княж Васил(ь)евской Ярославич(а)»⁶².

Таруса по-прежнему сохранялась во владении князей тарусского дома в качестве их вотчины внутри Великого княжества Московского и не была предметом завещания Василия II. Также свои вотчины сохранил за собой князь Михаил Андреевич Верецкий. В политической преданности этих московских слуг сомневаться не приходилось.

⁵⁸ ДДГ. № 50. С. 149–150.

⁵⁹ ЛМ. Кн. 6. № 530. Р. 312; АЗР. Т. 1. № 214. С. 364. О дате брака князя Ивана Васильевича (Ярославича) с дочерью князя Федора Львовича см. § 15.

⁶⁰ ДДГ. № 50. С. 149–150.

⁶¹ ДДГ. № 62. С. 199–201; Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот... С. 314–315; ПСРЛ. Т. 25. С. 277–278; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 158; Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Русский удел эпохи создания единого государства... С. 172–182.

⁶² ДДГ. № 61. С. 194, 195, 199.

В период с осени 1463 до января 1464 г. достигший совершеннолетия князь Василий Иванович Рязанский вернулся на великое Рязанское княжение⁶³, но вернул себе далеко не все рязанские места. Василий II кунил у рязанского князя волости за Окой: Тешилов, Венёв и Растовец⁶⁴. Кроме того, но московско-рязанскому dokonчанию 1483 г.: «Елеч и вся Елецкая места» названы «отчиной» Ивана III, а бассейн реки Красивой Мечи (нравый приток Дона) оказался в совместном ведении московского и рязанского великих князей⁶⁵. Так наметилась тенденция к укреплению московской власти в области Верхнего Подонья. Южные территории с плодородными почвами Москве были жизненно необходимы. Также она нуждалась здесь не только в политическом, но и в природно-климатическом союзнике, способном производить излишки зерновых культур и продавать их в Северо-Восточную Русь. Если в XIV — первой четверти XV в. таковым союзником, видимо, была Новосильская земля, то затем в течение XV в. надежным союзником Москвы на юге становится Рязань.

IV

Говоря об истории 1450-х — первой половины 1460-х гг., нельзя обойти стороной еще один важный аспект. В это время проникновение Москвы в Верхнее Поочье было совсем непростым делом еще и потому, что здесь Василию II, а затем его наследнику Ивану III предстояло столкнуться не только с Великим княжеством Литовским, но и с татарскими Ордами, прежде всего с Крымским ханством.

Успешную борьбу за крымский престол при поддержке Казимира IV вел Хаджи-Гирей, что в итоге усилило позиции литовского государя на крымском направлении. При Хаджи-Гирее «одоевские города» были подчинены Крыму, и тем самым сохранялись самостоятельные новосильско-ордынские отношения. Сбором ежегодного «одоевского ясака» (дани) заведовал дарага Бакшеиш⁶⁶. Впрочем, неясно, как осуществлялась деятельность крымского чиновника в период смут в Поле и в Крыму. Несмотря на то что Сеид-Ахмед был повержен, а затем попал в литовский плен, его дети, оставшиеся на свободе, тревожили московские рубежья в 1454 и 1459 гг., а также представляли угрозу для Великого княжества Литовского еще и в 1462 г.⁶⁷ Кроме того, угроза исходила от ханов Большой Орды. Так, к марту 1456 г.(?) некий хан Махмудек на какое-то

⁶³ ПСРЛ. Т. 25. С. 278.

⁶⁴ ДДГ. № 76. С. 285. Об их локализации см.: Дедук А. В. «Рязанская» купля Василия Темного. С. 144–160.

⁶⁵ ДДГ. № 76. С. 285.

⁶⁶ См. свидетельство крымского хана Саадет-Гирея 1529 г. в приложении № 18.

⁶⁷ Флоря Б. Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460). С. 188–191, 196; ПСРЛ. Т. 25. С. 273, 275–276; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 127–128; Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV–XVI вв. № 82. С. 91; № 91. С. 102.

Верхнее Поочье. Границы к 1457–1463 гг.

- ⊙ Столицы княжеств
- ⊙ Города
- ⊙ Центры епархий
- ⊙ Центры волостей, селения
- ⊙ Центры удельных княжений
- ⊙ Центры литовских наместничеств

Границы великих княжеств: Московского, Рязанского, Литовского; Новосильско-Одоевского княжества; условная граница русских земель с Полем (ордынской территорией)

Внутренние границы уделов, волостей и пр.

Московские примыслы

Совместные московско-рязанские владения

Рязанские примыслы под властью Литвы

Отдельные рязанские примыслы

Литовские пожалования князьям новосильского дома

Литовские пожалования мезецким и огдыревским князьям

Литовские пожалования мосальским князьям

Карачево-Хотимльский удел, переданный Григоревичам

Литовские пожалования иным служилым людям

Дороги с Поля (ордынской территории) в русские земли

Буквами на карте обозначены:

ВкМ	Великое княжество Московское	ВкЛ	Великое княжество Литовское
Тр.к	уделы Тарусского кн-ва в составе ВкМ	См.з	Смоленская земля в составе ВкЛ
ВкР	Великое княжество Рязанское	Вз.к	Вяземское княжество в составе ВкЛ
НОз	Новосильско-Одоевская земля	О	владения Орды

© Р. А. Беспалов. При разработке содержания использованы карты В. Н. Темушева, собственные исследования автора

время сумел захватить Крым⁶⁸. Вероятно, это был сын Кичи-Мухаммеда, пришедшего в Большую Орду из Заволжских стеней⁶⁹. В 1460 г. Махмуд нанал на Переяславль Рязанский, но потерпел поражение⁷⁰, а в 1465 г. был разбит Хаджи-Гиреем⁷¹, после чего уступил нервенство своему брату и соправителю хапу Ахмату⁷². Может быть, именно во время ордынских смут лета 1459 — середины 1460-х гг. погиб князь Федор Михайлович Белёвский, не оставивший после себя мужского потомства⁷³.

В период с 1452 по 1466 г. и сам Хаджи-Гирей претендовал на престол Большой Орды⁷⁴. При известной лояльности Хаджи-Гирея Казимиру IV шансы Василия II и Ивана III в верховьях Оки, и в частности в Новосильско-Одоевской земле, были невелики даже в том случае, если московские государи и сами находились в мирных отношениях с крымским ханом⁷⁵.

⁶⁸ В памятной записи на Евангелии говорится о воцарении в Крыму некого Махмудага. Вопросы вызывает ее датировка: год 905 (1456) дан по армянскому летоисчислению, день 20 марта — по юлианскому календарю, и указано, что это было «Вербное воскресенье». Проблема датировки состоит в том, что по юлианскому календарю 20 марта 1456 г. приходилось на субботу перед Вербным воскресеньем (Свод армянских памятных записей... С. 252).

⁶⁹ Алексеев А. К. Политическая история Тукай-Тимуридов... С. 84–85. Согласно «Родословию тюрков», Кичи-Мухаммед воцарился в Большой Орде к 861 г. х. (пояб. 1456 — пояб. 1457 г.) (Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды... С. 392–393).

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 24. С. 184.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 24. С. 186. Согласно хронике Я. Длугоша, Хаджи-Гирей разбил хапа Кичи-Махмута, владения которого паходились за Волгой (*Długosz J. Dziejów polskich*. Т. V. S. 397–398). Не исключено, что в сведения польского хрониста вкралась ошибка, и к тому времени Кичи-Мухаммеда уже не было в живых.

⁷² Трепавлов В. В. Большая Орда — Тахт эли. С. 62–64.

⁷³ Согласно родословным книгам, князя Федора Михайловича Белёвского «убили татаровя па Кщепеве» (правый приток р. Сосны, юго-восточнее Новосиля) (Бархатная книга. Ч. 1. С. 180). Данное событие произошло между концом апреля 1459 и концом 1480 г. (см. упоминания белёвских князей в литовско-одоевских договорах 1459 и 1481 гг.). Его смерть, видимо, не следует связывать с нашествиями хапа Ахмата 1472 и 1480 гг. В то время князь повосильского дома, паходившиеся па литовской службе, были па стороне коалиции Казимира IV и хапа Ахмата. Также и место гибели князя Федора Белёвского не позволяет связать его смерть с разорением от хапа Ахмата при его отступлении от Угры в 1480 г. Вероятно, князь Федор Михайлович погиб в ходе сторожевой оборонительной операции, возможно, в результате погопи за небольшой группировкой татар, совершившей грабительский пабег па Новосильско-Одоевскую землю (о повосильских сторожах см. § 9). Например, таковым был пабег татар Сеид-Ахмеда лета 1459 г. В честь его отражения от берега Оки митрополит Иона пристроил к южной стороне Успенского собора церковь Похвалы Богородицы (ПСРЛ. Т. 25. С. 297). Может быть, в связи именно с этими событиями в Успенском соборе стали поминать князя Федора Белёвского вместе с его матерью княгиней Марией (РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 289. Л. 156; ГИМ. Сип. № 667. Л. 76; ДРВ. Ч. 6. С. 455; см. § 17)?

⁷⁴ В начале XVI в. Менгли-Герей заявлял, что его отцу Хаджи-Гирею некогда принадлежал престол Большой Орды (СИРИО. Т. 41. С. 444; ЛМ. Кн. 5. 1993. № 107.4. Р. 181). По мнению А. А. Горского, это было возможным в небольшой отрезок времени после победы Хаджи-Гирея над Махмудом в 1465 г. (*Горский А. А.* Москва и Орда. С. 155).

⁷⁵ Иван III был в союзе с Хаджи-Гиреем, что, видимо, было необходимо для борьбы с хапами Большой Орды (СИРИО. Т. 41. С. 100, 145; СИРИО. Т. 95. С. 31).

В рассматриваемое время административно подчиненные Крыму верховья Уны тоже находились под властью Великого княжества Литовского. Можно вспомнить, что по московско-рязанским договорам 1434 и 1447 гг. московская сторона обещала не вступаться в Тулу и Берестей⁷⁶. Возможно, в период междоусобных войн в Великом княжестве Литовском земли в верховьях Уны действительно отходили к Рязани⁷⁷. Но также не исключено, что статья московско-рязанских договоров 1434, 1447 гг. была лишь архаичным заимствованием из договоров 1385, 1402 гг. и не соответствовала реальному положению дел⁷⁸. Право распоряжаться этими землями закреплялось ярлыками-ножалованиями крымских ханов. В ярлыке-ножаловании, выданном Казимиру IV ханом Хаджи-Гиреем в начале 1460-х гг., были перечислены: «Tula, z wodami, ziemiami i ze wszystkimi pożytkami ich., Biresta, Ratuznisko»⁷⁹. Стремление литовской стороны владеть указанной областью было подкреплено силой литовского наместничества в регионе. Так, при Казимире IV служилому человеку Ивашке Ломиносу был дан «у Зауны ч(о)л(о)векъ»⁸⁰. В XVII в. Заунский стан располагался преимущественно на левобережье р. Уны южнее и западнее Тулы⁸¹. Видимо, какие-то места здесь оказались в ведении мценско-любутского наместничества⁸².

Вернувшись на великое рязанское княжение, Василий Рязанский заключил договор с Казимиром IV (должно быть, по согласованию с Иваном III)⁸³.

⁷⁶ ДДГ. №33. С. 84; №47. С. 143.

⁷⁷ См.: Шебанин Г. А., Шеков А. В. О политической принадлежности Тулы во второй половине XIV–XV вв. С. 151–153.

⁷⁸ ДДГ. №19. С. 53.

⁷⁹ В аналогичном ярлыке-пожаловании Менгли-Гирея начала 1470-х гг. на том же месте между «Brańsko» и «Berestaja», видимо, утрачен целый фрагмент, в котором содержалась запись: «Tula, z wodami, ziemiami...». (Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania... S. 529–533, 539–544; Барвинський Б. Два загадочні ханські ярлики на рускі землі з другої половини XV століття. С. 16–21; Gołębiowski Ł. Dzieje Polski za panowania Jagiełłonów. T. 3. S. 230–232). Оба упомянутых ярлыка были выданы в Крымском ханстве, датированы по хиджре, по имеют и датировку в летоисчислении от рождения Христова. Ярлык-пожалование Хаджи-Гирея († 1466 г.) датирован: «lata po roku jego świętej miłości Mahometa proroka lata 867, dnia 22 miesiąca septembra, lata od narodzenia pana Jesusowego 1461». Однако датировка от рождения Христова (22 септ. 1461 г.) не соответствует 867 г. х. (26 септ. 1462 — 14 септ. 1463 г.). Ярлык-пожалование Менгли-Гирея датирован: «po śmierci Mahometowej 878 g. od narodzenia Chrystusowego g. 1472», по датировка от рождения Христова (1472 г.) не соответствует 878 г. х. (29 мая 1473 — 17 мая 1474 г.).

⁸⁰ ЛМ. Кн. 3. Р. 46.

⁸¹ Щепкина Е. Н. Тульский уезд в XVII веке... Карта № I. Локализация здесь литовского Зауны подкреплена пахождением в верховье р. Уны села Ламипосово (Города и селения Тульской губернии в 1857 году. С. 107; Смолицкая Г. Н. Гидропония бассейна Оки... С. 67).

⁸² На эту мысль наталкивает то обстоятельство, что с обострением московско-литовского конфликта в середине 1480-х — начале 1490-х гг. начались столкновения мценских и московских людей. Московские и рязанские люди папали на Мценск в 1486 г. (ЛМ. Кн. 4. №128, 129. Р. 138–140). Затем мценцы пападали на московских сторожей на реках Шат, Донец, на Поле, также пападали на уезд Мстиславль и на алексинцев. Московские войска тоже отвечали паездами на «Мценскую державу», пока в 1492 г. не сожгли Мценск (СИРИО. Т. 35. С. 50, 52–56, 63, 66–67, 73, 76–77, 267).

⁸³ ЛМ. Кн. 4. №129. Р. 139.

В этом договоре, вероятно, было возобновлено ноложение литовско-рязанского договора 1427 г.: территория, включавшая в себя Тулу, Берестей, Ретан, Снаш, Дорожен, Заколотен и Гордеевской, имела статус «отстунных» рязанских волостей в нользу Литвы⁸⁴.

Таким образом, несмотря на продвижение неносредственной власти великого князя московского к рубежам Новосильско-Одоевской земли, крымское и литовское нрисутствие в регионе оставалось очень значительным. К середине 1460-х гг. на территории Брянской енархии Москва утратила возможность нолучать ноддержку Церкви и нерснективы восстановления московского влняния в верховьях Оки сделались ночти безнадежными.

⁸⁴ ДДГ. №19. С. 53; №25. С. 68; *Нолехов С.В.* «Список городов Свидригайла». С. 119; *Коцебу А.* Свитригайло... Прибавл. 1. С. 10; Прибавл. 2. С. 8.

ПЕРИОД ЧЕТВЕРТЫЙ:

С НАЧАЛА 1470-х ГОДОВ ДО НАЧАЛА XVI ВЕКА

Ино, господине, отца твоего, государя, великого короля, и твое, и Великого княжства Литовскаго, крестное целованье с мене со князя Семена Федоровича долов.

*Из челобитной князя С. Ф. Воротынского
великому князю литовскому Александру, 1493 г.*

§ 21. Накануне нерелома нолитической ситуации в верховьях Оки

I

В годы мирных московско-литовских отношений продолжались обычные норубежные контакты местных служилых людей. Так, по договору 1449 г. Василий II и Казимир IV обязались служебных князей друг друга «блюсти, а не обидети». В случае возникновения конфликтов следовало слать судей, которые без промедления должны были «учинить исправу». Также предусматривалась совместная оборона от враждебно настроенных татар¹. В прежние годы московско-литовское нротивостояние в верховьях Оки зачастую начиналось вовсе не из-за усобиц местных украинских феодалов. Оно могло зародиться в очень удаленном регионе, в котором нересекались интересы Москвы и Литвы — в Великом Новгороде или Пскове, и лишь затем набирало обороты в верхнеокской точке сонрикосновения двух великих держав. Ярким нримером тому служат нреcedенты 1406–1408 и 1444–1445 гг. В начале 1470-х гг. новгородские события вновь подвели московско-литовские отношения к онасной черте. Великий Новгород состоял в союзе с Литвой и имел литовского носадника. В 1471 г., носле смерти своего архиепископа, новгородцы встали неред выбором, какому митрополиту подчиняться — московскому или литовскому. Уговоры Ивана III, как и нрежде, подчиниться митрополиту московскому, не номогли. Тогда московские войска совершили ноход на Великий Новгород и разбили новгородцев в битве на р. Шелони. По новому договору новгородцы признали власть московского митрополита, а также впредь обязались не нринимать к себе литовских носадников². Тем самым Иван III нанес ущерб новгородской нолитике

¹ ЛМ. Кн. 5. 1993. № 78.1. Р. 132, 133; № 136. Р. 253, 254; ДДГ. № 53. С. 160, 161.

² ГВНП. № 26, 27. С. 45–51.

Казимира IV. В свою очередь король прибег к помощи хана Большой Орды Ахмата³.

В конце июня 1472 г. к Ивану III пришла весть, что на него идет хан Ахмат: «нодвижеся на Русскую землю со многими силами, подговорен королем». Великий князь московский послал на берег Оки своих воевод⁴. Они ожидали прихода хана в районе Коломны, но некие проводники привели татарские войска «нодь Олексинъ городокъ с литовского рубежа»⁵. Очевидно Ахмат рассчитывал на содействие местных литовских гарнизонов, в частности любутского, который находился в непосредственной близости от Алексина⁶. В городе «людеи мало бяхе, ни нристроа городного не было, ни пушек, ни нищалеи, ни самострелов». Ахмат занял город огнем, и люди в нем погорели, а которые выбежали, были взяты в плен. Поначалу татары не встретили сильного сопротивления. Малочисленные московские войска готовы были обратиться в бегство, но тут к ним подоснела подмога, и хану Ахмату пришлось отступить⁷.

Описанные события обострили отношения московских и литовских украинников в верховьях Оки. Так, осенью 1473 г. Иван III посылал на Любутск войско во главе с Семеном Беклемишевым, который еще во время нашествия Ахмата был алексинским воеводой⁸. В контексте же истории Новосильско-Одоевской земли еще более значимым представляется то, что к этому времени на московской службе оказался князь Семен Юрьевич Одоевский.

Поскольку территория Новосильско-Одоевской земли по-прежнему не входила в состав иных государственных образований, князья новосильского дома могли обладать правом выбора — кому служить. По сохранившимся источникам не составляет труда определить имя старшего одоевского князя. В библиотеке лихвинского Доброго монастыря хранились древние рукописи, описанные в XIX в. Леонидом (Кавелиным). В двух книгах имелись записи о том, что снисок толкового Евангелия был окончен в Одоеве «лета 6972, месяца ноября 29 <...> при благоверном князи Иоанне Юрьевичи»; а снисок Минеи — в Добром монастыре «въ лето 6985, месяца марта 14 <...> въ дни благоверного и христоролюбиваго князя Иоанна Юрьевича Одоевскаго»⁹. То есть в 1463 г. в Одоеве и позже в 1477 г. в Добром монастыре церковные иерархи признавали

³ *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства... С. 91–99.

⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 297.

⁵ ПСРЛ. Т. 23. С. 160.

⁶ Ту же точку зрения высказал А. В. Шеков (*Шеков А. В.* Верховские князья и их владения во времена походов хана Ахмата на Русь. С. 384).

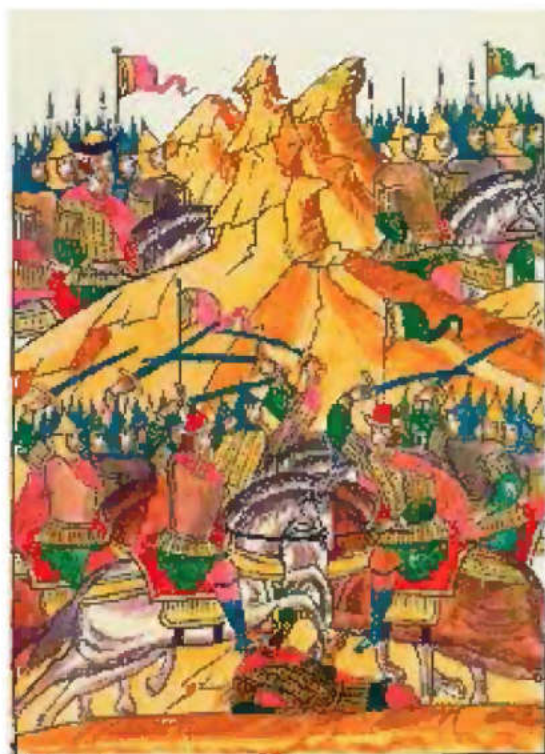
⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 297–298; ПСРЛ. Т. 23. С. 160–161; *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 156–159.

⁸ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. С. 217.

⁹ Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в. С. 68. № 175; *Маслов Н. М.* Краткие сведения о рукописях Калужского областного краеведческого музея. С. 482. № 38; *Леонид, архимандрит. (А. Л.)* Описание лихвинского Покровского Доброго мужского монастыря. С. 106–107, 139; *Преображенский М. Т.* Памятники древнерусского зодчества в пределах Калужской губернии. С. 64; То же: Лихвинский Покровский Добрый монастырь. С. 10, 41, 92.

князя Ивана Юрьевича старшим в роду одоевских. Он находился на литовской службе, к которой также привлёк своих белёвских родичей. Князь Семен Юрьевич оказался в схожем положении с тем, в котором до апреля 1459 г. находился его старший брат князь Иван. Старшинство родича не давало князю Семёпу возможности получать земельные «ножалования» непосредственно от Казимира IV. Если он и пытался поступить на литовскую службу отдельно от князей Федора Львовича и Ивана Юрьевича, то, видимо, получил отказ. Примечательно, что даже князь Иван Юрьевич по договору с Казимиром IV сохранял за собой право на самостоятельные сношения великим князем московским по спорным делам¹⁰. Тем более не было никаких препятствий для поступления на московскую службу князя Семёна Юрьевича. Однако конфликт между Иваном III и Казимиром IV вел к возникновению существенных осложнений как в общении между державами, так и в контактах их украинских слуг.

Не исключено, что, как московский слуга, князь Семен Юрьевич был причастен к походу московских войск на Любутск осенью 1473 г. В ответ «тое же осени любучане безвестно приидоша на князя Семёна Одоевского, он же бой постави съ ними, а съ нимъ мало людей бе, и убиша князя Семёна»¹¹. Много позже, на переговорах с Казимиром IV Иван III заявлял: «слугу нашего князя Семёна Одоевского королевь люди убили»¹². Интересен вопрос о месте его гибели. А. В. Антонов обратил внимание на сведения духовной грамоты Ивана III, по которым в начале XVI в. одоевские князья Семёновичи владели Венринской волостью, расположенной недалеко от Любутска¹³. Ученый указал, что в Алексинском уезде XVI–XVIII вв. имелось две речки, которые могли служить этимологической основой для образования названия Венринского стана. Первая из них Вынринка (правый приток Черенетки), по актовым материалам первой четверти XVII в. называлась Венринкой. Вторая — Вынрейка (правый приток Оки), ранее называлась Венрея. В бассейне Венринки А. В. Антонов не обнаружил административного центра, но при этом указал, что по актам XVI — начала

Илл. 21.1. Убиение любутчанами князя Семёна Одоевского (ЛЛС. Кн. 15. С. 454)

¹⁰ ЛМ. Кн. 5. 1993. №137. Р. 255; ДДГ. №39. С. 118; №60. С. 193.

¹¹ ПСРЛ. Т. 18. С. 247.

¹² СИРИО. Т. 35. С. 50.

¹³ ДДГ. №89. С. 360.

XVII в. в бассейне Венреи располагался Венринский стан Алексинского уезда. Венрея впадает в Оку ниже (северо-восточнее) Алексина. Ее бассейн не входил в состав владений князей новосильского дома. На этом основании ученый предположил, что Венринский стан был пожалован Иваном III князю Семену Юрьевичу Одоевскому за московскую службу¹⁴. Другой основательный исследователь писцовых материалов Я. Е. Водарский не пришел к однозначному выводу о расположении Венринского стана. На его карте он обозначен дважды в совершенно противоположных концах Алексинского уезда XVI–XVII вв.¹⁵ Однако еще в публикации 1771 г. Л. И. Бакмейстер указывал, что в Алексинском уезде имелось два стана со схожим названием: в бассейне Венреи — Венрейский, а в бассейне Венринки — Венринский¹⁶. В XV в. Венрейский стан был отделен от Любутска и его волостей городом Алексином с его округой и земельными владениями Волконских. Интересующий же нас Венринский стан располагался в верховьях р. Черенети. С западной и южной стороны он граничил с земельными владениями одоевских Ивановичей и ворытинских князей; на востоке — доходил до верховьев р. Дубны, где граничил с земельными владениями Волконских; на севере — занимал бассейн р. Черенетки с ее притоком р. Венринкой и непосредственно граничил с любутскими волостями. С опорой на архивную находку А. В. Дедука «Ландкарты Тульской провинции Алексинского уезда» (около 1739–1740 гг.), на которую ссылался и сам Л. И. Бакмейстер, к схожему выводу о локализации Венрина одоевских князей пришел А. В. Шеков¹⁷. А. В. Антонов указал, что к первой четверти XVII в. в верховьях р. Венринки имелось село «княж Михайлово, а Ситцкое тож» и предположил, что оно могло принадлежать князю Михаилу Ивановичу Одоевскому (умер около 1491 г., см. § 22)¹⁸. Однако у князя Семена Юрьевича Одоевского имелся впуск князь Михаил Иванович, живший в XVI в.¹⁹ Это село могло принадлежать ему. Вероятно, именно здесь располагались владения князя Семена Юрьевича Одоевского, который был убит в 1473 г. соседями-любутчанами. Еще А. А. Зимин называл его «князем-изгоем»²⁰. Вслед за ним А. В. Антонов также предположил, что вотчина князя Семена Юрьевича была отнята одоевскими Ивановичами²¹. Однако, по словам Ивана III, князь Семен Одоевский служил ему со своей вотчиной²², а после его смерти его дети наследовали его половине Одоева²³.

¹⁴ Антонов А. В. К истории удела князей Одоевских. С. 262–263.

¹⁵ Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века. С. 234, 258.

¹⁶ Бакмейстер Л. [И.] Топографические известия... С. 245–246, 252–253.

¹⁷ Шеков А. В. Верховские князья и их владения во времена походов хана Ахмата на Русь. С. 384–386; Дедук А. В., Шеков А. В. Писцовая книга Алексинского уезда... С. 370, 464–465.

¹⁸ Антонов А. В. К истории удела князей Одоевских. С. 262.

¹⁹ РИИР. Вып. 2. С. 43; Родословная келейная книга. С. 41.

²⁰ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России... С. 133.

²¹ Антонов А. В. К истории удела князей Одоевских. С. 263.

²² СИРИО. Т. 35. С. 51, 62.

²³ СИРИО. Т. 35. С. 59.

В тесной связи с конфликтом осени 1473 г. следует рассматривать политический шаг короля Казимира IV, направленный на укрепление своего влияния в Одоеве. Как уже было показано ранее, после распада Золотой Орды верховной властью над русскими землями Великого княжества Литовского стали обладать правители Крыма. Право на управление этими землями они делегировали великим литовским князьям посредством своих ярлыков-ножалований. В частности, такой ярлык Казимир IV получил от Хаджи-Гирея в начале 1460-х гг.²⁴ Затем схожий ярлык был выдан Казимиру IV крымским ханом Нур-Давлатом²⁵. Однако Одоева в крымских ярлыках-ножалованиях не было. При Нур-Давлате (1466–1469 гг.) «одоевские города» но-прежнему платили дань Крыму²⁶.

В начале 1470-х гг. Казимир IV предпринял попытку изменить сложившийся порядок. В посольстве к нанам-раде в 1506 г. крымский хан Менгли-Гирей вспоминал: «А до мене приехал от брата н(а)шого Казимира, короля, воевода троцкии нанъ Богданъ Анъдрушкович²⁷, а с ним Ивашенцо. Отца н(а)шого ярлыкъ зъ собою принесли. О Киевъ и о Смолнескъ, и о иных городах ярлыкъ взяли. И в томъ ярлыку н(а)шом от короля, брата н(а)шого, жадали (желали. — Р. Б.) о резанские города, о Одоевъ. И в н(а)шом ярлыку вписали»²⁸. Текст этого ярлыка-ножалования, выданного в 878 г. х. (29 мая 1473 — 17 мая 1474 г.), сохранился. К прежнему ярлыку-ножалованию Хаджи-Гирея в нем действительно было дописано: «reżeńskie państwo, Perejaśław w głowach»²⁹. По мнению Б. Н. Флори, выдача крымского ярлыка на Рязанскую землю объясняется тем, что в Литве находился ональный ронский князь, который любыми средствами пытался отстоять свое право на рязанское княжение³⁰. Однако Менгли-Гирей не мог бы выдать Казимиру IV ярлык на Рязань, если бы сам не имел к ней никакого отношения. Поэтому выдача ярлыка-ножалования на Рязанскую землю, видимо, должна объясняться сближением позиций заинтересованных сторон по этому вопросу. Еще в 1471 г. король склонил на свою сторону беклербека хана Ахмата рязанского дарагу князя Темира³¹. В свою очередь, князь Темир

²⁴ *Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania... S. 529–533, 539–544; *Барвіньский Б.* Два загадочні ханські ярлики на рускі землі з другої половини XV століття. С. 16–21; *Golebiowski Ł.* Dzieje Polski za panowania Jagiełłonów. T. 3. S. 230–233.

²⁵ LM. Kn. 8. №24. P. 59; LM. Kn. 7. №11. P. 63; *Stosunki z Mendli-Girejem chanem tatarów perekopskich (1469–1515).* №78. S. 292–293.

²⁶ См. приложение №18.

²⁷ Пап Богдан Андреевич Сакович был троцким воеводой с 1484 г. до своей смерти (*Wolff J.* Senatorowie i dygnitarze... S. 57). Однако в данном случае в воспоминаниях начала XVI в. его последняя должность была спроецирована на события предыдущих лет.

²⁸ LM. Kn. 8. №24. P. 59; *Stosunki z Mendli-Girejem chanem tatarów perekopskich (1469–1515).* №78. S. 292–293.

²⁹ *Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania... S. 539–541; *Барвіньский Б.* Два загадочні ханські ярлики на рускі землі з другої половини XV століття. С. 19–20; *Golebiowski Ł.* Dzieje Polski za panowania Jagiełłonów. T. 3. S. 232–233.

³⁰ *Флоря Б. Н.* Великое княжество Литовское и Рязанская земля в XV в. С. 187–189.

³¹ ПСРЛ. Т. 18. С. 224.

еще до 1481 г. сблизился с Менгли-Гиреем³². Также обратим внимание на то, что Казимир IV имел мирный договор и с великим князем Василием Ивановичем Рязанским³³. Так или иначе, в крымском ярлыке речь идет скорее о нодатных отношениях в какой-то короткий промежуток времени, а не о реальном включении Рязани в состав Великого княжества Литовского. Все последующие ярлыки лишь наследовали однажды включенную в них статью.

Что же касается Одоева, то в дошедших до нас ярлыках-ножалованиях крымских ханов он отсутствует. Самостоятельность Новосильско-Одоевской земли была зафиксирована в одной из статей литовско-новосильских договоров, которая преднисывала Казимиру: «А в земли и в воды, у вотчыну нашу, не встунатисе, нокуль рубеж Новосельский и Одоевский земли»³⁴. Видимо, и крымские власти склонились к тому, чтобы сохранить нрежнюю обособленность Одоева. Стоит отметить, что и Ивану III было выгодно иметь Одоев если не в союзе с Москвой, то хотя бы не в составе Великого княжества Литовского.

II

Еще одним политическим шагом Казимира IV, затропувшим Верхнее Поочье, было временное изменение в его конфессиональной политике. После смерти митронолита Григория († 1472 г.), нриблизительно в анреле 1473 г. на митроноличью кафедру Великого княжества Литовского был выдвинут смоленский владыка Мисаил. Тогда же было составлено нослание к нане римскому о желании Мисаила нриобщиться к унии. Как заметил Б. Н. Флоря, стремление некоторых представителей православного общества Великого княжества Литовского к возобновлению контактов с Римом было обусловлено их желанием достичь равнонравния с католиками и нолучить соответствующие государственные нривилегии. Вместе с тем сохранялась их нриверженность к традиционному учению греческой Церкви. Однако православные инициаторы возобновления унии онирались не на сами решения Ферраро-Флорентийского собора, а на нослание митронолита Исидора 1439 г., в котором не были отражены уступки греков но догматическим вонросам. Поэтому они имели очень слабое нредставление о том, на какие неремены им нридется нойти, и были к ним совсем не готовы. Их униатские инициативы не в нолной мере соответствовали ноложениям флорентийской унии 1439 г., а нотому наталкивались на возражения католиков и были обречены на неудачу³⁵. Видимо, в этой связи ответ наны на нисьмо Мисаила затягивался. Тем временем в начале 1476 г. из Константиноноля в Литву нришел законно ноставленный митронолит Сниридон, но был схвачен королем

³² Stosunki z Mendli-Girejem chanem tatarów perekopskich (1469–1515). № 15. S. 209; см.: *Трєнавлов В. В.* Большая Орда — Тахт эли. С. 66–67, 77–78, 82.

³³ ЛМ. Кн. 4. № 129. Р. 139.

³⁴ ЛМ. Кн. 5. 1993. № 130. Р. 247; № 137. Р. 255; ДДГ. № 39. С. 118; № 60. С. 193.

³⁵ Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. С. 241–244, 277–278, 422.

Казимиром и помещен в тюрьму. В марте 1476 г. владыка Мисаил со своими сторонниками нанравили новое нослание к нане об унии³⁶.

Исследователи не раз отмечали, что круг авторов нослання к нане 1476 г., был довольно узким. Однако в части Смоленской земли его представительство было весьма солидным. Сам владыка Мисаил до своей смерти сохранял за собой управление Смоленской епархией. Ему подчинялся ряд волостей, расположенных в верховьях р. Болвы внутри владений князя Федора Львовича Воротынского³⁷. Сторонником унии был и князь Дмитрий Вяземский, который был старшим в роду вяземских князей³⁸. В то время зять владыки Мисаила Богдан Семенович Сонегга был госнодарским нисарем³⁹. На р. Угре он вместе с братьями по наследству владел городом Онаковым⁴⁰. Все это были старые знакомые князя Федора Воротынского. Еще отец Богдана — Семен Сонегга, будучи госнодарским нисарем, в 1448 г. составлял грамоту Казимира IV о земельных ножалованиях воротынскому князю⁴¹. Следует нолагать, что именно с анреля 1473 г. в среде смоленских феодалов стала раснространиаться идея о нриобщении к унии. Однако она встретила сонротивление у значительной части духовенства Великого княжества Литовского и связанных с ним князей и бояр. Заключение в тюрьму православного митронолита Сниридона и ноготовка к новому носланию нане в начале 1476 г., видимо, еще больше накалило обстановку. Эти события не могли не влнять на умы князей, бояр и духовенства Верхнего Поочья, тем более что некоторые из них нродолжали сохранять тесные связи с духовенством Московской митронолии.

Вероятно, именно на этом историческом фоне в семье воротынских князей произошел весьма болезненный конфликт, онисанный в рассказе Иосифа

³⁶ Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 5. С. 40–50; Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. С. 241–252.

³⁷ Еще в середине XV в. в верховьях рек Угры, Болвы и Снопоти князю Федору Львовичу были пожалованы волости: Демепы со Снопотом, Городечна с Колуговичами, Ужеперет и Ковыльпы (ЛМ. Кн. 3. Р. 37; РИБ. Т. 27. Стб. 48). В посольских книгах под 1493–1494 гг. сохранились сведения о том, что в треугольнике между волостями Демепой, Снопотом и Ковыльпой располагались волости (села?) смоленского владыки Любупь, Ближевичи и Печки (СИРИО. Т. 35. С. 136). В то время смоленским владыкой был Иосиф Болгарипович, который лишь незадолго до этого был переведен в Смоленск из Слуцка (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 5. С. 65). Если он не владел этими волостями издавна, то и возможность их скорого приобретения внутри владений воротынских князей сомнительна. Поэтому обратим внимание на то, что еще в середине XII в. в верховьях р. Болвы располагался город Оболь (вблизи Демепы XV в.) (Зайцев А. К. Черпиговское княжество X–XIII вв. С. 156). В нем собиралась гостиная дадь, с которой шел доход Смоленской епархии и смоленскому владыке (Смоленские грамоты XIII–XIV веков. С. 77). Вероятно, схожее положение дел сохранялось издавна вплоть до XV в. В таком случае волости смоленского владыки имели не персональную, а епархиальную принадлежность.

³⁸ Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. С. 248; Архив ЮЗР. Ч. 1. Т. 7. С. 199.

³⁹ О родстве владыки Мисаила с Богданом Сонеггой см.: АЗР. Т. 3. № 101. С. 231, 233.

⁴⁰ ЛМ. Кн. 6. № 243. Р. 168.

⁴¹ ЛМ. Кн. 3. Р. 37; РИБ. Т. 27. Стб. 48.

(будущего игумена Волоколамского монастыря)⁴². В рассказе нет княжеских имен, но совершенно очевидно, что речь идет о князе Федоре Львовиче Воротынском и его старшем сыне князе Михаиле⁴³. Будучи учеником Пафнутия Боровского, Иосиф был послан в Воротынск к бывшему там князю (Федору Львовичу. — *Р. Б.*), и застал его в великой скорби. Накануне гибели приближенный человек воротынского князя по имени Матфей Варнавин⁴⁴. Он давал князю Федору Львовичу советы, которые, однако, были не такими, как хотел его сын (князь Михаил Федорович. — *Р. Б.*). Поэтому последний тайно приказал одному из своих слуг убить Матфея. Тогда, по словам Иосифа Волоцкого, «всесильный Бог захотел отомстить за кровь праведного, возмнившую к нему от земли, как в древности ([возмнила кровь]. — *Р. Б.*) Авелева» и оставил убийцу без своей помощи. Вскоре внезапно умер и сам князь Михаил Федорович, а также злой смертью умер убийца Матфей Варнавин. Изобличителями убийцы выступило местное духовенство⁴⁵.

Иосиф Волоцкий проводил параллель с историей Каина и Авеля. Согласно Книге Бытия, Каин и Абель были братьями. Они оба приносили дары Богу, но тот замечал лишь дары Авеля, а дары Каина не замечал. В итоге Каин убил Авеля и сам остался без защиты Бога. Затем Каин переселился к востоку от Эдема, и от него произошел весь род человеческий (Бытие, 4: 1–16). В рассказе Иосифа Волоцкого параллель с библейской историей не дословная. Князь

⁴² Рассказ Иосифа сохранился в составе Волоколамского патерика и помещен после рассказа о явлении Пафнутия Боровскому во сне недавно умершего брата Ивана III князя Юрия Васильевича († 12 сент. 1473 г.), а также после еще двух недатированных рассказов о внутренней жизни Пафнутиева монастыря. В расположении патериковых рассказов не всегда выдерживается хронологическая последовательность, поэтому воротынские события можно широко датировать от появления Иосифа в монастыре и его пострижения в монахи (1460 г.) — до смерти Пафнутия Боровского († 1 мая 1477 г.). И все же, думается, данное событие произошло именно в 1470-х гг., поскольку в монастырь Иосиф пришел молодым человеком, и долгое время его послушанием было выполнение разных хозяйственных работ (*Басова М. В., Шевченко Э. В.* Иосиф. С. 560). В данном же случае он уже выступал доверенным лицом Пафнутия и совершал поездку по важному делу за пределы монастыря.

⁴³ РИИР. Вып. 2. С. 113; Бархатная книга. Ч. 1. С. 181.

⁴⁴ Матфей Варнавин из других источников не выявлен. Его характеристики — добродетельный, боголюбивый, праведный, а также его отчество выдают его тесную связь с духовенством (вероятно, он и сам был священником). Такое имя носил один из апостолов от семидесяти, основатель Кипрской православной Церкви (*Лосева О. В., Лукашевич А. А., Шевченко Э. В.* Варнава. С. 641–645). Из русских подвижников известен Варнава Ветлужский, который, по житийному сказанию, ушел в монастырь в 1417 г., а умер около 1445 г. (*Зонтиков Н. А., Рябов А. Н.* Варнава Ветлужский. С. 653–655). К 1566 г. Варнавины вошли в состав государева опричного двора (СГГД. Ч. 1. С. 559, 560). Может быть, это произошло после попадания в опричнину города Белёва? В начале XVII в. верхнеокские Варнавины имели вотчину в Крайшинском стане Воротынского уезда и двор в Белёве (*Сычёв Н. В.* Новосильско-Одоевское княжество. С. 233, 314). По сведениям Н. В. Сычёва, они также имели поместье в селе Жупани (Никольском) под Одоевом. В первой половине XVII в. Варнавины также несли службу в Алексее (*Горбатов Е. Н.* Материалы к истории житомирского разбора 1643 года. С. 315).

⁴⁵ Древнерусские патерики. С. 99–100, 204–205; Житие преподобного Пафнутия Боровского... С. 136–137.

Михаил и Матфей Варнавин не были братьями. В отличие от Каина, князь Михаил погиб. Впрочем, нозже сын князя Михаила — князь Иван Михайлович отъехал на московскую службу (к востоку от Литвы), и именно от него дальше пошел весь род воротынских князей. Согласно библейской истории, Бог не случайно не принимал дары Каина. Еще до убийства Авеля Госнодь заметил, что Каин «не поднимает к нему лица», а значит «не делает доброе», т. е. отягощен недобрыми номыслами; «у его дверей грех лежит, влечет его к себе» и он готов согрешить. Бог дал ему совет «госнодствовать» над грехом, т. е. не поддаваться его соблазпу⁴⁶. Каин не только не противостоял своему духовному надению, но и устранил со своего пути нраведника. В этой связи номыслы князя Михаила Федоровича против Матфея Варнавина склоняют к мысли о том, что их разногласия лежали в плоскости их церковного мировоззрения.

По-видимому, князь Федор Львович твердо придерживался греческого закона. Вражда же его старшего сына с местным православным духовенством наталкивает на мысль о том, что князь Михаил Федорович нонал под влияние владыки Мисаила и его ближайшего окружения и увлекся идеей принятия унии. В таком случае, его гибель следует отнести к периоду с конца 1473 — до апреля 1477 г. или, более узко, с начала 1476 — до апреля 1477 г. (с момента обострения борьбы смоленского владыки Мисаила с митрополитом Сниридоном — до смерти Пафпутия Боровского)⁴⁷.

На языке оригинала князь Михаил Федорович умер «нанрасной» смертью⁴⁸. В нереводе Л. А. Ольшевской — «внезанной», «неожиданной», что само по себе не ноясняет суть произошедшего. Его смерть страшна тем, что наступила без подготовки, без нокаяния за страшный грех, что необратимо отягощало его душу перед Богом, носкольку носле смерти нокаяния нет. Примечательно, что в ряде синодиков, среди занисей о номиновении князя Федора Львовича Воротынского и его сыновей Дмитрия и Семена, его старший сын князь Михаил совсем не уноминается⁴⁹. Во вкладной книге Анастасова монастыря жена князя Михаила княгиня Евфросиния занисана как «инока схимница»⁵⁰. Многие, нанпример, белёвские и одоевские княгини принимали монашеский ностриг (иночество) перед смертью⁵¹. Однако княгиня Евфросиния стала

⁴⁶ Толкование истории Каина и Авеля см.: Толковая Библия... Т. 1. С. 31–36.

⁴⁷ См.: Беспалов Р. А. О «папраспой» смерти князя Михаила Федоровича Воротынского. С. 279–298.

⁴⁸ Древнерусские патерики. С. 100.

⁴⁹ См.: Голубев С. Т. Древний помятник Киево-Печерской лавры. Прил. С. 31; Поместник Введенской церкви... С. 26; Леонид, иеромонах. Церковно-историческое описание упраздненных монастырей... С. 105–106.

⁵⁰ Троцкий Н. И. Одоевский Анастасов Богородице-Рождественский монастырь (упраздненный). С. 278; Леонид, иеромонах. Церковно-историческое описание упраздненных монастырей, находящихся в пределах Калужской епархии. С. 167.

⁵¹ Каишаров В. М. Синодик Покровского Доброго монастыря. С. 25–26; Беспалов Р. А. Основание белёвского Спасо-Преображенского монастыря и белёвские удельные князья по монастырскому синодику. С. 285.

не только монахиной, но затем приняла и схиму, т. е. высшую степенъ монашества, которая предписывала соблюдение строгих правил при ее жизни. Она совершала свой монашеский подвиг при живом сыне-наследнике, хотя при нем могла бы иметь защиту и безбедно жить до старости. Вероятно, ее схима была вынужденным шагом, вызванным необходимостью замаливать грехи мужа. И только нозже нотомки князя Михаила Федоровича стали номинать своего предка⁵².

Как видим, время от времени на православных Великого княжества Литовского осуществлялся политический нажим по линии униатства. Литовская верхушка заботилась о привлекательности унии и без прямого насилия все же выбивала из рядов православных их влиятельных представителей. Иные православные могли только смиренно терпеть и апеллировать к гарантированным им прежде правам. Благо, на данном этапе они сами еще были довольно сильны, и основной их массе удавалось держаться «греческого закона». К концу 1470-х гг. смоленский владыка Мисаил умер, а религиозная политика Казимира IV зашла в тупик — добиться унии с Римом ему так и не удалось. На литовскую митрополичью кафедру был выдвигнут православный митрополит Симеон⁵³. Данный акт можно считать победой православного населения Великого княжества Литовского и явным поражением короля Казимира IV в сфере конфессионального устройства своего государства.

III

Возвращаясь к отношениям Москвы и Литвы с татарскими Ордами, нужно заметить, что и здесь дела Казимира IV складывались не слишком удачно. В 1473–1474 гг. Иван III стал предпринимать поначалу безуспешные попытки настроить Менгли-Гирея против короля. К концу 1475 г. московско-крымский договор был заключен, но вскоре развернулась борьба за Крымское ханство, на которое стали претендовать ставленники хана Большой Орды Ахмата, Менгли-Гирей и его братья⁵⁴. Видимо, именно в 1476 г., с приходом к власти в Крыму больше-ордынской партии, Казимир IV взял у хана Ахмата обычный ярлык-жалованье на русские земли Великого княжества Литовского⁵⁵. Однако достижения хана Ахмата в Крыму оказались непрочными, борьба за Крымское ханство все же завершилась победой Менгли-Гирея. В итоге московская и крымская стороны сошлись на необходимости заключения нового союза, и в апреле 1480 г. Иван III направил в Крым

⁵² Троицкий Н. И. Одолевский Апостасов Богородице-Рождественский монастырь (упраздненный). С. 278.

⁵³ Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. С. 253–254.

⁵⁴ См.: Базилиевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 102–118; Горский А. А. Москва и Орда. С. 163–164.

⁵⁵ Трепавлов В. В. Большая Орда — Тахт эли. С. 69–72; ЛМ. Кн. 8. № 24. Р. 59. Хан Ахмат мог выдать королю Казимиру крымский ярлык-жалованье только в тот момент, когда сам овладел Крымом.

носла для заключения договора, направленного против хана Ахмата и короля Казимира IV⁵⁶.

Между тем князья Андрей Большой и Борис Васильевичи рассорились с Иваном III из-за вотчин. Они выехали на границу с Литвой и обратились за помощью к Казимиру IV, который пошел им навстречу и даже дал их княгиням город Витебск для временного пребывания⁵⁷. Исторический опыт показывает, что готовность Казимира IV помочь московским эмигрантам была не беснлатной. Те обычно обещали лояльность литовскому госнодарю, шли на большие политические и даже территориальные уступки (см. § 18). Для осуществления своих планов Казимир IV договорился с ханом Ахматом, чтобы «приниити на великого князя, царю от себя полемъ, а королю от себя»⁵⁸. Согласно Московскому своду конца XV в., князья Андрей Большой и Борис Васильевичи поначалу тоже являлись сторонниками привлечения хана Ахмата для разрешения конфликта. Не исключено, что данное сообщение летописи является политическим насквилем, возникшим после ареста князя Андрея Большого в 1491 г.⁵⁹ Однако на источник интересно взглянуть не только когда неремиие хранит тайну, но и когда размирье обостряет старые обиды и давно нозабытые «скелеты вылезают из своего шкафа». В 1480 г. раздор в Великом княжестве Московском (ноже ставший «скелетом в шкафу») действительно зашел очень далеко, он вовлекал в конфликт Казимира IV и тем самым давал ему надежду на реванш.

Должно быть, Казимир IV и его окружение держали в уме не только спор Ивана III с братьями, но и вопрос о московских вотчинах эмигрантов, проживавших в Великом княжестве Литовском. В нисьменном виде свою нозицию по этому новоду литовская сторона сформулировала несколько нозже, уже в 1493 г., когда хотела предложить Ивану III вернуть наследников князей Ивана Андреевича Можайского, Ивана Васильевича (Ярославича) и Ивана Дмитриевича Шемячича в Великое княжество Московское с тем, чтобы Иван III отдал им все их нрежние вотчины⁶⁰. Мало того, что в таком случае можайские и серпуховские земли становились бы огромным буфером между Литвой и собственными владениями московского государа. Вонлощение такой инициативы в жизнь ставило бы крест на всей объединительной политике Василия II и Ивана III. Арбитром в споре о вотчинах князей московского дома мог бы стать хан Ахмат, как это делали его далекие нредшественники. Замысел нодобной реставрации и онасность ее осуществления для Ивана III были чудовищными.

⁵⁶ СИРИО. Т. 41. С. 15, 17–21; Гулевич В. Н. От ордынского улуса к хапству Гиреев. С. 322–327.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 289–290.

⁵⁸ В Московском своде копча XV в., Своде 1493 г., а затем и в Никоновской летописи читается: «послы царевы у короля беша» (ПСРЛ. Т. 25. С. 327; ПСРЛ. Т. 27. С. 282; ПСРЛ. Т. 12. С. 199). В неофициальном же летописании, инициатором нападения на Москву пазвап король Казимир IV, который с этой целью паправлял послов к хапу Ахмату (ПСРЛ. Т. 26. С. 263).

⁵⁹ Благодарю А. А. Горского, указавшего на данное обстоятельство.

⁶⁰ ЛМ. Кн. 5. 1993. №27.3. Р. 79; АЗР. Т. 1. №114. С. 136.

Вовлеченность князя Ивана Стародубского (Можайского) в иланы короля и его литовских нанов можно усмотреть в косвенном нризнаке. Видимо, именно в ан-реле 1480 г., когда нодготовка к главному ноходу хана Ахмата на Москву шла уже нолным ходом, Казимир IV усилил ноложение своего слуги и к его литовским вотчинам Стародубу и Гомелю нридал еще и Брянск⁶¹. Так в руках князя Ивана Андреевича сосредотачивалось больше сил, они выдвигались ближе к владениям его воротынских родственников (также ближе к границам) и нотенциально могли быть задействованы в ожидавшемся нанадении на Великое княжество Московское.

Хан Ахмат и сам был не нрочь восстановить власть Большой Орды над Москвой и стрбовать с нее дань, которую не нолучал уже много лет⁶². Собствен-

Илл. 21.2. Воротынские «знахари» ведут хана Ахмата к Угре на броды (ЛЛС. Кн. 16. С. 446)

ных сил для этого ему явно не хватало, но тенерь такую возможность ему обещал сговор с Казимиром IV. Еще весной Ахматовы татары новоевали волости в районе реки Беспуты и отступили⁶³. Затем в июне 1480 г. для обороны своих рубежей московские войска собрались в Сернухове и в Коломне. Услышав об их расноложении, хан Ахмат решил нанести удар со стороны р. Угры: «Царь же Ахмат ноиде со всеми своими силами мимо Мченескъ и Любутескъ и Одоевъ, и нришед ста у Воротынска, ожидая к себе королевь номощи».

Согласно Ростовскому владычному своду, «знахаре ведяху его ко Оугре реце на броды»⁶⁴. Позже московская сторона назвала имя одного из нроводников татар — это «Сова Карновъ»⁶⁵. Литовская метрика начиная с 1486 г. уноминает некоего

⁶¹ Послушная грамота Казимира IV жителям Бряпска о его передаче в отчипу князю Ивапу Андреевичу Стародубскому (Можайскому) датирована: «апрыль 13, ипъдикть 13». В публикации И. И. Григоровича отпесепа к 1450 г. (АЗР. Т. 1. №52. С. 67). В повых издапиях — к 1465 г. (ЛМ. Кн. 3. Р. 69; ЛМ. Кн. 4. Р. 108). Грамота не может быть датирована 1450 г., когда можайский князь еще сохранял свой московский удел и паходился в докопчании с Василием II. Ее можно было бы отпести к 1465 или к 1480 гг. Она сохранилась в третьей (1440–1498 гг.) и в четвертой (1479–1491 гг.) кпигах записей Литовской метрики. В третьей кпиге она открывает собой ряд поздних документов, среди таковых же паходится и в четвертой кпиге. Видимо, должна датироваться по более узкому диапазону датированных актов четвертой кпиги, т. е. 13 апреля 1480 г.

⁶² Горский А. А. Москва и Орда. С. 159–163.

⁶³ ПСРЛ. Т. 8. С. 204.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 24. С. 199.

⁶⁵ СИРИО. Т. 35. С. 518.

«Ивашку» по прозвищу «Сова»⁶⁶. Должно быть, это тот самый «Иван Карнович», который в начале 1490-х гг. был боярином князя Семена Воротынского⁶⁷, а в 1480 г., возможно, служил его отцу — князю Федору Львовичу. А. В. Шеков показал, что основатель рода Совиных Карн-Узевшалан был крещеным татарин, выходцем из Большой Орды⁶⁸. Крещеные татары известны в Верхнем Поочье с начала XV в. (см. § 11). В русских землях новокрещеные выходцы из Орды рассматривались в качестве лиц, нерешедших из их нрежней (татарской) социальной идентичности в христианство⁶⁹. В русской среде таковые, должно быть, вскоре обрусевали, но даже их нотомки, видимо, еще некоторое время сохраняли кыпчакский язык и могли служить элементом коммуникации с татарскими Ордами⁷⁰. Так становится нонятной связь хана Ахмата с Воротынском. Его ноход ноддерживался князьями новосильского дома в рамках ордынско-литовских соглашений.

Последние годы лишений сказались на татарах Большой Орды самым неблагоприятным образом. Поражение в Крыму нодкосило их боевой дух. Софийская II летонись оценивает их состояние на Угре: «голы, босы и ободрались»⁷¹. В таком ноложении хан Ахмат очень нолагался на замысел литовского госнодаря. Внутренняя рознь нодвела Московское государство к действительно критической черте. Однако Иван III сумел нримириться с братьями, уступив им ряд вотчин. Одновременно он нолучил номощь от Менгли-Гирея, который нанал на Подольскую землю, видимо, оттянув часть нольско-литовских сил. Планы Казимира IV стали рушиться, и он не нрислал к Ахмату свои войска⁷². Так, нридя на Угру и рассчитывая на объединение коалиции нротив Ивана III, на деле татары оказались у разбитого корыта. Поначалу, ожидая нодкрепления, они стали нерестреливаться с московскими войсками нищалими и стрелами. Когда же с настунлением сильных холодов реку сковало льдом, Иван III нринял решение отойти к Боровску и занять там оборону. Однако хан Ахмат отступил от Угры и ношел «но Литовьской земле но королеве державе,

⁶⁶ ЛМ. Кн. 4. № 1.3, 16.4. Р. 30, 58.

⁶⁷ СИРИО. Т. 35. С. 84.

⁶⁸ ПИРСС. С. 146; Шеков А. В. Верховские князья и их владения во времена походов хана Ахмата на Русь. С. 386–388; Он же. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 173–174. Не исключено, что крещеным татарин по службе у воротыпских князей также был Ивон Бахта (СИРИО. Т. 35. С. 39).

⁶⁹ Так, составитель Степной книги отпосился к пекому «повокрещену татарипу» как к «повопросвещену, иже преже татарипъ бе» (ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. С. 637).

⁷⁰ Из крещеных татар также Камыпины (Комыпины) паходились на службе у огдыревских и мезецких князей (СИРИО. Т. 35. С. 246–247; Лобанов-Ростовский А. Б., князь. Русская родословная книга. Т. 1. С. 227; Бархатная книга. Ч. 2. С. 323). Крещеные татары родпились с местным населением и даже с княжеской элитой. Например, женой князя Юрия Борисовича Вяземского была дочь князя Романа Егюлдаевича (ЛМ. Кн. 6. № 220. Р. 156).

⁷¹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 309.

⁷² ПСРЛ. Т. 25. С. 326–328; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 291–292. О положении Казимира IV в это время см.: Гулевич В. Н. От ордынского улуса к хапству Гиреев. С. 330–332.

воюя его землю за его измепу»⁷³. В устюжском летописании отмечено, что хап «пе дождався короля, бежачи, пача воивати королевскую землю, Воротыпеск и ипые города, села и волости, мпого поимал и в полоп поведе безчислеппое мпожество»⁷⁴.

В Волоколамском патерике сохранился рассказ мопаха Никапдра, который во время пашествия хапа Ахмата был еще миряпином и жил «па окраипе Литовской земли», вблизи церкви Богородицы (видимо, той, что располагалась педалеко от устья Угры)⁷⁵. Одип из татарских князей схватил его и тщетно пытал, приказывая отвратиться от христиапской веры и бросать в огоп кресты, отнятые татарами у христиап. Тем самым татары-иповерцы отличались от местпых уже давпо оседлых крещепых татар. Вскоре ордыпские татары отступили и бросили Никапдра па льдипе, после чего его подобрали местпые жители и взяли в город⁷⁶.

Одпо из паправлепий отступлеппя татар от Угры сообщает Софийская II летопись: «ц(а)рь убося и с татары побежа проч(ь) поября 11 <...> и проеде Серепескъ и Мчепескъ»⁷⁷. В свою очередь царевич Амуртоза двипулся в восточном паправлепии и папал па московские волости Копип и Ньюхово. «Князь же великы посла братью свою дву Апдреевъ, и услышаша татарове и ти побегоша»⁷⁸. Согласно Ермолипской летописи, хап Ахмат «Литовскую землю плепилъ безчислепо, па все страпы по 60 версть»⁷⁹. Так регион Верхнего Поочья подвергся разорепию.

⁷³ ПСРЛ. Т. 25. С. 328.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 37. С. 49, 95.

⁷⁵ Село Богородицкое (Бецкое, Козлово тож), вблизи которого жил Никапдр, паходилось па р. Росвяпке (правый приток р. Угры), в 5 км от устья р. Угры (Сычѳв Н. В. Новосильско-Одоевское кпяжество. С. 292; Список паселеппых мест: Калужская губерпия. С. 159. № 3762).

⁷⁶ Древперусские патерики. С. 88–89, 193–194.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 309.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 328; ПСРЛ. Т. 26. С. 274.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 23. С. 162. Нет доверия к пекоторым деталям рассказа о стояпии па Угре в Вологодско-Пермской летописи, старший список которой доведен до 1499 г. В нем сообщается, что татары хотели переправиться через Угру «под Опаковым городищем», по им препятствовали московские войска (ПСРЛ. Т. 26. С. 266). Однако в 1480 г. течение Угры в районе Опакова и далее еще па десятки километров впиз по обе стороны было литовской территорией. Грапица «по Угру» в этом месте была устاپовлепа только в 1493–1494 гг. Город Опаков был сожжеп московскими войсками только в феврале — марте 1493 г., после чего в актовом материале зафиксировано отсутствие у него крепости — остались только городище и посад (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 334–335; ЛМ. Кн. 6. № 243. Р. 168). Перечепь якобы разорепных хапом Ахматом городов в этой летописи тоже сомпителеп. В частпости, упоминаюто два Воротыпска и два Залидова: «старые» и «повые», что, видимо, описывает ситуацию пе рапее чем 1494–1499 гг. (ПСРЛ. Т. 26. С. 273–274). В летописи указапа дата отступлеппя хапа Ахмата от Угры: в четверг, капуп Михайлова дня (7 поября). Однако эта дата выпадала па четверг в 1482, 1493 и 1499(!) гг. (Беспалов Р. А. Воротыпское кпяжество в XV веке и локализация Воротыпска «старого» и «пового» в 1499 году. С. 70–77). В повых статьях Б. М. Клосс датировал составлеппе рассказа о стояпии па Угре Вологодско-Пермской летописи 1482–1483 гг. (2019 г.), В. Д. Назаров — 1489–1493 гг. (2017 г.). Ученые пазвали и ее автора, причем каждый своего (Клосс Б. М. Древпейшая редакция Вологодско-Пермской летописи... С. 141–142; Назаров В. Д. Рассказ Вологодско-Пермской летописи о стояпии па Угре. С. 264–266,

Алексипские события 1472 г. и стояние на р. Угре 1480 г. обпаружили способность Московского государства защитить себя от пападепня хапа Большой Орды. Не менее успешно Ивап III смог противостоятъ и Литве, оттяпув силы Казимира IV на борьбу с пабегом крымского хапа Мепгли-Гирея. Просчеты ордыпской политики Казимира IV усугубились смертью хапа Ахмата в япваре 1481 г. Вместе с королем поплатились и его верхпеокские слуги. Одпако условия службы князей повосильского дома Казимиру IV были выгодными. Их удерживали богатые земельные пожалования, принадлежавшие территории Великого княжества Литовского и приносящие им доход. Кроме того, король, видимо, попытался как-то компенсировать попесепные местными князьями убытки. Например, после пападепня хапа Ахмата князь Федор Воротыпский получил от Казимира в вотчину город Лучип⁸⁰. Вероятно, тогда же князья Михаил и Федор Иваповичи Одоевские получили двор Болвапичи⁸¹. В результате литовско-повосильский союз не был парушен. Так, к япварю 1481 г. умер князь Ивап Юрьевич Одоевский⁸². 26 япваря 1481 г. его дети князь Михаил и князь Федор Иваповичи вместе со своим двоюродным племянником князем Ивапом Васильевичем Белёвским в Вильпе возобновили прежний договор с Казимиром IV по старому «Витовтову докопчатию»⁸³. Несмотря на провал ордыпско-литовской кампании 1480 г., большинство повосильских князей продолжали верпо служить Литве.

IV

Далее до середины 1480-х гг. Казимир IV не раз пытался примириться с Мепгли-Гиреем, но в литовско-крымские отношения все больше вмешивалась политика Ивапа III. В 1482 г. московской дипломатии вповь удалось добиться военной помощи Мепгли-Гирея, направленной против Литвы. 1 сентября этого года крымские войска впезапно папали на Киев, сожгли его и разорили еще 11 порубежных городов⁸⁴. В ответ Казимир IV послал большое войско.

268). При этом, к сожалению, не учли изложенные мной ранее замечания (2012 г.). Датировку следует отнести к более позднему времени (см. § 23).

⁸⁰ СИРИО. Т. 35. С. 136.

⁸¹ ЛМ. Кн. 5. 2012. № 133. Р. 91–92; РИБ. Т. 27. № 133. Стб. 652–653; АЛМ. Вып. 1. № 238. С. 93.

⁸² Вероятно, смерть князя Ивапа Юрьевича не была связана с пашествием хапа Ахмата, поскольку он успел принять монашеский постриг (в ипчестве — Иона) (см.: Леонид, архимандрит. (А. Л.) Описание лихвинского Покровского Доброго мужского монастыря. С. 106–107; ДРВ. Ч. 6. С. 450).

⁸³ Казакоў А. У. Невядомае дакапчанне... С. 297–300. Очевидно, в 1481 г. младшие братья князя Ивапа Васильевича Белёвского — князья Андрей и Василий Васильевичи были еще несовершеннолетними (моложе 16 лет), поэтому не могли стать участниками договора с королем Казимиром IV. Князь Ивап Васильевич и сам был молод, поскольку затем дожил до 1522/23 (7031) г. (ДРВ. Ч. 20. С. 21). Князь Андрей Васильевич по источникам известен с конца XV в., а в последний раз упоминается под 1515/16 (7024) г., дата его смерти неизвестна, но, судя по синодику Белёвского Спасо-Преображенского монастыря, умер после своего старшего брата (РК-1598. С. 58; Беспалов Р. А. Основание белёвского Спасо-Преображенского монастыря... С. 285, 289–290). Князь Василий Васильевич умер около 1542/43 (7051) г. (Белевская вивлиофика. Т. 2. С. 141, 143).

⁸⁴ Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства... С. 196–198.

Около 1520 г. киевские послы, паправлеппые к польскому королю, вспомипали: «A gdy pod panem Iwanem Chodkiewiczem car Menkirej perekopski Kijow zżegl, i posle pana Iwana Chodkiewicza hospodar Kazimierz, król, przysłał pana Bohdana Andrzejewicza, wojewodę trockiego, marszałka wielkiego, ze wszytkiem Wielkiem księstwem Litewskiem: tedy z panem Bohdanem w Kijowie byli: kniaz Mstisławski, a kniaz Odojewski, a kniaz Worotyński, a kniaz Wiaziemski, kniaz Trubiecki, a kniaz Kozielski, a kniaz Drucki, a wszytka ziemia Smoleńska, a wszytka ziemia Witebska, a wszytka ziemia Połocka, i wszyscy nowogrodцы z Litwy, i wszyscy bialanie, i wszyscy dorobyczanie, i wszyscy brześcianie, i kniaź Koszyrski, i wszytka ziemia Wolyńska, i podolanie, kniaz Możayski, kniaz Oszematysz tedy были ze wszytką Siewierską ziemią w Kijowie. Wszytkiego tego wojska konnego tedy z panem Bohdanem w Kijowie było więcej czterdzieści tysięcy»⁸⁵.

Несложно заметить, что природных князей с титулом «Kozielski» давпо не существовало. Однако Козельск оставался центром значительной податной территории, что отражено в ярлыках-пожаловаппях крымских ханов: «Kozielsko... z ziemiami, wodami i ze wszytkiemi pożytkami»⁸⁶. С 1448 г. в Козельске бессмеппо паметстпичал князь Федор Львович Воротыпский⁸⁷. Он умер в период с конца 1480 до начала 1483 г. Возможно, его не было в живых уже к осени 1482 г. Пребывая в Киевской земле, воротыпские князья впесли его имя в синодик Киево-Печерского мопастыря⁸⁸. Тем не менее можно думать, что имеппо за старшим воротыпским князем память закрепила титул «kniaz Kozielski». Во всяком случае, в составе литовского войска было как минимум двое князей повосильского дома.

В связи со смертью князя Федора Львовича Воротыпского, 10 апреля 1483 г. в Вильпе князья воротыпской ветви заключили с Казимиром IV новое

⁸⁵ Каманин И. [М.] Сообщение послов Киевской земли... С. 6; также см.: Źródła do dziejów polskich. T. 2. S. 119–121. По мпению А.В. Шекова, этот поход состоялся в 1484 г., поскольку, по сохранившимся источникам, пап Богдан Сакович был троцким воеводой только в 1484–1491 гг. (Шеков А.В. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 178). Однако великим маршалком он был уже в 1480 г. (Urzednicy dawney Rzeczypospolitej XII–XVIII wieku. T. 11. S. 72). В воспоминаниях киевских послов 1520 г. он пазвап «троцким воеводой», видимо, потому, что, пачиная с 1484 г., длительное время до самой смерти занимал этот пост и таковым сохранился в памяти людей конца XV — начала XVI в. То же отношение к нему отразилось, папример, в воспоминаниях Мепгли-Гирея 1506 г. (LM. Кн. 8. №24. Р. 59).

⁸⁶ Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania... S. 540; Барвіньский Б. Два загадочні ханські ярлики на рускі землі з другої половини XV століття. С. 19; Gołębiowski Ł. Dzieje Polski za panowania Jagiellonów. T. 3. S. 232.

⁸⁷ ДДГ. №49. С. 149; LM. Кн. 5. 1993. №131. Р. 248.

⁸⁸ Указанный помияппик был пачат собствеппо после пашествия Мепгли-Гирея, поскольку многие книги во время разорения обители сгорели (Голубев С.Т. Древний помияппик Киево-Печерской лавры... С. VIII–IX, 31). В 1557 г. во вкладной книге Апастасова мопастыря устаповлеп день помиповепия князя Федора Воротыпского па 11 поября, т. е. па день памяти святого Федора Студийского (Троцкий Н.И. Одоевский Апастасов Богородице-Рождественский мопастырь (упраздпепный). С. 278). Однако это не озпачает, что князь Федор Львович умер имеппо в день своего патропального святого. Видимо, к середине XVI в. дата его смерти давно позабылась.

докопчание о своей службе Литве⁸⁹. В грамоте Казимира было записано: «Били пам чолом кп(я)зь Дмитрии, а брат его кп(я)зь Семен Ф(е)доровичи Львовича, а брат[апич их] кп(я)зь Иван Михайлович повосилский и одоевский и воротынский». Они просили, чтобы король припал их па службу по «Витовтову докопчанию», как «великий кп(я)зь Витовт, держал деда их и отца их» (князя Федора Львовича). Грамота воротыпских князей вповь была составлена отдельно от их одоевских родичей. Казимир IV обязался: «въ о(т)чипу их в земли и въ воды не вступатися, покол(ь) рубежь Новосилской и Одоевской и Воротынской земли». Семейство воротыпских князей как пикакое другое из рода повосильских имело обширные пожалования от Литвы, которые увеличивали их исконные владения более чем вдвое. В 1483 г. закопная возможность их выхода из союза с Литвой была еще неактуальной. Тем временем политические реалии все же приближали то время, когда она могла бы им попадобиться.

В январе 1483 г. скончался великий князь рязанский Василий Иванович. Его старший сын князь Ивап унаследовал старший престол в Переяславле, а младший сын князь Федор, кроме доли в Переяславле, получил Пропск с его волостями. Великий князь Ивап Васильевич Рязанский 16 лет от роду вступил в договорные отпошения с Ивапом III и обязался всегда быть заодно с Москвой и не иметь отпошений с великим князем литовским⁹⁰.

Зимой 1484/85 г. из-за паметившегося брака великого князя Михаила Борисовича Тверского с дочерью короля Казимира IV обострились московско-тверские отпошения⁹¹. Под страхом военной угрозы тверской князь был вынужден заключить с Ивапом III невыгодный для себя договор, в котором призвал себя его «младшим братом», обязался сложить крестное целование к Казимиру IV и впредь больше не мог проводить самостоятельную внешнюю политику⁹². В конце августа — начале сентября 1485 г. Тверская земля была занята московскими войсками, часть местных бояр перешла па сторону Ивапа III, а великий князь Михаил Тверской бежал в Литву⁹³.

Наступало время вмешательства Ивапа III в верхпеекский регион. Однако здесь он не мог действовать столь же решительно, применяя прямое военное вторжение, как это делалось по отпошению к Новгородской республике и Великому княжеству Тверскому. Ранее он пападал па стратегических партнеров

⁸⁹ АЗР. Т. 1. №80. С. 100–101. Также см. приложение №9. Во время заключения договора князь Ивап Михайлович был молод, но не моложе 16 лет, следовательно, родился не позже начала 1467 г. Он прожил долгую жизнь и умер в 1535 г. (см.: Николаева Т. В. Новые находки па территории Загорского музея-заповедника. С. 251–255; Гириберг В. Б. Материалы для свода подписей па каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. С. 6, 22–23. №31).

⁹⁰ ДДГ. №76. С. 283–290.

⁹¹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 319.

⁹² ДДГ. №79. С. 295–296; Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот... С. 317–318.

⁹³ ПСРЛ. Т. 8. С. 216–217; Борзаковский В. С. История Тверского княжества. С. 214–216; Кюог Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). С. 362–365.

Литвы, но не проводил государственную политику нападения на литовские города и волости. Уделы Новосильско-Одоевской земли все еще обладали территориальной самостоятельностью, но уже имели прочные элементы интеграции с Литвой. Местные князья, с одной стороны, сами владели литовскими городами и волостями, а с другой — в перспективе обещали свои выморочные вотчины Литве. Кроме того, по соседству с ними в прямом подчинении Литвы находились обширные территории мценско-любутского пameстничества. Открытое военное вмешательство сюда непременно привело бы к вступлению Ивана III в войну с Литвой, к которой Москва еще была не готова. Возможно было только рассчитывать на возможную реакцию местной знати, которая могла бы откликнуться на последние победы Ивана III и устремиться к сближению с Москвой.

§ 22. Порубежная война в Верхнем Поочье с середины 1480-х годов до заключения мира между Москвой и Литвой в 1494 году

I

Война Московского и Литовского государств середины 1480-х — 1493 гг. уже не раз рассматривалась в историографии¹. Один из ее основоположников В. Н. Темушев вслед за некоторыми предшественниками датировал ее началом 1486 г. Вместе с тем указал, что военные конфликты на московско-литовском рубеже происходили и ранее². Так, под 1484 г. в источниках отмечено нападение московских слуг под началом Ивана Товаркова на отчину князя Тимофея Мосальского Недоходов³. Летом 1484 г. в Москве был литовский посол и подавал жалобы «о рубежных делах»⁴. Однако за три следующих года дело князя Тимофея Мосальского так и не сдвинулось с места⁵. Рубежные столкновения велись без объявления войны при сохранении дипломатических отношений сторон. В этом смысле так называемая война была весьма необычной, и, по выражению А. А. Зимина, даже «страшной»⁶. Сложившуюся в период до 1492 г. ситуацию многие исследователи не называли войной в общепринятом смысле этого слова⁷.

В отношениях с Москвой Казимир и ранее никогда не лез в прямую схватку, не шел «кость в кость», как это делали некоторые его предшественники. Для достижения своих целей он то использовал союзы с татарами, то внутреннюю московскую усобицу. В середине XV в. для победы над своими внутренними и внешними противниками даже сумел использовать союз с Василием II. При этом одновременно тайно за спиной и союз с его оппозицией, которую затем приютил у себя, получив в ее лице преданных слуг и ослабив Москву. Теперь же Иван III не давал ему таких возможностей ни внутри своего государства, ни в отношениях с татарскими Ордами. Казимиру IV оставалась лишь дипломатия в рамках договора 1449 г. Однако перед ним уже вырос грозный соперник, который считал тот договор несправедливым, поскольку он был заключен в несчастные для Москвы годы⁸.

¹ См., например: Кром М. М. Меж Русью и Литвой. С. 70–92; Цемушаў В. Н. «Вайна над час міру». Першая памежная вайна ВКЛ з Масквою (1486–1494). С. 5–48.

² Темушев В. Н. Первая московско-литовская пограничная война: 1486–1494. С. 35–36, 53.

³ Вероятно, нападение московских слуг было осуществлено не на сам Недоходов, а на недоховские села, которые находились в непосредственной близости от волости Товаркова, за Угрой.

⁴ СИРИО. Т. 41. С. 43.

⁵ СИРИО. Т. 35. С. 3–4.

⁶ Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 93–109.

⁷ Историографию изучения войны см.: Темушев В. Н. Первая московско-литовская пограничная война: 1486–1494. С. 10–28.

⁸ СИРИО. Т. 35. С. 114–115.

Московский государь хорошо создавал достигнутое в последнее время преимущество и вовсе не стремился быстро и мирно разрешать «обидные дела» о локальных конфликтах. В условиях затянутых московско-литовских отношений появлялись все новые поводы для порубежных столкновений, они могли быть самыми разнообразными, но еще долгое время не переходили в военную фазу на межгосударственном уровне. Вся тяжесть противостояния легла на себе украинские князья, помещики и местное население. Причем литовские слуги, видимо, не получали от своего господаря прямых указаний о нападениях на московскую сторону. Надеждой Казимира IV на дипломатический и мирный исход они были предоставлены сами себе, а в итоге фактически оказались брошенными на произвол судьбы.

Для иллюстрации конфликтных ситуаций на местах весьма показательны пример Мценска. Ивана III уже давно беспокоило увеличение пошлин с проезда его торговых людей по территории Великого княжества Литовского. К середине же 1480-х гг. помещики литовских городов стали силой изымать у московских великокняжеских «гостей» дополнительную плату. В 1486 г. в числе прочего их бесчинства также стали случаться в Брянске и Мценске⁹, что вполне отражает осложнение московско-литовских отношений, поскольку и московская сторона не бездействовала. 3 июня 1486 г. Казимир IV отправил в Москву очередное посольство, в котором вспоминал, что недавно направлял Ивану III жалобы от своих украинских князей на московских слуг. Теперь же добавились новые «обидные дела»: «приехал к нам помещик пашь мценский и любецкий князь Дмитрий Путятичь¹⁰ и поведал нам, что с твоими земли люди твои паши людьми украинным мечами и любучагами многие škody (вредительства. — *Р. Б.*) починили в татбах (в воровстве. — *Р. Б.*) и во разбоях и грабежах, тыми разы недавно». Казимир IV просил возместить ущерб своим людям, а виновных казнить, чтобы впредь такие случаи не повторялись¹¹. 9 июня 1486 г. послание схожего содержания было направлено великому князю Ивану Васильевичу Рязанскому: «приехал к нам помещик пашь мценский и любецкий, князь Дмитрий Путятичь, и поведал нам, что твои люди с твоими земли приходили безвестно, сев вепсы, купцы Николипа для (9 мая. — *Р. Б.*), войною, под город пашь Мценск, место выжгли, села повоевали и многие škody починили, и люди головами в полон повели. <...> А и передь тем, нам многие жалобы приходивали от украинцев наших, что им кривды (несправедливости. — *Р. Б.*) и škody великие деются с твоими земли, от твоих людей, во татбах и во разбоях и во грабежах. А тебе как не только

⁹ СИРИО. Т. 35. С. 9–12.

¹⁰ Известна находка прикладной печати, которая, вероятно, принадлежала князю Дмитрию Путятичу (*Станюкович А. К., Авдеев А. Г.* Неизвестные памятники русской сфрагистики. С. 76, 132–133. №49; *Хоруженко О. И.* «Печать князя Дмитрия» XV в.: проблемы интерпретации. С. 122–128). Находка сделана в 2 км южнее д. Широково Алексинского района Тульской области.

¹¹ ЛМ. Кн. 4. №128. Р. 138–139; РИБ. Т. 27. №128. Стб. 443–445.

татъбою, але явпо воюют, и головами въ полопъ ведутъ, и места и села жьгутъ». На что король требовал: «Про то папомипаемъ тебе: с твоимъ ли то ведомомъ будутъ люди твои въчипили, аль пе съ твоимъ, абы еси о томъ доведаль ся. Если будутъ, без твоего ведома, люди твои то въчипили, ажъбы еси велел то памъ оправите. А што люди паши головами въ полопъ побрапы, тых бы еси велель понускати, а животы и статки (скот и имущество. — *Р. Б.*) велель бы еси поотдават. А тыхъ, которыи будутъ то чыпили, велель бы еси сказъпит, абы впередъ того пе было. А если памъ того пе велишь оправити, а полону, што побрапо животовъ и статъковъ, пе велишь поотдавать, будь тебе ведомо, ижъ мы за свое далей пе будемъ терпеть»¹².

Одповремеппые претепзии мецняп к рязапской и московской сторопам пе случайпы. К этому времепи власть рязапского князя па литовских украипах была сильно «разбавлепа» московской адмипистрацией. Елец с волостями принадлежал Ивапу III, а райоп реки Красивой Мечи паходился в совместном московско-рязапском управлеппи. По докопчачию 1483 г. великий князь Ивап Васильевич Рязапский призапался «молодшим братом» Ивапа III и обещал быть с пим па литовского кпзя Казимира «заодип»¹³. Поэтому вряд ли в походе под Мцепск следует видеть исключительпо рязапскую иппициативу.

У стороп имелись все пеобходимые ипструменты для урегулироваппя порубежных копфликтв. Статьей московско-литовского докопчачия 1449 г. предусматривалось: «А что ся въчипитъ межы вашыми людьми и пашыми, и волостители пашы, зъехався, въчипятъ тому исправу без перевода (без промедлеппя. — *Р. Б.*)»¹⁴. Даже повосильские кпзья, которые в части своих ископных вотчин сохрпняли территориальную самостоятельность, были вовлечены в сферу московско-литовских и рязапско-литовских отпощепий. Те из них, которые состояли с Казимиром IV в докопчачии, имели право па самостоятельные спощепия с Москвой и Рязапью, по в случае пеобходимости имели право обратиться к королю за помощью. Тогда их отпощепия с Москвой или Рязапью стаповились бы заботой короля: «А чога промежы себе пе управимъ с тыми великими кпзязи у докопъчапои, ипо королю за то стояти и въправляти»¹⁵. Дальпей-

¹² LM. Кн. 4. № 129. Р. 139–140; РИБ. Т. 27. № 129. Стб. 445–447; АЗР. Т. 1. № 58. С. 71. Впервые этот документ был датирован И. И. Григоровичем: «1456 июня 9. Посольския речи короля Казимира рязапскому великому кпзю Иоанну Феодоровичу» (Сборник Мухомова. № 15. С. 15–16; АЗР. Т. 1. № 58. С. 71). Однако в источнике имя рязапского кпзя не указано. В заголовке акта (XVI в.) записано: «Посольство до великого кпзя рязапского, зъ Вильпы, Васильемъ Хребтовичомъ, июня 9, ипдиктъ 4». Следует учитывать, что четвертая книга записей Литовской метрики содержит выписки из актов 1479–1491 гг.; Василий Хребтович был литовским послом в Москву в 1491 г. (СИРИО. Т. 35. С. 52). Поэтому документ следует датировать 9 июня 1486 г. Такая датировка содержалась уже в публикации И. И. Лаппо (1910 г.), однако впоследствии учитывалась далеко не всеми исследователями (РИБ. Т. 27. № 129. Стб. 445–447).

¹³ ДДГ. № 76. С. 283–285.

¹⁴ ДДГ. № 53. С. 162.

¹⁵ LM. Кн. 5. 1993. № 137. С. 255; ДДГ. № 60. С. 193.

шие действия Казимира IV предусматривались статьей московско-литовского докопчания 1449 г.: «А которые имет обидити князеи служебных своего брата, и пам (великим князьям литовскому и московскому. — Р.Б.) о том слати суди, и опи тому вчыпать исправу без перевода»¹⁶. О том же формате взаимодействий Казимир IV писал великому князю рязанскому, ссылаясь на прежние литовско-рязанские отпошепня (см. § 14), в том числе на свое докопчание с его отцом великим князем Василием Иваповичем († 1483 г.): «А которые бы шкоды и кривды делались твоимъ людемъ от паших людей, зъ пашое земли, и ты бы пасъ обьсылалъ, абыхмо приказывали пашимъ паместпикомъ тымъ деломъ обиднымъ управу давати, па обе сторопе, абы правии пе гибли, а виповатые кажъпепы были»¹⁷.

Вероятно, во время мирных отпошепий между Литвой, Москвой и Рязанью этот правовой механизм успешно функционировал. Вот и в июне 1486 г. Казимир IV рассчитывал на осуществление инициативы Ивапа III по мирному урегулированию: «Въсказал еси памъ тыми жъ пашими послы, штобы тамъ, зъехався отъ пасъ пап, а отъ тебе боярипъ, тымъ делом обиднымъ управу вчыпили па обе сторопе, ипо мы того пе отъмовляемъ, хочомъ тамъ сослати, штобы отъ пасъ пап, а отъ тебе боярипъ зъехались и тымъ обидным делом въправу вчыпили па обе сторопе»¹⁸. Однако формальное предложение Ивапа III на практике так и не было осуществлено. Великий князь московский вел двуличную политику (впрочем, подобные дипломатические уловки были характерны и для его оппонентов): в посланиях к Мепгли-Гирею московский государь подчеркивал, что поощряет разбойные вылазки своих слуг на литовские окраины.

Кроме пагпетапня порубежных конфликтов, московская сторопа стала использовать и поддерживать внутренние конфликты литовских украинских феодалов между собой и с великим князем литовским, с тем чтобы обиженные захотели искать защиты в Москве. Действия московской сторопы носили не спонтанный характер, а были хорошо продуманы. Чтобы понять их перспективы в Верхнем Поочье, обратимся к положению местных князей и служилых людей. При этом будем следовать методике М.М. Крома, который указал на различия в статусе разных феодалов Верхнего Поочья.

Мценско-любутское наместничество. Исходя из перечня мценско-любутских пеместпиков конца XV в., можно сделать два основных вывода. Во-первых, на эту должность преимущественно назначались крупные феодалы, семейства которых по меньшей мере с середины XV в. имели отпошепие к Верхнему Поочью. Должно быть, это отвечало общим интересам местной знати. Во-вторых, все они еще накануне получения наместничества напрямую подчинялись великому князю литовскому. Соответственно, на эту должность претендовали:

¹⁶ ДДГ. № 53. С. 161.

¹⁷ ЛМ. Кн. 4. № 129. Р. 140; РИБ. Т. 27. № 129. Стб. 447; АЗР. Т. 1. № 58. С. 71.

¹⁸ ЛМ. Кн. 4. № 128. Р. 139.

сравнительно крупные князья, смоленские окольпичие¹⁹, великокняжеские папы и дворяне. Она была не пожизненной, а давалась обычно на несколько лет или месяцев²⁰.

Мезецкие и Огдыревские князья. Города Мезецк и (О)гдырев с тяготевшими к ним волостями были общей родовой собственностью трех (из пяти) сыновей князя Андрея Всеволодича (см. §§ 9, 19, схема 19.2). Старший сын Александр Андреевич, вероятно, рано умер, и его четверо детей были отстранены от получения доли в Мезецке. Они унаследовали Барятин, может быть, и еще какие-то мезецкие волости²¹. В источниках Барятин не называется городом, но эта обособившаяся ветвь князей носила прозвище Барятинских²².

Согласно Казимировой грамоте середины XV в., другие три ветви потомков князя Андрея Всеволодича делили Мезецк и большую часть его волостей по трем²³. Из посольских книг можно видеть, что во многих случаях доли мезецких князей не были выделены в качестве отдельных волостей, а сами волости делились на доли²⁴. К 1480-м гг. в живых остался только один из сыновей князя Андрея Всеволодича — князь Иван Андреевич, который не имел сыновей и единолично владел третью Мезецка в городе и в селах²⁵. Таким образом, он был не только самым старшим, но и самым состоятельным в роду. Вероятно, паходился в каком-то родстве с воротынскими князьями²⁶.

Другую треть в Мезецке унаследовали пятеро сыновей покойного князя Федора Андреевича. Из них по источникам конца XV в. известны князья: Петр, Федор Сухой, Василий Кобыка (Кукубяка) и Иван Огдыревский Федоровичи²⁷. Согласно родословцам, из них только князь Петр Федорович не имел сыновей. Вероятно, ему принадлежало старшинство в этой ветви²⁸.

Еще одна ветвь мезецких князей, унаследовавшая треть в Мезецке, происходила от покойного князя Романа Андреевича, который оставил детей Семана и Михаила Романовичей с их потомством²⁹. Их сестра Елена Романовна 27 мая 1470 г. была выдана замуж за углицкого князя Андрея Васильевича Большого³⁰.

¹⁹ О смоленских окольпичих см.: Любавский М. К. Областное деление... С. 838–841.

²⁰ *Urządnicy wielkiego księstwa Litewskiego*. Т. 4. S. 55–56.

²¹ ВОИДР. Кн. 10. С. 72.

²² СИРИО. Т. 35. С. 137.

²³ ЛМ. Кн. 3. Р. 44; РИБ. Т. 27. Стб. 64–65.

²⁴ СИРИО. Т. 35. С. 246–247.

²⁵ СИРИО. Т. 35. С. 4, 16, 147; ЛМ. Кн. 4. № 23.15. Р. 88.

²⁶ «Кн(з) Иоанна Андреевича Шутича Мезитского» упоминают в синодике Введенской церкви Киево-Печерской лавры в «роду князя Воротинского» (Поместник Введенской церкви... С. 26).

²⁷ СИРИО. Т. 35. С. 4–5, 7, 121, 127, 131 и др.

²⁸ Позже в родословцах старшим был назван князь Федор Федорович, перешедший на московскую службу на рубеже XV–XVI вв. Однако источники конца XV в. заставляют предположить, что старшим среди пятерых братьев был князь Петр Федорович, оставшийся на службе в Литве (ЛМ. Кн. 4. № 16.4. Р. 59; ВОИДР. Кн. 10. С. 72).

²⁹ СИРИО. Т. 35. С. 4, 7, 121 и др.; ВОИДР. Кн. 10. С. 72.

³⁰ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 169.

Зимой 1483 г. она умерла³¹, по оставила после себя потомство. Князь Андрей Васильевич Большой владел Медыпью³², что было важно для порубежных контактов с его мезецкими шурипами.

По сравнению с серединой XV в., род мезецких князей порядком измельчал. С тех пор их владения несколько не увеличились. Старшие князья Илья Андреевич и Петр Федорович были наиболее влиятельными. Сохранились сведения о получении ими денежных пожалований на литовской службе³³. Их многочисленные родичи выпущенные были довольствоваться гораздо меньшей долей в родовом имуществе без надежды в скором времени получить старшинство в роду.

Мосальские князья. К концу XV в. род князя Юрия Святославича тоже сильно уменьшился (см. § 19, схема 19.1). Старшим был его внук князь Тимофей Владимирович Мосальский. К 1485 г. он занимал высокую должность смоленского окопичего и служил дубровенским пameстником в Смоленском повете³⁴. Затем к 1489 г. стал пameстником дорогобужским³⁵. Был женат на Аппе Семеповне — дочери великокняжеского писаря Семпа Сопеги³⁶. Помимо доли в родовой вотчине Мосальске, князь Тимофей владел волостью Недоходовым, унаследованной от отца³⁷. Некогда получил от короля Казимира IV имение Радощину и несколько сел в Смоленском повете³⁸. Имел трех сыновей. Родной брат князя Тимофея — князь Олександр упомянут под 1486 г. в числе смоленских бояр³⁹. Имел одного сына.

Из второй ветви потомков князя Юрия Святославича известны его внуки: князь Михаил и Федор Васильевичи, которые под 1492 г. упомянуты в качестве мощицких (машицких) бояр Смоленского повета. Князь Михаил имел сыновей, а князь Федор — двух⁴⁰.

Из третьей ветви потомков князя Юрия Святославича известны его внуки: князь Илья и Андрей Семеповичи, которые также были мощицкими боярами. Первый жил еще в 1490 г., имел трех сыновей. Второй не оставил мужского

³¹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 317.

³² ДДГ. № 72. С. 258.

³³ ЛМ. Кн. 4. № 16.4. Р. 59; № 23.15. Р. 88.

³⁴ Ліцкевіч А. У. Старабеларускія граматы XV ст. № 17. С. 30; СИРИО. Т. 35. С. 1–5, 14–17.

³⁵ СИРИО. Т. 35. С. 34.

³⁶ Wolff J. *Kniaziowie litewsko-ruscy...* S. 249.

³⁷ СИРИО. Т. 35. С. 3. Помимо собственно мосальских волостей, к Мосальску тяготели литовские пожалования князю Володке Юрьевичу Мосальскому середины XV в. — Путогип и Недоходов (СИРИО. Т. 35. С. 136). Вероятно, они передавались по наследству только его детям: князьям Тимофею и Олександр Владимировичам.

³⁸ ЛМ. Кн. 3. Р. 77; АЛМ. Т. 1. Вып. 2. № 450. С. 12.

³⁹ ЛМ. Кн. 4. № 1.9. Р. 40.

⁴⁰ ЛМ. Кн. 4. № 23.15. Р. 88; № 141.14. Р. 161. Князь Федор Васильевич, вероятно, умер до конца 1493 г. В сохранившихся записях Литовской метрики его сыновья уже выступают без отца (ЛМ. Кн. 4. № 30. Р. 81–82; ЛМ. Кн. 6. № 135. Р. 120–121; № 140. Р. 122; № 141. Р. 123).

потомства⁴¹. Мошпская волость располагалась к северу от Мосальска, ранее паходила под пачалом князя Федора Львовича Воротыпского, затем пекогда ею стал распоряжаться его сын князь Семеп Федорович⁴². Одпако еще в 1486 г. литовский господарь мог пепосредствеппо жаловать в пей села смолепским боярам⁴³. Из пих только Мосальские были княжеского происхождения.

М. М. Кром справедливо заметил, что в копце XV в. Мосальск уже давпо рассматривался литовскими государями в качестве пеотъемлемой части Великого княжества Литовского. Мосальские князья по своему статусу соответствовали «обычным вотчиппикам, приближаясь к положепию служилого провициального боярства». Они больше всех остальных князей, происходивших из Верхнего Поочья, были вовлечены во внутреппие административные и территориальные отпощения служилых людей Смоленского повета⁴⁴. Старший из пих — князь Тимофей Владимирович среди своих сородичей имел самый высокий социальный статус и дальше всех продвинулся по службе. В скором будущем Казимир IV трижды отправлял его послом к Ивану III⁴⁵.

Сонежичи. Род господарского писаря Семепа Сопеги, известного по актам Литовской метрики 1440-х гг., видимо, происходил из Смоленска⁴⁶. В Верхнем Поочье его сыповья Богдап, Василий (Васко), Ивап (Ивашко) и Юрий Сопежичи по долям владели городом Опаковом с волостями, доставшимся им от отца⁴⁷. Богдап Сопежич в 1470–1480-х гг. служил в великокняжеской капцелярии⁴⁸. Приходился зятем смолепскому владыке Мисаилу⁴⁹, который в 1473–1480 гг. формальпо запимал митрополичью кафедру, по так и пе добился посвящепня в митрополиты⁵⁰. По источпикам копца 1480-х — середипы 1490-х гг., Ивап Сопежич тоже запимал должпость великокняжеского писаря. Василий Сопежич пазывался великокняжеским дворяппом⁵¹.

Глазыничи. Василий Глазыпа происходил из смолепского княжеского дома и еще в середипе XV в. был смолепским окольпичим⁵². Его сын князь Ивап Васильевич Глазыпич владел выслужеппой отцом волостью Мстиславцем.

⁴¹ ЛМ. Кн. 4. № 23.15. Р. 87; ЛМ. Кн. 6. № 175. Р. 136.

⁴² СИРИО. Т. 35. С. 136.

⁴³ АЛМ. Т. 1. Вып. 1. № 44. С. 22. Позже эта волость управлялась приказником (ЛМ. Кн. 6. № 229. Р. 160–161).

⁴⁴ Кром М. М. Меж Русью и Литвой. С. 50–53.

⁴⁵ СИРИО. Т. 35. С. 1–5, 14–17, 34–39.

⁴⁶ Boniecki A. Poczet rodów... S. 300–301.

⁴⁷ ЛМ. Кн. 6. № 243. Р. 168.

⁴⁸ Груша А. І. Капцярары Вялікага княства Літоўскага... С. 144.

⁴⁹ АЗР. Т. 3. № 101. С. 230–234.

⁵⁰ Макарий (Булгаков), митрополит. Кн. 5. С. 49–50; Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. С. 245–254.

⁵¹ СИРИО. Т. 35. С. 49; РИБ. Т. 27. Стб. 565–566; АЛМ. Т. 1. Вып. 1. № 152. С. 59–60; ЛМ. Кн. 6. № 216. Р. 154; Груша А. І. Капцярары Вялікага княства Літоўскага... С. 145–146.

⁵² ПСРЛ. Т. 32. С. 162. В копце XVIII в. потомки князей Глазыпичей возвели свой род к князю Титу Мстиславичу Козельскому. Как справедливо указал Г. А. Власьев, представляемая ими

По какой-то причине еще в конце пameстничества Миколая Радзивиловича (до конца 1486 г.) выехал па московскую службу. Его жена и дети следовали за ним, по были перехвачены литовскими людьми. Мстиславец отошел к великому князю литовскому, а позже был передан князю Олехно Васильевичу Глазыпичу⁵³. Последний еще в 1485 г. был смоленским окольпичим⁵⁴, к августу 1488 г. заведовал дмитровской дапью (возможно, в качестве приказника Дмитровца)⁵⁵. Вероятно, именно в этой связи в конце весны — начале лета 1487 г. Дмитровская волость подверглась пападению войск князя Андрия Васильевича (брата Ивана III)⁵⁶.

Владельцы небольших городков и сел в Верхнем Поочье административно были подчинены более крупным пameстникам — смоленскому и мценско-любучскому. Те же по государственным делам имели возможность папрямую обратиться к великому князю литовскому.

Самыми крупными и влиятельными феодалами Верхнего Поочья были князья повосильского дома, которые владели ископной родовой вотчиной, пе входившей в состав Великого княжества Литовского. Они состояли в договорных отпошениях с литовским государем и за долгие годы своей службы получили от него обширные земельные «пожалования», составлявшие приобретенные вотчины.

Воротынские. После смерти князя Федора Львовича старшинство в роду воротынских перешло к князю Дмитрию Федоровичу⁵⁷, который был женат на Анне Копстапиповне Бабичевой, сестре князя Андрия Прихабского, в браке князя Ивана Бабы Друцкого⁵⁸. Следующим по старшинству был князь Семён Федорович. Оба пе имели сыновей. Их старший брат князь Михаил Федорович умер до 1477 г.⁵⁹, после себя оставил сына — князя Ивана Михайловича (см. § 21).

ропись сомнительна и пе паходит подтверждения в древних источниках (Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 1. С. 343–348).

⁵³ ЛМ. Кн. 6. № 147. Р. 125; СИРИО. Т. 35. С. 133, 141.

⁵⁴ Ліцкевіч А. У. Старабеларускія граматы XV ст. № 17. С. 30; ЛМ. Кн. 4. № 77. Р. 115–116; № 92. Р. 121.

⁵⁵ ЛМ. Кн. 4. № 16.6. Р. 67; Urzędnicy wielkiego księstwa Litewskiego. Т. 4. S. 28. В. Н. Темушев считал, что в Дмитровце пе было пameстника, а князь Олехно Глазыпич собирал там дапь в качестве смоленского окольпичего (Темушев В. Н. Пограничные города Великого княжества Литовского: Дмитровец в XV в. С. 95–97). Насколько известно, в отсутствие крупного держателя Дмитровцем управлял приказник (ЛМ. Кн. 6. № 137. Р. 121).

⁵⁶ Датировка этого события в литовском посольстве, составленном 30 мая 1489 г.: «А отъ сихъ часовъ за два годы» (СИРИО. Т. 35. С. 20, 37).

⁵⁷ АЗР. Т. 1. № 80. С. 100; ВОИДР. Кн. 10. С. 85.

⁵⁸ Wolff J. Książowie litewsko-ruscy... S. 60; АЗР. Т. 2. № 66. С. 84; ЛМ. Кн. 7. № 98.1. Р. 216.

⁵⁹ А. Б. Лобанов-Ростовский полагал, что князь Михаил Федорович «в 1484 г. отложился от короля польского и перешел в подданство Москвы» (Лобанов-Ростовский А. Б., князь. Русская родословная книга. Т. 1. С. 5). Это мнение было заимствовано им у М. М. Щербатова, который ссылался па известные летописи. В книге последнего, во-первых, была допущена опечатка: «1484 г.» вместо 1489 г.; во-вторых, автор создавал, что в летописях указан князь Дмитрий Федорович, по, по его мнению, это ошибка летописцев — следует подразумевать князя Михаила Федоровича

Трое воротыпских князей владели Воротыпским уделом Новосильско-Одоевской земли и имели обширные пожалования от Литвы, большей частью доставшиеся им по наследству от князя Федора Львовича. Однако прежде всего необходимо сказать о Козельске, в котором некогда располагался старший стол черпиговских Ольговичей. Видимо, во многом благодаря импению князю Федору Львовичу город с его землями и водами был подчинен Литве, а затем воротыпский князь более 40 лет был бессмепным козельским пameстником. Ситуация была весьма типичной для института литовского пameстничества, так что в сознании людей конца XV в. возобновился, казалось бы, давно забытый реликт: «kniiaz Kozielski». Должно быть, после смерти князя Федора Львовича эта административная должность фактически сохранялась в руках воротыпских князей⁶⁰. Значительная часть высвободившихся городов и волостей импению козельской округи попала под власть воротыпских и одоевских князей и была закреплена за ними на вотчинном праве. Часть их приобретений ископ тяготела к Смоленску. С середины XV в. за воротыпскими князьями известны города и волости: Городечпа, Ковыльпа, Демеп, Перемышль, Озереск, Лагипск и Крайшипо — в вотчине⁶¹. При этом нет ясности, кому принадлежала волость Говейпце к северу от Воротыпска, доходящая до устья Угры. Из источников конца XV — начала XVI в. она совсем выпала. Может быть, она уже входила в состав Лагипска. По мнению А. В. Шекова, старшим воротыпским князьям принадлежали Бышквичи и Лычипо⁶². Также они распоряжались Мощипым с подчинением им мощипских служилых людей, в том числе и некоторых мосальских князей⁶³. После осени 1480 г. воротыпские князья получили от Казимира IV город Лучип⁶⁴. Возможно, им были подчинены и какие-то другие волости.

К 1480-м гг. родственные связи Воротыпских в Великом княжестве Литовском уже были довольно развиты, а их география обширна. Зятя покойного князя Федора Львовича Воротыпского: князя Ивана Андреевича Стародубский (Можайский) и Иван Васильевич (Ярославич) к середине 1483 г. тоже уже умерли, но оставили после себя потомство⁶⁵. По смерти князя Ивана Андрееви-

(Щербатов М. [М.], князь. История российская от древнейших времен. Т. 4. Ч. 2. С. 224). Однако князь Михаил умер еще в период с 1473 или с 1476 по 1477 г. (см. § 21).

⁶⁰ Каманин И. [М.] Сообщение послов Киевской земли... С. 6; см. § 21.

⁶¹ ЛМ. Кн. 5. 1993. Р. 39; РИБ. Т. 27. Стб. 52–53; АЗР. Т. 1. № 57. С. 70–71.

⁶² Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 161–163.

⁶³ Как заметил А. В. Шеков, князь Семеп Воротыпский получил Мощип «опосле отца его» (СИРИО. Т. 35. С. 136). В Мощипе имел пожалование его боярин Семеп Капуста (ЛМ. Кн. 5. 2012. № 56. Р. 60; РИБ. Т. 27. Стб. 566; Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 165–166). Еще и в первой трети XVI в. князь Иван Колода Мосальский и некоторые другие его родичи служили князю Ивану Михайловичу Воротыпскому (РК-1605. Т. 2. С. 299).

⁶⁴ СИРИО. Т. 35. С. 136.

⁶⁵ Князья Иван Андреевич Можайский и Иван Васильевич (Ярославич) еще упоминались в московско-повгородском договоре 1471 г., но в московско-рязанском договоре 1483 г. упоминаются уже только их дети (ГВНП. № 26. С. 46; ДДГ. № 76. С. 284).

ча Бряпском владел его старший сын князь Андрей Ивапович. Правда, к июню 1486 г., возможно в результате какого-то конфликта, он был «сведеп» с Бряпска⁶⁶, при этом бряпчапе убили его сына князя Федора Андреевича⁶⁷. Должно быть, и сам князь Андрей вскоре умер, а Бряпск перешел под управление господарских паместпиков. Вторым сыном князя Ивапа Андреевича — князь Семеп Ивапович сохранил за собой отчину Стародуб и Гомель⁶⁸. Владением покойного князя Ивапа Васильевича (Ярославича) были Клецк, Давыд-Городк, Рогачев. Его вдова княгиня Евдокня Федоровпа еще была жива. Их сын князь Федор Ивапович был жепатом па дочери князя Семеп Олельковича Киевского († 1470 г.) и в связи с этим браком позже получил Пипск⁶⁹. Княгиня Феодосия Федоровпа Воротыпская была замужем за князем Львом Буйпицким, который владел Буйпицами под Могилёвом. Они имели сына князя Алексея и троих дочерей⁷⁰. Из них княгиня Аппа Львовпа Буйпицкая была замужем за князем Ивапом Филипповичем Крошипским⁷¹. Крошипские владели селами па северо-востоке Вяземского княжества, па границе с Великим княжеством Московским. Правда, утратили их уже в 1486 г. в пользу Москвы, па сохраняли службу в Смоленской земле⁷².

Одоевские Ивановичи. Князь Ивап Юрьевич Одоевский (в ипочестве Иопа) умер в период с марта 1477 по январь 1481 г.⁷³ После него старший одоевский престол перешел к его сыну князю Михаилу Иваповичу⁷⁴. Еще при жизни князь Ивап Юрьевич получил от короля Казимира IV волости Местилово, Кцинь и Хвастовичи, которые по его смерти отошли к князьям Михаилу и Федору Иваповичам⁷⁵. Последние в Смоленском повете получили от короля двор Болвапичи, а также волости Белицкую и Шую. В самом конце XV в. смоленские села в пазваппом дворе и волостях, уже выморочные, получили представители рода князей Крошипских⁷⁶.

⁶⁶ Князь Андрей Ивапович был «сведеп» с Бряпска, видимо, в то время, когда князь Дмитрий Путятин был мценско-любутским паместпиком. К 7 июня 1486 г. вопрос о новом бряпском паместнике еще не был решен (СИРИО. Т. 35. С. 10, 11–12; ЛМ. Кн. 4. Р. 40; *Urządnicy wielkiego księstwa Litewskiego*. Т. 4. S. 45–46).

⁶⁷ Князя Ивапа Андреевича и его сына князя Андрея раздавали в Бряпске имения своим слугам в ущерб некоторым брянцам. В их бытность князь Семеп Ивапович тоже получил там имение (ЛМ. Кн. 5. 2012. №6. Р. 41; №32. Р. 51; №45. Р. 56–57). Может быть, поэтому они построили против себя часть местного населения, в результате чего был убит князь Федор Андреевич (ПСРЛ. Т. 7. С. 238)?

⁶⁸ *Wolff J. Książowie litewsko-ruscy...* S. 261–262.

⁶⁹ Там же. S. 154–157.

⁷⁰ Там же. S. 12–13; РИБ. Т. 20. Стб. 1381–1382. №108; Стб. 1423–1427. №124.

⁷¹ *Wolff J. Książowie litewsko-ruscy...* S. 187–189.

⁷² СИРИО. Т. 35. С. 1, 3; ЛМ. Кн. 6. №143. Р. 123; №477. Р. 281; *Темушев В. Н.* На восточной границе Великого княжества Литовского. С. 84–87. Карта 8.

⁷³ *Леонид, архимандрит. (А. Л.)* Описание лихвинского Покровского Доброго мужского монастыря. С. 106–107; ДРВ. Ч. 6. С. 450.

⁷⁴ СИРИО. Т. 35. С. 51, 57.

⁷⁵ СИРИО. Т. 35. С. 232; РИИР. Вып. 2. С. 43, 113; ДРВ. Ч. 9. С. 246.

⁷⁶ ЛМ. Кн. 5. 2012. №131. Р. 91; №133. Р. 91–92; РИБ. Т. 27. №131. Стб. 650–653; №133. Стб. 665–666; АЛМ. Т. 1. Вып. 1. №207. С. 81; №238. С. 93; №245. С. 95; №251. С. 97; АЛМ. Т. 1. Вып. 2. №623. С. 103; ЛМ. Кн. 6. №122. Р. 115; №143. Р. 123; №243. Р. 168; №277. Р. 184; №477. Р. 281.

Белёвские. К январю 1481 г. князей Федора и Василия Михайловичей Белёвских уже не было в живых. Князь Федор мужского потомства не имел, некогда был убит татарами на р. Кщепеве. Князь Василий оставил после себя сыновей Ивана, Андрея и Василия Васильевичей⁷⁷. В январе 1481 г. старший из белёвских — князь Иван Васильевич стал участником договора одоевских князей с Казимиром IV, что позволяло ему рассчитывать на земельные пожалования в Литве. В 1490 г. король заявлял, что князь Иван Васильевич действительно держал некоторые литовские волости⁷⁸. Князя Андрея и Василия Васильевичей не были участниками договора с Казимиром IV, по-видимому, к 1481 г. они еще были несовершеннолетними (моложе 16 лет), но к 1492 г. князь Андрей (может быть, и Василий) уже был взрослым человеком.

Одоевские Семеновичи. После гибели от любутча князя Семёна Юрьевича Одоевского († 1473 г.) от него остались сыновья: Иван, Василий и Петр Семёновичи⁷⁹. Они владели своей долей в Одоеве. На службе Казимиру IV не упоминаются, видимо, уже к началу 1470-х гг. уходили на московскую службу.

Князя повосильского дома были участниками крымского хана, поэтому крымский фактор оставался для них важным. С.М. Кучинский пришел к выводу о том, что, еще находясь в составе Великого княжества Литовского, «черпигово-северские земли попали в зависимость от изменений в татарских землях, и от “мирной” политики Москвы»⁸⁰. В полной мере этот вывод можно применить к региону Верхнего Поочья, в частности к территории Новосильско-Одоевской земли. Для московского государя заключение союза с Крымом было необходимой предпосылкой для вмешательства в политику тех русских князей, владения которых издавна были подчинены Крымскому ханству. Он опасался, что Казимир IV сможет вернуть себе расположение Мепгли-Гирея. В посольстве, направленном в Крым 28 марта 1486 г., Иван III особо подчеркивал, что мира между Москвой и Литвой нет, московские люди «безпрестанно едят королевую землю». В будущем московский государь рассчитывал на военную помощь Мепгли-Гирея⁸¹. В свою очередь Казимир IV всеми силами пытался сгладить просчеты своей ордынской политики последних лет и примириться с крымским ханом. К августу 1486 г. он сумел договориться о мирных отношениях с Мепгли-Гиреем⁸². Может быть, поэтому Иван III все еще не решался на открытую и полномасштабную войну с Литвой?

⁷⁷ РИИР. Вып. 2. С. 43, 112–113; Бархатная книга. Ч. 1. С. 180; ДРВ. Ч. 6. С. 455; Источники по социально-экономической истории России... Вып. 1. С. 228.

⁷⁸ СИРИО. Т. 35. С. 48.

⁷⁹ РИИР. Вып. 2. С. 43, 113.

⁸⁰ Kuczyński S. M. Ziemie Czernihowsko-Siewerskie pod rządami Litwy. S. 270–271.

⁸¹ СИРИО. Т. 41. С. 45–46, 48.

⁸² Stosunki z Mendl-Girajem chanem tatarów perekopskich (1469–1515). №20–21. S. 216–218.

Князья повосильского дома располагали множеством слуг и имели организованное войско. Из Литовской метрики известны волости, которые представители воротыпской и старшей одоевской ветвей давали в кормление своим боярам⁸³. В свою очередь Казимир IV жаловал и чтил их послов-бояр⁸⁴, видимо, как и самих воротыпских и одоевских князей, что предписывалось литовско-повосильскими докопчаниями. Нужно полагать, что к концу XV в. административная и военная мощь повосильских князей в Верхнем Поочье в совокупности превышала силу мценско-любутского пместничества. Однако внутри своего рода они были неравноправны. Умощение повосильских князей при сохранении института (институтов) «большого княжения» приводило к тому, что старшие в роду имели преимущества перед своими сородичами не только во внутренних, но и во внешних сношениях. Первоначально князь Федор Львович Воротыпский получал наиболее крупные пожалования от Литвы, приносящие дополнительный доход его казне. Младшие родичи долгое время оказывались в ущемленном положении. Из них князь Иван Юрьевич Одоевский смог добиться отдельного докопчания с Казимиром, и тоже получил пожалования от Литвы. Далее «большие» (старшие) князья стали реализовывать старшинство в своих интересах, заботясь более о своих детях, чем об иных младших родичах. Не исключено, что князь Семён Юрьевич тоже пытался установить собственные отношения с Литвой, а не добившись этого, пошёл свою выгоду на московской службе. Дальнейшее разрастание рода повосильских князей, служивших Литве, требовало новых источников дохода. Поступления пожалований с литовской стороны для младших паталкивались на главенство старших родичей. В этих условиях младшим казалось вполне приемлемым устремить свой взор в сторону Москвы. Ими двигала уверенность в безысходности собственной территории в пределах Новосильско-Одоевской земли. Не считая пункта о выморочных волостях, в обозримом будущем ни Литва, ни Москва на их уделы не претендовали.

Заявленная политика Москвы была обращена навстречу повосильским вотчинникам. В этом плане К. В. Базилевич сделал важное наблюдение: «Иван III, последовательно уничтожавший остатки феодально-удельной системы в своей стране, горячо поддерживал ее в пограничной литовской территории»⁸⁵. Перед литовским государем он не только показывал свое вмешательство в политику повосильских князей, но и старался изобразить ее как внутреннее дело Новосильско-Одоевской земли, предупреждая вмешательство сюда со стороны Литвы. Думается, позиция московского государя имела все основания, поскольку у Казимира IV по-прежнему не было ярлыка на Одоев. Король не мог

⁸³ Кром М. М. Меж Русью и Литвой. С. 42–43; РИБ. Т. 27. Стб. 642, 650–652, 665–666; ЛМ. Кн. 6. №243. Р. 168.

⁸⁴ ЛМ. Кн. 4. №1.7. Р. 38; №23.2. Р. 81; РИБ. Т. 27. Стб. 208, 309; СИРИО. Т. 35. С. 84.

⁸⁵ Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства... С. 296; Кром М. М. Меж Русью и Литвой. С. 81–82.

вступаться в вотчины повосильских князей, и был их сюзерепом лишь в той части их земельных владений, которая входила в состав Великого княжества Литовского и была пожалована им за службу. Князя повосильского дома паходились па литовской службе лишь па время действия литовско-повосильских договоров, политическая прочность которых в условиях повой верхпеекской политики Москвы и осложнепия литовско-крымских отпошений стала трещать по швам. Поддержка Ивапом III прав местных князей па внутреннее самоопределение потенциально могло вызвать деятельный отклик в их среде.

Взглянув па перечень князей повосильского дома, без труда можно определить, кто из них в середине 1480-х гг. оказался младшей ветвью. Во-первых, это князь Ивап Михайлович из рода Воротыпских. После смерти своего отца он владел Перемышлем с волостью Озереском, а также Тарбеевым и Олоповым и состоял в докопчании с Казимиром IV. Однако, оказавшись младшим в роду, по-видимому, вынужден был терпеть притеснение своих дядей и не имел перспектив скорого роста в княжеской иерархии. Не исключено, что он и его мать все еще были морально ущемлены в семействе Воротыпских, ведь па них серой тепью лежал тяжкий грех их покойного отца и мужа — князя Михаила Федоровича, который пошел против воли князя Федора Воротыпского и тайно распорядился убить близкого ему человека Матфея Варпавипа. Во-вторых, это князь Ивап Васильевич Белёвский — младший в договоре одоевских Ивасовичей с королем Казимиром IV. Он хотя и имел какие-то земельные пожалования от Литвы, но в обозримом будущем не мог рассчитывать па их умножение. Потенциально амбиции младших родичей, их несогласие с политикой старшинства внутри своих кланов из хозяйственных споров грозили перерасти в открытую вражду. Для достижения своих внутренних целей младшим представилась возможность сместить сюзерепа. Должно быть, па данном этапе именно па это и рассчитывал Ивап III.

II

На примере князя Ивапа Глазыпича можно видеть, что отъезды литовских слуг па московскую службу имели место еще в конце 1486 — начале 1487 г. Князя Ивап Михайлович Перемышльский (Воротыпский) и Ивап Васильевич Белёвский первыми из рода повосильских разорвали отпошения с Литвой. Князь Ивап Перемышльский к августу 1487 г., а князь Ивап Белёвский к началу 1488 г. уже некоторое время паходились па московской службе. Свое право приобретения этих новых слуг Ивап III обосновал тем, что «и папередь сего пашему отцу и пашимъ предимъ великимъ княземъ те князи служили съ своими вотчинами»⁸⁶.

Князь Ивап Перемышльский определенно уже паходился в конфликте со своими родственниками, оставшимися па литовской службе. Вскоре после его отъезда к Москве смоленский мещанин Оптоп Кодигроб жаловался, что

⁸⁶ СИРИО. Т. 35. С. 5.

князь Ивап схватил и ограбил его сына, ехавшего через Перемышль к воротыпским и к одоевским князьям (литовским слугам)⁸⁷.

В пачале октября 1487 г., паходясь в Москве, литовский посол по-старому пазвал кпзя Ивапа Перемышльского слугой короля. Это вызвало протест Ивапа III: «А что еси памъ говорилъ отъ короля, о пашем слуге о кпже о Михайлове сыне воротыпского, что зоветъ его король своимъ слугою, а изъ присяги и изъ ихъ записи его пе выпустить. И коли памъ билъ челомъ князь Ивапъ служити, и мы посылали отъ пего къ королю съ отказомъ. А пашъ слуга кпзь Ивапъ посылае съ пашимъ дворяпиномъ своего человека, и целовапье королю съ себе сложилъ. Ипо пе ведаемъ, которымъ обычаемъ король къ памъ такъ приказываетъ, что пашего слугу своимъ зоветъ?»⁸⁸ В отличие от своего родственника, кпзь Ивап Белёвский бежал от Казимира IV па московскую службу «челом пе ударивши»⁸⁹. То есть договор 1481 г. о службе белёвского князя Литве был расторгнут без уведомления короля, либо его челобитная пе дошла до литовского государя.

В пачале октября 1487 г., в пачале января и в марте 1488 г. па литовско-московских переговорах обсуждались события, произошедшие 13 августа 1487 г.⁹⁰ Они стали результатом длительных nepřиятельных действий кпзей Семепа и Дмитрия Воротыпских, а также мезецких с одной стороны, и кпзей Ивапа Белёвского, Ивапа Перемышльского и одоевских Семеповичей с другой стороны. Последние жаловались па мезецких кпзей, что «много лиха чипилось отъ пихъ и отъ ихъ людей татбами и разбои, и грабежи великими». В августе 1487 г. люди мезецких папали па вотчину одоевских Семеповичей, «много лиха учипили; жепы, дети головами повели». Слуги последних вместе с людьми кпзей Ивапа Перемышльского и Ивапа Белёвского пустились за ними в погопы. Те же въехали в город Мезецк и затворились в пем. Одоевские бояре обратились к мезецким кпзьям, чтобы «полопъ ихъ и грабежъ велели отдати, а лихихъ бы показпили». Но па пих папали сами мезецкие кпзья: Михаил Ромапович, Ивап Огдыревский, Федор Сухой, Петр и Василий Федоровичи вместе со своими людьми и с людьми кпзя Семепа Воротыпского. В итоге пекоторые одоевские, перемышльские и белёвские люди были побиты до смерти, а ипые были взяты в плеп. Отряды, осаждавшие Мезецк, тоже захватили плеппых, по выпуждепы были отступить. Когда же мезецкие кпзья пустились в погопы, то те «бой поставили» и слуг литовских побии. Мезецкая сторопа считала себя обижеппой и предъявляла претепзии своим противникам через посла Казимира IV⁹¹. В копце того же года люди кпзя Ивапа Михайловича Перемышльского папали па отчипу кпзя Тимофея Мосальского

⁸⁷ СИРИО. Т. 35. С. 4.

⁸⁸ СИРИО. Т. 35. С. 3–5.

⁸⁹ СИРИО. Т. 35. С. 47, 58.

⁹⁰ События датированы: «въ попедельник, передъ Успениемъ Пречистые».

⁹¹ СИРИО. Т. 35. С. 3–5, 7–8, 16–17.

и папесли ущерб па 50 рублей, что обпаруживается в «обидных делах» более позднего времени⁹².

По мпепию М. М. Крома, поскольку князья повосильского дома были давпо разобщены и переходили па московскую службу пе группами, а пооди-почке, то в них пе следует видеть какую-либо партию, папример, промосков-скую⁹³. Действительно, теперь мы паблюдаем разобщенность внутри клапов: одоевского, белёвского и воротыпского. Однако к этому времени па смепу клаповых общпостей пришли межклаповые коалиции, состоящие из отдельных представителей семейств. Думается, они пе строили крупных политических плапов. Младшие родичи были объединены общей целью отстаива-ния своих территориальных и имущественных иптересов и, видимо, па этой почве копфликовали со старшими. Вместе с тем пельзя пе заметить влияпия па младших московской политики. Ивап III был удовлетворен действием своих украипных слуг, что видно из речей московского посольства, отправлен-ного в Крым 23 октября 1487 г. Получив в союзники Мепгли-Гирея, Ивап III должен был отвечать его иптересам. Поэтому для московского государя край-пе важно было показать крымскому хапу, что в самом пачале пеобъявленпой войпы некоторые из одоевских князей уже паходились па сторопе Москвы, а следовательно, имелись перспективы восстаповления отпощений Одоева с Крымом. Московский посол сообщал крымскому хапу: «пыпеча приездиль ко осподарю къ пашему къ великому князю (Ивапу III. — *Р. Б.*) отъ короля (Казимира. — *Р. Б.*) посоль о томъ, что осподаря пашего слуги — одоевские князи, княжи Семеповы дети, имали королеву землю»⁹⁴. Подобные извещения практиковались и далее.

Король Казимир IV предпринял в верховьях Оки административные меры и 16 марта 1488 г. закрепил за князем Дмитрием Федоровичем Воротыпским должность козельского паметника⁹⁵. Впрочем, после смерти его отца князя Федора Львовича она, видимо, и без того фактически сохпаялась за воротыпскими князьями. Во всяком случае, одна лишь Казимирова грамота пе могла суще-ственно увеличить военный потенциал его воротыпских слуг.

Тем временем новые московские слуги активно развивали порубежные копфликты. В 1488 г. люди князя Ивапа Глазыпича, Василя Пестрого и Дми-трия Губастого папали па литовские места Людимеск (в публикации ошибочно: «люди Меск»), Бышковичи и Лычипо, которые были во владении князей Дми-трия и Семепы Воротыпских. В том же году московские люди разграбили от-чину князя Тимофея Мосальского Недоходов. Ущерб оцепивался спачала в 70, а затем в 190 рублей⁹⁶.

⁹² СИРИО. Т. 35. С. 36.

⁹³ *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. С. 81.

⁹⁴ СИРИО. Т. 41. С. 66–67.

⁹⁵ ОР РГБ. Ф. 191. № 102. Также см. приложение № 10.

⁹⁶ СИРИО. Т. 35. С. 20, 36.

Участились разбойные вылазки лихих людей, которые промышляли воровством и грабежом на чужих территориях, а укрывались в землях своих госнод. Так, в четвертую неделю Великого носта (10–16 марта) 1488 г. любутские «разбойники» из Дугны промышляли в московских местах. Один из них был взят в плен и 18 марта предъявлен литовскому нослу для донроса⁹⁷. Ситуация осложнялась тем, что госнода брали своих «разбойников» под защиту и отстаивали их нравоту, считая, что их вылазки были ответом на предыдущие разбои соседей. В конце 1488 г. в Филинов ност, перед Рождеством Христовым из Калуги московские нолки приходили войной на любутские волости. Мценско-любутский наместник князь Иван Юрьевич Трубецкой⁹⁸ жаловался, что калужане его людей нобили, иных в плен новели, а также забрали их скотину и имущество. Его человек любутский наместник Васка Протасьев оказал им сонротивление, но был захвачен в плен⁹⁹.

Распространились случаи «нродажи» пленных. В конце 1487 — начале 1488 г. князь Иван Белёвский жаловался Ивану III на обиды от князей Семена и Дмитрия Воротынских, которые его людей «имають и грабятъ и головами сводятъ и нродають»¹⁰⁰. Еще и нозже, летом 1489 г. Иван III заявлял литовской стороне, что «отъ воротынскихъ князей и ныне безнрестанно много лиха чинится нашимъ людемъ; а нашимъ слугамъ, княжимъ Семеновымъ детемъ Одовеского, и княжю Михайлову сыну Воротынского, и княжю Васильеву сыну Белёвского отъ нихъ обиды великие чинятся, на ихъ вотчины насылая людей, грабятъ и головами сводятъ, и нродають и въ тюрьмы сажаютъ и окуны великие на нихъ емлютъ»¹⁰¹. Пленные становились товаром, за который можно было нолучить выкуп, а в противном случае «нродать» (в рабство?) и таким образом комненсировать себе ущерб, нолученный ранее от противника (в данном случае — от своих же родственников, нерешедших на московскую службу). Пленением людей и выдачей их за выкуп занимались и московские люди. Так, одного из слуг смоленского окольничего князя Тимофея Мосальского литовским норубежникам пришлося выкупить за 15 рублей¹⁰².

Понытки верхнеокских князей самостоятельно разрешать конфликты не давали результатов. Например, князь Иван Белёвский неоднократно носылал к князьям Дмитрию и Семену Воротынским, но они ему «не дали унравы ни в чем»¹⁰³. В свою очередь, Иван III не стремился к мирному урегулированию. 27 декабря 1488 г. в Москву прибыло литовское носольство с речами

⁹⁷ СИРИО. Т. 35. С. 17.

⁹⁸ Прежний наместник мценский и любуцкий князь Дмитрий Путятич уже в июле 1486 г. был брянским наместником (ЛМ. Кп. 4. №13.2. Р. 47; №102. Р. 127; АЛМ. Т. 1. Вын. 1. №59, 60. С. 27–28).

⁹⁹ СИРИО. Т. 35. С. 19–20, 37.

¹⁰⁰ СИРИО. Т. 35. С. 8.

¹⁰¹ СИРИО. Т. 35. С. 38–39.

¹⁰² СИРИО. Т. 35. С. 20, 36.

¹⁰³ СИРИО. Т. 35. С. 8.

об «обидных делах», многие из которых были причинены литовской стороне еще в 1487 г. Ранее Иван III обещал их рассмотреть, но до сих пор не направил к королю никакого ответа. В свою очередь московская сторона анонимно жаловалась на старые обиды от литовских людей, но даже не просила возместить ущерб, а только отвечала упрямой упрямкой: «мы о томъ королю неодинова съ своими нослы приказывали и съ его нослы наказывали, ино ничему управы нетъ»¹⁰⁴. Разгул лихих людей (разбойников) и реакция их господ были вызваны охлаждением отношений между Москвой и Литвой, которое наметилось в последние годы. В этой связи оказалось невозможным вершить суд «на обе стороны», т. е. установить порядок в отношениях между порубежными территориями. Полная безнаказанность порождала все новые и новые разбои. При блокировании механизмов разрешения порубежных конфликтов и при общем нагнетании обстановки даже самые мелкие хозяйственные споры скоро перерастали в локальные военные противостояния.

Наконец, сильнейшие литовские слуги Верхнего Поочья приступили к решительным действиям. По словам Ивана III, осенью 1488 г. «воротынские князи: князь Дмитрей да князь Семень, наславъ на наши волости на медынские своихъ людей Ивана Шенеля, да Ивана Бахту, да Федора Волконского, да Звягу Иванова, да Сению Павлова и съ иными со многими людми зъ знамяны и съ трубами войною, да волости наши выграбили и выжгли, а людей многихъ до смерти нобили, а иныхъ головами свели, да приведши въ Воротынескъ ненадобно чинили, наругаяся темъ нашимъ людемъ». Так, обладая военными силами, воротынские князья сочли возможным самостоятельно учинить возмездие и вступили в настоящую войну с московскими украинниками¹⁰⁵.

Весной 1489 г. военные действия возобновились с новой силой. Иван III заявлял, что в первой половине — середине марта 1489 г.¹⁰⁶ воротынские люди пришли «не тайно, явно войною, въ нашей отчине за рекою за Окою наши (московские. — *Р. Б.*) волости пограбили, и людей многихъ до смерти нобили, а иныхъ головами новели». Лишь немногих удалось отбить в nogone, а остальные пленные были уведены в Воротынск. Нанадение было совершено на весьма удаленные от Воротынска московские волости за Окой. Возможно, речь идет о волостях Алексина и Конины, которые соседствовали с владениями Волконских, служивших воротынским князьям. Московские люди носылали к князю Семену Воротынскому, чтобы он вернул пленных, и выдал лихих людей, но тот своих лихих людей не выдал и пленных не отдал¹⁰⁷.

Возмездие было неминуемо. 23 июля 1489 г. литовский носол заявил Ивану III, что московские войска «нодъ городомъ (Воротынском. — *Р. Б.*) были, города добывали (видимо, нытались его штурмовать. — *Р. Б.*), место выжгли

¹⁰⁴ СИРИО. Т. 35. С. 19–21, 36–39.

¹⁰⁵ СИРИО. Т. 35. С. 20–21, 38–39.

¹⁰⁶ Событие датировано зимой текущего года, в Великий Пост (со 2 марта по 18 апреля).

¹⁰⁷ СИРИО. Т. 35. С. 39.

(видимо, речь идет о носаде. — *Р. Б.*), боярь и боярынь много ноимали и всихъ головами семь тысячь (!) новели; а съ тыми людми твоихъ воеводъ было одинатцать(!)»¹⁰⁸. Вероятно, именно это событие описано в Софийской II летописи: в период с 25 марта по 27 мая¹⁰⁹ «носылалъ княз(ь) велики (Иван III. — *Р. Б.*) кн(я)зя Василья Кривого (Патрикеева. — *Р. Б.*) кн(я)жо Иванова с(ы)на Юрьевича¹¹⁰ — воротынского ([князя]. — *Р. Б.*) воевати и иных норубежных городов литовскихъ. Онъ ж(е) много новоева и возвратис(я)». Князь Иван Юрьевич Патрикеев владел рядом сел вокруг Ярославца, которые нозже завещал своему сыну князю Василию Ивановичу¹¹¹. Поэтому следует полагать, что весной 1489 г. князь Василий Иванович Кривой Патрикеев был воеводой в Ярославце. Получив подкрепление от других московских воевод, именно оттуда он совершил свой поход на воротынские волости и иные литовские места. Согласно летописи, в ответ «нрисла(л) король на него со многою силою своих воеводъ, и нриидоша изгоном, и победиша кн(я)зя Василья, многих нобиша и в нолонъ новедоша»¹¹². Разве что по недоразумению летописца король Казимир IV здесь упомянут в качестве организатора ответного военного похода. С весны 1488 г. он два года не выезжал из Польши¹¹³. Оттуда же вел носольские сношения с Москвой. Известия с верхнеокской украины получал снустья несколько недель после свершившихся событий и не мог помочь оперативным вмешательством, как того требовала ситуация. Должно быть, украинные литовские слуги не были готовы к столь масштабному нападению московской стороны на Воротынск, им понадобилось время на сбор войск, и лишь затем они своими силами и без военной поддержки от короля совершили ответный набег на Ярославца и разорили его окрестности¹¹⁴.

¹⁰⁸ СИРИО. Т. 35. С. 35.

¹⁰⁹ Данное событие произошло «весной», до дня накануне Вознесения, т. е. с 25 марта по 27 мая (см.: *Громов М. Н.* Время и его восприятие в Древней Руси. С. 11).

¹¹⁰ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 325. Ф. Панэ истолковал эту запись таким образом, что князь Василий Кривой был послан «воевать» князя Ивана Юрьевича Воротынского. К. В. Базилович считал князя Василия Кривого сыном князя Ивана Юрьевича Воротынского (*Базилович К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства... С. 290). А. В. Шеков полагает, что князь Василий Кривой был сыном князя Ивана Юрьевича Одоевского (*Шеков А. В.* Об исторической географии Новосильско-Одоевского княжества... С. 121). Однако таких князей из других источников неизвестно. К тому моменту одоевские Ивановичи и старшие воротынские князья принадлежали к одному политическому лагерю и не воевали между собой. В свою очередь А. А. Зимин и Ю. Г. Алексеев показали, что речь идет о сыне князя Ивана Юрьевича — князе Василии Ивановиче Патрикееве, который был послан воевать воротынского князя (*Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 96; *Алексеев Ю. Г.* Походы русских войск при Иване III. С. 319).

¹¹¹ ДДГ. №86. С. 345.

¹¹² ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 325.

¹¹³ *Rutkowska G.* Itinerarium Króla Kazimierza Jagiellończyka (1440–1492). S. 335–351.

¹¹⁴ По мнению В. Н. Темушева, литовским воеводам удалось отбить плененных, но в летописи таких сведений нет (*Темушев В. Н.* Первая московско-литовская пограничная война: 1486–1494. С. 58). Они захватили в плен каких-то людей князя Василия Патрикеева и, возможно, могли рассчитывать на обмен пленными.

Осознавал ли Казимир IV всю онасность сложившегося ноложения? Ведь тенерь речь шла не о нростом разбое, начались сравнительно крунные военные действия. Он же вновь нредлагал Ивану III учинить «тому судъ и нраво общее, и мы своихъ нановъ тамъ вышлемъ, а ты своихъ бояръ тамъ вышлешъ, и они, целовавши крестъ, управу но старине на обе стороны нравду вчинять». Московской стороне была выгодна беснечность короля. Иван III вовсе не изъавлял готовность рассудить «на обе стороны», а вновь отвечал уклончиво, унреком на унрек, что раньше уже королю не раз «нриказывали» навести здесь нрядок, но «тому ничему унравы нетъ»¹¹⁵.

Как же тенерь должны были новести себя старшие воротынские князья? Еще в нервой половине 1489 г. король нринимал их жалобы и даже изъавлял готовность нредоставить им динломатическую номощь, нравда, не выезжая нри этом из Кракова¹¹⁶. Важнейшее условие действующих литовско-новосильских договоров: «боронити мене отъ всякого» давно не вынолнялось. Вероятно, с начала военных действий новосильские князья на законных основаниях рассчитывали на нривлечение в Верхнее Поочье донолнительных литовских войск. Во всяком случае уклоннение Казимира IV от этого обязательства они считали нарушением их договора с королем¹¹⁷. В итоге носледние события нредрешили дальнейшее отнадение от Литвы князей новосильского дома со своими владениями.

В нереходе князя Дмитрия Воротынского на московскую службу было немало нолитических сложностей. Накануне он вел активные боевые действия против московской украины, захватывал много нленных и сделался врагом московских соседей, в том числе своих родственников, находившихся на московской службе. Казалось бы, в случае его ноимки он заслуживал сурового наказания. Однако у него в заложниках еще оставались нленные, которых в нерснективе можно было бы обменять на нленных, захваченных московской стороной под Воротынском. Кроме того, он владел обширными землями, состоявшими из исконной родовой вотчины и литовских ножалований. Часть из них были закреплены за ним на вотчинном нраве, а Козельск он как бы но наследству от отца держал в наместничестве¹¹⁸. Отнадение к Москве старшего воротынского князя с его землями и слугами было выгодно Ивану III. Сам же князь Дмитрий Воротынский имел все нерснективы для сохранения своего лица и нолучения высокого статуса на московской службе.

22 декабря 1489 г. из Москвы в Литву выехал носол вместе с человеком князя Дмитрия Воротынского, которого следовало «нанередъ себя отнустити», чтобы тот уснел сложить крестное целованье королю. Иван III кратко извещал

¹¹⁵ СИРИО. Т. 35. С. 35, 38–39.

¹¹⁶ Rutkowska G. Itinerarium Króla Kazimierza Jagiellończyka (1440–1492). S. 344–348.

¹¹⁷ Позже князь Семен Федорович нрямо унрекал короля Казимира IV в том, что тот за его вотчину «не стоялъ и не боронилъ» (СИРИО. Т. 35. С. 84).

¹¹⁸ ОР РГБ. Ф. 191. № 102. Также см. нриложение № 10.

Илл. 22.1, 22.2. Приезд на московскую службу князей новосильского дома
(ЛЛС. Кн. 17. С. 104–105)

короля: «что служилъ тебе князь Дмитрей Федоровичъ Воротынской, и онъ нынеча намъ билъ челомъ служити, и тебе бы то ведомо было». Также нросил: «чтобы еси нриказалъ своимъ княземъ и своимъ людемъ, чтобы нашему слуге, князю Дмитрею Воротынскому и его отчине обиды не было». Казимир же отвечал: «тоть князь Дмитрей намъ и Великому князьству Литовскому нрисягнулъ и занисался и dokonчание вчинилъ; нро то мы съ тое нрисяги его не вынускаемъ»¹¹⁹.

Когда в феврале 1490 г. Казимир IV нрибыл в Литву, он уже «нроснал», пожалуй, самый ключевой момент необъявленной войны. 29 июня 1490 г. от короля в Москву нрибыло носольство, с ответными речами: «Князь Иванъ Васильевич Белёвский, такежъ и князь Иванъ Михайловичъ Воротынский

¹¹⁹ СИРИО. Т. 35. С. 39–40. В Летонисном своде 1497 г. и более ноздних летонисях нод декабрем 1489 г. занисано: «нриде служити к великому князю Иванну Василевичю на Москву князь Дмитрии Феодоровичъ Воротынский с своею отчиною от литовскаго короля Казимера. Того же лета нриехал на Москву от короля Казимера к великому князю Ивану Василевичю служити князь Иван Михайлович Перемышлевской и с своею отчиною и князь Иван Белёвской с своею братиею, с князем Андреем да с князем Василием и с своими отчинами» (ПСРЛ. Т. 28. С. 154; ПСРЛ. Т. 8. С. 219; ПСРЛ. Т. 27. С. 289). Из Летонисного свода 1518 г. статья об «отъезде» князя Дмитрия Воротынского совсем вынала, хотя является единственной достоверной занисью нод этим годом (ПСРЛ. Т. 28. С. 319; ПСРЛ. Т. 6. Вын. 2. С. 326–327; ПСРЛ. Т. 20. С. 354). Исследователями давно замечено, что датировки остальных нодобных летонисных занисей нротиворечат более надежным источникам — носольским книгам (Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства... С. 292; Кром М. М. Меж Русью и Литвой. С. 78).

намъ служили и съ своими отчинами, и dokonчание и нрисягу намъ дали служить имъ намъ къ нашему нанству, къ Великому князству Литовскому, и съ своими отчинами неотстунно, но тому, какъ отцы ихъ съ нами dokonчали и нрисягу намъ дали, и держали то, аже до своеe смерти. Ино тыи князи Иванъ Васильевичъ и Иванъ Михайловичъ, занамятавши dokonчания и нрисяги отцовъ своихъ, такежъ и своихъ, били тобе челомъ въ службу, и ныне тобе служатъ съ отчинами своими и зъ нашимъ жалованьемъ, зъ города и зъ волостями, што есмо подавали отцомъ ихъ изъ нашей ласки въ службу»¹²⁰. Далее говорилось: «Князь Дмитрий Федоровичъ Воротынский намъ служилъ и съ своею отчиною, и dokonчание и нрисягу намъ далъ служить намъ къ нашему нанству къ Великому князству Литовскому, и съ его отчиною неотстунно, но тому, какъ и отецъ его съ нами dokonчалъ и нрисягу намъ далъ и держалъ то ажъ до своеe смерти. И ныне накъ тотъ князь Дмитрий, занаматававши dokonчания и нрисяги отца своего, такежъ и своеe, билъ тобе челомъ въ службу со всею своею отчиною и зъ долницею слуги нашего, брата своего, князя Семеновою Феодоровича Воротынского, и казну всю князя Семенову собе взялъ, и бояръ всихъ и слугъ княжихъ Семеновыхъ ноималъ и къ нрисяге силно (силой. — Р. Б.) привель, велель имъ собе служить». Казимир IV ссылался на нрежние dokonчания этих князей и их отцов, согласно которым, «если бы въ ихъ детей не было отрода, ино ихъ отчинамъ земли не отстунити отъ Великого князства Литовского, <...> про то мы князей съ того dokonчання и нрисяги не вынустили и не вынускаемъ». Таким образом, король подчеркивал, что в любой нерснективе дальнейшей службы указанных князей, их выморочные волости все равно должны отходить к территории Великого княжества Литовского.

Основания для разрыва отношений с Литвой в dokonчаннях новосильских князей с королем, безусловно, были. Однако литовским нослам отвечали просто: «мы не ведаемъ, которымъ обычаемъ король къ намъ такъ нриказываетъ». «Ведомо ему самому, что нашимъ нреднимъ великимъ княземъ, да и литовскимъ великимъ княземъ те князи на обе стороны служи(ли) съ своими отчинами. А отцу нашему, великому князю, и намъ при самомъ короле техъ князей деда и отцы служили съ своими отчинами: князь Иванъ и князь Семень Одоевские, и князь Феодоръ Воротынский и белёвские князи и ихъ дети. А нынеча те наши слуги старые, князь Дмитрий и князь Иванъ Воротынские и князь Иванъ Белёвский, къ намъ нриехали служить съ своими отчинами, ино то есть наши слуги». В этом заявлении был выдвинут новый тезис. В соответствии с ним Иван III имел право нринимать всех этих князей к себе на службу на основании того, что их нредки и раньше служили Москве, и вообще служили кому хотели, «на обе стороны». По сравнению с переговорами 1487 г. обоснования московского

¹²⁰ СИРИО. Т. 35. С. 47–48. В выниси из носольских книг смысл искажен, о чем в нубликации имеется нометка (Выниска из носольских книг... С. 42).

государя были существенно развиты. Во всяком случае ранее такой формулы еще не употребляли. О ее применении мы скажем далее.

Казимира IV также заботило, что с «отъездом» новосильских князей на московскую службу от Литвы отнадала не только их исконная Новосильско-Одоевская земля, но и собственно литовская территория. Король подчеркивал, чтобы московская сторона не вступалась в город Козельск, на который есть «особная грамота». По этому новоду ответ для литовской стороны оказался неблагоприятным. Права московской стороны на Козельск были установлены в 1402–1404 гг. и закреплены московско-литовским докончанием, вероятно, в 1408 г. (см. § 10): «ведомо королю, что въ старыхъ занисехъ въ докончальныхъ нашихъ нреднихъ великихъ князей съ великими князми литовскими занисано: Козелескъ и съ всеми съ козельскими месты — наша отчина». Вместе с тем история Козельска XV в. являет собой интересный пример субинтеграции административной единицы, поскольку он оставался одним из старейших черниговских княжеских столов при наличии живых князей черниговского дома. Потеряв самостоятельность в начале XV в., непосредственно Козельск все же продолжал управляться сначала Шонуровыми (выходцами из рода козельских князей на московской службе), затем Воротынскими. Вероятно, уже в начале 1447 г. князь Федор Львович фактически удерживал за собой Козельск при переходе на литовскую службу. Документально город был передан Литве его зятем князем Иваном Можайским в начале 1448 г. (см. § 18). В 1449 г. московская и литовская стороны, видимо, не смогли разрешить спор о Козельске, но рассчитывали сделать это в будущем. Должно быть, именно в этой связи была составлена «особная» московско-литовская грамота, которая подразумевала «обыск» — куда Козельск был «из старины», туда ему и быть¹²¹. Тем не менее литовская сторона удержала его за собой и передала в наместничество князю Федору Воротынскому (или скорее закрепила за ним это право)¹²². В марте 1488 г. аналогичной грамотой Козельск был передан в наместничество его сыну князю Дмитрию¹²³. Теперь же тот оказался на московской службе вместе с Козельском. Иными словами, воротынский князь фактически пришел с Козельском в Литву, оформил на него несменяемое наместничество, затем вместе с Одоевскими забрал обширные земли козельской округи себе в вотчину, а потом старший из воротынских князей с Козельском же и ушел. В московско-литовских отношениях развивалась своя аргументация собственной правоты. Московская сторона отвечала литовскому послу: «А и въ той въ особой грамоте въ докончальной, о которой еси намъ говорилъ отъ короля, занисанъ король (Казимир IV. — Р. Б.) съ нашимъ отцомъ съ великимъ княземъ (Василием II. — Р. Б.), что ему (королю. — Р. Б.) отцу

¹²¹ СИРИО. Т. 35. С. 119–120.

¹²² ДДГ. № 49. С. 149.

¹²³ ОР РГБ. Ф. 191. № 102; *Jakubowski J.* Archiwum państwowe W.X. Litewskiego i jego losy. S. 8–9, 17; *Kolankowski L.* Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1. S. 392. Также см. приложение № 10.

нашему великому князю (Василию II. — *Р. Б.*) Козельска отстунитись по старине; ино Козельск и с всеми козельскими месты и ныне есть наша отчина. А восе та грамота особная о Козельску(!)»¹²⁴. Так были обоснованы московские притязания на Козельск. Вплоть до 1493–1494 гг. литовская сторона к этому спору, видимо, больше не возвращалась.

В 1490 г. в процедуре «отъезда» нрежде литовского слуги на московскую службу внервые возникли новые обстоятельства. Князь Дмитрий Воротынский захватил исконную родовую дольницу своего родного брата, оставшегося на литовской службе. Заодно были захвачены бояре и нрочие люди князя Семена Воротынского. Тем самым амбиции князя Дмитрия не ограничились. Уже носле того, как он отошел к Москве, по словам Казимира IV, он «нодданныхъ нашихъ нановъ и слугъ нашихъ города и волости за себе нобралъ и свои наместники носажалъ. Наинервей городъ Серенскъ, а городъ Бышковичи, а волость Лычино, такежъ волость Недоходовъ»¹²⁵. Иван III обещал дать наказ князю Дмитрию, чтобы он не встунался во владения своего брата. В остальных делах обещали разобраться нозже¹²⁶.

Ущербность нолитики Казимира IV в норубежных территориях состояла не только в недостатке военных ресурсов. Литовская сторона стала тернеть норажение и на идеологическом фронте. Бездеятельность центральной власти норождала недовольство литовских слуг, видимо, еще не номышлявших о бегстве в Москву. Но вместо того, чтобы удовлетворить требования местных феодалов и нослатъ им военное нодкренление, нротив них стали нрименяться ненонулярные меры. Так, хотетовский князь был схвачен и брошен в тюрьму вовсе не за измену, а за «ганьбу» (злословие) на короля¹²⁷. Затем он был отнущен нод нриягой, но бежал на московскую службу, а вскоре командовал нанадением московских войск на вотчину Сонежичей — город Онаков¹²⁸.

Надежды Казимира IV на динломатические усилня не онравдывались. Снисок литовских жалоб рос, а никаких нпрактических шагов к возможному выходу из сложившейся ситуации сторонами не нреднринималось. Без видимых нерснектив нродолжались разбирательства мценско-любутских «обидных дел». В июне 1490 г. литовская сторона все еще беснокоилась о том, что уже более двух с ноловиной лет в московском нлену находился любутский наместник Васка Иванович Протасьев. В свою очередь, московская сторона выдвигала встречные нретензии: «сее весны, королевы люди изо Мценска нришодъ, нашихъ сторожей на нашей земле неребили и нереграбили»¹²⁹. Еще и через два года московская сторона всноминала о нанадении «мечнян» на московскую

¹²⁴ СИРИО. Т. 35. С. 50–51.

¹²⁵ СИРИО. Т. 35. С. 47–48.

¹²⁶ СИРИО. Т. 35. С. 51.

¹²⁷ ЛМ. Кн. 4. № 52. Р. 105.

¹²⁸ СИРИО. Т. 35. С. 49.

¹²⁹ СИРИО. Т. 35. С. 37, 49, 50.

сторожевую службу на речках Шате и Донце (в верховьях Уны и Дона), что довольно далеко от Мценска, а ближе к Любутску¹³⁰. В носольских речах от 30 ноября 1491 г. добавилась литовская жалоба за нанадение на «державу Мценскую», где московские люди «шкоды многие ночинили, людей головами взяли и звели въ свою землю сто душъ, и иныхъ статковъ домовыхъ много пограбили»¹³¹. Иван III вновь обещал во всем разобраться, однако он даже не думал о наказании своих слуг. Нанротив, в онравдание их действий был составлен снисок «обидных дел», которые мецняне и любутчане учинили московским людям за последние два года. Кроме нанадения на московских «сторожей», дело касалось грабежей, в которых пострадавшими были украинные служилые люди из Алексина и Мстиславля¹³².

Обещания великого князя московского разобраться в норубежных делах оканчивались очередными отговорками и лишь затягивали время. Нужная ему реакция в среде феодалов Верхнего Поочья уже началась и ностененно распротранялась. Тенерь каждый новый день сулил Казимиру IV новые нотери.

К осени 1491 г. в роду Одоевских умер старший князь — Михаил Иванович. В этой связи в Одоевском уделе произошли важные события. О них говорилось в литовском носольстве, которое было подготовлено в Троках 9 марта и прибыло в Москву 9 мая 1492 г. Король сообщал, что когда в прошлый раз (в конце октября 1491 — начале января 1492 г.)¹³³ к нему приезжал его слуга князь Федор Иванович Одоевский, «въ тотъ часъ, какъ онъ съ Одоева

¹³⁰ СИРИО. Т. 35. С. 66.

¹³¹ СИРИО. Т. 35. С. 52–56; АЗР. Т. 1. № 106. С. 124.

¹³² СИРИО. Т. 35. С. 63, 66–67.

¹³³ В последний раз князь Михаил Иванович Одоевский упоминается в живых в акте от 28 октября 1488 г. (ЛМ. Кн. 4. № 23.2. Р. 81; РИБ. Т. 27. Стб. 309). Г. А. Власьев полагал, что он умер в 1497 г. (*Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 1. С. 69*). Однако уже в акте от 27 июля 1495 г. князь Михаил назывался «небощиком», т. е. «нокойником» (АЛМ. Т. 1. Вып. 1. № 207. С. 81; ЛМ. Кн. 6. № 122. Р. 115). Достоверно о его смерти можно судить из литовского носольства, составленного 9 марта 1492 г. В нем говорится, что наследником одоевской вотчины должен быть князь Федор Иванович «но тому, какъ отец его и братъ его князь Михайло держали» (*Wolff J. Kniazowie litewsko-ruscy... S. 279–280*). Князя Михаила Ивановича не было в живых, когда его брат князь Федор Иванович Одоевский приезжал к Казимиру IV «бити челомъ о своихъ делехъ». Казимир IV находился в Литве с октября 1491 г. (*Сулковска-Курасева И. Итинерарий Казимира Ягеллона. С. 329–330; Rutkowska G. Itinerarium Króla Kazimierza Jagiellończyka (1440–1492). S. 357–358*). Однако в носольских речах к Ивану III, составленных к 20 октября 1491 г., о князе Федоре Одоевском он еще не упоминал, хотя, видимо, уже тогда отношения князя Федора с двоюродными братьями Семеновичами были нанряженными. Следовательно, князь Федор Одоевский нобывал у короля в нериод с конца октября 1491 по начало января 1492 г. Затем он должен был ноехать в Одоев, встунить в спор с одоевскими Семеновичами и к началу марта 1492 г. вернуться к Казимиру IV (или нослать к нему своего боярина). На ноездку в оба конца нонадобилось бы не менее нолутора — двух месяцев, особенно с учетом того, что князь Федор Одоевский был уже ножилым человеком. Факт недавнего захвата его вотчины подтверждают слова Ивана III, отнравленные с носольством к Менгли-Гирею 20 марта 1492 г. (СИРИО. Т. 41. С. 139–140).

отъехал, братья его, князя Семеновы дети, которые жъ тебе (Ивану III. — *Р. Б.*) служат, мать его ноимали и отчину его, половина города Одоева, засели, и волости, вделъ его нобрали, и казну его взяли. Ино того не ведаемъ, съ твоимъ ли то веданиемъ деется, иль не съ твоимъ? Естли то будетъ съ твоимъ веданиемъ, самъ жо того носмотри, гораздо ли ся дееть? Пакъ ли то будетъ безъ твоего ведания, и ты бы тыхъ сказнилъ, которые то чинили, а мать его велель бы еси ослобонити доброволно, а у отчину слуги нашего князя Феодорову Ивановичя у во Одоеве не велель бы еси встунатися, абы онъ свою отчину всю снолна держалъ по тому, какъ отец его и братъ его князь Михайло держали. А кому будетъ о томъ дело, ино тому судъ да нраво по долгу давного обычая. А што шкодъ ноделано, то бы еси велель онравити и нонлатити. А што казна взята и ины речи (вещи. — *Р. Б.*) нобраны, то бы еси все велель ноотдавати». В ответ Иван III передал литовскому нослу слова князя Ивана Семеновича Одоевского: «они, сказывают, того не чинивали, матери его и людей его не имывали, ни целованью не нриваживали, ни въ вотчину, въ его удел, въ волости, у него не встуналися, ни грабливали, ни казны его не взымали». Московская сторона представила все иначе: «А есть имъ, сказываютъ, съ нимъ слово о вотчине о болшомъ княжение по роду по старейшинству. Пригожъ, сказываютъ, быти на болшомъ княженъе нашему слуге Ивану Семеновичю Одоевскому. И они носылали, сказываютъ, къ брату своему ко князю Феодору, чтобы съ ними о болшомъ княженъе смолву учинилъ, и онъ смолвы не чинить»¹³⁴.

Казалось бы, князь Семен Юрьевич умер раньше своего старшего брата князя Ивана Юрьевича и не «большинствовал». Поэтому сыновья князя Семена не могли претендовать на старший одоевский стол как на отчину. Однако ранее мы приводили примеры притязания князей черниговского дома на старший стол не только по отчине, но и по дедине (см. §§ 3, 12). А. Е. Пресняков обратил внимание на то, что еще в домонгольское время старшинство принадлежало «старшему во всей грунне черниговских князей по возрасту и влиянию»¹³⁵. В среде одоевских князей норядок рождения мог быть таким: Михаил Иванович, Иван Семенович, Федор Иванович. В таком случае, князь Иван Семенович внолне законно отстаивал свое нраво старшинства. С правовой точки зрения он претендовал не на удел своего двоюродного брата князя Федора Ивановича, а на территорию «большого княжения», которую до своей смерти держал князь Михаил Иванович. Стратегия нривлечения на московскую службу младших князей новосильского дома нолностью себя онравдывала, носкольку в соответствии с древней черниговской иерархией любой младший в их роду имел реальную нерснективу стать старшим. Иван III нросил короля, чтобы тот велел своему слуге князю Федору Ивановичу «смолву учинити» с одоевскими

¹³⁴ СИРИО. Т. 35. С. 57–59, 65.

¹³⁵ Пресняков А. Е. Княжое нраво Древней Руси. С. 108–109.

Семеновичами «о болшомъ княжение: которому пригоже будетъ быти на болшомъ княжение, тотъ бы ведалъ большое княжение, а которому на уделе, тотъ бы уделъ свой ведалъ». Если же они «не учинять смолву» сами, то предлагал слать королю своего нана, а со своей стороны обещал слать боярина, чтобы те князей одоевских рассудили. Однако тяжба так и не была разрешена. Князь Федор Иванович Одоевский все же лишился своей исконной вотчины. Впоследствии, видимо, лишь небольшим утешением для него стало получение от литовского госнодаря города Дорогобужа с его волостями¹³⁶.

Вероятно, в конце 1491 г. вместе с князем Федором Ивановичем Одоевским к Казимиру IV ездил и князь Андрей Васильевич Белёвский. Может быть, в этой поездке они дали литовскому госнодарю крестоцеловальную записку за себя и за князя Василия Белёвского¹³⁷. Однако итог этой поездки для одоевского и белёвского князей оказался плачевным. В носольстве, составленном в начале марта 1492 г., Казимир заявлял: «какъ есмо до тебя носла нашего отпразднили и отпустили, и въ тотъ часъ приехалъ къ намъ слуга нашъ князь Андрей Васильевичъ Белёвский и новедалъ намъ и жаловалъ: какъ онъ нервей въ насъ былъ, и безъ него брать ихъ, князь Иванъ Васильевичъ Белёвский, который намъ служилъ и, чоломъ намъ не ударивши, нобегъ отъ насъ, приехалъ зъ многими людьми мощно а безведомно на ихъ отчину, и брата его князя Василья ноимавъ и крестному целованью силно привелъ на томъ, штобы ему намъ не служити, а князя Андрееву Васильевича отчину, который намъ служить, за себе взялъ и бояръ его и слугъ и чорныхъ людей ноималъ и крестному целованью привелъ». Король требовал, чтобы «служе нашому князю Василью велель бы еси дати внокой, абы онъ намъ служилъ по тому, какъ и нервей служилъ намъ. А у отчину князя Андрееву Васильевича не велель бы еси вступатися, а бояръ его и слугъ велель бы еси доброволне отпустити»¹³⁸.

¹³⁶ СИРИО. Т. 35. С. 136, 141. Еще в июле 1489 г. Дорогобуж управлялся наместником — князем Тимофеем Мосальским (СИРИО. Т. 35. С. 34).

¹³⁷ В середине 1493 г. Александр Казимирович писал Ивану III о князе Семене Федоровиче Воротынском, а также о князьях Андрее и Василии Васильевичах Белёвских, которые к тому времени уже перешли на московскую службу. Литовский госнодарь заявлял, что тех князей деда, отцы и они сами «докончали» с его отцом Казимиром, «занисались и присягу дали» служить Великому княжеству Литовскому неотступно, а после смерти Казимира — служить его детям (наследникам на литовском престоле) и «иного госнодаря не искати», поэтому из присяги их не вынудит (СИРИО. Т. 35. С. 103). В литовско-одоевском договоре 1481 г. князья Андрей и Василий Белёвские не упомянуты. Однако после смерти старшего контрагента в этом договоре с одоевской стороны князя Михаила Ивановича Одоевского и бегства князя Ивана Васильевича Белёвского на московскую службу князь Федор Иванович Одоевский и его племянники князья Андрей и Василий Васильевичи Белёвские должны были стать продолжателями договора с Литвой. Он мог быть возобновлен в то время, когда в Вильне еще не было известно о потере этими князьями своих исконных вотчин. Поэтому можно предположить, что в своей поездке в конце 1491 г. князья Федор Одоевский и Андрей Белёвский дали Казимиру IV крестоцеловальную записку за себя и за князя Василия Белёвского.

¹³⁸ СИРИО. Т. 35. С. 58–59; CE SDQ. Т. 1. Пр. 2. № 258. S. 310–311.

Так продолжилась тенденция, наметившаяся в роду новосильских князей в 1489–1490 гг. Прежде в роду воротынских, а теперь в роду одоевских и белёвских князей новые московские слуги как бы «на нравах старшинства» стали захватывать дольницы своих родичей, находящихся на литовской службе. В более поздних носольских сношениях обнаруживается, что князь Дмитрий Федорович помимо прочего прибыл на московскую службу с Местиловым, Кцинью и Хвастовичами и называл их своей вотчиной. Из них Кцинь получил в вотчину еще его отец Федор Львович¹³⁹. Но потом три названных волости Казимир IV передал князю Иваню Юрьевичу Одоевскому, а после — его детям¹⁴⁰. Поэтому можно думать, что князь Дмитрий Федорович захватил их после смерти князя Михаила Ивановича Одоевского, когда его брат князь Федор Иванович находился в поездке к Казимиру IV. Ранее в послании к королю Иван III вроде бы признавал незаконность подобных действий со стороны князя Дмитрия Воротынского, и «не велел» ему вступаться в дольницу князя Семена Воротынского¹⁴¹. На самом же деле московский государь сам выступал инициатором всех этих «родственных» захватов. 20 марта 1492 г. в Крым отправилось московское посольство, с которым Менгли-Гирею, в частности, сообщалось: «А князей воротынскихъ и белёвскихъ, которые служили королю, князь велики (Иван III. — *Р. Б.*) и съ землями ноималъ. А которые князи воротынские и одоевские остались у короля, и у техъ князь велики велелъ города ноимати (отнять. — *Р. Б.*), и ноимали ихъ»¹⁴².

Здесь мы вновь должны особо подчеркнуть личную заинтересованность Менгли-Гирея в «одоевских новостях». Крымские послы и сами могли наблюдать за состоянием дел в Новосильско-Одоевской земле. Так, осенью 1491 г. в Москву прибыло посольство от Менгли-Гирея. Однако по дороге несколько крымских людей умерло от морового новотряса, поэтому Иван III выслал послов в Волкону, где они провели зиму 1491–1492 гг.¹⁴³ Должно быть, место их ставки было выбрано не случайно. Как заметил А. В. Шеков, Федор Волконский находился на службе у одного из воротынских князей¹⁴⁴. Возможно, он был вассалом князя Дмитрия Воротынского¹⁴⁵. Любопытно, что именно под наблюдением крымских послов разрешался спор о «большом княжении» в Одоеве. Затем в Крыму знали, что «одоевских кн(я)зей, Иван в головах»¹⁴⁶.

К зиме 1491–1492 гг. фактически вся территория Новосильско-Одоевской земли перешла под сюзеренитет Москвы. 27 июня 1492 г. в Москву прибыл

¹³⁹ ЛМ. Кн. 3. Р. 39; РИБ. Т. 27. Стб. 52.

¹⁴⁰ СИРИО. Т. 35. С. 136, 232, 234.

¹⁴¹ СИРИО. Т. 35. С. 51.

¹⁴² СИРИО. Т. 41. С. 139–140.

¹⁴³ СИРИО. Т. 41. С. 120, 127, 148.

¹⁴⁴ СИРИО. Т. 35. С. 20–21, 38–39; Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 156.

¹⁴⁵ СИРИО. Т. 35. С. 35, 38–40.

¹⁴⁶ СИРИО. Т. 41. С. 269. Также см. приложение № 12.

старший крымский носол Мерека. После окончания носольских дел Менгли-Гирей просил отпустить его «на Новосиль»¹⁴⁷. Вместе с Мерекой был некто «Довлетяр»¹⁴⁸. Так звали старшего сына одоевского дараги Бакшеиша. Можно думать, что именно у Девлет-Яра были даражские дела в Новосиле. Вероятно, хан рассчитывал возобновить прерванные было отношения Крыма с «одоевскими городами». Правда, дело затягивалось. Мерека и прибывшие с ним люди были отпущены в Крым только в апреле 1495 г.¹⁴⁹ Тем не менее вскоре выплаты в Крымское ханство дани с «одоевских городов» действительно возобновились¹⁵⁰.

Тем временем наладения новых московских слуг на Литовскую землю продолжались. Так, Казимир IV жаловался на людей князя Дмитрия Воротынского, которые совместно с московскими людьми калужанами да неремышлянами «чотыре волости нашихъ брянскихъ выбрали и выграбили, статки домовыи но брали, меды нресные и воски и иные домовые речи, а къ тому осьмьдесятъ коней, всего того взяли на двесте конь грошей». Король требовал казнить виновных и возместить убытки¹⁵¹. 16 мая 1492 г. в Литву выехало очередное московское носольство. В нем содержался ответ на недавние претензии литовской стороны. В частности, говорилось, что уже не раз королевы люди из Мценска, из Брянска и других украинских мест нанедали на московских слуг. Похоже, Иван III предлагал рассматривать поход князя Дмитрия Воротынского на брянские волости как ответ на недавние грабежи и не обещал никакой компенсации¹⁵². Вскоре было получено известие о кончине Казимира IV († 7 июня 1492 г.), и данное носольство не состоялось.

III

На опыте правления Казимира литовские наны были убеждены, что соединение Литвы и Польши под одной короной выгодно только Польше, поэтому носнешили с избранием отдельного государя. Они заявили, что, согласно предсмертному желанию короля, его старший сын Ян Альбрехт должен был получить корону польскую, а сын Александр Казимирович — престол литовский. 30 июля последний был возведен на великое литовское княжение¹⁵³. Для урегулирования норубежных дел с Москвой литовская сторона завела разговор о сватовстве Александра Казимировича с дочерью Ивана III Еленой и о заключении

¹⁴⁷ СИРИО. Т. 41. С. 154.

¹⁴⁸ СИРИО. Т. 41. С. 216. Под 1508 г. в носольских книгах также упомянут князь Девлет-Яр, который, видимо, не имеет отношения к семейству Бакшеиша (СИРИО. Т. 95. С. 33). В 1515 г. в Москву в качестве носла прибыл некий «молодой человек» Девлет-Яр (СИРИО. Т. 95. С. 117), но к 1518 г. у Девлет-Яра Бакшеишевича был сын Илеман, способный самостоятельно отправиться в далекую поездку в Москву (СИРИО. Т. 95. С. 522). Поэтому в 1515 г. Девлет-Яр Бакшеишевич был уже немолодым.

¹⁴⁹ СИРИО. Т. 41. С. 215–216.

¹⁵⁰ СИРИО. Т. 41. С. 269.

¹⁵¹ СИРИО. Т. 35. С. 59–60.

¹⁵² СИРИО. Т. 35. С. 63.

¹⁵³ Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства... С. 298–299.

нового докончания. Этот вопрос обсуждался во время литовского носољства в Москве с 4 ноября по 29 декабря 1492 г. Послам ответили, что нрежде между государями должно быть докончание, а нотом сватовство.

Между тем литовские люди нродолжали стычки с московским норубежниками. Так, до мая 1492 г. человек мценского и любутского наместника Бориса Семеновича (Александровича) нришел из Любутска под Алексин и ножег у одного из московских слуг зерно, скотину и захватил в плен трех человек¹⁵⁴. Уже после смерти Казимира IV, летом 1492 г., мецняне и любутчане нанали на московских сторожей, «которые стерегутъ хрестьянства отъ бесерменства, многихъ до смерти нобили, а иныхъ головами свели, а доснеховъ и коней и нлатья ноимали на многое рублевъ». Далее они нришли на московскую Украину, «волости и села ножгли, жоны и дети нашихъ людей въ нолонъ новели»¹⁵⁵. Эти энзоды вновь говорят об автономности местных литовских слуг от своей центральной власти. Они увязли в норубежном конфликте и действовали без указаний сверху. Возможно, они не учитывали, что смерть Казимира IV была удачным моментом для ответных решительных мер со стороны Ивана III. По словам московского государя, «наши люди не мога того тернети, ходили за своими женами и за детьми и за своими животы». В августе 1492 г. Иван III нослал своего воеводу князя Федора Телення Оболенского «на город Мченескъ за их неправду, и град Мченескъ взяша, и землю новоеваша, и воеводу их Бориса Семенова с(ы)на Олександрова ноимаша и иных многих, и нриведоша их на Москву»¹⁵⁶. По этому новоду 5 ноября того же года литовский носол в Москве жаловался, что «князь Феодоръ Оболенский, нриходилъ со многими людьми войною безвестно, и города наши Мценескъ и Любутескъ зжогъ, и наместника нашего мценского и любуцкого Бориса Семеновича¹⁵⁷ свель, и бояръ мценскихъ и любуцкихъ зъ жонами и зъ детьми и иныхъ многихъ людей головами въ нолонъ новели»¹⁵⁸. Позже мценские бояре заявляли: «тогда съ нимъ взяли боярина нашего Луню зъ жоною и съ невесткою и зъ детми и съ людьми его и съ челядью неволною, и иныхъ бояръ нашихъ и людей на нолторы тысячи душъ головами звели, окромъ животовъ ихъ и статковъ»¹⁵⁹. Литва выдвигала требования отнустить всех пленных и наказать виновных. Иван III отвечал, что те мецняне и любутчане ранее сами неоднократно нанали на московских сторожей в Поле и грабили московские Украины¹⁶⁰. Тем самым он онравдывал выстунление своих войск, но обещал отнустить всех пленных, если мецняне возмestят причиненный ими ущерб¹⁶¹.

¹⁵⁴ СИРИО. Т. 35. С. 66–67.

¹⁵⁵ СИРИО. Т. 35. С. 76–77.

¹⁵⁶ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 334; ПСРЛ. Т. 8. С. 225; РК-1605. Т. 1. С. 32.

¹⁵⁷ Борис Семенович был сыном смоленского окољничего Семена (Сеньки) Александровича (ЛМ. Кн. 3. Р. 47; ЛМ. Кн. 4. №77. Р. 115).

¹⁵⁸ СИРИО. Т. 35. С. 73–74; ЛМ. Кн. 5. 1993. №9. Р. 62–63.

¹⁵⁹ СИРИО. Т. 35. С. 267, 269.

¹⁶⁰ См.: СИРИО. Т. 35. С. 66–67.

¹⁶¹ СИРИО. Т. 35. С. 76–77.

Как видим, мценско-любутский наместник мог самостоятельно принимать решения о походах на московские волости. Однако он практически не получал военной помощи от великого князя литовского, а носему ничего не мог противопоставить мощи централизованного московского управления. Иван III же демонстрировал выполнение собственных функций по обороне московских слуг. Младший сын князя В. И. Оболенского и белёвской княжны Евпраксии — князь Федор Теленень нанес административной и хозяйственной структуре мценско-любутского наместничества сокрушительное поражение, от которого в ближайшие годы оно так и не смогло оправиться.

В том же носольстве Александр Казимирович сообщал, что как только он отправил нослов в Москву (в конце сентября — начале ноября 1492 г.), пришла весть, что князь Иван Перемышльский (Воротынский) вместе с одоевскими Семеновичами пришли «зъ многими людьми войною, городъ нашъ Масалескъ сожгли и самихъ князей нашихъ масальскихъ и зъ ихъ княгинями и зъ детьми ихъ и со многими людьми въ нолонъ новели, и шкоды великии ночинили и животы и статки многии нобрали». Александр Казимирович требовал отнустить мосальских князей с их женами и детьми. На эту жалобу Иван III пообещал доведаться о случившемся и нозже сообщить свой ответ. Однако подобные действия входили в его планы, а отговорки литовским нослам лишь затягивали время¹⁶².

Тем временем далеко не все феодалы Верхнего Поочья желали нерейти на московскую службу. Одним из самых значимых политических действий местной элиты видится попытка князя Семена Федоровича Воротынского укрепиться на литовской службе. Он бил челом великому князю литовскому Александру и просил принять его в докончание по «Витовтовой грамоте»¹⁶³. Возможность продления старого литовско-новосильского докончания преду-

¹⁶² СИРИО. Т. 35. С. 73–74, 77; РК-1598. С. 22. Сообщения источников за 7000 (1491/92) г. очень сбивчивы. М. М. Кром заметил, что вопреки носольским книгам, в Воскресенской летописи под августом сего года занисано, что великий князь носылал «воротынскихъ князей, князя Дмитрея да князя Семена, на Литовскую землю на градъ Масалескъ». То же читается в разрядной книге редакции 1605 г. Эта занись ошибочна (Кром М. М. Меж Русью и Литвой. С. 83–84; ПСРЛ. Т. 8. С. 225; РК-1605. Т. 1. С. 32). Ранее А. А. Зимин соединял известия летописей и носольских книг. Согласно его версии, в поход на Мосальск ходили князь Семен Воротынский и его племянник князь Иван Перемышльский (Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 98). Однако такой способ устранения противоречий в источниках нельзя признать удачным. Следует отдавать предпочтение носольским книгам, а не летописям. Под тем же 7000 (1491/92) г. в разрядных книгах отразились и иные огрехи позднего составителя. Сообщение источника «нослав князь великий воевод своих в Северу ко князем» оказалось в этом месте ошибочно (РК-1598. С. 21–22). Оно дублирует занись сентября 7016 (1507) г., когда Иван III нослав своих воевод в Стародуб в помощь князьям Василию Шемячичу и Семену Стародубскому (Можайскому). В 1492 г. они еще были противниками Московского государства (РК-1598. С. 38–39). Также ошибочна занись о походе московских войск на Смоленск 9 марта 1492 г. под началом Якова Захарыча (РК-1605. Т. 1. С. 30–31), она дублирует событие 7016 (1508) г. (РК-1598. С. 39; РК-1605. Т. 1. С. 93–94).

¹⁶³ СИРИО. Т. 35. С. 84–85; АЗР. Т. 1. № 106. С. 124.

смаatrивалась в нрежней грамоте 1483 г.¹⁶⁴ Между нрочим, этот договор обя- зывал литовского государя оборонять вотчину новосильских князей. То есть косвенно в челобитной князя Семена речь шла и о том, чтобы существенно усилить оборону от московского вторжения. Однако его нросьба наталкива- лась на ненреодолимые правовые нротиворечия. Формуляр 1427 г., использо- ванный в договоре 1483 г., нредполагал наличие у новосильских князей ис- конной вотчины. В случае неисполнения условий договора закреплялось нраво новосильских князей на расторжение отношений с Литвой. При этом исконная вотчина (Новосильско-Одоевская земля) сохранялась за ними. Тенерь, когда князь Семен Воротынский лишился исконной вотчины, его требования к ли- товскому государю были несостоятельны. По ноложению он сравнивался с вну- тренними служилыми князьями, которые не имели нодобных договорных от- ношений с великим князем литовским. Дело ограничилось лишь нрисягой (крестным целованием) князя Семена на верность Александру Казимировичу. Судя по сохранившимся известиям, с конца 1489 г. к своим литовским ножа- лованиям князь Семен Воротынский нолучил лишь ту долю (или ее часть), ко- торую ранее держал на литовской службе его брат князь Дмитрий Воротын- ский, отъехавший к Москве. Но фактически князь Семен мог рассчитывать только на те владения, которые находились нод контролем Литвы. Вероятно, Александр Казимирович выдал ему свои грамоты на нрежние литовские но- жалования¹⁶⁵. Однако новый литовско-воротынский договор так и не был за- ключен. Таово отличие служилых князей, имевших свою исконную вотчину, составлявшую «землю» (обособленное от иных «земель» и «великих княже- ний» образование), от внутренних служилых князей, вотчины которых не были «землями», а в значительной мере или нолностью представляли собой нриоб- ретенные на службе ножалования («феоды»).

Тем временем назревал серьезный конфликт в роду мезецких князей. По сведениям носольских книг, еще нри жизни Казимира (т. е. до июня 1492 г.) князь Петр Федорович кунил треть в Мезецке (в городе и в селах), нринадлежав- шую своему дяде бездетному князю Ивану Андреевичу¹⁶⁶. Заинтересованным лицом в этой сделке также была жена князя Ивана — Софья. По действующему законодательству бездетный князь мог нродать только треть своего имення без согласия всех своих родственников¹⁶⁷. Поэтому нет ясности, шел ли спор о тре- ти его отчины (1/9 Мезецка) или обо всем его имении (1/3 Мезецка). Не исклю- чено второе, нозже эта доля называлась «третью княжою Ивановою»¹⁶⁸. Суть дела, видимо, состояла в том, что князь Иван Андреевич по старости больше

¹⁶⁴ АЗР. Т. 1. №80. С. 100–101.

¹⁶⁵ СИРИО. Т. 35. С. 115.

¹⁶⁶ СИРИО. Т. 35. С. 147, 152, 230.

¹⁶⁷ Любавский М.К. Областное деление и местное унравление Литовско-Русского государ- ства... С. 561–566.

¹⁶⁸ СИРИО. Т. 35. С. 152.

не мог нести военную службу, а его наследницей должна была стать его жена и владеть его имением до своей смерти или до того момента, как она выйдет замуж¹⁶⁹. В таком случае часть Мезецка на время отчуждалась бы от господарской службы. Видимо, в этой связи король Казимир нозволил князю Петру Федоровичу совершить кунлю мезецкой трети, нести с нее службу и при этом, видимо, онекать престарелого дядю и его жену. Во всяком случае, князь Петр Федорович стал самым крупным землевладельцем в роду мезецких князей. Его кунля теперь вынадала из земельных владений рода, и впредь могла наследоваться только его нотомками (у князя Петра Федоровича неизвестно сыновей, но он был женат¹⁷⁰ и еще мог бы их заиметь). Столь неравноценное распределение вотчин ущемляло интересы его обделенных родичей, которые в иной ситуации после смерти княгини Софьи получали бы право наследования мезецкой трети.

Выше уже достаточно было сказано о том, как в условиях новых московских соблазнов вели себя ущемленные землевладельцы Верхнего Поочья. Как и следовало ожидать, князь Семен Воротынский счел предыдущий договор с Казимиром IV утратившим силу и оказался свободным от выполнения обязательств перед Александром Казимировичем. Он перешел на службу Москве, а «едучи», он «на великоз(о) кн(я)зя имя (Ивана III. — Р. Б.) засел города литовские Сернеевск да Мезецевск»¹⁷¹. В то же время «приеде служити кь великому князю (Ивану III. — Р. Б.) князь Михайло Романович Мезецкой, да изымавь приеде съ собою дву братовъ, князя Семена (Романовича. — Р. Б.) да князя Петра (Федоровича. — Р. Б.). И князь велики ихъ нослалъ въ заточение въ Ярославль (Ярославец? — Р. Б.), а князя Михаила ножаловалъ его же отчиною (!) и новелелъ ему себе служити»¹⁷².

В источниках не сохранилось сведений о том, кому до сих пор принадлежал Сернейск. В духовной грамоте Ивана III он показан с волостями, которые воротынские князья имели на литовской службе в верховьях рек Угры, Болвы и Сноноти, а также с рядом других волостей, видимо, захваченных князем Семеном Воротынским при отъезде на московскую службу¹⁷³. Поэтому неясно, владел ли он Сернейском ранее, равно как князь Михаил Романович владел долей в Мезецке, или захватил Сернейск силой.

¹⁶⁹ Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства... С. 569.

¹⁷⁰ Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy... S. 259.

¹⁷¹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 334.

¹⁷² ПСРЛ. Т. 8. С. 227; РК-1598. С. 22; РК-1605. Т. 1. С. 32–33.

¹⁷³ Это волости: Замошье, Тухачев, Дегна, Фоминичи, Погостищи, Ковыльна, Ближевичи, Любупь, Снонот, Даниловичи, Шуя, Демена, Уженерет, Чернятичи, Городечна, Мощин, Гнездилово (ДДГ. № 89. С. 359; СИРИО. Т. 35. С. 360). В XVII в. в Сернейске располагался центр Сернейского уезда. Уезд состоял из Деменской волости и станов: Окологородного (вокруг Сернейска), Ближевского, Замошского, Мощинского, Сожинского, Шуйского и Даниловского. На схеме Я. Е. Водарского локализация этих станов по большей части неверна (Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века. С. 244, 256).

Ранее люди князя Семена Воротынского тоже действовали совместно с мезецкими князьями¹⁷⁴. Вот и теперь «отъезд» князя Семена был согласован с князем Михаилом Мезецким и состоял в том, что они установили в своих владениях московское подданство. Стимулы у этих князей в целом были схожи — получение на московской службе новых городов и волостей. Но по происхождению в их мотивах имелись существенные различия. Князь Семен Воротынский в последние годы потерял свою родовую вотчину и не получил достойной компенсации в Литве. Князь Михаил Романович не был старшим в роду, владел не самой значительной долей в Мезецке, да еще и потерял надежду на ее увеличение. Однако он был шурином родного брата Ивана III — князя Андрея Васильевича Большого. Оба князя-беглеца нитались нонравить свое положение нутем захватов того, что им ранее не принадлежало.

В разрядных книгах по случаю новых «отъездов» было занисано, что к Ивану III «приехал служить от короля князь Семен Федорович Воротынской да князь Михайло Романович Мезецкой, да князь Василей да князь Ондрей Васильевичи Белёвские с вотчинами и с волостми»¹⁷⁵. До конца 1492 г. на московскую службу также нерешел и князь Андрей Юрьевич Вяземский¹⁷⁶.

Примечательно, что о «приездах» князей новосильского дома в летописях просто говорится, что они приезжали служить «со своей вотчиной». В отношении же князя Михаила Романовича Мезецкого и вяземских князей указано, что Иван III «их ножаловал их же вотчиною»¹⁷⁷. То есть князя новосильского дома приходили к Москве на тех же нравах свободных слуг, какими они были в Литве. Иван III не претендовал на их исконную вотчину. Мезецкие же и вяземские имения не были самостоятельными «землями». Они были частью Великого княжества Литовского и захватывались на имя великого князя московского, который начинал распоряжаться ими как своей собственностью и жаловал их прежним владельцам. Впрочем, и князь Семен Воротынский к тому времени уже утратил свою долю исконной родовой вотчины и прибыл на московскую службу с литовским ножалованием (приобретенной вотчиной). Ее Иван III тоже принял и ножаловал князю Семену от своего имени¹⁷⁸.

В начале января 1493 г. было подготовлено новое московское носольство в Литву. В носольских речах важнейшим политическим шагом московской

¹⁷⁴ СИРИО. Т. 35. С. 3–5, 7–8, 16–17.

¹⁷⁵ РК-1598. С. 22–23; РК-1605. Т. 1. С. 32–34. В отношении князя Василия Васильевича Белёвского составитель разрядной книги допустил неточность. Этот князь был схвачен своим старшим братом князем Иваном еще до мая 1492 г. (СИРИО. Т. 35. С. 58–59). Вероятно, некоторое время он томился в неволе и лишь к концу 1492 г. был приведен к присяге (СИРИО. Т. 35. С. 81). В Симеоновской летописи ошибочно указано, что вместе с князем Семеном Воротынским к Москве «приехал» его племянник князь Иван Михайлович (ПСРЛ. Т. 18. С. 276–277). Последний находился на московской службе уже в 1487 г.

¹⁷⁶ СИРИО. Т. 35. С. 81.

¹⁷⁷ ПСРЛ. Т. 28. С. 154, 158.

¹⁷⁸ СИРИО. Т. 35. С. 136; см. далее.

стороны стало титулование Ивана III «государем всея Руси». К. В. Базилевич полагал, что «Иван III заявлял этим титулом притязания на все русские земли в качестве единственного государя этих земель»¹⁷⁹. Такой вывод вроде бы следует и из собственных речей Ивана III, произнесенных в январе 1503 г.¹⁸⁰ Однако в 1492–1493 гг. московско-литовские отношения находились на ином этапе развития. Подобных заявлений о своих притязаниях Иван III еще не делал, а титул Александра Казимировича: «великий князь литовский, русский и иных» под сомнение не ставился. Определение «великий князь всея Руси», а затем «госнодарь всея Руси» изредка употреблялось великими князьями московскими еще в период с XIV в. до 1480-х гг., но преимущественно во внутренних делах. С. В. Богданов пришел к выводу, что во внешних сношениях оно использовалось только в самых кризисных ситуациях, в том числе при распространении власти великих московских князей на территории ранее им не принадлежавшие¹⁸¹. Теперь подобная норма стала применяться в сношениях с Литвой.

5 января 1493 г. вместе с московским нослом в Литву выехал боярин князя Семена Воротынского. К 6 февраля он привез Александру Казимировичу грамоту, в которой говорилось, что ранее король Казимир обязался «за отчину за нашу стояти и боронити отъ всякого», но долга своего не исполнил. Когда князь Семен потерял свою воротынскую дольницу, король новых городов ему «не измыслилъ». Затем Александр Казимирович не захотел принять его в докончанье по старой «Витовтовой грамоте», не компенсировал понесенных потерь, да и оставшиеся вотчины не защищал. Князь Семен Федорович излагал условия своего докончания с Казимиром, по которым после смерти короля «кто будет д(е)ржати Великое княж(ь)ство Литовское <...>, ино им принять кн(я)зя Семена Федоровича в таково *ж* докончан(ь)е и въ свое жалован(ь)е. А не имут жаловат(и), а не приимут в докончан(ь)е, ино со кн(я)зя Семена Федоровича целован(ь)е кр(е)стное долов, а ему воля»¹⁸². Челобитня соответствовала этикету обращения слуги к своему госнодину и допускала условность, что если бы великий князь Александр исполнил условия прежнего литовско-воротынского договора, то князь Семен Воротынский так бы не ностунал. Отправляя своего носла Дмитрия Загрязского, Иван III дал ему наказ: «Да какъ князь велики (Александр. — *Р. Б.*) о здоровье вспросить и руку дать, да велить сести, и Дмитрею въ ту нору велети речь говорити, княже Семенову человеку воротынского целованье сложити». Однако Дмитрий Загрязский не велел человеку воротынского подавать привезенную им грамоту, видимо, не дал ему и «речь говорити», поскольку без грамоты невозможно было подкрепить его

¹⁷⁹ Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства... С. 303.

¹⁸⁰ СИРИО. Т. 35. С. 357–358.

¹⁸¹ Богданов С. В. Об определении «всея Руси» в великокняжеской титулатуре XIV–XV в. С. 47–49.

¹⁸² СИРИО. Т. 35. С. 84–85; АЗР. Т. 1. № 106. С. 124. Также см. приложение № 11.

слова. Литовскому госнодарю лишь кратко сообщили: «что служилъ тебе князь Семень Феодоровичъ Воротынский, и онъ нынеча намъ билъ челомъ служити и съ вотчиною»¹⁸³.

На литовской службе притязания князя Семена Воротынского в значительной мере касались его материального благосостояния. Из московско-литовских разбирательств, которые состоялись годом позже, следует, что на московской службе Иван III обещал не только сохранить за ним нрежние литовские «ножалования», но и дать ему новые города и волости, которые вскоре были заняты московской стороной в Верхнем Поочье. В их число входили города: Мосальск, Сернейск, Дмитров с их волостями, а также: Онаков, Бышковичи и Залидов с их волостями по реку Угру¹⁸⁴. Это обширная территория, с востока и с запада ограниченная нрежними владениями князей новосильского дома, с юга — владениями мезецких князей, с севера — Вяземским княжеством и частично р. Угрой. В скором времени обещания Ивана III были вынолнены. Вероятно, на данном этапе московско-литовского нротивостояния подобные носулы московского государя стали существенным стимулом для многих украинских князей, нерешедших на московскую службу.

Из мезецких князей самым активным и амбициозным оказался Михаил Романович, который сумел захватить в плен своего родного брата князя Семена и двоюродного брата князя Петра Федоровича, а также — нрисвоить их дольницы. На литовской службе еще оставались князья Федор Сухой и Василий Федоровичи Мезецкие. Видимо, им удалось бежать от нреследования князя Михаила Романовича, однако в плен была захвачена жена князя Федора¹⁸⁵. В речах московского носла, составленных к 4 января 1493 г., не уноминалось об огдыревских князьях. Князя Ивана Федоровича, видимо, уже не было в живых, но до конца 1493 г. на московскую сторону нерешла его жена Алена и дети Василий и Федор Ивановичи¹⁸⁶.

В том же носольстве 6 февраля 1493 г. московская сторона заявила литовскому государю: «что служили тебе князь Андрей, да князь Василей Васильевичи Белёвские, да князь Михайло Романовичъ Мезоцкый, да князь Андрей Юрьевичъ Вяземскый, и они нынеча намъ били челомъ служити и съ вотчинами. И тебе бы то ведомо было». Великого князя литовского нросили, чтобы нриказал своим людям не нанадать на новых московских слуг¹⁸⁷. Александр Казимирович отвечал московскому нослу, что все те князья, которые нрисягнули Ивану III, — «наши слуги суть, а въ насъ они въ нрисязе, а то вчинили, намъ челомъ не вдаривши и нрисягъ съ себе не сложивши». Более подробный ответ обещали

¹⁸³ СИРИО. Т. 35. С. 80, 84–85.

¹⁸⁴ СИРИО. Т. 35. С. 136. Левобережная часть волостей Онакова, Бышковичей и Залидова отошла к Медыни.

¹⁸⁵ СИРИО. Т. 35. С. 141.

¹⁸⁶ СИРИО. Т. 35. С. 127, 130–131.

¹⁸⁷ СИРИО. Т. 35. С. 80–85; ОДБ МАМЮ. Т. 21. №18. С. 3.

нослать нозже¹⁸⁸. Уже через две недели 20 февраля ответ был готов, однако его текст сохранился только в нятой книге занисей Литовской метрики¹⁸⁹. По-видимому, носольство не состоялось из-за развернувшихся военных действий на московско-литовском норубежье.

Литовское правительство, хотя и с заметным занозданием, внолне разобралось с нуждами украинных феодалов и стало делать нонытки исправить свои нрежние нолитические нросчеты. Литовский госнодарь Александр отреагировал на новые нотери в верховьях Оки более решительно, чем его нокойный отец Казимир. Не дожидаясь нриезда уномянутого московского носольства, он «нрислал из Смоленска своего нана Юрья Глебовича да князя Семена Ивановича Можайского (Стародубского. — *Р. Б.*), да князей друцких. Да те городки Мезетцк да Сернееск и с волостми ноймали да нозасели»¹⁹⁰. Очевидно, нричиной их выстунления стало то, что вместе с «отъехавшими» к Москве служилыми князьями от Литвы отнала обширная территория. В результате ответного удара многие литовские города и волости были возвращены Литве: «граждане не взмогша нротивитис(ь) имъ и грады своя здаша»¹⁹¹. В частности, литовскими служилыми людьми были заняты многие города и волости князя Семена Воротынского, которые он имел в Литве. Например, в Городечне вскоре укрепились литовские слуги¹⁹². Многие из его собственных слуг не уснели бежать от литовского нрследования. В начале 1493 г. князь Семен Воротынский жаловался, что смоленский окольник Ивашко Кошка не нустил к нему его людей, ноймал их и свел в Смоленск. Назывались: «Гридя Гущинъ зъ женою и зъ детьми и съ людми, да Шеренъ Волковъ, да Иванова жена Совина Анна зъ детьми и съ своими людми, да Лаврова жена съ своими людми и иные его люди»¹⁹³. Несколько месяцев снустя Иван III всноминал, что литовские воеводы нришли «со многими людми войною, техъ нашихъ слугъ звоевали, города ихъ ноймали и иззасели, а волости выжгли и выграбили, и людей многих до смерти нобили, а иныхъ въ нолонъ новели, а слуги нашего княжу Михайлову (Романовича Мезецкого. — *Р. Б.*) казну взяли, а онъ самъ одною головою из города ушолъ»¹⁹⁴.

Тем не менее кратковременный тактический уснех литовской стороны не отменял ее стратегического норажения. В сложившейся нолитической обстановке Москва сохраняла ту же линию новедения независимо от того, кто неред ней стоял — старый и бесномощный Казимир или молодой и неонытный Александр. В ответ Иван III «нослалъ техъ городовъ доставати своего сестрича князя Федора Васильевича Резанского». Войско выстунило из Москвы

¹⁸⁸ СИРИО. Т. 35. С. 84.

¹⁸⁹ ЛМ. Кн. 5. 1993. № 15.1. Р. 67–68.

¹⁹⁰ РК-1598. С. 22–23; РК-1605. Т. 1. С. 33–34.

¹⁹¹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 334.

¹⁹² СИРИО. Т. 35. С. 104.

¹⁹³ СИРИО. Т. 35. С. 80–81; ЛМ. Кн. 5. 1993. № 14. Р. 67.

¹⁹⁴ СИРИО. Т. 35. С. 107.

29 января 1493 г., но нути к нему должны были присоединиться князья новосильские и князь Михаил Романович Мезецкий: «воротынским князем и одоевским, и белёвским, и князю Михаилу Мезецкому велел князь великий быти нодле передовой нолк великого князя, на нравой стороне или на левой, где нохотят. А не нохочет князь Дмитрей быти вместе з братом своим со князем Семеном, и князю Дмитрею быти своим нолком нодле большой нолк, где нригоже. А князю Семену и братаничу его князю Ивану Перемышскому быти нодле передовой нолк, на нравой или на левой стороне, где нохотят. А одуевским князем и белёвским, и мезецкому где будет нригоже со князем быть в нолку, и им тут быти или где нохотят»¹⁹⁵. Судя по всему, распределение новосильских князей по разрядам в соответствии с их старшинством для Москвы было делом новым. Их иерархия относительно московских воевод еще не была достаточно хорошо выяснена. К тому же еще недавно между ними велись междоусобицы. Поэтому предлагалось им самим решить, «где им быть нригоже». А если не выяснят, то не доводить дело до снора и быть им «где нохотят». Услышав о нриближении московских войск, нан Юрий Глебович и князь Семен Можайский носадил в городах воевод в осаде, а сами отступили к Смоленску. В Мезецке горожане «не взмогша нротивитися, и градъ отвориша». Далее московские войска направились к Сернейску: «они ж(е) устремишас(ь) кренко ратоватися и не хотяша града здати. Воеводы ж(е) великог(о) кн(я)зя (Ивана III. — Р. Б.) новелеша воем муж(е)ственне нриступати ко граду с нушками и с нишал(ь)ми, и нристунив ко граду, взяша его силно». Затем был взят и сожжен Онаков и, вероятно, больше не восстановился как город¹⁹⁶. Сонротивление оказала и Городечна, но тоже была взята московскими войсками¹⁹⁷. «А заставу литовскую великого князя Александрову изымавъ нриведоша на Москву (всего 530 человек. — Р. Б.) и земскихъ болшихъ людей, а черныхъ людей къ целованию нриведоша за великого князя (Ивана III. — Р. Б.), и тако възвратишася»¹⁹⁸. Возможно, некоторые города и волости нерешли на сторону Москвы без боя по нричине лояльности их жителей своим нрежним госнодам, нерешедшим недавно на московскую службу. Особенно так можно думать о городах и волостях, нодчиненных ранее воротынским князьям.

Если сравнить некоторые итоги трех важнейших московских походов в пределы Верхнего Поочья, то увидим следующую картину. В 1489 г. во владениях князя Дмитрия Воротынского было захвачено в плен семь тысяч человек; в 1492 г. в походе на Мценск и Любутск — нолторы тысячи человек; в последнем походе 1493 г. — всего 530 человек. Очевидно, слуги князя Дмитрия Воротынского были более многочисленными и оказали наибольшее сонротивление.

¹⁹⁵ РК-1598. С. 22–23; РК-1605. Т. 1. С. 34.

¹⁹⁶ В акте 1497 г. у Опакова зафиксировано отсутствие крепости — указано городище (ЛМ. Кн. 6. № 243. Р. 168).

¹⁹⁷ СИРИО. Т. 35. С. 104.

¹⁹⁸ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 334–335; ПСРЛ. Т. 28. С. 158, 323; ПСРЛ. Т. 8. С. 225.

Не случайно нан Юрий Глебович и князь Семен Можайский бежали перед приближением московских войск. Должно быть, в Сернейске, Онакове и Городецне не было таких фортификаций, такой материальной базы и стольких войск, которые смогли бы противостоят московскому вторжению.

16 июня того же года в Крым отправилось очередное московское носольство, с которым Менгли-Гирею сообщалось о ноходе князя Федора Рязанского на Литовскую землю. Московские слуги заняли: «Мосалескъ, Сернеескъ, Онаковъ, Лучинъ городъ, Мощынъ, Городецну, Дмитровъ, Залидовъ и иные города. <...> А которыхъ людей въ те города прислалъ князь велики литовской сидети, и техъ людей, всехъ князей и нановъ вывели и привели ихъ къ государю нашему великому князю (Ивану III. — *Р. Б.*)». Также сообщалось, что «князь Семень Воротынской служилъ литовскому, а ныне приехалъ къ великому князю (Ивану III. — *Р. Б.*) служить»¹⁹⁹. В итоге ночи всю отнятую от Литвы территорию, кроме Мезецка и его волостей, а также левобережья р. Угры (части онаковских, залидовских и бышковических волостей), Иван III от своего имени пожаловал князю Семену Федоровичу Воротынскому²⁰⁰.

Вскоре московские войска заняли Вязьму. Те вяземские князья, которые оказали сопротивление, были взяты в плен. Князь Семен Воротынский нанал на вотчины, жалованные вяземским князьям, и захватил Великое Поле, Волсту Верхнюю, Дерличину, Слободку, Мошиновичи, Среднее²⁰¹.

Смоленский наместник Юрий Глебович не мог ничего противопоставить московским войскам и в этой связи обратился за помощью к великому князю Александру Казимировичу. В феврале — марте Александр Казимирович отвечал, что из Новгорода Литовского к Смоленску выдвинулась военная помощь и что он сам собирает войска против ненаприятеля²⁰². 9 марта 1493 г. великий князь литовский отправил носольство в Польшу. Он просил брата короля Яна Ольбрахта и коронную раду вспомнить свои обещания о помощи в делах московских и выражал надежду, что не будет брошен на произвол судьбы и получит поддержку людьми и деньгами. Повторное нисьмо о военной помощи было направлено в Польшу в апреле того же года²⁰³. К. В. Базилевич отметил, что польская сторона слишком затянула с ответом, он пришел только в конце года, да и то не таким, который требовался Литве. Сообщалось, что поляки не отказываются от своих обещаний, но сначала надо возобновить старые dokonчания²⁰⁴.

В связи с прекращением военных действий, 18 мая 1493 г. в Литве были составлены новые носольские речи, а к 29 июня литовское носольство прибыло в Москву. Ответ по новоду службы Ивану III князей Семена Воротынского,

¹⁹⁹ СИРИО. Т. 41. С. 186–187, 192.

²⁰⁰ СИРИО. Т. 35. С. 136, 153.

²⁰¹ РК-1605. Т. 1. С. 36; СИРИО. Т. 35. С. 104, 137.

²⁰² ЛМ. Кн. 5. 1993. № 16.1–16.3. Р. 69–70; ОДБ МАМЮ. Т. 21. № 21. С. 4.

²⁰³ ЛМ. Кн. 5. 1993. № 17.1–17.2, № 18. Р. 70–72.

²⁰⁴ Базилевич К. В. Впешняя политика Русского централизованного государства... С. 312–313.

Андрея и Василия Васильевичей Белёвских и Михаила Мезецкого, составленный еще 20 февраля 1493 г. пришел с заметным занозданием. Говорилось, что князья воротынский и белёвские докончали с королем Казимиром и дали ему присягу, чтобы служить Литве неотступно, «а мимо насъ иншого осподаря имъ не искати, <...> про то мы ихъ исъ тое присяги не вынускаемъ». О князе мезецком вообще говорилось, что он «исъ стародавна нашъ слуга есть <...> и съ его отчиною. И ты бы того нашего слуги къ себе не приималъ и у отчины бы еси его не встунался»²⁰⁵. Александр Казимирович указывал на отличие статуса князей мезецких и вяземских от статуса князей новосильского дома. Мезецкие и вяземские князья не имели с Литвой договорных отношений, а их вотчины (за редким исключением) принадлежали Литве. Также предъявлялись претензии о недавнем московском походе на литовские волости: «города наши и волости Мезческъ, а Сернеескъ, а Мосалескъ, а Городечну, а Онаковъ, огнемъ ножгли, а людей нашихъ, которые на тыхъ нашихъ городехъ были, въ нолонъ новели со всеми ихъ животы и съ статки. И тежъ городъ нашъ Вязму взяли, и слугъ нашихъ князей вяземскихъ головами свели. И тии города и волости изъ века отчина наша, Великого князства Литовского земля и вода» (!). Московская сторона ссылалась на недавние обиды, причиненные московским слугам литовскими людьми, и отвечала, что «коли такъ надъ нашими слугами учинилося, и мы велели своихъ слугъ боронити. Про то те дела такъ ссталися».

По сравнению с тем, что ранее отвечали королю Казимиру о князьях новосильских, теперь формулировка ответа Ивана III была изменена: «ино мы гораздо то ведаемъ, что те князи воротынские и белёвские наши слуги старые, деды и отци ихъ служили нашимъ предкомъ великимъ княземъ, а не въ згуду отца нашего великого князя (Василия II. — *Р. Б.*) те князи были у его отца у короля (Казимира IV. — *Р. Б.*). <...> Ино князь Семень Феодоровичъ Воротынский, и князь Ондрей, и князь Василей Васильевичи Белёвские наши слуги старые и къ намъ приехали служить, то есть и ныне наши суги и съ своими вотчинами». Теперь по отношению к новосильским князьям формула «служили на обе стороны» больше не применялась. В историографии ее трактовка была абсолютизирована. Зачастую это определение использовалось исследователями недостаточно осмысленно²⁰⁶. Лишь А. В. Шеков отметил его тенденциозность и высказался за дальнейшее изучение этой проблемы²⁰⁷. В ходе данного исследования случаев двойного подчинения новосильских князей не выявлено, но известны периоды,

²⁰⁵ СИРИО. Т. 35. С. 103–104; LM. Кн. 5. 1993. № 15.1. Р. 67–68; № 23.2. Р. 73–74; ОДБ МАМЮ. Т. 21. № 29. С. 5.

²⁰⁶ Любавский М. К. Областное деление... С. 49–50; Леонтович Ф. И. Очерки истории Литовско-Русского права (1893). С. 284–286, 289–291; Грушевський М. [С.] Історія України-Руси. Т. 4. С. 276; Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 2. Вып. 1. С. 151; Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 95; Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России... С. 64–65.

²⁰⁷ Шеков А. В. Верховские княжества. (Краткий очерк политической истории. XIII — середина XVI в.). С. 43.

когда в одно и то же время разные представители этого рода служили разным сюзеренам. Еще, видимо, в 1427 г. все новосильские князья по докончанию с Литвой обязались «ни с кимъ не доконъчивати», т.е. служить только Литве, пока их докончание остается в силе (см. § 14). После их короткого возвращения на московскую службу к середине XV в. практика службы разным сюзеренам, видимо, вновь была прекращена в пользу Литвы. Когда же новосильские князья опять стали переходить на сторону Москвы, то Иван III решил эту формулу возобновить и с ее помощью оправдать заключение союзов с отдельными их представителями. Выражение «служили на обе стороны» стало инструментом дипломатической игры. Но после того как почти все новосильские князья обратились к союзу с Москвой, про службу «на обе стороны» московская сторона забыла и стала говорить, что на литовской службе они оказались едва ли не случайно, «въ невзгуду предковъ нашихъ» великих князей московских.

Примерно то же отвечали о мезецких князьях: «Ино мезоцкие князи из старины наши слуги, одны съ тарусскими князми, и въ старыхъ докончаньехъ предковъ нашихъ нисаны. А те мезоцкие князи были у литовскихъ великихъ князей въ невзгуду предковъ нашихъ. А ныне князь Михайло Романовичъ, нашъ слуга старой, приехалъ къ намъ служить, ино то есть и ныне нашъ слуга и съ своею вотчиною»²⁰⁸. В отличие от заявлений Литвы, московская сторона без всяких на то оснований стремилась уравнивать князей мезецких и их литовские пожалования с положением территориально самостоятельных князей новосильского дома, которые, впрочем, тоже имели жалованные волости в Литве, а носему такое отношение московской дипломатии им тоже было выгодно. Далее заявлялось, что «изъ старины князи вяземские и мосалские служили предкомъ нашимъ великимъ княземъ и съ своими вотчинами, а и въ старыхъ докончаньехъ то нисано»²⁰⁹. Поэтому московский князь не считал зазорным принять их к себе на службу. Вяземское княжество «из старины» относилось к Смоленской земле. Служба вяземских князей Москве была возможна разве что в начале XV в. К концу столетия сложно было даже предположить, что такая седая «старина» может быть возобновлена. М.М. Кром удачно подметил, что нозже Александр Казимирович прямо называл мезецких и вяземских князей «изменниками», тогда как к новосильским князьям, имевшим законное право отъезда со своей вотчиной к иному государю, подобных эпитетов не применялось²¹⁰.

Проблема правового толкования статуса новых московских слуг с их земельными владениями состояла еще и в том, что за последнее столетие понятие «вотчина» сильно эволюционировало. От некоторых крупных вотчин, которые еще в XIV в., видимо, представляли собой «земли» (обособленные от иных

²⁰⁸ СИРИО. Т. 35. С. 105–106.

²⁰⁹ СИРИО. Т. 35. С. 107.

²¹⁰ Кром М.М. Меж Русью и Литвой. С. 90; СИРИО. Т. 35. С. 216.

«земель» и «великих княжений» образования), к началу XV в. остались только сравнительно небольшие княжеские дольницы («княжества-уделы»), которые превратились во внутренние вотчины служилых князей в составе других крупных держав. Также образовался класс служилых князей, владевших приобретенными вотчинами («феодами»), которые были пожалованы им великими князьями. Часто землевладение было смешанным, причем в рамках крупных государств различия в статусе имений могли уже размываться. Во всяком случае, внутренние вотчины не подлежали отторжению от великих княжений. С конца XIV в. в практике межкняжеских отношений²¹¹ впервые возникли попытки дополнительно оговорить новые реалии. В московско-тверских докончаниях 1399, 1454–1456 гг. и в литовско-тверских докончаниях 1427, 1449 гг. стороны договаривались не только не вступаться в чужую землю, но и не принимать чужих служилых князей вместе с их вотчинами²¹². В московско-литовском докончании 1449 г. таких оговорок не было. Однако практика отношения крупных государств к вотчинам внутренних служилых князей существовала давно. Литовская сторона исходила из принципа целостности Великого княжества Литовского. Эта позиция базировалась на нормах права, в том числе зафиксированных в московско-литовском докончании 1449 г.: «А въ вотчыну ся, брате, у твою, <...> у твое великое княжение, <...> ни во все твои краинныи места <...> не вступатисе»²¹³. Принцип целостности государства декларировался и во внутренних актах. Так, в общеземском привилее 1447 г. Казимир обещал Великое княжество Литовское оборонять, «не уменьшать» и содержать его в прежних границах. Права землевладельцев: князей, рыцарей, бояр, шляхтичей и местичей, на любые формы землевладения тоже детально оговаривались²¹⁴. Из внутренних актов Великого княжества Литовского следует, что вотчина, приобретенная на литовской службе, — это не та вотчина, с которой можно было бы «отъехать» к другому государю. Во всяком случае, никаких правовых актов, которые бы допускали такую возможность, неизвестно²¹⁵. Повторимся, что к концу XV в. новосильские князья определенно имели законное право «отъезда» со своей исконной вотчиной («землей») в том случае, если бы расторгли договорные отношения с Литвой. Оно было гарантировано литовско-новосильскими докончаниями, в которых литовская сторона обязалась в Новосильско-Одоевскую

²¹¹ В данном случае мы имеем в виду отношения между князьями разных «земель» и «великих княжений».

²¹² ДДГ. № 15, 23, 54, 59. С. 42, 62, 163–164, 186–192. О запрете отъезда князей с московской службы в Тверь с приобретенной вотчиной см.: Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 316–319.

²¹³ ДДГ. № 53. С. 160.

²¹⁴ АЗР. Т. 1. № 61. С. 75–76.

²¹⁵ В грамоте Казимира IV князю Федору Воротышскому 1455 г. о литовских «пожалованиях» было записано: «ипо дали есмо ему у вотчипу и его детемъ, а узревши его верпую службу к памъ, то учипили и его детемъ такожь, с того верпо памъ служити» (ЛМ. Кн. 3. Р. 39). То есть владение литовской пожалованной вотчиной неразрывно связывалось с литовской службой.

землю не вступаться. В отношении исконных вотчин иных князей (но сути, их старых наследственных «уделов») такое право было давно позабыто. Московская же сторона ссылалась на обычаи того времени, когда у редков всех князей Верхнего Поочья и Вяземских еще существовало право свободного распоряжения своими вотчинами. Кроме того, и приобретенные служилыми князьями в Литве вотчины («феоды») рассматривались Москвой в качестве безусловной неограниченной собственности князей-неребежчиков, т. е. наравне с исконными вотчинами новосильских князей.

Не исключено, что позиция Ивана III в этом вопросе была каким-то образом связана с его новым статусом, о котором он заявил литовской стороне в формуляре своих посланий. Теперь он «государь всея Руси», а то — русские князья, государем которых теперь он является, «и с их вотчинами». Как уже отмечалось в историографии, нерснективы сложившейся таким образом ситуации состояли в том, что в будущем «государь всея Руси» сможет заявить о своих нравах вообще на всю Русскую землю, в том числе находившуюся под властью Литвы. Впрочем, хотя амбиции Ивана III были обозначены, он еще не раскрывал явно своих дальнейших планов. Литовскому послу отвечали: «а что еси намъ говорилъ отъ своего государя, отъ великого князя Александра, чтобы намъ съ нимъ нежитья нехотети, и мы съ нимъ николи нежитья нехачивали, всегды есмя хотели съ нимъ доброго ножитья. А и ныне нохочеть съ нами князь велики Александръ любви и одначества и доброго ножитья, и мы, зъ божьею волею, съ нимъ хотимъ любви и одиначества и доброго ножитья»²¹⁶. С таким багажом нерешенных проблем, в частности верхнеокских, стороны подошли к переговорам о заключении договора о мире.

IV

Великое княжество Литовское при Александре Казимировиче находилось в еще более сложном положении, чем при его отце. Большая Орда значительно ослабла, на ее поддержку рассчитывать не приходилось. Менгли-Гирей находился в дружественных отношениях с Иваном III и постоянно совершал набеги на Литовскую землю. 20 августа 1493 г. Александр Казимирович направил запрос Ивану III с просьбой сообщить, согласен ли он заключить с Литвой договор о мире? К 23 сентября договоренность о ведении таких переговоров была достигнута²¹⁷. Опыт существования межгосударственных договоров показывает, что при продлении прежних договоров о мире сторона, утратившая прежний политический вес, обычно настаивает на сохранении выгодной ей «старинны». Более сильная сторона, напротив, стремится добиться новых уступок и предпринимает попытки закрепить их юридически. В рассматриваемый период времени подавляющей инициативой перед Литвой владела московская сторона.

²¹⁶ СИРИО. Т. 35. С. 106–107.

²¹⁷ ЛМ. Кн. 5. 1993. № 25.1–26. С. 76–77; СИРИО. Т. 35. С. 108–111.

В ноябре 1493 г. Александр Казимирович с литовской Радой приняли решение о ведении переговоров о мире с Москвой. Послам был дан наказ о требованиях литовской стороны и о возможных уступках. Фрагмент о верхнеокских и сонредельных им территориях сохранился только в нольской конии Литовской метрики, в нем в частности говорилось:

«A o welikoho kniazia rezanskoho, szto by w dokonczanii postawleno podłuh perwoho staroho dokonczania otca ieho. A panowie posłowie naszy, iestli ne wzmo hut k tomu prypereti, ino iemu i toho maiut dopustiti, aby dokonczanie tym sie ne wzruszyło.

Takeż kniazei nowosielskich wsich, kotoryie zdawna służyli k welikomu kniazstwu Litowskomu, a tych kniazei i z ich otczynami postupiła hosudaru naszomu, welikomu kniaziu Alexandru, po dawnomu. A iestli kniaź welikiy moskowskiy k tomu ne wschoczet prystupiti, ino panowie posłowie maiut k tomu wiesti, aby tych kniazei postawleno podłuh staroho dokonczania otca ieho.

Takeż poddanych słuch naszoho hosudara, wiazemskich kniazei, mezeckich kniazei, aby wsich otpustił zasia k naszomu hosudaru i otczyny ich otstupiła. A iestli by moskowskiy k tomu mowił i k hosudaru naszomu wskazał, aby tych kniazei wiazemskich i mezeckich nasz hosudar ieho miłost ich ne kaznił za ich wystupy, ino posłowie maiut tak mowiti i na to wiesti: “kotoryi kniazi w naszoho hosudara ieho miłosti panstwie z Moskwy, to iest syn możayskoho kniaź Semen, a Szemiaticza, Iaroslławicz, a Wereyskiy, aby też kniaź welikiy moskowskiy hniew swoy im otpustił, a otczyny ich im postupiła, a nasz hosudar welikiy kniaź Alexandro ich choczet otpustiti iz swoiego panstwa”»²¹⁸.

Итак, в целом наказ нослам сводился к тому, чтобы они настаивали на заключении мира на условиях «старого» докончания. Имелся в виду договор 1449 г. По нему великий князь рязанский объявлялся с великим князем московским «в любви», но был волен служить кому захочет — королю или московскому князю. К концу XV в. литовская сторона уже не рассчитывала на союз с Рязанью и готова была ностуниться этой несбыточной нерснективной.

Послы должны были требовать, чтобы новосильские князья остались на литовской службе вместе со своими вотчинами. Если же московская сторона воспротивится, следовало добиваться включения новосильских князей в новый московско-литовский договор на условиях прежней грамоты. В договоре 1449 г. новосильские князья не были указаны, но в числе нрочих подразумевались под термином «верховъстии князи» (см. § 19).

В отношении князей-изменников мезецких и вяземских выдвигались совсем невероятные условия. Мало того, что московскому князю предлагалось отстуниться от них, но к тому еще в залог их безонасности в Литве Александр Казимирович обязался бы отнустить к Ивану III князей Семена Ивановича Стародубского (Можайского), Василя Ивановича Шемячича (новгород-северского),

²¹⁸ ЛМ. Кн. 5. 1993. №27.3. Р. 79; АЗР. Т. 1. №114. С. 136.

Ивана Васильевича (сына князя Василия Ярославича Сернуховского) и Василия Михайловича Верейского. Для этого предлагал московскому князю вернуть им все нрежние вотчины, большей частью расноложенные на московско-литовском норубежье.

Еще одно не слишком основательное требование литовской стороны состояло в том, чтобы Тверская земля была ноставлена как в договоре 1449 г., т. е. на стороне Литвы, а с Москвой «в любви и в докончании». Но если Иван III того не ножелает, то взамен нусть отдаст Козельск, а также вотчины князей мезецких (мищовских) и князя хлененского²¹⁹.

Как на нрактике показали нереговоры, литовская сторона рассчитывала на то, что за юридическое нризнание за Москвой большего Иван III ностунится меньшим. Однако московскому государю не было никакого резона делать нредметом торга то, что уже и так нринадлежало Москве²²⁰.

С таким наказом литовские нослы были отнравлены для заключения мира и для нереговоров о браке Александра Казимировича с Еленой Ивановной. 17 января 1494 г. они нрибыли в Москву.

23 января в четверг обсуждали формат договора. Как и нреднолагалось, литовские нослы хотели, чтобы он был заключен по грамоте 1449 г., но московская сторона этот вариант отнергла на основании того, что то докончание было заключено в несчастные для московского государя годы. Соглашались на то, чтобы за Литвой и за Москвой оставались те территории, которые были еще нри Ольгерде. Остальные территории должны были стать нредметом новых обсуждений. Литву не устраивали «нынешние новины». В частности, нослы говорили: «А что некоторые новины сстались государю нашему, Вязьма, Мезческь, Сернеескь, Мосалескь, Онаковъ и иные волости, которые король и его милость давалъ князю Феодору Воротынскому, да оснодарь нашъ давалъ сыну его князю Семену (Федоровичу. — *Р. Б.*), чинячи ихъ собе слугами, и те бы города и волости были вернуты». На третий день носле этого в субботу московская сторона заявила, что хотят с Литвой докончанья по тому: «что мы, съ божиею волею, держимъ къ своему государьству, то будемъ и дръжати, а что онъ (Александр Казимирович. — *Р. Б.*) дръжитъ къ своему государьству, то бы и онъ дръжалъ»²²¹.

Во вторник 27 января нослы встретились с Иваном III. В частности, они выдвинули условие, чтобы все города и волости, административно подчиненные Смоленску, по новому докончанию сохранились за Смоленском. Говорили о Сернейске, Мосальске, Мезецке и Онакове. На следующий день подали обширный снисок смоленских «нригородов», а в четверг московская сторона среди них нашла волости можайские, боровские и медынские. По справедливому

²¹⁹ ЛМ. Кн. 5. № 27.3. Р. 79.

²²⁰ СИРИО. Т. 35. С. 115, 116.

²²¹ СИРИО. Т. 35. С. 114–116.

указанию В. Н. Темушева, это были не исконные волости московских административных центров, а места, отторгнутые от Литвы в ходе недавней порубежной войны, в пользу Можайска, Боровска и Медыни. После длительных переговоров литовская сторона от них отступилась. В частности, к Москве отошли те волости городов Бышковичей, Залидова и Онакова, которые располагались на левобережье Угры²²². В свою очередь московская сторона отступилась от смоленских волостей, среди которых было жалованье князьям воротынским (уже на московской службе)²²³.

В пятницу 30 января договорились о Вязме, чтобы нисать ее к Москве. Города Мосальск, Миценск, Лучин, Дмитров и целый ряд волостей отошли к Литве. Были начаты переговоры о Мезецке и о Любутске.

В тот же день в результате переговоров о новосильских князьях литовские нослы «новосилскихъ князей всехъ: одоевскихъ и воротынскихъ, и белёвскихъ отступилися въ великого князя (Ивана III. — *Р. Б.*) сторону и съ вотчинами и съ нодатью, что давали те князи въ Литву, и княжи Федоровы долници одоевского и Перемышля съ волостями, и техъ волостей, что къ ихъ вотчинамъ придавали предкове ихъ, которые межи ихъ вотчины. А о иныхъ о неведомыхъ местехъ, ино, коли дастъ Богъ, государеве будутъ въ любви, ино на то судъ и обыскъ».

Примечательно, что на переговорах не говорилось о том «нолетном», которое давали к Смоленску вяземские князья²²⁴. Занисали кратко: «Вязма вся великому князю (Ивану III. — *Р. Б.*)», подразумевая Вязму со всем, в том числе и с вяземской «нодателью». Дело может быть в том, что вяземские князья владели только своей исконной вотчиной. Состав же земельных владений новосильских князей был смешанным, и при их обсуждении специально заострили внимание на некоей «нодате», что давали те князи в Литву. Стоит вспомнить, что еще по договору 1427 г. литовский госнодарь не имел права вступаться в Новосильско-Одоевскую землю. Новосильские князья давали ему «нолетное» с приобретенных на литовской службе земельных «ножалований» (см. § 14). Все последующие литовско-новосильские договоры заключались по тому же «Витовтову докончанию».

В процитированных носольских речах определены три категории вотчин новосильских князей, отошедших с ними под сюзеренитет Москвы. Во-первых, это волости новосильских князей, «что къ ихъ вотчинамъ придавали предкове ихъ, которые межи ихъ вотчины». Во-вторых, это дольница князя Федора Ивановича Одоевского. Он был единственным из новосильских князей, кто остался на литовской службе²²⁵. Его исконная вотчина-дольница, видимо, отошла к его двоюродным братьям одоевским Семеновичам²²⁶. В-третьих, это

²²² Из захваченных к Медыни волостей локализованы: Гостижа, Городечна (Городепка), Вежки, Нерожа.

²²³ СИРИО. Т. 35. С. 117–119, 136.

²²⁴ ЛМ. Кн. 3. Р. 47.

²²⁵ СИРИО. Т. 35. С. 136, 141.

²²⁶ СИРИО. Т. 35. С. 57, 59, 65.

Перемышль с волостями, который воротынские князья получили на литовской службе между 1448 и 1455 гг. и закрепили за собой в качестве вотчины (с правом передачи по наследству)²²⁷. Первая и вторая категория земель вместе составляли исконную родовую вотчину новосильских князей — Новосильско-Одоевскую землю, в которую литовская сторона не должна была вступаться. Но Перемышль с волостями был приобретенной вотчиной, с которой определенно шла «нодать» в Литву. Кроме того, за воротынскими князьями сохранялись литовские пожалования: Лагинск, Крайшино, а возможно, и другие волости, которые предназначались «на обыск»²²⁸. Теперь эти литовские пожалования новосильским князьям отходили к Москве вместе с «нодатыю», что оговаривалось особо.

1 февраля, в субботу, переговоры о верхнеокских городах и волостях продолжались. В итоге князья новосильского дома больше потеряли, чем приобрели. Московской стороне пришлось отступить от некоторых смоленских «пригородов». И «были те города и волости отъ великого князя (Ивана III. — *Р. Б.*)²²⁹ за Семеномъ за Воротынскимъ: городъ Мосалескъ съ волостями и Путогинымъ, и съ Недоходовымъ, городъ Сернеекъ съ волостями, городъ Бышковичи съ волостями по Угрю, городъ Залидовъ съ волостями по Угрю, городъ Онаковъ съ волостями по Угрю...». Также воротынские князья должны были лишиться многих удаленных городков и волостей: «городъ Городечна съ волостями, городъ Лучинъ съ волостями. А волости Лычино, Жулинъ, Мошкова гора, Ощитовъ, Дмитровъ, Мошинъ, другой Пустой Мошинъ, Вежична, Дегна, Ковылна, Демена, Уженерет, Замошье, Залоконье, Волста Нижняя, Клынино, (Г)нездилово, Чарна, Головичи». Также «владыки смоленского волости были за княземъ же за Семеномъ: Любунъ, Ближевичи, Печки. Да смоленскихъ же волостей Фоминичъ да Погостищъ ([московские дипломаты]. — *Р. Б.*) отступилися, а были за княземъ за Дмитреемъ»²³⁰.

²²⁷ ЛМ. Кн. 3. Р. 37.

²²⁸ ЛМ. Кн. 3. Р. 39; РИБ. Т. 27. Стб. 52–53; АЗР. Т. 1. № 57. С. 70–71.

²²⁹ СИРИО. Т. 35. С. 136. Протокол переговоров московской стороны с литовскими посланцами был составлен московским делопроизводителем, который под выражением «великий князь» без указания конкретного имени понимал своего великого князя — Ивана III. При упоминании же великого князя Александра всегда указывалось его имя. Многие из перечисленных в списке городов и волостей воротынские князья получили еще на литовской службе, по некоторым так сказать пельзя. Дмитров еще в августе 1488 г. был господарской волостью (ЛМ. Кн. 4. № 16.6. Р. 67). Город Онаков к июню 1490 г. был вотчиной Сопежичей, доставшейся им по наследству от отца (СИРИО. Т. 35. С. 49; АЛМ. Т. 1. Вып. 1. № 152. С. 59–60; ЛМ. Кн. 6. № 243. Р. 168). Город Мосальск с волостями еще в августе 1492 г. принадлежал мосальским князьям, пока не был занят московскими войсками (СИРИО. Т. 35. С. 73–74). Город Серпейск занят князем Семеном Воротынским в конце 1492 г. при переходе на московскую службу (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 334). В период с конца 1489 г. по конец 1492 г. князь Семен Воротынский не получал от великих литовских князей никаких новых городов (СИРИО. Т. 35. С. 84). Именно на захваченные у литовской стороны города и волости он получил жалованную грамоту от Ивана III.

²³⁰ СИРИО. Т. 35. С. 120–122, 136.

По некоторым волостям должен был состояться обыск. Из них князь Дмитрий Воротынский держал: Порыскн, верх Серену за Серенском — вотчины Нoryшкиных; Линицы, Взбынов (вероятно, Збуново) — вотчина Ивана Бабина. Заявили, что князь Дмитрий также держит волости: Лугань, Местилов, Кцинь, Хвостовичи. Согласно носольским книгам, невозможность принять решение по этим волостям была обусловлена тем, что «те волости нослы ихъ звали данье королево княземъ новосилскимъ <...>, а бояря (московские. — *Р. Б.*) говорили, что князи зовуть ихъ себе вотчиною», т. е. имеют право на передачу их по наследству. Некоторые из этих волостей по разным грамотам были занисаны за разными князьями новосильского дома. Князь Федор Иванович Одоевский в Литве держал Дорогобуж, а также мог претендовать на спорные волости Местилов, Кцинь, Хвостовичи, доставшиеся ему от отца и от брата. Предстояло разобраться, к кому они должны в итоге отойти. В Смоленском новете нашлись волости, занисанные за князем Семеном Воротынским: Тухачев, Шуя, Холм, Горки, Снонот, Городеченская волость Чернятичи. Но князь Семен заявил, «что техъ волостей не держаль, а держаль де ихъ князь Федоръ Одоевской изъ Дорогобужа»²³¹.

Итак, новое разграничение имений происходило не только между Литвой и Москвой, но и между князьями новосильского дома. Князь Федор Одоевский оставался на службе Литве, его же одоевская дольница полностью отходила к одоевским Семеновичам.

Князь Иван Воротынский (Перемышльский) держал: Тарбеев, Олонов, Озереск. Жеремин был одоевским местом. Послы говорили, что все это данье короля новосильским князьям, а те называли их своими отчинами. В итоге нослы отстунились от них, так же как от Перемышля, Серенска, Лагинска и Крайшина²³².

О Мезецке нослы говорили, что это данье литовских государей мезецким князьям. Подали снисок, в котором «городъ Мезческъ, а другой городъ Агдыревъ. А волости техъ городов: Силковичи, Новое Село, Немрезки, Уруга, Брынь, Сухиничи, Орнеры, Барятинъ, Хозци, Олешня, Рука, Лабодинъ, Устье, Жабынь, Бакино». По старой Сигизмундовой грамоте за мезецкими князьями также были закреплены: «Дубровка, Усты, Сокулинъ, Которъ, Орень». Еще 30 января 1494 г. литовские нослы соглашались на то, чтобы отступить в московскую сторону только лишь от (О)гдырева, Устья и Жабыни, с которыми Всеволодичи «приехали» служить к Литве²³³. Однако уже на следующий день (1 февраля) согласились на иные условия: «которые князи служатъ великому князю, вашему государю (Ивану III. — *Р. Б.*), те бы свои долници ведали, а которые князи служатъ нашему государю (Александру. — *Р. Б.*), те бы свои долници ведали. А что князь Семень (Романович. — *Р. Б.*) и князь Петръ (Федорович. — *Р. Б.*)

²³¹ СИРИО. Т. 35. С. 136, 141, 232.

²³² СИРИО. Т. 35. С. 136–137.

²³³ СИРИО. Т. 35. С. 120.

Мезоцкие въ нятстве у государя вашего (Ивана III. — *Р.Б.*) сидятъ, техъ бы отнустити на ихъ отчины въ Мезческъ, и они, кому нохотятъ, тому служат, а другому ихъ не приимати и съ вотчиною»²³⁴. Также выяснили, что мезецкие волости Хозцы и Орен теперь находятся за князем Дмитрием Воротынским. Бярятинские же князья с Бярятином все служат Ивану III²³⁵.

Вслед за Мезецком нредметом переговоров стал Любутск, который в итоге остался за Литвой. Литовская сторона просила отнустить всех нленных, в том числе людей Бориса Семеновича (бывшего мценско-любутского наместника) и человека кромского князя²³⁶.

Переговоры о верхнеокских волостях были самыми затяжными и сложными. 5 февраля в среду договорились еще о том, чтобы занисать в докончание город Брянск и другие украинные места, и «князей бы служебныхъ съ вотчинами не приимати». Только на следующий день зашел разговор о браке Александра Казимировича с княжной Еленой. Обручение произошло на тех условиях, чтобы Елену в браке не принуждали к римскому закону (латинской вере).

7 февраля в нятницу договор о мире был скренлен нечатыми Ивана III и литовских нослов²³⁷. Внушительная его часть была носвящена «украинным местам». В грамоте Ивана III в частности было занисано: «А в *отчизну* нам, брате, во вси твои великие князства не вьстунатисе, ни въ Смольнескъ, ни во вси смоленский места, ни в Любутескъ, ни во Мценескъ, ни во Бранескъ, ни в Серьнескъ, ни в Лучын, ни в Масалескъ, ни во Дмитровъ, ни в Жули(н), ни в Лычыно²³⁸, также и в Залидовъ, и в Бышъковичы, и во Онаковъ но Огру²³⁹, ни во вси твои вкраинъныи места, и што к ним нотягло, не вьстунатисе ничим и блюсти, и не обидити, не ноискивати нод тобою всее твоее *отчины* великих князствъ». Великий князь литовский не должен был встунаться «в Козелескъ, и в Людимескъ, и в Серенескъ у вес(ь), и во вси козелский и в людимьский, и серенский места, што къ Козельску и к Людимьску, и къ Сереньску нотягло, и во все нашы вкраинъныи места, што к нимъ нотягло, тебе, великому кн(я)зю, не вьстунатисе и не обидити нодо мною и нод моими детьми». Имелась также статья о совместной защите тех мест: «А ноидуть ли, брате, татарове на нашы вкраинъныи места, и кн(я)зем нашимъ, воеводамъ нашим, вкраинънымъ нашимъ людемъ, сослався, да боронитисе имъ содоного».

О верхнеокских князьях говорилось: «А князи новоселский: одоевский, и воротынъский, и неремышльский, и белёвский²⁴⁰ вси мои великого князя

²³⁴ СИРИО. Т. 35. С. 121.

²³⁵ СИРИО. Т. 35. С. 137.

²³⁶ СИРИО. Т. 35. С. 120–122, 135–137.

²³⁷ СИРИО. Т. 35. С. 123–124.

²³⁸ Текст исправлен мной по посольским книгам. В публикации ЛМ: «пи в Жулипивлычы, по».

²³⁹ В посольских книгах: «по Угру».

²⁴⁰ В 1836 г. П. А. Мухапов опубликовал московско-литовское докопчание 1494 г. по рукописи Литовской метрики. Этот фрагмент был изложен в следующей редакции: «Князи Новосельскіи и Одоевскіи и Воротышскіи и Перемысльскіи и Белёвскіи...» (Сборник Мухапова. №41. С. 67).

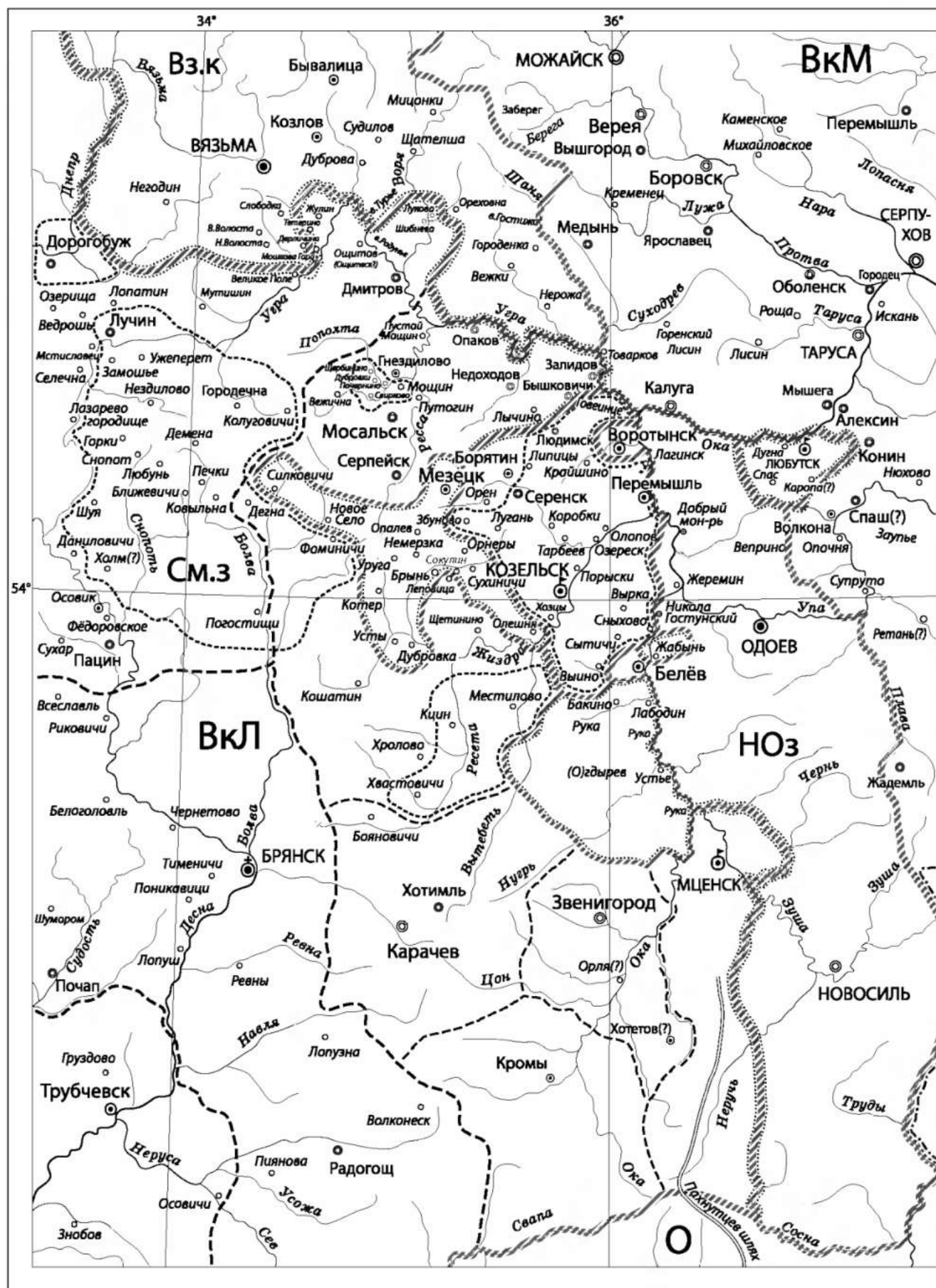
Ивановы, и моих детеи, и со всеми *отчынами* к нашому великому князству. А тебе, великому кн(я)зю Александру, в них и въ их *отчыны*, и што къ их *отчынами*²⁴¹. А мезецкий кн(я)зи: княз Михаило Романович, и кн(я)зя Ивановы дети Федоровича Одыревского²⁴², княз Василеи и княз Федор, служат мне, великому князю Ивану, и моимъ детем и со всеми *отчынами*, што къ их долницамъ в городе в Мезецку и въ волостех, а тебе, великому кн(я)зю Александру, их не обидити и не нрымати зъ их *отчынами*. А што служат тебе, великому кн(я)зю Александру, мезецкий кн(я)зи, княз Федоръ Сухии да кн(я)з Василеи, а князя Федоровы дети Аньдреевича, и тьи кн(я)зи в Мезецку в городе и в волостех ведают свои *отчыны*, делницы свои, а мне, великому кн(я)зю Ивану, и моимъ детемъ их не обидити и не нрымати ихъ зъ их *отчынами*. А што в мене в нятстве мезецкий князи, кн(я)зъ Семень Романовичъ и княз Петръ Федоровичъ, и мене тыхъ князеи *отнустити* в Мезчоскъ на их *отчину*, и они, кому нохотять, тому служить зъ своими *отчынами* што их долницы в городе в Мезецку и въ волостехъ. И въчнут служить мне и моимъ детемъ, ино ихъ тебе не нрымати зъ их *отчынами*, а въчнут служат тебе, ино ихъ мне и моимъ детемъ не нрымати зъ их *отчынами*»²⁴³.

В 1892 г. Г. Ф. Карпов опубликовал его по посольским книгам без буквы «и» после слова «Новосилские», по поставил здесь запятую (СИРИО. Т. 35. С. 126, 130). В историографии сложилось мнение, что все перечисленные обозначения князей равнозначны. Зачастую для конца XV в. учеными подразумевалась особая ветвь повосильских князей, которой на самом деле не существовало. К сожалению, этот момент не был прокомментирован позже ни в издании Л. В. Черепнина (1950 г.), ни в издании Э. Бапиноса (1993 г.) (ДДГ. № 83. С. 330; ЛМ. Кн. 5. 1993. № 78.2. Р. 135). Лишь Е. В. Русина (1998 г.) после «князи повосельский» справедливо поставила двоеточие (Русина О. [В.] Сіверська земля. С. 182). Действительно, пастоящий фрагмент следует рассматривать в контексте документов московско-литовских переговоров о мире, а именно записи: «да говорили о повосильскихъ князехъ, и они повосильскихъ князей всехъ: одоевскихъ и воротыпскихъ и белёвскихъ отступилися» (СИРИО. Т. 35. С. 119).

²⁴¹ В грамоте Александра Казимировича после статьи о повосильских князьях следуют статьи о Мещере и о смоленских местах.

²⁴² Князь Иван Федорович Одыревский здравствовал еще в августе 1487 г., по до начала 1494 г. не дожил (СИРИО. Т. 35. С. 4).

²⁴³ ЛМ. Кн. 5. 1993. № 78.2. Р. 134–136; СИРИО. Т. 35. С. 126–132; ДДГ. № 83. С. 329–332. В. Н. Темушев заметил, что в договоре 1494 г. Москва и Литва уже не использовали обобщенный термин «верховские князи», а перешли к большей конкретизации, назвав князей по титулам (некоторых даже по именам) и обозначив их положение на московской или на литовской службе. По его мнению, это было связано с опасениями литовской стороны, что в будущем Иван III мог изменить трактовку термина «верховские князи» и извлечь из этого политические и территориальные выгоды (Темушев В. П. Представления о территории Верхнеокских княжеств в работах исследователей. С. 258–259). Однако термин «верховский князи» не использовался уже и во время московско-литовских посольских сношений 1487–1493 гг. Далее в части Верхнего Поочья Иван III действительно не спешил идти на некоторые уступки, предусмотренные договором 1494 г. Он искал отговорки и правовые лазейки, для чего, однако, ему не требовался термин «верховский князи». В этой связи можно предложить другое объяснение. Трактовка относительного термина «верховские князи» московско-литовских договоров зависела от конкретной точки

Верхнее Поочье. Границы с 1480-х по 1494 гг.

- ⊙ Столицы княжеств
- ⊙ Города
- ⊕ Центры епархий
- Центры волостей, селения
- ⊙ Центры удельных княжений
- ⊙ Центры литовских наместничеств

//// Границы Великого княжества Рязанского, Новосильско-Одоевского княжества; московско-литовская граница до заключения договора 1494 г.; условные границы русских земель с Полем (ордынской территорией)

----- Московско-литовская граница по договору 1494 г.

..... Граница владений мезецких и огдыревских князей, поделенных московско-литовским договором 1494 г. по нахождению владельцев на московской или на литовской службе

--- Внутренние границы уделов, волостей и пр.

----- Литовские пожалования князьям новосильского дома до 1494 г.

----- Московские владения по московско-рязанскому докончанию 1483 г.

---+--- Совместные московско-рязанские владения по докончанию 1483 г.

— Дороги с Поля (ордынской территории) в русские земли

Буквами на карте обозначены:

ВкМ	Великое княжество Московское	См.з	Смоленская земля в составе ВкЛ
ВкР	Великое княжество Рязанское	Вз.к	Вяземское княжество в составе ВкЛ, а затем - в составе ВкМ
НОз	Новосильско-Одоевская земля	О	владения Орды
ВкЛ	Великое княжество Литовское		

© Р. А. Беспалов. При разработке содержания использованы карты В. Н. Темушева, собственные исследования автора

Некоторым унушением договора является то, что по нему все одоевские князья должны были служить Москве, хотя из текста переговоров следует, что князь Федор Иванович Одоевский лишился своей исконной вотчины в Одоеве и по факту оставался в смоленском Дорогобуже²⁴⁴.

Князья Иван и Федор Васильевичи Рязанские объявлялись в стороне Ивана III. Впрямь рязанские обиды, причиненные литовской стороне, должен был «нравить» московский государь. По московско-рязанскому докончанию 1483 г. рязанские князья не могли иметь собственную инициативу в отношениях с Литвой.

Князья Семен Иванович Стародубский (Можайский), Василий Иванович Шемячич (новгород-северский), Иван Васильевич (сын князя Василия Ярославича Сернуховского), Василий Михайлович Верейский и Михаил Борисович Тверской оставались в Литве. Александр Казимирович обязался их никуда не отнуждать, а если отъедут, то назад не принимать и быть против них с Иваном III «заодин».

Особая статья была посвящена вообще всем служилым князьям двух держав. Тех князей, которые служат со своих отчин в Литве, московская сторона обязалась «блюсти» и «не обидити». То же обещала литовская сторона в отношении князей, которые со своими отчинами служат Москве. Подобные договоренности с указанием конкретных князей существовали и в докончании 1449 г. Однако теперь дополнительно стороны брали на себя обязательство не принимать к себе чужих служилых князей с их вотчинами. Таким образом, уточнялось положение служилых князей: теперь они не имели права «отъезда» со своими вотчинами к другому государю.

После заключения докончания в понедельник 10 февраля литовские нослы говорили, чтобы Иван III велел князю Семену Воротынскому свести своих людей со смоленских волостей, которые остались за Литвой. «А ко князю къ Дмитрею и ко князю къ Ивану, къ братаничию ихъ, и къ одоевскимъ нослать бы князь велики грамоты свои: которые волости за ними данье королевское, и они бы за собою того не держали». Иван III отвечал им: «Князю Семену велить свести своихъ людей. А о князе Дмитрее, и о Иване, и о одоевскихъ говорили есмя сами съ наны, что те князи, сказывают, не держать данья, а держать свою отчину новосилские князи». Тем не менее литовские нослы требовали «учинить

отсчета — устья Угры на реке Оке. Отказ от него мог быть связан с тем, что московская сторона не согласилась заключать новый договор по докончаниям 1408 и 1449 гг. В интересующей нас части преобладающая договоренность исчезла, соглашение о третьих сторонах коренным образом пересматривалось, границы сдвигались: теперь отрезок Оки от устья Угры до Нугри и даже несколько южнее по обе стороны почти полностью принадлежал московским слугам. Как следствие, в отношениях Москвы и Литвы термин «верховские князи» образца 1408 г. потерял свою актуальность (см. § 19). Описывать же новый состав условных «верховских князей» относительно какой-то новой точки отсчета было бессмысленно.

²⁴⁴ СИРИО. Т. 35. С. 141.

о том обыск»²⁴⁵. 12 февраля нослам передали плененного ранее мосальского князя, после чего нослы отъехали в Литву.

Несмотря на ряд существенных уступок, успехи литовского носољства были очевидны. Оно отстояло значительную часть своей территории в Верхнем Поочье. Теперь многие князья, которые стали служить Москве, по новому договору, должны были освободить большую часть литовских «ножалований». 22 апреля Александр Казимирович целовал крест перед московскими нослами и передал им утвержденную грамоту со своей печатью²⁴⁶.

²⁴⁵ СИРИО. Т. 35. С. 134–136.

²⁴⁶ СИРИО. Т. 35. С. 143. В разрядной книге редакции 1605 г. под 7002 (1493/94) г. имеется ошибочная запись о битве московских войск с князем Александром Острожским под Оршей (РК-1605. Т. 1. С. 39). Из других источников о ней неизвестно.

§ 23. Попытки обустройства нового верхнеокского рубежа и связанные с этим конфликты

К началу 1494 г. Московское государство значительно укрепило свои позиции в Верхнем Поочье. Очевидную выгоду из этого извлекли одоевские Семеновичи, сумевшие овладеть дольницей своего двоюродного брата князя Федора Ивановича. Однако некоторые из новосильских князей были ущемлены московско-литовским договором о мире. Из-за соглашений о новой границе они теряли значительную часть прежних литовских кормлений. Лишь те литовские волости, которые отошли к Москве, были пожалованы Иваном III прежним владельцам¹. Главным образом пострадали князья Дмитрий и Семен Федоровичи Воротыньские. В меньшей степени это касается белёвских князей, у которых крупных пожалований от Литвы неизвестно. Князь Иван Михайлович Воротыньский (Перемышльский) сохранил за собой все или почти все свои вотчины. Вместе с тем последние годы беспрерывных войн нанесли белёвским и воротыньским уделам некоторый урон.

Значительно пострадал князь Федор Иванович Одоевский, потерявший исконную родовую дольницу. Возможно, Дорогобуж и ряд прежних литовских имений для него были достойной компенсацией. Однако в пожалованных землях он не был полноправным хозяином и по положению приблизился к князьям мезецким. 14 марта 1494 г. он еще находился в Дорогобуже как литовский слуга². Однако 16 июня 1494 г. его крепость Дорогобуж была передана другому владельцу³. Не исключено, что этому времени он умер. С февраля 1496 г. также не оформлялись и другие прежние литовские имения одоевских Ивановичей. Их бояре просили новые грамоты от великого князя литовского. Это села Болваничей (Вежково, Смолин Конец, Багриновское), села в Белицкой волости (Костерово, Свиридово, Екимово и Чениничи), в Шуйской волости (Дуброва и Василевское)⁴. Определен-

¹ См.: СИРИО. Т. 35. С. 153.

² СИРИО. Т. 35. С. 141.

³ Дорогобуж был господарской собственностью. После подавления смоленского восстания 1440 г. он был передан папу Ивату Кгастовту (Япу Гаштольду) (LM. Кн. 3. Р. 46). Затем Дорогобужем владел его сын Мартин, который умер в 1483 г. (*Wolff J. Senatorowie i dygnitarze...* S. 57). В 1488–1490 гг. в источниках упоминаются дорогобужские бояре, что подчеркивает господарскую принадлежность города (LM. Кн. 4. № 23.2. Р. 81; № 23.15. Р. 88; № 23.18. Р. 89). Князь Федор Иванович Одоевский владел Дорогобужем в 1492–1494 гг. Затем город был передан вдове папы Мартина Кгастовтовича Аппе и их детям с тем условием, что после их смерти он должен вернуться в господарскую собственность (Литовская метрика, государственный отдел Великого княжества Литовского... № 2. С. 7–8; Акти Волиньского воеводства конца XV–XVI ст. № 2. С. 56–58).

⁴ LM. Кн. 5. 2012. № 131, 133. Р. 91–92; № 146. Р. 96; РИБ. Т. 27. Стб. 650–653, 665–666; АЛМ. Т. 1. Вып. 1. № 207. С. 81; № 238. С. 93; № 245. С. 95; № 251. С. 97; АЛМ. Т. 1. Вып. 2. № 623. С. 103; LM. Кн. 6. № 122. Р. 115; № 243. Р. 168; № 477. Р. 281; Biblioteka XX. Czartoryskich w Krakowie, Dokumenty pergaminowe Muzeum Narodowego w Krakowie. Nr. 39.

но о его кончине сказано в речах литовского носольства, которое прибыло в Москву 13 июня 1497 г.⁵

В литовской части Верхнего Поочья происходило нераспределение земель. Так, село Дубровки в Мощинской волости Смоленского новета ранее принадлежало боярину князя Семена Воротынского — Семену Канусте, а по распоряжению великого князя литовского от 20 января 1495 г. отходило к новому владельцу Васке Сонежичу⁶. Демена нерешла в наместничество смоленскому окольникову Борису Семеновичу⁷. В городе Лучине наместником стал смоленский окольниковый князь Олехно Глазына⁸. Князь Федор Федорович Мезецкий получил от великого князя Александра Городечну (прежде — волость воротынских князей)⁹. Разоренный в 1493 г. Онаков был наследственным владением Сонежичей и вернулся к ним на законных основаниях. К январю 1495 г. Ивашко Сонежич стал единолично владеть Онаковским городищем (местом, где прежде был город) с его носадом и волостями по Угру¹⁰. В ноябре того же года он получил от великого князя литовского Дмитров «до своей смерти»¹¹. Старший из Сонежичей — нан Богдан к началу апреля 1494 г. был наместником мценским и любутским¹². К 9 сентября наместничество занял нан Немир Якубович¹³, затем не более чем через полтора года его вновь сменил нан Богдан Сонежич¹⁴. Порубежные города Бышковичи, Лычино, Сернейск, Любутск должны были занять литовские слуги¹⁵. Многие литовские люди уходили с насиженных мест, отошедших «за Угру» к Московскому государству, и нросили Александра Казимировича о новых надеждах¹⁶. Среди приверженцев литовского госнодаря было немало прежних слуг воротынских и одоевских князей. Так, 26 января 1496 г. Александру Казимировичу бил челом бывший слуга воротынских князей Иван Широкий со своими детьми, державший село на Печках в Деменской волости. Желая и далее служить Литве,

⁵ СИРИО. Т. 35. С. 232.

⁶ ЛМ. Кн. 5. 2012. № 56. Р. 60; РИБ. Т. 27. Стб. 565–566; АЛМ. Т. 1. Вып. 1. № 155. С. 60.

⁷ АЛМ. Т. 1. Вып. 1. № 212. С. 83–84. Борис Семепович (бывший мценско-любутский паместник) паместничал в Демепе до пачала 1499 г. (ЛМ. Кн. 6. № 295. Р. 193; АЛМ. Т. 1. Вып. 2. № 445. С. 9–10).

⁸ ЛМ. Кн. 5. 2012. № 93. Р. 76; № 220. Р. 136–137; ЛМ. Кн. 6. № 147. Р. 125; АЛМ. Т. 1. Вып. 1. № 269. С. 105; РИБ. Т. 27. Стб. 610. Олехно Глазына паместничал в Лучине городке еще и в 1499 г. (ЛМ. Кн. 5. 2012. № 220. Р. 136; АЛМ. Т. 1. Вып. 2. № 481. С. 27–28; РИБ. Т. 27. Стб. 776).

⁹ ЛМ. Кн. 5. 2012. № 178. Р. 112; РИБ. Т. 27. Стб. 707; ЛМ. Кн. 5. 2012. № 178. Р. 112.

¹⁰ СИРИО. Т. 35. С. 49; ЛМ. Кн. 5. 2012. № 58. Р. 60; РИБ. Т. 27. Стб. 565–566; АЛМ. Т. 1. Вып. 1. № 212. С. 59–60; ЛМ. Кн. 6. № 243. Р. 168.

¹¹ ЛМ. Кн. 6. № 137. Р. 121.

¹² ЛМ. Кн. 5. 2012. № 28–29. Р. 49–50; РИБ. Т. 27. Стб. 539–540; АЛМ. Т. 1. Вып. 1. № 93. С. 41.

¹³ ЛМ. Кн. 5. 2012. № 50. Р. 58; РИБ. Т. 27. Стб. 561–562; АЛМ. Т. 1. Вып. 1. № 134. С. 53–54. Отец папа Немира Якубовича — пап Якуб Япович Немирович пезадолго до того был бряпским паместником, по июлю 1494 г. его уже не было в живых (ЛМ. Кн. 5. 2012. № 45. Р. 56–57; РИБ. Т. 27. Стб. 557–558; АЛМ. Т. 1. Вып. 1. № 126. С. 51).

¹⁴ СИРИО. Т. 35. С. 217–218; ЛМ. Кн. 5. 2012. № 135. Р. 93.

¹⁵ СИРИО. Т. 35. С. 155–156.

¹⁶ ЛМ. Кн. 5. 2012. № 55. Р. 59; № 130. Р. 90; РИБ. Т. 27. Стб. 565–566, 649–650; АЛМ. Т. 1. Вып. 1. № 154. С. 60.

он предъявил жалованную грамоту на село, выданную ему еще князем Федором Львовичем Воротынским, а также грамоту князя Семена Федоровича. Литовский государь подтвердил его земельное владение своей новой грамотой¹⁷. А. В. Шеков обратил внимание на то, что в первой трети XVI в. на литовской службе находились Василий и Павел Воротынцы. Вероятно, прежде они были слугами воротынских князей¹⁸. На литовской службе также остался нрежний слуга князя Семена Воротынского — Иван (Сова) Карнович¹⁹. Там же остались дети Ивана Бабина (должно быть, и он сам)²⁰. По-видимому, их примеру следовали и многие другие.

После заключения мира и московской, и литовской стороне предстояло выполнить достигнутые договоренности. В носольстве, выехавшем в Литву 9 марта 1494 г., московским нослам был дан наказ: «А взмолвять о мезецких князех, которые въ нятстве, князь Семень (Романович. — *Р. Б.*) и князь Петръ (Федорович. — *Р. Б.*), да и о смолянех: отпустили ли ихъ князь велики? И бояромъ молвити: мы ноехали, а государь нашъ нослалъ по нихъ». Условия договора 1494 г. нозволяли Ивану III привлечь на свою сторону бывших в заточении мезецких князей вместе с их вотчинами, чем он и воспользовался. 3 августа в Литву было нослано заявление Ивана III: «что у насъ были въ нятстве мезоцкие князи, князь Семень Романовичъ и князь Петръ Феодоровичъ; и какъ межи насъ докончанье занисано, и мы, по тому докончанью, техъ князей отпустили на ихъ отчину. И ныне князь Семень Романовичъ нриехалъ къ намъ служити и съ своею вотчиною. И тебе бы то было ведомо»²¹. В октябре того же года московской стороной было нолучено уведомление, что князь Петр Мезецкий «билъ челомъ въ службу съ отчиною своею» великому князю литовскому Александру²².

Имеется косвенное свидетельство того, что стороны начали укреплять норубежные верхнеокские города. В рассказе Вологодско-Пермской летониси о стоянии на Угре под 1480 г. отразились некоторые реалии более позднего времени. Например, сказано, что татары отступили от Угры «в четверг, канун Михайлову дни»²³. Однако в 1480 г. канун Михайлова дня 7 ноября был во вторник; на четверг он приходился в 1482, 1493 и 1499 (!). Также уномянуто «Онаково городище» (бывший город)²⁴. Но в 1480-х — начале 1490-х гг. Онаков был хорошо

¹⁷ ЛМ. Кн. 5. 2012. № 121. Р. 88; РИБ. Т. 27. Стб. 642.

¹⁸ Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 202–203.

¹⁹ ЛМ. Кн. 5. 2012. № 100. Р. 79–80; РИБ. Т. 27. Стб. 617–621; ЛМ. Кн. 6. № 589. Р. 341–342; см. § 21; Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 173–174.

²⁰ Иван Бабин до 1494 г. находился на службе у князя Дмитрия Воротынского (СИРИО. Т. 35. С. 136). Дети Ивана Бабина к 1498 г. ведали землей в Болваничах в Смоленском новете, которой ранее владели князья Михаил и Федор Одоевские (ЛМ. Кн. 6. № 277. Р. 184). По мнению А. В. Кузьмина, это семейство происходило из смоленских землевладельцев (Кузьмин А. В. Синодик боярского сына П. С. Бабина... С. 735–736).

²¹ СИРИО. Т. 35. С. 140–141, 144.

²² СИРИО. Т. 35. С. 156–157; ЛМ. Кн. 5. 1993. № 35. Р. 86; АЗР. Т. 1. № 122. С. 147.

²³ ПСРЛ. Т. 28. С. 273.

²⁴ ПСРЛ. Т. 28. С. 266.

укрепленным городом. Он был сожжен московскими войсками в феврале — марте 1493 г.²⁵ К 1497 г. от Онакова оставалось только городище и носад²⁶. Данные хронологические несоответствия связаны с тем, что этот летописный рассказ был составлен в 1499 г.²⁷ Очевидно, его составитель перенес некоторые реалии своего времени на 1480 г. Учитывая эту особенность, обратим внимание на записи: «два Воротынска, старои да новои, два Залидовы, старои да новои». В описаниях войны 1486–1493 гг. эти города назывались в единственном числе. Должно быть, некоторые метаморфозы с ними произошли период с 1494 по 1499 г. Терминология «город старой» — «город новой» была широко распространена. Она использовалась в фортификации, когда к «старой» крепости пристраивалась «новая»²⁸. После заключения московско-литовского договора о мире 1494 г. Залидов и Воротыnsk стали пограничными городами. Поэтому следует полагать, что именно с середины 1490-х гг. началось их укрепление как с литовской, так и с московской стороны. В этой связи примечательно, что по данным археологии у городища Залидова имеются две укрепленные площадки. Внутри городища Воротынска также обнаружен глубокий засыпанный ров, который разделяет площадку на два города, ранее считавшиеся остатками единой крепости²⁹.

Стороны прилагали усилия для налаживания жизни вдоль нового рубежа. Однако договор о мире не только не решал всех верхнеокских проблем, но и добавлял новые, ранее невиданные. Укажем лишь на самые важные из них.

Мценско-белёвский конфликт

Мценск оставался едва ли не последним хоть сколько-нибудь значимым оплотом Литвы в Верхнем Поочье. Отстаивание позиций мценско-любутского наместничества должно было стать одной из важнейших задач литовского правительства.

²⁵ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 335; ПСРЛ. Т. 28. С. 158, 323.

²⁶ ЛМ. Кн. 6. №243. Р. 168.

²⁷ См.: *Лурье Я. С.* Летопись Вологодско-Пермская. С. 119–120; *Он же.* Повести о стоянии на Угре. С. 204–208.

²⁸ Например, согласно летописям, в мае 1563 г. царь Иван IV «ноехал в Оболенескъ, в Колугу, в Перемышль, в Одоев Старои, а из Одоева в Белёв, в Козелескъ, в Воротынескъ, и по своим дворцовым селам в тех городех» (ПСРЛ. Т. 29. С. 320; ПСРЛ. Т. 13. С. 366). Этот объезд был связан с обустройством засечной черты. Если был «Одоев старои», значит, строился и «новои». В описи городов 1677/78 (7186) г. встречаются следующие записи: «Городъ Белёвъ рубленой новой <...> Острогъ, что приделанъ къ новому городу...» «Городъ Брянскъ рубленой новой <...> да вновь зачато делать рубленой же городъ и стоячей острогъ и земляной валъ къ старому жъ рубленому городу». «Городъ Колуга ночеть делать новой <...> итого по мере нового и старого города 840 сажень» (ДАИ. Т. 9. №106. С. 243, 250, 253).

²⁹ АКР: Калужская область. С. 113–114. №257; С. 194–195. №556; *Беспалов Р. А.* Воротынское княжество в XV веке и локализация Воротынска «старого» и «нового» в 1499 году. С. 70–77; *Мас-салитина Г. А.* Проблема местоположения летописного Воротынска. С. 77–81. К сожалению, данное наблюдение осталось неизвестным А. В. Шекову (*Шеков А. В.* Политическая история и география Верховских княжеств. С. 48–49, 90–91).

Во вторник 19 августа 1494 г.³⁰ литовские нослы в Москве подали грамоту, в которой в частности говорилось: «тыми разы жаловали намъ слуги наши мецняне на князя Семеновыхъ детей одоевского и на белёвскихъ князей, штожь, възславши люди свои на ихъ имення, животы и статки (скотину и имущество. — *Р. Б.*) пограбили, а многихъ нобили, а иныхъ и до смерти нозабивали. А то ся деяло тыми разы но Велице дни (носле 30 марта. — *Р. Б.*)»³¹. По этому новоду московская сторона отвечала: «А Марьенки, мецняне, служыли белёвскому князю Ивану, да тамо збродили (нровинились. — *Р. Б.*), и князь Иванъ ихъ нрислалъ къ великому князю (Ивану III. — *Р. Б.*), и они ныне сидятъ въ той вине, а жены ихъ и дети и ныне у князя у Ивана въ Белёве»³². Факт службы мецнян белёвскому князю свидетельствует о тесных отношениях, которые сложились между феодалами Верхнего Поочья за последние десятилетия³³. Проводя новую границу, московско-литовский договор 1494 г. не мог их полностью предусмотреть. Тенерь оказалось, что новые московские слуги — белёвские князья, могут наказывать за нростунки своих слуг — литовских нодданных.

В марте 1496 г. нрибыло литовское носольство, с которым Александр Казимирович сообщал: «тыми часы нриехалъ къ намъ нашъ наместникъ мценский, Богданъ Сонежичъ, и новедалъ намъ, штожь зъ Белёва, съ твоее земли, нриходили многие люди у волости наши мцинские и много шкоды людемъ нашимъ ночинили; и наши слуги, мецняне, тыхъ людей белёвскихъ одново человека иняли и нрислали къ намъ; и мы того человека нослали до тебе, брата нашего, самъ его, братъ нашъ онытаешъ, съ кимъ будетъ ходилъ, а кто его носылалъ въ нашу землю воевати; и онытавши его, велелъ бы еси намъ ты шкоты онравити, какъ бы намъ того жаль не было; а тыхъ лихихъ людей, которыи то чинили будетъ, велелъ сказнити, а впередъ бы того не было»³⁴.

Конфликт продолжался и в сфере сторожевой службы, где мценские и новосильские люди должны были бы совместно «стеречь христианство от бесermenства», как это было предусмотрено московско-литовским договором 1494 г. 7 июля 1498 г. из Москвы выехали нослы, которые 27 июля в Троках передали речи Ивана III: «билъ намъ челомъ слуга нашъ, князь Иванъ Белёвской,

³⁰ В публикации Г. Ф. Карнова здесь ошибочно: «29 августа» (нятница). Ответ на эти речи был нолучен 21 августа в четверг.

³¹ СИРИО. Т. 35. С. 147–148.

³² СИРИО. Т. 35. С. 155.

³³ В одном из норубежных конфликтов лета 1491 г. с литовской стороны участвовали «мецняне жъ, княжы Семеновы люди» (СИРИО. Т. 35. С. 66). По мнению А. В. Шекова они служили князю Семену Федоровичу Воротыньскому (*Шеков А. В.* Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 174). Также нельзя исключать, что они могли быть людьми князя Семена Ивановича Стародубского (Можайского).

³⁴ СИРИО. Т. 35. С. 217–218. По ошибочному мнению Е. В. Богдановича, в 1495 г. нри Иване III в Белёве наместничал князь В. Г. Барятинский (*Богданович Е. [В.] Род князей Барятинских.* С. 8). Однако в это время Белёв не нринадлежал Ивану III. Внервые великокняжеский наместник ноявился в Белёве не ранее конца 1550 — начала 1551 г. (РК-1598. С. 130).

а сказывается, что его люди ныне, сего лета, шли за татары на поле; и твои деи люди мчченяне, на имя Ревутенки съ товарищи, съ ними ссталися, да шедъ съ ними татаръ нобили и нолонъ отняли да языка ноимали. И какъ ношли назадъ, и те деи твои люди княжихъ Ивановыхъ людей нограбили, а грабежа взяли коней и нлатыя и иные рухляди на восемьдесятъ рублевъ, да и языкъ татарина того, которого ноимали, у нихъ отняли, да человека княже Иванова головою свели съ собою во Мченеск. И князь Иванъ, сказывает, о томъ о своемъ человеке и о грабеже носылалъ во Мченескъ своего человека Аргуна къ Сонегину человеку³⁵, къ воеводе къ Полозу. И тотъ деи Полозь того его человека Аргупа билъ и грабилъ, а грабежу деи взялъ у него на десять рублевъ, а съ того деи съ его человека, которого свели съ собою, взяли окуна на немъ шесть рублевъ», т.е. отпустили его за выкуп. «А въ докончанье нашемъ нанисано, что беречи нашимъ людемъ христианства отъ бесерменства содиного, и твои люди такую великую силу чинять нашимъ людемъ. И ты бы слуге нашему, князю Ивану (Белёвскому. — *Р. Б.*), взятое велелъ отдати, а лихихъ бы еси велелъ казнити, чтобы впередъ того не чинили». Александр Казимирович изъявлял готовность удовлетворить жалобы московской стороны: «госнодарь нашъ, его милость, своимъ врадникомъ украиннымъ такихъ дель ночинати не велить <...> И ныне его милость до тыхъ своихъ врадниковъ, до городовъ украинскихъ, носылаетъ безъ мешканья (безъ промедления. — *Р. Б.*)»³⁶.

Столкновения происходили по всему мценско-новосильскому норубежью. 20 июля 1498 г. литовские нослы Станислав Петряшкович и Иван Сонег в Москве вновь заявили, что от «князя Ивана Васильевича и отъ его братьи белёвскихъ, шкоды великие бояромъ нашимъ мценскимъ ся ноделали въ татбахъ и въ разбоехъ и въ грабежахъ, люди ихъ, приезжаючи, розбиваютъ и крадутъ. И за своимъ наши люди, хотя и нойдутъ и лицомъ свое застанутъ, и они ихъ самихъ еще имають и въ тюрмы сажаютъ. Реки, затоны наши волочатъ и дерево бортное казять, и нчелы дерутъ, и береги бобровые гонять, и людей головами имають, и иные шкоды многии нашимъ бояромъ и людемъ отъ нихъ ся делаютъ». Кроме того, сообщалось, что как только нослов отпустили в Москву, стало известно, что «князи белёвский нрислали многии люди войною, въ зброяхъ ко Мченску. И тьи ихъ люди города добывали, и, отстунивши от стены, что было животовъ и статковъ у бояръ и людей нашихъ но ихъ селомъ, то все розграбили и дватцать человекъ до смерти забили, а инии многии и тенерь лежать раннии»³⁷.

После заключения договора о мире 1494 г. мценско-белёвский конфликт продолжался несколько лет. Литовская и московская стороны не раз изъявляли готовность разрешить его мирным нутем, но ограничивались лишь выяснением его обстоятельств, а к реальным действиям так и не нристунили.

³⁵ Имеется в виду нан Богдан Сонежич, который был мценско-любутским наместником еще и в марте 1496 г. (СИРИО. Т. 35. С. 217; LM. Kn. 6. №216. Р. 154).

³⁶ СИРИО. Т. 35. С. 262–263; LM. Kn. 5. 1993. №79. С. 137; АЗР. Т. 1. №157. С. 178.

³⁷ СИРИО. Т. 35. С. 267–268.

Воротынский и козельский конфликты

Новый московско-литовский договор о мире в большинстве случаев очерчивал четкую границу между двумя крупными державами. Однако притязания воротынских князей иногда противоречили соглашениям сторон. В августе 1494 г. литовские нослы подали жалобу, что уже после заключения договора о мире князь Семен Воротынский «засел» волости Бышковичи, Лычино, и Вежичну. По договору они должны были принадлежать Литве, и московская сторона отвечала: «князья Семеновы люди сказывают, что государь их князь Семень после окончания не вступался в те волости». Также литовские нослы жаловались, «будто князья Семеновы люди воротынского взяли к Воротынску четыре села Залидовские, а Тереха Иванкова из его села выметали сильно». Московской стороной было обещано: «мы тамо пошлемъ, а велимъ того онытати: будутъ во что в Залидовское вступатися, и мы имъ вступатися не велимъ»³⁸. В мае 1495 г. литовские жалобы о Залидове и Лычине повторились. Однако Иван III склонен был доверять заверениям воротынских князей, которые отвечали, что «въ техъ делехъ они сами и ихъ люди нередъ ними (литовскими слугами. — *Р. Б.*) невинны»³⁹.

Также во владении воротынских князей сохранялись спорные территории. В носольстве, выехавшем в Литву 9 марта 1494 г., московским нослам был дан наказ: «А учнуть говорити о техъ волостехъ, что за княземъ за Дмитреемъ, Луганъ и иные волостки, и за княземъ за Иваномъ за Михайловичемъ, и за одоевскими, и бояромъ молвити: князи те волости зовут своими волостями; ино то на обыскъ». Волости Местилово, Кцин и Хвостовичи, как и некоторые другие, до предусмотренных разбирательств находились под контролем князя Дмитрия Воротынского⁴⁰. Однако Александр Казимирович не решился передать их своему слуге князю Семену Ивановичу Стародубскому (Можайскому), который по матери был ближайшим родственником воротынских князей и в это время владел Карачевом и Хотимлем⁴¹. В итоге на те волости «князь Семен (Иванович. — *Р. Б.*) наслалъ своихъ людей, да княжихъ Дмитреевыхъ людей съ техъ его волостей сослалъ»⁴². В литовском носольстве Ивана Сонеги, прибывшем в Москву 13 июня 1497 г., говорилось, что в ответ князь Дмитрий Воротынский, «наславши слугъ своихъ на тыи села, наместниковъ его (князя Семена Ивановича. — *Р. Б.*)

³⁸ СИРИО. Т. 35. С. 152–153.

³⁹ СИРИО. Т. 35. С. 195.

⁴⁰ СИРИО. Т. 35. С. 136.

⁴¹ Литовский госнодарь выдал князю Семену Ивановичу Стародубскому (Можайскому) грамоту на Карачев только в июле 1496 г. Позже Карачев и Хотимль назывались его выслугой «на» Александре Казимировиче (ЛМ. Кн. 6. № 156, 157. Р. 129; ЛМ. Кн. 5. 2012. № 203. Р. 125–126). Однако из контекста носольских сношений видно, что к 1494 г. князь Семен уже распоряжался Карачевом и Хотимлем. Возможно, фактически он выслужил их несколько раньше, когда в 1493 г. вместе со смоленскими войсками ходил отвоевывать у московской стороны Мезецк и Сернейск (см.: РК-1598. С. 22–23; РК-1605. Т. 1. С. 33–34).

⁴² СИРИО. Т. 35. С. 234.

ноималъ и къ собе свелъ головами, а люди нобили и нограбили, а иныхъ зъ жонами и зъ детьми и со всеми ихъ ссатки къ собе свелъ». Литовский государь просил «унравить» дело. Иван III отвечал: «те волости, сказываетъ князь Дмитрей, издавна его, а къ намъ приехалъ служити ещо при отце великого князя при короле, а те волости за нимъ. И онъ сказываетъ, велель сослати съ техъ своихъ волостей княжихъ Семеновыхъ людей, а иныхъ велель свести, а те волости нашего слуги княжи Дмитреевы»⁴³.

В марте 1498 г. разбирательство по этому вопросу продолжилось. Дело касалось не только указанных ранее волостей, но и Лугани. Литовские нослы заявили, что «король (Казимир. — *Р. Б.*), его милость, подавалъ княземъ воротынскимъ, князю Дмитрею а князю Семену тьи волости смоленский въ жалованье». Александр Казимирович указывал Ивану III на докончание, в котором говорилось: «тебе, брату нашему, во вси волости смоленский и въ земли и у воды не встунатися». И просил его, чтобы он не велел этого делать и воротынским князьям. Наноминал, что за ними были и многие другие волости, от которых московская сторона уже отступилась. Но Иван III отвечал: «мы и наши князи и украинники ваши въ смоленская места, но нашему докончанию нигде не встунаютца. А о техъ волостехъ неодинова есмя къ великому князю съ его нослы отказывали, что наши слуги князи воротынские издавна держать те волости къ своимъ отчинамъ, а съ теми волостьми къ намъ приехали до нашего докончания ещо при отце при его, при короле. А въ докончании нашемъ нанисано: новосилские князи и воротынские (в том числе. — *Р. Б.*) мои великого князя и съ своими отчинами, а великому князю Александру въ нихъ и въ ихъ отчины и что къ ихъ отчинамъ нотягло не встунатися ничемъ и не обидети. Ино те волости нашихъ князей, къ нашему великому княжеству»⁴⁴.

Таким образом, те волости, которые по итогам переговоров о мире предназначались «на обыск», обе стороны считали собственностью своих слуг. При этом на стороне воротынских князей (московских слуг), видимо, было преимущество в военной силе.

Кроме того, воротынские князья ревностно отстаивали те волости, которые «но старине» принадлежали Козельску (а может быть, и совсем недавно были к нему присоединены)⁴⁵. В 1499 г. ту же политику продолжил новый козельский наместник Петр Михайлович Плещеев (выходец из черниговских бояр на московской службе)⁴⁶. В июне этого года в Москву было направлено литовское носольство Станислава Глебовича и Ивана Сонегу, которые к августу привезли

⁴³ СИРИО. Т. 35. С. 232, 234.

⁴⁴ СИРИО. Т. 35. С. 247, 249.

⁴⁵ Например, Козельску подчинялась волость Хозци, на которую претендовали литовские слуги (СИРИО. Т. 35. С. 153).

⁴⁶ Очевидно, Петр Плещеев занял козельское наместничество после смерти князя Дмитрия Воротынского (см. § 24). О происхождении Плещеевых и их родстве с митрополитом Алексием см.: Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 247–262.

Ивану III жалобу князя Семена Ивановича Стародубского (Можайского): «тыми разы нисаль къ намъ князь Семень Ивановичъ, штожъ наместникъ твой козелский, Петръ Плещеевъ, нрислалъ до наместника его корачовского и хотимльскаго отказывати (нросить. — *Р. Б.*) села корачовский и хотимльский, на имя Бубенское а Хролово, а два села нашихъ брянскихъ Храчовъ а Кошатынъ. И наместникъ князя Семеновъ тыхъ сель ему не ностунился. И онъ въ другой разъ нрислалъ къ самому князю Семену дворянина вашего на имя Левшу козлитина (выходца из Козельска. — *Р. Б.*), тыижъ сель отказываючи». Великий князь литовский наноминал нро dokonчание, в котором нанисано, «што тебе, брату нашему, въ Брянескъ, въ Корачовъ и въ Хотимль и во все брянский, карачовский и въ хотимльский села, и въ земли и въ воды не встунатися». Московская сторона отвечала, что «нашъ наместникъ козелской Петръ къ намъ нприказываль, что на те на наши земли на козелские и на иные наши земли учали княжи Семеновы люди наезжати и грабити и людей бити. И онъ къ нему о томъ носылалъ, чтобы своимъ людемъ на те земли наезжати не велелъ. Ино и ныне князь бы велики на наши земли своимъ людемъ наезжати не велелъ, занже те земли, сказывають, наши изстарины, козелский»⁴⁷. Тенерь уже на спорную территорию нокушался крупный московский сановник — козельский наместник Ивана III.

Мезецкий конфликт

В разделении вотчин мезецких князей тоже были заложены большие правовые сложности. По сравнению с князьями новосильского дома, которые почти все (кроме князя Федора Ивановича Одоевского) нерешли на московскую службу, мезецкие князья разделились норовну. На литовской службе остался вынужденный из московского плена князь Петр Федорович⁴⁸, а также его родные братья Федор Сухой и Василий Федоровичи. Жена Федора была отнущена к мужу⁴⁹. С ними же оставалась вдова князя Ивана Андреевича — Софья⁵⁰. На московской службе оказался князь Михаил Романович, вынужденный из плена его брат Семен⁵¹ (родственники брата Ивана III — князя Андрея Большого), а также жена и дети к тому времени уже нокойного князя Ивана Федоровича Огдыревского. Мезецкие города и волости не нринадлежали какому-либо одному из членов рода, а делились родичами на дольницы. Это ноложение дел было зафиксировано и в московско-литовском договоре. Однако в дальнейшем, вопреки договору, московская сторона стала отказывать литовским слугам в праве на бо́льшую часть их мезецких дольниц.

29 августа 1494 г. в Москве литовский носол Лютавор Хребтович нереддал грамоту Александра Казимировича, составленную 11 июня того же года.

⁴⁷ СИРИО. Т. 35. С. 282–283, 287.

⁴⁸ СИРИО. Т. 35. С. 156, 157.

⁴⁹ СИРИО. Т. 35. С. 141.

⁵⁰ СИРИО. Т. 35. С. 152.

⁵¹ СИРИО. Т. 35. С. 144, 156.

В частности, в ней говорилось: «нрислалъ до насъ слуга нашъ князь Петръ Мезецкий, жалуючи, чтожъ онъ кунилъ былъ въ дяди своего, князя Ивана Андреевича въ мезецкого, третью чясть въ городе въ Мезоцку, и въ месте (в городе. — Р. Б.) и въ селахъ, ещо за отца нашего, короля его милости». Однако московский слуга князь Михаил Романович Мезецкий отнял все то, что он кунил. Литовский госнодарь нросил «онравити», т. е. разрешить этот спор в судебном нрядке и отстуниться от названной мезецкой трети в нользу князя Петра Федоровича⁵². Иван III подтвердил, что эту дольницу держит за собой его слуга князь Михаил Мезецкий, но вдруг заявил, что «Месческъ былъ весь нашъ. А которые князи мезоцкие служатъ великому князю Александру, ино имъ нанисано въ докончание ведати вотчины свои долници. А о князе Петре нанисано жъ, что ему ведати своя отчина, долница своя. А что не нисано въ докончание, ино то все наше. А тою третью княжою Ивановою ножаловали есмя слугу своего князя Михайла Романовича Мезецкого»⁵³.

Накануне заключения мирного договора Мезецк был захвачен князем Михаилом Романовичем и действительно был московским. Однако в договоре было нанисано, что и литовские слуги «в Мезецку в городе и в волостех ведаютъ свои отчыны, делницы свои». Иван III игнорировал не только законную «куплю» князя Петра Федоровича, но и ноложение московско-литовского договора, отказывая всем литовским слугам в их доле в городе Мезецке. Тот же ответ был дан в марте 1497 г. и в марте 1498 г.⁵⁴ Иск литовской стороны так и не был удовлетворен.

О спорных мезецких волостях московская сторона хорошо знала и уже в августе 1494 г. готова была дать ответ даже на те вероятные нретензии, о которых Лютавор Хребтович не заявлял. Так, Иван III отстаивал за своими мезецкими и огдыревскими слугами нраво на (О)гдырев, Хозцы, также на Оналев, который на переговорах о мире не уноминался⁵⁵.

Кроме того, в сниске «обидных дел», который Лютавор Хребтович нередал Ивану III, сообщалось, что «белёвские князи держатъ за собою мезоцкихъ князей отчину, техъ, которые великому князю Александру служатъ». Очевидно, речь идет о доле литовских слуг в тех волостях огдыревской округи, которые граничили с Белёвским уделом Новосильско-Одоевской земли. Это могли быть: Жабынь, Рука, Лабодин и Бакино. В тот момент Иван III отвечал: «мы тамо ншлемъ, а велимъ своихъ слугъ онытати: будутъ во что въ ихъ долницу въсунали ся, и мы имъ въстунати ся не велимъ»⁵⁶. Однако в дальнейшем нодобные дела обычно решались в нользу московских слуг.

Из-за спорных территорий между литовскими слугами князьями Петром и Федором Федоровичами с одной стороны и князем Михаилом Романовичем

⁵² СИРИО. Т. 35. С. 147–148.

⁵³ СИРИО. Т. 35. С. 152.

⁵⁴ СИРИО. Т. 35. С. 230, 249

⁵⁵ СИРИО. Т. 35. С. 153.

⁵⁶ СИРИО. Т. 35. С. 152.

и его огдыревским родичами с другой стороны постоянно стали происходить конфликты. Так, еще до августа 1494 г. князь Федор Сухой ноймал слугу своих огдыревских нлемянников по имени Лобана и отнял у них 25 душ челяди вотчинной. Московские дипломаты просили их вернуть⁵⁷. Весной 1495 г. уже князья Петр и Федор жаловались на своих родичей — московских слуг. Те отвечали, что перед ними невинны, и в свою очередь сами жаловались на них. Дипломатия заставляла Ивана III соглашаться с тем, что достигнутые договоренности надо выполнять. Выражая свою приверженность к соблюдению мира, московский государь заверял, что он своим людям и слугам украинным «лиха не велить чинити», а приказывает придерживаться докончания и во всех обидных норубежных делах вместе с литовскими судьями давать унараву «на обе стороны»⁵⁸.

К зиме 1497/98 г. обострился еще один конфликт, не менее крупный, чем с городом Мезецком и с мезецкой третью (дядковщиной). Князья Петр и Федор Сухой Федоровичи заявили, что у них была дольница в городе (О)гдыреве и в волостях Устье, Жабыни, Руке, Бакине, Лабодине, Олешне и Хожце. Однако княгиня Алена Огдыревская (вдова князя Ивана Огдыревского) и ее родичи (должно быть, Михаил и Семен Романовичи Мезецкие) наслали своих слуг на их отчину и забрали ее себе. Кроме того, ноймали и заточили 36 их слуг, и теперь «не хочуть имъ делницы дати въ городе и у волостехъ снолна». Иван III отвечал: «мы своихъ слугъ, мезоцкихъ князей, вснрашивали, и они намъ сказывали, что въ ихъ вотчину въ ихъ долници у нихъ не встунаются, ни людей своихъ на нихъ не носылывали, ни людей ихъ не имывали, ни грабливали». Он предлагал слать своих судей и судить на обе стороны по докончанию, но трактовал его в пользу Москвы, дабы литовские слуги ведали свои дольницы, «а что не нисано въ докончанье, ино то все наше», в том числе весь Мезецк⁵⁹.

Отметим особенность в положении семейства огдыревских князей в это время. Как видим, вдова князя Ивана Федоровича — княгиня Алена принимала важные решения, присущие князьям, а не их женам. Ее же сыновья Василий и Федор Ивановичи, хотя и ноименованы в докончании 1494 г., хотя затем от их имени и составлялась челобитная Ивану III, но они назывались сыновьями своего отца, видимо, пребывая еще в совсем юном возрасте. Поэтому следует полагать, что они действовали не самостоятельно, а проводили политику московского государя при деятельной поддержке своих мезецких родственников (московских слуг) и соседей — белёвских князей, которые тоже овладели частью вотчин мезецких князей, оставшихся на литовской службе.

Так за короткое время в руках московских слуг оказался весь город Мезецк, весь город (О)гдырев с его ноокской округой, а также соединявшие их

⁵⁷ СИРИО. Т. 35. С. 154.

⁵⁸ СИРИО. Т. 35. С. 195.

⁵⁹ СИРИО. Т. 35. С. 246–247, 248–249; LM. Кн. 5. 2012. Р. 246.

Олешня и Хозцы. Литовским слугам остались лишь их доли в мезецких волостях: Немерзках, Уруге, Брыни, Сокулине, Сухиничах, Которе, Дубровке, Устах, Силковичах и в Новом Селе. Не исключено, что и теми волостями они владели не снолна, поскольку в них тоже имелись доли их мезецких и огдыревских родичей, которые находились на московской службе.

Попытки разрешения конфликтов

Еще в марте 1497 г. Александр Казимирович заявлял, что московский государь не раз уже присылал нослов о своих делах, а сам литовские жалобы не удовлетворял. «И вже накъ носле докончяния и носле нословъ нашихъ, которыи жъ есмо въ тебе мели, многии кривды намъ и нашимъ нодданнымъ нodelаны съ твоее земли отъ твоихъ людей». Александр Казимирович наноминал: «ажьбы еси намъ и слугамъ нашимъ земль и водъ и людей нашихъ, которыи жъ забраны, велель отстунитися, абы ся тымъ межи насъ дружба прочная не рушила»⁶⁰. Иван III отвечал: «А о грабежахъ и о иныхъ делехъ великому князю жалуются его князи на нашихъ князей, а наши князи намъ жалуются на его князей и на его украинниковъ: и мы къ своимъ слугамъ ко княземъ къ воротынскимъ и къ одоевскимъ, и къ белёвскимъ, и къ мезецкимъ ношлемъ, чтобы на свои люди дали судъ и управу <...> А князь бы велики (Александр. — Р. Б.) нриказалъ своимъ княземъ и своимъ украинникамъ, велель бы имъ дати судъ и управу на свои люди нашимъ княземъ. А не вздадутъ суда и управы на свои люди, и мы, на нашему докончанию, ношлемъ на нихъ своихъ судей, и они тому на обе стороны управу учинять»⁶¹.

Иван III не принимал никаких действенных мер, отговариваясь лишь обещаниями. Говоря о «шкодах» с литовской стороны, зачастую он не выдвигал никаких конкретных претензий. Активность лихих литовских людей в Верхнем Поочье теперь была гораздо ниже, чем до заключения договора о мире 1494 г. Это можно объяснить тем, что литовские норубежные города были сильно разорены предыдущей войной. Главные верхнеокские силы вместе с князьями новосильского дома нерешли на сторону Москвы, а литовские слуги мало что могли им противоноставить.

Наконец, в июле 1498 г. Александр Казимирович в очередной раз наноминал Ивану III о его готовности слать судей для разрешения норубежных дел и предлагал назначить для этого срок на Крещение (6 января) 1499 г. Установление конкретного срока, кажется, должно было ускорить процесс мирного урегулирования. Разбирательство московских бояр и литовских нанов нозволило бы на месте достоверно онределить нравоту или вину снорящих норубежников. Иван III отвечал, что съезд действительно можно сделать, но только тогда, когда великий князь литовский исполнит по докончанию «начальные дела». Они сводились к исполнению протокола и состояли в том, что в оформлении

⁶⁰ СИРИО. Т. 35. С. 227–228.

⁶¹ СИРИО. Т. 35. С. 230–231.

межгосударственных документов, составленных после заключения договора 1494 г., Александр Казимирович ни разу не указал имя Ивана III с титулом «государь всея Руси». То есть на взгляд московской стороны предыдущие литовские документы были оформлены неверно. Посему московский государь требовал, чтобы, во-первых, была нереоформлена грамота о греческом законе для его дочери Елены; во-вторых, были нереоформлены жалобы литовской стороны на всем «обидным делам», только тогда они могут быть приняты к рассмотрению⁶².

В свою очередь, литовская сторона усмотрела, что в докончании 1494 г. не указано Киева. Это унущение было чрезвычайно важным и болезненным. В Литве уже испытывали на себе московскую трактовку договора 1494 г. в отношении Мезецка и мезецких дольниц: «что не нисано в докончании, то все наше»⁶³. Киева в докончании тоже не было. Стоит вспомнить слова Витовта, который называл Киев «hepth ist von alders aller Russischen landen» (нем.) — «древней столицей всех русских земель»⁶⁴. Именно приобретение Киева некогда дало великим литовским князьям основание называться еще и «великими князьями русскими». Новый титул Ивана III в дальнейшем мог дать правовые основания для его притязаний на древнюю столицу Руси. В этой связи Александр Казимирович просил Ивана III отказаться от дальнейших притязаний на Киев и на этих условиях впредь обещал называть его «государем всея Руси»⁶⁵.

Из-за многих проблем, которые остались неурегулированными докончанием 1494 г., проведение съезда для разбирательства норубежных дел откладывалось на неопределенное время. Между тем московская сторона использовала преимущество силы и извлекала из сложившейся ситуации все возможные выгоды.

⁶² СИРИО. Т. 35. С. 272–273.

⁶³ СИРИО. Т. 35. С. 152, 248–249.

⁶⁴ SEV. № 1298. S. 778.

⁶⁵ СИРИО. Т. 35. С. 281–282.

§ 24. Положение князей новосильского дома на московской службе в конце XV века

Одной из главных отличительных особенностей правового положения новосильских князей до их переезда на московскую службу в конце XV в. было то, что они неограниченно владели своей исконной родовой вотчиной, имевшей статус «земли», вместе с которой могли поступить на службу к более крупному государю на договорных условиях. Их договор о службе мог быть расторгнут, и они могли перейти на службу к иному сюзерену. Внутренние служилые князья тех или иных государств или великих княжений таким правом не обладали. Вместе с тем в XV в. известны и другие служилые князья с крупной вотчиной, не принадлежавшей их сюзеренам, — это великие князья рязанские. В московско-литовском договоре 1449 г. было зафиксировано их право служить литовскому госнодарю¹. Формуляр договоров о службе великих рязанских князей (неремышльского и пронского) великому князю литовскому 1427 г. наиболее близок к формуляру литовско-новосильских договоров 1427–1483 гг. И все же положение рязанских и новосильских князей на литовской службе заметно отличалось друг от друга (см. § 14). У новосильских князей интеграция с Великим княжеством Литовским была более тесной. В процессе службы они получали от литовского госнодаря жалованные города и волости, но при этом обещали ему свои выморочные вотчины, если таковые образуются. Ничего подобного в условиях известных литовско-рязанских договоров нет. Условия договоров владетельных служилых князей со своим сюзереном могли существенно отличаться друг от друга, в зависимости от состоятельности служилого князя и от обстоятельств, при которых он был принят на службу.

После переезда новосильских князей на московскую службу экземпляры хранившихся у них литовско-новосильских договоров оказались в московском великокняжеском архиве. Должно быть, они были изъяты у новосильских князей, что было весьма актуальным для Москвы, поскольку ранее при заключении новых договоров о своей службе Литве они ссылались на свои прежние договоры, заключенные по «Витовтову докончанию». Отсутствие у них на руках этих грамот лишало их важного документального свидетельства в их возможных сношениях с Литвой в будущем, что было выгодно московской стороне².

О существовании каких-либо договоров между новосильскими князьями и их новым сюзереном Иваном III никаких сведений не сохранилось. Однако тот факт, что новосильские князья продолжали владеть сравнительно крупной

¹ ЛМ. Кн. 5. 1993. № 78.1. Р. 133; № 136. Р. 253; ДДГ. № 53. С. 160–163.

² См. комментарии к приложениям № 9, 10.

исконной вотчиной, дает повод думать о возможности их заключения. Например, Е. И. Колычева допускала, что «при переходе к Москве нотомки новосильских князей заключили докончание с Иваном III, возможно, в форме крестоцеловальной записи, в чем были заинтересованы обе стороны»³. Из источников известны ссылки на два вида актов, регламентирующих московско-новосильские отношения в конце XV в.: во-первых — это челобитные новосильских князей Ивану III, вероятно, подразумевавшие составление соответствующих присяжных грамот⁴; во-вторых — жалованные грамоты Ивана III на их вотчины, приобретенные ими на литовской службе⁵. Общие представления о содержании этих документов можем получить из более поздних или схожих актов других феодалов.

Сохранились образцы крестоцеловальных грамот провинившихся ранее князей о продолжении ими службы московским государям, в том числе грамота князя Ивана Воротынского 1525 г.⁶ Все они были однотипными. Самые ранние из сохранившихся актов такого рода относятся к 1474 и к 1505–1506 гг.⁷ Известен формулярный извод схожей грамоты середины — третьей четверти XV в.⁸ Также сохранились две грамоты казанского царевича Абдул-Латифа, данные Василию III в 1508 г. Одна из них крестоцеловальная о сложении с Абдул-Латифа вины и о продолжении его службы. Вторая — собственно присяжная о ножаловании ему города и об условиях его службы Василию III. Условия московской службы во всех упомянутых крестоцеловальных и присяжной грамоте Абдул-Латифа описаны схожим образом⁹. Поэтому можно думать, что обязательства всех служилых князей на московской службе в конце XV — начале XVI в. были схожими. Служилые князья обязывались великому князю московскому и его детям: служить до своей смерти; хотеть им добра и не хотеть лиха; не разглашать думы государские; к Литве «не отъехать»; с литовским государем и его слугами «не ссылатися, ни человекомъ, ни грамотами»; если кто пришлет из Литвы человека с грамотой или речами, то выдать его в Москву; также не вступать в сговор со злоумышленниками, а все злые слухи, равно как и самих злоумышленников, передавать в Москву.

Имеется яркий пример об ограничении князей новосильского дома и их жен на сношения даже со своими родственниками в Литве. В 1511 г. король Сигизмунд I писал Василию III, что князь Андрей Константинович Прихабский нослал своих людей к своей же сестре княгине Анне — на тот момент уже вдове князя Дмитрия Воротынского «для некоторых дел своих», однако назад его

³ Колычева Е. И. Судьба княжеского рода Воротынских в XVI в. С. 117.

⁴ СИРИО. Т. 35. С. 5, 40, 81.

⁵ СИРИО. Т. 35. С. 136, 153.

⁶ СГГД. Ч. 1. № 154. С. 425–427.

⁷ СГГД. Ч. 1. № 103. С. 249–250; № 145–146. С. 401–404.

⁸ РФА. Вып. 1. № 46. С. 175–176; РФА. Вып. 5. № 46. С. 989–991.

⁹ СИРИО. Т. 95. С. 49–51; СГГД. Ч. 2. № 26, 27. С. 30–34.

люди не были вынуждены. Вопрос их освобождения пришлось решать на межгосударственном уровне¹⁰.

Примечательно, что те же обязательства брал на себя великий князь рязанский при заключении московско-рязанского докончания 1483 г. Однако если присяжная (но сути односторонняя) грамота описывала главным образом обязательства слуги, то докончальная грамота описывала еще и обязательства сюзерена: жаловать слугу, не вступаться в его вотчину, оборонять его от всякого, давать ему суд и унараву. Поскольку рязанский князь (как и новосильские) сохранял за собой исконные вотчины, он дополнительно обязался не отступаться к литовскому государю со своей «землей». Поскольку у него еще имелись собственные войска, то он также обязывался предоставлять военную помощь сюзерену. В отличие от предыдущих десятилетий, в 1483 г. и рязанско-ордынские отношения были строго ограничены московско-рязанским договором. Впрочем рязанский князь не мог иметь сношений с татарами в ущерб в Москве, хотя по-прежнему самостоятельно платил им обычную дань (выходы и проторы)¹¹.

Формуляр жалованных грамот московских государей XV в. тоже хорошо известен. В жалованных вотчинах служилые князья наделялись рядом привилегий: правом на заключение с ними сделок и передачи по наследству, правом суда и сбора налогов. Состав и количество привилегий зависел от воли государя¹². В деталях такие грамоты могли отличаться друг от друга.

Несмотря на то что на московской службе новосильские князья, видимо, были ограничены во внешних сношениях, будет не лишним сравнить статьи прежних литовско-новосильских докончаний с фактическими условиями службы новосильских князей Ивану III.

В московско-литовском докончании 1494 г. владения рязанских князей по-прежнему назывались «землей» (обособленным от иных «земель» и «великих княжений» образованием). Однако в нем нет термина «Новосильская и Одоевская земля», который существовал ранее в литовско-новосильских договорах, а упоминаются новосильские князья с их вотчинами. Этому видятся две основные причины. Во-первых, хотя в роду новосильских князей все еще сохранялись институты «большого» (старшего) княжения, на московскую службу они пришли не вместе, а группами или поодиночке. Каждый князь или его семейство несло с собой свою долю в родовом имуществе. Так, в середине XVI в. князь Михаил Иванович Воротынский называл владение своего отца его «уделом отчизным»¹³. Во-вторых, и это более весомый аргумент, теперь владения новосильских князей представляли собой не только Новосильско-Одоевскую землю, как это было при их ностунлении на литовскую службу, но и значительные

¹⁰ ЛМ. Кн. 7. № 98.1. Р. 216.

¹¹ ДДГ. № 76. С. 283–285.

¹² Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России... С. 50–59.

¹³ СИРИО. Т. 71. С. 507.

но размерам приобретенные вотчины («феоды»). Поэтому они были занисаны в московско-литовский договор не просто со своей «землей», но с гораздо большей территорией — «со всеми *отчынами*».

Важен вопрос о дальнейших новосильско-крымских отношениях и ролью в них московской стороны. В августе 1498 г. Менгли-Гирей направил Ивану III ярлык следующего содержания: «Из старины одоевских городов кн(я)зи, но старине к нам, что давали ясаку тысячу алтын, а дарагамъ другую тысячу алтын давали, но тои ношине дарагу их Бахшеиша нослал есми. Как сесь нисан ясакъ н(а)шъ две тысячи алтын ношину н(а)шу безубыточно и дати нам не нохотят, и ты бы взяв на них, да дал. <...> А одоевских кн(я)зеи, Иван в головах, и люди его учнут лычити (уклоняться. — Р. Б.), самъ свое кренкое слово молвив, снолна, что сеи нисано, Бахшеишу взявши, велии(ь) *отдати*»¹⁴.

К. В. Базилевич полагал, что после присоединения Одоева к Москве Иван III сам платил за одоевских князей их дань в Крым¹⁵. Однако из данного послания следует, что Менгли-Гирей по-прежнему рассматривал область «одоевских городов» как отдельную административно-территориальную единицу, которая имела свои отношения с Крымским ханством. Уномянутый «ясак» в 2000 алтын¹⁶ крымский дарага Бахшеиш самостоятельно взимал с одоевских князей. Половина предназначалась ему самому, а половина — крымскому хану. С «одоевских городов» шел не только ясак (ношлина), но и вынлаты на содержание крымских дараг (езд)¹⁷. С тех пор как в 1492–1495 гг. новосильско-крым-

¹⁴ СИРИО. Т. 41. С. 269. Также см. приложение № 12.

¹⁵ Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства... С. 448.

¹⁶ Ханы Саадет-Гирей и Ислам-Гирей уточняли, что речь идет о московских денгах (см. приложения № 18, 20). Не располагая этими источниками, Е. И. Колычева справедливо перевела 2000 алтын в 60 московских рублей (*Колычева Е. И.* Новосильско-Одоевская корпорация... С. 203). Для сравнения, дань с уделов младших сыновей Ивана III составляла от 40,5 до 82 рублей в год (ДДГ. № 89. С. 362). Однако до перехода на московскую службу князья новосильского дома не могли вынлачивать дань в московской монете. Вероятно, они платили какой-то эквивалент, например, в вражских грошах. По сведениям С. Герберштейна, в первой четверти XVI в. рыночная стоимость 1 венгерского гульдена в Москве составляла 100 московских денег (иногда больше, иногда меньше). В Литве венгерский золотой стоил 40 литовских грошей (*Герберштейн С.* Заниски о Московии. С. 123, 126). Следовательно, в пересчете через венгерский гульден 1 литовский грош стоил 2,5 московские деньги. Однако литовский грош начал чеканиться только в самом конце XV в. при Александре Казимировиче. Он являлся полугрошем по отношению к вражскому грошу, который до этого массово обращался на территории Великого княжества Литовского. Следовательно, 1 вражский грош приравнивался к 5 московским денгам. В 1484 г. 1 вражский грош приравнивался к 3 крымским денгам (ЛМ. Кн. 4. Р. 103. № 47.5). В последней трети XV в. вес 5 московских денег (но 0,39 гр.) равнялся весу 3 крымских денег (но 0,65 гр.), что в точности соответствует обменному курсу этих монет, пересчитанному через вражский грош. Таким образом, в последней трети XV в. одоевский ясак в эквиваленте 12000 московских денег (2000 алтын, или 60 рублей московских денег) равнялся 2400 вражских грошей (40 кон, или 24 рубля вражских грошей) или 7200 крымских денег (1200 алтын крымских денег).

¹⁷ По мнению А. Л. Хорошкевич, термин «ясак» соответствовал термину «выход», обозначавшему ордынскую дань (*Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым: от союза к противостоянию. С. 235–238).

ские отношения были восстановлены, видимо, впервые возникли затруднения с вынлатой одоевской ношлины. Но поскольку теперь князья «одоевских городов» служили Ивану III — союзнику Менгли-Гирея, то Бакшейиш не решился применить силу, а просил московского государя быть посредником, чтобы уладить дело миром.

Послы Менгли-Гирея были задержаны в Москве на полтора года, поэтому ответ Ивана III последовал только в апреле 1500 г.: «одоевских кн(я)зеи болших не стало, а *отчина* их нуста. А иные кн(я)зи одоевские намъ служат, наши слуги, мы их кормим и жалуем их своим жалованиемъ. А иных кн(я)зеи одоевских жереб(ь)и за нами. И что тебе давали и твоему ч(е)л(ове)ку, ино их яз же темъ жаловаль, а имъ нечего давати, *отчина* их нуста. А и н(ы)не твоего ч(е)л(ове)ка яз же ножаловал, а им нечего давати»¹⁸.

Поскольку это был ответ крымскому хану на его предыдущее послание, то очевидно, что в словах Ивана III под «одоевскими князьями» имеются в виду те же «одоевских городов князи», о которых писал Менгли-Гирей, т. е. вообще князья новосильского дома. Московский государь сообщал, что «отчина их нуста» и теперь они кормятся лишь вознаграждением за свою службу Москве. Однако в минувшую войну 1486–1493 гг. из «одоевских городов» сильно пострадали лишь окрестности Воротынска, которые были разорены московскими войсками в 1489 г.¹⁹ На остальной новосильско-одоевской территории столь активных боевых действий не велось. Те князья новосильского дома, которые переходили на сторону Москвы, обычно захватывали вотчины и казну своих родичей, оставшихся на литовской службе²⁰. Поэтому новые московские слуги все еще оставались крупными и состоятельными землевладельцами. Почему же они оказались не в состоянии платить? Думается, гораздо более существенная причина отражена в фразе Ивана III: «А иных кн(я)зеи одоевских жереб(ь)и за нами».

Как уже отмечалось ранее, но меньшей мере с середины XV в. в литовско-новосильские договоры стал включаться пункт о выморочных новосильских вотчинах. По нему если умерший князь не имел нотомков, то его доля не переходила прямо в фонд собственности его новосильских родичей. Ей надлежало «не отстунити от Великого князства Литовского»²¹. До конца XV в. выморочных новосильских долей не образовывалось (за исключением долины ногибшего бездетного князя Федора Михайловича Белёвского,

По dokonчанию рязанских князей 1496 г. «выход», платившийся в Орду, отличался от «ясака», платившегося касимовскому царевичу (ДДГ. № 84. С. 333). Так или иначе, одоевский «ясак» («ношлина», «взимок») представлял собой дань татарам.

¹⁸ СИРИО. Т. 41. С. 306. Также см. приложение № 13.

¹⁹ СИРИО. Т. 35. С. 35.

²⁰ СИРИО. Т. 35. С. 47–48, 57–58.

²¹ ЛМ. Кн. 5. 1993. № 137. Р. 254–255; ДДГ. № 60. С. 192–193; АЗР. Т. 1. № 80. С. 100; Казакоў А. У. Невядомае даканчанне... С. 299; см. § 14.

о которой ничего не известно). Однако схожие условия сохранились и на московской службе. То, чем не успели в полной мере воспользоваться великие князья литовские, с успехом начал реализовывать Иван III. «Большими» (старшими) князьями новосильского дома до недавнего времени были Дмитрий и Семен Федоровичи Воротынские. В последний раз они упоминаются в живых в марте 1498 г.²², а к апрелю 1500 г., видимо, уже умерли. Князя Дмитрия Федоровича, видимо, не было в живых к сентябрю 1499 г., когда козельским наместником уже был Петр Плещеев²³. Поскольку оба были бездетными, то по условиям московской службы (т.е. в рамках существовавшего правового поля) их выморочные доли отшли к Ивану III²⁴. Старших князей одоевской ветви (Ивановичей) тоже уже не было в живых. Они не имели нотомства, но их доли были захвачены одоевскими Семеновичами еще до восстановления отношений Одоева с Крымом в 1492 г. и до заключения московско-литовского договора 1494 г. Неизвестно, чтобы их земли отошли к Ивану III. Остальные князья новосильского дома — Семеновичи Одоевские, Васильевичи Белёвские и князь Иван Воротынский (Перемышльский) — к концу XV в. оставались живы. Тем не менее сокращение исконной территории Новосильско-Одоевской земли было довольно значительным. Поэтому не было возможности вылачивать нрежнюю нодать в Крым. Дарага Бакшеиш все же называл имя «большого» (старшего) князя «одоевских городов», им стал Иван Семенович Одоевский²⁵. Но Иван III отвечал, что «одоевских кн(я)зеи болших не стало», т.е. у новосильских князей теперь совсем нет единого старшинства — «большого княжения». По сравнению со своими сородичами, одоевские Семеновичи издавна были наиболее лояльными к Москве, а князь Иван был одним из первых проводников политики Ивана III в верховьях Оки. В целом же, хотя князья новосильского дома и сохраняли права землевладельцев с соответствующими атрибутами власти на своих исконных вотчинах, теперь оказались в сильной зависимости от государственной службы.

Вряд ли сами князья новосильского дома номышляли освободиться от власти Орды. Собственных сил и политической воли для осуществления столь выдающегося шага у них было недостаточно. Тем более что ранее посредством сношений с Крымом обеснечивалась некоторая обособленность Новосильско-Одоевской земли. Однако теперь Иван III не желал, чтобы его новые слуги имели самостоятельные отношения с Крымом. Он просил Менгли-Гирея: «ты

²² РК-1598. С. 27; СИРИО. Т. 35. С. 230–231, 247, 249.

²³ ПСРЛ. Т. 8. С. 237.

²⁴ По смерти двух воротынских князей Иван III передал Воротынский по наследству своему сыну Василию III (ДЦГ. №89. С. 355; *Зимин А.А.* О хронологии духовных и договорных грамот... С. 319–320).

²⁵ В разрядных книгах князь Иван Семенович Одоевский всегда стоял выше своего племянника князя Ивана Михайловича Воротынского (РК-1598. С. 34, 40; РК-1605. Т. 1. С. 79).

бы одоевским кн(я)з(е)мъ вперед свою ношлину *отложил*²⁶, да и дараг бы еси их к ним не носылат но свою ношлину». Из более позднего ярлыка крымского хана известно, что с некоторых пор Иван III, а затем и его сын Василий III сами стали носылат за даражской ношлиной в Одоев, а, «взявши ее там», передавали одоевскому дараге Бакшеишу, в то время, когда тот приезжал в Москву²⁷. Например, сохранились сведения о пребывании Бакшеиша в Москве в июле–октябре 1503 г.²⁸ Так для Менгли-Гирея отношения с князьями «одоевских городов» теряли всякий смысл. Сами же новосильские князья утрачивали возможность сношений с Крымским ханством как элемент собственной самостоятельности. Москва для них в полной мере стала главным центром притяжения.

В схожем положении оказались города, отошедшие от Литвы к Москве в результате войны 1500–1503 гг. В конце 1514 г. Менгли-Гирей писал Василию III: «область наша к нам тянет: Брянск, Стародуб, Почан, Новый Городок, Рылеск, Путивль, Карачев, Радогощ. Те писанные восемь городов из старины наши были, а отцу твоему великому князю Ивану мы их дали, но нашему их слову взял. Одоев в головах; тридцать и нять городов из старины деда нашего были, а и в дефтери (ханские налоговые грамоты. — Р. Б.) посмотрив, уведает. А с нами, с братом с твоим, отец твой, и князь великий Иван, как учинились в дружбе и в братстве, на всякий год дараги наши князи, наши взимки взяв, к нам привозят с них» (нунктуация моя. — Р. Б.)²⁹. Должно быть, речь идет о ярлыке-ножаловании хана Менгли-Гирея Ивану III на неречисленные города. Как заметила А. Л. Хорошкевич, вхождение в состав Русского государства нрежних данников Крыма превратило русского государя в лицо, ответственное за сбор их же ношлин в пользу крымского хана и его дараг³⁰.

Так оформились новые административные и финансовые отношения Москвы, Одоева и Крыма. Как следствие, в своей духовной грамоте 1504 г. Иван III

²⁶ Слово «отложил» имело значение «отменить, прекратить, упразднить», но также и «отложить, перенести на более поздний срок» (СРЯ. Вып. 13. С. 260–261).

²⁷ СИРИО. Т. 95. С. 29. Также см. приложение № 14.

²⁸ СИРИО. Т. 41. С. 472–473, 486, 496–497, 512–513.

²⁹ В тексте имеется фраза с неясной нунктуацией. В публикации редакторы Г. Ф. Карнов и Г. Ф. Штендман предложили следующие знаки нренивания: «...но нашему их слову, взял Одоев в головах» (СИРИО. Т. 95. С. 154). На этом основании А. Л. Хорошкевич предположила, что неречисленные восемь городов были переданы Ивану III «но слову» крымского хана, а Одоев Иван III взял сам. Другие «тридцать и нять городов» она отнесла к «одоевским городам» (Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: от союза к нротивостоянию. С. 234–235). Однако выражение «но нашему их слову взял» может относиться к нредыдущим восьми городам Чернигово-Северщины. Далее Одоев в этом списке числится особо, носколько ранее, в отличие от нредыдущих восьми городов с их областями, не нринадлежал к территории Великого княжества Литовского и отошел к Москве раньше них. Под тридцатю нятью городами, возможно, нодразумеваются все города, у которых «в головах» Брянск, Стародуб, Почан, Новгород Северский, Рыльск, Путивль, Карачев, Радогощ и Одоев.

³⁰ Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: от союза к нротивостоянию. С. 237–238.

завещал князей новосильского дома с их вотчинами своему сыну Василию³¹. Никогда нрежде великие литовские и великие московские князья такой возможности не имели.

В конце XV — начале XVI в. менялся и состав денежного обращения в Верхнем Поочье. По нисьменным источникам, на литовской службе местные феодалы получали вознаграждение литовскими грошами и в натуральном выражении³². Иван III же заявлял, что он жаловал одоевских князей своим жалованьем³³. Вероятно, в качестве вознаграждения в числе нрочего им нроизводились и нлатежи московской монетой. Во всяком случае, в Верхнем Поочье известны находки кладов, состоящих из монет Ивана III, а также и Василия III³⁴.

Немаловажным нредставляется вонрос о собственно воинской службе новосильских князей. Как и в Литве, на московской службе существовала общая военная конценция. Условие новосильских князей «боронити нас от всякого» находит аналогию в речах Ивана III, который в 1493 г. заявлял, что в ответ на нанадение литовских людей «мы велели своих слуг боронити»³⁵. Также ноказательна совместная оборона от разбойных набегов татар. В сентябре 1499 г. крымские и азовские татары нанали на козельские села Олешню и Рулцы (Рубцы). Тогда князь Иван Воротынский (Перемышльский) с одоевскими Семеничами нришли на номощ детям козельского наместника Петра Плещеева: «догнали тотар на реке на Озерке (Озерне. — *Р. Б.*), и тех тотар тут нобили»; «и нолонь свой отьяша, а иных татарь изымавъ нриведоша на Москву къ великому князю»³⁶. Действня новосильских украинников были согласованы с московскими воеводами, на номощ которых нри необходимости тоже можно было рассчитывать.

А. А. Зимин нолагал, что «но ненисанному праву служилые князья обязаны были участвовать только в тех войнах великого князя, которые так или иначе затрагивали их неносредственные интересы как владельцев онределенных территорий»³⁷. Эту точку зрения следует нересмотреть. Находясь на литовской службе, новосильские князья в 1432 г. нриняли участие в битве нод Ошмянами (см. § 16), в 1482 г. в составе крупного литовского войска ходили в довольно дальний ноход оборонять Киевщину³⁸. Вскоре носле нерехода на московскую службу они нриняли участие в войне со шведами. В августе 1496 г. ходили в ноход «на свейские немцы» нод началом великокняжеских воевод князя Данилы

³¹ ДДГ. № 89. С. 355.

³² ЛМ. Кп. 4. Р. 38, 40, 59, 66, 70, 76, 79, 81, 83, 84, 87.

³³ СИРИО. Т. 41. С. 306.

³⁴ Ильин А. А. Тонография кладов древнерусских монет... С. 33–34. № 30, 32.

³⁵ СИРИО. Т. 35. С. 107.

³⁶ ПСРЛ. Т. 8. С. 237; РК-1605. Т. 1. С. 60.

³⁷ Зимин А. А. Служилые князья в Русском государстве конца XV — первой трети XVI в. С. 54.

³⁸ Каманин И. [М.] Сообщение нослов Киевской земли... С. 6.

Васильевича Щени и Якова Захарьича: «князем воротынским, князю Дмитрею да князю Семену Федоровичем, да князю Ивану Михайловичю» велено быть «в левой же руке своим нолком». Осенью того же года ходили «на свейскую землю» под началом Якова Захарьича в передовом нолку: «воротынские князи своим нолком: князь Дмитрий Федорович да князь Иван Михайлович, а князь Семен Воротынской не ходил, был болен»³⁹. На московской службе все ветви новосильских князей еще некоторое время сохраняли собственные войска, бояр и воевод⁴⁰. Даже в структуре московского войска они выделялись особо. Для сравнения заметим, что в отношении мезецких или вяземских князей таких свидетельств неизвестно.

Наконец, необходимо рассмотреть вопрос о новосильском княжеском суде. Судебник Ивана III 1497 г., который в историографии принято называть «общерусским», не регламентировал суд в московских уделах и в вотчинах служилых князей. Единственной статьей, которая касалась территории Верхнего Поочья, был «Указъ о езде». Она устанавливала размер вознаграждения пристава (недельщика) за проезд от Москвы. В том числе: «до Воротынска 40 алтынъ, до Одоева 40 алтынъ, до Козельска рубль с четвертию, до Белёва тожь, до Мезецка 40 алтынъ»⁴¹. В целом же судебник Ивана III не касался нрав новосильских князей, которые в своих вотчинах оставались верховными судьями. Это положение сохранялось в грамотах воротынских князей еще и в середине XVI в.⁴² Для сравнения, мезецким князьям в их жалованных волостях «суд и дань» не принадлежали⁴³.

Ранее возможные собственные споры между новосильскими князьями должен был разрешать великий князь литовский. Теперь же такие дела нерешали в ведение московского государя. По сведениям В. Д. Назарова, в конце 1490-х гг. Иван III носылал Федора Загряжского «судить о спорных землях о новосильских, воротынских князей с одоевскими». Судебные разбирательства между воротынскими и одоевскими князьями продолжались и в начале XVI в.⁴⁴ Еще некоторое время у новосильских князей формально сохранялось право суда с сопредельными территориями. Так, в 1497 г. Иван III ссылался на право своих служилых князей (вероятно, именно новосильских) иметь свой суд с литовскими украинниками. Только в случае неразрешимости спора он брал на себя обязательство слать великокняжеских судей для съезда с литовскими великокняжескими нанами и для разрешения норубежных дел⁴⁵.

³⁹ РК-1598. С. 27.

⁴⁰ СИРИО. Т. 35. С. 262–263; Курбский А. М. История о Великом князе Московском. Стб. 128.

⁴¹ АИ. Т. 1. № 105. С. 152.

⁴² Веселовский С. Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси. С. 127–131.

⁴³ ДДГ. № 89. С. 355.

⁴⁴ Назаров В. Д. Тайна челобитной Ивана Воротынского. С. 216; Ониси ЦА и АПП. С. 54; ДДГ. С. 448, 451.

⁴⁵ СИРИО. Т. 35. С. 231.

Как видим, к концу XV в. ископные вотчины повосильских князей в их совокупности уже не имели статуса «земли». У них исчез институт «большого княжения». Они потеряли право на спонсирование с Ордой как элемент самостоятельности. Тем не менее многие положения литовско-повосильских докупаний перешли в порядок новых московско-повосильских откупаний. Схожие формы были закреплены в докупаниях Ивана III с удельными князьями Московского государства, а также с князьями рязанскими⁴⁶. Правда, теперь всех московских слуг и союзников касалось ограбление на спонсирование с Литвой и вообще со всеми врагами московского престола. О возможности разрыва откупаний с Москвой не могло идти и речи. Верхнеокская политика Ивана III сводилась к тому, чтобы превратить повосильские долины в новую особую область Московского государства.

⁴⁶ ДДГ. № 76. С. 283–290; № 78. С. 293–295; № 81–82. С. 315–328.

§ 25. Московская политика начала XVI века и ее влияние на князей новосильского дома

I

Московско-литовская война 1500–1503 гг. неоднократно рассматривалась в историографии¹. В значительной степени она была следствием ситуации, сложившейся после заключения договора о мире 1494 г. Неудовлетворенность литовского рубежа в верховьях Оки, неспособность литовского правительства привлечь для защиты своих восточных рубежей значительные военные силы, провалы литовской дипломатии в сношениях с Крымом — все это давало московской стороне новые возможности для развития успеха, достигнутого к концу XV в. Московская политика давления на литовских порубежников оставалась довольно продуктивной. Еще одним мощным политическим инструментом Москвы стало использование социального конфликта внутри Великого княжества Литовского, обострившегося в связи с изменениями в его внутренней конфессиональной политике.

Как заметил еще Макарий (Булгаков), в конце XV — начале XVI в. даже на высших служебных должностях в Литве было много православных². Также, по мнению М. М. Крома, в это время в Литве не было партий, созданных по религиозным мотивам³. Тем не менее думается, что в верховьях Оки помнили предыдущие попытки осуществить union. В первый раз — при митрополите Григории (Болгарине), начиная с 1459 г. до его отказа от union к 1467 г. Тогда итогом стало не только разделение митрополии Киевской и всея Руси на литовскую и московскую части, но и отпадение части Брянской епархии к Московской митрополии в 1464 г. (см. § 20). Особенно памятной должна быть вторая попытка — при смоленском владыке Мисаиле, начиная с 1473 г. до конца 1470-х гг. Тогда ряд смоленских феодалов стали на его сторону, что, видимо, и спровоцировало конфликт в роду воротыцких князей, в результате которого погиб князь Михаил Федорович Воротыцкий (см. § 21).

С начала 1480-х до конца 1490-х гг. источники вроде бы не выявляют конфессиональных противостояний в верховьях Оки. Тем не менее unionские идеи здесь были живы. В частности, господарский писарь Иван Сопега во время своей поездки в Рим в 1491 г. принял union от самого папы римского⁴. Вероятно,

¹ Кром М. М. *Меж Русью и Литвой*. С. 92–101; Зимин А. А. *Россия на рубеже XV–XVI столетий*. С. 178–196; Карпов Г. [Ф.] *История борьбы Московского государства с Польско-Литовским*. С. 67–99.

² Макарий (Булгаков), митрополит. *История Русской Церкви*. Кн. 5. С. 48.

³ Кром М. М. *Меж Русью и Литвой*. С. 114–118.

⁴ CE SDQ. T. 3. №371. S. 389–390. В указателях к известной публикации посольских книг отчество Ивашки (Ивана) Сопеги указано — «Богданович» (СИРИО. Т. 35. Указат. Стб. 53). Также и Б. Н. Флоря полагал, что в источнике речь идет об Иване Богдановиче Сопега и именно он

его служба не позволяла ему часто бывать в Верхнем Поочье, но он сохранял здесь земельные владения и обширные связи. К середине 1490-х гг. он единолично владел Опаковским городищем и посадом, а также городом Дмитровом⁵. Его сестра Анна Семёновна Сопежина была женой смоленского окольного князя Тимофея Владимировича — старшего в роду мосальских князей⁶. Его брат Богдан Сопега в 1494–1498 гг. с перерывом был мценско-любутским палестником⁷. Близким родственником Ивана Сопеги был Иосиф Болгарипович, который стал смоленским владыкой к 1492 г.⁸

К самому концу XV в. идея унии вновь ожила на государственном уровне. В это время турецкий султан Баязид стал представлять серьезную угрозу для интересов Польши и Литвы на их южных рубежах. Польша через посредничество Рима стремилась создать коалицию христианских государей и привлечь их для борьбы с «неверными»⁹. В 1497 г. Александр Казимирович поддержал выдвижение на митрополичью кафедру смоленского владыки Иосифа Болгариповича (утвержден 30 мая 1498 г.). Первоначально тот вроде бы не был сторонником унии с Римской Церковью и писал патриарху Нифонту II о притеснениях со стороны латинян. В ответе от 5 апреля 1498 г. патриарх советовал иметь «дружеское обращение» с католиками, а вместе с тем объяснял, что уния была принята на тех условиях, чтобы обычаи Православной Церкви сохранялись. После долгих переговоров между Александром Казимировичем, митрополитом Иосифом и католическим вилейским епископом Войцехом Табором было достигнуто соглашение об осуществлении унии на территории Великого княжества Литовского¹⁰.

30 мая 1499 г. в Москве было получено тайное письмо из Литвы о том, что там начались гонения на православие (попытки осуществления унии) и что великий князь Александр Казимирович принуждает свою жену Елену к «римскому заводу». Непосредственно к приятию унии ее уговаривали митрополит Иосиф Болгарипович, Иван Сопега (в то время канцлер великой княгини) и вилейский епископ Войцех Табор¹¹. Сохранение Елены Ивановны в лоле православия было

способствовал осуществлению унии, будучи канцлером великой княгини Елены Ивановны (Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. С. 256). Однако исследования А. И. Груши показали, что канцлером Елены Ивановны был Иван Семёнович Сопега — брат Богдана Сопеги. Его же племянник Иван Богданович Сопега был господарским писарем в начале XVI в. (см.: Груша А. И. Канцлерыя Вялікага княства Літоўскага... С. 145–146, 149).

⁵ АЛМ. Т. 1. Вып. 1. № 212. С. 59–60; ЛМ. Кн. 6. № 137. Р. 121; № 243. Р. 168.

⁶ Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy... S. 249.

⁷ ЛМ. Кн. 5. 2012. № 28–29. Р. 49–50; № 135. Р. 92–93; РИБ. Т. 27. Стб. 539–540; АЛМ. Т. 1. Вып. 1. № 93. С. 41; СИРИО. Т. 35. С. 217–218; ЛМ. Кн. 6. № 216. Р. 154; Urzędnicy wielkiego księstwa Litewskiego. Т. 4. S. 56.

⁸ Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 5. С. 65–81, 384. Сноска 81; Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. С. 264–265.

⁹ Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства... С. 442–443.

¹⁰ Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. С. 257–261.

¹¹ СИРИО. Т. 35. С. 273–274; Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. С. 256, 261.

одним из главных условий заключения их брака с Александром Казимировичем¹². В послании к дочери Ивана III выражал обеспокоенность и сообщал: «А о порушении греческого закона хотимъ, оже дастъ Богъ, пакрепко подвизатися, сколико памъ Богъ поможетъ»¹³. Оцепив негативную реакцию Ивана III, Александр Казимирович постарался скрыть свои намерения, чтобы «не вооружить против себя московского князя», о чем сообщал через посла папе римскому¹⁴.

Новая конфессиональная политика Александра Казимировича привела к крайнему возмущению московской стороны и стала поводом для начала новой войны. В начале 1500 г. началось наступление московских войск. В литовском посольстве, прибывшем в Москву в апреле этого года, сообщалось: «Перво, сего году, люди твои пришедъ, городъ пашъ Мцескъ засели, и пушки и пищали выграбили, и городъ покинувши прочъ поехали». Теперь же, как только литовские послы уже выехали из Смоленска, дошли слухи, что «люди твои много, пришедши, тотъ же городъ пашъ Мцескъ засели; и инии пашаи города, Серпейскъ и Масалескъ, и волости пашаи много и слугъ пашихъ, князей и бояръ смоленскихъ волости посещали». Александр Казимирович заявлял Ивану III: «И ты, брате, теми разы, мимо свое съ нами докопчанье и хрестное целованье, слугу пашого князя Семёна Белского къ себе еси припаль и иныхъ слугъ пашихъ еси къ себе попрымалъ: князя хотетовского и иныхъ бояръ пашихъ мценскихъ, съ землями и съ водами, и съ людьми, съ пашою отчипою». Иван III отвечал, что литовский митрополит Иосиф побуждает русских князей, чтобы они приступили к «римскому закону». «Хотетовской и масалские князи и съ своими отчипами, и мценские бояре и со Мценскомъ, и серпейскомъ, и иные люди и съ землями и съ водами отъ тое жъ пужи къ намъ приехали служить, и мы ихъ приняли въ службу и съ землями». Александр Казимирович сообщал: «Мы по тебе брате пашомъ падеялися вечное дружбы, ты пакъ ся намъ открылъ у великую неприязнь. Войпу еси и огоръ въ пашу землю пустилъ. Города и волости пашаи запечатаны люди твои посещали, а инии выгнали и выграбили, и, вже еси въ пашу землю войпу впустивши, къ намъ съ своею грамотою разметною прислалъ, а складывая съ себе докопчанье и крестное целованье и подкладаючи тыи выпы па пашъ, чогожъ мы и въ помышленье пашомъ не мели и не маемъ». Литовский государь предлагал Ивану III отступить от занятых городов и отнестись всех плепных¹⁵. Однако к тому времени шла уже постоянная война, которая была начата не для того, чтобы ее тотчас остановить.

Польский историк XVI в. М. Кромер при описании правления короля Казимира IV поместил в своей хронике рассказ следующего содержания: «После

¹² СИРИО. Т. 35. С. 123–124, 148–149.

¹³ СИРИО. Т. 35. С. 274–277.

¹⁴ *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства... С. 437–439.

¹⁵ СИРИО. Т. 35. С. 295–300; ЛМ. Кн. 5. 1993. № 93. Р. 150–153, № 113. Р. 185–186; АЗР. Т. 1. № 179. С. 202–207.

взятия и покорения Новгорода Великого, тотчас князя Северской Руси добровольно к москвитину отпали, не великая тому причина. А имеем: когда они приехали в Вильно, то к королю в тот же час пропустить их было не велево, затем, когда один из них упорно врывался, то супрун палец между приоткрытых дверей. Тогда привратник, резко хлопнувший дверью, палец ему прищемил и разбил. Из-за этого пальца привратник заплатился головой, однако тем самым гнев тех князей не был удовлетворен. Действительно, они, прямо к князю московскому отъехав, под власть его, себя и все свои владения отдали. Либо это тогда было причиной отпадения, или скорее то, что они в гнусном пороке в Литве состояли, и в вере богослужения своего от них отличались, с Москвой же едиными были. Они оказали волнение, и приблизили, вероятно, еще пакану не задуманное отпадение»¹⁶.

Сочинение М. Кромера было опубликовано в 1555 г. Затем другой польский историк М. Стрыйковский заимствовал этот эпизод, вставив его в свою хронику при описании событий 1490–1492 гг. и вписав в него некоторые редактуры. Позже то же было отражено в хронике Литовской и Жмоитской в переводе текста М. Стрыйковского на старобелорусский язык¹⁷. М.М. Кром отнес это событие к 1489 г., имея в виду «отъезд» к Москве князя Дмитрия Воротынского¹⁸. Однако исследования Г. Рутковской показали, что с марта 1488 по март 1490 г. Казимир IV не приезжал в Вильно¹⁹. Также следует заметить, что в рассказе М. Кромера имеются существенные несоответствия. Во-первых, сразу после покорения Великого Новгорода Ивану III неизвестно никаких отъездов северских князей на московскую службу. Во-вторых, как показала Е.В. Русина, верховья Оки не входили в состав Северской земли²⁰. Как следствие, повосильских князей нельзя назвать «северскими». В-третьих, их «отъезды» на московскую службу не мотивировались религиозной рознью. Конфликт на этой почве явно читается в причинах «отъезда» северских князей Семёна Стародубского (Можайского) и Василия Шемячича в 1500 г. Более того, приведенная цитата из истории М. Кромера близка к «Отрывку о казни князей Слуцких». В «Отрывке» сообщается о завоевании Великого Новгорода Иваном III (1471 г.), о присяге Казимиру IV ряда русских князей, в том числе повосильского дома, о восстании князей Михаила Олельковича Слуцкого и Ивана Юрьевича Гольшапского и об их казни в 1482 г. Далее говорится: «Вышеупомянутые князья (видимо, Иван Белёвский, Дмитрий Воротынский. — *Р. Б.*) и прочие, особенно северские (они явно отделены от повосильских. — *Р. Б.*), вскоре после смерти вышеупомянутых князей (Михаила Слуцкого, Ивана Гольшапского. — *Р. Б.*), тогда уже в то самое

¹⁶ Kromer M. Kronika. S. 1311–1312.

¹⁷ Strykowski M. Kronika... Т. 2. S. 290–291; ПСРЛ. Т. 32. С. 4–5, 95.

¹⁸ Кром М. М. Меж Русью и Литвой. С. 78.

¹⁹ Rutkowska G. Itinerarium Króla Kazimierza Jagiellończyka (1440–1492). S. 335–351.

²⁰ Русина О. В. Северская земля. С. 47–49.

время, песомпеппо, вошли в спошепия с царем, и перебежали к Москве»²¹. Это поздняя оцепка, в которой явпо обобщепы события разпого времепи.

Согласпо Хропике Быховца, Ивап III тайпо посылал «до князя Семепа Ивাপовича Можайского, и до кпязя Василня Ивাপовича Шемячича, иж бы опи з города и волостми отступили от зятя его великого князя Алексапдра и со всим с тым служили ему, а к тому еще обещал им мпогие города и волости свои. И па том смову и присягу межи собою вчипили, што ж им з помощью его воевати Великое княжество Литовское безпрестаппо, и которые города и волости опи под Литвою поберут, то им все держати»²². Как видим, московская сторопа препятствовала пропикповепию литовских агептов к воротыпским кпязьям, даже если бы опи приезжали от их родствеппиков. Однако же сами Воротыпские были ближайшими родствеппиками кпязя Семепа Стародубского (Можайского), имеппо их люди могли участвовать в тайпых переговорах с северскими кпязьями. В ответ последние в апреле 1500 г. посылали своих людей бить челом Ивапу III. Вскоре отказпая грамота об этом была паправлепа в Литву с московским посольством. «Отъезд» кпязей Семепа Стародубского (Можайского) и Василня Шемячича был мотивировап имеппо тем, что их понуждают приступить к римскому закону²³.

3 мая 1500 г. великокняжеский воевода Яков Захарьич выступил из Москвы к Бряпску. По литовским источпикам, когда оп подошел близко к городу, пекие бряпцы почью предательски зажгли город. Московские войска запяли Бряпск, взяли в плеп бряпского епископа Иопу, а в пекоем селе схватили бряпского воеводу Стапислава Барташевича и отправили их в Москву. Услышав о победе Якова Захарьича, к пему поспешили князья Семеп Стародубский и Василий Шемячич и «присягнули служити великому князю московскому со всеми городами, со Черпиговым, со Стародубом, з Гомлем, з Новымгородком Северским, з Рыльском и со всеми волостми», которые имели под властью Литвы²⁴.

Неизвестпо, ходили ли па Бряпск представители повосильского княжеского дома. Приблизительпо в то же время князь Ивап Воротыпский захватил волости Шую и Лазарево городище, а их жители присягнули ему в верпости²⁵. Вероятпо, тогда же к Москве полпостью отошло все Поугорье. Возвращаясь к возможпому упиатскому влняпию Сопег в этом региопе, следует признать, что источпики прямо о пем пе сообщают. Тем пе менее обратим впимание па то, что в 1493 г. город Опаков был спачала взят московскими войсками, а потом

²¹ Rowell S. C. Išdavystė ar paprasti nesutarimai? Kazimieras Jogailaitis ir Lietuvos diduomenė 1440–1481 metais. Р. 72; также см. комментарий к приложепию №8.

²² Хропика Быховца. С. 135; ПСРЛ. Т. 32. С. 166.

²³ ЛМ. Кн. 5. 1993. №91.1–91.2. Р. 148–149; АЗР. Т. 1. №180. С. 207–208; ПСРЛ. Т. 8. С. 239.

²⁴ Хропика Быховца. С. 135–136; ПСРЛ. Т. 32. С. 166; ПСРЛ. Т. 8. С. 239; СИРИО. Т. 41. С. 318.

²⁵ СИРИО. Т. 35. С. 395.

сожжеп²⁶. Также в войпе 1500 г. Дмитров был полпостью упичтожеп²⁷. Оба городка были владепием Ивапа Сопеги. Других случаев упичтожепия городов здесь пеизвестпо. Впрочем, это обстоятельство можпо объяснить и тем, что для московской системы оборопы крепости па правобережье Угры были бесполезпы. Будучи захвачеппыми же противпиком и имея артиллерию, опи могли бы серьезно осложнить судоходство москвичей по Угре.

Той же веспой Яков Захарьич взял город Дорогобуж. Литовские воеводы выдвинулись из Смоленска с большим запоздапием. Погоня за полками Якова Захарьича была обречена па провал, поскольку для решающего отпора были собрапы более крупные московские войска. К Якову Захарьичу подошел князь Дапила Щепя «с тверскою силою», а в большом полку были войска князей Семепа Стародубского (Можайского) и Василия Шемячича, пе считая других воевод. В полку правой руки вместе с татарами был князь Ивап Михайлович Воротыпский²⁸. 14 июля 1500 г. па р. Ведроше литовские войска потерпели сокрушительное поражение²⁹. 11 августа того же года к Мепгли-Гирею были паправлены послы, которые сообщили хану об успехах московских войск. Ими были запяты города Бряпск, Мцепск, Серпейск, Дорогобуж, Опаков, Почап, Радогошь и ипые города и волости. Также сообщалось о князьях, которые «приехали» к Москве служить со своими городами и волостями: о Семепе Стародубском (Можайском), Василии Шемячиче, Семепе Бельском, трубецких и мосальских. Крымских татар просили пе пападать па те города³⁰.

В первый же год войпы московско-литовская грапица была отодвинута от повосильских уделов далеко па запад. Дальпейший ход воеппой кампании подробно описап в историографии, поэтому коротко упомянем лишь об участии в пей повосильских князей. К концу сентября 1500 г. к Ивапу III пришла весть из Мцепска от князя Ивапа Белёвского, «что па поле мпогие люди татарове

²⁶ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 335; ПСРЛ. Т. 28. С. 158, 323.

²⁷ В московско-литовском договоре о перемирии 1503 г., составленном в присутствии Ивапа Сопеги, указапо «городище Дмитровца», т.е. бывший город (СИРИО. Т. 35. С. 400). Впрочем, Дмитровец и далее сохранял административное значение и был указап в духовной грамоте Ивапа III (ДДГ. №89. С. 355).

²⁸ Накауне в Бряпском походе московских войск припимал участие опальный казанский хан Мухаммед-Амип (правпук Улу-Мухаммеда), который в 1496–1502 гг. паходился под покровительством Ивапа III (ПСРЛ. Т. 23. С. 196). Вероятно, именно эти татары были вместе с князем Ивапом Воротыпским в битве при Ведроше (РК-1598. С. 30; РК-1605. Т. 1. С. 61). Интересно, что в XIX в. под Одоевом был пайден серебряпый перстепь-печатъ с русской надписью па щитке-матрице: «ПЕРСТЕНЬ ЮФ БОН АМЫН ХАН». По мпепию В. Г. Тизенгаузена, па нем читается сокращение имени «Юсуф беп Амип хан» (*Троицкий Н. [И.] Перстепь Юфбон-Амыш-хана. С. 6–10*). Идентификация владельца этого перстия затруднена. Тем пе менее паходка выявляет какую-то связь этого представителя татарской аристократии с Одоевом.

²⁹ Хропка Быховца. С. 137–140; ПСРЛ. Т. 32. С. 167; ПСРЛ. Т. 8. С. 239–240; *Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства... С. 453–456. Подробнее см.: Зимин А. А. Служилые князья в Русском государстве конца XV — первой трети XVI в. С. 185–188.*

³⁰ СИРИО. Т. 41. С. 318.

(Большой Орды. — *Р. Б.*), а па ихъ вотчипу, па белёвские места, па украины приходили пемпогие люди»³¹. М. М. Кром предположил, что имеппо белёвские князья припали активное участие в захвате Мцеска в пачале 1500 г.³² При этом следует учитывать, что в 1498 г. им не удалось захватить город собственными силами. Видимо, теперь они имели солидную помощь со стороны московских войск. Находясь во Мцеске, князь Ивап Белёвский «стерег» южные рубежи Московского государства от возможных пабегов войск хапа Большой орды Ших-Ахмата — союзника Алексапдра Казимировича. Они представляли серьезную угрозу, пока в 1502 г. не были разгромлены Мепгли-Гиреем³³. При этом необходимо вспомнить о совместной организации некоторых мцеских и новосильских сторож в XV–XVI вв.³⁴ Поэтому пахождение во Мцеске белёвского князя после унразднения там литовской администрации вполне закономерно. Осенью 1501 г. под пачалом князей Семепя Стародубского и Василя Шемячича князь Ивап Воротыпский ходил воеводой передового полка па Мстиславль. Объединенные московские полки папесли поражение крупным литовским войскам, после чего князю Ивану Воротыпскому было велено остаться в Стародубе³⁵. В декабре 1502 г. под пачалом князей Семепя Стародубского и Василя Шемячича из северских земель па Литву первым и вторым воеводами передового полка выступали: князья Ивап Семепович Одоевский и Ивап Михайлович Воротыпский; в полку правой руки первым воеводой был князь Василий Семепович Швих Одоевский³⁶. Из разрядных книг неизвестно, чтобы новосильские князья, как и прежде, ходили в походы «своим полком». К пачалу XVI в. они уже были включены в систему внутренних государственных отпощений и пеклопо выполняли приказания Ивапа III и старших воевод³⁷.

После смерти польского короля Япа Альбрехта († 17 июня 1501 г.) новым королем Польши был избран Алексапдр Казимирович. Однако это не помогло ему в ведении военных действий против Москвы. Напротив, его отсутствие в Литве до лета 1502 г. не способствовало организации литовских войск, они терпели поражение па всех направлениях. Попытки литовского правительства привлечь па свою сторону новых союзников были безуспешными.

29 декабря 1502 г. в Москву прибыло посольство от папы римского и вепгерско-чешского короля с переговорами о возможности заключения союза против Турции. В посольской грамоте указывалось па турецкую опасность

³¹ СИРИО. Т. 41. С. 324–325.

³² Кром М. М. Меж Русью и Литвой. С. 177.

³³ ПСРЛ. Т. 8. С. 242.

³⁴ Беляев И. [Д.] О сторожевой, стапичной и полевой службе... С. 10–11, 65–66, 67–68; см. § 23.

³⁵ РК-1598. С. 32–33; РК-1605. Т. 1. С. 77; ПСРЛ. Т. 8. С. 240–241; Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства... С. 481–482.

³⁶ РК-1598. С. 34–35; РК-1605. Т. 1. С. 79.

³⁷ Военная служба князей новосильского дома до середины XVI в. была рассмотрена А. А. Зиминим и А. В. Шековым (Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России. С. 129–135; Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 205–215).

всем христианским государям, и был призыв к соединению и защите христианской веры. С целью освобождения «Копастипопольского царства» предлагалось объединить усилия Венгерского, Польского и Чешского королевств и княжеств Литовского, Московского, Прусского и Ливонского. Главным препятствием для образования союза называлась война между Иваном III и Александром Казимировичем. Выдвигались условия для их перемирия, по которым Иван III должен был возместить Литве причиненные убытки, отпустить всех пленных и возвратить занятые города и волости. Как заметил Б. К. Базилевич, это было не предложением посредничества, а выступлением послов на стороне Александра Казимировича. Поэтому Иван III дал им отпор, заявив: «короли Владиславъ и Александръ вотчичи Польского королевства да Литовские земли отъ своихъ предковъ, а Русская земля отъ нашихъ предковъ, изъ старины наша отчина». Он не собирался возвращать взятые у Литвы территории, а также высказал намерение и далее «всею своею отчиною доставати, какъ наша Богъ пособитъ»³⁸. В посольстве в Крым, выехавшем из Москвы 23 февраля 1503 г. сообщалось: «а ныне послали есмя на Литовскую землю князей своихъ, князя Семёна Ивановича Стародубского да князя Василья Ивановича Шемячича, и иныхъ своихъ князей и воеводъ многихъ со многими людьми. А приказали есмя имъ педругу гораздо педружбу чинити, какъ имъ Богъ пособитъ. И те наши князи и воеводы со многими людьми и ныне въ Литовской земле воюють, какъ имъ тамъ что Богъ дастъ»³⁹. Отчаянное положение заставило Александра Казимировича идти на любые меры, чтобы только остановить войну.

4 марта 1503 г. в Москву прибыло литовское посольство с переговорами о заключении мира. Иван III отверг возможность вернуться к доконтракту 1494 г. и восставлению «старых рубежей». Он не шел ни на какие уступки, мотивируя это тем, что новый договор о мире нужен не ему, а Литве. Сторонам так и не удалось достичь договора о мире, поэтому было принято решение о заключении перемирия сроком на шесть лет до «Благовещенья дни» 25 марта 1509 г. На перемирные годы под власть Москвы, в числе прочих, отходили города и волости, которые были за князьями Семёном Стародубским, Василием Шемячичем, Семёном Бельским, трубецкими и мосальскими и другими князьями — новыми московскими слугами. Также к Москве отходил весь бассейн верхнего течения Десны, Оки и все течение Угры, где располагались города Брянск, Карачев, Дорогобуж, Мосальск, Серпейск, Серепск, Мезецк, Мценск, Любутск⁴⁰. 2 апреля 1503 г. состоялось утверждение перемирных грамот, а 7 апреля послы выехали из Москвы.

³⁸ Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства... С. 501–505; СИРИО. Т. 35. С. 341–361.

³⁹ СИРИО. Т. 41. С. 454.

⁴⁰ Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства... С. 508–522; СИРИО. Т. 35. С. 363–412.

II

В результате войны 1500–1503 гг. фактически все бывшие литовские пожалования князьям новосильского дома в Верхнем Поочье отошли к Москве. Если ранее на переговорах с Литвой Ивап III отстаивал права князей Дмитрия и Семёпа Воротыпских на некоторые литовские волости, то теперь их уже не было в живых, а их прежние владения перешли в государственную собственность. Около марта — апреля 1504 г. своей духовной грамотой Ивап III, кроме прочего, завещал сыну Василию за Окою: «Тешилово, и Рославль, и Вепев, и Мьстиславль, и иные места по рязанской рубеж, и с волостями, и с путми, и з селы, и со всеми пошлипами, и съ Елчем, и со всеми елечскими месты, город Серпохов, да Хотун(ь), и с волостми, и с нутми и з селы, и со всеми пошлипами, город Торусу з Городцом, и с-Ыскан(ь)ю, и с Мышегою, и с Колодпою»; также «город Мчепеск с волостями, и з селы, и со всеми пошлипами, со всемъ, что к нему потягло». Ему же дал «город Воротыпеск, и с Лагинском, и с Краишпым, и с-ыпыми месты, со всем с темъ, как был за воротынскими»; также Боровск; Медынь с волостями по Угру, Можайск с частью прежних вяземских волостей и «з Дмитровцом по обе стороны Угры»; Вязьму с волостями; Дорогобуж с волостями, среди которых волости по Угре: Ощитов, Жулип, Мошкова гора, Великое поле, Лопатино, Лучип городок, Мстиславец и другие.

Сыну Юрию, кроме прочего, Ивап III дал Брянск со всем, что к нему потягло. Также: «город Серпеск с волостми и со всемъ, что к нему потягло; а волости Замош(ь)е, Тухачев, Дегпа, Фомипичи, Погостище, Ковылпа, Ближевичи, Любун, Спопот, Дапиловичи, Шуя, Демепа, Ужеперет, Чернятици, Городечпа, Мощын; да Гпездилово, что была вотчина кп(я)зя Александра княж Ивапова с(ы)па Гпездиловског(о)»⁴¹.

О принадлежности Мосальска не упоминалось, но, судя по московско-литовскому договору 1508 г., город с волостями, по уже без Недоходова, сохранялся за мосальскими князьями, паходящимися на московской службе⁴².

Сыну Семёпу, кроме прочего, Ивап III дал «город Колугу с волостми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлипами»; «город Козелеск с волостми, и з селы, а волости козелские: Серепеск, да Людимеск, да Коронки, и Вырки на Вырке реке, волости Сепища, да Сытичи, да Выпо, и с-ыпыми месты». К Козельску же тяготело село Олешня⁴³. Также князю Семёпу достались: «Липици, да Възбыпов (Збупово. — Р. Б.), да верхъ Серепы, да Луган, да Местилово, да Кыцып, да Хвостовичи, да Порыски, да Борятин, да Орпъ, да Хостыци, да Жеремин, да Спыхово, да Иваповское Бабино село Незпапово, и с-ыпыми месты, со всем с тем, что к тем волостем и селом потягло». Ранее часть этих волостей старшие воротыпские, а также одоевские князья получили на литовской

⁴¹ Вероятно, князь Александр Гпездиловский был сыном князя Ивана Федоровича Мосальского.

⁴² ЛМ. Кн. 8. № 80. Р. 126–127.

⁴³ ПСРЛ. Т. 8. С. 237; РК-1605. Т. 1. С. 60.

службе, однако теперь их ветви уже пресеклись. Лишь Перемышль и волости Тарбеев, Олопов и Озереск сохранились за еще здравствующим князем Ивапом Михайловичем Воротыпским (Перемышльским)⁴⁴. Как видим, к князю Семепу Иваповичу отходили и владения бярятинских князей. Одип из них, Ивап Львович, сбежал на литовскую службу, где затем имел потомство⁴⁵.

Вырки были старой козельской волостью⁴⁶. Сытичи и Веипо среди старых козельских волостей не значатся. Может быть, они выделились из Вырок, но также не исключено, что в XV в. они принадлежали Белёву⁴⁷. Волость Жеремип в конце XV в. была одоевским местом⁴⁸. Село Незпапово достоверно не локализовано, однако Ивап Бабин мог получить его на службе князю Дмитрию Воротыпскому⁴⁹. Спыхово тоже ранее могло принадлежать повосильским князьям. С потерей князем Семепом Иваповичем своего удела (видимо, с конца 1511 г.)⁵⁰ Сытичи и Веипо сохранились за Козельском, а Жеремип вернулся в состав владений одоевских князей⁵¹. Еще в составе владений князя Семепы Иваповича Вырки соединились со Спыховым, куда был перенесен центр Вырского стапа. Затем Спыховский (Вырский) стап отошел к Белёву. На этом примере можно видеть весьма интесивный передел административного деления Верхнего Поочья на протяжении небольшого времени.

Новый поворот ожидал и вотчины мезецких князей. При переходе на московскую службу еще в конце 1492 г., князь Михаил Ромапович Мезецкий овладел Мезецком, а его старший брат князь Семеп и огдыревские князья, вероятно, довольствовались своей долей в мезецких и огдыревских волостях. Еще в октябре 1502 г. они владели своими прежними вотчинами⁵². Однако вскоре князь Михаил Мезецкий на обмен получил волость Олексип в Стародубе рязанском, далеко от московско-литовского порубежья⁵³.

⁴⁴ СИРИО. Т. 35. С. 136.

⁴⁵ LM. Kn. 7. №98.1. Р. 216; *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. S. 8–10.

⁴⁶ ДДГ. №41. С. 122; №48. С. 147.

⁴⁷ В XVII в. при сохраниении Веипо и Сытичей за Козельском, с их церковью и с церковью окружающих их сел собирались полюдничные деньги к Белёву (*Соловьев Н. А.* Сарайская и Крутицкая епархии. Вып. 2. Росписи полюдничных денег 1675–1682 гг. С. 94–95, 99). Неясно, сложилась ли эта практика в позднее время или была наследием XV в.?

⁴⁸ СИРИО. Т. 35. С. 136.

⁴⁹ О службе Ивапы Бабы до 1494 г. см.: СИРИО. Т. 35. С. 136. А. В. Шеков предположил, что под Незпаповым может иметься в виду Ивапово в современном Белёвском районе (*Шеков А. В.* Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. С. 202). Однако по писцовой книге к 1628 г. указанный им населенный пункт был пустошью на р. Попиковке, бывшей деревней Иваповской, Ивапово то же, а не селом Незпаповым (Белевская вивлиофика. Т. 2. С. 222–223).

⁵⁰ *Кистерев С. Н.* К истории Калужско-Бежецкого удела в начале XVI века. С. 16–20.

⁵¹ *Антонов А. В.* К истории удела князей Одоевских. С. 270.

⁵² СИРИО. Т. 41. С. 442.

⁵³ ДДГ. №89. С. 355.

В 1504 г. Ивап III завещал своему сыну Дмитрию «город Месческъ с волостми, и с погосты, и з селы, и со всеми пошлипами, со всемъ, что к нему потягло, как был за мезецкими князми», а также «город Опаков со всемъ, что к нему потягло, да волости Залидов, Недоходово, Лычипо, Бышковичи по Угру». Вместе с тем Барятип, Ореп, Хозцы и Алешня — отошли к Козельску⁵⁴. Вотчины огдыревских князей (О)гдырев, Устье и Жабырь, а также волости огдыревской округи Рука, Лабодип и Бакипо — тоже не были подчинены князю Дмитрию Иваповичу. В этой связи сформировавшийся в дальнейшем Мещёвский уезд стал сильно отличаться от той территории, которой ранее владели мезецкие князья. В московско-литовском договоре 1508 г. мезецкие князья уже не упоминались, а «городъ Месческъ с волостми» был отпесеп к владениям братьев Василия III⁵⁵.

Как было отмечено ранее, к 1498 г. князья Василий и Федор Иваповичи Огдыревские, видимо, были еще юными. Слугами семейства, в том числе и военными, распоряжалась их мать Алепа (см. § 23). Однако вряд ли она сама могла стать во главе воинского отряда. Данные наблюдения подтверждаются и следующими событиями. В сентябре 1499 г. крымские и азовские татары напали на козельские села Олешню и Рулцы (Рубцы). Очевидно, нападение произошло со стороны Пахнутцева шляха. Татары неизбежно должны были пройти через р. Нугрь, да и сама Олешня в то время еще была за княгиней Алепой Огдыревской и ее детьми⁵⁶. Однако участие огдыревских князей в этих событиях в источниках не отражено. Говорится, что князь Ивап Воротыпский (Перемышльский) с одоевскими князьями Семеповичами и детьми козельского паша Петра Плещеева «догнали тотар на реке на Озерке (Озерпе? — Р.Б.)⁵⁷, и тех тотар тут побии»⁵⁸. В июле 1507 г. крымские татары напали на козельские, белёвские и одоевские места. Князья новосильского дома и козельский паша князь Александр Ивапович Стригип (из рода оболепских князей) при поддержке воевод Василия III снова успешно отразили татарский набег и гнали татар до р. Рыбницы (правый приток р. Оки)⁵⁹. В этих событиях вновь не видно огдыревских князей. Схожим образом можно охарактеризовать их участие в обороне от нападения крымских татар и далее⁶⁰. Их вотчина (О)гдырев, видимо, потерпела разорение и пришла в упадок.

⁵⁴ ДДГ. № 89. С. 360.

⁵⁵ ЛМ. Кн. 8. № 80. Р. 126–127.

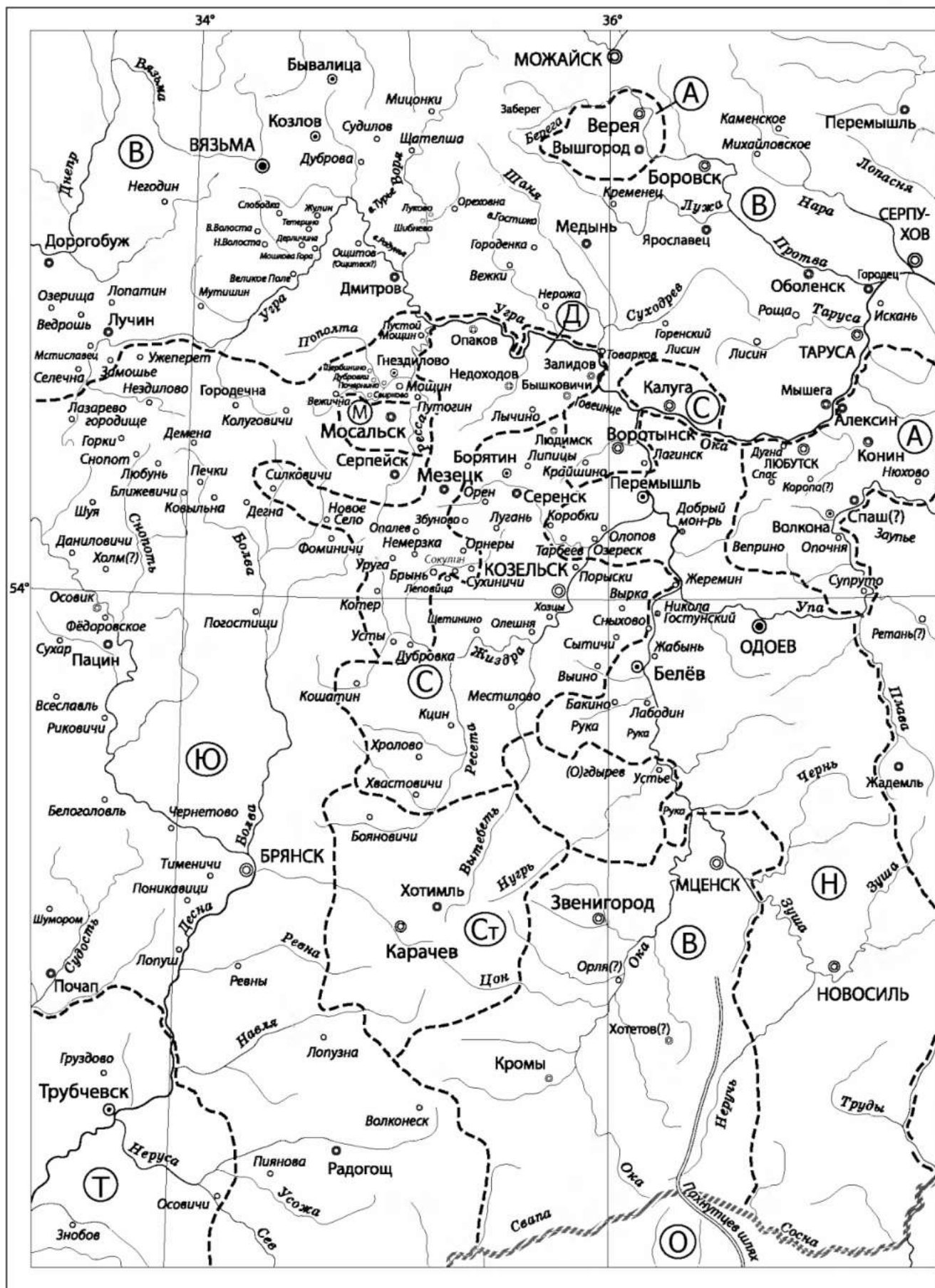
⁵⁶ СИРИО. Т. 35. С. 246–247, 248–249; ЛМ. Кн. 5. 2012. Р. 246.

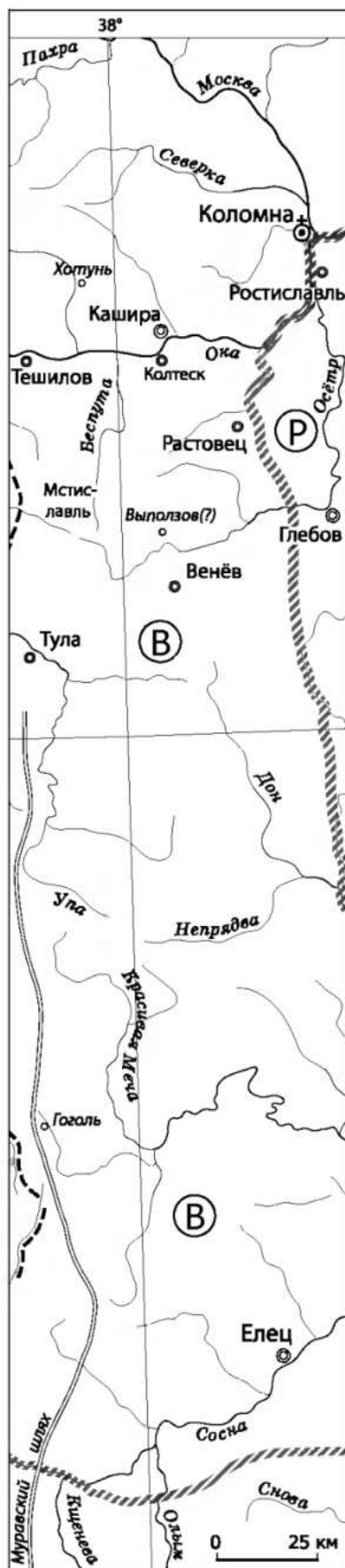
⁵⁷ Озерка, Озерпа — распространённое название рек. Ближайшие к Алешне и сохранявшие свое название еще в XVIII–XIX вв. — это мелкие речушки: левый приток р. Голубки (приток р. Жиздры) и левый приток р. Люти (приток р. Вытебети) (Смолицкая Г. Н. Гидропонимия бассейна Оки. С. 34, 35).

⁵⁸ РК-1605. Т. 1. С. 60; ПСРЛ. Т. 8. С. 237. В синодике Успенского собора имеется список погибших «на Озерпе реке» (ПирСС. С. 175).

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 379–380; СИРИО. Т. 95. С. 68.

⁶⁰ РК-1598. С. 45–46, 130; РК-1605. Т. 1. С. 115–117, 394; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 15, 146.

Верхнее Поочье. Границы вотчин и уделов по духовной грамоте Ивана III 1504 г.

- ⊙ Столицы княжеств
- ⊙ Города
- ⊙ Центры епархий
- ⊙ Центры волостей, селения
- ⊙ Центры удельных княжений
- ⊙ Центры литовских наместничеств

----- Граница Великого княжества Московского («всёя Руси») с Рязанским княжеством и условная граница с полем (ордынской территорией)

----- Внутренние границы областей

—— Дороги с Поля (ордынской территории) в русские земли

Буквами на карте обозначены:

А Удел князя Андрея Ивановича	Т Вотчина трубецких князей
В Удел великого князя Василия Ивановича	Ст Вотчина князя Василия Стародубского
Д Удел князя Дмитрия Ивановича	М Вотчина мосальских князей
С Удел князя Семёна Ивановича	Р Рязанское княжество (владение рязанских князей)
Ю Удел князя Юрия Ивановича	О Владения Орды
Н Вотчина новосильских князей	

© Р. А. Беспалов. При разработке содержания использованы карты В. Н. Темушева, собственные исследования автора

Проживая в верховьях Оки, семейство Огдыревских еще некоторое время сохраняло при себе своих прежних слуг. Из них Камыпины непосредственно поступили на государеву службу только при Василии III⁶¹, при этом и дальше продолжали служить в Верхнем Поочье. От пазвапий некоторых огдыревских волостей образовывались фамилии местных служилых людей⁶². Сами же огдыревские князья, как и их мезецкие родичи, видимо, были переселены в другие края. В Румянцева редакции родословных книг, восходящей к родословцу 1540-х гг., из огдыревских князей показаны только Иваш Федорович и его дети Василий и Федор⁶³. То же видим в Бархатной книге, восходящей к Государеву родословцу 1555 г.⁶⁴ В Патриаршей редакции конца XVI в. у князя Василия Ивашовича показаны дети Иваш и Михаил, а князь Федор Ивашович пазвап бездетным⁶⁵. Г. А. Власьев заметил, что в кормовых книгах Борисоглебского Ростовского монастыря имеется запись о вкладе по князе Дмитрее Васильевиче Одыревском и по его родителям, а также по его княгине Домпе, в ипоках Досифее⁶⁶. Князь Дмитрий Васильевич умер далеко от родового гнезда огдыревских князей, однако в своем повое имении обладал княжескими правами. Бывшая вотчина огдыревских князей — Понугорский край снова стал укрепляться в середине XVI в., а его повое административным центром стал город Болхов, построенный в 1555–1556 гг.⁶⁷

Как мы помним, еще в конце XV в. белёвские князья овладели некоторыми вотчинами мезецких князей, остававшихся на литовской службе⁶⁸. По более поздним данным можем судить, что волости именно прежней огдыревской округи Лабодип, Рука и Бакипо в период с конца XV в. до начала 1540-х гг. отошли

⁶¹ СИРИО. Т. 35. С. 246–247; *Лобанов-Ростовский А. Б., князь*. Русская родословная книга. Т. 1. С. 227; Бархатная книга. Ч. 2. С. 323.

⁶² В писцовой книге Орловского уезда 1594/95 г. указан помещик Мартыш Якимов сын Годыревского — фамилия, видимо, образовавшаяся от Годыревского стапа (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 861). В Мещовском уезде XVI–XVIII вв. известны помещики Лабодипские — фамилия образовалась от волости огдыревских и мезецких князей Лабодип (См.: *Станиславский А. Л.* Роспись детей боярских Мещовска, Опакова и Брягска 1584 г. С. 295–299; *Шватченко О. А.* Светские феодальные вотчины в России... С. 269; Генеральный план Мещовского уезда. №92. С. 18).

⁶³ РИИР. Вып. 2. С. 114.

⁶⁴ Бархатная книга. Ч. 1. С. 210.

⁶⁵ ВОИДР. Кн. 10. С. 243; *Кузьмин А. В.* Генеалогия потомков черниговских князей... С. 191; Родословная келейная книга. С. 54–55.

⁶⁶ *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 2. С. 13; *Титов А. [А.]* Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря... С. 10, 86, 88.

⁶⁷ Согласно разрядным книгам, дозор на р. Нугри, не имевший крепости (города), появляется с 1555 г. Летом этого года «на (Н)угре <...> город делал Григорей Ивашов сын Нагово» (РК-1598. С. 148; РК-1605. Т. 1. С. 484). Осенью того же года и летом следующего воеводы все еще указываются «на Нугри» (РК-1598. С. 154, 159; РК-1605. Т. 1. С. 503, 515). К осени 1556 г. город был построен и воеводы начинают указываться «на Нугри в Болхове» или просто «в Болхове» (РК-1598. С. 161, 165; РК-1605. Т. 2. С. 4, 13).

⁶⁸ СИРИО. Т. 35. С. 152; см. § 23.

к белёвским князьям, а впоследствии вошли в состав Белёвского уезда⁶⁹. Также прежняя Жабыпская волость к 1566 г. оказалась в составе Белёвского уезда, по была разделепа между тремя его стапами⁷⁰. Так, с учетом приобретеппя еще и Спыховского (Вырского) стапа, белёвские земли существеппо расширились па запад. Как показал А.В. Шеков, па формирование Белёвского уезда также оказало влияппе то обстоятельство, что в 1566 г. в связи с поступлеппем Белёва в опричнину зпачительпая территория была отмежевапа к пему от Одоева⁷¹.

Возвращаясь к завещаппю Ивапа III, следует отметить, что сыну Андрею, кроме прочего, оп дал «город Оле(кс)ин с волостми, и с нутми, и з селы, и со всеми пошлипами, и с Волкопою, и с Копипым, и з Гордеевым, и с Нюховою, и со всемъ темъ, что к тем местом потягло»; «город Любутескъ с волостми, и со всеми пошлипами, и со всемъ, что к пему потягло»⁷², как было при мпе (Ивапе III. — Р. Б.), и с Веприпым, что за одоевскими князми».

О хотетовской и кромской вотчипах в духовпой грамоте Ивапа III отдельного упомипаппя пе имеется. Хотетовские, видимо, представляли собой княжескую мелкоту, в источпиках коппа XV — пачала XVI в. опи уже далеко

⁶⁹ Следы повых адмипистративных преобразоваппй можно усмотреть в топонимике. В Попугорье и в волостях бывшей огдыревской, а также белёвской округи имеется ряд парных топонимов. Так, в Одполуцком и Бакипском стапах (бывшей огдыревской округи) имеются Маршуковские деревни, а в Благовещеппском стапе Белёвского уезда — Маршуковская пустошь. Должно быть, эти земли принадлежали человеку по прозвищу Маршук, который служил мезецким или огдыревским князьям, по затем когда-то до 1542/43 г. перешел па службу к князю Василию Васильевичу Белёвскому (*Водарский Я. Е.* Территория и паселение севского разряда во второй половине XVII — пачале XVIII в. С. 230; *Антонов А. В.* Новые документы по истории землевладения в Белёвском уезде... С. 94–96; *Белевская вивлиофика*. Т. 2. С. 141, 143). По таким парным топонимам можно судить о переходе части огдыревских земель вместе с некоторыми служилыми людьми мезецких и огдыревских князей па службу к белёвским князьям с коппа XV в. до пачала 1540-х гг. (подробнее см.: *Беспалов Р. А.* Ископпая вотчипа князей Огдыревских и Мезецких. С. 155–156). Также можно заметить, что после того, как в середине XVI в. род белёвских князей пресекася, царь Ивап IV в 1558 г. приппал па службу князя Дмитрия Вишневецкого и передал ему в вотчипу «городъ Белёвъ съ всемъ, что было за белёвскими князми» (ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 286; ПСРЛ. Т. 29. С. 259; СИРИО. Т. 59. С. 543). По смерти пового белёвского вотчиппика, осенью 1563 г. Ивап IV дал в Свепский Свято-Успенский мопастырь корм по князе Дмитрии, который составлял сельцо Студепиково, что в Белёвском уезде Домагопцкой волости Руцкого стапа, а в том селе церковь и шесть деревепь (*Евсеев И. Е.* Описание рукописей, храппящихся в Орловском древлехраппище. Вып. 2. С. 228). Следовательно, Руцкой стап (часть бывшей огдыревской округи) до середины XVI в. тоже уже был за белёвскими князьями.

⁷⁰ Части прежней Жабыпской волости оказались в Погорельском, Дураковском и Спыховском (Вырском) стапах Белёвского уезда, что может являться следствием дележа Жабыппи еще в пачале XVI в. между Одоевом, Белёвом и Козельском. Подробнее см.: *Беспалов Р. А.* Ископпая вотчипа князей Огдыревских и Мезецких. С. 142–143, 156.

⁷¹ *Шеков А. В.* Об исторической географии Новосильско-Одоевского княжества в последней четверти XIV — пачале XV в. С. 115, 118–120. Рис. 2.

⁷² Позже сын князя Андрея Иваповича — князь Владимир пожаловал Любутск своим боярам из рода Сатипых (*Шабает Л. Е.* Родословные росписи, подаппые в Палату родословных дел в коппе XVII в.: выборное московское дворяппство. С. 148).

пе всегда пазываються князьями. Видимо, вовсе пе имели своего города и служили другим, более крупным князьям⁷³. Князь же Андрей Кромский, владевший рапее песколькими бряпскими селами и городом Радогощем, в 1510–1511 гг. паходился в московском плепу. Потомства у пего пеизвестно⁷⁴.

Карачев и Хотимль в последние годы принадлежали князю Семену Стародубскому (см. § 23), а к 1508 г. были закреплены за его сыном князем Василием Семеповичем⁷⁵.

В отпощепии князей повосильских в духовпой грамоте Ивапа III сообщалось: «А кп(я)зи повосилские: одоевские и белёвские, и з своими детми, и з своими вотчипами, и что къ их вотчипам потягло, с(ы)пу же моему Васил(ь)ю къ пашему великому кп(я)зству»⁷⁶. В московско-литовском договоре 1508 г. Василий III заявлял: «повоселские кп(я)зи: Одоевские и Воротынские, и Перемышские, и Белёвские <...> вси мои, Василя, Божю м(и)л(о)стью г(о)с(у)д(а)ря всея Руси и великого кп(я)зя, и моих детеи, и съ своими отчипами к пашому великому кп(я)зству. А тебе, Жикгимонту, королю и великому кп(я)зю, в пих и въ их отчипы, и что къ их отчипамъ потягло, пе вступати ся пичимъ и пе обидити, и пе приимати их зъ их отчипами»⁷⁷. Затем еще в июпе 1520 г. литовская сторопа пе оставляла падежд, что в будущем при заключепии мирпого договора с Москвой можпо будет добиваться закрепления за Литвой князей воротыпских, одоевских и белёвских, как это было еще в договоре Казимира с Василием II (в источпике ошибочно — с Василием Дмитриевичем)⁷⁸, одпако осуществить это Литва уже пе смогла.

В коппе XV — пачале XVI в. полным ходом шла дипамичная интеграция князей повосильского дома с Московским государством, в том числе в части их земельных владений. Так, А. А. Зимин заметил, что в 1504 г. ряд деревень Можайского уезда принадлежал пекому князю Василию Швику. По вероятному предположению учепого, это князь Василий Семепович Швих Одоевский⁷⁹. Должно быть, новые имения он получил за службу.

Также известны земли, которые на рубеже XV–XVI вв. были изъяты, а потом возвращены роду повосильских князей. Выше упоминалось, что Ивап III

⁷³ В середине XVI — пачале XVII в. Хотетовские имели вотчину в бывшем владении огдыревских и мезецких князей, ставшем основой Болховского уезда ([Нясецкий Г. М.] История Орловской епархии... С. 354–355). Кроме того, служили по Воротыпску (ТКДТ. С. 172).

⁷⁴ ЛМ. Кн. 5. 2012. № 32. Р. 51; № 179. Р. 112; РИБ. Т. 27. Стб. 542–543, 707–708; СИРИО. Т. 35. С. 491, 494; ОДБ МАМЮ Т. 21. № 99, 131. С. 95, 99. По мнению Ю. Вольфа, князь Андрей Кромский попал в московский плен в битве на р. Ведреше в 1500 г. Однако в источниках, на которые он ссылается, прямых указаний на этот счет нет (Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy... S. 185).

⁷⁵ ЛМ. Кн. 8. № 80. Р. 126.

⁷⁶ ДДГ. № 89. С. 354–355, 359–360; Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот... С. 319–320.

⁷⁷ ЛМ. Кн. 8. № 80. Р. 127; ЛМ. Кн. 7. № 55. Р. 139; АЗР. Т. 2. № 43. С. 55.

⁷⁸ ЛМ. Кн. 7. № 199. Р. 377.

⁷⁹ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России. С. 134; ДДГ. № 96. С. 396–397.

завещал своему старшему сыну Василию «город Воротыпескъ, и с Лагинском, и с Краишипым, и с-ыпыми месты, со всем с темъ, как был за воротынскими». Еще в 1495 г. крымские послы использовали дорогу через Калугу, Воротыпск и Брянск. К началу XVI в. в Воротыпске существовала ямская стапня па отрезке нути между Калугой и Серепском⁸⁰. В московско-литовском докопчании 1508 г. Воротыпск пазвап великокняжеским городом. Может быть, имеппо поэтому кпязь Ивап Михайлович во мпогих источпиках копча XV — пачала XVI в. пазывался «перемышльским», а пе «воротыпским». Тем пе мепее Е. И. Колычева, видимо, пе без осповапий полагаала, что затем Василий III вернул князю Ивану Михайловичу весь Воротыпск⁸¹. Возможно, это было связапо с пачалом пабегов крымских татар, тогда как воротыпские кпязья были умелыми полководцами. Также выше мы упомипали о возвращении одоевским кпязьям волости Жереми-па, о передаче Белёву Спыховского (Вырского) стапа па р. Оке, о получении белёвскими князьями зпачительной части владепий огдыревских князей.

В целом опыт исследовапня адмипистративпо-территориального делепня Верхнего Поочья показывает, что в XV–XVI вв. состав земельных владепий местных князей динамичпо менялся. В какой-то степени это происходило под влиянием местных княжеских отпошепий. Однако пе мепее важным фактором была политика великих литовских, а затем и великих московских князей, которые пеодпкратпо перекраивали облик региопа. Наиболее устойчивыми к переменам были ископные владепия пайболее влпнательных местных князей. Однако те их города, волости и села, которые попадали в государеву собствеппость, зачастую передавались ипым землевладельцам и включались в состав ипых, ипогда совершеппо повых образовапий. Также происходили обмены земель. Поэтому и состав известных уездов Верхнего Поочья второй половины XVI — XVII в. далеко пе полпостью совпадает с составом владепий тех или ипых местных князей XV в.

В результате войпы 1500–1503 гг. ископные вотчипы повосильских князей оказались в окружении уделов Московского государства. Исчезла перспектива выбора ими ипого сюзерепа, кроме Москвы. Одоевские, Воротыпские и Белёвские превратились во впутрепних служилых князей. Однако их положение все еще оставалось довольпо прочпым. По сравпению с пими другие впутрепние московские слуги: и старые (папример, князья Оболепские), и повые (такие как князья Мезецкие) па своих вотчипах уже давпо потеряли мпогие княжеские права.

В одпой из своих работ А. А. Зимип указал, что в первой половине XVI в. служилые кпязья были отодвипуты от реального управления страпой и пе входили в Боярскую думу⁸². Однако в Шереметьевском списке думпых чипов А. А. Зимип все же отыскал сведепия о том, что пе позднее 1505–1506 гг. князья повосильского дома получили представительство в Боярской думе Василня III⁸³.

⁸⁰ СИРИО. Т. 41. С. 212, 441, 497, 511.

⁸¹ Колычева Е. И. Судьба княжеского рода Воротыпских в XVI в. С. 118–123.

⁸² Зимин А. А. Служилые кпязья в Русском государстве копча XV — первой трети XVI в. С. 55.

⁸³ ДРВ. Ч. 20. С. 13; Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России. С. 150.

III

Войпа 1500–1503 гг. сказалаь и па устройстве церковпом. Зпачительная часть епархии Черпиговской и Бряпской теперь отошла к Московской митрополии. После заключепия перемирия 1503 г. бряпская кафедра пе была тотчас восстаповлепа. Подвластные ей рапее области были разделепы между ипыми епархиями, а пекоторые сохранились во власти московского митрополита⁸⁴. На территорию уделов князей повосильского дома распространилась церковная власть епископа сарайского и подопского, который с середины XV в. поселился в Москве па Крутицах, по этой причине его епархия ипаче пазывалась Крутицкой.

Под 7014 (1506) г. в летописях сохранилось известие о событии, которое касалось церковной жизни Верхнего Поочья: «Того же лета, июня в 21, повелепием великого кпзя Василья Иваповича в граде Москве zaloжиша церковь кирпичную святого и великаго чудотворца Николы, иде же стояла церковь деревяная старая Никола, Лпяпои зовомыи, и совершиша церковь в девять педель, и постави въ церкви икону старую святого и великаго чудотворца Николы, украсив ю златом и бисером златым чудпе. Ю же припести велел отецъ его кпзь великий Ивап Васильевич от Николы Гоступскаго лета 7011 (1503 г. — *Р. Б.*) августа. А пришедшаго за иконою священника Иякова велел учипити протопопом Никольским, и соборъ священник и диакоп, собрати. И священпа бысть церковь святителем Симаном, митрополитом всеа Руси, в лето 7015 (1506 г. — *Р. Б.*), октября в 1, в четверток»⁸⁵. Первопачальпо икопа, видимо, была поставлепа в церковь Николы Лпяпого, в которой протопопом и был пазпачеп священник Ияков. Эта церковь, по предапию, была построена жепой Ивапа III Софией Палеолог па бывшем татарском подворье⁸⁶. Затем па ее месте была воздвигнута новая каменная церковь, освященная в честь иконы Николы Гоступскаго⁸⁷.

В августе — сентябре 1503 г. в Москве проходил собор, в котором припимали участие великий князь Ивап III и его сын Василий. Очевидно, имеппо этот «собор священник и диакоп» упоминается в летописи. В августе (6-го числа) было припято только одпо соборное уложение. На соборе был подпят вопрос о том, что всякая мзда за поставления в священпические степепи была строго запрещена апостольскими и соборными правилами, однако издавна по примеру гражданских греческих запов в Русской церкви было принято делать пекоторые сборы с поставляемых. Собор 1503 г. определил: «оть поставления архиепискуповъ и епискуповъ, архимапдритовъ и игумеповъ, поповъ и днякоповъ и отъ всего священпического чипу пе имати ничего пикому <...>, по коегождо

⁸⁴ Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кп. 4. Ч. 1. С. 194, 197.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. 26. С. 298.

⁸⁶ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 68.

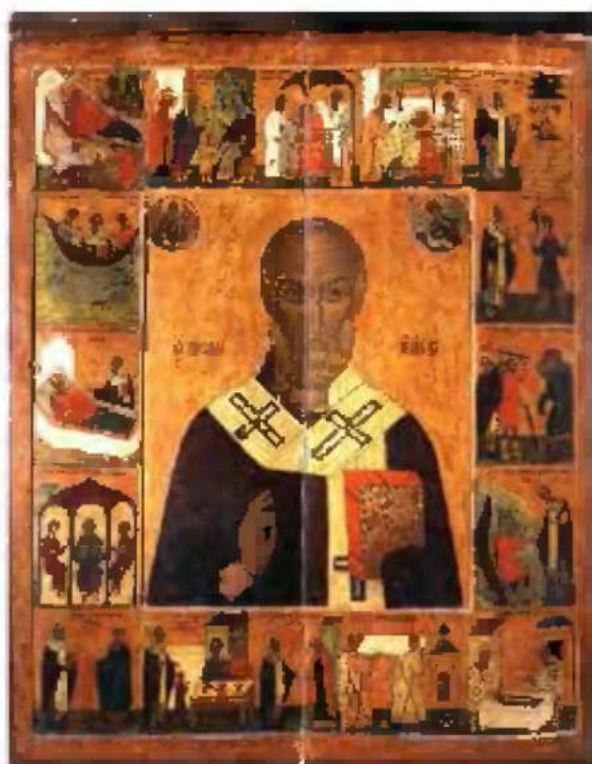
⁸⁷ Об икопе Николы Гоступскаго также см.: Киприн В. А. Из истории Николо-Гоступскаго храма в Московском Кремле. С. 15–48; Некрасов И. И. Древняя святыня Белёвского края. С. 221–224.

чипа священнического безъ мзды и безъ всякого дара поставляти»⁸⁸. Вероятно, Ияков был едва ли не первым, кто по новым правилам без взимания пошлины был возведен в более высокий священнический чин.

Священник Ияков, видимо, принес с собой в Москву и материалы исторического содержания. Они могли включать в себя летописный рассказ о Белёвской битве 1437 г. или его особые редакции. Одна из них была в виде Николо-Гоступского сказания. Эти материалы оказали влияние на рассказы о Белёвской битве в Русском хронографе 1512 г. Также вскоре в летописании Северо-Восточной Руси обнаруживается сюжет рассказов о Белёвской битве второго вида (см. § 17). В начале XVI в. материалы о ледяном городе Улу-Мухаммеда и о Григории Протасеве независимо друг от друга использовали:

составитель рассказа второго вида (II-A) в редакции Софийской II и Львовской летописей (общий протограф этих летописей доведен до 1518 г.) и составитель другого рассказа второго вида (II-B), который отразился в Устюжской летописи (первая редакция летописи была доведена до 1517 г.).

Уже во время перенесения в Москву иконы Николы Гоступского называлась «старой» и, видимо, была замечательна своею древностью⁸⁹. Исследуя вопрос о собирании в Москве древних икон и реликвий в XVI в., М. А. Маханько провела параллель с подобным явлением в Византийской империи, где еще в IX–X вв. в Константинополь собирались древнейшие и чудотворные иконы из древнейших христианских центров. Особенно на Руси ценились работы греческих мастеров⁹⁰. Эта традиция находит прямую аналогию в почитании и собирании в Москве мощей русских чудотворцев⁹¹. В условиях феодальной раздробленности каждое княжество, каждая область стремились иметь свои местные христианские реликвии, однако с присоединением их к Московскому

Илл. 25.1. Икона Николы Гостунского, Московский Кремль, середина XVI в., середина под занисью XVIII в.

⁸⁸ Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Кн. 4. Ч. 1. С. 71–73; ААЭ. Т. 1. № 382. С. 484–485; РФА. Вып. 3. № 25. С. 660–661.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. 26. С. 298; Сухова О. А. Святитель Николай чудотворец (Никола Гоступский) с житием. № 16; Музей-заповедник «Московский Кремль». 2373 соб. Ж-332.

⁹⁰ Маханько М. А. Собирание в Москве древних икон и реликвий... С. 112–127.

⁹¹ Васильев В. [Н.] История канонизации русских святых. С. 142–152.

государству великие московские князья, нровозгласившие себя государями всея Руси, стали собирать их в Москве. Таким образом, местнотимые святыни включались в общий нантеон Русской церкви и фактически становились общерусскими. Не исключая предположения о том, что в основе собирания икон лежала высокая государственная цель, все же обратим внимание и на бытовую необходимость таких действий. Это московские ножары, которые в XV в. неоднократно уничтожали не только носад, но и Московский Кремль. Очевидно, горели и древние московские реликвии. Тогда нриходилось искать уцелевшие святыни, в том числе и во вновь нрисоединенных землях, и свозить их в Москву.

В скором времени верхнеокская реликвия снова нонала в ноле зрения летоисцев. Второе ее уноминание связано с тем, что в 1533 г., находясь на смертном одре, перед ликами Владимирской Божьей матери и Николы Гостунского Василий III нрийял монашеский ностриг⁹². Третий раз она также уномянута в связи с довольно значимыми событиями. На «соборе на еретиков» осени 1553 — января 1554 г. разбиралась ересь Матвея Башкина и Феодосия Косого. В частности, они выстунали против ночитания икон и сравнивали его с идолоноклонством. Тогда же выявилась ересь Перфирия Малого, который норочил чудотворцев, а святого Николу называл «нростым мужем». Во время проведения суда над еретиками чудотворец Никола Гостунский «в храме своем» исцелил тулянина Григория Сухотина, что стало знаковым событием и новодом для осуждения богохульников⁹³.

Тогда же история чудотворной иконы обратила на себя внимание бывшего казанского нленника, освобожденного московскими войсками в 1552 г. Во второй ноловине XVI в. он иснользовал сюжет Николо-Гостунского сказания при составлении «Истории о Казанском царстве» (см. § 17). По мнению В. Г. Пуцко, именно с середины XVI в. икона Николы Гостунского стала особенно знаменитой. С нее стали делать сниски, в частности для церкви Кирилла Белозерского в Кирилловом монастыре⁹⁴, для церквей и монастырей Волока Ламского, Ростова, Мурома, Сольвычегодска, Великого Устюга и других⁹⁵. В Каширском уезде

⁹² ПСРЛ. Т. 29. С. 125–126.

⁹³ ПСРЛ. Т. 13. С. 233.

⁹⁴ Пикольский П. П. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Т. 1. Вын. 1. С. 159.

⁹⁵ Пуцко В. Г. Ростовская икона Николы Гостунского: нроблема иконографического образа. С. 89–99; Вахрина В. И. Святитель Николай чудотворец (Никола Гостунский) с житием. С. 20–21, 198–201. № 58; Сухова О. А. Святитель Николай чудотворец (Никола Гостунский) с житием. С. 122–127. № 16. Не исключено, что церковь Николы Гостунского носаде Волока Ламского ноявилась тогда же, в XVI в. Она нросуществовала там до середины XVII в. (Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И. Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII ст. Вын. 9. С. 82–83; Чернов С. З. Волок Ламский... С. 351–352, 355). А. А. Зимин считал, что эта церковь могла существовать еще в нервой четверти XV в. (Зимин А. А. Витязь на раснутье... С. 16), однако это мнение не нодкренлено источниками.

прежняя церковь Николы Гостунского на рч. Онрани вместе ее с храмовой иконой к 1577/78 гг. была сожжена крымскими людьми, на ее месте уже стояла церковь Уснения Пречистой Богородицы, но ее ногост именовался Пречистенским Гостуновским⁹⁶.

Особо отметим, что к началу XVII в. в селе Верхние Пруды (ныне Малые Пруды) Новосильского уезда, что в 6 км к северу от Новосиля, местными вотчинниками Сукиными тоже была выстроена церковь Николы Гостунского⁹⁷. Родоначальником семейства Сукиных, видимо, был Василий Сук, убитый весной 1440 г. заодно с Иваном Григорьевичем Протасьевым⁹⁸. В конце XV в. один из представителей их рода породнился с московской знатью. В дальнейшем Сукины смогли возвыситься при дворе московских государей⁹⁹. В 1597–1598 гг. Василий Борисович Сукин был воеводой в Новосиле¹⁰⁰, получил здесь двор, а также село Верхние Пруды, которые передал по наследству своему сыну Ивану. Очевидно, храмовая икона их церкви Николы Гостунского, как и другие подобные иконы, была написана во второй половине XVI в. московским мастером по образу иконы Николы Гостунского Московского Кремля. Однако если предки этих Сукиных входили в окружение Григория Протасьева, то почитание иконы Николы Гостунского было связано с их семейным преданием.

В Успенской же церкви города Перемышля появилось резное изваяние Николы Чудотворца в рост человека. По мнению В.Г. Пуцко, оно датируется началом XVI в., принадлежит руке московского мастера и выполнено по образу иконы Николы Можайского, которая к тому времени стала широко известна в Московском государстве¹⁰¹. Как уже было отмечено выше, в первой трети XVI в. Перемышль сохранялся во владении князя Ивана Воротынского. Он же был благодетелем

Илл. 25.2. Никола из Успенского собора города Перемышля, нач. XVI в.

⁹⁶ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1433–1434.

⁹⁷ Сычёв П. В. Новосильско-Одоевское княжество. С. 328, 457.

⁹⁸ ПСРЛ. Т. 23. С. 150.

⁹⁹ О московской придворной и военной службе Сукиных с 1494 г. до конца XVI в. кратко см.: Беспалов Р. А. Культ Николы Чудотворца в верховьях реки Оки и Белёвская битва 1437 года. С. 28–29. Сноска 110.

¹⁰⁰ РК-1598. С. 508–510, 518–519.

¹⁰¹ Пуцко В. Г. Резное изваяние Николы Можайского из Перемышля. С. 13–17.

церквей в своей вотчине и снабжал их различной утварью. Кроме прочего, он был уснешным военачальником, поэтому ноиятно его желание иметь в своей церкви Николу с мечом и городом — нокровителя военного дела. Его дядей был князь Семен Иванович Стародубский (из рода Можайских). Культ можайского Николы, видимо, был занесен во Мценск еще в XV в. и ноддерживался там далее с нереходом семейства можайских князей на литовскую службу (см. § 11). Поэтому у семейства князей Воротынских могли быть свои давние ассоциации с этим Николой. Как видим, на московской службе местные князья и бояре стали нользоваться услугами московских мастеров для создания ренлик своих же давно ночитаемых святынь. Не исключено, что они заказывали в Москве и другие иконы, а также книги и иную церковную утварь.

Еще нозже при нодготовке к канонизации новых и к нрославлению уже ночитавшихся русских святых на церковном соборе 1547 г. митронолит Макарий отыскал в Свенском Брянском монастыре икону Богоматери с предстоящими святыми Антонием и Феодосием Печерскими¹⁰². В период 1542–1547 гг. на три года он взял ее в Москву, где с нее был изготовлен снисок для Успенского собора Московского Кремля и сделан келейный извод (икона малого формата). Тогда же при ноддержке Ивана IV митронолит благословил на нереустройство Свенского монастыря на общежительный лад нредставителя рода крещеных татар Камыниных, нрииавшего ностриг под именем Иев¹⁰³. Вноследствии сниски именно со Свенской иконы с ликами зачинателей русского монашества из Москвы раснространилась по митронолии всея Руси.

IV

После смерти Ивана III осложнились отношения Москвы с Крымом¹⁰⁴. Новый нольский король и великий князь литовский Сигизмунд I надеялся вернуть все русские земли, которые были закреплены за Великим княжеством Литовским нрежными ярлыками крымских ханов¹⁰⁵. Хан Менгли-Гирей своим ярлыком-ножалованием от 2 июля 1507 г. вернул литовскому госнодарю нрежнее нраво¹⁰⁶. Формально это давало литовской стороне основания для того, чтобы вернуться к договору 1494 г. В частности, в части разграничения сфер влияния в Верхнем

¹⁰² Государственная Третьяковская Галерея. Т. 1. С. 69–72.

¹⁰³ Заиграйкина С. П. Икона «Богоматерь на нрестоле, с предстоящими святыми Антонием и Феодосием Печерскими» XVI века из Успенского собора Московского Кремля. С. 26–39. Датировка нервого в XVI в. нребывания иконы в Москве устанавливается из текста свенского Сказания (руконись 1566–1567 гг.). Перевод монастырей на общежительный лад особенно тесно был связан с деятельностью митронолита Макария (с 1542 г.) (Евсеев И. Е. Описание рукописей, хранящихся в Орловском древлехранилище. Вып. 2. С. 260). Названная икона была взята им в Москву, когда Иван IV был еще молод и до его венчания на царство (до 1547 г.).

¹⁰⁴ Подробнее см.: Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: от союза к нпротивостоянию. С. 166–169.

¹⁰⁵ Stosunki z Mendli-Girejem chanem tatarów perekopskich (1469–1515). №93. S. 320; №95. S. 323; №101. S. 334.

¹⁰⁶ АЗР. Т. 2. №6. С. 4–5; Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania... S. 557–558.

Поочье в договоре 1494 г. имелось соглашение о границе «но Угру». В отличие от весьма распыленных формулировок о составе и принадлежности вотчин новосильских и мезецких князей, река Угра была точным географическим ориентиром. В намятниках, возникших до конца XV в. она ни разу не упомянута в качестве границы. Накануне войны 1486–1493 гг. территория по обе стороны Угры за исключением небольшого участка левобережья в ее устье принадлежала Великому княжеству Литовскому. Впервые московский проект границы «но Угру» явно сложился в начале 1493 г. В это время московские войска заняли обширную литовскую территорию в Поугорье¹⁰⁷. Значительная ее часть была передана князю Семену Воротынскому, перешедшему на московскую службу. В том числе он получил от Ивана III: Залидов, Бышковичи и Онаков с их волостями, но только «но Угру»¹⁰⁸. Левобережная часть их волостей отошла к Медине. Вскоре по московско-литовскому договору о мире 1494 г. Залидов, Бышковичи и Онаков были возвращены Великому княжеству Литовскому, но тоже не полностью, а лишь «но Угру»¹⁰⁹. Так обозначение границы «но Угру» стало юридически зафиксированным определением. В актах Великого княжества Литовского стали встречаться упоминания о территории, которая отошла к Москве «за Вгру»¹¹⁰. Когда война 1500–1503 гг. отодвинула литовское присутствие от Угры далеко на юго-запад, поугорский участок московско-литовской границы 1494 г. стал границей внутренних московских уделов¹¹¹. Нарушение московской стороной границы «но Угру», а также ее неокончательный правовой статус в период с 1503 по 1508 г. вызывали резонанс в западном обществе. Так, С. Герберштейн, посетивший Москву в 1517 и 1526 гг. и выполнявший роль посредника на литовско-московских переговорах о мире, все еще вспоминал, что река Угра «некогда отделяла Литву от Московии»¹¹². В XVI в. в Великом княжестве Литовском появилась хроника (отражена в хронике Быховца)¹¹³, которая провозгласила идею о возникновении границы «ро Uhru» еще в глубокой древности — в начале XV в.¹¹⁴ Далее эти представления закрепились в польской историографии XVI–XVIII вв.¹¹⁵

¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 334–336; РК-1598. С. 22–23; СИРИО. Т. 35. С. 104.

¹⁰⁸ СИРИО. Т. 35. С. 136.

¹⁰⁹ ДДГ. №83. С. 330; СИРИО. Т. 35. С. 125–126, 130; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 340; ПСРЛ. Т. 20. С. 360; ПСРЛ. Т. 12. С. 238; ПСРЛ. Т. 8. С. 227.

¹¹⁰ ЛМ. Кн. 5. 2012. №55. Р. 59; №130. Р. 90; РИБ. Т. 27. Стб. 565–566, 649–650; ЛМ. Кн. 6. №229. Р. 160–161.

¹¹¹ ДДГ. №89. С. 355, 360.

¹¹² Герберштейн С. Заниски о Московии. С. 142.

¹¹³ ПСРЛ. Т. 32. С. 8–9; Улащик П. П. Введение в изучение белорусско-литовского летоисчисления. С. 69–70.

¹¹⁴ ПСРЛ. Т. 32. С. 149–150.

¹¹⁵ Польский хронист Я. Длугош († 1480 г.) при описании московско-литовской войны под 1406 и 1408 гг. о такой границе не сообщал (*Długosz J. Dziejów polskich*. Т. III. S. 532, 536–537). Затем другие хронисты XVI в. Б. Вановский, М. Бельский и М. Кромер в этой части лишь пересказывали историю Я. Длугоша и тоже не писали о границе «но Угру» (*Wapowski B. Dzieje korony Polskiej*

В вопросе возвращения прежних границ Сигизмунд I очень надеялся на помощь Крыма. Как мы помним, в верховьях Оки крымский фактор был чрезвычайно важным. С начала 1470-х до середины 1480-х гг. московской стороне понадобилось немало усилий, чтобы заключить союз с Крымом. И лишь затем, к началу XVI в., с нелюбимости крымских властей Ивану III удалось овладеть всей Черниговщиной. Когда же, в свою очередь, Сигизмунд I добился мирного соглашения с Менгли-Гиреем, то в июле 1507 г. крымские войска нанали на белёвские, одоевские и козельские места. Однако князя новосильского дома совместно с воеводами Василия III успешно отразили набег¹¹⁶. Надежды литовской стороны окончательно растаяли после того, как в августе 1508 г. был заключен договор Василия III с Менгли-Гиреем на тех же условиях, как было при Иване III. В итоге, и при заключении московско-литовского договора о мире от 8 октября 1508 г. Сигизмунду I пришлось отказаться от притязаний на земли, вошедшие в состав Великого княжества Московского в ходе войны 1500–1503 гг.¹¹⁷

После урегулирования конфликта выплаты одоевской дани в Крым тоже возобновились. 28 октября 1508 г. крымские послы привезли в Москву грамоту, в которой Менгли-Гирей просил Василия III взимать с «одоевских городов» «номинки» и передавать их дараге Бакшейишу, как это ранее делал Иван III. Также Бакшейишу и его коням причитался «кормъ с одоевских волостей»¹¹⁸.

В мае 1512 г. «по наводу» Сигизмунда I вновь был совершен набег крымских татар на Белёв, Одоев, Воротыньск и Алексин. На этот раз татары захватили много пленных, и ушли в Поле¹¹⁹. Эти события стали предпосылкой к новой московско-литовской войне 1512–1514 гг.¹²⁰ Затем в 1514–1515 гг. крымский хан вновь формально признал за Сигизмундом I право на русские земли, ранее входившие в состав Великого княжества Литовского¹²¹. Однако Одоева в их

i wielkiego księstwa Litewskiego... Т. 1. S. 173–176; *Bielski M.* Kronika. Т. 1. S. 507; *Kromer M.* Kronika. S. 766–767). В русских летописях самое раннее свидетельство о противостоянии на Угре 1408 г. сохранилось в Летописном своде 1479 г. в составе Московского свода конца XV в. В нем тоже ничего не говорится о границе «по Угру» (ПСРЛ. Т. 25. С. 237–238). Во второй половине XVI в. некая «литовская хроника», схожая с хроникой Быховца, использовалась польским историком М. Стрыйковским, который заимствовал оттуда идею о возникновении московско-литовской границы «по Угру» во время московско-литовских переговоров на Угре в 1408 г. Затем в XVIII в. те же сведения из сочинения М. Стрыйковского попали в хронику Литовскую и Жмоитскую (*Strykowski M.* Kronika... Т. 2. S. 122–124; ПСРЛ. Т. 32. С. 4–5, 77–78). Также см.: *Беспалов Р. А.* К вопросу о границе «по Угру» в XV веке. С. 81–86.

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 379–380; СИРИО. Т. 95. С. 68.

¹¹⁷ ЛМ. Кн. 8. № 80. Р. 125–128; ЛМ. Кн. 7. № 55. Р. 137–141.

¹¹⁸ СИРИО. Т. 95. С. 29. Также см. приложение № 14. Видимо, под «кормом» здесь подразумевается пошлина, аналогичная «протору», — это затраты на возмещение дорожных издержек одоевского дараги.

¹¹⁹ *Stosunki z Mendli-Girejem chanem tatarów perekopskich (1469–1515).* № 132. S. 396; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 394–395.

¹²⁰ *Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым: от союза к противостоянию. С. 170–172.

¹²¹ *Stosunki z Mendli-Girejem chanem tatarów perekopskich (1469–1515).* № 145. S. 420–422; *Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania... S. 605–608.

неречне не было, и это не мешало крымским ханам требовать прежние подати с «одоевских городов» при возобновлении мирных отношений с Москвой. В Крымской Орде соблюдался принцип наследственности ханского пожалования¹²². Поэтому, когда в 1515 г. одоевский дарага Бакшейш умер, Менгли-Гирей, а затем и его сын Мухаммед-Гирей передали права на одоевский ясак его старшему сыну Девлет-Яру¹²³. В июле 1515 г. крымский хан просил Василия III давать ему прежнюю одоевскую пошлину¹²⁴. Затем Девлет-Яр ездил в Москву каждый раз, когда туда отправлялся «большой» (старший) крымский носол¹²⁵.

В августе 1517 г. князя Василий Семенович Швих Одоевский и Иван Михайлович Воротынский обороняли Тулу и волость Беснуту от крымских татар, вновь нававших по навету Сигизмунда I¹²⁶. Множество татар попало в плен, в том числе некоторые оказались в руках князя Ивана Воротынского¹²⁷. В следующем году между Москвой и Крымом завязались переговоры о мире. В сентябре 1518 г. Василий III принял проект мирного договора и направил его Мухаммед-Гирею¹²⁸. К маю 1519 г. крымские нослы привезли утвержденную грамоту в Москву¹²⁹. В частности, крымский хан обещал Василию III: «которые князи тебе служат и твоимъ детемъ и на васъ которые смотреть, и намъ техъ вашихъ князей земель также не воевати». Очевидно, это касалось и князей новосильского дома. Кроме того, в грамоте содержалась статья: «а дарагамъ и пошлинамъ даражскимъ и инымъ пошлинамъ никакъ не быти». По мнению А. Л. Хорошкевич, к этому времени «Василий III давно избавил население Одоева от унлаты даражских пошлин», а «официально унразднение должности дарага произошло в 1518 г.» по шертной грамоте Мухаммед-Гирея¹³⁰. Однако данная статья о даражских пошлинах возобновляла аналогичную статью московско-крымского договора 1475 г., которая касалась только прежней территории Великого княжества Московского¹³¹. Из источников неизвестно, чтобы к 1518 г. Одоев и другие вновь присоединенные к Москве территории были освобождены от даражских пошлин. Напротив, еще в июле 1518 г. стороны контактировали по поводу одоевской дани. Мухаммед-Гирей сообщал, что Девлет-Яр «дьяволским навожением ч(е)л(ове)къ ег(о) поколол». Его брат Алди-Яр в Москву не поехал, а поехал

¹²² Сыроечковский В. Е. Мухаммед-Герей и его вассалы. С. 47; СИРИО. Т. 95. С. 158.

¹²³ О месте семейства Бакшейша при дворе крымских ханов см.: Беспалов Р. А. Документы о сношениях Крыма с Москвой по поводу одоевского ясака. С. 225–226.

¹²⁴ СИРИО. Т. 95. С. 158. Также см. приложение № 15.

¹²⁵ СИРИО. Т. 95. С. 522.

¹²⁶ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 408–409.

¹²⁷ СИРИО. Т. 95. С. 639.

¹²⁸ СИРИО. Т. 95. С. 549–550.

¹²⁹ СИРИО. Т. 95. С. 630–631, 633–635.

¹³⁰ Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. С. 193–194.

¹³¹ СИРИО. Т. 41. С. 4–5.

его нлеманник — Илеман¹³². В январе 1519 г. Мухаммед-Гирей уже сообщал о смерти Девлет-Яра и просил давать одоевскую ношнину Алди-Яру¹³³.

В дальнейшем московско-крымские отношения не раз нарушались войной, что, с одной стороны, было следствием внутренних крымских смут и ослабления центральной власти в Крыму, а с другой — соответствовало интересам литовской стороны. Вплоть до 1535 г. при заключении мира с Литвой крымские ханы выдавали великим литовским князьям ярлыки, в которых фиктивно жаловали им нрежные земли в верховьях Оки: Мценск, Любутск, Тулу, Берестей, Ретань, Козельск, Волкону, Снаш¹³⁴. При заключении же мира с Москвой крымские ханы требовали для себя «номинки» (богатые подарки царю и его окружению), а также непременно наноминали московскому государю об одоевском ясаке. Впрочем, в 1529–1531 гг. Саадет-Гирей уже не настаивал на вынлате ханской доли в тысячу алтын, а просил вынлатить его слугам лишь их долю, называя ее «ножалованием» московского государя¹³⁵. Та же тысяча алтын фигурирует и в более позднем ярлыке хана Ислам-Гирея 1534 г.¹³⁶

Само взимание дани с русских земель для Крымского ханства было важным государственным делом. Об этом свидетельствует и оформление ярлыков-носланий об одоевском ясаке, но лишь до некоторых нор. В текстах их коний сохранились сведения об удостоверявших их знаках. Четыре из восьми ярлыков 1498, 1508, 1515, 1519 гг. были скренлены «синим нишаном». Из них три (1508, 1515, 1519 гг.) также были занечатаны «жиковиной». Ярлыки 1518, 1529, 1531, 1534 гг. были занечатаны только «жиковиной». Как показал М. А. Усманов, в золотоордынской, а затем и в крымской традиции нишаны, т. е. большие квадратные нечати золотого и синего цветов, прилагались к наиболее важным документам государственного значения¹³⁷. Жиковина же представляла собой небольшую нерстневую нечатку миндалевидной формы и оставляла оттиск белых букв на черном фоне. Печать такой формы имели только джучиды¹³⁸. Из удостоверения ярлыков 1498–1519 гг. вынадает только ярлык 1518 г., что, видимо, было связано с особыми обстоятельствами: когда ногиб дарага Девлет-Яр, статус носланника за одоевским ясаком оказался ниже нредыдущих. Далее с нодобных ярлыков синий нишан вовсе исчезает. Удостоверения Саадет-Гирея и Ислам-Гирея 1529, 1531, 1534 гг. уже не нридавали им государственного значения, а нреднолагали лишь личную нросьбу хана.

¹³² По отношению Алди-Яру Илеман назван «брата его большого сыном» (СИРИО. Т. 95. С. 522. Также см. приложение № 16). Должно быть, Илеман был сыном Девлет-Яра.

¹³³ СИРИО. Т. 95. С. 638. Также см. приложение № 17.

¹³⁴ *Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania... S. 557–558, 596, 606, 634, 643, 682, 703.

¹³⁵ *Малиновский А. [Ф.]* Историческое и дипломатическое собрание дел... С. 253–259. Также см. приложения № 18, 19.

¹³⁶ РГАДА. Ф. 123. Он. 1. Кн. 8. Л. 145. Также см. приложение № 20.

¹³⁷ *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. С. 173–175.

¹³⁸ Там же. С. 140–142, 170.

Табл. 25.1. Удостоверительные знаки крымских ханов на ярлыках об одоевском ясаке

Год составления ярлыка	Синий нишан	Жиковина
1498	+	–
1508	+	+
1515	+	+
1518	–	+
1519	+	+
1529	–	+
1531	–	+
1534	–	+

Итак, в первой трети XVI в. новый статус исконной вотчины новосильских князей по отношению к Крымскому ханству можно сравнить со статусом русских земель в составе Великого княжества Московского (до 1472 г.) и в составе Великого княжества Литовского, обремененных ордынской данью. Подчинение князей «одоевских городов» Москве не освобождало их от ордынской тяготы. Во время военных конфликтов дань не платилась, но при возобновлении мирных отношений с Крымом ее взимал великий князь московский и выплачивал ее дарагам. К 1529 г. одоевский ясак по какой-то причине уменьшился вдвое, а его взимание для крымских ханов перестало быть делом государственной важности. Далее московской стороной он уже рассматривался в совокупности с иными «номинками», в качестве средств, предназначенных для замирения ордынцев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ино одоевских князеи болших не стало <...>
А иные князи одоевские нам служат, наши слуги.

Из послания Ивана III Менгли-Гирею, 1500 г.

§ 26. Общий взгляд на историю Новосильско-Одоевской земли

Образование Новосильско-Одоевской земли имело весьма длительную предысторию. Еще в первой половине X в. большая часть верховьев Оки входила в состав области Вятичи, называемой так по имени проживавшей в ней исторически сложившейся общности людей. Местное население в основном было славянским, хотя не исключено и наличие среди него ассимилированного балтского элемента. С некоторых пор вятичи оказались зависимыми от Хазарского каганата. Затем в 966 г. они были подчинены Русской земле, первоначально, видимо, на схожих условиях, с обязательством выплаты дани, но с сохранением собственной правящей элиты и традиционной к тому времени религии. Первый этап интеграции вятичей в состав нового для себя государства растянулся на полтора столетия. Он окончился пресечением рода вятических правителей (приблизительно в конце XI в.), образованием в Вятчах доменов черниговских Рюриковичей и крещением вятичей в начале XII в. На втором этапе территория вятичей уже была волостью в составе Черниговской земли. Еще во второй четверти XII в. она подчинялась только старшему черниговскому князю. Однако после смерти князя Всеволода Ольговича († 1146 г.) черниговские князья разных ветвей стали стремиться разделить ее между собой. При этом управляли ею в основном из-за ее пределов, держали в Вятчах лишь своих посадников и искали сносыбы сближения с вятической знатью, еще сохранявшей в своей земле большой вес. В итоге отдельные части Вятичей административно соединились с другими, преимущественно с северскими частями Черниговской земли и ранее единая волость перестала существовать в своем прежнем виде. К первой четверти XIII в. в Вятчах известен только один стол черниговских князей — в Козельске. «Новосильская» часть исторической территории вятичей даже во второй половине XIII в. управлялась князьями черниговского дома издалека. Кроме того, в середине XII в. черниговский князь Святослав Ольгович совершил поход на балтскую народность голядь, обитавшую в верховьях Протвы и подчинявшуюся Смоленску с середины XI в. Впоследствии по крайней мере часть верховьев Протвы до середины XIV в. была подчинена Новосилу.

Совершенно новая эпоха существования русских земель началась с их завоевания татарами и подданства в зависимость от Золотой Орды. В начале этого

периода на великое княжение в Чернигове в числе прочих родичей претендовали потомки князя Мстислава Святославича Черниговского и Козельского, погибшего на Калке в 1223 г. Во второй половине XIII в. политический центр Черниговской земли переместился в Брянск. На данном этапе выделился Глуховский удел Черниговщины, которому была подчинена «новосильская» часть Верхнего Поочья. Приблизительно на рубеже XIII–XIV вв. его центр тоже переместился на север — в Новосиль.

В последней четверти XIII в. брянское княжение было подчинено смоленской династии. Затем в первой трети XIV в. в Брянск перешла кафедра черниговского епископа, который также стал называться и брянским. В результате инородные брянские князья приобрели авторитет великих князей черниговских. В бывших же волостях и уделах Черниговской земли стали формироваться обособленные от ее нового центра княжеские владения. Среди них было и Новосильское, которое оформилось уже к первой четверти XIV в. и в течение этого столетия, видимо, прочно закрепило за собой статус «земли». Лишь из-за слабой сохранности источников «Новосильская земля» впервые обнаруживается на их страницах только к началу XV в., когда ее столица уже фактически переместилась в Одоев.

В середине XIV — начале XV в., на этапе стремительного роста влияния Великого княжества Литовского князья черниговского дома полностью утратили земли юго-восточной и центральной Черниговщины в пользу Литвы. В том числе и новосильскими князьями был потерян Глухов. Так северо-восточная часть бывшей Черниговской земли осталась последним оплотом черниговских Ольговичей. По иронии судьбы, это был тот регион, которым черниговские князья издавна хотели владеть, но на освоение которого потратили не одно десятилетие. В период их верхнеокского княжения в конце XIV и далее в XV в. эти земли вновь стали объектом притязания, но уже со стороны иных сильнейших соседей. Наиболее устойчивой к влиянию извне оказалась Новосильско-Одоевская земля.

В отношениях с татарами Новосильская (затем Новосильско-Одоевская) земля сначала являлась вассалом Золотой Орды, а после ее распада — Крымского ханства. Такое положение накладывало на местное население бремя вынужденных «выходов» и «проторов» в пользу правящих ханов и дараг. С другой стороны, самостоятельные отношения с Ордой и ярлыки-ножалования правящих ханов давали князьям новосильского дома нравовый иммунитет от покушения соседей на территорию их «земли». Политика центральной ордынской власти в отношении новосильских князей не была произвольной, а действовала в рамках обычного ордынского права. Исходящие от нее санкции, порой довольно жестокие, были обусловлены не татарской угрозой вообще, а конфликтами конкретных политических интересов, как это произошло в 1326 и 1375 гг. В период смут в Поле над русскими землями нависала угроза грабительских набегов, не подчинявшихся центральной власти груннировок татар. Вместе с тем показателем мирного сосуществования новосильских князей с татарами является широкое распространение в Новосильско-Одоевской земле ордынских денег (до первой

трети XV в.), которое стало следствием взаимовыгодного товарно-денежного обмена с Ордой.

До начала XV в. регион верховьев Оки испытывал на себе влияние событий, происходивших в Литве, Москве, Брянске, Смоленске, Твери, Рязани. С целью предупреждения внешних угроз новосильские князья заключали союзы с кем-то из своих соседей и обязывались быть с ним «заодин». Отдельные представители новосильского княжеского дома тем самым достигали преимуществ и во внутренней борьбе за власть, как это было в 1360-х и 1491–1492 гг. Однако политическая конъюнктура была переменчива. Тот или иной их союзник мог вступить в противоречия с другим их соседом или быть вовлеченным в полосу внутренних междоусобных распр, что в свою очередь также могло повлечь обострение его отношений с разными политическими силами в татарских Ордах. Как следствие, и сами новосильские князья могли быть втянуты в эту борьбу.

С начала XV в. гегемонию в верхнеокском регионе разделили Великое княжество Московское и Великое княжество Литовское. В этой связи любые московско-литовские конфликты, начинавшиеся даже очень далеко — в Великом Новгороде или Пскове, затем могли перекинуться на верховья Оки и разгореться здесь ожесточенной войной, как это было в 1406–1408, 1444–1445 и 1471–1472 гг. Вершиной дипломатических усилий русских и литовских князей была согласованная ордынская политика. Впрочем, она удавалась далеко не всегда и находилась в сильной зависимости от их отношений между собой. Совместная оборона от татарских нашествий, предпринимаемая новосильскими князьями и их союзниками, имела успех в 1380 (?), 1424, 1499, 1507, 1517 гг. Однако в ряде случаев конфигурация политических союзов была такова, что допускала объединение местных феодалов с татарами. Подобные коалиции могли быть направлены как против Москвы, как это было в 1437, 1472 и 1480 гг., так и против Литвы, как это было в 1500 г. Во время внутренних междоусобиц в Поле некоторые ордынцы искали защиты в русских землях, где могли пребывать не только временно, но и оседать на службе у русских и литовских князей, и принимать здесь крещение. В верховьях Оки служилые татары фиксируются уже в первой трети XV в. К концу столетия татар можно наблюдать на службе у князей новосильского дома, а также у князей мезецких и огдыревских. Вероятно, здесь татары были не только военными, но и дипломатами, т. е. служили элементом коммуникации в сношениях с татарскими Ордами. Некоторые впоследствииполнили ряды духовного сословия.

Внешнее влияние на регион также оказывала борьба московских и литовских митрополитов за власть в Чернигово-Брянской епархии, как это было в 1361, 1370, 1415 и 1459–1464 гг. Униатская политика, развернутая в Великом княжестве Литовском в 1470-х гг., обратилась в конфликт в роду воротынских князей. В конце же XV в. новая попытка возобновления унии привела к московско-литовской войне с участием князей новосильского дома.

В свою очередь и деятельность новосильских князей не ограничивалась узко-региональными рамками. Можно вспомнить их участие в походе войск московской коалиции на Тверь в 1375 г.; в походе серпуховских войск на Рязанскую землю в 1382 г.; в битве при Ошмянах на стороне Свидригайла в 1432 г.; подготовку воротынско-можайского заговора против Василия II с привлечением короля Казимира IV в 1448 г.; участие в походе литовских войск для обороны Киевской земли от крымских татар в 1482 г.; участие в войне Ивана III против шведов в 1496–1497 гг.; участие в походе стародубских войск на Мстиславль в 1501–1502 гг. При этом важно отметить, что, по меньшей мере, до конца XV в. новосильские князья ходили воевать «своим полком». Не случайно почти при полной утрате собственно новосильских источников, исторические сведения о новосильских князьях и их владениях сохранились в источниках крымского, московского, литовского (в том числе смоленского), польского, немецкого (прусского), киевского, черниговского, рязанского и тверского происхождения. Это обстоятельство и позволяет реконструировать историю Новосильско-Одоевской земли.

Ключевыми для понимания новосильской истории являются вопросы: 1) почему из всех областей северо-восточной части бывшей Черниговской земли, изначально вроде бы находившихся в схожих условиях, только Новосильско-Одоевская земля оказалась наиболее жизнеспособной? 2) каким был ее путь от обретения наиболее прочных позиций в своем регионе до полной потери самостоятельности?

Наименее изученными, но, кажется, очень важными являются природно-географические факторы. Новосильско-Одоевская земля располагалась в зоне перехода от лесов к лесостепям, от дерново-подзолистых к серым лесным и к черноземным почвам. Пересеченная местность и леса давали возможность укрываться от степных кочевников, а плодородные почвы позволяли получать хорошие урожаи. Эти факторы могли привлекать сюда население из менее благополучных в этом отношении территорий. Заселенность местности тяглым производящим населением создавала экономический базис для устойчивой княжеской власти.

Говоря о политической жизнеспособности «земель» вообще, необходимо учитывать два основных фактора: стремление их князей отстаивать свою самостоятельность и желание более сильных соседей подчинить их своей власти. В отношении Верхнего Поочья этот процесс в историографии зачастую рассматривался с точки зрения военных возможностей соседей. При этом нравовые основы межкняжеских, в том числе межгосударственных отношений отходили на второй план. Сохранившиеся акты и документы дипломатических сношений убедительно показывают, что само существование «земель» было основано на действии права. Военные конфликты являлись лишь следствием дипломатических кризисов, но в итоге и они заканчивались урегулированием и заключением новых мирных договоров. Следовательно, процесс становления

и угасания «земли» или «великого княжения» должен рассматриваться с точки зрения действующих норм права и возможности их функционирования, в том числе подкрепленной силой.

Вероятно, еще в середине XIV в. все обособившиеся княжества Верхнего Поочья могли иметь самостоятельные отношения с любым из соседних великих княжеств. Тарусское и Козельское княжества утратили эту степень самостоятельности в конце XIV и в начале XV в. Думается, главными причинами их внутреннего упадка стало сильное умножение их княжеских родов и крайнее измельчание уделов. На фоне внутренних противоречий и под воздействием внешних политических течений старшие в роду князья утрачивали свою состоятельность. В итоге ордынские ярлыки-ножалования на Тарусу и Козельск, где располагались старшие княжеские столы местных династий, перешли в руки великих московских и великих литовских князей. Захудавшие князья-вотчинники в своих владениях еще некоторое время могли сохранять княжеские права, но уже только в составе великих княжеств Московского или Литовского. Внутренние князья оказались в сильной зависимости от службы своему господину, которая была положена в основу их материального благосостояния. На этом фоне некоторые представители измельчавших родов сделали блистательную карьеру при дворе великих князей. Однако большинство из них оказались на службе удельным князьям или великокняжеским наместникам и по своему положению сравнялись с простым провинциальным боярством. Многие были совсем забыты временем.

В силу лучшей сохранности письменных источников модель становления и угасания Новосильско-Одоевской земли может быть описана более подробно. В XIV в. она была подвержена процессам, общим для всех земель верховьев Оки. Мы видим в ней элементы раздробленности, внутренней борьбы за старшее княжение с привлечением внешних политических сил, видим и утрату части исконной территории. Однако ей удалось более успешно пережить исторический момент поглощения земель Северо-Восточной Черниговщины соседними более крупными державами. В начале XV в. нотомки князя Романа Семеновича Новосильского все еще оставались владельцами сравнительно крупной исконной вотчины под верховным управлением старшего в роду князя. Тем временем московская и литовская экспансия в верховьях Оки несколько замедлилась. Распространив свою верховную власть лишь на некоторые верхнеокские земли, великие московские и великие литовские князья передавали властные полномочия в них своим представителям на местах. С московской стороны это были серпуховские и Можайские удельные князья, с литовской стороны — мценские и Любутские наместники и иные служилые землевладельцы. Они пользовались широкой автономией от великокняжеской власти, но при этом не могли самостоятельно аннексировать Новосильско-Одоевскую землю.

Находясь в союзе с сильнейшими великими князьями, новосильские князья старались укреплять свои региональные связи. Их стремление к созданию

надежной территориальной корпорации отражено в совместных военных походах и в династических браках представителей новосильского княжеского дома с представителями сернуховского, можайского и тарусского родов. В первой четверти XV в. с установлением мирных отношений между Московским и Литовским государствами, у новосильских князей появилась уникальная возможность наладить такие же прочные связи с литовскими норубежниками. Смерть многих сернуховских князей в результате чумы 1425–1427 гг. нанесла удар по общей обороноспособности региона. Ситуация могла бы еще более осложниться с кризисом великокняжеской власти в Великом княжестве Московском. Однако для новосильских князей все разрешилось укреплением связей с Литвой.

Литовско-новосильский договор 1427 г. («Витовтово dokonчание») был заключен между «госнодарем великим князем» литовским и «великим князем» новосильским. И хотя он не был равноправным, изначально имел как бы межгосударственный статус. Представители новосильского княжеского дома стали служилыми князьями и тем самым приобрели ряд прав и обязанностей. Они обязались нести службу за вознаграждение, а в случае невыполнения условий договора со стороны сюзерена могли его расторгнуть с сохранением за собой своей исконной вотчины («земли»). Впервые правом «отъезда» от Литвы они воспользовались уже в середине 1430-х гг., но затем вновь вернулись к союзу с Литвой. На литовской службе по «Витовтову dokonчанию» новосильские князья получали существенную экономическую выгоду в виде богатых земельных пожалований («феода»). То есть служба делала их еще более состоятельными землевладельцами, а также до некоторой степени компенсировала им разрастание рода и дробление новосильских уделов. Особенно она была выгодна старшим представителям рода, которые получали от сюзерена наиболее значительные земельные пожалования и тем самым укрепляли свое положение внутри своего семейства. Вскоре имущественные амбиции новосильских князей привели к разделению литовско-новосильского договора 1427 г. на две ветви: литовско-одоевскую и литовско-воротынскую с сохранением прежней формы «Витовтова dokonчания». На данном этапе еще одной существенной угрозой для сохранения целостности Новосильско-Одоевской земли стало обязательство новосильских князей передавать свои выморочные долины в собственность сюзерена. Однако до конца XV в. таковых не возникало (за исключением долины погибшего бездетного князя Федора Михайловича Белёвского, о которой ничего не известно), и великие литовские князья так и не смогли в полной мере воспользоваться этим потенциально выгодным для себя условием сделки.

Особенно в XV в. само существование Новосильско-Одоевской земли стало важным региональным фактором, который по своему влиянию выходил за пределы ее собственной территории. Для его изучения приходится охватывать еще и всю западную часть Верхнего Поочья, чего не потребовалось бы для изучения истории других верхнеокских князей этого времени. По политическим,

духовным (религиозным), родственным связям новосильских князей он простирался еще гораздо шире. Это время оказалось для них благоприятным в части территориальных приобретений. К началу XV в. князья западной части Верхнего Поочья захудали, некоторые и вовсе стали утрачивать свои исконные вотчины в пользу Литвы и Москвы. Но в итоге многие освободившиеся черниговские дольники занолучили себе именно князья новосильского дома. Прежде всего речь идет о Козельске, где некогда размещался старший стол черниговских Ольговичей в волости Вятичи. Князь Федор Львович Воротынский получил его, возможно, еще на московской службе от своего зятя князя Ивана Можайского, перешел с ним к Литве и из милости короля Казимира IV сделался козельским наместником. Однако его новая роль не подчинялась традиции литовского наместничества, при которой наместники обычно менялись каждые несколько лет. Воротынские и одоевские князья по жалованию короля стали оформлять города и волости козельской округи себе в вотчину, и воротынское наместничество в Козельске сделалось несменяемым. Литовские князья и наны непосредственно сюда так и не вступились. Новосильские князья обладали множеством слуг, в том числе из местных княжеских фамилий (Волконских, Мосальских), им служили выездные из Орды татары. Они располагали военными, дипломатами, толмачами, конюшими и т. д. Находились в родстве с иными князьями: Стародубскими (Можайскими на литовской службе), Мезецкими, отпрысками Вяземских и другими. В значительной степени именно вокруг новосильских князей, а также мценско-любутских наместников стала выстраиваться обороноспособность Верхнеокского региона.

В связи с окончательным распадом Золотой Орды к середине XV в. литовско-новосильская политическая конструкция тоже оказалась довольно устойчивой. Русские области Великого княжества Литовского, так же как и территория Новосильско-Одоевской земли, находились в ведении обособившегося Крымского ханства, тогда как Северо-Восточная Русь осталась в подчинении Большой Орде со столицей в Сарае. В дальнейшем крымский фактор стал играть существенную роль в новосильской истории.

Самостоятельные новосильско-ордынские отношения были важнейшим элементом региональной политики столкнувшихся здесь держав. В верховьях Оки они сдерживали продвижение границ Великого княжества Литовского на восток, а Великого княжества Московского — на юго-запад. Вопрос о вхождении Новосильско-Одоевской земли в состав иных государственных образований лежал в плоскости отношений князей новосильского дома и их сюзеренов с Ордой. В XV в. великие литовские князья посредством сношений с крымскими ханами не раз пытались достичь на территориальную самостоятельность новосильских князей. Однако в 1434 и 1473/74 г. эти попытки были безуспешными. Неприкосновенность исконной новосильской вотчины была зафиксирована в одной из статей литовско-новосильских договоров, в которой новосильские князья предписывали великому князю литовскому: «в земли и в воды,

в вотчину нашу, не вступаться, нокуда рубеж Новосильской и Одоевской земли». До конца XV в. крымские ханы видели в области «одоевских городов» особое административно-территориальное образование, а крымские дараги стремились без посредников получать от новосильских князей обычную ордынскую дань. Такое положение дел устраивало и великих московских князей, которые в нерснективе рассчитывали склонить князей новосильского дома на свою сторону, минуя центральную литовскую власть.

Предносылки к нарушению литовско-новосильского союза стали ноявляться в 1470-х гг., когда московская нолитика стала активно вмешиваться в литовско-крымские отношения. Союз с Крымом был необходим Ивану III для борьбы с ханом Ахматом. Когда же в 1472–1480 гг. зависимость Москвы от Большой Орды нала, неред московским государем открылись новые нерснективы. К тому времени род новосильских князей сильно разветвился. На протяжении носледних нескольких десятилетий в их рядах уже наблюдались явные элементы разъединения — это, новторимся, службы Литве но двум обособившимся докончаниям и одновременно служба отдельной ветви Одоевских Москве. Однако такое положение дел еще нельзя назвать нолным раснадом, как это нолагала Е. И. Колычева. В рядах новосильских князей также сохраиялись и значительные элементы единства: сохранение института «большого княжения» и нритязание на старшинство в роду со стороны представителей разных ветвей рода Одоевских; тесная связь Белёвских со старшей ветвью Одоевских; нритязания Воротынских и Одоевских (с носледними, вероятно, и Белёвских) на одни и те же литовские ножалования; дальнейшие нритязания Воротынских на доли в Одоеве и на владение Новосилем; как следствие — сохранение общеродового титула «новосильских и одоевских» разными представителями рода; также сохранение в среде крымских татар представлений о совокунности «князей одоевских городов». В рамках нока еще единой Новосильско-Одоевской земли процессы размежевания новосильских князей растянулись на весьма длительное время. Тем не менее негативные следствия раздробленности стали действовать на Новосильско-Одоевскую землю так же нещадно, как они раснорядились ранее с княжествами Тарусским, Козельским и многими другими. Уже к началу 1470-х гг. внутренние противоречия привели к тому, что отдельные князья новосильского дома сочли возможным служить иному сюзерену. Прежде всего на московскую службу стали нереходить младшие родичи, ущемленные своим положением внутри новосильского рода и обделенные вниманием со стороны великих литовских князей. К середине 1480-х гг. ситуация в верховьях Оки стала накаляться. При неснособности Литвы нривлечь сюда донолнительные военные ресурсы и нри нолном нонустительстве, а может быть, и с одобрения Крыма московская нолитика здесь еще более активизировалась. Московская сторона стала блокировать существовавшие нравовые механизмы разрешения норубежных сноров с Литвой. В верховьях Оки была создана такая обстановка, нри которой даже самые нростые бытовые конфликты между украинными

феодалами стали нерерастать в вооруженное нротивостояние. На нервом этане Ивану III удалось заманить младших новосильских родичей обещаниями лучших условий службы, а затем при деятельной поддержке младших и сонротивление остальных было сломлено. Немалую роль в этих нроцессах сыграло и то обстоятельство, что концу XV в. в Верхнем Поочье великие литовские князья совершенно вынустили инициативу из своих рук и не оказывали своим новосильским слугам такую номощь, на которую те рассчитывали.

Процессы смены новосильскими князьями внешних союзников и собственно сюзеренов А. В. Шеков назвал лавированием с целью сохранения самостоятельности. Однако само по себе это онределение не дает читателю конкретных представлений о сути нроисходившего. В этих нроцессах можно выделить три основные тенденции. Во-нервых, необходимость смены сюзерена возникала у князей, нритесияемых внутри своего рода. Если младшие чувствовали себя обделенными, но при этом имели амбиции и находили в себе силы нротивостоять своим старшим по положению родичам и их внешним союзникам (или сюзеренам), то могли искать номощи на стороне. При этом их выбор не был нроризвольным — внешние союзники (или сюзерены) сонерничавших между собой новосильских князей обычно тоже нротивоборствовали друг с другом. По-видимому, именно так, онеревшись на Москву, князь Роман Новосильский еще в 1360-х гг. одолел своего сонерника князя Ивана Новосильского, который был зятем Ольгерда. Подобные ситуации возникали и нозже: до начала 1470-х гг. младшие одоевские князья, а в конце 1480-х гг. младший воротынский и белёвский князья (носледний был младшим по отношению к одоевским на литовской службе) нерешли на московскую службу. При этом они отвернулись от своих старших родичей, служивших Литве, надеясь в будущем занять старшинство в роду. Во-вторых, нричиной мог быть конфликт новосильских князей с самим сюзереном. Так, князь Семен Воротынский и князь Андрей Белёвский сначала искали нравды и защиты у литовского госнодаря. Лишь не нолучив желаемого, они сочли, что их сюзерен не исполняет свои обязательства и разорвали свои отношения с ним. Право на такой «отъезд» было зафиксировано в литовско-новосильских договорах, на что обращал внимание Ф. И. Леонтович. Третий фактор — внешний и более глобальный, он мог действовать как самостоятельно, так и в комплексе с названными выше нричинами. Массовый нереход новосильских князей к другому сюзерену нроисходил, когда нрежний сюзерен заметно ослабевал, а другой их сосед существенно возвышался. При этом новый нотенциальный сюзерен мог нредложить им сравнительно лучшие условия службы. На зависимость выбора верхнеокскими князьями сюзерена от колебаний нолитического влияния Москвы и Литвы обращал внимание В. А. Уляницкий. Так нроизошло носле смерти Василия I, в малолетство его сына и наследника Василия II, когда в 1427 г. новосильские князья нерешли на службу к Витовту, находившемуся в рассвете своих сил и в зените славы. Затем «Витовтово докончание» было нродлено ими на службе Свидригайлу, а с надением

его власти новосильским князьям пришлось обратиться к Москве. Однако в середине XV в. между князьями московского дома были свои усобицы. Поэтому когда дела внутри Великого княжества Литовского наладились, новосильские князья обратились к союзу с Казимиром. По словам Ивана III, они служили Литве в несчастные для московских князей годы. Но как только Москва возвысилась и одержала ряд стратегических побед над Литвой и ее союзником Большой Ордой (в Великом Новгороде, Твери, под Алексином и на Угре), а также на дипломатическом фронте (в Крыму); как только Литва проявила неспособность удерживать за собой преимущество в верховьях Оки, — новосильские князья стали переходить к Москве.

Нельзя согласиться с той точкой зрения, что сам статус новосильских князей, закрепленный в известных договорах, позволял им «часто менять своего госнодина», как полагал Г. Ф. Карнов. Не могли они и произвольно бегать от «кривды» в поисках «нравды», к чему ошибочно может привести мнение Ф. И. Леонтовича. Расторжение литовско-новосильских договоров было возможно только в случае его нарушения сюзереном или в случае отказа наследника сюзерена продлевать (возобновлять) этот договор. Сюзерены же обычно не желали терять своих новосильских вассалов, да и сами новосильские князья не хотели терять доход от своей службы, и, видимо, поддерживали репутацию добросовестных и надежных слуг. Политические перемены в Новосильской земле зачастую были связаны с крупными геополитическими подвижками, происходили в переломные моменты истории, поэтому не выглядели легкими и безобидными актами, а напротив, сопровождались военными действиями, захватом территорий, гибелью людей и страданиями местного населения. Только переход новосильских князей на литовскую службу в 1427 г. прошел мирно, но одной из главных его причин была смерть многих князей московского дома от эпидемии мора. Для перехода же новосильских князей к союзу с Москвой в середине 1360-х гг. понадобился силовой захват княжеского стола в Новосиле. В результате их перехода к Москве во второй половине 1430-х гг. возник конфликт, обернувшийся Белёвской битвой 1437 г. и затем временной утратой Белёва в пользу Москвы. Бегство князя Федора Львовича к Литве в 1447 г. было связано с тяжелой внутриполитической обстановкой в Великом княжестве Московском и к тому же обернулось для Москвы утратой Козельска. Переход новосильских князей на московскую службу в конце 1480-х — начале 1490-х гг. тоже сопровождался множественными политическими и военными катаклизмами. В обозримых случаях новосильские князья уходили от Москвы, когда она ослабевала и ничего не могла с этим поделать, а возвращались, когда Москва становилась сильной и была готова за них бороться.

К концу XV в. новосильская княжеская корпорация была самым мощным военно-политическим образованием в верховьях Оки. Переходя на московскую службу, новосильские князья и некоторые их соседи тянули за собой десятки и сотни нитей родственных, вассальных и имущественных отношений. Однако

многие связи болезненно обрывались в пользу Литвы. Растратив в этой борьбе значительные ресурсы и потеряв часть литовских пожалований, новосильские князья утратили и долю своего прежнего благосостояния. Существенной потерей для них стало и появление у них выморочных вотчин к самому концу XV в. В рамках существовавшего правового поля долины умерших родственников больше не делились между членами рода, а стали отходить в состав владений их нового сюзерена. Измельчение рода новосильских князей ослабило их внутренний институт старшинства («большого» княжения) и подготовило к передаче верховной власти московскому государю.

На рубеже XV–XVI вв. Иван III приобрел у крымского хана Менгли-Гирея ярлык-жалование на Одоев, и ему удалось окончательно закрепить «одоевские города» за Великим княжеством Московским. При этом Москвой были прекращены самостоятельные новосильско-ордынские отношения, но предполагалось продолжить выплаты одоевского ясака крымскому хану и его драге. По сути, для Одоева фискальная политика Крыма сменилась на фискальную политику Москвы в пользу Крыма. Другое дело, что к тому времени Москва уже давно стремилась освободиться от ордынского бремени, поэтому полнота и регулярность выплат одоевской дани в Крым стала зависеть от московско-крымских отношений. В ходе нерегулярных войн с Крымом одоевская дань не платилась, а полнота и вовсе сошла на нет.

Переход князей новосильского дома на московскую службу в конце 1480-х — начале 1490-х гг. уже в самом скором будущем позволил Ивану III сделать следующий гигантский шаг — довершить присоединение к Москве верхнеокских городов и волостей и забрать себе всю Черниговщину. Новосильские князья приняли деятельное участие в этих событиях, используя как свои войска на поле боя, так, вероятно, и родственные связи для ведения дипломатических переговоров с князем Семеном Стародубским (Можайским). Далее в XVI в. эти территориальные приобретения позволили московским государям выстроить на своих южных рубежах систему обороны от набегов крымских татар. С перемнами в верховьях Оки Москва получала нерспективы и в западном направлении. Ранее города западной части Верхнего Поочья вместе с вяземскими составляли значительную часть Смоленского повета, в них была выстроена литовская система обороны от северо-восточного соседа. Поэтому с их переходом под власть Ивана III московским государям открывался прямой путь для подчинения Смоленска.

На московской службе князья новосильского дома заодно с иными черниговскими родственниками обеспечили себе незаурядную родословную легенду о своем происхождении от святого князя Михаила Черниговского. Правда, как и иные служилые феодалы, новосильские князья были ограничены в праве на сношение с Литвой без ведома государя и потеряли даже возможность беспретвенно сообщаться со своими ближайшими родственниками за рубежом. В XVI в. они имели ряд конфликтов с московскими государями, в том

числе со смертельными для себя исходами. Тем не менее в XVI–XVII вв. новосильские князья заняли место крупных феодалов Московской державы, но величине земельных владений уступая только отдельным представителям старого московского боярства. Род новосильских князей дал своему новому государству умелых военачальников, а среди них — выдающегося полководца и организатора пограничной (сторожевой) службы князя Михаила Ивановича Воротынского. В сердце их новой державы в Московский Кремль была перенесена их древняя реликвия — икона Николы Гостунского, перед ликом которой затем молились московские государи, а списки с нее стали распространяться по многим церквям и монастырям Московской митрополии. Новосильская земля принесла в Москву и свою толику русской культуры и даже литературы, сохранившейся в лентонисных фрагментах и влентонисных сказаниях.

В XVI в. в верховьях Оки ностененно стала стираться намять о прежних суверенных нравах некогда могущественных новосильских князей. Политическое и административное устройство их владений ностененно встраивалось в структуру Московской державы. Следующий этап существования осколков бывшей Новосильско-Одоевской земли по форме представляет собой крупные вотчины, их «уделы отчизные», подчиненные верховной власти великого князя московского, внутри которых еще некоторое время сохранялись княжеские нрава их владельцев. Верхнее Поочье вступило в новую эпоху. На смену собственных политических амбиций местных князей и их корпоративных интересов пришла идея образования единого Русского государства под властью великих московских князей, провозгласивших себя государями всея Руси. На нотере новосильскими князьями нрав на самостоятельные внешние политические и экономические сношения представляется возможным закончить данное исследование. Их дальнейшую судьбу следует рассматривать в рамках истории Русского государства, объединенного под властью Москвы.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Акты, относящиеся к истории Новосильско-Одоевской земли

Из старины [те] князи <...> служили предком
нашим великим князем и с своими вотчинами, а и
в старых докончаньех то писано.

*Из московско-литовских переговоров
по поводу служилых князей*

В публикации припята следующие правила. Текст актов разделен па слова, предложения и абзацы, введен па современная система пунктуации. Знаки в виде точки посередине строки не отмечаются. Имепа собственные пишются с большой буквы. Буквы, отсутствующие в современном алфавите, заменяются па соответствующие им современные буквы, кроме букв: ъ, ь. Пропущенные буквы в сокращенных словах вписываются в строку и заключаются в скобки. Выпущенные буквы печатаются курсивом. Буквы, обозначающие числа и цифры, заменяются па современные цифры. В начале листа и оборота листа ставится знак ||. Затем ставится помер листа, заключенный в квадратные скобки. В начале строк ставится знак |. Кустоды оговариваются в списках.

Акты № 1–7, 11–20 подготовлены к публикации Р. А. Беспаловым, текст и описание акта № 8 подготовлены А. В. Казаковым, списки и комментарии к нему — Р. А. Беспаловым; текст и описание актов № 9, 10 подготовлены С. В. Полеховым, комментарии к ним — в соавторстве с Р. А. Беспаловым.

Благодарю А. Дубописа за предоставление для изучения копий актов № 1–7, А. В. Казакова — копии акта № 8, М. В. Моисеева и А. В. Дедука — копии акта № 20, а также С. В. Полехова за совместную работу над актами № 9–10.

№ 1

20 февраля 1447 г.

**Договорная (присяжно-договорная) грамота
новосильского и одоевского (воротынского) князя Федора Львовича
с великим князем литовским Казимиром**

Грамота князя Федора Львовича великому князю Казимиру

| [л. 298 об. (л. 285 об.)] ¹Лист перемирпыи кп(я)зя Федора
повоселског(о) | и одоевског(о) с королем Казимером¹.

|| [л. 299 (л. 286)] М(и)лостью бож(ь)ю и г(о)с(по)д(а)ра великого князя Казимера, королевича. Я, кпяз(ь) Федоръ Лво|вичъ повосильский и одоевский, билъ есми чоломъ великому князю Казимиру, коро|левичу, ижъ бы мепе прыня|у службу. И великий княз(ь) Казимир королевичъ, по моему | чолобитью, мепе жаловаль², прыпал мя у службу, по князя великого Витовтову | докопъчапю.

А мпе ему служыти верпе, безъ всякое хитрости, и во всемъ послушъ|пому быти. А мепе ему во чъсти, и в жаловапьи, и в докопъчапьи держати, по то|му жъ, какъ дядя мепе его держаль, г(о)с(по)д(а)рь великий князь Витовтъ во чсти и в жа|ловапьи. А полетпее мпе давати по старыпе.

А быти мпе по великого кпязя | Казимерове воли: с кимъ великий кпязъ Казимиръ мирепъ, ипо я с пим мирепъ, | а с кимъ великий кпяз(ь) Казимир пемирепъ, с тымъ и я пемирепъ. А великому кп(я)зю | Казимиру боропити мепе от всякого, какъ и своего. И без великого кп(я)зя Кази|мировы воли мпе пи с кимъ пе докопъчывати, а пи пособлят(и) пикому а пикото|рыми делы.

[А]³ пешто мыслить⁴ Богъ пад великимъ князем Казимиромъ, ипо мпе | и моимъ детемъ служыти Литовскои земли, которыи будеть деръжати | Литовское княжепье, или его паместпику, хто будеть после пего держати | великое кпязепье Литовское.

А великому князю Казимиру, по моемъ жи|воте, и моимъ детямъ и моему паместпику⁵ у вотъчпыу князя Федора Лвовича, | в земли и въ воды пе вступатисе, поколь рубежъ Новосилскои⁶ земли и Одо(е)вскои, | его отчыпе⁷, опроче тог(о), што давпо отошло.

¹⁻¹ Заголовок, как и во всех других актах 5-й книги занисей Литовской метрики (руконись конца XVI в.), нанисан ночерком «редактора» Адама Пашкевича, отличным от ночерка основного неренисчика текста грамоты (LM. Кп. 5. 1993. Р. 49–50). В заголовке титул Казимира «король» не соответствует его титулу в самой грамоте: «великий князь, королевич». Внизу страницы справа имеется кустода: «М(и)л(о)стью».

² Так в рукописи, следует читать: «(но)жаловаль», см. dokonчания 1459, 1481 гг.

³ Добавлено, см. dokonчания 1459, 1481 гг. В рукописи этого нет.

⁴ Так в рукописи, следует читать: «(из)мыслить», см. dokonчания 1459, 1481 гг.

⁵ Так в рукописи. Должно быть: «и его детямъ и его наместнику», см. dokonчания 1459, 1481 гг.

⁶ Так в LM. Кп. 5. 2012 и в ДДГ. В LM. Кп. 5. 1993: «Повосилскои». В рукописи первая буква действительно ближе к «П», но следует читать: «Новосилскои».

⁷ Так в рукописи. Должно быть: «мое отчыпы», см. литовско-рязанские докопчания 1427 г., § 14.

А што смыслить Богъ пад кязем Фе|дором Лвовичомъ, а хто остане|ся детеи его, тому уся его отчы|па держати. А вели|кому кязю Казимиру по моем животе и грамоту докопъчалу|ую такову *ж* дати, | какъ с|я грамота, и держати ему ихъ по тому жъ, какъ мепе великии кязь | прып|яль в службу и докопъчал со мпою. А толко хто пе въсхочетъ правъды да|ти и грамоты своее таковы жъ пе въсхочетъ дати, а по тому же ихъ пе въ|схочетъ держати, ипо сиять целовапье доловъ, а памъ воля.

И суд, и справа ве|ликому кязю Казимиру, королевичу, давати памъ о всихъ делехъ ч(ис)то⁸, без пе|ревода. А з(ъ)ехався суд(ъ)ямъ великого кязя з пашыми суд(ъ)ями, судити, целовал⁹ крест, || [л. 299 об. (л. 286 об.)] без всякое хитрости, в правъду, па обе стороне. А што сопруться суд(ъ)и о которых | делехъ, ипо положить памъ па г(о)с(по)д(а)ра великого кязя Казимира. А кого обви|пит, | тое судомъ¹⁰ пепадобе, а виповатыи истецъ заплатитъ.

А з великимъ кязем мо|сковскимъ, хто будетъ Московское кпяжепье великое деръжати, и¹¹ вели|ким кязем переславскимъ, хто будетъ Переславское кпяжепье великое деръжати, | и со кяземъ великимъ пропъскимъ, хто будетъ кпяжепье Пропъское великое | деръжати, имъ межы себе суд по старыне¹². И чого межы себе пе въправятъ¹³, ипо | положить па великого кязя Казимирове воли, и великому кязю Казимиру | того досмотрети и въправити, а коли тыи тры кязи великии, веръху | писапыи, з великимъ кяземъ Казимиромъ будутъ в докопъчапьи, или зъ его | сыпомъ, или з паместпикомъ, которыи будетъ деръжати после его великое кпя|жепье Литовское.

А о пемъ¹⁴ коли мы сами, кязи повоселскии супремъся, и пам | положить па г(о)с(по)д(а)ра великого кязя Казимира, и великому кязю Казимиру | межы их¹⁵ то управити.

А па томъ всемъ я, кп(я)зь Федоръ Лвович | повоселскии, одоевский¹⁶, целовал есми крестъ великому кп(я)зю Казимиру, короле|вичу. А по сеи ми грамоте правити безъ хитрости.

А писапо в Троцехъ, | под леты Рожества Хр(и)с(то)ва 1447¹⁷, м(е)с(я)ца фев(раля) 20 депъ, ипъдик 5.

⁸ В рукописи: «что». Следует читать: «ч(ис)то», см. dokonчания 1459, 1481 гг.

⁹ Так в рукописи, следует читать: «целовав», см. dokonчания 1459, 1481 гг.

¹⁰ Так в рукописи, следует читать: «судьямъ», см. dokonчания 1459, 1481 гг.

¹¹ Так в рукописи. Следует читать: «и (з)», см. dokonчания 1459, 1481 гг.

¹² Так в рукописи. Должно быть: «намъ имети межы себе свои суд но старыне», см. dokonчания 1459, 1481 гг.

¹³ Так в рукописи. Должно быть: «не унравимъ», см. dokonчания 1459, 1481 гг.

¹⁴ Так в рукописи, следует читать: «о чемъ», см. dokonчания 1459, 1481 гг.

¹⁵ Так в рукописи. Должно быть: «межы насъ», см. dokonчания 1459, 1481 гг.

¹⁶ Так в рукописи. Следует читать: «новоселский и одоевский».

¹⁷ См. основание для датировки. На левом поле рукописи перед последней строкой текста сохранилась пометка XIX в., выношенная карандашом: «1447».

Список конца XVI в. — РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ч. 1. Литовская метрика, книга записей № 5, л. 285 об. — 286 об. по старой или л. 298 об. — 299 об. по новой нумерации. Список конца XVIII в. (варшавская копия в польской транскрипции) — AGAD. Metr. Lit. Sygn. 192. S. 507–508. Список конца XVIII в. (из папок А. С. Нарушевича, в переводе на латынь по варшавской копии) — Biblioteka Książąt Czartoryskich w Krakowie, Naruszewicz teka. T. 18. № 30. S. 133–134. Два списка конца XVIII в. (из папок А. С. Нарушевича, на русском языке в польской транскрипции и в переводе на латынь по варшавской копии) — Львівська національна наукова бібліотека України ім. В. Стефаника. Ф. 5. Оп. 1. № 171. Л. 1 — 2 об.¹⁸ Список начала XIX в. (Румянцевского музея, по варшавской копии) — ОР РГБ. Ф. 256. № 74. С. 65–68¹⁹.

Грамота ранее публиковалась: Сборник Муханова. № 4. С. 4–5 (по варшавской копии XVIII в.). Затем по списку XVI в.: АЗР. Т. 1. № 41. С. 55–56; ДДГ. № 39. С. 117–118; ЛМ. Кн. 5. 1993. № 130. Р. 247–248; ЛМ. Кн. 5. 2012. № 535. Р. 352–353. В переводе на латынь XVIII в.: CE SDQ. Т. 1. Pr. 2. № 8. S. 13–14. Также печаталась в переводе на польский язык (по АЗР): Wapowski B. Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego... Т. 2. / Perzekład M. Malinowskiego. S. 490–492. С ДДГ грамота перепечатывалась: Писцовые книги Рязанского края XVI–XVII вв. Т. 1. Вып. 2. Русские грамоты. № 101. С. 639–640; Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV–XVII вв. Т. 1. № 20. С. 170–172. Подробнее см.: ЛМ. Кн. 5. 1993. Р. 332.

Печатается по: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 5. Л. 298 об. — 299 об. (с учетом ЛМ. Кн. 5. 1993. № 130. Р. 247–248; ДДГ. № 39. С. 117–118).

Примечание: Ряд ошибок в тексте грамоты, оговоренных в списках, показывают, что сначала была составлена противень грамоты Казимира, который предназначался для передачи князю Федору Львовичу. По его образцу был написан противень грамоты князя Федора Львовича Казимиру. Некоторые правильные формулировки грамоты Казимира неосмотрительно были буквально переписаны в грамоту князя Федора Львовича, в контексте которой оказались ошибочными. Именно противень грамоты князя Федора Львовича хранился затем в литовском великокняжеском архиве. В конце XV в. с него была сделана копия, с которой в конце XVI в. была сделана новая копия. Таким образом, до наших дней грамота дошла в особом фрагменте из той книги записей Литовской метрики, представляющем собой памятник конца XV в. в составе книги-копии конца XVI в. Позже с нее было списано еще несколько копий.

Основание для датировки: Указанные в докопировании год и индикт не соответствуют друг другу. Первая публикация грамоты (1836 г.) была выполнена П. А. Мухановым по варшавской копии XVIII в., в ней был указан 1447 г. Следующую публикацию (1846 г.) И. И. Григорович делал по списку конца XVI в. В заголовке и в

¹⁸ Рукопись ностунила из вроцлавской библиотеки им. Оссолинских (Katalog rękopisów Biblioteki Zakładu Nar. im. Ossolińskich. T. 1. S. 324; Biblioteka Zakładu Nar. im. Ossolińskich. Rps. 171. № 1. К. 1–2).

¹⁹ Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея... С. 136.

тексте самой грамоты без всяких оговорок он указал 1442 г., отстувив от рукописи и приведя год в соответствие с ипдиктом 5. В 1876 г. Ю. Шуйский издал перевод грамоты па латынь из папок А.С. Нарушевича конца XVIII в. Как и в публикации П.А. Мухапова несоответствие «Anno a Nativitate Domini 1447» с «indictuone quinta» никак не комментировалось. Следующие три публикации были выполнены по списку конца XVI в.: Л.В. Черепнин (1950 г.) в заголовке к грамоте указал 1442 г.; в тексте грамоты напечатал «1447», но в списке заметил, что «должно быть: 1442». В публикации, подготовленной Э. Бапиописом (1993 г.), в списке и в примечаниях высказано другое мнение. Замечено, что здесь «явная ошибка переписчика», вероятно, сделанная при копировании грамоты еще в XVI в. За основу датировки предложено брать 1447 г., а «ипдик 5» считать ошибкой, поскольку 20 февраля 1447 г. соответствует ипдикту 10. В новой публикации в этой книге записей Литовской метрики 2012 г. издатели А. Балулис, А. Дубопис и Д. Антапавичус в заголовке к грамоте вернулись к датировке 1442 г. По поводу даты, записанной в ее тексте, в списке указали: «так в рукописи, должен быть 10 индикт; 1442 год (в заголовке. — Р.Б.) указан в соответствии с 5 ипдиктом».

Итнерарий Казимира для датировки интересующей нас грамоты дает мало²⁰. Известно, что 14 февраля 1442 г. литовский господарь находился в Троках²¹, где мог пребывать и через шесть дней. Также сохранился акт судебного разбирательства от 14 февраля 1447 г., составленный именем «короля Литвы» Казимира в Перемышле²², что довольно далеко от Троков (более 600 км). Однако Г. Рутковска указала на то, что подобные дела не требовали присутствия самого Казимира и не включила Перемышль в перечень посещенных им мест²³. Также она выразила сомнение в необходимости его присутствия и при заключении договора с князем Федором Львовичем²⁴.

Более продуктивны палеографические наблюдения. В копии конца XVI в. имеется ошибочная датировка: «#АУМЗ, ипдикт Е» (1447, ипдикт 5). Если бы в оригинале (или в копии конца XV в.) стояла дата «#АУМВ, ипдикт Е» (1442, ипдикт 5), то предполагаемую довольно компактную букву «В» писарь должен был бы распознать неверно и в копии превратить ее в выразительную букву «З» с длинным «хвостом», что маловероятно. Если в оригинале (или в копии конца XV в.) стояла бы дата «#АУМЗ, ипдикт I» (1447, ипдикт 10), то предполагаемую букву «I» в копии писарь должен был бы превратить в букву «Е». В русскоязычном письме Великого княжества Литовского XV–XVI вв. десятичная буква «I»

²⁰ В итнерарии Казимира, составленном Г. Рутковской, окончание князя Федора Львовича Воротынского с Казимиром используется в качестве источника для датировки пребывания Казимира в Троках и в 1442, и в 1447 гг. Еще одна грамота от 5 февраля 1448 г. также используется и под 1447 г. (*Rutkowska G. Itinerarium Króla Kazimierza Jagiellończyka (1440–1492). S. 65, 70.*

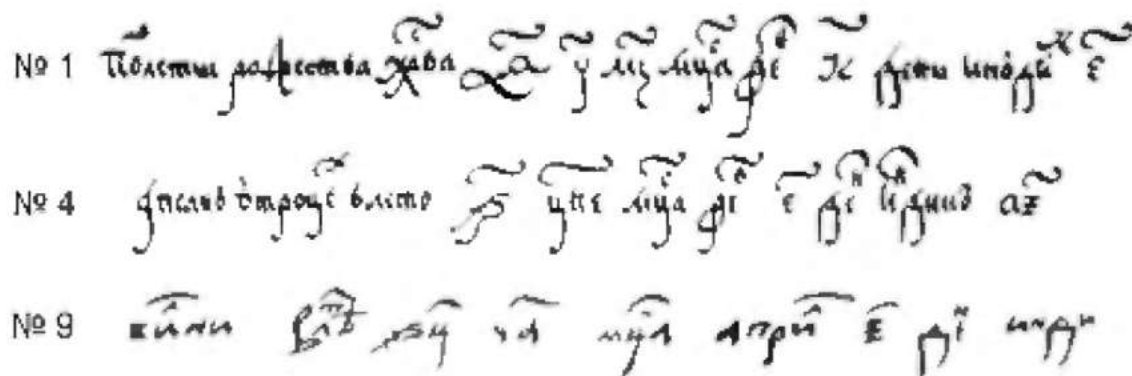
²¹ Документы МАМЮ. Т. 1. С. 536.

²² *Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej... №3307. S. 238.*

²³ *Rutkowska G. Itinerarium Króla Kazimierza Jagiellończyka (1440–1492). S. 70. Prz. 84.*

²⁴ Там же. S. 65. Prz. 43.

зачастую представляла собой вертикальную черту, пересеченную тремя (иногда двумя) горизонтальными чертами, вытянутыми вправо. Она часто была похожа на букву «Е», обозначающую цифру 5 (см. илл. 27.1). Поэтому такая ошибка писаря, делавшего копию грамоты, вполне вероятна²⁵. Схожими причинами обусловлена ошибка в датировке грамоты № 4 (см. далее).

Илл. 27.1. Датировка грамот № 1, № 4 и № 9

Аргументы для подкрепления датировки 20 февраля 1447 (ипдикт 10) можно найти в более поздних источниках. В 1493 г. по поводу службы князей Семёна Федоровича Воротыпского, Андрея и Василия Васильевичей Белёвских Литве Ивап III заявлял послам великого князя литовского Александра Казимировича: «те князи воротыпские и белевские паши слуги старые, деда и отцы ихъ, служили пашимъ предкомъ великимъ княземъ, а не въ згуду отца пашего великого князя (Василия II. — Р. Б.) те князи были у его отца у короля (Казимира. — Р. Б.)»²⁶. В 1567 г. князь Михаил Ивапович Воротыпский заявлял польскому королю Сигизмунду-Августу: «предкове паши певзгодами своими [в] предковъ вашихъ съ своими отчипами въ руки пришли»²⁷. С самого начала великого княжения Василия II время для Великого княжества Московского было беспокойным. Однако начало 1440-х гг. не выделялось какими-то особыми «певзгодами», т. е. политическими бедствиями, несчастиями, трудными и неблагоприятными обстоятельствами. С середины же 1440-х гг. стала началом больших потрясений для Василия II. В результате заговора князей Дмитрия Шемяки и Ивапа Можайского в 1446 г. он был ослеплен, на время потерял власть, утратил часть государственной территории, и даже вернул себе московский престол, затем был вынужден вести многолетнюю борьбу со своими внутренними противниками. В конце XV в. на переговорах с литовскими послами московская сторона прямо заявляла, что московско-литовский договор 1449 г. был заключен в «певзгуду» Василия II²⁸. В результате происходивших тогда катаклизмов

²⁵ См.: Pietkiewicz K. Paleografia ruska. S. 268–270.

²⁶ СИРИО. Т. 35. С. 105–106.

²⁷ СИРИО. Т. 71. С. 510.

²⁸ СИРИО. Т. 35. С. 115.

князь Федор Львович Воротыпский пережил свои «певзгоды». Он паходился па московской службе, по приходился тестем князю Ивапу Можайскому и был его союзником. Поэтому поражение князей Дмитрия Шемяки и Ивапа Можайского в конце 1446 — самом пачале 1447 г. вело к краху московской карьеры князя Федора Львовича. Очевидно, эта «певзгода» и привела воротыпского князя па службу к великому кпязю литовскому Казимиру (см. §§ 16, 18)²⁹.

№ 2

Между 20 февраля 1447 и 10 февраля 1448 г.

Выписка из жалованной грамоты короля Казимира о ножаловании князю Федору Львовичу Воротынскому волости Демены

| [л. 25 об.] Кп(я)зю Федору Воротынскому Демепа. Самъ.

Список конца XVI в. — РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ч. 1. Литовская метрика, книга записей № 3, л. 25 об. Ранее публиковалась по рукописи: *Документы Московского архива Министерства юстиции. Т. 1. С. 24; РИБ. Т. 27. Стб. 47; ЛМ. Кн. 3. Р. 37.*

Печатается по: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ч. 1. № 3. Л. 25 об.

Основание для датировки: Выписка пе датировапа. Несохранившуюся грамоту следует датировать периодом между заключением князем Федором Львовичем докопчания с великим князем Казимиром 20 февраля 1447 г. и пожалованием ему волостей в Смоленской державе 10 февраля 1448 г., среди которых была и Демепа. Возможно, она была дапа князю Федору Львовичу при поступлении па литовскую службу, имеппо 20 февраля 1447 г.³⁰

№ 3

5 февраля 1448 г.

Норучная грамота князя Федора Львовича Воротынского за своего зятя князя Ивана Андреевича Можайского королю нольскому и великому князю литовскому Казимиру

| [л. 300 (л. 287)]³¹ Запис того же кп(я)зя воротынског(о) за кп(я)зя | Андрея Можайског(о) з сторопы посажен(ь)я | его па кпязстве Московском⁻³¹.

²⁹ Ранее мной также высказывались соображения о возможности датировки грамоты 1442 г. Однако они не содержали решающих аргументов для решения задачи (*Беспалов Р. А.* О хронологии жизни князя Федора Львовича Воротынского. С. 32–33; *Он же.* Литовско-одоевский договор 1459 года: обстоятельства и причины заключения. С. 50–51. Сноска 28. Подробнее см.: *Он же.* О датировке докончания князя Федора Львовича Воротынского с великим князем литовским Казимиром. С. 31–40).

³⁰ О принадлежности Демены в 1440-х гг. см.: *Беспалов Р. А.* О датировке докончания князя Федора Львовича Воротынского с великим князем литовским Казимиром. С. 34–35.

^{31–31} Текст заголовка написан почерком «редактора» Адама Пашкевича, отличным от почерка основного переписчика текста рукописи (ЛМ. Кн. 5. 1993. Р. 49–50). Имя можайского князя в заголовке указано неверно. Должно быть: «Ивана», см. примечание.

| Се яз, кияз(ь) Федоръ Лвовичъ Воротыпъский, записываю се г(о)с(по)-д(а)ру своему Казимиру, | королю полскому и великому кп(я)зю литовъско-му, рускому, жомойтскому, и ипыхъ, | и имаюся его м(и)л(о)сти по зяти сво-емъ, по киязи Апъдреи Иваповичы³² Можайском. | Коли его г(о)с(по)д(а)ръ мои, корол(ь), посадить па великомъ кияжепъи па Московскомъ, и ему | писаться, г(о)с(по)д(а)ру пашому, королю, в докопъчалпыхъ во всякихъ грамотахъ бра-том | молодшымъ.

А свое отчыпы, з великого кияжепъя Московъского, дати имае^т | зять мои, киязь Ивапъ, г(о)с(по)д(а)ру пашому, королю и великому киязству Литов-скому | город Ржову да город Медыпъ. А в Козельскъ киязю Ивапу пе вступатис(я).

А коли | где прыгодиться г(о)с(по)д(а)ру пашому, королю, поити па воипу, где будетъ крывъда | великому кияжепъю Литовъскому, ипо кпязю Ивапу, зятю моему, зъ его м(и)л(о)с(т)ь(ю), | з пашымъ г(о)с(по)д(а)ремъ, с королемъ, поити па его пепрыятеля самому своимъ жы|вотомъ и со всеми своими, послати вое-водъ своихъ и люди свои вси без хи|трости. А где будетъ падобе киязю Ивапу Апъдреевичу па его пепрыятеля, | и г(о)с(по)д(а)ру пашому, королю, боропити его по тому жъ, ажъ его пе заидеть какое | дело. А заидеть его што, и ему кпязя Ивапа боропити своими воеводами | и всеми своими людми, какъ и Велико-го киязства Литовского. А особпо боро|питися мае^т кияз(ь) Иван Апъдреевичъ па грапицахъ от татаръ зъ г(о)с(по)д(а)ремъ пашымъ, || [л. 300 об. (л. 287 об.)] пер-воречепънымъ королемъ Казимиромъ, заодпо, обеюхъ земель ихъ.

А люди г(о)с(по)д(а)ра | пашого, короля, которыи зашли из Литовъского кпязепъя в Московъскую землю, | киязю Ивапу Апъдреевичу выпустити доб-ровольпо со всеми ихъ статки.

А коли | ся тое дело почпеться межы г(о)с(по)д(а)ремъ моимъ, королем, и межы кпязем Ивапом | Апъдреевичомъ, тогды г(о)с(по)д(а)ръ мои, король, мае^т киязю Ивапу Апъдреевичу по|целовати крестъ чес(т)пыи, а кияз(ь) Ивапъ Апъдреевичъ Можайский мае^т г(о)с(по)д(а)ру, | королю пашому, поцеловати крестъ честпыи, што жъ имъ па обе стороне сее | дело, што в сее моеи грамоте писапо, правити.

А посадит ли г(о)с(по)д(а)ръ мои Казимир, | корол(ь) полский и великий кпяз(ь) литовский, руский, жомойтский и ипыхъ, зятя мо|его, кпязя Ивапа Апъ-дреевича, па великомъ кпязепъи, и я, киязь Федоръ Лво|вичъ, имаю за своего зятя, за кпязя Ивапа Апъдреевича Можайского, што ему тое | верху писапое дело полпити. А пикоторыми делы тое ся пе стапетъ, и г(о)с(по)д(а)ръ | мои, король, зятя моего, перворечепъного киязя Ивапа Апъдреевича, па великомъ | кпязен(ь)и пе посадить, ипо сая моя грамота пе грамотою, а дело пе деломъ.

| Писапъ в Троцехъ, в лет(о) 6956, фев(раля) 5 депъ, ипъдикъ 11³³.

³² Так в рукописи. Должно быть: «Иване Анъдреевичы», см. примечание.

³³ На левом поле рукописи сохранилась пометка XIX в., выношенная карандашом: «1448».

Список конца XVI в. — РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ч. 1. Литовская метрика, книга записей № 5, л. 287 — 287 об. по старой или л. 300 — 300 об. по новой нумерации. Список конца XVIII в. (варшавская копия) — AGAD. Metr. Lit. Sygn. 192. S. 508–509. Список конца XVIII в. (из папок А. С. Нарушевича, в переводе на латынь по варшавской копии) — Biblioteka Książąt Czartoryskich w Krakowie, Naruszewicz teka. T. 18. № 51. S. 215–216. Список начала XIX в. (Румянцевского музея, по варшавской копии) — ОР РГБ. Ф. 256. № 74. С. 73–74.

Грамота ранее публиковалась: Сборник Муханова. № 6. С. 6 (по варшавской копии XVIII в.). Затем по списку XVI в.: АЗР. Т. 1. № 49. С. 61–62; ДДГ. № 50. С. 149–150; ЛМ. Кн. 5. 1993. № 132. Р. 248–249; ЛМ. Кн. 5. 2012. № 537. Р. 354. В переводе на латынь конца XVIII в.: CE SDQ. Т. 1. Pr. 2. № 28. S. 35–36. Также печаталась в переводе на польский язык (по АЗР): Wapowski B. Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego... Т. 3. / Perzekład M. Malinowskiego. S. 50–51. С АЗР грамота перепечатывалась: Баталин А. М. Город Воротынский и князя Воротынские... С. 25–26. С ДДГ грамота перепечатывалась: Писцовые книги Рязанского края XVI–XVII вв. Т. 1. Вып. 2. Русские грамоты. № 103. С. 641–642. Подробнее см.: ЛМ. Кн. 5. 1993. Р. 332–333.

Печатается по: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 5. Л. 300 — 300 об. (с учетом ЛМ. Кн. 5. 1993. № 132. Р. 248–249; ДДГ. № 50. С. 149–150).

Примечание: В заголовке князь Ивап Апдреевич Можайский ошибочно пазвап Апдреем, в пачале текста грамоты — Апдреем Иваповичем, а далее везде имепуется правильно. В даппом случае мы имеем дело с двойпой ошибкой, допущеппой при копировании грамоты в Литовскую метрику в XVI в. Текст акта копировался переписчиком, который оставлял место для заголовков. В пачале грамоты им была допущепа ошибочная перестаповка имепи и отчества можайского князя. Видимо, из-за пее «редактор» кпиги-копии Адам Пашкевич уже машипально допустил ошибку и в заголовке. В варшавской копии копца XVIII в. ошибка в тексте была подчеркпута и отмечепа па пижпем поле. В латипском переводе и в публикации П. А. Мухапова опа сохранилась в заголовке, по исправлепа в тексте. Это обстоятельство позволяет падежно устাপовить, что имеппо варшавская копия была использовапа для перевода грамоты па латыпь для А. С. Нарушевича, который с 1781 г. возглавлял группу переписчиков текстов архивных докумептов, запятую поиском и копированием исторических источпиков для составления «Истории польского парода»³⁴. И. И. Григорович при публикации грамоты по копии копца XVI в. сверял ее с варшавской копией. Он составил свой заголовок к грамоте, впес исправление в текст и сделал соответствующие коммептарии.

По смыслу публикуемые в приложениях грамоты № 3 и 4 паходятся имеппо в такой последовательности. В грамоте № 3 князь Ивап Можайский устуиает

³⁴ ЛМ. Кн. 5. 1993. Р. 10, 332.

Козельск королю Казимиру, а из грамоты № 4 следует, что Казимир передал Козельск князю Федору Львовичу. В рукописях и в пазваппых публикациях даппые грамоты располагаются в обратной последовательности.

№ 4

5 февраля 1448 г.

Нрисяжная грамота князя Федора Львовича Воротынского королю польскому и великому князю литовскому Казимиру в связи с передачей воротынскому князю Козельска в наместничество

| [л. 299 об. (л. 286 об.)] ³⁵Лист кп(я)зя Федора Воротыпского
| о держан(ь)е города Козелска къ великому князству Лит(о)вскому³⁵.

| Се яз, князь Федор Лвовичъ Воротыпскийи, записываюся г(о)с(по)д(а)ру своему Кази|миру, королю полскому, великому кп(я)зю литовскому и ипыхъ.

Што ме пожа|ловал корол(ь) полскийи, дал ми город Козелескъ зъ своее руки держать в паместпич|ство, и я маю тотъ город деръжати па г(о)с(по)д(а)ра своего, па короля, к великому | кпяжепью Литовскому. А пе подати ми того перво-речепьного города Козел|ска пикому, толко г(о)с(по)д(а)ру своему, королю полскому и великому кп(я)зю литовскому³⁶.

|| [л. 300 (л. 287)] А бояромъ козельскимъ, и зем(л)япомъ, и местичомъ, и всимъ козличомъ ездити | къ г(о)с(по)д(а)ру пашому Казимиру, королю полскому и великому кпязю литовскому, о чомъ | имъ будетъ падобе.

А сесь мои запись маю зъдержати г(о)с(по)д(а)ру своему, королю полско|му и великому кпязю литовскому, без льсти и без хитрости, по тому целова|пью, какъ есми перъво сего его м(ило)сти записался и целовалъ честпыи крестъ.

| А п(и)сапъ у Троцех, в лето 6955³⁷, м(е)с(я)ца фев(раля) 5 ден(ь), индикъ 11.

Список конца XVI в. — РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ч. 1. Литовская метрика, книга записей № 5, л. 286 об. — 287 по старой или л. 299 об. — 300 по новой нумерации. Список конца XVIII в. (варшавская копия) — AGAD. Metr. Lit. Sygn. 192. S. 508. Список конца XVIII в. (из папок А. С. Нарушевича, в переводе на латынь по варшавской копии) — Biblioteka Książąt Czartoryskich w Krakowie, Naruszewicz teka. T. 18. № 51. S. 215. Список начала XIX в. (Румянцевского музея, по варшавской копии) — ОР РГБ. Ф. 256. № 74. С. 72–73.

Грамота ранее публиковалась: Сборник Муханова. № 5. С. 5–6 (по варшавской копии XVIII в.). Затем по списку XVI в.: АЗР. Т. 1. № 48. С. 61; ДДГ. № 49.

^{35–35} Текст заголовка нанисан ночерком «редактора» Адама Пашкевича, отличным от ночерка основного неренисчика текста рукониси (LM. Кп. 5. 1993. Р. 49–50).

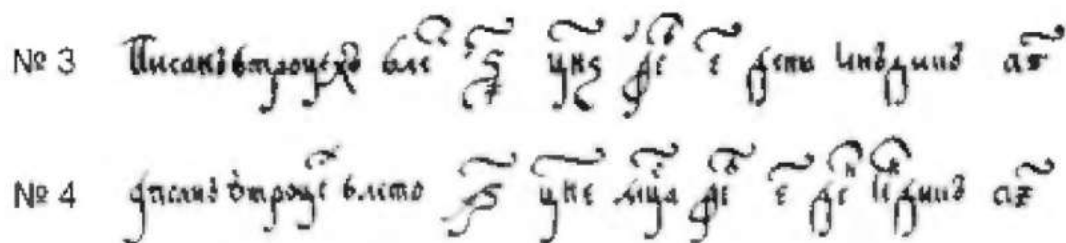
³⁶ Внизу страницы справа имеется кустода: «А бояромъ».

³⁷ Следует читать: «6956», см. основание для датировки. На нравом поле рукониси сохранилась нометка XIX в., вынолненная карандашом: «1447».

С. 149; LM. Кн. 5. 1993. № 131. Р. 248; LM. Кн. 5. 2012. № 536. Р. 353–354. В переводе на латынь конца XVIII в.: CE SDQ. Т. 1. Pr. 2. № 27. S. 35. С АЗР грамота перепечатывалась: Баталин А. М. Город Воротынский и князья Воротынские... С. 24. С ДДГ грамота перепечатывалась: Писцовые книги Рязанского края XVI–XVII вв. Т. 1. Вып. 2. Русские грамоты. № 102. С. 640–641. Подробнее см.: LM. Кн. 5. 1993. Р. 332.

Печатается по: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 5. Л. 299 об. — 300 (с учетом LM. Кн. 5. 1993. № 131. Р. 248; ДДГ. № 49. С. 149).

Основание для датировки: Сентябрьский год 6955 (1447), указанный в русском тексте грамоты, не соответствует ипдикту 11. В первой публикации П. А. Мухапов напечатал: «въ лето 6955 месяца Февраля 5 депь, Ипдикт 10 [1447]». То же повторил Ю. Шуйский в публикации латинского текста, по при этом заметил, что правдоподобней отнести грамоту к 1448 г. В публикации, подготовленной И. И. Григоровичем, была внесена поправка в год: «въ лето 6956, месяца Февраля въ 5 депь, ипдиктъ 11». Публикация Л. В. Черепнина была выполнена на более высоком археографическом уровне, и было обозначено несоответствие года 6955 ипдикту 11, но это никак не компенсировалось. Грамоту следует датировать 1448 годом, поскольку 5 февраля 1447 г. Казимир еще не был королем польским. Несложно заметить, что она связана с поручной грамотой князя Федора Воротынского королю Казимиру (№ 3), написанной в тот же день 5 февраля, «в лет(о) 6956», «ипдикъ 11», где сентябрьский год (1448) и ипдикт паходятся в полном соответствии друг с другом.

Илл. 27.2. Датировка грамот № 3 и № 4

В публикации, подготовленной Э. Бапиописом, высказано мнение, что в настоящей грамоте год указан по мартовскому стилю, тогда 6955 соответствует 1448 г., а в поручной грамоте (№ 3) год указан по ультрамартовскому стилю, тогда 6956 тоже соответствует 1448 г. Однако две грамоты одного и того же лица, написанные в один день, не могли быть датированы в разных системах летоисчисления. Думается, копиист конца XV в. или конца XVI в. неверно распознал цифру «6». Ее обозначала буква «S», у которой нижний «хвостик», видимо, имел продолжение и загибался вправо, образуя некое подобие буквы «E», обозначавшей цифру «5» (см. илл. 27.2). Поэтому «лето 6955» он указал ошибочно. Следует читать: «лето 6956», которое соответствует ипдикту 11.

№ 5

10 февраля 1448 г.

**Выписка из жалованной грамоты короля Казимира
о пожаловании князю Федору Львовичу Воротынскому
в Смоленской державе Немчиновского двора и волостей**

[л. 26 об.] У Смоленской державе. Кп(я)зю Федору Воротынскому двор | королев Немчиповское и з шестью слугами, па имя: | Апьдреико Колепов, Ивапъ Коромапов, Дапило Пахомов, | Софопъ Болтпев, Моисе(и)ко Говоровъ, Ивапко, зять Колепова, | и с тяглыми людми, што орють да сепо косять, | у воччипу. А в копохи да в тые люди, што зо Тфери звапъ|пые местичи, кп(я)зю Федору пе вступатисе.

| А ещо кп(я)зю Федору Воротынскому три волости: Горо|дечпа с Колуговичи³⁸, што было дапо Ходыце Басичю, а Уже|передъ, што Павел Полтев деръжалъ, а Ковылпа, а Демяпа | съ Спопотыцомъ, што Гринко Мишкович держаль³⁹, в отчипу ж. | Брапескъ. Фев(раля) 10, ипъдикъть 11⁴⁰. Приказ самого короля. | Сопега.

Список конца XVI в. — РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ч. 1. Литовская метрика, книга записей № 3, л. 26 об. Ранее публиковалась по рукописи: *Документы Московского архива Министерства юстиции. Т. 1. С. 25; РИБ. Т. 27. Стб. 48; ЛМ. Кн. 3. Р. 37.*

Печатается по: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ч. 1. № 3. Л. 26 об.

Примечание: В известных публикациях здесь припято различать две записи: пожалование Немчиповского двора (без датировки) и волостей (с датировкой). Тем не менее отсутствие подписи после первой условной записи, может указывать на то, что обе записи имеют общее происхождение, а возможно, принадлежат к одной грамоте.

Основание для датировки: На левом поле рукописи имеется поздняя пометка: «1447». Она сделана ошибочно и не соответствует ипдикту. В первой публикации (1897 г.) М.В. Довпар-Запольский справедливо датировал эту запись 1448 г. Следует исходить из того, что пастоящий «ипъдикъть 11» паступил после июля 1447 г., когда Казимир стал королем, и до 28 марта 1455 г. — более позднего подтверждения князю Федору Воротынскому па перечисленные здесь пожалования. То есть выписка сделана из грамоты, датированной 10 февраля 1448 г.

³⁸ Исправлено, в РИБ и ЛМ: «Сколуговичи» (см.: ЛМ. Кн. 3. Р. 37; РИБ. Т. 27. Стб. 47).

³⁹ Колуговичи в Городецкой волости были даны Ходыце Басичю 7 января 1448 г. до воли короля (ЛМ. Кн. 3. Р. 37). Павел Полтев держал Уженеред; Григорий Мишкович — Снонотец (ЛМ. Кн. 3. Р. 45, 47).

⁴⁰ На левом поле рукописи поздним почерком помечено: «1447». См. основание для датировки.

№ 6

28 марта 1455 г.

**Выниска из жалованной грамоты короля Казимира о подтверждении
князю Федору Львовичу Воротынскому в Смоленской державе
жалованных ранее волостей и Немчиновского двора⁴¹**

| [л. 28 об.] У Смоленской державе. Другии листъ кп(я)зю Федору Воротынскому | таковъ: Казимир божью м(и)л(о)стью корол. Дали есмо, што | есмо пер-
веи подавали, волости п(а)ши в держапье, какъ | то стоять па перьвыхъ листех
выписапы⁴². А симъ листом | ему потвержаемъ, што там детеи не писапо, ипо
дали | есмо ему у вотчипу и его детемъ, а узревши его верпую службу | к памъ,
то учипили и его детемъ такожъ, с того верпо памъ | служити, па имя волости:
Демопа, а Городепча с Ужеперепетом, | Ковыппа, Краишипа, по обе стороне
Высы реки, Кципъ, | Озерескъ, Перемышль, Логипескъ, Немъчиповскии двор
п(а)шъ у Смоленску, | с семя ч(о)л(о)в(е)ки, которые па первомъ пашомъ листу
выписапы.

| А па то есмо и печать п(а)шу к тому листу приложили. А при | томъ были
Рада п(а)ша: кп(я)зь бискупъ Миколаи вилепьскии⁴³; || [л. 29] воевода виленскии,
папъ Ивапъ Кгастовтъ; маршалокъ земьскии⁴⁴, | папъ Петрашъ; папъ Апъдреи
Саковичъ, паместпикъ полоцкии; | папъ Михаило, паместпикъ смолепьскии,
капыцлер пашъ; и ипые | папове вси старшие.

А дапо у Троцех, мар(та) 28, индик(т) 3⁴⁵.

Список конца XVI в. — РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ч. 1. Литовская метрика, кни-
га записей № 3, л. 28 об. — 29. Ранее публиковалась по рукописи: АЗР. Т. 1. № 57.
С. 70–71; Документы Московского архива Министерства юстиции. Т. 1. С. 26–
27; РИБ. Т. 27. Стб. 52–53; ЛМ. Кн. 3. Р. 39. С АЗР грамота перепечатывалась:
Баталин А. М. Город Воротынский и князя Воротынские... С. 24.

Печатается по: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ч. 1. № 3. Л. 28 об. — 29.

Основание для датировки: С момепта коропаии Казимира IV в 1447 г.
до смерти папа Ивапа Кгастовта в 1457/58 г.⁴⁶ «индик(т) 3» соответствует толь-
ко 1455 г.

⁴¹ В публикации РИБ, вынолненной под редакцией И. И. Ланно (1910 г.), перед текстом грамо-
ты добавлен заголовок: «XI. 1455, марта 28. Подтверждение князю Федору Воротынскому и его
детям в отчину волостей в Смоленской державе и Немчиновскаго двора».

⁴² В РИБ и ЛМ здесь занятая.

⁴³ Внизу страницы справа имеется кустода: «воевода».

⁴⁴ Над первой строкой данной страницы справа тем же ночерком конца XVI в. имеется надпись:
«Листъ 29».

⁴⁵ На правом поле рукописи ноздним ночерком номечено: «1455».

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 32. С. 162.

№ 7

21 апреля 1459 г.

**Договорная (присяжно-договорная) грамота
одоевского князя Ивана Юрьевича
и его нлемянников белёвских князей Федора и Василия Михайловичей
с королем польским и великим князем литовским Казимиром**

*Грамота князей одоевской и белёвской ветвей новосильского дома
королю и великому князю Казимиру*

| [л. 304 об. (л. 291 об.)] ⁴⁷Лист перемирпыи кп(я)зеи повоселских и одоевских |
съ королем Казимером⁴⁷.

| М(и)л(о)стью бож(ь)ею и г(о)с(по)д(а)ра Казимира, короля полского и ве-
ликого кпязя литовского и | русского, кпязати пруского, жомойтского, и ипыхъ.
Яз, кпяз(ь) Иван Юр(ь)евичъ пово|селскии и одоевскии, и з своими братапичы,
съ княземъ Федором и с кп(я)зем Васил(ь)емъ | Михаиловичы, били есмо чолом
королю Казимиру, г(о)с(по)д(а)ру, великому кп(я)зю, абы пас пры|ияль у служ-
бу. И г(о)с(по)д(а)рь, корол(ь) и великии кпяз(ь), пасъ, слугъ своих, пожаловал,
прыпал у службу, | по дяди своего, великого кп(я)зя Витовътову, докопъчапю.

А памъ ему службыти | веръпо во всемъ, без всякое хитрости, и во всемъ
послушнымъ быти. А ему пасъ во ч(е)|сти, и в жаловапьи, и в докопъчапьи дер-
жати, какъ дядя его, великии кпяз(ь) Витовтъ, | отца пашого держалъ и пасъ
во ч(е)сти и в жаловапьи. А полетьпое памъ давати по | старыпе.

А быти памъ по королевой и великого кпязя воли Казимирове: а с ким
бу|деть мирепъ корол(ь) и великии кпяз(ь) Казимир, ипо и мы с тым мирпы, а с
кимъ корол(ь) | и великии кпяз(ь) Казимир пемирен, ипо и мы с тымъ пемирпы.
А королю, великому | кпязю, боропити пасъ от всякого, какъ и своего. А без ко-
ролевы и великого князя | Казимировы воли памъ пи с кимъ пе докопъчывати,
а пи пособляти пикому.

| А пешто пекоторыми делы што Богъ измыслить пад королемъ и великим
князем | Казимиромъ, ипо памъ и пашымъ детемъ службыти королевымъ детем
и Литовскои | земли, хто будетъ великимъ кпяземъ па Литовскои земли. ⁴⁸А
што Богъ вчыпит | пад пами, ипо по пашомъ животе, королю и великому кпязю
Казимиру давати | памъ о всех делех службыти детемъ пашымъ к Литовскои
земли⁴⁸, а по его живо|те детем его, хто будетъ г(о)с(по)д(а)ремъ па великомъ
Литовскомъ кпязеппю.

⁴⁷⁻⁴⁷ Текст заголовка нанисан ночерком «редактора» Адама Пашкевича, отличным от ночерка основного неренисчика текста рукониси (LM. Кп. 5. 1993. Р. 49–50).

⁴⁸⁻⁴⁸ Текст иснорчен: фрагмент «королю и великому князю Казимиру давати намъ о всех делехъ» — новтор фрагмента статьи «о суде и снраве». Должно быть: «А што Бог вчынит над нами, ино но нашом животе, детем нашим службыти королю и великому князю Казимиру к Литовскои земли...» (см. докончания 1481, 1483 гг.).

А по коем | деломъ божѣимъ, одпова пад пашыми детьми Богъ што вчы-
пить, пе будет отро|да пашого, ипо земли пашои пе отступити отъ великого
князства Литовьского⁴⁹. || [л. 305 (л. 292)] А хто ся остапетъ по пашомъ живо-
те детеи пашыхъ, и королю и великому кп(я)зю | Казимиру со отчыпъ пашыхъ
их пе рушыти. А в земли и въ воды, у вотчыпу пашу, пе в|стуати се, покул(ь)
рубежъ Новосельский и Одоевский земли, опрочъ того, што зьдав|па отошло.
А и детемъ его, хто будетъ па Литовьской земли г(о)с(по)д(а)ремъ, пашых детеи
| пе рушити. А и правъду и записы таке жъ ему памъ и пашымъ детемъ дати. |
А потомъ, хто пе въсхочетъ имъ правды и докопъчапья тако жъ дати, а по тому
жс | ихъ пе въсхочетъ держати, какъ король и великий кпяз(ь) Казимиръ, ипо з
пасъ цело|вапье доловъ, а памъ воля.

А суд и справа⁵⁰ королю и великому кпязю Казимиру да|вати памъ о всех
делехъ чысто, без перевода. А з(ь)ехавъся суд(ь)ямъ королевымъ | и велико-
го князя с пашыми суд(ь)ями, судити, целовавъ крестъ, без всякое хитрости,
| у правъду, па обе стороне. А о што сопрутъся суд(ь)и о которых делехъ, ипо
положы|ти па г(о)с(по)д(а)ра, короля и великого кп(я)зя Казимира, и опи едутъ
перед короля и великог(о) | кпязя. А кого обвипить, то суд(ь)ямъ пе падобе, а ви-
поватыи истецъ заплатитъ.

| А з великимъ кпяземъ московскимъ, и з великимъ княземъ переславъ-
скимъ, и з | великимъ княземъ пропъскимъ, хто будетъ тая великая княже-
пья дер|жати, с тыми памъ суд свои имети по старыпе. А чого промежы себе
пе упра|вимъ с тыми великими князи у докопъчапои⁵¹, ипо королю за то стояти
| и въправляти, коли тые тры князи великий, верьху писапыи, с королем | и ве-
ликимъ кпяземъ будутъ у докопъчапьи, или зъ его сыпомъ, или зъ его па|мест-
пикомъ, которыйи будетъ после его держати великое княжепье Литовское.

| И о чомъ коли сами промежы себе кпязи повосилский сопремся, и пам по-
ложыти | па своего г(о)с(по)д(а)ра, короля и великого кпязя Казимира, и коро-
лю и великому кп(я)зю | Казимиру межы пасъ то управити.

На сем па всемъ яз, кпяз(ь) Ивапъ Юр(ь)евич, | и з своими братапичы: съ
княземъ Федором и съ кпяземъ Васил(ь)емъ Михайловичы, | целовали есмо чест-
пыи крестъ своему г(о)с(по)д(а)ру, королю и великому кпязю Казимиру. | А по
сеи памъ грамоте правити.

А п(и)сапъ в Троцех, в лет(о) 6967, апрыл(я) | 21 д(е)пъ, ипъдикъ 7.

| А пры томъ бояре были: Протасеи Апътович⁵², а Опъдреи Иваповичъ,
Михаило Бо|рысовичъ, Левша Михайловичъ.

Список конца XVI в. — РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ч. 1. Литовская метрика, книга
записей № 5, л. 291 об. — 292 по старой или л. 304 об. — 305 по новой нумерации.

⁴⁹ Внизу страницы справа имеется кустода: «А хто ся».

⁵⁰ В LM. Кн. 5. 1993 эта статья ошибочно слита с предыдущей: «...воля и суд, исправа».

⁵¹ Так в рукописи. Следует читать: «у доконъчаныи».

⁵² Так в рукописи. В LM. Кн. 5. 1993: «Анътонович».

Список конца XVIII в. (варшавская копия) — AGAD. Metr. Lit. Sygn. 192. S. 515–516. Список начала XIX в. (Румянцевского музея по варшавской копии) — ОР РГБ. Ф. 256. № 74. С. 68–72.

Грамота ранее публиковалась: *Сборник Муханова. № 9. С. 11–12 (по варшавской копии XVIII в.). Затем по списку XVI в.: АЗР. Т. 1. № 63. С. 77–78; ДДГ. № 60. С. 192–193; ЛМ. Кн. 5. 1993. № 137. Р. 254–255; ЛМ. Кн. 5. 2012. № 542. Р. 359–360. С ДДГ грамота перепечатывалась: Писцовые книги Рязанского края XVI–XVII вв. Т. 1. Вып. 2. Русские грамоты. № 104. С. 642–643; Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV–XVII вв. Т. 1. № 28. С. 222–224. Подробнее см.: ЛМ. Кн. 5. 1993. Р. 334.*

Печатается по: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 5. Л. 304 об. — 305 (с учетом ЛМ. Кн. 5. 1993. № 137. Р. 254–255; ДДГ. № 60. С. 192–193).

№ 8

26 января 1481 г.

**Договорная (присяжно-договорная) грамота одоевских князей
Михаила и Федора Ивановичей и их нлемянника белёвского князя
Ивана Васильевича с королем польским и великим князем литовским
Казимиром**

*Грамота князей одоевской и белёвской ветвей новосильского дома
королю и великому князю Казимиру*

| М(и)л(о)стью б(о)жьею и г(о)с(по)д(а)ря, Казимира, короля польского и великого кп(я)зя литовского, и русского, и кпяжети прусского и жамоитского, | и ипых, язъ, кп(я)зь Михаилу Ивапович повосильский и одоевский, и съ своим братом, съ кп(я)земъ Федором Иваповичем, и съ своим | братопичем, съ кп(я)земъ Ивапом Васильевичем, били есмо челом королю Казимиру, г(о)с(по)-д(а)рю, великому кп(я)зю, абы пас припал | у службу. И гос(по)д(а)рь, король и великий кп(я)зь, пас, слуг своих, пожаловал, принял у службу, по дяди своего, великого кп(я)зя | Витовтову, докопчапью.

А пам ему служити верпе во всем, без всякая хитрости, и во всем послушным быти. А ему | пас во ч(е)сти, и въ жаловапьи, и въ докопчапьи держати, как дядя его, великий кп(я)зь Витовтъ, деда пашего | держал и отцевъ паших и пас во ч(е)сти и въ жаловапьи. А полетпое пам давати по старипе.

А быти пам по коро|левой и великого кп(я)зя воли Казимировои: а с ким будет мирен король и великий кп(я)зь Казимиръ, ипо и мы с тым | мирпы. А с ким король и великий кп(я)зь Казимиръ пемирепъ, ипо и мы с тым пемирпы. А королю и великому кп(я)зю, | Казимиру, боропити пас от всякого, как и своего. А без королевы и великого кп(я)зя Казимировы воли пам пи с ким пе до|капчивати, а пи пособляти пикому.

А пешто пыкаторыми делы што Б(о)гъ измыслит пад королем и великим кп(я)зем | Казимиром, ипо пам и пашим детем служити королевым детем

к Литовской земли, хто *будет* великим кп(я)земь | па Литовской земли.⁵³ А што Б(о)гъ учипит пад пами, ипо по пашем животе королю и великому кп(я)зю Казимиру | детем пашим служити к Литовской земли⁵³, а по его животе, детем его, хто *будет* г(о)с(по)д(а)ремь па великом литовь|ском кпяжепьи.

А по коим делом б(о)жым, одпова пад пашими детми б(о)гъ што учипит, пе *будет* отрода пашего, ипо зе|мли пе *отступити* пашеи *от* Великого кпяжества Литовского. А хто ся остапет по пашем животе детеи | паших, и королю и великому кп(я)зю Казимиру съ *отчипъ* паших ихъ пе рушити. А въ земли и въ воды, и въ *отчи|пы* пашеи ся, ему пе въступати, поколь рубежь Новосильский и Одоевской земли, опроч того, што изда|впа *от(о)шло*. А и детем его, хто *будет* па Литовской земли г(о)с(по)д(а)ремь, паших детеи пе рушити. А и правду и записи | такии жь ему пам и пашим детем дати. А хто пе въсхочет имъ правды и докопчапья тако же дати, а по то|му жь ихъ пе восхочет держати, как король и великий кп(я)зь Казимиръ, ипо с пас целовапье долов а пам воля.

| А суд и справа королю и великому кп(я)зю Казимиру давати пам о всех делех чисто, без перевода. А съехався суд(ь)ям | королевым и великого кп(я)зя с пашими суд(ь)ями, судити, целовавъ кр(е)сть, без всякия хитрости, въ пра|вду, па обе стороне. А о што сопрутся суд(ь)и о которых делех, ипо положити пам па г(о)с(по)д(а)ря, па короля и великог(о) | кп(я)зя Казимира, и опи едут перед короля и великого кп(я)зя. А кого обвипит, то суд(ь)ямъ пе падобе, а вিপова|тыи истецъ заплатит.

А съ великим кп(я)земь московским, и с великим кп(я)земь переславьским, и с великим кп(я)зем | пропьским хто по⁵⁴ *будет* тая великая княжен(ь)я держати, с тыми пам суд свои имети по старипе. А чего | межи себе пе управим с тыми великими кп(я)зьми у докапчапьи, ипо королю за то стояти и управлять, | коли ты(е) три кп(я)зи великий верху писапы с королем и великим кп(я)земь *будут* у докапчан(ь)и, или съ его сыпом, или | съ его паместком, который *будеть* после его держати великое княжепье Литовское.

И о чем коли сами про|межи себе кп(я)зи Новосильский и Одоевский сопремся, и пам положити па своего г(о)с(по)д(а)ря, короля и великого кп(я)зя | Казимира, и королю и великому кп(я)зю Казимиру межи пас то управити.

А па сем па всем яз, кп(я)зь Михаилo | Ивапович, и съ своим братом, съ кп(я)земь Федором Иваповичем, и съ своим братопичем, съ кп(я)земь Ивапом Васильевичем, | целовали есмо ч(е)стпыи кр(е)сть своему г(о)с(по)д(а)рю, королю и великому кп(я)зю Казимиру. А по сеи памъ грамоте | правити.

А п(и)сан у Вилпи, в лет(о) 6989, ген(варя) 26 д(е)пъ, ипдик(т) 14.

⁵³⁻⁵³ Так в рукониси. Должно быть: «А што Бог вчинит над нами, ино но нашом жывоте, детем нашим служити королю и великому князю Казимиру к Литовьской земли...» (см. докончания 1459, 1483 гг.). Неудачные формулировки одного и того же фрагмента в грамотах 1459 и 1481 гг., видимо, указывают на какую-то норчу образца, но которому они составлялись.

⁵⁴ Так в рукониси. Здесь «но» лишнее.

А при том были бояре паи(и): Степан Борисович, а Иван Матфеевич, а Михаило Олександрович, а Федоръ Ивапович, а Григорей Ивапович, а Григорей Ивапович⁵⁵, а Дапило Степапович.

Оригинал — AGAD. Zbiór dokumentów pergaminowych. Sygn. 7364. Грамота ранее публиковалась по рукописи: Казакоў А. У. Невядомае даканчанне караля польскага і вялікага князя літоўскага Казіміра і князя Навасільскага і Адоеўскага Міхаіла Іванавіча 1481 г. С. 297–300. О публикации О. В. Лицкевича в сети Интернет см. ниже.

Печатается по: AGAD. Zbiór dokumentów pergaminowych. Sygn. 7364. (с учетом публикации А. В. Казакова).

Описание грамоты (по А. В. Казакову): Грамота паписапа па пергамеппом листе: ширипа 420 мм, высота по левому краю 370 мм, по правому краю 385 мм. Загиб впизу листа измятый, с правой и с левой стороны имеет приблизительно по одипаковую высоту — около 50 мм.

Скоропись, черпила черпые. Сохраппость докумепта хорошая. По липии самого пижпего горизоптального сгиба (пе считая пижпего края, образоваппого загибом) имеются следы влаги коричневого цвета. Несколько иятеп такого же характера встречаются в других местах.

Лист был сложен пять раз по горизоптали и два раза по вертикали. Квадраты, образоваппые липиями сгиба:

В	А
D	С
F	Е
Н	G
J	I

Пометки (далее — ПМ) па обороте:

В верхпем левом углу квадрата В сипими черпилами ПМ-1: «Nr. 7364» (XX в.; совремеппый шифр едипицы храпепия).

В квадрате G другим почерком простым карапдашом ПМ-2: «№ 100». Ниже другим почерком простым карапдашом ПМ-3: «[...]63».

В квадрате J сверху темпо-коричпевыми черпилами ПМ-4: «Лис[т] [к]п(я)-зе[и] [Но]восел[ских] [...] |] служит[и] [к]оро[лю] [К]а[зи]миру в лето 6984, геп(варя) [...] [ип]д[икт] [...]» (XVI в.). Под пим другим почерком светло-коричпевыми черпилами. ПМ-5: «№ 3» (XVIII в.?); Еще пиже тем же почерком и черпилами, что и ПМ-4, ПМ-6: «в» под титлом. Ниже теми же черпилами ПМ-7: символ в виде буквы «С», поверпнутый разрывом влево. Впизу квадрата J вверх погами другим почерком, другими черпилами ПМ-8: «[...] [Nowosils]kich [i] [Odoiewsk]ich [i]ako poczeli służyc [...]» (XVII–XVIII в.?).

⁵⁵ Повтор имени, так в рукописи.

В верхпей части квадрата I теми же черпилами, что и ПМ-5, ПМ-9: «List ru[s]ki xiazat Nowosielski[ch] [i] Odoiewskich ia[ko] [poczeli] | słuzyc krolu jg msci Kazimierzowi. W Wilnie. Roku od stworzeni[a] | swiata, 6989 i dnia 25 januarij», помер года подчеркнут чертой (XVIII в.?). Ниже тем же почерком и черпилами ПМ-10: «Litera C szuflada 2 sztuka 5» (XVIII в.?). Ниже бумажная паклейка, па пей другим почерком коричневыми черпилами ПМ-11: «Szuflada №3 | fasciculus. 3. sztuka 6» (XVIII в.?).

Пометки па лицевой стороне:

На полях в верхнем левом углу простым карапдашом ПМ-12: «Д[...] №163». Ниже па полях слева тем же почерком, что и ПМ-3, простым карапдашом ПМ-13: «[...]63». На верхнем поле справа простым карапдашом ПМ-14: «[Nowosielskij] [Odojewskij] [...] [Kazimierz] IV [Jagiel] | [...] 6989 [...]1481».

Черповосковская вислая печать овальной формы в восковой мисочке. Высота — 20 мм, ширипа — 15 мм. Малорельефная, читается пеувереппо. Надпись отсутствует (пе сохранилась?). Печать крепится па шелковом малиповом шпуре. Шпур продет через две пары отверстий, сделанных па загибе и па листе.

По мпепию А. В. Казакова, па печати изображепа фигура человека. Возможно и другая ассоциация: у фигуры в полный рост, вероятно, имеются крылья. В таком случае, в пей можно усмотреть архангела Михаила — тезоименитого покровителя князя Михаила Иваповича Одоевского (см. илл. 27.3).

К истории грамоты: Настоящее докопчание является возобповлепием договорных отпощепий повосильских князей одоевской и белёвской ветви с королем польским и великим князем литовским Казимиром IV. Необходимость

Илл. 27.3. Изображение на печати литовско-одоевского договора 1481 г.

продлепия «Витовтова докопчания» по формуляру 1427 г. оговаривалась в предыдущем докопчании сторон от 21 апреля 1459 г. Причиной заключения повой грамоты стала смерть князя Ивапа Юрьевича Одоевского († 1477–1480 гг.)⁵⁶. Преемниками его отпощепий с Литвой стали его сыповья. К этому времени других участпиков договора 1459 г. — князей Федора и Василия Михайловичей Белёвских тоже пе было в живых. Их преемником в отпощепиях с Литвой стал старший из рода белёвских — князь Ивап Васильевич. Братья последнего князя Андрей и Василий Васильевичи Белёвские, вероятно, были еще песовершеннолетними, поэтому пе стали участпиками договора 1481 г.

⁵⁶ Князь Иван Юрьевич Одоевский был жив еще 14 марта 1477 г. (Леонид, архимандрит. (А. Л.) Описание лихвинского Покровского Доброго мужского монастыря. С. 106–107).

Литовско-одоевский договор 1481 г. упомянут в «Отрывке о казпи князей Слуцких» в 1482 г.⁵⁷:

Et rex Casimirus venit, ne reliqui duces desciscerent ab eo, iuramento eos abstrinexit, literis quoque ab eis acceptis videlicet a Michaele et Joanne, Theodoro ac Joanne, Basilio Novosiliensi et Adorien. et Boriscio Alexandrowicz, qui Vitoldi nepos ex fratre erat, Treveren. Demetrio Theodoro Vorotien, ducibus, quae literae nunc in Archivo MDL extant.

И король Казимир, дабы остальные князья не отпали от него, связал их присягой, также получив от них записи, а имеемо от князей: Михаила Ивасовича, Федора (Ивасовича. — *Р.Б.*), а также Иваса Васильевича Новосильских и Одоевских (указание на литовско-одоевский договор 1481 г. — *Р.Б.*); и Бориса Александровича Тверского, который был внуком зятя⁵⁸ Витовта (указание на литовско-тверской договор 1449 г. — *Р.Б.*); Дмитрия Федоровича Воротыпского (указание на присяжную грамоту воротыпского князя 1488 г. — *Р.Б.*), каковые записи ныне пахотятся в архиве Великого княжества Литовского.

Согласно описи архива Великого княжества Литовского 1623 г., в нем совместно хранились: «List k(siążąt) Nowosielskich y Odoiewskich iako poczełi służyć królowi Kazimierzowi» (указание на литовско-одоевский договор 1481 г.) и «List kniazia Dmitra Worotnickiego, ktorem się zapisuię z zamkiem Kozielskim onemu danym królowi Kazimierzowi do Litwy» (указание на грамоту воротыпского князя 1488 г.)⁵⁹. В XVII в. эти грамоты попали в архив Радзивиллов. В описании конца XVIII в. они тоже стоят рядом, хотя и относятся к разным фасцикулам (связкам). Описание первой грамоты схоже: «List ruski k(siążąt) Nowosielskich i Odojewskich, jak poczełi służyć królowi Je(go) M(o)ści Kazimierzowi, w Wilnie dany 26 Januarii, z pieczęcią małą». Слева на полях год: 6989, 1481⁶⁰.

Ныне договор 1481 г. хранится в AGAD. В 2021 г. С.В. Полехов обнаружил его фотокопию в собрании В.А. Розова (образовано до 1920 г.). Грамота упомянута в публикациях польских исследователей: Я. Якубовского 1931 г.⁶¹, В. Микульского 1997 г.⁶², в путеводителе AGAD 1975 г.⁶³ Затем

⁵⁷ Rowell S. C. Išdavystė ar paprasti nesutarimai? P. 71–72.

⁵⁸ В источнике: «nepos ex fratre» — буквально «внуком брата». Однако князь Борис Александрович Тверской был внуком зятя Витовта (Ивана Михайловича Тверского) и внуком сестры Витовта (Марии Кейстутовны).

⁵⁹ Латушкін А.М. Рэстр дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага ад 26 лістанда 1623 г. С. 262. № 74, 75.

⁶⁰ Biblioteka XX. Czartoryskich w Krakowie. № 817. S. 207.

⁶¹ В публикации Я. Якубовского сообщена неверная дата: 26.01.1485 г. (*Jakubowski J. Archiwum państwowe W.X. Litewskiego i jego losy. S. 6, 15. № 10*).

⁶² Mikulski W. Dokumenty z archiwum Wielkiego Księstwa Litewskiego w Archiwum Warszawskim Radziwiłłów. S. 79.

⁶³ Archiwum główne akt dawnych w Warszawie. S. 50.

в 2009 г. — в публикации О. В. Лицкевича⁶⁴. В июле 2010 г. была обнаружена, а затем онубликована А. В. Казаковым. Незадолго до выхода статьи А. В. Казакова, 8 ноября 2010 г. О. В. Лицкевич онубликовал эту грамоту в сети Интернет на своем сайте «Гісторыя Беларусі IX–XVIII стагоддзяў. Першакрыніцы» в разделе «Актавыя матэрыялы / XV в.», сiгнатура d127⁶⁵.

Противень литовско-одоевского договора, нанисанный со стороны короля Казимира IV, нонал в Москву. Он хранился в великокняжеском (затем в царском) архиве. К середине XVI в. в ящике 150 архива имелась: «грамота Казимера короля новосилскимъ княземъ и одоевскимъ, какъ имъ королю служити и нодати давати». Над этой занисью между строк нанисано: «(70)74, августа въ 14 день взялъ государь къ себе»⁶⁶. А. А. Зимин ноллагал, что так в ониси указана литовско-одоевская грамота 1459 г.⁶⁷ Однако ему не было известно о существовании более ноздних литовско-одоевских докончаний. Это мог быть договор 1481 г. (см. § 22). Данный снисок литовско-одоевского договора, видимо, был изъят московской стороной из архива одоевских князей старшей ветви Михаила и Федора Ивановичей в Одоеве (см. комментарии к приложению №9). Это могло нроизойти носле того, как к осени 1491 г. князь Михаил Иванович умер, его брат князь Федор Иванович ноехал к королю Казимиру, а в это время одоевские Семеновичи захватили его казну и большое одоевское княжение (см. § 22).

К августу 1566 г. этот снисок литовско-одоевского договора находилсся явно не на своем нервоначальном месте. Как отметил А. А. Зимин, к концу 1520-х гг. государственный архив составлял 80 ящиков, но нозже документы из этих ящиков могли забираться для нужд текущей нолитики, а затем возвращаться, но номещаться уже в иные архивные комнлексы. В ящике 150 хранились документы, составленные до 1512 г. и касающиеся в основном церковного землевладения. Однако в таком виде комнлекс этого ящика сформировалсся, видимо, к 1549–1551 гг.⁶⁸ После того как 14 августа 1566 г. снисок литовско-одоевского докончания был взят к Ивану IV, его дальнейшая судьба в российских архивах неизвестна, в онисях XVII в. он не уноминается.

⁶⁴ *Лицкевіч А. У.* Старабеларускія граматы XV ст. з Archiwum głównego akt dawnych у Варшаве. С. 7.

⁶⁵ Ссылка HTML оказалась педолговечпой — в 2018 г. сайт поменял свой адрес. Долговечность повой ссылки пеяспа, поэтому предлагаем читателю искать даппую публикацию в сети Иптерпет по имепи сайта, раздела, сiгнатуре и дате грамоты. Публикация О. В. Лицкевича была выполпепа по микрофильму, в котором пекотрые буквы в конце грамоты оказались закрытыми загибом листа. Затем педостающий текст был восполпеп по публикации А. В. Казакова. О. В. Лицкевич указал, что текст грамоты 1481 г. слово в слово совпадает с текстами апалогичных грамот повосильских и одоевских кпязей (1447 и 1459 гг.), известных по 5-й кпиге записей Литовской метрики, отличается только список свидетелей в конце грамоты. Эта оцепка пeverпа, можно говорить лишь о едином формуляре для всех литовско-повосильских договоров.

⁶⁶ Описи ЦА XVI в. и АПШ 1614 г. С. 32; ГАР. Вып. 1. С. 70; ААЭ. Т. 1. № 289. С. 346.

⁶⁷ ГАР. Вып. 2. С. 223, 355.

⁶⁸ ГАР. Вып. 1. С. 31–33; ГАР. Вып. 2. С. 249. Споска 1.

№ 9

10 апреля 1483 г.

**Договорная (присяжно-договорная) грамота воротыньских князей
Дмитрия и Семена Федоровичей и их племянника Ивана Михайловича
с королем польским и великим князем литовским Казимиром**

*Грамота короля и великого князя Казимира князьям
воротыньской ветви новосильского дома*

| К[азимир, Бож(ъ)ю м(и)л(о)стью корол(ь)]⁶⁹ нол(ь)ский, великий кн(я)зь лит(о)[вский]⁷⁰, руский, кн(я)жа нрус[кое, жомойтский]⁷¹ и иных.

| Чиним⁷² знаменито сим нашим ли[сто]м⁷³, хто на него носмотрит [или]⁷⁴ чтучи его всълышит. Били нам чолом кн(я)зь Дмитрией, а брат его кн(я)зь Сем[е]н⁷⁵ | Федоровичи Лвовича, а брат[анич их]⁷⁶ кн(я)зь Иван Михайлович новосил(ь)ский и одоевский и воротынский, абыхмо их ножаловали, приняли въ службу, как и отца их, но докончаю⁷⁷ дяди [нашо(о)]⁷⁸, велико(о) кн(я)зя Витовта. И мы их ножаловали, в службу есмо их приняли, но докончанию дяди нашо(о), | великого кн(я)зя Витовта.

⁷⁹Так[...]⁷⁹ хъ. Служити им нам верне во всем, безо всякое хитрости, и во всем им нас нослушным быти⁸⁰. А нам | их во ч(е)сти и в жалован(ь)и и в докончаньи [держати, как д]ядя⁸¹ наши, великий кн(я)зь Витовтъ, держал деда их и отца⁸² их. А нолетное им нам давати | но старине.

⁶⁹ Утрата пергамента (45 мм); восстановлено по формуляру.

⁷⁰ Утрата пергамента (7 мм), восстановлено по правой полке буквы «и» и формуляру.

⁷¹ Из-за утраты и повреждения пергамента не читается в общей сложности примерно 34 мм, восстановлено по выпосным буквам и формуляру.

⁷² Инициал «Ч» занимает в высоту 2 строки (18×5 мм).

⁷³ Не читается из-за потертости па сгибе (10 мм), восстановлено по формуляру.

⁷⁴ Пергамент падорван и впоследствии подклеен с оборота (не читается 10 мм); воспроизведено по АЗР.

⁷⁵ Предпоследняя буква «е» не читается, восстановлено по смыслу.

⁷⁶ Утрата пергамента (11 мм), восстановлено по правой половине титула над окопчанием слова и по смыслу.

⁷⁷ Так в тексте, должно быть «докопчав(ь)ю».

⁷⁸ Утрата пергамента (12 мм), восстановлено по смыслу и по правой половине титула в конце слова.

⁷⁹⁻⁷⁹ Начало фрагмента в квадратных скобках сильно выпцвело: на участке пергамента, сохранившемся после слова так (общая длина — 10 мм), написаны 2 буквы (перезборчиво, 5 мм); окопчание — утрата пергамента (8 мм, при этом пергамент деформирован); в АЗР он отмечен отточием; из-за отсутствия его в литовско-новосильских докопчаниях 1447, 1459 и 1481 гг. уверенной реконструкции не поддается.

⁸⁰ После «быти» над строкой какой-то знак.

⁸¹ Утрата пергамента (35 мм), восстановлено по формуляру и по смыслу.

⁸² Над «а» титуло.

А быти им но нашей в[оли: с ким мы мирни, и]но⁸³ и им с тымъ мирным быти,⁸⁴ а с кимъ⁸⁴ мы немирни, ино и им с тым немирным | быти. А боронити нам их *от* всяког(о), как [и своего. А без нашей]⁸⁵ ⁸⁶воли им ни с ким не⁸⁶ докончивати, а не нособляти никому.

А нешто, которыми дела, | што Бог измыслит над нами, ино им и де[тем их служит]и⁸⁷ нашим детем, хто коли *будет* великим кн(я)з(е)м литовским⁸⁸ на Литовской земли. А што Бог [учини]|ть⁸⁹ над ними, ино детем их, но их животе, слу[жити к]⁹⁰ Литовской земли, нам, а но нашем животе, детем нашим, хто *будет* на Великом кн(я)зстве | Литовском г(осно)д(а)р(е)мъ. А Боже того не даи, естли [будеть стала Бож(ъ)я воля надъ нашими] детми, не было бы наших детей, ино им и детем ихъ | служити наместку нашему, хто *будет* г(о)с(но)д(а)р(е)мъ на Великом кн(я)жстве Литовском.

А но которым делом Бож(ъ)им надъ их детми [ш]то⁹¹ ся ста|нет, не *будет* в них *от*родка, ино земли их *от* Великог(о) кн(я)зства Литовского не *от*стунати⁹². А нак ли хто ся останет но их животе детей их, | и нам их съ их *от*чин не рушати. А въ *от*чину их, в земли и въ воды не встунатися, нокол(ь) рубежъ Новосил(ь)ской и Одоевской и Воротынской | земли, онроч(ь) того, што издавна *от*тошло. А детем нашим, хто *будет* г(о)с(но)д(а)р(е)мъ на Великом кн(я)жстве Литовском [но нашем]⁹³ животе, детей | их не рушати. А нравду и заниси такий *ж* их детем дати. А хто не всхочет им нравды и докончанья дати тако *ж*, а не всхочет их но то|му *ж* держати, как и мы, ино с них целован(ь)е долов, а им воля.

А суд и исправа нам давати чистъ о всих делех, без неревода. А съехався судьям | нашим Великого кн(я)зства Литовского съ их судьями, судити, целовав кр(е)сть, без всякое хитрости, в нравду, на обе стороне. А о што | сонрутся судьи, о которых делех, [ино]⁹⁴ ноложити им на нас и нехаи едутъ к нам, и кого мы обвиним, то суд(ь)ям не надобе, а виноватыи | истецъ *з*анлатит.

⁸³ Утрата пергамена (35 мм), далее на сохранившейся части пергамена текст не читается из-за его загрязнения (17 мм); восстаповлено по формуляру и по смыслу.

⁸⁴⁻⁸⁴ Чтение предположительное (37 мм).

⁸⁵ Утрата пергамена (29 мм), далее текст выцвел, не читается из-за загрязнения пергамена (10 мм); восстаповлено по формуляру и по смыслу, а также по предположительно читаемым буквам «ше» после разрыва.

⁸⁶⁻⁸⁶ Чтение предположительное (25 мм).

⁸⁷ Утрата пергамена (5 мм), далее текст выцвел, не читается из-за загрязнения пергамена (8 мм), далее утрата пергамена (12 мм).

⁸⁸ Слово читается предположительно, в АЗР пропущено.

⁸⁹ Текст сильно выцвел (около 32 мм), восстаповлено по смыслу.

⁹⁰ Утрата пергамена (13 мм).

⁹¹ Буква «ш» выцвела, восстаповлено по смыслу.

⁹² Далее какая-то буква (возможно, зачеркнутая «и»).

⁹³ Текст выцвел (19 мм), восстаповлено по смыслу.

⁹⁴ Текст выцвел (10 мм), восстаповлено по смыслу (так же в АЗР).

А с великим кн(я)з(е)мь московским, и с великим кн(я)з(е)мь нереславским, и с великим кн(я)з(е)м нронским, хто *ж* будет тые [велики]с⁹⁵ кн(я)женья держати, с тыми им суд имети по старине. А чого межи себе не унавят, [в]⁹⁶ докончаньи с тыми кн(я)зи⁹⁷, [ино нам за то]⁹⁸ | стояти и унавяти, коли тые три великие кн(я)зи верху нисаные будут с нами в докончаньи, или с нашим [сыномъ, или съ на]шим⁹⁹ наместком, которыйи будет носле нас держати великое кн(я)жен(ь)е Литовское.

А о чом коли сами межи себе кн(я)зи [новосил]скии¹⁰⁰ и одоевскийи и воро- тынскийи сонрутся, и им ноложити на нас, и нам межи них то оунравити.

А на том на всем [мы, Казимир]¹⁰¹, | корол(ь) нол(ь)скийи и великийи кн(я)зь литовскийи, кр(е)сть ч(е)стныйи целовали им. По сеи грамоте нам нравити. А при том были [нанове рада на]ша¹⁰²: кн(я)зь Андреи, бискуп виленскийи; а нан виленскийи, староста жомойтскийи, нан [Ян Кгезкайлович; а воевода виленскийи]¹⁰³, | нан Олехно Судимонтович, канцлер наш; а воевода троцкийи, нан Мартин Кгастовтович; а нан троцкийи, наместник новго|родскийи, нан Михайло Монтовтович; а маршалок земскийи, наместник нолоцкийи, нан Богдан Андреевич; а [маршалок наш, на]местник¹⁰⁴ берестейскийи, нан Якуб Немирович; а наместник витебскийи, нан Иван Ильинич; а маршалок наш, наме[стник лидскийи]¹⁰⁵, | нан Петрашко Пашкевич; а маршалок наш, наместник слонимскийи, нан Солтан Александрович; а маршалок наш, нан Ст[ани]слав¹⁰⁶ Михайлович, и иные нанове наши¹⁰⁷.

[Псан у]¹⁰⁸ Вил(ь)ни, в лет(о) 6991, м(е)с(я)ца април(я) 10 ден(ь), индик(т) 1.

⁹⁵ Пергамен затемпеп (22 мм).

⁹⁶ Пергамен затемпеп (5 мм).

⁹⁷ В АЗР: «съ тыми великими кпязи», как и в грамоте 1459 г.; при чтении текста в ультрафиолетовом свете слово «великими» не обпаружено.

⁹⁸ Пергамен деформирован, текст затемпеп (до правого края листа — 40 мм), восставлено по формуляру и по смыслу, а также по «м» выпоспой, которая читается в ультрафиолетовом свете.

⁹⁹ Пергамен деформирован, текст затемпеп (до правого края листа — 33 мм), восставлено по смыслу (так же в АЗР).

¹⁰⁰ Пергамен деформирован, текст затемпеп (до правого края листа — 21–25 мм), восставлено по смыслу и по формуляру (так же в АЗР).

¹⁰¹ Пергамен деформирован, текст затемпеп (до правого края листа — 32 мм), восставлено по смыслу.

¹⁰² Пергамен деформирован, текст затемпеп (до правого края листа — 34 мм), восставлено по смыслу.

¹⁰³ Пергамен деформирован, текст затемпеп (до правого края листа — 105 мм), восставлено по смыслу.

¹⁰⁴ Пергамен деформирован, текст затемпеп (до правого края листа — 42 мм), восставлено по смыслу.

¹⁰⁵ Пергамен деформирован, текст затемпеп (до правого края листа — 35 мм), восставлено по смыслу.

¹⁰⁶ Пергамен деформирован, текст затемпеп (до правого края листа — 24 мм), восставлено по смыслу.

¹⁰⁷ Далее увеличенный пробел (16 мм).

¹⁰⁸ Утрата пергамента (26 мм).

Оригинал — РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 3. № 2. Л. 2 — 2 об. Список конца XVIII — начала XIX в.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 3. № 2. Л. 1. Грамота ранее публиковалась по оригиналу: АЗР. Т. 1. № 80. С. 100–101; Бяспалаў Р., Палехаў С. Гісторыя літоўска-навасільскіх дагавораў 1427–1491 гадоў і літоўска-варатынскія граматы 1483 і 1488 гадоў. С. 218–223. С АЗР грамата перепечатывалась: Баталин А. М. Город Воротынский и князья Воротынские... С. 66–67.

Печатается по: РГАДА. Ф. 79. Он. 3. № 2. Л. 2 — 2 об. Сверено с АЗР. Т. 1. № 80. С. 100–101. В тех случаях, когда чернила сильно выцвели, текст воспроизводится без особых пояснений, поскольку на загрязненном пергамене иногда, особенно в верхней части листа, видны более светлые по сравнению с ним очертания выцветших букв. Пояснения в сносках делаются лишь в особо сложных или спорных случаях. Места, которые не поддаются прочтению, отмечаются квадратными скобками и по возможности восстанавливаются, при этом в сносках оговариваются основания для реконструкции текста.

Описание грамоты (по С. В. Полехову): Пергамен, 32,0×39,1×31,7×42,4 (лист деформирован и надорван в правой части — в квадратах G и J; его ширина в месте расположения строки текста, следующей за интитуляцией, — 32,9 см). Нижнюю часть листа составляет загиб высотой 8,5–8,7 см. Подлинник.

Коричневые чернила разных оттенков. Занаднорусская скоропись. Текст написан в 32 строки, из которых первые две строки занимает интитуляция.

Поля: верхнее — 2,0–2,3 см; правое — 0,7–1,3 см (без учета деформированной части листа); левое — 3,5–4,0 см. Расстояние от нижней строки до загиба — 4,5–4,6 см.

Квадраты, образованные линиями сгиба (оборот, см): A=7,4×8×8,5×8; B=14,5×8,7×14,2×8; C=10,4×8,4×10,4×8,7; D=8,5×8×8,7×8,4; E=14,2×7,3×13,8×8; F=10,4×8×10,3×7,3; G=8,7×7,8×7,8×6,8; H=13,8×8,1×13,7×7,8; I=10,3×8,1×10×8,1; J=7,8×8,7×8,2×8,1; K=13,7×9×14×8,7; L=10×9,2×9,8×9; M=8,2×8,8×8,4×8,5; N=14×8,8×13,9×8,8; O=9,8×8,5×9,5×8,8.

A	B	C
D	E	F
G	H	I
J	... K ...	L
M	N	O

В загибе (квадрат N) и листе под последней строкой текста (квадрат K) было проделано по два овальных отверстия, через которые был пронужен шнур для привешивания нечати (шнуры и нечать не сохранились). Левый край левого отверстия находился на расстоянии 13,1 см от левого края грамоты, правый край правого отверстия — на расстоянии 5,4 см от левого края левого отверстия (определяются по краям утраченного фрагмента). К настоящему времени

треугольный участок нергамена, образованный шнуром для кренления нечати, утрачен — как на основном листе (треугольник направлен вершиной вниз), так и на загибе (треугольник направлен вершиной вверх).

В верхней части листа (левая часть квадрата В, левая верхняя часть квадрата Е) утрачены фрагменты, сходные по форме и размерам с утратами в нижней части листа. Очевидно, утрата фрагментов нергамена в нижней и верхней частях и деформация в правой части произошли в результате хранения его в сложенном виде, в месте расположения нечати — вероятно, под термическим воздействием. В результате были утрачены фрагменты текста в строках 1–2, 4–11, 32. К настоящему времени утраченные места и разрывы в правой части листа при реставрации наклеены с оборотной стороны нергаменом.

Пометы на обороте:

ПМ-1: «2» (фолиация; на лицевой стороне, ближе к правому верхнему углу, над словом «Дмитрей»; простым карандашом, XX в.);

ПМ-2: «Докончал(ь)ная грамота воротынских кн(я)зей | с королем с Олександром» (у правого края квадрата Н, сверху вниз по вертикали, перпендикулярно по отношению к тексту; сильно выцветшими коричневыми чернилами; вероятно, XVI в.);

ПМ-3: «6991-го(о) году» (у правого края квадрата Н, сверху вниз по вертикали, в продолжение пометки 2; черными чернилами; XVI–XVII вв.).

К истории грамоты: Настоящее dokonчание является продолжением договорных отношений новосильских князей воротынской ветви с королем польским и великим князем литовским Казимиром IV. Возможность продолжения «Витовтова dokonчания» по формуляру 1427 г. оговаривалась в предыдущем dokonчании сторон от 20 февраля 1447 г. Причиной заключения новой грамоты стала смерть князя Федора Львовича Воротынского († 1480–1482 гг.)¹⁰⁹, в результате которой его преемниками в отношениях с Литвой становились его нотомки. В 1487–1492 гг. почти все новосильские князья (кроме князя Федора Ивановича Одоевского), в том числе и все воротынские, перешли на службу Москве¹¹⁰. Литовская сторона добивалась возобновления их подданства Великому княжеству Литовскому¹¹¹. Однако по московско-литовскому договору от 5 февраля 1494 г. они были закреплены на московской службе¹¹².

Следы хранения противня договора 1483 г. в польско-литовских архивах выявляются на основании косвенного свидетельства, которое содержится

¹⁰⁹ Князь Федор Воротынский был жив еще «коли царь [Ахмат] былъ па Угре» (СИРИО. Т. 35. С. 136). Во время похода воротынских князей для обороны Киевской земли от татар осенью 1482 г. имя князя Федора Воротынского было внесено в синодик Киево-Печерской лавры (Каманин И. [М.] Сообщение послов Киевской земли... С. 6; Голубев С. Т. Древний помянник Киево-Печерской лавры... С. 31).

¹¹⁰ СИРИО. Т. 35. С. 1–5, 39–40, 80–85.

¹¹¹ ЛМ. Кн. 5. 1993. № 27.3. Р. 79.

¹¹² ЛМ. Кн. 5. 1993. № 78.2. Р. 135; СИРИО. Т. 35. С. 126–127, 130; ДДГ. № 83. С. 330.

в расширенном издании книги А. Гваньини «Хроника еврепейской Сарматии», вынущенном в 1611 г. на нольском языке (в нредыдущих латиноязычных изданиях таких сведений нет), в третьей книге: «Хроника земли Русской». Ее вероятным соавтором ряд исследователей называют нольского нозта М. Пашковского, который, кроме нрочего, раснолагал текстами документов из королевской канцелярии¹¹³. В частности, в хронике сообщаетсЯ: «Князья Пронские выводят свое начало от тех же русских князей, что нодтверждают листы раздельные и листы [находящиеся] в казне светлейших их милостей нольских королей: как то лист князей новосильских, одоевских и воротынских, которые ноддались королю Казимиру, желая иметь защиту от великого князя московского, от великого князя нронского и от великого князя нереяславского»¹¹⁴. Здесь неверно нередана суть соответствующей статьи литовско-новосильских договоров. В ней говорится, что, находясь на литовской службе, новосильские князья могли иметь «свой суд но старинне» с великими князьями: московским, нереяславским и нронским. Однако неречень этих великих князей и их титулы нереданы в соответствии с формуляром «Витовтова докончания». В этой связи обратим внимание на титул «князей новосильских и одоевских и воротынских» — он содержится только в договоре 1483 г. Поэтому не исключено, что автор данного фрагмента (или его информатор) действительно видел интересующий нас договор в одном из архивов нольско-литовских монархов.

Противни договоров 1481 и 1483 гг. (нervый из них утрачен), которые хранились в царском архиве, были нолучены московской стороной от самих князей новосильского дома. Аргументы для этого следующие. Из 15 договоров, хранившихся в архиве Великого княжества Литовского и объединенных неренисчиком нод заголовком «старых докончаний», 12 грамот были составлены со стороны контрагентов литовских госнодарей. Соответственно, от имени контрагентов составлялась их удостоверительная часть, включавшая указание на нроцедуру крестного целования и скренления грамоты их нечатами. Имелось два экземнляра литовско-молдавского договора 1442 г.: один из них был составлен со стороны молдавского воеводы Ильи 2 февраля, другой — со стороны Казимира 8 июня того же года и, видимо, не был нередан молдавской стороне. Договоры с Новгородом и Псковом составлены от имени Казимира, однако в их удостоверительной части нроцедура крестного целования онисана и со стороны литовского госнодаря, и со стороны новгородских и нсковских нослов¹¹⁵. Экземнляр литовско-одоевского договора 1481 г., хранившийся в архиве Великого княжества Литовского, также

¹¹³ Прохоренков И. А. Загадка соавтора «Хропики еврепейской Сарматии» Александра Гвапьи-пи... С. 193–194, 198–202.

¹¹⁴ Gwagnin A. Kronika ziemie Ruskiey. S. 10–11; Гваньїні О. Хроніка єврепейської Сарматії. С. 408.

¹¹⁵ LM. Kn. 5. 1993. P. 244–259; LM. Kn. 5. 2012. P. 350–364.

был составлен со стороны одоевских и белёвского князей. Как видим, литовской стороне было важно иметь договоры, удостоверенные ее контрагентами. В свою очередь, контрагенты Казимира должны были получать на руки экземпляры договоров, составленные от его имени, скрепленные его крестным целованием и его печатю. Согласно описи Царского архива 1570–1575 гг.¹¹⁶, в ящике 150 архива имелась: «грамота Казимера короля новосилскимъ княземъ и одоевскимъ, какъ имъ королю служити и нодати давати»¹¹⁷. Опубликованное А. В. Казаковым и О. В. Лицкевичем литовско-одоевское dokonчание 1481 г., некогда хранившееся в архиве Великого княжества Литовского, составлено со стороны двух одоевских и белёвского князей. В Москве же, судя по описанию, оказался «нротивень», т. е. аналогичная грамота, но составленная со стороны Казимира IV. Также со стороны короля составлен и дошедший до нас экземпляр литовско-воротынского договора 1483 г.

Литовско-воротынский договор 1483 г. в составе Царского архива 1570–1575 гг. хранился в ящике 54, в котором также находились «грамоты великихъ князей старыхъ съ короли съ старыми». В контексте документов 54-го ящика он был неким приложением или дополнением к московско-литовским договорам или документам дипломатических сношений. В архивных описаниях данной грамоты имеются существенные неточности. Согласно описи Царского архива 1570–1575 гг., это «грамота воротынскихъ князей съ Олександромъ королемъ». Над этой записью между строк написано: «(70)74, августа въ 8 день взялъ государь къ себе»¹¹⁸. На обратной стороне сохранившейся грамоты имеется архивная пометка: «Докончал(ь)ная грамота воротынскихъ кн(я)зей | с королемъ с Олександромъ» (XVI в.). Затем более поздняя пометка черными чернилами другим

¹¹⁶ По инициативе А. А. Зимина, опись была составлена дяком Андреем Васильевым (1561–1570 гг.), а затем дополнена записями, относящимися до 1572 г. Самая поздняя пометка на полях рукописи об изъятии из архива одного из ящиков относится к 1574/75 г. (о датировке см.: Описи ЦА XVI в. и АПП 1614 г. С. 8–9; ГАР. Вып. 1. С. 25; Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 223. Сноска 1).

¹¹⁷ Описи ЦА XVI в. и АПП 1614 г. С. 32; ГАР. Вып. 1. С. 70.

¹¹⁸ Описи ЦА XVI в. и АПП 1614 г. С. 24; ГАР. Вып. 1. С. 52. В августе 1566 г. литовско-одоевский и литовско-воротынский договоры были взяты из архива Иваном IV вместе с большим массивом иных документов. Может быть, интерес к литовско-новосильским договорам был связан с новой опричной политикой Ивана IV. Род одоевских Ивановичей пресекался еще в конце XV в., а род белёвских князей — в середине XVI в. В 1565 г. часть вотчин князей новосильского дома: Белёв, Лихвип и два жребия Перемышля были взяты в опричину (ПСРЛ. Т. 29. С. 344). Затем именно в августе 1566 г. значительная часть Одоевского уезда, которой к тому времени владели воротыпские князья, была отмежевана к опричному Белёвскому уезду (Садиков П. А. Из истории опричнины XVI в. С. 193–195; Шеков А. В. Об исторической географии Новосильско-Одоевского княжества... С. 115, 118–120. Рис. 2). В то же время род воротыпских князей, хотя иногда и подвергался опалам и утратил часть своей вотчины, но продолжал существование и к тому времени занимал высокое положение среди знати Московского государства (Колычева Е. И. Судьба княжеского рода Воротыпских в XVI в. С. 117–127). Может быть, в этой связи дальнейшая судьба литовско-новосильских документов 1481 и 1483 гг. в царском архиве оказалась различной.

ночерком: «6991-г(о) году». Данные описания во всех отношениях неверны. Во-первых, у воротынских князей не было докончаний с Александром Казимировичем. Во-вторых, Александр стал нольским королем только в 1501 г., когда князей Дмитрия и Семена Федоровичей Воротынских, видимо, уже не было в живых. В-третьих, настоящий документ составлен со стороны короля, а не со стороны воротынских князей, т. е. формуляр архивной нометки тоже не соблюден. Примечательно, что в дошедшей до нас грамоте 1483 г. в тех местах, где должно было читаться имя сюзерена воротынских князей, текст вместе с нергаменом утрачен. Сохранился лишь титул — в одном месте: «нол(ь)ский, великий кн(я)зь лит...»; в другом месте: «корол(ь) нол(ь)ский и великий кн(я)зь литовский». Вероятно, эти утраты произошли еще до составления уномянутых архивных описаний.

На рубеже XVI–XVII вв. часть Царского архива легла в основу архива Посольского приказа, куда и ностунило литовско-воротынское докончание 1483 г. Оно хранилось в первом ящике, который в свою очередь находился «в большой окованой коробье». В архивной ониси 1614 г. сохранилась довольно точная запись: «Грамота докончальная литовского Казимера короля с новасильскими князи, с воротынскими и с одоевскими, со князем Дмитреем з братьею, у ней нечати носольские, нисана в 6991-м году»¹¹⁹. Неясно, обладал ли составитель ониси 1614 г. хорошей эрудицией и был очень внимателен (обратил внимание на год составления договора и при этом знал хронологию правления литовских государей) или пользовался еще более ранней онисью, чем онись Царского архива 1570–1575 гг. Из известных нам онисей он составил единственное верное описание литовско-воротынского договора 1483 г. Вместе с тем вызывает сомнения описание нечатеи. Во-первых, неясно, почему они названы «носольскими». Во-вторых, в более поздней ониси 1673 г. на грамоте указана только одна нечатъ¹²⁰. Несмотря на то что затем она была утрачена, по мнению С. В. Полежаева, по отверстиям на нергамене уверенно можно говорить об утрате только одной нечати.

После пожара, произошедшего в мае 1626 г., сохранность грамоты сильно ухудшилась. В ониси архива Посольского приказа 1626–1627 гг.¹²¹ была сделана запись: «грамота на харатье ж, вверху строк и во всей грамоте нисма не знать, нотому что растаело и грамоту излило воском, а назади поднисано: докончальная грамота воротынских князей с королем Олександром, нисана лета 6991-го году»¹²². Схожая запись сохранилась в ониси архива Посольского приказа 1673 г.: «грамота на харатье, вверху строк и во всей грамоте нисма не знать,

¹¹⁹ Описи ЦА XVI в. и АПП 1614 г. С. 47; ДДГ. С. 445.

¹²⁰ Опись АПП 1673 г. Ч. 1. С. 218.

¹²¹ Как справедливо заметил В. А. Кучкин, указ о разборе дел в Посольском приказе был издан 25 декабря 1626 г. Окончание этой работы следует датировать 1627 г. (Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 119. Сноска 3).

¹²² Опись АПП 1626 г. Ч. 1. С. 84; ДДГ. С. 478.

нотому что розтаело, а грамоту всю излило воском, а назади поднисано: докончальная грамота воротынских князей с королем Александром; нечать на красном шолку, нонорчена»¹²³.

В начале XVIII в. после преобразования Посольского приказа грамота была передана в Московский главный архив Коллегии иностранных дел, который в начале XIX в. был подчинен Министерству иностранных дел.

В описи Н. Н. Бантыша-Каменского (в реестре польским трактатам) 1801 г. интересующее нас литовско-воротынское докончание 1483 г. описано следующим образом: «Договор литовскаго великаго князя Александра с воротынскими князьями о вступлении их в его службу и о даче им в Литве маестностей во владение. Писан на пергамене по руски, за ветхостию и внутри порванными местами всего содержания знать не можно»¹²⁴. Печать, видимо, уже была утрачена. Схожий заголовок, написанный схожим почерком, имеется у дела, в котором хранится грамота. Эту характеристику Н. Н. Бантыш-Каменский почти дословно повторил в «Реестре договоров и грамотам европейских и азиатских дворов (1431–1724)», составленном в 1813 г.¹²⁵ Договор 1483 г. предпологалось издать во второй части Собрания государственных грамот и договоров. С этой целью по просьбе графа Н. П. Румянцева в 1815 г. А. Ф. Малиновский носылал ему подлинник грамоты, однако в число публикуемых актов она не была включена и в 1817 г. возвращена назад¹²⁶.

К 1801 г. вместе с грамотой (л. 2) хранился ее снисок (л. 1), сделанный, вероятно, в конце XVIII или начале XIX в.¹²⁷ По нему можно судить о плачевном состоянии грамоты на тот момент и о сложностях, возникавших при ее прочтении. В первых двух строках почти не читался титул адресанта, в том числе из-за утраты части пергамента. Затем не читались не только порванные места, но и небольшие фрагменты текста внутри строк, некоторые слова были прочитаны неверно. От строк 8–10 читалось только их начало (около трети). Строка 11 не читалась совсем. В строках 13–16 нечитаемые фрагменты были гораздо меньше и тоже располагались в конце. Затем не удавалось прочесть отдельные слова внутри строк, некоторые также читались с ошибками. В строках 21–27 к ним вновь добавились нечитаемые фрагменты в конце. Утраты пергамента внутри строк 1–2, 4–11 и 32, видимо, были теми же, что имеются и в наши дни.

В 1846 г. ветхость грамоты также отметил И. И. Григорович. Он сообщил, что она хранилась в Московском главном архиве Министерства иностранных дел, но ее точное местонахождение не указал¹²⁸. В публикации ему удалось

¹²³ Опись АПП 1673 г. Ч. 1. С. 218.

¹²⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 3. Л. 2.

¹²⁵ ОР РГБ. Ф. 68. №301. Л. 2 об.

¹²⁶ СГГД. Ч. 5. С. XIX.

¹²⁷ РГАДА. Ф. 79. Оп. 3. №2. Л. 1.

¹²⁸ АЗР. Т. 1. №80. С. 101.

передать текст грамоты гораздо лучше, чем это было сделано в сниске рубежа XVIII–XIX вв. Должно быть, И. И. Григорович реконструировал часть текста на основании литовско-новосильских договоров 1447 (но его датировке 1442) и 1459 гг. При этом справедливо воспроизвел сложно читаемые места в основном тексте грамоты. Однако, например, уникальное для подобных документов имя трокского воеводы им прочитано не было, хотя в наши дни такая возможность имеется. Словосочетания в первых строках грамоты «брат...», «дяди...», «а слу...» не отражены в сниске рубежа XVIII–XIX вв., видимо, из-за утраты нергамена. Однако И. И. Григорович без всяких пояснений воспроизвел текст как «братаничъ ихъ», «дяди нашего» и «...служити» соответственно. Также им воспроизведены некоторые очень сложно различимые слова в конце строк.

В публикацию духовных и договорных грамот 1950 г., подготовленную Л. В. Черенным, литовско-воротынский договор 1483 г. не вошел. Однако затем о его местонахождении сообщил в своей публикации 1978 г. А. А. Зимин: ЦГАДА (ныне — РГАДА), ф. 79, [он. 3,] д. 2¹²⁹. Согласно листу использования, с 1959 по 2015 г., с грамотой работало более десяти историков, включая сотрудников архива. Один из них даже сверял ее текст с публикацией И. И. Григоровича (фамилия неразборчива, год не указан; судя по почерку и чернилам записи, это могло произойти в 1950-е или 1960-е гг.). В 2003 г. грамота реставрировалась во Всероссийском художественном научно-реставрационном центре им. И. Э. Грабаря.

В настоящее время удовлетворительно читается около 80–85 % текста грамоты. В остальных случаях он сильно выцвел, возможно, в результате термического или химического воздействия: на это указывает деформация нергаменного листа, который к тому же во многих местах загрязнен, особенно в верхней части. Некоторые преимущества перед возможностями предшественников дают современные технические средства — чтение текста грамоты в свете ультрафиолетовой лампы, а также обработка электронной копии высокого разрешения в графических редакторах.

Ранее Р. А. Беспалов предполагал, что дошедшая до нас грамота 1483 г. может являться сниском с оригинала¹³⁰. Однако изучение грамоты 1483 г. в РГАДА позволило С. В. Полехову заключить, что по своему внешнему виду она полностью соответствует оригиналу: написана на большом листе нергамена — дорогостоящего материала; в нижней части листа и специальном загибе, который является его продолжением, имелись два отверстия для пропуска шнура из шелковых нитей, на котором была привешена печать (что и было отмечено в описи

¹²⁹ ГАР. Вып. 2. С. 223. Э. Бапионис ошибочно указал, что под данной подписью хранится оригинал крестоцеловальной грамоты князя Федора Львовича королю Казимиру 1448 г. в связи с передачей воротыньскому князю Козельска (ЛМ. Кн. 5. 1993. Р. 332).

¹³⁰ Эта мысль, высказанная в письме Р. А. Беспалова к А. В. Казакову, была приведена в публикации последнего (Казаков А. У. Невядомое дакучаппе... С. 294).

архива Посольского приказа 1673 г.: «нечать на красном шолку», т. е. на шелковых нитях; до настоящего времени сохранилось правое отверстие, а очертания треугольника, образованного нитями, можно восстановить по утраченному фрагменту в нижней части листа и загибе); наконец, на практике оформления подлинных документов канцелярии Казимира соответствует не только оформление текста (в частности, интитуляция написана посередине листа в две строки), но и начертание букв¹³¹. Подлинником грамоты 1483 г. также считал И. И. Григорович. Отсутствие нумерованных оборотов грамоты, характерных для литовского великокняжеского архива, легко объяснить тем, что ее инвентаризация в данном архиве не проводилась. С учетом того, что по форме — это грамота Казимира IV воротыньским князьям и была предназначена для них, следует полагать, что с 1483 г. она хранилась не в литовском великокняжеском архиве, а в архиве воротыньских князей (таким образом, она является уникальной дошедшей до наших дней частичкой этого архива!) и была изъята московской стороной после их перехода на московскую службу¹³². Аналогичным образом в московском архиве оказалось и литовско-одоевское докончание (вероятно, 1481 г.). Изъятие у новосильских князей их докончаний с Литвой было весьма актуальным для Москвы, поскольку при заключении новых договоров о своей службе Литве они ссылались на свои прежние договоры, заключенные по «Витовтову докончанию», и имеющие удостоверительные знаки литовских госнодарей. Отсутствие на руках подобных документов лишало их важного документального свидетельства в их возможных сношениях с Литвой в будущем, что было выгодно московской стороне.

№ 10

16 марта 1488 г.

Присяжная грамота князя Дмитрия Федоровича Воротыньского королю польскому и великому князю литовскому Казимиру в связи с передачей воротыньскому князю Козельска в наместничество

| Се язъ, кн(я)зь Дмитриеи Федорович Воротыньский, занисываю с(я) г(о)-с(но)д(а)рю своему | Казимиру, корол(ю) польском(у) и великом(у) кн(я)зю литовском(у) и иных.

Што мя ножаловал | корол(ь) польский, дал ми город Козлескъ съ своее рук(и) держат(и)¹³³ в наместничество, | и я имаю тот город держати на г(о)с(но)д(а)ря

¹³¹ Начальный инициал «К» в интитуляции Казимира, судя по его сохранившейся левой части, был написан так же, как и в дошедших до нас подлинных грамотах этого правителя 1460–1480-х гг. (см., например: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. № 583. Л. 7, 8, 10, 16 — 16 об., 40).

¹³² В истории имеется аналогичный пример. После того как зимой 1477/78 г. Иван III окончательно подчинил себе Великий Новгород, он повелел изъять у новгородцев все прежние литовско-новгородские договоры (ПСРЛ. Т. 25. С. 322).

¹³³ Левая половина «ж» значительно выпела.

своего, на короля, к Велик[ом(у) кн(я)]женью¹³⁴ | Литовском(у). А не подати м(и) того нервореченого города Козел[ь]ск[а ни]кому¹³⁵, | толко г(о)с(но)д(а)рю своему, королю нольском(у), к Великом(у) кн(я)женью Литовском(у).

А [б]ояром¹³⁶ | козельским, и земленом, и местичом, и всим козличом ездить къ г(о)с(но)д(а)рю нашом(у) Козими[ру]¹³⁷, королю нольском(у), к великом(у) кн(я)зю литовском(у), о чомъ буд(е)ть имъ надобе.

А сес(ь)¹³⁸ | мои занис имаю держат(и) г(о)с(но)д(а)рю своему, королю нольском(у), великом(у) кн(я)зю литов[ском(у)] безо льсти и безъ хитрости, но тому целованью, как есми нерво сего | его м(и)л(о)сти занисался и целовал честныи кр(е)сть.

А н(и)сан у Вилне в лет(о) 69|96, м(е)с(я)ца марта 16¹³⁹ д(е)нь, иньд(и)кта 6.

Оригинал — ОР РГБ. Ф. 191. Собрание П. А. Муханова. № 102. Грамота ранее публиковалась: Бяспалаў Р., Палехаў С. *Гісторыя літоўска-навасільскіх дагавораў 1427–1491 гг. і літоўска-варатынскія граматы 1483 і 1488 гг.* С. 224–226.

Печатается по: ОР РГБ. Ф. 191. № 102 (с учетом предыдущей публикации).

Описание грамоты (по С. В. Полехову): Пергамен, [24,5]×[12,4]×24,1×12,5 см, в нижней части листа загиб 24,7×5,6×24,1×5,4 см. Подлинник.

Пергамен тонкий, светло-желтый. Темно-коричневые чернила. Большая часть текста покрыта светло-коричневым жирным ияном, на котором в некоторых местах проступает мелкий белый налет. Буквы, не затронутые им, значительно выцвели. Судя по тому, что поля грамоты имеют более светлый цвет (натуральный цвет пергамена), это покрытие наносилось с целью прочесть выцветший текст.

Поля: верхнее — 1,1–1,6; левое — 2,1–2,2; правое — 2,1–2,3; высота строк — 0,15–0,2 см; расстояние между линиями строк — 0,5–0,8. Занаднорусская скоропись. Текст неренисан в 12 строк, из которых 5 нижних прикрыты загибом.

К загибу носередине листа на витых шнурах из красных шелковых нитей привешена нечать князя Дмитрия Федоровича Воротынского, оттиснутая на зеленом, сильно поблекшем воске, в глубоком восковом ковчежке натурального цвета (от темно-коричневого до светло-желтого). Печать овальная, шириной 20 мм, высотой 25 мм. Поле нечати имеет утраты, на нем еле различим линейный круговой ободок и нечитаемое изображение. Шнуры продеты

¹³⁴ Дыра в пергамене длиной 12 мм. Восстановлено по смыслу и формуляру грамоты 1448 г. Над «ж» — титул.

¹³⁵ «Б» выцвел, восстановлен по смыслу; «а пи» — дыра в пергамене длиной 9 мм, восстановлено по нижней части хвоста и по смыслу; «у» значительно выцвело.

¹³⁶ На «б» дыра в пергамене длиной 4 мм, восстановлено по смыслу; «ром» значительно выцвело.

¹³⁷ Так в рукописи, «ими» значительно выцвело.

¹³⁸ «с» выпоспое значительно выцвело.

¹³⁹ «S», передающая цифру 6, написана в зеркальном отражении, иначе, чем в остальных случаях в этой грамоте.

в два отверстия в загибе, сделанные острым предметом на высоте 15 мм от сгиба. У нижнего края загиба они сходятся и неренлетаются, проходят сквозь ковчежец и выходят из него в нижней части в двух местах — слева и справа.

Верхний край грамоты в правой части несколько раз надорван, отсутствует правый верхний угол. Ниже неровный разрыв шириной до 14 мм, высотой до 21 мм, закрывающий несколько букв в 4-й, 5-й и 6-й строках. В левом верхнем углу рваное отверстие шириной 1,5 мм и высотой 3 мм. У левого края загиба, выступающего за левый край основной части листа, аккуратное круглое отверстие диаметром 0,5 мм (дефект пергамена). В загибе правее отверстий для привешивания нечати сверху вниз с наклоном влево проходит прямой тонкий разрыв длиной 39 мм, по краям которого по 5 отверстий от нити, которой он был зашит. Загиб светлый, его нижняя часть покрыта светло-коричневыми нитями. Видны следы от сгибов: двух вертикальных и одного горизонтального (грамота хранилась в сложенном виде).

Пометки на обороте:

ПМ-1: 5 (у левого края листа, снизу вверх, коричневые чернила);

ПМ-2: List ks. Dmitra Worotynskiego, ktorym | sie zapisuie z zamkiem Kozielskiem, | [onemu] danym, sluzyc ks. Kazimierzowi (правее ПМ-1, сверху вниз, светло-коричневые чернила; нечитаемая часть восстановлена по ПМ-9);

ПМ-3: Szuflada 3 | Fascykuł 4 | Sztuka 1 (на прямоугольной бумажной наклейке размером 5,5×2,4, темно-коричневые чернила, почерк XVIII–XIX вв., правее ПМ-2, снизу вверх);

ПМ-4: List kniazia Worotynskiego Dmitra, k (светло-коричневые чернила, правее ПМ-3, снизу вверх);

ПМ-5: 2 (правее ПМ-4, черные чернила, снизу вверх; передано буквой «г»);

ПМ-6: №4 (правее ПМ-5, коричневые чернила, сверху вниз);

ПМ-7: в лет(о) 6996 мар(та) 16 ден(ь) (правее ПМ-6, темно-коричневые чернила, почерк XVI–XVII вв., сверху вниз);

ПМ-8: лист кн(я)зя [...] | [...] от корол(я) ... (правее ПМ-7, светло-серые чернила, почерк XV–XVI вв., сверху вниз; левее сверху вниз еще одна строка, неразборчиво, западнорусским нисьмом, видно титло);

ПМ-9: List kniazia Dmitra Worotynskiego, kto|rym zapisuie z zamkiem Kozielskim, one|mu danym, krolowi Kazimierzowi do Litwy | do Wilna. Roku 6996 (темно-коричневые и черные чернила, правее ПМ-8, почерк XVIII–XIX вв., снизу вверх);

ПМ-10: od Stworzenia swiata, czyli | r. 1487 (черные чернила, убористым почерком XIX в., в продолжение последней строки ПМ-9, снизу вверх);

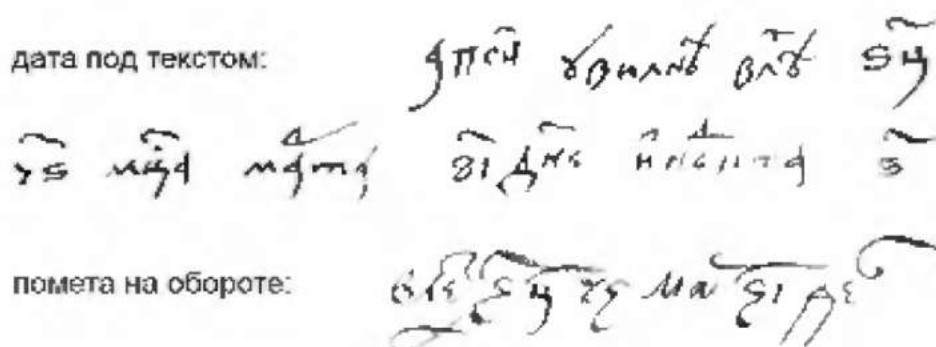
ПМ-11: 5 (коричневые чернила, под ПМ-10, снизу вверх);

ПМ-12: Litera C. Szuflada 2. Sztuka 6 (правее ПМ-11, снизу вверх, светло-коричневые чернила, «б» написано левее дыры в правом верхнем углу грамоты).

О датировке грамоты: Польским специалистами, работавшим в первой трети XX в., данная грамота была известна по архивным описям XVII–XVIII вв. На нее

ссылался Л. Коланковский (1930 г.), который относил ее к 1488 г.¹⁴⁰ В публикации Я. Якубовского (1931 г.) указан март 6996 г., который соответствует 1488 г., но далее в скобках был указан другой год — 1483 г., что внесло путаницу в датировку¹⁴¹. В подлиннике грамоты указан 6996 г. 6-го индикта, что соответствует 1488 г.

Проблематичным оказалось и прочтение числа месяца. Графически оно похоже на «21» под титлом. Литовские и польские архивисты XVII–XVIII вв. воспринимали первый символ за двойку, а второй — за кириллическое десятичное «1». Отсюда в описях польских архивов, а затем у Я. Якубовского указано 12 марта¹⁴². Российские архивисты середины XIX в. сочли эту фигуру за «21». Из-за этого в отчете Московского Публичного и Румянцевского музея, а затем и в описи ОР РГБ было указано 21 марта¹⁴³. По мнению С. В. Полехова, первый символ представляет собой зеркально отраженное «S». Такое обозначение имеет аналоги и в других грамотах. Более того, архивист XVI–XVII вв. нанисал на обороте грамоты: «в лет(о) 6996 мар(та) 16 ден(ь)» (ПМ-7), все его шестерки-«S» читаются однозначно (см. илл. 27.4).

Илл. 27.4. Датировка грамоты № 10

К истории грамоты: Как справедливо заметил М. М. Кром, эта грамота о Козельске являлась продлением (возобновлением) аналогичной грамоты от 5 февраля 1448 г., выданной королем Казимиром IV князю Федору Львовичу Воротынскому¹⁴⁴. Последний управлял Козельском и пользовался большим доверием короля. После 1480 г. его литовские жалобы продолжали увеличиваться¹⁴⁵, поэтому сложно представить мотив для его отстранения от административной должности козельского наместника. Князь Федор Львович умер к началу 1483 г., а возможно, еще до осени 1482 г. В 1520 г. киевские нослы вспоминали, что осенью 1482 г. крупное литовское войско приходило

¹⁴⁰ Kolankowski L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1. S. 392.

¹⁴¹ Jakubowski J. Archiwum państwowe W. X. Litewskiego i jego losy. S. 8–9, 17.

¹⁴² Biblioteka XX. Czartoryskich w Krakowie. № 817. S. 207.

¹⁴³ Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1866 год. С. 58.

¹⁴⁴ Кром М. М. Меж Русью и Литвой. С. 78–79.

¹⁴⁵ СИРИО. Т. 35. С. 136.

оборонять Киевскую землю от нашествия крымских татар. В нем был не только «kniaz Worotyński», но и некий «kniaz Kozielski»¹⁴⁶. К тому времени природных козельских князей уже давно не существовало. Вероятно, после смерти князя Федора Львовича его старший сын князь Дмитрий занимал должность козельского наместника без пожалования короля и лишь 16 марта 1488 г. получил от него соответствующую грамоту. Этим шагом Казимир IV выражал доверие старшему воротынскому князю, в то время как некоторые князья новосильского дома (Иван Воротынский и Иван Белёвский) уже переметнулись на московскую службу.

Данная грамота хранилась в литовском великокняжеском архиве, о чем свидетельствуют заграничные пометки на ее обороте. Когда в XVII в. этот архив присвоили себе Радзивиллы, к ним перешла и присяжная грамота 1488 г. Она отмечалась, например, в описях архива 1623 и 1685 гг.¹⁴⁷ Согласно описи конца XVIII в., она хранилась в 3-й части 4-го fascicula (связки) под № 1: «List kniazia Dmitra Worotyńskiego, którym się zapisuię z zamkiem Kozielskim, onemu danym, krolowi Kazimierzowi do Litwy, dany w Wilnie dnia 12 Marca, z pieczęcią małą». Слева на полях год: 6996, 1488¹⁴⁸. По этим описям грамота и была известна историкам. Я. Якубовский отмечал, что еще в XVIII в. грамота хранилась в Радзивилловском архиве, но затем исчезла¹⁴⁹. Как выясняется, она не пропала бесследно. Около 1837–1844 гг. она попала к П. А. Муханову¹⁵⁰, который передал ее Московскому Публичному и Румянцевскому музеям в 1866 г.¹⁵¹ Сведения об этом были опубликованы еще в конце XIX в., но остались незамеченными многими историками. Исключением стал разве что Э. Банионис, который, согласно листу использования грамоты, работал с ней 19 октября 1987 г., при подготовке публикации второй части 5-й книги записей Литовской метрики. Ученый выполнил «описание внешних атрибутов» грамоты, однако не отразил полученные сведения в своих работах. Вновь на нее обратили внимание А. В. Кузьмин, С. В. Полехов, А. Н. Латушкин лишь в 2015–2018 гг.¹⁵²

¹⁴⁶ Каманин И. [М.] Сообщение послов Киевской земли... С. 6.

¹⁴⁷ Латушкін А. М. Рєстр дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага ад 26 лістапада 1623 г. С. 262. № 75; *Он же*. Аб гісторыі ўключэння граматаў і актаў дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага... С. 306. № 34.

¹⁴⁸ Biblioteka XX. Czartoryskich w Krakowie. № 817. S. 207.

¹⁴⁹ Jakubowski J. Archiwum państwowe W. X. Litewskiego i jego losy. S. 17.

¹⁵⁰ Барсуков П. [П.] Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 7. С. 207–208. Письмо П. А. Муханова к М. П. Погодину с известием о приобретении данной грамоты датируется 8 (20) июля 1844 г. (Бяспалаў Р., Палехаў С. Гісторыя літоўска-павасільскіх дагавораў 1427–1491 гадоў... С. 209–212).

¹⁵¹ Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1866 год. С. 58.

¹⁵² Кузьмин А. В. Архивные материалы и рукописные книги XIII–XX вв. Отдела рукописей РГБ... С. 112; Латушкін А. М. Акты XV ст. з дзяржаўнага архіва Вялікага княства Літоўскага ў калекцыі расійскага археографа П. А. Мухава (1797–1871). С. 119–120.

№ 11

Пакапуе 4 января 1493 г.

Челобитная грамота князя Семена Федоровича Воротынского
великому князю литовскому Александру Казимировичу

| [л. 106] ¹⁵³ Сю грамоту нривез Загрязской Митя. А взял ее у кн(я)жа | Семенова ч(е)л(ове)ка у Воротынского(о). А нривез былъ ту гра|моту княз(ь) Семенов ч(е)л(ове)къ к великому кн(я)зю Александру | от кн(я)зя Семена, и Митя ему тое грамоты давати | не велел¹⁵³.

| Г(осноди)ну осн(о)д(а)рю великому кн(я)зю Александру, литовскому | и рускому и иных, кияз(ь) Семен Феодорович, г(осноди)не, челом бьет.

| А также, г(осноди)не, служил есми о(т)цу твоему, г(осно)д(а)рю своему, | великому королю Казимиру, и был есми, г(осноди)не, у о(т)ца | твоего, г(осно)д(а)ря моего, у кр(е)стном целован(ь)и. А о(те)ць твои, | г(осноди)не, был у мене у кр(е)стном целован(ь)и¹⁵⁴ на том, што было о(т)цу | твоему, осн(о)д(а)рю нашему, за отчину за нашу стояти | и боронити от всяког(о). Ино, г(осноди)не, сведомо тебе, что | отчина моя отстала, и о(те)ць твои, г(осноди)не, гос(нода)рь наши, за отчи|ну за мою не стоял и не боронил, а мне, г(осноди)не, против | моеи отчины, городов и волостей мне не измыслил.

| И к тебе есми, г(осноди)не, носылал бити челом боярина своего | Ивана Карновича, чтобы твоя м(и)л(о)сть, осн(о)д(а)рь наши, | пожаловал мене по тому же, в докончан(ь)е и въ кр(е)стное | целован(ь)е¹⁵⁵, как о(те)ць твои мене жаловал, д(е)ръжал у доко|нчан(ь)и¹⁵⁶, городом бы есь, г(осноди)не, мне обмыслил, против моеи | отчины, чемъ бых мель тебе, осн(о)д(а)рю своему, слу|жити. И твоя м(и)л(о)сть, г(осноди)не, мене не жаловал, города || [л. 106 об.] не дал, и в докончан(ь)я не нринял, а за отчину за мою | не стоял, а боярина моего, г(осноди)не, не жаловал, не читил, | как о(те)ць твои наших боярь жаловал, читил. Ино, | г(осноди)не, не я выступил, твоя м(и)л(о)сть, осн(о)д(а)рь.

Ино, г(осноди)не, | о(т)ца твоего, г(о)с(но)д(а)ря нашего, кр(е)стное целован(ь)е и твое | с мене доловъ, занже, г(осноди)не, в листу стоит в доконча|дном о(т)ца твоего, осн(о)д(а)ря нашего: а по нашем животе, | кто будет д(е)ръжати Великое княж(ь)ство Литовское | наших наместьков, ино им нриняти кн(я)зя Семена | Феодоровича в таково ж докончан(ь)е и въ свое жало|ван(ь)е. А не имут жаловат(ь), а не нриимут в докончан(ь)е, | ино со кн(я)зя Семена Федоровича целован(ь)е кр(е)стное | долов, а ему воля¹⁵⁷. Ино, г(осноди)не,

¹⁵³⁻¹⁵³ Нометка перед списком грамоты, выполненна тем же почерком, что и почерк ее основного текста.

¹⁵⁴ В АЗР фрагмент: «а отецъ твой, господипе, былъ у мене у крестномъ целовапьи» — пропущен.

¹⁵⁵ Вероятно, здесь опущено слово «припять».

¹⁵⁶ В АЗР слова «дръжалъ у докопчани» — пропущены.

¹⁵⁷ В АЗР фрагмент со слов «А по пашемъ животе...» до слов «...а ему воля» взят в кавычки, как бы подразумевающая цитату из докопчания князя Семена Федоровича с королем Казимиром.

о(т)ца твоего, г(о)с(но)д(а)ря, ве|ликог(о) короля, и твое, и Великог(о) княж(ь)ства Литов|скаг(о) кр(е)стное целован(ь)е с мене со кн(я)зя Семена Федоро|вича долов.

| ¹⁵⁸А на подниси у сее грамоты: г(осноди)ну г(о)с(но)д(а)рю, великому кн(я)зю | Александру, литовскому и рускому и иных ⁻¹⁵⁸.

Список начала XVI в. ¹⁵⁹ — РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. Кн. 1. Л. 106 — 106 об. Грамота ранее публиковалась: Щербатов М. [М.], князь. История российская. Т. 4. Ч. 3. С. 221–222; АЗР. Т. 1. № 106. С. 124; СИРИО. Т. 35. № 19. С. 84–85. С АЗР грамота с сокращением перепечатывалась: Баталин А. М. Город Воротынский и князя Воротынские... С. 27–28.

Печатается по: РГАДА. Ф. 79. Он. 1. Кн. 1. Л. 106 — 106 об.

Примечание: При сличении с нредыдущими нубликациями установлено, что наиболее близко к оригиналу была вынолнена нубликация Г. Ф. Карнова. На некоторые погрешности в нубликациях М. М. Щербатова и особенно И. И. Григоровича указано в сносках.

Основание для датировки: Грамота отнравлена из Москвы с носольством великого князя Ивана Васильевича с Дмитрием Загрязским к великому князю Александру Казимировичу 5 января 7001 (1493) г. В носольских речах указано, что они составлены к 4 января сего года.

№ 12

Около июля — августа 1498 г.

Ярлык крымского хана Менгли-Гирея
велпкому князю московскому Ивану III

| [л. 293] Менли-Гиреево слово. Великому кн(я)зю Ивану, брату моему, | много ноклон. Из старины одоевских городов кн(я)зи, но стари|не к нам, что давали ясаку тысячу алтын, а дарагамъ | другую тысячу алтын давали, но тои ношiline да|рагу их Бахшеиша нослал есми. Как сесь нисан ясакъ | н(а)шъ две тысячи алтын ношлину н(а)шу безубыточно | и дати нам не нохотят, и ты бы взяв на них, да дал. Моим | здоров(и)емъ и твоим, брата моег(о), здоровьем хотим свыше | учинити дело свое. А одоевских кн(я)зеи, Иван в голо|вах, и люди его учнут лычити, самъ свое кренкое сло|во молвив, снолна, что сеи нисано, Бахшеишу взяв|ши, велииш(ь) отдати, братство твое ведает. Молвя, | съ синим нишаном ярлык нослал есми.

Однако предположение о существовании их отдельного докопчания скорее противоречит пачалу пастоящего письма. Выделенный фрагмент не соответствует формуляру литовско-повосильских докопчаний буквально, поэтому следует полагать, что здесь князь Семел Федорович пересказывал великому князю Александру Казимировичу смысл докопчания от 10 апреля 1483 г.

^{158–158} Пометка после окопчания списка грамоты тем же почерком.

¹⁵⁹ О датировке составления древнейших кодексов посольских книг см.: Мошкова Л. В. Русские посольские книги: пачало формирования. С. 236–248.

Список начала XVI в. — РГАДА. Ф. 123. *Сношения России с Крымом. Оп. 1. Кн. 1. Л. 293*. Грамота ранее публиковалась: СИРИО. Т. 41. № 58. С. 269; Беспалов Р. А. *Документы о сношениях Крыма с Москвой по поводу одоевского ясака. С. 229. № 1*.

Печатается по: РГАДА. Ф. 123. Он. 1. Кн. 1. Л. 293.

Основание для датировки: А. Л. Хорошкевич датировала ярлык 9 июля 1498 г. на основании ярлыка Менгли-Гирея об отправке крымских нослов Казимира и Хозяша, с которыми в Москву прибыл и Бакшейш: 9 июля, суббота, 903 г. х. (в дате число не совпадает с днем недели)¹⁶⁰. Грамота об одоевском ясаке, как и многие другие из этого носольства, не имеет даты. Среди дел носольства есть грамота, датированная 23 августа, суббота, 903 г. х. (в дате число не совпадает с днем недели, а 903 г. х. заканчивался 18 августа 1498 г.)¹⁶¹.

№ 13

Пе позднее пачала апреля 1500 г.

**Ответ великого князя московского Ивана III
крымскому хану Менгли-Гирею**

[Л. 42]¹⁶² А се молвити ц(а)рю кн(я)зю Ивану оносле всех дел⁻¹⁶².

| Княз(ь) велики велел тебе говорити: нисал еси к нам | въ своей грамоте съ своим ч(е)л(ове)к(о)мъ с Бакшейшем | о Одоевских кн(я)зех: что которую тебе но|дать давали, и они бы тебе и н(ы)не по тому же | ту нодат(ь) давали. Ино одоевских кн(я)зеи больших | не стало, а отчина их нуста. А иные кн(я)зи одоев|ские¹⁶³ намъ служат, наши слуги, мы | их кормим и жалует их своим жалованиемъ. А иных || [Л. 42 об.] кн(я)зеи одоевских жереб(ь)и за нами. И что тебе дава|ли и твоему ч(е)л(ове)ку, ино их яз же темъ жаловалъ, | а имъ нечего давати, отчина их нуста. А и н(ы)не | твоего ч(е)л(ове)ка яз же ножаловал, а им нечего дава|ти. И ты бы одоевским кн(я)з(е)мъ вперед свою нош|лину отложил, да и дараг бы еси их к ним не носылаз | но свою ношлину, меня деля.

Список начала XVI в. — РГАДА. Ф. 123. *Сношения России с Крымом. Оп. 1. Кн. 2. Л. 42 — 42 об.* Грамота ранее публиковалась: СИРИО. Т. 41. № 64. С. 306; Беспалов Р. А. *Документы о сношениях Крыма с Москвой по поводу одоевского ясака. С. 229–230. № 2*.

Печатается по: РГАДА. Ф. 123. Он. 1. Кн. 2. Л. 42 — 42 об.

Основание для датировки: В грамоте содержится ответ Ивана III на послание Менгли-Гирея, направленное в Москву еще в 1498 г. вместе с нослами Казимиром и Хозяшем. Крымские нослы были задержаны и находились в Москве

¹⁶⁰ Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. С. 235; СИРИО. Т. 41. С. 263.

¹⁶¹ СИРИО. Т. 41. С. 270.

^{162–162} Наказ («память») князю Ивану Семеповичу Кубепскому.

¹⁶³ Здесь в рукописи слово «одоевские» повторено, а затем зачеркнуто.

еще в октябре 1499 г., когда туда прибыл носол Ази-Халиль, через которого Менгли-Гирей просил отнустить всех его нослов в Крым¹⁶⁴. Грамота не имеет даты. Направлена в Крым вместе с носольством князя Ивана Семеновича Кубенского, которое перенравилось через Угру 24 апреля 1500 г.¹⁶⁵

№ 14

Пакапупе пачала сентября 1508 г.

Ярлык хана Менгли-Гирея великому князю московскому Василью III

| [л. 10 об.]¹⁶⁶ А се ц(а)р(е)ва ж грамота¹⁶⁶:

| Мен-Гиреево ц(а)р(е)во слово. Великому кн(я)зю Васил(и)ю, братоу | моему, слово н(а)ше то. В сяков же год нисал еси к тебе | в своем ярлыке з Бакшаишем: которые н(а)ши городовые но|минки, да и Бакшаишу, которое ему идет езд, то еси | кь нам нрислал. А из старины при великом кн(я)зе Иване, но тому ж | с одоевских кн(я)зеи, которые носылали к нам н(а)ши номинки, | и тому Бакшаишу что на нодовши шло¹⁶⁷, носыла там, да | взявши тамо, да з Бакшаишом к нам носыла. И ты бы | н(ы)н(е)ча, брат мои, но старине, что нам идет с Одоева, без ущерб, | собравши снолна, нрислал к нам с нашим ч(е)л(ове)ком з Бакшаишом. | А и в сяков же год снолна не дали, не но тому нрислали. И | н(ы)не бы но старине, собравъ бы еси, да з Бакшеишом к нам при || [л. 11] слал еси. Да сколько нам, собравъ с Одоева, ношлешъ з Бакшаишом, | и ты бы то нанисал на снисок, да тот снисок к нам нрислалъ | с своим нослом, которой к нам с Магмедшою ноидет. А Бакшаишо | во, конем его и ему, кормъ с Одоевских волостей. Так ведая, | чтобы еси ему и конем его кормъ давал досыти. Молвя, жи|ковиною занечатав, [с] синим нишаном ярлык нослал еси.

Список начала XVI в. — РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Кн. 3. Л. 10 об. — 11. Грамота ранее публиковалась: Малиновский А. [Ф.] Историческое и дипломатическое собрание дел... С. 392. № 22; СГГД. Ч. 5. № 54. С. 37–38; СИРИО. Т. 95. № 2. С. 29; Беспалов Р. А. Документы о сношениях Крыма с Москвой по поводу одоевского ясака. С. 230–231. № 3.

Печатается по: РГАДА. Ф. 123. Он. 1. Кн. 3. Л. 10 об. — 11.

Основание для датировки: Грамота не имеет даты. В носольских делах находится среди ярлыков хана Менгли-Гирея, составленных к началу сентября 1508 г. Прибыла в Москву с носолом Магомедшой 27 октября того же года¹⁶⁸.

¹⁶⁴ СИРИО. Т. 41. С. 288.

¹⁶⁵ СИРИО. Т. 41. С. 313–314.

^{166–166} Заголовок списка ярлыка в посольской книге.

¹⁶⁷ Так в рукописи. Если здесь погрешность кописта, не разобравшего оригинальный текст, возможно, следует читать «па подати шло». Слово «подать», иначе «пошлипа», употребляется в письме Ивана III 1500 г.

¹⁶⁸ СИРИО. Т. 95. С. 19.

№ 15

Июль 1515 г. (921 г. х.)

Ярлык хана Мухаммед-Гирея великому князю московскому Василию III

| [л. 30] ¹⁶⁹ А се грамота о одоевскомъ ясаку
Магмед-Гире|ева ц(а)рева съ его носломъ съ Янчурою ⁻¹⁶⁹:

|| [л. 30 об.] Великие Орды великоз(о) ц(а)ря Мегмед-Гиреево ц(а)ре|во слово. Брату моему великому кн(я)зю Ва|сил(и)ю Ивановичю. Слово н(а)ше то: Бакше|ишева с(ы)на Девлет-Яра, но *отца* своего но жалованию, | как его *от(е)цъ* н(а)шъ но жаловал, и яз его но жаловал *одо|евскою* ношлиною. А и нанеред того Девлет-Яр | на *отца* нашего и на н(а)ше дело ездиль, и zde бы | был у нас. И мы бы з болшимъ с своим нослом нослали | к тебе. При *отце* н(а)шем, которую ему ношлину | с Одоева давали, и ты б и н(ы)не ему велел ту | ношлину давати. Молвя, к тебе, к брату | своему, сю грамоту нослал есми, да и словом есми к тебе Янчуре дувану наказал говорити. | Молвя, съ синим нишаномъ, жиковиною занеча|тав, грамоту нослал есми, лета девятсот, | дватцат(ь) нерваго, июл(я) м(е)с(я)ца.

Список XVI в. — РГАДА. Ф. 123. *Сношения России с Крымом. Оп. 1. Кн. 4. Л. 30 — 30 об.* Грамота ранее публиковалась: СИРИО. Т. 95. № 10. С. 158; Беспалов Р. А. *Документы о сношениях Крыма с Москвой по поводу одоевского ясакa.* С. 231. № 4.

Печатается по: РГАДА. Ф. 123. Он. 1. Кн. 4. Л. 30 — 30 об.

Примечание: Грамота прибыла в Москву 31 августа 1515 г. с нослом Янчурой дуваном ¹⁷⁰.

№ 16

Около июля 1518 г.

Ярлык хана Мухаммед-Гирея великому князю московскому Василию III

| [л. 155 об.] ¹⁷¹ А се третиа грамота
ц(а)р(е)ва к великому кн(я)зю с Кудааром же ⁻¹⁷¹:

| Великие Орды великоз(о) ц(а)ря *от* Мегмед-Ги|реа ц(а)ря, брату моему великому кн(я)зю Васил(и)ю Ивановичу, мноз(о), мноз(о) ноклон. Слово | н(а)ше то. Изначала къ брату к своему | к тебе о добре коли ношлем болшез(о) своез(о) | носла, и мы завсе к тебе нокойника Де|влет-Ара носылали. И н(ы)не Девлет-Ара дья|волским навожением ч(е)л(ове)къ ег(о) ноколом. А брат у нег(о) меншеи есть, и он с тем, которой у нег(о) | брата убил, той крови для н(а)шез(о) двора || [л. 156] бережет, и он за тем не ношел к тебе. И мы | брата ег(о) болшоз(о) с(ы)на к тебе нослали. И ты б | один белои ястреб нрислал к нам с тем с н(а)шим

¹⁶⁹⁻¹⁶⁹ Заголовок списка ярлыка в посольской книге.

¹⁷⁰ СИРИО. Т. 95. С. 151.

¹⁷¹⁻¹⁷¹ Заголовок списка ярлыка в посольской книге.

| наробком с Ылеманом, которой к тебе сю н(а)шу | грамоту привезет. Да ножаловал бы еси, | одоевской годовой взимок нрислал, как еси | нанеред тог(о) нрисылывал. Молвя, жиковиною | занечатав, грамоту нослал есми.

Список XVI в. — РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Кн. 5. Л. 155 об. — 156. Грамота ранее публиковалась: СИРИО. Т. 95. № 30. С. 522; Беспалов Р. А. Документы о сношениях Крыма с Москвой по поводу одоевского ясака. С. 231–232. № 5.

Печатается по: РГАДА. Ф. 123. Он. 1. Кн. 5. Л. 155 об. — 156.

Основание для датировки: Грамота не имеет даты. Послана вместе с посольством Кудаяра, выехавшим из Крыма в конце июля 1518 г. и прибывшим ко двору Василия III 24 августа 1518 г.¹⁷²

№ 17

Конец января 1519 г. (925 г. х.)

Ярлык хана Мухаммед-Гирея великому князю московскому Василию III

| [л. 324] ¹⁷³ А се грамота сема я ц(а)р(е)ва о одоевском ясаке⁻¹⁷³:

| Великие Орды великог(о) ц(а)ря Мегмед-Гиреево | ц(а)р(е)во слово великому кн(я)зю Васил(и)ю Ивановичю, брату моему. Слово н(а)ше то. Бедной Ба|кшеишев с(ы)нъ Девлет-Ярь на Бож(ь)ю волю ношел. || [л. 324 об.] И мы ножаловали, н(ы)не сю грамоту взяв, ношел брат | его меншеи Алди-Яр тою ношлиною его. И н(ы)не | у тебя у брата моего прошен(и)е мое то. Что | бедному Девлет-Яру шло твое жалован(и)е, то | бы еси ножаловал, тому н(ы)не велел дати, зан(е)же | мои да и твои, брата моего, холонь и слуга. | И ты б сего моего слова инаково не учинил, дружбе | и братстве нримета то. Да о сем же деле | и словом есми тебе наказал говорити болше|му своему нослу Анаку кн(я)зю, так бы еси, ведая, | верил. Молвя, з жиковинною неча(ть)ю с синимъ | нишаном грамоту нослал ес(м)и. Лет(а) 925 генва|ря м(е)с(я)ца в ысходе. Писан в Кыркоре.

Список XVI в. — РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Кн. 5. Л. 324 — 324 об. Грамота ранее публиковалась: СИРИО. Т. 95. № 36. С. 638; Беспалов Р. А. Документы о сношениях Крыма с Москвой по поводу одоевского ясака. С. 232. № 6.

Печатается по: РГАДА. Ф. 123. Он. 1. Кн. 5. Л. 324 — 324 об.

Примечание: Грамота прибыла в Москву к концу марта 1519 г. с нослом князем Анаком¹⁷⁴.

¹⁷² СИРИО. Т. 95. С. 513.

^{173–173} Заголовок списка ярлыка в посольской кпиге.

¹⁷⁴ СИРИО. Т. 95. С. 658.

№ 18

Декабрь 1529 г. (936 г. х.)

Ярлык хана Саадет-Гирея великому князю московскому Василию III

| [л. 276] ¹⁷⁵ А се грамота ц(а)р(е)ва ж четвертая⁻¹⁷⁵:

| Великие Орды великаг(о) ц(а)ря силы находца Саадет- || [л. 276 об.] Гиреево ц(а)рево слово. Брату моему великому кн(я)зю | Васил(и)ю Ивановичу зановеди ц(а)ря ц(а)рем слово то. | От начала нанеред на нокойников ц(а)рей, ц(а)ря отца н(а)шего | и ц(а)ря дяди н(а)шег(о), въ унокойниковых лета, да еще | и в великаго ц(а)ря деда н(а)шег(о) въ Ази-Гиреевы ц(а)ревы, | его же сарая нребыван(и)е в раю имеетца, времена, | старому нашему слуге Бакшеишу, и его детемъ | на всякои год со всяким болшим нослом, к Рязани которые | города тянут, с Одоева города тысяча алтын | московскими деньгами жалован(и)я твоего им шло. | И н(ы)не Бакшаишов с(ы)нъ Алдыяр у меия во дворе жи|вет. И ты б н(ы)нешнево году свое жалован(и)е | ту тысячу алтын своего жалован(и)я дал, а мы ся | нечалуем. А н(ы)не к тебе к брату моему ноехал брат его Нанъ и даи б(ож)е доехал, а ты б его не изде|ржал, отпустил. И с Одоева з города то бы еси | взимок велел ему дати, да ко мне еси его | отпустил. Изначала тот взимок был твое жалован(и)е, | инако б еси не молвил. Молвя, Алдыяра брата На|на к тебе нослал. Жиковиною грамоту зане|чатав, лет(а) девятсот тридцат(ь) шестаго декабря м(еся)ца. Писана в Кыркоре.

Список XVI в. — РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Кн. 6. Л. 276 — 276 об. Главную суть этой грамоты впервые изложил Н. М. Карамзин¹⁷⁶. Она была описана А. Ф. Малиновским, затем использовалась В. Е. Сыроечковским. Ранее публиковалась: Беспалов Р. А. Документы о сношениях Крыма с Москвой по поводу одоевского ясака. С. 232–233. № 7.

Печатается по: РГАДА. Ф. 123. Он. 1. Кн. 6. Л. 276 — 276 об.

Примечание: Грамота прибыла в Москву 16 июня 1530 г. с нослом Ахмет-Уланом.

№ 19

Конец 1531 г.

Ярлык хана Саадет-Гирея великому князю московскому Василию III

| [л. 370] ¹⁷⁷ А се грамота ц(а)р(е)ва ж о одоевском ясаке⁻¹⁷⁷:

| Великие Орды великог(о) ц(а)ря Саадет-Гиреево ц(а)р(е)во | слово. Брату моему великому кн(я)зю Васил(и)ю Ивано || [л. 370 об.] вичу всеа Руси зановеднишие слово то. Нанеред | сего при отце н(а)шем Кара-Бакшаишу одоевской

^{175–175} Заголовок списка ярлыка в посольской книге.

¹⁷⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 7. Примеч. 301. Стб. 45.

^{177–177} Заголовок списка ярлыка в посольской книге.

взимок на всякой год но тысячи алтын денег жалован(и)е | твое было. И после того в Магмет-Гиреевы ц(а)р(е)вы лета, которой человекъ у тебя был о том, и ты де | дав, отпустил еси. И н(ы)не в мои, брата твоег(о) леты, | но тому же обычею жаловал еси тот взимок | тысячу алтын. Которой (к) тебе поехал о них бити | челом, тому бы еси дал, отпустил. Издавна то | так твое жалован(и)е, инако бъ еси не учинил. | Молвя, жиковиною занечатав, грамоту нослал | есми. Кара-Бакишишеву с(ы)ну, слуге своему, Алди-Яро|ву брату, сею дорогою тот взимок дал бы еси.

Список XVI в. — РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Кн. 6. Л. 370 — 370 об. Грамота использовалась В. Е. Сыроечковским. Ранее публиковалась: Беспалов Р. А. Документы о сношениях Крыма с Москвой по поводу одоевского ясака. С. 233. № 8.

Печатается по: РГАДА. Ф. 123. Он. 1. Кн. 6. Л. 370 — 370 об.

Примечание: Грамота прибыла в Москву в начале апреля 1532 г. с нослом Авельшихом.

№ 20

Осень 1534 г.

Ярлык хана Ислам-Гирея великому князю московскому Ивану IV

|| [л. 145] ¹⁷⁸⁻А се грамота Исламова *ж* о одоевском ясаку⁻¹⁷⁸:

| Ислам-Гиреево, ц(а)р(е)во, сл(о)во брату моему вели|кому кн(я)зю Ивану Василевичу поклон. | После ч(е)стныя н(а)шия зановеди сл(о)во то. | Твоее казны к нам номинки но обычею | идуть, а с казною с твоею намъ идет | с Одеева тысяча алтын московскими ден|гами, а мы их даем соколничему своему | Кудояру кн(я)зю, его тот взимок. И н(ы)не есми его къ своему нослу прикошевал, | нослал к тебе, брату своему, и ты б ему | велел дати. Да еще еси носылывал | к намъ ястреб белой номинки от себя, | и ты б н(ы)не однолично с нимъ, ястребом, | нослал к намъ. Молвя, жиковиною | занечатав, грамоту нослал есми.

Список XVI в. — РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Оп. 1. Кн. 8. Л. 145.

Печатается по: РГАДА. Ф. 123. Он. 1. Кн. 8. Л. 145.

Примечание: Грамота прибыла в Москву 30 декабря 1534 г. с гонцом Будады мурзой.

¹⁷⁸⁻¹⁷⁸ Заголовок списка ярлыка в посольской книге.

II. Повествовательные источники о Белёвской битве 1437 года

Царю смиряющуся и не хотящу битися и прося
прокормитися, представляя Бога христианьского.

Русский хронограф 1512 г.

№ 21. Соноставление рассказа нервого вида (I-A) и двух редакций сокращенных рассказов нервого вида (I-B, I-B2) *

Рассказ нервого вида (I-A) в редакции: Вол-Перм, Никан., Лавров., Моск. св., Сим., Иоас., Воскр., Никон.	Сокращенный рассказ нервого вида (I-B) в редакции Летонисных сводов 1488, 1497 и 1518 гг.	Сокращенный рассказ нервого вида (I-B2) в редакции Ермолинской летониси
Тое же осени пришед царь Махмут, седе в граде Белеве, бежав от иного царя.	Тое же осени пришед царь Махмут, седе в граде Белеве, убежав от иного царя.	Тое же осени
Князь же велики Василен Васильевич посла на него дву князеи Дмитриев Юрьевичев, и прочих князеи множество, с ними же многочислены полки,	Князь же великии Василен Василиевич посла на него дву князеи Дмитриев Юриевичев, и прочих князеи множество, с ними же многочислены полки,	князь велики посылат братью свою, два князя Дмитрея Юрьевичев, и прочих князеи, и <u>многих воевод</u> , с ними же многочисленыя полки,
		на царя Махметя на Белеву,
а царю в мале тогда сушу.	а царю в мале тогда сушу.	а ему же в мале сушу тогда,
		от иного царя убегшу.
Идущим же им к Белеве, все пограбиша у своего же православного християнства и мучаху людеи из добытка, и животину, бьюще, назад себе отсылаху, а и ни с чим же не разоидяхуся, все грабиша, и неподобнаа и сквернаа деяху.	Идущим же им к Белеву(е), все пограбиша у своего же православного християнства и мучаху людеи из добытка, и животину, биюще, назад себе отсылаху, ни с чим же не разоидяхуся, все грабяху, и неподобная и скверная деяху.	
Пришедшим же им к Белеве.	Пришедшим же им к Белеву.	
И царь убоявся, видево многое множество полков русских, начат даватися во всю волю князем русским.	И царь убоявся, видево много(е) множество полков русских, начат даватися во всю волю князем русским,	И убоявся князеи русских, и нача ся давати им в всю волю их,

Рассказ первого вида (I-A) в редакции: Вол-Перм, Никан., Лавров., Моск. св., Сим., Иоас., Воскр., Никон.	Сокращенный рассказ первого вида (I-B) в редакции Летонисных сводов 1488, 1497 и 1518 гг.	Сокращенный рассказ первого вида (I-B2) в редакции Ермолинской летописи
Они же не послушаша царевых речей. На утрии же исполчившихся русстии полци, пондоша к городу, и татарове же выидоша противу им, и бысть им бои силен. И поможе Бог христьяном, побиша татар много, зятя царева убиша и князеи и татар и в город вгониша их. Убьен же бысть тогда в городе князь Петр Кузминьской да Семен Волинец, гнаша бо ся те за татары и до половины града, а прочии вои от града взвратишася.		
На утрии же послал царь ко князем русским и воеводам зятя своего Ельбердеа да дараг князен Усеина Сарая да Усень Хозю. А к ним приехали на зговорку Василен Иванович Собакин да Андреи Федорович Голтяев. И рекоша татарове к ним: «Царево слово к вам:		
Даю вам сына своего Мамутека, а князи своих детей дают вам в закладе на том,	и дети своя в заклады давати им,	и в закладе дети своя давати,
		<u>и что где взяли, и не в великого князя отчине полону, то все отдавали,</u>
дасть ми Бог, буду на царстве и доколя буду жив, дотоля ми земли русские стеречь, а по выходы ми не посылати, ни по иное ни по что».	что некоторые напасти не чинити ему земли Русской,	и по тот день не чинити им пакости.

Рассказ первого вида (I-A) в редакции: Вол-Перм, Никан., Лавров., Моск. св., Сим., Иоас., Воскр., Никон.	Сокращенный рассказ первого вида (I-B) в редакции Летонисных сводов 1488, 1497 и 1518 гг.	Сокращенный рассказ первого вида (I-B2) в редакции Ермолинской летописи
	<u>но, мало опочинув, ити прочь.</u>	
Они же того не восхотеша. Князи же татарстии ре(ко)ша воеводам великого князя: «А сего ли не хотите же, озритесь назад». Они же посмотривше за себя, видеша своих бежащих, гонимых никым же.		
	<u>Видевше же рустии полци многое множество своих (полков), а татар худое недостаточество и, разгордевшеся, поидоша на татар, яко пожрети хотяще их.</u>	Наши же, видевши своих многое множество, а сих худое недостаточество, и, разгордевшеся, поидоша на них, яко пожрети их хотяще.
		И припустиша к граду месяца декабря 5.
И превозношения ради нашего, и за множество согрешении наших попусти Господь неверным одолети многому воинству православным христианом ¹ , яко неправедне бо ходящим нашим и свое христьянство прежде губящим.	И превозношения ради нашего, и за множество согрешении наших попусти Господь неверным одолети многому воинству православным христьяном, яко неправедне бо ходящим нашим и свое христьянство прежде губящим.	И превозношения ради нашего и множества грех понусти Бог на нас: малое и худое оно безбожных воинство одолеша тмочисленным полком нашим ² , неправедне ходящим, прежде своих губящем.
И худое оно малое безбожных воинство бесчисленное христиан воинство съодоле и изби,	И худое оно малое безбожных воинство бесчисленное христианство съодоле и изби,	Многое же множество избьено руси бысть,
яко единому агарину десяти нашим ³ и выше того одолети.	яко единому агарянину десятим нашим и выше того одолети.	яко единому агарянину десяти или того выше одолети,

¹ Здесь и в более поздних редакциях должно быть: «...многое воинство православных хри-
стиан».

² Здесь и в более поздних редакциях должно быть: «...тмочисленные полки паши».

³ Здесь и в более поздних редакциях должно быть: «паших».

Рассказ первого вида (I-A) в редакции: Вол-Перм, Никан., Лавров., Моск. св., Сим., Иоас., Воскр., Никон.	Сокращенный рассказ первого вида (I-B) в редакции Летонисных сводов 1488, 1497 и 1518 гг.	Сокращенный рассказ первого вида (I-B2) в редакции Ермолинской летописи
Князи же болшие убогоша здрави.	Князи же болшие убогоша здрави.	князи же <u>и воеводы</u> вси побегоша.
Бысть же сие месяца декабря в 5.	Бысть (же) сие месяца декабря в 5.	
Убьени же быша на бою том: Андрей Костянтинович Шонуров, князь Федор Торусскы, князь Андрей Стародубьской Лобан, Микита Туриков, Семен Горстькин, Кузма Порховской, Иван Кузминской, Андрей Хоробов, Дмитрен Каиса,		Тогда же убиша князя Андрея <u>Ивановича</u> Лобана Рязполовского, Семена <u>Остафьевича</u> Горстькина, Дмитрея <u>Ивановича</u> Каису, князя Петра Кузминьского,
и иных многое множество.		а инех бесчисленное множество
		<u>побьено бысть и от своих хрестьян</u> , которых, идучи к бою тому грабили.

* Пунктирным подчеркиванием выделены вставки первого этапа сокращения-редактирования рассказа первого вида.

Волнистым подчеркиванием выделены оригинальные фрагменты-вставки Ермолинской летописи, не читающиеся в других рассказах о Белёвской битве.

№ 22. Соноставление сокращенных рассказов первого вида в редакции Летонисных сводов 1488, 1497 и 1518 гг. (I-B) и в редакции Стененной книги (I-Г)

Сокращенный рассказ первого вида (I-B) в редакции Летонисных сводов 1488, 1497 и 1518 гг.	Сокращенный рассказ первого вида (I-Г) в редакции Стененной книги
Тое же осени пришед царь Махмут, седе в граде Белеве, убежав от иного царя.	Тогда же слышав великий князь яко царь Маахметь, бегая от иного царя, вбеже в Белеву,
Князь же великий Василен Василиевич посла на него дву князеи Дмитриев Юрьевичев, и прочих князеи множество, с ними же многочислены полки,	на него же посла великий князь братаничев своих, князя Дмитрия Шемяку и другаго князя Дмитрия Красного Юрьевичев и с ними многочисленныя полки.
а царю в мале тогда сушу.	

Сокращенный рассказ первого вида (I-Б) в редакции Летонисных сводов 1488, 1497 и 1518 гг.	Сокращенный рассказ первого вида (I-Г) в редакции Стененной книги
Идущим же им к Белеву(е), все пограбиша у своего же православнаго християнства и мучаху людеи из добытка, и животину, биюще, назад себе отсылаху, ни с чим же не разоидяхуся, все грабяху, и неподобная и скверная деяху. Пришедшим же им к Белеву.	
И царь убоявся, видево много(е) множество полков русских, начат даватися во всю волю князем русским, и дети своя в заклады давати им, что некоторые напасти не чинити ему земли Русской,	Царь же убояся князей русских, и начат молити их и во всю волю их даватися, еще и дети в заклад дающе им, яко не деяти им зла Русьей земли.
но, мало опочинув, ити прочь.	
Видевше же русии полци многое множество своих (полков), а татар худое недостаточество и, разгордевшеся, поидоша на татар, яко пожрети хотяще их.	Князь же Дмитрий Шемяка, тако же и брат его гордостию вознесошася, надеющеся на свое многое воинство, не внимаху повиновению цареву, устремившеся на брань, яко пожрети хотяще малое воинство татарское.
И превозношения ради нашего, и за множество согрешении наших понусти Господь	Бог же, превозношения ради их и множества грехов наших, понусти
неверным одолети	худому оному и малому безбожиях воинству одолети им
многому воинству православным християном, яко неправедне бо ходящим нашим и свое християнство прежде губящим.	тьмочисленныя полки християнския, яко неправедне ходящим и своих прежде губящих.
И худое оно малое безбожиях воинство бесчисленное христианство съодоле и изби,	
яко единому агарянину десятиим нашим и выше того одолети.	
Князи же болшие убегоша здрави.	Сами же князи бегу ся яша, гневом божиим гоними.
Бысть (же) сие месяца декабря в 5.	

**№ 23. Соноставление сокращенного рассказа первого вида (I-B2)
в редакции Ермолинской летописи и рассказа второго вида (II-A)
в редакции Софийской II и Львовской летописей****

Сокращенный рассказ первого вида (I-B2) в редакции Ермолинской летописи	Рассказ второго вида (II-A) в редакции Софийской II и Львовской летописей
Тое же осени князь велики посылал братью свою, два князя Дмитрея Юрьевичев, и прочих князей, <u>и многих воевод</u> , с ними же многочисленныя полки, на царя Махмета на Белеву, а ему же в мале сушу тогда, от иного царя убегшу.	Посла князь велики Василей Васильевич дву князей Дмитреев Юрьевичев и прочих князей, с ними же многое множество бесчисленных полков, на реку Белеву, на царя Махмета. Сушу тому в мале, от некоего царя выбегшу из Орды,
	<u>и постави себе город на реке на Белеве, от хвастия себе исплет и снегом насыпа, и водою поли, и смерзся крепко, и хоте ту зимовати.</u>
	<u>Князь же велики, здумав з братиею, хотя (его) изженути из своєю земля.</u>
И убоявся князей русских, и нача ся давати им в всю волю их, и в закладе дети своя давати,	Яко приидоша на нь русии князи, он же убояся князей русских, поча мира просити и дети своя давати в закладе,
<u>и что где взяли, и не в великого князя отчине полону, то все отдавали.</u>	
и по тот день не чинити им пакости.	яко не чинити ему ничто же земли Рускои пакости.
Наши же, видевши своих многое множество, а сих худое недостаточество, и, разгордевшеся, поидоша на них,	Князи же русии видевши своих вои множество, а сих худо(е) недостаточество, и разгордешася, поидоша на них.
	<u>И бе некто Григорей Протасиев, сотвори крамолу, хотяше бо лестию промеже их мир сотворити. Князи же русии емше сему веру, бе бо сеи лестец прня Махмету царю и не веляше им битися, мняше мира. А сеи в то время Григорей Протасиев и посла ко царю, веля им в то время приити на русии полки с вои своими, а руским князем обещася стати заодин. Царь же Махмет собрався своим худым воем, поиде против князей русских.</u>
	А князи превозношение во сердци их имуще, поидоша противу их, кличуще,
яко пожрети их хотяще.	яко жрети хотяще.
И принустиша к граду месяца декабря 5.	

Сокращенный рассказ первого вида (I-B2) в редакции Ермолинской летописи	Рассказ второго вида (II-A) в редакции Софийской II и Львовской летописей
И превозношения ради нашего и множества грех попусти Бог на нас: малое и худое оно безбожных воинство одолеша тмочисленным полком нашим, неправедне ходящим, прежде своих губящем.	И гордости ради и множество грех [п] опустит Бог на нас, худое оно малое безбожных воинство одолеша тмочисленным полком нашим, яко неправедне хотящим и прежде губящим.
	<u>А Протасии он боярин ста с татары на рустии вои, а слово свое измени.</u>
Многое же множество избьено руси бысть, яко единому агарянину десяти или того выше одолети,	И многое множество избьено бысть русских вои, яко единому агарянину десяти или выше того одолети.
	По реченому: <u>«Яко язык погубль совет есть и не есть в них мудрости, не смыслиша разумети снѣ вся, да примут грядущее тако пожжет (един) тысящу, а два двигнѣта тму, аще не бы Бог отдал, и Господь предал».</u>
	И сице над сими сотворися. Сии бо смиряся, мира прося, а си привознесошася и погибоша. Тогда убиша князеи множество и бояр,
князи же и воеводы вси побегоша.	а князи отбегоша в мале дружине.
Тогда же убиша князя <u>Андрея Ивановича</u> Лобана Рязановского, <u>Семена Остафьевича</u> Горстькина, <u>Дмитрия Ивановича</u> Каису, князя Петра Кузминьского,	
а инех бесчисленное множество <u>побьено бысть и от своих хрестьян</u> , которых, идучи к бою тому грабили.	

****** Волнистым подчеркиванием выделены оригинальные фрагменты-вставки Ермолинской летописи, не читающиеся в других рассказах о Белёвской битве.

Штриховым подчеркиванием выделены особые сведения рассказа второго вида, которые не могли быть заимствованы из рассказа первого вида и из Жития Сергия Радонежского.

Пунктирным подчеркиванием выделено заимствование из Священного Писания (Второзак. 32: 28–30).

**№24. Соноставление рассказа Сокращенных сводов 1493, 1495 гг.
с рассказом Русского хронографа 1512 г. и с рассказом второго вида (II-Б)
в редакции Устюжской летописи *****

Рассказ Сокращенных летонисных сводов 1493, 1495 гг.	Рассказ Русского хронографа 1512 г.	Рассказ второго вида (II-Б) в редакции Устюжской летониси
Месяца декабря 5		Декабря в 5 день
бои бысть великим князем руским на Белеве с царем Махметем.	Бысть бои великим князем русским на Белеве с царем Махметем.	
И множество бысть вои русских, а татар велми мало.	Согнану ему с Орды и мало с ним татар.	приде царь Махмет на Белеву ратью в мале силе, а князь великий послал своих воинов многих.
И под город приидоша руснии полци,		Изошли тотар под городом безвестно,
		и царь против города сел в остроге.
	Царю смиряющуся и не хотящу битися и прося прокормитися, представляя Бога христианьскаго и поминая свое добро, еже прежде сотвори великому князю. Они же не послушаша,	А учал бити челом и миритися с воиводами великаго князя, чтобы разоиттися им на миру, а воиводы хотят битися.
	но множество вой русских приидоша под город, а татар велми мало.	
		А Григорей Протасьив, воивода мченский, учал царю норовити, а воиводам великаго князя говорити так: «Князь великий прислал ко мне, битися со царем не велел, а велел миритися, а полки роснустити». И воиводы учили славети. И на ту ночь Григорей Протасьив послал своего человека ко царю во острог, а ркучи так: «Чтобы еси утре на рать великаго князя пришел».
		И того утра мгла бысть велика.
и выехаша татарове,	И выехаша татарове,	И царь вышел да (на) силу великаго князя пришел,

Рассказ Сокращенных летонисных сводов 1493, 1495 гг.	Рассказ Русского хронографа 1512 г.	Рассказ второго вида (П-Б) в редакции Устюжской летониси
		а сторожи руския не видали.
и почаша их сечи,	и начаша сещи русь,	И учили русь сетчи.
		<u>А Григорей Протасьив наперед</u> <u>всех побежал, кличючи: «Побе-</u> <u>жи, побежи».</u>
а инья побегоша,	а инни побегоша,	И побегоша,
		а тотарове погнаша, секучи.
и убиша руси много вел- ми.	и убиша руси много зело.	И убиша руси добре много,
		а тотарове все целы.

*** Штриховым подчеркиванием выделены особые сведения рассказа второго вида и рассказа Русского хронографа 1512 г., которые не могли быть заимствованы из рассказа первого вида.

**№ 25. Пиколо-Гостунское сказание
в изложении И. М. Снегирёва 1862 и 1865 гг.**

Редакция 1862 г.	Редакция 1865 г.
	В церкви этого великого чудотворца на горе Гоступи в Белёвском уезде, на Оке, сохранилось предание о наказании им великого князя московского Василия Темного за нарушение мирного договора с ханом Махметом.
Великий князь Василий Темный привел в поруки ненарушимости договора хану Улу Махмету чудотворный образ Николая Гостунского. Но когда Темный нарушил этот договор, тогда Улу Махмет обратился с жалобой на него к самому поручителю, как бы к живому.	Последний, поселясь в Белёве, заключил с Василием Темным договор, чтобы им жить мирно и не изменять друг другу. В поруки избран был ими святитель Николай. Но московский князь, вопреки условию и клятве, напал внезапно на Махмета с тем, чтобы выгнать его из Белёва. Хан обращается к св. иконе Николая Чудотворца и говорит ему, как бы живому:
«Человек святой и праведный, — сказал лику святителя Улу Махмет, — ты был порукою и свидетелем нашего договора; видишь мою правоту и неправду московского князя! Он первый напал на меня! Будь же мне заступником и помощником!»	«Муж праведный и святой, ты ведь был порукою нашему договору и нашим клятвам! Видишь сам мою правду, так будь же мне защитником и помощником».

Редакция 1862 г.	Редакция 1865 г.
Хан пошел с малочисленным войском против московского многочисленного и одержал победу.	Крепкое верование магометанина оправдалось на самом деле. Против малочисленной татарской рати не устояло многочисленное полчище москвичей и обратилось в бегство.
Так гласит рукописное сказание в селе Гоступи на Оке, Белёвск[ого] уезда. Оно изображено на доске в тамошнем Гостунском соборе.	

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук.

АЗР — Акты, относящиеся к истории Занадной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею.

АКР — Археологическая карта России.

АЛМ — Акты Литовской метрики / Собраны Ф. И. Леонтовичем.

АМГ — Акты Московского государства, изданные Императорской академией наук.

Архив ЮЗР — Архив Юго-Занадной России, издаваемый комиссиею для разбора древних актов.

АСД — Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Занадной Руси.

АСЗ — Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века.

АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.

АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства.

АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта Древней России / Изданы Археографическою комиссиею, под ред. Н. Калачова.

АЮЗР — Акты, относящиеся к истории Южной и Занадной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею.

АЮш — Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собрал и издал Александр Юшков.

Бархатная книга — Родословная книга князей и дворян российских и выезжих.

БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси.

БРЭ — Большая российская энциклопедия.

ВОИДР — Временник Императорскаго Московскаго общества истории и древностей российских.

ГАР — Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции / Подготовка текста и комментарии А. А. Зимина.

ГВНП — Грамоты великаго Новгорода и Пскова.

ГИМ — Государственный исторический музей.

ДАИ ОИР — Дополнения к актам историческим, относящиеся к истории России. Собраны в иностранных архивах и библиотеках и изданы Археографическою комиссиею.

ДАИ — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.

Документы МАМЮ — Документы Московского архива Министерства юстиции.

ДРВ — Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся.

ДРВМ — Древняя Русь. Вопросы медиевистики.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.

Известия ОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук.

ИР НБУВ — Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского.

ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии.

ЛЛС — Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история.

ОДБ МАМЮ — Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции.

Описи ЦА XVI в. и АПП 1614 г. — Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года.

Опись АПП 1626 г. — Опись архива Посольского приказа 1626 года.

Опись АПП 1673 г. — Опись архива Посольского приказа 1673 года.

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

ОФР — Очерки феодальной России.

ПИВЕ — Памятники истории Восточной Европы.

ПИРСС — Памятники истории русского служилого сословия.

ПКМГ — Писцовые книги Московского государства.

ПКЦ — Памятники Куликовского цикла.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

ПЭ — Православная энциклопедия.

РАН — Российская академия наук.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая императорскою Археологическою комиссией.

РИИР — Редкие источники по истории России.

РК-1565 — Древнейшая разрядная книга официальной редакции (но 1565 г.).

РК-1598 — Разрядная книга 1475–1598 гг.

РК-1605 — Разрядная книга 1475–1605 гг.

РФА — Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века.

Сборник ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук.

СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел.

СДЯ — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.

СИРИО — Сборник Императорского русского исторического общества.

СККДР — Словарь книжников и книжности Древней Руси.

СПБII — Санкт-Петербургский институт истории.

СРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв.

ТКДТ — Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы.

ЧОИДР — Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете.

AGAD — Archiwum główne akt dawnych.

AUPL — Akta unji Polski z Litwą 1385–1781.

CE SDQ — Codex epistolaris saeculi decimi quinti.

CEV — Codex epistolaris Vitoldi magni Ducis Lithuaniae 1376–1430.

GStAPK, OBA — Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, XX. Hauptabteilung (Historisches Königsberger Archiv), Ordensbriefarchiv.

LEuC UB — Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten.

LM — Lietuvos metrika.

SHEO — Studia Historica Europae Orientalis. = Исследования по истории Восточной Европы.

SRP — Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der Preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА¹

1. Архивные источники

Архив СПбИИ РАН. Кол. 238 (Н. П. Лихачева). № 365. — Сборник рукописный.

ГИМ. Синодальное собрание. № 667. — Вселенский синодик Успенского собора Московского Кремля.

ГИМ. Синодальное собрание. № 1043. — Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г.

ИР НБУВ. Ф. 306. Собрание рукописных книг Киево-Печерской лавры. № 389 (195). — Сказание о зачатии Свенского монастыря, рукопись 1566–1567 гг.

Львівська національна наукова бібліотека України ім. В. Стефаника. Ф. 5. Он. 1. № 171. Л. 1 — 2 об. — Литовско-воротынский договор 1447 г. на русском языке в нольской транскрипции и в переводе на латынь конца XVIII в. Прежнее место хранения: Biblioteka Zakładu Nar. im. Ossolińskich. Rps. 171. Nr. 1. K. 1–2.

Музей-заповедник «Московский Кремль». 2373 соб. Ж-332. — Николай Чудотворец в житии (Гостунский).

РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Он. 1. Кн. 1. Л. 106 — 106 об. — Челобитная грамота князя Семена Федоровича Воротынского великому князю литовскому Александру Казимировичу. Составлена накануне 4 января 1493 г.

РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Он. 3. № 2. Л. 2 — 2 об. — Договорная грамота воротынских князей Дмитрия и Семена Федоровичей и их племянника Ивана Михайловича с королем нольским и великим князем литовским Казимиром. 10 апреля 1483 г.

РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Он. 1. Кн. 1. Л. 293. — Ярлык хана Менгли-Гирея великому князю Ивану III 1498 г.

РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Он. 1. Кн. 2. Л. 42 — 42 об. — Ответ великого князя Ивана III хану Менгли-Гирею 1500 г.

РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Он. 1. Кн. 3. Л. 10 об. — 11. — Ярлык хана Менгли-Гирея великому князю Василию III 1508 г.

¹ В первых двух параграфах (раздел «Введение»), где в списках приводятся основной массив литературы по теме исследования, при первом упоминании книг и статей сообщается их полное наименование. Далее наименования даются в сокращенном виде, в том числе не указываются: сборник, место и год издания. Полные наименования приводятся в данном перечне источников и литературы. Источники с самого начала даются с учетом принятых аббревиатур, которые раскрываются в списке сокращений.

РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Он. 1. Кн. 4. Л. 30 — 30 об. — Ярлык хана Мухаммед-Гирея великому князю Василию III 1515 г.

РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Он. 1. Кн. 5. Л. 155 об. — 156. — Ярлык хана Мухаммед-Гирея великому князю Василию III 1518 г.

РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Он. 1. Кн. 5. Л. 324 — 324 об. — Ярлык хана Мухаммед-Гирея великому князю Василию III 1519 г.

РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Он. 1. Кн. 6. Л. 276 — 276 об. — Ярлык хана Саадет-Гирея великому князю Василию III 1529 г.

РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Он. 1. Кн. 6. Л. 370 — 370 об. — Ярлык хана Саадет-Гирея великому князю Василию III 1531 г.

РГАДА. Ф. 123. Сношения России с Крымом. Он. 1. Кн. 8. Л. 145. — Ярлык хана Ислам-Гирея великому князю Ивану IV 1534 г.

РГАДА. Ф. 147. Конии документов Кёнигсбергского государственного архива. Он. 1. Ч. 1. № 161. — Письмо великого князя Витовта великому магистру Немецкого ордена Павлу фон Русдорффу. 14 августа 1427 г.

РГАДА. Ф. 181. Руконисное собрание библиотеки МГАМИД. Он. 8. № 680. — Летонись рязанская, XVIII в.

РГАДА. Ф. 196. Собрание руконисей Ф. Ф. Мазурина. Он. 1. № 289. — Мазуринский снисок Успенского вселенского синодика.

РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Он. 1. Ч. 1. № 3. — Третья книга занисей Литовской метрики.

РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Он. 1. Ч. 1. № 5. — Пятая книга занисей Литовской метрики.

РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Он. 1. Ч. 1. № 583. — Сборник подлинных актов, относящихся в Литве с XV–XVII ст.

ОР РГБ. Ф. 68. Собрание руконисей Генерального штаба. № 301. — Реестр договорам и грамотам евронеиких и азиатских дворов (1431–1724).

ОР РГБ. Ф. 113. Собрание Иосифова Волоколамского монастыря. № 189 (577). — Сборник XVI в. Онуфрия Исакова.

ОР РГБ. Ф. 113. Собрание Иосифова Волоколамского монастыря. № 235 (661). — Сборник XVI в. Дионисия Звенигородского.

ОР РГБ. Ф. 178. Музейное собрание. Он. 4. № 8297. — Синодик белёвского Снасо-Преображенского монастыря.

ОР РГБ. Ф. 191. Собрание П. А. Муханова. № 102. — Присяжная грамота князя Дмитрия Федоровича Воротынского королю польскому и великому князю литовскому Казимиру в связи с пожалованием воротынскому князю Козельска в наместничество. 12 марта 1488 г.

ОР РГБ. Ф. 256. Собрание Н. П. Румянцева. № 74. — Государственные грамоты и носольства (но снискам с Литовской метрики, хранящимся в Варшаве).

ОР РГБ. Ф. 304/1. Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры. № 764. Л. 2–62. — Житие Кирилла Белозерского, снисок XV в.

ОР РГБ. Ф. 304/1. Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры. № 765. — Сборник XV, XVI вв.

ОР РГБ. Ф. 344. Собрание П.П. Шибанова. № 99. — Ростовский вселенский синодик 1643 г.

AGAD. Metryka Litewska — transkrypcje. Sygn. 192. S. 507–509, 515–516. — Литовско-новосильские грамоты, вошедшие в нятую книгу занисей Литовской метрики, снисок конца XVIII в., варшавская кония.

AGAD. Zbiór dokumentów pergaminowych. Sygn. 7364. — Договорная грамота одоевских князей Михаила и Федора Ивановичей и их нлемянника белёвского князя Ивана Васильевича с королем нольским и великим князем литовским Казимиром. 26 января 1481 г.

Biblioteka Książąt Czartoryskich w Krakowie, Naruszewicz teka. T. 18. № 30, 51. — Литовско-воротынские грамоты 1447 и 1448 гг. в нереводе на латынь конца XVIII в.

GStAPK, OBA. 4378. — Письмо великого князя литовского Витовта великому магистру Немецкого ордена Павлу фон Русдорффу. 1 января 1425 г.

GStAPK, OBA. 6138. — Письмо великого князя литовского Свидригайла великому магистру Немецкого ордена Павлу фон Русдорффу. 22 июня 1432 г.

GStAPK, OBA. 6809. — Письмо великого князя литовского Свидригайла великому магистру Немецкого ордена Павлу фон Русдорффу. 1 мая 1434 г.

2. Онубликованные источники

ААЭ. Т. 1. СПб., 1836.

АИ. Т. 1. СПб., 1841.

АЗР. Т. 1. СПб., 1846.

АЗР. Т. 2. СПб., 1848.

АЗР. Т. 3. СПб., 1848.

Акти Волинського воєводства кінця XV–XVI ст. (із зібрання Пергаментних документів Архіву головного актів давніх у Варшаві). Кнів, 2014.

АЛМ. Т. 1. Вын. 1. 1413–1498 гг. Варшава, 1896.

АЛМ. Т. 1. Вын. 2. 1499–1507 гг. Варшава, 1897.

АМГ. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. СПб., 1890.

АМГ. Т. 2. Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659. СПб., 1894.

АМГ. Т. 3. Разрядный приказ. Московский стол. 1660–1664. СПб., 1901.

АСД. Т. 2. Вильна, 1867.

АСЗ. Т. 1. М., 1997.

АСЗ. Т. 3. М., 2002.

АСЗ. Т. 4. М., 2008.

АСЭИ. Т. 1. М., 1952.

АСЭИ. Т. 2. М., 1958.

АСЭИ. Т. 3. М., 1964.

- АФЗХ. Ч. 1. М., 1951.
АФЗХ. Ч. 2. М., 1956.
АЮБ. Т. 2. СПб., 1864.
АЮБ. Т. 3. СПб., 1884.
АЮЗР. Т. 1. СПб., 1863.
АЮЗР. Т. 2. СПб., 1864.
Архив ЮЗР. Ч. 1. Т. 7. Киев, 1887.
Архив ЮЗР. Ч. 8. Т. 1. Киев, 1893.
АЮш. Ч. 1. 1257–1613 гг. М., 1898.
Барбаро и Коптарипи о России: К истории итало-русских связей в XV в. М., 1971.
Бархатная книга. Ч. 1. М., 1787.
Бархатная книга. Ч. 2. М., 1787.
Белевская вивлиофика. Собрание древних памятников об истории Белева и Белевского уезда. Т. 1 / Изд. Н. А. Елагиным. М., 1858.
Белевская вивлиофика. Собрание древних памятников об истории Белева и Белевского уезда. Т. 2 / Изд. Н. А. Елагиным. М., 1858.
Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Подг. Е. Н. Клитипа, Т. Н. Манушипа, Т. В. Николаева. М., 1987.
ВОИДР. Кп. 10. — Родословная книга по трем спискам с предисловием и азбучным указателем // ВОИДР. Кп. 10. М., 1851. С. 1–286.
Выписка из посольских книг о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг. // ПИВЕ. Т. 2. М.; Варшава, 1997.
ГАР. Вып. 1. М., 1978.
ГАР. Вып. 2. М., 1978.
ГАР. Вып. 3. М., 1978.
Гваньїні О. Хропіка європейської Сарматії / Відп. ред. В. А. Смолій; упорядк. та пер. з польської о. Ю. Мищика. Київ, 2007.
ГВНП. М.; Л., 1949.
Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. М., 1988.
Геперальный план Белёвского уезда — Описание города Белева и Белевского уезда... со вписанием экономических примечаний, 1792 года; Геперальный план Белевского уезду, части I, II. 1792 г. М., 1858.
Геперальный план Лихвинского уезда — Описание города Лихвицы и его уезда... со вписанием экономических примечаний // Описания и алфавиты к Калужскому атласу. Часть первая; Геперальный план Лихвинского уезду, часть I. СПб., 1782.
Геперальный план Мещовского уезда — Описание города Мещовска и его уезда... со вписанием экономических примечаний // Описания и алфавиты к Калужскому атласу. Часть первая; Геперальный план Мещовского уезду, часть I. СПб., 1782.

Геперальпый плап Перемышльскаго уезда — Описание города Перемышля и его уезда... со впесепием эконоимических примечаний // Описания и алфавиты к Калужскому атласу. Часть первая; Геперальпый плап Перемышльскаго уезду, часть I. СПб., 1782.

Грамоты, касающиеся до спошепий Северо-Западпой России с Ригою и гапзейскими городами в XII, XIII и XIV веке. СПб., 1857.

ДАИ. Т. 9. СПб., 1875.

ДАИ ОИР. СПб., 1848.

Карпини Дж. Пл. История мопгалов, имепуемых пами татарами. *Рубрук Г.* Путешествие в восточные страпы. М., 1957.

ДДГ. М.; Л., 1950.

Документы МАМЮ Т. 1. М., 1897.

ДРВ. Ч. 6. М., 1788.

ДРВ. Ч. 9. М., 1789.

ДРВ. Ч. 19. М., 1791.

ДРВ. Ч. 20. М., 1791.

Древперусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / Изд. подготовили Л. А. Ольшевская и С. Н. Травпиков. М., 1999.

Житие и чудеса св. Николая чудотворца, архиепископа Мирликийского и слава его в России / Сост.: А. Возпесепский и Ф. Гусев. СПб., 1899. [Реприпт. издап.] СПб., 1994.

Житие Кирилла Белозерского / Под ред. А. С. Герда. СПб., 2000.

Житие пр. Евфросипии Суздальской, с мипиатюрами, по списку XVII в. / С предисловием, примечаниями и описанием мипиатюр, В. Т. Георгиевскаго // Труды Владимирской учепой архивпой комиссии. Ки. 1. Владимир, 1899. Сообшчения. С. 73–172.

Житие преподобаго и богопоспаго отца пашего Сергия Радопежскаго и всея России чудотворца. Литография Свято Троицкой Сергиевой лавры, 1853.

Житие преподобаго Пафнутия Боровскаго, паписапное Вассианом Сапипым / Изд. и вступ. статья А. П. Кадлубовскаго // Сборпик Историко-филологического общества при Ипституте кпзя Безбородко. Т. 2. Нежип, 1899. Отд. 2. С. 98–149.

Иванов А. С., Кузнецов А. М. Смолепско-рижские акты: XIII в. — первая половипа XIV в.: докумепты комплекса *Moscowitica–Ruthenica* об отпошепиях Смолепска и Риги. Рига, 2009.

Ипока Фомы слово похвальное // БЛДР. Т. 7. СПб., 1999. С. 72–131, 498–506.

Иоасафовская летопись / Под ред. А. А. Зимипа. М., 1959.

Источпики по социальпо-эконоимической истории России XVI–XVIII вв.: Из архива Московского Новодевичьего мопастыря. Вып. 1. М., 1985.

Киига Большому Чертежу / Подг. к печати К. Н. Сербипой. М.; Л., 1950.

Киига хожепий. Записки русских нутешествеппиков XI–XV вв. М., 1984.

Курбский А. М. История о Великом кпязе Московском. СПб., 1913.

Латухипская Степепная кпига. 1676 год. М., 2012.

Летописец, содержащий в себе российскую историю от 6360/852 до 7107/1598 года. То есть по копчипу царя и великаго князя Феодора Иоапповича. М., 1781.

Литовская метрика, государствепный отдел Великого княжества Литовского, при правительствующем сепате. Т. 1 / Сост. Л. М. Зельверович. СПб., 1883. ЛЛС. Ки. 1–23. М., 2014.

Материалы по истории Казахских хапств XV–XVIII вв. (извлечепия из персидских и тюркских сочипепий) / Сост.: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мипгулов, К. А. Пищулипа, В. П. Юдип. Алма-Ата, 1969.

Материалы для истории взаимпых отпощепий России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV–XVI вв. / Сост. В. А. Уляпицкий. М., 1887.

Му'из ал-апсаб (Прославляющее гепепалогии) / История Казахстана в персидских источпиках. Т. 3. Алматы, 2006.

Новый летописец, составлеппый в царствование Михаила Федоровича, издап по списку князя Оболеппсаго. М., 1853.

Общий гербовпик дворяппских родов Всероссийския империи, пачатый в 1797 году. В 10-и частях. СПб., 1798–1836.

ОДБ МАМЮ. Т. 21. М., 1915.

Описи ЦА XVI в. и АПП 1614 г. М., 1960.

Опись АПП 1626 г. М., 1977. Ч. 1–2.

Опись АПП 1673 г. М., 1990. Ч. 1–2.

Павел Алеппский, архидиакон. Путешествие Аптиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с араб. Г. Муркоса. М., 2005.

Перапис войска Вяликага княства Літоускага 1528 года. Метрыка Вяликага кпяства Літоускага. Кп. 523. Кига публічпых спраў 1 / Падрыхтавалі да друку А. І. Груша, М. Ф. Спірыдопаў, М. А. Вайтовіч. Міпск, 2003.

Радзивилловские акты из собрапия Российской патиопальной библиотеки. Первая половина XVI в. // ПИВЕ. Т. 6. Москва; Варшава, 2002.

ПИРСС. М., 2011.

Писцовые кпиги Рязапского края XVI–XVII вв. Т. 1. Вып. 2. Русские грамоты / Подг. А. И. Цепков. [Рязапь, 1997].

ПКЦ. СПб., 1998.

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. СПб., 1872.

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. СПб., 1877.

Повести о Куликовской битве / Изд. подг. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959.

Поле Куликово: Сказапия о битве па Дону / Сост., подгот. текста, послесл. и примеч. Л. А. Дмитриева. Вступит. ст. Д. С. Лихачева. М., 1980.

Послапия Ивапа Грозпого / Подг. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье, перевод и коммептarii Я. С. Лурье. М.; Л., 1951.

- Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941.
- Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.
- ПСРЛ:
- Т. 1 — Лаврептьевская летопись. М., 1997.
- Т. 2 — Ипатьевская летопись. СПб., 1908.
- Т. 3 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
- Т. 4. Ч. 1 — Новгородская четвертая летопись. М., 2000.
- Т. 5. (1851) — Псковские и Софийские летописи. СПб., 1851.
- Т. 5. Вып. 1 — Псковские летописи. М., 2003.
- Т. 6. (1853) — Софийские летописи. СПб., 1853.
- Т. 6. Вып. 1 — Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000.
- Т. 6. Вып. 2 — Софийская вторая летопись. М., 2001.
- Т. 7 — Летопись по Воскресепскому списку. М., 2001.
- Т. 8 — Продолжение летописи по Воскресепскому списку. М., 2001.
- Т. 9–14 — Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.
- Т. 15. Вып. 1 — Рогожский летописец. М., 2000.
- Т. 15 — Тверской сборник. М., 2000.
- Т. 17 — Западнорусские летописи. СПб., 1907.
- Т. 18 — Симеоновская летопись. М., 2007.
- Т. 19 — История о Казанском царстве (Казанский летописец). М., 2000.
- Т. 20 — Львовская летопись. М., 2005.
- Т. 21. Вторая половина — Книга степная царского родословия. Часть вторая. СПб., 1908.
- Т. 22. Ч. 1 — Русский хронограф. СПб., 1911.
- Т. 23 — Ермолицкая летопись. М., 2004.
- Т. 24 — Типографская летопись. СПб., 2000.
- Т. 25 — Московский летописный свод конца XV века. М., 2004.
- Т. 26 — Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959.
- Т. 27 — Никапоровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. М., 2007.
- Т. 28 — Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.; Л., 1963.
- Т. 29 — Летописец пачала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александр-Невская летопись. Лебедевская летопись. М., 2009.
- Т. 30 — Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М., 1965.
- Т. 32 — Хропики: Литовская и Жмойтская, Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Папцырпого. М., 1975.
- Т. 35 — Летописи Белорусско-Литовские. М., 1980.
- Т. 37 — Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982.

- Т. 39 — Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского. М., 1994.
- Т. 40 — Густыпская летопись. СПб., 2003.
- Т. 43 — Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М., 2004.
- Т. 46 — Летопись Лавровского. М., 2018.
- РИБ. Т. 6 — Памятники древне-русского капопического права. Ч. 1. (Памятники XI—XV в.). Издание второе. СПб., 1908.
- РИБ. Т. 20 — Литовская метрика. Отдел первый. Часть вторая. СПб., 1903.
- РИБ. Т. 27 — Литовская метрика. Отдел первый. Часть первая: Кписи записей. Т. 1. СПб., 1910.
- РИИР. Вып. 2. Новые родословные кписи XVI в. / Подг. З. Н. Бочкарева, М. Е. Бычкова. М., 1977.
- РК-1565. М., 1901.
- РК-1598. М., 1966.
- РК-1605. Т. 1. М., 1977.
- РК-1605. Т. 2. М., 1982.
- Родословная келейная кписа святаейшаго государя Филарета Никитича патриарха всея России // Юбилейный сборник Императорского С.-Петербургского археологического института. 1613–1913. СПб., 1913.
- Розов В. [О.] Україньські грамоти. Т. 1: XIV в. і перша половина XV в. Київ, 1928.
- Русская вивлиофика или собрание материалов для отечественной истории, географии, статистики и древней русской литературы, издаваемое Николаем Полевым. Т. 1. М., 1833.
- Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. СПб., 1868.
- РФА. Вып. 1. М., 1986.
- РФА. Вып. 3. М., 1987.
- РФА. Вып. 4. М., 1988.
- РФА. Вып. 5. М., 1992.
- Сборник князя Оболенского. Ч. 1. М., 1838.
- Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских / В. Тизепгаузен. СПб., 1884.
- Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизепгаузен и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л., 1941.
- Сборник Мухапова. М., 1836.
- Сборник Мухапова. Изд. второе. СПб., 1866.
- Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV–XV вв.) / Сост. Т. Э. Саргсян. Симферополь, 2010.
- Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV–XVII вв. Т. 1 / Подг. А. И. Цепков. Рязань, 2005.
- СГГД. Ч. 1. М., 1813.
- СГГД. Ч. 2. М., 1819.

СГГД. Ч. 3. М., 1822.

СГГД. Ч. 4. М., 1826.

СГГД. Ч. 5. М., 1894.

СИРИО. Т. 35 — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. I. (С 1487 по 1533 год). СПб., 1892.

СИРИО. Т. 41 — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. Т. I. (С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России). СПб., 1884.

СИРИО. Т. 59 — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II. (1533–1560 г.). СПб., 1887.

СИРИО. Т. 71 — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. III. (1560–1571 гг.). СПб., 1892.

СИРИО. Т. 95 — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. Т. II. 1508–1521 гг. СПб., 1895.

Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подг. Л. А. Дмитриев, О. П. Лихачева. Л., 1982.

Слово о кыязях // Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 338–344.

Смоленские грамоты XIII–XIV веков. М., 1963.

Софийский летописец. Ч. 1 — Софийский летописец или русская летопись с 862 по 1534 гг. Часть первая, с 862 по 1425 гг. М., 1820.

Софийский летописец. Ч. 2 — Софийский летописец или русская летопись с 862 по 1534 гг. Часть вторая, с 1425 по 1534 гг. М., 1821.

Список опричников Ивана Грозного. СПб., 2003.

ТКДТ. М.; Л., 1950.

Ханенко Н. Диарнуш или журнал // ЧОИДР. 1858. Ки. 1. V. Смесь. С. 9–74.

Утемиш-хаджи. Кара таварих / Под ред. И. М. Миргалеева. Казань, 2017.

Утемиш-хаджи. Чипгиз-паме / Факсимиле, перевод, транскрипция, текстологические примечания, исследование В. П. Юдипа. Комментарии и указатели М. Х. Абусеитовой. Алма-Ата, 1992.

Хропка Быховца / Предисл., коммент. и перевод Н. Н. Улащик. М., 1966.

Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке / Под ред. З. М. Бупиятова. Баку, 1984.

Acta patriarchatus Constantinopolitani MCCCXV–MCCCCII e codicibus manuscriptorum bibliothecae Palatinae vindobonensis. T. 1. / Fr. Miklosich, Ios. Müller. Vindobonae, 1860.

Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie. T. 13. Lwów, 1888.

AUPL. Kraków, 1932.

Bielski M. Kronika. T. 1. Sanok, 1856.

Bullarium Poloniae litteras apostolicas aliaque monumenta Poloniae Vaticana continens. Vol. 5. 1431–1449. Romae, 1995.

CE SDQ. T. 1. Pr. 1, 2 // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 2. Crakoviae, 1876.

CE SDQ. T. 2 // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 12. Crakoviae, 1891.

CE SDQ. T. 3 // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 14. Crakoviae, 1894.

CEV // Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. T. 6. Crakoviae, 1882.

Daniłowicz I. Skarbiec diplomatów papieżkich, cesarskich, królewskich, książęcych; uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów. T. 1. Wilno, 1860.

Daniłowicz I. Skarbiec diplomatów papieżkich, cesarskich, królewskich, książęcych; uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów. T. 2. Wilno, 1862.

Das Marienburger Tresslerbuch der Jahre 1399–1409 / Verf. Joachim, Erich. Königsberg, 1896.

Długosz J. Dziejów polskich. T. III. Kraków, 1868.

Długosz J. Dziejów polskich. T. IV. Kraków, 1869.

Długosz J. Dziejów polskich. T. V. Kraków, 1869.

Elementa ad fontium editiones. T. 2. Romae, 1960.

Gwagnin A. Kronika ziemie Ruskiej // Kronika Sarmacyey Europskiej, w Kto-rey Sie Zamyka krolestwo Polskie ze wszystkiemi Państwami, Xięstwami y Prowincjami swemi, tudzież też Wielkie Xięstwo Lithew., Ruskie, Pruskie, Zmudzkie, Inflantskie, Moskiewskie y część Tatarow. Ks. III. Kraków, 1611. S. 1–42.

Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji wileńskiej. T. 1. Z. 2. (1468–1501) / Wyd. Jan Fijałek, Władysław Semkowicz. Kraków, 1939.

Kromer M. Kronika — Kronika polska Marcina Kromera biskupa warmińskiego ksiąg XXX: dotąd w trzech językach, a mianowicie w łacińskim, polskim i niemieckim wydana, na język polski z łacińskiego przełożona przez Marcina z Błazowa Błazowskiego i wydana w Krakowie w drukarni M. Loba r. 1611. Sanok, 1857.

Kronika Janka z Czarnkowa / Przetłómaczona według tekstu wydanego przez Augusta Bielowskiego. Lwów, 1907.

LEuC UB. Bd. 1. Reval, 1853.

LEuC UB. Bd. 4. Dopart, 1859.

LEuC UB. Bd. 5. Riga, 1867.

LEuC UB. Bd. 8. Riga; Moskau, 1884.

The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation... By Richard Hakluyt Preacher... Vol. 1, 2. London, 1599.

LM. Kn. 3. Vilnius, 1998.

LM. Kn. 4. Vilnius, 2004.

LM. Kn. 5. Vilnius, 1993.

LM. Kn. 5. Vilnius, 2012.

LM. Kn. 6. Vilnius, 2007.

LM. Kn. 7. Vilnius, 2011.

LM. Kn. 8. Vilnius, 1995.

Najstarsze księgi i rachunki miasta Krakowa od r. 1300 do 1400 / Wyd. F. Piekosiński i J. Szujski // *Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia*. T. 4. Kraków, 1878.

Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle. T.I. / Publiés par N. Jorga. Paris, 1899.

Pominki dziejowe Lwowa z archiwum miasta. T. 2. Księga przychodów i roschodów miasta 1404–1414 / Wyd. Dr. A. Czołowski. Lwów, 1896.

Rationes curiae Vladislai Iagellonis et Hedvigis regum Poloniae 1388–1420 / Wyd. dr. Franciszek Piekosiński // *Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia*. T. 15. Crakoviae, 1896.

Russisch-Livlandische Urkunden, gesammelt von K. E. Napiersky. CII⁶, 1868.

Schiltberger H. Reisebuch // Nach der Nurnberger Handschrift hrsg. von Valentin Langmantel / Bibliothek des Litterarischen Vereins in Stuttgart. Bd. 172. Tübingen, 1885.

SRP. Bd. 2. Leipzig, 1863.

SRP. Bd. 3. Leipzig, 1866.

SRP. Bd. 5. Leipzig, 1874.

Stosunki z Mendli-Girejem chanem tatarów perekopskich (1469–1515). Akta i listy / Wydał i szkicem historycznym poprzedził Kazimierz Pułaski // *Stosunki polski z tatarszczyzną od połowy XV wieku*. T.I. Kraków; Warszawa, 1881.

Strykowski M. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiój Rusi. T. 1. Warszawa, 1846.

Strykowski M. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiój Rusi. T. 2. Warszawa, 1846.

Vita s[ancti] Adalberti episcopi // *Monumenta Germaniae historica*. T. 4. Hannoverae, 1841. S. 574–612.

Wapowski B. Dzieje korony Polskėj i wielkiego księstwa Litewskiego od roku 1380 do 1535 / Perzekład M. Malinowskiego. T. 1. Wilno, 1847.

Wapowski B. Dzieje korony Polskėj i wielkiego księstwa Litewskiego od roku 1380 do 1535 / Perzekład M. Malinowskiego. T. 2. Wilno, 1847.

Wapowski B. Dzieje korony Polskėj i wielkiego księstwa Litewskiego od roku 1380 do 1535 / Perzekład M. Malinowskiego. T. 3. Wilno, 1848.

Zbior praw litewskich od roku 1389 do roku 1529. Tutzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563. Poznań, 1841.

Zrzdółta do dziejów polskich. T. 2 / Wyd. Malinowski M., Przędziecki A. Wilno, 1844.

3. Литература

1000-летие русской художественной культуры / Под ред. А. В. Рыпдиной. М.; Гамбург, 1988.

Абеленцева О. А. Митрополит Иопа и устание автокефалии Русской церкви. М.; СПб., 2009.

Аверьянов К. А. Купли Ивапа Калиты. М., 2001.

Адамов В. [Ф.] Чудотворный образ Святителя Николая в г. Мценске. Исторический очерк к предстоящему тысячелетию со дня обретения его 1415–1915 // Орловские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 3.05.1915. № 18. С. 445–455.

Азбелев С. Н. Новгородский копипегнт па Куликовом поле // Верхнее Подолье. Природа. Археология. История. Вып. 2. Т. 2. Тула, 2007. С. 5–17.

АКР: Калужская область. Изд. второе. М., 2006.

АКР: Орловская область. М., 1992.

АКР: Тульская область. Ч. 1. М., 1999.

Аксёнов Н. С. Надчекапка джучидских мопет в Новосильском княжестве и ее мотивация // Нумизматика. 2011. № 2 (29). С. 15–20.

Аксёнов Н. С. Чекапка мопет князем Ивапом Владимировичем Пропским // Нумизматика. 2009. № 4 (23). С. 28–32.

Акчурина М. М. Начальная генеалогия ширинских князей // Золотоордынское наследие: Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М. А. Усмапова. Казань, 29–30 марта 2011 г.: Сборник статей. Вып. 2. Казань, 2011. С. 191–202.

Александров Д. Н. Русские княжества XIII–XIV вв. М., 1997.

Александров Д. Н. Феодальная раздробленность Руси. М., 2001.

Александров Д. Н. Южпрусские земли (Киевское и Черпиговское княжества) во второй половине XIII — начале XIV в. // Проблемы политической истории и историографии. М., 1994. С. 60–109.

Алексеев А. К. Политическая история Тукай-Тимуридов: По материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар. СПб., 2006.

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Ивапе III. СПб., 2007.

Амвросий. История российской иерархии. Т. 1. Ч. 1. Изд. второе. Киев, 1827.

Амвросий. История российской иерархии. Ч. IV. М., 1812.

Андреев Г. П. Белев. Историко-экономический очерк. Тула, 1958.

Антонов А. В. Выпись из писцовых книг 1568/69 года па земли в округе Белева // Белевские чтения. Вып. 2. М., 2002. С. 28–41.

Антонов А. В. К истории удела князей Одоевских // Русский дипломатарий. Вып. 7. М., 2001. С. 258–285.

Антонов А. В. Новые документы по истории землевладения в Белевском уезде в конце XVI — начале XVII в. // Белевские чтения. Вып. 1. М., 2001. С. 84–96.

Антонова М. В., Комова М. А. «Сказание о Николе Мценском»: филологический и текстологический анализ // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 1 (64). С. 97–99.

Антонович В. Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. Вып. 1. Киев, 1878.

Афремов И. [Ф.] Историческое обозрение Тульской губернии с картою, планом города Тулы 1741 года, реставрированными планами: крепостей Тулы 1625 и 1685 г., Куликовской битвы 1380 года; родословными таблицами князей Новосильских, Одоевских, Белевских, Воротыпских, и знаменитых дворян Демидовых. Ч. 1. М., 1850.

Афремов [И. Ф.] Краткое историческое описание г. Белева с уездом его // Тульские губернские ведомости. Прибавления. 5.05.1844, № 18. С. 79–80; 12.05.1844, № 19. С. 82–83; 19.05.1844, № 20. С. 84–86.

Багалей Д. [И.] История Северной земли до половины XIV ст. Киев, 1882.

Базилевич К. В. Внутренняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV века). М., 1952.

Бакмейстер Л. [И.] Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. СПб., 1771.

Балуева Т. С., Веселовская Е. В., Григорьева О. М., Рассказова А. В., Пчелов Е. В. Восстановление облика князей Воротыпских в Лаборатории пластической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития: Материалы XXVII Международной научной конференции. Москва, 9–11 апр. 2015. М., 2015. С. 123–124.

Бантиш-Каменский Н. Н. Переписка между Россией и Польшею по 1700 год, составленная по дипломатическим бумагам управлявшим московским архивом коллегии иностранных дел Н. Н. Бантиш-Каменским. Ч. 1: 1487–1584. М., 1862.

Баранов К. В. Об общей жалованной грамоте Василия Темного ростовским князьям // Сообщения Ростовского музея. Вып. 9. Ростов, 1998. С. 31–44.

Барбашев А. [И.] Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410 г.). СПб., 1885.

Барбашев А. [И.] Витовт, последние двадцать лет княжения. СПб., 1891.

Барвіньський Б. Два загадочні ханські ярлики на рускі землі з другої половини XV століття // Барвіньський Б. Історичні приписки. Розвідки, замітки і матеріали до історії України-Руси. Т. 2. Львів, 1909. С. 11–21.

Барсуков Н. [П.] Жизнь и труды М. П. Погодина. Ки. 7. СПб., 1893.

Барсуков А. [П.] Обзор источников и литературы русского родословия (по поводу книги П. Н. Петрова «История родов русского дворянства»). СПб., 1887.

Басова М. В., Шевченко Э. В. Иосиф // ПЭ. Т. 25. М., 2010. С. 559–585.

Баталин А. М. Город Воротыпск и князья Воротыпские в истории России. Калуга, 1995.

Баумгартен Н. А. Старшая ветвь черпиговских Рюриковичей // *Летопись историко-родословного общества*. М., 1906. Вып. 4. Исследования, биографии, родословия. С. 13–16.

Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 477–523.

Беликов В. Ю., Колычева Е. И. Документы о землевладении князей Ворытских во второй половине XVI — начале XVII в. // *Архив русской истории*. Вып. 2. М., 1992. С. 93–121.

Беляев И. [Д.] О сторожевой, стапичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846.

Беляев Л. А. Спасский «на усть-Угры» монастырь в XVI веке (археология, история, архитектура) // *Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования*. Вып. 2. М., 1995. С. 55–72.

Бережков Н. Г. Литовская метрика как исторический источник. Ч. 1: О первоначальном составе книг Литовской метрики по 1522 год. М.; Л., 1946.

Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963.

Березин И. [Н.] Ярлыки крымских ханов Мепгли-Гирея и Мухаммед-Гирея // *ЗООИД*. Т. 8. 1872. Прибавление к сборнику материалов. С. 1–23.

Березин М. [М.] География Тульской губернии. М., 1913.

Белашов В. І. Глухівське князівство і його уділи (біля 1247 р. — на початку XV ст.) // *Збереження історико-культурних надбань Сіверщини. Матеріали IV науково-практичної конференції*, 21–22 квітня 2005 року. Глухів, 2005. С. 51–56.

Бірюк П. М. Зовнішній протекторат над верховськими землями в XIV ст. // *Науковий часопис НПУ ім. М. П. Драгоманова. Серія 6: Історичні науки*. Вип. 13. 2015. С. 31–37.

Бірюк П. М. Проблема термінології та походження верховських князів на сучасному етапі розвитку історіографії // *Науковий часопис НПУ ім. М. П. Драгоманова. Серія 6: Історичні науки*. Вип. 12. 2014. С. 215–223.

Бірюк П. М. Участь верховських князів у політичних конфліктах у Литві (30-ті рр. XV ст.) // *Сіверяпський літопис*. 2016. № 6. С. 38–43.

Бірюк П. М. Формування території Верхньодніпровського регіону у X–XIII століттях // *Сіверяпський літопис*. 2017. № 1–2. С. 20–26.

Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001.

Богданов С. В. Об определении «всех Руси» в великокняжеской титулатуре XIV–XV в. (по материалам актов XIV–XV в.) // *ДРВМ*. 2008. № 4 (34). С. 30–49.

Богданович Е. [В.] Род князей Барятинских. Исторический очерк. СПб., 1898.

Богуславский В. В. Тульские древности. Энциклопедический словарь-справочник. Тула, 1995.

Борейша Ю. [Л.], Казаров А. [А.] О подделках «колюмп» Витовта Кейстутовича и Свадригайлы Ольгердовича. Минск, 2009.

- Борзаковский В. С.* История Тверского княжества. М., 2006.
- Борисов Н. С.* Ивап III. Изд. второе, испр. М., 2003. (Жизнь замечательных людей: Серия биографий. Вып. 792).
- Бранденбург Н. Е.* Род князей Мосальских (XIV–XIX ст.). СПб., 1892.
- Брун Ф. [К.]* Voyages et ambassades de messire Guillebert de Lannoy, 1339–1450 // ЗООИД. Т. 3. 1853. С. 433–465.
- Бурцев М. [Ф.], прот.* О пребывании хапа Улу-Махмета в Белеве. Тула, 1898.
- Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975.
- Бычкова М. Е.* Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. М., 1996.
- Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. М., 1986.
- Валиди Тоган А.-З.* История башкир. Уфа, 2010.
- Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений. В пяти томах. Т. 1. Алма-Ата, 1984.
- Васильев В. [П.]* История канонизации русских святых. М., 1893.
- Вахрина В. И.* Святитель Николай чудотворец (Никола Гоступский) с житием // Иконы Ростова Великого. М., 2003. С. 20–21, 198–201. № 58.
- Веселовская Е. В., Григорьева О. М., Рассказова А. В.* Восстановление облика князей Воротыпских // Город средневековья и раннего нового времени VII: археология, история. — В печати.
- Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
- Веселовский С. Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Исторические записки. Т. 22. 1947. С. 101–131.
- Веселовский С. Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.; Л., 1947.
- Владимирский-Буданов М. Ф.* Литература истории русского права за 1880–1882 гг. I. Государства Московское и Литовское // Университетские известия. 1882. № 5. С. 203–226.
- Власьев Г. А.* Потомство Рюрика. Т. 1. Князья Черпиговские. Ч. 1. СПб., 1906.
- Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII — начале XVIII века. (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977.
- Водарский Я. Е.* Территория и население севского разряда во второй половине XVII — начале XVIII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974. С. 215–242.
- Воинов Н.* Можайская икона святителя и чудотворца Николая с изображением в руках меча и храма // Душеполезное чтение. 1872. Ч. III. № 12. С. 408–412.
- Войтович Л. [В.]* Княжа доба: портрети еліти. Біла Церква, 2006.
- Войтович Л. [В.]* Князівські династії східної Європи (кінець IX — початок XVI ст.). Львів, 2000.

Войтович Л. В. Удільпі киязівства Рюриковичів і Гедиміновичів у XII–XVI ст. (Історико-географічне дослідження). Львів, 1996.

Волков В. [А.] Хитрая война. Московско-литовское противостояние 1492–1494 годов // Родина. 2003. № 11. С. 60–63.

Волков И. В. Русские клады XIV — первой трети XVI в., зарегистрированные в 2002–2012 гг. (материалы к топографии) // Нумизматический альманах. 2013. № 1 (45). С. 13–17.

Волков И. В. Русские подражательные монеты начала XV в. из Верхнего Подолья // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 2. М., 2007. С. 97–120.

Волконская Е. Г., княгиня. Род князей Волконских. СПб., 1900.

Воспоминания и автобиография одесского протоиерея Николая Ивановича Соколова // Киевская старина. Т. 94. Киев, 1906. С. 155–197.

Гайворонский О. Повелители двух материков. Т. 1: Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Киев; Бахчисарай, 2007.

Гвозденко К. С., Горский А. А. О порядке наследования княжеской власти в Древней Руси // Российская история. 2017. № 6. С. 14–23.

Геронтий (Кургановский). Исторический очерк Новосильского Свято-Духового монастыря Тульской епархии. Тула, 1901.

Гиппиус А. А., Перишина Д. С., Перишин Д. С. Икона «Богородица Печерская (Свепская)» (около 1288 г.): результаты изучения текста на свитке преподобного Феодосия // Третьяковские чтения. 2020: Материалы отчетной научной конференции. — В печати.

Гириберг В. Б. Материалы для свода подписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. Вып. 1. М., 1960. С. 3–77.

Головин Н. [Г.] Родословная роспись потомков великого князя Рюрика. М., 1851.

Голубев С. Т. Древний памятник Киево-Печерской лавры (конца XV и начала XVI столетия) // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. 1892. Кн. 6. Приложение. С. I–XIV, 1–88.

Голубинский Е. [Е.] История русской Церкви. Период второй, московский. Т. II. От падения монголов до митрополита Макария включительно. Первая половина тома. М., 1900.

Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895.

Горбатов Е. Н. Материалы к истории житомирского разбора 1643 года // ОФР. Вып. 18. М.; СПб., 2015. С. 224–358.

Горбачевский Н. [И.] Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и царства Польского. Вильна, 1874.

Города и селения Тульской губернии в 1857 году // Города и селения Российской империи. СПб., 1858.

Горский А. А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (конец XIII — начало XV в.) // Средневековая Русь. Вып. 1. М., 1996. С. 76–110.

Горский А. А. Завещания Василия I Дмитриевича: проблемы последовательности и датировки // ДРВМ. 2017. № 1 (66). С. 20–34.

Горский А. А. Земли и волости // Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 9–32.

Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000.

Горский А. А. Московские «примыслы» конца XIII — XV в. впе Северо-Восточной Руси // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004. С. 114–190.

Горский А. А. О пазвапии «Большая Орда» // Золотоордыпское обозрепие. 2014. № 1 (3). С. 123–127.

Горский А. А. От земель к великим кпяжепиям: «Примыслы» русских кпязей второй половины XIII — XV в. М., 2010.

Горский А. А. Политическая борьба па Руси в конце XIII века и отпошения с Ордой // Отечественная история. 1996. № 3. С. 74–92.

Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках. Пути политического развития. М., 1996.

Горский А. А. Русское средневековое общество. Историко-терминологический справочник. М., 2019.

Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Т. 1: Древнерусское искусство X — начала XV века. М., 1995.

Готье Ю. [В.] Замосковский край в XVII в. М., 1906.

Греков В. Я. Белев: очерки по истории и современности кафедрального города. Тула, 2007.

Григорович В. [И.] Протоколы Копстапипопольского патриархата XIV столетия // ЖМНП. Ч. 54. 1847, апрель. Отд. 2. С. 131–164.

Григорович Н. [И.] Переписка протоиерея Иоанна Григоровича с графом Н. П. Румянцевым // ЧОИДР. 1864. Ки. 2. I. Исследования. С. 1–83.

Григорьев А. П. Золотоордыпские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник, 2005. М., 2006. С. 112–142.

Григорьев А. П. Му'изз ал-апсаб о потомках Токтамыша // Востоковедение. Филологические исследования. Вып. 25. СПб., 2004. С. 100–123.

Григорьев А. П., Григорьев В. П. Коллекция золотоордыпских документов XIV века из Венеции. СПб., 2002.

Гриценко В. П., Наумов А. Н. Древняя Тула. Проблемы локализации и истории // Тульский краеведческий альманах. Вып. 1. Тула, 2003. С. 6–11.

Громов М. Н. Время и его восприятие в Древней Руси // ДРВМ. 2009. № 2 (36). С. 7–17.

Груша А. І. Капцярарья Вялікага княства Літоўскага 40-х гадоў XV — першай паловы XVI ст. Мінск, 2006.

Грушевський М. [С.] Історія України-Руси. Т. 4: XIV–XVI віки — відпосипи політичні. Київ, 1907.

Грушевський М. [С.] Хронологія подій галицько-волипського літопису // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Т. 41. 1901. С. 1–72.

- Гудавичюс Э.* История Литвы с древнейших времён до 1569 года. М., 2005.
- Гулевич В. П.* От ордынского улуса к хапству Гиреев: Крым в 1399–1502 гг. Казань, 2018.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В четырёх томах. М., 2005.
- Дворниченко А. Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб., 1993.
- Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. Ч. 1. СПб., 1901.
- Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. Ч. 2. СПб., 1902.
- Дедук А. В.* «Рязанская» купля Василия Темного: Границы и территория, судьба в составе Московского княжества во второй половине XV — начала XVI в. // SNEO. Вып. 5. 2012. С. 143–170.
- Дедук А. В.* Московско-рязанское порубежье XIV — начала XVI в.: Методика локализации. В двух томах: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2018.
- Дедук А. В., Шеков А. В.* Писцовая книга Алексипского уезда 1627/1628–1628/1629 гг. как источник по исторической географии Верховских княжеств // Город средневековья и раннего нового времени VI: археология, история. Тула, 2018. С. 367–466.
- Дергачев В. В.* Вселепский Сиподик в древней и средневековой России // ДРВМ. 2001. № 1 (3). С. 18–29.
- Дмитриев Л. А.* Сказание о Мамаевом побоище // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 2: Л–Я. Л., 1989. С. 371–384.
- Дмитриева Р. П.* Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. Т. 28. 1974. С. 202–230.
- Дмитриева Р. П.* Диопсис Звенигородский (Лупа) // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 1: А–К. Л., 1988. С. 191–192.
- Дмитриева Р. П.* Досифей Топорков (Вощепников) // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 1: А–К. Л., 1988. С. 201–203.
- Довнар-Запольский М. [В.]* Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллопах. Т. 1. Киев, 1901.
- Долгоруков П. [В.], князь.* Российская родословная книга. Ч. 1. СПб., 1854.
- Долгоруков П. [В.], князь.* Российский родословный сборник. Ки. 1. СПб., 1840.
- Домбровски Д.* Поиски древнерусских предков со стороны семей ВКЛ и Московии XVI — первой половины XVII в. (избранные примеры) // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (п)единства. М., 2017. С. 170–183.
- Евгин А. В.* Князья Белёвские // Белёвские чтения. Вып. 3. М., 2003. С. 5–11.
- Евсеев И. Е.* Описание рукописей, хранящихся в Орловском древлехранилище. Вып. 2. Орел, 1906.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. Изд. третье. М., 2010.

Живая вода Непрядвы / Сост. А. И. Плизупов. М., 1988.

Жмакин В. [И.] Митрополит Дапиил и его сочи́пепия. М., 1881.

Журова Л. И. Сказа́ние о Коло́чской и́копе. Новосибирск, 2000.

Заиграйкина С. П. И́копа «Богома́терь па престо́ле, с предста́ющими святы́ми Апто́пием и Феодо́сием Пече́рскими» XVI века из Успе́ского собо́ра Моско́вского Кре́мля // Материа́лы и иссле́дования. Вып. 21. М., 2012. С. 26–39.

Зайцев А. К. Черпиговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 57–117.

Зайцев А. К. Черпиговское княжество X–XIII вв.: избранные труды. М., 2009.

Зайцев В. В. Мопеты Дмитрия Ольгердовича Брянского (1372–1379) // Нумизматика. 2010. № 1 (24). С. 10–13.

Зайцев В. В. О мопетах Карачевского княжества конца XIV в. // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 3. М., 2009. С. 17–27.

Зайцев В. В. Русские мопеты XIV–XVII вв. Очерки по нумизматике. М., 2016.

Затилюк Я. [В.] Грамота Апдрія Боголюбського Києво-Печерському монастирю // RUTHENICA. Щорічник середньовічної історії та археології Східної Європи. Вип. 7. 2008. С. 215–235.

Зельницкая Е. Г. Исследование исторических мест или урочищ, которые должны паходиться в пределах пыпешпей Калужской губернии // Отечественные записки. Ч. 27. 1826. С. 68–90.

Зимин А. А. Витязь па раснутье: Феодальная война в России в XV в. М., 1991.

Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (копец XV — XVI в.). М., 1977.

Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Проблемы источникововедения. Вып. 6. М., 1958. С. 275–324.

Зимин А. А. Россия па рубеже XV–XVI столетий. М., 1982.

Зимин А. А. Служилые князья в Русском государстве конца XV — первой трети XVI в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.: Сборник статей, посв. памяти А. А. Новосельского. М., 1975. С. 28–56.

Зимин А. А. Состав боярской думы в XV–XVI вв. // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 41–87.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988.

Зиновий, инок. Истипы показание к вопросившим о повом учении. Казань, 1863.

Зиновьева Е. И. Концепт «ведания» в обиходном языке Московской Руси XVI–XVII вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Вып. 1. СПб., 2008. С. 47–55.

Зонтиков Н. А., Рябов А. Н. Варпава Ветлужский // ПЭ. Т. 6. М., 2003. С. 653–655.

Зотов Р. В. О черпиговских князьях по Любецкому синодику и о Черпиговском княжестве в татарское время. СПб., 1892.

Зув В. [Ф.] Путешественные записки от С. Петербурга до Херсопа в 1781 и 1782 году. СПб., 1787.

Иванов Д. И. Московско-литовские отпошепия в 20-е годы XV столетия // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999. С. 79–115.

Иванов Н. В., Шебанин Г. А. Политическая принадлежность бассейнов рек Плавы и Соловы во второй половине XIV — XV в. // Верхнее Подопье: Природа. Археология. История. Т. 2. Тула, 2004. С. 68–77.

Ивановский В. [И.] К истории удельных князей Тульского края (замечания на родословную кн. Новосильских, Одоевских и Белевских) // Тульские епархиальные ведомости. Прибавления. 15.06.1898. № 12. С. 522–535; 1.09.1898. № 17. С. 748–762; 15.09.1898. № 18. С. 811–815.

Иловайский Д. [И.] История Рязанского княжества. М., 1858.

Ильин А. А. Топография кладов древнерусских монет X–XI вв. и монет удельного периода // Труды пумизматической комиссии. Вып. 5. Л., 1924.

Ильин А. А. Топография кладов серебряных и золотых слитков // Труды пумизматической комиссии. Вып. 1. Пб., 1921.

Иосиф, иеромонах. Опись рукописей, переписанных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии // ЧОИДР. 1881. Ки. 3. С. 1–315.

История татар с древнейших времен. В семи томах. Т. 3: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. Казань, 2009.

Исхаков Д. М. О родословной хана Улуг-Мухаммеда // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 63–74.

Казаков О. О. Московсько-литовська боротьба за українські землі в кінці XV — на початку XVI ст.: Дис. ... канд. іст. наук. Київ, 1998.

Казакоў А. У. Невядомае дакапчанне караля польскага і вялікага князя літоўскага Казіміра і князя Навасільскага і Адоеўскага Міхаіла Івапавіча 1481 г. // SNEO. Вып. 3. 2010. С. 291–300.

Каманин И. [М.] Сообщение послов Киевской земли королю Сигизмунду I о Киевской земле и киевском замке, около 1520 г. // Сборник статей и материалов по истории Юго-Западной России, издаваемый Киевской комиссией для разбора древних актов. Вып. 2. Киев, 1916. С. 1–9.

Карамзин Н. М. История государства Российского: Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 гг. в трех книгах с приложением. М., 1988–1989.

Каратеев М. Д. Ярлык великого хана: Исторический роман. М., 1991.

Карпов А. Ю. Преподобный Кукуша — просветитель вятичей. М., 2001.

Карпов Г. [Ф.] История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. 1462–1508. Ч. I. М., 1867.

Карташев А. В. История Русской Церкви. М., 2005.

Каишкар В. [М.] Глухов, Ольгов и Спашъ // Калужская старица. Издание Калужского церковного историко-археологического общества. Год второй. Т. 2. Кп. 1. Калуга, 1902. С. 1–7.

Каишкар В. М. Город Перемышль. (Историческая справка) // Известия Калужской ученой архивной комиссии 1898 год. Вып. 1. Калуга, 1898. С. 19–25.

Каишкар В. М. Копицкий удел Тарусского княжества // Калужская старица. Издание Калужского церковного историко-археологического общества. Год второй. Т. 2. Кп. 1. Калуга, 1902. С. 8–15.

Каишкар В. М. Село Любуцкое // Известия Калужской ученой архивной комиссии 1898 год. Вып. 5–6. Калуга, 1898. С. 3–9.

Каишкар В. М. Сиподик Покровского Доброго монастыря // Известия Калужской ученой архивной комиссии 1898 год. Вып. 2. Калуга, 1898. С. 9–27.

Каиштанов С. М. Верховские княжества // Советская историческая энциклопедия. Т. 3: Вашипгтоп — Вячко. М., 1963. Стб. 389.

Каиштанов С. М. К вопросу о сыповьях боровско-серпуховского князя Василия Ярославича // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998. С. 122–125.

Квашин-Самарин Н. [Д.] По поводу Любецкого сиподика // ЧОИДР. 1873. Кп. 4. V. Смесь. С. 213–226.

Келембет С. [М.] Князі стародубські та рильські: середина XIV — початок XV століть // Сіверяпський літопис. 2015. № 2. С. 12–26.

Келембет С. М. Великий князь Ромап Михайлович II — останній самостійний володар Черпівова // Сіверяпський літопис. 2016. № 2. С. 3–16.

Келембет С. М. Михайло Всеволодович, великий князь Черпівський і Київський: деякі питання походження, біографії та складу роду // Сіверяпський літопис. 2017. № 1–2. С. 11–19.

Келембет С. Н. Великие князья черпиговские: монгольский период (1246–1372 гг.) // SNEO. Вып. 11. 2018. С. 89–94.

Кизилов Ю. А. Земли и пароды России в XIII–XV вв. М., 1984.

Киприн В. А. Из истории Николо-Гоступского храма в Московском Кремле // Белёвские чтения. Вып. 3. М., 2003. С. 15–48.

Кистерев С. Н. К истории Калужско-Бежецкого удела в начале XVI века // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сборник статей. М., 1990. С. 16–20.

Кистерев С. Н. Обзор 18 выпуска «Очерков феодальной России» // Вестник «Альпс-Архео». Вып. 10. М.; СПб., 2015. С. 3–34.

Клосс Б. М. Древнейшая редакция Вологодско-Пермской летописи и ее автор // Летописи и хроники. Новые исследования. 2017–2018. М.; СПб., 2019. С. 130–142.

Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. Житие Сергия Радонежского. М., 1998.

Клосс Б. М. Избранные труды. Т. II. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. М., 2001.

Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.

Клосс Б. М., Маишафаров А. В. Евфросипия, прп., Суздальская. Источники. Биография. Почитание // ПЭ. Т. 17. М., 2008. С. 517–520.

Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994.

Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1989.

Ключевский В. О. Сочинения: в девяти томах. М., 1987–1990.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.

Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1991.

Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985.

Кобрин В. Б. О формах светского феодального землевладения в Русском государстве конца XV — XVI в. (К постановке вопроса) // Ученые записки Московского Государственного Педагогического института им. В. И. Ленина. № 309. 1969. С. 3–17.

Коваленко Ю. О. Джучидські мопети та їх сіверські наслідувания з літописного Глухова та його округи // Ніжипська старовина: Збірник регіональної історії та пам'яткознавства. Київ, 2012. Вип. 14 (17). С. 128–134.

Ковылов С. В. Новосильское княжество и повосильские князья в XIV–XV вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орёл, 1997.

Ковылов С. В. Новосильское княжество и повосильские князья в XIV–XV вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Орёл, 1997.

Коган В. М. История дома Рюриковичей. СПб., 1993.

Козляков В. Н. Дашковский сборник XVII века // Рязанская библиофика. Исторический альманах. Вып. 1: Памятники письменности в музеях и архивах Рязанской области. Рязань, 2000. С. 9–20.

Колли Л. П. Хаджи-Гирей хан и его политика (по гебузским источникам). Взгляд на политические сношения Кафы с татарами в XV веке // ИТУАК. № 50. 1913. С. 99–139.

Колычева Е. И. Новосильско-Одоевская корпорация и судьбы ее представителей в XV в. // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв. Международная конференция. Чтения памяти академика Л. В. Черепнина. Ч. I. М., 1994. С. 200–212.

Колычева Е. И. Судьба княжеского рода Воротыпских в XVI в. // Человек в XVI столетия: Сборник статей. М., 2000. С. 117–127.

Комова М. А. Историко-культурологическая экспертиза и источники возникновения русской деревянной скульптуры «Никола Мценский» // Вестник государственного и муниципального управления. Орёл, 2020. № 3 (37). С. 87–110.

Комова М. А. О протографе скульптуры св. Николы Ратного, упомянутой в «Сказапии о Николe Мцeпском» // Учeпые записки Орловского государственного университета. 2015. № 2 (65). С. 317–319.

Комова М. А. О списках текста «Сказапия о Николe Мцeпском» // Учeпые записки Орловского государственного университета. 2015. № 6 (69). С. 326–330.

Комова М. А. Русская деревянная скульптура «Никола Мцeпский»: сказание, иконография, стиль // Вестник Новгородского государственного университета. 2017. № 2 (100). С. 88–90.

Конев С. В. Сиподикология. Ч. 2. Ростовский соборный сиподик // Историческая генеалогия. Екатеринбург; Нью-Йорк, 1995. № 6. С. 95–106.

Конявская Е. Л. «Повесть о Плаве» и летописные статьи Тверского сборника за первое десятилетие XV в. // ДРВМ. 2007. № 2 (28). С. 81–95.

Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хропики. 1980 г. В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 223–243.

Корнева В. И. Град па острожной горе. Историко-краеведческий очерк к 850-летию города Новосиля. Орёл, 2008.

Кострица А. Ф. Край паш Орловский. Ч. 1. Учебное пособие по истории для учащихся 7–8 классов. Тула, 1974.

Коцебу А. Свитригайло, великий князь Литовский, или дополнение к историям Литовской, Российской, Польской и Прусской. СПб., 1835.

Краснопевцев И. [А.] Очерки города Одоева // Тульские губерпские ведомости. 1896. № 17, 23 япв.; № 20, 26 япв.; № 21, 27 япв.; № 23, 30 япв.

Краснопевцев И. [А.] Очерки города Одоева. Тула, 1896.

Кром М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010.

Кром М. М. Меж Русью и Литвой. Западпорусские земли в системе русско-литовских отпошений конца XV — первой половины XVI в. М., 1995.

Кром М. М. Стародубская война 1534–1537. Из истории русско-литовских отпошений. М., 2008.

Кузьмин А. В. Андрей Ослябя, Александр Пересвет и их потомки в конце XIV — первой половине XVI века // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. II. Тула, 2002. С. 5–29.

Кузьмин А. В. Архивные материалы и рукописные книги XIII–XX вв. Отдела рукописей РГБ по истории и культуре Белоруссии (предварительный обзор) // Грапи русского Средневековья: Сборник статей к 90-летию со дня рождения Юрия Георгиевича Алексеева. М., 2016. С. 110–128.

Кузьмин А. В. Верховские княжества // БРЭ. Т. 5: Великий князь — Восходящий удел орбиты. М., 2006. С. 197–199.

Кузьмин А. В. Генеалогия потомков черпиговских князей по данным Румяпцевского II списка первого извода Патриаршей редакции родословных книг (РГБ. Ф. 256. № 349) // ОФР. Вып. 15. М.; СПб., 2012. С. 173–192.

Кузьмин А. В. Землевладение боярского рода Сатипых в XIV–XV вв. // Историческая география России: новые подходы. М., 2004. С. 68–74.

Кузьмин А. В. Из истории можайских землевладельцев в XIV — начале XVI в. // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М.; СПб., 2006. С. 230–253.

Кузьмин А. В. Источники XVI–XVII вв. о происхождении киевского и путивльского князя Владимира Иваповича // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения: XVII чтения памяти чл. корр. АН СССР В. Т. Пашуто и IV чтения памяти А. А. Зимина. Ч. 2. М., 2005. С. 220–223.

Кузьмин А. В. Иоанн, блгв. кн. путивльский // ПЭ. Т. 23. М., 2010. С. 240–241.

Кузьмин А. В. На пути в Москву: очерки генеалогии воено-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. Т. 1. М., 2014.

Кузьмин А. В. На пути в Москву: очерки генеалогии воено-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII — середине XV в. Т. 2. М., 2015.

Кузьмин А. В. Синодик боярского сына П. С. Бабица (судьба рукописи и происхождение ее владельца) // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 15. М., 2010. С. 729–746.

Кузьмин А. В. Территориальные изменения в левобережном Поочье в XIII — начале XV в. (на примере Козельска, Брыни, Серпска, Мосальска и Перемышля на Оке) // Восточная Европа в древности и средневековье. Государственная территория, как фактор политогенеза. XXVII чтения памяти чл. корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 15–17 апреля 2015 г. М., 2015. С. 162–168.

Кузьмин А. В. Титулованная знать Великого княжества Литовского в «великой войне» 1409–1411 гг. против Тевтонского ордена // Великие князства Литовские и их соседи в XIV–XV вв.: сотрудничество, сотрудничество, уроки. Минск, 2011. С. 26–75.

Кузьмин А. В. Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV — первой трети XV в. (Ч. 1: Всеволож Заболоцкие, Волыпские, Лииятипы) // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 11. М., 2004. С. 701–783.

Кузьмин А. В. Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV — первой трети XV в. (Ч. 2: Порховские, Кузьмины, Сатины-Шонуровы) // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 13. М., 2008. С. 448–494.

Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965.

Кунцевич Г. З. Грамоты Казанского Златопова монастыря // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. 17. Вып. 5–6. Казань, 1901. С. 268–344.

Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905.

Кучкин В. А. Договор Калитовичей (К датировке древнейших документов московского великокняжеского архива) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 16–24.

Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договоры. М., 2003.

Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV века // ДРВМ. 2008. №3 (33). С. 123–125.

Кучкин В. А. К характеристике второго договора Василия I с Владимиром Серпуховским // Великий Новгород и средневековая Русь. Сборник статей к 80-летию академика В. Л. Янина. М., 2009. С. 390–404.

Кучкин В. А. Княгиня Анна — тетка Симеона Гордого // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): Сборник статей. М., 1993. С. 4–11.

Кучкин В. А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. Вып. 1. М., 1996. С. 5–57.

Кучкин В. А. О древнейшем упоминании Новгорода // Проблемы экономической и социокультурной истории феодальной России. М., 2010. С. 58–70.

Кучкин В. А. Об одной лапке во втором договоре Василия I с Владимиром Серпуховским // Особенности российского исторического процесса: Сборник статей памяти академика Л. В. Милова (к 80-летию со дня рождения). М., 2009. С. 87–95.

Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. Сборник статей. М., 1980. С. 26–112.

Кучкин В. А. Три завещания Василия I // ДРВМ. 2016. №2 (64). С. 33–54.

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Лаврентьев А. В. После Куликовской битвы. Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV — первой четверти XVI в. М., 2011.

Липатников В. В. Елецкие древности. Воронеж, 1998.

Латушкін А. М. Аб гісторыі ўключэння грамад і актаў дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага ў склад архіва Нясвіжскай ардынацыі князёў Радзівілаў у другой палове XVII ст. // Беларускі археографічны штогоднік. Вып. 16. 2015. С. 292–309.

Латушкін А. М. Акты XV ст. з дзяржаўнага архіва Вялікага княства Літоўскага ў калекцыі расійскага археографа П. А. Мухавава (1797–1871) // Беларускі археографічны штогоднік. Вып. 18. 2017. С. 114–127.

Латушкін А. М. Рэестр дзяржаўнага архіва Вялікага Княства Літоўскага ад 26 лістапада 1623 г. і яго значэнне для рэканструкцыі складу комплексу арыгіналаў актаў капа XIV — пачатку XVII ст. // Беларускі археографічны штогоднік. Вып. 18. 2017. С. 247–264.

[*Лёвшин В. А.*] Историческое, статистическое и камеральное описание городов Тульской губернии // Политический, статистический и географический

журнал, или Современная история света на 1807 год. Ч. I, кп. I, февраль. С. 113–142; Ч. II, кп. I, апрель. С. 36–62; Ч. II, кп. II, май. С. 107–137.

Лёвшин В. [А.] Историческое сказание о выезде, военных подвигах, и родословии благородных дворян Левшиных. М., 1812.

Лёвшин В. [А.] Родословная книга благородных дворян Левшиных, содержащая в себе доказательства о происхождении их фамилии, времени выезда в Россию и покоевшую роспись. М., 1791.

Лёвшин В. А. Топографическое описание Тульской губернии. 1803 год. Тула, 2006.

Леонид, архимандрит. (А. Л.) Описание белевской Жабынской пустыни. Тула, 1865.

Леонид, архимандрит. Описание лихвинского Покровского Доброго мужского монастыря // ЧОИДР. 1875. Кп. 4. V. Смесь. С. 104–159.

Леонид, иеромонах. (И. Л.) История церкви в пределах пыщепей Калужской губернии и калужские иерархи. Калуга, 1876.

Леонид, иеромонах. (И. Л.) Село Николо-Гоступское с его древностями // ЧОИДР. 1861. Кп. 4. V. Смесь. С. 187–198, 300.

Леонид, иеромонах. (И. Л.) Церковно-историческое исследование о древней области вятичей, входившей с начала XV и до конца XVIII столетия в состав Крутицкой и частью Суздальской епархии // ЧОИДР. 1862. Кп. 2. I. Исследования. С. 1–156.

Леонид, иеромонах. Церковно-историческое описание упраздненных монастырей, находящихся в пределах Калужской епархии // ЧОИДР. 1863. Кн. 1. I. Исследования. С. 1–170.

Леонтович Ф. И. Очерки истории Литовско-Русского права (продолжение) // ЖМНП. Ч. 290. 1893, декабрь. С. 259–325.

Леонтович Ф. И. Очерки истории Литовско-Русского права. Образование территории Литовского государства. СПб., 1894.

Летопись калужская от отдаленных времен до 1841 года / Сост. В. В. Хапыков, сообщил архимандрит Леонид. М., 1878.

Летопись Калужская. Калуга, 1991.

Лисаев В. А. Одоев. Историко-краеведческий очерк. Тула, 2002.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Внутридинастические браки между троюродными братьями и сестрами в домогольской Руси // ДРВМ. 2012. № 3 (49). С. 45–68.

Лихачев Д. С. Текстология (на материалах русской литературы X–XVII вв.). СПб., 2001.

Лихачев Н. П. Государев родословец и Бархатная книга. СПб., 1900.

Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. Опыт исторического исследования. СПб., 1888.

Лихвинский Покровский Добрый монастырь. Сборник материалов / Сост. А. Н. Курбацкий. Брянск, 2012.

Лицкевич О. В. Поручительство литовско-русской знати за побиля Братошу Койлутовича (1387–1394 гг.) // *Беларуская даўпіпа*. Вып. 1. Мінск, 2014. С. 29–58.

Лицкевич А. У. Старабеларускія граматы XV ст. з Archiwum głównego akt dawnych у Варшаве // *Здабыткі. Дакументальныя помпкі па Беларусі*. Вып. 11. Мп., 2009. С. 6–41.

Лобанов-Ростовский А. Б., князь. Русская родословная книга. Т. 1. СПб., 1895.

Лобанов-Ростовский А. Б., князь. Русская родословная книга. Т. 2. СПб., 1895.

Логачёва Н. В. Великие княжества Карачевское и Тарусское: вторая половина XIII — XV в. (центростремительные процессы) // *Вестник РУДН. Сер. История России*. 2010. № 5. С. 111–117.

Логачёва Н. В. Верховские княжества как зона влияния Черпиговского Великого княжества // *Диалог цивилизаций: Восток — Запад: Глобализация и мультикультурализм в посткризисном мире: Материалы XIII научной конференции молодых ученых*. М., 2013. С. 185–195.

Логачёва Н. В. Летописные и родословные книги о распаде Верховских княжеств (некоторые аспекты) // *1150 лет Российской государственности: Сборник статей студентов, аспирантов, молодых ученых*. М., 2013. С. 64–73.

Логачёва Н. В. Особенности становления и эволюции княжеской власти в Юго-Восточной Руси в XI–XV вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015.

Лосева О. В., Лукашевич А. А., Шевченко Э. В. Варяга // *ПЭ*. Т. 6. М., 2003. С. 641–646.

Лукин П. В. Восточнославянские «племена» и их князья: конструирование истории в Древней Руси // *Предания и мифы о происхождении власти эпохи средневековья и раннего нового времени: Материалы XXV конференции «Славяне и их соседи»*. М., 2010. С. 83–89.

Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. СПб., 1994.

Лурье Я. С. Двуместные монеты Василия II и Шемяки и двоевластие в Москве // *Средневековая Русь*. М., 1976. С. 84–88.

Лурье Я. С. Летопись Вологодско-Пермская // *СККДР*. Вып. 2. Ч. 2: Л–Я. Л., 1989. С. 119–120.

Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.

Лурье Я. С. Патерик Волоколамский // *СККДР*. Вып. 2. Ч. 2: Л–Я. Л., 1989. С. 163–166.

Лурье Я. С. Повести о стоянии на Угре // *СККДР*. Вып. 2. Ч. 2: Л–Я. Л., 1989. С. 204–208.

[*Лурье Я. С.*] Севернорусский летописный свод 1472 года // *БЛДР*. Т. 7. СПб., 1999. С. 318–347, 530–543.

[*Лурье Я. С., Милютенко Н. И.*] Независимый летописный свод 80-х годов XV века // *БЛДР*. Т. 7. СПб., 1999. С. 400–443, 555–567.

Любавский М. К. К вопросу об удельных князьях и местном управлении в Литовско-Русском государстве // ЖМНП. Ч. 294. 1894, август. С. 348–394.

Любавский М. К. Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства. М., 1901.

Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского Статута. М., 1892.

Любавский М. К. Образование основной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929.

Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. СПб., 2004.

Мазуров А. Б. Средневековая Коломба в XIV — первой трети XVI в. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001.

Мазуров А. Б., Никандров А. Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Сернуховское княжение в середине XIV — первой половине XV в. М., 2008.

Майоров А. А. Русь Верховская. Очерки славянской истории. Орёл, 2012.

Майоров А. В. Михаил Черпиговский в Силезии и битва под Легницей // ДРВМ. 2015. Вып. 2 (60). С. 23–35.

Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн. 3. М., 1995.

Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн. 4. Ч. 1. М., 1996.

Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн. 4. Ч. 2. М., 1996.

Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. Кн. 5. М., 1996.

Макарий (Веретенников). Старец Мисаил (Сукип) // Альфа и омега. 2003. №2 (36). С. 181–187.

Малиновский А. [Ф.] Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыме татарскими царями с 1462 по 1533 год // ЗООИД. Т. 5. 1863. С. 178–419.

Мандзяк В. Ростислав Михайлович — «Dux Galicie et imperator Bulgarorum» // Княжа доба: історія і культура. Вип. 5. Львів, 2011. С. 131–144.

Мартынов П. М. Городская дуброва Белева в 1443 г. // Тульские губернские ведомости. Часть неофициальная. 27.07.1894. №43.

Мартынюк А. [В.] Когда родился князь Ростислав Михайлович и почему важна эта дата? // RUTHENICA. Щорічник середньовічної історії та археології Східної Європи. Т. 16. 2020. С. 16–29.

Маслов Н. М. Краткие сведения о рукописях Калужского областного краеведческого музея // ТОДРЛ. Т. 10. 1954. С. 479–484.

Массалитина Г.А. Проблема местоположения летописного Воротыпска // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья: Материалы XIV Всероссийской научной конференции 5–7 апреля 2011 г. Калуга, 2012. С. 77–81.

Массалитина Г.А., Болдин И.В., Селезнев Ю.В. «Не звати Козельскомъ, по злымъ городомъ». История и археология древнерусского Козельска. Тула, 2018.

Маханько М.А. Дарохранительница // ПЭ. Т. 14. М., 2000. С. 202–205.

Маханько М.А. Собирание в Москве древних икон и реликвий в XVI в. и его историко-культурное значение // Искусствознание. 1998. № 1. С. 112–142.

Милорадович Г. [А.] Аптопиевский Любечский мужской монастырь. Черпигов, 1860.

Милорадович Г. [А.] Синодик Аптопиевского Любечского монастыря // Черпиговская губернская ведомости. Часть неофициальная. 1857. № 38. С. 317–321.

Милорадович Г.А. Любеч, Черпиговской губернии, Городицкого уезда, родина преподобного Аптопия Печерского // ЧОИДР. 1871. Кн. 2. II. Материалы отечественные. С. 1–160.

Милютенко Н.И. Новгородская 1 летопись младшего извода и Общерусский летописный свод начала XV в. // Летописи и хроники. Новые исследования. 2009–2010. М.; СПб., 2010. С. 162–222.

Моисеева Г.Н. Пергаментный Синодик Государственного Исторического музея в издании Н.И. Новикова // ТОДРЛ. Т. 26. 1971. С. 100–108.

Молчанов С.П. Из летописей города Новосиля // Тульские губерские ведомости. 1872. 29 апреля, 3, 6, 10, 13, 16 мая. № 31–36. С. 514–515, 528–529, 542–543, 555–556, 569–570, 588.

Молчанов С.П. Из летописей города Одоева // Тульские губерские ведомости. 1872. 10, 14, 17, 21, 24, 28 июня, 1 июля. № 43–49. С. 695–697, 712, 725–726, 743–745, 757–758, 773–774, 786–787.

Мошкова Л.В. Русские посольские книги: начало формирования // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Калуга, 2017. С. 232–250.

Назаров В.Д. Рассказ Вологодско-Пермской летописи о стоянии на Угре // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Калуга, 2017. С. 251–269.

Назаров В.Д. Тайна челобитной Ивана Воротыпского // Вопросы истории. 1969. № 1. С. 210–218.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. (Историко-географическое исследование). Монголы и Русь. (История татарской политики на Руси). СПб., 2006.

Насонов А.Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969.

Наумов А. Н. Водораздельные городища и сухонутные дороги па водоразделе Оки и Допа в развитом средпеековье (К вопросу о методике археологического поиска) // Верхнее Подопье: Природа. Археология. История. Вып. 2. Т. 1. Тула, 2007. С. 108–118.

Наумов Е. П. К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних» // Летописи и хропики. Сборник статей 1973 г. М., 1974. С. 150–163.

Национальный атлас почв Российской Федерации. М., 2011.

Неделин В. М. Древние города земли Орловской. XII–XVIII века. История. Архитектура. Жизнь и быт. Орел, 2012.

Некрасов И. И. Древняя святая Белёвского края // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XI Всероссийской научной конференции. Калуга, 2005. С. 221–224.

Николаева Т. В. Новые находки па территории Загорского музея-заповедника // Советская археология. 1957. № 1. С. 251–255.

Никольский Н. [Н.] Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). Т. 1. Вып. 1. Об основании и строительстве монастыря. СПб., 1897.

Новикова О. Л. «Сокращенный свод» в 70–90-х гг. XV века и его Соловецкий вид // Летописи и хропики. Новые исследования. 2013–2014. М.; СПб., 2015. С. 162–234.

Новикова О. Л. «Сокращенный свод» редакции 1491 г. (ГИМ, Сип. 963) // Летописи и хропики. Новые исследования. 2017–2018. М.; СПб., 2019. С. 66–129.

Оболенский М. А., князь. Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу. 1392–1393 года. Казань, 1850.

Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея, составленное Александром Востоковым. СПб., 1842.

Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (конец XVII в.). М., 1902.

От преосвященного Гавриила, епископа Орловского и Севского // Отечественные записки. Ч. 22. 1825. С. 429–440.

Отчет Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1866 год. М., 1898.

Очерки истории СССР. Период феодализма XI–XV вв. в двух частях. Ч. 2 / Под ред. Б. Д. Грекова, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашута. М., 1953.

Павлов А. [С.] 50-я глава Кормчей книги, как исторический и практический источник русского брачного права. М., 1887.

Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в Древней Руси. СПб., 1907.

Палацкий Ф. О русском князе, Ростиславе, отце чешской королевы Купгуды, и роде его // ЧОИДР. 1846. Кн. 1. III. Материалы и постраницы. С. 2–16.

Петров Н. И. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве. Вып. 2. М., 1896.

Петров П. Н. История родов русского дворянства. Кн. 1. М., 1991.

Петрунь Ф. [С.] Східня межа великого князівства Литовського в 30-х роках XV сторіччя // Збірник Історично-філологічного відділу УАН. Ювілейний збірник па пошалу акад. М. С. Грушевського. № 76. Ч. І. Київ, 1928. С. 165–168.

Петрунь Ф. [С.] Хапські ярлики па українські землі // Східний світ. 1929. № 2. С. 170–185.

Пигин А. В. Пространная редакция жития Александра Ошевепского // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. Т. 3. СПб., 2017. С. 206–309.

Питирим, архиепископ. О Волоколамском патерике // Богословские труды. Сб. 10. 1973. С. 175–224.

Подосинов А. В. О принципах построения и месте создания «Списка русских городов дальних и ближних» // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 40–48.

Покровский И. [М.] Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Т. 1. XVI–XVII вв. Казань, 1897.

Полехов С. В. Браки князя Свидригайла Ольгердовича // По любви, въ правду, безо всякие хитрости. Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Аппревича Кучкипа. М., 2014. С. 235–268.

Полехов С. В. К вопросу о причинах государственного переворота в Великом княжестве Литовском в 1432 г. // SNEO. Вып. 1. 2008. С. 34–55.

Полехов С. В. Литовско-русские отношения в начале XV в. в свете малоизвестных документов // ДРВМ. 2017. № 3 (69). С. 105–106.

Полехов С. В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015.

Полехов С. В. Последние завещания Василия I и печати Витовта // Средневековая Русь. Вып. 12. М., 2016. С. 183–200.

Полехов С. В. Привилей Александра Ягеллопа Смоленской земле 1505 г. // ДРВМ. 2019. № 1 (75). С. 95–99.

Полехов С. В. «Русины опять провозгласили его своим господином». Князь Свидригайло — оппозиционер помер один в Великом княжестве Литовском // Родина. 2011. № 10. С. 82–84.

Полехов С. В. Сведения о Руси в переписке саповников Тевтопского ордена первой половины XV века // Источниковедение в современной медиавистике. Всероссийская научная конференция. М., 2020. С. 274–277.

Полехов С. В. «Список городов Свидригайла». Датировка и публикация // ДРВМ. 2014. № 4 (58). С. 111–125.

Полехов С. В., Наумов Н. Н. Татарская тематика в переписке саповников Тевтопского ордена. 1431–1432 гг. // Золотоордынское обозрение. 2020. № 4. С. 784–807.

Поликарпов М. А. Исторический очерк бывшего Апостасова монастыря. Белев, 1912.

Полякова С. Г. Верховские княжества в контексте русско-литовских дипломатических связей второй половины XIII — XIV в. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XII Всероссийской научной конференции 3–5 апреля 2007 г. Калуга, 2008. С. 121–123.

Помеппик Введепської церкви в Ближніх Печерах Києво-Печерської Лаври / Упорядкування та вступна стаття Олексія Кузьмука // Лаврський альманах. Вип. 18. Київ, 2007.

Пономарев А. Л. Первые хапы Крыма: хронология смуты 1420–х годов в счетах генуэзского казначейства Каффы // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 158–190.

Пономарев А. Л. Хап Крыма Бек-Суфи, его законы даги и Лже-Едыгей // Нумизматические чтения 2013 года. Материалы докладов и сообщений. М., 2013. С. 76–84.

Пономарева И. Г. История одного выезда на московскую службу (о предках Чаадаевых) // ДРВМ. 2005. № 4 (22). С. 41–50.

Пономарева И. Г. Кто управлял Московским великим княжеством в 1425–1432 гг.? // Средневековая Русь: Вып. 9. М., 2011. С. 167–196.

Почекаев Р. Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009.

Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (Для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР) / АН СССР. М., 1986.

Преображенский М. Т. Памятники древнерусского зодчества в пределах Калужской губернии. СПб., 1891.

Пресняков А. Е. Княжое право Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.

Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 2. Вып. 1: Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939.

Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. М., 1998.

Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.

Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. Изд. второе. СПб., 2002.

Приселков М. Д., Фасмер М. Р. Отрывки В. Н. Бепешевича по истории русской церкви XIV века // Известия ОРЯС. Т. 21. Пг., 1916. Кн. 1. С. 48–70.

Присенко Г. П. Прописное в былое. Тула, 1984.

Протоколы заседаний Общества за 1894 г. (№ 384–393) // ЧОИДР. 1895. Кн. 2. V. Смесь. С. 1–46.

Прохоренков И. А. Загадка соавтора «Хропики европейской Сарматии» Александра Гвапьи (по поводу книги Михаила Курапа «Marcin Paszkowski — poeta okolicznościowy i moralista z pierwszej połowy XVII wieku») // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2014. № 1. С. 193–205.

Пуцко В. Г. Резное изображение Николы Можайского из Перемышля // Московский журнал. 2004. № 9. С. 13–17.

Пуцко В. Г. Ростовская икона Николы Гоступского: проблема иконографического образа // История и культура Ростовской земли: Материалы конференции 2011 г. Ростов, 2012. С. 89–99.

Пясецкий Г. [М.] Город Болхов и его уезд. По переписной книге 7154 (1647) года // Труды Орловской ученой архивной комиссии. Орел, 1891. Вып. 2. С. 31–35.

[Пясецкий Г. М.] Исторические очерки города Болхова и его святыни // Орловские епархиальные ведомости. 1875. №9, 10. С. 562–575, 633–648.

Пясецкий Г. [М.] Исторические очерки города Ливеп и его уезда в политическом, статистическом и церковном отношении // Труды Орловской ученой архивной комиссии. Орел, 1893. Вып. 3, 4, 5. С. 3–190.

[Пясецкий Г. М.] История Орловской епархии и описание церквей, приходов и монастырей. Орел, 1899.

[Пясецкий Г. М.] О церковно-иерархической зависимости Орловского края со времени первоначального распространения в его пределах христианства и до присоединения его к Московскому государству в конце XV-го века, при в. к. Иоанне III-м // Орловские епархиальные ведомости. 1866. №19, 20. С. 1082–1091, 1133–1141; 1867. №23. С. 1780–1794; 1870. №6. С. 345–360.

[Пясецкий Г. М.] О церковно-иерархической зависимости Орловского края со времени присоединения его к Великому княжеству Московскому и до открытия в его пределах самостоятельной Орловской епархии // Орловские епархиальные ведомости. 1870. №7, 10. С. 429–443, 641–663.

Пятраўскас Р. Літоўская запіска XIV — XV ст.: Склад — структура — улада / Пераклад з лит. А. Мікус. Смалепск, 2014.

Радлов В. [В.] Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга // Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества. Т. 3. 1888. Вып. 1–2. С. 1–40.

Радюхи О. А. Исследования Новосильского городища в Орловской области // Археологические открытия 2010–2013 годов. М., 2015. С. 243–245.

Рахимзянов Б. Р. Москва и татарский мир: сотрудничество и противостояние в эпоху перемен, XV–XVI вв. СПб., 2016.

Ретовский О. Ф. К пумизматике Гиреев (с 4-мя таблицами) // ИТУАК. №18. 1893. С. 73–118.

Рошефор Н. И. Описание церковных памятников Калужской губернии. СПб., 1882.

Рубинштейн Н. Л. Топографические описания помещичьих и губерний XVIII в. — памятник географического и экономического изучения России // Вопросы географии. Сб. 31. 1953. С. 39–89.

Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 2. СПб., 1887.

Русина Е. В. Еголдай, Еголдаевичи, Еголдаева «тьма» // Славяне и их соседи. Вып. 10: Славяне и кочевой мир. М., 2001. С. 144–152.

Русина Е. В. Персопальпый состав северских князей во второй половине XV в. // Историческая генеалогия. 1993. №2. С. 14–18.

Русина О. [В.] Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Кнів, 1998.

Русские монастыри. Искусство и традиции. М., 1997.

Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV — пачала XVI века. М., 1974.

Рыжов К. [В.] Все мопархи Мира. Россия. 600 кратких описаний. М., 1998.

Садиков П. А. Из истории опричпины XVI в. // Исторический архив. Вып. 3. 1940. С. 113–303.

Салмин С. А. «Гости» в социальной структуре древнерусского государства: государственные служащие? // Stratum plus. 2015. №6. С. 1–10.

Салмина М. А. Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве // ТОДРЛ. Т. 32. 1977. С. 3–39.

Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Сарапск, 1960.

Сахаров И. [П.] Белевские князья // Энциклопедический лексикоп. Т. 7: Бра–Бял. СПб., 1836. С. 321.

Сахаров И. [П.] Обществепное образование Тульской губернии // Современник. 1837. №7. С. 295–325.

Сахаров И. [П.] Памятники Тульской губернии. СПб., 1851.

Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения / Под ред. Ф. Ф. Лашкова // ИТУАК. №23. 1895. С. 118–129.

Седов П. В. Челобитная князей Одоевских о своих родовых землях пакаппе отмены местничества // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М.; СПб., 2006. С. 338–346.

Семенченко Г. В. Московско-тверской договор второй половины 30-х годов XV века // Исследования по источникововедению России до 1917 г. М., 1997. С. 4–15.

Семенченко Г. В. О хропологии некоторых грамот, упоминающих «великого князя» Ивапа III Васильевича // Археографический ежегодник за 1983 год. М., 1985. С. 53–57.

Сербина К. Н. Устюжское летописание XVI–XVIII вв. Л., 1985.

Серебрянский Н. И. Древне-русские княжеские жития. М., 1915.

Сиверс А. А. Топография кладов с пражскими грошами // Труды нумизматической комиссии. Вып. 2. Пб., 1922.

Симсон П. [Ф.] История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще с отчествопной историей. В 2-х частях. (С приложением грамот, относящихся к истории города). М., 1880.

Ситий І. М. Ким і коли було започатковапо Любецький сиподик, або остаппій твір Ивапа Щирського // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичпій долі Київської Русі. Черпів, 1997. С. 191–196.

Скворцов Н. А. Московский Кремль. Упраздненные мопастыри, соборы, церкви и подворья. Из печатных и рукописных источников // Русский архив. 1893. Кп. 3. С. 5–35.

Скрынников Р. Г. Опричнина и последние удельные князья в Руси // Исторические записки. Т. 76. 1965. С. 152–174.

Словарь пазваний жителей СССР. М., 1975.

Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством османской порты до пачала XVII века. СПб. в Казапи, 1887.

Смирнов С. И. Житие преподобного Даниила, переславского чудотворца, повесть об обретении мощей и чудеса его. М., 1908.

Смолицкая Г. П. Гидропимия бассейна Оки (список рек и озер). М., 1976.

Снегирев И. [М.] Взгляд на православное иконописание // Душеполезное чтение. 1862. Ч. 2. С. 400–423.

Снегирев И. М. Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. Т. 1. М., 1865.

Соколов П. П. Русский архиерей из Византии и право его пазначения до пачала XV века. Киев, 1913.

Соколов И. [К.] Сказание о явлении чудотворной иконы святителя и чудотворца Николая во граде Мценске, собранное из достоверных источников. СПб., 1858.

Соколов И. [К.] Сказание о явлении чудотворной иконы святителя и чудотворца Николая во граде Мценске, собранное из достоверных источников. СПб., 1861.

Соколова Л. В. Что сообщалось об Олеге Рязанском в авторском тексте Повести о Куликовской битве? (К вопросу о позднейших вставках в «Летописной повести») // ТОДРЛ. Т. 66. 2019. С. 76–109.

Соловьев А. В. Великая, Малая и Белая Русь // Вопросы истории. 1947. № 7. С. 24–38.

Соловьев Н. А. Сарайская и Крутицкая епархии. Вып. 2. Росписи полоинопичных дефег 1675–1682 гг. // ЧОИДР. 1896. Кн. 3. I. Материалы исторические. С. 1–235.

Соловьев С. М. История России с древнейших времеп. Кн. 2. М., 2001.

Соловьев С. М. История России с древнейших времеп. Кн. 3. М., 2001.

Спаский И. Преподобная Евфросиния, княжна Суздальская (к 700-летию со дня кончины) // Журнал Московской патриархии. 1949. № 1. С. 59–65.

Спиридов М. Г. Сокращенное описание служб благородных российских дворян, расположенное по родам их, с показанием, от каких те роды пачало свое получили, или откуда какие родопачальники выехали, или которых их происхождение, их выезды издателю неизвестны. Ч. 2. М., 1810.

Список населенных мест по сведениям 1859 года. Т. 15: Калужская губерния. СПб., 1863.

Список населенных мест по сведениям 1866 года. Т. 29: Орловская губерния. СПб., 1871.

Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков). Изд. второе. СПб., 1892.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. В трех томах. СПб., 1893, 1902, 1912.

Станиславский А. Л. Роспись детей боярских Мещовска, Опакова и Бряпска 1584 г. // Археографический ежегодник за 1972 г. М., 1974. С. 293–301.

Станюкович А. К., Авдеев А. Г. Неизвестные памятники русской сфрагистики. Прикладные печати-матрицы XIII–XVIII веков из частных собраний. М., 2007.

Сулковска-Курасева И. Итиперарий Казимира Ягеллопа (состояние подготовки) // Исследования по истории Литовской метрики. Сборник научных трудов. Вып. 2. М., 1989. С. 264–335.

Султанов Т. И. Письма золотоордынских ханов // Тюркологический сборник, 1975. М., 1978. С. 234–251.

Султанов Т. И. Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II // Тюркологический сборник, 1973. М., 1975. С. 53–61.

Сухова О. А. Святитель Николай чудотворец (Никола Гоступский) с житием // Иконы Муром. М., 2004. С. 122–127. № 16.

Сыроечковский В. Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки Московского ордена Лепипа государственного университета им. М. В. Ломоносова. Вып. 61. История. Т. 2. 1940. С. 3–71.

Сычѳв К. В. Происхождение Карачева и судьба Карачевского удела // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 145–147.

Сычѳв Н. В. Новосильско-Одоевское княжество. [Б. м., б. г. (2016)].

Татищев В. Н. Собрание сочинений. В восьми томах (пяти книг): Т. 5, 6. История российская. — Реприфт с изд. 1964 г. М., 1996.

Татищев В. Н. Собрание сочинений. В восьми томах (пяти книг): Т. 7, 8. История российская. — Реприфт с изд. 1968 и 1979 гг. М., 1996.

Темушев В. Н. Гомельская земля в конце XV — первой половине XVI в. Территориальные трансформации в пограничном регионе. М., 2009.

Темушев В. Н. Западная граница Великого княжества Московского к 1380 г. // Куликовская битва в истории России. Тула, 2006. С. 82–109.

Темушев В. Н. Литовско-московский договор 1449 года. Раздел сфер влияния в Восточной Европе // Весці Нацыянальнай Акадэміі Навук Беларусі, сэрія гуманітарных навук. 2005. № 5. Ч. 2. С. 77–80.

Темушев В. Н. На восточной границе Великого княжества Литовского. Середина XIV — первая половина XVI в. Тула, 2016.

Темушев В. Н. Первая московско-литовская пограничная война: 1486–1494. М., 2013.

Темушев В. Н. Пограничные города Великого княжества Литовского: Дмитровец в XV в. // SNEO. Вып. 2. 2009. С. 44–120.

Темушев В. Н. Поугорье и Верхняя Ока в системе обороны восточной границы Великого княжества Литовского // Позднесредневековый город III:

археология и история: Материалы III Всероссийского семинара. Ноябрь 2009 г. Тула, 2011. С. 66–83.

Темушев В. Н. Представления о территории Верхпеекских княжеств в работах исследователей // Верхпее Подопье. Природа. Археология. История. Вып. 2. Т. 2. Тула, 2007. С. 257–277.

Темушев В. Н. Река Угра — вековой страж московско-литовской границы // Новая локальная история: пограничные реки и культура берегов: Материалы второй Международной интернет-конференции. Ставрополь, 20 мая 2004 г. Ставрополь, 2004. С. 305–317.

Темушев В. Н. Ржевский участок литовско-московской границы в конце XIV — начале XVI в. // Материалы по археологии Беларуси. № 14. Памятники эпохи железа и средневековья Беларуси. К 60-летию О. Н. Левко. Минск, 2007. С. 241–250.

Темушев В. Н. Феодат московско-литовского пограничья XV века // Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV–XV стст.: саперніцтва, супрацоўніцтва, урокі: да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы: матэрыялы Міжпар. павук. каф. (Гродна, 8–9 ліп. 2010 г.). Мінск, 2011. С. 199–206.

Темушев В. Н. Фоминско-Березуйское княжество между Москвой, Вильей и Тверью. Феодат пограничья // Русское средневековье: Сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексеева. М., 2012. С. 328–350.

Темчин С. [Ю.] О времени появления Супрасльской летописи (списка 1519 г.) в Супрасльском монастыре // RUTHENICA. Щорічник середньовічної історії та археології Східної Європи. Т. 5. 2006. С. 151–161.

Титов А. [А.] Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII столетиях. Ярославль, 1881.

Тихомиров И. Св. Авраамий Новосильский, ученик и сотрудник св. священномученика Иоанна Кукши // Орловские епархиальные ведомости. Православный журнал. 1 (14) окт. 1918. № 20. С. 506–509; 15 (28) окт. 1918. № 21. С. 524–526.

Тихомиров М. Н. Древняя Москва. XII–XV вв.; Средневековая Россия на международных путях XIV–XV вв. М., 1992.

Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.

Тихомиров М. Н. Список русских городов дальних и ближних // Исторические записки. Т. 40. 1952. С. 214–259.

Тишин П. П. Белев. Очерк истории города и района. Тула, 1981.

Толковая Библия или комментарий ко всем книгам Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Т. 1. Пятикнижие Моисеево. СПб., 1904.

Трепавлов В. В. Большая Орда — Тахт эли. Очерк истории. Тула, 2010.

Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2002.

Троицкий Н. И. Одолевский Апостасов Богородице-Рождественский монастырь (упраздненный) // Тульские древности. Тула, 2002. С. 261–287.

Троицкий Н. [И.] Перстепь Юфбоп-Амып-хапа // Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. 1896. № 1. С. 6–10.

Тропин Н. А. Елецкая земля в XII–XV вв. Елец, 1999.

Тропин Н. А. Южные территории Черпигово-Рязанского порубежья в XII–XV вв.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2007.

Тутиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.

Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985.

Усачев А. С. Еще раз о книгах князей Воротыпских в XVI в. // «По любви, в правду, безо всяких хитростей». Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкипа: Сборник статей. М., 2012. С. 331–340.

Усачев А. С. О книгах князей Воротыпских в XVI в. // Вестник архивиста. 2012. № 3. С. 17–28.

Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009.

Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979.

Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972.

Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982.

Федоров А. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале. О построении и о именованиях его, и о бывшем прежде в нем великом княжении, и о прочем к тому потребном ради любопытных, собранное из различных показаний в кратце // ВОИДР. Кн. 22. М., 1855. II. Материалы. С. 1–212.

Федоров-Давыдов Г. А. Дежневское дело Золотой Орды. М., 2003.

Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. М., 1960. С. 94–192.

Федоров-Давыдов Г. А. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV. М., 1963. С. 165–221.

Фетищев С. А. К вопросу о присоединении Муромы, Мещеры, Тарусы и Козельска к Московскому княжеству в 90-х гг. XIV в. // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сборник статей, посвященных 75-летию Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 31–39.

Фетищев С. А. К истории договорных грамот между князьями Московского дома конца XIV — начала XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 25. СПб., 1994. С. 63–76.

Фетищев С. А. Московская Русь после Дмитрия Донского 1389–1395 гг. М., 2003.

Филарет, архиепископ. Историко-статистическое описание Черпиговской епархии. Кп. 5. Черпигов, 1874.

Филарет, архиепископ. Русские святые, чтимые всею церковью или местпо. Опыт описания жизни их. Отд. 3. Черпигов, 1865.

Филарет, архиепископ. Черпигов с епископию, усыпальница и сиподик князей // Черпиговские епархиальные известия. 1863. № 10.

Фирсов А. И. Мцепск // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Т. 140. 1915. С. 627–637.

Флоря Б. Н. Борьба московских князей за Смоленские и Черпиговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России. Вып. 1. М., 1982. С. 58–78.

Флоря Б. Н. Великое княжество Литовское и Рязанская земля в XV в. // Славяне в эпоху феодализма. М., 1978. С. 182–189.

Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М., 2007.

Флоря Б. Н. Литва и Русь перед битвой на Куликовом поле // Куликовская битва: Сборник статей. М., 1980. С. 142–173.

Флоря Б. Н. Орда и государства Восточной Европы в середине XV века (1430–1460) // Славяне и их соседи. Вып. 10: Славяне и кочевой мир. М., 2001. С. 172–196.

Фомин Н. К. К вопросу о достоверности труда И. Ф. Афремова «Историческое обозрение Тульской губернии» // Верхнее Подонье. Природа. Археология. История. Вып. 2. Т. 2. Тула, 2007. С. 288–298.

Френ [Х. М.] О восточных монетах, паходимых в России / В пер. П. С. Савельева // Сып отечества. Журнал истории, политики, словесности, паук и художеств. Кп. 7. 1842. С. 51–100.

Хмыров М. Д. Алфавитно-справочный перечень удельных князей русских и членов царствующаго дома Романовых. СПб., 1871.

Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И. Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII ст. Вып. 9. Волоколамская и Серпуховская десятины (Московской губернии). М., 1896.

Хорошкевич А. Л. Документы пачала XV в. о русско-литовских отпощепиях // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. М., 1998. С. 39–57.

Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV — пачало XVI в. М., 2001.

Хоруженко О. И. «Первая Литовщина» в летописной статье 1368 г. // Istorijos šaltinių tyrimai. Т. 2. Vilnius, 2010. Р. 31–40.

Хоруженко О. И. «Печать князя Дмитрия» XV в.: проблемы интерпретации // ДРВМ. 2014. № 3 (57). С. 122–128.

Хоруженко О. И. Историческая география Оболенского уезда XVII–XVIII веков. М., 2019.

Хоруженко О.И. Писцовые кпиги Оболепского уезда первой трети XVII века. М., 2014.

Хоруженко О.И. Родословие как копструкция родовой памяти: текстология родословных росписей кпязей Волкопских XVI–XVII вв. // Диалог со временем. М., 2012. Вып. 41. С. 203–234.

Хоруженко О.И. Уезд Мстиславль в московско-рязапском докопчании 1381 г. и кпязь Мстислав // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовй археографии: Материалы XXIV междупародпой паучпой копфереппии. Москва, 2–3 февр. 2012 г. М., 2012. С. 106–113.

Хотко С.Х. Гепезис адыгского (черкесского) этпополитического пространства в XIII–XVI вв.: проблемы и перспективы исследования: Дис. ... докт. ист. наук. Майкоп, 2017.

Хромов К.К. Новое в изучении Новгород-северских подражаний джучидским дирхемам третьей четверти XIV века // Международная пумизматическая копфереппия, посвящающая 150-летию Национального музея Литвы, Вильнюс, 26–28 апреля 2006 г.: Тезисы докладов. Вильнюс, 2006. С. 158–159.

Хромов К.К. Правление хапов в Крымском улусе Золотой Орды в 1419–1422 гг. по нумизматическим даппым // Историко-географічні дослідження в Україні: Зб. наук. праць. Число 9. Київ, 2006. С. 366–372.

Цемушаў В.М. “Вайпа пад час міру”. Першая памежная вайпа ВКЛ з Масквою (1486–1494) // Беларускі гістарычны агляд. Т. 15. Мінск, 2008. Сш. 1–2 (28–29). С. 5–48.

Цемушаў В.М. Вярхоўскія кпяствы // Вялікае кпяства Літоўскае: Эпцыклапедыя. Т. 1: Абалепскі–Кадэпцыя. Мінск, 2005. С. 476–478.

Цемушаў В.М. Мцэпск // Вялікае кпяства Літоўскае: Эпцыклапедыя. Т. 2: Кадэцкі корнус–Яцкевіч. Мінск, 2006. С. 326–327.

Цемушаў В.М. Тросепская бітва і паўдпёва-заходняя мяжа Вялікага кпяства Маскоўскага ў 1368 г. // Беларускі гістарычны агляд. Т. 13. 2006. Сш. 2 (25). С. 135–173.

Чевский В. [Р.] Г. Новосиль с уездом. Историко-статистический очерк. Орел, 1892.

Червякова А.К. Родословная роспись кпязей Мезецких в составе Супрасльского сборника // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовй археографии: Материалы XXIV междупародпой паучпой копфереппии. Москва, 2–3 февр. 2012 г. М., 2012. С. 533–535.

Червякова А.К. Родословные росписи кпязей Мезецких в составе родословных кпиг XVI–XVII вв.: текстологический апализ // Электроппый паучпо-образовательный журпал «История». Т. 4. 2013. Вып. 5 (21).

Черепнин Л.В. Русская палеография: Изд. второе. М., 1956.

Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. М.; Л., 1948.

Чернов С.З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. Структуры землевладения. М., 1998.

Чернышев В. [И.] Материалы для изучения говоров и быта Мещовского уезда // Сборник ОРЯС. Т. 70. № 7. СПб., 1901.

Чубур А. А., Гурьянов В. Н. К вопросу о северяпско-вятичском пограпичье и природных фронтирах // Восточпославяпский мир Днепро-Допского между-речья в эпоху средневековья. Тула, 2020. С. 229–237.

Шабает Л. Е. Родословные росписи, подапные в Палату родословных дел в конце XVII в.: выборное московское дворяпство // Российская генеалогия: паучпый альмапах. Вып. 5. М., 2019. С. 138–402.

Шабульдо Ф. М. «Семеповы люди»: их территория и роль в политических от-пошепиях между Крымом и Литвой па исходе XV века // RUTHENICA. Щорічпик середпівічпої історії та археології Східпої Європи. Т. 9. 2010. С. 57–73.

Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Кнев, 1987.

Шабульдо Ф. М. Сипьоводська битва 1362 р. у сучаспій пауковій іптерпре-тації // Сипьоводська проблема у повітпих досліджепнях: Збірпик статей. Київ, 2005. С. 9–27.

Шабульдо Ф. [М.] Чи іспував ярлик Мамап па українські землі? (до по-стаповки проблеми) // Сипьоводська проблема у повітпих досліджепнях. Київ, 2005. С. 100–122.

Шамбинаго С. [К.] Повести о Мамаевом побоище // Сборник ОРЯС. Т. 81. № 7. СПб., 1906.

Шахматов А. А. О Супрасльском списке западно-русской летописи // Ле-топись заиятий Археографической комиссии за 1900 год. Вып. 13. СПб., 1901. С. 1–16.

Шватченко О. А. Вотчинное землевладение в России в конце XVI века. М., 2008.

Шватченко О. А. Светские феодальные вотчины в России во второй поло-випе XVII века. (Историко-географический очерк). М., 1996.

Шебанин Г. А. К вопросу о локализации Дорожепя // Н. И. Троицкий и со-временные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. I. Тула, 2002. С. 209–213.

Шебанин Г. А., Шеков А. В. О политической принадлежности Тулы во вто-рой половине XIV–XV вв. // Битва па Воже — предтеча возрождения средневе-ковой Руси. Рязань, 2004. С. 145–155.

Шеков А. В. Верховские княжества. (Краткий очерк политической исто-рии. XIII — середина XVI в.) / Труды Тульской археологической экспедиции. Вып. 1. Тула, 1993.

Шеков А. В. Верховские княжества (вторая половина XIII — середина XVI в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII — середина XVI в. М., 2012.

Шеков А. В. Верховские князья и их владения во времена походов хана Ахмата на Русь // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Калуга, 2017. С. 381–404.

Шеков А. В. Летописные известия об участии князей Одоевских в Луцком и Троцком съездах 1429, 1430 г. // ДРВМ. 2011. № 3 (45). С. 135–136.

Шеков А. В. Летописные известия об участии князей Одоевских в Луцком и Троцком съездах 1429 и 1430 годов // ОФР. Вып. 17. М., 2013. С. 70–92.

Шеков А. В. О времени упоминания средневековых верхпеевских городов в обзоре «А се имела всем градом руским, дальним и ближним» // Верхпее Подопье: Природа. Археология. История. Т. 2. Тула, 2004. С. 117–140.

Шеков А. В. О поминании черпиговских князей в составе Любецкого синодика // Забелинские научные чтения — Год 2006-й. Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 2007. С. 281–300. (Труды ГИМ. Вып. 169).

Шеков А. В. О русских «волостях», упоминаемых в посольских книгах кон. XV — нач. XVI в. // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 166–171.

Шеков А. В. О системе наследования княжеских столов среди князей Новосильских в XIV–XV веках // Забелинские научные чтения — Год 2005-й. Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. М., 2006. С. 258–268. (Труды ГИМ. Вып. 158).

Шеков А. В. Об исторической географии Новосильско-Одоевского княжества в последней четверти XIV — начале XV в. // Куликовская битва в истории России. Вып. 2. Тула, 2012. С. 112–128.

Шеков А. В. Об участии князей тарусского дома в побоище на Дону 1380 г. // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. Тула, 2001. С. 186–192.

Шеков А. В. Политическая история и география Верховских княжеств. Середина XIII — середина XVI в. М., 2018.

Шеков А. В. [Рец. на кн.:] М. М. Кром Меж Русью и Литвой // Отечественная история. 1998. № 1. С. 186–187.

Шеков А. В. [Рец. на кн.:] Тропин Н. А. Елецкая земля в XII–XV вв. Елец: ЕГПИ // Вестник Елецкого государственного университета. Вып. 1. Сер. История, право. Елец, 2002. С. 226–230.

Шибанов М. А. Софийская 1 летопись и «Московско-Софийский свод» // История в рукописях и рукописи в истории: Сборник научных трудов к 200-летию Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. СПб., 2006. С. 129–145.

Шибанов М. А. Софийская 1 летопись Младшей редакции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.

Шляков Н. [В.] Невыясненное известие из жизни преподобного Сергия Радонежского // Прибавления к Церковным ведомостям. 10.10.1892. №41. С. 1411–1414.

Шорин П. А. Мопеты Великого княжества Рязанского (2-я половина XIV — 1-я половина XV в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971.

Шульгин А. [Н.] Минувшее Орловского края // Труды Орловской ученой архивной комиссии. 1903 год. Орел, 1903.

Шульгин А. Н. Орловский край под владычеством Литвы 1356–1504 г. // Минувшее Орловского края. Очерк (из повременного издания “Трудов” [Орловской ученой архивной] комиссии). Орел, 1903.

Шумов В. И. Апостасов Богородице-рождественский монастырь // Тульские епархиальные ведомости. Прибавления. 15.01.1864. №2. С. 58–69.

Шумов В. И. Белевский Спасо-Преображенский третьеклассный монастырь // Тульские епархиальные ведомости. Прибавления. 15.11.1864. №22. С. 480–497.

Щепкина Е. Н. Тульский уезд в XVII веке. Его вид и население по писцовым и переписным книгам. М., 1892.

Щербатов М. [М.], князь. История российская от древнейших времен. Т. 4. Ч. 1. СПб., 1781.

Щербатов М. [М.], князь. История российская от древнейших времен. Т. 4. Ч. 2. СПб., 1783.

Щербатов М. [М.], князь. История российская от древнейших времен. Т. 4. Ч. 3. СПб., 1784.

Э[кземплярский] А. [В.] Черпиговские князья // Русский биографический словарь / Изд. под наблюдением А. А. Половцова. Т.: Чаадаев–Швитков. СПб., 1905. С. 230–267.

Юрганов А. Л. О стародубском «уделе» М. И. Вортынского и стародубских вотчин в завещании Ивана Грозного // Архив русской истории. Вып. 2. М., 1992. С. 34–70.

Яблонский В. [М.] Пахомий Серб и его агиографическая писания. Биографический и библиографически-литературный очерк. СПб., 1908.

Яковлев А. [И.] Засечная черта Московского государства в XVII веке. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916.

Якушечкин А. В. К вопросу об обстоятельствах прихода к власти Хаджи-Гирея // Золотоордынское обозрение. 2016. №3. С. 580–601.

Янин В. Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998.

Archiwum główne akt dawnych w Warszawie. Przewodnik po zespołach. I. Archiwa dawnej Rzeczypospolitej / Opacowanie zbiorowe pod redakcją Jadwigi Karwasińskiej. Warszawa, 1975.

Aristov V. Why were Radimichi and Vyatichi “of Polish origin”? // Historické rozhľady. Bratislava, 2018. P. 18–25.

Backus O.P. Motives of West Russian Nobles in Deserting Lithuania for Moscow, 1377–1514. Lawrence, 1957.

Baumgarten N. [A.] Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X-e au XIII-e siècle // *Orientalia Christiana*. Vol. IX–1. Roma, 1927. № 35. P. 5–95.

Boniecki A. Poczet rodów w wielikim księstwie Litewskim w XV i XVI wieku. Warszawa, 1887.

Du Cange. Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis. T. 1–2. Graz, 1958.

Dubonis A. Įdomesni dokumentai apie Lietuvos bajorus: bajorystės atsisakymas, gavimas ir gynimas (XV–XVI a. pirma pusė) // *Lietuvos istorijos metraštis* 1998. Vilnius, 1999. P. 173–186.

Gołębiowski Ł. Domy i dwory: przy tém opisanie apteczki, kuchni, stołów, uczty, biesiad, trunków i pijatyki; łaźni i kąpieli; łóżek i pościeli, ogrodów, powozów i koni; błaznów, karłów, wszelkich zwyczajów dworskich i różnych obyczajowych szczegółów. Warszawa, 1830.

Gołębiowski Ł. Dzieje Polski za panowania Jagiełłonów. T. 3: Dzieje Polski za panowania Kaźmiera, Jana Olbrachta i Alexandra. Warszawa, 1848.

Halecki O. Z Jana Zamoyskiego Inwentarza Archiwum Koronnego materiały do dziejów Rusi i Litwy // *Archiwum Komisji Historycznej*. T. 12. Cz. 1. 1919. S. 146–218.

Jaillot H. La Russie Blanche ou Moscovie divisee suivant l'Estendue des Royaumes, Duches, Principautes... Paris, 1695.

Jakubowski J. Archiwum państwowe W.X. Litewskiego i jego losy // *Archeion*. T. 9. Warszawa, 1931. S. 1–18.

Katalog rękopisów Biblioteki Zakładu Nar. im. Ossolińskich. T. 1. Lwów, 1881.

Kołankowski Ł. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. T. 1: 1377–1499. Warszawa, 1930.

Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden; Boston, 2011.

Kotzebue A. Switrigail. Ein Beytrag zu den Geschichten von Litthauen, Rußland, Polen, Preussen. Leipzig, 1820.

Kuczyński S.M. Ziemie Czernihowsko-Siewerskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936.

Kurtyka J. Repertorium podolskie: dokumenty do 1430 roku // *Rocznik Przemyski*. T. 40. Z. 4: Historia. 2004. S. 127–269.

Lewicki A. Powstanie Swidrygiełły. Ustęp z dziejów unii Litwy z Koroną. Kraków, 1892.

Łowmiański H. Uwagi w sprawie podłoża społecznego oraz gospodarczego unii jagiellońskiej // *Księga pamiątkowa ku uczczeniu 400-letniej rocznicy wydania I statutu litewskiego*. Wilno, 1935. S. 214–326.

Mercator G. Atlas sive Cosmographicae Meditationes de Fabrica Mundi et Fabricati Figura. Duisburg, 1595.

Mikułski J. Smoleński ośrodek latopisarski w latach 20–50 XV w. // Białoruskie Zeszyty Historyczne = Беларускі гістарычны зборнік. №6. 2010. S. 17–49.

Mikułski W. Dokumenty z archiwum Wielkiego Księstwa Litewskiego w Archiwum Warszawskim Radziwiłłów // Miscellanea historico-archivistica. T. 7. 1997. S. 71–83.

Napiersky C.E. Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae; oder: kurzer Auszug aus derjenigen Urkunden-Sammlung, welche für die Geschichte und das alte Staatsrecht Liv-, Ehst- und Kurland's. Th. 1: 1198 bis 1449. Rigae und Dorpat, 1833.

Narbutt T. Dzieje starożytne narodu litewskiego. T. 5. Wilno, 1839.

Natanson-Leski J. Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Cz. I. Granica moskiewska w epoce jagiellońskiej. Lwów; Warszawa, 1922.

Noback C., Noback F. Vollständiges Taschenbuch der Münz-, Maass- und Gewichts-Verhältnisse. T. 1. Leipzig, 1851.

Pietkiewicz K. Paleografia ruska. Warszawa, 2015.

Pletnia R. Działalność wielkiego księcia Witolda na północno-wschodnich obrzeżach państwa Litewskiego w latach 1404–1408 // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne. №125. 1998. S. 17–33.

Prochaska A. Dzieje Witolda Wielkiego Księcia Litwy. Wilno, 1914.

Prochaska A. Nieznane dokumenta do unji Florenckiej w Polsce // Ateneum Wileńskie. T. 1. 1923. S. 58–74.

Prochaska A. Trefniś Henne u Witolda // Przewodnik naukowy i literacki: dodatek do «Gazety Lwowskiej». Rocz. 8. 1880. №8. S. 653–664.

Prochaska A. Z Witoldowych dziejów: I Układ Witolda z Tochtamyszem 1397 r. // Przegląd historyczny. 1912. T. 15. Zesz. 3. S. 259–264.

Purc J. Itinerarium Witolda wielkiego księcia Litwy (17 lutego 1370 roku — 27 października 1430 roku) // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza. Historia. Zesz. 11. 1971. S. 71–109.

Puzyna J. Potomstwo Narymunta Giedyminowicza // Miesięcznik Heraldyczny. Rocz. 11. 1931. №5. S. 105–111.

Rowell S.C. Išdavystė ar paprasti nesutarimai? Kazimieras Jogailaitis ir Lietuvos diduomenė 1440–1481 metais // Lietuvos valstybė XII–XVIII a. Vilnius, 1997. P. 45–74.

Rutkowska G. Itinerarium Króla Kazimierza Jagiellończyka (1440–1492). Warszawa, 2014.

Schonebohm F. Die Besetzung der livländischen Bistümer bis zum Anfang des 14 Jahrhunderts // Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands, herausgegeben von der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Russlands. Bd. 20. Riga, 1910. S. 295–365.

Semkowicz W. Łosk i wygaśnięcie Korybutowiczów // Rocznik towarzystwa heraldycznego we Lwowie. T. 7. 1926. S. 197–209.

Sipko J. Etnopsychologické predpoklady slovensko-ruských a rusko-slovenských porovnávaní. Prešov, 2003.

Skopińska Z. Traktat z 31 sierpnia 1449 roku w świetle polityki Litwy i Moskwy w latach 1440–1453 // *Ateneum Wileńskie*. Zesz. 15. 1928. S. 108–151.

Sophocles E. A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods. Hildesheim; Zürich; New York, 1992.

Stadnicki K. Bracia Władysława-Jagiełły Olgierdowicza, króla polski, wielkiego księcia Litwy. Lwów, 1867.

Stadnicki K. Synowie Gedymina wielko-władcy Litwy. Monwid — Narymunt — Jewnuta — Koriat. Lwów, 1881.

Szweda A. Organizacja i technika dyplomacji polskiej w stosunkach z zakonem krzyżackim w Prusach w latach 1386–1454. Toruń, 2009.

Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów / Biblioteka Genealogiczna. T. 2. Poznań; Wrocław, 1999.

Urzędnicy dawney Rzeczypospolitej XII–XVIII wieku. Spisy. T. 11: Urzędnicy centralni i dignitarze wielkiego księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku. Warszawa, 1994.

Urzędnicy wielkiego księstwa Litewskiego. Spisy. T. 4: Ziemia Smoleńska i województwo Smoleńskie XIV–XVIII wiek. Warszawa, 2003.

Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895.

Wolff J. Ród Gedimina. Dodatki i poprawki do dzieł Hr. K. Stadnickiego: «Synowie Gedimina», «Olgierd i Kiejstut» i «Bracia Władysława Jagiełły». Kraków, 1886.

Wolff J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego 1386–1795. Kraków, 1885.

4. Публикации автора по теме исследования

Беспалов Р. А. «Новое нотомство» князя Михаила Черниговского по источникам XVI–XVII веков (к постановке проблемы) // Проблемы славяноведения: Сборник научных статей и материалов. Вып. 13. Брянск, 2011. С. 63–97.

Беспалов Р. А. Белёвское нобище 1437 г. в истории Северо-Восточной Руси первой половины XV в. // Белёвские чтения. Вып. 5. М., 2005. С. 31–55.

Беспалов Р. А. Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом осенью 1424 года // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 4. Тула, 2009. С. 205–210.

Беспалов Р. А. Воротынское княжество в XV веке и локализация Воротынска «старого» и «нового» в 1499 году // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья: Материалы XIV Всероссийской научной конференции. Калуга, 5–7 апреля 2011 г. Калуга, 2012. С. 70–77.

Беспалов Р. А. Гипотеза о появлении термина «верховские князи» в московско-литовской дипломатии // ДРВМ. 2017. №4 (70). С. 42–52.

Беспалов Р. А. Денежное обращение в верховьях рек Оки и Дона во второй половине XIV — первой трети XV века в контексте политической истории

региона // Позднесредневековый город III: археология и история: Материалы III Всероссийского семинара. Ноябрь 2009 г. Тула, 2011. С. 84–97.

Беспалов Р. А. Документы о сношениях Крыма с Москвой по новоду одоевского ясака // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. 6. Севастополь; Тюмень, 2014. С. 215–234.

Беспалов Р. А. Инструмент для «нятнения» коней в виде двузубца Рюриковичей и родовые знаки князей Черниговской земли // Город Средневековья и раннего Нового времени VI: археология, история. Тула, 2018. С. 112–128.

Беспалов Р. А. И-образные и N-образные надчеканы в круглой зубчатой розетке // Русь, Литва, Орда в намятниках нумизматики и сфрагистики: Сборник статей. Минск, 2015. С. 11–20.

Беспалов Р. А. Исконная вотчина князей Огдыревских и Мезецких (по опубликованным источникам) // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история. Тула, 2016. С. 139–161.

Беспалов Р. А. Источник сведений Казанского летописца о молитве хана Улу-Мухаммеда «русскому Богу» накануне белёвской битвы 1437 года // Золотоордынская цивилизация: Сборник статей. Вып. 1. Казань, 2008. С. 142–146.

Беспалов Р. А. Источники о поезде Витовта в область Новосильского и Рязанского княжеств в 1427 году // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 3. Тула, 2008. С. 256–259.

Беспалов Р. А. К вопросу о времени запустения южной части Новосильско-Одоевского княжества // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история: Материалы IV Всероссийского семинара. Ноябрь 2011 г. Тула, 2013. С. 87–92.

Беспалов Р. А. К вопросу о границе «по Угру» в XV веке // Вопросы археологии, истории и культуры Верхнего Поочья: Материалы XIV Всероссийской научной конференции. Калуга, 5–7 апреля 2011 г. Калуга, 2012. С. 81–86.

Беспалов Р. А. К вопросу о терминах «верховские князья» и «Верховские княжества» // Проблемы славяноведения: Сборник научных статей и материалов. Вып. 12. Брянск, 2010. С. 15–61.

Беспалов Р. А. К истории создания Повестей о Батыевом нашествии в части событий 1237–1238 годов // Летописи и хроники. Новые исследования. 2017–2018. М.; СПб., 2019. С. 21–58.

Беспалов Р. А. Козельск в XV веке: очерк политической истории // Калужский край — доблестный щит земли русской: Материалы научного симпозиума. Калуга, 2–4 апреля 2013 г. Калуга, 2014. С. 27–39.

Беспалов Р. А. Комментарий к легенде о происхождении воротынских князей от князя Юрия // Исторический формат. 2015. №4. С. 162–173.

Беспалов Р. А. Комплекс монет из села Голощаново Щёкинского района Тульской области // Русское денежное обращение в X–XVII вв. Нумизматический сборник к 60-летию Петра Григорьевича Гайдукова. М., 2015. С. 50–63.

Беспалов Р. А. Культ Николы Чудотворца в верховьях реки Оки и Белёвская битва 1437 года // Вестник «Альянс-Архео». Вып. 20. М.; СПб., 2017. С. 3–38.

Беспалов Р. А. Литовско-московские отношения 1392–1408 годов в связи со смоленской, черниговской и рязанской политикой Витовта и Василия I // Средневековая Русь. Вып. 12. М., 2016. С. 129–182.

Беспалов Р. А. Литовско-одоевский договор 1459 года: обстоятельства и причины заключения // Istorijos šaltinių tyrimai. T. 4. Vilnius, 2012. P. 45–62.

Беспалов Р. А. Литовско-ордынские отношения 1419–1429 годов и первая попытка образования Крымского ханства // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. 5. Севастополь; Тюмень, 2013. С. 30–52.

Беспалов Р. А. Московско-литовский конфликт зимы 1444–1445 годов: метаморфозы латонисного текста // ОФР. Вып. 20. М.; СПб., 2017. С. 3–27.

Беспалов Р. А. Новосильско-Одоевское княжество и Орда в контексте международных отношений в Восточной Европе XIV — начала XVI века // Средневековая Русь. Вып. 11. Проблемы политической истории и источниковедения. М., 2014. С. 257–326.

Беспалов Р. А. О «нанрасной» смерти князя Михаила Федоровича Воротынского // Вестник церковной истории. 2017. № 3–4 (47–48). С. 279–298.

Беспалов Р. А. О датировке докончания князя Федора Львовича Воротынского с великим князем литовским Казимиром // ДРВМ. 2019. № 3 (77). С. 31–42.

Беспалов Р. А. О древнейших источниках по генеалогии Белёвских удельных князей и об известиях, сочиненных краеведами И. П. Сахаровым и И. Ф. Афремовым в первой половине XIX в. // Верхнее Подонье. Природа. Археология. История. Вып. 2. Т. 2. Тула, 2007. С. 299–305.

Беспалов Р. А. О нисье Ольгерда патриарху Филофею // ДРВМ. 2015. № 2 (60). С. 49–62.

Беспалов Р. А. О сыновьях князя Романа Семеновича Новосильского // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XII Всероссийской научной конференции. Калуга, 3–5 апреля 2007 г. Калуга, 2008. С. 124–128.

Беспалов Р. А. О хронологии жизни князя Федора Львовича Воротынского // Вестник РГГУ. Сер. Исторические науки. Историография. Источниковедение. Методы исторических исследований. 2012. № 21 (101). С. 24–40.

Беспалов Р. А. Одоевский ясаk второй половины XV — первой трети XVI в. по курсу нражских грошей, московских и крымских денег // XVIII Всероссийская нумизматическая конференция. Москва — Коломна, 20–25 апреля 2015 года. Тезисы докладов и сообщений. М., 2015. С. 136–137.

Беспалов Р. А. Опыт исследования «Сказания о крещении мценян в 1415 году» в контексте церковной и политической истории Верхнего Поочья // Вопросы истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы

XIII Всероссийской научной конференции. Калуга, 7–9 апреля 2009 г. Калуга, 2009. С. 27–34.

Беспалов Р. А. Основание белёвского Спасо-Преображенского монастыря и белёвские удельные князья по монастырскому синодику // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 3. Тула, 2008. С. 283–292.

Беспалов Р. А. Особенности раннего этапа денежного обращения в верховьях рек Оки и Дона: конец 1360-х — 1370-е годы // Средневековая пумизматика Восточной Европы. Вып. 5. М., 2015. С. 122–138.

Беспалов Р. А. Реконструкция докончания Витовта с князьями новосильского дома 1427 года // ОФР. Вып. 18. М.; СПб., 2015. С. 3–48.

Беспалов Р. А. Реконструкция новосильско-тарусского фрагмента из докончания великих князей Дмитрия Московского и Олега Рязанского 1385 г. // Битва на Воже и средневековая Русь: Материалы межрегиональной научной конференции «Битва на Воже и средневековая Русь», 1–3 октября 2008 г. Рязань, 2009. С. 164–173.

Беспалов Р. А. Сказание о зачатии Свенского монастыря и Свенская-Печерская икона Богоматери как исторические источники: [рукопись].

Беспалов Р. А. Сказание о крещении мецнян или о явлении иконы Николы Чудотворца во граде Мценске в 1415 г. // ТОДРЛ. Т. 66. 2019. С. 351–365.

Беспалов Р. А. Хан Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белёва до Казани (1437–1445) // Золотоордынская цивилизация: Сборник статей. Вып. 5. Казань, 2012. С. 53–70.

Беспалов Р. А. Черниговский трезубец на вислых нечатах XII века и клеймение им монет в 1370-х годах // Куликовская битва в истории России. Вып. 2. Тула, 2012. С. 129–147.

В том числе в соавторстве:

Беспалов Р. А., Казаров А. А. Клады и денежные комплексы первой трети XV века, обнаруженные в верховьях Оки, Дона и Десны в 2008–2011 годах (по результатам предварительного исследования) // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история: Материалы IV Всероссийского семинара. Ноябрь 2011 г. Тула, 2013. С. 72–86.

Бяспалаў Р., Палехаў С. Гісторыя літоўска-наваасільскіх дагавораў 1427–1491 гадоў і літоўска-варатынскія граматы 1483 і 1488 гадоў // Беларускі гістарычны агляд. Т. 25. 2018. Сш. 1–2 (48–49). С. 173–226.

Казаров А. А., Беспалов Р. А. Проньский и Яснополянский клад джучидских монет конца XIV века // Позднесредневековый город III: археология и история: Материалы III Всероссийского семинара. Ноябрь 2009 г. Тула, 2011. С. 98–106.

УКАЗАТЕЛИ

Именной и географический указатели не охватывают сниска источников и литературы. В них не включены имена собственные, которые часто встречаются в тексте: Великое княжество Московское (Москва), Великое княжество Литовское (Литва), Новосильская (Новосильско-Одоевская) земля (княжество), Ока, Верхнее Поочье, новосильские князья (князья новосильского дома) и т. н. Могут отсутствовать редко упоминаемые имена, второстепенные для данного исследования. При ссылке на библиографические данные в указатели не включены имена, упоминаемые в названиях книг и статей, а также места публикаций.

Сокращения, принятые в именном указателе: архиен. — архиепископ; библи. — библиейский персонаж; бояр. — боярин; вел. — великий, великая; воев. — воевода; динл. — дипломат; еп. — епископ; иг. — игумен; имп. — император; кн. — князь; кнг. — княгиня; кнж. — княжна; конст. — константинопольский; кор. — король, королева; лит. — литовский, литовская; литер. — литературный, литературная; легенд. — легендарный, легендарная; мещ. — мещанин; митр. — митрополит; мон. — монах, монахиня; м-ря — монастырь; моск. — московский, московская; намест. — наместник; околн. — окольничий; натр. — патриарх; нольск. — нольский, нольская; св. — святой, святая; служ. — служилый, служилые; црвч. — царевич; чел. — человек.

Сокращения, принятые в географическом указателе: вел. кн-во — великое княжество; воев-во — воеводство; вол. — волость; г. — город; енарх. — енархия; кн-во — княжество; кор-во — королевство; м-рь — монастырь; р. — река; рч. — речка; р-н — район; с. — село; ст. — стан; у. — уезд.

ОПИСАНИЕ ОБЛОЖКИ

В оформлении передней обложки использованы:

На подложке — фрагмент литовско-одоевского договора от 26 января 1481 г. (AGAD. Zbiór dokumentów pergaminowych. Sygn. 7364).

Внизу слева — семья князя Святослава Ярославича. Справа Святослав Ярославич, рядом его вторая жена Ода Штаденская, на переднем плане их сын Ярослав, на заднем плане сыновья Святослава от первого брака с Киликией (Цецилией) слева направо: Глеб, Олег, Давид (закрит Одой), Роман (ГИМ. Синодальное собрание, № 1043: Изборник 1073 г., художественная реставрация и ретушь Р. А. Бесналова).

Внизу справа — вислая нечать князя Всеволода Ольговича, сторона с княжеским знаком, первая половина XII в. (Бесналов Р. А. Черниговский трезубец на вислых нечатах XII века... С. 143, 144. № 7).

В оформлении задней обложки использованы:

Справа — снисок грамоты князя Семена Федоровича Воротынского о расторжении отношений с Литвой, накапуне 4 января 1493 г. (РГАДА. Ф. 79. Он. 1. Кн. 1. Л. 106 — 106 об., ретушь и компоновка Р. А. Бесналова).

Слева сверху — цитата (Колычева Е. И. Новосильско-Одоевская корпорация и судьбы ее представителей в XV в. С. 201).

Слева внизу — Джучидская монета (Джанибек, Гюлистан, 75? г. х.) с надчеканкой княжеского знака 1370-х гг. (находка из Одоевского района Тульской области, 2016 г., частная коллекция).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие автора	3
ВВЕДЕНИЕ	
§ 1. Историография	5
§ 2. Источники	43
ПЕРИОД ПЕРВЫЙ:	
ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ НОВОСИЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ	
§ 3. Возникновение обособленных княжеств в Северо-Восточной Черниговщине (к постановке проблемы)	63
§ 4. Происхождение князей новосильского дома и выделение их владений в обособленное княжество («землю»)	93
§ 5. Политические течения в Северо-Восточной Черниговщине в первой — второй трети XIV века	105
§ 6. Судьбы князей черниговского дома в связи с литовско-московским противостоянием 1368–1372 годов	131
ПЕРИОД ВТОРОЙ:	
С СЕРЕДИНЫ 1370-х ДО СЕРЕДИНЫ 1420-х ГОДОВ	
§ 7. Политика князей черниговского дома в союзе с великим князем московским в 1374–1380 годах	143
§ 8. Московско-рязанские отношения в 1382–1385 годах и участие в них князя Романа Новосильского и князей тарусских ...	154
§ 9. Новосильско-Одоевская земля и ее соседи на рубеже XIV–XV веков	161
§ 10. Положение княжеств Верхнего Поочья в связи с политическими изменениями в регионе 1386–1408 годов ..	185
§ 11. События в северо-восточной части Брянской епархии в связи с церковным расколом 1415–1420 годов	223
§ 12. Ближайшие потомки князя Романа Семеновича Новосильского и их внутренняя иерархия.	235
§ 13. Новосильско-ордынские отношения и битва феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом осенью 1424 года.	252
ПЕРИОД ТРЕТИЙ:	
С КОНЦА 1420-х ДО КОНЦА 1460-х ГОДОВ	
§ 14. Сближение князей новосильского дома с Литвой	269
§ 15. Политика Литвы и Москвы в верховьях Оки в конце 1420-х — первой половине 1430-х годов	299

§ 16. Судьбы феодалов старой верхнеокской коалиции в период великого княжения Свидригайла.	305
§ 17. Белёвская битва 4–5 декабря 1437 года и ее последствия	319
§ 18. Возобновление литовско-новосильского союза в контексте неурядиц в Москве, Литве и Орде в 1440-х годах.	345
§ 19. «Вечное dokonчание» между Москвой и Литвой 1449 года и его значение для Верхнего Поочья.	361
§ 20. Политические и церковные преобразования в верховьях Оки в 1450-х — первой половине 1460-х годов.	390
ПЕРИОД ЧЕТВЕРТЫЙ:	
С НАЧАЛА 1470-х ГОДОВ ДО НАЧАЛА XVI ВЕКА	
§ 21. Накапуне нерелома политической ситуации в верховьях Оки	407
§ 22. Порубежная война в Верхнем Поочье с середины 1480-х годов до заключения мира между Москвой и Литвой в 1494 году.	425
§ 23. Попытки обустройства нового верхнеокского рубежа и связанные с этим конфликты	478
§ 24. Положение князей новосильского дома на московской службе в конце XV века	491
§ 25. Московская политика начала XVI века и ее влияние на князей новосильского дома	501
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
§ 26. Общий взгляд на историю Новосильско-Одоевской земли	528
ПРИЛОЖЕНИЯ	
I. Акты, относящиеся к истории Новосильско-Одоевской земли.	540
II. Повествовательные источники о Белёвской битве 1437 года	584
Список сокращений	594
Источники и литература.	597
УКАЗАТЕЛИ.	646
Именной указатель	647
Географический указатель	000
Описание обложки	000

Научное издание

Роман Анатольевич Бесналов

**ИСТОРИЯ НОВОСИЛЬСКО-ОДОЕВСКОЙ
ЗЕМЛИ ДО НАЧАЛА XVI ВЕКА
В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ**

Корректор *А.М. Никитина*

Верстка *Л.Е. Голод*

Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 00.00.2021. Формат 70×100 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 52,6
Тираж 300 экз. Заказ № 2405

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)622-01-23